

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

4

Том

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Введение академика
Б. Н. ПОНОМАРЕВА

Издательство
«Мысль»

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Том четвертый

ВЕЛИКИЙ
ОКТЯБРЬ
И МЕЖДУНАРОДНЫЙ
РАБОЧИЙ
КЛАСС
(1917-1923)

Москва
1980

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:

Б. П. ПОНОМАРЕВ *председатель*
Т. Т. ТИМОФЕЕВ *заместитель председателя*
А. И. СОБОЛЕВ *заместитель председателя*
О. Т. БОГОМОЛОВ
В. М. ВОДОЛАГИН
В. В. ВОЛЬСКИЙ
А. А. ГАЛКИН
Ю. М. ГАРУШАНЦ
Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ
Е. М. ЖУКОВ
В. В. ЗАГЛАДИН
Г. Ф. КИМ
А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ
С. С. САЛЫЧЕВ
М. И. СЛАДКОВСКИЙ
П. П. ФЕДОСЕЕВ
С. С. ХРОМОВ
А. С. ЧЕРНЯЕВ
А. И. ШЛЕПАКОВ
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Том четвертый

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. В. ЗАГЛАДИН *ответственный редактор*,
Я. С. ДРАБКИН, А. А. ИСКЕНДЕРОВ,
М. П. КИМ, К. К. ШИРИНЯ

РУКОВОДИТЕЛИ АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА:

В. В. ЗАГЛАДИН *профессор*

Я. С. ДРАБКИН *докт. ист. наук*

ОСНОВНОЙ АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Е. Г. ГИМПЕЛЬСОН *докт. ист. наук*

Я. С. ДРАБКИН *докт. ист. наук*

В. З. ДРОБИЖЕВ *докт. ист. наук*

А. А. ИСКЕНДЕРОВ *член-корр. АН СССР*

В. В. ЗАГЛАДИН *профессор*

Н. П. КАЛМЫКОВ *канд. ист. наук*

Ю. Н. РОЗАЛИЕВ *докт. экон. наук*

С. С. САЛЫЧЕВ *докт. ист. наук*

И. Н. УНДАСЫНОВ *докт. ист. наук*

К. К. ШИРИНЯ *докт. ист. наук*

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ *докт. ист. наук*

Над отдельными главами работали:

М. А. БИРМАН *канд. ист. наук*

В. И. ГЛУНИН *докт. ист. наук*

И. В. ГРИГОРЬЕВА *докт. ист. наук*

М. Д. ЕРЕЩЕНКО *канд. ист. наук*

Р. М. КАПЛАНОВ *канд. ист. наук*

А. Д. КОЛПАКОВ *докт. ист. наук*

Н. В. КУРКОВ *канд. ист. наук*

Т. Л. ЛАБУТИНА *канд. ист. наук*

Ю. А. ЛЬВУНИН *докт. ист. наук*

В. Л. МАЛЬКОВ *докт. ист. наук*

А. А. МАТЮГИН *докт. ист. наук*

К. Ф. МИЗИАНО *докт. ист. наук*

Л. И. МИНАЕВ *докт. ист. наук*

А. П. МОСКАЛЕНКО *канд. ист. наук*

Л. Н. НЕЖИНСКИЙ *докт. ист. наук*

С. П. ПОЖАРСКАЯ *докт. ист. наук*

Ю. А. ПОЛЯКОВ *член-корр. АН СССР*

Т. А. САЛЫЧЕВА *канд. ист. наук*

А. Л. СЕМЕНОВ *канд. ист. наук*

П. П. ТОПЕХА *докт. ист. наук*

Ф. И. ФИРСОВ *докт. ист. наук*

В. М. ХОЛОДКОВСКИЙ *канд. ист. наук*

А. А. ЯЗЬКОВА *докт. ист. наук*

Главная редакционная комиссия, авторский коллектив и редколлегия тома выражают глубокую признательность Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ряду институтов АН СССР, чьи ценные замечания и советы оказали существенную помощь в работе над книгой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Период, которому посвящен настоящий том издания «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», имеет особое значение для истории человечества, и прежде всего для истории мирового рабочего движения.

В томе идет речь о годах, вместивших в себя свершения поистине эпохального характера. Победа Великой Октябрьской социалистической революции привела к утверждению в Советской России нового общественного строя. Она открыла период революционного подъема, охватившего страны Европы и других континентов. Воздействие Октября, разумеется, не ограничилось 1917—1923 гг., оно продолжается и ныне. Но именно тогда, при участии В. И. Ленина, начались те решающие изменения, которые во многом предопределили направление и характер последующего развития.

В трех предшествующих томах данного издания было показано, какими сложными путями происходило развитие рабочего класса, как он из «класса в себе» превращался в «класс для себя», становился грозным и активным противником капитализма, как он готовился к борьбе за социализм.

Революционность пролетариата ярко проявилась уже в середине XIX столетия. Однако в ту пору он еще не был способен выступить как определяющая сила социального прогресса. В соединении рабочего движения с научным социализмом были сделаны тогда самые первые шаги. Ни в одной стране мира не существовало революционной партии рабочего класса, которая провозгласила бы своей целью борьбу за социализм; интернациональные связи различных национальных отрядов пролетариата только складывались.

К концу XIX в. обострилось основное противоречие капиталистического общества — противоречие «труд — капитал». Выступая против пролетариата, стремясь объединить в борьбе против него все реакционные силы старого мира (включая и своих недавних противников-феодалов), буржуазия демонстрировала тем самым пределы своих исторических возможностей. Из движителя она превратилась в тормоз социального прогресса.

Зато пролетариат в конце XIX — начале XX в. уже не только проявил присущую ему революционность, но и сделал убедительную заявку на ведущую роль в обществе, на роль строителя и руководителя будущего, нового общественного организма — социализма.

«Формируется армия международного пролетариата, — пророчески писал Ф. Энгельс в 1894 г., — и наступающий новый век приведет ее к победе»¹.

За период с конца XIX в. до начала первой мировой империалистической войны численность рабочего класса в передовых странах — Англии, Германии, США — увеличилась примерно в 2—2¹/₂ раза.

К 1914 г. «армия международного пролетариата» уже превысила 90 млн. человек. Возросла и доля в ней ядра современного пролетариата — промышленных, фабрично-заводских рабочих. Хотя война вызвала некоторое сокращение рабочего класса в воюющих странах, особенно в тех, которые стали непосредственным полем боя, в целом рост пролетариата продолжался, особенно в США, Канаде, Великобритании. С завершением промышленного переворота начала быстро увеличиваться численность рабочего класса и в большинстве других государств Европы, Америки, а также в Японии. Ускорилося формирование рабочего класса и в отсталых странах, в том числе колониальных.

Но главное было даже не в численности пролетариата, а в том, что в начале XX в. серьезно изменился уровень его организованности. Значительно выросли возникшие ранее профессиональные организации рабочего класса, превратившиеся в сильное оружие (особенно в англосаксонских странах, в Скандинавии, а затем и в других государствах) его борьбы за улучшение условий жизни и труда. Общее число членов профсоюзов к 1914 г. превысило 15 млн. Рост профессиональных организаций продолжался и в годы войны — к 1918 г. в них состоял уже почти 21 млн. человек.

Еще большее значение имело образование во всех капиталистических странах самостоятельных политических партий пролетариата, провозгласивших целью борьбу за социализм. К началу первой мировой войны во II Интернационал входили 27 социалистических, социал-демократических и рабочих партий, насчитывавших в своих рядах 4,2 млн. членов. За кандидатов этих партий на выборах голосовало более 10 млн. избирателей, в 2—3 раза больше, чем в конце XIX в., а число депутатов (в 14 странах, где рабочие партии участвовали в парламентских выборах) достигло 650.

Развитие рабочего движения, и прежде всего пролетарских политических партий, шло, однако, весьма сложно и противоречиво. На рубеже XIX и XX вв. они подверглись натиску оппортунизма, который в последующие годы пустил корни во всех основных партиях II Интернационала. Глубокую связь между империализ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 496 (курсив наш. — Авт.).

мом — высшей стадией капитализма — и оппортунизмом в рабочем движении вскрыл В. И. Ленин. Главное в оппортунизме, подчеркнул он, — подмена борьбы классов сотрудничеством между ними, «союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата». Тот факт, что «империалистская идеология проникает и в рабочий класс», проявился с особенной силой в начале мировой войны, когда оппортунизм превратился в социал-шовинизм: «Союз с буржуазией был идейный, тайный. Он стал открытым, грубым. Силу социал-шовинизму дал именно союз с буржуазией и генеральными штабами»¹. Измена верхушки деморализовала и демобилизовала рабочий класс, помешала ему раскрыть и использовать свои потенциальные возможности в антивоенной классовой борьбе.

Развязывая всемирную войну за передел мира и сфер влияния, буржуазия рассчитывала на то, что рабочий класс, ослабленный оппортунизмом, не сможет сорвать ее замыслы, выступить решительным противником войны. Более того, она надеялась, что сама война поможет ей еще сильнее «зажать» рабочий класс, подавить его революционные устремления. Однако, хотя вожди II Интернационала перешли на сторону буржуазии, ее расчеты в конечном счете провалились: война отсрочила революционные взрывы, но не предотвратила их, а, напротив, усилила масштабы надвигающейся бури.

Решительно воспротивилась политике правящей буржуазии и курсу оппортунистов созданная Лениным Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) — партия нового типа, действительно, органически соединявшая марксизм с рабочим движением и готовая возглавить революционную борьбу пролетариата за ликвидацию эксплуататорского строя и создание нового общества. Уже в первые дни мирового конфликта она выступила за превращение войны империалистической в войну революционную, гражданскую. Ленин и большевики считали, что оппортунизм нанес громадный ущерб рабочему движению, но не уничтожил, не подавил его, что война неизбежно вызовет новый подъем борьбы пролетариата и он обязательно начнет революционную битву за свои жизненные интересы.

Эта безграничная вера Ленина и ленинцев в силы рабочего класса, вызвавшая тогда иронические замечания правых лидеров социал-демократии, была подтверждена жизнью. И это естественно, ибо Ленин опирался в своем анализе на изучение глубинных тенденций общественного развития, развития рабочего класса и рабочего движения. Ему принадлежит важнейшее заключение, что система империализма в целом созрела для социалистической революции, а международное рабочее движение достигло той степени зрелости, когда оно может начать практическую реализацию своей великой исторической миссии.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 248; т. 27, стр. 104, 407.

Империалистическая война ускорила «интернационализацию» условий существования и борьбы пролетариата. Вместе с тем, втянув в свою орбиту страны, стоявшие на разных ступенях социальной, экономической и политической эволюции, она сделала «армию международного пролетариата» более разнообразной и многоликой, задачи революционных преобразований более широкими и всеобъемлющими, соотношение национальных и интернациональных факторов гораздо более сложным и противоречивым. Неравномерность нарастания революционной активности в отдельных странах и регионах хотя в ряде случаев и тормозила революционизацию масс, но не могла ее остановить.

Развитие событий в годы войны создавало объективные предпосылки для возникновения революционной ситуации и ее перерастания в революционный кризис. Война до предела обострила все противоречия капитализма, превратив монополистический капитализм в государственно-монополистический, усилив эксплуатацию и социальные контрасты, поставив социализм на повестку дня. Гибель миллионов людей, снижение реального жизненного уровня трудящихся (на 48% — в Германии, на 20—25% — во Франции, на 17—23% — в Англии, на 10—15% — в Италии и Японии), значительное усиление политического гнета со стороны правящих классов — все это вызывало растущий отпор со стороны пролетариев. Они стали отворачиваться от предавших их интересы оппортунистических лидеров. В социал-демократии и в профсоюзах заметно усиливалось влияние левых, интернационалистских групп.

Особенно бурно революционизировались массы России. Ленин, партия большевиков, опираясь на вывод о возможности в новых условиях победы революции первоначально в одной, отдельно взятой, стране (об этом открытии рассказано в предыдущем томе), интенсивно готовили российский пролетариат и его союзников к решительной борьбе против царизма, господства помещиков и капиталистов, за революционную диктатуру пролетариата.

Правые социал-демократы, центристы и даже некоторые левые социал-демократы объявили эту ленинскую позицию своего рода утопией. Считая, что только Запад способен проложить путь к социализму, они указывали прежде всего на то, что, мол, Россия еще не созрела для социалистической революции, российский рабочий класс малочислен по сравнению с огромной массой крестьянства и недостаточно просвещен, а потому не сможет добиться победы и тем более построить новое общество. Однако именно эти утверждения противников Ленина в России и в Европе оказались утопией, притом утопией реакционной. Ибо хотя российский пролетариат был численно слабее западного, отставал от него по уровню образованности, он зато обладал непревзойденным политическим опытом, опирался на революционные традиции 1905—1907 гг., когда он доказал свою способность быть вождем крестьянских масс. А глав-

ное — у него была боевая, закаленная революционная организация — ленинская партия, готовая и способная повести его на решающий бой.

Парижская коммуна 1871 г. открыла новый этап борьбы рабочего класса — этап подготовки к штурму старого мира. Великая Октябрьская социалистическая революция победоносно осуществила этот штурм. Хотя он произошел поначалу в одной стране, революция по самой сути своей была явлением международным, мировым. Ликвидация в России господства помещиков и капиталистов означала, что *мировой рабочий класс практически приступил к сокрушению последнего социального строя, основанного на частной собственности на средства производства*. Поднявшийся первым и добившийся победы, пролетариат России приступил также к решению дальнейшей задачи — *построению нового, социалистического общества, перерастающего затем в коммунистическое*.

Этим Октябрь воочию продемонстрировал: международный рабочий класс достиг такой стадии зрелости, когда он стал практически способным взять в свои руки судьбы общества и повести его по не изведанному дотоле пути социалистического созидания. В результате Октября «по сравнению с Парижской Коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг»¹, гигантский шаг вперед «во всемирном развитии социализма»². Хотя этот шаг был чрезвычайно трудным и стоил рабочему классу России немалых жертв, он дал блистательное подтверждение основополагающему выводу марксистско-ленинской теории о всемирно-исторической миссии пролетариата. «История человечества продельывает в наши дни,— писал Ленин через несколько месяцев после Октября,— один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение»³.

Победа Октября потому стала главным событием XX в., что она коренным образом изменила ход истории. Она не просто открыла очередной этап в развитии общества, она подняла на качественно новую ступень крупнейшие вопросы социально-политической и экономической борьбы во всем мире. «Октябрьская революция,— подчеркнул в докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» Л. И. Брежнев,— естественно, решала прежде всего проблемы нашей страны, проблемы, поставленные ее историей, ее конкретными условиями. Однако в своей основе это были проблемы не локальные, а общие, выдвинутые ходом общественного развития перед всем человечеством. И всемирно-историческое значение Октябрьской революции как раз в том и состоит, что она открыла путь к решению

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 307.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 50.

³ Там же, стр. 78.

этих проблем и тем самым — к созданию на земле нового типа цивилизации»¹.

Под таким углом зрения авторы четвертого тома, представляющие Институт всеобщей истории АН СССР, Институт истории СССР АН СССР, Институт международного рабочего движения АН СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт общественных наук при ЦК КПСС, стремились прежде всего показать, что Октябрьская социалистическая революция, обозначив *новую эру всемирной истории*, открыла и *новый этап развития международного рабочего движения*. Это относится как к вопросам его истории, так и к проблемам теории, поскольку начатый Октябрем **«процесс революционного преобразования мира создал новую обстановку для борьбы международного рабочего класса за свои ближайшие и конечные цели»**².

Авторский коллектив исходил из того, что картина мира, потрясенного Великим Октябрем, не может быть воспроизведена простым описанием событий, происходивших в послеоктябрьские годы в разных регионах и странах, хотя панорама этих событий сама по себе широка и величественна. Проникновение в их сущность, выявление главных тенденций потребовали многомерного анализа, учета всей сложности взаимных воздействий и связей.

Марксизм всегда объясняет важнейшие явления и процессы общественной жизни, основываясь на принципе историзма в сочетании с понятием всемирности. Но само понятие всемирности исторично и динамично. Октябрьская социалистическая революция, как первый акт революции международной, мировой, наполнила это понятие небывало богатым реальным содержанием. Едва ли не впервые всемирность стала не только охватывать и связывать воедино конкретные явления, происходившие в самых отдаленных уголках нашей планеты, но и вбирать в себя элементы социального и политического творчества как народов, традиционно шедших во главе прогресса, так и отсталых или малых. Тем важнее было, избегая шаблона и упрощений, учитывая многообразие послеоктябрьского мирового революционного развития, выявить и подчеркнуть присущие ему внутренние закономерности. Руководящей нитью при работе над томом была мысль Маркса и Ленина, что научное изучение истории требует комплексного подхода, рассмотрения ее «как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»³.

Не предваряя изложения основных событий, обратим внимание читателя на предлагаемую в томе их периодизацию. Рассматрива-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6. М. 1978, стр. 579.

² «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1967, стр. 56.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

емый в первой части *поворот в истории человечества* охватывает процессы подготовки и победы Октябрьской революции в России, революционный подъем во всем мире, связанный с прямым и непосредственным воздействием Октября, ожесточенную схватку сил революции и контрреволюции в центре Европы — в Германии, Австрии, Венгрии, — а также социальные битвы в других регионах в 1918—1919 гг. и — как первый итог революционных сражений — противоборство двух курсов в международном рабочем движении.

Во второй части тома речь идет о *расширении фронта борьбы мирового пролетариата*. Героическая защита советским народом во главе с рабочим классом и его партией завоеваний Октября от жестокого натиска внутренней контрреволюции и иностранных интервентов показана в связи со строительством Советского государства, приступом к социалистическим преобразованиям, политикой военного коммунизма и ролью международной пролетарской солидарности в упрочении Советской власти. Коммунистическое движение в странах капитала, преодолевая детскую болезнь «левизны», переходит от завоевания революционного авангарда к завоеванию народных масс, формирует основы своей национальной и международной стратегии, тактики и организации, противостоит активности реформистов. Подъем национально-освободительного движения в зависимых и колониальных странах создает мощный резерв широкого антиимпериалистического фронта.

Начавшийся в 1921 г. *отлив революционной волны*, который рассматривается в третьей части тома, потребовал поиска новых форм и методов пролетарской борьбы. Советская Россия в условиях перехода к мирному строительству добилась упрочения своего международного положения, а новая экономическая политика обеспечила продвижение к социализму. Развернув борьбу за массы пролетариата и его союзников, коммунистическое движение подходило к решению сложных проблем организации единых действий пролетариата против реакции и фашизма с учетом разнообразия национальных условий и преодолевая противодействие реформистов. В этой части тома, как и в предыдущих, большое внимание уделено роли В. И. Ленина — создателя первого в мире социалистического государства, величайшего стратега и тактика мирового пролетариата, прослеживается развитие ленинской мысли. Том завершается анализом международного значения ленинизма.

Среди проблем, которые авторский коллектив считал необходимым раскрыть с той или иной степенью полноты на конкретном историческом материале, выделяются следующие, как представляется, наиболее значимые.

Во-первых, в результате победы Октября рабочий класс России стал — впервые в истории — классом господствующим, правящим. Это поставило перед ним проблемы, которые до этого никогда не приходилось решать пролетариату. Социалистическая революция

вспахала почву на такую глубину, на какую до той поры не проникал плуг социальных революций. Она вовлекла в процесс исторического созидания всю массу рабочего класса и других трудящихся, большинство народа. Этим была обеспечена радикальность и вместе с тем основательность начатых социальных преобразований. Их главные цели были ясно определены уже в первые годы Советской власти, несмотря на гигантские трудности, которые пришлось тогда преодолевать: создание общественного производства для всемерного повышения благосостояния человека труда, обеспечения условий всестороннего развития личности и общего подъема культуры.

В сложнейших условиях российский рабочий класс не только с честью выполнил интернациональный долг первопроходца и передового бойца всемирной армии пролетариата, но и, проявляя небывалый героизм и самопожертвование, вовлек в революционный процесс как трудящихся других стран, оказавшихся на территории России, так и угнетенные народы близкой и отдаленной периферии. С первого дня победы Октября рабочий класс и его власть предстали перед человечеством, ввергнутым в империалистическую бойню народов, знаменосцем мира. Отстояв в жесточайших битвах при поддержке и сочувствии международного пролетариата независимое существование Республики Советов в капиталистическом окружении, советский рабочий класс превратил свою страну в аванпост и базу освободительной борьбы трудящихся всего мира. Поэтому не только действия самого рабочего класса, но и вся созидательная деятельность руководимой им социалистической державы неразрывно связаны с международным рабочим движением как единством цели, так и общностью борьбы против империализма. Любые попытки под тем или иным предлогом подорвать или ослабить эту интернациональную взаимосвязь служат врагам прогресса и социализма.

Во-вторых, победа Октября существенно укрепила позиции международного рабочего класса, дав в его руки новые рычаги революционно-преобразующей деятельности. До этого пролетариат вел борьбу против стоявшей у власти буржуазии, будучи по сравнению с ней в крайне неблагоприятном положении. Капитал господствовал на всех континентах, в его руках находились освященные многовековой традицией орудия и средства утверждения и сохранения господства. Пролетариат же был классом не только эксплуатируемым, но и униженным, обделенным материально и духовно. Теперь соотношение сил между главными классовыми антагонистами стало меняться в пользу пролетариата.

Прежде всего была сокрушена монополия капиталистического господства. Все попытки восстановить ее военными, экономическими, политическими и идеологическими средствами потерпели неудачу благодаря солидарной борьбе международного пролетариата, который черпал в победах Страны Советов уверенность в успехе собственной борьбы. Впервые международные выступления

трудящихся приобрели столь грандиозный размах. Пролетарский интернационализм стал не только призывом и теоретическим принципом, но и действенным источником силы для всех национальных отрядов рабочего класса и других трудящихся.

Но не только на мировой арене, а в большой степени и внутри каждого капиталистического государства стало сказываться воздействие успехов страны социализма, а позднее также мировой социалистической системы. Каждое продвижение социализма в сфере экономики, политики, культуры открывало перед рабочим классом капиталистических стран новые, более широкие возможности в отстаивании его жизненных интересов и в наступлении на позиции империализма. Современные социальные и политические завоевания рабочих в странах капитала, национальное освобождение народов зависимых и колониальных стран были бы немислимы, если бы не было на земле Советского Союза, сокрушившего фашизм и действительно отстаивающего мир и безопасность.

В-третьих, в обстановке послеоктябрьского революционного подъема произошел идейный сдвиг и известный перелом в психологии международного рабочего класса, связанный с ростом классового самосознания его революционного авангарда. Октябрьская революция, несмотря на сопутствовавшие ей трудности, уже в первые годы наглядно показала способность пролетариата к самостоятельному историческому творчеству, к созданию общества без эксплуататоров и тунеядцев. Этим она нанесла удар не только по догматам буржуазной идеологии, утверждавшей незыблемость капиталистического строя, но и по идеям либерально-демократического реформизма, использовавшего силу привычки масс и веру угнетенных в прочность старого мира для проповеди примирения на долгие времена с социальным неравенством в ожидании самосовершенствования человечества.

Октябрь нанес удар и реформистскому социал-демократизму, оппортунизму, который держался за схему: социализм возможен лишь в странах, достигших высокого уровня экономического развития, где рабочий класс составляет большинство населения, вышколен капитализмом и подготовлен к управлению государством и производством. Эта концепция не только закрывала путь к социализму народам среднеразвитых и слаборазвитых стран. Она обрекала на реформистскую пассивность и рабочих передовых стран, призывая их не прибегать к разрушительным революционным методам борьбы, поскольку-де капитализм сам постепенно цивилизуется, а когда рабочие просветятся, научатся пользоваться демократическими правами, они уже в силу своего числа станут самой влиятельной силой общества.

Эти теории классового мира были серьезно подорваны опытом мировой империалистической войны, а Октябрь убедительно доказал, что господствующие классы добровольно власти не отдадут, что

лишь социализм, а не капитализм способен радикально решить проблемы, за которые десятилетиями боролись люди труда. Как отметил Б. Н. Пономарев во введении к настоящему изданию, Октябрьская революция была «первая в истории человечества революция, давшая рабочему классу, народам не только формальные политические права, но и материальные условия для того, чтобы ими пользоваться»¹.

До Октября революционное сознание международного пролетариата складывалось в основном под влиянием чувства протеста против капиталистического угнетения и эксплуатации, а социалистические убеждения формировались главным образом социал-демократической агитацией и пропагандой, марксистской литературой. Теперь социализм из абстрактного идеала стал превращаться в реальность, в возрастающей степени становился влиятельным фактором мирового революционного процесса и международных отношений.

Пример Октября многому научил мировое рабочее движение, показав практические пути низвержения господства капитала, раскрыв необходимость всеми силами отстаивать завоеванную власть. Он продемонстрировал поиски и находки в небывалом деле строительства нового общества и государства на развалинах старого. Разумеется, рабочее движение каждой отдельной страны накопило свой собственный опыт и вовсе не нуждается в копировании опыта другой страны. Однако многое из того, что впервые открыла Октябрьская революция, было затем, несмотря на существенные различия условий, в основном повторено другими социалистическими революциями и заслужило признание как общезначимый международный опыт.

В-четвертых, со времени, когда социал-демократические партии и II Интернационал перешли сначала скрыто, а затем и явно на реформистские, шовинистические позиции, рабочее движение в общем мировом масштабе и в подавляющем большинстве стран не имело организованного революционного авангарда. Октябрьская революция с особой силой продемонстрировала значение в революционную эпоху революционной партии, закаленной в боях и надежно связанной с массами. Уже первые месяцы послеоктябрьского подъема в странах Европы показали, что имевшиеся там группы революционеров-интернационалистов, несмотря на проявленный ими героизм, не были в состоянии руководить назревавшими или начавшимися революциями. Создание повсеместно коммунистических партий стало жизненной потребностью рабочего движения, велением времени. Столь же закономерным и необходимым в тогдашних условиях было образование международного центра революционного движения — Коммунистического Интернационала, у колыбели которого

¹ «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», т. 1. М., 1976, стр. 15—16.

стоял Ленин. Впоследствии, как известно, когда обстановка в мире изменилась и потребность в централизованной международной организации коммунистических партий отпала, Коминтерн был распущен.

Собственный опыт и пример Советской России побудили передовую часть рабочего класса стран Запада отойти от реформистской теории и практики, высвободиться из-под разлагающего влияния правой и центристской верхушки социал-демократии, принять активное участие в революционных действиях. Почти полная монополия социал-демократии в рабочем движении — как в партиях, так и в профсоюзах — была разрушена. Развернулся в острых формах процесс идейного, а затем и организационного размежевания коммунистов и социал-демократов — двух основных течений в мировом рабочем движении.

В условиях контрнаступления буржуазии, роста опасности фашизма и новой войны, начавшегося спада революционной активности масс назрела необходимость единых, согласованных действий разных отрядов рабочего класса и других слоев трудящихся. Ленин и Коммунистический Интернационал выступили инициаторами политики единого рабочего фронта, выдвинули идеи рабочего и рабоче-крестьянского правительства, единого антиимпериалистического фронта в национально-освободительной борьбе угнетенных народов, соединения всех потоков революционного движения. Хотя в начале 20-х гг. не удалось преодолеть сопротивления реформистских лидеров этому курсу, именно тогда были заложены основы политики, сыгравшей впоследствии важнейшую роль в антифашистской борьбе международного рабочего класса, создании мировой системы социализма, освобождении от колониализма, дальнейшей борьбе за мир, демократию и социализм.

В-пятых, с победой Октября стала очевидной возросшая роль субъективного фактора в революционной борьбе. Впервые новое общество и государство строились не стихийно, а сознательным творчеством многомиллионных масс. Руководство ими осуществляла партия большевиков-ленинцев. Создателем партии и одновременно архитектором новой эпохи, человеком, который теоретически обосновал и политически обеспечил подготовку и осуществление первой победоносной социалистической революции и строительство социализма, был *Владимир Ильич Ленин*. Его яркий политический портрет нарисован в докладе Л. И. Брежнева, посвященном полувековому юбилею Октября:

«Владимир Ильич Ленин вошел в историю как создатель большевистской партии, как величайший вождь и организатор трудящихся масс и в то же время как гениальный ученый. Он был революционером в самом высоком и благородном значении этого слова. Вся его жизнь прошла в напряженной борьбе за счастье и интересы трудового народа.

Вождь Октября велик и как стратег революции, и как непревзойденный мастер политической тактики. Чутко улавливая малейшие сдвиги в расстановке политических сил, в настроениях масс, Ленин умел точно перевести эти настроения на язык большой политики, дать наиболее действенный в данных условиях массовый лозунг, наметить самый верный путь к цели.

Ленин был непримирим в принципиальных вопросах идеологии и политики. Но это не мешало ему проявлять максимум гибкости в подходе к конкретным проблемам. Страстный революционер, Ленин беспощадно высмеивал псевдореволюционное фразерство. Неукротимый борец по складу своего характера, он, когда было нужно, умел пойти на компромисс, отступить, чтобы собраться с силами и затем наступать еще успешнее.

Ленину было органически чуждо всякое подобие косности и догматизма. Творческий подход к теории и политике позволил ему всесторонне развить и обогатить марксистское учение о революции, науку о строительстве социализма. Находясь в самой гуще практической работы, решая массу неотложных дел, Ленин разработал генеральную линию социалистического строительства в России, заложил принципиальные основы советской внутренней и внешней политики.

И как политический деятель, и как человек Ленин отличался исключительной скромностью. Никакой позы, никакого самолюбования, высокая требовательность к себе — таким был вождь мирового пролетариата, человек, поставленный революцией у штурвала первого в мире государства рабочих и крестьян.

Ленину было 47 лет, когда с трибуны II Всероссийского съезда Советов он провозгласил победу социалистической революции. Ему было 54 года, когда остановилось его сердце. Но смерть оказалась бессильной перед величием ленинского гения»¹.

В 1980 г. весь мир отметил 110-летие со дня рождения Ленина. И как всегда бывает в дни знаменательных революционных годовщин, прогрессивные силы современности не просто воздавали должное замечательным деяниям величайшего революционера, теоретика и практика социалистического созидания, но и подводили итоги пути, пройденного человечеством под ленинским знаменем. Эти итоги с новой силой демонстрируют неисчерпаемость идей Ленина, животворную мощь марксизма-ленинизма, которая впервые с такой гигантской силой проявилась в Великом Октябре.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 82—83.

Часть I

КОРЕННОЙ
ПОВОРОТ
В СУДЬБАХ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

РАБОЧИЙ КЛАСС ИДЕТ К ВЛАСТИ

РОССИЙСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Среди империалистических государств Россия выделялась прежде всего тем, что, будучи страной среднего уровня капиталистического развития, она соединяла в себе элементы монополистического и государственно-монополистического капитализма с крайне отсталыми, полупатриархальными отношениями в деревне. Российскую действительность, указывал В. И. Ленин, глубже всего характеризовало противоречие: «Самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»¹ В результате переплетения старых и новейших форм угнетения массы трудящихся города и деревни страдали от двойного гнета, на который обращал внимание еще Маркс в «Капитале»: не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития².

По уровню промышленного производства Россия далеко отставала от Франции, Англии, Германии и США. Но по степени монополизации ряда отраслей промышленности она уступала лишь Германии и США. В 1913 г. в России насчитывалось около 200 монополистических объединений, которые занимали господствующее положение в ее экономике³. В руках объединений «Продамет», «Гвоздь», «Продуголь», «Продвагон», «Кровля», «Продаруд» и др. находилось более 80 видов производства и сбыта важнейших продуктов⁴. За годы первой мировой войны число монополий в России увеличилось: возникло 897 новых акционерных обществ. На более чем 5 тыс. военно-промышленных предприятий трудилось около 2 млн. рабочих⁵. По концентрации банков Россия опередила все страны Европы: в семи крупнейших было сосредоточено 52% всех банковских капиталов⁶. «Число крупнейших акционеров ничтожно; роль их, как и общая сумма богатства у них, — громадна, — писал Ленин в мае 1917 г. — Не боясь ошибиться, можно сказать, что если состав-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 417.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 9.

³ См. И. И. Минц. История Великого Октября, т. 1. М., 1977, стр. 34.

⁴ См. А. Л. Сидоров. Экономические предпосылки социалистической революции в России. — «История СССР», 1957, № 4, стр. 27.

⁵ См. Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, стр. 94.

⁶ См. А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 23.

вить список *пяти или даже трех тысяч* (а может быть даже и одной тысячи) самых богатых людей в России или проследить... все нити и связи их финансового капитала, их банковских связей, то откроется весь узел господства капитала, вся главная масса богатства, накопленного на счет чужого труда»¹.

Особенностью российского империализма была и его зависимость от иностранного капитала, господствовавшего в ряде важнейших отраслей промышленности: франко-бельгийского в металлургической и угольной Юга России, английского — в нефтяной, германского — в электротехнической. Накануне первой мировой войны удельный вес иностранных капиталов в этих отраслях достигал 52%, а в среднем составлял около $\frac{1}{3}$ ². Наличие сырья и дешевой рабочей силы создавало для иностранных монополий исключительные возможности получать в России огромные прибыли.

Россия к 1917 г. оставалась страной преимущественно аграрной. Общая численность ее населения накануне войны была 159,2 млн. человек, из которых 18% жили в городах и 82% — в деревнях³. Лиц наемного труда в 1917 г. насчитывалось 18,5 млн. Среди них промышленных рабочих, составлявших костяк российского пролетариата, было 3,545 млн. На транспорте было занято (вместе со служащими) 1,265 млн. рабочих, в строительстве — 1,25 млн., в сельском хозяйстве — 4,5 млн.⁴

Несмотря, однако, на сравнительную малочисленность пролетариата, он представлял собой значительную социальную и политическую силу, несравнимо большую, чем многомиллионная масса крестьянства, распыленная и разобщенная. Объяснялось это прежде всего высокой концентрацией рабочего класса в жизненно важных центрах страны и на крупных предприятиях. Основные кадры пролетариата были сосредоточены в столице. Так, в Петрограде (вместе с пригородами) было 546,1 тыс. рабочих, в том числе 392,8 тыс. фабрично-заводских, среди которых около $\frac{2}{3}$ составляли металлисты. При этом около 80% рабочих трудились на предприятиях, каждое из которых насчитывало более 500 работающих. На Путиловском заводе было занято 24 449 человек, на Трубочном — 19 046, на «Треугольнике» — 15 338, на Обуховском — 10 600, на Охтинском — 10 200⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 109—110.

² См. А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 24.

³ См. «Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник». М., 1979, стр. 7.

⁴ См. Л. С. Гапоненко. Указ. соч., стр. 72; В. З. Дробижев, А. К. Соколов, В. А. Устинов. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975, стр. 29.

⁵ См. Е. Ф. Ерыкалов. Рабочий класс России накануне социалистической революции. — «Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции». М., 1976, стр. 34—36.

В Москве было 410—420 тыс. рабочих, в том числе более 200 тыс. фабрично-заводских. Более трети составляли текстильщики, четверть — металлисты. Концентрация на крупных предприятиях была ниже, чем в Питере, здесь не было заводов-гигантов, но все же на 28 заводах имелось более чем по 1 тыс. рабочих, в том числе на «Трехгорной мануфактуре» — 6 тыс., на Даниловской мануфактуре — 5700, на металлургическом заводе «Гужон» — 3300, на электромеханическом «Динамо» — более 3 тыс., на машиностроительном заводе Михельсона — около 2 тыс. На 73 предприятиях (свыше 500 работающих на каждом) было занято более 54% рабочих¹. Немало крупных и крупнейших предприятий находилось в Московской губернии, где насчитывалось (без Москвы) более 220 тыс. фабрично-заводских рабочих, а также в примыкавших к ней 12 губерниях, составлявших вместе Центрально-промышленный район с такими центрами, как Тула (на оружейном заводе было 25 тыс. рабочих), Иваново-Вознесенск, Шуя, Кострома, Ярославль, Нижний Новгород (на Сормовском машиностроительном заводе трудилось около 20 тыс. человек). В этом районе насчитывалось не менее 1 млн. рабочих. Вместе с Петроградской губернией он давал до 40% промышленной продукции всей России, и концентрировалось здесь до половины пролетариата, занятого на крупных предприятиях.

На Урале среди 357 тыс. рабочих ведущую роль играли горно-заводские рабочие. На Украине численность промышленного пролетариата достигла 893 тыс., причем около $\frac{2}{3}$ было сосредоточено в Донецком и Криворожском бассейнах. Значительные отряды рабочего класса сложились также в Прибалтике, Польше и в Закавказье. Только на нефтепромыслах Баку и губернии имелось около 60 тыс. рабочих². В целом в 31 губернии Европейской России на предприятиях с числом рабочих свыше 500 было занято 72,35% пролетариата³. В остальных районах страны — в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане, Средней Азии и на Кавказе — общая численность фабрично-заводского пролетариата была невелика, но и здесь существовали довольно значительные промышленные центры.

Российский рабочий класс в социальном отношении не был однородным. По происхождению большую его часть составляли выходцы из крестьянства в первом поколении, меньшую — во втором. В силу особенностей землепользования многие рабочие сохраняли не только родственные, но и хозяйственные связи с крестьянской средой. Это, с одной стороны, тормозило развитие в рабочей массе классового сознания, присущего потомственным, кадровым пролетариям. Но с другой стороны, такие связи помогали вовлечению в

¹ См. А. Я. Грунц. Москва 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976, стр. 26—27, 32—33.

² См. Е. Ф. Ерыкалов. Указ. соч., стр. 37—40.

³ См. Б. М. Фрейдлин. Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. М., 1967, стр. 25.

общую революционную борьбу самых широких масс деревенской бедноты. В годы мировой империалистической войны понимание общности задач рабочих и крестьян еще более усилилось как в армии, так и в тылу, где выходцы из деревни заполняли бреши, созданные в промышленности мобилизациями на фронт. Соотношение мужчин и женщин в промышленности в ходе войны изменилось примерно с 70 : 30 до 60 : 40¹. На текстильных фабриках число женщин увеличилось на 16,7%, подростков — на 34,4%².

В России по-прежнему отсутствовало сколько-нибудь развитое законодательство, которое защищало бы интересы рабочих. Продолжительность рабочего дня была выше, чем в странах Западной Европы. Заработная плата оставалась низкой, нищенской; к концу войны реальная заработная плата составляла в среднем не более половины довоенной³. Подавляющее большинство пролетариата жило в условиях, унижавших человеческое достоинство⁴. Сельские труженики страдали от безземелья, безлошадности, произвола помещиков, нещадного притеснения со стороны кулаков-мироедов и ростовщиков-лавочников. Все это, вместе взятое, способствовало накоплению общего недовольства и возмущения против существовавшего строя.

Ядро передовых рабочих, сознательно становившихся на путь революционной борьбы, составляли квалифицированные рабочие крупных промышленных предприятий (около 40% рабочего класса), которые жили в сравнительно более спосных условиях и боролись не только за лишний кусок хлеба для себя и своей семьи, но и за социальную справедливость для всех трудящихся, против бесправия, угнетения и произвола власть имущих.

Буржуазия, боявшаяся революционных рабочих, не смогла стать знаменосцем демократической борьбы и подчинить своему влиянию сколько-нибудь значительные фракции рабочего движения. Большое воздействие на всю социально-политическую обстановку и психологический климат оказывали нерешенность аграрного вопроса, разорение крестьян, жестокое национальное угнетение нерусских народов, превращавшее Россию в тюрьму народов.

В силу этих причин борьба революционного пролетариата, крестьянская революция и национально-освободительное движение сливались в общую борьбу против царизма — главного врага всех трудящихся. Россия потому стала слабым звеном в цепи империализма, что ее экономическое и политическое развитие сильнее, чем

¹ См. А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 233.

² См. И. В. Маевский. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957, стр. 356—366.

³ Подробнее см.: Ю. И. Кирьянов. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.

⁴ См. О. И. Шкартан. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970, стр. 241—246.

в других странах, выявило глубинные противоречия, свойственные стадии империализма. Собранные в один узел, они были до предела обострены мировой войной, которая принесла народам России особенно тяжелые бедствия и лишения.

Еще в годы первой русской революции российский рабочий класс в своем политическом развитии обогнал другие отряды международного пролетариата, не только показав образцы революционной отваги и смелости, но и накопив опыт политического руководства непролетарскими массами. Уже тогда были доказаны, писал Ленин, «шаткость и контрреволюционность нашей буржуазии», способность пролетариата «быть *вождем* победоносной революции», готовность «демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной»¹.

С тех пор российский пролетариат продолжал укреплять свое положение руководителя революционных масс, не прекращая борьбы против царизма даже в тяжелейших условиях отступления революции и торжества реакции. С началом мировой войны не только буржуазия, но и широкие слои крестьянства были охвачены шовинистическими настроениями. Лишь рабочий класс России оказался в значительной мере «иммунизированным в отношении шовинизма»². Он и в этом смысле проявил себя как самый передовой отряд международного пролетариата. Поэтому царским властям в меньшей мере, чем правительствам других стран, удалось использовать войну для снижения боеспособности рабочих, которые и в трудной обстановке военного времени не только продолжали, но и усиливали борьбу³. Этому способствовало также то, что в рядах российского пролетариата слой рабочей аристократии был невелик. Оппортунизм и ре-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 412.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 331.

³ Об этом свидетельствуют данные, характеризующие размах стачечной борьбы в трех воюющих странах: России, Германии, Франции.

Таблица 1

Количество участников забастовок
(в тыс.)

	Россия	Германия	Франция
1915 г.	539	14	9
1916 г.	1 086	129	41

формизм были распространены среди интеллигенции, мелкой буржуазии, но были гораздо слабее в среде политически активных рабочих¹.

Полное отделение революционных социал-демократов — большевиков — от оппортунистических элементов было подготовлено всей историей рабочего движения. Партии большевиков принадлежала главная заслуга воспитания у российского пролетариата боевых качеств. Забота большевиков об идеологической целеустремленности и идейной ясности партии навлекла на них немало обвинений в том, будто они ограничивали «свободомыслие». Но в годы войны стало очевидно, что пренебрежение европейских социал-демократических партий идеологической работой способствовало заражению шовинизмом значительных слоев рабочего класса. Напротив, выступления большевиков против шовинистического угара свидетельствовали не только об их личном мужестве, но и о превосходстве партии, идейно-политическая самостоятельность которой позволила ей пойти против течения и спасти знамя революционной социал-демократии.

Партия большевиков была и организационно подготовлена к ведению революционной борьбы в трудной обстановке, созданной войной. Она имела большой опыт легальной, в том числе и парламентской, борьбы. Вместе с тем она всегда уделяла больше всего внимания тем видам деятельности, которые готовили массы к самым решительным революционным акциям. Многолетняя кропотливая работа партии по идейной, политической и организационной подготовке российского пролетариата к беззаветно смелой борьбе с самодержавием принесла свои плоды в февральские дни 1917 г.

ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН ПЕРЕРАСТАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Февральская революция сразу вышла за рамки обычной буржуазной революции. Монархия Романовых, которая за несколько лет до того отпраздновала свое 300-летие, была сметена натиском народных масс. Благодаря революционной энергии, политической зрелости, сознательности и организованности пролетариата это произошло стремительно и быстро.

Самой существенной особенностью Февральской революции, сделавшей ее «необычной» и продвинувшей дальше всех прежних революций (исключая лишь Парижскую коммуну), было то, что революционное творчество масс создало в столице и по всей стране органы новой, революционной власти — Советы рабочих и солдатских депутатов. Двоевластие, сложившееся в центре и на местах, было оригинальным переплетением двух диктатур — власти буржуазного Временного правительства и власти Советов, по своей сути

¹ См. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 26, стр. 331.

революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Буржуазии удалось лишь частично взять в свои руки политическую власть. Пока всенародная борьба против самодержавия еще только разворачивалась, между различными фракциями буржуазии проявлялись разногласия. Но когда выяснилась невозможность сохранения монархии, они отступили на второй план перед общим стремлением остановить размах революции, обуздать бурную революционную стихию, ввести ее в рамки привычной легальности. Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым включило в свой состав крупнейших лидеров буржуазии: конституционно-демократическую партию (кадетов) представлял П. Н. Милюков, «Союз 17 октября» (партию октябристов) — А. И. Гучков, министром финансов стал миллионер-сахарозаводчик М. И. Терещенко. Только пост министра юстиции был доверен лидеру трудовиков (вскоре перешедшему в партию эсеров) — А. Ф. Керенскому.

Политическая программа, провозглашенная буржуазными лидерами, была настолько консервативной, что выглядела прямым вызовом поднявшимся на революцию массам. Главная партия буржуазии — партия кадетов, вскоре принявшая название «Партия народной свободы», не откликнулась на всенародное требование мира, а выступила за продолжение войны «до победы». Российская буржуазия¹, как и поддерживавшие ее империалистические круги Антанты, надеялась, что, быть может, революционный энтузиазм, охвативший массы, позволит поднять боеспособность русских войск, как это случилось в революционной Франции в конце XVIII в. Но они не учли, что изменилась эпоха, иными стали народные массы.

Правда, значительная часть многомиллионной массы мелкой буржуазии, пробудившейся к активной деятельности, но не искушенной в политике, поверила, что после свержения самодержавия война стала для России оборонительной, революционной. Но эта волна «революционного оборончества» была кратковременной и не вылилась в готовность продолжать захватническую, империалистическую войну.

Буржуазные партии не собирались решать аграрный вопрос. Вместо конфискации помещичьих земель и передачи их крестьянам они лишь обещали позднее провести отчуждение тех земель, на которых владельцы не вели хозяйство, при условии выкупа их государством и крестьянами за 6—7 млрд. руб.² Кадеты поддерживали царистский принцип «единой неделимой России», политику подавления национально-освободительного движения угнетенных народов. Они не пошли дальше обещания разрешить нерусским националь-

¹ Реакционно-буржуазный лагерь насчитывал в 1917 г. 27 русских и национальных партий (см. Л. М. Спирин. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977, стр. 293).

² См. там же, стр. 244.

ностям хозяйственную и культурную автономию. Посулив созвать Учредительное собрание, Временное правительство не спешило определить, когда и как будут проведены выборы.

Впоследствии буржуазные историки не раз выражали сожаление по поводу близорукой политики российской буржуазии. «Если бы Временное правительство, — сокрушался американский историк, — смогло выйти из войны и провести распределение земли между крестьянами, то крайне сомнительно, что большевикам удалось бы собрать достаточно сил»¹. А противник большевиков из «левого» лагеря признает: «Наиболее парадоксальным было то, что в 1917 году ни одна из буржуазных и даже умеренных социалистических партий не решалась признать аграрную революцию, которая развивалась стихийно, набирала стихийную силу, ибо крестьяне приступили к захвату помещичьих земель задолго до большевистского восстания. Напуганные угрозой собственности в городе, буржуазные партии отказывались подрывать собственность в деревне»².

Политика российской буржуазии действительно была близорукой. Но это не было ни случайностью, ни субъективной «ошибкой» тех или иных деятелей. Реакционность воззрений и страх перед «народной стихией», особенно перед пролетариатом, были исторически обусловлены как наступлением эпохи общего крушения капитализма, так и остротой классовых противоречий в России. Иными словами, буржуазия оказалась неспособной решить вставшие перед обществом объективно назревшие задачи. Она была озабочена лишь тем, как бы удержать в своих руках власть.

Естественно, что состояние двоевластия могло быть только временным. Либо Советы, опираясь на поддержку значительной части армии и вооруженного народа, должны были взять в свои руки осуществление революционных преобразований, либо Временное правительство, на первых порах лишенное возможности применить насилие против народа, должно было найти средства для подавления Советов и установления всевластия буржуазии.

В политической армии демократической революции ведущую роль играл пролетариат, руководимый партией большевиков. Февральская революция, подтвердив правильность большевистских лозунгов, явилась началом превращения войны империалистической в войну гражданскую³. В Петрограде и других центрах большевики вели гигантскую работу по организации и сплочению пролетариата, прежде всего на предприятиях. Они начали формирование политической армии социалистической революции, готовили рабочих к

¹ *M. Fainsod. How Russia is Ruled. Cambridge, 1963, p. 85.*

² *I. Deutscher. The Unfinished Revolution. Russia 1917—1967. London, 1967, p. 23.*

³ См. «История Коммунистической партии Советского Союза». Руковод. авт. коллектива Б. Н. Пономарев. М., 1979, стр. 178, 184.

разным формам борьбы, в том числе и вооруженной. Партия большевиков активно работала в армии, старалась проникнуть в гущу крестьянских масс. Большевистские партийные организации в труднейших условиях действовали по всей стране. Во время революции они возглавили борьбу масс, но у них не было достаточных сил, чтобы охватить своим влиянием весь бурный революционный поток ¹.

На гребне всенародного подъема оказались мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров, вожди которых выступали под лозунгом демократии, созвучным настроениям широких масс трудящихся, не искушенных в политике ². Председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов был избран меньшевик Н. С. Чхеидзе, товарищами председателя стали меньшевик М. И. Скобелев и трудовик А. Ф. Керенский. Несмотря на предостережения большевиков, эти лидеры сумели склонить Совет добровольно уступить власть буржуазному Временному правительству. Во многих других городах меньшевикам и эсерам удалось встать во главе Советов.

В партии меньшевиков, сохранившей название РСДРП, наибольшим влиянием пользовались правоцентристские деятели Ф. И. Дан, И. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе. Занимая шовинистические позиции, они после Февраля выступали на словах не только за мир и демократию, но и за социализм. Подлинную суть политики партии, насчитывавшей в августе 1917 г. 193 тыс. членов ³, гораздо откровеннее выразил стоявший на ее правом фланге Г. В. Плеханов: «Русская история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма... Пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах всей страны, а стало быть, в интересах самих трудящихся» ⁴.

Партия социалистов-революционеров (эсеров) выступила после революции с широкой демократической платформой, обещавшей республику и всяческие свободы. Отрицая классовую борьбу, партия претендовала на роль представителя «единого трудового народа», прежде всего крестьянства. В духе неонароднических представлений она сулила ему социализацию земли на основе уравнительного распределения ⁵. Вскоре в рядах партии было более 500 тыс. членов ⁶.

¹ Подробнее см.: «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», т. 3. М., 1978, стр. 603—622.

² Число мелкобуржуазных партий — социал-демократических (меньшевистских), народнических, анархистских, считая национальные, — достигло в это время 23 (см. Л. М. Спирин. Указ. соч., стр. 293).

³ Там же, стр. 300—301.

⁴ «Единство», 20 июня (3 июля) 1917 г.

⁵ См. В. Н. Гинев. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977.

⁶ Формально «записавшимися» в партию числилось около 1 млн. человек (см. Л. М. Спирин. Указ. соч., стр. 301, 303).

При всех различиях программных установок меньшевиков и эсеров объединяла мелкобуржуазная основа их политики. Не веря в силы российского пролетариата, они, оказавшись во главе Советов, старались всемерно укрепить позиции Временного правительства, создать ему опору в массах. Претендуя на роль «третьей силы» между кадетами и большевиками, меньшевики и эсеры по всем основным вопросам революции занимали колеблющуюся позицию, все более склоняясь на практике к прямому соглашательству с буржуазией.

Народные массы требовали прежде всего прекращения войны и заключения мира. Меньшевики и эсеры публично заявляли, что не поддерживают программы буржуазии — войны до победного конца, а выступают за мир без аннексий и контрибуций, но одновременно ратовали за продолжение войны против Германии во имя «защиты революции от внешнего врага». Рабочие явочным порядком вводили на предприятиях 8-часовой рабочий день. Меньшевики же предлагали ждать решения этого вопроса в законодательном порядке. Крестьяне требовали немедленных аграрных преобразований и начинали самочинно занимать помещичьи земли. А партия эсеров выступала против подобных действий, считая, что земельную реформу способно провести только Учредительное собрание. По национальному вопросу меньшевики и эсеры не шли дальше так называемой «культурно-национальной автономии», откладывая и этот вопрос до Учредительного собрания. Такой курс был выгоден прежде всего буржуазии, стремившейся выиграть время, чтобы закрепиться у власти и овладеть положением¹.

В сложившихся условиях судьба революции в решающей степени зависела от позиции партии большевиков. Она глубоко осмыслила уроки «генеральной репетиции» 1905 г. и имела богатый опыт руководства революционными массами. С самого начала партия выступила в поддержку Советов, выразила недоверие Временному правительству. Однако обстановка, сложившаяся после Февраля, требовала и от нее новой ориентировки, нового стратегического плана, новой тактики. Русское Бюро ЦК, стремившееся к укреплению Советов, в то время не вполне разобралось в ситуации. Сказывалось отсутствие В. И. Ленина, который находился в Швейцарии, в «проклятом далеке».

Узнав о начале революции в России, Ленин сразу же подчеркнул, что это лишь первый ее этап, который «не будет ни последним, ни только русским»². Указав, что Временное правительство не может дать народу ни мира, ни хлеба, ни свободы, он ориентировал

¹ См. В. В. Комин. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965, стр. 239—242, 249—250, 278—279, 283—290.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 399.

партию на *переход* от первого ко второму этапу революции посредством укрепления, развития роли, значения и силы Советов. Лозунгом дня Ленин считал: *«рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции»*¹.

Ступив 3(16) апреля 1917 г. после девяти лет эмиграции на землю родины, Ленин в исторической речи с броневика у Финляндского вокзала в Петрограде приветствовал рабочих и солдат, положивших начало социальной революции в международном масштабе. Уже на следующий день он выступил с докладом «О задачах пролетариата в данной революции», в котором дал глубокий анализ сложившейся ситуации. В «Апрельских тезисах», последующих выступлениях и статьях Ленин наметил план действий революционной партии пролетариата, определил стратегическую цель и тактику, необходимую для ее достижения.

Ленин четко оценил характер происшедшего классового сдвига: поскольку государственная власть перешла из рук крепостников-дворян в руки класса буржуазии, «постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России закончена». Возникшее двоевластие свидетельствует о том, что революция «зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства»².

Главную задачу революционной партии и рабочего класса Ленин видел «в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»³. Эта постановка вопроса вытекала из ленинской теории социалистической революции и вывода о возможности ее победы первоначально в одной стране. Лозунг «Вся власть Советам!» требовал систематического, настойчивого, терпеливого разъяснения массам, что действительно революционным будет только правительство Советов. Необходимо убедить массы на их собственном опыте в правильности политики большевиков и ошибочности линии соглашательских партий, тормозящих развитие революции. Поскольку Временное правительство не может перестать быть империалистическим, ему нельзя оказывать никакой поддержки. Важнейший, принципиально новый вывод Ленина гласил: «Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»⁴. Такой республики еще не знала история.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 21.

² Там же, стр. 133, 151, 155.

³ См. там же, стр. 114.

⁴ Там же, стр. 115.

Февральская революция подтвердила, что центр мирового революционного движения переместился в Россию. Выдвижение ее в авангард международной борьбы возлагало на российский рабочий класс дополнительные обязанности и ответственность. «Интернационализм на деле, — писал в этой связи Ленин, — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей стране*, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же борьбы...* во *всех* без исключения странах»¹. Поэтому и для того, чтобы успешно выполнить свой интернациональный долг, рабочий класс России должен был максимально продвигать революцию вперед.

Новая ленинская установка, нацелившая партию на *перерастание* революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую, предполагала дальнейшее сближение и переплетение в ходе ее развития демократических и социалистических задач при подчинении первых вторым. Открывалась перспектива реализации общедемократических задач, не решенных на буржуазном этапе революции, в ходе революции социалистической (как Ленин выразится позднее — «походя, мимоходом»²). С самого начала было ясно, что такое сближение демократии и социализма возможно только при двух обязательных условиях: при последовательном отмежевании революционной пролетарской линии от мелкобуржуазной, соглашательской и одновременно при завоевании на сторону пролетариата возможно более широких *масс мелкой буржуазии*, крестьянства, прежде всего беднейшего, без чего установление пролетарской власти и продвижение к социализму были вообще немыслимы. На новом этапе революции должно было сложиться и новое соотношение классовых сил. Как Ленин установил еще в 1905 г., движущими силами социалистической революции могли стать пролетариат и беднейшее крестьянство; неизбежные колебания середняка необходимо было преодолеть посредством его нейтрализации.

Ленин считал необходимым уточнить в свете новых задач Программу партии, изменить название, создать новый, революционный Интернационал, свободный от шовинизма и центризма.

Ленинский план широко обсуждался на Петроградской общегородской и Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференциях РСДРП(б), а также в печати. Ленину пришлось вести острую полемику как с теми, кто возражал против курса на социалистическую революцию, ссылаясь на старые формулы большевиков, так и с «левыми» критиками. В ходе этих споров Ленин уточнил и развил свои взгляды, в том числе на соотношение демократии и социализма при развитии революции.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 170.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 147.

В дискуссии с Каменевым Ленин подчеркивал необходимость диалектически учитывать своеобразие сложившейся обстановки, показал ошибочность устаревшей формулы, что «буржуазно-демократическая революция не закончена» до тех пор, пока революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства не установлена, буржуазная демократия не исчерпала своих возможностей, аграрный вопрос не решен и т. п. Из этой неверной посылки вытекала и установка Каменева на сотрудничество с мелкобуржуазными партиями. В противовес этому Ленин делал упор на то, что сама революция уже создала Советы — «новый *тип государства*», подобный Парижской коммуне. Это «*высший тип демократического государства*», превосходящий своим демократизмом любую парламентскую буржуазную республику и открывающий путь к социализму¹. Став государственной властью, Советы всего полнее обеспечат самостоятельность масс, «лучше, практичнее, вернее решат, как можно сделать и какие именно можно сделать *шаги* к социализму»².

Ленин считал, что критика ошибок мелкобуржуазных партий в сложившихся условиях есть «самая *практическая революционная работа*». Ибо не найти иного средства, чтобы «двигать вперед революцию, которая остановилась, захлебнулась фразой, проделывает «шаг на месте» *не из-за* внешних помех, *не из-за* насилия со стороны буржуазии... а *из-за* доверчивой бессознательности масс». Только повседневной разъяснительной работой можно «действительно толкать вперед» сознание пролетариата и широких масс трудящихся, развивать смелую и решительную инициативу Советов на местах, «самочинное осуществление, развитие и укрепление свобод, демократии, принципа общенародного владения всей землей»³. Таков реальный путь, ведущий к «всевластию и единовластию Советов рабочих, солдатских и др. депутатов»⁴.

Подчеркивая необходимость сосредоточить все силы на «*борьбе за влияние внутри Советов*», которые были организациями большинства народа, на воспитании масс и повышении их классового сознания, Ленин тем самым предостерегал партию от опасности впасть в субъективизм, оторваться от народа и попытаться «перепрыгнуть» через нерешенные задачи. Он решительно отмежевался от бланкистского авантюризма и всякой игры в «захват власти». Именно в таком подходе заключалась порочность «левой» формулы Троцкого: «без царя, а правительство *рабочее*»⁵.

Когда А. И. Рыков заявил, что в мелкобуржуазной России рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невоз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 162.

² Там же, стр. 143.

³ Там же, стр. 157—158.

⁴ Там же, стр. 196.

⁵ Там же, стр. 137—138.

можно и толчок ей «должен быть дан с Запада»¹, Ленин отвечал: «Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм.

Маркс сказал, что Франция начнет, а немец доделает. А ведь русский пролетариат добился больше, чем кто-либо... Сбиваться на реформизм нельзя»².

Апрельская конференция, а вскоре и вся партия восприняли политический курс, разработанный Лениным на основе глубокого проникновения в сущность новых условий, созданных революцией. Обосновывая правомерность ориентации на социалистическую революцию в России, Ленин исходил из ранее данного анализа империализма и порожденной им мировой войны. Проблему *зрелости условий* для социалистической революции он считал не только национальной, но и прежде всего интернациональной проблемой. «С точки зрения марксизма, — говорил он на конференции, — нелепо останавливаться на положении только одной страны, говоря об империализме, тогда как капиталистические страны так тесно связаны друг с другом. А теперь, во время войны, эта связь неизмеримо сильнее»³.

Поэтому написанная Лениным резолюция конференции о текущем моменте начиналась с характеристики положения «всемирного капитализма». Здесь говорилось, что «объективные предпосылки социалистической революции, несомненно бывшие уже налицо перед войной в наиболее развитых передовых странах, назревали дальше и продолжают назревать вследствие войны с громадной быстротой... Концентрация и интернационализация капитала гигантски растет. Монополистический капитализм переходит в государственно-монополистический»⁴. Эта тенденция, заметил Ленин, может иметь двойные, прямо противоположные друг другу следствия. При сохранении частной собственности на средства производства она ведет к усилению эксплуатации, угнетения, реакции, военного деспотизма, росту прибылей капиталистов и т. д. «Но те же самые условия при отмене частной собственности на средства производства, при переходе государственной власти полностью в руки пролетариата являются залогом успеха такого преобразования общества, которое уничтожит эксплуатацию человека человеком и обеспечит благосостояние всех и каждого»⁵.

В написанном Лениным в апреле — мае 1917 г. проекте измененной Программы партии международная революционная перспектива была обрисована еще более четко. Империализм и война сде-

¹ См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы». М., 1958, стр. 106.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 363.

³ Там же, стр. 353.

⁴ Там же, стр. 449.

⁵ Там же, стр. 450.

ляли «из достигнутой ныне ступени развития капитализма эру пролетарской, социалистической революции». Из того, что «эта эра началась», вытекали как убеждение в закономерности такой революции и ее победы, так и понимание ее сложности: «Только пролетарская, социалистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неудачи ее, или волны контрреволюции, окончательная победа пролетариата неизбежна». Характер наступившей эпохи обусловил стратегическую задачу рабочего класса: «На очередь дня переживаемой эпохи ставится поэтому, в силу объективных условий, всесторонняя непосредственная подготовка пролетариата к завоеванию политической власти для осуществления экономических и политических мероприятий, составляющих содержание социалистической революции»¹.

Уделяя большое внимание международному аспекту назревания революции, Ленин в соответствии с глубоко понятой им связью национальных и интернациональных задач пролетариата разрабатывал и вопросы о роли России в мировом революционном процессе. «На долю российского пролетариата, — отметил он при открытии конференции, — выпала великая честь начать»². Разумеется, «пролетариат России... не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования». Однако, сказав это, ни в коем случае нельзя поставить точку. Было бы «величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии, выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса, или необходимость ограничивать свою деятельность рамками приемлемого для мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму»³.

Но способна ли Россия *первой* встать на путь социализма? И международные авторитеты социал-демократии, и русские столпы буржуазии, эсеров и меньшевиков были единодушны в отрицательном ответе: Россия ввиду ее отсталости для социализма «не созрела», социализм здесь «вводить» рано, революция буржуазная и таковой останется, а большевики, делающие попытки продвинуть ее дальше вперед, безнадёжные «авантюристы», «бланкисты», «террористы» или еще того хуже.

Социализм вообще, отвечал Ленин, никоим образом нельзя «ввести», а необходимы те переходные революционные меры, которые назрели практически, осуществимы экономически и технически. являются «шагами к социализму». К ним относятся: «национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 140.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 341.

³ Там же, стр. 451.

мере, установление *немедленного контроля* за ними Советов рабочих депутатов»¹.

В резолюции Апрельской конференции говорилось о централизации и национализации банков, страховых компаний и крупнейших капиталистических синдикатов (сахарозаводчиков, «Продуголь», «Продамет» и т. п.), о всеобщей трудовой повинности под контролем Советов². «В осуществлении названных мероприятий необходима чрезвычайная осмотрительность и осторожность,— подчеркивалось в решении,— завоевание прочного большинства населения и его сознательного убеждения в практической подготовленности той или иной меры, но именно в эту сторону должны быть направлены внимание и усилия сознательного авангарда рабочих масс, обязанных помочь крестьянским массам найти выход из создавшейся разрухи». Именно в этих последних словах Ленин усматривал «гвоздь всей резолюции: социализм ставится нами не как прыжок, а как практический выход из создавшейся разрухи.

«Революция — буржуазная, а потому и не надо говорить о социализме», — говорят противники. А мы скажем, наоборот: «так как буржуазия не может выйти из создавшегося положения, то революция и идет дальше»... И вот все эти меры осуществленные и сделают то, что Россия станет одной ногой в социализм»³.

В русле принятого курса конференция обсудила также аграрный и национальный вопросы. Национализация земли характеризовалась как «мера, непосредственно не выходящая из рамок буржуазного строя», но наносящая сильный удар по частной собственности на средства производства. В докладе Ленина был раскрыт классовый смысл требований о национализации всей земли и конфискации земель помещиков. Судьба русской революции, говорилось в решении, зависит от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и массу полупролетариев деревни. Партия призвала крестьян, не дожидаясь Учредительного собрания, немедленно и организованно через Советы и другие органы брать землю⁴. Победа социалистической революции во многом зависела и от того, пойдут ли за пролетариатом трудящиеся угнетенных наций. Левацкий лозунг «прочь границы» был отклонен, а написанная Лениным резолюция признавала за всеми нациями право на самоопределение, свободное отделение и образование самостоятельных государств, не смешивая его с вопросом о целесообразности отделения⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 168.

² См. там же, стр. 451.

³ Там же, стр. 446.

⁴ См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)», стр. 245 — 247.

⁵ См. там же, стр. 251— 252.

Апрельская конференция признала необходимым пересмотреть партийную Программу, включив в нее оценку новой эпохи войн и революций, требование республики Советов и исправив ряд устаревших положений. ЦК было поручено взять на себя инициативу и немедленно приступить к основанию III Интернационала. Он может быть создан, говорилось в решении, «только самими рабочими массами, их революционной борьбой в собственных странах»¹.

Путь, ведущий Россию к социалистической революции, был определен.

МИРНЫЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

Лозунг «Вся власть Советам!», выдвинутый большевиками, не означал призыва к свержению Временного правительства. Поскольку Советы вступили с ним в соглашение, такой призыв объективно вел бы к борьбе и против Советов. Речь шла о другом: о постепенном процессе, который, сочетая в себе разные формы борьбы классов, привел бы к желаемой цели. Иными словами, лозунг «Вся власть Советам!» в конкретно-исторических условиях того времени ориентировал партию на *мирное развитие* революции.

Объективная основа возможности мирного развития революции состояла в том, что Временное правительство не могло применить насилия. Армия вышла из повиновения, перешла на сторону народа и для подавления трудящихся не годилась. Полиция была разгромлена и разоружена в ходе февральских боев. В России, говорил В. И. Ленин, «первая гражданская война кончилась, мы теперь переходим ко второй войне — между империализмом и вооруженным народом, и в этот переходный период, пока вооруженная сила у солдат, пока Милюков и Гучков еще не применили насилия, эта гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду... Пока правительство не начало войны, мы проповедуем мирно»².

Вместе с тем народные массы, опьяненные успехами революции, проявляли «доверчивую бессознательность», предоставляя мелкобуржуазным соглашательским партиям возможность действовать от их имени. Но хотя стоявшие во главе Советов лидеры эсеров и меньшевиков всячески противились революционным преобразованиям, сама система Советов с реально осуществлявшимся правом перевыборов и отзыва депутатов делала возможным мирный переход руководства к революционной партии. Будь в руках Советов полнота государственной власти, мирный путь развития, отмечал позднее Ленин, «был бы самый безболезненный, и потому за него надо было всего энергичнее бороться»³.

¹ См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)», стр. 255.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 351.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 12.

Критика большевиками соглашательской политики эсеров и меньшевиков отнюдь не исключала возможности сотрудничества с ними в интересах революции. Сам лозунг «Вся власть Советам!» создавал благоприятные условия не только для совместных действий всех входивших в Советы партий против Временного правительства, но и для предотвращения гражданской войны. «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции,— писал Ленин,— то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»¹. Переход же всей власти к Временному правительству не мог произойти без применения насилия против народа, о чем буржуазные и социал-демократические писатели, обвиняющие большевиков в бланкизме, путчизме и тому подобных грехах, предпочитают умалчивать.

Февральская революция, свержение самодержавия привели в движение широкие народные массы, подняли их к активному, самостоятельному участию в политической жизни. «Россия сейчас кипит,— писал Ленин.— Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, *проснулись и потянулись к политике*»².

Народная самодеятельность проявлялась в многочисленных массовых собраниях, митингах, дискуссиях, демонстрациях. В этом сказывалась не «анархия», как утверждала буржуазия, а завоеванная политическая свобода. Представители разных партий открыто отстаивали свои программы и лозунги, так что трудящиеся имели возможность их сопоставить. В развернувшейся борьбе за умы и души людей выяснялось, какие идеи и действия больше соответствуют объективному смыслу движения, полнее отражают коренные интересы самих масс.

Ленин и другие большевики часто выступали на митингах рабочих Петрограда. На собрании крупнейшего Путиловского завода 12 мая первым держал речь лидер эсеров, министр Временного правительства В. М. Чернов. Он оправдывал продолжение войны, призывал путиловцев выпускать больше пушек для фронта, обрушился на большевиков. Но вот на трибуну поднялся Ленин. «Все внимание присутствующих,— рассказывал один из очевидцев,— сосредоточилось на небольшой фигуре Ильича. Ленин выступил страстно и проникновенно. Он говорил рабочим об ужасах империалистической войны, рассказывал о миллиардах сверхприбылей, которые загребала буржуазия, наживаясь на мировой войне, о том, кому выгодна и нужна эта бойня». Забыв про предложенную ими резолюцию, Чер-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 222.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 156.

нов, Авксентьев, Мартов и другие лидеры мелкобуржуазных партий под крики рабочих: «Долой соглашателей!», «Долой войну!» — поспешно покинули заводской двор ¹. Рабочие, слушавшие речь Ленина на Обуховском заводе, вспоминали: «После его слов удивительно прояснялись задачи, стоявшие перед революцией; рассеивался тот словесный туман, которым окутывали рабочих и солдат ораторы всех других партий» ².

В сложившихся условиях партии большевиков пришлось решать двуединую задачу: с одной стороны, всемерно способствовать развитию революционного творчества масс, с другой — направлять стихийные движения в русло организованной борьбы за основные требования народа, за дальнейшее движение революции вперед, к переходу власти в руки пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством.

Сама большевистская партия после долгих лет подполья насчитывала в своих рядах в конце февраля 1917 г. всего 24 тыс. членов. Обретя легальность, партия стала энергично вовлекать в свои ряды передовых рабочих и к концу апреля насчитывала уже свыше 100 тыс. членов. Особенно быстро выросли организации в крупных промышленных городах: в Петрограде с 2 тыс. до 16 тыс., в Москве с 600 до 7 тыс., в Екатеринбурге с 40 до 1700. В июле в партии состояло 240 тыс. членов, а осенью — 350 тыс. Ядро партии — около 60% — составляли передовые, наиболее сознательные и стойкие рабочие ³.

Партия большевиков — авангард российского пролетариата — видела первейшую задачу в том, чтобы повести его на решительный бой против власти капитала, за социализм. Для победы в этой борьбе, неизбежно длительной и трудной, рабочий класс должен был в полной мере проявить свои качества вождя и руководителя всех трудящихся города и деревни, центра и окраин огромного государства. Воспитание и развитие в нем этих качеств было возможно только в процессе каждодневной борьбы, и партия стремилась использовать все многообразие созданных революцией форм и организаций для проникновения в самую толщу народных масс.

Главной ареной, на которой большевики развернули борьбу за влияние на массы, были *Советы* — самая авторитетная организация трудящихся. В первые месяцы революции большевиков в их составе было немного: в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов они составляли всего 2,4%, в Московском Совете рабочих

¹ См. И. Еремеев. Ленин у путловцев. — «Летопись Великого Октября. Апрель — октябрь 1917 г.». М., 1958, стр. 50—51.

² А. А. Антонов, А. С. Гундоров, Е. П. Онуфриев. В. И. Ленин выступает перед рабочими Обуховского завода. — «Ленин в Октябре. Воспоминания». М., 1957, стр. 156.

³ См. «История Коммунистической партии Советского Союза» (далее — «История КПСС»), т. 3, кн. 1. М., 1967, стр. 20, 24, 243.

депутатов — 22,8, в Киевском Совете рабочих депутатов — 14, в Харьковском Совете рабочих и солдатских депутатов — 12,8%¹. Но большевистская идея власти Советов отвечала настроением даже тех слоев трудящихся, которые не были готовы воспринять всю программу большевиков. Учащались случаи, когда решениями Советов отстранялись комиссары Временного правительства, а Советы брали на себя их функции. Так было в Кронштадте, Риге, Нарве, Подольске, Орехове-Зуеве, Иваново-Вознесенске, Коврове, Красноярске, некоторых поселках Урала и Донбасса.

Советы могли весной и летом безболезненно взять власть во всей стране, ибо сопротивляться их воле правительство не могло. Вопрос о власти встал и на Первом съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, который в июне заседал в Петрограде. Из 1090 делегатов о партийности заявили 777; среди них более $\frac{2}{3}$ принадлежали к партиям меньшевиков и эсеров или шли за ними². Доказывая необходимость поддержки Советами буржуазного Временного правительства, меньшевик И. Г. Церетели заявил, что в стране нет политической партии, которая сказала бы: дайте нам власть. «Ни одна партия, — возразил ему Ленин, — от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком». Переход власти к революционному пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства означал бы преодоление анархии и разрухи, обуздание капиталистов, революционную борьбу за мир «в самых обеспеченных, в самых безболезненных, какие только знает человечество, формах»³. Но съезд отклонил требования большевиков как о передаче всей власти Советам, так и о прекращении войны. В избранный им ЦИК Советов вошли 107 меньшевиков, 101 эсер, 35 большевиков. Однако каждые новые перевыборы Советов на местах ослабляли позиции соглашательских партий, укрепляли влияние большевиков. Так, в Петроградском Совете численность большевистской фракции увеличилась к лету в 5 раз, а в Киевском Совете большевики получили треть мест⁴.

Партия большевиков вела борьбу за усиление роли и влияния *профсоюзов*. Они быстро росли: в марте — апреле 1917 г. в них состояло 500 тыс., а к октябрю уже более 3 млн. членов; они объединили большинство промышленного пролетариата (в Петрограде — 93,9% рабочих, а в Москве даже больше)⁵. Самыми многочисленными и организованными стали профсоюзы металлистов (526 тыс.) и тек-

¹ См. А. М. Андреев. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март — октябрь 1917 г. М., 1967, стр. 77.

² См. «История СССР», т. VII. М., 1967, стр. 77.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 267, 276.

⁴ См. «Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции», стр. 119—120.

⁵ См. «История рабочих Ленинграда», т. 2. 1917—1965. Л., 1972, стр. 24; А. Я. Грунт. Указ. соч., стр. 111.

стильщиков (571 тыс.)¹. Вставшие во главе ряда крупных профсоюзов, меньшевики пытались направить их деятельность по реформистскому, тред-юнионистскому пути, настаивали на их «нейтральности» в политической борьбе. Но эта установка стала главной причиной падения влияния меньшевистских деятелей. К осени большевики повели за собой многие профсоюзы, ставшие боевыми организациями, которые не только выступали в защиту экономических интересов рабочих, но и проявляли политическую активность.

В марте 1917 г. одновременно с Советами на предприятиях стали возникать *фабрично-заводские комитеты* (фабзавкомы). Это была новая организация, рожденная революционной инициативой масс. Она выросла из стачечных комитетов, но функции ее были гораздо шире. Фабзавкомы избирались на общезаводских и цеховых рабочих собраниях, объединяли всех рабочих предприятия независимо от того, к какому профсоюзу те принадлежали, и были призваны защищать их непосредственные интересы. Они повседневно активно вмешивались в работу фабрик и заводов, наводили революционный порядок, контролировали деятельность предпринимателей и администрации, срывали попытки капиталистов саботировать производство, а иногда брали на себя и управление предприятием. Фабзавкомы сразу же стали прочной опорой большевиков².

Значительную роль стали играть конференции фабзавкомов крупных пролетарских центров. Так, на Первой конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда в конце мая — начале июня, в которой участвовали делегаты от 367 фабзавкомов, $\frac{3}{4}$ делегатов шли за большевиками³. В принятой по предложению Ленина резолюции о мерах борьбы с разрухой говорилось, что успех возможен лишь при условии перехода всей государственной власти в руки пролетариев и полупролетариев. Председателем Центрального Совета фабзавкомов, ставшего их всероссийским центром, был избран большевик Н. А. Скрыпник.

Все больший размах приобретало движение за *рабочий контроль*. К лету 1917 г. оно охватило не менее 2,8 млн. рабочих, т. е. $\frac{3}{4}$ индустриального пролетариата России⁴. Контроль осуществляли фабзавкомы и контрольно-хозяйственные комиссии. Они срывали са-

¹ См. А. Г. Егорова. Партия и профсоюзы в Октябрьской революции. М., 1970, стр. 325.

² Об истории возникновения и роли фабзавкомов в революции см.: А. М. Панкратова. Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г. М.—Л., 1927; А. Г. Егорова. Профсоюзы и фабзавкомы в период подготовки и проведения Октябрьской революции. — «Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции».

³ См. «История Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1967, стр. 80.

⁴ См. И. И. Минц. История Великого Октября, т. 2. М., 1978, стр. 382.

ботаж капиталистов, которые в борьбе с революцией останавливали предприятия, создавали хаос и анархию в экономике. Рабочие контролеры проверяли наличие сырья и топлива, наблюдали за вывозом с предприятий машин и готовой продукции, ревизовали финансовую деятельность, вникали в вопросы найма и увольнения, организовывали охрану предприятий. Придавая борьбе за рабочий контроль большое значение, большевики призывали вводить его, не дожидаясь взятия власти. Его значение не исчерпывалось пресечением произвола капиталистов и предотвращением разрушения промышленности. В ходе борьбы за рабочий контроль и его осуществление сами рабочие приобретали хозяйственный и политический опыт, росло их классовое самосознание, ширилась революционная инициатива. Большевики видели в рабочем контроле важное средство подвода масс к борьбе за власть, поскольку он способствовал развенчанию соглашателей, убеждал рабочих в необходимости покончить с господством капиталистов.

Уже в первые дни после Февральской революции, когда с улиц исчезли городовые и жандармы, на них появились отряды *рабочей милиции* и боевые дружины рабочих. В этом тоже проявилось народное революционное творчество. Большевики считали мирное развитие революции возможным только при условии, что рабочие и революционные солдаты будут вооружены, а контрреволюция лишена вооруженной опоры. Революция должна была создать свои вооруженные силы, способные подавить любую попытку реакции расправиться с массами.

Призыв большевиков к формированию пролетарской милиции нашел повсюду широкий отклик. Так, нижегородские рабочие в наказе Совету рабочих депутатов писали, что для осуществления демократических требований и закрепления завоеваний необходима народная милиция: «Вооруженный народ сможет сделать для осуществления программы рабочего класса все. Невооруженный народ потерпит поражение и снова будет опутан крепкими цепями»¹.

На крупных заводах Петрограда отряды рабочей милиции насчитывали по несколько сот человек. Активно участвовали в организации рабочей милиции все Советы, в которых большевики имели сильные позиции. Исполком Минского Совета рабочих депутатов, создав рабочую милицию города, избрал большевика М. В. Фрунзе ее начальником². В Луганске заводские дружины слились в общегородскую рабочую дружину³. Отряды рабочей милиции были созданы Советами в Иваново-Вознесенске, Красноярске, в ряде городов Урала и Донбасса. Соглашатели были против организации

¹ «Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы». М., 1957, стр. 558—559.

² См. *И. И. Минц*. Указ. соч., т. 2, стр. 241.

³ См. *Н. Гончаренко*. Октябрь в Донбассе. Луганск, 1961, стр. 48.

рабочей милиции, поэтому там, где они возглавляли Советы, рабочие нередко создавали ее вопреки Советам.

Ленин, внимательно следивший за образованием рабочей милиции, считал, что это «мера, имеющая огромное — без преувеличения можно сказать: гигантское, решающее — значение как практическое, так и принципиальное. Революция не может быть гарантирована, успех ее завоеваний не может быть обеспечен, дальнейшее развитие ее *невозможно*, если эта мера не станет всеобщей, не будет доведена до конца и проведена во всей стране»¹. В ряде мест отряды рабочей милиции возникали под названием «Красная гвардия». В дальнейшем так стало называться большинство рабочих боевых отрядов. Опираясь на Красную гвардию (рабочую милицию), рабочие охраняли предприятия, поддерживали порядок в городах, следили за правильным распределением продуктов. Советы с помощью Красной гвардии проводили свои решения в жизнь.

Большое внимание уделяли большевики работе *в армии*, от позиции которой зависела судьба революции. Завоевание армии большевиками означало также упрочение союза рабочих с беднейшим крестьянством. Созданная в апреле 1917 г. Военная организация партии возглавила политическую работу армейских большевиков, которые несли солдатам программу мира и решения аграрного вопроса, разъясняли империалистический характер политики Временного правительства, боролись за демократизацию армии. Руководителем большевистской «военки» стал вскоре один из организаторов боевых дружин в революции 1905—1907 гг. — Н. И. Подвойский. Во фронтовых и тыловых частях и гарнизонах создавались большевистские ячейки и организации. Революционные моряки образовали Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) и избрали его председателем матроса-большевика П. Е. Дыбенко². Большевики рассеивали иллюзии «революционного оборончества», разоблачали клевету, с помощью которой буржуазия пыталась натравить солдат на рабочих. Разъяснению политики партии были посвящены доклады Ленина, Подвойского, Крыленко и других на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б), проведенной в июне в Петрограде.

Работа партии большевиков *в деревне* не ограничивалась выдвижением подлинно революционной аграрной программы. Для ее разъяснения на места направлялись партийные агитаторы, использовались уездные и губернские крестьянские съезды. На многих из них летом были приняты решения о передаче помещичьих земель и инвентаря в распоряжение волостных комитетов.

Крупным событием стал I Всероссийский съезд крестьянских

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 286.

² См. С. С. Хесин. Октябрьская революция и флот. М., 1971, стр. 114.

депутатов, заседавший в Петрограде в мае 1917 г. На нем развернулась напряженная борьба за влияние на крестьянские массы между эсерами, которые имели абсолютное большинство, и большевиками. В «Открытом письме к делегатам» и в речи по аграрному вопросу Ленин настойчиво советовал крестьянам немедленно брать всю землю, делая это возможно более организованно и не допуская порчи имущества. «Пусть решения принимаются по большинству,— говорил он,— мы хотим, чтобы сейчас, не теряя ни одного месяца, ни одной недели, ни одного дня, крестьяне получили помещичьи земли!»¹ Недаром один из сибирских крестьян написал землякам: «Сегодня на съезде слушал знаменитого Ленина, великий ум... против него министры кажутся маленькими людьми»². К лету массовое крестьянское движение охватило Центральный, Северо-Западный районы, Поволжье, Украину, Прибалтику.

В условиях подъема *национально-освободительного движения*, развернувшегося весной — летом 1917 г. на окраинах России, только партия большевиков выдвинула последовательно интернационалистскую программу. Стремясь к сближению наций, она хотела достигнуть его «не насилем, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс». Чем демократичнее будет российская Республика Советов, «тем более могуча,— считал Ленин,— будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех* наций»³. Исходя из этих принципов, большевики осудили Временное правительство, вступившее в конфликт с Финляндским сеймом и Центральной украинской радой, требовавшими автономии. Разоблачая буржуазный и мелкобуржуазный национализм, партийные организации большевиков Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Туркестана и других районов старались сплотить трудящихся разных национальностей, христиан и мусульман, завоевать на сторону пролетариата многомиллионные массы угнетавшейся царизмом крестьянской бедноты.

Недовольство политикой Временного правительства росло. Продолжение войны и хозяйничанье буржуазии вели к развалу хозяйства, инфляций и голоду. Незначительные повышения заработной платы, добытые упорными стачками, сводились на нет ростом цен. Надежды и чаяния масс оставались нереализованными. Возмущение все чаще выливалось в стихийные массовые выступления, которые направлялись против Временного правительства. В самой стихийности поднимавшегося движения Ленин видел несомненный «признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости... Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржу-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 174.

² См. В. П. Сафронов. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962, стр. 264.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 167—168.

азной контрреволюции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты»¹.

Поскольку стихийные взрывы были при нарастании революции неизбежными, большевики считали своим долгом оставаться вместе с борющимися массами, направляя их выступления в организованное русло, проясняя их классовое сознание. Хотя и с разной степенью успеха, партия придерживалась этой позиции в ходе трех политических кризисов, имевших место за время существования двоевластия.

18 апреля (1 мая) 1917 г. министр иностранных дел Милюков направил правительствам Англии и Франции ноту, в которой содержались заверения относительно готовности Временного правительства вести войну «до победы». Цинично-империалистический характер ноты вызвал резкий протест рабочих и солдат, который вылился в стихийную вооруженную демонстрацию и митинг перед резиденцией правительства. Собравшиеся требовали: «Долой Милюкова!» К этому стихийному движению примкнула партия большевиков, стараясь направить его на путь организованной борьбы за переход всей власти к Советам. Апрельский кризис вынудил буржуазию искать «социалистическое» прикрытие. В результате было создано коалиционное правительство, состоявшее из десяти кадетов и октябристов, шести эсеров и меньшевиков. Это был тот самый маневр, который к тому времени был уже не раз испытан в западных буржуазных странах. Суть его, по выражению Ленина, заключалась в намерении буржуазии поставить вождей «социалистической демократии» в положение безвредного «придатка при буржуазном правительстве, заслонить это правительство от народа при помощи почти социалистических министров», которые тем самым взяли на себя ответственность за его политику².

В июне разразился второй политический кризис. 18 июня (1 июля) 1917 г. в Петрограде состоялась полумиллионная мирная демонстрация у могил жертв революции на Марсовом поле. На ней преобладали большевистские лозунги: «Вся власть Советам!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Ни сепаратного мира с немцами, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами!» Эсеры и меньшевики безуспешно пытались противопоставить им свои призывы. Политические демонстрации под большевистскими лозунгами прошли в Москве, Минске, Иваново-Вознесенске, Харькове, Твери и других городах. Июньский кризис был «перерезан» начавшимся наступлением русской армии на фронте. Кризис не вызвал падения правительства, но вскрыл высокий накал классовой борьбы, так как проходил при значительных колебаниях мелкобуржуазных слоев в сторону революционного пролетариата.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 217.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 314.

4(17) июля 1917 г. в Петрограде вновь состоялась полумиллионная демонстрация под лозунгом «Вся власть Советам!». Еще накануне солдаты, возмущенные расформированием революционных воинских частей, стихийно вышли на улицы под лозунгами «Долой Временное правительство!» и «Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!». К ним присоединились рабочие ряда заводов. Большевики считали выступление несвоевременным, ибо в провинции, и прежде всего в армии, кризис еще не назрел. Приняв участие в демонстрации, они старались придать ей организованный, мирный характер. Ленин, выступая перед демонстрантами с балкона дворца Кшесинской, призывал их к выдержке, стойкости и бдительности.

В Таврическом дворце 90 представителей от 54 предприятий предложили объединенному заседанию ЦИК и Исполкома Советов крестьянских депутатов взять всю власть, заявив: «Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет». Однако лидеры эсеров и меньшевиков отклонили требования масс, объявив демонстрацию «большевистским заговором». Еще на пути к дворцу демонстранты были провокационно обстреляны контрреволюционерами. Улицы столицы были залиты кровью рабочих и солдат; было убито 56 человек, ранено 650. Правительство объявило Петроград на военном положении, а вызванные с фронта войска стали разоружать рабочих, революционных солдат и матросов. Начались аресты, были разгромлены редакция и типография «Правды».

Антиправительственные выступления произошли в эти дни также в Москве, Киеве, Риге, Орехове-Зуеве, Нижнем Новгороде, Красноярске. ЦК РСДРП(б) призвал трудящихся, выявивших свою волю, прекратить демонстрации. Тем не менее новое коалиционное правительство, которое возглавил эсер А. Ф. Керенский, обрушило репрессии на большевиков. 9(22) июля ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполком Советов крестьянских депутатов, в которых преобладали эсеры и меньшевики, объявили Временное правительство «правительством спасения революции» и признали за ним неограниченные полномочия для борьбы против революционных выступлений.

В статье «Уроки революции» Ленин так обрисовал путь, пройденный мелкобуржуазными партиями: «Раз вступив на наклонную плоскость соглашательства с буржуазией, эсеры и меньшевики покатались неудержимо вниз и докатились до дна. 28-го февраля они обещали в Петроградском Совете условную поддержку буржуазному правительству. 6-го мая они спасли его от краха и дали превратить себя в слуг и защитников его... 19-го июня они одобрили начавшееся возобновление грабительской войны. 3-го июля они согласились на вызов реакционных войск: начало окончательной сдачи власти бонапартистам. Со ступеньки на ступеньку.

Такой позорный финал партий эсеров и меньшевиков не случайность, а подтвержденный много раз опытом Европы результат

экономического положения мелких хозяев, мелкой буржуазии»¹.

Временное правительство теперь уже могло, не считаясь с Советами, более того, поощряемое эсэро-меньшевистским руководством Советов, применить против народных масс вооруженную силу. Один из лидеров меньшевиков, Ф. Дан, на заседании ЦИК Советов откровенно заявил: «То, к чему призывал нас т. Керенский, нами уже исполнено. Мы не только готовы поддержать Временное правительство, мы не только делегировали ему всю полноту власти, мы требуем, чтобы этой властью правительство пользовалось»².

Июльский кризис положил конец двоевластию в пользу контрреволюции, которая повсюду перешла в наступление. Советы превращались в бесправный придаток Временного правительства. Мирный переход власти к Советам, за который боролись большевики, стал невозможен. Тем самым было еще раз доказано: путь соглашения с буржуазией, путь беспринципных уступок ей ведет лишь к ослаблению позиций рабочего класса, дает выигрыш только его классовому противнику.

ПРОБЛЕМЫ ПОДХОДА И ПЕРЕХОДА К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Уже вечером 5(18) июля 1917 г. В. И. Ленин, едва не попавший в руки погромщиков, вынужден был перейти на нелегальное положение. Скрываясь в течение трех месяцев вне Петрограда, вырванный из гучи революционных событий, он сохранял самую тесную связь с партией, направлял ее деятельность. Он написал за это время около 50 статей, писем, брошюр, в том числе такие программные работы, как «Государство и революция», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?», «К пересмотру партийной программы». Он обосновал в них историческую закономерность и неизбежность социалистической революции в России, разрабатывал как теоретические, так и практически-политические вопросы *подхода и перехода* к такой революции.

Продолжая выяснять и уточнять связи между империализмом, войной, государственно-монополистическим капитализмом и социалистической революцией, Ленин писал в августе 1917 г.: «Война необыкновенно ускорила развитие, обострила кризис капитализма невероятно, поставила народы перед немедленным выбором: гибель или тотчас решительные шаги к социализму». Об этом свидетельствовало, например, введение в Европе всеобщей трудовой повинности и принудительного синдицирования. Месяц спустя Ленин добавил к этому мысль, что государственная монополия объективно порождает альтернативу: либо реакционно-бюрократическое госу-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 68.

² «Новая жизнь», 14 (27) июля 1917 г.

дарство управляет производством в интересах помещиков и капиталистов, либо государство революционно-демократическое возьмет управление производством в свои руки, но тогда положение изменится коренным образом — «тогда *э т о и е с т ь ш а г к с о ц и а л и з м у*»¹.

В таком контексте Ленин по-новому обрисовал и сам социалистический строй, общее представление о котором оставалось у марксистов неизбежно абстрактным. Он увидел в нем новый строй, непосредственно вырастающий из старого в конкретных, специфических условиях, созданных реальным империализмом и мировой войной: «Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией». Из этой диалектической связи старого и нового качества Ленин выводил важнейшее доказательство неизбежности революционного перелома: «Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от *монополий* (а война удесятирила их число, роль и значение) вперед идти *нельзя*, не идя к социализму»².

Итогом этих размышлений явилось обобщение, в котором *экономическое* обоснование подкрепляло необходимость *политического*, революционного действия: «Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *м а т е р и а л ь н а я* подготовка социализма, есть *п р е д д в е р и е* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»³.

Разумеется, этот вывод ни в малейшей степени не изменял, и тем более не отменял признанное всеми революционными марксистами коренное положение о том, что между капиталистическим и социалистическим обществом лежит *переходный период* или, говоря словами Маркса, «период революционного превращения первого во второе». Ведь именно из этого положения следовало, что «государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»⁴. Ленин не просто воспринял эту мысль, но как раз в это время со всей энергией отстаивал и развивал в полемике с Каутским⁵. Говоря же об отсутствии «про-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 34, стр. 112—113, 192.

² Там же.

³ Там же, стр. 193.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 27.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 86.

межучточных ступеней», Ленин, как это ясно видно из контекста, хотел подчеркнуть другое: империализм (или государственно-монополистический капитализм) настолько созрел для социалистической революции, что при условии взятия власти пролетариатом никаких экономических преград для вступления общества в этот переходный от капитализма к социализму период не остается; становятся возможными немедленные шаги в этом направлении.

Переходя от общих, принципиальных соображений к конкретным условиям России, Ленин не только не преуменьшал ее сравнительной отсталости, но, напротив, указывал на бóльшую отсталость России как на одну из причин того, что революция в ней началась раньше, чем в странах Запада¹. Невозможно исчислить, сколько бумаги извели противники Ленина и социализма, чтобы обратить эту констатацию против русской революции и ее вождя. Сочинена и приписана Ленину специальная «доктрина отсталости», ставящая Россию в один ряд с Китаем, Индией и другими странами докапиталистического уровня, с целью доказать «неправомерность» борьбы за социализм в России, «ошибочность» всей стратегии Ленина и большевистской партии. С некоторых пор стало модным даже обвинять Ленина... в недооценке им того, что в России будто бы господствовал «азиатский способ производства»². Между тем Ленин всегда имел в виду *относительную* отсталость царской России, подчеркивая, что она была «среднеразвитой» (или «среднеслабой») капиталистической страной, в которой высококонцентрированная и монополизированная промышленность соседствовала с чудовищно отсталой мелкотоварной деревней³.

Сравнительная отсталость России, по мысли Ленина, не только не исключала для нее возможности и необходимости бороться за социализм, но, наоборот, позволяла *легче начать* революцию. Дело заключалось в «наибольшей гнилости царизма», порождавшей всеобщую ненависть к нему всех слоев населения; в недостаточной экономической силе и политической опытности российской буржуазии, зависевшей от правительственных заказов и субсидий, раболепствовавшей перед царизмом и боявшейся даже на словах прослыть республиканской; в особых трудностях войны, принесшей России военные поражения, огромные людские потери и утрату территорий, экономическую разруху, разрушение транспорта, надвигавшийся голод⁴. Нерешенность в России главных общедемократических задач порождала революционность крестьянского и национально-освободительного движений. Поэтому ударная масса, при всей ее

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 198.

² См., например, R. Dutschke. Versuch, Lenin auf die Füße zu stellen. [West-] Berlin, 1974.

³ См. Ленинский сборник XI. М.—Л., 1929, стр. 397; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 417.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 198.

разнородности, была очень велика. Благодаря же наличию организующей и направляющей силы — революционного пролетариата и его боевой партии — российская революция обладала всеограшающей силой, способностью продвинуться дальше свержения самодержавия, к установлению рабоче-крестьянской власти.

К этому надо добавить, что, по мнению Ленина, «война за три года подтащила нас вперед лет на тридцать»¹, создав довольно развитый военно-государственный промышленный комплекс. Но еще гораздо быстрее и дальше продвинула страну революция: она «сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны». Как свидетельствовал опыт этих стран, без революции для такого прогресса понадобились бы десятилетия. С беспощадной резкостью перед Россией продолжал, однако, стоять вопрос: «либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*»². В таком различии и одновременно соединении политического и экономического планов лежал ключ к действительно научному пониманию сложнейшей проблемы о зрелости в той или иной стране реальных предпосылок для социалистической революции.

Ленин уже ранее на основе изучения особой неравномерности, скачкообразности развития отдельных стран в эпоху империализма пришел к выводу о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, стране³. Теперь, в условиях развивавшейся российской революции, уже не оставалось никаких сомнений относительно того, о какой стране конкретно могла идти речь. Но самый жгучий вопрос, требовавший ответа, заключался в том, способна ли Россия не только в политическом, но и в экономическом плане *первой* встать на путь социалистической революции. Сравнительная отсталость России в этом случае, очевидно, должна была не облегчить, а усложнить, серьезно затруднить глубокое революционное преобразование общества.

Ленин со всей ответственностью обратился к анализу этой проблемы. В отличие от реформистов он не искал в относительной отсталости страны оправдания для отказа от социалистической революции или по меньшей мере для того, чтобы отодвинуть ее в отдаленное будущее. Напротив, он считал задачей революционеров немедленное отыскание таких форм и методов продвижения к социализму, которые соответствовали бы реальным условиям России. Его мысль продолжала работать в направлении, уже намеченном решениями Апрельской конференции: поиска конкретных и постепенных «шагов к социализму», обусловленных неумолимо надвигающейся на страну хозяйственной разрухой.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 113.

² Там же, стр. 198.

³ Подробнее см.: «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», т. 3, стр. 525—544.

В обстановке революционного напряжения буржуазные круги сознательно разваливали экономику, обостряли хозяйственный хаос локаутами. Один из крупнейших представителей российских монополистов, П. П. Рябушинский, цинично провозгласил на торгово-промышленном съезде в августе: «Нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов»¹. А эсеры и меньшевики, входившие в правительство, видя неминуемость надвигающейся катастрофы, тем не менее проявляли полную бездеятельность. Ленин раскрыл ее классовый смысл: «Контроль, надзор, учет — вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом. Вот что бесспорно и общепризнано. И вот чего как раз *н е д е л а ю т* из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли»².

Но имелась ли в России возможность для «быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства»? Ленин рассматривал этот вопрос в двух планах. В плане международном он считал положительным то, что «перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты их техники и культуры», что «нам оказывает моральную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера нарастающей всемирной рабочей революции». В плане внутреннем Ленин прежде всего отметил благоприятную политическую ситуацию: «Нас подстегивает, подхлестывает исключительно редкая во время империалистской войны революционно-демократическая свобода»³.

Самая суть дела, считал Ленин, заключается в том, что «стоять на месте нельзя — в истории вообще, во время войны в особенности. Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не *и д я* к социализму, не делая *ш а г о в* к нему (шагов, обусловленных и определяемых уровнем техники и культуры)»⁴. При этом нельзя обойтись без переходных мер к социализму и «комбинированных типов» в экономике переходного периода⁵.

Кто же способен осуществить эти необходимые меры? Только Советы, став действительно революционно-демократической властью, могут создать государство, «революционно разрушающее *всякие* привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм»⁶. И именно при таком государственном устрой-

¹ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы (март — октябрь 1917 г.)», ч. I. М.—Л., 1957, стр. 201.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 156.

³ Там же, стр. 198.

⁴ Там же, стр. 192.

⁵ См. там же, стр. 375.

⁶ Там же, стр. 191.

стве сложившийся в России государственно-монополистический капитализм неминуемо должен будет продвигаться в направлении социализма. Поэтому вопрос о перерастании революции в социалистическую упирается в вопрос о власти, в вопрос о *характере и роли государства*.

К проблеме государственной власти подводит, с другой стороны, неизбежное в ходе всякой буржуазной революции классовое размежевание. Единая «революционная демократия» практически исчерпала себя свержением самодержавия. За последующие полгода «господствующие и правительствующие» мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков показали свою полную неспособность разрешить важнейшие задачи революции. Волю к борьбе за власть для себя и своего естественного союзника — беднейшего крестьянства — проявляет один только революционный рабочий класс, возглавляемый партией большевиков.

Вопрос о государстве выдвигался в центр внимания еще и с третьей стороны. Ленин и большевики с первых дней революции видели в Советах зародыш государства *нового типа*, пригодный как для последовательного решения общедемократических задач, так и для осуществления шагов к социализму. Рабочие, солдаты, крестьяне считали Советы своими органами. Но преимущества небывалой в истории Республики Советов по сравнению с традиционной парламентарно-демократической республикой требовали теоретического обоснования на основе обобщения революционной практики.

В этой связи Ленин считал осенью 1917 г. особенно важным осуществить свой давний замысел — восстановить извращенное оппортунистами учение марксизма о государстве, соединив его с определением задач пролетариата в развивающейся революции. Книга «Государство и революция», заостренная против оппортунизма и анархизма, осталась незаконченной — «помешал» канун Октябрьской революции. Тем не менее этот труд сыграл выдающуюся роль в ее победе и в закреплении завоеваний революционного пролетариата.

Естественно, что в обстановке революции главное внимание Ленина привлекало развитие взглядов Маркса и Энгельса на слом в ходе народной революции старой государственной машины, на роль новой, пролетарской власти в период перехода от капитализма к социализму. Ленин особо выделил диалектический подход Маркса и Энгельса к проблеме соотношения демократии буржуазной и пролетарской при анализе ими опыта Парижской коммуны.

Указав на такие меры Коммуны, как уничтожение постоянной армии, полная выборность всех должностных лиц и их сменяемость, Ленин резюмировал: «Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией... Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в

качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую»¹.

Добавив к названным трем мерам Коммуны четвертую — «сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня *за-работной платы рабочего*», Ленин подчеркнул: «Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом* — от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как *особой силы*» для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян»².

Говоря о выборности, сменяемости всех должностных лиц и максимуме зарплат для них, Ленин снова отметил, что эти меры подводят «к той интересной грани, где последовательная демократия, с одной стороны, *превращается* в социализм, а с другой стороны, где она *требует* социализма»³. Так же и в замене Коммуной постоянной армии вооружением рабочих, всенародной милицией Ленин видел фактор, стимулирующий переход к социализму: «Такая степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться»⁴.

Однако развитие демократии отнюдь не идет вперед просто, прямо и гладко, ко все большей и большей демократии, а затем и к социализму. Так рисуют дело лишь либералы и оппортунисты. Переход от капитализма к социализму невозможен без *качественного скачка*, без *социалистической революции*. Все эти меры Коммуны потому и служат «мостиком, ведущим от капитализма к социализму», считал Ленин, что они объединяют интересы рабочих и большинства крестьян. И хотя они вроде бы касаются только «государственного, чисто политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т. е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность»⁵. В другом месте Ленин указал: «Развитие демократии *до конца*, изыскание *форм* такого развития, испытание их *практикой* и т. д., все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать ее преоб-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 42.

² Там же, стр. 43.

³ Там же, стр. 78.

⁴ Там же, стр. 100.

⁵ Там же, стр. 44.

разование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории»¹.

Отправляясь от мысли Маркса о переходном периоде, Ленин со всей решительностью подчеркнул, что развитие от капитализма к коммунизму «идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя»². А диктатура пролетариата «не может дать просто только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *в е р в ы е* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа», диктатура пролетариата вынуждена осуществить «ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам»: их сопротивление надо сломить силой, а «там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии»³.

Однако насилием против эксплуататоров не исчерпывается содержание диктатуры пролетариата. Для решения созидательной задачи ей необходима максимальная активность и инициатива самих масс в управлении государством и экономикой. Социалистическое строительство — задача гигантской трудности, хотя капитализм, создав крупное, централизованное производство и управление, сделал организацию учета и контроля доступной большинству грамотного населения. «Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, — писал Ленин, — до конца не может быть речи. Это — утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество... это прямая, очередная задача революционного пролетариата». «Надсмотрщики и бухгалтеры», «техники всех сортов, видов и степеней» должны лишь утратить свое положение привилегированной касты, превратиться в служащих, «ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых»⁴.

Продолжая эти мысли в другой работе, относящейся к тому же времени, Ленин писал, что главная трудность пролетарской революции заключается в осуществлении во всенародном масштабе точнейшего учета и контроля, «*рабочего контроля* за производством и распределением продуктов». Объясняя, почему большевики ставят лозунг рабочего контроля «*всегда рядом с диктатурой пролетариата, всегда вслед за ней*», Ленин подошел к вопросу о том, что в буржуазном государстве кроме преимущественно «угнетательского» аппарата (армия, полиция, чиновничество) имеется также аппарат, выполняющий работу учета: «Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать, отсечь, отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 79.

² Там же, стр. 88.

³ Там же, стр. 89.

⁴ Там же, стр. 48—49.

надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным»¹. Пролетарскому государству нужны будут хорошие и опытные организаторы производства; в большем, чем прежде, числе потребуются инженеры, агрономы, техники, научно образованные специалисты. Для их привлечения, писал Ленин, придется сохранить на время перехода более высокую оплату их труда².

Выдвигая и отстаивая взгляды, проникнутые глубокой верой в творческие способности самых широких народных масс, и вместе с тем не преувеличивая реального уровня их образованности и культуры, Ленин допускал, что во время переходного периода возможен будет даже известный возврат к «примитивному» демократизму, но это совсем не страшно. Отказ от буржуазного (другого в то время не было) парламентаризма вовсе не означает отказа от представительных учреждений вообще. Вся суть в том, чтобы избранные представители не отрывались от народа и работали сами³. Преимущества системы Советов как новой государственной власти, как второй (после Коммуны) политической формы диктатуры пролетариата Ленин видел именно в их тесной связи с массами, в большем демократизме. Обеспечивая руководство массами со стороны пролетарского авангарда, Советы позволяют соединить выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии. «По сравнению с буржуазным парламентаризмом,— заключил он,— это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение»⁴.

Осенью 1917 г. все политические направления того времени — от кадетов до «четверть-большевиков» из газеты «Новая жизнь» — единодушно считали, что большевики либо не решатся одни взять в свои руки всю власть в стране, либо не смогут даже на короткое время сохранить ее. Ответ им Ленин дал в статье «Удержат ли большевики государственную власть?». Рассмотрев один за другим все доводы противников и скептиков, он показал их несостоятельность. Подводя итоги разностороннему анализу экономических и политических возможностей продвижения России в авангарде человечества к новому общественному строю, Ленин написал пророческие слова: «Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, железных дорог и т. п.; когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих *тормозит* капитализм; когда сознательные рабочие сплотили пар-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 305—307.

² См. там же, стр. 312.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 43—44, 46—48, 116.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 305.

тию в четверть миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке всех трудящихся и эксплуатируемых, — когда *есть* налицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, *если они не дадут себя запугать* и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции»¹.

Выдвинутые Лениным в преддверии Октября идеи о соотношении демократии и социализма, об экономических и социально-политических проблемах перехода от капитализма к социализму не только не утратили своей актуальности в наши дни, но, напротив, приобрели новый смысл, новое звучание. Ленинское наследие — ценнейший пример сочетания глубокого теоретического анализа развития капиталистического способа производства с практической разработкой стратегии и тактики борьбы за социалистическую революцию — остается неисчерпаемым источником творческого мышления для современного революционного движения.

КУРС НА ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Прибегнув в дни июльского кризиса к насилию против революционных масс, лидеры соглашательских партий пошли на действия, поставившие их в один ряд с открытой контрреволюцией. Победа Временного правительства была достигнута средствами, которые подрывали фундамент его власти: бессознательное доверие масс, их соглашательские иллюзии. Однако серьезного ослабления революционных сил Временное правительство не добилось. Большевики сумели вовремя отступить и вывести из-под удара свои основные кадры.

Установив силой единовластие, Временное правительство ликвидировало возможность мирного развития революции. Представители буржуазии и помещиков усилили нажим, заявляя: «Путь только один — твердая и сильная власть». Милюков требовал уничтожить «многовластие явочных и самочинных комитетов, исполняющих свою полную волю»². Временное правительство ввело на фронте смертную казнь. В сложившихся условиях вооруженное столкновение между революционными силами и контрреволюцией становилось неизбежным.

VI съезд партии большевиков, проходивший в июле — августе 1917 г. в Петрограде, работал в полулегальных условиях. Ленин отсутствовал, но его работы и тезисы «О политическом положении» легли в основу решений съезда. Резолюция съезда указывала, что «в настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 332—333.

² Цит. по: «Буржуазия и помещики в 1917 году». М.— Л., 1932, стр. 193, 214.

в руки контрреволюционной буржуазии». Задачей российского рабочего класса и беднейших слоев города и деревни является поэтому «напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества»¹. После дискуссий было принято предложение Ленина временно снять лозунг «Вся власть Советам!», поскольку Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, превратились в послушное орудие правительства. Это не означало, однако, отказа от Советов вообще; большевикам следовало защищать от контрреволюции все массовые организации трудящихся, и прежде всего Советы, фабзавкомы, солдатские и крестьянские комитеты; во многих пролетарских центрах Советы оставались органами революционной власти. Съезд взял курс на организацию и подготовку всех революционных сил к тому моменту, когда общенациональный кризис и углубление массовой борьбы создадут условия для успешного вооруженного восстания.

Эта новая ориентация партии, принятый ею курс на вооруженное восстание были ответом на изменение обстановки, образцом выработки такой тактики, которая соответствовала новой ситуации. «События сложились так, что русская революция пошла иным — немирным путем. Но уже сама принципиальная постановка вопроса о возможности двух путей развития революции есть актуальное и поныне завоевание ленинской мысли»².

Прибегнув к насилию в июле, контрреволюция продолжала и дальше идти по этому пути, стремясь установить в стране военную диктатуру. В диктаторы она прочила известного своей реакционностью генерала Л. Г. Корнилова, назначенного в июле верховным главнокомандующим. Готовился контрреволюционный заговор: на фронте расформировывались революционно настроенные части и одновременно создавались ударные батальоны для борьбы с революцией. 25 августа генерал Корнилов, двинув на Петроград верные войска, потребовал передачи в его руки всей военной и гражданской власти.

Глава Временного правительства Керенский, участвовавший на ранней стадии в подготовке этого заговора, в последний момент отмежевался от Корнилова и отстранил его от должности верховного главнокомандующего. Колебания Керенского отражали глубокий разброд в рядах соглашательских партий. В то время как «верхи» были в прямом или косвенном сговоре с контрреволюцией, «низы» вовсе не хотели восстановления власти военщины.

¹ «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы». М., 1958, стр. 256—257.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 558.

Большевики сыграли основную роль в организации отпора силам контрреволюции. Революционные полки и рабочие дружины Петрограда двинулись навстречу войскам Корнилова. Агитаторы проникли в эти войска и побудили солдат отказаться от похода на Петроград. Мятеж потерпел полный провал.

В ходе борьбы против корниловщины произошел серьезный перелом в сознании рабочих и солдат. Сдвиг начался еще до корниловского мятежа, а его поражение сделало перелом необратимым. «Солдаты все более и более склоняются в нашу сторону,— писал 11 (24) августа в Секретариат ЦК РСДРП(б) комитет большевиков в Вендене.— Озлобление на контрреволюцию растет. Эсеры начинают с солдатами говорить «большевистским» языком... но солдаты говорят: если вы согласны с большевиками, то нам незачем идти к вам, пойдем уже прямо к большевикам». В письме из Владимирской губернии сообщалось, что «корниловские дни излечили окончательно» от всех иллюзий и теперь «рабочие всецело находятся под влиянием большевизма». Об этом же писал секретарь Донецко-Криворожского губкома Ф. А. Артем (Сергеев). Юго-Западный губком докладывал в середине сентября, что в армиях фронта «рост революционного настроения идет вверх изо дня в день... Во многих частях целые роты при вопросе «есть ли у вас большевики»? — отвечают: «мы все большевики»»¹.

Деятельность Советов повсюду снова оживилась. В результате частичных перевыборов Петроградского городского и районных Советов в столице значительно укрепились позиции большевиков. Так, рабочий Путиловского завода И. Г. Егоров стал председателем Петергофского районного Совета, рабочий Сестрорецкого завода С. С. Зорин возглавил Сестрорецкий райсовет².

31 августа Петроградский Совет принял большевистскую резолюцию «О власти», десять дней спустя руководство Советом перешло к большевикам. 5 сентября такую же резолюцию принял Московский Совет, был переизбран Исполком, председателем которого стал член ЦК партии большевиков В. П. Ногин³. Только в течение одного дня 1 сентября 126 местных Советов высказались за передачу всей власти Советам⁴. Видный деятель большевистской партии на Кавказе С. Г. Шаумян писал из Баку: «Замечающаяся по всей России большевизация проявилась в самых широких размерах и в нашем

¹ См. «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.) Сборник документов», т. I. М., 1957, стр. 203, 230, 237, 443 (далее — «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)»).

² См. «История рабочих Ленинграда», т. 2, стр. 22.

³ См. А. Я. Грунт. Указ. соч., стр. 226.

⁴ «История гражданской войны в СССР», т. 1. М., 1938, стр. 215.

мазутном царстве... Вчерашние хозяева положения — меньшевики не смеют показываться в рабочих районах»¹.

В условиях, когда многие Советы высказывались против политики соглашения с буржуазией, вновь открылась возможность мирного развития революции². 31 августа ЦК большевистской партии обратился в ЦИК Советов с требованием отстранить кадетов от власти и создать правительство из представителей пролетариата и крестьянства. За это предложение высказались Петроградский и Московский Советы. Большевики были готовы пойти на компромисс и поддержать эсеров-меньшевистское правительство, которое обеспечило бы переход власти к Советам. «Теперь, и только теперь, может быть *всего в течение нескольких дней* или на одну — две недели, — писал Ленин, — такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно». Большевики были готовы пойти на этот компромисс только ради мирного развития революции — возможности «*крайне редкой в истории и крайне ценной*»³. Но эсеры и меньшевики отвергли предложение, последняя такая возможность была упущена. Оставался лишь путь вооруженной борьбы за власть Советов.

К этому времени выступления трудящихся достигли небывалого размаха. Впереди шел рабочий класс. Если в первой половине года стачки возникали главным образом на экономической почве и были разрозненными, то осенью они стали охватывать целые отрасли и носили преимущественно политический характер. В ходе многих стачек на Украине во второй половине 1917 г. выдвигались политические требования. На Урале с июля по октябрь произошло 209 стачек, из них 60 экономических, 71 политическая и 78 с экономическими и политическими требованиями. Общее число бастовавших на Урале составило 138 144 человека, из них 112 200 принимали участие в политических стачках, 7220 — в смешанных и 18 724 — в чисто экономических. Лозунгами общеуральской политической забастовки 1 сентября, в которой участвовало свыше 110 тыс. рабочих, были: «Немедленный созыв Всероссийского съезда Советов!», «Долой контрреволюционную диктатуру!», «Да здравствует пролетарская революция!» В конце сентября проходили всеобщие стачки железнодорожников, рабочих бакинских нефтепромыслов; в массовых забастовках шахтеров Донбасса в сентябре — октябре приняло участие до 280 тыс. человек⁴. Горняки конфисковали ряд шахт и арестовали их владельцев за отказ подчиниться требованиям рабо-

¹ С. Г. Шаумян. Избранные произведения, т. 2. 1917—1918 гг. М., 1958, стр. 95.

² См. А. М. Савокин. На путях к Октябрю. Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов. М., 1977, стр. 112—126.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 134—135.

⁴ См. И. И. Минц. Указ. соч., т. 2, стр. 711—713.

чего контроля. Для «усмирения» рабочих Временное правительство направило туда войска ¹.

В августе началась забастовка кожевников Москвы, требовавших пересмотра тарифов. Она была поддержана в ряде других городов и в сентябре превратилась во всероссийскую. В начале октября кожевники приняли резолюцию о передаче всей власти Советам и потребовали отнять предприятия у капиталистов, не желавших идти на соглашение с рабочими ². Во всеобщей стачке железнодорожников приняло участие свыше 100 тыс. человек. В октябре стачка текстильщиков Центрально-промышленного района охватила около 300 тыс. рабочих. Бастовали металлисты Харькова, Тулы, Нижнего Новгорода и других городов. На первый план повсюду выдвинулось требование передачи власти Советам ³.

Все активнее в революционное движение втягивались крестьяне. Их недовольство и возмущение возрастали по мере того, как они убеждались, что от Временного правительства не приходится ждать решения аграрного вопроса. Министр земледелия эсер С. Л. Маслов внес проект земельного закона, который предлагал лишь произвести учет частновладельческих имений. «Партия эсеров,— писал в этой связи Ленин,— обманула крестьян: она переползла со своего земельного проекта на помещичий, кадетский» ⁴. Партийные организации большевиков посылали в деревню агитаторов — рабочих, революционных солдат,— которые призывали крестьян немедленно отбирать землю у помещиков. Осенью 1917 г. крестьянское движение охватило более 90% уездов Европейской части России и переросло в крестьянское восстание. Даже те крестьяне, которые голосовали в Советах за эсеров и меньшевиков, на практике следовали призывам большевиков и самовольно захватывали помещичьи земли и инвентарь. В сентябре — октябре в шести районах страны произошло свыше 3500 аграрных конфликтов, в том числе в Центрально-земледельческом районе — 1349 и губерниях Поволжья — 1670. Выступления отличались массовостью и остротой борьбы, характерными для крестьянской войны (вооруженные захваты, разгромы, поджоги имений). Значительная часть крестьянских выступлений имела не только антипомещичий, но и антикулацкий характер: так, в Симбирской, Казанской и Саратовской губерниях более трети общего числа крестьянских выступлений было направлено против кулаков,

¹ См. И. Ш. Черномаз. Борьба рабочего класса Украины за контроль над производством. Харьков, 1958, стр. 91—92.

² См. «История Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 142.

³ См. Л. С. Гапоненко. Решающая сила Великого Октября. М., 1977, стр. 202—203.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 428.

хуторян и отрубников¹. Посылая в деревни карательные экспедиции, правительство Керенского не смогло сбить накал крестьянской борьбы, но показало, что оно враг крестьянства.

Еще в августе 1917 г. «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» напечатали «Примерный наказ», составленный на основе 242 наказов местных Советов, в котором выражались требования безвозмездной отмены частной собственности на землю, конфискации земель, уравнительного землепользования. Однако партия эсеров, считавшая себя выразителем интересов крестьян, не поддержала этой программы и не призвала к борьбе за ее реализацию. Партия сама переживала тяжелый кризис. Осенью 1917 г. в ней выделилось левое крыло, недовольное политикой руководства. Получив большинство в Петроградской, Воронежской и других организациях, оно фактически сложилось в новую партию левых эсеров. Партия потребовала передачи всей земли земельным комитетам и немедленной ее «социализации». Но как подчеркнул Ленин, только революционный пролетариат, шедший во главе с партией большевиков к свержению капитализма, мог на деле осуществить «ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242-х наказах»².

В армии, особенно на фронтах, близких к обеим столицам, большевизация быстро продвигалась вперед³. Бюро военных организаций большевиков XII армии, расположенной под Петроградом, докладывало в ЦК в середине сентября: «Организация наша растет не по дням, а по часам; громадное большинство войск XII армии на нашей стороне. Примыкают к нам целые полки». Юго-Западный губернский комитет отмечал боевое настроение солдат VIII армии, которые единодушно поддерживают требования большевиков, а меньшевиков и эсеров встречают возгласами: «Вы корниловцы — продаете революцию»⁴.

Нарастала освободительная борьба нерусских народов России. «Аннексионистская, грубо насильническая политика бонапартиста Керенского и К^о по отношению к неполноправным нациям России принесла свои плоды,— писал Ленин в сентябре.— Широкая масса населения угнетенных наций, т. е. масса мелкой буржуазии среди них, доверяет пролетариату России больше, чем буржуазии, ибо на очереди дня история поставила здесь борьбу угнетенных наций против угнетающих за освобождение. Буржуазия подло предала дело свободы угнетенных наций, пролетариат верен делу свободы»⁵.

¹ См. Т. В. Осипова. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974, стр. 225—226.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 114.

³ Подробнее см.: П. А. Голуб. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977.

⁴ «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)», т. 1, стр. 349, 448.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 299.

Значительных успехов добились большевики Латвии, Эстонии и Белоруссии. В трудных условиях вели борьбу против буржуазных националистов большевики Украины, Закавказья и Средней Азии.

Объединение пролетарского движения с общедемократическими революционными потоками — крестьянской борьбой против помещиков и национально-освободительным движением угнетенных народов — придавало борьбе всенародный характер и неодолимую силу. Буржуазная власть все менее могла править страной. Кадетская партия обанкротилась. Партии эсеров и меньшевиков находились в состоянии разброда. Надвигалась экономическая катастрофа: быстро усиливались хозяйственная разруха, голод, инфляция.

В сентябре должен был собраться II съезд Советов. Однако эсеро-меньшевицкие руководители ЦИК Советов, не рассчитывая получить большинство, решили отложить его. Вместо этого 14 сентября в Петрограде было созвано так называемое Всероссийское демократическое совещание. В нем участвовало около 1500 делегатов от различных организаций, главным образом находившихся под влиянием соглашателей и буржуазии (городских дум, земств, кооперативов), тогда как Советам было предоставлено всего 230 мест. Большевиков среди делегатов было 136. Целью совещания было решение вопроса о власти посредством создания нового коалиционного правительства. Соглашатели рассчитывали с помощью подтасовок и маневров, используя парламентские иллюзии, отвлечь массы от усиления революционной борьбы, сорвать дальнейшее развитие революции. Однако идея коалиции с кадетами провалилась: против проголосовали $\frac{3}{4}$ представителей рабочих Советов, фабзавкомов и профсоюзов, их поддерживали представители крестьянских Советов и национальных организаций. Выделенный президиумом Демократического совещания Временный совет Российской республики (Предпарламент), затем пополненный назначенными правительством буржуазными элементами, был совещательным органом при Временном правительстве. По своему составу он не отвечал реальному соотношению сил и ни по одному из серьезных вопросов не смог принять согласованных решений. Это свидетельствовало о том, что к нежеланию народных масс жить по-старому присоединилась невозможность для «верхов» управлять страной.

«Кризис назрел», писал Ленин в конце сентября, наступил переломный момент революции. В стране растет крестьянское восстание, массы солдат и рабочих склоняются в сторону большевиков, все будущее русской и международной революции «поставлено на карту»¹. В обстановке общенационального кризиса важное политическое и практическое значение приобрел вопрос: как определить, на чьей стороне большинство народа? Активно участвуя в различных избирательных кампаниях, большевики понимали, что в условиях, когда

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 280.

у господствующих классов имеются экономические и политические средства воздействия на избирателей, итоги голосования не вполне выражают волю народа. Когда Каменев и Зиновьев осенью 1917 г. заявили, что «у нас нет большинства в народе, без этого условия восстание безнадежно», Ленин иронически заметил: они хотели бы наперед иметь гарантию, что во всей стране партия большевиков получит «ровнехонько половину голосов плюс один голос». Но кто может дать такую гарантию? «Таких гарантий история никогда и ни в одной революции не представляла и представить абсолютно не в состоянии»¹. Опираясь на опыт различных стран, Ленин считал, что для победы революции требуется вовсе не арифметическое, а *революционное большинство*. Исход революции решается отнюдь не голосованием избирателей, а самыми энергичными, активными действиями противостоящих друг другу классов и их союзников. Революционное большинство — это большинство политически активных масс, участвующих в борьбе².

Вывод Ленина осенью 1917 г., что такое большинство у партии уже имеется, был основан на сумме важнейших реальных фактов: выборы в августе — сентябре в городские и районные думы Петрограда и Москвы показали продолжающийся рост популярности большевиков³; большинство крестьянских Советов, находившихся прежде почти полностью в руках эсеров, теперь вопреки руководителям высказалось против соглашательства с буржуазией; с фронтов шел поток сообщений, что солдаты все решительнее переходят на сторону большевиков; охватившие страну крестьянские восстания против Временного правительства являлись прямой поддержкой политики партии, солдаты отказывались стрелять в крестьян⁴. Впоследствии Ленин писал, что в октябре 1917 г. на стороне партии большевиков было: 1) подавляющее большинство пролетариата; 2) почти половина армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно в столицах и на фронтах, близких к центру⁵.

Только убедившись в этом, Ленин счел возможным практически поставить вопрос о восстании. В письме Центральному Комитету. Петроградскому и Московскому комитетам партии от 12—14 (25—27) сентября Ленин указывал: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки... Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто *соприкасается* с рабочими и солдатами,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 399.

² См. там же, стр. 239.

³ Получив в Москве в июне на выборах в городскую думу 11,6% голосов, большевики в сентябре на выборах в районные думы собрали уже 51,5% голосов (см. А. Я. Грунт. Указ. соч., стр. 232).

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 399—400.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 10.

массами... Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве... Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет»¹.

Подготавливая решающее наступление на позиции буржуазии, большевистская партия предостерегала массы от преждевременных, неорганизованных действий, призывала к выдержке и дисциплинированности, разоблачала провокаторские призывы анархистов, сдерживала нетерпеливых. В статье «Марксизм и восстание» Ленин разъяснял, что к восстанию надо относиться как к искусству. Чтобы быть успешным, оно должно «опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс... на *революционный подъем народа*». Необходимо правильно определить время восстания, выбрав для него такой *переломный момент*, когда достигнута наивысшая активность передовых рядов народа, а в рядах врагов и «половинчатых друзей» революции особенно сильны колебания. Оценивая сложившиеся условия, Ленин пришел к выводу, что имеются налицо все объективные предпосылки успешного восстания².

1 (14) октября Ленин писал ЦК, МК, ПК и большевикам — членам Советов Петрограда и Москвы, что большевики «должны *взять власть тотчас*». Предлагая выдвинуть лозунги «власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным», он подчеркивал: «Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно.

Ждать — преступление перед революцией»³.

В эти дни Ленин дал партии практические советы, как готовить восстание. В статье «Советы постороннего» он подчеркнул следующие правила этого искусства: «Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*»; необходимо «собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев»; начав восстание, надо действовать «с *величайшей решительностью* и непременно, безусловно, переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания»... Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны... добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов... поддерживая, во что бы то ни стало, «*моральный перевес*»»⁴.

10 (23) октября ЦК партии на конспиративном заседании десятью голосами против двух — Каменева и Зиновьева — принял по докладу Ленина, тайно вернувшегося в Петроград из Финляндии, резолюцию о подготовке к восстанию. Она исходила из того, что

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 239—241.

² Там же, стр. 242—245.

³ Там же, стр. 340—341.

⁴ Там же, стр. 383.

этого требует международное положение русской революции: анти-военное восстание в германском военном флоте как «проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции», угроза сделки между империалистами с целью удушения революции в России. Внутреннее положение характеризовалось, с одной стороны, опасностью сдачи буржуазией и Керенским Петрограда немцам и подготовкой «второй корниловщины», с другой — завоеванием большевиками большинства в Советах, крестьянским восстанием и поворотом народного доверия к партии. «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы»¹.

Подготовка к восстанию вступила в решающую фазу. Для практического руководства им при Петроградском Совете был образован специальный орган — Военно-революционный комитет (ВРК). Его ядром стал созданный 16 октября Военно-революционный центр ЦК партии большевиков в составе А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина и М. С. Урицкого. В тот же день ЦК с участием представителей партийных и профсоюзных организаций рассмотрел вопрос о готовности к вооруженному восстанию.

Члены ЦК Каменев и Зиновьев выступали против восстания, целиком уповая на Учредительное собрание. Троцкий, в то время председатель Петроградского Совета, предлагал дожидаться намеченного на 25 октября (7 ноября) открытия II Всероссийского съезда Советов, с тем чтобы последний решил вопрос о власти. Однако без победоносного вооруженного восстания съезд Советов был бы не в силах свергнуть Временное правительство. Отсрочка же выступления давала правительству возможность сосредоточить силы для его подавления. Восстание, считал Ленин, необходимо обязательно начать до съезда Советов. «Нет ни малейшего сомнения, — писал он, — что большевики, если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «веры» в съезд Советов и в созыв Учредительного собрания, «ожидания» съезда Советов и т. п., — нет сомнения, что такие большевики оказались бы жалкими изменниками пролетарскому делу»².

ЦК РСДРП(б), решительно отвергнув все капитулянтские по своей сути предложения, ориентировал партию на энергичное соби-
 рание сил для предстоящих боев. В ночь на 21 октября Ленин на квартире рабочего Д. А. Павлова обсуждал с руководителями Военной организации при ЦК РСДРП(б) Н. И. Подвойским, В. А. Антоновым-Овсеенко и В. И. Невским ход подготовки вооруженного вос-

¹ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918». М., 1958, стр. 86.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 279.

стания, настаивая на ее ускорении и повышении боеготовности Красной гвардии¹.

Рабочая Красная гвардия была костяком вооруженных сил революции. В Петрограде и его пригородах к моменту восстания она насчитывала около 23 тыс. человек и почти целиком (95,9%) состояла из рабочих, в первую голову металлистов². Оружие для Красной гвардии изготовляли и ремонтировали рабочие военных заводов. На фабриках и заводах красногвардейцы под руководством революционных солдат обучались военному делу.

Надежной опорой большевиков были солдаты Петроградского гарнизона, ближайших к столицам армий Северного и Западного фронтов, а также моряки Балтийского флота. Начиная восстание, Военно-революционный комитет планировал комбинированные действия трех главных сил — Красной гвардии, воинских частей и флота, насчитывавших более 300 тыс. бойцов. Силы революции были готовы к решающей битве за власть в столице. Они ощущали за собой поддержку многомиллионных масс трудящихся по всей стране. Повсюду проходили конференции большевиков, шло формирование рабочих Красной гвардии. Армия социалистической революции ждала сигнала к штурму.

¹ См. «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 4. М., 1973, стр. 396—397.

² См. В. И. Старцев. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917—апрель 1918 гг.). М.—Л., 1965, стр. 255.

ПОБЕДА ОКТЯБРЯ

ПРОЛЕТАРИАТ БЕРЕТ В РУКИ ВЛАСТЬ

24 октября (6 ноября) 1917 г. отряды Красной гвардии стали занимать стратегические объекты столицы — мосты, почту и телеграф, собираться к Смольному, где находился штаб революции — Центральный и Петербургский комитеты большевиков, Петроградский Совет и ВРК. Вслед за рабочей Красной гвардией выступили моряки и воинские части. Для оперативного руководства боевыми действиями ВРК выделил трех своих членов: В. А. Антонова-Овсеенко, Н. И. Подвойского, Г. И. Чудновского¹. Поздно вечером в Смольный с конспиративной квартиры пришел В. И. Ленин. Он сразу сосредоточил в своих руках все нити по руководству вооруженной борьбой. «К нему, — писал член ВРК К. А. Мехоношин, — как центру, поступали все донесения с мест, он всегда вовремя успевал дать самые ценные и точные указания, своевременно замечал опасность в том или ином месте. Тов. Ленин был настоящим главнокомандующим всех вооруженных сил Октябрьской революции»².

К утру 25 октября (7 ноября) рабочие и революционные войска заняли почти весь город. Восстание завершилось следующей ночью: после отклонения ультиматума о сдаче был взят штурмом Зимний дворец, где находилось буржуазное Временное правительство. Огромный перевес сил на стороне большевиков, решительное и твердое руководство восстанием обеспечили быструю и почти бескровную победу: если в дни Февральской революции было более 1300 убитых и раненых, то в Октябре в столице убитых было 6, раненых — 50³.

В исторический день 25 октября (7 ноября) 1917 г. ВРК опубликовал написанное Лениным обращение «К гражданам России!», в котором говорилось: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарни-

¹ Подробнее см.: *Е. Ф. Ерыкалов, Б. Н. Камешков. Ленинский ЦК — штаб Великого Октября.* Л., 1977; «Революционный Петроград. Год 1917-й». Л., 1977.

² См. «Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих». Л., 1956, стр. 191.

³ См. «История КПСС», т. 2. М., 1966, стр. 700; т. 3, кн. 1. М., 1967, стр. 328.

зона»¹. Военно-революционный комитет призывал повсеместно устанавливать власть Советов.

В 10.40 вечера в беломраморном зале Смольного открылся Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Прибыли представители 402 Советов — городских, губернских, уездных, районных — из всех частей страны, в том числе с национальных окраин: Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии, Кавказа, Казахстана и Средней Азии. Большинство Советов были объединенными: Советов рабочих и солдатских депутатов было представлено 195, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — 119². Характерен призыв, с которым обратился к представителям солдатских Советов накануне восстания Центральный комитет Балтийского флота: «Вы идите не слово сказать, а совершить великое дело освобождения труда, и этот съезд должен взять власть в свои руки, и вы должны поддержать его всеми имеющимися у вас средствами»³. Из анализа 670 анкет делегатов следует, что за передачу всей власти Советам твердо стояли 505 делегатов⁴.

Несмотря на обструкцию группы меньшевиков и правых эсеров, демонстративно ушедших со съезда, для принятия исторических решений ему понадобилось всего два ночных заседания. На первом было принято написанное Лениным и прочитанное А. В. Луначарским обращение: «Рабочим, солдатам и крестьянам!» В нем говорилось, что съезд берет власть в свои руки и постановляет: «Вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок»⁵.

На второе заседание съезда пришел Ленин. Вот как описал это присутствовавший американский журналист Джон Рид: «Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, не-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 1.

² См. «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов». М., 1957, стр. 15.

³ Там же, стр. 210.

⁴ См. там же, стр. 15.

⁵ «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 8.

преклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума»¹.

Съезд по докладу Ленина единогласно принял Декрет о мире. Его поддержали в своих выступлениях Ф. Э. Дзержинский (от Социал-демократии Королевства Польского и Литвы), П. И. Стучка (от Социал-демократии Латвии), В. С. Мицкявичюс-Капсукас (от литовских социал-демократов). Написанный Лениным Декрет о земле был принят съездом всеми голосами при одном против и восьми воздержавшихся. Декрет об организации власти установил, что высшими органами государственной власти являются Всероссийский съезд Советов, а между съездами — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов (ВЦИК). Для управления страной создавалось Рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров (СНК). Были приняты также постановления об обеспечении революционного порядка на местах, отмене восстановленной Керенским смертной казни на фронте.

Так впервые в истории возникло государство, в котором пролетариат стал правящим классом. И первым его действием было одобрение программы, отвечавшей глубочайшим чаяниям всех трудящихся: мир, земля, власть Советов.

Контрреволюция предприняла отчаянную попытку вернуть потерянную власть. Бежавший в штаб Северного фронта А. Ф. Керенский двинулся на Петроград во главе нескольких казачьих сотен генерала П. Н. Краснова. В то время как в столице начался юнкерский мятеж, казаки заняли Гатчину, Царское Село, подошли к Пулковским высотам. Положение стало опасным. Петроград был объявлен на осадном положении. По призыву Советского правительства на его защиту встали десятки тысяч рабочих, солдат и моряков Балтийского флота. Мятежи были быстро подавлены².

Победу революции, одержанную в Петрограде, должна была закрепить рабочая Москва — крупнейший экономический, политический и административный центр России, по существу ее вторая столица. Но события развивались здесь сложнее, чем в Питере.

Утром 25 октября (7 ноября), когда из Петрограда пришли известия о победе революции, Московский комитет большевиков создал партийный боевой центр, в который вошли М. Ф. Владимирский, В. Н. Подбельский, И. А. Пятницкий, Ем. Ярославский. К вечеру Моссовет образовал Военно-революционный комитет, в который наряду с большевиками было включено несколько меньшевиков. Силы революции опирались на Красную гвардию и большинство солдат гарнизона. Революционные солдаты взяли под охрану Почтамт и

¹ Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958, стр. 116.

² Подробнее см.: В. Д. Поликарпов. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 — февраль 1918. М., 1976, стр. 74—90.

Центральный телеграф, прекратился выход буржуазных газет. Но юнкера захватили Манеж и здание городской думы. Начав с ВРК переговоры от отводе войск, Комитет общественной безопасности во главе с городским головой, правым эсером В. В. Рудневым, стремился выиграть время, возлагая надежды на прибытие вызванных войск Западного и Юго-Западного фронтов. Контрреволюции удалось занять Кремль и, расстреляв из пулеметов захваченных революционных солдат, овладеть центром города. Революционные силы, опираясь на районные ВРК, укрепились на рабочих окраинах. Лишь после призыва ВРК к всеобщей политической забастовке в ходе борьбы наметился перелом.

28 октября (10 ноября) рабочие московских предприятий дружно прекратили работу, стали вооружаться и вливаться в Красную гвардию. Численность ее быстро достигла 30 тыс.¹ Перейдя в наступление, революционные отряды вскоре блокировали центр. В упорных боях участвовали красногвардейцы московских заводов, солдаты запасных полков, самокатчики. На помощь им стали прибывать красногвардейские отряды из Орехово-Зуева, Клина, Владимира, Тулы, Иваново-Вознесенска и других городов. Из Петрограда к Москве двинулся сводный отряд матросов, солдат и красногвардейцев. На рассвете 3 (16) ноября революционные части, сломив сопротивление противника, вступили в Кремль. Советская власть победила². В ходе боев погибло около 1 тыс. человек. Почти 400 из них были похоронены в братской могиле у Кремлевской стены³. Надежды контрреволюционеров превратить Москву в оплот борьбы против Советской власти были сорваны.

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Победа революции в Петрограде и Москве, образование Советского правительства, декреты о мире и земле подняли на борьбу за освобождение всех трудящихся страны. «Декларация прав народов России», принятая 2 (15) ноября 1917 г., провозглашала равенство и суверенность народов, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие всех национальных меньшинств и этнографических групп. Политике национального угнетения Советская власть противопоставляла политику полного раскре-

¹ См. Г. А. Цыпкин, Р. Г. Цыпкина. Красная гвардия — ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. М., 1977, стр. 113.

² Подробнее см.: А. Я. Грунт. Москва 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976.

³ См. Г. С. Игнатьев. Октябрь 1917 года в Москве. М., 1964, стр. 133.

пощения и добровольного союза народов России¹. Два месяца спустя «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» провозгласила основные принципы и задачи социалистического государства, подчеркнув, что вся власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов².

Советские декреты и декларации практически убеждали трудящихся, что Советская власть — их собственная власть. «Простому рабочему и крестьянину, — вспоминал впоследствии Ленин, — мои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах»³. Вместе с огромной организаторской и воспитательной работой партии большевиков, вместе с самоотверженной героической деятельностью российского пролетариата это обеспечило победу Советской власти по всей стране за три — четыре месяца. Учитывая огромные пространства России, разнообразие социально-политической обстановки в отдельных ее районах, такой срок был исключительно коротким. Поэтому Ленин говорил и писал о «триумфальном шествии» Советской власти⁴.

Конкретные формы перехода власти к Советам на местах — мирные или вооруженные, а также сроки установления Советской власти зависели от соотношения классовых сил и нередко от национальных условий. В одних районах это происходило сразу и легко, в других — явилось результатом упорной и кровопролитной борьбы. Оплотом революции с самого начала были промышленные центры страны — средоточия основных сил рабочего класса. Из 97 крупных городов России в 80 Советская власть утвердилась мирным путем⁵.

В Центральном-промышленном районе, где трудилась почти половина промышленного пролетариата страны, Советская власть была установлена либо одновременно с Петроградом и Москвой, либо вскоре после них. В Иваново-Вознесенске, Шуе, Костроме, Твери, Брянске, Ярославле, Владимире, Рязани, Серпухове и других местные Советы, руководимые большевиками, фактически обладали реальной властью еще до Октябрьского вооруженного восстания. Так, в Иваново-Вознесенске уже вечером 25 октября (7 ноября), как только стало известно о событиях в столице, Совет рабочих и солдатских депутатов, руководимый большевиком Ф. Н. Самойловым, постановил взять власть. Был создан временный революционный штаб под председательством Д. А. Фурманова. Опираясь на Красную гвардию и

¹ См. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 39—41.

² См. там же, стр. 341.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 111.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 4.

⁵ См. И. И. Минц. История Великого Октября, т. 3. М., 1973, стр. 704—705.

солдат, штаб принял меры для поддержания революционного порядка¹. В Шуе, где располагался крупный гарнизон, ревкомом и Советом руководил М. В. Фрунзе. В Орле и Курске Советы пришли к власти мирно.

Более сложным путем развивались события в тех городах, где руководство Советов оставалось в руках меньшевиков и эсеров. В Воронеже губернский Совет отказался признать Советское правительство. Губком большевиков создал 26 октября (8 ноября) ревком из трех большевиков и двух левых эсеров, который постановил взять власть. Соглашательский Совет вместе с офицерами гарнизона и буржуазной городской думой организовал Комитет общественного спасения. В течение суток солдаты, действовавшие вместе с красной гвардией, вели вооруженные бои, установив в результате власть ревкома. Вскоре Совет был переизбран². В борьбе был решен вопрос о власти и в Смоленске. В Туле большевистский ревком вел переговоры с соглашательским Комитетом народной борьбы, организуя одновременно вооружение революционных отрядов. К 7 (20) декабря большевики добились преобладания в Совете, и он взял власть в свои руки.

В Поволжье опорными пунктами большевиков стали пролетарские центры — Казань, Самара, Саратов, Царицын, где Советская власть была установлена уже в конце октября. В декабре стали советскими Симбирск и Пенза. На рабочем Урале, где более $\frac{2}{3}$ Советов шли за большевиками, Советы брали власть, как правило, без вооруженной борьбы. В Перми и Вятке пришлось сначала отвоевать Советы у соглашателей. Лишь после длительных боев в конце января 1918 г. были разгромлены офицерско-казацкие отряды в Астрахани. В Оренбургской губернии возник центр контрреволюции во главе с поднимающим мятеж казачьим атаманом А. И. Дутовым, подавленный только весной 1918 г.

Огромной политической и вооруженной силой была действующая многомиллионная армия. Ближайшие к столицам Северный и Западный фронты, а также Балтийский флот активно поддерживали вооруженное восстание в Петрограде. 40 тыс. латышских стрелков сразу встали на сторону власти Советов. Но находившаяся в Могилеве ставка верховного главнокомандующего во главе с генералом Н. Н. Духониным (после бегства Керенского он объявил себя верховным главнокомандующим) стала центром контрреволюции в общероссийском масштабе. Ей не удалось двинуть фронтовые войска к Москве, но она пыталась сохранить руководство ими, создавала «ударные кулаки» против революции, саботировала выполнение приказа СНК о предложении перемирия на фронтах. В ночь на 9(22)

¹ См. «Из истории борьбы за установление Советской власти. Ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.». М., 1943, стр. 24.

² См. «История Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1967, стр. 298—299.

ноября Духонин был смещен, и верховным главнокомандующим назначен большевик — прапорщик Н. В. Крыленко. 10 дней спустя при активной поддержке революционных солдат ставка была занята без боя. Духонин, который накануне приказал освободить из-под ареста в Быхове руководителей августовского мятежа Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина и др., был убит возмущенными матросами. Ставка была поставлена на службу Советской власти¹.

В Эстонии, в неоккупированной немцами части Латвии и Белоруссии условия для пролетарской революции были благоприятными. Уже к октябрю многие Советы были здесь в руках большевиков, а националистические партии почти полностью изолированы. ВРК Эстонского края под руководством Я. Я. Анвельта, В. Э. Клингсеппа, И. В. Рабчинского провозгласил в середине ноября власть трудящихся, отразив попытки буржуазии свалить ее. Был подготовлен проект конституции Эстляндской трудовой коммуны, на предприятиях введен рабочий контроль. В Латвии установление Советской власти подтвердил II съезд Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов, состоявшийся в декабре в Валмиере. Исполком Советов (Исколат) во главе с Ф. А. Розинем-Азисом приступил к национализации земли, промышленности и торговли². Быстро и бескровно победила революция в Белоруссии.

Иная обстановка сложилась в районах действий Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов, на Украине, в Молдавии, на Дону, Северном Кавказе и в Закавказье. Оплотом социалистической революции стал пролетарский Донбасс. В Луганске переход власти к Совету произошел без всяких осложнений³. Зато в Киеве Совет находился под влиянием русских и украинских меньшевиков и эсеров. Только 1(13) ноября, после забастовки рабочих завода «Арсенал» и других предприятий, в результате упорных трехдневных боев, руководимых ревкомом, сопротивление войск Временного правительства было сломлено. Но плодами победы воспользовалась буржуазно-националистическая Центральная рада, которая захватила власть и 7(20) ноября провозгласила «Украинскую народную республику». Развернув борьбу против Советов, она стала в союзе с русской и иностранной буржуазией готовиться к войне против Советской России⁴.

Когда съезд Советов Украины, собравшийся в начале декабря в Киеве, был разогнан Радой, свыше 120 его делегатов переехали

¹ Подробнее см.: В. Д. Поликарпов. Указ. соч., стр. 226—265.

² См. «Борьба за Советскую власть в Прибалтике». М., 1967, стр. 130—131, 139—141, 149—154, 319—325.

³ См. К. Е. Ворошилов. Из недавнего, бесконечно далекого прошлого. — Октябрь 1917 года. Сборник статей и воспоминаний. Ростов-на-Дону, 1921, стр. 62.

⁴ Подробнее см.: «Победа Советской власти на Украине». М., 1967.

в Харьков. Здесь 11—12 (24—25) декабря состоялся I Всеукраинский съезд Советов. Он объявил о создании Украинской Советской республики как федеративной части Советской России, распространил на Украину действие декретов Советской власти. Первое Советское правительство Украины — Народный секретариат — возглавил видный большевик Ф. А. Сергеев (Артем); в него вошли В. Н. Затовский, Н. А. Скрыпник и др. Совнарком РСФСР приветствовал создание советской государственности украинского народа и обещал «новому правительству братской Республики полную и всемерную поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины»¹.

В январе 1918 г. Киевский Совет вместе с фабзавками и профсоюзами призвал рабочих к новому вооруженному восстанию. Только в результате многодневных боев с националистическими войсками, казаками и гайдамаками 26 января (8 февраля) подошедшие к Киеву советские войска вместе с отрядами рабочих после упорных уличных схваток восстановили в городе Советскую власть. Центральная рада бежала, и к концу февраля рабоче-крестьянская власть утвердилась на всей Украине².

В Молдавии, где преобладало сельское население и почти не было фабрично-заводского пролетариата, Советская власть была установлена в конце 1917 — начале 1918 г. в результате борьбы революционных сил с буржуазными националистами. Но уже в январе в Бессарабию вторглись румынские войска, оккупировавшие ее территорию³.

На Дону, где казаки, составлявшие менее половины населения, владели 85% земли и пользовались другими привилегиями, еще в мае 1917 г. было создано «Донское войсковое правительство» во главе с атаманом А. М. Калединым. Сразу же после Октября Каледин поднял антисоветский мятеж, и вскоре Дон стал общероссийским контрреволюционным центром. Сюда стали стекаться все враги Советской власти: прибыли генералы М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, образовавшие «триумvirат», октябрист М. В. Родзянко, кадеты П. Н. Милюков и П. Б. Струве, эсер Б. В. Савинков. В Новочеркасске началось формирование белогвардейской Добровольческой армии. Только после упорной вооруженной борьбы провагившиеся из Донбасса революционные войска, поддержанные восстаниями рабочих и трудовым казачеством, разгромили донскую контрреволюцию, освободили Новочеркасск и Ростов. Каледин застрелился, Корнилов был убит, Добрармия отступила на Кубань⁴. В марте 1918 г. была создана Донская Советская республика.

¹ «Декреты Советской власти», т. I, стр. 245—246.

² См. «Победа Советской власти на Украине», стр. 434—435, 438—441.

³ См. «Победа Советской власти в Молдавии». М., 1978, стр. 253.

⁴ См. В. Д. Поликарпов. Указ. соч., стр. 368—394.

В сложной обстановке пестрых общественных отношений и многонационального населения развивалась революция на Кавказе. В Баку, крупнейшем пролетарском центре Закавказья, большевики, преодолев сопротивление меньшевиков, правых эсеров и буржуазных националистов, добились на расширенном заседании Бакинского Совета бескровного установления Советской власти. 2(15) ноября был избран новый исполком во главе с С. Г. Шаумяном. Однако и в самом Баку, а еще больше в других центрах Закавказья меньшевики (особенно в Грузии), эсеры и буржуазно-националистические организации (армянские дашнаки, азербайджанские мусаватисты) продолжали оказывать ожесточенное сопротивление. В Тифлисе им удалось распустить Делегатское собрание гарнизона, поддерживавшее большевиков, захватить арсенал и создать свое правительство — Закавказский комиссариат. Власть в Закавказье, за исключением Баку, оказалась в руках буржуазно-националистических организаций, получивших поддержку империалистов Англии и США¹. На Северном Кавказе в результате напряженной борьбы весной 1918 г. в Пятигорске была провозглашена Терская народная республика.

В Средней Азии и Казахстане, которые являлись одной из наиболее отсталых окраин России, решающая роль русского пролетариата сказалась особенно сильно. Главным оплотом революционной борьбы стал Ташкент — рабочий центр среди массы крестьянского населения Туркестанского края, находившегося под влиянием реакционных баев и мусульманского духовенства. В ответ на попытку буржуазных властей разоружить солдат гарнизона 28 октября (10 ноября) здесь вспыхнуло вооруженное восстание. В результате четырехдневных боев власть перешла к Совету. В ноябре был создан Туркестанский Совнарком во главе с большевиком Ф. И. Колесовым. Установление Советской власти в таких крупных городах Средней Азии, как Самарканд и Ашхабад, произошло сравнительно быстро, а в Коканде, Семиречье, в других районах Казахстана и Киргизии встретило упорное сопротивление и затянулось².

В пролетарском центре Сибири — Красноярске — Советская власть была провозглашена уже 29 октября (11 ноября) 1917 г. В течение ноября она утвердилась в Иркутске, Омске и других городах, а к марту 1918 г. дошла до Камчатки.

Стремительность продвижения Советской власти от берегов Балтики до Тихого океана показала, что Октябрьская революция имеет глубокие корни в народных массах, нашла живейший отклик в сердцах миллионов. В быстром успехе революции проявилась прежде всего *зрелость российского пролетариата*, который, идя в авангарде движения, повел за собой массы крестьян-тружеников в солдатских

¹ См. «Победа Советской власти в Закавказье». Тбилиси, 1971, стр. 192, 200, 203—204, 207—208.

² См. «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане». Ташкент, 1967, стр. 361—367, 373—378, 391—398.

пинелях и матросских бушлатах. Рабочий класс России сумел стать гегемоном революционной борьбы, главной движущей силой политического и социального преобразования страны. Созданные им органы революционной власти — Советы обеспечили прочное удержание завоеванных позиций.

Рабочий класс осуществил социалистическую революцию, опираясь на союз с беднейшим крестьянством. Вместе с тем большевики выдвинули такую аграрную программу, которая позволила вовлечь в революцию самые широкие массы тружеников деревни. Сплотив вокруг пролетариата *большинство трудящихся крестьян*, большевики не только отвоёвывали их у буржуазии, но в значительной степени вырвали и из-под влияния эсеров. Национальная политика большевистской партии обеспечила Советской власти *поддержку угнетенных народов России*, которым она несла как национальное раскрепощение, так и освобождение от эксплуатации.

Решающее значение для победы Октября имело то обстоятельство, что во главе народных масс стояла испытанная, боевая, подлинно революционная партия большевиков. Воспитанная Лениным, она сумела подготовить рабочий класс к победоносным революционным боям. Руководствуясь марксистско-ленинской теорией революции, она разработала научно обоснованную стратегию и тактику борьбы за социализм. Партия выдвинула такие лозунги, которые дали каждому трудящемуся возможность понять: социалистическая революция, рабочая власть принесут им немедленные и ощутимые экономические и социально-политические плоды, избавят их от бесправия, угнетения и эксплуатации. Партии удалось соединить в единый поток различные революционные движения, все формы проявления народного недовольства. В сложнейших условиях она обеспечила умелое руководство борьбой масс и привела их к победе¹.

В немалой мере способствовали успеху Октября относительная слабость российской буржуазии, ее трусость, политическая неопытность, с одной стороны, и раскол мировой буржуазии, поглощенной затянувшейся войной, — с другой. Несмотря на панические призывы российской буржуазии о помощи, ни англо-французский, ни германский блок не смогли оказать ей немедленную военную поддержку.

Существенным фактором победы социалистической революции была помощь международного пролетариата. Она выразилась прежде всего в том, что в революционной борьбе трудящихся России непосредственно участвовали многие трудящиеся зарубежных стран, находившиеся в России. На ее территории (в центральных губерниях и в Сибири) было к этому времени от 2,1 до 2,3 млн. военнопленных из Центральных держав, причем более 1,5 млн. использовались на различных работах в сельском хозяйстве, строительстве и промыш-

¹ См. «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1979, стр. 221—223.

ленности (особенно в Донбассе, на Урале) бок о бок с местными трудящимися. Кроме того, во внутренних губерниях находились 2,8 млн. беженцев из Польши и Прибалтики, сотни тысяч рабочих-отходников из Финляндии, Персии, Кореи, Китая и других стран¹. Эта разноликая, многоязычная и пестрая по национальному, социальному составу и политическому настрою масса была в той или иной мере вовлечена в революционные сражения.

Польские и финские интернационалисты принимали активное участие в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Ф. Дзержинский и И. Уншлихт входили в состав Петроградского ВРК, Ю. Лещинский и Ст. Пестковский вели большую работу на заводах, братья И. и Э. Рахья выполняли задания Ленина. Среди питерских красногвардейцев были поляки, болгары, чехи, немцы, китайцы, сербы, венгры. Американские журналисты Джон Рид, Альберт Рис Вильямс, Луиза Брайант находились в гуще событий, сочувствуя делу большевиков. 5 (18) ноября 1917 г. Ленин и Свердлов приняли делегацию от 300 бельгийских рабочих петроградских и сестрорецких заводов, которые просили передать рабочему классу России, что «бельгийские рабочие всем сердцем с ними в борьбе за мир и социализм»². В декабре в массовой демонстрации под лозунгами мира и дружбы народов участвовали военнопленные — немцы, венгры, австрийцы, чехи, поляки.

В вооруженных боях за победу Октября в Москве принимали участие поляки, венгры, австрийцы, югославы, немцы, французы. В утверждении Советской власти на Украине участвовали многочисленные военнопленные: в Киеве — чехословаки, поляки, югославы; в Одессе — венгры, немцы, австрийцы, румыны, чехи, словаки, болгары; в Екатеринославе — поляки, югославы. На Урале и в Сибири среди интернационалистов были военнопленные венгры, австрийцы и немцы, польские беженцы, китайские и корейские рабочие-отходники. В октябре 1917 г. в Омске становится красногвардейцем высланный Временным правительством из Петрограда И. Броз Тито, который вместе с большевиками ведет революционную работу среди крестьян. Бывшие венгерские военнопленные во главе с К. Лигети телеграфировали в декабре В. И. Ленину из Омска: «Мы стали союзниками русской революции и идем вместе с Вами»³.

В Петрограде, Москве, Орехово-Зуеве, Туле, Твери, Пензе, Самаре, Казани, Симбирске, Челябинске, Омске и многих других городах стали создаваться союзы военнопленных, комитеты иностр-

¹ В том числе: около 500 тыс. венгров, 400—450 тыс. австрийцев, 200—300 тыс. югославян, 200—250 тыс. чехов и словаков, 190 тыс. немцев, 120—150 тыс. румын, около 100 тыс. поляков, 50 тыс. турок, а также итальянцы и др. (см. «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов». М., 1967, стр. 15, 30—33, 51).

² «Правда», 20 ноября (3 декабря) 1917 г.

³ «Интернационалисты», стр. 122.

ранных интернационалистов. Они собирались на региональные конференции, а в апреле 1918 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд военнопленных социал-демократов интернационалистов, на котором были представлены не менее 100 тыс. участников движения. На митинге выступали венгр Б. Кун, поляк М. Броньский, чех Ф. Бенеш. Съезд создал Интернациональную революционную социалистическую организацию иностранных рабочих и крестьян, которая должна была работать рука об руку с РКП(б). «Мы все, как один человек, — было сказано в принятом съездом манифесте, — решили с оружием в руках поддержать русское революционное правительство, провести в жизнь коммунизм Маркса и Энгельса»¹.

Первые месяцы после Октября, говорил Ленин в марте 1918 г., потому были «сплошным триумфальным шествием» Советской власти, что «подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко». Не следует, однако, забывать, продолжал он, что после этой победы перед партией и страной встают новые, неслыханной трудности задачи: задачи внутренней организации, возникающие перед всякой социалистической революцией, и задачи международные — защиты от империализма и развития связей российской революции с рас-
тущей революцией международной, мировой².

СТРОИТЕЛЬСТВО РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Победа Октябрьской революции, завоевание рабочим классом политической власти коренным образом изменили его положение: из угнетенного он стал господствующим классом, а его авангард — Коммунистическая партия — превратился в правящую партию, в силу, руководящую строительством нового общества.

Первейшей задачей, вставшей перед рабочим классом и партией большевиков, было строительство Советского государства, государства нового типа. Важнейшие теоретические вопросы о его классовой сущности, задачах и функциях были разработаны Лениным накануне Октября. Главный вывод состоял в том, что новое государство должно стать орудием социалистического преобразования всех общественных отношений: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров, и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полу-пролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства». Рабочая партия должна стать «учителем, руководителем, вождем

¹ «Интернационалисты», стр. 163.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 5—9.

всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии»¹.

Рабочий класс приступил к строительству своего государства в условиях ожесточенного сопротивления свергнутых классов. Контрреволюция не только устраивала заговоры и поднимала мятежи, но и организовала саботаж чиновников, чтобы парализовать хозяйственную жизнь и срывать поставки продовольствия в промышленные центры; начались убийства советских работников. Трудности усугублялись и тем, что рабочий класс не имел опыта государственного строительства и управления. Приходилось идти вперед путями, не изведанными никем и никогда.

Важный вопрос, требовавший немедленного ответа, заключался в том, возьмут ли большевики власть одни или разделят ее с другими партиями. На Втором Всероссийском съезде Советов партия большевиков имела абсолютное большинство: 390 из 649 делегатов². Когда часть меньшевиков и правых эсеров в знак протеста против вооруженного восстания и «захвата власти» покинула съезд, соотношение еще больше изменилось в пользу большевиков, а в лагере мелкобуржуазных партий произошла перегруппировка: за счет правых усилились фракции левых эсеров, украинских эсеров, меньшевиков-интернационалистов.

ВЦИК, избранный на съезде (ВЦИК II созыва), был создан на многопартийной основе; в него вошли: 62 большевика, 30 левых эсеров, шесть социал-демократов интернационалистов, 3 украинских социалиста, один максималист — всего 102 человека. Председателем ВЦИК 8 (21) ноября 1917 г. был избран испытанный большевик, великодушный организатор Я. М. Свердлов. Состав ВЦИК все время увеличивался. После слияния ВЦИК и Исполкома Совета крестьянских депутатов, дополнения представителями фронтовых солдат, флотских матросов и профсоюзов ВЦИК расширился в январе 1918 г. до 378 членов, но большевики сохранили в нем руководящее положение³.

Советы, в том числе и ВЦИК, были открыты и для представителей партий, покинувших II съезд Советов, при условии признания ими Советской власти. Хотя эти партии встали на путь открытой борьбы против власти Советов, тем не менее они длительное время действовали легально, участвовали в выборах и имели представителей в местных Советах, на губернских и всероссийских съездах Советов⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 26.

² См. «Правда», 29 октября (11 ноября) 1917 г.

³ См. А. И. Разгон. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977, стр. 26—44.

⁴ Так, на губернских съездах Советов в первой половине 1918 г. коммунисты и сочувствующие им имели 52,4% мест, левые эсеры — 16,8, правые эсеры — 2,9, меньшевики — 1,1, анархисты — 0,5, прочие партии — 3,2, беспартийные — 23,1% (см. М. Ф. Вла-

Ленин считал соглашение партии пролетариата с мелкой буржуазией, составлявшей в России большинство народа, не только возможным, но и необходимым. Однако «не в смысле блока для буржуазно-демократической революции», что было бы в историческом плане возвратом назад, на пройденную стадию. И «не в смысле ограничения задач социалистической революции», очерченных уже принятыми и готовившимися декретами Советской власти. Ленин имел в виду соглашения «в смысле исключительно *форм* перехода к социализму для *отдельных* слоев мелкой буржуазии», т. е. в деле, в котором особенно нужны и осторожность, и постепенность¹.

В отличие от ВЦИК Советское правительство — Совнарком — было сформировано вначале как однопартийное. Председателем его стал В. И. Ленин, на посты народных комиссаров, их помощников и членов коллегий были выдвинуты видные большевики, опытные организаторы масс. Ленин говорил впоследствии, что, «как правящая партия, мы не могли не сливать с «верхами» партийными «верхи» советские»². Наркомом по делам народного просвещения стал известный деятель культуры А. В. Луначарский; народными комиссарами по делам военным и морским стали большевики, имевшие опыт военной работы: В. А. Антонов-Овсенко, П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко; наркомом по делам иностранным стал Л. Д. Троцкий, но уже с января 1918 г. текущей работой наркомата руководил Г. В. Чичерин. Во главе Наркомата юстиции был поставлен П. И. Стучка, труда — А. Г. Шляпников, железных дорог — М. Т. Елизаров, государственного призрения — А. М. Коллонтай, по делам национальностей — И. В. Сталин. Наркомат внутренних дел вскоре возглавил Г. И. Петровский, Наркомат земледелия — А. Г. Шлихтер.

Правда, среди руководителей партии большевиков имелись сторонники идеи разделения власти с мелкобуржуазными партиями, т. е. создания «однородно-социалистического» правительства с участием в нем партий от большевистской до народно-социалистической включительно. После острых дискуссий и ухода в отставку нескольких наркомов ЦК партии твердо встал на ленинскую позицию: участие в правительстве представителей мелкобуржуазных партий возможно только на основе полного признания ими программы Советской власти, нацеленной на решение задач социалистической революции³.

Поначалу левые эсеры не приняли предложения большевиков, желая избежать решительного разрыва с правыми эсерами и другими

димирский. Советы, исполкомы и съезды Советов, вып. 2. М., 1921, стр. 6).

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 424.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 15.

³ См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918». М., 1958, стр. 122—145.

партиями, враждебно относившимися к программе Советской власти. Но в ноябре было достигнуто соглашение о правительственном блоке. Вскоре Наркомат земледелия возглавил левый эсер А. Л. Колегаев; П. П. Прошьян стал наркомом почты и телеграфа; И. З. Штейнберг — наркомом юстиции. В то время левым эсерам доверяла значительная часть крестьян, и союз рабочих с трудовым крестьянством стал основой соглашения. Такой союз двух партий, считал Ленин, вполне мог быть «честной коалицией», ибо «коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян нет»¹.

Во ВЦИК и местных Советах, которые были многопартийными, Ленину и другим большевикам приходилось вести повседневную упорную борьбу с колебаниями левых эсеров и прочих мелкобуржуазных партий. Вынужденные признать, что Советская власть делает максимум возможного для практического осуществления демократических требований трудящихся, эти партии тем не менее то и дело становились на защиту врагов революции, которые чаще всего прикрывались флагом «демократии». Так, на заседании ВЦИК 4 (17) ноября левые эсеры, поддержанные оппозиционерами из числа большевиков, подвергли критике закрытие нескольких правых буржуазных газет и принятый СНК декрет о печати. «Мы не можем дать буржуазии возможность клеветать на нас... — отвечал им Ленин. — Если мы идем к социальной революции, мы не можем к бомбам Каледина добавлять бомбы лжи»².

Попытка вынести в этой связи вотум недоверия СНК провалилась³. На заседании Петроградского Совета с фронтовыми представителями Ленин отверг попытки соглашателей помешать арестам саботажников. «Да, — отвечал он, — мы арестовываем и сегодня арестовали директора Государственного банка. Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять»⁴.

Душой буржуазной контрреволюции, ее активным организатором стала партия кадетов. Министры свергнутого Временного правительства укрепили старые связи с посольствами и миссиями Антанты. 28 ноября (11 декабря) кадеты, эсеры и меньшевики провели немногочисленную, но шумную антисоветскую демонстрацию. Вооруженные мятежники хотели захватить Таврический дворец⁵. СНК в ответ принял декрет об аресте вождей гражданской войны против революции. Партия кадетов объявлялась партией врагов народа, а члены

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 100—102.

² Там же, стр. 54.

³ См. А. И. Разгон. Указ. соч., стр. 153—163, 216—222.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 63.

⁵ Подробнее см.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. 1917—1918 гг. М., 1965, стр. 443—447.

ее руководящих учреждений подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов. Объясняя необходимость этой меры на заседании ВЦИК, Ленин подчеркнул, что «начали гражданскую войну буржуазно-калединские элементы», а «когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих,— продолжал Ленин,— всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат,— другие средства не изобретены»¹.

Однако органы насилия Советскому государству пришлось создавать принципиально новые, революционные. Полицейский, военный, судебный аппарат буржуазно-помещичьего государства, предназначенный для подавления трудящихся, не мог быть использован, и он был разрушен. Вместо него стал создаваться новый аппарат пролетарского государства. Повсюду Советы сформировали постоянную рабочую милицию, взявшую на себя защиту революционного порядка. В ноябре был принят декрет об организации новой судебной системы: вводились прямые демократические выборы судей с правом отзыва их, гласность судопроизводства с правом обвиняемого на защиту. Для рассмотрения дел контрреволюционеров и саботажников учреждались революционные трибуналы.

7 (20) декабря был создан специальный орган борьбы с контрреволюцией — Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Ее возглавил мужественный революционер, один из ближайших соратников Ленина — Ф. Э. Дзержинский. В аппарат ВЧК партийные и профсоюзные организации послали передовых рабочих и матросов². Уже в первые недели своей деятельности ВЧК раскрыла несколько антисоветских заговоров, связи иностранных посольств (американского, французского) с заговорщиками, ликвидировала ряд анархистских банд. ВЧК, говорил позднее Ленин,— «это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас»³.

Непримиримость к врагам революции ВЧК сочетала с гуманностью. В инструкции чекистам Ф. Э. Дзержинский писал: «Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовало добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что нашей задачей [является], пользуясь злом,— искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишит человека свободы и держать его в тюрьме,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 126, 135—136.

² См. Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 288, 297.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 327.

относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть»¹.

Коммунистическая партия приступила к организации военной защиты Советской республики от внешних и внутренних врагов. Она отдавала себе отчет в том, что отстоять государство рабочих и крестьян от натиска внутренней контрреволюции и международного империализма силами имевшихся отрядов рабочей Красной гвардии невозможно. Нельзя было рассчитывать и на старую армию. Хотя в ней числилось 7 млн. человек², она была небоеспособна; измученные почти четырехлетней империалистической войной, солдаты расходились по домам. Перед Коммунистической партией встала задача создания вооруженных сил пролетарского государства. Вопрос этот раньше марксистами не ставился даже теоретически³: программы социал-демократических партий выдвигали требование уничтожения постоянного войска и замены его всеобщим вооружением народа.

Исходя из новых условий был сделан вывод, что пролетарскому государству необходимо создать свою вооруженную организацию. 15 (28) января 1918 г. Советское правительство приняло декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Она должна была строиться как армия классовая, состоять «из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс»⁴. Такую армию поначалу можно было создать только на основе добровольчества. Учитывая огромную усталость от войны солдат и всех трудящихся, партия звала в Красную Армию лишь тех, кто готов был добровольно встать на защиту социалистической революции и пролетарского государства, в первую очередь рабочих.

Между тем контрреволюция готовила мятежи. А для прикрытия ее вожди — от свергнутого Керенского, атаманов Каледина и Дутова до кадета Милюкова, эсера Чернова, меньшевика Церетели — ухватились за знамя Учредительного собрания. Те же самые деятели, которые, находясь до Октября у власти и возглавляя Комиссию по делам о выборах в Учредительное собрание, оттягивали проведение выборов, теперь, когда Совнарком постановил провести их в назначенный Временным правительством срок — 12 ноября, создали Союз

¹ «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг. Сборник документов». М., 1958, стр. 103—104.

² См. П. Голуб. Партия, армия и революция. М., 1967, стр. 229.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 137.

⁴ «Декреты Советской власти», т. I, стр. 356.

защиты Учредительного собрания. Замысел врагов революции был прост: противопоставить Учредительное собрание Советам, обеспечить себе большинство в Учредительном собрании, а потом с его помощью покончить с Советской властью.

Результаты выборов в Учредительное собрание, как и следовало ожидать, не отражали происшедших в жизни страны коренных перемен. Выборы проводились по партийным спискам кандидатов, составленным до Октября. Так, избиратели голосовали за единый эсеровский список, тогда как партия раскололась: в то время как левые эсеры поддерживали Советскую власть, правые эсеры (а их сторонники в списках кандидатов преобладали) были ее непримиримыми врагами. Советская власть во время выборов во многих местах еще только утверждалась, а в аграрных районах хозяйничали эсеро-меньшевистские земства. Значительные массы трудящихся, особенно крестьянства, не успели еще осознать объема и значения Октябрьской революции, ее декретов о мире и земле, а распределение мест давало преимущества аграрным районам перед промышленными. Организация выборов вызвала тысячи жалоб на деятельность созданных еще при Временном правительстве избирательных комиссий, допустивших немало упущений и злоупотреблений.

Общие итоги выборов по 75 округам показали, что в голосовании участвовало более половины избирателей (в столицах — около 70%). Буржуазные партии потерпели сокрушительное поражение: за них — главным образом за кадетов — голосовало 17%. Зато мелкобуржуазные партии (включая национальные) — и в первую очередь эсеры — получили 59% голосов. Это свидетельствовало как о политической отсталости деревни, так и о влиянии националистов на окраинах России, где вскоре развернулась ожесточенная гражданская война.

За большевиков было подано 24% голосов. Но в губернских и областных городах картина была иной: во главе шли большевики — 36,5%, кадеты получили 23,9%, эсеры — 14,5%, меньшевики — 5,8%. В армии за большевиков голосовало 40,9% (в том числе на Северном фронте — 61%, на Западном — 67, в Балтфлоте — 57,5%), за эсеров — 38,4, за кадетов — 1,3%. В тыловых гарнизонах страны за большевиков голосовали 57,8%. В крупных центрах (города и гарнизоны) они имели большинство. Так, в Петрограде и Москве они получили 46,4%, а в их гарнизонах — более 70%. Аналогичное положение сложилось в Твери, Ярославле, Иванове, Красноярске, Томске, Ревеле и др.¹ Примечательно, что в тех округах, где левые эсеры выдвинули самостоятельные списки, они получили больше голосов, чем правые (в Петрограде — 150 тыс. и менее

¹ См. О. Н. Знаменский. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976, стр. 260—278; Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 436—442.

5 тыс., в Балтфлоте — более 30 тыс. и около 14 тыс.)¹. В целом же по стране, как отметил Ленин, не было, «даже формального, соответствия между волей избирателей в их массе и составом избранных в Учредительное собрание»².

Ход истории обогнал Учредительное собрание. Его роль по сути дела сыграл уже Второй Всероссийский съезд Советов, сразу решивший коренные вопросы — о мире, земле и создании рабоче-крестьянской власти, притом решивший их так быстро и неформально, как никогда не решал подобные вопросы ни один буржуазный парламент. Объективной надобности в Учредительном собрании более не было. Однако многие крестьяне и часть рабочих еще верили в него, видели в нем «всенародное» представительство. Помочь массам изжить парламентские иллюзии, убедиться на собственном опыте, что власть Советов лучше выражает их коренные чаяния и требования, могли только созыв Учредительного собрания и открытое, гласное сопоставление его программы с программой Советской власти.

В первые дни января 1918 г. Ленин написал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая, объявляя Россию Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, обобщала основные завоевания народа со времени Октября. Поскольку «Декларация» должна была быть представлена Учредительному собранию в качестве проекта его постановления, в заключении говорилось: «Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества»³. На заседании ВЦИК 3 (16) января «Декларация» была одобрена большинством голосов при двух против и одном воздержавшемся. На следующий день она была опубликована в печати.

В день открытия Учредительного собрания, 5 (18) января 1918 г., контрреволюционные партии и организации готовились провести перед Таврическим дворцом вооруженную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» с расчетом превратить ее в восстание с захватом Смольного. Но настроения народных масс, а также меры, принятые Советской властью, вынудили организаторов отказаться от своего замысла. Манифестация, в составе которой почти не было рабочих и солдат, прошла вяло; попытки провокаций были пресечены.

Состав участников заседания Учредительного собрания был примерно следующим: 259 эсеров, 136 большевиков, 40 левых эсеров, 13 украинских эсеров, 5 меньшевиков, 10 представителей мел-

¹ См. К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968, стр. 436.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 163.

³ Там же, стр. 221—223.

ких партий. (Кадетские депутаты на регистрацию не явились.)¹ Заседание открыл от имени ВЦИК Я. М. Свердлов, который огласил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предложил ее принять. Голосами эсеров председателем Учредительного собрания был избран эсер В. М. Чернов. Он и другие ораторы пытались провозгласить собрание «хозяином земли русской» и многословными речами отговориться от обсуждения «Декларации», встреченной ими враждебно. Но примечательно, что и враги революции не смогли не признать необратимости перехода всей земли в народное достояние, игнорировать требования всеобщего демократического мира (хотя и пытались поставить его в зависимость от держав Антанты). Они вынуждены были согласиться и с созданием федеративной (но, разумеется, не Советской) республики². «То, что лепетал Чернов, — писала газета «Правда», — ведь это были сплошные (словесные, правда) уступки советской платформе: тут были и мир, и земля, и рабочий контроль...»³

Когда надежд на реальное признание Учредительным собранием власти Советов и ее завоеваний не осталось, во втором часу ночи было оглашено написанное Лениным заявление фракции большевиков: «Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания»⁴. Спустя час левые эсеры, осудив намерение большинства Учредительного собрания стать на путь борьбы против Советской власти, тоже ушли с собрания⁵. В 4 часа утра начальник охраны Таврического дворца матрос А. Г. Железняков предложил председателю В. М. Чернову, чтобы «все присутствующие покинули зал заседаний, потому что караул устал»⁶. В ночь на 7 (20) января 1918 г. ВЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания⁷.

Вопреки всевозможным домыслам, до сих пор используемым буржуазными авторами, будто большевики применили насилие для разгона Учредительного собрания, на самом деле оно само политически похоронило себя, выступив наперекор воле народа и превратившись в прикрытие буржуазной контрреволюции, стремившейся свергнуть власть Советов. «Народ, — сказал Ленин на заседании ВЦИК, — хотел созвать Учредительное собрание — и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание. И теперь мы исполнили волю народа, волю,

¹ См. О. Н. Знаменский. Указ. соч., стр. 331—341.

² См. «Всероссийское Учредительное собрание». М. — Л., 1930, стр. 112—113.

³ «Правда», 7(20) января 1918 г.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 228.

⁵ См. «Всероссийское Учредительное собрание», стр. 109.

⁶ См. там же, стр. 110.

⁷ «Декреты Советской власти», т. I, стр. 335—336.

которая гласит: вся власть Советам!»¹ На многочисленных митингах принимались резолюции, одобрявшие роспуск Учредительного собрания. Два с лишним года спустя Ленин снова отметил, что в России рабочие, солдаты и крестьяне были «на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента»².

Советская власть, которую мнимые защитники демократии на все лады обвиняли в игнорировании и подавлении «свобод», на деле уже в первые месяцы после Октября осуществила огромные демократические преобразования, которые не были выполнены за восемь месяцев пребывания у власти буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Были радикально устранены все унаследованные от царизма антидемократические учреждения, ликвидированы сословные деления, звания и привилегии, устранено неравноправие женщины во всех областях общественной жизни, установлена свобода брака и развода, провозглашена свобода совести, церковь отделена от государства, а школа освобождена от опеки церкви. Тем самым были реализованы требования, давно выдвинутые буржуазной демократией, но ею нигде и никогда с такой полнотой и в таком объеме не осуществленные. «За несколько недель, — писал Ленин в конце декабря 1917 г., — разрушены почти до основания недемократические учреждения в армии, в деревне, на фабрике. А иного пути к социализму, кроме как через такое разрушение, нет и быть не может»³.

Но этим Советская власть не ограничилась. Одновременно — и в этом в не меньшей степени проявился ее подлинный демократизм — были созданы условия для того, чтобы развить как можно шире «самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой организационной работы», в деле «самостоятельного творчества новой жизни», а также развертывания соревнования, которое позволяло быстро и широко выявить «о р г а н и з а т о р с к и е т а л а н т ы» в народе и выдвинуть их «наверх, в дело общегосударственного управления»⁴.

Еще в первом обращении Совнаркома к населению говорилось: «Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь»⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 241.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 43.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 191.

⁴ Там же, стр. 198—199, 204—205.

⁵ Там же, стр. 66.

В органы управления Советского государства были направлены лучшие силы рабочего класса. Многие из них еще до Октября прошли начальную «школу управления» в Советах, профсоюзах, органах рабочего контроля. Рабочие составили ядро народных комиссариатов — иностранных дел, путей сообщения, труда, внутренних дел, заменивших распущенные министерства. Так, в числе первых работников Наркоминдела были рабочие-большевики василеостровского завода «Сименс — Шуккерт». Первую группу сотрудников Наркомтруда составили рабочие-химики с Урала и работники профсоюза металлистов, а в его коллегию вошли также представители профсоюзов текстильщиков и кожевников.

Рабочие составляли самую многочисленную прослойку делегатов высшего звена системы Советов — всероссийских съездов Советов. Например, на состоявшихся в 1918 г. III и IV Всероссийских съездах их было (в среднем) 39,6%¹. Высокий удельный вес рабочих в системе Советов, особенно в ее высших звеньях, отчасти был связан с тем, что по сложившейся еще до Октября практике депутаты городских Советов избирались по производственному принципу — на фабриках и заводах; на съезды Советов городские Советы делегировали относительно больше представителей, чем крестьянские.

Ведущая роль рабочего класса как наиболее сознательного и стойкого борца за социализм обеспечивалась преобладанием в Советах представителей его авангарда — Коммунистической партии. В 1918 г. на всероссийских съездах Советов коммунисты и им сочувствующие составляли 71,9% делегатов², на губернских съездах в первом полугодии — 52,4%, во втором — 90,3%, на уездных — соответственно 48,4% и 72,8%³. Принцип руководства органами государственной власти Коммунистическая партия вскоре сформулировала так: «Свои решения партия должна проводить через советские органы, *в рамках Советской конституции*. Партия старается *руководить* деятельностью Советов, но не заменять их»⁴.

Одной из сложнейших в строительстве пролетарского государства была проблема создания органов управления. И до и в первое время после победы Октябрьской революции антисоветские силы возлагали большие надежды на отсутствие у пролетариата умения и опыта управления. Они пугали большевиков: социалистическая революция обречена, так как пролетариат не сумеет управлять государством. Ленин называл нелепым, диким и гнусным предрассудком насаждавшееся эксплуататорами мнение, будто управлять государством могут только «высшие» классы, только богатые. Но он не пре-

¹ См. Г. А. Трукан. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975, стр. 190.

² См. там же, стр. 191.

³ См. «V лет власти Советов». М., 1922, стр. 89.

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. М., 1970, стр. 77.

уменьшал и трудностей, связанных с саботажем старого чиновничества и части интеллигенции, отсутствием у рабочих, которых царизм и буржуазия не допускали к образованию, необходимых навыков, а у многих даже элементарной грамотности.

Подготовка кадров в государственном масштабе через учебные заведения требовала времени. Поэтому выход был один — обучать рабочих и крестьян искусству управления на практике, не страшась тех или иных ошибок. Коммунистическая партия видела в народе неисчерпаемый источник сил. Ленин писал позднее, что «преданных интересам трудящейся массы и способных на руководящую работу людей очень и очень много среди рядовых рабочих и крестьян. Среди них очень много организаторских и администраторских талантов, которым капитализм не давал ходу, которым мы всячески помогаем и должны помогать выдвинуться и взяться за работу строительства социализма»¹.

Итог первым месяцам строительства государства рабочих и крестьян подвел III Всероссийский съезд Советов в январе 1918 г. К этому времени завершилось слияние Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что было выражением крепнущего союза рабочего класса с трудящимся крестьянством. Съезд единодушно принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которую не захотело рассмотреть Учредительное собрание. В докладе о деятельности Совнаркома Ленин заметил: «Я не делаю иллюзий насчет того, что мы начали лишь период *переходный* к социализму, что мы до социализма еще не дошли. Но вы поступите правильно, если скажете, что наше государство есть социалистическая республика Советов»². Полновластие Советов было важнейшим принципом государственного устройства. «Демократизм Советской власти и ее социалистический характер, — писал Ленин, — выражается в том,

что верховной государственной властью являются Советы, которые состояются из представителей трудящегося народа (рабочих, солдат и крестьян), свободно выбираемых и сменяемых в любое время массами, доселе угнетавшимися капиталом;

что местные Советы свободно объединяются, на началах демократического централизма, в единую, федеральным союзом скрепленную, общегосударственную Советскую власть Российской Советской республики;

что Советы сосредоточивают в своих руках не только законодательную власть и контроль за исполнением законов, но и непосредственное осуществление законов через всех членов Советов, в целях постепенного перехода к выполнению функций законодательства и управления государством *во главе всего трудящегося населением*»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 225.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 271.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 481.

В этой характеристике ясно прослеживаются связи тех предположений, которые Ленин высказал накануне Октября на основе опыта Парижской коммуны (особенно в работе «Государство и революция») и тех реальностей, которые сложились в Советской России. Большое значение имели не только выборность всех Советов, но и право отзыва избирателями своих выборных. Ленин считал это право основным, принципиальным положением истинного демократизма, забытым буржуазным парламентаризмом. Еще 21 ноября (4 декабря) 1917 г. ВЦИК принял специальный декрет, предоставлявший съездам Советов право назначать перевыборы во все представительные учреждения и обязывавший Советы назначать перевыборы по требованию более чем половины избирателей¹.

Советская система заменила бюрократический централизм буржуазного государства демократическим централизмом, соединяла руководство из одного центра и подчинение мест центру с предоставлением местным Советам широкой инициативы и самостоятельности в решении вопросов местной жизни. «Мы стоим за демократический централизм, — писал Ленин. — И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны — от анархизма». Централизм действительно демократический «предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»².

Советское государство строилось на многонациональной основе. II Всероссийский съезд Советов гарантировал «всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»³. Основные принципы советского национально-государственного строительства были изложены в «Декларации прав народов России», в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В последнем, в частности, говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»⁴.

Провозглашенные принципы осуществлялись неукоснительно. Хотя на Украине власть захватила контрреволюционная Украинская центральная рада, Советское правительство заявило в декабре 1917 г., что признает «народную Украинскую республику, ее право совершен-

¹ См. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 116—119.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 151—152.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 11.

⁴ «Декреты Советской власти», т. I, стр. 113—114.

но отделиться от России или вступить в договор с Российской республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними»¹. В ответ на принятую сеймом Финляндской буржуазной республики Декларацию о независимости Финляндии Советское правительство декретом от 18(31) декабря 1917 г. признало ее государственную независимость, и Ленин лично вручил декрет прибывшему в Петроград премьер-министру П. Свинхувуду². Вскоре правительство РСФСР специальным декретом отказалось от договоров и актов, заключенных бывшим правительством Российской империи о разделах Польши, «ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство»³. Этим были созданы прочные юридические и политические основы для восстановления независимости Польши.

Признание права на самоопределение, включая свободу отделения, нисколько не исключало, а предполагало убежденность коммунистов в необходимости добровольного союза освобожденных народов. Принцип федерации стал верным шагом к прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное Советское государство⁴. Когда в декабре 1917 г. Всеукраинский съезд Советов объявил Украину Советской республикой, являющейся «федеративной частью Российской республики»⁵, было найдено первое конкретное решение о Советской федерации как форме государственного устройства социалистического многонационального государства⁶.

III съезд Советов в январе 1918 г. узаконил положение: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик». Эту характеристику съезд развил в постановлении «О федеральных учреждениях Российской республики», отметив, что будущие члены Федерации получат представительство на всероссийских съездах Советов, во ВЦИК и в центральном правительстве — СНК⁷. Говоря на съезде о новой, невиданной в истории революционной федерации, Ленин подчеркнул: «Мы властвуем, не разделяя, по жестокому закону древнего Рима, а соединяя всех трудящихся неразрывными цепями живых интересов, классового сознания. И наш союз,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 143.

² См. «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 71.

³ Там же, стр. 458—460.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 151.

⁵ «Образование СССР. Сборник документов». М.—Л., 1949, стр. 74.

⁶ Подробнее см.: «Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917—1936 гг.)», т. I. М., 1979.

⁷ «Декреты Советской власти», т. I, стр. 341, 350.

наше новое государство прочнее, чем насильническая власть, объединяющая ложью и железом в нужные для империалистов искусственные государственные образования... Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима. Лучший залог ее несокрушимости — те законы, тот государственный строй, который мы творим у себя»¹.

Наряду с Советской федерацией складывалась Советская национальная автономия — важнейшая государственная форма свободного развития и братского сотрудничества наций и народностей. Взяв курс на вовлечение в русло общедемократических и социалистических преобразований всех национальностей страны, Советская власть учитывала конкретные условия исторического развития каждой нации и народности, достигнутый уровень экономического, политического и культурного развития. В автономных национальных республиках вся административная и культурно-политическая деятельность должна была постепенно приобщать местное население к активному участию в управлении, считаясь с местными национальными традициями и обычаями.

30 апреля 1918 г. V Всетуркестанский съезд Советов в Ташкенте принял решение о создании Туркестанской Советской республики как автономной части Российской Советской Федерации. Туркестанская автономная республика сама была многонациональной: ее население составляли узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены, каракалпаки. Съезд избрал ЦИК Туркестана во главе со старым большевиком П. А. Кобозевым, в который впервые вошли представители коренных местных национальностей².

Ленинская национальная политика, самоотверженная и бескорыстная братская помощь русских рабочих всем народам России создали почву для перестройки всех общественных отношений на основе дружбы народов и пролетарского интернационализма. Однако национальная рознь, недоверие и вражда, которые веками насаждали и разжигали эксплуататоры, не могли исчезнуть сразу. Для искоренения как великорусского шовинизма, так и местного национализма необходимы были время и немалые усилия.

Продолжая разработку важнейших вопросов государственного строительства Страны Советов, Ленин в марте 1918 г. на VII съезде РКП(б) говорил: «Когда рабочие создали собственное государство, они подошли к тому, что старое понятие демократизма, — буржуазного демократизма, — оказалось в процессе развития нашей революции превзойденным. Мы пришли к тому типу демократии, который в Западной Европе нигде не существовал. Он имел свой прообраз только в Парижской Коммуне»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 287—288.

² См. «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», стр. 618—619.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 43.

Подчеркивая, что сделаны лишь самые первые шаги, чтобы начать переход к социализму, Ленин видел самое главное завоевание в создании государства *нового типа*: «Народными массами, несмотря на всю ту грубость, недисциплинированность, что есть в Советах, что есть пережиток мелкобуржуазного характера нашей страны, — несмотря на все это, новый тип государства создан». Ленин характеризовал его как государство «без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного демократизма новой демократией, — демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс, делая из них и законодателя, и исполнителя, и военную охрану, и создает аппарат, который может перевоспитать массы»¹.

Ленин предостерегал при этом против забегания вперед, преждевременного провозглашения отмирания государства (это «будет нарушением исторической перспективы»), против включения в Программу партии характеристики социалистического строя в его развернутом виде, т. е. коммунизма («кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится»)².

Советская система государственной власти была законодательно оформлена Конституцией РСФСР, принятой 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов. Это была первая в истории Конституция, закреплявшая положение, что «власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (ст. 7). Эта Конституция, заметил Ленин, «не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии. Нет, эта Конституция *вырастала* из хода развития *классовой борьбы*, по мере созревания *классовых противоречий*»³. Она подтверждала переход основных средств производства в собственность народа, свободный союз и равноправие всех рас и национальностей, гарантировала свободу союзов, собраний, совести, печати. Но в отличие от буржуазных конституций она переносила центр тяжести в вопросах демократизма с формального признания свободы и равенства на фактическое обеспечение пользования демократией и свободой теми широкими массами трудящихся, которые ранее были этой возможности лишены.

Формулируя и закрепляя общезначимые принципы новой, пролетарской демократии, какой не было до этого нигде и никогда, Советская Конституция выражала вместе с тем и некоторые особенности, обусловленные специфическими условиями развития революции в России. Исключительная острота классовой борьбы, ожесточенное сопротивление свергнутых классов потребовали ограничения прав нетрудящихся групп населения: эксплуататорские элементы (2—3% взрослого населения) были лишены избирательных прав;

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 50—51.

² Там же, стр. 65—66.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 312.

рабочий класс получил преимущество в нормах представительства в Советах и на съездах Советов; практиковались многостепенные выборы и открытое голосование. Эти особенности Ленин считал временными и необязательными в других странах¹.

Конституция РСФСР придала структуре Советской власти необходимую стройность и цельность. Все ее статьи были пронизаны идеями народовластия, пролетарского демократизма и интернационализма. Это имело всеобщее, международное значение. Теперь, говорил Ленин, «трудящиеся всех стран увидят, что Советская конституция — основной закон Российской Социалистической Федеративной Республики — отражает идеалы пролетариата всего мира»².

ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Завоевание российским рабочим классом политической власти открыло путь к строительству социалистического общества. Теперь взявшему власть рабочему классу России предстояло приступить к осуществлению социалистических преобразований во всех сферах общественной жизни страны, и прежде всего в экономике. Решать сложные задачи переходного от капитализма к социализму периода ему пришлось в особенно трудных условиях: относительно отсталая экономика была жестоко разорена четырехлетней империалистической войной, а первое в мире пролетарское государство находилось в кольце враждебных капиталистических стран. Просто использовать старые органы дореволюционной России, созданные для регулирования хозяйственной деятельности в интересах эксплуататоров, было невозможно. Нужен был принципиально иной хозяйственный аппарат — новый по своей классовой сущности, организационным формам и методам управления, ибо социалистическое производство требовало налаживания «чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»³.

Сохранение даже тех частей старого аппарата, которые выполняли учетно-регистрационные, хозяйственные и тому подобные функции (почта, телеграф, банки, управления производством и транспортом), осложнилось тем, что многие администраторы, специалисты и чиновники отказывались работать на Советскую власть. Поэтому многие звенья пришлось ломать быстрее и радикальнее, чем предполагалось. Так, избранные при Временном правительстве органы местного управления (думы, земства) были распущены, хотя их собирались использовать для ведения неотложных хозяйственных дел.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 265—266.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 534.

³ Там же, стр. 171.

Важнейшей из переходных мер к организации нового экономического управления стал, как и предвидел Ленин, *рабочий контроль* над производством и распределением. Принятое Советским правительством 14 (27) ноября 1917 г. положение передавало советам рабочего контроля в центре и на местах право контроля над всей деятельностью предприятий¹. Сеть органов рабочего контроля вскоре покрыла всю страну. Рабочий контроль помог решить ряд кардинальных взаимосвязанных задач: он способствовал ломке старого аппарата управления хозяйством, выступившего против революции, налаживанию работы предприятий, был своеобразной школой управления и подготовки кадров для руководства всем народным хозяйством. Он явился тем «первым основным шагом, который обязателен для всякого социалистического, рабочего правительства»².

Так, например, на Московском дробильном и патронном заводе контрольная комиссия состояла из четырех представителей рабочих и одного от служащих. Когда правление акционерного общества под предлогом отсутствия заказов собралось закрыть завод, комиссия не допустила этого и установила свой контроль над деятельностью правления. Убедившись в том, что правление саботирует, комиссия стала более энергично заниматься организацией производства и сбыта товаров. Действуя совместно с заводским комитетом, контрольная комиссия мало-помалу входила во все функции заводоуправления, заставляя его работать или решая вопросы самостоятельно. Общим собранием рабочих был избран комиссар завода — один из активных работников контрольной комиссии, председатель районного комитета большевиков Перфильев. Предприятие стало давать прибыль, были проведены ремонтные работы, открыты рабочий клуб, библиотека, столовая, баня³.

Рабочий контроль на предприятии был лишь первоначальной школой управления производством. Здесь рабочие усваивали азы — и не только из-за отсутствия образования, знаний, но и потому, что на заводе или фабрике трудно было понять все сложные хозяйственные связи, тем более что правления многих местных предприятий находились в Москве или Петрограде. Но из среды прошедших эту школу рабочих большей частью формировались кадры управления народным хозяйством. Так, 79,8% рабочих, избранных в правления 63 национализированных текстильных предприятий Московского промышленного района, были до этого членами контрольных комиссий и фабзавкомов⁴.

¹ См. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 83—85.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 139.

³ См. «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата». М., 1964, стр. 140—142.

⁴ См. В. З. Дробижев. К истории органов рабочего управления на промышленных предприятиях в 1917—1918 гг. — «История СССР», 1957, № 3, стр. 45, 47.

Для решения хозяйственных вопросов в исполкомах Советов были созданы хозяйственные отделы. Из них при участии профсоюзов и фабзавкомов вскоре выросли Советы народного хозяйства (совнархозы). Декретом ВЦИК 2 (15) декабря 1917 был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) при Совнаркоме¹. По мысли Ленина, он должен был стать таким же боевым, оперативным органом борьбы с капиталистами и помещиками в экономике, каким был Совнарком в политике². В совнархозы направлялись наиболее сознательные, политически активные рабочие, представители профсоюзов и фабзавкомов. В деятельности ВСНХ большую роль сыграли рабочие: М. Н. Животов, старший монтер, председатель завкома электростанции «Общества 1886 года», коммунист с 1904 г.; Н. К. Антипов, слесарь петроградского завода «Новый Парвиайнен», член партии с 1912 г.; В. Я. Чубарь, токарь по профессии, член РСДРП(б) с 1907 г., председатель завкома Орудийного завода.

Определяющую роль в подборе и рекомендации кандидатур в органы управления хозяйством играла Коммунистическая партия. Ее Центральный Комитет, местные партийные организации рекомендовали профсоюзам и рабочим коллективам кандидатуры людей, проявивших организационные способности и готовность служить интересам трудящихся. Это были прежде всего коммунисты, которые задавали тон в работе и обеспечивали осуществление политики партии в хозяйственном строительстве.

Создание системы совнархозов было необходимой предпосылкой осуществления социалистического преобразования экономики, важнейшим звеном которого была национализация банков и крупной промышленности. Советский рабочий класс не повторил ошибки парижских коммунаров — он захватил Государственный банк, передав его в руки своего государства. Были национализированы все частные банки, а также почта и телеграф.

Одной из характерных черт национализации промышленности было то, что она началась с отдельных предприятий. Инициативу проявляли сами рабочие. Советское правительство старалось придать их действиям планомерный характер, требуя, чтобы осуществление национализации не приводило к снижению уровня производства, чтобы укреплялась трудовая дисциплина. «И всякой рабочей делегации, — говорил Ленин в апреле 1918 г. на заседании ВЦИК, — с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту... Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали,

¹ См. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 172—174.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 134.

что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком?»¹

Второй чертой стали быстрые темпы проведения национализации. Вначале предполагалось, что она будет осуществляться постепенно. Но обстановка острой классовой борьбы, массовый саботаж капиталистов ускорили процесс. С ноября 1917 по март 1918 г. было издано 836 актов о национализации предприятий². До весны 1918 г. в руки Советского государства перешли командные позиции в экономике — крупнейшие заводы, фабрики, банки, транспорт, внешняя торговля. На крики врагов, что большевики ведут «красногвардейскую атаку» на капитал, Ленин отвечал: такая атака была вполне уместна, поскольку капитал сопротивлялся по-военному и методами саботажа. Атака эта принесла победу новому способу производства³.

Третья черта национализации заключалась в том, что средства производства переходили к Советскому государству без какой-либо компенсации владельцев. В интересах сохранения производительных сил, считал Ленин, пролетариат мог бы пойти на выкуп, но это в том случае, если бы буржуазия «мирно» подчинилась национализации⁴. Однако буржуазия объявила Советской власти войну, и в этих условиях надо было действовать самым радикальным образом — методом конфискации.

Советская власть с первых дней стала осуществлять меры, рассчитанные на немедленное улучшение материального положения и условий труда рабочего класса. Уже 29 октября (11 ноября) 1917 г. Совнарком утвердил постановление «О 8-часовом рабочем дне». Для подростков, не достигших 18 лет, устанавливался 6-часовой рабочий день. Запрещалось применение труда женщин и подростков в ночное время, под землей и сверхурочно⁵. Десятилетиями пролетариат России и других стран боролся за 8-часовой рабочий день — Советская власть установила его немедленно для всех работающих на любых предприятиях и в хозяйствах, без различия пола, национальности, вероисповедания. Но повсеместное его введение требовало преодоления саботажа владельцев, учета местных условий. Были сделаны также первые шаги по урегулированию заработной платы⁶.

Неотложной была задача борьбы с безработицей и голодом, поскольку в связи с остановкой предприятий, локаутами и демобилизацией число безработных после Октября продолжало расти.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 258.

² См. В. З. Дробизев. Социалистическое общество в промышленности в СССР. — «Вопросы истории», 1964, № 6, стр. 63.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 177—178.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 304—305.

⁵ См. «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства», 1917, № 1, ст. 7.

⁶ Подробнее см.: Л. К. Баева. Социальная политика Октябрьской революции. М., 1977, стр. 39—46, 68—77.

26 декабря 1917 г. (8 января 1918 г.) после всестороннего обсуждения с участием профсоюзов было принято «Положение ВЦИК и СНК о страховании на случай безработицы», которое устанавливало пособия в размере средней поденной зарплаты¹. Регулировалась работа бирж труда, налаживались общественное питание и общественные работы.

Декретом ВЦИК от 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) вводилось для всех работающих государственное страхование на случай болезни и временной нетрудоспособности с выплатой денежных пособий, а для женщин-работниц также оплачиваемые отпуска по материнству, для кормящих матерей 6-часовой рабочий день². Государство обеспечивало пенсиями, пособиями, врачебной помощью всех трудящихся, потерявших средства к существованию вследствие увечья, болезни и старости, а также инвалидов империалистической и гражданской войн. Впервые были установлены периодические отпуска (оплачиваемые по среднему заработку) и государственная охрана труда. Осуществлялись меры по охране детей, созданию новых органов народного здравоохранения. 31 октября 1918 г. было утверждено общее Положение о социальном обеспечении трудящихся³.

Советской власти досталась от старого строя острейшая жилищная нужда рабочих: они, как правило, ютились в неблагоустроенных, сырых подвалах, бараках, землянках, снимали «углы», койки. Стремясь возможно скорее улучшить положение рабочего класса, Советское государство пошло по самому революционному пути, который указывал еще Ф. Энгельс: в Петрограде, Москве и в других городах Советы принимали решения о переселении рабочих семей из негодных или малопригодных для жилья квартир в благоустроенные дома буржуазии. В Москве в 1918 г. было реквизировано 4 тыс. (1/7) домовладений, в Петрограде национализировано 2900 домов, в которых проживала 1/6 жителей⁴. Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. отменял частную собственность на крупную городскую недвижимость, что позволяло использовать ее для общественных нужд. Так, уже в первый год Советской власти, несмотря на огромные трудности, были осуществлены важнейшие меры в области социальной политики.

В то время как в промышленности речь шла о подготовке и проведении социалистических преобразований, в деревне необходимо было прежде всего решить буржуазно-демократические задачи. Социалистическая революция сразу же ликвидировала пережитки крепостнических отношений. Декрет о земле удовлетворил вековые чаяния крестьян — отменил право частной собственности на землю и передал ее в пользование тем, кто на ней трудился. Земли помещиков, царской семьи, монастырей, церквей были конфискованы без выкупа.

¹ См. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 201—205.

² См. там же, стр. 267—276.

³ См. «Декреты Советской власти», т. III. М., 1964, стр. 481—494.

⁴ См. Л. К. Баева. Указ. соч., стр. 131—134.

В Декрет был целиком включен наказ, составленный на основе 242 наказов местных крестьянских Советов и земельных комитетов. Он требовал запрещения купли-продажи земли, сдачи ее в залог и использования наемного труда, предлагал ввести уравнительное землепользование, т. е. распределение земли по трудовой или потребительской норме, которая определялась в каждой местности.

После Октября большевикам пришлось разъяснять крестьянам ошибочность их мнения, будто уравнительность защищает их от разорения и эксплуатации, объяснять, что эти беды способно устранить лишь коллективное землепользование. Но, говорил Ленин, «как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос»¹. Именно осуществление собственных требований крестьянских масс обеспечило рабочему классу ту поддержку деревни, без которой он не смог бы удержать власть. Сразу, одним ударом «российский пролетариат *отвоевал* у эсеров *крестьянство* и *отвоевал* буквально *через несколько часов* после завоевания пролетариатом государственной власти». Эсеры, вспоминая впоследствии Ленин, «кипятились, возмущались, негодовали, вопили, что «большевики украли их программу», но над эсерами за это только смеялись: хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы!»².

На помощь крестьянам, местным Советам, претворявшим в жизнь Декрет о земле, в деревню прибывали коммунисты, рабочие из промышленных центров. Помещики оказывали яростное сопротивление, а в ходе борьбы с ними обострялась и борьба бедноты с сельской буржуазией (кулачеством), пытавшейся прихватить себе львиную долю помещичьей земли и сопротивлявшейся уравнильным переделам.

27 января (9 февраля) 1918 г. ВЦИК принял Основной закон о социализации земли. Законопроект, предложенный левыми эсерами, был существенно переработан комиссией с участием Ленина, рассмотрен и в основном одобрен III съездом Советов³. Крестьяне получили бесплатно 150 млн. га земли; они были освобождены от ежегодной арендной платы помещикам, от расходов на покупку земли в сумме свыше 700 млн. руб. золотом, от долгов крестьянскому поземельному банку (свыше 1 300 млн. руб.). Крестьянам был также

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 27.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 13—14.

³ См. «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.). Документы и материалы». М., 1954, стр. 135—136.

передан помещичий инвентарь стоимостью 300 млн. руб.¹ Такого радикального решения аграрного вопроса не знала мировая история. Ни одна буржуазная революция не удовлетворяла так решительно и с такой полнотой чаяния крестьянства, как это сделала революция пролетарская. Это закрепило созданный в революционной борьбе союз рабочего класса с беднейшим крестьянством.

БОРЬБА СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЗА МИР

Первым актом Октябрьской революции и Советской власти был написанный Лениным Декрет о мире. Это не был обычный государственный акт о выходе страны из войны. Он провозглашал совершенно новые принципы внешней политики: равноправие и суверенитет всех государств — больших и малых, невмешательство во внутренние дела других государств, мир немедленный и всеобщий, без аннексий и контрибуций, основанный на самоопределении наций, без тайной дипломатии и секретных договоров. Он был беспрецедентным и потому, что обращался не только к правительствам, но и прямо к народам.

Декрет о мире объявил империалистическую войну «величайшим преступлением против человечества». Адресованный «в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций мира» — Англии, Франции и Германии, он напоминал об их прошлых заслугах в борьбе за прогресс и социализм и выражал надежду, что рабочие «поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий», помогут российскому пролетариату довести до конца начатое им «дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации». Но для достижения мира недостаточно было принять декрет. Тем, кто возлагал все надежды лишь на декреты и декларации, кто предлагал ультимативно требовать демократического мира², Ленин разъяснял, что односторонней акции недостаточно, что неизбежны трудные и длительные переговоры с прожженными буржуазными политиками³. События вскоре полностью подтвердили предвидение Ленина.

Державы Антанты не только с ходу отвергли советские мирные предложения, но и немедленно встали на путь заговоров, а затем и организации прямых военных действий, чтобы свергнуть Советскую власть и снова вовлечь Россию в империалистическую войну. Центральные державы действовали иначе. Они решили воспользоваться

¹ См. «История гражданской войны в СССР», т. 3. М., 1958, стр. 141—142.

² В этом духе выступал на II съезде Советов меньшевик-интернационалист А. Д. Еремеев (см. «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.». М.—Л., 1928, стр. 18).

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 13—22.

миролюбием Страны Советов для достижения собственных захватнических целей, притом прежде всего за счет самой Советской России. Тем не менее Советское правительство неуклонно претворяло в жизнь провозглашенные им принципы.

Советская республика развернула упорную борьбу за прекращение империалистической войны. Мир был необходим народам всех стран. Он был особенно необходим трудящимся России, приступившим к строительству социалистического общества. Не дожидаясь ответа по дипломатическим каналам, Советское правительство предоставило всем солдатам и комитетам фронтовых частей и соединений право самим немедленно начать переговоры с неприятелем для достижения перемирия. Уже смещенный, Духонин, действуя в согласии с военными миссиями Антанты, попытался сорвать переговоры, но нарком Н. В. Крыленко, прибыв в Двинск, направил парламентариев через линию фронта; вскоре было получено согласие германских властей на прекращение огня. В обращении к народам воюющих стран СНК 15(28) ноября сообщил, что военные действия приостановлены и 1 декабря начнутся переговоры. «Мы хотим всеобщего мира,— снова подчеркнуло Советское правительство.— Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падет целиком на нее»¹. Договор о перемирии с Германией и ее союзниками был подписан в Брест-Литовске 2(15) декабря 1917 г.; через три дня было заключено перемирие с Турцией.

Хотя страны Антанты отказались принять предложение вести совместные переговоры о мире, Советское правительство еще не раз приглашало страны Антанты примкнуть к переговорам в Брест-Литовске.

Правящие круги Германии рассчитывали, что, покончив с войной на Востоке, они смогут сосредоточить все силы на Западном фронте. При этом они отнюдь не собирались отказываться от захвата территорий Советской России и грабежа ее богатств. В январе 1918 г. германская сторона, отбросив словесную маскировку, предъявила грабительские условия, которые означали подчинение Германии территорий Польши, Литвы, Латвии, Эстонии. Советская делегация продолжала отстаивать свое предложение о мире без аннексий и контрибуций, о признании равенства всех народов и их прав на свободное самоопределение, о выводе всех войск с оккупированных территорий. Так столкнулись две противоположные концепции мира: империалистическая и пролетарская, социалистическая.

Когда выяснилось, что германские империалисты намерены навязать Советской России аннексионистский мир, в руководстве партии большевиков возникли острые разногласия. Уже в конце декабря Московское губернское бюро и Петербургский комитет партии высказались за разрыв мирных переговоров и ведение революционной

¹ «Декреты Советской власти», т. I, стр. 86—88.

войны¹. Троцкий, который возглавлял советскую делегацию в Брест-Литовске, 3(16) января 1918 г. сообщил Ленину, что считает необходимым переговоры разорвать, объявить состояние войны прекращенным и отказаться от подписания аннексионистского мира. В ответ Ленин написал 7(20) января «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира», с которыми выступил на следующий день на экстренно созванном совещании членов ЦК и партийных работников. В результате горячей дискуссии из 63 участников 32 поддерживали лозунг «революционной войны». Предложение Троцкого «ни войны, ни мира» собрало 16 голосов. За предложение Ленина подписать мир проголосовало всего 15 человек².

Сердцевину сложного узла теоретических и практически-политических споров, разгоревшихся по вопросу о заключении мира, составляла проблема понимания национальных и интернациональных задач социалистической революции и их соотношения в новых исторических условиях, созданных победой Октября и отставанием революции в Европе.

Все коммунисты признавали исходными три принципиальных положения. Во-первых, социалистическая революция — событие международное. В своих выступлениях и документах Ленин многократно подчеркивал, что русская революция лишь начало, первый акт революции международной, мировой³. Во-вторых, революция на Западе, прежде всего в Германии, хотя и задерживается, обязательно придет. Отмечая каждый факт, свидетельствовавший о ее назревании, Ленин еще 4(17) ноября 1917 г. на заседании ВЦИК отмежевался от левого эсера Г. Д. Закса. «Выражение: «Запад позорно молчит» — подчеркнул Ленин, — недопустимо в устах интернационалиста. Только слепой может не видеть того брожения, которым охвачены рабочие массы в Германии и на Западе... Мы верим в революцию на Западе. Мы знаем, что она неизбежна, но, конечно, нельзя по заказу ее создать». Напомнив, что и русскую революцию нельзя было заранее точно предсказать, Ленин закончил: «Декретировать революцию мы не можем, но способствовать ей можем и мы. Мы поведем в окопах организованное братание, поможем народам Запада начать непобедимую социалистическую революцию»⁴. Вместе с тем Ленин все чаще подчеркивал трудность начала революции в развитых странах⁵. В-третьих, революционная война — явление закономерное. «Мы не пацифисты, — говорил Ленин еще на VII Апрельской партконферен-

¹ См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 184—185; «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. Сборник материалов и протоколов». М. — Л., 1927, стр. 386.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 255.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 450; т. 35, стр. 3, 5, 16, 67, 170.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 60—61.

⁵ См. там же, стр. 117, 141.

ции,— и не можем отрешиться от революционной войны... Мы должны не только теоретически говорить, но мы должны практически показать, что мы тогда поведем войну действительно революционную, когда власть будет у пролетариата»¹.

В этих вопросах все были едины. Но мнения резко разошлись по вопросу о том, что в большей мере соответствует интересам мировой революции: защита и укрепление Советской власти или же попытка с помощью немедленной революционной войны «вызвать», «ускорить» революционный взрыв, скажем, в Германии (даже ценой утраты Советской власти в России)?

В Советской России, считал Ленин, успех революции уже обеспечен. Но для закрепления победы над буржуазией, налаживания социалистического строительства и создания боеспособной армии ей нужно время. Для этого подписание даже аннексионистского мира не только допустимо, оно обязательно. «...Международная ситуация на 4-м году войны сложилась так,— писал Ленин,— что вероятный момент взрыва революции и свержения какого-либо из европейских империалистских правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету. Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на *окончательную* победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении». Повторив ранее высказанную мысль о необходимости помогать началу революции на Западе пропагандой и особенно братанием на фронтах, Ленин решительно указал: «Но было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок) или не наступит. Так как определить этого нельзя никоим образом, то все подобные попытки, объективно, свелись бы к слепой азартной игре»².

Принципиальный вывод Ленина гласил: «Со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы... исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась». В основу пролетарской политики должен быть положен «принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны»³. Этот вывод был логическим следствием предвидения Ленина, высказанного им еще в 1915—1916 гг., о возможности и вероятности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране.

Ленинская мысль о приоритете внутренних аспектов немедленно

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 352.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 245.

³ Там же, стр. 247.

подверглась энергичным нападкам со стороны «левых коммунистов» (Н. И. Бухарин, Г. И. Оппоков-Ломов, М. С. Урицкий и др.), которые на этом основании обвинили Ленина в преувеличении значения *национальных* моментов в ущерб *интернациональным*¹. Аргументация «левых» исходила из того, что долг Советской России во имя мировой революции вести немедленную *революционную войну* против германского империализма, дабы содействовать этим пробуждению революции в Германии и других странах. В противном случае Советская власть станет-де объективно «агентом германского империализма». Хотя на заседании ЦК 11 января «левые» вынуждены были признать, что Советская Россия была в то время физически не в состоянии вести революционную войну, они продолжали утверждать, что она обязана ее начать, даже ценой своей гибели².

Решительно отклонив обвинение в недооценке им интернационального фактора, Ленин не согласился и со Сталиным, который в полемике с «левыми» заявил, что «революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться»³. Хотя на Западе революция еще не началась, сказал Ленин, там «есть массовое движение», и не считаться с ним значило бы стать «изменниками международному социализму». Отвечая на доводы «левых», Ленин допускал, что ради успеха германской революции мы должны будем «пожертвовать собою». Но ведь суть дела в том и состоит, что «там движение еще не началось, а у нас оно уже имеет новорожденного и громко кричащего ребенка и, если мы в настоящий момент не скажем ясно, что мы согласны на мир, то мы погибнем. Нам важно задержаться до появления общей социалистической революции, а этого мы можем достигнуть, только заключив мир»⁴.

Корень ошибки «левых» Ленин видел в том, что они не учитывали изменения объективных условий. А «коренная перемена состоит теперь в создании республики Советов России». Поэтому «выше всего и для нас и с *международно-социалистической точки зрения* сохранение этой республики, уже начавшей социалистическую революцию». Что касается лозунга революционной войны со стороны России, то он в данный момент «означал бы либо фразу и голую демонстрацию, либо равнялся бы объективно падению в ловушку, расставляемую нам империалистами»⁵.

¹ См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 169—170.

² См. там же, стр. 170—172.

³ См. там же, стр. 171.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 257—258. Почти то же самое Ленин сказал чуть раньше: «Но ведь Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну» (там же, стр. 256).

⁵ Там же, стр. 254.

В этой связи приобрел значение и вопрос о том, как повлияет заключение мира на революционное движение на Западе? Вероятно, допускал Ленин, угар шовинизма на время ослабит развитие германской революции, но объективное «положение Германии останется крайне тяжелым, война с Англией и Америкой будет затяжной, агрессивный империализм вполне и до конца разоблачен с обеих сторон. Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским»¹. И здесь на первом плане у Ленина стоял учет реальных, объективных факторов. Поэтому он поправил Зиновьева, когда тот согласился с утверждениями «левых», полагавших, что «миром мы усилим шовинизм в Германии и на некоторое время ослабляем движение везде на Западе»².

Разумеется, исключительно важно было знать мнение по этому вопросу германских революционеров. Если бы, писал Ленин, они предлагали «оттянуть сепаратный мир на *определенный* срок, гарантируя революционное выступление в Германии в этот срок, тогда вопрос *мог бы* встать для нас иначе. Но немецкие левые не только не говорят этого, а, напротив, формально заявляют: «Держитесь, пока можете, но решайте вопрос по соображениям положения дел в *русской* социалистической революции, ибо ничего позитивного обещать насчет немецкой революции нельзя»³.

Когда же сначала в Австро-Венгрии, а в конце января 1918 г. и в Германии вспыхнула массовая забастовка и созданный в Берлине рабочий Совет выдвинул требование «немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов в соответствии с положениями, сформулированными русскими уполномоченными в Брест-Литовске»⁴, Ленин считал возможным еще в течение известного периода оттягивать и затягивать мирные переговоры.

Однако выступление германского пролетариата было вскоре подавлено: надежд на новое в ближайшем времени не оставалось. Тем не менее Троцкий вопреки известному ему мнению Ленина 28 января (10 февраля) прервал мирные переговоры в Бресте. Он заявил, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия объявляет состояние войны прекращенным, а ее войскам «отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту». В самый первый момент это чисто пропагандистское заявление вызвало растерянность у германских дипломатов, но вскоре военщина настояла на решительных действиях. 18 февраля немецкие войска перешли в наступление

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 250.

² «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 171.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 247.

⁴ R. Müller. Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. I. Wien, 1924, S. 204.

по всему фронту, и обстановка стала для Советской страны критической.

«Владимир Ильич был весь как в огне, — вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома. — Напряжение его достигало невероятных пределов. Он ясно чувствовал, что поставлено все на карту. Достаточно малейшего промедления, и Советская власть, еще не устоявшаяся, не организованная, могла быть мгновенно смыта с лица земли. И он бросил все дела и всю свою энергию направил на это самое важнейшее дело»¹.

Вечером 18 февраля на заседании ЦК Ленин говорил: «Теперь нет возможности ждать. Это значит сдавать русскую революцию на слом... Теперь среднее решение невозможно. Если революционная война, то надо ее объявить, прекратить демобилизацию, а так нельзя... Нужно предложить немцам мир»². Впервые точка зрения Ленина получила большинство (семь голосов против пяти при одном воздержавшемся). Советское правительство уведомило Германию о согласии подписать мир. Но немецкие войска продолжали быстро продвигаться. 22 февраля был опубликован декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности!», Петроград объявлен на военном положении, началась мобилизация трудящихся в Красную Армию, добровольцы двинулись на фронт. На следующий день были получены новые, еще более тяжелые условия мира. На заседании ЦК вновь разгорелись споры. Ленину пришлось прибегнуть к крайней мере: он заявил, что в случае отказа подписать мир выйдет из правительства и из ЦК. За подписание проголосовали семь человек, против — четыре и четыре воздержались. Все высказались за принятие экстренных мер для защиты Отечества³.

Между тем немецкие войска продолжали наступление. Они уже подходили к Пскову. Навстречу им спешно перебрасывались краснोगвардейцы, отряды Красной Армии. Отпор врагу усиливался. В связи с этой героической борьбой 23 февраля впоследствии было объявлено днем Красной Армии.

3 марта мирный договор с Германией был подписан. Но внутрипартийная борьба, вынесенная на собрания, в печать, на VII экстренный съезд РКП(б), продолжалась. Левые эсеры в правительстве и ВЦИК ратовали за революционную войну. Против Советской власти со всей яростью выступили меньшевики и правые эсеры. «Левых коммунистов», среди которых был, как вспоминала потом Н. К. Крупская, «целый ряд очень близких товарищей, с которыми рука об руку приходилось работать годы, находить поддержку в

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930, стр. 267.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 336—337.

³ См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 213—215.

труднейшие моменты борьбы»¹ (Ф. Э. Дзержинский, Е. М. Ярославский, В. В. Куйбышев, М. Н. Покровский), не отрезвило и то, что контрреволюция в союзе с деятелями Антанты мобилизовала огромные силы, чтобы втянуть Россию в продолжение империалистической войны. Таким путем противники Октября намеревались свалить большевиков.

Ленин с колоссальным напряжением сил продолжал воевать против революционной фразы (в которой видел проявление мелкобуржуазности), способной погубить революцию. «Неделя с 18 по 24 февраля 1918 г., — писал он, — войдет как один из величайших исторических переломов в историю русской — и международной — революции». Ибо она была «горьким, обидным, тяжелым, но необходимым, полезным, благодетельным уроком». Из него следуют три вывода: во-первых, «мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня... Мы — за защиту Советской социалистической республики России»; во-вторых, «мы требуем *серьезного* отношения к обороноспособности и боевой подготовке страны»; в-третьих, зреющей революции в Европе «*надо* помогать. Ей надо *уметь* помогать. Ей не поможешь, а повредишь, отдав на разгром соседнюю Советскую социалистическую республику». Поэтому нельзя превращать в фразу великий лозунг: «Мы ставим карту на победу социализма в Европе». Это — «истина, если иметь в виду долгий и трудный путь победы социализма до конца. Это — бесспорная, философски-историческая истина, если брать всю «эру социалистической революции» в ее целом. Но всякая абстрактная истина становится фразой, если применять ее к *любому* конкретному положению»².

Вскоре Ленин разъяснил, что значит действительно помогать революции в Европе. Высмеяв мнение, будто Советская республика вообще не должна заключать договоров с империалистами (тогда она «не могла бы существовать, не улетая на луну»), и отвергнув «теорию подталкивания» революций (которая «шла бы в полный разрыв с марксизмом»), он сформулировал важнейший принцип интернациональной помощи: «На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, *помогала* этой революции, но *форму* помощи избирала соответственно своим силам». При этом и помощь военная, и готовность идти на жертвы, даже на возможность поражений, вовсе не исключались. Но одно ясно: «Войну надо вести по-настоящему, или ее совсем не вести. Середины тут быть не может»³.

Подчеркивая тяжесть навязанного германскими империалистами мира, потери огромных территорий и выплаты контрибуций, Ле-

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1972, стр. 380.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 393—396.

³ Там же, стр. 402—403, 408.

нин не соглашался считать его ни позорным, ни «похабным» миром. А то, что окончательные его условия «хуже, тяжелее, унижительнее худых, тяжелых и унижительных брестских условий,— напоминал он,— *в этом виноваты*, по отношению к великороссийской Советской республике, *наши горе-«левые»* Бухарин, Ломов, Урицкий и К°»¹. К виновным надо причислить также Троцкого.

Ввиду важности вопроса о войне и мире, а также остроты внутрипартийных разногласий был созван VII Экстренный съезд партии, проходивший 6—8 марта 1918 г. Уже в ходе его подготовки в результате разъяснительной работы и наступившего отрезвления большинство партийных организаций перешло на позицию Ленина. Отчетный доклад ЦК, сделанный Лениным, был в значительной части посвящен обоснованию курса на мирную передышку. «Величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема», говорил он, заключается в необходимости «решить задачи международные». Медленное вызревание революции в Европе, то, что она «опоздала родиться», вызвало необходимость отступления, маневра, передышки. Нельзя делать ставку на «международную полевую революцию» (о которой писал один из «левых» — Н. Осинский), нужно отказаться от иллюзий и, несмотря на поражения, упорно работать ради победы². В содокладе Бухарина и выступлениях других «левых коммунистов» проводилась мысль, что мир означает «капитуляцию по всему фронту», что «русская революция либо будет спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала»³. В этих громких фразах не было ничего нового, кроме паники, и Ленин отметил лишь одно меткое суждение, высказанное Д. Б. Рязановым: «Ленин уступает пространство, чтобы выиграть время». В этом действительно, заметил он, «вся суть», а все остальное — только разговоры⁴. Внесенная Лениным резолюция была принята поименным голосованием 30 голосами против 12 при 4 воздержавшихся⁵.

14 — 16 марта 1918 г. в Москве, куда только что переехало из Петрограда Советское правительство и была перенесена столица республики, состоялся IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. На нем в острой борьбе решался вопрос о ратификации мирного договора. Из 1232 делегатов большевиков было 795, левых эсеров — 283, эсеров центра — 25, меньшевиков — 21, меньшевиков-интернационалистов — 11. Левые эсеры заявили об отказе поддерживать договор. Их представители вышли из состава Советского правительства. Мартов клеветнически утверждал, что речь идет о «пер-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 418.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 8, 18—19, 23, 26.

³ «Седьмой Экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчет». М., 1962, стр. 24, 32.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 27.

⁵ См. «Седьмой Экстренный съезд РКП(б)», стр. 127.

вом разделе России и о продаже русской революции германскому империализму». Несмотря, однако, на все попытки сорвать ратификацию, абсолютное большинство делегатов высказалось за утверждение договора. Мирная передышка была завоевана¹.

ПЛАН СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА

Народное хозяйство, доставшееся в наследство Советской республике, было многоукладным. Оно включало в себя частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм, мелкое товарное, а также патриархальное, в значительной степени натуральное, хозяйство. Преобладающим было мелкотоварное, крестьянское производство. Наличие различных экономических укладов требовало осмотрительности при определении сроков, темпов и способов социалистических преобразований, а также при выработке форм и методов руководства народным хозяйством.

Развернутый план дальнейшего социалистического строительства в условиях, когда в руках рабочего класса, Советского государства уже находился ряд «командных высот» в экономике (банки, часть крупных предприятий), Ленин изложил весной 1918 г. в брошюре «Очередные задачи Советской власти», в одноименном докладе на заседании ВЦИК и других выступлениях. «Красногвардейская» атака на капитал, указывал он, относится к прошлому. В новых условиях требуются иные средства: «Мы победили легкой кавалерией, но у нас есть и тяжелая артиллерия. Мы побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления. Методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства»².

Главное теперь — в организации учета и контроля за производством и распределением в общегосударственном масштабе, в обуздании мелкобуржуазной стихии путем направления развития частного капитализма в русло государственного капитализма и в постепенном расширении социалистического уклада в экономике. Позднее Ленин так оценил этот план: «Мы предполагали, что обе системы — система государственного производства и распределения и система частно-торгового производства и распределения — вступят между собою в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы. Мы говорили, что задача наша теперь уже не столько экспроприация экспроприаторов, сколько учет, контроль, повышение производительности труда, повышение дисциплины»³.

¹ См. «История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 550—554.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 178.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 199.

Решение хозяйственных задач, организацию всенародного учета и контроля Ленин связывал с укреплением финансов и денежной системы; он рассчитывал, что перевести частнохозяйственный капитал в русло государственного капитализма помогут государственная хлебная монополия, государственный контроль над частными предпринимателями, использование пролетарским государством буржуазной кооперации и т. п. Он наметил также пути создания материально-технической базы социализма — подъема всех отраслей индустрии: машиностроения, химической промышленности, энергетики, подчеркивая, что конкретные формы перехода к крупному, основанному на машинной индустрии хозяйству неизбежно будут разнообразными.

В это же время по инициативе Ленина Наркомпрос вел переговоры с Академией наук, которая выразила согласие заняться исследованием естественных ресурсов страны для решения проблем правильного размещения промышленности и наиболее рационального использования производительных сил. В ленинском «Наброске плана научно-технических работ» были впервые намечены основные задачи экономического развития целой страны. Речь шла прежде всего о возможности *«самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности»*, о необходимости обратить особое внимание на *«электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию»*. При этом предусмотрительно рекомендовалось бережное отношение к природным богатствам посредством использования *«непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего»*, а также гидроресурсов и ветряных двигателей¹.

Курс, рассчитанный на постепенность социалистических преобразований, Ленину пришлось отстаивать в полемике с «левыми коммунистами» (Н. И. Бухариным, В. В. Оболенским-Осинским и др.). Игнорируя вопрос о степени социально-экономической зрелости страны, «левые» выступали против использования государственного капитализма, требовали чуть ли не немедленного «введения» социализма, уничтожения буржуазии как класса, коммунистической организации производства и распределения. Ленин указывал в статье *«О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»*, что эти критики не поняли, *«каков именно тот переход от капитализма к социализму, который дает нам право и основание называться социалистической республикой Советов»*, что они *«не видят мелкобуржуазной стихии, как главного врага социализма»*, не усвоили главного: *государственный капитализм «экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика»²*, а Советскому государству он вовсе не опасен.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 228, 231.

² Там же, стр. 295, 299.

К лету 1918 г. рабочий класс накопил определенный опыт управления хозяйством, повсюду сложились экономические органы пролетарской власти. Это позволило перейти к национализации сахарной, нефтяной, машиностроительной и других отраслей крупной промышленности. 28 июня 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял декрет о переходе в собственность Советской республики крупных и частично средних предприятий всех основных отраслей промышленности¹. Однако сразу взять в свои руки большое количество предприятий, подпадавших под действие декрета (свыше 2000)², органы ВСНХ не могли. Поэтому фактическая национализация осуществлялась по мере создания заводууправлений, а также органов управления целыми группами предприятий. До этого предприятия считались «находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев». К весне 1919 г. в общенародную собственность перешла почти вся крупная промышленность³. Социалистический уклад стал ведущим в экономике Советской республики.

Но сколь ни важна была национализация средств производства, она не была ни единственной, ни самой трудной проблемой, которую предстояло решить для перехода к социализму. Главное было научиться по-хозяйски распоряжаться всем тем, чем овладел рабочий класс, научиться управлять экономикой, без чего нет обобществления на деле. А для этого следовало изучить и взять на вооружение весь опыт, накопленный буржуазией. «Мы не представляем себе, — отвечал Ленин на заседании ВЦИК анархисту А. Ю. Ге и Н. И. Бухарину, — другого социализма, как основанного на основах всех уроков, добытых крупной капиталистической культурой». Необходимо овладеть современной наукой и техникой, учиться организации производства у капиталистов передовых стран Европы и Америки⁴. Ленин имел в виду, в частности, сдельную оплату труда и систему Тейлора, а в одном из набросков выразился даже так: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. ++ = Σ = социализм»⁵.

Для решения этой задачи нужно было привлечь к сотрудничеству в производственной и культурной областях имевшихся специалистов. Вопрос об отношении к буржуазным «спецам» оказался в то время одним из самых острых. Он был важной составной частью более широкой проблемы взаимоотношений пролетарской власти

¹ См. «Декреты Советской власти», т. II. М., 1959, стр. 498—503. Издание декрета было ускорено германскими претензиями на «немецкую собственность» в России.

² См. А. В. Венедиктов. Организация государственной промышленности в СССР, т. I. Л., 1957, стр. 231—232.

³ Подробнее см.: Д. А. Коваленко. Ленин и социалистические преобразования промышленности Советской России. М., 1976.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 272.

⁵ Там же, стр. 550.

с буржуазной интеллигенцией. Еще в 1902 г. Ленин писал: «Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей»¹.

Строительство социализма предполагало не только подъем политической сознательности широких масс, но и развертывание в невиданных дотоле масштабах народного образования, развитие науки и искусства — короче говоря, осуществление культурной революции. Для решения этих задач рабочий класс также остро нуждался в знаниях и опыте интеллигенции, специалистов разных отраслей науки, техники, искусства и управления. Однако в условиях социалистической революции в России привлечение буржуазной интеллигенции, служащих к созидательной деятельности оказалось делом крайне трудным. В конце 1917 — начале 1918 г. Советская власть неоднократно сталкивалась с массовым саботажем со стороны медицинских работников, учителей, профессуры, служащих государственного аппарата, органов снабжения, значительной части технической интеллигенции.

Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, призывая к сотрудничеству всех подлинно демократических сил, писал в воззвании от 29 октября (11 ноября) 1917 г.: «Мы верим, что дружные усилия трудового народа и честной просвещенной интеллигенции выведут страну из мучительного кризиса и поведут ее через законченное народовластие к царству социализма и братства народов»².

Как правило, служащие, близкие к пролетариату по социальному положению, сразу перешли на его сторону. Но бывало и иначе: генерал барон фон Таубе командовал в Сибири советскими войсками и погиб в застенках Колчака, а сын военного писаря и неграмотной казашки генерал Корнилов возглавлял контрреволюционные силы. Поэт А. А. Блок призывал интеллигенцию: «...всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию», а писатель И. А. Бунин в белогвардейской газете проклинал «планетарного злодея»³.

Среди тех, кто сразу встал на сторону революции, были выдающиеся деятели науки и культуры: естествоиспытатель К. А. Тимирязев, специалисты разных отраслей науки и техники Н. Е. Жуковский, К. Э. Циолковский, А. Н. Крылов, А. Н. Бах, А. П. Карпинский, В. И. Бехтерев, Р. Э. Классон, поэты А. А. Блок, В. Я. Брюсов и В. В. Маяковский, деятели искусств К. С. Станиславский, Е. Б. Вахтангов, В. Э. Мейерхольд, Л. В. Собинов, М. Н. Ермолова и др.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 389.

² «Сборник Законов и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. С 25-го октября 1917 года по 5-е января 1918 года». М., 1918, стр. 17.

³ См. С. А. Федюкин. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972, стр. 33, 35, 206.

Для многих представителей старой интеллигенции потребовалось, однако, время, прежде чем они осознали, что социалистическая революция открывает невиданные перспективы для всестороннего развития личности, роста материального благосостояния и культуры. Этому в немалой степени способствовали созидательные планы Советской власти и тот огромный энтузиазм, с каким рабочий класс взялся за их осуществление, а также его жажда к овладению прежде недоступными ему сокровищами знаний и культуры¹.

Огромную работу по привлечению интеллигенции на сторону Советской власти вел нарком просвещения А. В. Луначарский. Кипучая деятельность по организации народного образования и выступления этого талантливой публициста, глубокого и разностороннего знатока литературы и искусства производили неизгладимое впечатление. Большую помощь оказывал преодолевающий первоначальные колебания крупнейший пролетарский писатель А. М. Горький, который пользовался признанием в самых широких общественных кругах. В сентябре 1918 г. он приехал из Петрограда в Москву и имел длительную беседу с Лениным. Его слова Горький передал так: «Союз рабочих с интеллигенцией, да? Это — не плохо, нет. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему, она искренно служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйте к нам: это именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни, мы указываем народам прямой путь к человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения... Разве я спорю против того, что интеллигенция необходима нам? Но вы же видите, как враждебно она настроена, как плохо понимает требования момента? И не видит, что без нас она бессильна, не дойдет к массам. Это — ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков»².

Для привлечения интеллигенции на сторону Советской власти Ленин и его соратники считали необходимым использовать не только моральные, но и материальные стимулы. Хотя в стране был введен максимум заработной платы, «спедам» устанавливались повышенные оклады и выдавались «академические» пайки. Именуя это «данью» за культурную отсталость или «покупкой звезд», Ленин не скрывал, что такая мера означает компромисс, «отступление от принципов Парижской Коммуны», что она может оказать отрицательное влияние и на Советскую власть, и на рабочую массу³. Но мера эта диктовалась необходимостью.

Уже с весны 1918 г. специалисты, организаторы производства и другие отряды интеллигенции, убеждаясь в прочности Советской власти, ее подлинно народном характере и увлекаясь ее созидатель-

¹ Подробнее см.: С. А. Федюкин. Указ. соч.; П. П. Амелин. Интеллигенция и социализм. Л., 1970.

² М. Горький. Собр. соч., т. 17. М., 1952, стр. 31.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 179, 181.

ными планами, стали постепенно поворачивать к сотрудничеству, а к осени служащие дореволюционных государственных, общественных и частных учреждений уже составляли значительную часть советского аппарата управления, в ряде наркоматов их было до 50% ¹. Жизнь опровергла пессимистические предсказания буржуазных пророков: рабочий класс, выделив из своей среды кадры руководителей и привлекая буржуазных специалистов, сумел овладеть государственным управлением. Ленин позже указывал, что «только участие рабочих в общем управлении государством дало нам возможность устоять в таких неимоверных трудностях и что, только идя по этому пути, мы добьемся полной победы» ².

Для руководства деятельностью национализированных предприятий создавались фабричные и заводские управления, $\frac{2}{3}$ состава которых назначались местными совнархозами и ВСНХ, а $\frac{1}{3}$ избирались рабочими ³. Рабочий И. Ф. Раков, избранный первым директором фабрики «Пролетарка» в Осташкове, вспоминал: «Руководить, не имея достаточных знаний и опыта, столь крупным предприятием, как «Пролетарка», мне было чрезвычайно трудно. Не было топлива, сырья, оборудование изношено, рабочие голодали, получая по осмужке хлеба, да и то с кострой. И вместе с тем, как это ни парадоксально, работать было легко, потому что во всех делах предприятия руководителей горячо и активно поддерживали рабочие. Оказывали любую помощь, на любое дело шли с энтузиазмом, сами были инициаторами многих дел» ⁴. Позднее Ленин говорил: «Мы считаем самым важным и ценным то, что за... управление взялись сами рабочие, что от рабочего контроля... мы подошли к рабочему управлению промышленностью в общенациональном масштабе» ⁵.

Особенно трудной в сложившихся условиях была задача повышения производительности труда. Для ее решения необходимо было восстановить народное хозяйство, организовать разработку естественных богатств и развить крупную индустрию, внедрить новейшую технику, обеспечить образовательный и культурный подъем массы населения, выработать новые основы сознательной трудовой дисциплины. В одном из планов статьи «Очередные задачи Советской власти» Ленин заметил: «По сути дела, это недостижимо одним ударом, тоже декретом (как нельзя встряхнуть или приказом оздоровить человека, коего избили до полусмерти). Длительная работа» ⁶. Обдумывая пути решения этой задачи, он еще в конце 1917 г. в неопубликован-

¹ См. М. П. Ирошников. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Л., 1974, стр. 424—426.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 294.

³ См. «Труды I Всероссийского съезда СНХ». М., 1918, стр. 89.

⁴ И. Ф. Раков. От рабочего контроля к управлению фабриками. — «По ленинскому пути. Воспоминания старых большевиков». М., 1972, стр. 223—224.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 140.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 549.

ной тогда статье «Как организовать соревнование?» писал, что капиталистическая конкуренция ведется за кусок хлеба и влияние, но вырождается в подавление «предприимчивости, энергии, смелого почина *массы* населения». Вопреки буржуазным домыслам «социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами»¹.

Конечно, надо учитывать, продолжал Ленин, что рабочие и крестьяне, которых голод и нужда всю жизнь вынуждали работать из-под палки, еще «робеют», еще не освоились с тем, что *они* — теперь *господствующий* класс». Сделать их вполне самостоятельными и решительными нельзя сразу. «Но в том-то и сила, в том-то и жизнённость, в том-то и непобедимость Октябрьской революции 1917 года, что она *будит* эти качества, ломает все старые препоны, рвет обветшавшие путы, выводит трудящихся на дорогу *самостоятельного* творчества новой жизни»². Организация соревнования нужна, писал Ленин, заглядывая в будущее, «для неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов, для постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки»³.

Ленин весной 1918 г. вскрыл и проанализировал две органически связанные стороны демократии в переходный от капитализма к социализму период. С одной стороны, нужно всемерно развивать энтузиазм масс, самостоятельный почин рабочих и всех трудящихся, сознательность и добровольность их действий, не угасить бьющий через край «митинговый демократизм». С другой стороны, для организации производства необходимы трудовая дисциплина и единоначалие, т. е. определенные формы принуждения в виде «*беспрекословного повиновения масс единой воле*» руководителей трудового процесса, нужно совмещение коллегиальности управления с личной ответственностью исполнителя. Строго разделить и вместе с тем соединить эти «две категории демократических функций» — дело совсем нелегкое и в организационном, и в идеологическом, и в социально-психологическом отношении⁴.

В этой связи Ленин обсуждал также вопрос о том, как реализовать огромное преимущество Советской власти — ее небывалый демократизм — и вместе с тем устранить все то, что внутри самой новой государственности противоречит этому самому высокому типу

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 195.

² Там же, стр. 199.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 75.

⁴ См. там же, стр. 156, 200—203.

демократизма. «Нет ничего глупее, — писал он, — как превращение Советов в нечто застывшее и самодовлеющее. Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц *для определенных процессов работы*, в определенные моменты *чисто исполнительских функций*, тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма»¹. Об опасности бюрократических извращений Ленин говорил многократно. Так, на заседании Петроградского Совета, отвечая на записку о том, что «на местах много плесени, бюрократизма и мохаросло», он сказал: «Это совершенно справедливо... Мы выгнали старых бюрократов, но они снова пришли... Как тут быть? Опять и опять с этой нечистью бороться, опять и опять, если эта нечисть пролезла, чистить, выгонять, надзирать и смотреть»².

Явления бюрократизма Ленин объяснял, впрочем, не только пережитками старого, но и недостаточным уровнем культуры народных масс. «Мы не утописты, — напоминал он, — думающие, что дело строительства социалистической России может быть выполнено какими-то новыми людьми, мы пользуемся тем материалом, который нам оставил старый капиталистический мир»³. Приходится волею-неволею строить социализм «из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе», а не из тех, «которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой»⁴.

Выход из создавшегося положения Ленин и партия большевиков видели в вовлечении в социалистическое строительство как пролетариев, прежде обделенных культурой и могущих лишь постепенно наверстать упущенное, так и людей интеллигентного труда, которые либо сознательно хотели участвовать в созидании нового строя, либо по тем или иным соображениям выражали готовность служить Советской власти.

ОБОСТРЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Начинались гигантские строительные работы. Но на пути к мирному и планомерному решению Советской властью очередных экономических, политических и культурных задач громоздились все новые препятствия. Первым из них был голод, вторым — активизация вооруженных выступлений контрреволюционных сил.

Перед рабоче-крестьянским правительством с первых же часов его существования остро встала доставшаяся ему в наследство про-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 206.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 15.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 54.

довольственная проблема. Хозяйничанье прежних правителей довело страну до голода. Разруха на транспорте усиливала продовольственные трудности, особенно в крупных городах. Крестьянская беднота — опора Советской власти в деревне — сама не имела хлеба и голодала. Хлеб был у сельских богатеев, кулаков, но они отказывались продавать его Советскому государству по твердым ценам, рассчитывая удушить революцию голодом.

Весной 1918 г. рабочие промышленных центров неделями не получали продовольствия. В начале мая населению Петрограда были выданы последние остатки сухарей. Продовольственный вопрос становился главным вопросом революции. Для спасения страны, и прежде всего рабочего класса, нужны были чрезвычайные меры. Декреты ВЦИК и Совнаркома установили «продовольственную диктатуру» пролетарского государства. Цель ее: централизация заготовок и распределения продовольствия, обеспечение государственной хлебной монополии, запрет частной торговли хлебом, сдача излишков хлеба государству по твердым ценам. Осуществление таких решительных революционных мер мог обеспечить только рабочий класс.

Советское правительство приняло постановление о привлечении рабочих к борьбе с голодом. Комиссариату труда вместе с профсоюзами предлагалось «мобилизовать как можно больше передовых, организованных и сознательных рабочих для помощи борьбе деревенской бедноты против богатеев-кулаков и для беспощадного подавления спекуляции хлебом и срыва монополии на хлеб»¹.

Голод не от того, что в России нет хлеба, писал 22 мая В. И. Ленин питерским рабочим, а от того, что «буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе». Рабочие должны организовать великий «*крестовый поход*» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников. «Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию. Нужны десятки тысяч передовиков, закаленных пролетариев, настолько сознательных, чтобы разъяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов, — настолько выдержанных, чтобы беспощадно отсекал от себя и расстреливать всякого, кто «соблазнился» бы — бывает — соблазнами спекуляции и из борца за народное дело превратился в грабителя, — настолько твердых и преданных революции, чтобы организованно вынести все тяжести *похода* во все концы страны для водворения порядка, для укрепления местных органов Советской власти, для надзора на местах за каждым пудом хлеба, за каждым пудом топлива». Только победа над голодом и безработи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 319.

цей поднимет революцию «до настоящего преддверия социализма»¹.

Отряд, сформированный в августе на Путиловском заводе в Петрограде, возглавил рабочий-котельщик, коммунист Н. Б. Борисов, его заместителем был фрезеровщик Н. О. Савицкий, казначеем — участник штурма Зимнего дворца машинист Е. Н. Сурков. Отряд насчитывал 389 кадровых рабочих, из них коммунистов и сочувствующих, составивших его ядро, — 79². Таких отрядов, состоявших в основном из рабочих, в Петрограде было сформировано много десятков. Тысячи рабочих Москвы, Иваново-Вознесенска и других городов тоже направлялись в деревню. В этом массовом пролетарском походе к концу 1918 г. приняло участие около 80 тыс. человек³.

Работу в деревне продотрядовцы начинали с разъяснения трудящимся крестьянам сложившегося положения. А. Е. Бадаев (в прошлом сам кадровый рабочий), руководитель сводного отряда из 2 тыс. петроградских рабочих, направленного в Северную область, вспоминал, что «рабочие, только что ушедшие от станка, превращались в заправских ораторов, ими читались доклады на самые различные темы»⁴. Рабочие-продотрядовцы рассказывали крестьянам о политике и мероприятиях большевиков, раздавали воззвания и газеты. Опираясь на деревенскую бедноту, продотряды изымали хлеб у кулаков, саботировавших советскую продовольственную политику.

Большую роль в борьбе с сельской буржуазией сыграли создававшиеся с лета комитеты бедноты — органы сплочения беднейшего крестьянства. В их организации и деятельности активное участие принимали рабочие промышленных центров, направленные в деревню в составе продотрядов и в качестве агитаторов. Комбеды вели учет хлебных излишков, вынуждали кулаков вскрывать тайники с запасами продовольствия, конфисковывали у них хлеб, вели борьбу со спекуляцией. Получив помещичью землю, беднота нередко не могла ее использовать, так как не имела семян, рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря. Комбеды занимались передачей нуждающимся части рабочего скота и инвентаря, изъятого у кулаков-саботажников. Деятельность комбедов и продотрядов подрывала экономические и политические позиции кулачества в деревне. Вместе с тем комбеды, втягивая в свою работу середняков и оказывая им помощь, способствовали укреплению доверия среднего крестьянства к рабочему классу. После того как комбеды выполнили осенью 1918 г. свои основные задачи, они были распущены, слились с Советами.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 357, 361—362, 364.

² См. «Бастионы революции. Страницы истории ленинградских заводов», вып. III. Л., 1960, стр. 33.

³ См. В. М. Селунская. Рабочий класс и Октябрь в деревне. М., 1968, стр. 171.

⁴ А. Бадаев. Десять лет борьбы и строительства. Л., 1927, стр. 50—51.

Весь комплекс политических, хозяйственных, социально-экономических мер, проводившихся Советской властью в деревне, имел своей непосредственной целью решение насущных практических вопросов — продовольственного и аграрного. Но в конечном счете он был направлен на решение стратегической задачи — на укрепление союза рабочего класса с массой трудящегося крестьянства, прежде всего с беднотой¹. Это было важнейшим условием упрочения Советской власти, ее непобедимости в войне с ополчившейся против нее внутренней и международной реакцией.

Осуществляя в деревне задачи буржуазно-демократического характера, Коммунистическая партия постоянно имела в виду перспективы социалистического преобразования. Сама отмена частной собственности на землю дала «наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии»². Советские аграрные законы предоставляли коллективным хозяйствам (артелям, коммунам) право преимущественного по сравнению с единоличными хозяйствами пользования землей, первоочередного снабжения инвентарем, семенами и денежными средствами.

Обосновывая историческую необходимость социалистического преобразования сельского хозяйства, Ленин, однако, подчеркивал, что это задача исключительной трудности и решать ее надо постепенно, без принуждения, ни в коем случае не обгоняя развитие масс, воздействуя на крестьян «силой примера, силой привлечения к улучшению хозяйства»³. Поскольку в первое время крестьяне в массе своей еще не понимали преимуществ общественной обработки земли, не убедились в выгодности коллективных хозяйств, партия не форсировала их создание. Часто их организаторами становились промышленные рабочие, которые по тем или иным причинам попадали в деревню. Не все созданные в ту пору общественные хозяйства смогли пережить многочисленные трудности, но самый факт их появления имел большое значение для последующего развития деревни.

Отвечая тем, кто ложно обвинял большевиков в применении насильственных мер для «введения социализма» в деревне, Ленин напомнил, что пролетариат России вместе со всем крестьянством завершил в деревне прежде всего *буржуазно-демократическую революцию*. То была общекрестьянская, общедемократическая борьба. Лишь летом и осенью 1918 г., когда поднялась беднота, когда десятки миллионов сельских пролетариев и полупролетариев объединились с рабочим классом в борьбе против кулаков и буржуазии (в том числе крестьянской), «Октябрьская» (т. е. пролетарская) революция охватила и деревню⁴.

¹ Подробнее см.: Л. Н. Соболев. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 327.

³ Там же, стр. 363.

⁴ См. там же, стр. 141—144.

Вот если бы, продолжал Ленин, «большевистский пролетариат попробовал сразу, в октябре — ноябре 1917 года, не сумев выждать классового расслоения деревни, не сумев *подготовить* и провести его, попробовал «декретировать» гражданскую войну или «введение социализма» в деревне», тогда, и только тогда, это было бы «попыткой *меньшинства* навязать свою волю большинству, тогда это было бы теоретической нелепостью, непониманием того, что общекрестьянская революция есть *еще* революция буржуазная и что без *ряда переходов, переходных ступеней*, сделать ее социалистическою в отсталой стране нельзя»¹.

Сложности, возникшие во внутренней жизни страны, обострение классовой борьбы в деревне дополнялись активизацией внешних врагов Советской России. 15 марта 1918 г., как раз в тот день, когда в Москве съезд Советов ратифицировал Брестский мирный договор, собравшаяся в Лондоне конференция премьер-министров и министров иностранных дел Англии, Франции и Италии приняла решение «не признавать» этот договор и немедленно начать вторжение войск союзников в Россию. В официальном сообщении об этом, посланном правительству США, английский министр иностранных дел Бальфур писал: «Конференция считает, что есть только одно средство — союзная интервенция»². Собственно говоря, это было лишь подтверждением и продолжением ранее не только согласованных, но и уже начатых действий, означавших грубое вмешательство империалистов во внутренние дела Советской республики. Еще в декабре 1917 г. на конференции представителей стран Антанты в Париже был в принципе решен вопрос о военной интервенции против Страны Советов. Тогда же Англия и Франция заключили тайную конвенцию «о районах будущих операций британских и французских войск на территории России»³. Велись переговоры об участии в интервенции США и Японии.

Сразу приступить к осуществлению этих планов помешала война с Германией, да и требовалось время для соответствующей подготовки. Но империалисты Антанты не бездействовали: они установили экономическую блокаду Советской республики, снабжали врагов Советской власти оружием и деньгами, через своих агентов, посольства и миссии всячески поддерживали антисоветские силы, разжигали в стране гражданскую войну. В начале марта 1918 г. английский крейсер «Глори» высадил в Мурманске первый десант, затем на крейсере «Адмирал Об» прибыли французские войска, на крейсере «Олимпия» — американские. 5 апреля во Владивостоке высадились японские войска, а вслед за ними и английские. Началась открытая военная интервенция держав Антанты.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 316.

² См. «Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов (1918—1922)», т. 1. М., 1960, стр. 11.

³ См. «История гражданской войны в СССР», т. 3, стр. 295.

Стали обостряться также отношения между Советской Россией и Германией: немецкие войска после занятия Украины, где была установлена власть германского ставленника гетмана Скоропадского, вступили в Крым и попытались захватить советский Черноморский военный флот. По приказу Советского правительства корабли были выведены в Новороссийск и, чтобы они не попали к врагу, потоплены. Немецкие войска вторглись в Донскую область и вместе с белоказаками 8 мая взяли Ростов-на-Дону. Атаманом Войска донского был избран генерал П. Н. Краснов, освобожденный после провала мятежа Керенского — Краснова под «честное слово», что не будет бороться против Советской власти. Северный Кавказ был отрезан от Центральной России, немецкие войска стали угрожать Закавказью.

В конце мая 1918 г. поднял антисоветский мятеж находившийся в России чехословацкий корпус. Он был сформирован в годы первой мировой войны из военнопленных австро-венгерской армии — чехов и словаков. Этот корпус (35—40 тыс. человек) направлялся на Дальний Восток, чтобы оттуда морем быть доставленным во Францию для участия в войне против Германии. Мятеж корпуса, эшелоны которого весной растянулись по железной дороге от Волги до Сибири, был подготовлен агентами Франции, Англии и США. Чехословацких солдат втянули в антисоветскую войну обманом: им внушали, будто Советское правительство хочет их выдать Австро-Венгрии. Правда, не все чехословацкие солдаты поддались антисоветской пропаганде: около 4 тыс. интернационалистов сражались на стороне Красной Армии¹.

Мятеж чехословацкого корпуса² стал поводом для решения Верховного совета Антанты об установлении «контроля над Сибирью» и для приказа президента США Вильсона американским войскам «закрепиться во Владивостоке»³. Он явился также сигналом для вооруженных выступлений внутренней контрреволюции: за Волгой начались кулацко-белогвардейские восстания; кадеты, эсеры и меньшевики стали готовить мятежи во многих городах Центральной России.

В мае совет партии правых эсеров принял решение о восстании против Советской власти. Старейшая эсерка Е. К. Брешко-Брешковская в письмах послам США и Франции призывала их «помочь России освободиться от большевистской власти». Партия меньшевиков, в рядах которой осталось (без Грузии) 60 тыс. членов, выдвинула лозунг «Мимо Советов»⁴. Поскольку эти партии не только вели яростную антисоветскую агитацию, но и встали на путь вооруженной

¹ См. «Интернационалисты», стр. 306.

² Подробнее см.: А. Х. Клеванский. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.

³ См. «История гражданской войны в СССР», т. 3, стр. 313.

⁴ См. Л. М. Спириг. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, стр. 155—159.

борьбы против Советской власти, ВЦИК 14 июня 1918 г. постановил исключить их из ВЦИК и Советов¹.

Осложнились отношения между большевиками и левыми эсерами, которые еще весной в знак протеста против Брестского мира вышли из состава Советского правительства, но оставались во ВЦИК и в местных Советах. Когда обострилась классовая борьба в деревне и Советская власть вынуждена была установить продовольственную диктатуру, создать комбеды, принять решительные меры против кулачества, руководство левых эсеров приняло на своем съезде решение «выпрямить линию советской политики». Это означало курс на разрыв мирного договора с Германией и организацию вооруженного восстания против Советской власти².

4 июля 1918 г. в Москве открылся V Всероссийский съезд Советов. Его партийный состав отразил колебания мелкой буржуазии. По сравнению с предыдущим, IV съездом Советов, который состоялся в марте 1918 г., мелкие партии, включая правых эсеров и меньшевиков, практически сошли на нет (2% мандатов против 8%). Соотношение между делегатами-коммунистами и левыми эсерами изменилось в пользу последних: вместо 70 и 20% оно стало 66 и 30%. Число голосов, поданных за левых эсеров, выросло прежде всего в богатых сельскохозяйственных районах³.

Фракция левых эсеров на съезде перешла в наступление. Ее лидер М. А. Спиридонова после открытых угроз применить против Советского правительства террор выразила ему недоверие. Не получив поддержки большинства, левые эсеры перешли к провокационным действиям. 6 июля (в соответствии с решением ЦК партии левых эсеров) был убит германский посол граф В. Мирбах. Когда председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский сам отправился в штаб отряда Д. И. Попова требовать выдачи убийц, он был задержан. Были арестованы также его заместитель М. Я. Лацис, председатель Моссовета П. Г. Смидович, еще 27 коммунистов. В ночь на 7 июля мятежники, имевшие не менее 1800 вооруженных бойцов, заняли Центральный телеграф, и бывший наркомпочтел П. П. Прошьян разослал по стране телеграммы о свержении большевиков. Но воинские части и население не поддерживали мятежников. Благодаря энергичным мерам, принятым по прямым указаниям Ленина (операцией руководил Н. И. Подвойский), мятежники были уже 8 июля разгромлены советскими войсками и рабочими боевыми дружинами. Преступная авантюристическая попытка вызвать войну с Германией, грозившая катастрофой Советской власти, была сорвана⁴. Военный мятеж в Симбирске, поднятый командующим Восточным фронтом левым эсером

¹ См. «Декреты Советской власти», т. II, стр. 430—431.

² См. Л. М. Спиринов. Указ. соч., стр. 164—168.

³ См. там же, стр. 172—173.

⁴ См. К. Гусев. Крах партии левых эсеров. М., 1963, стр. 194—195, 202—210.

М. А. Муравьевым, был тоже быстро подавлен. Но, воспользовавшись им, белочехи заняли Симбирск и Екатеринбург.

Мятеж левых эсеров лишь на три дня прервал работу съезда Советов. Возобновив ее, съезд одобрил энергичные действия по ликвидации преступной и безумной авантюры левых эсеров, посягнувших на Советскую власть и поставивших страну перед непосредственной опасностью новой войны. Левоэсеровским организациям, поддерживающим мятеж, заявил съезд, не может быть места в Советах¹.

Гневно осуждая лидеров партии левых эсеров, которые стали пособниками белогвардейцев, Ленин вскрыл вместе с тем глубинные истоки колебаний представителей народнического, мелкобуржуазного социализма. Прежде всего он обратил внимание на то исключительно трудное обстоятельство, что, подписывая тяжелый Брестский мир, Советской власти пришлось «идти против патриотизма»². Это оттолкнуло от нее широкие мелкобуржуазные круги. «Патриотизм,— писал Ленин,— одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств». Можно поэтому понять горечь, озлобление и негодование, вызванные Брестским миром. Только пролетарский авангард способен был осознать, что величайшие национальные жертвы должны быть принесены «ради высшего интереса всемирной пролетарской революции». Мелкобуржуазным идеологам и массам такая политика была непонятна, более того, казалась «принесением в жертву очевиднейших реальных интересов сотен миллионов народа отвлеченной, утопической или сомнительной надежде на то, что будет в других странах»³. Но жизнь подтвердила правильность расчета большевиков.

Ленин показал, что политика большевиков в деревне, вызвавшая отход левых эсеров, вовсе не сузила круг тех, кто поддерживал коммунистов. Напротив, «в это время *действительный* круг сторонников большевизма *вырастает необъятно*, ибо просыпаются к *самостоятельной* политической жизни десятки и десятки миллионов деревенской бедноты, освобождаясь от опеки и от влияния кулаков и деревенской буржуазии». Поэтому, заключил Ленин, «мы потеряли сотни левых эсеров, бесхарактерных интеллигентов и кулаков из крестьян, мы приобрели миллионы представителей бедноты»⁴.

Партия левых эсеров раскололась. Значительная часть ее отмежевывалась от своего ЦК. Возникшие организации «революционные коммунисты» и «народники-коммунисты» (в их числе были А. Л. Коллегаев, Г. Д. Закс) позднее влились в РКП(б)⁵. На VI съезде

¹ См. «Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сборник документов. 1917—1922 гг.» (далее — «Съезды Советов РСФСР»), т. I. М., 1959, стр. 64—65.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 213, 215.

³ Там же, стр. 190.

⁴ Там же, стр. 315.

⁵ См. там же, стр. 307—308, 371—372; К. Гусев. Указ. соч., стр. 224—228.

Советов в ноябре 1918 г. полный крах левых эсеров стал очевиден. Из 963 депутатов с решающим голосом было всего девять эсеров, а большевиков — 946. Из 333 депутатов с совещательным голосом большевиков было 314¹. Коммунистическая партия завоевала доверие широчайших масс, доказала, что лишь она одна выражает их коренные интересы. И это в обстановке голода, ожесточеннейшей гражданской войны и иностранной интервенции, когда партия не могла ни накормить народ досыта, ни дать ему желанный мир.

Летом 1918 г. Советская республика оказалась в замкнутом кольце фронтов: Мурманск и Архангельск были заняты интервентами Антанты; чехословаки и белогвардейцы создали фронт на востоке; во Владивостоке высадились японцы и американцы; в Туркестане хозяйничали белоказаки; Украина, Белоруссия и Прибалтика оставались под властью германских оккупантов, поддерживавших также армию Краснова на Дону; в Закавказье осенью на смену германским войскам пришли английские. Советскими оставались лишь центральные губернии с населением 61 млн. человек². Вопрос о судьбе революции стал вопросом военным. Для спасения Советской власти требовались экстраординарные меры. 29 июля 1918 г. объединенное заседание ВЦИК, Моссовета, профсоюзов и фабзавкомов Москвы объявило: «Признать социалистическое отечество в опасности». Был провозглашен лозунг: «Смерть или победа!»³.

То и дело вспыхивали кулацкие мятежи, сопровождавшиеся зверскими расправами над сторонниками Советской власти. В Ярославле произошло восстание белогвардейских офицеров, руководимое «Союзом защиты родины и свободы», который создал правый эсер Б. В. Савинков. Как и мятежи в Рыбинске и Муроме, оно было подавлено советскими войсками. Враги Советской власти перешли к массовому белому террору против рабочих и крестьян. Английские интервенты, занявшие Баку, вместе с правыми эсерами расстреляли под Красноводском 26 бакинских комиссаров, в числе которых были видные деятели партии С. Г. Шаумян, П. А. Джапаридзе, Я. Д. Зевин. Правые эсеры начали осуществлять террористические акты против руководителей Коммунистической партии и Советского государства. В Петрограде были убиты В. Володарский и М. С. Урицкий. 30 августа в Москве было совершено покушение на вождя революции Владимира Ильича Ленина.

Советская власть вынуждена была встать на путь применения ответного террора. В этот день председатель ВЦИК Я. М. Свердлов призвал рабочих теснее сомкнуть свои ряды и ответить на покушения, направленные против его руководителей, «беспощадным массовым

¹ См. «Съезды Советов РСФСР», т. I, стр. 87.

² См. «Известия ВЦИК», 21 декабря 1920 г.

³ См. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 107—108.

террором против всех врагов Революции»¹. 2 сентября ВЦИК подтвердил призыв и объявил Советскую республику военным лагерем². ВЧК раскрыла десятки организаций контрреволюционеров, в том числе ликвидировала антисоветский заговор английского шпиона Р. Локкарта (заговор «трех послов» — кроме Локкарта в нем участвовали посол Франции Ж. Нуланс и посол США Д. Френсис). 5 сентября Совнарком принял по докладу председателя ВЧК постановление, в котором говорилось, что «при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». Для усиления деятельности ВЧК в ее состав были включены ответственные партийные работники³.

Коммунистическая партия всегда считала применение рабочим классом и его государством насилия в широких масштабах мерой вынужденной. Ленин, едва оправившись от ранения, подчеркнул, что «законность должна быть повышена (или строжайше соблюдаема)». Хотя «экстренные меры *во й ны* с контрреволюцией не должны ограничиваться законами», но они допустимы только при соблюдении условий о повышении ответственности за их применение как советских учреждений, так и должностных лиц⁴. Соответствующее постановление о революционной законности было принято VI съездом Советов 8 ноября 1918 г.⁵ К этому времени, одержав крупные победы над контрреволюцией, Советская республика упрочилась. В этой обстановке репрессии стали сокращаться.

Красный террор, указывал Ленин, «был вызван тем, что вся мелкобуржуазная демократия повернула против нас. Они вели с нами войну различными приемами — путем гражданской войны, подкупом, саботажем. Вот такие условия создали необходимость террора. Поэтому раскаиваться в нем, отрекаться от него мы не должны»⁶. Напомнив, что «социализм вообще против насилия над людьми», Ленин заметил, что тем не менее, «кроме христианских анархистов и толстовцев, никто еще не выводил отсюда, что социализм против *революционного насилия*». Поэтому говорить о «насилии» вообще, не отличая реакционного насилия от революционного, — значит отречься от революции или обманывать и себя, и других⁷.

Иностранная военная интервенция и обострение гражданской войны потребовали создания многомиллионной Красной Армии. Приток добровольцев, прежде всего рабочих, в ее ряды заметно вырос уже тогда, когда германская армия во второй половине февраля 1918 г. угрожала Петрограду. В те дни в Петрограде записалось

¹ «Декреты Советской власти», т. III, стр. 266.

² См. там же, стр. 267—268.

³ Там же, стр. 291.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 129—130.

⁵ См. «Съезды Советов РСФСР...», т. I, стр. 93—94.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 214—215.

⁷ См. там же, стр. 296.

22 тыс. рабочих-добровольцев, в Москве — до 20 тыс.¹ Во второй половине мая Красная Армия имела свыше 320 тыс. бойцов². Но этого было уже недостаточно. В конце апреля 1918 г. было введено всеобщее военное обучение (Всеобуч), которое проводилось без отрыва от работы. Вскоре ЦК РКП(б) обязал всех членов партии пройти обучение военному делу.

29 мая 1918 г. ВЦИК принял решение о переходе от добровольчества к обязательной военной службе³. В специальном постановлении V Всероссийского съезда Советов «Об организации Красной Армии» говорилось, что «период случайных формирований произвольных отрядов, кустарного строительства должен быть оставлен позади»⁴. Строительство Красной Армии на новой основе началось с проведения мобилизаций в ведущих промышленных центрах. В первую очередь летом 1918 г. призывались рабочие — нужно было создать крепкий, дисциплинированный пролетарский костяк, вокруг которого станет формироваться массовая рабоче-крестьянская армия.

Декрет СНК от 2 августа 1918 г. предписывал привлекать на командные должности «честных и мужественных сынов народа из числа бывших унтер-офицеров»⁵. Из рядовых, унтер-офицеров и младших офицеров вышли такие выдающиеся командиры, как В. К. Блюхер, С. М. Буденный, Г. И. Котовский, Ф. Ф. Раскольников, М. Н. Тухачевский, В. И. Чапаев, Н. А. Щорс, И. Э. Якир и многие другие. В Красную Армию пришли и крупные военные специалисты, среди которых были В. М. Альтфатер, М. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Брусилов, И. И. Вацетис, А. И. Егоров, С. С. Каменев, Д. М. Карбышев, Б. М. Шапошников. Всего к концу 1918 г. в Красную Армию было призвано более 22 тыс. бывших генералов и офицеров⁶.

Большая заслуга в строительстве и укреплении Красной Армии принадлежала военным комиссарам. 8 апреля 1918 г. было создано Всероссийское бюро военных комиссаров. Военкомы были в армии представителями партии, носителями ее идей и дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за социализм. В историю вошли имена комиссаров Я. Б. Гамарника, В. В. Куйбышева, Н. Г. Маркина, Д. А. Фурманова и многих других. В сентябре 1918 г. были учреждены реввоенсоветы республики, фронтов и армий, которые работали на основе директив партии под контролем ее Центрального Комитета. Для обеспечения армии всем необходимым была создана Чрезвы-

¹ См. С. М. Кляцкин. На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917—1920. М., 1965, стр. 132—133.

² См. Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979, стр. 300.

³ См. «Декреты Советской власти», т. II, стр. 334—335.

⁴ «Съезды Советов РСФСР...», т. I, стр. 68.

⁵ См. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 133.

⁶ См. «История КПСС», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 103.

чайная комиссия по снабжению Красной Армии, председателем которой был назначен видный деятель партии Л. Б. Красин.

Важной чертой Красной Армии был ее интернациональный состав. В ее рядах сражались не только представители всех народностей и наций России, но и части, подразделения, группы, целые войсковые соединения, сформированные из иностранных трудящихся. Еще 20 февраля 1918 г., когда германские войска двигались на столицу, находившиеся в Петрограде военнопленные, собравшись на митинг, постановили: «Пусть знают господа германские империалисты и их русские коллеги — буржуа, что пролетариат России не останется одиноким! В критический момент поддержка со стороны многих, многих тысяч военнопленных обеспечена. Только через трупы пролетариев буржуазные банды смогут взять красные форты русской революции»¹. Движимые чувствами пролетарской солидарности, десятки тысяч иностранных трудящихся добровольно вступали в ряды Красной Армии, принимали советское гражданство.

Американский журналист Альберт Рис Вильямс рассказал впоследствии, как реагировал Ленин на его желание добровольно вступить в революционную армию: «Он окинул меня испытующим взглядом и, пряча в прищуренных глазах добрую улыбку, как бы между прочим сказал:

— Один иностранец много не навоюет. Может быть, вы найдете еще кого-нибудь?

Я ответил, что попробую сколотить небольшой отряд. Так родилась идея Интернационального отряда... Сняв телефонную трубку, Ленин попытался соединиться с Крыленко. Когда это не удалось, он взял перо и написал ему записку. Как оказалось потом, интерес Ленина к Интернациональному отряду этим не ограничился, он продолжал следить за его формированием с характерным для него умением предусматривать все детали... 24 февраля воззвание появилось в «Правде». (Позднее по распоряжению Ленина телеграф разнес по всей России более краткое и более конкретное обращение, которое было переведено на пять языков.)»² В состав Интернационального отряда входили поляки, чехи, немцы, англичане, китайцы, румыны, финны, итальянцы, американцы и др.

Организаторами многих интернациональных формирований были создававшиеся с конца 1917 г. коммунистические группы интернационалистов, объединенные в мае 1918 г. в Федерацию иностранных групп РКП(б). Она состояла из национальных групп — венгерской, немецкой, югославянской (вскоре разделившейся на югославянскую и болгарскую), чехословацкой, англо-французской (потом разделившейся на французскую и англо-американскую), румынской. Польские и финские коммунистические организации имели свои бюро при

¹ «Правда», 21 февраля 1918 г.

² Альберт Рис Вильямс. Путешествие в революцию. М., 1977, стр. 254—256.

ЦК РКП(б). В августе была создана Коммунистическая партия иностранных рабочих и крестьян Туркестана. Председателем Центральной федерации иностранных групп стал венгр Бела Кун. Работа этой федерации составляла, по выражению Ленина, «одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии, как одной из ячеек Всемирной коммунистической партии»¹.

Федерация вела большую агитационно-пропагандистскую работу, издавала на многих языках газеты, листовки, воззвания, распространявшиеся не только среди военнопленных и на территориях, занятых интервентами, но и проникавшие также в глубокие тылы противника. Федерация участвовала в организации интернациональных подразделений и частей Красной Армии, которые формировались в 85 пунктах страны — в Москве, Самаре, Саратове, Перми, Орле, Ярославле, Иркутске и других городах Сибири. Созданный в конце мая — начале июня 1918 г. 1-й Московский интернациональный коммунистический отряд, политическим комиссаром которого стал венгр Тибор Самуэли, вскоре был направлен на Уральский фронт, затем переброшен на Украину. Батальон интернационалистов участвовал в разгроме мятежа левых эсеров в Москве. К сентябрю 1918 г. на разных фронтах сражались более 50 тыс. иностранных трудящихся². Подразделениями командовали поляки Ст. Бобиньский и Ст. Жбиковский, венгры Б. Кун, Т. Самуэли, К. Лигети, Л. Винерман, Ф. Мюнних, чехи Я. Гашек и С. Частек, югославы Д. Сердич и Э. Чопп, многие другие³. В августе 1918 г. перед выступлением на фронт Революционного полка Красной Варшавы Ленин говорил на митинге красноармейцев: «Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святыи идеи и, борясь вместе с вчерашними врагами по фронту — германцами, австрийцами, мадьярами, на деле осуществлять интернациональное братство народов»⁴. Интернационалисты рука об руку с рабочими и крестьянами России защищали Советскую республику от интервентов и белогвардейцев.

В трудных условиях гражданской войны и иностранной интервенции партия превратила страну в военный лагерь, направила на фронты десятки тысяч коммунистов. Осенью Красной Армии удалось отразить натиск белочехов. 10 сентября была освобождена Казань, а 12 сентября войска под командованием П. А. Славена и М. Н. Тухачевского освободили родной город Ленина — Симбирск. В ноябре войска Восточного фронта вышли на Урал. На Северном фронте

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 148.

² См. «Интернационалисты», стр. 209—212.

³ Подробнее см.: «Интернационалисты в боях за власть Советов». М., 1964; «Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции». М., 1967; «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики». М., 1971.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 26.

удалось остановить наступление интервентов, двигавшихся на Вологду, а на Южном фронте — отстоять Царицын.

В первую годовщину Октябрьской революции Ленин напомнил: «Нам пришлось начинать нашу революцию в условиях необыкновенно трудных, в которых не будет находиться ни одна из дальнейших рабочих революций мира». Оглядывая пройденный путь, Ленин отметил, что за год сделано многое: «От рабочего контроля, этих начальных шагов рабочего класса... мы подошли вплотную к созданию рабочего управления промышленностью; от общекрестьянской борьбы за землю... мы пришли к тому, что в деревне выделились пролетарские и полупролетарские элементы», которые поднялись на строительство новой жизни.

От первых шагов советской организации, продолжал Ленин, страна пришла к цельной системе, закреплённой Советской Конституцией. От полной незащитности Советская Россия пришла к могучей Красной Армии. Указывая на начало революций в центре Европы, Ленин подчеркнул: «Наконец, самое важное, мы пришли от международного одиночества, от которого мы страдали и в Октябре и в начале текущего года... к тому положению, когда мы стоим рука об руку, плечом к плечу с нашими международными союзниками»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 137—139.

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЗОНАНС ОКТЯБРЯ

Победа Октябрьской революции коренным образом изменила место России в революционном процессе. В начале XX в., когда сюда переместился центр мирового революционного движения, представлялось, что российская революция станет лишь *прологом* революции европейской. В годы мировой войны В. И. Ленин заметил, что война непосредственно связала «революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе». Теперь, писал Ленин, грядущая в России революция «уже не только пролог, а неразрывная *составная часть* социалистической революции на Западе»¹. Но локомотив истории продвинул рабочий класс России еще дальше вперед: он первым в мире совершил победоносную социалистическую революцию, *открыл всем народам путь перехода от капитализма к социализму*.

Говоря об этом подвиге российского пролетариата, Ленин отметил в марте 1918 г.: «Мы не только слабый и не только отсталый народ, мы тот народ, который сумел, — не благодаря особым заслугам или историческим предначертаниям, а благодаря особому сцеплению исторических обстоятельств, — сумел взять на себя честь поднять знамя международной социалистической революции»². Поясняя эту мысль, проникнутую глубоким интернационализмом, сочетавшую национальную гордость с национальной скромностью, Ленин указывал, что в России было легче начать революцию, чем в передовых странах капитала. Среди многих причин была и та, что на Западе рабочему классу противостояла высокоорганизованная и многоопытная буржуазия, а в России ему пришлось вести борьбу против «самого гнилого, отсталого политического строя» в Европе³.

Американский коммунист Джон Рид не преувеличивал, написав, что Октябрьская революция потрясла весь мир. Не только друзья революции, но и ее злейшие враги ощутили, что зашатались самые устои мировой капиталистической системы. Мир сразу же раскололся на два лагеря. При этом поначалу многие полагали — одни с тре-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 27; см. также т. 30, стр. 327 (курсив наш. — Авт.).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 109.

³ Там же, стр. 97.

вогой, другие с надеждой, — что Советская власть в России не сможет удержаться и укрепиться. Ведь она оказалась одинокой перед лицом небывалых, чудовищных трудностей. Однако вскоре проявилась способность российского пролетариата и его руководителей к стойкости, выдержке и самопожертвованию. Вместе с тем выяснилось, что российская революция вовсе не изолирована от остального мира, наоборот, связана тысячами нитей с борьбой международного пролетариата и всех угнетенных, с мировым революционным процессом.

Немедленное, непосредственное воздействие Октябрьской революции на современный ей мир было исключительно многообразным и разносторонним. Все прогрессивные силы испытали на себе ее освободительное, революционизирующее влияние. Но в зависимости от конкретных исторических условий региона или страны, от характера и уровня политической зрелости той или иной социальной группы разные стороны Октября находили больший или меньший отклик. В одних случаях особенное впечатление производил революционный выход Советской России из империалистической войны, ее страстный призыв к всеобщему демократическому миру; в других — пример революционно-преобразующей деятельности рабочих и солдатских Советов, небывалый радикализм решения социальных проблем в городе и деревне; в третьих — размах и глубина национально-освободительных акций по отношению к народам отсталым и угнетенным; в четвертых — героизм и самоотверженность рабочих и крестьян в отстаивании завоеванной свободы и независимости. Повсюду был услышан клич Октября к интернациональному сплочению революционных пролетариев и трудящихся всего мира.

Уже в первых откликах зарубежных революционеров на установление власти Советов и ее первые декреты звучали восхищение масштабом и глубиной начатых политических и социальных преобразований, смелостью руководителей российского пролетариата, сумевших возглавить и повести за собой многомиллионные массы угнетенных и эксплуатируемых огромной страны. Они осознали, что происходящее в России будет иметь огромное значение для развития революционного освободительного движения во всем мире.

На Европейском континенте, который продолжал оставаться полем жестокой, кровопролитной и изнурительной войны, самый живой отзвук нашли, естественно, предложения Советского правительства о немедленном заключении перемирия как пути к всеобщему демократическому миру без аннексий и контрибуций, о признании за всеми народами права на национальное самоопределение. Большое впечатление производила и деятельность новых массовых организаций — рабочих и солдатских Советов. В ряде европейских стран подобные органы стали возникать еще до того, как Советы в России стали в результате победы Октября полновластными.

Так, в апреле 1917 г. первый рабочий Совет создали забастовавшие рабочие Лейпцига. Руководители восстания немецких моряков

в Вильгельмсхафене в августе того же года призывали к «образованию матросских Советов по русскому образцу»¹. Когда через линии фронтов, рогатки военной цензуры и кривые зеркала буржуазной печати в Германию проникли сведения о революционных акциях Советской власти и партии большевиков, Карл Либкнехт писал из каторжной тюрьмы: «Величайший процесс социальной и экономической революционизации России снизу доверху... заключает в себе не в конце, а уже в начале безграничные возможности, гораздо большие, чем имела Великая французская революция». Ему страстно хотелось узнать о происходящем в России больше, чем он мог извлечь из немецкой буржуазной прессы. «Ни в чем,— писал он,— я не чувствую так остро свою нынешнюю духовную изоляцию, как в русском вопросе»².

Р. Люксембург, тоже томившаяся в тюрьме, подчеркнула «беспримерный радикализм», «огромный масштаб» русской революции, глубинную силу, с которой она «потрясла все взаимоотношения классов», поставила на повестку дня все социальные и экономические проблемы, ее огромное воздействие на весь мир³. А руководитель бременских леворадикалов Иоганн Книф, назвав Ленина «Маратом русской революции», высказал радость, что во главе Советского государства встал «человек неукротимого революционного огня, железной воли, огромной энергии, несокрушимой логики, смертельный враг всякого разлагающего оппортунизма». Партия Ленина, писал Книф, выразила не только волю промышленного пролетариата, который за полгода революции осознал, что спасти ее может лишь его власть, но и надежды всех трудящихся, измученных войной, страдающих и голодающих. Большевики «переходят теперь к расчистке русских авгиевых конюшен, к восстановлению хозяйства России, они несут миру мир»⁴.

В нелегальной листовке, распространявшейся в Германии, говорилось: «Наши героические братья в России уничтожили проклятый оплот негодяев-палачей в своей стране... Ваше счастье, ваше избавление зависит от того, есть ли у вас решимость и сила последовать примеру русских братьев... Победоносная революция не потребует

¹ См. *К. Маммаз*. Влияние Февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс Германии. М., 1957, стр. 38—42; *A. Schreiner*. Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik, Bd. 1. Berlin, 1955, S. 402; *З. К. Эггерт*. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957; *В. Г. Брюнин*. Внутриполитическая борьба в Германии летом и осенью 1917 года. Л., 1965.

² *K. Liebknecht*. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. IX. Berlin, 1968, S. 371.

³ *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 4. Berlin, 1974, S. 332.

⁴ «*Arbeiterpolitik*» (Bremen), 17.XI.1917.

столько жертв, сколько их требует один-единственный день боя там — на поле сражения, где царит безумие войны»¹.

Рабочие и солдатские Советы возникли в некоторых городах Австро-Венгрии. «Свершилось событие огромного значения, — писал орган австрийских социал-демократов. — Диктатура пролетариата стала в Петрограде действительностью... Мы шлем страстные поздравления нашим русским братьям! Если они победят в этой борьбе, которую начали так удачно, в освободительной битве международного пролетариата откроется новая эпоха! В России идет сражение и за наше дело: прежде всего за мир!»²

В Будапеште участники состоявшегося 25 ноября массового митинга скандировали лозунг: «Пусть венгерские рабочие учатся у русских!» Резолюция выражала восхищение русскими революционерами, которые «смелыми сердцами, твердым духом и сильной рукой выводят человечество из пекла войны». Трудящиеся Венгрии, говорилось далее, полны «решимости поддержать русских революционеров в их героической борьбе, направленной на заключение мира, и мы всеми силами будем бороться также за то, чтобы и в нашей стране исчезла эксплуатация одного класса другим, угнетение одной нации другой!»³ 2 декабря 1917 г. демонстрация рабочих Праги приветствовала мирную инициативу Советского правительства и в обращении к рабочим России заявила, что «социал-демократический пролетариат в Чехии паходится рядом с ними в той великой борьбе, которую они ведут, чтобы защитить первую в мире социалистическую республику»⁴.

В манифесте группы социалистов-максималистов Румынии было сказано, что «энергия, честь и убеждения русских трудящихся и революционный социализм спасли человечество от гибели»⁵. Левый сербский социал-демократ Т. Кацлерович говорил, что русская революция является общим для всего человечества благом. Она «на деле осуществила великий принцип самоопределения народов. Сербский народ совершил бы смертный грех, если бы солидаризировался с врагами русской революции»⁶. Газета болгарских тесных социалистов отмечала: «Грандиозные события в России снова приковывают внимание всего мира. С 7 ноября Великая русская республика пошла по новому, ясному и строго начертанному пути... Русский революционный пролетариат... оказал незабываемую историческую услугу чело-

¹ «Материалы Музея Революции СССР. Новые документы о влиянии Октябрьской революции на страны Запада». — «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 225.

² «Arbeiter-Zeitung» (Wien), 9.XI.1917.

³ «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 223.

⁴ «Právo lidu», 3. XII. 1917.

⁵ Цит. по: «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)». М., 1958, стр. 36.

⁶ «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 219.

вечеству и заслужил звание спасителя человечества от полного самоистребления»¹.

Руководители польских левых социалистов писали в своем воззвании в декабре 1917 г., что российский пролетариат, многомиллионные массы рабочих и крестьян стали авангардом международной революционной армии. Их победы, объявление беспощадной войны войне дают свои результаты. «На живом примере рабочие всех стран видят, что рабы сами могут стать хозяевами своего положения, творцами законов, организаторами новой жизни... Через военные фронты прорывается дыхание революции, которая пробуждает рабочие ряды, преобразует их души и волю, незаметно подготавливает очаги новых революционных взрывов... В момент, когда русские товарищи в смертельных схватках борются с вражескими силами, когда по всей Европе зреет революционное брожение, польский пролетариат должен выше поднять знамя борьбы. Стократ угнетенный и стократ оскорбленный военными поражениями, он, как один человек, должен стать в ряды революционной армии»².

Призывы революционеров поддержать Советскую Россию, соединить проявления солидарности с ней с собственной революционной борьбой находили живой отклик в самых широких массах рабочего класса. Уже в ноябре — декабре 1917 г. по многим городам Центральной Европы, где жажда мира была особенно сильной, прокатилась волна митингов, собраний, демонстраций, стачек. Даже те деятели социал-демократии этих стран, которые не звали своих рабочих к революционным действиям, признавали, что «русская революция борется не только за жизненные интересы русского народа: она одновременно — защитница принципов международной демократии». Так писал только что вернувшийся в Вену из русского плена известный австрийский социалист Отто Бауэр. Указывая, что «все будущее европейского пролетариата зависит от победы русской революции», он разъяснял: одна «русская революция не сможет закончить войну, пока немецкие рабочие не сломят власть немецких аннексионистов, пока рабочие Англии, Франции, Италии и Америки не заставят свои правительства заключить мир»³.

Трудящиеся держав Антанты также с энтузиазмом приветствовали русскую революцию, возлагая большие надежды на то, что она приведет к окончанию войны. В Италии еще летом 1917 г. широко распространился лозунг: «Сделать, как в России!» Один из руководителей итальянских социалистов вспоминал о своей поездке по стране: «Мы пересекли весь полуостров, от Рима до Бардонеки под несмолкающие крики: «Да здравствует Ленин! Долой войну!» Еди-

¹ «Работнически вестник», 10.XI.1917.

² Цит. по: «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир», стр. 39—40.

³ H. Weber [O. Bauer]. Die russische Revolution und das europäische Proletariat. Wien, 1917, S. 29—33, 39—40.

ный цвет этих бушующих дней был красный цвет»¹. В августе в Турине вспыхнуло вооруженное антивоенное восстание, подавленное только на пятый день борьбы². В популярной песне того времени были слова: «Мы сделаем как в России. Мы сделаем революцию, которая покончит с кровопролитием... Мы мечтаем о мире и установим его»³.

Решимость всеми силами бороться за мир росла и в массах французских рабочих. «В России,— писала одна из левых газет,— вспыхнула революция, совершенная рабочим классом... Во Франции идет движение менее яростное, но аналогичное. Уже не раз на стенах воздвигнутого буржуазией здания появлялись трещины и нам казалось, что мы видим, как оно качается»⁴. Антивоенные настроения охватили интеллигенцию. Созданная молодыми литераторами Анри Барбюсом, Полем Вайян-Кутюрье, Раймоном Лефевром Республиканская ассоциация бывших фронтовиков (АРАК) выдвинула девиз «Война — войне». От ее имени Барбюс писал: «Мы хотим знать правду! Мы хотим знать цели войны, как французского, так и союзных правительств... Долой аннексии, долой контрибуции, долой экономические барьеры! Мы за свободу самоопределения наций, мы за мирные переговоры непосредственно с представителями немецкого народа»⁵. Ромен Роллан отметил в своем дневнике 6 декабря: «Победа русской революции кажется нам решающим событием для будущего Европы»⁶.

В Англии еще летом 1917 г. конференция рабочих и социалистических организаций в Лидсе прошла под лозунгом «Следуйте примеру России»; в своих решениях она прямо призвала к образованию рабочих и солдатских Советов⁷. Власти натравливали на сторонников Советов «патриотических» погромщиков. Приветствуя победу Октября, левая рабочая газета «Уоркерс дреднаут» писала, что успехи большевиков «открывают дверь, ведущую к свободе для народов всех стран»⁸. Еженедельник Британской социалистической партии «Колл» считал, что революция в России «будет иметь для человечества гораздо большее значение, чем Французская революция»⁹. А месяц спустя

¹ Дж. М. Серрати. Руководство для безупречного каторжника. М., 1929, стр. 41.

² См. К. Э. Кирова. Западная Европа. 1917-й. М., 1977, стр. 159—160.

³ Цит. по: Н. П. Комолова. Великий Октябрь и революционный процесс в Италии.— «Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Западной Европы». М., 1978, стр. 95.

⁴ Цит. по: К. Э. Кирова. Указ. соч., стр. 120.

⁵ H. Barbusse. Paroles d'un combattant. Articles et discours 1917—1920. Paris, 1921, p. 47.

⁶ Цит. по: Л. Ланжевен. Французская интеллигенция и Октябрьская революция.— «Французский ежегодник. 1967». М., 1968, стр. 19.

⁷ См. П. В. Гурович. Подъем рабочего движения в Англии в 1918—1921 гг. М., 1956, стр. 37—38.

⁸ «The Workers' Dreadnought», 17. XI. 1917.

⁹ «The Call» (London), 15. XI. 1917.

он объяснил это так: «В России рабочий класс, трудящиеся массы крестьянства и солдаты под руководством революционной социал-демократии завоевали власть и проводят целый ряд мер, коренным образом преобразующих капиталистический общественный строй, стремятся установить господство социализма»¹.

Трудящиеся США, до которых известия о «большевистской революции» в России доходили лишь после двойной фильтрации — правительства и «большой прессы», — горячо ее приветствовали. Классовое чутье верно подсказывало рабочим, что Советская власть несет мир и уничтожение капиталистической эксплуатации, а это превращало «русский вопрос» в важный фактор классовой борьбы в стране². Социалистическая партия США восприняла победу Октября с энтузиазмом. Орган левого крыла партии журнал «Класс страгл» писал, что она знаменует «превращение духовных устремлений к социалистической революции в факт непосредственной и животрепещущей важности для всего мира»³. А один из самых популярных вождей американского пролетариата, Юджин Дебс, указывал, что «русская революция не имела в истории ни прецедента, ни параллели. Монументальная в своей славе, возвышается она одна. Осознай ее грандиозное величие, проникнись духом и присоедини свой голос к ее святому, волнующему, вдохновляющему призыву, обращенному к угнетенным всего мира, подняться во весь свой могучий рост, стряхнуть оковы и объявить всему миру о том, что они свободны!»⁴.

По Соединенным Штатам прокатилась волна манифестаций, в ходе которых рабочие выражали свою солидарность с Советской Россией. Так, рабочие промышленного города Сиэтл в штате Вашингтон на митинге в декабре 1917 г. приветствовали «славный русский пролетариат, который первым одержал победу над капиталом». Они заверяли «русских борцов за свободу», что горячо им сочувствуют и сумеют на деле «доказать нашу пролетарскую солидарность»⁵. Вскоре американские рабочие направили Советскому правительству письмо: «Ваша борьба, говорилось в нем, по самому своему существу — наша борьба... и поражение, нанесенное вам, будет ударом в лицо нам. Верьте, товарищи рабочие, что ваша победа, пролагающая путь к основанию первой настоящей республики производителей богатств, не будет иметь против себя врагом целый мир». Пролетариат остальных стран сделает величайшее усилие, заверяли рабочие, чтобы

¹ «The Call», 20. XII. 1917.

² Подробнее см.: В. Л. Мальков. Великий Октябрь и рабочее движение в США (1917—1922 гг.). — «Американский ежегодник. 1978». М., 1978, стр. 5—41.

³ Цит. по: P. H. Anderson. The Attitude of the American Leftist Leaders towards the Russian Revolution. Notre Dame (Ind.), 1942, p. 51.

⁴ «Прогрессивная Америка в борьбе. 1917—1973. Документы и материалы». М., 1974, стр. 48.

⁵ Цит. по: «Дело трудящихся всего мира». М., 1957, стр. 11.

«сбросить паразитов и установить подобный же общественный порядок в своих землях»¹.

Трудящиеся Японии живо откликнулись на освободительную роль Октябрьской революции. Исполком социалистических групп Токио и Иокогамы в послании «К русским товарищам» заявил: «С самого начала русской революции мы с глубоким энтузиазмом следим за вашей бесстрашной деятельностью. Ваши достижения оказали огромное влияние на психологию нашего народа... Мы с негодованием протестуем против посылки японских войск в Сибирь, так как опасаемся, что их присутствие может помешать свободному развитию вашей революции. Мы глубоко сожалеем, что наша количественная слабость не позволяет предотвратить опасность, которая грозит вам со стороны нашего правительства... Но мы уверяем вас, что красное знамя революции будет скоро развиваться и над Японией»².

Народы нейтральных европейских стран тоже не остались в стороне от влияния Октября. Еще до того как швейцарские интернационалисты призвали рабочих поддерживать борцов российской революции и, следуя их примеру, освободиться от ига национализма и капитализма³, пролетарии Цюриха уже начали действовать. Как свидетельствовал прокурор кантона, когда «в грозное, чреватое взрывом настроение» рабочих «ворвалось известие о победе большевиков в Петербурге», оно произвело «сильнейшее впечатление в массах». Митинг, который предполагалось провести 15 ноября в Народном доме, пришлось вынести на площадь. Демонстранты двинулись маршем к военным заводам. Митинги и шествия продолжались еще два дня, привели к столкновениям с полицией и штурму полицейского участка, строительству баррикад. Только пулеметный огонь войск прекратил 18 ноября стихийное выступление⁴.

Левый шведский социал-демократ Ц. Хёглунд заявил, что «российские рабочие и крестьяне дали блестящий пример, которому должны следовать их товарищи повсюду. Это их долг по отношению к российскому пролетариату, который принес такие огромные жертвы во имя торжества дела социализма»⁵. А видный деятель Норвежской рабочей партии Э. Герхардсен вспоминал: «Развитие революционной России с победой большевиков поддержало левые силы в норвежском рабочем движении. К русской революции был громадный интерес. В Христиании и по всей стране прошли собрания в битком набитых помещениях. Я участвовал в рабочем движении многие годы, но я не

¹ «Письма В. И. Ленину из-за рубежа». М., 1969, стр. 92—93.

² «Хэймин симбун», 1919, № 21.

³ «La Nouvelle Internationale» (Genève), 17. XI. 1917.

⁴ H. Egger. Die Entstehung der Kommunistischen Partei und des Kommunistischen Jugendverbandes der Schweiz. Zürich, 1952, S. 102—103, 113—118.

⁵ «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир», стр. 35.

могу вспомнить что-нибудь, что вызывало бы соответствующий интерес»¹.

Первые известия о революции в России, дошедшие до Латинской Америки, революционеры и руководители рабочих организаций встретили с горячей симпатией. Многие из них открыто называли себя «большевиками». Но как писал молодой кубинский публицист Эмилио Роиг, его большевизм не был копией русского большевизма «среди прочих причин хотя бы и потому, что я кубинец и живу на Кубе. Однако я уверен в том, что, если бы я был русским и жил в России, я бы примкнул к Великой революции, которая 7 ноября 1917 г. передала власть большевикам, и был бы тогда вместе с Лениным»².

Чилийский демократ Хуан Праденас Муньос считал, что «победа Ленина над Керенским — это победа народа над буржуазией, победа пролетариата и поражение тех, кто незаконно удерживал в своих руках собственность на средства производства»³. А бразильский писатель Лима Барreto указывал, что русская революция «потрясла не только троны, но и основы нашего низкого и алчного буржуазного общества. Я не могу отрицать, какую глубокую симпатию возбудило во мне это движение; не могу скрыть своего желания увидеть здесь, на моей земле, в Бразилии, нечто подобное, чтобы покончить с бандой буржуазных тиранов, которые, трусливо укрываясь законами, заставляют нас умирать с голоду»⁴.

Для угнетенных народов колониальных и зависимых стран Азии первостепенное значение имело то, что Октябрьская революция впервые в истории торжественно провозгласила равноправие всех народов, больших и малых, развитых и отсталых. Революция совершилась в стране, которая географически, экономически и исторически относилась не только к Европе, но и к Азии. Это в немалой степени способствовало подъему в странах Азии революционного антиимпериалистического движения, которое в созданном революцией Советском государстве обрело верного и надежного союзника. «Декларация прав народов России», где говорилось о полном раскрепощении всех народов, терпевших гнет и произвол, образно писал Н. Нариманов, «как молния, ударила по головам тех, которые свыклись было со своим положением и которые давно решили, что так, вероятно, угодно судьбе. Они очнулись от спячки, узнали Ленина»⁵.

В нелегальных индийских газетах в январе 1918 г. было опубликовано послание, адресованное Советской России: «Вожди русской

¹ Цит. по: «Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Западной Европы», стр. 142—143.

² Цит. по: А. М. Зорина. Рабочее движение на Кубе. М., 1975, стр. 160.

³ «Правда», 25 октября 1967 г.

⁴ «Мир о стране Октября». М., 1967, стр. 24.

⁵ «Ленин и Восток». М., 1924, стр. 10.

революции! — говорилось в нем. — Индия поздравляет вас с великой победой, одержанной вами в интересах демократии всего мира. Индия дивится благородным и гуманитарным принципам, которые вы провозгласили, взяв власть в свои руки. Индия молит провидение укрепить вас в стойкости в этих высоких идеалах. Но вместе с тем Индия опасается за длительность вашего успеха, ибо, доколе Англия держит в рабском состоянии 350 миллионов населения Индии, мы думаем, что вы не добьетесь осуществления ваших мирных стремлений. Во имя успехов ваших благородных задач, Индия предостерегает вас от дружбы с Англией». С большим трудом текст этого послания был доставлен в Москву из Дели членом Мусульманской национальной лиги, который находился в пути несколько месяцев¹.

Под непосредственным воздействием Октября у националистических лидеров стран Востока стали более ясными и глубокими понятия национального самоуправления. Так, в Индии в 1918 г. в резолюции съезда партии Индийский национальный конгресс было впервые выдвинуто и сформулировано требование о предоставлении стране полной независимости². «Почти одновременно с Октябрьской революцией, руководимой великим Лениным, — вспоминал впоследствии Джавахарлал Неру, — мы в Индии начали новую фазу нашей борьбы за свободу... Хотя в своей борьбе под руководством Махатмы Ганди мы шли другим путем, мы восхищались Лениным и на нас оказывал влияние его пример»³.

Великий китайский революционер-демократ Сунь Ятсен писал В. И. Ленину и Советскому правительству в 1918 г. о глубоком преклонении перед «тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия Вашей страны». Одновременно он выразил надежду, что «революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы»⁴. Один из основателей Коммунистической партии Китая, Ли Дачжао, горячо приветствовал социалистическую революцию в России. «Отныне повсюду будут видны победные знамена большевизма и слышны триумфальные его песни, — заявлял он. — Прозвучал набат гуманизма. Взошла заря свободы. Будущий мир будет миром красного знамени»⁵.

Лидер турецкого национально-освободительного движения Кемаль Ататюрк в послании Советскому правительству говорил о «чувстве восхищения, испытываемом турецким народом по отношению к русскому народу, который, не удовлетворившись тем, что разбил свои собственные цепи, ведет уже более двух лет беспримерную борь-

¹ См. «Правда», 17 ноября 1918 г.

² См. Ш. Г. Сардесаи. Индия и революция в России. М., 1967, стр. 45—46.

³ «Правда», 22 июня 1955 г.

⁴ Пын Мин. История кптайско-советской дружбы. М. 1959, стр. 68.

⁵ Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, стр. 67, 80.

бу за освобождение всего мира и с энтузиазмом переносит неслыханные страдания ради того, чтобы навсегда исчезло угнетение с лица земли»¹.

Один из основателей Интернациональной социалистической лиги Южной Африки, Айвон Джонс, увидел в победе Октябрьской революции рождение «всемирного братства труда». Мы должны, писал он, «сорвать попытки восстановить рабочих против русской революции. Мы должны зажечь в их сердцах пламя этой самой славной и самой мирной революции в истории»².

Как бывает только с событиями действительно эпохального характера, воздействие Октябрьской революции на другие страны и континенты отнюдь не ограничилось прямым и непосредственным резонансом, который она получила уже в первые месяцы после победы. Ее международное влияние сказывалось чем дальше, тем со все большей силой и размахом. Ибо почва, на которой она выросла, была интернациональной.

К концу мировой империалистической войны противоречия капитализма достигли такой глубины и остроты, особенно в воюющих странах, что вся система в целом была, по убеждению марксистов, «зрелой» для революции, которая с огромной взрывной силой прорвалась в России. Однако международный характер социалистической революции не означал ни ее одновременности, ни возможности ее «перенесения» из одной страны в другую. Сколь ни велико было значение примера Октября, какое бы сильное воздействие он ни оказывал на развитие революционного движения в других странах, в каждой из них назревание революции протекало в своеобразных внутренних условиях, определялось достигнутым уровнем социального развития, соотношением классов, расстановкой политических сил.

«Если русскому народу,— сказал Ленин 26 января 1918 г.,— удалось первому поднять факел социалистической революции, то он знает, что он не одинок в этой борьбе и что он с помощью вернейших товарищей и друзей завершит это дело. Может быть пройдет и не мало времени, мы не знаем, сколько времени пройдет для того, чтобы распустилась социалистическая революция и в других странах»³. Уже на следующий день началась революция в Финляндии, которая первой из европейских стран встала вслед за Россией на революционный путь.

РАБОЧАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ФИНЛЯНДИИ

На протяжении более чем столетия Финляндия входила в состав Российской империи, но тем не менее сохраняла известную автономию и политические условия, близкие к западноевропейским. Вместе с тем

¹ Цит. по: «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1939 гг.», т. I. М., 1961, стр. 162.

² Цит. по: «Революция, изменившая мир». М., 1977, стр. 115.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 301.

Финляндия была страной преимущественно крестьянской. Сельское хозяйство служило источником существования для двух третей населения, работа в промышленности — всего для 12%. Численность фабрично-заводского пролетариата едва превышала 100 тыс., батраков — 300 тыс. В сходном с последними положении находились 150 тыс. торпарей (мелких крестьян-арендаторов) и бобылей.

В 1917 г. почти все городские и часть сельскохозяйственных рабочих Финляндии активно участвовали в забастовочном движении. Социал-демократическая партия Финляндии (СДПФ), существовавшая с 1899 г., опиралась на развитые профсоюзы, имела влиятельную прессу и 92 места в сейме из 200¹. После свержения самодержавия шесть правых социал-демократов вошли в состав коалиционного сената (правительства), который возглавил социал-демократ О. Токой. Но уже осенью партия вышла из правительства и вместе с профсоюзами накануне Октября выдвинула радикальную программу экономических и политических преобразований, изложенную в декларации «Мы требуем».

В ноябре 1917 г. под непосредственным воздействием Октябрьской революции, победившей в близлежащем Петрограде, в Финляндии сложилась революционная ситуация. На открывшемся 12 ноября съезде профсоюзов руководитель созданной летом Красной гвардии Э. Хаапалайнен и другие делегаты призывали последовать примеру русских. Съезд потребовал от буржуазии выполнения требований трудящихся, обобщенных в лозунге «Хлеба и прав!». Речь шла о срочных мерах преодоления продовольственного кризиса и безработицы, об узаконении 8-часового рабочего дня, введении социального страхования, освобождении торпарей от власти хозяев, разоружении и роспуске буржуазных охранных отрядов (шюцкоров)².

Когда буржуазное большинство сейма отказалось удовлетворить эти требования, 14 ноября началась всеобщая забастовка. Рабочий класс, опиравшийся на Красную гвардию, стал фактическим хозяином положения в стране. Он рвался в бой и вместе с левыми социал-демократами был готов совершить революцию по примеру России. Однако руководивший стачкой Центральный революционный совет проявил колебания. Стоявшие во главе его левые социал-демократы заняли в этот момент центристские позиции, выразив сомнение в проч-

¹ В сейме, избранном в 1916 г., СДПФ имела большинство — 103 места. Но когда она в июле 1917 г. добилась принятия закона о верховной власти сейма, означавшего важный шаг к независимости Финляндии, правительство Керенского, использовав колебания и капитулянтство буржуазных депутатов, распустило «красный сейм». На новых выборах в октябре 1917 г. СДПФ, хотя и собрала больше голосов, потеряла 11 депутатских мандатов.

² Подробнее см.: И. И. Сюкияйнен. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962, стр. 111—145; В. М. Холодовский. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1967, стр. 13—15.

ности Советской власти, утверждавшейся в те дни в России, и в близости пролетарской революции на Западе¹. Совет не решился взять власть в свои руки, а когда сейм, уступая давлению масс, одобрил законы о 8-часовом рабочем дне и демократизации выборов в органы местного самоуправления, прекратил забастовку.

6 декабря 1917 г. сейм принял Декларацию о независимости Финляндии (этот день отмечается с тех пор как День независимости). Буржуазное правительство П. Свинхувуда попросило капиталистические страны признать независимость Финляндии. Поскольку, однако, они отказались сделать это раньше России, Свинхувуд обратился к Советскому правительству. 31 декабря Совет Народных Комиссаров принял постановление о признании государственной независимости Финляндской республики. Хотя нетрудно было предвидеть, что финская буржуазия постарается использовать полученную независимость в своих классовых интересах, Советское правительство твердо придерживалось провозглашенного им принципа о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Своим актом оно создавало необходимые предпосылки для высвобождения финского пролетариата из-под влияния буржуазных националистов, для роста его классового самосознания. Одновременно Советская власть предлагала финским рабочим добровольный союз с русскими трудящимися².

Однако правительство Свинхувуда, прикрываясь фразами о «национальном единении», готовило насильственное подавление рабочего движения. Вооруженные отряды шюцкора были объявлены правительственной армией, а ее главнокомандующим назначен бывший царский генерал К. Маннергейм. Сенат делал запасы продовольствия на севере страны. Свинхувуд начал с Германией секретные переговоры о военной помощи.

Приготовления буржуазии к гражданской войне показали рабочим руководителям, что вооруженной борьбы за власть не избежать. Совет СДПФ, стремясь упредить действия контрреволюции, образовал 23 января 1918 г. Рабочий исполнительный комитет, который дал указание готовиться к захвату власти. В «Революционном воззвании к финляндскому народу» от 27 января комитет объявил, что отныне вся власть в стране принадлежит «организованному рабочему классу и его революционным органам». В ночь на 28 января отряды Красной гвардии заняли в Хельсинки правительственные учреждения. Вскоре весь промышленный центр и юг Финляндии с городами Турку, Тампере, Лахти, Выборгом и другими оказались в руках рабочих.

¹ См. В. М. Холодковский. О позиции руководителей социал-демократии Финляндии во время революционной ситуации в ноябре 1917 г. — «Вопросы истории Европейского Севера». Петрозаводск, 1979, стр. 86—99.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 115; т. 38, стр. 157—158.

Однако часть членов буржуазного сената заблаговременно выехала из Хельсинки и выступила в г. Ваасе в роли белого правительства, которое распространило свою власть на весь север и часть центра Финляндии — почти на $\frac{4}{5}$ ее территории, где проживала половина населения. Здесь заранее была сосредоточена основная масса шюцкоров. Белые начали гражданскую войну нападением в ночь на 28 января на русские гарнизоны, расположенные в Северной Финляндии. Выдвинув лживый лозунг «освободительной борьбы против русских» и изображая финских революционеров их ставленниками, белым удалось разжечь национализм и привлечь на свою сторону владевших землей крестьян, которым внушали, что революция лишит их собственности. Крестьяне составили основную массу контрреволюционной армии Маннергейма. Страна оказалась расколотой на две части: «красную» и «белую».

Созданное 28 января революционное правительство — Совет народных уполномоченных (СНУ) — было социал-демократическим. В него вошли К. Маннер (председатель), Ю. Сирола, О. Куусинен, А. Тайми и др. Контроль за его деятельностью осуществлял Главный рабочий совет. Аппарат сената был упразднен. На предприятиях создавались промышленные (заводские и цеховые) комитеты, а возникшие еще в марте 1917 г. городские сеймы (представительства, Советы) рабочих организаций стали превращаться в местные органы пролетарской власти.

В своей декларации СНУ заявил о намерении идти по пути социалистической революции, выдвинув на первый план программу демократических преобразований. Декретом от 31 января торпари и бобыли были объявлены независимыми от землевладельцев и стали без выкупа собственниками арендованной ими земли. Уничтожение пережитков феодализма в деревне привлекло эти слои на сторону революции. Был национализирован Финляндский банк; закрыты частные банки; предприятия бежавших хозяев и саботажников передавались под контроль рабочих и правительственных комиссаров, на них возобновлялась работа. Принимались меры для преодоления безработицы. Налоговая система была преобразована в интересах малоимущих, радикально изменена организация продовольственного снабжения, проведена перестройка судопроизводства, созданы революционные суды, отменена смертная казнь. Началась реформа школьного образования¹.

23 февраля 1918 г. был опубликован проект конституции, в котором Финляндия провозглашалась демократической республикой. Конституция устанавливала полный суверенитет народного представительства, предоставляла широкие возможности проявления народ-

¹ См. Э. Торнийнен. Рабочая революция в Финляндии. Краткий очерк развития революции и взгляд на причины ее крушения. М.—Пг., 1919, стр. 18—21, 26—32.

ной инициативы, вводила систему мер против злоупотребления властью и для охраны прав личности. Однако ни декларация СНУ, ни проект конституции не предусматривали ликвидации экономической власти эксплуататорских классов, национализации промышленности и банков, конфискации крупных земельных угодий и лесов, наделения земель мелких крестьян. Между тем только такие меры могли создать реальные основы подлинной демократии, укрепить политическую власть пролетариата.

Логика революционной борьбы, впрочем, побудила правительство действовать более решительно. Столкнувшись в обстановке назвазанной белофиннами гражданской войны с саботажем, рабочая власть приняла меры по ограничению и подавлению буржуазии, стала осуществлять диктатуру пролетариата на практике. Ленин отмечал, что, хотя в Финляндии не возникли рабочие Советы, сложившийся здесь «тип власти опять-таки новый, пролетарский»¹. Впоследствии финские коммунисты с полным основанием констатировали, что «рабочая революция в Финляндии по своему характеру была социалистической, хотя у революционного правительства в начале борьбы и не было ясной социалистической программы»².

Красная Финляндия рассматривала свою борьбу как составную часть международного революционного процесса. В обращении к пролетариату всех стран СДПФ указывала, что «мировая война увеличила предпосылки для интернационального действия, так как это действие стало необходимостью... Особенно обращаем мы, рабочие маленькой страны, наш боевой призыв к вам, рабочие крупных капиталистических стран: спасите человечество от гибели! Дело идет о благе растущих поколений! Борьба рабочих масс должна распространяться от страны к стране»³.

Между Советской Россией и революционной Финляндией установились самые дружеские отношения. Советская Россия, хотя ее собственное продовольственное положение было крайне тяжелым, оказала красной Финляндии немедленную помощь хлебом. Посылались также корма, нефть, ткани, кожа, медикаменты. В Выборг и в другие районы направлялись боевые отряды питерских рабочих. Подписанный 1 марта 1918 г. договор «Об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой» был первым, «невиданным в истории примером совершенно равноправного договора между большой и малой странами»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 51.

² «40 лет рабочей революции в Финляндии. Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Финляндии». — «Новая и новейшая история», 1958, № 2, стр. 122.

³ Цит. по: В. М. Холодковский. Революция 1918 года., стр. 115—116.

⁴ «40 лет рабочей революции в Финляндии», стр. 123.

Финской Красной гвардии по указанию Ленина предоставлялись снаряжение, оружие и боеприпасы¹, в ее рядах сражались несколько тысяч русских добровольцев, сотни эстонцев. Но возможности Советской России оказывать военную помощь красной Финляндии были ограничены. Власти же белой Финляндии, готовясь развязать гражданскую войну, обратились к Германии с просьбой о вводе в Финляндию немецких войск. Германская военщина тем охотнее откликнулась на призыв Свинхувуда, что у нее были собственные, далеко идущие военно-политические планы. Вслед за подавлением финляндских рабочих она рассчитывала создать здесь плацдарм для «уничтожения большевизма» в Советской России и, закрепившись на Балтике, обеспечить свой северный фланг в войне против Антанты. В отличие от договора революционной Финляндии с Советской Россией договоры и соглашения, заключенные Германией с белофиннами, ставили Финляндию в политическую зависимость, навязывали ей кабальные условия в области торговли и мореплавания.

5 марта 1918 г. германские войска появились на Аландских островах, а 3 апреля Балтийская дивизия под командованием генерала фон дер Гольца высадилась в Ханко. Последовали другие десанты, и вскоре численность войск интервентов превысила 15 тыс. Рухнул фронт под Виллипула. 6 апреля после кровопролитных боев пал Тампере. 11 апреля интервенты начали штурм Хельсинки, и на третий день боев столица оказалась в руках контрреволюционеров. СНУ, переехавший в Выборг, еще продолжал руководить вооруженным сопротивлением, а оставшиеся в столице правые социал-демократические лидеры во главе с В. Таннером выпустили 16 апреля воззвание, призывавшее рабочих немедленно сложить оружие. Это был удар в спину революции. Тем не менее в течение почти всего апреля финские пролетарии продолжали оказывать упорное и ожесточенное сопротивление. Только после того, как 29 апреля пал Выборг, последние отряды красногвардейцев вынуждены были прекратить борьбу.

Поражение Финляндской революции, решающей причиной которого была германская интервенция, сопровождалось чудовищным разгулом белого террора. Число прямых его жертв составило около 25 тыс. человек. Только в Выборге были расстреляны без суда 4 тыс. красногвардейцев, русских, поляков, в том числе женщины и дети. В тюрьмы и концентрационные лагеря было заключено 90 тыс. человек, многие тысячи из них погибли от голода и лишений². Финляндия оказалась в вассальной зависимости от Германии, и ее освободило только военное поражение последней. Страх финляндской бур-

¹ См. В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 36, стр. 22, 25, 32; т. 50, стр. 27.

² См. В. Смирнов. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933, стр. 183—192.

жуазии перед рабочими сыграл известную роль в том, что Финляндия не приняла участия в походе Юденича на Петроград.

Главный урок из трагического исхода революции был извлечен левым крылом социал-демократической партии, самокритично оценившим свой опыт¹. 29 августа 1918 г. эмигрировавшие в Советскую Россию руководители и другие участники Финляндской революции основали на Учредительном съезде в Москве Коммунистическую партию Финляндии. Новую партию приветствовал Я. М. Свердлов, подчеркнувший «кровную связь, которая соединила пролетариат России и Финляндии в дни борьбы»².

В Открытом письме к В. И. Ленину от 3 сентября 1918 г. финские коммунисты признали, что пролетариат был осенью 1917 г. готов к восстанию, а «социал-демократическая партия, единственная пролетарская партия нашей страны, не была готова». Когда буржуазия развязала гражданскую войну, социал-демократическая партия снова допустила промедление. Несмотря на свои немалые заслуги, партия оказалась непригодной для руководства революцией. Ее место должна занять партия коммунистов³.

В то время как Коммунистической партии Финляндии на протяжении более чем четверти века после ее создания пришлось вести борьбу в труднейших условиях подполья, Социал-демократическая партия Финляндии, вновь созданная на реформистской платформе в декабре 1918 г. Таннером и другими правыми, оставалась легальной. Ее лидер уже в 20-х годах, заслужив доверие буржуазии, возглавил правительство.

Финляндская рабочая революция 1918 г. оставила глубокий след не только в национальной истории. Будучи первой из европейских революций, последовавших за Октябрем, она принадлежит к героическим страницам истории международного рабочего движения.

НОВАЯ СТУПЕНЬ АНТИВОЕННОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ В СТРАНАХ КАПИТАЛА

Октябрьская революция не просто усилила антивоенную борьбу трудящихся, она подняла ее на качественно новую ступень, придав ей ярко выраженный революционный характер. В январе 1917 г. Ленин писал: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистской войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение»⁴. В течение следующего года эти настро-

¹ См. *О. В. Куусинен. Революция в Финляндии (Самокритика)*. Пг., 1919.

² «Правда», 17 сентября 1918 г.

³ См. *О. В. Куусинен. Избранные произведения (1918—1964)*. М., 1966, стр. 13—23.

⁴ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 30, стр. 327.

ния не раз выливались в действия более или менее значительных масс, хотя и развивались неравномерно.

Декрет Советской власти о мире впервые дал антивоенному движению во всех странах конкретную и четкую программу главных требований. Ее важнейшими пунктами были: демократический мир без аннексий и контрибуций, свободное самоопределение наций, участие рабочих представителей в мирных переговорах. Буржуазные политики, стремившиеся осуществить переход от войны к империалистическому миру без социальных потрясений, поспешили противопоставить ленинской программе «14 пунктов» президента США Вильсона. Но европейский рабочий класс верно почувствовал глубинную связь между своими собственными чаяниями о скорейшем окончании губительной войны и мирными предложениями Советской России, за которыми вскоре последовали реальные действия: братание в окопах, перемирие на Восточном фронте, начало мирных переговоров в Бресте. Поэтому, когда обозначилась опасность, что германские и австро-венгерские аннексионисты сорвут заключение мира, накопившееся за три с половиной года войны негодование рабочих бурно проявилось в волне невиданных дотоле массовых стачек протеста в ряде стран Центральной Европы.

13 января 1918 г. в Вене стало известно, что германский генералитет, поддержанный австрийским, ультимативно предъявил Советской России аннексионистские требования. Рабочие *Австро-Венгрии* увидели в этом прямую угрозу крушения всех надежд на скорое достижение мира. Вдобавок накануне было объявлено о новом сокращении скудного мучного пайка. В ту же ночь в Винер-Нейштадте появилась листовка, в которой говорилось: «Русский народ и русская революция показывают нам, как добиться мира! Русский народ показал нам, что мы должны делать, чтобы добиться прав и свободы. В России земля передается народу, фабрики и рудники становятся общественной собственностью. И только благодаря русской революции начались переговоры о мире». Другая листовка призывала к борьбе за мир и свободу, к созданию рабочих и солдатских Советов «по примеру русских братьев»¹. 14 января остановились военные заводы Даймлера. В следующие дни прекратили работу все предприятия Вены и промышленных городов Нижней Австрии.

Как впоследствии признал Отто Бауэр, «огромные массы бастующих, необузданный революционный пыл, проявлявшийся на массовых собраниях, организация на них первых рабочих Советов — все это придало движению грандиозный революционный характер и будило в массах надежду на то, что забастовка приведет непосредственно к революции, к захвату власти и к заключению мира». Но вожди социал-демократии рассматривали забастовку лишь «как боль-

¹ Цит. по: М. А. Полтавский. Революция 1918—1919 гг. в Австрии. — «Новая и новейшая история», 1978, № 6, стр. 27.

шую революционную демонстрацию», не более того. «Превращения ее в революцию мы желать не могли»¹, — подчеркивал О. Бауэр.

Господствующие позиции в руководстве Социал-демократической рабочей партии Австрии (СДРПА), принявшей 30 лет назад в Гайнфельде марксистскую программу, занимали правые лидеры (Виктор Адлер, Карл Реннер, Карл Зейц); весьма влиятельным было и центристское направление во главе с Отто Бауэром. Левые возлагали надежды на сидевшего в тюрьме Фридриха Адлера (сына В. Адлера). В знак протеста против войны он застрелил в 1916 г. реакционного премьер-министра и приобрел репутацию революционера. В идейно-политических позициях партии важную роль играли «традиции Гайнфельда», суть которых заключалась в «единстве любой ценой». На практике эта формула превратилась в оправдание сотрудничества реформистов с буржуазией и в подчинение революционных рабочих центристским вождям, щедро пользовавшимся радикальной фразеологией².

Отказ СДРПА от принципов интернационализма в многонациональной стране привел перед войной к расколу как партии, так и профсоюзов по национальному признаку. Только в январе 1918 г., когда революционное движение охватило все народности и стала вырисовываться перспектива распада империи, О. Бауэр и его сторонники отбросили традиционную установку «национально-культурной автономии» и признали право на самоопределение и государственную самостоятельность не только для австрийцев, венгров, поляков, итальянцев, но и для «национальностей без истории», как свысока именовал Бауэр чехов, южных славян, украинцев³. Столь запоздалый шаг не мог, однако, восстановить разрушенное оппортунистами единство многонационального рабочего класса Австро-Венгрии.

Только на третий день стачки, 16 января, лидеры СДРПА опубликовали манифест, в котором говорилось, что народ не хочет больше воевать против России, а партия поддерживает требование мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов⁴. Однако руководство партии по-прежнему было против прямых непарламентских действий масс.

Забастовка между тем продолжала шириться и 18 января стала всеобщей; в ней участвовало более 700 тыс. пролетариев. Она распространилась на индустриальные центры Верхней Австрии и Штирии. В Будапеште и окрестностях не работали более 150 тыс. рабочих; остановились заводы в венгерских городах Печ, Сегед, Мишкольц, Дьёр и др. Прекратилось движение на железных дорогах. Наиболь-

¹ О. Бауэр. Австрийская революция 1918 года. М.—Л., 1925, стр. 62—63.

² См. А. Райсберг. Австрия, февраль 1934. Причины и следствия. М., 1975, стр. 91, 96, 119—120.

³ См. О. Бауэр. Указ. соч., стр. 65—66.

⁴ «Arbeiter-Zeitung» (Wien), 16. I. 1918.

шую активность проявили металлисты. В Моравии бастовали пролетарии района Брно, в Галиции — рабочие Кракова, Львова, Дрогобыча, Борислава, Перемышля, в Закарпатье — Мукачева, Берегова.

Воздействие на рабочих «русского примера» проявилось не только в требованиях немедленного демократического мира, но и в создании в Винер-Нейштадте, Вене и других пролетарских центрах первых *рабочих Советов*. Инициаторами в Австрии явились леворадикалы, связанные с Циммервальдской левой, — Франц Коричонер, Р. Шюллер, Лео Ротцигель, образовавшие уже в конце декабря 1917 г. в Вене нелегальный рабочий Совет. К ним присоединилась вскоре группа солдат под руководством Иоганнеса Вертгейма и старшего лейтенанта (впоследствии писателя) Эгона Эрвина Киша, и Совет стал называться «рабочим и солдатским Советом»¹. В Венгрии за создание рабочих Советов выступали члены группы «революционных социалистов» Отто Корвин, Имре Шаллаи, Дьюла Хевеши. Советы возникали в результате стихийной тяги революционно настроенных рабочих к самоорганизации для защиты своих интересов и как выражение недовольства оппортунистическим руководством Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ), которую возглавляли Эрнё Гарам, Жигмунд Кунфи и др. Социал-демократическое руководство поначалу игнорировало Советы, но затем, увидев, в какую потенциальную силу они превращаются, стало пытаться подчинить их своему влиянию².

Судьба забастовки решилась в Вене 19 января 1918 г. на заседании созданного социал-демократами рабочего Совета. Правые лидеры партии использовали все свое красноречие, чтобы добиться ее прекращения. Они взывали к «благоразумию», пугали военным подавлением и германской оккупацией, заверяли, что правительство готово уступить: оно-де не допустит срыва мирных переговоров, откажется от захватов в России, признает самостоятельность Польши, реформирует продовольственную систему, введет местное самоуправление. Рабочие, говорил К. Зейц, будут, «стоя с ружьем к ноге», следить за осуществлением этих обещаний. Принятое под утро решение о прекращении стачки было встречено рабочими с негодованием. «Преданы и проданы» — так озаглавили свою листовку леворадикалы. На многих предприятиях работа возобновилась только через несколько дней³.

¹ См. *H. Hautmann. Die verlorene Räterepublik. Wien — Frankfurt — Zürich, 1971, S. 47—48.*

² См. *T. Hajdu. Tanácsok Magyarországon 1918—1919. Budapest, 1958, 5—25. old.*

³ См. «Der Januaraufstand der österreichischen Arbeiterschaft und der Verrat der sozialpatriotischen Führer». Zürich, 1918; «Neue Tatsachen über den Jännerstreik 1918». — «Weg und Ziel», 1960, № 1; *В. М. Турок. Очерки истории Австрии 1918—1929. М., 1955,*

Под давлением масс руководство чешской социал-демократии провело 22 января всеобщую стачку в Чехии. В демонстрациях, прошедших в эти дни в различных городах, участвовали десятки тысяч рабочих. Социал-демократическим лидерам Словении и Хорватии удалось удержать югославянских рабочих от присоединения к забастовке.

Прямым продолжением, а в известном смысле и кульминацией стачки было восстание моряков австро-венгерского военного флота, стоявшего в адриатическом порту Котор (Катарро). 1 февраля матросы крейсера «Святой Георг» подняли красный флаг. Их поддержали 6 тыс. моряков почти на 40 других кораблях, рабочие морского арсенала. В течение трех дней повстанцы держали в руках половину военного флота Австро-Венгрии. Центральный матросский Совет из уполномоченных от кораблей требовал немедленного всеобщего мира без аннексий, права наций на самоопределение. Командование вызвало из Пулы германские подводные лодки, эскадру контр-адмирала М. Хорти. Восставшие корабли были расстреляны береговыми батареями. Движение было подавлено. Четыре его руководителя (чех, словенец и два хорвата) были 11 февраля расстреляны, около 800 матросов брошены в тюрьмы¹. Один из осужденных, Ф. Раш, сказал перед казнью: «На восстание нас подняло то, что произошло в России. Там взошло новое солнце, которое будет светить не только славянам, но и всем народам земного шара, и оно им принесет с собой мир и справедливость»².

Когда стачка в Австро-Венгрии шла уже на убыль, начал борьбу рабочий класс *Германии*. Аннексионистские требования военщины в Бресте вызвали всеобщее возмущение. Собрание революционных старост берлинских предприятий (главным образом рабочих-металлистов) постановило начать 28 января 1918 г. всеобщую политическую стачку. Уже в первый день на военных заводах столицы прекратили работу почти 400 тыс. человек. Стачка охватила Гамбург, Бремен, Киль, промышленный Рур и другие центры. Вскоре в 50 городах бастовало свыше 1 млн. пролетариев. Революционные старосты Берлина образовали рабочий Совет большого Берлина из 414 человек, который выдвинул требование немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Забастовщики добивались также привлечения к мирным переговорам представителей рабочих всех стран, амнистии политзаключенным, от-

стр. 37—39; *Е. И. Рубинштейн*. Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963, стр. 238—248.

¹ См. *Е. Priester*. Die Matrosen von Cattarro. — «Weg und Ziel», 1955, № 3; *Ф. Чулинович*. Отклики Октября в югославянских землях. М., 1967; *Б. Фрей*. Матросы из Котора. М., 1966; «A Magyar munkás mozgalom történetének válogatott dokumentumai», 5. köt. Budapest, 1959, 54—96. old.

² Цит. по: *Б. Зигерл*. Великая Октябрьская социалистическая революция и народы Югославии. М., 1958, стр. 10.

мены военной диктатуры и осадного положения, улучшения продовольственного снабжения.

Несмотря на запрещение властей, 30 и 31 января в Берлине состоялись многочисленные митинги и демонстрации. В пролетарских районах произошли стычки с полицией, кое-где были построены баррикады. Правительство ответило суровыми репрессиями. Было введено усиленное осадное положение, крупнейшие предприятия переведены на военный режим, рабочий Совет объявлен распущенным, начались массовые аресты, стали действовать военно-полевые суды¹.

Однако рабочий класс не был готов к организованному сопротивлению. Значительные его слои доверяли правым вождям Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и свободных профсоюзов (Фридрих Эберт, Филипп Шейдеман, Эдуард Давид, Карл Легин и др.), а они вступили в созданный забастовщиками Комитет действия с прямой целью дезорганизовать стачку и сорвать борьбу². Возникшая весной 1917 г. Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ) находилась под влиянием центристских лидеров (Гуго Гаазе, Карл Каутский, Эдуард Бернштейн). Выступая против откровенно шовинистической политики правых вождей социал-демократии, критикуя их раболепие перед буржуазией и военщиной, выдвигая пацифистские лозунги и пользуясь революционной фразеологией, центристы считали, однако, активные действия преждевременными. Прислушивавшиеся к ним революционные старосты проявляли поэтому колебания и нерешительность.

В состав НСДПГ входила и группа «Спартак», которой руководили видные революционеры — Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Клара Цеткин. В противовес реформистам и соглашателям спартаковцы выдвинули подлинно революционную программу действий. «Всеобщий мир,— писала в январе 1918 г. в нелегальном «Письме Спартака» Р. Люксембург,— не может быть достигнут без свержения господствующей в Германии власти. Только с факелом революции, только в открытой массовой борьбе за политическую власть, за господство народа и за республику в Германии можно сейчас воспрепятствовать новой вспышке бойни народов и триумфу германских аннексионистов на Востоке и Западе. Германские рабочие призваны теперь понести знамя революции и мира с Востока на Запад»³.

¹ Подробнее см.: *W. Bartel. Der Januarstreik 1918 in Berlin.— «Revolutionäre Ereignisse und Probleme in Deutschland während der Periode der Großen sozialistischen Oktoberrevolution 1917/1918».* Berlin, 1957, S. 141—183; *Ф. Ф. Головачев. Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы первой мировой войны.* М., 1960, стр. 304—369.

² Впоследствии Эберт и Шейдеман сами похвалялись этим (см. *K. Brammer. Der Prozess des Reichspräsidenten.* Berlin, 1925, S. 21—22, 47, 68—69, 83, 89).

³ «Spartakusbrieft». Berlin, 1958, S. 410—411.

Спартакowцы убеждали рабочих привлечь на свою сторону «братев в солдатских шинелях», с реакцией «говорить по-русски», создавать повсюду «по русскому и австрийскому образцу» рабочие Советы, не допустить к руководству стачкой «кайзеровских социалистов», ибо «со стороны этих волков в овечьей шкуре» движению угрожает большая опасность¹. Но влияние спартакowцев в массах было недостаточным, чтобы оказать решающее воздействие на ход событий.

Правые вожди социал-демократии вместе с руководителями профсоюзов вступили в переговоры с правительством и военным командованием, стянувшим к столице верные войска. Сопротивление дезорганизованных рабочих было сломлено, 4 февраля они вернулись на работу. Почти 50 тыс. активистов были отправлены в окопы.

Небывалые в годы войны по масштабу и силе январские политические забастовки австро-венгерских и германских пролетариев не выросли в революции. Но в этих мощных взрывах негодования масс проявилось, как отметил Ленин, «обаяние русской революции»². Они свидетельствовали о пазревании в центре Европы *революционной ситуации*: «низы» уже не хотели жить по-старому; «верхам», даже при активной помощи социал-демократических лидеров, становилось все труднее удерживать массы в повиновении, сохранять «патриотический накал» и поколебленную веру в способность режимов Габсбургов и Гогенцоллернов привести свои страны к «победоносному миру».

В Германии летом имел место некоторый спад активности масс, связанный как с репрессиями, так и с оживлением шовинизма в результате занятия обширных территорий в России и на Украине (пропаганда именовала это «хлебным миром») и крупными наступательными операциями на Западном фронте. Но спад продолжался недолго, ибо частные военные успехи не приблизили мира, экономическое положение ухудшалось, продовольственные нормы были вновь снижены.

В Австро-Венгрии антивоенные выступления не прекращались. В авангарде движения шел рабочий класс. Забастовки, хотя и разрозненные, но нередко массовые и почти всегда упорные, проходили в Истрии и Вене, Львове и Штирии, в Сланско-Кладненском и Остраво-Карвинском угольных районах, в чешской Пардубице и Праге, в Будапеште и трансильванской Решице. Для их подавления использовались войска. Однако армия сама быстро разлагалась, безудержно росло дезертирство. В Галиции, Чехии, Закарпатье начались вооруженные выступления крестьян.

В мае 1918 г. в Вене был «временно» вдвое урезан хлебный паек. На почве голода возникли беспорядки. В июне рабочие крупнейших заводов Вены и Нижней Австрии опять прекратили работу. Возоб-

¹ См. W. Bartel. Op. cit., S. 154—155, 168.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 530.

новивший свою деятельность рабочий Совет Вены потребовал от правительства немедленных переговоров о мире без аннексий и контрибуций. Почти одновременно забастовали металлисты Будапешта. Когда жандармы убили нескольких рабочих, стачка стала всеобщей. На следующий день она охватила всю страну, парализовав производство и транспорт. В Будапеште 22 июня был создан рабочий Совет, но во главе его оказались правые социал-демократы, звавшие не к продолжению борьбы, а к ее прекращению. Через неделю стачка закончилась, и власти сурово расправились с рабочими. В воинских частях, где преобладали солдаты-югославы, происходили волнения, усилилось дезертирство. Тех, кто бежал в родные места и создавал вооруженные отряды, стали называть «зелени кадар».

В восточных областях *Румынии*, не подвергшихся германской оккупации, революционный подъем был весьма значительным. Происходили совместные выступления трудящихся Украины и пограничных областей Румынии, вели борьбу крестьяне Молдовы, бастовали железнодорожники. В январе 1918 г. восстали моряки на кораблях румынского военного и торгового флота, находившихся в портах Черного моря. Правящая верхушка Румынии, охваченная страхом перед революцией, поспешила заключить перемирие с Германией и Австро-Венгрией, а затем бросила все силы на подавление революционного движения румынских трудящихся и революционных солдат.

В начале 1918 г., несмотря на неоднократные протесты правительства Советской России, румынская королевская армия вторглась в Бессарабию и силой оружия подавила там социалистическую революцию. Против захвата Бессарабии активно выступали передовые представители революционного крыла румынских социалистов. В феврале 1918 г. в обращении к румынским солдатам они писали: «Вас вовлекли в братоубийственную войну, в которой исчезла свобода, завоеванная народом Бессарабии с оружием в руках под знаменем русской революции... Поверните оружие против тех, кто заставляет вас проливать кровь бессарабских братьев!»¹

В лагере Антанты война тоже все более тяжелым бременем ложилась на плечи трудящихся: непрерывно росло число жертв, истощались людские ресурсы, снижалась реальная зарплата, начала падать производительность труда, сокращалось потребление.

Во *Франции* социальное перемирие, заключенное социал-шовинистами с буржуазией, стало давать трещины. Новый премьер-министр Ж. Клемансо провозгласил: «Моя внутренняя политика — я веду войну, моя внешняя политика — я веду войну; война и всюду война»². Тем не менее в конце 1917 — начале 1918 г. Францию за-

¹ «Dokumente din istoria Partidului Comunist din România. 1917—1922». București, 1956, p. 38.

² G. Clemenceau. Discours de guerre. Paris, 1934, p. 160, 197.

хлестнула волна забастовок, которые охватили и военную промышленность. Экономические требования переплетались с политическими. В декабре 1917 г. металлисты бассейна Луары протестовали против политических репрессий, выражали солидарность с русской революцией и требовали немедленного заключения мира. Остановились все военные заводы, прекратились добыча угля, выплавка металла, подача электроэнергии, появились красные флаги. Правительство вынуждено было пойти на частичные уступки.

Весной 1918 г. бастовали рабочие авиационных мастерских в Париже и Сюрене, оружейных заводов в Клиши, арсенала в Бресте, военных предприятий в Одинкуре и Нап-Берре, машиностроители, металлурги, текстильщики. Правительство то и дело бросало против рабочих войска, а забастовщиков посылало в окопы. Цеховые делегаты, с помощью которых правые социалистические лидеры рассчитывали затормозить рост революционных настроений, сами нередко становились их выразителями¹.

В середине мая прекратили работу заводы Рено в Бийанкуре, забастовали 250 тыс. рабочих Парижа. На митингах ораторы протестовали против войны, провозглашали: «Да здравствует революция!», «Война — войне!» Вызванные солдаты стали брататься с рабочими, и, по свидетельству очевидца, Инессы Арманд, «был момент, когда командный состав французской армии боялся, что он не справится с движением»². В знак солидарности с рабочими столицы объявили стачку пролетарии бассейна Луары. 10 дней они были хозяевами района, заставив муниципалитеты взять на себя организацию продовольственного снабжения. Правительство стянуло к Сент-Этьену и другим городам надежные воинские части, но и они не всегда годились на роль карателей. Женщины-работницы ложились на рельсы, чтобы помешать отправке эшелонов с мобилизованными на фронт. Летом ряд стачек закончился столкновениями рабочих с войсками³.

Социал-шовинисты Пьер Ренодель, Альбер Тома и реформистские лидеры крупнейшего профсоюзного центра — Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) во главе с Леоном Жюо пытались продолжать политику «священного единения», поддерживали военные усилия правительства и прямо содействовали подавлению массовых выступлений. Однако возможности этой соглашательской политики уменьшались; среди социалистов усиливалась оппозиция. Съезд социалистической молодежи в Сен-Дени высказался летом 1918 г. за решительную и непоколебимую верность принципам социализма и интернационализма.

¹ «Histoire du Parti communiste français (manuel)». Paris, 1964, p. 66—67.

² Е. Блонина (И. Арманд). Перспективы революции во Франции. — «Коммунистический Интернационал», 1919, № 3, стр. 333.

³ Подробнее см.: Л. П. Кожевникова. Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917—1920 гг. М., 1959; «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)». М., 1968.

Обострение классовой борьбы в стране повысило активность революционных синдикалистов, составлявших в ВКТ оппозиционное меньшинство. В мае 1918 г. они провели в Септ-Этьене свой съезд, на котором выступили в поддержку забастовочного движения и создали Комитет защиты профсоюзов. Вынудив руководство ВКТ провести в июле национальный профсоюзный съезд, революционные синдикалисты дали здесь бой реформистским лидерам. Гастон Монмуссо требовал разрыва сотрудничества с правительством и содействия заключению мира на условиях, предложенных Советской Россией. Хотя была принята соглашательская резолюция, революционное меньшинство в профсоюзах усилило свои позиции¹.

На XV съезде Французской социалистической партии (СФИО), состоявшемся в октябре 1918 г. в Париже, правые лидеры потерпели поражение. Большое впечатление на делегатов произвели прочитанные Жаном Лонге письма члена французской военной миссии в России капитана Жака Садуля Ромену Роллану. Непосредственный наблюдатель событий, Садуль убедился в справедливости Октябрьской революции, в том, что декреты Советской власти и политику большевиков поддерживает весь народ. Он гневно осудил интервенцию Антанты, призывал всех честных французов помешать потомкам Великой французской революции покрыть себя вечным позором, соглашаясь быть палачами Великой русской революции: «В 1789 г. народы Европы поддерживали Французскую революцию против своих правительств. В 1918 г. пролетарии Франции должны защитить от натиска мирового империализма и капитализма Российскую революцию, чрезвычайные усилия которой приближают для трудящихся всего мира благословенный час освобождения»². Сторонники Лонге, высказываясь в принципе за революционные действия во имя социализма, вместе с тем объявляли их преждевременными. Хотя правые сохранили влиятельные позиции, руководство перешло к центристам, и Фроссар был избран генеральным секретарем партии. Левые, группировавшиеся вокруг Комитета за восстановление международных связей, энергично настаивали на проведении революционной политики. Большое значение имело то, что Марсель Капшен стал главным редактором газеты «Юманите»³.

Для Италии участие в войне было связано со все большими экономическими и политическими потрясениями. Ажиотаж в военной промышленности сопровождался упадком традиционных отраслей производства. В 1918 г. заметно усилилась разруха. Железнодорожный и морской транспорт не справлялся с перевозками, сельское хозяйство страдало от мобилизаций и нехватки рабочих рук. Остро

¹ См. Л. П. Кожевникова. Указ. соч., стр. 73—76.

² J. Sadoul. Notes sur la révolution bolchevique. Paris, 1971, p. 441.

³ См. С. Бантке. Борьба за создание Коммунистической партии Франции. М., 1936, стр. 232—234; Л. П. Кожевникова. Указ. соч., стр. 98—102.

ощущался недостаток топлива, сырья, продовольствия; повышались цены, росли спекуляция и безработица¹.

Один из участников рабочего движения вспоминал, что в это время «к ужасам войны присоединилась свирепая эпидемия «испанки», косившая людей не хуже вражеских пуль... Недостаток продуктов раздражал население, особенно женщин, которые, стоя в длинных очередях у лавок, уже открыто проклинали войну... Пора кончать! Надо сделать, как в России!.. Будет и у нас Ленин!»².

После катастрофы при Капоретто, потрясшей всю страну, усилились репрессии против рабочих «промышленного треугольника» (Милан — Генуя — Турин), а также Рима, Неаполя и других городов, выражавших недовольство войной и лишениями. Жестоко подавлялись выступления крестьян в Южной Италии, требовавших раздела крупных поместий. В 1918 г. число стачек несколько уменьшилось по сравнению с предыдущим годом (по официальным данным — 313 против 477), зато возросла стойкость бастующих³.

Под влиянием революционных событий происходили важные сдвиги в Итальянской социалистической партии (ИСП). Она была единственной из западноевропейских партий II Интернационала, не голосовавшей за военные кредиты. Еще перед войной из нее были исключены анархосиндикалисты, затем откровенные шовинисты, масоны, а в ноябре 1914 г. — лидер «интервенционистов» — сторонников вступления Италии в войну на стороне Антанты — главный редактор газеты «Аванти» Бенито Муссолини. В ИСП господствовало социал-пацифистское направление, отношение которого к войне было в 1915 г. выражено формулой «не участвовать и не саботировать». После революции в России в партии усилилось размежевание. Правое крыло во главе с Ф. Турати и К. Тревесом становилось все откровеннее шовинистическим, поддерживало требование «исправления границ». С другой стороны, в партии формировалось левое крыло, называвшее себя «революционной фракцией непримиримых». На совещании во Флоренции в ноябре 1917 г. вместе с левыми — Эджидио Дженнари, Амадео Бордигой, Антонио Грамши — участвовали и центристские руководители ИСП — Костантино Ладзари, Джачинто Менотти Серрати. В принятом решении говорилось о борьбе против войны и революционном завоевании власти, однако конкретный план революционных действий не был выработан⁴. В начале 1918 г. Ладзари, а затем и Серрати были арестованы.

На XV съезде ИСП в Риме в сентябре 1918 г. развернулась острая борьба. В приветствии из тюрьмы Ладзари призывал делегатов «не

¹ Подробнее см.: К. Э. Кирова. Русская революция и Италия. М., 1968.

² Дж. Джерманетто. Записки цирюльника. М., 1966, стр. 126.

³ «Annuario statistico del lavoro». Roma, 1949, p. 384.

⁴ P. Spriano. Torino operaia nella grande guerra (1914—1918). Torino, 1960, p. 282—285.

забывать о том, что происходит в России». Большинство съезда поддерживало резолюцию левых, именовавших себя теперь «максималистами». Она осуждала руководство партии за «чрезмерную терпимость» к реформистам, не предлагая, впрочем, их исключения. Резолюция Дженнари характеризовала войну как империалистическую, отвергала сотрудничество с буржуазией, рекомендовала усилить антивоенную пропаганду¹. Решения съезда свидетельствовали как о полевении партии, так и о том, что ее левоцентристское руководство не решалось порвать с реформистами. Происходили известные сдвиги и в профсоюзах. Но Д'Арагона, вставший в октябре 1918 г. во главе секретариата Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) — самого влиятельного профсоюзного объединения, связанного с ИСП Римским пактом о единстве действий и насчитывавшего около 250 тыс. членов, обеспечил преемственность реформистского направления в деятельности профсоюзной верхушки². Итальянское рабочее движение подходило к окончанию войны, хотя и охваченное революционными настроениями, но без ясной революционной программы, не имея решительного революционного руководства.

В *Великобритании* в последние годы войны классовая борьба заметно обострилась. Если в 1917 г. в 730 стачках участвовало 872 тыс. рабочих (в 3,2 раза больше, чем в предыдущем году), то в 1918 г. произошли 1223 стачки с числом участников 1 116 тыс. человек; было потеряно 5 875 тыс. рабочих дней³. Значительно — с 4 млн. в 1913 г. до 6,5 млн. в 1918 г. — увеличилась численность профсоюзов. Укреплялось влияние возникшего в 1916 г. национального движения рабочих комитетов и шоп-стюардов (фабричных старост), которое провозгласило своей целью социализацию основных средств производства, установление рабочего контроля на предприятиях. Шоп-стюарды и рабочие комитеты часто выступали застрельщиками и руководителями стачек. Одним из главных центров движения был шотландский промышленный район Клайда, где самыми популярными революционными руководителями были Джон Маклин, Уильям Галлахер, Артур Макмапс⁴. Орган шоп-стюардов «Солидэрити» писал в феврале 1918 г.: «Волнения среди квалифицированных и неквалифицированных рабочих в нашей стране — это часть революционного движения народа по всей Европе»⁵.

Английские рабочие горячо приветствовали Октябрьскую революцию. Глубокую симпатию к революционной России проявили и де-

¹ P. Spriano. Op. cit., p. 307—308; «Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi», v. III. Milano, 1963, p. 15, 38—42.

² См. Д. Канделоро. Профсоюзное движение в Италии. М., 1953, стр. 73.

³ «18th Abstract of Labour Statistics». London, 1927, p. 144—145.

⁴ См. W. Gallacher. Revolt on the Clyde. An Autobiography. London, 1949, p. 174—184.

⁵ Цит. по: М. М. Карлинер. Рабочее движение в Англии в годы I мировой войны (1914—1918). М., 1961, стр. 364.

легаты лейбористской конференции в январе 1918 г. в Ноттингеме. Они, как писала левая газета, «с безграничным энтузиазмом» встретили появление на трибуне представителя Советской России М. М. Литвинова, а его речь о политике большевиков «была выслушана с напряженным вниманием; и, когда он провозгласил, что земля принадлежит крестьянам, а заводы — рабочим, зал дрогнул от одобрительных возгласов»¹.

На многотысячной антивоенной манифестации в Лондоне 27 января ораторы призывали к международной солидарности против империализма и ко всеобщей забастовке, если правительство не прекратит дополнительных мобилизаций. Газета «Геральд» охарактеризовала эти речи как «ультиматум рабочим правительству с требованием мира»². Широилось недовольство в армии и на флоте. В 1918 г. военные суды вынесли 678 обвинительных приговоров «за неповиновение и мятежные действия» — в 3 раза больше, чем в предыдущем году, и в 11 раз больше, чем в 1916 г.³ В армии, отмечала та же газета, солдаты говорят: «Пора прекратить войну»⁴.

Рост боевых устремлений в широких массах английских трудящихся привел к значительному сдвигу влево всего британского рабочего движения. Большая часть рабочего класса высвободилась из-под прямого влияния буржуазии, ее политических концепций и организаций, связала свои надежды с лейбористской партией, число членов которой превысило в 1918 г. 3 млн. (увеличившись более чем на 1 млн. по сравнению с довоенным). На лейбористской конференции в феврале 1918 г. был принят новый устав, в котором целью партии был впервые провозглашен (хотя и в косвенной форме) социализм⁵. Устав предусматривал также организационную перестройку партии, превращение ее из рыхлой федерации коллективных членов в организацию с более четкой структурой. Впервые вводилось индивидуальное членство.

Программные установки лейборизма были сформулированы в документе «Труд и новый социальный порядок», одобренном в июне 1918 г. В политической сфере эта первая лейбористская программа предусматривала отмену всех установленных в военное время ограничений свободы слова, печати, выбора места жительства и работы. Она требовала всеобщего избирательного права и ликвидации палаты лордов. В экономической области партия выступала за национализацию железнодорожного транспорта, угольных копей, электро-

¹ «The Herald», 26.I.1918.

² «The Herald», 2.II.1918.

³ T. Bell. The British Communist Party. A Short History. London, 1937, p. 37.

⁴ «The Herald», 26.I.1918.

⁵ «Report of the Seventeenth Annual Conference of the Labour Party». London, 1918, p. 140.

станций, а при благоприятных условиях — и земли¹. Принятие нового устава и первой программы знаменовало завершение длительного и сложного процесса перехода лейбористской партии от радикального либерализма к реформизму социал-демократического типа.

В *Соединенных Штатах Америки* антивоенная борьба рабочих началась еще тогда, когда страна постепенно переходила от роли «поставщика» Антанты к роли непосредственного участника в военных действиях. В противовес курсу президента Вильсона на вмешательство США в мировой конфликт якобы с целью «сделать весь мир безопасным для демократии» все здоровые силы американского рабочего движения, и в первую очередь «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ), левое крыло Социалистической партии Америки (СПА), развернули активную интернационалистскую и антивоенную пропаганду. Эта деятельность находила широкий отклик в массах, несмотря на яростное сопротивление верхушки АФТ во главе с С. Гомперсом, стремившейся навязать рабочему движению идеи «классового сотрудничества» и полностью подчинить его империалистическим интересам монополистического капитала США, открыто заявивших притязания на роль гегемона в мировых делах².

Война неслыханно обогатила американские монополии и ускорила концентрацию капитала. К концу ее в США насчитывалось 42 554 миллионера; 1% населения владел более чем половиной всех богатств³. Положение трудящихся, особенно неквалифицированных рабочих, ухудшилось, хотя и не в такой степени как в Европе. Рабочая неделя длилась более 50 часов. В то время как номинальная заработная плата повысилась на 55%, стоимость жизни возросла на 104%⁴.

Пользуясь слабостью политической организации рабочего класса и стремясь не допустить его радикализации, буржуазия США с особой жестокостью пресекала любое проявление революционных настроений, рост стачечной борьбы. Массовые аресты стали повсеместным явлением. В годы войны был казнен пролетарский поэт Джо Хилл, к смертной казни по ложному обвинению были приговорены профсоюзные активисты Том Муни и Уоррен Биллингс, выступавшие с классовых, антивоенных позиций⁵. Осенью 1917 г. были разгромлены союзы «Индустриальных рабочих мира», которые мужественно заявили о своей антивоенной позиции и руководили рядом стачек. Суд над 101 руководителем ИРМ во главе с Уильямом Хейвудом,

¹ «Labour and the New Social Order. A Report on Reconstruction». London, 1918, p. 10—11.

² См. В. Л. Мальков. Указ. соч., стр. 5—7.

³ См. У. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1955, стр. 501, 504.

⁴ См. А. Бимба. История американского рабочего класса. М., 1930, стр. 201.

⁵ См. В. Л. Мальков. Том Муни — узник Сан-Квентина. М., 1975.

начавшийся в Чикаго 1 апреля 1918 г., продолжался почти пять месяцев. Их обвинили в заговоре, саботаже военных усилий, сопротивлении мобилизации. Главных «виновников», У. Хейвуда в том числе, приговорили к 20 годам тюрьмы каждого¹. Ветерану рабочего движения Ю. Дебсу, выступавшему с пламенными антивоенными речами, угрожали насилием, даже линчеванием. 16 июня 1918 г. на митинге в г. Кантоне (штат Огайо) Дебс произнес яркую речь против войны, в защиту Советской России и политических заключенных, томившихся в американских тюрьмах. «Да, придет время, и мы встанем у власти в этой стране и во всем мире, — говорил он. — Мы разрушим все порабощающие и разлагающие капиталистические институты и вместо них создадим свободные и гуманные институты. Мир изменяется на наших глазах. Солнце капитализма заходит. Солнце социализма восходит»². За эту речь Дебс был обвинен в измене и приговорен к 10 годам тюрьмы.

Однако никакими репрессиями буржуазии США не удалось затормозить процесс сближения массового рабочего движения с социализмом. Одинаково невозможно было ни устранить объективных условий, порождавших классовые антагонизмы и конфликты, ни изолировать американский пролетариат от воздействия идей Октябрьской революции и влияния европейского рабочего движения. В борьбу включилась плеяда молодых революционеров, смело бросивших вызов реакции и капитулянтству правых и центристов в социалистическом движении. В труднейших условиях они несли в массы правду о первой в мире победившей социалистической революции. Д. Рид, хотя полиция не раз конфисковывала привезенные им материалы, сумел закончить свою книгу «10 дней, которые потрясли мир». С трудом издав ее в Нью-Йорке, он написал в предисловии: «Эта книга — сгусток истории, истории в том виде, в каком я наблюдал ее... Неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков — явление мирового значения»³.

В Японии бурное развитие капитализма в годы войны вызвало значительное расширение всех отраслей производства, в том числе тяжелой промышленности (электротехнической, металлургии, машиностроения), а также торговли и финансовой системы. Произошли существенные сдвиги в социально-классовой структуре общества, обострившие его внутренние противоречия. Численность рабочего класса к концу войны достигла 2,5 млн. человек, и он превратился во внушительную самостоятельную силу. Изменился и его состав. Если

¹ См. «Bill Haywood's Book. The Autobiography of William D. Haywood». New York, 1929; М. И. Ланицкий. Уильям Хейвуд. М., 1974.

² Цит. по: В. Быков. Юджин Дебс — вождь американского пролетариата. М., 1971, стр. 86—87.

³ Д. Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958, стр. 9, 13.

прежде 60% всей наемной рабочей силы составляли деревенские девушки, занятые в легкой, главным образом текстильной, промышленности в форме отходничества, то теперь сложился слой кадровых промышленных рабочих-мужчин, порвавших с деревней.

Усилился процесс дифференциации крестьянства: разорившиеся крестьяне-собственники превращались в арендаторов и полуарендаторов. Обострялась борьба помещиков с арендаторами и с крестьянством в целом. Складывался многочисленный слой служащих и интеллигенции, который становился социальной опорой либерального и буржуазно-демократического движения, выступавшего против феодально-помещичьего строя и монополистической буржуазии.

В погоне за большими доходами, обеспечиваемыми вызванной войной высокой экономической конъюнктурой, японские капиталисты и помещики довели до крайности эксплуатацию и ограбление масс. Вследствие инфляции доходы трудящихся сильно отставали от роста цен на предметы первой необходимости. Тяжелые условия жизни и труда толкали их на путь экономической борьбы, пробуждая классовое самосознание, тягу к организации и сплочению. Это способствовало тому, что революционные события в России нашли живой отклик среди трудящихся Японии, испытывавших тяжелый гнет абсолютизма, полуфеодальных помещиков и монополистического капитала. «Вести из России Япония впитывала так же жадно, как высохшая почва пустыни впитывает воду»¹, — писал японский журналист Огура.

Весной 1918 г. японское правительство послало в Россию интервенционистские войска. Для них требовались большие запасы риса. Воспользовавшись этим, крупные рисоторговцы в сговоре с помещиками стали придерживать рис на складах, искусственно взвинчивать цены на него. Это переполнило чашу терпения народных масс, по стране прокатилась волна «рисовых бунтов»².

В конце июля 1918 г. жены рыбаков небольшого поселка в префектуре Тояма вышли на демонстрацию, требуя риса. Восьть об этом «восстании женщин» мгновенно разнеслась по всей стране. Толпы народа собирались в бедняцких кварталах, требуя снижения цен на рис и выдачи пособий. Наталкиваясь на нежелание властей что-либо предпринять, разъяренные люди устремились в центральные районы, сжигая и разрушая склады и дома богатых рисоторговцев, крупных фабрикантов, полицейские участки.

Подобные выступления состоялись в 43 префектурах, 37 городах, в том числе в Кобе, Осака, Киото, Токио, Нагое, Хиросиме, Окаяме и др. Движение распространилось на многие заводы, где рабочие

¹ Подробнее см.: *П. Топеха*. Немеркнущие идеи Октября.— «Япония. Ежегодник 1977». М., 1978, стр. 5—21.

² Подробнее см.: *Ю. В. Георгиев*. «Рисовые бунты» и пробуждение японского пролетариата.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 8.

прекращали работу, требуя повышения заработной платы, а нередко прибегали к разрушению оборудования и другим насильственным действиям. В волнениях приняла участие почти $\frac{1}{4}$ взрослого населения страны, главным образом мелкие торговцы, ремесленники, поденщики, низшие служащие, а также фабричные рабочие, горняки, крестьяне, арендаторы, рыбаки, жители трущоб, подвергавшиеся кастовой дискриминации (буракумин). Правительство М. Тэраути было вынуждено уйти в отставку. «Это движение, — писал позднее Сэн Катаяма, — ставшее исходным пунктом нынешнего революционного движения в Японии, родилось на вершине той волны, которая была вызвана Октябрем»¹.

Возникшие в условиях, когда рабочий класс Японии еще не имел своей революционной партии, «рисовые бунты» были жестоко подавлены властями. Но они взбудоражили широкие массы трудящихся, способствовали росту классового самосознания пролетариата. Как писала газета «Правда», «толпа сегодня в слепом еще бессилии громит стекла богатых домов столицы Японии, громит редакции воинствующих газет и конторы по скупке и продаже риса, завтра она найдет тех, по вине которых голодает, завтра она найдет в арсенале западноевропейской и особенно русской революции оружие для успешной борьбы с этими виновниками»².

В *Скандинавских странах*, которые в конце войны страдали от объявленной Антантой блокады и связанных с нею продовольственных затруднений, рабочее движение заметно радикализировалось. Несмотря на усилия традиционно реформистских социал-демократических партий, ширилась забастовочная борьба против дороговизны, спекуляции и нужды. Если в 1917 г. в Швеции было около 1,8 тыс. трудовых конфликтов, то в следующем году их число достигло почти 3 тыс.³ В 1916 г. в Дании было зарегистрировано 75 забастовок, а в 1919 г. — 504⁴. Выдвигались требования проведения социальных и политических реформ: 8-часового рабочего дня, установления всеобщего избирательного права (в Швеции), его улучшения (в Норвегии). Шведские левые социал-демократы отстаивали лозунг республики с однопалатным парламентом.

Новым явлением в пролетарском движении Скандинавии была необычная тяга трудящихся к самочинным действиям и установлению рабочей власти, что отражало стихийное стремление рабочего класса к идейно-политическому разрыву с буржуазией. Однако революционный напор масс неизменно наталкивался на противодействие правых

¹ «Правда», 7 ноября 1933 г.

² «Правда», 23 августа 1918 г.

³ *И. Сегалл*. Рабочее движение в Скандинавских странах. М., 1927, стр. 58—59.

⁴ *J. Nørlund*. Det knager i samfundets fuger og bånd... København, 1966, s. 97.

социал-демократических лидеров, признававших только парламентские средства борьбы.

В апреле 1917 г. в шведском городе Вестервике произошли продовольственные волнения, получившие название «картофельная революция». Рабочие создали комитет, который организовал учет городских продовольственных запасов. В связи с событием в Вестервике по всей стране прокатилась волна митингов, забастовок, подач петиций и реквизиций продовольственных запасов. Нередко демонстранты требовали также всеобщего избирательного права, освобождения политзаключенных. Во многих городах создавались рабочие комитеты. 24 апреля во время демонстрации в Стокгольме солдаты разорвали солидарность с борьбой рабочего класса. Левые социалисты создали Шведский союз рабочих и солдат, выпустивший несколько номеров газеты «Фрихетсфламман»¹. «Можно с уверенностью сказать, что на рубеже апреля — мая все силы шведской обороны находились в состоянии тревоги»², — пишет шведский историк. 6 июня возле здания риксдага в Стокгольме собрались 30 тыс. трудящихся, требовавших проведения парламентской реформы. В результате столкновений с полицией было много раненых и арестованных. Левые социал-демократы назвали этот день «первым истинным днем классовой борьбы»³. Социал-демократические лидеры приложили большие усилия, чтобы предотвратить возведение баррикад.

На волне революционного подъема произошло размежевание в Социал-демократической партии Швеции (СДПШ), лидер которой Яльмар Брантинг стал вскоре министром коалиционного правительства. В мае 1917 г. на базе Социал-демократического союза молодежи и левого крыла СДПШ возникла Социал-демократическая левая партия (СДЛПШ), которая строилась на основе индивидуального членства и делала упор на революционные действия широких народных масс.

В Норвегии подъем активности трудящихся начался также весной 1917 г. 6 июня 1917 г. состоялась первая в истории страны всеобщая стачка протеста против спекуляции и дороговизны. Правительство вынуждено было пообещать удовлетворить требования рабочих. На борьбу с дороговизной было ассигновано 84 млн. крон.⁴

В декабре 1917 г. в Осло стихийно возникли первые рабочие Советы; их основой были профсоюзные объединения металлистов и формовщиков. Затем они стали создаваться по всей стране, и к февралю 1918 г. общее число их участников достигло 60 тыс.⁵ В то время

¹ S. Klockare. Svenska revolutionen 1917—1918. Stockholm, 1967, s. 162.

² C. G. Andræ. Regeringen Swartz och den svenska revolutionen. — «Historisk Tidskrift», 1976, Nr 3, s. 318.

³ «Social-Demokraten», 7.VI.1917.

⁴ E. Bull. Arbeiderbevægelsens stilling i de tre nordiske land 1914—1920. Kristiania, 1922, s. 30.

⁵ «Norsk sosialisme. En dokumentasjon». Oslo, 1970, s. 42.

как правое руководство НРП и профсоюзов отмежеввалось от Советов, Социал-демократический молодежный союз в программе, принятой в канун 1918 г., назвал Советы «революционными органами власти рабочего класса» и выдвинул требование перехода всей власти в их руки¹.

В движении рабочих Советов участвовали организованные и неорганизованные в профсоюзы рабочие, мелкие крестьяне, женщины и молодежь. Крупнейшей организацией стал рабочий Совет Христиании, объединявший около 22 тыс. человек. В начале марта 1918 г. он выпустил манифест, в котором говорилось, что требования, выдвигаемые рабочими, могут быть осуществлены не «парламентскими средствами, а только с помощью *революционных массовых действий* всего трудящегося народа»². 5 марта по призыву рабочих Советов у здания стортинга была проведена демонстрация, самая крупная в истории норвежской столицы.

В марте 1918 г. состоялась общенациональная конференция рабочих Советов, принявшая общую программу. Советы требовали установления общественного контроля над производством и распределением выпускаемой продукции, проведения эффективных мероприятий по борьбе с дороговизной, включая реквизицию продовольственных запасов и продажу их по твердым ценам под контролем рабочих комитетов, введения 8-часового рабочего дня, организации общественных работ как средства борьбы с безработицей, демобилизации армии и перевода военных заводов на выпуск мирной продукции³. Эта конференция оказалась вершиной в развитии движения. Позиция правых в Норвежской рабочей партии ослабила Советы, и они к концу 1918 г. самораспустились. И все же, как отмечает норвежский историк, движение Советов «оставило после себя мощное идеологическое наследие в норвежском социалистическом мировоззрении»⁴.

Подъем рабочего движения, начавшийся в большинстве стран капитала уже в первые после победы Октября месяцы, свидетельствовал прежде всего о правильности прогноза Ленина и большевиков, считавших, что победоносная революция в России обязательно явится могучим стимулом усиления международной антивоенной и социальной борьбы. Вместе с тем Октябрь и поднятая им революционная волна вызвали ответную мобилизацию всех сил старого мира, стремившегося остановить начавшееся наступление трудящихся и отсрочить крушение капитализма. Все более заметное место в деятельности врагов социализма и революции занимали попытки разобщить рабочее движение, отравить его недоверием к социализму вообще, к его первому практическому опыту в особенности.

¹ «Norges kommunistiske partis historie», B. I. Oslo, 1963, s. 81.

² Ibid., s. 84.

³ «Norsk sosialisme», s. 51.

⁴ K. Langfeldt. Det direkte demokrati. Oslo, 1966, s. 41.

РУССКИЙ ОПЫТ И ЗАРУБЕЖНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Рассматривая Октябрьскую революцию как первый шаг революции международной, Ленин призывал раскрывать значение ее опыта не с помощью лозунгов и общих деклараций, а конкретно показывать европейским рабочим, «за что мы взялись, как взялись, как это понимать», ибо только это «толкнет их конкретно на вопрос, как социализма добиться». Ленин настоятельно рекомендовал не преувеличивать достигнутого, а объективно, на фактах показывать, что уже сделано, а что сделать предстоит. Это позволит европейскому пролетариату сказать: «...то-то и то-то русские делают плохо, а мы сделаем лучше. И, когда это стремление увлечет массы, тогда социалистическая революция будет непобедима»¹.

Ленин предостерегал от упрощений и забегаания вперед. «Мы только что сделали первые шаги, чтобы капитализм совсем страхнуть и переход к социализму начать,— говорил он.— Сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем. Это зависит от того, когда начнется в настоящем масштабе европейская социалистическая революция, от того, как она легко, быстро или медленно справится со своими врагами и выйдет на торную дорогу социалистического развития». Напоминая, что переход в России усложняется такими особенностями, которых на Западе нет, он предлагал не делать упор на тех национально-специфических ступенях, которые в Европе могут не быть необходимыми, а подчеркивать общезначимое².

Народы Европы и Америки знали в то время крайне мало конкретного о Советской России, а тысячеустая буржуазная пропаганда бешено клеветала на нее. Ленин поэтому был искренне рад, когда (при посредничестве большевика М. М. Бородина) представилась возможность обратиться с открытым письмом к американским рабочим³. В этом письме Ленин показал, как он понимает передачу русского опыта зарубежным трудящимся. Разоблачая утверждения, будто большевики повинны в «хаосе» революции, в «разрушении» промышленности и «бесхлебье», в «терроре» и подавлении демократии, он напоминал, что и в революционной освободительной войне XVIII в. в Северной Америке, в Гражданской войне в США, в Англии 1649 г., во Франции 1793 г. классовая борьба принимала «форму гражданской войны», а последняя немыслима «ни без разрушений тяг-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 54, 55.

² Там же, стр. 48—50.

³ Письмо было доставлено в США П. И. Травиным (Слетовым) и опубликовано в конце 1918 г. в левых журналах «The Class Struggle» и «The Revolutionary Age». Оно неоднократно перепечатывалось в США и странах Западной Европы.

чайшего вида... ни без стеснения формальной демократии в интересах войны»¹.

Считая главным в революционном опыте России власть Советов как новый, высший *тип* демократии, Ленин подчеркнул, что «соединение диктатуры пролетариата с новой демократией для трудящихся, — гражданской войны с широчайшим вовлечением масс в политику, — такое соединение не дается сразу и не укладывается в избитые формы рутинного парламентарного демократизма». Обойтись при этом без ошибок невозможно, ибо «от того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания». Однако каждая ошибка миллионов рабочих и крестьян, которые впервые в истории стали сами строить новую жизнь, «стоит тысячи и миллиона «безошибочных» успехов эксплуататорского меньшинства... Ибо только через такие ошибки *научатся* строить новую жизнь, научатся обходиться *без* капиталистов рабочие и крестьяне, только так пробьют они себе путь — через тысячи препятствий — к победоносному социализму»².

То, что Советская Россия первой *«сломала»* каторжную цепь империалистской войны», потребовало от нее тягчайших жертв. «Мы находимся, — писал Ленин, — как бы в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции». Реалистически оценивая сложившееся положение, Ленин повторил то, о чем писал в период Бреста: «Мы ставим ставку на неизбежность международной революции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы, ставим ставку на неизбежность революции в *определенный* короткий срок». Помощь от американских рабочих, считал Ленин, «придет еще, пожалуй, и не скоро, ибо развитие революции в разных странах идет в различных формах, различным темпом (и не может идти иначе). Мы знаем, что европейская пролетарская революция может и не разгореться еще в ближайшие недели, как ни быстро зреет она в последнее время». Вывод гласил, что, какие бы новые беды ни обрушились на Республику Советов, она непобедима, ибо каждый новый удар империалистов, каждое поражение «поднимает к борьбе *новые и новые* слои рабочих и крестьян, обучает их ценой величайших жертв, закаляет их, рождает новый массовый героизм»³.

Рабочие массы стран капитала, до которых доходили слова правды об Октябре и Советской России, с жадностью впитывали русский революционный опыт. В этом им помогали немногочисленные в ту пору левосоциалистические группы и партии. Трудность состояла, однако, в том, что большинство лидеров зарубежной социал-демокра-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 57—59.

² Там же, стр. 60—61, 63.

³ Там же, стр. 63—64.

тии встретило Октябрь так же, как и буржуазия, — враждебно и злобно. При этом на их отношение к русской революции накладывали печать позиции правительств воюющих коалиций: в то время как правые социал-демократы Центральных держав старались использовать стремление Советской России к миру в интересах реализации захватнических планов Германии и Австро-Венгрии, правые социалисты Антанты прилагали все усилия, чтобы помешать утрате военного союзника. Но все они, включая и центристов типа Каутского, были едины в категорическом отрицании значения опыта русской революции для стран Запада.

Каутский откликнулся на Октябрьскую революцию уже 15 ноября 1917 г. статьей «Восстание большевиков». Он доказывал в ней, что низкий уровень промышленного развития России делает здесь возможной только буржуазную, а никак не социалистическую революцию¹. Впрочем, об этом он писал и раньше, вскоре после Февральской революции, так что Роза Люксембург в письме из тюрьмы еще 8 апреля 1917 г. саркастически заметила: «Каутский не нашел ничего лучшего, чем доказывать статистически, что социальные отношения России еще не созрели для диктатуры пролетариата. Достойный теоретик Независимой социалистической партии! Он забыл, что «статистически» Франция в 1789 г., а также в 1793 г., была еще значительно менее зрелой для господства буржуазии. К счастью, история давно уже не идет по теоретическим концепциям Каутского, будем поэтому надеяться на лучшее»².

К Каутскому в нападениях на большевиков вскоре присоединился родоначальник ревизионизма Э. Бернштейн, во время войны из пацифистских соображений примкнувший к центристам³. Яростным врагом Октябрьской революции выступил и живший в Германии русский меньшевик А. Штейн. Пожалуй, ему принадлежит «приоритет» выдвижения на страницах германской печати клеветнического обвинения большевиков в антидемократизме, терроре, развязывании гражданской войны и т. п.⁴

Весной 1918 г. Каутский опубликовал брошюру «Социал-демократические замечания о переходной экономике». Экономику пере-

¹ «Leipziger Volkszeitung», 15.XI. 1917.

² ЦПА ИМЛ, ф. 209, д. 411, л. 20. Р. Люксембург 24 ноября 1917 г. снова вспомнила об этом в письме Луизе Каутской: «Радуют тебя россияне? Конечно, в этом шабаше ведьм они не смогут удержаться, не потому, что статистика доказывает отсталость экономического развития России, как высчитал твой ученый супруг, но потому, что социал-демократия высокообразованного Запада состоит из самых жалких трусов и спокойно будет смотреть, как русские истекают кровью. Но так погибнуть лучше, чем остаться «жить для отечества», это акт — всемирно-исторического значения, следы которого не исчезнут веки» (Р. Люксембург. Письма к Карлу и Луизе Каутским. М., 1923, стр. 175—176).

³ «Leipziger Volkszeitung», 27.XII.1917.

⁴ «Leipziger Volkszeitung», 20.XII.1917.

хода от войны к миру он рассматривал только с точки зрения выявления возможных средств и путей спасения капиталистического производства от потрясений. Из-за вызванного войной падения производительных сил, утверждал Каутский, условия для прихода к власти пролетариата и осуществления социализма самые неблагоприятные. «Победоносный пролетариат, — пугал он, — попадет в положение наследника миллионера, узнавшего при проверке полученного наследства, что унаследовал лишь миллион долга». Смакуя трудности, с которыми столкнулись русские большевики, Каутский внушал немецким рабочим, что «прийти к господству в условиях переходной экономики, следовательно, не должно быть нашей целью»¹.

С выходом осенью 1918 г. в Вене брошюры «Диктатура пролетариата»² Каутский стал в международном масштабе главным поставщиком «теоретических аргументов» против большевизма и пролетарской революции вообще. Не случайно, его брошюра была с одобрением встречена не только социал-демократической, но и «солидной» буржуазной прессой³.

Каутский утверждал, что Россия для социалистической революции «не созрела», что в стране, где демократия была развита недостаточно, революция неизбежно принимает форму гражданской войны и, если пытается идти дальше установления демократии, открывает путь лишь «диктатуре сабли». Условия для социалистического производства имеются лишь в тех «ведущих индустриальных державах» Запада, где пролетариат составляет большинство нации, демократически организованной. Но там пролетарская революция может быть проведена не средствами насилия, а «мирными средствами» экономического, законодательного и морального характера, а потому диктатура пролетариата там вовсе не нужна⁴.

Концепция Каутского в основном совпадала со взглядами других теоретиков социал-демократии. Все они решительно отказывались признать тот факт, что начало новой исторической эпохи, связанное с первой ломкой буржуазных порядков, которые капитал рассматривал как неприкосновенные и незыблемые, неизбежно будет ознаменовано бешеным сопротивлением как свергнутых эксплуататорских классов, так и тех, кому такое свержение угрожает.

Австрийский собрат Каутского Отто Бауэр, хотя и спорил с правыми лидерами своей партии К. Реннером, В. Адлером по вопросам тактики и особенно по национальному вопросу, был с ними солидарен в отрицании значения «русского примера» для Австрии. Он счи-

¹ *K. Kautsky. Sozialdemokratische Bemerkungen zur Übergangswirtschaft. Leipzig, 1918, S. 164—166.*

² *K. Kautsky. Die Diktatur des Proletariats. Wien, 1918.*

³ См., например, «Vorwärts», 21.X.1918; «Frankfurter Zeitung», 22.X.1918.

⁴ *K. Kautsky. Die Diktatur des Proletariats, S. 25—27, 41, 43, 98.*

тал достижением австрийской социал-демократии, что она сумела не только сорвать превращение январской забастовки 1918 г. в революцию, но и сохранить единство партии на реформистской основе, «приравливая свою тактику к колеблющемуся настроению масс»¹.

Французские правые социалисты во главе с Полем Реноделем, Марселем Самба сразу же после Октября стали открытыми сторонниками антисоветской военной интервенции. Альбер Тома выразил свое отношение к ней в призыве, обращенном к империалистам Антанты: «Быстрее действуйте, мсье правительства!»² Начавший в это время свою карьеру социалистического теоретика и политика Леон Блюм пытался примирить правых и левых на платформе враждебности к марксизму и диктатуре пролетариата, позднее выдвинув формулу об «исполнении власти»³. Бельгийский социалист и председатель Международного социалистического бюро Эмиль Вандервельде в книге «Социализм против государства» весьма утонченно толковал в это время о социалистической революции и различении «государства-власти», «органа авторитета» и «государства — органа классового господства», чтобы разговорами о «переходных ступенях» отвлечь внимание от главного — от борьбы пролетариата за власть⁴.

Правые лидеры и теоретики английского рабочего и социалистического движения Артур Гендерсон, Филипп Сноуден, Сидней Вебб одобряли антисоветскую политику правительства Ллойд Джорджа, сопровождая ее призывами к «справедливости». Своего враждебного отношения к революции они не скрывали, считая лейбористскую партию «инструментом практических реформ». Лишь Рамсей Макдональд позволял себе иногда кокетничать с идеей о допустимости в некоторых странах (но не в Англии!) «революционной диктатуры»⁵. Газета Британской социалистической партии «Колл» возмущенно писала, что многие рабочие и социалистические лидеры Англии оказались прямо-таки «глухи и немые» по отношению к мерам, принятым Советской республикой, «таким мужественным и разумным, ведущим к долгожданному социалистическому общественному строю». Обращаясь к этим лидерам, которые рассуждали лишь о том, «сколько времени продержится большевистский режим», газета спрашивала: «Где же ваши митинги? Где ваши демонстрации? Где ваши клятвы, что вы тоже нанесете удар капиталистическому обществу во имя тор-

¹ См. *О. Бауэр*. Указ. соч., стр. 63, 67—68.

² «L'Humanité», 8.VII.1918.

³ См. *С. С. Салычев*. Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921—1940 гг. М., 1973, стр. 82—83.

⁴ *E. Vandervelde*. Le socialisme contre l'État. Paris—Nancy, 1918, p. 75—76, 89, 156.

⁵ См. *М. М. Карлинер*. Лейбористская историография Октябрьской революции. — «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1961.

жества социализма?»¹ Еще более ярким противником социализма и вообще участия рабочих организаций в политике был руководитель Американской федерации труда Самюэль Гомперс.

Ознакомившись с «Диктатурой пролетариата» Каутского, Ленин взволнованно написал советским представителям в Берлине, Стокгольме и Берне: «Почему мы ничего не делаем для борьбы с *теоретическим* опошлением марксизма Каутским?» Он настоятельно рекомендовал немецким левым выступить с принципиальной критикой². Едва оправившись после ранения, Ленин сразу засел за работу над своим, как он называл, «Antikautsky». В статье для «Правды» он охарактеризовал книжку Каутского как «во сто раз более позорную, более возмутительную, более ренегатскую, чем знаменитые «Предпосылки социализма» Бернштейна»³.

В статье, а затем подробнее в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин прежде всего отметил, что Каутский не дал научного определения диктатуры пролетариата, игнорировал необходимость подавления сопротивления эксплуататоров. Формы этой диктатуры могут быть различными, и Советская власть — лишь одна из них⁴. Международное значение Советской власти доказано уже тем, что с ее помощью «рабочие и беднейшие крестьяне *даже* отсталой страны, даже наименее опытные, образованные, привычные к организации, *в состоянии* были целый год, среди гигантских трудностей... сохранить власть трудящихся»⁵.

Отвечая Каутскому, утверждавшему, будто большевики проявили дерзость, действуя в расчете на поддержку Запада, а для самооправдания «вспомнили вовремя словечко о диктатуре пролетариата» и даже «смастерили совершенно новую теорию, претендуя на ее всеобщую значимость»⁶, Ленин писал, что большевики действительно уверены в европейской революции, хотя и не связывают ее с каким-либо точным сроком: «Расчет на европейскую революцию обязателен для марксиста, если есть налицо *революционная ситуация*». Он напомнил, что ожидание такой ситуации в Европе было накануне миро-

¹ «The Call», 20.XII.1917.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 182—183. Ленин предлагал также срочно издать по-немецки его книгу «Государство и революция» со специальным предисловием против Каутского.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 101.

⁴ В дополнении, включенном во второе издание книги «Государство и революция», Ленин выразил эту мысль так: «Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм», а «государство этого периода неизбежно должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и немущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии)» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 35).

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 304.

⁶ K. Kautsky. Die Diktatur des Proletariats, S. 20, 60.

вой войны вовсе «не увлечением большевиков, а *общим мнением всех марксистов*». Теперь же вся суть вопроса состоит в том: «наступила революционная ситуация на деле или нет?» Каутский этого вопроса не поставил, а ответ могут дать только факты. И они уже дали неоспоримо положительный ответ. Во-первых, это — «экономические факты: голод и разорение, созданные войной повсюду»; во-вторых, это — «политические факты: уже с 1915 года ясно обнаружился во *всех* странах процесс... *отхода масс* пролетариата от социал-шовинистских вождей налево, к революционным идеям и настроениям, к революционным вождям»¹.

Как же действовали в этих условиях рабочие партии и их вожди? Большевики, как истинные пролетарские интернационалисты, сделали «максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*» и тем самым дали «идею, теорию, программу, тактику», подлинно революционную и интернационалистскую, которая учитывала «и завоевания мирной эпохи и опыт *начавшейся эпохи революций*». Именно в этом контексте Ленин указал, что большевизм «*годится как образец тактики для всех*»².

Однако большинство партий II Интернационала не выдержало исторического испытания, сменив классовые позиции на «надклассовые», интернационалистские на шовинистические или пацифистские, революционные на реформистские, прямо враждебные или пассивно-выжидательные по отношению к надвигающейся революции. Большая вина за то, что революция в Европе запаздывает, медлит прийти на помощь русской революции, ложится, писал Ленин, не на массы, а именно на «тех *вождей*, которые, подобно Шейдеманам и Каутским, *не исполняли* своего долга революционной агитации, революционной пропаганды, революционной работы в массах против их косности, которые действовали фактически *наперерез* революционным инстинктам и стремлениям, всегда тлеющим в глубине массы угнетенного класса». Не только Шейдеманы предавали пролетариат и переходили на сторону буржуазии, но и Каутский своими писаниями «*угашал* революционный дух вместо того, чтобы поддерживать, развивать его»³.

В отличие от социал-реформистов и в противовес им левые, революционные группы в Европе, прежде всего в Германии, не только горячо приветствовали Октябрь как *социалистическую* революцию, но и старались усвоить ее опыт, прежде всего опыт Советов. К. Цеткин уже в ноябре 1917 г. писала о необходимости пересмотреть то, «чему мы учились и чему учили» относительно «зрелости развития общества и людей» для революции. Формула о «необходимой зрелости» не должна быть мертвой схемой, только историческая действи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 300—301.

² Там же, стр. 304—305.

³ Там же, стр. 302—303.

тельность дает ей содержание и жизнь. События в России нельзя мерить меркой стран старой европейской культуры, она во многих отношениях объединяет Азию, Европу и Америку. Но самое главное: «Дела и люди созревают для революции тогда, когда широкие слои народа считают определенное состояние невыносимым, когда они не верят больше в желание и способность руководящих общественных сил снять с них невыносимое бремя, когда они доверяют только собственным силам». Оценив значение союза рабочих с трудовым крестьянством, К. Цеткин отметила, что большевики достигли поставленной цели «смелой атакой, какой не было равных»¹.

В «Письме Спартака» в начале января 1918 г. говорилось, что в России события пошли не по схеме Каутского. В эпоху, в целом зрелую для революции, вопрос о том, какая страна возьмет на себя инициативу и руководство, зависит от сочетания многих исторических обстоятельств. Теперь русский пролетариат стал авангардом мирового пролетариата. Будут ли европейские, германские рабочие и дальше сочувственно наблюдать за напряженной драмой, довольствуясь ролью «безбилетных зрителей»? Ведь на них лежит огромная историческая ответственность за судьбы международной революции².

Франц Меринг, отмежевываясь от каутскианцев, в серии статей «Большевики и мы» летом 1918 г. показал, что русские Советы продолжают дело Парижской коммуны. Он писал, что «Советы есть диктатура пролетариата, достаточно эластичная, чтобы обеспечить всем слоям трудящихся свободу действий», но это не мешает Советской власти «быть во всех своих революционных действиях настолько решительной, что она превосходит в этом смысле все существовавшие до сих пор революционные правительства». Крупнейший знаток и биограф Маркса считал, что коль скоро Маркс с пламенным воодушевлением приветствовал героизм коммунаров Парижа, «то легко представить, каково было бы его отношение к Советскому правительству, которое уже решило для огромных масс великого народа проблему, как одновременно управлять и быть управляемым, притом в такой форме, какой не знала мировая история»³.

Немецкие революционеры не имели, к сожалению, возможности всесторонне продумать и коллективно разработать в теоретическом и политическом плане многие вопросы надвигавшейся революции. К. Либкнехт и Р. Люксембург на каторге и в тюрьме имели лишь скудные сведения о событиях в России. Высоко оценив значение «русского почина», К. Либкнехт не сразу понял, например, необхо-

¹ *C. Zetkin. Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. I. Berlin, 1957, S. 747—775.*

² «*Spartakusbriefer*». Berlin, 1958, S. 414—415.

³ *F. Mehring. Gesammelte Schriften, Bd. 15. Berlin, 1966, S. 769—770.*

димось подписания большевиками Брестского мира ¹. Но на полях своих заметок об этом он приписал: «Не для печати! Со всеми оговорками — из-за недостаточной информированности. Предназначается только для дискуссии. Принципиального антиленинизма мы должны избежать! В немецкой критике русского пролетариата необходимы величайшая осторожность и большой такт!» ² Как истинный интернационалист, Либкнехт делал упор прежде всего на революционную *самокритику*. Русский рабочий класс, писал он, — «мученик за грехи немецкого пролетариата, может с гордостью высоко держать голову даже в момент глубочайшего падения», а немецкий пролетариат обязан спасти свою честь, судьбу пролетариата России и всего мира: «Никакое усилие не будет слишком большим, достаточно большим. Пусть брызжет кровь из-под ногтей, пусть падают жертвы. Дело идет о самом великом, самом святом» ³.

Роза Люксембург, отвергнув все доводы каутскианцев о «незрелости» России для революции, считала «бессмертной исторической заслугой» Ленина и большевиков то, что они пошли впереди международного пролетариата, смело взяли в свои руки политическую власть и тем продвинули вперед всемирную битву труда и капитала, впервые в мире «практически поставив проблему осуществления социализма» ⁴. Вместе с тем она пыталась критически осмыслить опыт большевиков, считая, что критика отдельных их шагов не нанесет им ущерба, а явится лучшей школой для германского и международного пролетариата. В незаконченной рукописи, написанной в тюрьме, Р. Люксембург высказала свои раздумья по ряду вопросов революционной тактики, не избежав при этом и ошибок, связанных как с недостаточной информированностью, так и с неверными представлениями, свойственными ей и другим европейским левым, с недостатком опыта ⁵.

¹ Так, Либкнехт выражал опасение, не окажутся ли большевики против своей воли «пленниками германского империализма», который укрепит свои позиции и затормозит развитие революции в Европе. Вскоре, однако, он осознал, что Советской власти для решения грандиозной задачи — «продолжить в качестве образца и пионера путь пролетариату других стран к мировой социальной революции» — кроме энергии «необходимы также ум и время, — ум также для того, чтобы выиграть время» (*K. Liebknecht. Op. cit., Bd. IX. S. 443, 503*).

² *K. Liebknecht. Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlaß. Berlin, 1921, S. 34.*

³ *Ibid., S. 54; K. Liebknecht. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. IX, S. 443—444.*

⁴ *R. Luxemburg. Op. cit., Bd. 4, S. 365.*

⁵ Выйдя из тюрьмы и убедившись в ходе германской революции, что некоторые прежние представления требуют пересмотра, Р. Люксембург отказалась публиковать эти заметки. В 1922 г. их опубликовал с антисоветским комментарием исключенный из КПП П. Леви, что вызвало протесты Ленина, Цеткин и Варского (см. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 421—422; C. Zetkin. Op. cit., Bd. II. Berlin, 1960, S. 381—382; A. War-*

Р. Люксембург высоко оценила то, что ленинская партия, выдвинув лозунг «Вся власть в руки рабочих и крестьян!» и осуществив его, решила пресловутый вопрос о «большинстве народа», казавшийся германской социал-демократии в течение многих лет каким-то кошмаром: «Истинная диалектика революций ставит на голову парламентскую мудрость кротов — путь идет не через большинство к революционной тактике, а через революционную тактику к большинству». Взяв власть, большевики мужественно выдвинули последовательно революционную программу: не обеспечение буржуазной демократии, а установление диктатуры пролетариата для осуществления социализма. Октябрьское восстание было поэтому «не только фактическим спасением русской революции, но и спасением чести международного социализма»¹.

Резко осудив Каутского за доктринерское отношение к демократии, за апологику демократии буржуазной, Р. Люксембург считала демократией будущего демократию пролетарскую, революционную, социалистическую, которая и есть «не что иное, как диктатура пролетариата». В этой связи она выражала, однако, сомнение в целесообразности ограничения в Советской России избирательных прав и демократических свобод (она не знала, что Ленин считал эту меру временной, вызванной чрезвычайными условиями и не общезначимой). Признавая правомерность роспуска реакционного Учредительного собрания, она полагала, что нужно было сразу же назначить новые всеобщие выборы; размышляла она и о возможности соединения Советов («станового хребта революции») с Учредительным собранием². Р. Люксембург была озабочена тем, как бы революционное насилие, неизбежность которого в сложившихся условиях она понимала, не задушило живую политическую активность масс, как бы широкое применение террора против врагов революции не привело к падению морали самих революционеров, как бы диктатура класса не превратилась в диктатуру вождей. Ей не было известно, сколько внимания уделял этим сложным проблемам Ленин. Она заблуждалась, считая, что большевики намерены были сделать из нужды добродетель и объявить вынужденные обстоятельства особенности русской революции образцом для международного подражания³.

ski. Rosa Luxemburgs Stellung zu den taktischen Problemen der Revolution. Hamburg, 1922). Попытки противопоставить Р. Люксембург В. И. Ленину продолжают и в наши дни. Критику таких взглядов см.: Р. Я. Евзеров, И. С. Яжборовская. Роза Люксембург. М., 1974, стр. 269—277; А. Laschitz, G. Radczun. Rosa Luxemburg. Ihr Wirken in der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1971, S. 425—444.

¹ R. Luxemburg. Op. cit., Bd. 4, S. 341; «Коммунист», 1979, № 1, стр. 69—70.

² Об ином отношении Р. Люксембург к этим вопросам во время Ноябрьской революции в Германии см. главу 4 данного тома.

³ A. Laschitz, G. Radczun. Op. cit., S. 353, 356, 358—364.

Считая Декрет о земле превосходной политической тактикой, Р. Люксембург выражала опасение, что раздел земли между крестьянами затруднит впоследствии социалистическое преобразование деревни, ошибочно отвергала право наций на самоопределение¹. Эти неверные представления в значительной мере проистекали из недостатка практического опыта, а также были связаны с традиционной установкой, что осуществление социалистической революции в одной стране вообще невозможно, равнозначно попытке «решить к1 адратуру круга»². Притом, однако, из этого положения, теоретически устаревшего после работ Ленина об империализме, Р. Люксембург и ее соратники делали политически правильный вывод о необходимости самой энергичной мобилизации международного пролетариата на революционные действия — во имя спасения русской революции и развития революции мировой: «Есть лишь одно решение трагедии, в которую впутана Россия, — писала Р. Люксембург, — восстание в тылу германского империализма, подъем германских масс как сигнал к международному революционному окончанию бойни народов»³.

Трудный поиск немецкими левыми путей подхода к надвигавшейся революции привел руководителей «Спартака» в октябре 1918 г. к выводу, что настала пора прямо призвать рабочий класс к пролетарской социалистической революции, первым кличем, первым этапом которой должно быть: «Германия — республика». Они надеялись, что выступление масс в Германии станет сигналом для таких же выступлений в Австро-Венгрии, Болгарии, возможно, в Румынии. Эти страны, естественно, сразу же установят контакт с русской революцией, а тогда перед лицом мощного блока пролетарской революции в Центральной и Восточной Европе страны Запада никак не смогут избежать вовлечения в общий поток развития. Германская революция, писали спартаковцы, будет поэтому с самого начала в более выгодных условиях, чем русская, оказавшаяся изолированной и терзаемой империалистами. «В Германии — узел международного положения; разрубить его может только меч в руках германского пролетариата»⁴.

¹ R. Luxemburg. Op. cit., Bd. 4, S. 345-352.

² Эту последнюю мысль Р. Люксембург высказала в статье, опубликованной без подписи в «Письме Спартака», и озаглавленной «Русская трагедия». Редакция сочла необходимым снабдить ее примечанием, что высказанные в ней опасения вызваны объективным положением, а не действиями большевиков, что статья печатается главным образом из-за вывода о необходимости германской революции («Spartakusbriefe», S. 453, 459).

³ Ibid., S. 460. Этот номер «Писем Спартака» был единственным, который в октябре 1918 г. каким-то образом попал в руки Ленина. Он тотчас написал в Берн Я. А. Берзину: «Соберите комплект «Спартака» (я видел № 11. IX. 1918) и переиздайте весь комплект на 4-х языках. Тоже Юниуса и Либкнехта» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 193).

⁴ «Spartakusbriefe», S. 463, 467.

Собравшаяся нелегально в Берлине 7 октября 1918 г. общегерманская конференция «Спартака» с участием гамбургских и бременских леворадикалов констатировала, что война не только усилила объективные предпосылки революции, но и непосредственно подвела к ней народные массы. Резкой критике подвергалась политика «правительственных социалистов» и каутскианцев-независимцев. Конференция ориентировала народ на вооруженное восстание и решительную борьбу за республику, призывала создавать повсюду рабочие и солдатские Советы¹. Вместе с тем в программном воззвании на первый план были выдвинуты политические и социальные — *демократические* — требования: отмена осадного положения и освобождение политзаключенных, отчуждение банков, шахт, крупных землевладений, сокращение рабочего дня и установление минимума зарплаты, ликвидация отдельных государств и династий. Осуществление этих требований, говорилось в воззвании, не означает еще достижения главной цели, но они служат «оселком для того, чтобы проверить истинность той демократизации, при помощи которой господствующие классы и их агенты хотят пустить вам пыль в глаза»². И действительно, серьезная опасность заключалась в том, что в руках буржуазии и социал-реформистов лозунг мнимой «демократизации» мог стать оружием против революции и демократизации подлинной.

Выдвижение демократической программы было несомненной заслугой германских левых, стремившихся вовлечь массы в борьбу за социализм, начав с борьбы за наиболее близкие и понятные им требования, идущие в русле многолетней традиции. Однако слабостью левых было то, что они не имели революционной *организации*, способной руководить этой борьбой. «Спартак» оставался боевой, но малочисленной группой в составе Независимой социал-демократической партии. Хотя на конференции говорилось, что сотрудничество с этой партией не было успешным, а Ф. Мering еще в июне 1918 г. в открытом письме русским большевикам писал, что объединение спартаковцев с независимцами в одной партии было ошибкой³, выводы не были сделаны. Конференция способствовала идейному размежеванию революционеров с центристами, однако вопрос об организационном отделении и создании самостоятельной революционной партии не был даже поставлен⁴.

Отметив, что революционное движение в Германии получило от русской революции существенную моральную поддержку, конференция решила «выразить русским товарищам чувство благодарности, солидарности и братской симпатии с обещанием проявить эту солидарность не только на словах, но и действиями по русскому приме-

¹ «Spartakusbriefe», S. 470.

² «Spartakus im Kriege». Berlin, 1927, S. 220—223.

³ См. «Правда», 13 июня 1918 г.

⁴ Подробнее см.: Я. С. Дабкин. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967, стр. 51—53.

ру»¹. В ответном письме Ленин, высоко оценив заслуги «Спартака», высказал надежду на скорую победу германской революции².

Германские левые, несмотря на свои слабости, были в то время как в теоретическом, так и в политическом плане самой сильной и влиятельной группой среди европейских левых. Из недостаточной *организованности* этого революционного пролетарского авангарда вытекала серьезная опасность для грядущей революции в Европе. Поэтому, заканчивая свою статью против Каутского, Ленин в октябре 1918 г. с тревогой написал: «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней *нет* революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов, Реноделей, Гендерсонов, Веббов и К^о, или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной»³.

Ленин еще раньше высказывал опасение, что, когда в ходе революции перед пролетариатом «встанет немедленная задача завоевания власти, экспроприации банков и осуществления других диктаторских мер», при отсутствии действительно революционной партии, способной возглавить и организовать борьбу, может возникнуть критическая ситуация: «Буржуазия — и особенно интеллигенция типа фабианцев и каутскианцев — постарается в такой момент раздробить и затормозить революцию, навязывая ей ограниченные, демократические (т. е. буржуазные. — *Авт.*) цели». А такие буржуазно-демократические требования способны, в момент уже начавшегося «штурма пролетариев против основ власти буржуазии, сыграть в известном смысле роль помехи революции»⁴. Октябрьская революция в России многократно вынуждала Ленина и большевиков сталкиваться с такой опасностью и отражать ее. Справятся ли с нею европейские революционеры?

Ленин глубоко верил в огромные революционные потенции массового пролетарского движения. Поэтому он завершил свое предостережение по поводу отсутствия в Европе революционных партий словами: «Конечно, могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью»⁵.

НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ

К осени 1918 г. в ходе мировой войны обозначился решающий перелом. В Центральных державах сказывалось истощение людских и материальных ресурсов. Уменьшение посевных площадей и поголовья скота, суровая экономическая блокада со стороны Антанты

¹ «Spartakusbriefe», S. 470—471.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 195—196.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 109—110.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 262—263.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 110.

поставили население этих стран на грань голода. Остро ощущалась нехватка сырья. Под влиянием мобилизаций, перенапряжения, недоедания, эпидемий стала падать производительность труда, сокращаться добыча угля и выплавка металла. Промышленное производство Германии, самой развитой из стран коалиции, снизилось до 57 % довоенного уровня. Тяготы войны и экономическая разруха в Австро-Венгрии и Болгарии были еще большими.

Снижение жизненного уровня широких масс неимущих и малоимущих, разорение миллионов тружеников были связаны не только с потерей кормильцев и с голодом, но и с усилением налогового бремени, обесценением денег, повышением квартирной платы, растущей дороговизной и спекуляцией. Кровавая дань войне, ужасы окопной жизни, нужда и разорение в тылу дополнялись каторжным режимом на предприятиях, военно-полицейскими преследованиями всех тех, кто пытался разоблачить грабительский характер империалистической бойни, сорвать плену шовинизма, добиться соблюдения элементарных прав трудящихся. Сдерживать гнев и возмущение народных масс становилось все труднее. Экономические и антивоенные требования все теснее переплетались с политическими.

В Германии стачки горняков, металлистов, машиностроителей сотрясали попеременно Берлин, Рейнскую область и Вестфалию, Силезию, Саксонию. Началось брожение и среди крестьян, мелкой городской буржуазии. Все жаждали мира. Еще напряженнее было положение в Австро-Венгрии. Попытки Габсбургов начать сепаратные переговоры о мире с представителями США не имели успеха. Разброд и шатания охватывали правящие круги, усилилась межнациональная рознь, парламентская опора правительства рассыпалась, началась министерская чехарда — свидетельство нарастания «кризиса верхов». В сентябре на почве голода и растущей дороговизны поднялась новая волна стачек. Голодала армия, испытывавшая недостаток обмундирования и боеприпасов. В не меньшей степени была истощена и деморализована также армия союзной Болгарии.

Менялось общее соотношение военных сил на Западном фронте, особенно по мере прибытия американских контингентов. Летнее наступление немцев на Марне, демагогически названное «сражением за мир», было последним. После тактических успехов оно захлебнулось. На итальянском фронте наступление австро-венгерских войск на р. Пьяве окончилось неудачей. В августе Амьенская операция союзников привела к прорыву немецких линий. Германия окончательно утратила стратегическую инициативу. День 8 августа вошел в историю как «черный день» немецкой армии. Стала падать боеспособность солдат. К. Либкнехт отметил «разложение дисциплины («морали») в воинских частях, которые на Восточном фронте были инфильтрованы русскими», а затем переброшены на Западный фронт¹.

¹ K. Liebknecht. Op. cit., Bd. IX, S. 456.

Ленин указал, что «подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии... То, о чем полшутя говорили германские дипломаты — «русификация» германских солдат, — оказалось теперь не шуткой, а горькой для них правдой. Дух протеста растет, «измены» становятся обычным явлением в германской армии»¹. Это относилось и к армиям союзников Германии.

Когда 15—18 сентября 1918 г. войска Антанты прорвали на Балканах Салоникский фронт, тысячи болгарских солдат, доведенных до отчаяния, повернули штыки против своих командиров. Они двинулись маршем на Софию, чтобы покарать виновников войны во главе с царем и правительством. Это было грандиозное стихийное выступление, в ходе которого антивоенное движение переросло в открытую вооруженную борьбу против правящих классов².

Правительство направило навстречу восставшим солдатам, число которых быстро росло, специальную делегацию, вместе с которой выехали лидеры крестьянской партии — Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) — Александр Стамболийский и Райко Даскалов. Но остановить войска уговорами не удалось. Тогда, уже после отъезда делегации, под напором солдатских масс Даскалов объявил 27 сентября в Радомире царя Фердинанда и его правительство низложенными, а Болгарию республикой во главе с президентом А. Стамболийским. Повстанческие войска продвигались к Софии. Однако правительство, срочно заключив 29 сентября в Салониках перемирие с Антантой, направило против мятежных солдат верные войска, подержанные немецкими частями и артиллерией. 29—30 сентября в 15 км от столицы, в районе села Владая, марш солдат был остановлен, силы плохо организованных повстанцев жестоко разгромлены. Через три дня пал и Радомир. Попытка объявить страну республикой не увенчалась успехом, хотя это было повсеместным требованием широких масс, возмущенных автократическим царским режимом, не считавшимся с конституцией страны и парламентским строем. Восстание солдат, вошедшее в историю под названием «Владайское восстание», потерпело поражение из-за отсутствия революционного руководства. Политический кризис на время разрешился отречением Фердинанда в пользу его сына Бориса III. Болгария вышла из войны.

26 сентября англо-французские и американские войска перешли в общее наступление на Западном фронте, прорвали германскую оборону и вскоре вынудили немецкие войска начать отход с территории

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 75.

² См. «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, стр. 199; М. А. Бирман. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957, стр. 106—107; Д. Елазар. Октябрь в Болгарская коммунистическая партия. — «Влияние Великого Октября на развитие мирового коммунистического движения». М., 1977, стр. 58.

Франции. Надвигавшийся военный крах вызвал серьезную тревогу в правящих кругах Германии. Генерал-фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф подлили масла в огонь, потребовав 29 сентября от правительства «немедленного перемирия, чтобы предупредить катастрофу», так как «армия не может ждать и 48 часов». Этот панический нажим был продиктован прежде всего желанием генералитета снять с себя ответственность за прошлое и будущее, сохранить армию. Но он ускорил «кризис верхов».

Перед лицом реальной угрозы «революции снизу» германская буржуазия решила сорвать ее, инсценировав мнимую «революцию сверху». 3 октября кайзер назначил новым рейхсканцлером принца Макса Баденского, слывшего «либералом». В кабинет были впервые допущены правые социал-демократы Ф. Шейдеман и Г. Бауэр, давно получившие прозвище «кайзеровских социалистов» и мечтавшие о роли «спасителей отечества». Президенту США Вильсону была послана нота с просьбой о мире, срочно проведена показательная «парламентаризация» режима. Под нажимом масс из каторжной тюрьмы был освобожден К. Либкнехт.

Ленин, выздоравливавший в Горках после ранения, на основании полученной скупой информации с поразительной проницательностью оценил смысл событий. «В Германии, — писал он, — разразился политический кризис. Паническая растерянность и правительства, и всех эксплуататорских классов в целом обнаружилась перед всем народом. Бездна надеждности военного положения и отсутствие всякой поддержки господствующих классов трудящимися массами обнаружены сразу. Этот кризис означает либо начало революции, либо, во всяком случае, то, что ее неизбежность и близость стали видны теперь массам воочию... Привлечение же в кабинет Шейдеманов и К^о только ускорит революционный взрыв»¹.

Предвидя, что немецким рабочим «предстоят самые тяжелые испытания, самые тяжкие переходы от рабства к свободе», Ленин сделал важные практические выводы: «Международная революция приблизилась *з а н е д е л ю* на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием *дней ближайших*».

Никаких союзов ни с правительством Вильгельма, ни с правительством Вильгельма II + Эберт и прочие...

Но немецким рабочим массам, немецким трудящимся миллионам, когда они начали своим духом возмущения (пока еще *только* духом), мы братский союз, хлеб, помощь военную *н а ч и н а е м г о т о в и т ь*».

Итогом были слова, продиктованные глубоким сознанием интернационального долга: «Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 97.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 185—186.

Ленин хотел сам выступить 3 октября на заседании ВЦИК, Моссовета и профсоюзов, хотя бы с четвертьчасовой речью. Однако, как вспоминала Н. К. Крупская, «согласия на приезд Ильич не получил, несмотря на его страстную просьбу об этом; берегли сугубо его здоровье... Ильич знал, что машины за ним не пришлют, а все же в этот день сидел у дороги и ждал... «А вдруг пришлют!»» На собрании было прочитано написанное Лениным письмо и принята предложенная им резолюция, которая переданная по телеграфу по всей стране и за границу¹. Революционный кризис охватил и союзника Германии — Австро-Венгрию. Многонациональная империя стала распадаться. Правительство барона Гуссарека катастрофически теряло авторитет, попытки создать коалицию с участием представителей славянских народностей потерпели неудачу. Манифест императора Карла, обещавший перестройку империи на федеративных началах, не произвел никакого впечатления. Едва началось наступление итальянских войск, как фронт стал разваливаться: солдаты и матросы отказывались продолжать явно проигранную войну. 28 октября министр иностранных дел Андраши обратился к США с просьбой о мире. Это стало сигналом к распаду империи.

Еще 21 октября австрийские депутаты рейхсрата объявили себя Временным национальным собранием во главе с тремя равноправными председателями от двух буржуазных и социал-демократической партий.

В чешских землях и Словакии главной силой революционного антигабсбургского движения был рабочий класс, который в середине октября провел всеобщую стачку, требуя самостоятельной демократической (а в некоторых городах и социалистической) республики. Соглашательство социал-демократических вождей позволило, однако, буржуазии захватить господствующие позиции в родившейся 28 октября Чехословацкой республике.

В Венгрии 27 и 28 октября массовые демонстрации и митинги поддерживали созданный двумя буржуазными партиями и социал-демократией Национальный совет во главе с графом Михаем Каройи, который надеялся найти «конституционное» решение.

В югославянских землях развернулось массовое крестьянское движение, в ряде городов рабочие создали Советы. Но буржуазные партии вместе с верхушкой социал-демократии Хорватии и Словении создали 29 октября в Загребе Народное вече, объявившее о создании независимого Государства словенцев, хорватов и сербов.

В Галиции набирало силу движение за создание самостоятельного, независимого польского государства. Рабочий класс активно участвовал в массовых выступлениях против Габсбургов.

30 октября «Правда» писала: Австро-Венгрии «распад уже не

¹ См. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1. М., 1979, стр. 545.

угрожает. Он стал свершившимся фактом». Еще до того, как революционный взрыв покончил с монархией Габсбургов, началось формирование ряда обособленных национальных государств. При этом национальная буржуазия консолидировалась раньше, чем рабочий класс Австро-Венгрии сумел стать гегемоном всенародной борьбы. Он не успел еще начать социальную революцию, как оказался разобщенным новыми национально-государственными границами.

«Везде стучится в двери рабочая революция»¹, — говорил в эти дни Ленин, характеризуя ситуацию в Центральной Европе. Но это не значило, что революциям, нараставшим в разных странах, предстояло решать однозначные социально-политические задачи. Общими для них были три обстоятельства: невозможность продолжать империалистическую войну, банкротство ответственных за нее режимов, наличие более или менее значительного комплекса нерешенных общедемократических задач. Однако конкретные пути революционной борьбы в каждой стране зависели от достигнутого уровня экономического развития, исторически сложившейся социально-политической структуры, расстановки классовых сил.

Революционный кризис, как и следовало ожидать, не вызревал равномерно. Европа была сложным конгломератом стран и народов. Различия конкретных условий лежали в нескольких плоскостях, нередко пересекавшихся: страны воюющие и нейтральные; страны терпевшие поражения и шедшие к победе; страны с большим или меньшим «грузом» нерешенных исторических задач, с различной глубиной политических и экономических конфликтов; страны с более или менее высокой степенью организованности и сознательности рабочего класса, его способности осуществить революционную гегемонию, с тем или иным соотношением социальных сил. Кроме того, мировая война возбудила у народов тягу к самоопределению. Предельно накалив национальные и националистические чувства, она ослабила интернациональные связи и традиционную международную пролетарскую солидарность.

В реально сложившейся обстановке нельзя было рассчитывать на то, что в Европе — не говоря уже об остальном мире — может произойти единовременная и «чистая» социальная революция. Ленин еще раньше предвидел неизбежность множества социальных и политических битв разного уровня, ряда революций и восстаний, имеющих, однако, общую — объективно антикапиталистическую — направленность. Охлаждая горячие головы тех, кому виделась некая «полевая революция», в которой сойдутся для великого боя две армии — пролетарии и буржуа, революция, в которой пролетарии всех стран будут действовать объединенно, снося пограничные столбы и противопоставляя национальной общности общность классовую, Ленин предсказывал, что международная революция неизбежно будет целой

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 112.

исторической эпохой, в которую вольются движения разного уровня и характера. Такая перспектива ориентировала революционеров на борьбу сложную, длительную, упорную. Именно эта установка оказалась на поверку самой близкой к реальному ходу событий последующих лет.

В предвоенные годы все марксисты (кроме откровенных ревизионистов) считали, что в Германии — передовой капиталистической стране — имеются основные объективные, прежде всего экономические, предпосылки *социалистической* революции. Ленин разделял это мнение, подтвержденное германскими революционерами, и видел в Германии развитую капиталистическую державу, где юнкерство срослось с буржуазией в системе военно-государственного монополистического капитализма, где воплотилось «в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных... условий социализма»¹.

В Австро-Венгрии, особенно на славянских окраинах, комплекс нерешенных буржуазно-демократических задач был более значительным, и Ленин предвидел, что революционный процесс здесь пойдет сложнее, многоступенчатее, длительнее, что подход к социалистической революции потребует в первую очередь довершения буржуазно-демократических преобразований: аграрных и национальных².

В странах Центральной и Юго-Восточной Европы (кроме Болгарии) значительные позиции сохраняли помещики, и даже там, где преобладали капиталистические формы ведения хозяйства, имелись пережитки феодальной эксплуатации. Классовые антагонизмы переплетались в деревне с национальными: борьба за землю и ликвидацию остатков феодализма одновременно являлась борьбой против господства помещиков угнетающей нации. Хорватского и словенского крестьянина угнетал австрийский или венгерский помещик. В Словакии преобладали венгерские магнаты. В польских землях, входивших в состав Германии, помещик был, как правило, немцем. В Чехии значительной частью поместий владели немцы, в большинстве румынских земель, входивших в состав Габсбургской монархии, — венгры. Борьба за национальное освобождение приобретала особую напряженность из-за необходимости вести ее не только против прежних угнетателей, но и против немецких или австрийских оккупантов (в Королевстве Польском, Румынии). В этой борьбе повсеместно принимало участие крестьянство, жестоко страдавшее и от земельного голода, и от военных поборов. В силу этих причин борьба за демократические преобразования и свержение национального гнета, восстановление или создание самостоятельных государств выдвигалась на первый план.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 300.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 260—261; т. 30, стр. 88, 111.

Рабочий класс был несомненно авангардом революционных движений, хотя империалистическая война кое в чем ослабила его позиции: он более всех пострадал от мобилизаций и разрухи в промышленности, от голода и террора милитаристов. Сплочение пролетариата как класса замедлялось также тем, что на первый план на востоке Европы объективно выдвинулись общенациональные задачи. Ленин, указывая на это еще в 1916 г., подчеркивал, что здесь в ходе революционного процесса неизбежны действия «национально-угнетенного пролетариата и крестьянства *вместе* с национально-угнетенной буржуазией *против* угнетающей нации», а это способно затормозить процесс роста классового самосознания пролетариата, поскольку национальная общность мешает сразу «установить общность классовую»¹. Кроме того, империалистическая война способствовала внесению в рабочий класс элементов шовинизма, национализма, нередко даже попятному движению его классового сознания под влиянием социал-реформистов. Но с другой стороны, Великая Октябрьская революция создала благоприятные условия и стала решающей предпосылкой быстрого развертывания исторической инициативы масс и успеха национально-освободительных и демократических революций².

В странах Антанты антивоенное и революционное движение было к осени 1918 г. заторможено не только диктаторскими мерами Клемансо и маневрами Ллойд Джорджа. Больше всего его задержала новая волна шовинизма, вызванная сначала летним наступлением немцев, а затем — предвестиями военной победы. В нейтральных странах движение, хотя и нарастало, не достигло кульминации.

В силу этих причин средоточием революционных пролетарских действий стали страны Центральной Европы. Именно здесь давно назревшие конфликты, обостренные военным поражением и кризисом доверия к правящим верхушкам, вырастали в революции. Ленин, который с большим воодушевлением и надеждой говорил о перспективах европейских революций, снова и снова напоминал, что в цитаделях империализма социалистическую революцию начать трудно. Здесь рабочим противостоит не гнилой режим Романовых, а высоко организованная буржуазия, «опирающаяся на все завоевания современной культуры и техники», здесь — империализм, скорлупа которого сделана, к сожалению, из лучшей стали, здесь буржуазия отличается большей опытностью, умением лавировать, воздействовать на психологию масс, здесь глубок раскол, внесенный оппортунизмом в рабочее движение³.

Эти предостережения оказались глубоко верными.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 111, 114.

² Подробнее см.: И. С. Яжборовская. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный процесс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — «Советское славяноведение», 1977, № 5.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 300—301, 366—367.

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ

22 октября 1918 г. В. И. Ленин впервые после выздоровления выступал на Объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, фабзавкомов и профсоюзов. Говоря о неравномерном развитии международной пролетарской революции, он подчеркнул, что наконец-то предвидение большевиков о ее неизбежности в Европе подтвердилось. В цепи интернациональной главное звено — «звено германское, потому что германская революция уже назрела, и от нее зависит больше всего успех мировой революции». Разумеется, продолжал он, «мировая революция не устроена так гладко, чтобы везде, во всех странах идти одним путем, — тогда мы уже давно победили бы. Каждой стране нужно пройти определенные политические этапы». Ссылаясь на знающих конкретное положение дел в Германии, Ленин высказал мнение, что там «неизбежна народная революция... а, может быть, даже пролетарская революция»¹. И действительно, не прошло и двух недель, как вся страна была охвачена мощным народным движением.

Германская революция вопреки общему правилу началась не в столице, а на северо-западной окраине страны. 3 ноября 1918 г. моряки военных кораблей, стоявших в Киле, отказались выполнить приказ о выходе в море для сражения с английским флотом. Восставшие матросы подняли красные флаги; их немедленно поддержали рабочие. Матросский Совет и рабочий Совет вскоре объединились. Это была отнюдь не «местная вспышка», как думали власти. Революция стремительно распространилась из Кили по побережью, а затем по всей стране. Почти одновременно другой ее очаг вспыхнул в Южной Германии. В Мюнхене Временный Совет рабочих, солдат и крестьян провозгласил Баварию республикой. Охватывая один за другим промышленные центры Западной и Средней Германии, создавая повсюду рабочие и солдатские Советы, революция к 9 ноября докатилась до Берлина. Уже в эти дни проявились две ее черты: всенародный характер стихийного порыва, с одной стороны, и отсутствие централизованного руководства движением — с другой.

В столице и в ставке кайзера правящие круги прилагали отчаянные усилия, чтобы остановить революционную волну. Из Берлина 6 ноября, после грубой полицейской провокации, инсценированной с участием Шейдемана, было спешно выдворено посольство РСФСР,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 113, 117, 121.

само пребывание которого в столице в революционные дни казалось властям опасным. Делались попытки изолировать Берлин от провинции. Кайзер обдумывал поход против революции во главе войск Западного фронта. Но все было тщетно.

9 ноября утром рабочие Берлина по призыву спартаковцев и революционных старост вышли на улицы. К ним присоединились солдаты, и через несколько часов город был в руках восставших. Макс Баденский, желая спасти, что возможно, так и не дождавшись согласия кайзера, сам объявил об его отречении и передал правительственную власть социал-демократу Ф. Эберту. Новый рейхсканцлер призвал народ покинуть улицы, а его коллега Ф. Шейдеман, чтобы перехватить инициативу у революционеров, из окна рейхстага провозгласил Германию демократической республикой. Правление СДПГ заявило, что «руководит революцией» вместе с НСДПГ, и предложило ей совместно создать правительство. Эти маневры оказали воздействие на рабочих, а особенно на солдат, не искушенных в политике и ослепленных легко доставшейся победой. Опираясь на свою разветвленную организацию, правые социал-демократы сумели обеспечить себе большинство на общем собрании рабочих и солдатских Советов Берлина, которое проводилось в цирке Буша вечером 10 ноября. Центральная власть была вручена Совету народных уполномоченных (СНУ), состоявшему из «кайзеровских социалистов» (Ф. Эберт, Ф. Шейдеман, О. Ландсберг) и «независимых» (Г. Гаазе, В. Дитман, Э. Барт).

К. Либкнехт и другие спартаковцы были в день восстания на улицах, с революционным народом. С балкона кайзеровского дворца Либкнехт провозгласил Германию «социалистической республикой», добавив, однако, что свержение монархического правительства — лишь первый шаг ¹. Газета «Роте фане», выпущенная в захваченном рабочими и солдатами издательстве, призывала не поддаваться опьянению первыми успехами, не покидать улицы, оставаться на них вооруженными и быть начеку ². Однако трезвый голос предостережения потонул среди криков ликования. На собрании Советов Берлина слова К. Либкнехта «Контрреволюция находится среди нас!» были встречены солдатами враждебно.

11 ноября на первом после революции заседании руководителей «Спартака» кроме К. Либкнехта, В. Пика, Г. Дункера и др. присутствовали только что освобожденные из тюрем Р. Люксембург и Л. Иогихес. Все сошлись на том, что «социальное ядро» революции пока еще не выявилось, что она лишь начинается и момент, когда подлинные революционеры смогут встать во главе ее, еще не наступил. Принятое решение преобразовать группу в «Союз Спартака», создать Централь-

¹ K. Liebknecht. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. IX. Berlin, 1974, S. 595.

² «Die Rote Fahne», 9, 10. XI. 1918.

ный Комитет, наладить регулярный выпуск газеты «Роте фане» было первым серьезным шагом к образованию самостоятельной революционной партии ¹.

Первая волна германской революции оказалась достаточно мощной, чтобы смести с лица земли полторы дюжины монархов во главе с кайзером и королем Пруссии Вильгельмом Гогенцоллерном. Она вынудила правящие круги Германии подписать перемирие и закончить кровопролитную войну, провозгласить республику. Движущей силой революции в эти бурные дни были рабочие городов, революционные матросы и солдаты, иными словами, промышленный пролетариат и часть мелкой буржуазии города и деревни в матросских бушлатах и солдатских шинелях. Это была народная революция, в ходе которой массы выдвинули свои собственные требования, пытались самостоятельно создать новый общественный строй взамен разрушаемого старого. «Русский образец» оказался очень кстати: германские рабочие и солдатские Советы стали зародышем новой революционной власти.

Однако надежды революционеров на то, что власть в Германии сразу перейдет в руки пролетариата, не оправдались. Эберт и другие из ненависти к революции и страха перед ней искали союза с силами реакции. Едва встав у кормила правления, они начали сколачивать *заговор против революции* ². Весь бюрократически-чиновничий аппарат остался на своих местах. Связавшись по телефону со ставкой, Ф. Эберт заключил с генералом В. Грёнером тайное соглашение (подтвержденное затем фельдмаршалом Гинденбургом) о восстановлении в армии власти офицеров и о совместных действиях против революционных рабочих и солдат. Профсоюзные лидеры в свою очередь заключили с представителями союзов предпринимателей (монополистами Г. Стайнесом, Э. Борзигом и др.) «соглашение о деловом сотрудничестве». Оно тоже было направлено против рабочих Советов, предусматривало создание паритетных «согласительных комиссий», продолжение и после войны политики «классового мира».

В эти же дни социал-демократические правители грубо отвергли посланные российскими рабочими эшелоны с хлебом, отказались вернуть в Берлин советское посольство и восстановить дипломатические отношения с Советской Россией. Они выпрашивали продовольствие у американского президента, обещая за это «поддерживать порядок», т. е. противодействовать развитию революции. При подписании военного перемирия германские представители сами предложили Антанте оставить немецкие войска на оккупированных территориях Советской России до прибытия туда союзных армий. В прави-

¹ См. «Ноябрьская революция в Германии». М., 1960, стр. 362—376.

² Подробнее см.: Я. С. Драбкин. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967, стр. 111—126.

тельствующем заявлении Совета народных уполномоченных не было названо ни одной реальной меры по осуществлению обещанной «социалистической программы», зато рядом с посулами демократических реформ нашла свое место торжественная гарантия частной собственности.

Хотя в то время не все детали заговора против революции были известны, Р. Люксембург с предельной ясностью охарактеризовала ситуацию: «Революция началась. Но ликование по поводу свершенного, триумф над низвергнутым врагом неуместны; необходимы суровая самокритика и стальная концентрация энергии, чтобы продолжать начатое дело. Ибо свершенное невелико, и враг *не* низвергнут». Все действия нового правительства продиктованы страхом перед рабочими массами. Но, «прежде чем революция приобрела силу, размах, разбег, выхолащивается ее единственная жизненная сила, ее социалистический и пролетарский характер». Правительство «*сдвигает революцию на рельсы буржуазной революции*»¹. Карл Либкнехт тоже подчеркивал, что «между политической формой и социальным содержанием германской революции зияет противоречие... Ее политической формой является *пролетарское* действие, ее социальным содержанием — *буржуазная реформа*»².

Таким образом, социал-демократическим правителям удалось с самого начала затормозить революцию, навязать ей ограниченные цели, придать ей не социалистический, а буржуазно-демократический характер. Однако от классических буржуазных революций прошлого она отличалась прежде всего тем, что не буржуазия возглавляла ее, а пролетариат. В эпоху империализма, имея перед глазами опыт трех русских революций, развитой и организованный германский пролетариат не мог не стремиться продвинуть свою революцию к решению социалистических задач. Он создал и орудие такого перерастания — рабочие и солдатские Советы, которые к середине ноября покрыли густой сетью всю Германию.

Но в то время как в России Советы в первые месяцы после Февральской революции обладали реальной властью, германские Советы либо не овладели ею, либо выпустили ее из своих рук. Хотя в декларациях Советов ряда крупных центров (Бремен, Дрезден, Лейпциг, Хемниц) говорилось о необходимости продолжения революции и ликвидации капиталистического строя, дело не продвинулось дальше sporadических «вторжений» Советов в функции сохранившейся администрации. Лишь в немногих городах были сделаны попытки создать вооруженные отряды рабочей Красной гвардии, сместить реакционных чиновников, изгнать отдельных предпринимателей. Нигде рабочие и солдатские Советы не добились полновластия. Даже те правительства отдельных государств, которые заявляли, что «опи-

¹ R. Luxemburg. Gesammelte Werke, Bd. 4. Berlin, 1974, S. 397—399 (курсив наш.—Авт.)

² K. Liebknecht. Op. cit., Bd. IX, S. 604 (курсив наш.—Авт.).

раются на Советы» (Бавария, Брауншвейг), не приняли мер для слома буржуазно-юнкерской государственной машины. Только в Бремене и Гамбурге старые органы власти были отстранены, да и то ненадолго.

То, что в Германии не возникло, как в России, двоевластия, особенно ясно показало развитие отношений между Исполкомом Берлинского Совета и правительством «народных уполномоченных». Вначале Исполком объявил себя руководителем всех местных Советов и высшим органом государства, претендовал даже на «диктаторскую власть». Он постановил создать Красную гвардию и призвал рабочих-социалистов вступать в ее ряды. Но правительство натравило на Исполком солдат гарнизона, внушив им, что вооружение рабочих означает недоверие к солдатам, и Исполком тотчас капитулировал, отменив собственное решение. А тем временем военный комендант Берлина правый социал-демократ О. Вельс формировал послушную только правительству «республиканскую солдатскую охрану». Шаг за шагом правительство оттесняло Исполком. Ему пришлось отменить свое указание местным Советам о смещении чиновников, проявляющих «контрреволюционные устремления», а потом вообще запретить Советам вмешиваться в дела государственных органов, транспорта, снабжения. Советам на предприятиях Исполком рекомендовал ограничиваться узкопрактическими вопросами.

23 ноября Исполком передал правительству всю исполнительную власть¹. К. Либкнехт с горечью констатировал, что власть Берлинского и других Советов — «только лишь фасад». Ведь политическая власть, объяснял он, состоит «не в формальных поручениях или где-нибудь постановленных полномочиях, а в твердом удержании столь сильных реальных средств, которые обеспечивают позиции власти от всяких покушений»². Эти реальные средства оказались в руках буржуазии и правых социал-демократов.

Причина слабости германских Советов заключалась прежде всего в том, что возглавляли их, как правило, центристы или правые социал-демократы. Но даже у более радикально настроенных независимцев не хватало понимания необходимости решительно взять в свои руки всю власть. Над ними довели традиционное преклонение перед авторитетом государства, парламентские иллюзии.

Сохранение старого государственного аппарата и восстановление командной власти офицеров облегчили быструю консолидацию сил контрреволюции. Уже в начале декабря реакция осуществила первую пробу сил. 6 декабря отряд путчистов обстрелял мирную демонстрацию берлинских рабочих. Этот день получил название «кровавая пятница». Аналогичные попытки имели место в Гамбурге, Бре-

¹ «Aufrufe, Verordnungen und Beschlüsse des Vollzugsrats des Arbeiter- und Soldatenrats Groß-Berlin». Berlin, [1918], № 10, 14, 26, 28, 29; A. Fischer. Die Revolutionskommandantur Berlin. Berlin, 1922, S. 40.

² K. Liebknecht. Op. cit., Bd. IX, S. 606.

мене, Любеке, Хемнице. Зато в Эссене и Мюльгейме-на-Руре Советы сами арестовали заговорщиков.

Реакционеры применяли в борьбе против Советов и «обходные маневры». Во многих городах появились «буржуазные» (гражданские) советы — «советы» домовладельцев, врачей, учителей, даже пасторов, требовавшие «равноправия». Буржуазные деятели проникали в рабочие Советы или растворяли их в «народных советах». Верховное командование разрешило создавать солдатские Советы в воинских частях, получив в результате такой «предохранительной прививки» мнимые «советы», послушные офицерам. В деревне преобладали созданные с санкции правительства кулацко-юнкерскими организациями фальшивые «крестьянские советы».

Важнейшим средством мобилизации всех сил «порядка» против революции и Советов был лозунг скорейшего созыва Учредительного национального собрания как верховного органа «общенародной власти». Этот лозунг стал «демократической ширмой», за которой юнкеры и монополисты, военщина и буржуазные либералы, правые лидеры социал-демократии и профсоюзов плели сети заговора против революции. Свой вклад в дезориентацию масс вносили и центристские лидеры — Г. Гаазе, Р. Гильфердинг, К. Каутский, утверждавшие, будто Учредительное собрание и буржуазная демократия откроют социалистические перспективы.

Единственным реальным средством продвижения вперед «застрявшей» германской революции было укрепление и развитие Советов, преодоление их слабости. Это понимали революционные вожди. «Из цели революции, — писала Р. Люксембург, — ясно вытекает ее путь, из задачи — метод. *Вся власть — в руки трудящихся масс, в руки рабочих и солдатских Советов!*» Поскольку во главе большинства их оказались соглашатели, отмечала она, прежде всего необходимые: перевыборы Советов; их непрерывная деятельность; скорейший созыв общегерманского съезда Советов; немедленная организация не вообще «крестьян», а сельских пролетариев и мелких крестьян; создание пролетарской Красной гвардии; устранение всех органов абсолютистского, военно-полицейского государства; немедленная конфискация имущества династий и крупных землевладельцев; созыв в Германии мирового рабочего конгресса¹. Забастовки, которые стали со второй половины ноября стихийно нарастать в разных концах страны, переплетение экономических требований с политическими придавали все больший вес лозунгу революционеров *«Вся власть Советам!»*.

Вопрос — власть Советов или Национальное собрание? — стал в Германии коренным вопросом, от решения которого зависела судьба революции. Вскрывая принципиальную противоположность этих

¹ R. Luxemburg. Op. cit., Bd. 4, S. 397—398.

двух лозунгов, Р. Люксембург подчеркивала необходимость классового анализа самой сущности, а не просто формы государственной власти в революции: «Не о том идет сегодня речь — демократия или диктатура. Поставленный историей в порядок дня вопрос гласит: *буржуазная демократия или социалистическая демократия?* Ибо диктатура пролетариата — это демократия в социалистическом смысле. Диктатура пролетариата — это не бомбы, путчи, беспорядки, «анархия», как сознательно фальсифицируют дело агенты капиталистической прибыли, — это использование всех политических средств власти для осуществления социализма, для экспроприации класса капиталистов в соответствии с желанием и волей большинства пролетариата, т. е. в духе социалистической демократии... Парламентский кретинизм вчера был слабостью, сегодня он — двусмысленность, завтра он будет изменой социализму»¹.

К. Либкнехт в «Тезисах», написанных 28 ноября 1918 г., указывал, что пролетариат должен создать общегерманское правительство рабочих и солдатских Советов, вырвать у капиталистов их политическое могущество, осуществить радикальные социальные, экономические и культурные преобразования. Буржуазная демократия — это «фальшивая демократия»². В таком же духе выступала Клара Цеткин³. А газета спартаковцев «Роте фане» в передовой статье сформулировала суть кардинального вопроса развития германской революции в словах: «За или против социализма, против или за Национальное собрание, третьего нет»⁴.

Как ни трудно было германским революционерам выработать такую принципиальную позицию, им было еще труднее из-за их организационной слабости решить практическую задачу: «толкнуть» к власти германские Советы, которые в тот момент *могли, но не хотели* взять ее в свои руки. Особенно ярко выявил эту ситуацию открывшийся 16 декабря в Берлине Всегерманский съезд Советов. Лишь 10 делегатов представляли спартаковцев, 80 — независимцев, большинство же (около 400) шло за правыми социал-демократами. Хотя в революционной демонстрации у здания, где заседал съезд, участвовало почти 250 тыс. рабочих, их требование допустить на съезд К. Либкнехта и Р. Люксембург было отвергнуто, так же как и требование о переходе всей власти в центре и на местах к рабочим и солдатским Советам.

Решение Всегерманского съезда отказаться от власти Советов было подобно действиям I Всероссийского съезда Советов в июне 1917 г., на котором преобладали меньшевики и эсеры. Но германский

¹ R. Luxemburg. Op. cit., Bd. 4, S. 397—398.

² K. Liebknecht. Op. cit., Bd. IX, S. 631.

³ C. Zetkin. Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. II. Berlin, 1960, S. 68—69.

⁴ «Die Rote Fahne», 29. XI. 1918.

съезд пошел дальше: он вручил правительству не только исполнительную, а и законодательную власть. На 19 января 1919 г. (на месяц раньше, чем предполагалось) были назначены выборы в Учредительное национальное собрание. То был акт «политического самоубийства» верховного органа германских Советов. Но съезд не смог просто устранить тысячи рабочих и солдатских Советов на местах и в воинских частях, хотя существенно затруднил их деятельность, поставил под вопрос их дальнейшее существование. Революции был нанесен тяжелый удар. Этап сравнительно мирного ее развития подходил к концу.

Еще накануне съезда Советов спартаковцы сделали важный шаг к самостоятельности своей организации, опубликовав написанный Р. Люксембург программный манифест «Чего хочет Союз Спартака?». Итоги съезда, расстрел 24 декабря революционных матросов по приказу Эберта («кровавый сочельник»), отказ лидеров НСДПГ созвать экстренный съезд партии для обсуждения назревших задач — все это заставило руководителей «Спартака» решиться на полный разрыв с этой партией, пойти не только на идейное, но и на организационное размежевание с центристами.

30 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г. в Берлине состоялся Учредительный съезд Коммунистической партии Германии («Союз Спартака»). Кроме спартаковских организаций в партию вошли бременская, гамбургская и другие группы леворадикалов («Интернациональные коммунисты Германии»). Объединиться с революционными старостами Берлина, стоявшими на левом фланге НСДПГ, не удалось. Съезд выразил братскую солидарность с Советской Россией и партией большевиков.

На съезде была принята программа, которая ориентировала партию и рабочий класс на социалистическую революцию. В условиях, сложившихся в Германии, продвижение к социализму, говорилось в ней, не будет легким. Оно неизбежно натолкнется на такое сопротивление господствующих классов, что его можно будет сломить только силой. Вообще «пролетарская революция не требует для своих целей террора, она питает ненависть к убийствам из-за угла, ибо борется не против личностей, а против учреждений». Однако было бы безумием верить, будто германская буржуазия, «грубая, циничная и подлая», добровольно откажется от собственности, прибыли, привилегии эксплуатации. Ее «сопротивление должно быть сломлено шаг за шагом железным кулаком и беспощадной энергией». Пролетариату следует осознать, что «борьба за социализм — это самая острая гражданская война, какую видела мировая история, и пролетарская революция должна подготовить для этой гражданской войны необходимое оружие. Наделение сплоченной массы трудового народа всей политической властью для решения задач революции — это и есть *диктатура пролетариата и поэтому истинная демократия*». Рабочие и солдатские Советы должны превратиться в «концентрированную,

собранную в кулак, максимально усиленную власть рабочего класса»¹.

Используя, по выражению Р. Люксембург, «зрелый плод опыта» большевиков², молодая партия искала ответы на возникавшие в ходе революции проблемы. Еще накануне революции конференция «Спартак» сформулировала программу общедемократических требований, но логика борьбы заставила спартаковцев перенести центр тяжести пропаганды на критику буржуазной демократии, максимально заострить коренную альтернативу — власть Советов или Национальное собрание? — и требовать полновластия Советов. Только так можно было провести резкую грань между революционерами и реформистами, сплотить революционный авангард, нацелить его на социалистическую революцию и диктатуру пролетариата.

Однако жесткое «или — или» вело к немалым издержкам. Прямолинейность и «бескомпромиссность» тактики спартаковцев затрудняли вовлечение в революционную борьбу тех весьма значительных слоев рабочего класса (не говоря уже о полупролетарских и непролетарских массах), которые верили в парламентаризм. Наиболее опытные руководители сознавали эти трудности. Так, после решения съезда Советов о выборах в Национальное собрание Р. Люксембург высказалась за участие коммунистов в избирательной кампании. «Национальное собрание, — писала она 23 декабря 1918 г., — есть контрреволюционная крепость, воздвигнутая *против* революционного пролетариата. Эту крепость надо, следовательно, взять штурмом и скрыть. Но для того, чтобы мобилизовать массы против Национального собрания и призвать их к ожесточенной борьбе, должны быть использованы выборы и трибуна Национального собрания». Они могут стать хорошим «средством обучения, собирания, мобилизации революционной массы, этапом в борьбе за установление диктатуры пролетариата»³.

На Учредительном съезде КППГ К. Либкнехту и Р. Люксембург не удалось все же провести свою точку зрения. Молодые и малоопытные коммунисты, проявляя революционное нетерпение, искреннюю ненависть к буржуазному парламентаризму и к реформизму социал-демократических партийных и профсоюзных вождей, не смогли понять необходимости такого тактического поворота. Большинство съезда высказалось за бойкот предстоявших выборов. Раздавались также требования: «Вон из реформистских профсоюзов!» Партии не удалось найти и правильного пути к установлению союза рабо-

¹ «Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (31. Dezember 1918—1. Januar 1919)». Berlin, 1972, S. 316—319. Anhang (курсив наш. — *Авт.*).

² Об этом Р. Люксембург говорила на берлинском собрании НСДПГ 15 декабря 1918 г. и в докладе на Учредительном съезде КППГ (R. Luxemburg. Op. cit., Bd. 4, S. 458, 498).

³ Ibid., Bd. 4, S. 474—475.

чего класса с трудовым крестьянством, в первую очередь с мелкими крестьянами и батраками. С трудом налаживалась систематическая организаторская работа в массовых организациях, в том числе в Советах.

В начале января 1919 г. развитие германской революции достигло драматической кульминации. Социал-демократическое правительство, создав контрреволюционные формирования во главе с монархическими офицерами — «добровольческие корпуса», прибегло к провокации. 4 января было объявлено о смещении с поста полицей-президента Берлина, левого независимца Э. Эйхгорна, пользовавшегося авторитетом у рабочих. Это был прямой вызов, и на следующий день, прекратив работу, на улицы столицы вышли свыше 150 тыс. пролетариев. На собрании революционных старост был создан Революционный комитет (в него вошли Г. Ледебур и другие независимцы, а также К. Либкнехт и В. Пик), который объявил всеобщую забастовку и призвал к новой демонстрации под лозунгом «Долой правительство Эберта — Шейдемана!». Но момент для наступательных действий берлинского пролетариата был неблагоприятным: рабочие столицы не были организованы и не могли рассчитывать на немедленную поддержку провинции¹.

Когда 6 января на улицы вышло полмиллиона рабочих, Революционный комитет заколебался и оставил массы без руководства. А правительство перешло к заранее подготовленным действиям. Правый социал-демократ Г. Носке охотно согласился взять на себя функции главнокомандующего. «Пусть так, — сказал он, — кто-то ведь должен стать кровавой собакой»². Лидеры независимцев, начав за спиной рабочих переговоры с правительством, позволили ему выиграть время для приведения войск в боевую готовность. ЦК КПП отозвал своих представителей из Революционного комитета, не желая прикрывать его позорное бездействие именем Либкнехта³.

11 января в город вступили правительственные войска. Только в помещениях занятой рабочими редакции газеты «Форвертс» и в здании полицей-президиума им было оказано организованное сопротивление. Разрозненные очаги подавлялись с помощью артиллерии. Захваченные «пленные» подвергались истязаниям. Столица оказалась в руках вооруженных карателей, белой гвардии Носке. Начались кровавые расправы.

Подняли голову контрреволюционные организации и среди них — «Антибольшевистская лига», финансируемая монополистами и поставившая задачей устранение пролетарских вождей. Несмотря на травлю, Карл Либкнехт и Роза Люксембург не захотели прекратить работу в «Роте фане». Вечером 15 января их выследили, арестовали

¹ См. *W. Pieck. Reden und Aufsätze*, Bd. 1. Berlin, 1950, S. 113—117.

² *G. Noske. Von Kiel bis Rapp*. Berlin, 1920, S. 68.

³ См. *W. Pieck. Op. cit.*, Bd. 1, S. 117.

и доставили в штаб гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии. Начальник штаба капитан Пабст распорядился отправить их поодиночке в Моабитскую тюрьму, но его подручные хорошо понимали, что от них требовалось. При выходе из отеля Карл Либкнехт был тяжело ранен ударом приклада в голову и усажен в автомобиль. При проезде через Тиргартен офицеры вывели его и застрелили якобы при «попытке к бегству». Двумя часами позже Роза Люксембург была убита в автомобиле. Ее труп убийцы опутали проволокой и сбросили в Ландвер-канал.

Январские бои 1919 г. в Берлине, которые Ленин и Свердлов сравнивали с июльскими днями 1917 г. в Петрограде ¹, нашли широкий отклик во всей стране. 10 января рабочий и солдатский Совет крупного портового города Бремена провозгласил Бременскую Советскую республику. Представители буржуазных партий и правых социал-демократов были исключены из Совета, который провел ряд радикальных преобразований: формировались рабочие батальоны, увеличивались пособия безработным, разрабатывалась новая тарифная сетка заработной платы. Чрезвычайные меры против контрреволюции включали разоружение буржуазии и офицеров, цензуру над буржуазной печатью. Бременский Совет в приветствии Советской России выразил пожелание успешного развития революции в России и Германии. За Бременом последовал Куксгафен. Активизировались Советы в Гамбурге и других городах. Буржуазия ответила открытым саботажем, а вооруженные каратели Носке вскоре подавили Советский Бремен военной силой ².

В итоге январских боев кардинальный вопрос германской революции — власть Советов или буржуазный парламент? — был решен в пользу последнего. Проведенные 19 января 1919 г. в условиях белого террора выборы в Национальное собрание дали 54% голосов буржуазно-юнкерским партиям, перекрасившимся в «республиканские» и «демократические» цвета. Социал-демократы собрали 38%, независимцы — 8% голосов. Бойкот выборов коммунистами успеха не имел. Выборы показали, что широкие массы народа не изжили веры в возможности парламентаризма. Буржуазный характер Национального собрания обеспечивался не только преобладанием в нем буржуазных партий, но и тем, что обе социалистические партии шли в фарватере буржуазной политики. То, что они на выборах, несмотря на хвастливые прогнозы ³, не получили абсолютного большинства голосов,

¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 460; *Я. М. Свердлов*. Избранные произведения, т. 3. М., 1960, стр. 115—119.

² Подробнее см.: *Я. С. Драбкин*. Становление Веймарской республики. М., 1978, стр. 11—19.

³ Так, Р. Гильфердинг, ратуя за Национальное собрание, заявил в ноябре 1918 г., что германский рабочий, «воспитанный в духе демократии», не может не победить на всеобщих выборах, тогда как «неограниченное продолжение диктатуры Советов(!)

шейдемановцев скорее обрадовало, ибо оправдывало продолжение коалиции с буржуазией, позволяло замаскировать нежелание осуществить социалистические обещания.

Однако на пути к окончательному утверждению буржуазной республики в Германии все еще стоял рабочий класс. На некоторое время он был деморализован январским поражением, дезориентирован социал-реформистскими иллюзиями. Но началось известное отрезвление. Советы, хотя и ослабленные, продолжали существовать. Революционная энергия масс еще не была исчерпана. Сами «победители» серьезно опасались дальнейшего развития революции. Идеинная подмога пришла к ним со стороны лидеров немецкого централизма.

Взгляды Каутского и его сторонников эволюционировали вслед за движением революции. Утверждавший накануне ее, что Советы ни в коем случае не должны превращаться в органы государственной власти, он в ноябре—декабре 1918 г., переиздавая в Германии основные главы своей брошюры «Диктатура пролетариата», с сожалением констатировал во введении: «Сейчас у нас самих революция. Сейчас мы стоим не в России, а в Германии перед вопросом: диктатура или демократия?» Он «допускал» теперь, что Советы могут сыграть известную положительную роль в первый период революции, зато задачи второго («социального») периода способно решить только Национальное собрание, а поэтому «уже давно пора положить конец промежуточному состоянию и связанной с ним неопределенности»¹. В конце декабря Каутский утверждал, что стремление революционеров «подтолкнуть» германскую революцию вперед есть не что иное, как «насилие», разжигание борьбы «внутри рабочего класса» и «деградация славной немецкой революции»².

Но в кругах независимцев, особенно среди тех, кто был теснее связан с Советами, имелось и другое мнение. Учитывая, что пролетарские массы не намерены отказаться от Советов, многие центристские лидеры высказались за их сохранение и после созыва буржуазного Национального собрания, выдвинув в противовес полновластию Советов идею «сочетания» рабочих Советов с буржуазным парламентом. 9 февраля 1919 г. Р. Гильфердинг выступил за «укоренение рабочих Советов в конституции»³, а фракция НСДПГ предложила дополнить

приведет лишь к террору и гражданской войне» («Die Freiheit» (Berlin), 18.XI.1918, Morgenausgabe).¹

¹ K. Kautsky. Demokratie oder Diktatur. Berlin, 1918, S. 8; *idem*. Nationalversammlung und Räteversammlung. — «Die Freiheit», 5. u. 6. XII. 1918, Beilage.

² K. Kautsky. Das Weitertreiben der Revolution. — «Die Freiheit», 29. XII. 1918, Morgenausgabe.

³ «Die Freiheit», 9.II.1919, Morgenausgabe.

Г. Гаазе еще на Всегерманском съезде Советов в декабре 1918 г. туманно говорил, что «Советы сохраняют свое особое значение». В конце января эту мысль развивал в Берлинском Совете левый независимец Э. Дейтинг (см. «Der Arbeiterrat», 1919, N 2).

закон «О временной государственной власти» положением, ставящим Советы в один ряд с Национальным собранием. Когда Национальное собрание это отвергло, партия опубликовала обращение «К революционному пролетариату Германии». Впервые назвав правительство Эберта — Шейдемана буржуазным, обращение призывало рабочих требовать от него (и от буржуазного Национального собрания), чтобы они «закрепили» в конституции наряду с парламентом «носителей и хранителей революции» — Советы¹. При этом авторы воззвания умалчивали о том, что на протяжении трех месяцев революции сами содействовали разоружению и ослаблению Советов, срывали борьбу за их полномочия.

Когда Ленин прочитал это, как он выразился, «замечательнейшее и комичнейшее воззвание» НСДПГ, он расценил его как самое яркое проявление идейного краха теоретиков II Интернационала: «Помирить, объединить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата! — писал он. — Как это просто! Какая это гениально-филистерская идея!

Жаль только, что ее уже испытали при Керенском в России объединенные меньшевики и социалисты-революционеры, эти мелкобуржуазные демократы, мнящие себя социалистами»².

Между тем факторы, порождавшие недовольство масс, продолжали действовать. Экономическое положение трудящихся ухудшалось. Свертывание военного производства и демобилизация армии увеличили число безработных: в феврале 1919 г. их было уже более миллиона, в одном Берлине — свыше 300 тыс. Все чаще стихийно возникали стачки, быстро становившиеся массовыми.

В середине февраля центром движения стал Рейнско-Вестфальский промышленный район — сердце германской тяжелой промышленности. По решению конференции рабочих и солдатских Советов Рура остановилась почти половина шахт. Рабочие требовали немедленной «социализации», имея в виду национализацию, замену капиталистической собственности на средства производства общественной. В правительственных кругах росло беспокойство. «Почва, на которой мы стоим, колеблется, — утверждал Шейдеман в Национальном собрании. — Она может выскользнуть из-под наших ног очень скоро, если нам не удастся решительно покончить с безумием и преступлениями»³. Белогвардейские части яростно обрушились на рабочих. Маршал Фош разрешил войскам Носке осуществить карательные акции и в нейтральной зоне. Правые профсоюзные лидеры дезорганизовали борьбу, объявив о прекращении стачки. Несколько тысяч рабочих оказали правительственным войскам вооруженное сопротивление, но были разбиты.

¹ «Die Freiheit», 11.II.1919.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 309.

³ «Vorwärts», 22.II.1919.

В конце февраля забастовки охватили Среднюю Германию, где борьбу тоже начали горняки. Стачка отрезала Южную Германию от Северной, правительство и Национальное собрание в Веймаре оказались блокированными. В начале марта волна забастовок докатилась до Берлина. Однако Берлинский Исполком Советов проявил нерешительность, и коммунисты, создав отдельный стачечный комитет, обратились к рабочим с призывом: «Не позволяйте толкнуть себя на путь военных путчей, ведите борьбу со всей энергией и решимостью, но в мирных рамках!»¹

Носке бросил против рабочих артиллерию, тяжелые танки, броневики, минометы, огнеметы, авиацию, издал приказ о расстреле на месте всех, у кого будет найдено оружие. В ходе мартовских боев и последовавших расправ было убито не менее 1200 человек, несколько тысяч арестовано. В тюрьме Моабит был застрелен видный руководитель КПГ Лео Йогихес.

Революционная борьба в Германии весной 1919 г. обладала, по выражению К. Цеткин, «общей осью кристаллизации», была проникнута «одной и той же волей: социализация, Советы, Советская власть»². В ней еще ярче, чем прежде, выражалось пролетарское социальное содержание. В массовых стачечных боях энергичнее выдвигалось требование признания предпринимателями и правительством прав производственных Советов (фабзавкомов). Их борьба за право контроля над производством и соучастия в управлении — за требования, сыгравшие большую роль в развитии российской революции, — приобретала порой ожесточенный характер. В Руре и в Средней Германии, писала газета коммунистов, горнопромышленный пролетариат требовал не прямой экспроприации шахтовладельцев, а пока только «контроля над предприятиями со стороны избранных им органов — производственных и шахтных Советов. Но это требование было первым словом социализации, и лакеи капитала немедленно ответили последним словом капитализма: порохом и свинцом»³.

Одновременно с кровавым подавлением рабочих была развернута демагогическая кампания под лозунгом: «Социализация марширует!» Социал-демократический министр труда Густав Бауэр внес в Национальное собрание законопроекты о «социализации» и «регуливании угольного хозяйства», которые, однако, вовсе не затрагивали вопроса о собственности на средства производства. Даже один из буржуазных политиков назвал их «заключенной в параграфы болтовней», а Каутский — председатель комиссии по социализации — подал в отставку. Социал-демократические деятели прилагали немало усилий, чтобы превратить производственные Советы в придаток проф-

¹ «Die Rote Fahne», 4. III. 1919.

² «Коммунистический Интернационал», 1920, № 9, стр. 1209.

³ «Die Rote Fahne», 27.II.1919.

союзов или даже в орудие предпринимателей. Правительство согласилось включить в конституцию статью, «признававшую» выхолащенные «рабочие Советы», и внесло в апреле соответствующий законопроект ¹.

Хотя бои германских рабочих весной 1919 г. происходили в условиях укреплявшегося политического господства буржуазии, они по своим масштабам и напряженности превосходили бои в ноябре — декабре 1918 г. и в январе 1919 г. Но и им были присущи прежние слабости: раздробленность и разновременность выступлений, отсутствие общего руководства, недостаточная идейная зрелость многих революционеров.

В апреле новая, еще более мощная забастовка потрясла Рейнско-Вестфальский промышленный район. Но вопрос о завоевании пролетариатом политической власти встал на повестку дня только в Баварии. 21 февраля реакционный офицер убил главу правительства — независимца К. Эйснера. Это вызвало бурю протестов по всей стране. Новое правительство социал-демократа И. Гофмана не пользовалось авторитетом. Идея установления Советской власти получала все большее распространение среди рабочих. Группа мюнхенских независимцев и анархистов поддалась искушению объявить Баварию Советской республикой. Баварские коммунисты, которых возглавлял Евгений Левине, соратник К. Либкнехта и Р. Люксембург, отказались участвовать в «Советской республике», создаваемой за спиной у масс, «за зеленым столом совещаний» ². Тем не менее 7 апреля Бавария была провозглашена Советской республикой. Ничего реального для осуществления диктатуры пролетариата независимец Эрнст Толлер и анархист Густав Ландауэр не сделали, а правительство Гофмана, бежавшее в Бамберг, стало собирать силы для похода на Мюнхен.

Положение изменилось, когда реакционеры подняли в городе вооруженный мятеж. На защиту Советской республики дружно поднялись рабочие и часть солдат Мюнхена. По их настоянию 14 апреля 1919 г. во главе действительной, а не мнимой Советской республики встали коммунисты. Хотя обстановка для взятия власти оставалась неблагоприятной, у них не было иного выхода, как возглавить борьбу масс и попытаться создать революционную власть. Душой правительства (Исполкома) стал Е. Левине. Подчеркивая, что реальная победа Советской власти возможна лишь в масштабе всей Германии, коммунисты заявили о своей солидарности со всеми немецкими рабочими, а также с Российской и Венгерской Советскими республиками.

¹ Подробнее см.: *H. Habedank. Um Mitbestimmung und Nationalisierung während der Novemberrevolution und im Frühjahr 1919.* Berlin, 1967, S. 276—279; *Я. С. Дабкин. Становление Веймарской республики*, стр. 113—131, 152—155.

² *R. Leviné. Aus der Münchner Rätezeit.* Berlin, 1925, S. 13—15.

Исполком начал осуществлять решительные преобразования: национализировал банки и реквизировал часть ценностей, установил рабочий контроль над производством, запретил выплату дивидендов и паев, предоставил кредиты мелким предпринимателям, ввел контроль за распределением продовольствия, проводил конфискации запасов, припрятанных буржуазией. Были приняты также меры для борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, за незаконные реквизиции и грабежи грозила смертная казнь. Делались шаги, хотя и недостаточные, для установления контактов с крестьянами ¹.

В обращении к руководителям Советской Баварии в ответ на полученное от них приветствие В. И. Ленин рекомендовал наряду с диктаторскими мерами в отношении свергнутой буржуазии сразу и немедленно осуществить целый ряд общедемократических мероприятий. Они касались прежде всего аграрного вопроса: отмены ипотеки, военных налогов и арендной платы для мелких крестьян, передачи крупного землевладения сельским пролетариям, организации бесплатного распределения сельскохозяйственных орудий и машин, повышения зарплаты батракам, идейной пропаганды в деревнях. Ленин советовал срочно улучшить также и положение городских «низов»: сократить рабочий день, повысить зарплату чернорабочим, переселить бедноту в квартиры богачей, использовать склады одежды и продуктов для широкой помощи рабочим, ввести для них более высокий продовольственный паек ².

К сожалению, советы Ленина не дошли до баварских коммунистов ³. Да и возможности их были очень ограничены. Буквально с первых часов своего существования Советской республике пришлось сосредоточить главные усилия на обороне. 15—16 апреля мюнхенским рабочим и солдатам удалось разбить противника под Дахау и распространить Советскую власть еще на ряд городов. Но это была лишь передышка. Правительство Гофмана, мобилизовав собственные силы, обратилось за помощью к правительству соседнего Вюртемберга, а затем и к Пруссии. Уже 19 апреля под руководством Носке началось концентрическое наступление объединенной реакции против революционных городов Южной Баварии, и через несколько дней Мюнхен был полностью блокирован.

Когда ситуация стала критической, лидеры независимцев требовали от коммунистов отмены ряда ограничений, направленных против буржуазии, что еще более осложнило положение. Вынужденные 27 апреля выйти из правительства, коммунисты остались во главе Красной Армии. В ожесточенных боях сначала на подступах к Мюн-

¹ См. *H. Beyer*. Von der Novemberrevolution zur Räterepublik in München. Berlin, 1957, S. 97—108, 110—114.

² См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 321—322.

³ Это обращение было получено в Германии только 28 апреля, когда коммунисты уже вышли из правительства (Zentrales Staatsarchiv Potsdam. Wako, Nr. 895, Bl. 147, 187, 217).

хену, а затем и на его улицах они героически сражались и погибали. 3 мая все было кончено, но обыски, аресты и расстрелы продолжались еще целую неделю. Был выслежен и арестован Евгений Левине. В своем последнем слове на суде он сказал: «Я давно знаю, что все мы, коммунисты, являемся *смертниками в отпуске*. От вас, господа, зависит, продлите ли вы еще мой отпуск или мне придется присоединиться к Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Вы можете меня убить, но мои идеи будут жить!»¹ Несмотря на бурные протесты рабочих всей Германии, он был 5 июня 1919 г. расстрелян.

Выросшая из оборонительных боев, смелая атака мюнхенских рабочих на основы буржуазного общества была хотя и локальной, но самой значительной попыткой установления в Германии подлинно пролетарской власти. Баварская Советская республика стала, по выражению К. Цеткин, «кульминационной точкой схватки между буржуазией и рабочим классом» в революционных боях 1918—1919 гг.² Однако эта попытка не привела к пролетарской постановке вопроса о власти в масштабе всей страны, не вызвала кризиса общегерманской буржуазной власти, не изменила основного характера революции в Германии.

После поражения баварских рабочих и разгрома других революционных центров борьба германских трудящихся пошла на убыль. Спаду революционной активности масс способствовал также начавшийся в середине 1919 г. некоторый экономический подъем. Промышленность поглотила часть безработных, а зарплата, хотя и не могла догнать цены, все же поднималась, создавая иллюзию хозяйственного оздоровления.

И тем не менее ни репрессии, ни связанная с подписанием сурового Версальского мира волна национализма, ни шумиха, поднятая социал-демократическими лидерами, объявившими Веймарскую конституцию «самой демократической в мире», не заставили пролетариат свернуть свои боевые знамена. То и дело происходили голодные демонстрации, выливавшиеся в кровавые столкновения с полицией и войсками. Большим упорством отличались стачки и уличные бои в Хемнице, а особенно в Верхней Силезии, забастовка берлинских металлистов осенью 1919 г.

Германская революция осталась буржуазно-демократической, не смогла перерасти в социалистическую. Ее трагедия, писал позднее Эрнст Тельман, «состояла в противоречии между наличием объективно созревших революционных условий, с одной стороны, и субъективной слабостью германского пролетариата, вызванной отсутствием целеустремленной большевистской партии,— с другой... Ни революционный инстинкт, ни несравненный героизм отдельных вождей

¹ E. Leviné. Skizzen, Rede vor Gericht u. a. Berlin, 1925, S. 46; «Die Freiheit», 6. VI. 1919, Morgenausgabe.

² См. «Коммунистический Интернационал», 1920, № 9, стр. 1217.

«Союза Спартака»... не могли заменить железного авангарда, закаленного как сталь в огне революционного опыта»¹.

Но, даже не решив выдвинутых историей задач, германская революция благодаря тому, что она была проведена пролетарскими средствами и методами, закалила рабочий класс, принесла ему немало важных завоевания. Социальные и демократические права, закрепленные демократически-республиканской Веймарской конституцией, давали больше, чем французская или американская конституции, возможностей для деятельности демократических партий, профсоюзов и иных организаций трудящихся, предоставляли гражданам всеобщее избирательное право, известные демократические свободы. Но они не были дарованы буржуазией, сохранившей господствующие позиции, а были вырваны у нее, завоеваны и защищены революционным пролетариатом в упорных сражениях. Эти битвы имели большой международный резонанс. Они помогли Советской России стряхнуть бремя Брестского мира и устоять в жестоких схватках с иностранными империалистами. Важнейшим завоеванием германского рабочего класса было создание в огне боев немногочисленной, но стойкой и решительной Коммунистической партии Германии.

АВСТРИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Революция в Австрии началась 30 октября 1918 г. грандиозной стихийной демонстрацией рабочих и солдат Вены. Массы двинулись к зданию парламента, где заседало Временное национальное собрание. Демонстранты требовали провозглашения республики, а некоторые — установления власти Советов. Было сорвано черно-желтое знамя монархии. Однако австрийские парламентарии не решились высказаться за республику. Собрание лишь временно взяло на себя законодательные функции, вручив исполнительную власть Государственному совету из представителей трех партий во главе с социал-демократом Карлом Реннером.

Такое половинчатое решение не могло успокоить пришедшие в движение народные массы. На следующий день революционные выступления охватили всю страну. Повсюду создавались рабочие и солдатские Советы. В казармах и на площадях происходили бурные собрания.

12 ноября все предприятия Вены снова прекратили работу, и десятки тысяч людей собрались перед зданием парламента. Реальная угроза всеобщего восстания рабочих и солдат побудила Реннера признать, что сохранение монархии невозможно. Временное национальное собрание провозгласило Австрию демократической республикой и объявило, что выборы в Учредительное собрание и местные органы будут проведены на основе всеобщего избирательного права. Вместе

¹ Э. Тельман. Избранные статьи и речи, т. II. М., 1958, стр. 9—10.

с тем собрание заявило, что «Немецкая Австрия составляет часть Германской республики». Впрочем, как признал инициатор этого шага О. Бауэр, выдвинувший тезис о нежизнеспособности самостоятельной Австрии, «рабочий класс встретил мысль о включении Австрии в состав Германии весьма холодно»¹.

Провозглашение буржуазно-демократической республики не обошлось без инцидента. Когда поднимали новый красно-бело-красный флаг, несколько солдат бросились к мачте и вырвали из флага белую середину. Ораторы, взобравшись на плечи статуи Афины Паллады, призывали не допустить создания буржуазной республики, а провозгласить власть Советов, диктатуру пролетариата. Группа вооруженных солдат попыталась даже подкрепить это требование штурмом здания парламента и стрельбой. Такие действия, не понятые массами, были использованы социал-демократическими лидерами для дискредитации революционеров, в том числе тех, которые 3 ноября 1918 г. на конференции в Вене создали Коммунистическую партию Австрии. Партия через неделю наладила выход газеты «Векруф» («Призыв»). Тем не менее она оставалась по сути дела лишь инициативной группой революционеров, насчитывавшей около 50 членов, слабо связанных с рабочими массами. Однако главный лозунг коммунистов — «Вся власть Советам!», их революционная пропаганда соответствовали коренным интересам рабочего класса².

Вопрос — власть Советов или Учредительное собрание? — и в Австрии встал на повестку дня. Его решение в большой мере зависело от позиции социал-демократии. Сохранивший ореол революционера, Фридрих Адлер, которого революция освободила из тюрьмы, а социал-демократическая партия поставила во главе Венского рабочего Совета, стал сразу противодействовать превращению его в орган реальной власти, объявив «коммунистическим авантюризмом» всякое расширение его функций. В солдатских Советах (не объединившихся с рабочими Советами) аналогичную «работу» вели Юлиус Дейч и Юлиус Браунталь. Многие из этих Советов оставались под влиянием офицеров. Так, в Линце выборы проводились по приказу военного командования, скрепленному подписями социал-демократической и двух буржуазных партий, а в Исполкоме Венского солдатского Совета из 22 членов было всего четыре солдата³.

«Теоретическое» обоснование противодействия социал-демократов установлению власти Советов дал О. Бауэр. Еще 1 ноября 1918 г. он заявил на съезде СДРПА: «Во многих головах бродят безумные

¹ О. Бауэр. Австрийская революция 1918 года. М.—Л., 1925, стр. 99—100. «Аншлюс» Австрии к Германии был вскоре запрещен мирными договорами.

² См. Н. Hautmann. Die verlorene Räterepublik. Wien—Frankfurt—Zürich, 1971, S. 84—85.

³ «Geschichte der Kommunistischen Partei Österreichs. 1918-1955. Kurzer Abriss». Wien, 1977, S. 29—30.

представления, будто можно просто перенести в Австрию методы наших русских товарищей, большевиков, создать рабочие и крестьянские Советы и взять в свои руки власть». Но в Австрии подобную власть невозможно было бы удержать. «Через неделю такое правительство было бы сломлено голодом... Попытки взять у крестьян продовольствие силой... привели бы к кровавой гражданской войне»¹.

Какие бы аргументы ни выдвигали лидеры социал-демократии в объяснение своего отказа от власти Советов, истинным мотивом был страх перед самочинными действиями народных масс. Но, претендуя на роль единственных выразителей интересов пролетариата, эти лидеры не выступали против рабочих Советов (в которые входили одни только социал-демократы) открыто. Тормозя создание общенациональных органов Советов, они внушали рабочим, что «попытка к установлению диктатуры Советов в Немецкой Австрии при данных обстоятельствах обозначает не что иное, как самоубийство немецко-австрийской революции»². В то же время они старались умиротворить их заверениями, будто в Австрии уже совершилась не только демократическая и национальная, но и социальная, пролетарская революция, в результате которой все «руководство нацией перешло в руки пролетариата». Притом победа ее была, по словам Бауэра, достигнута «не посредством ручных гранат и пулеметов, а путем морального воздействия, путем применения тактического искусства и проявления организационной мощи» австрийской социал-демократии³. Часть рабочих поддавалась такой пропаганде.

Впоследствии не только социал-демократические, но и буржуазные деятели признавали, что в ноябрьские дни 1918 г. рабочий класс Австрии вполне мог взять в свои руки всю политическую власть. Австрийская буржуазия была деморализована крушением империи Габсбургов, напугана мощным стихийным натиском пролетарских масс. Армия рассыпалась и не смогла создать контрреволюционных формирований, как в Германии. Но лидеры социал-демократии не стремились к разрыву с буржуазией, они искали сотрудничества с ней на базе буржуазного парламентаризма.

Возглавившие коалиционное правительство социал-демократы (К. Реннер стал премьер-министром, О. Бауэр — статс-секретарем иностранных дел) содействовали сохранению в неприкосновенности старого государственного аппарата и экономических позиций капитала. Предпринимателям пришлось, правда, согласиться на уступки: был запрещен детский труд, введен 8-часовой рабочий день, известные права получили производственные Советы (фабзавкомы), установлены пособия безработным и инвалидам войны, страхование по болезни и оплаченный отпуск, отменены законы военного времени.

¹ Цит. по: *F. L. Carsten. Revolution in Mitteleuropa 1918-1919. Köln, 1973, S. 26—27.*

² *О. Бауэр. Указ. соч., стр. 135.*

³ Там же, стр. 101—102.

Социал-демократу Ю. Дейчу было поручено провести демократизацию армии путем очищения ее от крайних реакционеров и создания фольксвера, в котором солдаты должны были пользоваться гражданскими правами. Обсуждались туманные проекты «социализации» (государственную комиссию возглавил О. Бауэр)¹.

Состоявшиеся 16 февраля 1919 г. всеобщие выборы в Национальное собрание дали (как и в Германии) большинство буржуазным партиям. Они собрали почти 60% голосов, а социал-демократия — чуть более 40%. Но буржуазия доверила президентский пост социал-демократу К. Зейцу, а коалиционное правительство вновь возглавил К. Реннер. Обосновывая тезис о мирном и постепенном завоевании партией политической власти, Реннер говорил: «Сегодня мы еще не можем знать, сколько лет, сколько десятилетий потребует эта работа»².

Однако австрийские рабочие не хотели пассивно дожидаться пришествия лучших времен. Серьезные продовольственные трудности, рост безработицы и нищеты то и дело вызывали стихийные протесты. В этих условиях коммунисты развернули агитацию за превращение рабочих Советов в подлинно революционные органы. Им удалось завоевать значительное влияние в столичном фольксвере; 41-м батальоном, который называл себя «Красной гвардией», командовал Эгон Эрвин Киш.

По предложению рабочего Совета Линца 1 марта в Вене собралась Всеавстрийская конференция рабочих Советов. Социал-демократическая партия, до этого монопольно распоряжавшаяся Советами, вынуждена была согласиться на проведение перевыборов. Руководители конференции Ф. Адлер и Ф. Аустерлиц не скупились на декларации. В принятой резолюции говорилось, например, что цель Советов — закрепление результатов и дальнейшее развитие революции, включая *«устранение капиталистического способа производства»*, что задача Советов — *«прямое участие в политике»*, а средство эмансипации трудового народа — классовая борьба³. Ф. Адлер писал в это время, что «в момент, когда пролетариат вступает в свои решающие бои, когда дело идет не только о демократии, но и о социализме, пора осознать, что в социалистическом смысле может быть *только демократия работающих*. Максимой социалистического мышления является не только старый лозунг: «Кто не работает, тот не ест!», а в такой же мере и требование: «Кто не работает, тот не должен и вмешиваться в решения!»⁴

Провозглашение Советской республики в Венгрии (а затем и в Баварии) произвело большое впечатление на рабочих Австрии. Как

¹ См. *H. Hautmann*. Op. cit., S. 152—154.

² Цит. по: *В. М. Турок*. Очерки истории Австрии 1918—1929. М., 1955, стр. 187—190.

³ «*Rätediktatur oder Demokratie?*». Wien, 1919, S. 13.

⁴ «*Der Kampf*», 1919, Nr 6, S. 258—259.

признавал Ю. Браунталь, оно «вызывало у них страстное желание последовать примеру венгерских товарищей»¹. Однако Ф. Адлер от имени Венского рабочего Совета отвечал Советской Венгрии: «Вы обратились к нам с призывом последовать вашему примеру. Мы от всей души охотно сделали бы это, но в настоящий момент, к сожалению, не можем. В нашей стране нет больше продовольствия... Мы стали полностью рабами Антанты»². Подобный ответ был дан в апреле и Советской Баварии.

Многие рабочие Вены, Граца, Линца поняли фальшь подобных заявлений. 22 марта в Вене прошла 40-тысячная демонстрация солидарности с Советской Венгрией. В начале апреля отряд рабочих Вены и солдат фольксвера, насчитывавший около 1200 бойцов, отправился под командованием наборщика-коммуниста Лео Ротцигеля в Венгрию, где героически сражался с интервентами³. В середине апреля по призыву коммунистов демонстрировали рабочие Линца, а рабочие в Донавице (Штирия) взяли в свои руки управление предприятиями металлургического концерна «Альпине». Демонстрация рабочих, безработных и инвалидов в Вене 17 апреля привела к столкновениям с полицией.

Исполком рабочих Советов Австрии писал в первомайском воззвании, что «пролетариат чувствует себя решающим классом в государстве», исполнен решимости при всех обстоятельствах претендовать на соответствующее влияние, не позволит «представителям эксплуататорского капитализма в Национальном собрании лишить себя своих прав» и вовсе не склонен считаться «со случайностями арифметики», которые дали буржуазии большинство в комиссиях этого собрания⁴. Такой воинственный тон был отражением ситуации, когда австрийский пролетариат снова, как в ноябре 1918 г., стоял на пороге борьбы за власть.

В самих Советах появились признаки резкого недовольства политикой социал-демократического руководства. Так, конференция солдатских Советов в Вене отвергла резолюцию социал-демократов, содержащую нападки на диктатуру пролетариата, и отказалась выразить доверие социал-демократическим министрам. Заметно выросло влияние коммунистов как в крупнейших промышленных центрах страны (в конце мая число членов КПА в Вене, Винер-Нейштадте и Нейнкирхене достигло 40 тыс.), так и в фольксвере⁵.

¹ J. Braunthal. Die Arbeiterräte in Deutschösterreich. Ihre Geschichte und ihre Politik. Wien, 1919, S. 6.

² «Arbeiter-Zeitung» (Wien), 23.III.1919.

³ Лео Ротцигель погиб на фронте под Дебреценом в конце апреля 1919 г.

⁴ «Arbeiter-Zeitung», 1.V.1919.

⁵ Об этом с тревогой писал К. Ревнеру О. Бауэр 8 июня 1919 г. Он рассказал также, что руководитель британской военной миссии в Вене полковник Т. Каннинггэм дал ему и Ю. Дейчу со-

В сложившейся обстановке австрийские социал-демократические лидеры, сохранив единство партии на платформе центризма, проявили немалую гибкость. С одной стороны, они продолжали объявлять себя сторонниками революционных действий: под первомайским воззванием Исполкома Советов стояла подпись Ф. Адлера. С другой стороны, О. Бауэр, возглавлявший комиссию по «социализации», пытался ослабить революционное напряжение рассуждениями о том, что путь к социализму должен быть постепенным и осторожным, «экспроприация экспроприаторов» не может быть проведена путем национализации или «в форме грубой конфискации капиталистической и помещичьей собственности», но только посредством «упорядоченной системы налогового обложения»¹. В мае был принят закон о производственных Советах, переводивший их на рельсы «функциональной демократии»².

Вскоре социал-демократический министр внутренних дел Эльдерш санкционировал невиданную до того в Австрии полицейскую провокацию. 14 июня вооруженные полицейские совершили налет на помещение КПА в Вене и арестовали ее руководящий актив — 130 партийных функционеров. Целью был срыв назначенной на следующий день массовой демонстрации трудящихся. Но она все же состоялась и прошла под лозунгами: «За установление диктатуры Советов, против голода и эксплуатации, за социальную революцию». Полиция обрушилась на мирное шествие. Было убито 12 человек и 80 тяжело ранено, из них восемь вскоре скончались³.

На второй конференции рабочих Советов Австрии, собравшейся в Вене в конце июня — начале июля 1919 г., социал-демократии удалось закрепить свою тактику выжидания «с ружьем к ноге». Когда коммунисты от имени собравшихся у ратуши 4 тыс. демонстрантов потребовали «покончить с враждебным пролетариату коалиционным правительством, взять всю власть, немедленно установить в Немецкой Австрии диктатуру Советов», Ф. Адлер парировал эти требования ссылкой на угрозу развала Австрии⁴.

Сорвав солидарные действия с Советской Венгрией⁵, парализуя революционные силы в своей стране, социал-демократия Австрии

вет: если станет неизбежной «советская диктатура», принять в ней участие, дабы не возник «сумасшедший дом», как в Будапеште... (F. L. Carsten. Op. cit., S. 183—184).

¹ O. Bauer. Der Weg zum Sozialismus. Berlin, 1919, S. 5—6, 8, 28—29.

² См. O. Бауэр. Указ. соч., стр. 162, 182—183.

³ См. A. Райсберг. Австрия, февраль 1934. Причины и следствия. М., 1975, стр. 128—131.

⁴ См. F. L. Carsten. Op. cit., S. 91.

⁵ О. Бауэр 16 июня 1919 г. отклонил предложение Белы Куна о личной встрече под предлогом, будто она явилась бы... доказательством «заговора между Берлином, Венной, Будапештом и Москвой (!!)» (ibid., S. 271—275).

заслужила признание буржуазией ее роли «спасителя» капитализма. Даже реакционный канцлер К. Шушницг писал впоследствии, что «успешный отпор коммунистическим лозунгам и коммунистическому насилию (?) в 1919 г. является выдающейся, неоспоримой заслугой социал-демократии»¹. Но буржуазия отплатила лидерам СДРПА черной неблагодарностью. Как только революционная волна спала, буржуазные партии взяли курс на разрыв коалиции и оттеснение социал-демократических лидеров от власти. После парламентских выборов 17 октября 1920 г., на которых социал-демократия потеряла 200 тыс. голосов и три мандата, она покинула правительство.

Избавившись от страха перед революцией, буржуазия решительно отвергла все проекты «социализации» и осуществляемой Советами «функциональной демократии», которая, по заверениям социал-демократов, могла бы стать «средством для проявления инициативы и плодотворнейшей деятельности масс». Чтобы как-то смягчить плачевный итог — полную реставрацию буржуазного господства, — О. Бауэр стал утверждать, будто «в Австрии умеренность социал-демократических руководителей пролетариата предохранила последний от поражения, сохранив в целости все завоеванные орудия власти»². В действительности же главные орудия — рабочие Советы — были загублены, а легенда о «народной» республике, созданной социал-демократами, не выдержала испытания временем. Это вынужден был спустя годы признать сам Бауэр³.

Так, пример Австрии — уже третий после Финляндии и Германии — снова показал необходимость для начавшейся и уже набравшей немалую силу революции подлинно революционной пролетарской партии, способной повести пришедшие в движение народные массы на решительные действия. Поколебленный буржуазный режим обретает серьезные шансы на спасение, когда во главе рабочей партии стоят лидеры, рассуждающие о «чистой демократии» и «всеобщей свободе», а на деле — насильственно или почти бескровно — подавляющие революционную активность пролетариата. Поучительны не только победы революции, но и неудачи.

ВЕНГЕРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Буржуазно-демократическая революция в Венгрии началась одновременно с революцией в Австрии. В ночь на 31 октября 1918 г. вооруженные рабочие и солдаты, руководимые левыми социал-демократами и революционными социалистами, заняли в Будапеште главные стратегические пункты и правительственные учреждения, зтали ос-

¹ Цит. по: А. Райсберг. Указ. соч., стр. 132.

² О. Бауэр. Указ. соч., стр. 173—176, 183, 193.

³ См. О. Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus. Bratislava, 1936, S. 193.

вобождают политзаключенных. Город оказался в руках восставшего народа. Лишь тогда король поручил лидеру Национального совета графу М. Каройи сформировать коалиционное правительство.

Вошедшие в него буржуазные деятели и правые социал-демократы (Эрнё Гарамии и Жигмунд Кунфи) не решались расстаться с монархией. Потребовался новый сильнейший натиск революционных рабочих и солдат, чтобы Национальный совет 16 ноября 1918 г. провозгласил Венгрию «народной республикой»¹. Был положен конец многовековому гнету Габсбургов, Венгрия обрела государственную независимость. Правительство не спешило, однако, дать народу политические права, национальностям — равноправие, крестьянам — землю, обеспечить рабочим улучшение их положения. Социал-демократические руководители стремились сдержать развитие массовой революционной борьбы. «Мне, убежденному социал-демократу, — говорил Кунфи, — тяжело заявлять, но все же я заявляю, что мы против применения средств классовой борьбы»².

Между тем в стране уже рождались новые, подлинно революционные рабочие организации. 2 ноября был создан Будапештский рабочий Совет из руководителей СДПВ, центрального совета профсоюзов и местных профсоюзных организаций. Днем позже на конференции делегатов воинских частей был реорганизован и расширен Будапештский солдатский Совет. В ряде областей возникли крестьянские Советы. Многие Советы, в которые входило большое число рабочих, солдат и трудящихся крестьян, выступали за ликвидацию помещичье-капиталистического гнета и социальной несправедливости, за установление рабочего контроля на предприятиях и предоставление крестьянам земли. В тех Советах, где к руководству сумели прийти реформисты, они стремились ограничить борьбу частичными экономическими и социальными уступками. Однако под нажимом снизу Советы вели все более самостоятельную политику. Отражая атаки контрреволюционных сил, Советы на местах стали брать власть в свои руки, делали попытки установить рабочий контроль на фабриках и заводах.

24 ноября 1918 г. на собрании в Будапеште была образована Коммунистическая партия Венгрии. К этому времени из Советской России на родину вернулось более 300 тыс. бывших военнопленных. Среди них были члены Венгерской группы РКП(б) во главе с Белой Куном — Ференц Янчик, Эрнё Пор, Карой Вантуш и др. Они составили ядро КПВ, в которую также вошли часть левых социал-демократов (Бела Ваго, Бела Санто, Ласло Рудаш и др.) и революционные

¹ См. Я. Кенде, Л. Гечени, А. Штейнбах. Венгерские революции 1918 и 1919 гг. М., 1969, стр. 12—13.

² См. «Революционное движение в капиталистических странах во время и после мировой войны». Л., 1933, стр. 198—199.

социалисты (Отто Корвин, Йожеф Микулик и др.). Председателем ЦК КПВ был избран Б. Кун. 7 декабря стала выходить газета «Вёрёш уйшаг» («Красная газета»). В январе 1919 г. в состав ЦК был кооптирован вернувшийся из Советской России Тибор Самуэли. Партия призвала рабочих вооружаться, строить и укреплять Советы, очищать их от соглашателей, формировать Красную гвардию. Она создавала свои организации на предприятиях, в районах и пригородах столицы, вела работу среди молодежи, в армии. Ей удалось завоевать значительное влияние в солдатских, крестьянских, а затем в рабочих Советах, особенно на крупнейших предприятиях Будапешта в Чепеле, на шахтах, на заводе в Шалготарьяне. Внешнеполитическому курсу правительства Каройи, безуспешно искавшего соглашения с Антантой, компартия противопоставила требование союза с Советской Россией¹.

Тщетно правительственная коалиция либеральной буржуазии и социал-демократов металась в поисках выхода из экономического и политического тупика. Против малоземельных крестьян, захватывавших помещичьи земли, были посланы вооруженные карательные отряды. В г. Мако правительственные войска напали на артиллеристов, находившихся под влиянием коммунистов. Теряя авторитет в народе и пытаясь остановить рост влияния компартии, правительство прибегло к насилию. 21 февраля полиция разгромила газету «Вёрёш уйшаг», бросив в тюрьму 57 членов ЦК и активистов, в том числе Белу Куна, которого жестоко избили. Но репрессии не достигли цели.

В начале марта батраки и малоземельные крестьяне захватили возле г. Капошвара земли одного из крупнейших земельных магнатов Венгрии, Эстерхази, и других помещиков. Захваты земли происходили и в комитатах Шомодь, Хайду, Бихар, Фейер, Хевеш. 18 марта забастовали рабочие крупнейшего индустриального района столицы — Чепеля. Они требовали освобождения арестованных коммунистов и перехода власти в руки пролетариата. В тот же день по всей стране прошли многочисленные демонстрации в ознаменование годовщины Парижской коммуны. На многих из них выдвигался лозунг немедленного установления диктатуры пролетариата. 20 марта из-за забастовки печатников не вышло большинство газет. Участвуя в массовых выступлениях, многие рабочие и солдатские Советы высвобождались из-под влияния правых социалистов².

¹ См. «История венгерского революционного рабочего движения», т. I. М., 1970, стр. 186—192; см. также М. Ф. Лебов. Венгерская Советская республика 1919 года. М., 1959, стр. 58—61; А. И. Пуш-каш. В. И. Ленин и образование Компартии Венгрии.— «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1973, стр. 215.

² «A Magyar munkásmozgalom történetének válogatott dokumentumai», 5. köt. Budapest, 1959, 559—594, 626—654. old.

Началось разрушение старого государственного аппарата. В первой половине марта трудящиеся нескольких областей Венгрии изгнали управлявших комитетами правительственных комиссаров и установили власть рабочих, крестьянских и солдатских Советов, а там, где Советов не было, создали «директориумы» — временные революционные органы власти. Во многих воинских частях и подразделениях солдатские Советы отстраняли реакционных офицеров. В столице хозяевами положения фактически стали будапештские рабочий и солдатский Совет. К середине марта требование образования Советской республики стало всеобщим. В правящих кругах царил паника и растерянность, о чем свидетельствовал самороспуск радикальной партии. В стране назрел революционный кризис.

Державы Антанты решили предупредить дальнейшее развитие революции посредством оккупации страны. Глава ее военной миссии в Будапеште подполковник Викс 19 марта 1919 г. вручил правительству ноту, требовавшую вывода венгерских войск со значительной территории Венгрии¹. Ультиматум вызвал столь сильный взрыв возмущения всего населения, что стоявшее у власти коалиционное правительство во главе с Д. Беринкеи ушло в отставку. М. Каройи (ставший в январе 1919 г. временным президентом) предложил сформировать новое правительство правым лидерам социал-демократии. Однако те, сознавая слабость своего влияния в массах, не решились сами взять власть и направили к заключенным в пересыльную тюрьму руководителям компартии делегацию для переговоров о совместных действиях.

Переговоры между коммунистами и левым крылом социал-демократии об объединении двух рабочих партий и об образовании Советской республики велись и ранее. По просьбе социал-демократов Б. Кун 11 марта 1919 г. сформулировал 10 пунктов, на основе которых руководство коммунистов считало объединение возможным. Они, в частности, предлагали: выход представителей СДПВ из буржуазного правительства, прекращение сотрудничества с господствующими классами и принятие курса на установление власти Советов рабочих, солдат и крестьянской бедноты; отказ от господства венгерской нации над другими народами; замену парламентарной буржуазной республики республикой Советов, которая ликвидирует вооруженные силы буржуазии и создаст классовую армию вооруженного пролетариата, а вместо старой государственной администрации создаст новую, советскую. В документе излагались также программные задачи, выполнение которых открывало путь к социализму. Среди них: повсеместное введение рабочего контроля над производством и распределением; национализация промышленности, банков и транспорта; установление государственной монополии внешней и оптовой внутренней торговли; национализация крупного земле-

¹ «A Magyar munkásmozgalom ...», 5. köt., 677—679. old.

владения; государственная пропаганда социалистических идей; отделение церкви от государства ¹.

21 марта 1919 г. на основе этих принципов было заключено соглашение о немедленном объединении коммунистической и социал-демократической партий в единую Социалистическую партию Венгрии, которая от имени пролетариата брала государственную власть в свои руки. «Для обеспечения власти пролетариата против империалистов Антанты,— говорилось в документе,— должен быть заключен полнейший и искренний военный и идейный союз с Советским правительством России» ². В тот же день заседание Будапештского рабочего Совета с большим энтузиазмом приветствовало соглашение. Отряды вооруженных рабочих быстро заняли основные опорные пункты столицы и, разоружив остатки полиции и войск, установили полный контроль над столицей ³.

21 марта Венгрия была провозглашена *Советской республикой*. Правительство — Революционный правительственный совет — возглавил социал-демократ Шандор Гарбаи; Бела Кун стал наркомом иностранных дел. В Москву радиовали, что венгерский пролетариат, установивший свою диктатуру, приветствует Ленина как вождя международного пролетариата и предлагает революционной России создать «вооруженный союз против всех врагов пролетариата» ⁴. В ответной радиотелеграмме В. И. Ленин от имени VIII съезда РКП(б) заверил: «Рабочий класс России всеми силами спешит к вам на помощь» ⁵.

Пролетарская революция победила без кровопролития, мирным путем. Это стало возможным вследствие поддержки социалистической революции самыми широкими слоями венгерского народа, в том числе и армией. Деморализованный и открыто признавший свою неспособность управлять государством буржуазно-помещичий лагерь был изолирован. Он не имел сил, чтобы оказать вооруженное сопротивление ⁶.

Ленин сразу оценил международное значение установления в Венгрии Советской власти: «Если до сих пор близорукые люди, особенно трудно расстающиеся с рутиной, со старыми привычками

¹ «A Magyar munkásmozgalom...», 5. köt., 685—688. old.

² Э. Липтай. Венгерская Советская республика. М., 1970, стр. 103.

³ «A Magyar munkásmozgalom...», 5. köt., 688—691. old.

По оценке начальника столичной полиции, 700 полицейским противостояли 54 тыс. вооруженных солдат и рабочих (см. Л. Н. Нежинский. Венгерская Советская республика в 1919 году. М., 1969, стр. 15).

⁴ Известие было получено в Москве во время работы VIII съезда РКП(б) (см. «Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы». М., 1959, стр. 322—323, 336—337, 555 и др.).

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 186.

⁶ См. Э. Липтай. Указ. соч., стр. 112—117.

мысли (хотя бы они и принадлежали к лагерю социалистов), могли думать, что только особенности России вызвали этот неожиданный поворот к пролетарской советской демократии... если такое мнение еще могло держаться, то теперь оно разрушено до основания». Каковы бы ни были трудности, встающие перед венгерской революцией, «мы имеем здесь, кроме победы Советской власти, нашу *моральную победу*. Самая радикальная, наиболее демократическая, соглашательская буржуазия признала, что в момент величайшего кризиса... Советская власть является исторической необходимостью, признала, что в такой стране не может быть иной власти, кроме власти Советов, кроме диктатуры пролетариата»¹.

Революционный правительственный совет и Социалистическая партия Венгрии в воззвании «Всем! Всем!», обнародованном 22 марта, определили важнейшие цели нового государства. Вся полнота власти в центре и на местах переходила к Советам. Их высшим органом стал Всевенгерский съезд Советов, а в периоды между его заседаниями — Федеративный ЦИК. Местные Советы располагали широкой компетенцией. Проведенные в апреле 1919 г. выборы в Советы депутатов трудящихся были первыми в истории Венгрии всеобщими выборами с тайным голосованием, в которых участвовали рабочие и крестьяне, женщины и молодежь начиная с 18 лет (за исключением лиц, живших за счет нетрудовых доходов). В июне 1919 г. съезд Советов одобрил Конституцию Венгерской Социалистической Федеративной Советской Республики, которая установила: «Взявший в свои руки власть пролетариат пользуется в Советской Республике всеми свободами и правами. Он ликвидировал капиталистический строй и господство буржуазии, заменив их социалистическим способом производства и социалистическим общественным строем»².

Венгерская Советская республика осуществила ряд радикальных социально-экономических преобразований. Были национализированы промышленные предприятия, имевшие более 20 рабочих, банки, сберегательные кассы, транспортные и торговые предприятия, доходные дома в больших городах. Они передавались в управление заводским рабочим Советам, а для координации был создан Совет народного хозяйства во главе с Енё Варгой. В последующие недели в собственность государства были переведены почти все средства производства, включая мелкие лавочки, что создало немалые экономические и политические трудности. Декретом от 3 апреля 1919 г. безвозмездно национализировались все земельные владения, превышавшие 100 хольдов. Это уничтожило помещичье землевладение. Но крестьяне-бедняки (их было более 1 млн.) земли не получили, поскольку она перешла в ведение производственных кооперативов, ставших фактически государственными хозяйствами.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 213—214.

² Цит. по: Я. Кенде и др. Указ. соч., стр. 40.

Ленин специально предостерегал руководителей республики от торопливости и забегания вперед. Создание социализма, разъяснял он, требует довольно длительного переходного периода не только потому, что «переорганизация производства вещь трудная», но и потому, что «громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе». Колебания находящихся в плену мелкобуржуазных привычек трудящихся, в том числе крестьян, неизбежны. Надо конкретно, на практике показать рабочему классу, мелкому крестьянину, батраку преимущества пролетарской власти¹. Лишь впоследствии Б. Кун признал глубокую правоту этих предостережений: «И Тибор [Самуэли.— *Авт.*] и я возомнили, будто «наша аграрная политика дальновиднее, чем у русских большевиков», ибо мы не станем дробить крупные землевладения и делить их между крестьянами, а «сразу же введем на них крупное социалистическое производство», опираясь при этом на сельскохозяйственных рабочих... Ныне уже всем... ясна ошибочность этой установки»².

Венгерское Советское правительство стремилось улучшить положение трудящихся. Был установлен 8-часовой рабочий день. Реальная заработная плата рабочих повысилась в среднем на 25 %, служащих — на 15 %, улучшилось материальное положение батраков, были введены равная оплата труда женщин и социальное страхование. Началось создание единой системы бесплатного здравоохранения. Церковь была отделена от государства, а школа — от церкви; развернулись подготовка к введению всеобщего бесплатного образования и движение за ликвидацию неграмотности. Только в Будапеште свыше 30 тыс. семей пролетариев были переселены в дома богачей; в особняках помещиков и буржуазии открывались ясли, детские сады, дома для беспризорных детей. На сторону власти рабочих встали передовые деятели культуры³.

Однако созидательная деятельность Венгерской Советской республики проходила в условиях все усиливавшегося давления со стороны международной и внутренней реакции. Влиятельные империалистические круги были не на шутку встревожены тем восторженным откликом, который нашло создание Советской Венгрии у рабочих Австрии, Германии и других стран. «Народные массы всей Европы, от края и до края, — писал в эти дни в секретном меморандуме Ллойд Джордж, — подвергают сомнению весь существующий порядок, все нынешнее политическое, социальное и экономическое устройство»⁴. Верховный совет Антанты направил в Будапешт сек-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 385—386.

² Б. Кун. О Венгерской Советской республике. М., 1966, стр. 511.

³ См. «A Magyar Tanácsköztársaság művelődéspolitikája». Budapest, 1959, 7—128. old.; «История Венгрии», т. III. М., 1972, стр. 107—125.

⁴ Д. Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах, т. I. М., 1957, стр. 350.

ретную миссию генерала Смэтса с задачей добиться «мирного» вытеснения коммунистов из правительства. Венгрия подверглась экономической блокаде. Франция подталкивала ее соседей к открытой вооруженной интервенции. 16 апреля румынские королевские войска перешли в наступление в Трансильвании, а 27 апреля с северо-востока вторглась чехословацкая буржуазная армия. К началу мая положение Советской республики стало критическим. В правительство проникли капитулянтские настроения; главнокомандующий Красной армией социал-демократ В. Бём высказался за прекращение сопротивления¹.

Возглавляемый коммунистами рабочий класс нашел силы, чтобы отстоять свою власть. В начале мая Красная армия была реорганизована, в нее вступили 100 тыс. рабочих. Кроме венгерских рабочих батальонов создавались интернациональные части из австрийцев, поляков, русских, румын, чехов, словаков, сербов, хорватов. Русский батальон из бывших военнопленных насчитывал свыше 1 тыс. бойцов и успешно сражался под Шалготарьяном. Действовало также украинское подразделение². Наступление интервентов удалось остановить.

Между Советскими республиками Венгрии и России с самого начала установились братские отношения. Налаживались дипломатические контакты, предпринимались меры для осуществления экономических связей, проводился широкий обмен информацией. Будапешт и Москва, несмотря на большие технические трудности, поддерживали постоянную радиосвязь. Советская Россия оказывала Венгрии всю возможную военную помощь. Когда началось наступление румынских войск, Ленин предложил председателю СНК Украины Х. Раковскому организовать прорыв через Буковину и установить связь с Венгрией³. 13 мая Ленин, посылая привет «крепнущей Красной Армии венгерских рабочих и крестьян», сообщал Беле Куну, что украинские войска перешли Днестр⁴. Прилетевший в конце мая на самолете в Киев, а затем приехавший в Москву Тибор Самуэли согласовал с Лениным план совместных операций.

Вернувшись в Венгрию, Т. Самуэли привез послание Ленина — «Привет венгерским рабочим». В нем говорилось о необходимости применения пролетарской властью «быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер». Вместе с тем Ленин указывал, что сущность пролетарской власти «не в одном насилии» и даже «не главным образом в наси-

¹ Подробнее см.: «История венгерского революционного рабочего движения», т. I, стр. 251—253.

² См. Л. Н. Нежинский. Указ. соч., стр. 37.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 283, 285—286; «История гражданской войны в СССР», т. IV. М., 1959, стр. 71.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 310.

лии», а в организованности «передового отряда трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя, пролетариата», который должен научиться *«вести за собой крестьянство и все мелкобуржуазные слои вообще»*. Ленин обратился к венгерским рабочим со словами горячей поддержки: «Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне... Будьте тверды! Победа будет за вами!»¹ Быстро ставшее известным широким слоям населения ленинское послание поднимало революционный дух трудящихся Венгрии².

В начале июня венгерская Красная армия сумела прорвать кольцо интервентов и в ходе Северного похода вышла к Карпатам. Это создало благоприятные условия для подъема революционного движения в Словакии. 16 июня в Прешове была провозглашена *Словацкая Советская республика*. В Кошице был образован Правительственный совет во главе с коммунистом А. Яноушеком, который писал Ленину: «Дорогой товарищ, с радостью Вам сообщаем, что словацкий пролетариат провозгласил социалистическую Советскую республику»³. Было объявлено о национализации фабрик, заводов, банков, началась конфискация помещичьих земель, создавалась Красная армия. Словацкая Советская республика заявила о солидарности с Советской Россией, Советской Венгрией и с чешским пролетариатом. Она считала себя базой борьбы за победу пролетарской власти во всей Чехословакии⁴.

12—13 июня в Будапеште в атмосфере побед собрался съезд Социалистической партии Венгрии, который принял новую Программу. На съезде проявились (и уже не впервые) противоречия между коммунистами и левыми социал-демократами, с одной стороны, и правыми — с другой. Правые требовали «смягчения» диктатуры пролетариата, стремились отстранить от руководства Белу Куна, Тибора Самуэли и других активных революционеров. Сказывались отрицательные последствия того, что объединение произошло без предварительного размежевания с правыми лидерами, и коммунисты практически растворились в более многочисленной социал-демократической партии⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 385—386, 388.

² См. Л. Рети. Ленин и венгерское рабочее движение. М., 1972, стр. 165—168.

³ «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)». М., 1958, стр. 117.

⁴ См. «Prehl'ad dejin KSC na Slovensku». Bratislava, 1971, s. 109.

⁵ По некоторым данным, в марте 1919 г. коммунистов было 30—45 тыс., а социал-демократов более 100 тыс. (см. «Legyőzhetetlen erő. A Magyar kommunista mozgalom szervezeti fejlődésének 50 éve». Budapest, 1974, 22. old.).

Вскоре над республикой снова сгустились тучи. В нотах, подписанных Клемансо, было выдвинуто требование, чтобы венгерская Красная армия прекратила наступление и отошла за демаркационную линию. Революционный правительственный совет решил принять условия. Ленин 18 июня радировал Куну: «Вы конечно правы, начиная переговоры с Антантой. Начать и вести их надо, всякую возможность хотя бы для временного перемирия или мира надо обязательно использовать, чтобы дать отдых народу. Но ни на минуту не верьте Антанте, она вас надувает и только выигрывает время, чтобы лучше душить вас и нас»¹.

30 июня Советское правительство Венгрии, хотя и не получило никаких реальных гарантий от Антанты, начало односторонний отвод войск Северного фронта, что привело к падению Словацкой Советской республики. Румыния вопреки прежним заверениям заявила, что отведет свои войска только после отставки Советского правительства. Отступление Красной армии привело к падению в ней боевого духа и дисциплины. Главнокомандующий А. Штрюмфельд ушел в отставку, считая дальнейшие усилия по организации обороны бессельными.

В стране оживились контрреволюционеры, вызвавшие забастовку задунайских железнодорожников, кулацкие мятежи, выступления монархистов, офицеров в провинции и столице. За их спиной стояли Антибольшевистский комитет в Вене и контрреволюционный центр в Сегеде. Мятежи были подавлены отрядами особого назначения, которыми руководил Т. Самуэли². С целью мобилизации трудящихся для защиты республики были введены всеобщая воинская служба и трудовая повинность. Но добиться такого общенационального подъема, как в мае, уже не удалось. На заседании ЦИК 15 июля Б. Кун заявил, что республика переживает «кризис тройного рода: кризис власти, кризис экономический и кризис моральный»³.

Между тем верховное командование Антанты в Париже разработало план военной интервенции в Венгрии. Одновременно социал-демократы В. Бём, Я. Велтнер, К. Пейер начали в Вене через английского полковника Т. Каннингэма тайные переговоры о капитуляции Советской республики. Внутренние и внешние враги революции объединялись для свержения власти Советов. Новый начальник генерального штаба Ф. Жулье совершил предательство: он бросил войска в неподготовленное наступление на румынском фронте, заранее сообщив противнику военные планы. Румынская армия, руководимая французскими офицерами, смогла форсировать Тису. Советская Россия в связи с начавшимся наступлением Деникина на

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 354.

² См. «История венгерского революционного рабочего движения», т. I, стр. 272.

³ Б. Кун. Указ. соч., стр. 259.

Москву не имела возможности оказать революционной Венгрии достаточной военной помощи¹.

1 августа Советское правительство было вынуждено уйти в отставку. В Будапешт вступили румынские войска. «Профсоюзное» правительство во главе с правым профсоюзным лидером Д. Пейдлем приступило к ликвидации органов пролетарской диктатуры, восстановило капиталистическую собственность. Но просуществовало оно лишь несколько дней и было разогнано контрреволюционерами-монархистами. В стране установился военно-диктаторский режим адмирала Хорти. На страну обрушился чудовищный белый террор. Были убиты Т. Самуэли, О. Корвин, Е. Ласло и многие другие. Число жертв достигло почти 7,5 тыс., 70 тыс. были брошены в тюрьмы и лагеря, 100 тыс. были вынуждены покинуть родину². Венгерская Советская республика пала под объединенными ударами империалистов Антанты и контрреволюционных заговорщиков внутри страны.

Совершив социалистическую революцию, венгерский рабочий класс одним из первых в Европе подхватил победоносное знамя Великого Октября, связал свою судьбу с социализмом. Он создал первую в истории страны подлинно народную власть, осуществил важные социальные, экономические и культурные преобразования. 133 героических дня существования Советской власти в Венгрии были наивысшим достижением пролетариата Центральной Европы. Не только успехи, но и ошибки Венгерской Советской республики, и даже ее поражение, обогатили революционный опыт международного рабочего движения.

БОРЬБА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Революции в центре Европы — в Германии, Австрии и Венгрии — оказали большое воздействие на освободительное движение, развернувшееся в соседних странах. Возникновение в Центральной и Юго-Восточной Европе новых государств происходило в обстановке подъема революционной борьбы, главной силой которой был рабочий класс.

Национально-освободительное движение в *польских землях*, которые с конца XVIII в. входили в состав трех держав, обрело реальную почву, когда Октябрьская революция провозгласила право наций на самоопределение и Советское правительство специальным декретом отказалось от всех договоров бывшей Российской империи о разделах Польши³.

¹ См. «История гражданской войны в СССР», т. IV, стр. 174—181.

² См. «История Венгрии», т. III, стр. 169—170.

³ См. главу вторую.

Центром революционного движения в польских землях было Королевство Польское, оккупированное германскими и австрийскими войсками. В октябре 1918 г. горняки Домбровского бассейна начали стачку, которая превратилась во всеобщую. Были выдвинуты требования ликвидации оккупационных властей и созданного ими Регентского совета, созыва сейма и освобождения заключенного оккупантами в Магдебургскую крепость правого лидера Польской социалистической партии (ППС-«фракции») Ю. Пилсудского.

В польских землях, входивших в состав Австро-Венгрии, население в конце октября 1918 г. вышло на улицы городов и начало разоружать солдат. Демонстрации и стачки переросли в борьбу с оккупантами, в которой на первое место выдвинулся пролетариат¹. На волне революционного движения в Люблине 7 ноября было создано Временное народное правительство из представителей левых партий во главе с лидером Социал-демократической партии Галиции и Силезии И. Дашиньским. Оно объявило о создании Польского государства и обещало созвать Учредительный сейм, провести широкие демократические преобразования.

Революция в Германии ускорила ход событий. В Варшаве 11 ноября население разоружило солдат германских оккупационных войск. Регентский совет был вынужден передать военную власть только что освобожденному Ю. Пилсудскому. 14 ноября он стал «временным начальником государства».

Через несколько дней в Варшаве было создано «рабоче-крестьянское» правительство, которое возглавил правый социалист Е. Морачевский. Национально-патриотический подъем охватил самые широкие слои польского народа, которые связывали свои надежды на политические и социально-экономические преобразования с оформлением единого независимого национального государства и созывом Учредительного сейма, призванного осуществить демократические реформы.

Авангард пролетариата начал сразу же создавать собственные революционные органы — Советы рабочих депутатов. (Первые Советы возникли нелегально еще во время массовых забастовок в январе 1918 г.) В начале ноября избрали Совет рабочие Домбровского угольного бассейна. 5 ноября был образован Совет рабочих депутатов в Люблине, а три дня спустя — в Домброве-Гурничей, 6 ноября в районе Тарнобжега возникла «крестьянская республика». Вскоре в стране (в основном на территории бывшего Королевства Польского) действовало более ста Советов. Советы с помощью забастовок добились введения 8-часового рабочего дня и ряда социальных прав. Проявляя революционную инициативу, рабочие требовали пуска предприятий, организации общественных работ, выплаты пособий

¹ См. *H. Malinowski. Walki polskiej klasy robotniczej w latach 1918—1919.* — «Rewolucja Październikowa a Polska». Warszawa, 1967, s. 73.

безработным. Стачечное движение в поддержку решений Советов рабочих депутатов росло. Если в Варшаве за десять месяцев 1918 г. произошло 28 стачек, то только в декабре 1918 г. и январе 1919 г. их было 14¹. Рабочие пытались установить контроль на предприятиях. Были воссозданы и быстро увеличивали число членов старые профсоюзы, возникали новые².

В Советах рабочих депутатов развернулась напряженная борьба. В них активно действовали возвратившиеся на родину из Советской России польские интернационалисты, получившие там навыки классовой борьбы и организации пролетарской власти. Из общего потока репатриантов в 7700 человек, поименованных в «Книге поляков — участников Октябрьской революции», в конце 1918 и в 1919 г. вернулись более половины. По неполным данным, из них каждый третий участвовал в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде или Москве, состоял в отрядах Красной гвардии, почти каждый второй сражался в Красной Армии или партизанских отрядах, каждый четвертый работал в Советах или их аппарате, в ревкомах и других органах³.

Революционные партии — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и Польская социалистическая партия-левица (ППС-левица) — рассчитывали, опираясь на Советы рабочих депутатов, консолидировать левые силы рабочего движения, превратив Советы в органы революционной власти. Но в процесс создания Советов оказались втянутыми все партии, пользовавшиеся влиянием в рабочем классе, в том числе и правые.

Из-за противодействия реформистов не удалось созвать Всепольский съезд Советов, создать единый руководящий орган. Правые лидеры ППС-«фракции», стоявшие во главе большинства Советов, в том числе Варшавского, ориентировали их на поддержку правительства и подготовку выборов в сейм. Только в «сердце рабочей Польши», в Домбровском угольном бассейне, рабочие, опираясь на созданную ими Красную гвардию, в течение некоторого времени контролировали положение.

16 декабря 1918 г. на Объединительном съезде революционных партий — СДКПиЛ и ППС-левицы — в Варшаве была создана Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП). В принятой Программе партия выдвинула задачу борьбы за власть Советов, диктатуру пролетариата, социализм. Но она не сумела определить такие переходные требования, которые подводили бы массы к борьбе

¹ См. *T. Szturm de Sztrem. Walka o płace zarobkowe*. Warszawa, 1922, s. 15.

² Подробнее см.: *С. М. Стецкевич*. Рабочее движение в Польше в 1918—1919 годах. Л., 1966, стр. 98—125.

³ См. *И. С. Яжборовская*. О некоторых аспектах влияния Октября на содержание, направление и формы классовой борьбы в Польше (1918—1923 гг.). — «Советско-польские отношения. 1918—1945». М., 1974, стр. 26—28, 49.

за социализм, в том числе сформулировать аграрную программу, нацеленную на союз рабочего класса с трудовым крестьянством. Разоблачая национализм ППС и других организаций, молодая компартия не преодолела старых ошибок, характерных для ее предшественниц. Она отвергала как право наций на самоопределение, так и требования, связанные с оформлением польской государственности¹. Между тем, как напоминал Ленин в марте 1919 г., революционерам никак не следовало отказываться от принципа самоопределения польской нации и говорить о самоопределении трудящихся, поскольку большинство польских рабочих все еще стояло «на точке зрения социал-оборончества, социал-патриотизма»². Перспектива роста классового самосознания пролетариата была связана с полным осуществлением национальных задач. Принятое КРПП решение бойкотировать выборы в сейм ослабило позиции партии, лишило ее возможности использовать избирательную кампанию для широкой пропаганды своей программы в массах.

В январе 1919 г. к власти пришло буржуазное правительство И. Падеревского, а на выборах в сейм 26 января 1919 г. большинство получили правые, буржуазно-помещичьи партии. Это свидетельствовало о том, что широкие массы трудящихся города и деревни возлагали на сейм большие надежды, верили польской буржуазии, которая еще не разоблачила себя в их глазах.

Правительство, укрепив свое положение, жестоко подавило стачки рабочих в Варшаве, Жирардове, Ченстохове, Домбровском угольном бассейне, ввело 1 апреля в стране чрезвычайное положение и военно-полевые суды. ППС, которая вскоре консолидировалась как единая партия, действующая на всей территории Польши, отвергла предложение коммунистов о совместной борьбе за создание республики Советов и о всеобщем вооружении рабочих, а затем расколола Советы. Это облегчило правительству их разгон летом 1919 г. и усиление белого террора в рабочих центрах. Принятый сеймом предварительный закон об «Основах земельной реформы» на некоторое время ослабил размах крестьянского движения.

Образование в конце октября 1918 г. в результате мощного подъема освободительного движения *Чехословацкой республики* было большим завоеванием чешского и словацкого народов, которые в течение ряда веков испытывали чужеземный гнет. Рабочий класс сыграл в борьбе решающую роль, однако он не сумел возглавить демократическую и национальную революцию. Чехословакия возникла как буржуазное государство, господствующее положение в котором захватила чешская буржуазия. Временное национальное

¹ Подробнее см.: А. Я. Манусевич. В. И. Ленин и идейно-политическое развитие КРПП.— «В. И. Ленин и образование коммунистических партий...»; И. С. Яжборовская. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. М., 1967.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 161.

собрание, утвердив 13 ноября временную конституцию, на следующий день провозгласило Чехословакию республикой. Президентом был избран Т. Г. Масарик, первое правительство национальной коалиции возглавил К. Крамарж.

В конце 1918 г. рабочий класс провел серию успешных экономических забастовок. Он добился сокращения рабочего дня до 8 часов, признания прав профсоюзов и заключения новых коллективных договоров, которые предусматривали повышение заработной платы, расширение социального обеспечения. Национальное собрание провозгласило свободу печати, собраний и стачек. Было обещано даже установление рабочего контроля над производством. Буржуазные правители ссылались на эти меры как на доказательство своей способности удовлетворить «справедливые» требования трудящихся. В унисон с этим звучали и утверждения правых социал-демократических руководителей, будто в стране уже сделан решающий шаг к социализму: «Мы находимся в нашем собственном доме, — писала газета «Право лиду», — мы сами хозяева своей судьбы... сам народ, без различия классов, без имущественных перегородок и иных привилегий»¹. Такие заверения дезориентировали рабочих и привели к временному спаду рабочего движения в стране, к укреплению позиций буржуазии².

Правое руководство Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (ЧСДРП) проводило политику классового сотрудничества, оправдывая ее необходимостью укрепления молодой республики и постепенного продвижения к социализму. «Мы не будем подражать большевистскому методу в России, мы не откажемся от овладения политической властью пролетариатом путем эволюции и просвещения народа»³, — заявил на съезде партии в декабре 1918 г. руководитель ее правого крыла А. Немец. Съезд, проходивший при значительном преобладании правых, установил, что важнейшей задачей партии является проведение в сотрудничестве с буржуазными партиями социальных реформ⁴. Представители ЧСДРП участвовали в правительстве, а с лета 1919 г., после того как партия получила на муниципальных выборах свыше 30% голосов, социал-демократ В. Тусар возглавил правительство «красно-зеленой» коалиции.

Подобный курс руководства вызывал в партии растущее недовольство. В ЧСДРП и в национальных социал-демократических организациях (чешских, немецких) стало формироваться революционное крыло. С февраля 1919 г. оно стало издавать в Праге еже-

¹ «Právo lidu» (Praha), 29.X.1918.

² См. Я. Б. Шмераль. Образование Чехословацкой республики в 1918 году. М., 1967, стр. 240—252.

³ «Protokol XII řádného sjezdu Československé sociálně demokratické strany dělnické, konaného ve dnech 27.—30. prosince 1918 v Representačním domě v Praze». Praha, s. 29—30.

⁴ Ibid., s. 209.

недельник «Социální демократ», имевший подзаголовок — «газета для воспитания классового сознания рабочих». Целью рабочих, говорилось в его первом номере, должна быть не буржуазно-демократическая, а социалистическая республика¹. К левому направлению стали присоединяться редакции социал-демократических газет, выходивших в Кладно, Остраве, Брно. Активную роль в нем играли вернувшиеся на родину чехословацкие интернационалисты, которые, создав в Советской России чехословацкую секцию РКП(б), насчитывавшую 9600 членов², прошли здесь основательную школу революции и гражданской войны.

Новый революционный подъем начался весной 1919 г. Крупным событием стало выступление рабочего класса горнопромышленного района Кладно, где действовала боевая социал-демократическая организация, руководимая Антонином Запотоцким. В знак протеста против ареста революционных деятелей и запрета собраний были проведены многочисленные митинги и демонстрации, массовые забастовки. Рабочие требовали не только улучшения положения, но и национализации ключевых отраслей промышленности. 19 апреля 1919 г. 350 представителей рабочих и 150 представителей других трудящихся решили создать рабочий Совет. Он развернул вскоре активную деятельность: вмешивался в вопросы снабжения, зарплаты, ввел в субботу 6-часовой рабочий день для шахтеров, был организатором стачек и политических манифестаций. Но в рамках буржуазной демократии возможности для его деятельности были крайне ограничены, и Совет постепенно сошел на нет³.

Процесс внутренней дифференциации в ЧСДРП продолжался и в конце года привел к организационному оформлению левого, революционного крыла. На конференции в Праге 7 декабря 1919 г. было принято программное заявление Марксистской левой, в котором она указала, что ставит своей целью осуществление в теории и на практике принципов учения Маркса, от которых отказалось оппортунистическое руководство⁴. Под идейным влиянием Марксистской левой, предложившей представителям других национальных республик создать совместную фракцию и требовать скорейшего созыва съезда партии, в Словакии и Закарпатской Украине стала складываться интернациональная организация словацких, украинских, венгерских и немецких рабочих.

В освобождении *югославянских народов* от ига Габсбургской монархии решающую роль сыграли забастовки рабочих в промыш-

¹ «Sociální demokrat», 1919, № 1.

² См. «Вопросы истории КПСС», 1973, № 7, стр. 51.

³ См. А. Х. Клеванский. В. И. Ленин и борьба за создание Коммунистической партии Чехословакии. — «В. И. Ленин и образование коммунистических партий...», стр. 116—118.

⁴ «Založení Komunistické strany Československa. Sborník dokumentů». Praha, 1954, s. 42—43.

ленных центрах, крестьянские восстания, вооруженные выступления солдат. Но слабый и разобщенный рабочий класс не сумел возглавить стихийное народное движение, и буржуазия осуществила объединение югославских земель под эгидой сербских монархических кругов. 1 декабря 1918 г. было провозглашено основание Королевства сербов, хорватов и словенцев — будущей Югославии¹. Образование нового государства означало исторический прогресс в жизни югославянских народов. Устранялись многие препятствия на пути развития экономики, культуры и просвещения. Однако в результате победы контрреволюционных сил в королевской Югославии возникли новые формы национального угнетения, сохранились условия для деятельности иностранного империализма.

Рабочее движение продолжало развиваться по восходящей линии: нарастал накал борьбы, учащались классовые столкновения, в которые вовлекались все более широкие слои пролетариата. Он упорно добивался 8-часового рабочего дня, заключения коллективных договоров, легализации восстанавливавшихся профсоюзов, повышения заработной платы, выступал против полицейского произвола, за демократические преобразования. Невзирая на запреты и военные меры, принятые буржуазным правительством, рабочие всех городов Югославии демонстрировали 1 Мая 1919 г. под этими лозунгами.

В июле 1919 г. рабочий класс сорвал попытку империалистов Антанты и их белградской буржуазно-монархической агентуры бросить югославскую армию в поход против Советской Венгрии. Забастовка протеста против интервенции Антанты в России и Венгрии охватила все промышленные и торговые предприятия, железнодорожный, водный и коммунальный транспорт, почту, телефон, телеграф. К ней присоединились служащие многих банков и учреждений. Под влиянием выступления рабочих начавшееся еще раньше брожение в ряде армейских частей переросло 22—23 июля в стихийные восстания солдат в Вараждине и Мариборе.

Разобщенность партийных и профсоюзных организаций рабочего класса, различие условий, в которых они развивались, затрудняли назревшее объединение рабочих партий на революционной основе.

В конце 1918 — начале 1919 г., преодолев большие трудности, в Югославию вернулись из Советской России несколько групп коммунистов-югославян из числа бывших военнопленных, активных участников гражданской войны, входивших в Югославянскую группу РКП(б). Владимир Чопич, Никола Ковачевич, Никола Грулович² образовали в начале марта 1919 г. в Воеводине боевую коммунистическую организацию «Васа Пелагич» (по имени героического сербского революционера-народника конца XIX в.) —

¹ Подробнее см.: Ю. А. Писарев. Образование Югославского государства. М., 1975, стр. 358—361.

² «Komunist», 26.II.1959.

Югославскую коммунистическую партию, в которую вступили и местные левые социалисты.

В апреле 1919 г. в Белграде по инициативе Сербской социал-демократической партии и Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины был созван объединительный съезд, на который прибыли представители сербской, боснийской и далматинской социал-демократических партий, а также делегаты левого крыла социалистов Хорватии и Воеводины. 20 делегатов представляли социалистические организации Македонии, присутствовали и черногорские социалисты. Югославская коммунистическая партия («пелагичевцы») имела 20 мандатов¹. Не была представлена только Словения, где левые не решились на разрыв с оппортунистическим руководством. Съезд принял программное решение «Основы объединения», в котором говорилось о создании Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов) — СРПЮ(к). Участники съезда заявили о солидарности с русским и венгерским рабочим классом, обратившись к югославским солдатам с призывом: «Расстраивайте преступную попытку удушить завоевания этих двух революций, которую готовит наша контрреволюционная буржуазия»².

На решениях съезда в результате влияния центристов лежала печать компромисса между революционными и оппортунистическими установками. Главный документ — «Основы объединения» состоял из двух разнородных частей: первая была взята из Эрфуртской программы, вторая состояла из коммунистических лозунгов о социалистической революции, разрушении старых органов власти, об установлении диктатуры пролетариата в форме Советов³. Двойственный характер имели также Практическая программа действий, устав, резолюция по аграрному вопросу. В них не нашел отражения факт появления в только что родившемся государстве новых форм национального угнетения со стороны великосербской буржуазии.

Партия рабочего класса и профсоюзы быстро росли. Во второй половине 1919 г. СРПЮ(к) имела не менее 50 тыс. членов, а профсоюзы, находившиеся под ее руководством, насчитывали около 250 тыс. рабочих. В конце 1919 г. образовался Союз коммунистической молодежи Югославии. Партию поддерживали многие сотни тысяч неорганизованных трудящихся города и деревни. Под напором стачечной борьбы рабочих и под влиянием международной обстановки правящие буржуазные круги были принуждены отступить: в сентябре был принят закон о 8-часовом рабочем дне.

На революционный подъем в Румынии оказали большое влияние события в соседних странах — России и Австро-Венгрии. Осенью 1918 г. румынские трудящиеся Трансильвании активно участ-

¹ См. Е. Хасанагић. Први конгрес Комунистичке партије Југославије. Београд, 1956, стр. 10.

² «Историјски архив КПЈ», т. II. Београд, 1949, стр. 24.

³ Там же, стр. 11—12.

вовали в освободительной борьбе против Габсбургов. Массовый характер приняли их выступления в Араде, Клуже, Брашове, Тимишоаре, где стали создаваться Советы. 1 декабря 1918 г. на многочисленном народном собрании в Альба-Юлии было выдвинуто требование объединения Трансильвании с Румынией. Возглавившие объединительное движение лидеры буржуазии, противодействуя республиканским настроениям трудящихся, способствовали сохранению румынской монархии¹.

После ухода из Румынии в ноябре 1918 г. германских оккупационных войск борьба трудящихся приняла открыто наступательный характер. На легальное положение перешла запрещенная в период оккупации социал-демократическая партия, которая по требованию революционного большинства ее низовых организаций стала с ноября 1918 г. именоваться социалистической. В партии усилились позиции левых. 13 декабря 1918 г. 50 тыс. рабочих Бухареста, возглавляемые левыми социалистами, вышли на демонстрации под лозунгами: «Да здравствует социализм!», «Да здравствует республика!», «Долой короля!», «Долой буржуазию!» Войска получили приказ стрелять в рабочих. Результатом кровавой расправы были сотни убитых, раненых и арестованных, многие из которых погибли в тюрьме². Репрессии распространились на всю страну. Несмотря на лавирование господствующих классов — проведение в декабре 1918 г. реформы избирательного права, обещания аграрной реформы, введение на большинстве предприятий 8-часового рабочего дня, — трудящиеся не прекращали борьбы. Весной и летом 1919 г. бастовало 20 тыс. железнодорожников, в июле всеобщую стачку нефтяников поддержали рабочие ряда городов, пожертвовав в их пользу свой однодневный заработок. В целом в 1919 г. в забастовках участвовало 150 тыс. человек, втрое больше, чем в предыдущем году. Крупнейшим политическим выступлением была забастовка в июле 200 тыс. рабочих, протестовавших против интервенции румынских войск в Советскую Венгрию и Советскую Россию³.

Положение господствующих классов Румынии оставалось неустойчивым. Буржуазно-помещичьи правительства не удавалось остановить подъем революционного движения и справиться с внешнеполитическими затруднениями. Согласно послевоенным мирным договорам, за Румынией были закреплены Трансильвания, Буковина и Добруджа (включая незаконно оккупированные территории Северной Буковины и Южной Добруджи). Румынией была захва-

¹ См. Постановление ЦК РКП о 50-летию объединения Трансильвании с Румынией. — «Румыния. Документы статьи, информация». Бухарест, 15. XI. 1968, стр. 1.

² *Gh. Unc, C. Mosanu*. 13 decembrie 1918. București, 1968, p. 106, 141, 159.

³ См. *Б. С. Попов*. Румынское социалистическое движение и Венгерская Советская республика 1919 г. — «Новая и новейшая история», 1978, № 1, стр. 30—31.

цена Бессарабия. В результате территория Румынии возросла более чем вдвое — со 138 до 295 тыс. кв. км, а население — с 7,8 млн. в 1915 г. до 16 млн. в 1920 г.¹ По сравнению с уровнем 1915 г. промышленный потенциал страны составил 235%, численность промышленного пролетариата увеличилась до 550 тыс. человек².

Вновь присоединенные области были неравнозначными в экономическом отношении, неодинаковыми были уровень и характер их рабочего движения. Это ставило перед румынскими революционными социалистами задачу сплочения рабочих, создания единой революционной партии. В Социалистической партии Румынии в 1919 г. развернулась борьба между революционерами и оппортунистами по важнейшим вопросам партийной программы, в ходе которой позиции левых постепенно укреплялись.

Болгария была по условиям перемирия фактически оккупирована войсками Антанты. Несмотря на это, рабочий класс продолжал борьбу. Одной из крупнейших забастовок было выступление семитысячного коллектива шахтеров Перника 1—2 июля 1919 г., которым руководил Георгий Димитров. В этом году в стачках участвовало в два раза больше рабочих, чем за десять предвоенных лет. Хотя власти неоднократно бросали против рабочих полицию и войска, остановить подъем движения не удавалось. Нередко предприниматели вынуждены были идти на уступки, ибо рабочие научились объединять свои усилия. Летом им удалось добиться введения закона о 8-часовом рабочем дне, хотя предприниматели осуществляли его только под сильным давлением масс. В борьбу втягивались и железнодорожники, на которых сильное влияние оказывали реформистские организации.

Партия тесных социалистов выдвинула в конце 1918 г. ряд демократических требований: политической амнистии, суда над виновниками войны, конфискации имущества спекулянтов, возвращения военнопленных. В мае 1919 г. на XXII съезде БРСДП (тесных социалистов) партия была переименована в Болгарскую коммунистическую партию — БКП (т. с.). Единодушно принятая программная декларация ориентировала БКП на пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата. Однако съезд не подверг критике ошибочную позицию партии во время Владейского восстания; понимание необходимости союза рабочего класса с трудящимся крестьянством еще не было достигнуто³.

Болгарский пролетариат все решительнее переходил от экономических стачек к политической борьбе. 27 июля, накануне выборов

¹ См. «История Румынии 1918—1970». М., 1971, стр. 35; «Situația clasei muncitoare din România». București, 1966, p. 87.

² См. «Studii privind istoria economica a României», vol. 1. București, 1961, p. 106.

³ См. «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, стр. 208—211.

в народное собрание, коммунисты провели по всей стране массовую политическую демонстрацию. В числе требований были: «Хлеба, жилищ, работы!», «Ликвидация военного положения и цензуры!», «Рабочий контроль над фабриками!», «Социализация банков, промышленных заведений и крупного землевладения!», введение прогрессивного налогового обложения с освобождением от него малоимущих. Эта демонстрация вызвала острейший политический кризис, и власти вновь прибегли к помощи оккупационной армии Антанты. На выборах 17 августа БКП (т. с.) добилась большого успеха, собрав почти 120 тыс. голосов (18,7%) и получив в Народном собрании 47 мест.

Осенью 1919 г. стачечное движение охватило большое число предприятий и новые слои рабочих. Текстильные фабриканты Сливена и владельцы табачных предприятий Хаскова, не желая идти на уступки бастующим, объявили локаут. В Софии похороны трех убитых полицией рабочих превратились в общенародную демонстрацию. 24 декабря, в день открытия сессии Народного собрания, в Софии и других городах закрылись государственные, окружные и общинные учреждения. На улицы вышли рабочие, служащие, часть городской мелкой буржуазии. Они требовали восстановления политических свобод, улучшения положения рабочих, прекращения репрессий. Правительство ответило введением в столице осадного положения. Угроза уволить всех государственных рабочих и служащих, принявших участие в демонстрации, лишь обострила ситуацию. Началась забастовка на транспорте и в системе связи, превратившаяся 27 декабря во всеобщую. По инициативе БКП (т. с.) и революционных профсоюзов была объявлена первая в истории болгарского рабочего класса всеобщая политическая стачка солидарности, длившаяся неделю. Чтобы сломить ее, против рабочих были брошены наряду с полицией вооруженные отряды крестьянской «оранжевой гвардии», созданные лидерами БЗНС, которых искусно подталкивали на это представители буржуазной реакции. «Широкие социалисты» вели переговоры с властями за спиной забастовщиков. Прямую поддержку правительству оказала армия Антанты.

Острый кризис, грозивший перерасти в братоубийственную войну, побудил БКП(т. с.) призвать рабочих 3 января 1920 г. прекратить всеобщую забастовку. Транспортники, несмотря на аресты, избиения и убийства, бастовали 55 дней. Болгарский пролетариат вынужден был отступить. Главной причиной неудачи было отсутствие единства между рабочими и крестьянами. Не было достаточной сплоченности и в рядах самого пролетариата. Тем не менее болгарский рабочий класс показал силу своего революционного натиска и приобрел ценный опыт массовых боев ¹.

¹ См. «История Болгарской коммунистической партии», стр. 218—222; М. А. Бурман. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957, стр. 370, 378.

* * *

Рабочий класс стран Центральной и Юго-Восточной Европы проявил себя в 1918—1919 гг. как авангард национально-освободительных, демократических революций, но не сумел стать их гегемоном. Буржуазии угнетенных наций, сохранившей еще некоторые демократические потенции, удалось возглавить движения за национальную государственность и не допустить дальнейшего развития революций. Чтобы сорвать намерения пролетариата использовать массовый подъем для продолжения и углубления социальной борьбы, буржуазные круги при поддержке правых социал-демократов шли, наряду с применением жестоких репрессий, на частичные уступки рабочим, обещали крестьянам разрешить аграрный вопрос.

Рабочий класс и другие слои трудящихся, придав стачечному движению политический характер, использовав ряд новых форм и методов борьбы и организации, добились известного улучшения своего положения: сокращения рабочего дня, введения социального законодательства, укрепления позиций и прав профсоюзов. Главным же политическим итогом послеоктябрьского подъема явились укрепление положения Советской России, усиление революционного течения в рабочем движении, создание во всех странах региона боевых коммунистических партий.

СОЦИАЛЬНЫЕ БИТВЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И США

Едва закончилась мировая война, как стало очевидным, что антивоенные выступления рабочего класса были для него не самоцелью, а одним из закономерных проявлений классовой борьбы. Переход от войны к миру не ослабил ее, а усилил. Солдаты и матросы требовали скорейшей демобилизации. Рабочие не соглашались нести главную тяжесть реконверсии промышленности, требовали как минимум «справедливого распределения тягот», срочных мер против безработицы и голода, осуществления обещаний, на которые в годы войны не скупилась господствующая классы. Революционизирующее воздействие Октября и европейских революций сильно сказывалось в передовых странах капитала. Хотя классовые битвы не достигли здесь такой остроты, как в центре и на востоке Европы, размах рабочего движения далеко превзошел все довоенные масштабы.

Среди империалистических держав-победительниц лагеря Антанты самым слабым звеном была *Италия*. В стране назрел революционный кризис. Система либерально-буржуазного государства была парализована, либералы оказались неспособными управлять

по-старому¹. Буржуазии не удалось путем вовлечения страны в войну достигнуть осуществления своих внешнеполитических планов. Итальянский «империализм бедняков» обнаружил и свои внутренние слабости. Опустошение богатых северных провинций, разруха в промышленности и на транспорте, истощение сельского хозяйства, дороговизна и инфляция, массовая безработица еще более углубили экономические, социальные и политические конфликты. К тому же умножившие свои капиталы и прибыли крупнейшие фирмы («Ильва», «Ансальдо», ФИАТ) пытались переложить на плечи рабочих все бремя перехода к выпуску продукции мирного времени.

В конце 1918 г. пробудились и пришли в движение народные массы. В бурных выступлениях участвовали промышленные рабочие, железнодорожники и государственные служащие, батраки и сельскохозяйственные рабочие, безземельные и малоземельные крестьяне. Весной 1919 г. особенно упорные забастовки, в которых экономические требования переплетались с политическими, происходили в «промышленном треугольнике» (Милан — Генуя — Турин). В Милане поводом для массовой стачки стал разгон полицией митинга и убийство рабочего. В Риме всеобщая забастовка вспыхнула в знак протеста против запрещения митинга солидарности с российской и германской революциями. Ленин имел основание заметить: «Итальянские массы поняли, что такое русские «советисты», что такое программы русских «советистов» и германских спартаковцев»².

Первомайские стачки, митинги и демонстрации проходили в 1919 г. под лозунгом: «Последуем примеру России! Да здравствует социализм!» Вместе с рабочими в выступлениях участвовали служащие и инженерно-технический персонал. Стаечные бои вели сельскохозяйственные рабочие Севера, организованные в «красные лиги». Развертывалось стихийное движение крестьян Южной Италии и области Лацио, особенно среди бывших фронтовиков, которые стали занимать необрабатываемые или плохо обрабатываемые земли. По городам прокатилась волна голодных выступлений.

По официальным данным, в 1919 г. забастовок было 1871 (в 6 раз больше, чем в 1918 г.). Число их участников достигло 1 555 тыс. (увеличившись почти в 10 раз), а число потерянных человеко-дней превысило 22 млн. (почти в 25 раз больше). В промышленности 53,6%, а в сельском хозяйстве 48,6% стачек принесли бастующим победу. В первых рядах стачечников шли текстильщики, металлурги, металлисты, судостроители³.

Наибольшую организованность проявили рабочие-металлисты. 20 февраля 1919 г. входившая в ВКТ Федерация металлистов

¹ См. Н. П. Комолова. Великий Октябрь и революционный процесс в Италии. — «Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Западной Европы». М., 1978, стр. 97—98.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 518.

³ «Annuario statistico del lavoro». Roma, 1949, p. 386—387.

(ФИОМ) заключила с предпринимателями соглашение о введении 8-часового рабочего дня. В результате напряженной борьбы и другие промышленники вынуждены были пойти на эту уступку. Рабочие добивались увеличения заработной платы. Бастовали из-за этого более двух месяцев 200 тыс. металлистов Ломбардии, Эмиллии и Лигурии. Однако вырванные прибавки быстро поглощались вздорожанием жизни.

В ходе стачечной борьбы росли профсоюзы. Число членов Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) увеличилось к концу 1919 г. по сравнению с предыдущим годом в четыре раза и превысило 1 млн. Усилились также руководимое анархистами Итальянское профсоюзное объединение (ИПО) и Союз железнодорожников, часто выступавшие вместе с ВКТ. Созданная в конце 1918 г. Итальянская конфедерация трудящихся (ИКТ), объединившая «белые» (т. е. католические) профсоюзы, которые отвергали принцип классовой борьбы, насчитывала в 1920 г. около 1 млн. членов. Общее число организованных рабочих составило 3,8 млн. и было почти в 5 раз больше, чем до войны ¹.

Стремясь притушить недовольство масс, правительство ввело меры по охране труда и условий найма. Был издан декрет, закреплявший за крестьянскими кооперативами захваченные ими пустующие и необрабатываемые земли при условии вознаграждения прежних владельцев. Были снижены цены на хлеб, а также расширено избирательное право. Но в условиях послевоенной Италии эти реформы не могли уже удовлетворить революционно настроенные массы. О происшедшем сдвиге в сознании трудящихся свидетельствовали парламентские выборы в ноябре 1919 г. Традиционные буржуазные партии, потерпев серьезное поражение, утратили абсолютное большинство и получили лишь 36% мест. Католической Народной партии («пополяри»), связанной с «белыми» профсоюзами и выступавшей под лозунгом демократических реформ, досталось около 20% мандатов. Наибольшего успеха добилась Итальянская социалистическая партия (ИСП). Она собрала 1 756 тыс. голосов — в 6 раз больше, чем до войны, — и получила в парламенте более 30% депутатских мест (156 из 499) ². Это говорило о наличии благоприятных условий для дальнейшего развития революционной борьбы трудящихся масс.

Успех этой борьбы в решающей степени зависел от способности итальянских социалистов превратить рвавшийся в бой пролетариат в действительно ведущую силу нации. В марте 1919 г. руководство ИСП под влиянием максималистов, которые еще в декабре 1918 г. заявили о необходимости борьбы за социалистическую революцию

¹ См. *Д. Канделоро*. Профсоюзное движение в Италии. М., 1953, стр. 74.

² См. *«Итальянская коммунистическая партия. Краткий исторический очерк»*. М., 1951, стр. 15.

и диктатуру пролетариата, постановило порвать со II Интернационалом. Решение было подтверждено XVI съездом партии в Болонье в октябре 1919 г. В новой программе говорилось о диктатуре пролетариата и создании Советов. Резолюция, внесенная Серрати, который был не только главным редактором газеты «Аванти!», но и стал издавать журнал «Комуниسمо», выражала убеждение, что «пролетариат должен прибегнуть к насилию, чтобы оказать сопротивление насилию буржуазии и закрепить завоевания революции»¹. Вместе с тем неоднородное в идейном отношении большинство максималистов продолжало возражать против разрыва с реформистами². «Нет сомнения, — заметил в этой связи Ленин, — открытые и прикрытые оппортунисты, коих так много в итальянской партии среди парламентариев, постараются обойти решения болоньского съезда, свести их на нет. Борьба с этими течениями далеко не кончена»³.

Левое крыло партии не было единым. Наибольшим влиянием в нем пользовалась группа А. Бордиги, которая энергично требовала немедленного изгнания реформистов, пропагандировала Советы рабочих, крестьян и солдат, издавая в Неаполе газету «Совьет». Вместе с тем сторонники Бордиги именовали себя «бойкотистами-абстенционистами», требовали бойкота парламента и создания небольшой, но «чистой» партии. Группа Дженнари — Марабини — Мизiano старалась добиться единства левых в борьбе против реформизма. Усиливалось влияние группы левых социалистов, руководимой Антонио Грамши, в которую вошли Пальмиро Тольятти, Умберто Террачини, Анджело Таска и др. С 1 мая 1919 г. группа стала издавать в Турине еженедельник «Ордине нуово» («Новый строй»). В нем ставились острые теоретические и практические вопросы пролетарской борьбы, публиковались статьи Ленина, материалы Коминтерна. Группа видела в воспринятом партией понятии диктатуры пролетариата не просто революционный лозунг и общую формулу, а руководство к действию, которым следует пользоваться с учетом «драгоценного русского опыта»⁴. Она придавала большое значение роли партии как организатора масс.

Внимательно изучая положение в рабочей среде Турина, группа пришла к заключению, что в Италии зародышем рабочих Советов могут и должны стать действовавшие в годы войны на крупных предприятиях «внутренние фабрично-заводские комиссии», которые впервые возникли в 1906 г. Будучи преобразованы в фабрично-заводские комитеты или Советы, эти комиссии могли превратиться

¹ P. Spriano. Storia del Partito comunista italiano, v. 1. Torino, 1967, p. 27—30.

² См. Д. Э. Кунина. Итальянская социалистическая партия и Второй конгресс Коминтерна. — «Второй конгресс Коминтерна». М., 1972, стр. 260—264.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 257.

⁴ А. Грамши. Избранные произведения, т. I. Ордине нуово (1919—1920). М., 1957, стр. 32.

в органы, однотипные с революционными фабзавкомами в России, производственными Советами в Германии и Австрии, шоп-стюардами в Англии. В июне 1919 г. Грамши в статье «Рабочая демократия» (написанной совместно с Тольятти) предлагал развернуть в Италии борьбу под лозунгами: «Вся власть на предприятии — фабрично-заводским комитетам!» и «Вся власть в государстве — Советам рабочих и крестьян!» Выдвигая на первый план борьбу за фабрично-заводские советы, Грамши имел в виду, что в процессе этой борьбы рабочие будут сами на практике создавать «подлинную рабочую демократию». Органически связанная с соответствующими крестьянскими организациями, такая система Советов сможет стать «постоянной формой организации масс, дисциплинирует их, послужит прекрасной школой политического и административного опыта, вовлечет всех без исключения трудящихся в общественную деятельность, приучит их быть упорными и настойчивыми, рассматривать себя как армию на поле боя»¹.

В создании фабрично-заводских Советов Грамши видел «первое звено исторической цепи, которая ведет к пролетарской диктатуре и коммунизму»². При помощи этих организаций пролетариат мог приобрести необходимую для успеха революции способность к экономическому и политическому самоуправлению, подготовиться к тому, чтобы стать «исполнительной властью рабочего государства»³. Фабрично-заводские Советы должны были осуществить три задачи: рабочий контроль над производством, самоуправление трудящихся и завоевание власти⁴. С их помощью следовало создать такой государственный аппарат, который, с одной стороны, «функционировал бы демократически, т. е. обеспечивал бы всем антикапиталистическим течениям свободу деятельности и возможность войти в качестве партий в пролетарское правительство», а с другой — «был бы подобен беспощадной машине, сокрушающей органы индустриальной и политической власти капитализма»⁵.

Такое умение охватить главное, видеть завтрашний день в сегодняшнем было в то время не частым у европейских революционеров. Сам Грамши потом признавал, что некоторые его формулировки были недостаточно четкими. Но главное состояло в понимании того,

¹ А. Грамши. Указ. соч., т. I, стр. 30—32. Подробнее см.: К. Ф. Миузиано. Великая Октябрьская социалистическая революция и проблемы рабочего движения Италии в работах Антонио Грамши 1919—1920 гг.— «Новая и новейшая история», 1957, № 2; К. В. Кобылянский. Великий Октябрь и революционное движение в Италии. М., 1968.

² «L'Ordine Nuovo», 23.VIII.1919.

³ А. Gramsci. L'Ordine Nuovo 1919—1920 (Opere di Antonio Gramsci, vol. 9). Torino, 1954, p. 95.

⁴ А. Gramsci. Per la verità. Scritti 1913—1926 a cura di R. Martinelli. Roma, 1974, p. 99.

⁵ А. Gramsci. L'Ordine Nuovo, p. 59—60.

что «развитие фабрично-заводских Советов должно было привести к гегемонии рабочего класса в стране и к преобладанию пролетарских и революционных элементов в социалистической партии»¹. К сожалению, влияние группы «Ордине нуово» ограничивалось в то время Турином.

Во Франции победоносное окончание мировой войны укрепило позиции буржуазии. Военные успехи использовались ею для распространения иллюзий, будто все наболевшие вопросы будут быстро решены, разрушения восстановлены, а материальное положение народа улучшится за счет поверженной Германии. Не только мелкая буржуазия, но и часть рабочих не устояла против новой волны шовинизма. Однако иллюзии продержались недолго.

Промышленное и сельскохозяйственное производство налаживалось медленно. Рост внешнего и внутреннего долга, падение курса франка, инфляция обостряли положение. В то время как цены на продовольствие и предметы первой необходимости превысили к началу 1919 г. довоенные в 3—4 раза, заработная плата рабочих оставалась замороженной на уровне 1913 г. Значительно увеличились налоги, стремительно росла безработица, особенно среди женщин.

Весна 1919 г. принесла заметное усиление массовой борьбы. Рабочие требовали прежде всего повышения зарплаты и установления 8-часового рабочего дня. Протестуя против снижения ставок, бастовали 10 тыс. горняков Лотарингии. 29 марта 150 тыс. жителей столицы вышли на демонстрацию протеста против оправдания убийцы Жореса. В апреле прекратили работу швейники Парижа, грозили стачкой банковские служащие. Правящим кругам пришлось пойти на уступки: в марте парламент принял закон о коллективных договорах, в апреле — о 8-часовом рабочем дне, в июле — о профессиональном обучении².

Во всех крупных центрах 1 Мая было отмечено 24-часовой забастовкой. В Париже, невзирая на запрещение властей, по улицам прошли 500 тыс. манифестантов. В столкновениях с полицией были ранены сотни демонстрантов и полицейских. Вызванные солдаты братались с рабочими. 25 мая состоялось традиционное шествие на кладбище Пер-Лашез в память Парижской коммуны. Волна стачек прокатилась по всей стране. В июле забастовочное движение приобрело небывалый размах, а число его участников превысило 500 тыс. Бастовали строители и текстильщики, обувщики и служащие универмагов³. Включились в борьбу сельскохозяйственные рабочие в департаменте Сена-и-Марна. Землевладельцы вынуждены

¹ P. Togliatti. Gramsci. Milano, 1949, p. 40. Подробнее см.: И. В. Григорьева. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978.

² J. Bruhat, M. Piolat. Esquisse d'une histoire de la C. G. T. Paris, 1966, p. 87—89.

³ См. Л. П. Кожеевникова. Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1919—1920 гг. М., 1959, стр. 134—136.

были повысить зарплату и пойти на другие уступки. Официальная статистика отметила в 1919 г. максимальное до той поры число забастовок — 2206, с общим числом участников 1 160 тыс. Число забастовочных дней превысило 15 млн. На первом месте шли машиностроители и металлисты, затем строители, транспортники, шахтеры. Примерно половина стачек кончалась компромиссом, менее четверти — победой бастующих, остальные терпели неудачу. В среднем рабочие добились прибавки на дороговизну в размере 20—25 % ¹.

Развертывалась борьба французского пролетариата против интервенции в Советскую Россию. Но лидеры СФИО, публикуя революционно звучащие декларации, приняв на съезде в апреле даже резолюцию с признанием необходимости диктатуры пролетариата, на деле проявляли равнодушие к организации массовых действий, занимаясь подготовкой к парламентским выборам. Руководители ВКТ прямо противодействовали стихийным выступлениям рабочего класса.

В то время как правые и центристские руководители рабочего класса тормозили развитие его борьбы, порождая у одних разочарование, у других — протесты, буржуазные партии выступили на парламентских выборах в ноябре 1919 г. сомкнутым строем. «Национальному блоку» удалось серьезно потеснить социалистов, которые, потеряв 31 мандат, получили лишь 55 мест. Это поражение усилило внутренние разногласия в СФИО. Правые утверждали, будто «массы не готовы» к восприятию революционной программы, но это опровергалось ростом революционных настроений среди рабочих и в самой партии. В поисках формулы, приемлемой и для революционеров, и для реформистов, центристы выдвинули идею «реконструкции» II Интернационала, его «приспособления» к новым условиям. Такая политика руководства вызывала растущее недовольство в партии. Левые социалисты усиливали агитацию за разрыв партии со II Интернационалом. Крепло влияние Комитета по восстановлению международных связей, который был в мае 1919 г. переименован в Комитет III Интернационала. Росли революционные тенденции в ВКТ. Революционные синдикалисты во главе с Г. Монмуссо, А. Росмером, П. Семаром группировались вокруг газеты «Ви увриер». На Лионском конгрессе ВКТ Монмуссо прямо обвинил Жуо и его сторонников в стремлении всеми средствами «обессилить пролетариат Франции, чтобы он не смог подняться против империалистов, которые душат наших русских и венгерских революционных друзей» ².

¹ «Annuaire Statistique. Cinquante-huitième volume 1951». Paris, 1952, p. 102.

² Цит. по: Г. Ф. Баскаков. Всеобщая забастовка французских железнодорожников в мае 1920 г. — «Новая и новейшая история», 1957, № 5, стр. 28.

Буржуазия *Великобритании* умело использовала тот факт, что страна вышла из войны победительницей. Коалиционное правительство Ллойд Джорджа провело ряд реформ: отменило имущественный ценз, снизило возраст избирателей, предоставило избирательное право значительной части женщин, улучшило систему образования.

Состоявшиеся в декабре 1918 г. парламентские выборы проходили в обстановке патриотического угара. Они принесли победу объединенным силам консерваторов и либералов, получившим свыше 5 млн. голосов. Консерваторам досталось 338, либералам — 146 мест. Лейбористская партия, которая под давлением низов вынуждена была сразу же после окончания военных действий покинуть правительственную коалицию, добилась значительного успеха, собрав 2,5 млн. голосов — в 6 раз больше, чем на последних довоенных выборах. Но из-за антидемократичности избирательной системы она провела в палату общин лишь 57 депутатов¹.

Суровая действительность вскоре развеяла надежды трудящихся, классовые конфликты стали обостряться. Развертывалось забастовочное движение, носившее ярко выраженный наступательный характер. В январе 1919 г. более 100 тыс. машиностроителей шотландского промышленного района Клайда без санкции лидеров тред-юнионов, под руководством шоп-стюардов и рабочих комитетов прекратили работу. 31 января во время демонстрации рабочих на площади Джордж-сквер в Глазго произошло настоящее сражение стачечников с полицией, рабочие строили баррикады. Арестовав руководителей забастовки, власти ввели в город войска с танками и артиллерией. «Ждали восстания, — вспоминал позднее один из лидеров шоп-стюардов, Уильям Галлахер, — и восстание совершилось бы. Рабочие были готовы и способны провести его, но руководители об этом не думали... Мы все понимали важность борьбы за 40-часовую рабочую неделю, но мы не думали еще о генеральной борьбе против капитализма»². Хотя стачка вышла за пределы Клайда, правительство, поддержанное лейбористскими и профсоюзными лидерами, сорвало ее.

Готовилась к борьбе миллионная армия шахтеров. Они требовали не только повышения зарплаты и сокращения рабочего дня, но и национализации шахт и установления рабочего контроля. Правительство Ллойд Джорджа предприняло маневр: создав комиссию Сэнки, оно добилось отсрочки уже назначенной стачки, а затем сорвало ее с помощью лидеров Тройственного союза, объединявшего тред-юнионы горняков, железнодорожников и транспортников. Летом бастовали текстильщики Ланкашира, а также железнодорож-

¹ См. Р. Мулибенд. Парламентский социализм. Исследование политики лейбористской партии. М., 1964, стр. 95.

² W. Gallacher. Revolt on the Clyde. An Autobiography. London, 1949, p. 234.

ники, полицейские¹. Всего в 1919 г. в 1352 забастовках участвовало 2 591 тыс. рабочих, было потеряно почти 35 млн. человеко-дней — в 6 раз больше, чем в предыдущем году. Подавляющее большинство стачек окончилось либо полной, либо частичной победой рабочих². Более 6,2 млн. трудящихся добились повышения заработной платы и около 6,3 млн. — сокращения рабочего времени³.

Подъем рабочего движения показал настоятельную необходимость объединения различных революционных организаций, действовавших в Англии. Летом 1919 г. они начали переговоры о создании единой коммунистической партии. Наиболее значительной среди них была Британская социалистическая партия (БСП), лидеры которой — Джон Маклин, Артур Инкпин, Федор Ротштейн, Томас Белл, Уильям Галлахер, Гарри Поллит — стояли на позициях революционного марксизма и считали главной задачей «поднять рабочих Великобритании не только на защиту Советской Республики от нападений международного капитала, но и на свержение капитализма в собственной стране»⁴. Социалистическая рабочая партия (СРП) сложилась из сторонников революционного синдикализма. Ее лидеры Артур Макманус, Джон Мерфи вместе с Галлахером возглавили движение шоп-стюардов, которое включало наиболее боевых, классово сознательных рабочих, остро ненавидевших капитализм и враждебно относившихся к реформизму. Рабочая социалистическая федерация (РСФ) выросла из созданной Сильвией Панкхерст рабочей суфражистской организации. Южно-Уэльское социалистическое общество (ЮУСО) выступало за массовую революционную борьбу, возглавляемую революционными профсоюзами.

Участники переговоров придерживались общих взглядов на принципы и цели революционной организации. В то же время они расходились в стратегии и тактике, прежде всего в вопросе об отношении к лейбористской партии и парламентаризму. В то время как БСП считала вхождение в лейбористскую партию непременно условием и высказывалась за революционный парламентаризм, СРП, соглашаясь работать в парламенте, ратовала (вместе с РСФ и ЮУСО) против вступления в лейбористскую партию. В свою очередь две последние организации были решительно антипарламентаристскими. На преодоление разногласий между ними ушло более года⁵.

В это время достиг большой остроты старый антагонизм между

¹ См. *П. В. Гурович*. Подъем рабочего движения в Англии в 1918—1921 гг. М., 1956, стр. 78—84, 95—96.

² «18th Abstract of Labour Statistics», London, 1927, p. 144—145.

³ Ibid., p. 121, 129.

⁴ «The Call», 24. IV. 1919.

⁵ Подробнее см.: *J. Klugmann*. History of the Communist Party of Great Britain, vol. I. London, 1968, p. 20—38; *И. Н. Ундасинов*. Коммунисты и лейбористская партия. 1919—1923. М., 1979, стр. 39—51.

британским империализмом и народом *Ирландии* — европейской колонии Великобритании. Важным фактором его обострения стали заметный рост национального капитализма в Ирландии и консолидация национальной буржуазии. Решающей политической силой в ирландском национальном лагере долгое время была умеренная Ирландская парламентская партия, требовавшая лишь ограниченной автономии. На тех же позициях стояла влиятельная католическая церковь. Миллионная масса протестантского (англо-ирландского или шотландо-ирландского) населения на северо-востоке страны, в графствах Ольстера, выступала за сохранение колониальной унии Ирландии с Великобританией ¹.

Ирландское рабочее движение было слабым. Доиндустриальные рабочие мелких предприятий и батраки легко поддавались влиянию националистической буржуазной пропаганды и находились под воздействием революционных синдикалистов, признававших только «борьбу в экономической сфере» и «прямое действие» (стачку), оставляя буржуазии свободу действия на политической арене. Собственно индустриальный пролетариат имелся лишь в высокоразвитом промышленном Ольстере, но влияние местной буржуазии и протестантской церкви отрывало рабочих от их братьев по классу на юге Ирландии, что ослабляло освободительное движение.

Социалистические идеи имели в ирландском рабочем движении мало последователей. В то же время выступления рабочих отличались боевым, бескомпромиссным характером и побуждали националистические круги буржуазии к более решительной борьбе против британского империализма. Подавление Дублинского восстания 1916 г. усилило волю ирландцев к сопротивлению и способствовало развертыванию национально-освободительной борьбы. Большое влияние на ее участников оказала Октябрьская революция, ее борьба за мир и национальное самоопределение. Передовые ирландские рабочие увидели в Советском государстве воплощение своего идеала — «Рабочей республики». В апреле 1918 г. рабочие провели всеобщую забастовку, заставившую английское правительство отказаться от мобилизации ирландцев в армию ².

На выборах в английский парламент в декабре 1918 г. ³/₄ ирландских голосов получила выступавшая под лозунгами независимости Ирландской республики национально-буржуазная партия Шин-фейн («мы сами»). 21 января 1919 г. 29 шинфейнеров — членов английского парламента (остальные 44 находились в британских тюрьмах) — вместо того, чтобы отправиться в Лондон, собрались в Дублине и объявили себя ирландским парламентом (дойлом). Он

¹ Подробнее см.: А. Д. Колпаков. Ирландия на пути к революции. 1900—1918 гг. М., 1976.

² См. А. Н. Байкова. Война ирландского народа за свою независимость в 1919—1921 годах. — «Новая и новейшая история», 1957, № 5, стр. 103—104.

провозгласил отделение Ирландии от Англии, создание Ирландской республики, принял Декларацию независимости, потребовал вывода британских войск. В послании «К нациям мира» парламент призвал признать республику и оказать ей помощь. Президентом был избран находившийся в тюрьме Имон де Валера, лидер левого крыла Шин-фейна. Программа социальных реформ, выдвинутая парламентом и правительством, была, однако, весьма умеренной. Шинфейнеры не призвали народ встать на защиту республики¹.

Застрельщиком революционной освободительной войны за полную независимость Ирландии выступал рабочий класс. В январе — феврале 1919 г. бастовали рабочие Белфаста, выдвинувшие экономические требования, в апреле в Лимерике была проведена всеобщая политическая стачка против введенного английскими войсками военного положения. Летом 1919 г. военизированные подразделения Ирландской республиканской армии (ИРА) развернули активную партизанскую борьбу против полиции и дислоцированных в стране британских войск. Так в Ирландии началась национально-освободительная, антиимпериалистическая революция.

В *Соединенных Штатах Америки* рабочий класс после окончания войны заметно усилил борьбу за улучшение условий жизни и труда. Обострение социальных контрастов, рост эксплуатации, безработицы и дороговизны в соединении с воздействием революционных событий в России и в Западной Европе стали источником новых классовых столкновений. Несмотря на противодействие профбюрократии, стремительно росло стачечное движение. В 1919 г. произошло 3630 забастовок с числом участников 4 160 тыс., т. е. 20,8% к числу занятых (в 1917 и 1918 гг. — около 6%)². Нередко стачечники выдвигали требования и лозунги, выходящие за рамки традиционных: участия рабочих в решении вопросов режима и организации труда, приема на работу и увольнений, назначения мастеров, рационализации. Как правило, такие требования рабочего контроля над производством выдвигали стихийно возникшие во многих местах цеховые комитеты.

В начале 1919 г. по стране прокатилась волна всеобщих забастовок. В январе прекратили работу судостроители порта Сиэтл (штат Вашингтон), требуя повышения зарплаты, 8-часового рабочего дня и 44-часовой рабочей недели. Их поддерживали рабочие других профессий. Стачка охватила 60 тыс. человек, а с 6 февраля стала общегородской. Руководил ею Комитет всеобщей забастовки, который иногда называли «Советом». Город был фактически в его руках: ему приходилось решать вопросы водоснабжения, освещения, обес-

¹ См. А. Д. Колпаков. Ирландия — остров мятежный. М., 1965, стр. 37—38; «История Ирландии». М., 1980.

² См. «Analysis of Works Stoppages During 1950». Washington, 1950, p. 2; «Historical Statistics of the United States, 1789—1945». Washington, 1949, p. 73.

печения больниц, организации питательного пункта, поддержания общественного порядка и т. п.¹

Боевой дух рабочих Сиэтла поддерживало сознание необходимости объединения усилий против капитала. Большую роль в организации борьбы сыграла газета «Юнион рекорд» — орган Центрального городского совета профсоюзов, много писавшая о революционных свершениях российского пролетариата². Накануне стачки было распространено 20 тыс. экземпляров обращения «Россия указывает нам путь», в котором содержался призыв установить «подлинный рабочий контроль и самоуправление» в сфере производства и распределения материальных благ³. Борьба рабочих Сиэтла благодаря ее массовости, организованности и стремлению участников выйти за рамки экономических требований приобрела политическое значение. Обеспокоенные этим правительство, конгресс и деятели АФТ оказали на руководителей стачки сильное давление. 11 февраля она была прекращена, хотя 35 тыс. судостроителей бастовали еще почти месяц. Многие рабочие и профсоюзные активисты были арестованы.

Упорный характер носила борьба сталелитейщиков против одной из самых могущественных монополий США — Стального треста, который в течение многих лет препятствовал созданию профсоюзов. Среди организаторов борьбы был молодой рабочий Уильям Фостер, ранее участвовавший в образовании крупных профсоюзов в мясоконсервной и сталелитейной промышленности⁴. Стачка металлургов, которой руководил Национальный комитет в Чикаго, объединивший представителей профсоюзов сталелитейщиков, горняков, кочегаров, машинистов⁵, началась в конце сентября 1919 г. и охватила 70 промышленных центров страны. В ней участвовали 365 тыс. рабочих — почти 90% работавших в этой отрасли. Главными требованиями были повышение зарплат и признание профсоюзов. Пресса стала кричать о «приближении революции», уверяла, что стачка — «работа чужестранцев». Правительство пыталось подавить забастовку силой. В штате Пенсильвания происходили кровавые столкновения рабочих с полицией и бандитами, нанятыми компанией. Конференция, созванная Национальным комитетом в январе

¹ См. *H. O'Connor. Revolution in Seattle. A Memory. New York, 1964*; *R. L. Friedheim. The Seattle General Strike. Seattle, 1964*.

² См. *С. А. Ованесьян. Подъем рабочего движения в США в 1919—1921 гг. М., 1961, стр. 74*.

³ См. «*Wisconsin State Historical Society Library. American Federation of Labor Papers, President's Office, General Correspondence, 1919*». Box 35, Folder 6.

⁴ См. *У. З. Фостер. Закат мирового капитализма. М., 1951, стр. 79—80*.

⁵ См. *А. Бумба. История американского рабочего класса. М., 1930, стр. 207*.

1920 г., была вынуждена заявить о прекращении стачки, так как руководитель АФТ С. Гомперс и лидеры цеховых профсоюзов отказали бастующим в помощи. Не проявили достаточной солидарности с бастующими сталелитейщиками и профсоюзы шахтеров и железнодорожников. Хотя эта забастовка также окончилась неудачей, она стала важным событием в рабочем движении США.

Во время стачек шахтеров летом и осенью 1919 г. рабочие выдвинули требование национализации угольной промышленности. Резолюция о передаче собственности шахтовладельцев «под демократический контроль» была единогласно поддержана съездом Объединенного союза горняков¹. Во всеобщей стачке в ноябре 1919 г. участвовало свыше 400 тыс. шахтеров. Забастовщики требовали повышения заработной платы на 60%, 30-часовой рабочей недели, введения дополнительной оплаты сверхурочных работ. Хотя федеральный суд объявил стачку незаконной, а Гомперс и другие профсоюзные лидеры добивались ее прекращения, она закончилась только 7 января 1920 г. компромиссным соглашением о повышении заработной платы на 14%².

Профсоюзы железнодорожных рабочих (1,5 млн. членов) выступили с требованием национализации железных дорог, которое было затем внесено в конгресс США («план Пламба»). План был поддержан другими профсоюзами, входившими в АФТ (несмотря на протесты Гомперса). 90% рабочих-железнодорожников высказались за всеобщую забастовку, в защиту требования национализации. Агитация за национализацию продолжалась и после того, как «план Пламба» был отвергнут конгрессом³.

Разочарование пролетариата в политике буржуазных партий, а также «политизация» экономической борьбы вызвали движение в профсоюзах за самостоятельные политические действия, за создание независимой рабочей партии. В конце 1918 г. идею такой партии выдвинула Чикагская федерация труда (филиал АФТ), выступившая с программой из 14 пунктов, которая носила антимонополистический характер и предусматривала важные социально-экономические преобразования: национализацию железных дорог, телеграфа, коммунальных предприятий, элеваторов, природных ресурсов; введение «демократического контроля» во всех остальных отраслях промышленности и торговли; установление 8-часового рабочего дня, минимального уровня заработной платы; признание за рабочими права на объединение в профсоюзы и заключение коллективных догово-

¹ См. *Н. В. Курков*. Борьба американских шахтеров. 1929—1939 гг. М., 1971, стр. 39.

² Часть рабочих бастовала до 31 марта и добилась повышения заработной платы на 27%.

³ См. *В. Л. Мальков*. Великий Октябрь и рабочее движение в США (1917—1922 гг.).— «Американский ежегодник. 1978». М., 1978, стр. 26—27.

ров; создание государственной системы социального страхования; организацию общественных работ для ликвидации безработицы; восстановление свободы слова, собраний, печати и освобождение политических заключенных.

Противопоставляя эту демократическую платформу прогрессивного рабочего движения демагогической «программе мира», изложенной в «14 пунктах» президента Вильсона, руководство Чикагской федерации предложило создать Лигу рабочих всех наций, чтобы добиться ликвидации автократии и милитаризма и осуществить всеобщее разоружение¹. Хотя некоторые пункты программы отражали наивную веру рабочих в возможность решения острых социальных проблем при помощи парламентских актов, она стала платформой, на которой осенью 1919 г. была создана Рабочая партия Америки (с центром в Чикаго), преобразованная в следующем году в Рабоче-фермерскую партию.

В условиях общего подъема рабочего движения весной 1919 г. левое крыло Социалистической партии Америки встало на путь создания самостоятельной организации. Джон Рид, Чарлз Рутенберг, Альфред Вагенкнехт и другие левые социалисты выпустили манифест, а вскоре начали издавать в Нью-Йорке газету «Коммюнист». Манифест и программа, выдвигавшие идею рабочих Советов и рабочего контроля над производством, распространялись в Филадельфии, Кливленде и других центрах. Левые провели в ряде крупных городов самостоятельный референдум среди членов партии, давший им большинство. В ответ Исполком СПА исключил из партии 7 из 12 национальных секций (русскую, украинскую, венгерскую и др.), а также ряд окружных организаций — более половины членов партии. Это поставило левых, собравшихся на конференцию в Нью-Йорке в июне 1919 г., перед дилеммой: создавать ли собственную партию или же попытаться овладеть руководством СПА?

30 августа 1919 г. на съезде СПА в Чикаго левым не удалось повести за собой большинство партии. Правые и центристы изгнали их представителей с помощью полиции. В этот момент в среде самих левых обострились тактические споры, и в результате в начале сентября в США образовались две партии: Коммунистическая партия Америки (КПА) во главе с Рутенбергом, состоявшая преимущественно из национальных федераций, и Коммунистическая рабочая партия Америки (КРПА) во главе с Ридом и Вагенкнехтом, в которой преобладали «коренные» американцы. Принципиальных разногласий между ними не было, но расхождения по вопросам тактики длительное время мешали достижению единства, а левосектантские построения затрудняли их связи с массами².

¹ См. *Е. Ф. Языков*. Фермерское движение в США (1918—1929 гг.). М., 1974, стр. 70.

² См. *П. С. Петров*. Возникновение Коммунистической партии США и ее борьба за легализацию. М., 1971, стр. 188—199.

Власти обрушили на обе партии жестокие репрессии, вынудив их уйти в подполье. Истерическая кампания реакционных кругов против «красных» и радикалов сузила агитационные возможности передовых сил рабочего движения, ослабила его профсоюзные организации. Правительство спешно провело через конгресс антирабочее и антидемократическое законодательство. Все это было, по словам У. Фостера, результатом того, что «крупные монополисты США достигли небывалой власти как над промышленностью, так и над политической жизнью США»¹.

В странах, не участвовавших в первой мировой войне, вызванные ею потрясения также привели к значительному росту активности рабочего класса. Он решительнее, чем прежде, отстаивал свои интересы, а в ряде стран под влиянием идей Октября и революций в центре Европы поднялся на самостоятельные политические выступления.

Бурно развивались события в нейтральных *Нидерландах*, где в октябре 1918 г. начались волнения среди солдат. Известия о начале революции в соседней Германии всколыхнули рабочий класс. В Амстердаме, Роттердаме и других городах рабочие союзы и «союзы мобилизованных солдат» (солдатские Советы) требовали проведения социально-экономических преобразований.

Правоклерикальное правительство, охваченное паникой, распорядилось забаррикадировать общественные здания мешками с песком, поручило патрулировать улицы войскам, отдало приказ разоружить моряков и привести в негодность военные суда. Оно согласилось рассмотреть требования трудящихся, а влиятельная газета «Де телеграф» объявила даже о своей готовности «поддержать революцию на определенных условиях». Тем временем реакционные круги мобилизовали свои силы: был призван «добровольный ландштурм», формировались отряды «гражданского ополчения». От Великобритании было получено заверение, что переговоры о поставках продовольствия будут вестись только с представителями «королевского нидерландского правительства»².

Свидетельством радикализации масс было поведение лидера реформистской Социал-демократической рабочей партии Нидерландов (СДРПН) П. Трульстры, который всю войну ратовал за «гражданский мир». На митинге в Роттердаме 11 ноября он заявил о необходимости пролетарской революции, о том, что в ближайшем будущем рабочий класс должен будет взять власть в свои руки³. На следующий день он повторил свою угрозу с трибуны парламента. Это поз-

¹ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1955, стр. 504.

² См. П. J. Scheffer. November 1918. Journal van een revolutie die niet doorging. Amsterdam, 1968, blz. 133—134, 173—286.

³ Ibid., blz. 99.

волило СДРПН и близкой к ней Нидерландской федерации профсоюзов (НФП) встать во главе стихийно развертывавшегося движения.

13 ноября в Амстердаме состоялся массовый митинг рабочих, солдат и матросов, на котором выступали ветеран рабочего движения Домела Ньювенгейс, левые лидеры Давид Вайнкоп и Генриетта Роланд-Гольст. Когда участники митинга двинулись по городу, полиция и правительственные войска открыли огонь по безоружным демонстрантам. Было убито 5 человек и около 20 ранено. Солдаты не поддерживали рабочих. Левая Социал-демократическая партия Нидерландов («трибунисты»), выступавшая с 1909 г. как партия марксистов-революционеров, призвала к всеобщей забастовке. Но влияние партии в 1918 г. (она насчитывала 1089 членов, а газета «Де трибуне» выходила тиражом 4500 экз.) было недостаточным, чтобы придать стачке массовый характер. На съездах СДРПН и НФП, проходивших 16—17 ноября, реформистские лидеры, чтобы отвлечь массы от самостоятельных действий, выдвинули программу частичных требований, включавшую немедленную демобилизацию и улучшение условий труда ¹.

«Красная неделя» в Нидерландах не выросла в революцию. Трульстра и его соратники сумели в критический момент спасти власть буржуазии. Позднее Трульстра похвалялся, что если бы не выступил «революционно», то «наиболее энергичные элементы среди социал-демократических рабочих встали бы на путь большевизма» ². Ленин отметил, что вожди сумели успокоить рабочих «реформами и еще больше обещаниями реформ, «пламенными воззваниями» и революционными фразами... и надули их» ³.

Тем не менее буржуазия вынуждена была весной 1919 г. ввести 45-часовую рабочую неделю, запретить труд подростков, улучшить условия социального страхования, предоставить избирательное право женщинам. Но стачечное движение продолжалось. В этом году произошло 649 забастовок (вдвое больше, чем в предыдущем), хотя число их участников составило всего 61 тыс. человек ⁴. В период подъема НФП и СДРПН приспосабливались к радикализации масс. Партия декларировала даже возможность «завоевания власти средствами, не предусмотренными законами», и учреждения «социал-демократического государства» ⁵. С отливом движения все эти фразы были выброшены за борт.

¹ H. J. Scheffer. Op. cit., blz. 200—218.

² См. P. J. Troelstra. De Revolutie en de SDAP. Amsterdam, 1919; Г. Г. Бауман. Рабочее и социалистическое движение в Нидерландах. Ростов-на-Дону, 1975, стр. 73—77.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 193.

⁴ «Jaarcijfers voor het Koninkrijk der Nederland, 1920». S'Gravenhage, 1921, blz. 88—89.

⁵ P. J. Troelstra. Op. cit., blz. 111.

Только СДПН («трибунисты»), которая в ноябре 1918 г. была переименована в коммунистическую, продолжала революционную борьбу. Однако многие ее руководители, имевшие немалые революционные заслуги перед голландским и немецким рабочим движением, издавна грешили «левизной», и вскоре их левосектантские установки серьезно подрывали влияние партии в массах.

К ноябрю 1918 г. резко обострились экономическое положение и политическая ситуация в *Швейцарии*. Буржуазное правительство было серьезно обеспокоено намерением рабочих организаций отпраздновать первую годовщину Октябрьской революции, которая совпала с началом революции в Германии. Еще накануне в Цюрих были введены надежные воинские части, которые не были, по мнению властей, «заражены большевизмом и солдатскими союзами». По согласованию с державами Антанты 8 ноября было объявлено о предстоящей высылке из страны советской дипломатической миссии. Это лишь усилило возмущение рабочих.

9 ноября в 19 городах Швейцарии состоялась 24-часовая всеобщая забастовка протеста против провокационной мобилизации войск. В Цюрихе, где безоружные рабочие столкнулись с войсками, Рабочий союз призвал на следующий день провести митинг, чтобы выразить «свою солидарность с победоносной социалистической революцией», заявив, что забастовка будет продолжаться до полного удовлетворения всех политических и экономических требований рабочих, в том числе отмены высылки советской миссии. На площади собралось 15—20 тыс. человек. Они были окружены пехотой, которая открыла огонь по демонстрантам, а кавалерия стала разгонять их саблями; было много раненых. В ночь на 12 ноября началась всеобщая национальная забастовка, в которой приняло участие от 300 до 400 тыс. рабочих¹.

Созданный еще в начале 1918 г. Социал-демократической партией Швейцарии (СДПШ) и Объединением швейцарских профсоюзов так называемый Ольтенский комитет выдвинул программу требований, включавших демократизацию избирательной системы, введение 48-часовой рабочей недели, социального страхования, обеспечение населения продовольствием². Забастовка парализовала всю экономическую жизнь страны, выходили только рабочие газеты. «Фольксрехт» призывала: «Выдержать до конца!», указывая, что успеху благоприятствуют революции в Германии и Австрии, выступления рабочих во Франции, движение пролетариев Голландии, а

¹ Подробнее см.: М. Я. Домнич. Первая всеобщая политическая забастовка в Швейцарии. — «Новая и новейшая история», 1959, № 1, стр. 47—63; C. Frey. La grève générale de 1918. Genève, 1968.

² См. H. Egger. Die Entstehung der Kommunistischen Partei und des Kommunistischen Jugendverbandes der Schweiz. Zürich, 1952, S. 130—133.

главное — торжество русской революции¹. Металлисты Цюриха по инициативе коммунистической группы, созданной Фрицем Платтенем и Якобом Герцогом, образовали рабочий Совет.

Власти ответили мобилизацией войск и железнодорожников, угрозами государственным служащим, военной цензурой и призывом «гражданской гвардии». В Базеле, Женева, Цюрихе, Гранже произошли столкновения рабочих с полицией и войсками. Тем временем Ольтенский комитет согласился на переговоры с правительством, которое в Берне и Цюрихе ввело войска в помещения рабочих организаций и издательств. За спиной масс, полных решимости продолжать борьбу, Комитет распорядился прекратить стачку в ночь на 15 ноября под предлогом, что не хочет «поставить беззащитные массы под пулеметы противника»². Эта капитуляция была воспринята рабочими как величайшее предательство. В Цюрихе и других городах рабочие бастовали еще несколько дней. Срыв забастовки, вошедшей в историю под названием «великая стачка», вызвал у швейцарских рабочих разочарование не только в своих вождях, но и в своих организациях. Выступлений подобного масштаба страна с тех пор больше не знала³.

В феврале 1919 г. состоялся съезд СДПШ, на котором обсуждался вопрос об отношении к созыву в Берне конференции II Интернационала. О том, что боевой дух швейцарских рабочих не был сломлен, говорило голосование центристов во главе с Робертом Гриммом за резолюцию левых, внесенную Платтенем. Она отклоняла участие партии в возрождении реформистского Интернационала, приветствовала революции в России и Германии. Лишь в сентябре 1919 г. оппортунистическому руководству СДПШ удалось снова склонить большинство партии на свою сторону⁴.

Как только в ноябре 1918 г. германские войска начали покидать территорию *Люксембурга*, в стране стихийно возникли рабочие Советы, которые взяли в свои руки управление предприятиями и явочным порядком ввели 8-часовой рабочий день на шахтах, в металлургической промышленности и в железнодорожных мастерских, стали смещать ненавистных ставленников оккупационных властей на предприятиях. Правительству пришлось признать уже созданные производственные комитеты и 8-часовой рабочий день⁵.

Одновременно развернулось республиканское движение, во главе которого встало левое крыло Социалистической партии. Великая герцогиня Мария-Адельгейд восстановила против себя население

¹ См. «*Volksrecht*», 12.XI. 1918.

² «*La Sentinelle*», 15.XI. 1918.

³ См. *Н. Egger*. Op. cit., S. 137; *М. Я. Домнич*. Указ. соч., стр. 58—62; *Г. П. Драгунов*. Швейцария: история и современность. М., 1978, стр. 31—32.

⁴ См. *Н. Egger*. Op. cit., S. 141, 189—192, 199—200.

⁵ См. *Ж. Килье*. Тысячелетний Люксембург. М., 1965, стр. 206.

ние как своими симпатиями к кайзеровской Германии, так и попытками в обход конституции привести к власти клерикальную партию. Движение достигло кульминации, когда в конце декабря 1918 — начале января 1919 г. к нему примкнули вооруженные силы Люксембурга («добровольческая рота»), захватившие казармы. Правительство оказалось в изоляции. Из числа левых депутатов был создан Комитет общественного спасения, который занял здание парламента и провозгласил республику. Однако находившиеся в Люксембурге с конца ноября французские войска подавили выступление республиканцев. Новые оккупационные власти были заинтересованы в отстранении от власти германофильски настроенной великой герцогини, но не в победе революции. После того как Мария-Адельгейд отреклась от престола в пользу сестры, французские солдаты изгнали из палаты членов Комитета общественного спасения. Тем не менее революционно-демократическая борьба не была безрезультатной. Принятая в 1919 г. конституция ввела всеобщее избирательное право, пропорциональную избирательную систему и референдум — важные демократические завоевания люксембургского народа ¹.

В нейтральной *Испании* окончание войны привело к общему сокращению производства, падению внешней торговли. Росли безработица и инфляция. Рабочий класс искал выход из тяжелого положения, усиливая борьбу против эксплуатации. Рабочие различных политических взглядов приветствовали победу Октябрьской революции, а Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда (НКТ) выступили против империалистической блокады Советской России, срывая попытки Антанты вовлечь Испанию в интервенцию. В начале 1919 г. главным центром забастовочной борьбы стала промышленная столица Испании — Барселона. 24 марта по призыву НКТ здесь была объявлена всеобщая забастовка ². Усиление стачечного движения (в 1919 г., по официальным данным, было 895 забастовок против 463 в 1918 г., а число участников достигло 178 тыс.) ³ заставило правительство издать закон о 8-часовом рабочем дне, ввести страхование по старости для рабочих и служащих, пособия по безработице.

В *Португалии* к концу 1918 г. реакционный режим Сидониу Паиша дискредитировал себя в глазах широких масс трудящихся. Особенно острое столкновение между правительством и рабочими организациями произошло в ходе объявленной Национальным рабочим союзом (объединением португальских профсоюзов) всеобщей забастовки. Были брошены в тюрьму или высланы в африканские

¹ См. Ж. Килье. Указ. соч., стр. 213—216.

² См. Х. Гарсиа. Испания XX века. М., 1967, стр. 69—70.

³ «Anuario estadístico de España. Año 1931». Madrid, 1933, p. 83.

колонии многие профсоюзные активисты, главным образом железнодорожники и сельскохозяйственные рабочие. Но, несмотря на неудачу, забастовка способствовала падению диктатуры Паиша. Решающую роль сыграли рабочие и в отражении монархического путча зимой 1919 г. Массовые демонстрации в Лиссабоне, непосредственное участие рабочих батальонов в боях с монархистами предотвратили восстановление монархии и на время спасли буржуазную демократию¹. Представитель Социалистической партии впервые вошел в коалиционное правительство, которое пользовалось поддержкой всех партий, выступавших за республику. Но влияние социалистов среди португальских рабочих оставалось незначительным. Сильнее были позиции анархо-синдикалистского Национального рабочего союза, в 1919 г. преобразованного во Всеобщую конфедерацию труда.

После окончания мировой войны в Скандинавии сложилась напряженная обстановка. Всеобщую забастовку в Швеции сумели предотвратить правые социал-демократы. В Дании в ноябре было срочно создано министерство социальной политики во главе с лидером социал-демократии Торвальдом Стаунигом, который с 1916 г. входил в коалиционный кабинет.

В 1919 г. стачечная борьба во всех трех странах заметно усилилась. В результате массовых выступлений трудящиеся Скандинавии добились некоторых экономических и политических результатов. Был установлен 8-часовой рабочий день. В Швеции было введено принудительное страхование от несчастных случаев на производстве за счет предпринимателей. В Норвегии трудящиеся получили двухнедельный отпуск. В Дании закон бесплатно передавал землю безземельным крестьянам для ведения хозяйства на условиях государственной аренды.

Значительно изменилась избирательная система. В Швеции по новому закону было введено всеобщее избирательное право. Реформа демократизировала выборы в обе палаты риксдага, однако сохранила имущественный ценз для депутатов первой палаты и даже повысила возрастной ценз на коммунальных выборах. В Норвегии в 1919 г. мажоритарная система была заменена ограниченно пропорциональной; был незначительно снижен возрастной ценз, увеличено число депутатов стортинга. В Дании судебная реформа отделила судебную власть от исполнительной, ввела суд присяжных для тяжких преступлений и принципиальную гласность судопроизводства.

Продолжалось организационное становление революционного крыла в социалистическом движении Скандинавии. В июне 1919 г. Норвежская рабочая партия во главе с Мартином Транмелем заявила о своем переходе на революционные позиции.

¹ См. А. Vieira. Para a história do sindicalismo em Portugal. Lisboa, 1974, p. 135—140.

Радикальные деятели шведского профсоюзного движения решили объединить левую оппозицию и основали в сентябре Союз профессиональной пропаганды. Он развернул работу внутри реформистских профсоюзов и среди безработных с целью «сплочения на революционно-социалистической основе всех профессионально-организованных рабочих Швеции в единую, охватывающую всю страну крепкую, боевую организацию»¹. В ноябре Социалистическая рабочая партия Дании (Герсон Трир, Мария Нильсен, Мартин Андерсен-Нексе), слившись с большинством Социал-демократического союза молодежи, образовала Левую социалистическую партию Дании.

* * *

Послевоенный революционный подъем в развитых странах капитализма не привел в 1918—1919 гг. к убедительным победам пролетариата. Хотя в некоторых странах сложилась революционная ситуация, а борьба рабочего класса носила весьма напряженный характер, правящие классы, подчас серьезно опасавшиеся за свою власть, сумели ее удержать. Трудящимся удалось добиться лишь частичных успехов: большей или меньшей демократизации политического строя, расширения избирательного права, 8-часового рабочего дня, введения или улучшения социального законодательства. В рабочем движении ослабело влияние реформистских лидеров, пытавшихся затормозить и ограничить революционные действия рабочего класса. Во многих странах стали складываться боевые революционные группы и организации, стремившиеся способствовать всемерному развитию классовых битв; возникли первые коммунистические партии.

Несмотря на поражения передовых отрядов, революционные потенции западноевропейского и американского пролетариата в 1919 г. далеко еще не были израсходованы. Рабочий класс, залечивая полученные раны, стремился к продолжению начатой борьбы, собиравшись с силами для дальнейшего наступления на твердыни капитализма. Он был преисполнен решимости стойко защищать добытые в упорных боях завоевания, и прежде всего отстоять существование Советской России — первой страны, где рабочие при поддержке крестьянских масс не только взяли в свои руки власть, но и героически обороняли ее от натиска многочисленных врагов.

¹ Цит. по: *E. Andersson. Vad vill fackliga propaganda forbundet?* Stockholm, 1921, s. 2.

ДВА КУРСА В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

РАЗМЕЖЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ С РЕФОРМИСТАМИ

Октябрьская революция была самым ярким проявлением обострения общего кризиса капитализма, начавшегося в годы первой мировой империалистической войны. Произошли предсказанные В. И. Лениным «невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные»¹, которые он позднее охарактеризовал как «гигантское обострение *в с е х* капиталистических противоречий» и мировой революционный кризис².

В обстановке революционных выступлений международного пролетариата и угнетенных народов, начавшейся ломки старого мира особенно пагубно сказывалось то, что во многих странах рабочий класс не имел подлинного революционного руководства. Большинство партий потерпевшего крушение II Интернационала, выступавших в годы войны с позиций социал-шовинизма, в революционных условиях встало на путь противодействия как пролетарской власти в России, так и развитию революционной пролетарской борьбы в своих странах. Центристское течение, создавшее самостоятельные партии или пришедшее к руководству в ряде старых социал-демократических партий, проводило политику соглашательства с буржуазией и правосоциалистическими лидерами на платформе социал-реформизма.

Еще в довоенное время реформистские тенденции, взявшие верх в большинстве партий II Интернационала, ослабляли рабочее движение и вносили в него раскол. В условиях войны социал-шовинизм и политика «классового мира» не только в международном плане разделили социал-демократов воюющих группировок на два враждебных лагеря, но и углубили внутреннюю борьбу в каждой из национальных партий. Попытки центристов сгладить разногласия тормозили усиление революционной тенденции в рабочем движении, но не могли ее заглушить, ибо в основе ее лежали объективные потребности исторического развития.

О могучей жизненной силе революционной тенденции в движении рабочего класса, о росте ее возможностей свидетельствовали прежде всего победа Октября и рождение в России новой общественной системы, противостоящей капитализму. Нарастание этой

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 13.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 202—203.

тенденции проявилось также в революционном взрыве, происшедшем в центре Европы, который реформисты тщетно пытались предотвратить, а когда это не удалось, сделали все, чтобы ослабить его. Да и в тех странах, где подъем пролетарской борьбы не вылился в революции, массы трудящихся, как было показано выше, поднялись на революционные действия, направленные против существующего строя и вынуждавшие правящие круги идти на те или иные уступки.

Империалистическая буржуазия приложила максимум усилий, чтобы подавить революционную тенденцию в рабочем движении. В Германии уже через два месяца после начала революции силы реакции сумели нанести революционному авангарду тяжелый удар и сделали это в значительной мере руками правых социал-демократических лидеров, среди которых наиболее зловещей (хотя отнюдь не одинокой) фигурой был палач немецких рабочих Носке. Деятели этого типа, хоть и именovali себя реформистами, на деле таковыми уже не были. Заняв место в рядах контрреволюции, они добровольно взяли на себя роль организаторов самой ожесточенной борьбы против революции и революционного движения. Осуществляя те или иные политические и социальные реформы, они брались за них отнюдь не потому, что желали преобразований, а лишь когда их вынуждала к этому борьба масс. Но и уступая их требованиям, эти лидеры старались обмануть трудящихся, расколоть их ряды, предотвратить не только свержение капиталистического строя, но и существенное ограничение власти империалистов и милитаристов.

Социал-реформистами в традиционном смысле стали в известной мере те центристские лидеры типа Каутского и Отто Бауэра, которые некогда были или считались революционерами. Они издавна умели маскировать свой реформизм набором цитат из работ основоположников марксизма, заверениями в «ортодоксии», применением радикальной и революционной фразеологии. Но одно дело реформизм в полосу сравнительно «мирного» развития капитализма, совсем другое — в обстановке, когда началась новая историческая эпоха, эра социалистической революции. Центристы продолжали его защищать и в тот исторический момент, «когда буржуазный реформизм во всем мире потерпел крах и когда война создала революционную ситуацию»¹. Более того, они пытались задержать слишком стремительный ход истории, им все еще виделась некая «мирная» и «организованная» революция, тогда как реальная революция, вырвавшаяся в условиях, созданных четырехлетней мировой империалистической войной, неизбежно несла на себе ее отпечаток. В страхе перед революцией реформисты отшатнулись, перебежали в лагерь противников, дошли до отрицания или игнорирования той истины, что, как свидетельствовал весь предшествующий исторический опыт,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 492.

«в эпоху революции классовая борьба неминуемо и неизбежно принимала всегда и во всех странах форму *гражданской войны*»¹.

Реформистов всегда отличало от пролетарских революционеров желание уклониться от решительной и смелой борьбы за власть, надежда, что власть сама свалится им в руки. А раз так, то и не будет нужды ломать старое буржуазное государство, создавать на его развалинах государство принципиально новое, пролетарское, с напряжением всех сил подавлять неизбежное сопротивление свергнутых эксплуататоров. В условиях, когда революции в Европе начались и власть в ряде стран действительно оказалась в руках социал-реформистов, они ощутили себя в роли, как выразился Ф. Эберт, опекуна «обанкротившегося старого режима» и, ничего не сделав для разрушения этого строя, поспешили возратить страну «на путь законности»². Так же поступили и австрийские социал-демократы, которые не пожелали или побоялись использовать имевшиеся возможности для создания подлинно пролетарской власти³.

Внимательно наблюдая за развитием революций в Европе, Ленин отметил, что, когда они начались, буржуазия сочла особенно необходимым ради спасения своей власти скрывать от народа истинный характер государства, как диктатуры эксплуататоров. А Шейдеманн и Каутские, Аустерлицы и Реннеры (можно добавить: Ф. Адлеры и Бауэры) старались изо всех сил изобразить это государство «общенародной властью», демократией «вообще» или «чистой демократией». Но говорить так, продолжал Ленин, в то время когда «рабочие и все трудящиеся голодны, раздеты, разорены, измучены не только капиталистическим наемным рабством, но и 4-летней грабительской войной, а капиталисты и спекулянты продолжают владеть своей награбленной «собственностью» и «готовым» аппаратом государственной власти, это значит издеваться над трудящимися и эксплуатируемыми». Это наглядное доказательство перехода социал-демократии в тот решительный момент, когда ее поведение во многом определяло судьбу революции, от «классовой борьбы и свержения ига буржуазии на позиции соглашения пролетариата с буржуазией, на позицию «социального мира» или примирения эксплуататоров с эксплуатируемыми»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 57. Этот вывод из опыта революций прошлого Ленин относил к революционной эпохе, породившей революционную ситуацию. Переносить его на все времена и на иные условия было бы неверно. Последующий исторический опыт показал, что революция возможна и без гражданской войны. См. об этом ниже, стр. 264, 272.

² Цит. по: Я. С. Драбкин. Становление Веймарской республики. М., 1978, стр. 44.

³ См. О. Бауэр. Австрийская революция 1918 года. М.—Л., 1925, стр. 123—125.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 389—390, 392.

Проповедь реформ и защита буржуазной демократии в условиях, когда массы в Европе продолжали рваться в бой, были пагубными не только для социалистической революции, но и для скольконибудь радикальных общедемократических преобразований, даже не выходявших за рамки капиталистического строя. Это наглядно демонстрировали прежде всего события в Германии и Австрии. Так, фальшивые маневры вокруг лозунга «социализации» (в которых непосредственно участвовали Каутский и Бауэр), как и вокруг создававшихся тогда буржуазно-демократических конституций, во многом способствовали спасению буржуазных режимов. Все лицемерие «демократической законности» особенно зримо проявилось в злодейском убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург. Оно показало, говорил Ленин, что «демократия» в Германии лишь «прикрытие буржуазного грабежа и самого дикого насилия», лишь свобода «безпаказанно убивать арестованных вождей пролетариата», лишь проявление развязанной буржуазией бешеной гражданской войны, от которой пытались «отговориться» реформисты¹.

Революционные группы и организации (как остававшиеся в рамках старых социал-демократических или центристских партий, так и те, кто, стоя вне их, не сумел увлечь за собой массы трудящихся) вынесли из борьбы серьезный урок: идейной самостоятельности революционеров недостаточно, необходимо *организационное размежевание*, притом не только с правыми социал-демократами, но и с центристами. Все попытки осуществить революционный курс в рамках одной с оппортунистами организации неизменно терпели неудачу.

Поэтому сплочение революционных сил рабочего движения и образование революционных рабочих партий было вовсе не произвольным действием «раскольников», а закономерным и необходимым процессом, в котором выражались как преемственность по отношению к революционному наследию прошлого, так и качественно новые черты рабочего движения на этапе, связанном с первым прорывом цепи империализма и началом перехода к социализму. Процесс этот протекал непросто, наталкивался на немалые трудности, существенно различаясь в разных странах.

В Финляндии левые социал-демократы создали компартию уже после поражения революции. В Германии партия сложилась вокруг «Союза Спартака», порвавшего с Независимой социал-демократической партией, и групп леворадикалов, не входивших в НСДПГ, в самый разгар боев. В Австрии под знаменем коммунизма сплотилась лишь небольшая группа левых социалистов. В Венгрии ядром компартии стала группа вернувшихся из русского плена коммунистов и интернационалистов, соединившаяся с революционными социалистами и левыми социал-демократами. В Польше компартия

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 434, 441, 497.

возникла на основе объединения СДКПиЛ и ППС-левицы. В ряде стран на революционные позиции перешли левые социал-демократические партии почти в полном составе (Болгария, Швеция, Норвегия). В социалистических партиях Италии и Франции, в «независимой» социал-демократии Германии, где тон задавали центристы, появились сильные левые течения, разворачивалась борьба за революционную ориентацию этих партий.

Одним из идейных препятствий формирования коммунистических партий и установления ими связей с массами стал в то время выдвинутый каутскианцами лозунг «единения пролетариата». Спекулируя на естественной тяге рабочего класса к единству в борьбе против общего врага, центристы на деле стремились лишь «вернуть» на реформистский путь тех, кто принимал самое непосредственное участие в массовых революционных выступлениях. При этом в «раскольничестве» обвиняли коммунистов. Разоблачая реакционность и лицемерие призывов «апостолов единства», Карл Либкнехт незадолго до своей трагической гибели писал: «Не всякое «единство» усиливает. Единство между огнем и водой гасит огонь и испаряет воду; единство между волком и ягненком отдаст ягненка на съедение волку; единство между пролетариатом и господствующим классом приносит в жертву пролетариат; единство с изменниками ведет к поражению... Апостолы единства хотят уже сегодня ликвидировать революцию... Единство с ними было бы губительным для пролетариата, было бы предательством международного социализма»¹. Это вполне совпадало с тем, что Ленин писал еще до войны: «Единство — великое дело и великий лозунг! Но рабочему делу нужно *единство марксистов*, а не единство марксистов с противниками и извратителями марксизма»².

Реформистские лидеры, стремясь повсюду сорвать революционизацию масс, начали объединять свои усилия. Едва закончилась мировая война, как они активизировали свои старания создать международный фронт противодействия революции. Правые, и особенно центристы, энергично принялись за «восстановление» распавшегося II Интернационала на слегка обновленной платформе социал-реформизма. Активную деятельность в этом направлении развернули председатель Международного социалистического бюро Эмиль Вандервельде и его секретарь Камиль Гюисманс. В декабре 1918 г. лидер английских лейбористов Артур Гендерсон предложил созвать международную социалистическую конференцию одновременно и в одном месте с Парижской мирной конференцией. Это натолкнулось, однако, на возражения Клемансо, не желавшего видеть рядом с собой даже вполне послушных «рабочих представителей». Глав-

¹ К. Liebknecht. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. IX. Berlin, 1968, S. 602—603.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 79.

ная трудность заключалась в том, что шовинистический накал, который разжигали социал-демократические лидеры обеих коалиций во время войны, не ослабел и после ее окончания, во время затяжных мирных переговоров. Бельгийская социалистическая партия категорически отказалась сесть за стол с германскими социал-демократами — «изменниками Интернационала», голосовавшими за агрессивную войну. Из-за этого Вандервельде был вынужден даже не участвовать в готовившейся конференции и сложить полномочия председателя МСБ. Лидер Американской федерации труда Гомперс заявил, что интернациональное объединение профсоюзов нужно отложить до заключения мирного договора. Он вообще хотел избежать совместного заседания руководителей профсоюзов и социалистов, поскольку к последним всегда относился враждебно.

Но важнее всего было то, что отвергли участие в конференции все революционные пролетарские организации — компартии советских республик, Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии, социалистические партии Италии¹, Румынии, представители Социалистического интернационала молодежи, Международного женского секретариата. Отказалась участвовать в работе конференции, которую решено было созвать в Берне, и Социал-демократическая партия Швейцарии, так что ее председателю Г. Мюллеру, который был мэром Берна, пришлось уйти в отставку².

Бернская конференция «рабочих и социалистов» открылась 3 февраля 1919 г. Через два дня там же начала работу международная конференция профсоюзных лидеров. Как партии, так и профсоюзные объединения представляли около 100 делегатов из 26 стран³. Среди правых лидеров были: англичане А. Гендерсон и г-жа Сноуден, французские «мажоритеры» П. Ренодель и А. Тома, германские социал-демократы Г. Мюллер и О. Вельс, австрийские К. Зейц и В. Элленбоген, швед Я. Брантинг и голландец П. Трульстра, представители русских меньшевиков и эсеров, армянских и грузинских меньшевиков, реформистские профсоюзные деятели Л. Жуо, Я. Удегест, В. Баннинг. Значительную группу составляли центристы, среди которых были и немногие левые: немецкие независимцы К. Каутский, Э. Бернштейн, Г. Гаазе, К. Эйсер; французские «миноритеры» Ж. Лонге, М. Кашен, Л.-О. Фроссар, Ф. Лорю; австриец Ф. Адлер; венгр Ж. Кунфи; англичанин Р. Макдональд; испанец Х. Бестейро и др. Попытки швейцарских левых во главе с Ф. Платтеном побудить левых отказаться заседать вместе с социал-патрио-

¹ ИСП направила потом О. Маггари в качестве наблюдателя.

² См. *P. Renaudel. L'Internationale à Berne. Faits et documents.* Paris, 1919, p. 8—14; *H. Egger. Die Entstehung der Kommunistischen Partei und des Kommunistischen Jugendverbandes der Schweiz.* Zürich, 1952, S. 189—192.

³ Многие представители профсоюзов, приехавшие из 14 стран, были одновременно делегатами конференции социалистов.

тами или хотя бы организовать принципиальную оппозицию успеха не имели.

Открывая конференцию социалистов, Гендерсон призвал поддержать Парижскую мирную конференцию — ту самую, на которой империалисты начали в те дни перекраивать карту послевоенного мира. Брантинг, избранный председателем, почтив память Жореса, предложил приветствовать «мировотворца» президента Вильсона. Тома начал острую полемику о виновниках войны. Разногласия удалось не без труда сгладить при посредничестве Каутского и Эйслера на основе взаимной амнистии шовинистов обеих воевавших группировок. Германские представители сделали уклончивое заявление, в котором осуждали вторжение в Бельгию и делали упор на то, что германская революция уничтожила-де старую систему, ответственную за войну.

По вопросу об отношении к Лиге наций и конференция социалистов, и конференция профсоюзов приняли резолюции, одинаково приветствовавшие ее образование, но подчеркивавшие необходимость «для контроля» над ее деятельностью воссоздать как социалистический, так и профсоюзный Интернационалы. Резолюции содержали компромиссные формулировки относительно послевоенных границ, судьбы Эльзаса — Лотарингии и германских колоний. О принципиальном осуждении колониализма в них не было и речи.

Обе конференции одобрили общую Международную хартию труда. Громкие фразы о стремлении рабочих уничтожить капиталистическую эксплуатацию и наемный труд соседствовали в хартии с выражением реформистских надежд на государственное урегулирование условий его продажи под эгидой Лиги наций. Учитывая требования пролетарских масс, хартия предлагала ввести всеобщее бесплатное обучение детей, 8-часовой рабочий день, 36-часовой еженедельный отдых, 6-часовой рабочий день для подростков, отменить ночной труд женщин, создать всеобъемлющую систему социального страхования, организацию по трудоустройству и т. п. Для контроля рекомендовалось создать Международную комиссию труда, как интегральную часть Лиги наций, и регулярно проводить заседания Международного парламента труда (из равного числа делегатов от профсоюзов и правительств), полномочного издавать международные законы о труде, равнозначные национальным законам¹. В предпосланной хартии декларации профсоюзов, написанной Жуо, подчеркивалось, что реформы должны не отвлекать от идеала, а подготовить «становление нового строя». Специальная комиссия была делегирована в Париж, чтобы просить о допущении на мирную конференцию «представителей мирового рабочего класса»².

¹ См. *L. Lorwin. Labor and Internationalism. New York, 1929, p. 188—189.*

² Провал этих иллюзий не заставил себя ждать. Клемансо при-

Однако центральным был в Берне вопрос, прикрытый названием «О демократии и диктатуре». Собравшиеся в разгар революционных событий социалисты не могли не высказать своего отношения к революции в России, Германии, Австрии, Венгрии. Но вместо серьезного классового анализа реальной ситуации, выявления перспектив мирового революционного движения и определения собственной позиции ораторы стали состязаться в надуманных противопоставлениях западной («чистой» или «надклассовой») демократии и русской («большевистской» или «азиатской») диктатуры. На заседаниях комиссии французские «мажоритеры» в соответствии с опубликованной ими накануне конференции декларацией потребовали «отклонения большевизма как метода и тактики». Макдональд, поставив в один ряд революции в России, Германии и Австро-Венгрии, в общей форме осудил военную интервенцию против социализма; он ратовал за парламентскую «демократию, вдохновенную экономическими и политическими принципами социализма и свободы». Вельс предлагал заклеить всякое нарушение правительства — «будь то империалистическим или большевистским» — демократических прав и свобод. В итоге была внесена резолюция Брантинга, которая содержала нападки на большевизм, объявляла единственно возможной социальной реорганизацию, основанную на парламентской демократии, отвергала пролетарскую диктатуру, будто бы обязательно порождающую гражданскую войну, высказывалась против «социализации», осуществляемой «не методически». Упоминая о росте сил международной контрреволюции, резолюция, однако, не выражала протеста против антисоветской интервенции империалистических держав¹.

Такая резолюция выглядела как осуждение русской революции и одобрение империалистической интервенции. Поэтому левоцентристское меньшинство во главе с Ф. Адлером и Ж. Лонге внесло свою резолюцию². В ней содержались призывы к интернациональному сплочению революционного пролетариата, признание, что Бернская конференция лишь «первая и еще очень слабая попытка интернациональной встречи», что не следует отталкивать от Интернационала социалистические и революционные партии разных стран. Авторы проекта не сделали, однако, даже попытки разобраться в су-

нял комиссию, но Ллойд Джордж отказался сделать даже это. «Представителей рабочих» не допустили на мирную конференцию. Позднее Гомперс, а затем Жуо и Бернс включили в комиссию по разработке международных законов о труде. При Лиге наций было создано Международное бюро труда, впоследствии Международная организация труда (МОТ).

¹ P. Renaudel. Op. cit., p. 125—135; «Die Resolutionen der Internationalen Arbeiter- und Sozialistenkonferenz in Bern». Basel, [1919], S. 7—8.

² Ф. Адлер грозил в комиссии, что, если будет принята резолюция Брантинга, 33 делегата покинут конференцию.

шестве вопроса о пролетарской демократии и диктатуре, вовсе не упоминали о рабочих Советах. Высказавшись против открытого осуждения Советской России, они мотивировали это недостаточностью информации, тем, что русские представители на конференции выражают мнение меньшинства, а надо «выслушать обе стороны»¹.

Обсуждение обеих резолюций на пленуме конференции, занявшее целый день, показало, что между Гендерсоном, Каутским и Бернштейном не было никаких различий, когда речь шла о революции и «большевизме». Так, Гендерсон говорил о «чисто деструктивном характере русского большевизма», Каутский утверждал, что единственным результатом активности большевиков было рождение «нового милитаризма», и призывал поддерживать их противников, а Бернштейн объявил большевиков в России и в Германии «убийцами революции». В ходе дискуссий за резолюцию Брантинга высказались: вся германская делегация, половина австрийской, часть французской, английская и еще 17 делегаций. За резолюцию Адлера — Лонге — часть французской, половина австрийской, делегации Норвегии, Испании, Греции, Голландии. В итоге было принято «мудрое» решение — избежать голосования, а считать обе резолюции принятыми и послать в Советскую Россию для ознакомления с условиями на месте «авторитетную комиссию»². Оправдывая такое двуличие, Ренодель заметил, что Интернационал, вероятно, надолго будет вынужден довольствоваться скорее «моральными акциями», чем «строго координированными действиями»³.

Закрывая 10 февраля конференцию, Брантинг, избранный (вместе с Гендерсоном и Гюисмансом) в Исполнительную комиссию, задачей которой была объявлена подготовка новой конференции или съезда, заявил, что «Интернационал ожил снова»⁴. В свою очередь делегаты профсоюзов решили восстановить в ближайшем времени Международную федерацию профсоюзов, поручив Жуо и Удегесту созвать для этого специальную конференцию. Местом пребывания обеих временных исполнительных комиссий был избран Амстердам.

Из участников Бернской конференции один только делегат — француз Ф. Лорио — дал ей в открытом письме острую, классово-пролетарскую оценку. От имени левых социалистов он заявил, что главной целью ее организаторов было осудить революционную Россию, оправдать убийц Либкнехта и Люксембург, парализовать ре-

¹ См. «Die Resolutionen...», S. 9.

² Советское правительство разрешило «въезд всякой буржуазной комиссии» и гарантировало возможность всестороннего ознакомления («Правда», 28 февраля 1919 г.). Но поездка не состоялась.

³ P. Renaudel. Op. cit., p. 142.

⁴ См. И. Ленц. История Второго Интернационала. М., 1931. стр. 210.

волюционную активность французских, английских и итальянских пролетариев. «В этой антисоциалистической и контрреволюционной работе мы не желаем быть ни активными участниками, ни обманутыми жертвами»¹. Действенный ответ на «возрождение» социал-реформистского Интернационала дала вскоре международная конференция коммунистов в Москве.

ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

В период послеоктябрьского революционного подъема стало совершенно очевидным, что для реализации возможностей новой революционной эпохи старые социал-демократические партии и II Интернационал, даже в «подновленном» виде, непригодны. Возглавить борьбу пришедших в движение многомиллионных масс, требовавших радикального изменения общественных отношений, были способны лишь пролетарские партии нового типа, не зараженные оппортунизмом и социал-шовинизмом, идейно сплоченные на основах революционного марксизма и боевой интернациональной солидарности. Ленин и большевики, исходя из многолетнего опыта своей партии, поняли это уже в момент краха II Интернационала. Но зарубежным революционерам понадобились годы исканий и испытаний, чтобы прийти к этому выводу. Первые месяцы европейской революции окончательно убедили их в необходимости создания самостоятельных коммунистических партий. Назрела и потребность образования сплоченной международной коммунистической организации.

Новый Интернационал был действительно нужен для возрождения международной революционной солидарности национальных отрядов рабочего класса, разобщенных войной и разгулом шовинизма, для координации усилий и придания целенаправленности тому стихийному революционному подъему, который в разной степени охватил многие страны. Коммунистический Интернационал призван был помочь образованию и укреплению пока еще слабых коммунистических партий и других левых революционных групп и организаций, создать условия для коллективной разработки революционной стратегии и тактики. Победа Октября и рождение первого пролетарского государства позволяли основать Коммунистический Интернационал в Москве, откуда было удобнее всего обеспечить взаимосвязь и взаимопомощь пролетарских революционеров всех стран и народов².

¹ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 1, стр. 71.

² См. Я. Г. Темкин, В. М. Туполева. От Второго к Третьему Интернационалу. М., 1978; В. В. Александров. Ленин и Коминтерн. Из истории разработки теории и практики международного коммунистического движения. М., 1972.

Уже в конце 1917 г. большевики предприняли попытку созвать конференцию левых циммервальдцев и революционных интернационалистов разных стран, «стоящих на точке зрения Советской власти и необходимости борьбы против империалистических правительств внутри каждой из воюющих сторон»¹. ВЦИК решил послать специальную делегацию в Стокгольм для установления связей с революционными группами других стран и подготовки конференции. Но делегации не удалось добраться до Швеции². Наступление войск империалистической Германии, а затем иностранная военная интервенция и гражданская война задержали подготовку международной конференции.

Прошел почти год, и в конце декабря 1918 г. В. И. Ленин и другие члены ЦК РКП(б) направили письмо революционерам Германии, Австрии и Венгрии. Отмечая, что тем приходится вести революционную борьбу в необычайно трудных условиях, руководители Советской России писали: «Мы, однако, не только верим, но *знаем*: германский, австрийский и венгерский пролетариат должен сбросить с себя путы, в которых держит его буржуазия через своих демократических агентов». Он увидит, что «хваленая демократическая республика и национальное собрание суть не что иное, как плотина, которая должна сдерживать напор революционной волны». Он должен будет понять, что единственный выход для него — «в его собственной власти, которая будет беспощадно подавлять всякое сопротивление буржуазии: власти, которая станет не на словах, а на деле могучим рычагом социалистического переустройства общества». Наша партия, партия большевиков, «которая в начале революции считалась кучкой «безумцев» и которая теперь держит твердой рукой больше года государственную власть, с особой радостью видит, что и в Германии, и в Австрии, и в Венгрии растут братские партии, которые идут к нашей общей цели, к социализму, по нашему общему пути: *через диктатуру рабочего класса*»³.

В эти же дни Ленин наметил конкретный план подготовки международной социалистической конференции для основания III Интернационала. В записке Г. В. Чичерину он дважды подчеркнул, что созвать ее следует «с п е ш н о», «очень скоро». При формулировании проекта платформы Интернационала Ленин предложил взять за основу, во-первых, «теорию и практику *большевизма*», во-вторых, програм-

¹ «Известия», 24 декабря 1917 г.

² См. Р. Столярова. В. И. Ленин и создание Коммунистического Интернационала. — «Из истории Коминтерна». М., 1970, стр. 8—11.

³ Обращение было впервые опубликовано в газете венгерских коммунистов «Vörös újság» 15 января 1919 г. В сборнике «Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. Документы и материалы. 1914—1919 гг.» (М., 1934, стр. 103—104) оно ошибочно датировано концом октября.

мное заявление немецких спартаковцев (написанное Р. Люксембург) «Was will der Spartakusbund?».

Ленин считал, что III Интернационал должен с самого начала включить в себя не только уже сложившиеся коммунистические партии, но и те партии и группы, которые *приближаются* к большевизму, в том числе действующие внутри социал-демократических партий. Ограничивая вместе с тем этот круг, он предлагал пригласить на учредительный конгресс тех, кто решительно стоит за раскол с социал-патриотами, «за социалистическую революцию *теперь* и *з а* диктатуру пролетариата... в принципе за «советскую власть» и против *ограничения* нашей работы буржуазным парламентаризмом, против *подчинения* ему, *з а* то, что *т и н* советской власти *в ы ш е и б л и ж е к с о ц и а л и з м у*»¹.

Эти требования показывают, что Ленин считал центральной проблемой при основании Коммунистического Интернационала идейно-политическое единство передовых отрядов рабочего класса всех стран на основе принципов революционного марксизма. Эти принципы были ясно изложены в воззвании «К I съезду Коммунистического Интернационала», написанном в соответствии с указаниями Ленина и отредактированным им². В воззвании определялось отношение нового Интернационала к социал-шовинистам и центристам. С социал-шовинистами — «беспощадная борьба. По отношению к «центру» — тактика откола от него наиболее революционных элементов, беспощадная критика и разоблачение вождей. Организационное размежевание с центровиками на определенной ступени развития совершенно необходимо»³. Важной была также мысль о блоке с лучшими элементами революционного синдикализма. Воззвание, принятое представителями восьми партий и опубликованное 24 января 1919 г. в «Правде», явилось важнейшим документом подготовки к основанию Коммунистического Интернационала.

Международная коммунистическая конференция начала работу в Кремле 2 марта 1919 г. Открывая ее по поручению ЦК РКП(б), Ленин подчеркнул важность этого события: «Наше собрание имеет великое всемирно-историческое значение». Буржуазия испытывает безумный страх перед растущим революционным движением пролетариата. Это и понятно, если учесть, что «международная мировая революция начинается и усиливается»⁴. В президиум были избраны: В. И. Ленин, представитель Компартии Германии Гуго Эберлейн (псевдоним — Альберт), швейцарский коммунист Фриц Платтен.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 227—228.

² Ленин, в частности, включил в него примечание, что документ спартаковцев «переиздается нами на всех важнейших языках».

³ «Первый конгресс Коминтерна. Март 1919». М., 1933, стр. 254.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 480.

Кроме РКП(б) и компартий других советских республик оформленные коммунистические партии имелись к этому времени в шести странах Европы, в большинстве же стран Запада действовали лево-социалистические или коммунистические группы. В работе конференции смогли принять участие 52 делегата от 35 организаций (19 имели решающий, 16 — совещательный голос). Была представлена 21 страна: Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Китай, Иран, Корея, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Нидерланды, Норвегия, Польша, РСФСР, Румыния, Турция, Финляндия, Франция, Чехословакия, Швейцария, Швеция, США. Присутствовали самостоятельные делегации от коммунистических организаций Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии, Эстонии, Армении, немцев Поволжья, Туркестана, Грузии, Азербайджана.

Преодолев некоторые трудности, связанные с императивным мандатом германского делегата ¹, конференция 4 марта конституировалась как *Первый (Учредительный) конгресс Коммунистического Интернационала*.

Обсуждая один из главных пунктов повестки дня — Платформу международного коммунистического движения (докладчики Г. Эберлейн и Н. И. Бухарин), делегаты сделали важнейший вывод: с победой Октября и поднимающейся революционной волной в других странах наступила новая эпоха — «эпоха разложения капитализма, его внутреннего распада, *эпоха коммунистической революции пролетариата*». В соответствии с этим выдвигалась центральная задача: завоевание пролетариатом политической власти и разрушение буржуазного государственного аппарата; буржуазной демократии противопоставлялась советская система. Путь к победе, говорилось в Платформе, лежит через массовую борьбу, предварительное условие которой — разрыв и с прямыми противниками революции, правыми социал-демократами, и с каутскианским «центром» ².

Хотя к этому моменту революционная борьба в Центральной Европе, непосредственно связанная с окончанием мировой войны, ни в одной из стран не привела к установлению подлинно пролетарской власти, революционное движение шло на подъем. Конгресс проходил под знаком уверенности, что победа международной социали-

¹ Делегат КПГ Г. Эберлейн имел указание своего ЦК возражать против немедленного основания Коммунистического Интернационала. Он активно участвовал во всей работе конференции, был постоянным членом президиума. Как он писал впоследствии, доводы Ленина и других делегатов его убедили, но он вынужден был воздержаться от голосования. После конгресса КПГ одной из первых присоединилась к Коммунистическому Интернационалу («Первый конгресс Коминтерна», стр. 4—5, 119—121, 132; *H. Eberlein. Spartakus und die Dritte Internationale*. — «Inprekorr», 1924, № 28, S. 306—307; *Г. Эберлейн. Основание Коминтерна и Спартаковский союз*. — «Коммунистический Интернационал», 1929, № 9—10, стр. 194—196).

² «Первый конгресс Коминтерна», стр. 173, 178.

стической революции близка. Подходя к событиям с такой меркой, делегаты не считали достаточными достижениями пролетарской и общенародной борьбы осуществление даже значительных демократических преобразований, возникновение ряда новых национальных государств. Мысль Ленина о том, что в Германии имел место «Февраль», а не «Октябрь», высказывания К. Либкнехта и Р. Люксембург о том, что германская революция не вышла за рамки буржуазно-демократической, воспринимались лишь как констатация очевидного факта, что социалистическая революция в Германии и других европейских странах просто *еще* не развернулась. Так, германский делегат подчеркивал, что «настоящая революция в Германии еще впереди», австрийский делегат утверждал, что в Австрии вообще не было никакой революции ¹. О возможности периода, или этапа, буржуазно-демократических или национально-демократических революций в Германии и в государствах, возникших на развалинах Австро-Венгерской империи, тогда речи не было. Понимание этого пришло много позже ².

Между тем Ленин уже в то время подошел к весьма важным обобщениям, вносившим новые моменты в представления о вероятном ходе международной революции. Ее развитие пошло медленнее, неравномернее, зигзагообразнее, чем ожидали; иным оказалось в ряде стран и ее социальное содержание: «Полагали, что на Западе, где классовые противоречия развиты более сильно (чем в России. — *Авт.*), соответственно более развитому капитализму, революция пойдет несколько иным путем, чем у нас, и *власть сразу перейдет от буржуазии к пролетариату*. Однако происходящее сейчас в Германии говорит об обратном» ³. Выяснилось, что не только в странах более отсталых, но и в передовых необходимы определенные подготовительные стадии, возможны промежуточные этапы, что и здесь путь пролетариата к власти тоже не прямой. Обдумывая пути подхода к пролетарской революции, Ленин старался уяснить общую тенденцию

¹ См. «Первый конгресс Коминтерна», стр. 11, 90.

² Еще в 1925 г. известный деятель международного революционного движения историк Ф. А. Ротштейн писал, что «на самом деле никаких революций в Австрии и Австро-Венгерской монархии вообще не было» (Предисловие к русскому переводу книги О. Бауэра «Австрийская революция 1918 года», стр. IV). В конце 1925 г. в принятых XIV конференцией РКП(б) «Тезисах о задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ» революция 1918 г. в Германии была оценена как буржуазная, а не пролетарская (см. «КПСС в резолюциях...», т. 3. М., 1970, стр. 208). Но только после второй мировой войны, в итоге длительных дискуссий в марксистской историографии вполне утвердилась характеристика революций 1918—1919 гг. в странах Центральной Европы как буржуазно-демократических (или национально-демократических).

³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 1 (курсив наш. — *Авт.*).

движения революции к той ее кульминации, которой он, как и все европейские революционеры, ждал в недалеком будущем: «Сначала стихийное образование Советов, затем их распространение и развитие, далее появление на практике вопроса: Советы или Национальное собрание, или Учредительное собрание, или буржуазный парламентаризм; полнейшая растерянность среди вожаков и, наконец,— пролетарская революция»¹. Его, видимо, не вполне удовлетворяла такая слишком общая постановка вопроса, и он тут же добавил, что после почти двух лет революции этим нельзя ограничиваться, а следует «выносить конкретные решения» относительно распространения системы Советов².

Идея завоевания рабочим классом политической власти была центральной в работе и решениях конгресса. Она понималась в то время не только как цель данного этапа революционной борьбы, но и как лозунг непосредственного действия для пролетариев ряда стран. Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира провозгласил, что «III Интернационал является Интернационалом открытого массового действия, Интернационалом революционного осуществления». Он заканчивался призывом: *«Под знаменем рабочих Советов, революционной борьбы за власть и диктатуру пролетариата, под знаменем III Интернационала, пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*³

Основным документом конгресса были тезисы и доклад Ленина «О буржуазной демократии и диктатуре пролетариата». Внеклассовые и надклассовые рассуждения о «демократии вообще» и «диктатуре вообще», подчеркивал Ленин, «есть прямое издевательство над основным учением социализма, именно учением о классовой борьбе»⁴. Он убедительно разъяснял, что научный подход к понятиям «демократия» и «диктатура» может быть только классовым. Притом определяющим является то, какой класс осуществляет свою диктатуру и над какими классами, для каких классов данная диктатура является демократией.

Опираясь на опыт истории, в том числе на опыт борьбы за укрепление пролетарской власти в Советской России, Ленин подтвердил вывод марксизма об исторической неизбежности диктатуры пролетариата. Ни один класс, говорил он, никогда не приходил к господству, не переживая периода насильственного подавления свергнутых классов. Если диктатура была исторически необходима буржуазии, чтобы сломить сопротивление дворянства, то тем более она нужна пролетариату, призванному устранить все эксплуататорские классы, приходу к власти которого буржуазия оказывает самое отчаянное

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 505.

² Там же.

³ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М., 1970, стр. 146—147.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 491.

сопротивление. «Диктатура пролетариата является не только вполне законной, как средство свержения эксплуататоров и подавления их сопротивления,— указывал Ленин,— но и абсолютно необходимой для всей массы трудящихся, как единственная защита против диктатуры буржуазии»¹.

В исторических условиях того времени подчеркивание необходимости революционного принуждения по отношению к буржуазии было особенно актуальным потому, что гражданская война и иностранная интервенция в Советской России, события в Финляндии и Германии со всей возможной убедительностью показали: буржуазия не останавливается ни перед какими зверствами для того, чтобы задушить революционное рабочее движение. Но, указывая на необходимость и неизбежность применения революционного насилия, Ленин в то же время подчеркивал, что конкретные его формы, суверенность мер принуждения по отношению к эксплуататорским классам будут различными. Ленин, как говорилось выше², неоднократно обращал внимание, что многие меры, вызванные конкретными условиями борьбы в России, вовсе не обязательны всюду и везде.

В противовес утверждениям буржуазии и социал-демократии, будто социалистическая революция и диктатура пролетариата неразрывно связаны с кровавой гражданской войной, с величайшими людскими жертвами и невиданным разрушением производительных сил, Ленин напоминал, что империалистическая буржуазия только что на своей войне за мировое господство перебила 10 млн. и искалечила 20 млн. человек. Эти жертвы она считает «законными», несравненно же меньшие потери в освободительной борьбе пролетариата объявляет «преступными»³.

Нападки буржуазного мира на гражданскую войну и красный террор — самое чудовищное лицемерие, говорилось в принятом конгрессом манифесте: «Гражданская война навязывается рабочему классу его смертельными врагами... Никогда не вызывая искусственно гражданской войны, коммунистические партии стремятся сократить по возможности ее длительность, когда она с железной необходимостью возникает, уменьшить число ее жертв и прежде всего обеспечить победу за пролетариатом»⁴. Как показал опыт российской революции, большевики использовали все возможности взятия власти рабочим классом мирным путем, а в первые месяцы Советской власти проявляли мягкость и даже благодушие к своим врагам, пока те не развязали кровавый белый террор. Отсюда следует, что коммунистам всех стран необходимо своевременно разоружить буржуазию, вооружить рабочих, создать рабоче-крестьянскую ар-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 498.

² См. главу вторую и главу третью.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 60.

⁴ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 145.

мию для защиты «власти пролетариата и неприкосновенности его социалистического строительства»¹.

Одна из первейших задач социалистической революции и новой, пролетарской власти заключалась в сломе буржуазной государственной машины. Исходя из марксистского учения о государстве, развитого в трудах Ленина, в Платформе Коминтерна было сказано: «Сильнейшим орудием власти в руках буржуазии является буржуазный государственный аппарат с его капиталистической армией, находящейся под командованием буржуазно-юнкерского офицерства, с его полицией и жандармерией, его тюремщиками и судьями... Завоевание политической власти не может свестись лишь к перемене личного состава в министерствах, но должно означать уничтожение враждебного государственного аппарата, сосредоточение в руках пролетариата реальной силы»². Пролетариат не мог просто «взять» государственную машину буржуазии, приспособленную для подавления, угнетения и обмана трудящихся масс; только органы хозяйственного регулирования могли быть частично использованы пролетариатом.

Но главная сущность пролетарской власти, разъясняли решения конгресса Коминтерна, состояла не в принуждении и насилии, а в ее созидательных задачах, в организации строительства нового, социалистического общества. Платформа говорила об экспроприации буржуазии, обобществлении (социализации) банков, крупных средств производства, торговых предприятий, сельскохозяйственных имений и превращении их в общественно управляемые хозяйства. При этом специально оговаривалось, что «мелкая собственность отнюдь не должна экспроприоваться и мелкие владельцы, не эксплуатирующие чужого труда, не должны подвергаться никаким насильственным мерам». Масса крестьянства и ремесленников будет втянута «в сферу социалистической организации постепенно примером и практикой, которая покажет преимущества нового строя». Подчеркивалось, что должны быть использованы все квалифицированные техники и специалисты, что «пролетариат не намерен их угнетать, — наоборот, только он впервые даст им возможность развить самую энергичную творческую деятельность». Пролетарская власть, заботясь о развитии производительных сил, «соединит труд и науку». Вместе с тем сама диктатура пролетариата, необходимая в переходный период, изживет себя, «по мере того как будет сломлено сопротивление буржуазии, она будет экспроприрована и постепенно превратится в работающий слой общества»³.

Глубокая диалектика пролетарской диктатуры состоит в том, что само революционное принуждение осуществляется рабочим клас-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 146.

² Там же, стр. 130.

³ Там же, стр. 131, 133.

сом на базе расширения и углубления демократии, на основе новой, революционной законности. Впервые в истории человечества речь идет о диктатуре по отношению к эксплуататорскому меньшинству и в целях обеспечения самой широкой демократии для подавляющего большинства народа. Диктатура пролетариата, отмечал Ленин, неизбежно приносит с собой поэтому «не только изменение форм и учреждений демократии, говоря вообще, но именно такое их изменение, которое дает невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма со стороны угнетенных капитализмом, со стороны трудящихся классов»¹.

Реальная возможность для трудящихся пользоваться демократическими правами и свободами, участвовать в управлении общественными делами — вот главная черта новой, пролетарской демократии. Ведь «та форма диктатуры пролетариата, которая уже выработана фактически, т. е. Советская власть в России, Räte-System в Германии, Shop Stewards Committees и другие аналогичные советские учреждения в других странах, все они означают и осуществляют именно для трудящихся классов, т. е. для громадного большинства населения, такую фактическую возможность пользоваться демократическими правами и свободами, которой никогда не было, даже приблизительно, в самых лучших и демократических буржуазных республиках»².

В итоге многолетней борьбы трудящиеся добились от буржуазно-демократического государства лишь признания права на организацию, тогда как пролетарское государство само содействует организации трудящихся. «Советская власть,— скажет Ленин вскоре,— впервые в истории, не только всесторонне облегчает организацию угнетенных капитализмом масс, но и делает ее постоянной и непрременной основой всего государственного аппарата, снизу доверху, местного и центрального»³.

Государство диктатуры пролетариата, заинтересованное в самом широком привлечении трудящихся масс к управлению общественными делами, не может довольствоваться лишь представительной демократией. Характеризуя еще до Октября государственный аппарат Советской власти, Ленин предвидел, что он даст возможность «соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение»⁴.

Система Советов, записал в своих решениях конгресс,— это самая широкая организация, охватывающая рабочие массы независимо от профессий и других различий, способная обновляться,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 499.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 90—91.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 304—305.

вовлекать в свою сферу все новые и новые слои, открывать свои двери для всех близких пролетариату трудящихся слоев города и деревни. Советы способны сплотить большинство трудящихся и противопоставить себя государственному аппарату буржуазии: именно это облегчает путь к завоеванию власти рабочим классом. С победой социалистической революции Советы становятся такой государственной формой пролетарской власти, которая преодолевает отчуждение масс от аппарата управления, обеспечивает привлечение самых широких масс «к постоянному и непререкаемому, притом решающему, участию в демократическом управлении государством»².

В предложенной Лениным резолюции, единодушно одобренной конгрессом, ставилась задача разъяснения массам необходимости Советов. Это было тем более важно, что, выслушав доклады и побеседовав с делегатами, Ленин убедился: значение системы Советов оставалось неясным широким массам политически образованных немецких рабочих, «так как они воспитаны в духе парламентаризма и в буржуазных предрассудках»³. Рекомендовалось также распространить Советы в деревне среди бедноты и батраков, стремиться завоевать в Советах коммунистическое большинство.

Таким образом, тип Советской власти рассматривался теперь — с учетом практического опыта не только России, но и Германии, Австрии, Венгрии — как наиболее подходящая форма осуществления пролетарской власти. «Диктатура пролетариата! — говорил Ленин на конгрессе. — До сих пор эти слова были для масс латынью. Благодаря распространению системы Советов по всему миру, эта латынь переведена на все современные языки; практическая форма диктатуры найдена рабочими массами»⁴. Подчеркивая международную значимость Советов, Ленин в то же время считал возможными различные формы пролетарской демократии. В замечаниях к проекту тезисов «Основы III Интернационала» он накануне конгресса указал на неточность формулировки о Советах как единственной форме пролетарской власти и рекомендовал отметить: «**Типа Коммуны и Советов** (не обязательно «Советов»)»⁴.

Позднее, при обсуждении Программы РКП(б), Ленин не согласился с прямолинейным утверждением Бухарина, что Советская власть является «*универсальной, всеобщей формой пролетарской диктатуры*». Не следует забегать вперед, подчеркнул Ленин: «Мы говорим, что *советский тип* получил интернациональное значение. Тов. Бухарин указывал на английские комитеты фабричных старост. Это не совсем то, что Советы. Они растут, но они еще в утробе. Когда они выйдут на свет божий, тогда мы «будем посмотреть». А сказать,

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 131—132; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 500.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 507.

³ Там же, стр. 489—490.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 502.

что мы русские Советы даруем английским рабочим, это не выдерживает ни тени критики»¹. В соответствии с этим в Программе РКП(б) было записано о распространении «советской формы» революционного движения, «т. е. такой, которая направлена прямо к осуществлению диктатуры пролетариата». Имевшаяся в проекте Программы фраза, что Республика Советов — «единственный тип государства, соответствующий переходному периоду от капитализма к социализму»², в окончательный текст не вошла³.

В выступлениях Ленина и в материалах конгресса Коминтерна была глубоко раскрыта также сущность буржуазной демократии как государственной формы господства буржуазии. Самая широкая буржуазная демократия остается по своему классовому содержанию машиной для подавления рабочего класса и трудящихся горсткой эксплуататоров. Провозглашаемые ею свободы являются формальными или ограниченными, ибо при господстве капитала и частной собственности не может быть равенства между капиталистом и рабочим в использовании свободы собраний, слова и печати. Предоставляя массам те или иные права, буржуазная демократия не обеспечивает их реального осуществления, отчуждает трудящихся от аппарата управления, допуская в лучшем случае ограниченное их участие в решении общественных дел, оставляя мощные рычаги реальной власти в руках крупного капитала.

Раскрытие классовой сущности буржуазной демократии как формы господства буржуазии и заостренная критика ее пороков не только имели принципиальное, теоретическое значение, но и призваны были нанести удар по тем реформистским теориям, с помощью которых буржуазия и социал-демократия пытались во время революционного подъема создать не только оборонительный вал против социалистической революции, но и плацдарм для наступательного похода против нее.

¹ «Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы». М., 1959, стр. 41, 105 (курсив наш. — Авт.).

² Там же, стр. 375, 390.

³ Надо заметить, что И. В. Сталин, излагая ленинскую мысль о Советской власти как форме пролетарской диктатуры, лишил эту мысль присущей ей гибкости. Так, он утверждал, что «Республика Советов является... политической формой, в рамках которой должно быть совершенно экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма».

Парижская Коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и *завершением*». Приводя в подтверждение ленинскую цитату, в которой Сталин подчеркнул слово «единственной формой», он не случайно взял ее не из выступлений Ленина 1919 г., где речь шла о международном значении Советской власти, а из «Тезисов об Учредительном собрании», написанных в конце 1917 г. и относящихся только к российской ситуации (И. В. Сталин. Соч., т. 6. М., 1954, стр. 122. Курсив наш. — Авт.).

Впрочем, и тогда резкая критика буржуазной власти не означала игнорирования или недооценки значения буржуазно-демократических прав и свобод, завоеванных рабочим классом в течение десятилетий упорнейшей борьбы. В тезисах и докладе Ленина, в других документах конгресса подчеркивалась необходимость для коммунистов выдвигать и отстаивать общедемократические требования по крестьянскому вопросу, в выступлениях против войны и т. п. Разработанный Лениным (как говорилось выше ¹) еще в дооктябрьский период принцип соединения демократических и социалистических задач был подтвержден жизнью. Более того, в свете революционных событий в России и Европе ценность этого принципа стала еще более весомой.

Конгресс Коминтерна дал принципиальное решение вопроса о движущих силах поднимавшейся пролетарской революции. Определяя социальную базу пролетарской власти, он провозгласил принципиальную необходимость прочного дружеского союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, полупролетариями города и деревни. Но вся сложность проблемы борьбы за привлечение масс на сторону социалистической революции тогда еще не была понята многими молодыми компартиями и их деятелями. Так, немецкий делегат Г. Эберлейн считал, что коммунисты должны собирать вокруг себя «лишь тех рабочих, которые решительно признают диктатуру пролетариата и классовую борьбу» ². Не встретило на конгрессе широкой поддержки и предложение о завоевании старых профсоюзов: напротив, выражались сомнения относительно того, возможно ли вообще их революционизировать ³. Некоторые делегаты упрощенно или слишком прямолинейно рисовали себе процесс углубления противоречий капитализма, маршрут и темп мировой социалистической революции. В материалах конгресса можно встретить и утверждение, что освобождение угнетенных стран придет только после социалистических революций в метрополиях ⁴. Эти и другие конкретные вопросы коммунистическому движению еще предстояло решить и испытать на практике.

Тем важнее было то, что Коминтерн и молодые коммунистические партии могли при определении своих главных задач с самого начала опереться на подлинно научное учение. «Теория марксизма,— писал об этом Ленин,— освещенная ярким светом нового, всемирно-богатого, опыта революционных рабочих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира

¹ См. главу первую.

² «Первый конгресс Коминтерна», стр. 73.

³ См. там же, стр. 96—97, 100.

⁴ См. там же, стр. 207.

яснее сознать цели своей борьбы, тверже идти по наметившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу»¹.

Конгресс провозгласил нерушимую верность коммунистов принципам пролетарского интернационализма. Он указал на абсолютную необходимость для революционных пролетариев всех стран координировать выступления в международном масштабе, а в своих действиях всегда учитывать интересы интернациональной революции. Он призвал к экономической и другой взаимной помощи стран, в которых устанавливается пролетарская власть, в интересах совместной защиты завоеваний и строительства нового общества. Коминтерн обещал «поддерживать эксплуатируемые народы колоний в их борьбе с империализмом, чтобы способствовать окончательному краху системы мирового империализма»².

Конгресс решительно осудил намерение Бернской конференции воскресить II Интернационал. Вместе с тем в ее отказе открыто оправдать вооруженную интервенцию империалистов в Советскую Россию конгресс увидел «косвенное доказательство того, что пролетариат Западной Европы симпатизирует русской пролетарской революции и готов бороться против империалистической буржуазии»³.

В обращении «К рабочим всех стран» конгресс выразил чувства благодарности и восхищения русскому революционному пролетариату и партии большевиков. Отметив, что великая революция достигла уже значительных успехов, конгресс указал, что ответственность за экономические трудности и голод в России падает целиком на внутренних и внешних врагов, которые путем саботажа, заговоров и военной интервенции вынудили Советскую власть обратить большую часть своих сил и средств на создание новой армии. Конгресс призвал рабочих всех стран требовать от своих правительств невмешательства во внутренние дела Советской России, прекращения интервенции и отозвания всех иностранных войск, признания Советской власти, восстановления дипломатических и торговых отношений, снятия блокады, а также направления в Россию «нескольких сотен или даже тысяч организаторов, инженеров, инструкторов и опытных рабочих, в особенности металлистов, для оказания юной социалистической республике реальной помощи в экономической области»⁴. Конгресс клеймил белый террор в России и на Украине, в Финляндии и Германии, призвав рабочих всех стран «покончить навсегда с системой убийства и грабежа»⁵.

Образование Коммунистического Интернационала, который «всеим своим идейно-политическим содержанием, всеми своими действиями

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 514.

² «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 134.

³ Там же, стр. 139.

⁴ Там же, стр. 149—152.

⁵ Там же, стр. 148—149.

осуществляет революционное учение Маркса, очищенное от буржуазно-оппортунистических извращений»¹, стало событием огромной важности. Была создана руководящая организация мирового коммунистического движения, способная помочь идейному и организационному росту всех национальных революционных партий пролетариата, реализации их активной роли в классовых битвах новой эпохи. Она с самого начала стремилась вобрать в себя таких представителей коммунистических партий и групп всех стран, которые обладали способностью сочетать национальные традиции классовой борьбы с использованием обобщенного мирового опыта. Вместе с тем новый Интернационал опирался на реальную базу начавшейся международной революции — Советскую Россию. В этом смысле надо понимать слова Ленина, что III Интернационал не только «воспринял плоды работ II Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистскую, буржуазную и мелкобуржуазную, скверную», но и «начал осуществлять диктатуру пролетариата»².

Менее всего это означало, как утверждали враги, что Коминтерн хотел диктовать из Москвы дальнейший ход международной революции. Само основание Коминтерна Ленин рассматривал как оформление, запись того, что уже «завоевали не только русские, не только российские, но и германские, австрийские, венгерские, финляндские, швейцарские, — одним словом, международные пролетарские массы... В наших резолюциях, тезисах, докладах и речах запечатлено уже завоеванное»³.

Ленин никогда не упускал в то время случая напомнить и подчеркнуть, что «разные нации идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками»⁴. В статье для первого номера журнала «Коммунистический Интернационал» Ленин специально разъяснял зарубежным коммунистам, что не только любой марксист, но и всякий знакомый с современной наукой вообще, ответит отрицательно на вопрос о вероятности равномерного, одновременного перехода разных стран к социализму: «Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону или черту, или группу свойств капитализма и рабочего движения». Напомнив о чартизме в Англии, о геройских восстаниях рабочих Франции в 1848 и 1871 гг., о переходе гегемонии в международном рабочем движении к Германии, Ленин заметил, что она потом перешла к России. Именно здесь утвердилась *Советская или пролетарская демократия*, означавшая второй (после Парижской коммуны) всемирно-исторический шаг к пролетарской власти. «Всемирная история, — под-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 108.

² Там же, стр. 303.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 512, 514.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 184.

черкнул он, — неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями»¹.

После конгресса было создано Бюро Исполкома Коминтерна, в которое вошли: А. Балабанова, В. В. Воровский, Г. Е. Зиновьев, Г. Клиnger, М. М. Литвинов, Л. М. Карахан, Н. И. Бухарин, Я. А. Берзин, А. Меньшой; позднее также А. Руднянский, Ю. Ю. Мархлевский, И. Милкич, П. И. Стучка, К. Б. Радек. В важнейших заседаниях участвовали В. И. Ленин и другие представители РКП(б). 18 июля 1919 г. из состава Бюро ИККИ было выделено Малое бюро, из 4—6 членов. К работе Исполкома привлекались также многие иностранные коммунисты, приезжавшие в Москву².

Едва делегаты Учредительного конгресса Коминтерна успели разъехаться, как развитие революционных событий в Европе наглядно показало, что он правильно наметил главное направление борьбы. В Венгрии, а затем и в Баварии, в Словакии — везде, где революция сумела продвинуться дальше первого этапа, она привела к образованию *Советских республик*.

Заявления буржуазных политиков и социал-реформистов, будто Советская власть могла утвердиться только на почве России, оказались, как и следовало ожидать, ложными. Европейских рабочих, говорил Ленин, всегда запугивали, указывая, что русская революция принесла только войну, голод и разорение, что власть большевиков — результат узурпации и держится только насилием. «Люди учатся из опыта. Словами доказать правоту Советской власти нельзя. Пример одной России не был понятен для рабочих всего мира. Они знали, что там Совет, — они все за Совет, но их пугали ужасы кровавой борьбы»³. В Венгрии же Советская власть была установлена мирным путем.

Понимая, сколь велики трудности венгерской революции, Ленин тем не менее надеялся — она сумеет показать «всему миру то, что по отношению к России было скрыто: именно, что большевизм связан с новой пролетарской, рабочей демократией, которая выступает на место старого парламента». Ведь в тех странах, где буржуазия не окажет такого бешеного сопротивления, как в России, Советская власть «сможет работать без того насилия, без того кровавого пути, который нам навязали господа Керенские и империалисты»⁴.

К сожалению, сравнительно легким и мирным в Венгрии (а также в Баварии) было только установление Советской власти. Вскоре империалисты обрушили на Советские республики в Центральной Европе всю свою мощь и раздавили их. Коммунистический Интернационал пытался поднять европейский пролетариат на солидарные

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 304—307.

² См. «Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г.». М., 1934, стр. 594—595.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 262.

⁴ Там же, стр. 261.

действия. Однако дружному выступлению рабочих Европы помешало противодействие оппортунистов. Поскольку активность масс оставалась высокой, именно от вождей рабочего класса зависело в то время, пойдет ли европейская революция дальше по пути подъема, или начнется ее откат. «Если бы революция, — писал Ленин осенью 1919 г., — хотя бы только началась теперь, хотя бы только в своей соглашательской стадии, хотя бы только в одной-двух из великих держав Антанты, это *сразу* прекращало бы гражданскую войну в России, это *сразу* освобождало бы *сотни миллионов* народа в колониях, ибо там негодование и возмущение кипит, сдерживает его только насилие Европы». Такая революция «подорвала бы *окончательно* силы буржуазии вообще, ее господство сломлено бы было *в корне*, у ней не осталось бы прибежища *нигде на земле*»¹.

Но у социал-демократических лидеров и идеологов была иная забота: они изыскивали все новые «доказательства» непригодности для Запада революционного пути.

КОНФРОНТАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ И РЕФОРМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИЙ

Развитие революционных событий как в России, так и в центре Европы выдвинуло на первый план предельно заостренное *противопоставление* диктатуры пролетариата и буржуазной демократии. Это относилось не только к политической практике, но и к сфере *теории*. В конечном счете такое идейно-теоретическое противоположение было отражением ожесточенного противоборства в мировом масштабе двух основных классовых сил.

Многие из врагов пролетарской революции в России с первых ее дней пытались прикрыть свои контрреволюционные действия лозунгами «свободы», «равенства», «чистой демократии». Вскоре ссылка на нарушения свободы и равенства, на отказ от демократии стала во всем мире «самым ходким и популярным возражением» против социалистической революции². «Снимая» или затушевывая *классовое* содержание понятий «свобода», «демократия», «диктатура», противники большевиков сдвигали всю проблему сначала в плоскость обвинений в «культе насилия», а затем и в плоскость исторического отличия «Востока» от «Запада».

Практика революций в центре Европы, поставив в порядок дня кардинальный вопрос: «Власть Советов или Национальное собрание?», вынесла полемику о сущности и формах революционной власти на международную арену. Отвечая на вызов противников, Ленин сделал противопоставление диктатуры пролетариата буржуазной демократии стержнем своего доклада на Учредительном конгрессе

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 188—189.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 424.

Коммунистического Интернационала и других выступлений этого времени ¹. Оно стало естественным водоразделом в рабочем движении между революционерами-коммунистами, с одной стороны, правыми социал-демократами и центристами — с другой; по этой линии с неумолимой резкостью продолжалось размежевание. Споры шли прежде всего о роли Советов в революции, о возможности «сочетания» власти Советов и буржуазного парламента и — шире — о наличии или отсутствии в то время «демократической альтернативы» пролетарской диктатуре.

Вскрывая теоретическую основу этих споров, Ленин напоминал, что в эпоху уничтожения феодализма и установления буржуазно-демократического строя лозунгами буржуазии были свобода и равенство (а также собственность). Лозунгами эпохи уничтожения капитализма, считал он, должны стать: «уничтожение классов; диктатура пролетариата для осуществления этой цели; беспощадное разоблачение мелкобуржуазных демократических предрассудков насчет свободы и равенства». Пока не уничтожены классы, «при всяком рассуждении о свободе и равенстве должен быть поставлен вопрос: свобода для какого класса? и для какого именно употребления? равенство какого класса с каким? и в каком именно отношении? Обход этих вопросов, прямой или косвенный, сознательный или бессознательный, является неизбежно защитой интересов буржуазии, интересов капитала, интересов эксплуататоров» ². Ибо лишь формальное признание свободы и равенства в условиях капитализма обычно прикрывает фактическое отсутствие их для громадного большинства населения.

В этой связи Ленин уделил много внимания принципиальному различию власти Советов и буржуазного парламентаризма (иного парламентаризма тогда не было). Разъясняя, почему рабочие Советы, вызванные к жизни творчеством самих масс, являются *более демократической властью*, чем самые лучшие образцы буржуазно-парламентской демократии, он исходил из исторической изменчивости всех и всяких форм государственной власти, в том числе и форм демократии. При этом у него не возникло никаких сомнений относительно ценности буржуазного парламентаризма и демократии как «учреждений, в высокой степени прогрессивных по сравнению с средневековьем» ³.

Вместе с тем, говорил Ленин, «величайшей нелепостью было бы думать, что самая глубокая революция в истории человечества, первый в мире переход власти от меньшинства эксплуататоров к большинству эксплуатируемых может произойти внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентарной демократии, может произойти без самых крутых переломов, без создания новых форм демократии,

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 333—337.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 425.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 493.

новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т. д.»¹.

Имея в виду прежде всего опыт Советской России, но учитывая также крупный опыт Советов, возникших в Центральной Европе, Ленин указывал, что пролетарская или советская демократия переносит центр тяжести с *формального* провозглашения политических прав и свобод для всех граждан на *фактическое* предоставление их пролетариату и трудовому крестьянству, эксплуатируемому большинству. Поскольку реальной сущностью демократизма может быть только фактическое участие народа в *управлении государством*, главный недостаток буржуазной демократии и парламентаризма состоит в том, что именно массы трудящихся, даже будучи равноправны по закону, «на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами»; армия оставалась орудием угнетения, а чиновничий и судейский аппарат являлся наибольшей помехой осуществлению демократии².

Преимущество Советской власти Ленин видел в том, что с ее установлением весь старый аппарат насилия разрушается, а массы рабочих и крестьян через Советы постоянно, непременно, и притом решающим образом, участвуют в управлении. Облегчая выборы и отзыв депутатов, преодолевая оторванность представительных учреждений от масс, проводя принцип ответственности и подотчетности должностных лиц, устанавливая равноправие граждан независимо от пола, религии, расы и национальности, Советская власть способна максимально сблизить массы трудящихся с аппаратом управления³.

Выявляя решающее превосходство советской системы, Ленин вместе с тем отнюдь не изображал ее «чудесным талисманом», который «излечивает сразу от недостатков прошлого»⁴. Складывавшиеся в России конкретные формы он вовсе не считал вполне совершенными, лишенными недостатков. То, что европейские пролетарии, которые «инстинктом уловили» значение Советов, подчас с трудом воспринимали русский опыт Советской власти, Ленин объяснял реальным противоречием «между отсталостью России и ее «скачком» к высшей форме демократизма», скачком «*через* буржуазную демократию». Образованного марксиста такое противоречие, заметил Ленин, не должно бы смущать: «удивительно было бы, если бы осуществление *новой* формы демократии история подарила нам *без* ряда противоречий»⁵. Но для теоретиков типа Каутского это противоречие стало излюбленным способом порочить Советы.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 498—499.

² Там же, стр. 500.

³ См. там же, стр. 500—501; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 90—94, 424—427.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 38, стр. 239.

⁵ Там же, стр. 304.

Каутский и в разгар революций в центре Европы продолжал «побивать» Советы формально-юридическими доводами, вроде того, что в них представлены не все слои населения, что парламент имеет будто бы «бóльший моральный авторитет». Но доктринерские построения Каутского опровергал уже сам факт стремительного распространения идеи и практики Советов. Возникновение в Германии, Австрии, Венгрии, а также в Италии, Польше, Нидерландах, Норвегии более или менее развитых организаций «типа Советов» было бы немыслимо, если бы в самих этих странах не имелось для того соответствующих предпосылок.

Идейно-политическая потребность создания новых организаций наряду с традиционными — политическими партиями и профессиональными союзами — была обусловлена тем, что революционным обстоятельствам более всего соответствовали именно организации «типа Советов» с их неформальным и весьма динамичным демократизмом, с их стремлением вовлечь в движение самые широкие «низы», не охваченные партиями и профсоюзами, с непрерывным обновлением состава, в том числе руководящего.

Во многих странах существовали непосредственно на предприятиях и прямые предшественники новых пролетарских органов. Так, в Германии давно уже действовали рабочие комиссии, рабочие старосты, а в годы войны возникли комитеты революционных старост, которые и стали инициаторами создания первых рабочих Советов. Подобным же образом возникали рабочие Советы в Австрии и Венгрии. В Италии фабрично-заводские Советы выросли из фабричных комиссий, в Англии зародышем такой организации, не получившей, впрочем, полного развития, были комитеты шоп-стюардов.

Именно органически присущий Советам демократизм вызвал их быстрое и широкое распространение также среди солдат, притом даже в тех странах, где рабочие Советы не успели сложиться. Вместе с тем создание Советов в деревне натолкнулось в Европе на значительные трудности, и только в Венгрии Советы трудящихся крестьян сыграли известную революционную роль.

Самую развернутую попытку дискредитировать Советы, сузить их значение с помощью левого социал-демократического теоретизирования предпринял австромарксистский философ Макс Адлер. Летом 1919 г. в брошюре «Демократия и система Советов» он, называя Советы «органами перманентной революции», признал: «Идея рабочих Советов стала ныне самым дорогим для сердца и ума революционного пролетариата представлением». Стремясь его разрушить или хотя бы подорвать, Адлер заявил, что Советы — скорее «продукт *русского* рабочего движения, чем плод революции», а проявленный по отношению к ним в Германии и Австрии энтузиазм вызван восхищением русской революцией, первой сломившей кровавый гнет войны, а вовсе не осознанной потребностью. Презрительно утверждая, что массовой психологии вообще свойственно «почти безвольное подчинение

страсти подражания», он постарался внушить австрийским рабочим, что из-за отсталости России и ее «незрелости» для социализма Советы подверглись там «извращению», стали органами «диктатуры вождей», даже «терроризма»¹.

В отличие от Каутского Адлер заявил, что в ценной книге В. И. Ленина «Государство и революция» нет ни единого вывода, «который не соответствовал бы основным идеям революционной социал-демократии». Он подтвердил, что марксизм требует слома буржуазной государственной машины и установления диктатуры пролетариата, что пролетариату враждебны мнимая буржуазная демократия и парламентаризм, а Советы гораздо лучше, чем система парламентской демократии, способны преодолеть отчуждение масс от власти. Теория и практика разделения властей, писал он, вообще «несправедливо считается принципом демократии», ибо такое разделение ведет к превращению административных учреждений в «окостеневшую чиновничью машину». Подлинной демократии соответствует то важнейшее, что есть в рабочих Советах: они на всех уровнях *«не только принимают постановления, но и сами хотят тотчас осуществить решенное, тем самым стремясь непосредственно реализовать волю пролетариата»*².

Отмежевываясь от немецких и французских (но не австрийских) реформистов «типа Эберта — Шейдемана — Носке», Адлер объявил разногласия между австромарксистами и коммунистами не принципиальными. Для того чтобы исчезла «мнимая пропасть» между ними, коммунисты должны «только» признать: «большевизм есть лишь особая тактика коммунизма», русские Советы, возникшие в совсем других условиях, нельзя «насадить» в Центральной Европе, «Советская республика» не «чудесный фетиш», и рабочим Советам вовсе не следует к ней стремиться, ибо... ни в Австрии, ни в остальной Европе не созрели-де условия для диктатуры пролетариата и осуществления социализма...³

Придя столь кружным путем к точке зрения всех реформистов, М. Адлер вернулся и к мнению Каутского, что рабочие Советы не должны стать «долговременными принципами организации нового общества, в которых будто бы осуществляется социализм». Они могут быть лишь *«новыми формами социалистической классовой борьбы»*. Их задача и даже смысл существования — «социалистически-революционная пропаганда», не более того. Поскольку «социалистической диктатуре» не следует применять насилие по отношению к «остальному населению, которое еще не высказалось за социализм», то рядом с Советами нужно сохранить и Национальное собрание, как «представительство несоциалистической части населения». Предад

¹ M. Adler. Demokratie und Rätesystem. Wien, 1919, S. 20—21, 25, 27.

² Ibid., S. 15, 30—31, 38—39.

³ Ibid., S. 10, 12, 19, 25.

забвению только что сказанное им самим о несовместимости двух классовых диктатур и перейдя на гильфердинговскую позицию их «сочетания», Адлер подводил читателей к выводу: «пропаганда социализма будет гораздо более успешной при помощи устного и печатного слова, чем с помощью пулемета и революционного трибунала». В этом, заключал он, «я вижу путь к диктатуре пролетариата без терроризма...»¹.

Столь радикально звучащие рассуждения, вроде бы направленные не против Советов, а за них, способны были ввести в заблуждение немалое число революционно настроенных рабочих, отвлекая их от борьбы за реальную власть Советов. Вместе с тем этот радикализм, хотя бы и словесный, был свидетельством действительной остроты революционной ситуации того времени. Отто Бауэр свидетельствовал, что летом 1919 г., когда появилась эта брошюра, на улицах австрийских городов только и слышно было: «Диктатура пролетариата!», «Вся власть Советам!»² Этим лозунгом заключил свою брошюру и Макс Адлер. Подобные попытки затушевать остроту противостояния двух классовых диктатур лишний раз подтверждали, что в тот момент единственно правильным, принципиально марксистским подходом было жесткое *противопоставление* Лениным и коммунистическим движением власти Советов буржуазному парламентаризму.

О. Бауэр в это же время прилагал старания, чтобы ослабить революционный натиск рабочего класса в сфере социально-экономической. В брошюре «Путь к социализму» он внушал рабочим, стремившимся к немедленной «социализации» собственности капиталистов, что осуществление ее допустимо только при соблюдении ряда ограничений: во-первых, за вознаграждение; во-вторых, не путем национализации, а посредством создания различных форм обобществления с сохранением военно-государственных промышленных объединений (т. е. госкапиталистических монополий) и с привлечением к управлению «рабочих комиссий» или Советов. Отчуждение крупного землевладения возможно тоже лишь за полное вознаграждение (здесь Бауэр пошел назад даже дальше, чем Каутский). Обобществление банков также не должно затронуть интересов собственников.

«Экспроприация экспроприаторов», суммировал Бауэр реформистскую мудрость, «не может и не должна произойти в форме грубой (brutaler, зверской) конфискации капиталистической и помещичьей собственности, ибо в этой форме она не могла бы произойти иначе как ценой громадного разрушения производительных сил, которое разорило бы сами народные массы, застопорило бы источники народного дохода». Средством упорядоченной, урегулированной экспроприации Бауэр объявил налоги и даже подсчитал, что с их по-

¹ М. Adler. Op. cit., S. 23, 28, 31—32, 36—37.

² См. О. Бауэр. Указ. соч., стр. 93—94.

мощью можно изъять у имущих сначала «чуть менее четырех девятих» их дохода, а дальше — больше...¹

Ленин, прочитав эти рассуждения, напомнил, что их автор некогда высказывался за пролетарскую революцию. Но едва дело дошло до нее, как «верх взяла натура педанта, филистера, который испугался и стал поливать бушующую революцию маслицем реформистских фраз». Этот «милейший добряк» и добросовестнейший писатель ученых книг, лучший среди социал-демократических деятелей, «забыл совсем маленькую мелочь: он забыл, что подобный «упорядоченный» и «урегулированный» переход к социализму (переход, несомненно, самый выгодный для «народа», говоря абстрактно) предполагает абсолютную прочность победы пролетариата, абсолютную безнадёжность положения капиталистов, абсолютную для них необходимость и их готовность оказать добросовестнейшее подчинение» пролетарской власти. Такое стечение обстоятельств теоретически, абстрактно станет возможным в какой-нибудь маленькой стране после победы пролетариата в крупнейших странах. Но оно немыслимо в реальных условиях послевоенного мира, когда капиталисты уже развязали против пролетариата жесточайшую гражданскую войну².

Этого параграфа работы Бауэра, рассмотренного Лениным, достаточно для оценки научного уровня рассуждений автора. Но последний параграф его книги, озаглавленный «Предпосылки социализации», показывает, что «забывчивость» и «педантизм» — еще не все. Главное заключалось в убеждении Бауэра, которое он не рискнул, впрочем, высказать ясно и открыто: революцию следует «отложить». Исподтишка, намеками он старался внушить читателю мысль, что социалистические меры, даже самые осторожные, можно будет осуществить не сейчас, а лишь *после* заключения мира, лишь когда большинство народа «будет преисполнено социалистическими убеждениями, волей к социализму», лишь *после* присоединения Австрии к Германии и т. д. и т. п. Он не исключал, правда, возможности «другого пути» — посредством «страшного штурма», как в России. Однако именно для предотвращения такой — вполне реальной в ту пору — возможности и Бауэр и Каутский старались приукрасить «свой путь к социализму». Русский же путь они, запугивая рабочих, рисовали самыми мрачными красками³. Так в желании отложить, отсрочить революцию и социализм «до лучших времен» центристские теоретики социал-демократии полностью смыкались с правыми.

Во второй половине 1919 г., после падения Венгерской Советской республики и снижения революционной активности масс в Австрии и Германии, центр тяжести идейных споров об альтернативе — диктатура пролетариата или буржуазная демократия — пере-

¹ См. О. Bauer. Der Weg zum Sozialismus. Berlin, 1919, S. 5—6, 8, 28—29.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 136—138.

³ О. Bauer. Op. cit., S. 30—32.

двинулся с вопроса о роли Советов в более общую плоскость. Осенью 1919 г. Каутский опубликовал в Берлине книжку «Терроризм и коммунизм. К естественной истории революции»¹. В Лондоне лидер английской Независимой рабочей партии Р. Макдональд издал брошюру «Парламент и революция»². В Вене появилась анонимная брошюра «Мировая революция»³.

Каутский и в новой книжке безоговорочно осуждал «большевистские методы», усматривая в них исключительно произвол и насилие, терроризм и «ужасное братоубийство». Большевики «не выдержали,— по его ученому мнению,— искусства в марксизме», а поддались массовому психозу и, сделав *«простую волю масс движущей силой революции»*, вызвали этим «деградацию социалистического движения». В Москве или Будапеште, утверждал Каутский, более всего боявшийся самостоятельности масс, будто бы и «не спрашивают, какая политика в данных экономических условиях возможна и необходима, а исходят из мнения, что так как социализм для пролетария желателен, то социалисты везде, придя к власти, должны его немедленно осуществить».

Издевательски называя диктатуру пролетариата и власть Советов «философским камнем», искомой панацеей, Каутский объявил «особенной дерзостью» Ленина и большевиков то, что они, «не желая идти по пути демократии, создали новую теорию: диктатура в противовес демократии», выдвинули тезис о необходимости диктатуры пролетариата не только в России, но и во всем мире, в том числе и в «старых демократиях» Запада. Но здесь, вещал он, «диктатура Советов» неминуемо приведет к гражданской войне, полной экономической разрухе, голоду и, наконец, к победе контрреволюции. И даже вину за белогвардейский террор социал-демократа Носке Каутский не устыдился возложить... на революционеров: Носке пошел-де по стопам большевиков, а революционеры своим «путчизмом» развязали в Германии (и грозят продолжать ее десятилетия) не настоящую классовую борьбу, а «братоубийственную борьбу среди пролетариата». В Западной Европе, утверждал Каутский, где демократия «вошла уже в плоть и кровь рабочих», им некуда спешить; это большевики, кощунствовал он, ждут мировую революцию «как Мессию»⁴.

¹ K. Kautsky. Terrorismus und Kommunismus. Ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution. Berlin, 1919.

² J. R. MacDonald. Parliament and Revolution. Manchester, 1919.

³ «Weltrevolution». Wien, 1919. Ее автором считают О. Бауэра. В биографии О. Бауэра Ю. Браунталь не называет эту работу. Но, излагая содержание другой брошюры Бауэра, он как бы ненароком пересказывает там также мысли из «Мировой революции» (см. J. Braunthal. Das Lebensbild O. Bauers.— O. Bauer. Eine Auswahl aus seinem Lebenswerk. Wien, 1961, S. 45).

⁴ K. Kautsky. Terrorismus und Kommunismus, S. 7—8, 61, 110, 121, 138—152.

Ленин, узнав об этом новом творении Каутского, отметил, что его автор, обвиняя революционеров в терроризме, пытается скрыть тот факт, что не один Носке, а *«буржуазия всего мира организует и ведет гражданскую войну против революционного пролетариата»*. У Каутского не только «исчезает всякая тень революционного сознания, всякая тень исторического реализма», но он *«фактически оказывается на стороне буржуазии в той гражданской войне, которая во всем мире либо идет уже, либо готовится»*¹.

С ответом на клевету буржуазии, Каутского и австромарксистов о «большевистском терроре» выступили многие революционеры. Австрийский социал-демократ А. Тойблер, бывший редактор венской «Арбайтер-цайтунг», вернувшийся из русского плена, в брошюре «Защита большевиков» указывал, что для решения задач, успешно осуществленных Советской властью в России, Учредительное собрание было вовсе непригодно, ибо «как уменьшающее зеркало старого буржуазного общества оно в лучшем случае было способно служить инструментом создания соответствующей этому старому обществу конституции, если вообще было на что-либо способно». Характеризуя Ленина, Тойблер писал: «Я измеряю цену мира спасенными жизнями людей и созданным человеческим счастьем. И я с благодарным сердцем восхищаюсь действиями Ленина, как величайшим делом, совершенным на земле в этом столетии. Ленин заслужил этим не только Нобелевскую премию мира; он завоевал себе бессмертие»².

В это же время немец И. Эйзенбергер опубликовал в Мюнхене брошюру «Ленин вблизи», начав ее открытым письмом Каутскому. «Вернувшись из России на родину,— писал автор,— я с горечью увидел, какие извращенные представления распространяются здесь о русской революции. Ваша книга вовсе не объективна, Ваши источники недостоверны. Либо Вам надо серьезно переучиться, либо проститься со славой добросовестного историка и руководителя германской революции...» Опираясь на документы и личные впечатления, автор разрушил всю систему рассуждений Каутского о роли Советов, терроре, военных и экономических перспективах Советской России³.

Но появлялись и труды, авторы которых, признавая на словах необходимость пролетарской диктатуры в России, всячески отговаривали от нее рабочих европейских стран. Так, анонимный автор брошюры «Мировая революция» как будто отмежевался от мнения буржуазии и Каутского, что большевизм — это «безумие и преступление». Он был готов даже признать положительную роль больше-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 184, 187—188.

² А. Täubler. Eine Verteidigung der Bolschewiki. Politische Betrachtungen eines österreichischen Sozialdemokraten in der russischen Kriegsgefangenschaft. Wien, 1919, S. IV, 1, 4, 6.

³ J. Eisenberger. Lenin aus nächster Nähe. Die russischen Genossen bei der Arbeit. Kritik der Schrift Kautskys: «Terrorismus und Kommunismus». München, 1919, S. 9—10 u. a.

визма в особых русских условиях, как «силы разрушения» отжившего строя: мировая война открыла *«эпоху пролетарской революции»*, в которой и «большевистская диктатура Советов» тоже занимает свое место. Но ни в коем случае не как образец, а только как «одна из преходящих форм и фаз мировой революции». Однако, едва заговорив об Австрии и вообще о Европе, он тотчас присоединился к Каутскому. Не жалея сильных слов, он внушал европейским рабочим: стремление к пролетарской диктатуре приведет только к «бессмысленному *самоубийству* пролетариата»¹.

Чтобы отвлечь рабочих от революционной борьбы, автор решил «теоретически» обосновать ее бесперспективность. Судьба мировой революции, заявил он, решается вовсе не в России и даже не в Центральной Европе. В результате войны существенно укрепились мировые экономические и политические позиции Англии и особенно США. Вспомнив, что Маркс после победы Германии над Францией в 1870—1871 гг. «правильно предсказал» перемещение центра международного рабочего движения из Франции в Германию, автор эксплуатирует аналогию: «Победа англосаксонских стран в мировой войне приведет к *перемещению центра тяжести международного рабочего движения с европейского материка в Англию и Америку*». Прочитав это место, Ленин сделал на полях ироническую пометку².

Известно, что, по Марксу, перемещение центра связано с тем, что германское рабочее движение проявило тогда высокую теоретическую и политическую зрелость. Но автора это не интересовало, ибо ему хотелось доказать другое: *«Не в побежденных странах,— подчеркивал он,— не в России, не в Венгрии и не в Германии будет решен исход классовой борьбы между капиталом и трудом, вопрос о будущем общественном строе, а в странах, которые будут отныне властвовать над миром и определять мировую экономику: в Великобритании и Америке»*³. Нужно поэтому смотреть не на Восток, а на Запад. А поскольку в странах-победительницах нет ни голода, ни безработицы и предстоит благоприятная экономическая конъюнктура, то там в обозримом будущем не может быть ни революции, ни диктатуры пролетариата.

Перспектива выглядела столь безрадостно, что анонимный автор, желавший все же казаться революционером, должен был искать — и нашел — утешение. Оказывается, Англия еще со времени англо-бурской войны (!) находится в «процессе быстрого и чрезвычайно глубокого социального преобразования» (об Америке он предпочел умолчать), который ведет к «демократизации и социализации»

¹ «Weltrevolution», S. 17—19.

² Ibid., S. 3—4. Пометки В. И. Ленина на брошюре «Weltrevolution» см.: Ленинский сборник XXIV. М., 1933, стр. 216—252.

³ «Weltrevolution», S. 4.

путем постепенных реформ, «просто под давлением стачек, избирательной борьбы и парламентских комбинаций», без «кровавой гражданской войны» и «драматических революционных боев»¹. Вывод был ясен: австрийским, германским и иным рабочим Европейского континента нужно не революцию делать, а терпеливо ждать.

Р. Макдональд в своей брошюре не щеголял марксистскими словечками. Он объявил себя убежденным социалистом и демократом, сторонником постепенных реформ.

Мы живем сейчас, писал он, «в революционные времена», порожденные войной. Рабочий класс, осознав свою роль, стал требовать, чтобы его пожелания осуществлялись немедленно. В России труд поднялся против капитала, и Ленин, «выдающийся ум русской революции», сделал попытку осуществить реальное преобразование общества. А международный капитал не нашел иного ответа, как «бросить Деникина на Ленина, и не потому, что Ленин плох или Деникин хорош, а просто потому, что Ленина надо раздавить». Труд же повсюду идет за Лениным, так как Ленин «ведет его собственную борьбу»². Русская революция «не совершила ни одной жестокости, какую не совершали бы или снисходительно не допускали бы» правящие при капитализме классы. Но разница в том, что она, действуя в интересах рабочего класса, «совершила эти «жестокости» в борьбе за социальную демократическую республику», что жертвы необычны — «они принадлежат к тем классам, которые владеют газетами и распоряжаются радиопередачами. А потому на сей раз народу предлагают содрогаться при виде зла, которое влечет за собой классовая борьба»³.

Макдональд твердо заявил, что именно нападение союзных держав на Советскую Россию «создало красный террор, оно способствовало сохранению революционных трибуналов, оно несет ответственность за политические казни. Ангел, ведущий запись дел человеческих, который видит истину лучше, чем люди, отнес преступления, совершенные в России в последние годы, не на счет Советского правительства, а на счет Франции, Великобритании и Америки, и история поставит им в вину эти преступления»⁴.

Переходя от России к Великобритании и другим странам Запада, Макдональд признал, что «парламентарное правление стало капиталистическим учреждением и останется крепостью капитализма». Тем не менее он решительно отвергал применение здесь революционных методов, старался убедить читателя, что революционные настроения пройдут, бури улягутся⁵. Он объявил ложным тезис «нужно совершить революцию, чтобы преобразовать капитализм в социализм»,

¹ «Weltrevolution», S. 7—8.

² J. R. MacDonald. Op. cit., p. 11, 14—15.

³ Ibid., p. 19—20.

⁴ Ibid., p. 30.

⁵ Ibid., p. 13.

утверждая, что политическая пропаганда способна «создать новое общество в недрах старого, как бабочка вырастает в куколке», а партия, которая намерена установить социалистический строй, должна «опираться больше на свободу, чем на насилие». Диктатура, «если и терпима для поддержания революции в критической стадии взрыва», то она «абсолютно нетерпима в период преобразования общества»¹.

В статье о III Интернационале, напечатанной в газете французских социалистов², Макдональд заявил, что создание его было пенужным и вредным, поскольку следовало избежать раскола «среди социалистов» Западной Европы, для которых опыт Советской России будто бы совершенно непригоден. Полностью воспроизводя эти рассуждения в своей статье, опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал», Ленин заметил, что они убеждают в прямо противоположном: решительный и бесповоротный теоретический и практический-политический разрыв между Коминтерном и Бернским Интернационалом был продиктован их принципиально различными подходами к социалистической революции. «Пролетариат, — писал Ленин, — нуждается в правде, и нет ничего вреднее для его дела, как благовидная, благоприличная, обывательская ложь». Невозможно единство с теми, кто отрицает подкуп буржуазией верхушек рабочего класса, отход оппортунистических лидеров II Интернационала от революции или лишь словесное ее признание. В то время как коммунисты считают своей задачей, работая в массах, «на деле помогать революции, приближение которой вынужден признать даже Рамсей Макдональд», он и другие лидеры Бернского Интернационала даже не помышляют о том, чтобы «воспитывать массы в сознании неизбежности и необходимости *победить* буржуазию в гражданской войне»³. Они продолжают «*пугать* капиталистов революцией, *стращать* буржуазию гражданской войной», чтобы добиться от них уступок, согласия на реформистский путь»⁴.

И действительно, О. Бауэр из всех сил старался использовать угрозу большевизма и «диктатуры Советов», чтобы побудить как державы Антанты, так и австрийскую буржуазию «не перегибать палку». Однако он сам же сводил свои старания на нет, запугав не столько буржуазию, сколько самого себя и своих сторонников. Весной 1920 г. он опубликовал новую объемистую книжку под заглавием «Большевизм или социал-демократия?»⁵. Каутский, кото-

¹ J. R. MacDonald. Op. cit., p. 34—32. Эти и другие утверждения Макдональда вызвали провинческие замечания Ленина на полях прочитанной им брошюры (см. Ленинский сборник XXIV, стр. 253—285).

² J. R. MacDonald. La Troisième Internationale. — «L'Humanité», 14.IV. 1919.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 97, 101, 105.

⁴ Там же, стр. 105.

⁵ O. Bauer, Bolschewismus oder Sozialdemokratie? Wien, 1920.

рый давно уже объявил отношение социал-демократии к «большевистским методам» самой «центральной проблемой социализма», поспешил назвать работу Бауэра «классическим произведением социалистической литературы»¹. Чем же так порадовал Бауэр своего учителя, с которым иногда спорил?

Первые страницы предисловия могли бы показаться антитезой тому, о чем упорно твердил Каутский. Бауэр в патетическом, даже сентиментальном, ключе провозглашал здравицу русской революции. Россия, прежде цитадель европейской контрреволюции, стала теперь, писал он, ареной «величайшей пролетарской революции». Здесь впервые пролетариат захватил власть и стремится создать социалистический строй. «Капиталистический мир дрожит» и... «организует заговоры, военные походы, голодную блокаду, интригуется, лжет, клеветает». Тем сильнее, однако, сочувствуют пролетарии всех стран русскому пролетариату. «Впервые международный пролетариат, расколотый и разобщенный войной, един в ежедневном страстном протесте против интервенции в России. Он добивается первой победы, заставляя западные державы отозвать свои войска...»

Однако тональность повествования вскоре меняется. Оказывается, сочувствовать революционной России опасно, ибо западный пролетариат может при этом изменить собственным традициям и идеям, поскольку «разочарование в демократии и воодушевление русской революцией» способны увлечь его «на путь большевизма»². В противодействии этой опасности и видел свою задачу Бауэр. Вся его книжка пронизана желанием обосновать принципиальное различие условий и методов, противоположность позиций социал-демократов и коммунистов. Стремясь запугать европейского читателя и во что бы то ни стало доказать, что «методы русской революции» в Европе совершенно неприменимы, Бауэр сознательно утрировал различия в социальной структуре России и стран Запада. Подчеркивая больший удельный вес на Западе городской мелкой буржуазии и интеллигенции, более тесную связь этих «средних слоев» с капиталом (как в экономическом отношении, так и с точки зрения их приверженности националистической и империалистической идеологии), влияние реакционно-клерикальных партий в деревне и т. п., Бауэр фактически подбирал аргументы *против революции в Европе*. Так, утверждал он, если русского крестьянина пролетариат смог подчинить своему руководству, то крестьянин Западной и Средней Европы настроен резко против рабочих. Власть рабочих Советов он не примет, навязать ее силой невозможно, а без опоры в деревне революция не может победить³.

Теоретическому обобщению длинного ряда подобных противопоставлений автор посвятил параграф 14 своей книги, озаглавленный

¹ См. J. Braunthal. Op. cit., S. 41.

² O. Bauer. Op. cit., S. 3—4, 6.

³ Ibid., S. 80.

«Диктатура и демократия». Здесь он выдвинул положение о «социальных факторах силы» (soziale Machtfaktoren), которых насчитал пять: 1) численность класса; 2) характер, сила, дееспособность его организации; 3) его место в системе производства и распределения, определяющее те экономические средства, которыми он располагает; 4) сила (Stärke) его политического интереса, его подвижности, активности, способности пойти на жертвы; 5) уровень его образованности, степень способности идейными средствами влиять на членов собственного класса и других классов, притягательная сила его идеологии¹.

Само по себе выделение этих факторов для характеристики общественного веса, силы, влияния того или иного класса не было оригинальным; в той или иной формулировке эти элементы издавна присутствовали во многих марксистских работах². Но, манипулируя «факторами» и «средствами насилия», Бауэр попытался так «углубить» понятия «демократия» и «диктатура», чтобы иметь возможность заявить: «Демократия есть та государственная форма, при которой распределение силы (или власти) в государстве определяется исключительно социальными факторами силы, а не смещается в интересах одного класса применением материальных средств насилия». Столь глубокомысленного определения «чистой демократии» не придумал даже Каутский.

По Бауэру, в демократическом государстве распределение силы (или власти) обусловлено будто бы *всеми* названными им факторами. Так, чем многочисленнее класс, тем сильнее воздействует он на результаты выборов и тем больше его представителей в народной армии. Чем лучше организован пролетариат, тем сильнее он влияет на состав и деятельность демократического парламента. Правда, автор вынужден признать, что буржуазии ее богатство позволяет воздействовать на избирателей через свою печать, путем расходования больших денег на избирательную кампанию и т. п. Но и пролетариат может «действенно влиять» на законодательство посредством... забастовок. Из этого следует, что «общая воля» демократического государства есть прямое выражение «социальных факторов силы»³.

Поэтому демократическое государство является инструментом господства имущих классов только до тех пор, пока пролетариат малочислен. Почему пролетариат Германии, Австрии и других стран Европы до сих пор не взял в свои руки власть? Да просто потому, что «широкие слои рабочих еще не освободились от влияния капиталистической прессы, капиталистического обмана, капиталистического воспитания». Но едва только пролетариат составит большинство избирателей и просветится (в условиях капитализма!), как сразу же

¹ O. Bauer. Op. cit., S. 109. Перевод затрудняется многозначностью и сходством слов «Macht», «Kraft», «Stärke», «Gewalt».

² См., например, В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 328—329; т. 39, стр. 15; Ленинский сборник XI. М., 1933, стр. 391.

³ O. Bauer. Op. cit., S. 109—113.

демократия станет инструментом его господства, станет пролетарской демократией». Для этого не пужна революция: это сделают сами собой чудодейственные «социальные факторы силы». Правда, вспоминает Бауэр, «демократическое государство тоже опирается на насилие, как и всякое государство». Но оно, оказывается, «применяет силу оружия» вовсе не для удержания в узде эксплуатируемых, не для подавления забастовок, разгона демонстраций и т. п., а «лишь с той целью, чтобы обеспечить действие своих законов, указаний, распоряжений против сопротивляющегося меньшинства...». А вот в основе Советской власти (как и свергнутой монархии Вильгельма II!) будто бы заложено противоречие между властью, опирающейся на насилие, и властью, обусловленной социальными факторами, и она зиждется на *«изнасиловании социальных факторов силы»* (Vergewaltigung der sozialen Machtfaktoren)¹.

Можно ли удивляться тому, что Ленин, прочитав эти рассуждения, был глубоко возмущен? За одну эту фразу Бауэра о насилии «над социальными факторами силы», с иронией заметил он, «мы должны были бы поставить ему при жизни памятник... если бы мы свободно распоряжались в Вене». А пока, резюмировал Ленин, надо помнить: «Оппортунизм — наш главный враг. Оппортунизм в верхах рабочего движения, это — социализм не пролетарский, а буржуазный». Его носители — «лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться»². Это доказывает не только история режима Керенского в России, но и новейший опыт Германии, Австрии, Франции, Англии, США.

Вопреки заверениям Макдональда, Каутского и особенно Бауэра вся их аргументация в пользу «демократической альтернативы» большевизму, власти Советов и диктатуре пролетариата заключалась не в предложении других, но равно *революционных* методов и форм борьбы, ведущих к установлению власти пролетариата, а, напротив, в отвлечении, в отпугивании масс *от революции* против капитализма. Эта «демократическая альтернатива» была тогда не более чем средством «отговориться» от революционных действий, а тем самым и от борьбы за власть, за социализм. Между тем время, когда велась эта полемика, было порой острейших классовых битв, в ходе которых решалась судьба международной революции. Поэтому распространение иллюзий о возможности «демократической альтернативы» объективно служило в условиях бурных революционных потрясений — независимо от субъективных намерений того или иного лидера — идеологической подмогой противникам рабочего класса. Значительные мас-

¹ O. Bauer. Op. cit., S. 111, 119—120.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 230—232; Ленинский сборник XXXVII. М., 1970, стр. 218, 223—224.

сы пролетариата сохраняли восприимчивость к успокоительным вещаниям социал-реформистских авторитетов, к их разлагающей проповеди ожидания «лучших времен».

УРОКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

Анализируя весной 1920 г. состояние революционного движения на Западе, Ленин почти дословно повторил сказанное годом раньше: «В первое время революции у многих была надежда, что в Западной Европе начнется социалистическая революция с момента, непосредственно связанного с окончанием империалистической войны, ибо в тот момент, когда массы были вооружены, революция могла пройти с наибольшим успехом и в некоторых странах Запада»¹. Исходя из этого, коммунисты ориентировались на использование чрезвычайной редкой исторической возможности энергичного совместного удара по буржуазному строю ряда стран. «Как раз в этот момент, — вспоминал Ленин позднее, — пролетариат мог бы решить дело против капиталистов одним ударом»².

Почему же социалистическая революция в Европе не только не победила, но и не развернулась в полную силу? Глубокое понимание всего комплекса общих и конкретных причин пришло не сразу, хотя главные из них Ленин вскрыл уже по горячим следам событий.

Объективные, прежде всего экономические, предпосылки социалистической революции были в развитых странах капитала безусловно налицо. Это подтвердили мощные социально-экономические и политические потрясения, сопровождавшие вступление мировой системы капитализма в эпоху ее общего кризиса. Картина послевоенного мира характеризовалась неизмеримо большим, чем прежде, обострением всех капиталистических противоречий. Как говорил Ленин в 1920 г., война отбросила в состояние нищеты, голода и разорения около четверти миллиарда населения (России, Германии, бывшей Австро-Венгрии, Болгарии). Жестокому гнету и эксплуатации подвергалось миллиардное население колоний. Страны, сохранившие свои довоенные границы, но попавшие в зависимость от Америки, имели не более четверти миллиарда населения, и столько же те страны, в которых, «разумеется, лишь верхушка, лишь капиталисты» выиграли от передела мира. В результате войны «эксплуатация финансового капитала, капиталистических монополий выросла во много раз». Хозяйственная и финансовая система была повсюду расстроена, несоответствие между заработной платой и ценами гигантски возросло. Общую ситуацию Ленин резюмировал в словах: «Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 203.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 311.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 218—219, 228.

Наличие революционного кризиса составляло реальную основу возможного революционного действия. Однако и глубина кризиса, и расстановка классовых сил были в разных странах неодинаковы. В условиях перехода от войны к миру произошли революции в ряде стран (Финляндия, Германия, Австрия, Венгрия), а в странах-победительницах (Франция, Англия, США) дело не дошло до «общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»¹, непосредственная борьба за власть не развернулась. Но и там, где начались революции, положение господствующих классов не стало «абсолютно безвыходным». Позиции буржуазии, экономически развитой и опиравшейся на многолетний опыт полного или частичного господства, проникшей во все звенья общественной структуры и государственного аппарата, были более мощными и более глубоко эшелонированными, чем в России. Правящие классы Германии, Австрии и других стран, учитывая также русский опыт, сумели мобилизовать против революции все свои силы и резервы.

На развитии революционной борьбы в Европе отрицательно сказалось то, что она развернулась уже после окончания войны. В России большевистский лозунг мира был могучим средством революционной мобилизации самых широких масс. На Западе буржуазия удержала в своих руках вопросы мирного урегулирования, лозунг мира перестал быть революционизирующим средством. Напротив, правящим кругам обеих коалиций удалось использовать разработку условий мира для разжигания новой волны национализма и шовинизма, а пацифистские настроения в значительной мере заглушить демагогической шумихой, сопутствовавшей созданию Лиги наций. Хотя противоречия между победителями и побежденными, грызня из-за границ, передел сфер влияния и колоний достигли большой остроты, империалисты смогли столковаться о совместном ограблении Германии и ее союзников. В странах Антанты только наиболее сознательные рабочие протестовали против насильнической Версальской системы, значительные же слои населения, напротив, связывали с ней надежды на мир и улучшение их собственного положения.

Международная буржуазия сразу же окружила Советскую Россию кольцом военной и экономической блокады, приложила все старания, чтобы «задушить в колыбели» (как выразился У. Черчилль) первенца международной революции. Хотя империалистам не удалось раздавить ее так же, как они задушили Советскую Баварию и Советскую Венгрию, они нанесли ей огромный материальный ущерб, ввергли народы России в крайние бедствия и нужду. И они же лицемерно изображали это состояние как результат революции и деятельности большевиков. Дискредитацией революции и Советской власти занималась огромная пропагандистская машина, пользовавшаяся

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 70.

услугами ренегатов и соглашателей. И если, несмотря на все это, Антанта вынуждена была отозвать своих солдат, а международный пролетариат массовыми выступлениями поддерживал Советскую Россию в самые критические для нее моменты, то это было самым непреложным доказательством мощи революционного подъема.

Буржуазные правители разных стран, а не только Финляндии, Германии и Венгрии, не колеблясь, применяли меры жестокого подавления и террора против собственных пролетариев, заливая кровью рабочих улицы городов. Грубое насилие было главным средством контрреволюции, но она широко использовала и иные методы, причем изображала революционеров насильниками, анархистами и террористами, несущими ужасы новой войны, себя же выставляла поборницей «порядка», «свободы» и «демократии», носительницей мира. Под напором масс буржуазия лавировала, прибегала к переговорам и демагогии, соглашалась на большие или меньшие, действительные или мнимые уступки, лишь бы только сбить революционный накал.

В то время как правящие круги развитых стран капитала проявили в период революционного кризиса большую организованность и маневроспособность, рабочий класс продемонстрировал не только свою мощь, но и свои слабости. Пролетариат в Европе был значительно более многочисленным, чем в России. Он в течение десятилетий проходил школу профессиональной и партийной выучки. Социал-демократические и социалистические партии представляли во многих странах внушительную политическую силу, а профсоюзы насчитывали миллионы членов. Однако, когда назрел революционный кризис и настала пора вступить в решающее сражение за власть, выяснилось, что наличные пролетарские организации к этому совсем не подготовлены.

При общей объективной зрелости условий перехода от капитализма к социализму решающая роль принадлежала субъективному фактору — способности главной общественной силы сокрушить старый и создать на его месте новый социально-политический и экономический строй. Массы повсюду проснулись к революционной активности, но им требовалось целеустремленное политическое руководство, способное возглавить борьбу пролетариата за власть, обеспечить ее удержание против всех врагов и организовать революционное преобразование общества и государства. Такое руководство не могли и не хотели осуществить те реформистские рабочие лидеры, которые всю свою жизнь были озабочены только улучшением условий жизни и труда при капитализме, а о революции и социализме вспоминали лишь в дни революционных праздников.

Многие лидеры социал-демократии откровенно перешли в годы войны на сторону «своей» буржуазии, а теперь использовали накопленный годами авторитет рабочих партий и профсоюзов, выкованные в процессе борьбы организационные рычаги для противодействия начавшейся или назревавшей революции. Другие, именовавшие себя

революционерами, социалистами и демократами, осуждавшие прямое сотрудничество с буржуазией, оказались не способны руководить массовыми революционными движениями, особенно когда в них были вовлечены неорганизованные и непросвещенные «низы». Страхась самостоятельности масс, эти лидеры не решались самостоятельно взять политическую власть. Даже в тех случаях, когда она (как это было в Германии и Австрии) сама давалась им в руки, они предпочитали делить ее с буржуазными партиями.

Средства, применявшиеся социал-демократическими руководителями разных стран для спасения капитализма от натиска революционных рабочих, были различными; субъективная роль этих вождей в событиях не была однозначной. Но из их рядов вышли кровавые палачи рабочего класса типа Носке, а также те венгерские социал-демократы и баварские независимцы, которые в решающий момент боев либо сознательно шли на капитуляцию, либо изменяли делу революции, поддавшись панике. Да и на тех, кто словесными ухищрениями отвлекал рабочих от борьбы, лежит историческая ответственность за то, что европейский пролетариат упустил редкостно благоприятную возможность взять в свои руки власть и повернуть ход истории.

Та великая опасность, о которой предупреждал в свое время Ленин, — отсутствие в Европе подлинно революционных партий, способных повести массы на штурм капитализма, — стала действительно великой бедой для рабочего класса. В странах, охваченных революцией, где революционеры и реформисты оказались вскоре по разные стороны баррикад, создавать коммунистические партии пришлось уже в огне боев, под градом преследований. Рождение в таких условиях партий в Австрии, Венгрии, Польше, Германии было само по себе важнейшим завоеванием революционной борьбы. Выход на политическую арену коммунистических партий знаменовал начало нового этапа в развитии рабочего движения этих стран. Но только что возникшие компартии были еще слабы организационно, не прошли идейно-политической закалки, не научились работать в массах, вести их за собой. Они только начинали эту учебу, объединившись в Коммунистический Интернационал.

Однако героическая борьба революционного авангарда европейского пролетариата не была напрасной. В итоге послеоктябрьского революционного подъема коренным образом изменилась вся международная политическая обстановка. Хотя социалистические революции в Европе не победили, революции и революционные преобразования в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы были от начала и до конца делом рук рабочего класса.

Не выйдя в общем за рамки буржуазно-демократических или национально-освободительных переворотов, они разрушили прогнившие империи, создали ряд новых национальных государственных образований. Главной движущей силой в этой борьбе был рабочий класс.

Хотя он и не сумел в полной мере проявить свою гегемонию, но показал, что способен играть ведущую, авангардную роль в революционном процессе.

И в тех странах, где борьба не выросла в революцию, рабочий класс вырвал у буржуазии ряд существенных уступок как в политической, так и в социально-экономической сфере. Почти повсюду было сметено цензовое избирательное право, представительные органы стали формироваться на основе всеобщих выборов и тайного голосования. В большинстве стран капитала рабочие добились законодательного установления 8-часового рабочего дня, признания профсоюзов как контрагентов при заключении коллективных договоров и определении тарифных ставок заработной платы. В ряде стран удалось вырвать у предпринимателей более или менее существенные уступки по вопросам зарплаты, улучшения условий труда, социального страхования и т. д.

Великая Октябрьская социалистическая революция и послеоктябрьский революционный подъем сыграли важнейшую роль в продвижении пролетариата к политической власти, в развитии его революционного самосознания. Хотя «Советское движение» вне России не сумело укорениться, оно явилось прообразом таких органов революционной демократии, которые, будучи созданы инициативой масс, могут успешно действовать в условиях, когда традиционная парламентарная организация не способна обеспечить решение назревших исторических задач.

Верховным арбитром в спорах о путях завоевания пролетариатом власти, о ее сущности и формах выступила историческая практика. Она непреложно показала, что Советская власть, утвердившаяся в России и при революционной поддержке международного пролетариата отразившая атаки всех врагов, смогла превратить Страну Советов в мощный оплот дальнейшей освободительной борьбы народов мира. Социал-реформисты же, хотя и не раз завоевывали сильные позиции в парламенте, оказывались во главе правительств, нигде не освободили трудящихся от гнета капитализма.

Часть II

РАСШИРЕНИЕ
ФРОНТА
БОРЬБЫ
МИРОВОГО
ПРОЛЕТАРИАТА

ЗАЩИТА РЕСПУБЛИКИ СОВЕТОВ

ПРОТИВ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Советский народ встретил первую годовщину Октябрьской революции и установления Советской власти в обстановке сложной и противоречивой. «С одной стороны,— указывал В. И. Ленин,— мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь; с другой стороны, мы никогда не были в столь опасном положении, как теперь». С окончанием мировой войны можно было ждать усиления попыток империалистов Антанты посредством военной интервенции обострить гражданскую войну и свергнуть Советскую власть. «Всякая революция,— говорил в этой связи Ленин,— лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, но не сразу революция научается защищаться». Выразив уверенность, что Красная Армия, в которой уже родилась новая, социалистическая дисциплина, сумеет отстоять завоевания Октября, Ленин подчеркнул, что рабочие вполне созрели для того, чтобы знать всю правду: «Мы должны победить не только белогвардейцев, но и всемирный империализм»¹.

Вести о начале революций в Австрии, Венгрии, Германии, о крушении монархий Гогенцоллернов и Габсбургов, как вспоминала Н. К. Крупская, «целиком захватили Ильича. Он непрестанно выступал. Лицо его радостно светилось... Октябрьские дни первой годовщины были одними из наисчастливейших дней в жизни Ильича»².

Подтвердилось предвидение Ленина, что грабительский Брестский мир не будет долговечным. 14 ноября 1918 г. за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова ВЦИК опубликовал постановление об аннулировании Брест-Литовского договора. «Мир насилия и грабежа пал...— говорилось в нем,— под соединенными ударами германских и русских пролетариев-революционеров». Приветствуя население оккупированных областей России, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Кавказа, ВЦИК выразил убеждение, что освобожденные от ига германского империализма народы не согласятся подчиниться гнету империализма англо-американского или японского, и обещал трудящимся полную поддержку в борьбе «за ус-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 122—123, 125, 127

² «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1. М., 1979, стр. 547.

тановление на их землях социалистической власти рабочих и крестьян»¹.

Еще в октябре 1918 г. в Москве состоялась конференция коммунистических организаций Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши и Финляндии, решившая усилить и координировать освободительную борьбу в оккупированных областях.

Второй съезд Компартии *Украины* указал, что в борьбе за Советскую власть необходимо «объединение Советской Украины с Советской Россией, которое одно только в состоянии обеспечить украинским трудящимся массам полную свободу национального и культурного развития»². Народ поднялся против оккупантов. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, в которое вошли Ф. А. Сергеев (Артем), К. Е. Ворошилов и др., 29 ноября 1918 г. объявило о восстановлении власти Советов. Чтобы помешать этому, буржуазные националисты создали Украинскую директорию, войска которой во главе с Петлюрой с помощью германских оккупантов заняли Правобережную Украину, включая Киев. В результате наступления Красной Армии и восстаний рабочих в начале 1919 г. Советская власть укрепилась в Харькове, а затем победила на большей части Украины.

В *Белоруссии*, где развернулась подлинно народная война против немецких оккупантов, советские войска в декабре освободили Минск. 1 января 1919 г. Белоруссия была провозглашена Советской социалистической республикой (председателем ЦИК стал А. Ф. Мясников)³.

В *Литве* в декабре 1918 г. было образовано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство, которое возглавил В. С. Мицкявичюс-Капсукас. Оно опубликовало манифест о создании независимой Литовской ССР, в котором содержалась программа социально-экономических преобразований и говорилось о стремлении «идти рука об руку с Советской Россией». В освобождении Литвы в январе 1919 г. участвовали части Красной Армии, в том числе сформированный в Москве 5-й Вильнюсский стрелковый полк⁴.

23 декабря 1918 г. ВЦИК в постановлении, подписанном Лениным и Свердловым, подтвердил признание независимости советских республик — Литвы, Латвии и Эстонии, подчеркнув, что «факт бывшей принадлежности этих стран к старой царской империи не налагает на них никаких обязательств», а теперь, на почве «призна-

¹ «Документы внешней политики СССР», т. 1. М., 1959, стр. 565—567.

² «Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. I, 1918—1941. Киев, 1976, стр. 36.

³ См. «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. I (1883—1920). Минск, 1968, стр. 435—437.

⁴ См. «История Литовской ССР». Вильнюс, 1978, стр. 318.

ния полной свободы самоопределения и перехода власти в руки рабочего класса, создается свободный, добровольный и нерушимый союз трудящихся всех наций, населяющих территорию бывшей Российской империи»¹.

Сложные задачи восстановления народного хозяйства, борьбы против внутренней и внешней контрреволюции подсказали Белорусской и Литовской советским республикам целесообразность их объединения. По единодушным решениям съездов Советов обеих республик 27 февраля 1919 г. была образована единая Литовско-Белорусская ССР; председателем ее правительства стал В. С. Мицкявичюс-Капсукас. Реввоенсовет РСФСР передал в распоряжение правительства Литбел ряд воинских частей Красной Армии. В республике был введен рабочий контроль над производством, создан народный банк, национализированы крупные и средние предприятия, введены 8-часовой рабочий день и «полное социальное обеспечение всех трудящихся». При проведении национализации земли вместо наделения ею безземельных и малоземельных крестьян стали, однако, создаваться государственные имения. Были провозглашены отделение церкви от государства, бесплатное обучение детей, восстановлен Вильнюсский университет².

Однако Советская власть натолкнулась здесь на упорное сопротивление внутренней и внешней реакции. В конце февраля 1919 г. началось наступление германских войск и отрядов буржуазного правительства. С юга и юго-запада вторглись польские легионы Пилсудского, которые в апреле заняли Вильнюс. В августе 1919 г. последним частям Красной Армии пришлось покинуть Литву, где утвердилась буржуазная диктатура, жестоко расправившаяся с участниками революционного движения и сторонниками Советской власти³. Западная Белоруссия была оккупирована Польшей. Минск стал столицей БССР.

В Латвии борьбу против оккупантов возглавили коммунисты, партия которых называлась Социал-демократия Латвии. На нелегальной конференции в Риге в ноябре 1918 г. для руководства подготовкой вооруженного восстания был создан Военно-революционный комитет. 4 декабря было образовано Временное Советское правительство Латвии, в которое вошли П. И. Стучка (председатель), К. А. Петерсон, Я. Д. Ленцман. В результате вооруженного восстания рижских рабочих, поддержанных советскими латышскими стрелками, 3 января буржуазное правительство Ульманиса было изгнано. К февралю 1919 г. Советская власть была восстановлена на всей территории Латвии, кроме района вокруг Лиепайи. Съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов Латвии объявил ее социалисти-

¹ «Декреты Советской власти», т. IV. М., 1968, стр. 245.

² См. «История Литовской ССР», стр. 319—325.

³ См. там же, стр. 328—329.

ческой Советской республикой, принял конституцию. Советская власть конфисковала железные дороги и крупные предприятия. Рабочим пришлось самим взяться за восстановление разрушенного производства, прежде всего необходимого для снабжения населения и армии. Земля была национализирована, но не передана крестьянам — на ней создавались совхозы. Введены 8-часовой рабочий день и социальное страхование, основан Латвийский государственный университет ¹.

Однако вскоре социалистическое строительство оказалось прервано наступлением германских войск генерала фон дер Гольца, поддержанного русскими белогвардейцами, балтийско-немецким «ландесвером» и военными формированиями латышской буржуазии при содействии командования английской военной эскадры. 22 мая 1919 г. пала Рига, где интервенты учинили жестокий погром: без суда и следствия были расстреляны, по разным данным, от 4,5 до 7 тыс. человек ². В начале января 1920 г. в руках буржуазной власти оказалась вся Латвия. Министр внутренних дел признал потом, что правительство руководствовалось принципом: «Сколько коммунистов расстреляем, на столько дней больше мы останемся у власти» ³. Вынужденные отступить, латышские стрелки продолжали сражаться на других фронтах гражданской войны.

В Эстонии буржуазное правительство во главе с лидером крестьянского союза К. Пятсом старалось помешать ее революционному освобождению. Однако в конце ноября 1918 г. части Красной Армии заняли Нарву, Временный революционный комитет провозгласил Эстляндскую трудовую коммуну. Совет Коммуны возглавил Я. Я. Анвельт, в него вошли В.Э. Кингисепп и др. К началу января 1919 г. большая часть территории Эстонии стала советской. Формировалась эстонская Красная Армия, вводился рабочий контроль над производством. Крупные предприятия были национализированы, приняты меры для улучшения положения трудящихся, снабжения населения продовольствием и топливом. Совет Коммуны и местные органы Советской власти отменили арендную плату на землю, но вместо наделения ею безземельных и малоземельных крестьян создавали коммуны ⁴.

Уже в феврале 1919 г. вооруженные силы буржуазного правительства, поддержанные английским флотом и наемниками из Финляндии, Швеции, Дании, перешли в наступление и вскоре вытеснили части Красной Армии с территории Эстонии. Коалиционное прави-

¹ См. «Борьба за Советскую власть в Прибалтике». М., 1967, стр. 390, 397—401, 404—410, 416.

² См. там же, стр. 335—436; В. Я. Сиполс. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918—1920). М. 1959, стр. 130.

³ См. там же, стр. 212.

⁴ См. «История Эстонской ССР», т. III. Таллин, 1974, стр. 143—144, 151—164.

тельство О. Штрاندмана стало послушным орудием в руках империалистов Антанты и эстонской буржуазии. Белоэстонские войска участвовали в наступлении на Петроград генерала Юденича ¹. Масовый террор сопровождался уничтожением всех достижений Эстляндской трудовой коммуны. Было жестоко подавлено восстание трудящихся островов Сааремаа и Мухумаа.

Советская власть в Прибалтийских государствах потерпела поражение. Тем не менее рабочий класс этих стран имел возможность на собственном опыте убедиться, что именно она выражала их коренные интересы, несла освобождение от капиталистической эксплуатации.

Как и предвидел Ленин, с окончанием мировой схватки державы Антанты решили усилить вооруженную интервенцию в Советскую Россию. Уже заключая Компьенское перемирие с Германией (11 ноября 1918 г.), они согласились сохранить ей часть вооружения «для борьбы с большевизмом» и оставить немецкие войска на территории Советской России до их замены войсками Антанты. В ноябре на совещании в Яссах (Румыния) и в штабе Антанты в Париже представители Франции, Англии, США и русских белогвардейских организаций разрабатывали и уточняли планы военных операций на юге России и Украины, совместного с войсками генералов Краснова и Деникина похода на Москву ². В черноморские порты стали прибывать военные корабли и транспорты с войсками и оружием. Были высажены десанты в Севастополе, Новороссийске, Одессе, Батуми. Пополнения и снаряжение шли также на север, в Мурманск и Архангельск.

После тяжелых поражений белогвардейцев на юге и востоке империалисты Антанты возлагали главные надежды на собственные армии, освободившиеся после победы над Германией. Одновременно они старались консолидировать силы белогвардейцев, сражавшихся против Советской власти на юге, востоке и севере страны. В результате поисков «вождя», который мог бы их объединить, выбор пал на адмирала Колчака. 18 ноября 1918 г. в Омске был совершен военный переворот, и Колчак объявил себя «верховным правителем России». Деникин, командовавший контрреволюционными войсками на юге, стал его заместителем, а «правительство» Северной области вскоре возглавил генерал Миллер.

Советское правительство неоднократно требовало от западных стран прекращения интервенции и поддержки мятежников-контрреволюционеров. Оно пользовалось любым поводом, чтобы во всеуслышание объявить о своем стремлении к миру и готовности ради него пойти на соглашение. Так, VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов 6 ноября 1918 г. заявил ведущим войну против России пра-

¹ См. «История Эстонской ССР», т. III, стр. 178—179.

² См. «Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов», т. I. М., 1960, стр. 61—62.

вительствам Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции, Италии и Японии, что «в целях предотвращения кровопролития Съезд предлагает открыть переговоры о заключении мира»¹. Около года спустя Ленин отвечал американскому корреспонденту: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, — со всеми странами, но особенно с Америкой»². В феврале 1920 г. Ленин снова подтвердил, что Советская Россия готова вступить в деловые сношения со всеми странами. Ее планы в Азии те же, что в Европе: «мирное сожительство с народами»³. Однако все предложения, обращения, требования Советского правительства оставались без ответа.

Западные буржуазные историки вопреки известным фактам изображают Советскую власть, большевиков виновниками трехлетней гражданской войны. Они затушевывают или вообще отрицают роль империалистических государств в ее разжигании, преуменьшают масштабы их помощи белогвардейцам⁴. В действительности же главными виновниками затяжной гражданской войны были правящие круги западных стран, организовавшие военную интервенцию.

В то время как рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, спланировав вокруг себя всех трудящихся, отстаивал власть Советов, завоевания социалистической революции, буржуазия и помещики, опираясь на силы международного империализма, стремились восстановить в России капиталистический строй. А между ними находилась многомиллионная масса мелкой буржуазии, прежде всего крестьянства, от позиции которой, от того, за кем она пойдет, в решающей степени зависел исход борьбы. Ленин и большевики всегда учитывали неизбежность колебаний этой массы между пролетариатом и буржуазией, колебаний, обусловленных глубинными социальными причинами: двойственностью природы мелкой буржуазии, которую положение труженика влечет на сторону пролетариата, а положение собственника на сторону буржуазии. Поэтому в первый год Советской власти партия, прочно опираясь на крестьянскую бедноту, вела борьбу за привлечение на свою сторону среднего крестьянства, добиваясь, чтобы оно хотя бы не поддерживало врагов революции. «Нейтрализация» средних слоев населения, мелкой буржуазии, крестьянства, пояснял Ленин, «складывается из убеждения, примера, обучения опытом, пресечения уклонений насилем и т. п.»⁵.

В результате осуществления аграрной политики Советской власти беднота «осередничивалась». Середняки становились большинством в крестьянстве, а их позиция приобретала тем большее значе-

¹ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 556.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 209.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 145.

⁴ F. Bradley. Allied Intervention in Russia. London, 1968; R. Ullman. Britain and the Russian Civil War. November 1918—February 1920. Princeton, 1968.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 456.

ние, что они давали самый многочисленный контингент мобилизуемых в Красную Армию. Ее боевая мощь и сплоченность в возрастающей степени зависели от взаимоотношений рабочего класса со средним крестьянством. От позиции крестьян в свою очередь зависела и боеспособность белогвардейских войск, которые тоже прибегали к мобилизациям.

Осенью 1918 г. среднее крестьянство — главный социальный слой, составляющий «экономическую основу мелкобуржуазной демократии»¹, — стало поворачивать в сторону Советской власти. Этот процесс нашел отражение в открытом письме Питирима Сорокина — социолога, правого эсера и члена Учредительного собрания, который признал ошибочность эсерово-меньшевистской политики. Ленин увидел в этом показатель того, что «в целом ряде враждующих с нами групп мы можем рассчитывать в данный момент, по крайней мере, на их нейтральное отношение к Советской власти»².

Анализируя причины и смысл начавшегося поворота, Ленин указал, что он связан в первую очередь с революцией в Германии и крахом Брестского мира, в свое время оттолкнувшего значительные мелкобуржуазные слои, которые теперь убедились в правильности большевистской политики. Во-вторых, англо-французский и американский империализм, который «фантазия мелкобуржуазных демократов рисовала в виде друга демократии, защитника угнетенных», оказался на деле душителем независимости и свободы народов ничуть не меньшим, чем германский. Усиливая интервенцию в России, он выступает в роли палача и жандарма ее свободы и независимости. Поэтому «патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону», сближает мелкую буржуазию с Советской властью³. В-третьих, рушится наивная вера мелкобуржуазных демократов в Учредительное собрание, в демократию «вообще», в наивное противоположение «чистой демократии» пролетарской диктатуре. То, что пережили сами «учредилорцы» в Архангельске и Самаре, в Сибири и на юге, где военно-монархические круги не принимали их всерьез, не могло не лишить их самых прочных предрассудков⁴. Ход мировых событий и союз монархистов России с англо-французским и американским империализмом показали воочию, что существует только одна альтернатива: или Советская власть, или реакция открыто монархическая либо прикрытая формами буржуазной демократии⁵.

Если, считал Ленин, в начальный период революции, когда руководители эсеров и меньшевиков переходили в стан врага, решительная борьба против них была неизбежной, то в условиях поворота мил-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 207.

² Там же, стр. 199.

³ Там же, стр. 191, 216—217.

⁴ Подробнее см.: Г. З. Иоффе. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 192—193.

лионных масс недостаточно просто встречать поворачивающих к нам дружелюбно. Политик должен научиться «вызывать этот поворот в отдельных слоях и группах широкой мелкобуржуазной демократической массы», коль скоро он исторически назрел. При колебаниях промежуточных слоев в сторону врага правилен лозунг «беспощадная борьба», а при повороте масс в сторону Советской власти «нашим лозунгом должно быть *соглашение*, установление добрососедских отношений»¹.

Средний крестьянин, писал Ленин, «нам не враг. Он колебался, колеблется и будет колебаться». Но воздействовать на колеблющихся нужно иначе, чем бороться с активным врагом. В этой связи Ленин четко сформулировал новую задачу: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту — это задача момента, ибо именно теперь поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен». Задача эта относилась, впрочем, не только к деревне, но и к городу, не только к крестьянину-середняку, но и к «кустарю, и к ремесленнику, и к рабочему, поставленному в наиболее мелкобуржуазные условия или сохранившему наиболее мелкобуржуазные взгляды, и ко многим служащим, и к офицерам, — и — в особенности — к интеллигенции вообще»².

В выработке и закреплении *политики союза рабочего класса со средним крестьянством* и в решении других вопросов, жизненно важных для Советской республики, большую роль сыграл VIII съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1919 г. В докладе о работе в деревне Ленин подчеркнул, что необходимо «поставить на очередь во всем его объеме *вопрос о среднем крестьянстве*»³. Отметив, что колебания этого многомиллионного слоя трудящихся преходящи, Ленин подчеркнул, что изменить социально-экономическое положение среднего крестьянства ни в коем случае нельзя методами насилия. «Все сознательные рабочие: питерские, иваново-вознесенские, московские, которые бывали в деревне, — все рассказывали нам примеры того, как целый ряд недоразумений, самых, казалось бы, неустрашимых, целый ряд конфликтов, самых, казалось бы, крупных, устранялись или ослаблялись тем, что выступали толковые рабочие, которые говорили не по-книжному, а на понятном мужику языке, говорили... как товарищи, разъясняющие положение, взывающие к их чувству трудящихся против эксплуататоров. И на этой почве товарищеского разъяснения достигалось то, чего не могли достигнуть сотни других, которые вели себя как командиры и начальники»⁴. Съезд провозгласил переход от политики нейтрализации середняка к политике прочного союза рабочего класса с ним при опоре на бедноту для борьбы

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 194, 219.

² Там же, стр. 195.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 190—191.

⁴ Там же, стр. 203.

с кулаком в интересах социалистического строительства. Такая установка не сразу была понята на местах, но после горячих дискуссий выяснилось, что это единственно верный путь к сплочению вокруг рабочего класса громадного большинства трудящихся, к созданию превосходства революционных сил над врагом.

Что касается мелкобуржуазной демократии, то Ленин отметил новую волну ее колебаний, связанную с продовольственными трудностями и продолжением гражданской войны. Потребуется, говорил он, гибкая и осторожная тактика, частая перемена линии поведения. Так, когда руководители партий меньшевиков и правых эсеров заявили об отказе от участия в вооруженной борьбе против Советской власти, ВЦИК отменил свои постановления об исключении этих партий из Советов¹. Но в отношении тех деятелей этих партий и печатных органов, которые поддерживали Колчака, принимались меры пресечения. «Мы уже добились в среде колеблющейся интеллигенции громадного перелома, — сказал Ленин. — Если вчера мы говорили о легализации мелкобуржуазных партий, а сегодня арестовываем меньшевиков и эсеров, то в этих колебаниях мы проводим совершенно определенную систему. Через эти колебания идет одна, самая твердая линия: *контрреволюцию отсекают, культурно-буржуазный аппарат использовать*»².

Это было дальнейшим развитием ленинской мысли об отношении к мелкобуржуазной демократии. Переход от вызванной ее поворотом к контрреволюции открытой борьбы с ней к политике *сглашения* на основе ее отказа от борьбы против Советской власти оставлял полностью в силе требование решительного идейного и организационного *размежевания*, но открывал перспективу, при определенных условиях, установления *союза* для решения различных задач, в том числе и социалистического преобразования общества. В условиях продолжавшейся гражданской войны на большее нельзя было рассчитывать. История воздвигла немало препятствий на этом пути.

Противники Советской власти, писал Ленин, делятся на две большие группы: «Обе защищают капитализм против социализма. Одна делает это зверски и с самой грубой корыстью; это — помещики, капиталисты, кулаки, Деникины, Колчаки, черносотенцы, кадеты. Другая группа защищает капитализм «идейно», то есть бескорыстно или без прямой, личной корысти, из предрассудка, из трусости нового; это — меньшевики и эсеры. Это — последние «идейные» защитники капитализма»³.

В конце 1918 — начале 1919 г. интервенты развернули наступление на юге: английские войска заняли Батум и Баку; французские —

¹ См. «Декреты Советской власти», т. IV, стр. 96, 436—437.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 168.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 169.

Одессу, Херсон, Николаев. Но в их тылу развернулось партизанское движение, а коммунисты-подпольщики вели в оккупационных войсках большую агитационную работу. Успешное контрнаступление Красной Армии и разложение интервенционистских войск вынудили Францию начать их эвакуацию. Однако, потерпев наудачу в действиях собственными силами, державы Антанты продолжали усиленно вооружать и снабжать армии российских белогвардейцев.

Весной 1919 г. начался новый этап гражданской войны и империалистической интервенции, когда главная роль в свержении Советской власти возлагалась на армии внутренней контрреволюции. Под руководством Антанты против Советской республики в наступление двинулись объединенные силы интервентов и белогвардейцев: с востока — армия Колчака, с юга — армия Деникина, под Петроградом — армия Юденича, с севера — армия Миллера. В походе участвовали также вооруженные силы стран Антанты, войска буржуазно-помещичьей Польши, Финляндии, Эстонии, Чехословакии, Румынии, Греции. По подсчетам военного комитета Антанты, общая численность антисоветских вооруженных сил превышала 1,3 млн. человек (310 тыс. солдат и офицеров Англии, Франции и США, свыше 600 тыс. — малых государств и около 370 тыс. — белогвардейцев)¹. Главной ударной силой была многочисленная армия Колчака, советником которого был французский генерал М. Жанен. Снабжением этой армии, ее вооружением ведал английский генерал А. Нокс.

Советские войска, уступавшие врагу в численности и в вооружении, вынужденные отражать удары на всех направлениях, отступали. В мае 1919 г. армия Колчака дошла до Волги, угрожая центральным районам и самой Москве. Потребовалось огромное напряжение всех сил Советской республики, и особенно рабочего класса, чтобы остановить противника. Сотни тысяч рабочих и крестьян вливались в Красную Армию. Ее ряды цементировали коммунисты. Рабочие в тылу увеличивали выпуск вооружения и боеприпасов. В результате уже летом войска Колчака были отброшены за Урал. Белогвардейцы потерпели поражение и под Петроградом. Страны Антанты были вынуждены начать эвакуацию своих войск из района Архангельска и Мурманска.

Летом и осенью 1919 г. над Советской республикой снова нависла смертельная угроза — на этот раз с юга, со стороны армии Деникина. Новое наступление, спланированное Антантой, тоже было комбинированным. В поддержку армии Деникина, начавшей поход на Москву, двинулись белогвардейские формирования с севера. Возобновились боевые действия Юденича под Петроградом, с запада наступали войска Польши и других стран. Военный министр Англии У. Черчилль громкогласно объявил, что в операциях против Совет-

¹ См. «История СССР», т. VII. М., 1967, стр. 497—498.

ской республики участвуют 14 государств. Только Англия поставила Деникину 250 тыс. винтовок, 200 пушек, 30 танков, много боеприпасов и снаряжения. Британская военная миссия при Деникине насчитывала около 2 тыс. человек. Его советниками были английские генералы Бригс и Хольман, французский генерал Манжен, американский адмирал Мак-Келхи ¹. К осени, заняв юг России и Украину, армия Деникина подошла к Туле. Под Петроградом шли бои с армией Юденича, в Туркестане — с остатками армии Колчака. На территории, оставшейся советской, контрреволюция устраивала мятежи, диверсии, убивала партийных и советских работников.

Коммунистическая партия сосредоточила основные силы против главной опасности, обратившись к рабочим и крестьянам с призывом: «Все на борьбу с Деникиным!» В начале октября в войсках Южного фронта было сконцентрировано около 40% всех коммунистов и более 55% политработников действующей Красной Армии; рабочая прослойка здесь составляла 15—17%, а коммунистов было 13% ². Поддерживаемая всеми трудящимися, сознававшая справедливость своей борьбы, Красная Армия вскоре превзошла армии контрреволюции и в численности и в боеспособности. Осенью она перешла в контрнаступление. В тылу врага, на Украине, Дону и Северном Кавказе, действовали партизаны. В начале 1920 г. армия Деникина перестала существовать.

Однако империалисты не отказались от своей цели уничтожить Советскую республику. Стремясь продлить мирную передышку, Советское правительство, которое за пять месяцев более 50 раз обращалось к правительствам капиталистических стран с предложениями о мире, соглашалось отдать Польше больше территории на Востоке, чем ей предлагали деятели Антанты. Тем не менее 25 апреля 1920 г. армия Пилсудского, реорганизованная, вооруженная и снабженная Францией и Англией, начала вместе с петлюровцами наступление на Киев ³. Позднее активные действия развернула также армия генерала Врангеля, окопавшаяся в Крыму.

Отражение нового военного похода империалистов потребовало напряжения всех сил страны. Советское правительство опубликовало манифест «Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России». Призывая к борьбе не на жизнь, а на смерть, партия в то же время противодействовала шовинистическим антипольским настроениям, которые особенно усилились во время контрнаступления Красной Армии на Варшаву. Осенью 1920 г. вторгшиеся польские войска были отброшены, в Риге подписано перемирие. В ноябре удалось разгромить врангелевцев и освободить Крым. Вскоре стало советским и Закавказье.

¹ См. «История СССР», т. VII, стр. 525.

² См. там же, стр. 535.

³ См. «Из истории гражданской войны в СССР», т. 3. М., 1961, стр. 134.

Гигантской по масштабам и трудности работой Коммунистической партии и Советского правительства по мобилизации всех сил и средств на разгром врагов руководил Ленин, который возглавил также созданный ВЦИКом 30 ноября 1918 г. Совет рабочей и крестьянской обороны. Ленин участвовал в разработке и осуществлении важнейших военных операций Красной Армии, за три года написал более 600 писем и телеграмм по вопросам обороны, военного строительства и ведения боевых действий¹.

К концу 1920 г. Рабоче-Крестьянская Красная Армия насчитывала 5,5 млн. бойцов². Ядро составляли рабочие, которые вливались в нее не только по общим мобилизациям, но и по призывам профсоюзов, партийных и комсомольских организаций. Сила армии заключалась в ее теснейшей связи с передовыми рабочими Петрограда, Москвы, Тулы, Иваново-Вознесенска и других промышленных центров. «Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны? — вспоминал Ленин впоследствии. — Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной Армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры»³.

Коммунистическая партия направила в Красную Армию почти половину своих членов⁴, значительную часть которых составляли рабочие. По приблизительным подсчетам, в нее влилось около 940 тыс. рабочих (из них половина промышленных)⁵. Их доля в вооруженных силах была намного выше, чем в общем составе населения. «Российский пролетариат, — говорил Ленин, — сумел скрепить, сплотить разрозненные силы, создав единую, стойкую Красную Армию»⁶. Особенно велика была концентрация рабочих в соединениях, сражавшихся на решающих участках борьбы. Так, в войсках, находившихся на фронте и в прифронтовых районах, удельный вес рабочих достигал 16,5—21 %⁷.

В создании и укреплении вооруженных сил пролетарского государства большую роль сыграли политические комиссары, осуществлявшие политическое руководство армией и всеобъемлющий контроль над командным составом, в рядах которого к концу гражданской войны было до 6 % бывших кадровых офицеров, до 28 % бывших

¹ Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979, стр. 531.

² Там же, стр. 529.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 383.

⁴ См. «История КПСС», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 561.

⁵ См. Е. Г. Гимпельсон. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг. Социально-политические изменения. М., 1974, стр. 37.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 321.

⁷ См. «Бюллетень ЦСУ», 1922, № 59, стр. 6.

офицеров военного времени¹. Политкомиссары назначались из наиболее политически подготовленных коммунистов, большинство из них были кадровые рабочие. ЦК РКП(б) летом 1919 г. напоминал политическим комиссарам, что «хозяином Красной Армии является рабочий класс, а стало быть и его политические представители в армии — военные комиссары»².

В годы гражданской войны в Красную Армию пришло более 20 тыс. рабочих-командиров, обучавшихся на военных командных курсах³. Десятки тысяч рабочих становились командирами, приобретая опыт и навыки руководства военными частями непосредственно в ходе боев. Рабочий класс выдвинул из своих рядов немало талантливых полководцев. Слесарь Мытищинского вагоностроительного завода В. К. Блюхер, иваново-вознесенский рабочий М. В. Фрунзе, луганский слесарь К. Е. Ворошилов, начав с командования отдельными отрядами и частями, стали выдающимися военачальниками. Одаренными и умелыми командирами проявили себя иваново-вознесенский потомственный рабочий П. П. Постышев, рабочий Луганского паровозостроительного завода А. Я. Пархоменко, уральский рабочий А. М. Чеве­рев.

Оценивая роль командиров-рабочих, М. В. Фрунзе вспоминал, что «вхождение в Красную Армию пролетарских элементов, красных командиров отразилось на характере ведения наших операций, и если вспомнить некоторые наши операции с их нередкими случаями расхождения красного командного состава и специалистов, то мы увидим, что красный комсостав внес в армию смелость, инициативность и решительность»⁴. Рабочие-красноармейцы показывали примеры стойкости и самопожертвования, увлекая за собой и красноармейцев-крестьян. История не знала до той поры столь массового военного героизма. Почти 15 тыс. красноармейцев, командиров и политработников были награждены высшей боевой наградой — орденами Красного Знамени.

Не меньшую преданность делу революции рабочие проявляли и на трудовом фронте. На изношенном оборудовании, при постоянной нехватке сырья, топлива и материалов, полуголодные и полураздетые, они обеспечивали вооруженные силы всем необходимым. 8 ноября 1919 г. Реввоенсовет 7-й армии телеграфировал Ленину: «Красные войска, сражающиеся на Питерском фронте, просили... передать: «Мы созданы, обу­ты, одеты, вооружены, накормлены, посажены на коней питерскими рабочими. Самоотверженной, напряженнейшей работой путиловцы, охтенцы, ижорцы, колпинцы дали нам бронепоезда,

¹ См. В. Антонов-Овсеенко. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923, стр. 31.

² «Из истории гражданской войны в СССР», т. 2. М. 1961, стр. 795.

³ См. Е. Г. Гимпельсон. Указ. соч., стр. 38.

⁴ М. В. Фрунзе. Избранные произведения. М., 1977, стр. 79.

бронемашины, танки, орудия и пулеметы. Своим революционным энтузиазмом они зажгли в нас непреклонную волю к полной победе»¹.

В ходе гражданской войны в Красную Армию продолжали вливаться и принимать активное участие в боях интернациональные подразделения и части; численность их бойцов достигла нескольких сот тысяч. Когда в конце 1918 г. сложилось тяжелое положение под Пермью, туда был направлен из Москвы Интернациональный коммунистический батальон, в составе которого были венгры (командир батальона Б. Ярош, а также Б. Кун), немцы, чехи, румыны, сербы. Вместе с уральскими рабочими там сражался китайский полк, которым командовал Жэн Фучен (он героически погиб), корейские роты, эстонский и финский батальоны. В чапаевскую группу войск входил 1-й Московский интернациональный коммунистический полк имени венгра Л. Винермана, павшего в бою и похороненного на Красной площади в Москве².

В борьбе с Колчаком в Сибири в рядах Красной Армии и в партизанских армиях Н. А. Каландарашвили, А. Д. Кравченко и др. сражались венгры (в их числе М. Залка, Ф. Мюнних), немцы, австрийцы, итальянцы, чехи, словаки, болгары, румыны, поляки, югославы, китайцы, корейцы, турки³. В составе 5-й армии, освободившей Красноярск, было также несколько французов, шотландец и негр. В начале февраля 1920 г. интернациональные отряды, состоявшие прежде всего из венгров и немцев, стали объединяться в Интернациональную дивизию имени III Интернационала, в которую вошли также русские, украинцы, литовцы, латыши. 1-му полку этой дивизии была поручена охрана «золотого эшелона», отбитого у Колчака⁴.

На Туркестанском фронте весной 1919 г. действовало несколько крупных подразделений интернационалистов, состоявших из бывших военнопленных, а также выходцев из Ирана и Синыцзяна, насчитывавших более 2500 бойцов. Осенью был сформирован 2-й Интернациональный полк имени К. Либкнехта, которым командовал чех Э. Ф. Кужело, а в 1920 г. создан персидский интернациональный отряд (из персов и турок)⁵. На Южном фронте действовали 1-й Полтавский интернациональный полк, состоявший главным образом из венгров и румын, под командованием венгра Р. Фекете, военкомом был румын Т. Диамандеску. Вскоре полк влился в 1-ю Интернацио-

¹ «Красный архив», 1939, № 3(94), стр. 31.

² См. «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов». М., 1967, стр. 361, 364—365, 588.

³ См. там же, стр. 370—371.

⁴ См. «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке республики». М., 1971, стр. 139—141.

⁵ См. там же, стр. 193, 198, 202—205.

нальную стрелковую бригаду, созданную в Киеве чехом С. Частеком¹. Прославленным героем 1-й Конной армии стал серб О. Дундич. Участником штурма Зимнего дворца, а впоследствии видным военачальником Красной Армии был серб Д. Сердич².

Решающее значение для достижения победы над врагом имело морально-политическое превосходство бойцов, охваченных революционным энтузиазмом и сплоченных классовой солидарностью. Душой и организатором их успехов была партия коммунистов. «И только благодаря тому,— говорил Ленин после окончания гражданской войны,— что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы,— только потому, что неслыханные жертвы были принесены,— только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить»³.

Создание могучей Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в которой рабочему классу принадлежала решающая роль, вызвало злобные нападки со стороны всех противников Советской власти. Меньшевики и эсеры лицемерно заявляли: «Смотрите, вместо социализма вам дают красный милитаризм!» Это утверждение тотчас подхватила буржуазная пропаганда. По существу речь шла о первом появлении лозунга «советской угрозы»,— лозунга, который с тех пор и до наших дней маскирует империалистическую политику подготовки агрессии против социализма. Разоблачая клевету, Ленин писал: «Империалисты всего мира бросились на Российскую республику, чтобы задушить ее, а мы стали создавать армию, которая первый раз в истории знает, за что она борется и за что приносит жертвы, и с успехом сопротивляется более многочисленному врагу... и это осуждают, как красный милитаризм!»⁴ Опыт военной защиты Советской республики в 1918—1920 гг. показали, что пролетарское государство должно создать такие вооруженные силы, которые способны отразить все атаки внутренней и внешней империалистической контрреволюции.

«ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ»

Интервенция империалистических государств и трехлетняя гражданская война потребовали от Советской страны огромных материальных средств. Это еще более усугубило ее и без того крайне тяжелое

¹ См. «Интернационалисты...». М., 1967, стр. 430—433.

² См. там же, стр. 399—403.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 240.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 51.

экономическое положение. Стране был нанесен колоссальный ущерб. Красная Армия потеряла почти 1 млн. бойцов, материальные потери исчислялись в 39 млрд. золотых рублей¹. Захватив наиболее важные в экономическом отношении районы Советской республики, интервенты на долгое время лишили ее сырья, минерального топлива и продовольствия. В результате экономической блокады фактически прекратилась внешняя торговля. По огромным территориям многократно прокатывались в разных направлениях фронты гражданской войны, что наносило невероятный урон промышленности, транспорту, крестьянскому хозяйству.

Страшные последствия войны, развал экономической жизни и голод сказывались прежде всего на городском населении, и в первую очередь на рабочем классе, который нес самые большие жертвы. Численность его резко сократилась в результате частых мобилизаций на фронт и в походы за продовольствием, на борьбу с бандитизмом и на восстановление транспорта, в связи с бегством от голода в деревню. Уже осенью 1918 г. бездействовали 38 % предприятий². Выпуск промышленной продукции в 1919 г. продолжал падать, а в 1920 г. составил 1/7, выплавка чугуна — 2,4 %, грузооборот железных дорог — 23 % довоенного³. При этом те скудные ресурсы, которые имелись, приходилось отдавать прежде всего на нужды фронта.

К концу 1920 г. в промышленности Советской республики было занято всего 1,5 млн. рабочих, или половина их численности в 1913 г. Особенно много рабочих потеряли текстильная (72,7 %) и пищевая (69,5 %) промышленность. Металлообрабатывающая промышленность, усиленно работавшая на оборону, понесла меньший урон; но все же и число металлистов сократилось на 21,3 %⁴. Уменьшение численности рабочих происходило прежде всего за счет крупной промышленности. Удельный вес рабочих, занятых на предприятиях, имевших по 1000 и более человек, сократился в 2 раза, а работавших на небольших предприятиях — увеличился вдвое. Соответственно снизилась концентрация рабочего класса. Продолжал изменяться социальный состав рабочего класса: он пополнялся ранее не работавшими женщинами, в его ряды вливались выходцы из промежуточных слоев населения. Число кадровых квалифицированных рабочих едва достигало к концу 1920 г. 40 %⁵.

¹ См. «История гражданской войны в СССР», т. 5. М., 1960, стр. 370; «Документы внешней политики СССР», т. V. М., 1961, стр. 295.

² См. «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. 1—2. М., 1926, стр. 29.

³ См. С. Г. Струмилин. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966, стр. 490; «Промышленность за десять лет (1917—1927 гг.)». М., 1927, стр. 4.

⁴ См. Е. Г. Гимпельсон. Указ. соч., стр. 336.

⁵ См. О. И. Шкаратан. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (Историко-социологическое исследование). М., 1970, стр. 254, 271—272.

Положение трудящихся, оставшихся на производстве, было крайне тяжелым. Прежде всего они страдали от недоедания, а временами от жестокого голода. Даже мизерные продовольственные пайки, полагавшиеся по карточкам, они получали нерегулярно и не всегда полностью. В Петрограде в конце 1918 г. хлеба вообще не было. Были дни, когда вместо хлеба выдавали овес. Весной 1919 г. текстильщики Московского промышленного района получали паек, содержащий лишь 15—25 % необходимых для поддержания трудоспособности калорий¹.

Недоедание и физическое истощение вызвали распространение болезней. Многие районы страны были охвачены эпидемией сыпного тифа, возникали вспышки холеры, оспы и других болезней, от которых страдали сотни тысяч рабочих и членов их семей. Неимоверно тяжелыми были бытовые условия. «Жилищный передел» смог улучшить положение лишь сравнительно небольшой части рабочих. В обстановке войны не было возможности строить новые жилища и производить капитальный ремонт старых. Жилой фонд сокращался. Даже в крупных городах в большинстве домов отсутствовало электрическое освещение, так как электростанции работали с перебоями и обеспечивали прежде всего предприятия. Квартиры освещались коптившими лампами-самоделками — «моргалками», «мышинными глазками». Но особые мучения доставлял холод. Жилье отапливалось самодельными жестяными печками («буржуйками»). Когда дров не хватало, жгли заборы, мебель — все, что попадалось под руку.

Рабочий класс, говорил Ленин, подвергся в первые годы своего политического господства «таким бедствиям, лишениям, голоду, ухудшению своего экономического положения, как никогда ни один класс в истории». Он принес наибольшие жертвы в борьбе за власть, за свержение господства эксплуататоров, а став «диктатором» и осуществляя свое классовое господство «с наибольшей твердостью, с наибольшей непреклонностью», добровольно взвалил на свои плечи, кроме того, и тяжелое бремя ответственности за судьбы страны и народа².

Партия пролетариата на протяжении этих огненных лет непрерывно искала и находила пути выхода из положений, которые не раз грозили катастрофой. Она перестраивала на военный лад жизнь страны, разрезанной подвижными линиями фронтов, кольцо которых то сжималось, то с трудом раздвигалось. Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с Лениным, государственный аппарат прилагали максимум усилий, чтобы обеспечить гибкое, оперативное и экономное руководство тылом и фронтом. Управление народным хозяйством становилось все более централизованным.

Логика классовой борьбы диктовала необходимость дальнейше-

¹ См. «Экономическая жизнь», 6 июня 1919 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 132.

го ускорения наступления на оставшиеся еще у буржуазии экономические позиции, чтобы лишить ее материальных возможностей продолжать борьбу против народа и чтобы сосредоточить все ресурсы в руках государства для использования в интересах трудящихся. Советское государство вынуждено было применять чрезвычайные пролетарские методы решения неотложных задач, прежде всего в вопросах обеспечения продовольствием, ибо голод грозил задушить социалистическую революцию.

Деятельность рабочих продотрядов, объединенных вскоре в единую Продовольственно-реквизиционную армию Наркомпрода РСФСР (Продармию), спасла от гибели население городов. Заготовка хлеба велась по твердым ценам и путем реквизиции у кулаков-саботажников. Но деньги были обесценены, и для компенсации крестьян нужны были промышленные изделия. Чтобы сосредоточить в своих руках все немногие запасы мануфактуры, обуви и других товаров, государство национализировало оптовые торговые склады и фирмы, запретило частную торговлю важнейшими промышленными товарами. Но, несмотря на эти меры, из-за сокращения производства ему все же не удалось получить достаточных товарных ресурсов для обмена на хлеб. 11 января 1919 г. СНК был вынужден (на основе опыта Тульской, Вятской, Калужской и других губерний) принять декрет *о продовольственной разверстке*: крестьян обязывали сдавать излишки хлеба и фуража даже без компенсации (за обесцененные денежные знаки)¹.

Продразверстка опиралась на военно-политический союз рабочего класса и крестьянства, сложившийся и упрочившийся в борьбе с интервентами и белогвардейцами. Понимая, что без продовольствия и фуража Красная Армия не сможет отстоять завоевания революции, большинство крестьян добровольно выполняло продразверстку, несмотря на ее тяжесть. Крестьянин получил от пролетарского государства землю и защиту от помещика и кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие как бы займы до восстановления промышленности. Одновременно продразверстка способствовала подрыву экономических позиций кулачества, использовавших голод для наживы. Мы, говорил Ленин позднее, «будучи в осажденной крепости, не могли продержаться иначе, как применением разверстки, т. е. взять все излишки у крестьян, какие только имеются, взять иногда даже не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем»².

Рабочий класс непосредственно обеспечил успех сбора продразверстки, которая помимо хлеба и зернофуража была распространена также на картофель, мясо и другие продукты. Заготовки росли:

¹ См. «Декреты Советской власти», т. IV, стр. 292—294.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 150.

в 1918/19 г. было собрано 108 млн. пудов хлеба, в 1919/20 г. — 212 млн. пудов, в 1920/21 г. — 367 млн. пудов¹. Продармия не только собирала продовольствие по разверстке, но и оказывала крестьянам помощь в уборке урожая, ремонте инвентаря, вела большую агитационную работу. Кроме того, партийные организации городов, профсоюзы, фабрики и мастерские устанавливали прямые связи с волостями. В период посевных и уборочных кампаний профсоюзные и партийные организации промышленных центров направляли в деревни рабочие дружины для прямой помощи и разъяснительной работы. В 1920 г. была проведена «неделя крестьянина» — рабочие бесплатно чинили крестьянский инвентарь, дома, мельницы и т. д. По неполным данным, в эту «неделю» только в 116 уездах (из 254) 23 губерний РСФСР выезжали в деревню 132,3 тыс. рабочих². Крестьяне видели, что рабочий класс не только средствами государственной политики, но и личным участием делает все возможное для поддержания их хозяйства. Это способствовало укреплению союза рабочих и крестьян. «Продовольственная политика Советской России... — откровенно разъяснял впоследствии Ленин зарубежным коммунистам, — несомненно, была очень груба, несовершенна, порождала много злоупотреблений. Был ряд ошибок при ее осуществлении. Но она была единственно возможной при тех условиях, в общем и целом. И она выполнила свое историческое задание: спасла пролетарскую диктатуру в разоренной и отсталой стране»³.

Поначалу не предполагалось форсировать национализацию средних предприятий и считалось, что частная мелкая промышленность сохранится на долгое время. Но военная обстановка вынуждала вносить коррективы в эти планы. Огромные масштабы войны требовали использования для нужд военного производства всех имеющихся мощностей. Этого нельзя было добиться, пока значительная часть промышленности еще оставалась частной, а владельцы многих предприятий не хотели работать по заданиям советских органов, утаивали сырье, топливо и материалы. Стала необходимой дальнейшая, притом ускоренная, национализация. В 1919 г. была национализирована почти вся средняя, а в 1920 г. и часть мелкой промышленности. Взяв в свои руки предприятия и организовав централизованное управление ими, государство получило возможность оперативно распоряжаться ограниченными ресурсами, сосредоточивая сырье, топливо и рабочую силу там, где того требовали интересы обороны.

Советская власть с первых дней провозгласила: «Кто не работает, тот не ест». Этот принцип вытекал из самой сущности обществен-

¹ См. «История КПСС», т. 3, кн. 2, стр. 313, 496.

² См. П. Н. Морозов. Организация политической работы в массах в годы гражданской войны (1919—1920 гг.). — «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. ХCV. М., 1961, стр. 239.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 9.

ного строя, целью которого была ликвидация условий, в которых один человек мог жить за счет труда другого. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» предусматривала, что «в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность»¹. Практически она была по эксплуататорским элементам, поскольку рабочие, крестьяне и другие трудящиеся всегда трудом добывали средства существования. 5 октября 1918 г. Совнарком принял закон о привлечении неработающих к обязательному труду².

Гражданская война привела к резкому сокращению трудовых ресурсов. В народном хозяйстве создалась большая нехватка рабочих рук. Вовлекать в производство трудящихся экономическими методами Советское государство в полной мере не могло, не имея для этого средств. Пришлось вступить на путь милитаризации наиболее важных для обороны предприятий и целых отраслей производства: рабочие и служащие не могли самовольно оставить работу; проводились трудовые мобилизации жителей в промышленность, на выполнение дорожных и сельскохозяйственных работ, на заготовку топлива и т. п. Милитаризация труда была мерой вынужденной и временной, продиктованной исключительными трудностями в условиях войны. Коммунистическая партия не считала ее «нормальным» методом хозяйственного строительства, и IX съезд РКП(б) отверг утверждения Троцкого, что милитаризация должна применяться в течение всего периода строительства нового общества, являясь универсальным средством организации рабочего класса и крестьянства.

Даже в обстановке гражданской войны подобные методы принуждения можно было с успехом применять только потому, что широкие народные массы понимали их необходимость. Использование этих методов всегда сочеталось с огромной разъяснительной работой Коммунистической партии, так что политика принуждения была основана на прочном и безусловном убеждении самых широких масс народа, на сознательном их отношении к войне³. Принятые меры не только давали промышленности минимум необходимой рабочей силы, но и помогали уберечь значительные массы рабочих от деклассирования и депрофессионализации.

Война с интервентами и белогвардейцами требовала огромных финансовых средств. Расходы Советского государства намного превышали доходы. В 1920 г. дефицит государственного бюджета составил 86,9% к сумме расходов⁴. Недостающие суммы покрывались эмиссией бумажных денег. Поскольку производство предметов пот-

¹ «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 322.

² См. «Декреты Советской власти», т. III. М., 1964, стр. 396—397.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 140.

⁴ См. «На новых путях. Итоги новой экономической политики 1921—1922 гг.», вып. II. М., 1923, стр. 2.

ребления сокращалось и нехватка самого необходимого росла, покупательная способность рубля быстро падала. На получаемую заработную плату рабочие и служащие мало что могли купить на рынке, и никакое ее повышение не поспевало за ростом рыночных цен. К концу 1920 г. денежная зарплата, например, московских рабочих по сравнению с 1913 г. увеличилась в 400 раз, а цены на предметы потребления возросли в 20 тыс. раз¹.

В поисках выхода из создавшегося положения Коммунистическая партия шла по пути натурализации хозяйственных отношений (продуктообмена, выдачи рабочим и служащим в счет зарплаты продовольствия и предметов первой необходимости). ЦК РКП(б) летом 1920 г. в письме губкомам партии указывал: «Продовольственный кризис в крупных рабочих центрах и невозможность смягчения его путем увеличения заработной платы диктует необходимость перехода к полному снабжению рабочего населения продовольствием из государственных запасов»². В конце 1920 г. Советское правительство издало ряд декретов о бесплатном предоставлении рабочим и служащим, а также членам их семей продовольствия, предметов широкого потребления и коммунального обслуживания. Натурализация хозяйственных отношений приняла большие размеры, и у многих создавалось впечатление, что деньги «отмирают». Усиливалась тенденция к уравнительности в оплате труда. Обесценение денег подрывало значение дифференциации заработной платы, реальное содержание которой все более определялось натуральной частью. При этом натуральное снабжение выдавалось по классовому принципу и по существу не было связано с выработкой и производительностью труда. Поскольку первейшей обязанностью Советской власти была забота о рабочих — главной производительной силе общества, — их нужно было снабдить хотя бы минимумом продовольствия, необходимого для поддержания физических сил. Поэтому натуральный паек был единым для каждой категории (наибольший у рабочих, меньший у служащих, еще меньший у членов семьи). В 1920 г. продовольственный паек в Москве для рабочих, занятых на самой тяжелой работе, составлял в месяц всего 17 фунтов хлеба с примесями, полфунта мяса или рыбы, три четверти фунта сахара, менее фунта соли и одну коробку спичек³. В отредактированном Лениным постановлении Президиума ВСНХ от 11 июля 1921 г. говорилось, что в «осажденной крепости совершенно понятно... было стремление снабдить всех возможно более поровну, прокормить, поддержать, пока невозможно было взяться за восстановление производства». Уравнительность

¹ См. «Бюллетень статистики труда Московской губернии». М., 1921, № 5—6, стр. 6.

² «Известия ЦК РКП(б)», 4 сентября 1920 г.

³ См. «История КПСС», т. 3, кн. 2, стр. 495.

была следствием «военного периода нашей революции», когда республика была «военным лагерем»¹.

Все названные черты экономики Советской республики периода гражданской войны (продразверстка, сосредоточение в руках государства почти всего промышленного производства и распределения, запрещение частной торговли, натурализация заработной платы, уравнительность распределения, милитаризация труда, усиленная централизация управления) составили постепенно сложившуюся систему, вошедшую в историю под названием «военный коммунизм». Проводя в жизнь «военно-коммунистические» меры, Советское государство осуществляло как бы штурм или «лобовую атаку» на все позиции капитала.

В ту пору, когда молодая, еще неокрепшая Советская власть в труднейших условиях добивалась успехов, побеждала врагов решительными революционными мерами, массы были охвачены энтузиазмом, чувством уверенности в своих силах. Многим казалось, что «лобовая атака» на капитал выведет страну прямо на подступы к коммунизму. Этот энтузиазм, без которого невозможно было бы преодолеть те гигантские, нечеловеческие трудности, которые обрушились на строителей новой России, проявлялся в разных сферах жизни. А. В. Луначарский писал, что и работа Наркомпроса в 1920 г. была отмечена «печатью бури и натиска». В то время «все унесено было бурным течением, преисполненным революционного энтузиазма, верой в себя и несколько, скажем, юношеским легкомыслием работников... Я думаю, что такого рода процесс был пережит без малого во всех комиссариатах, что было совершенно естественно. Надо было прежде всего провозгласить во всей полноте наши идеалы и беспощадно сокрушать то, что нам не подходит. О полумерах, об этапах, о приближении шаг за шагом к такому идеалу тогда было говорить трудно»².

Об этом писал и М. Н. Покровский, заместитель Луначарского и руководитель Социалистической академии общественных наук: «Казалось, что так блестяще удалось на военном фронте, удастся и в народном просвещении, и в народном хозяйстве... Нас, — я скажу это откровенно, потому что испытал это на себе, — нас пьянила в известной степени эта быстрота. Дело пошло таким темпом, что нам казалось, что мы от коммунизма, — коммунизма, созданного собственными средствами, не дожидаясь победы пролетарской революции на Западе, — что мы от этого коммунизма очень близко»³.

Меры «военного коммунизма» были действительно необходимы для пролетарского государства в условиях жесточайшей гражданской войны. Они выполнили историческую задачу, обеспечив победу над

¹ Ленинский сборник XX. М., 1932, стр. 103.

² «Отчет Наркомпроса IX съезду Советов». М., 1922, стр. 4.

³ М. Н. Покровский. 7 лет пролетарской диктатуры. М., 1924, стр. 8.

всеми врагами. «Военный коммунизм», писал Ленин впоследствии, «надо поставить нам в заслугу». Но в то же время «не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой»¹.

В тяжелейших условиях, в которых находилась Советская республика, рабочий класс добился не только победы в вооруженной борьбе с врагами, но и значительных успехов на хозяйственном фронте. Несмотря на сужение материально-технической базы, было создано военное хозяйство, питавшее фронт и тыл. Сказались огромные преимущества нового общественного строя, позволявшие рабочему классу осуществлять централизованное руководство экономикой, планомерно использовать все имеющиеся ресурсы. Хотя обстановка военного времени не позволяла тогда осуществить единый план хозяйственного развития всей страны, задача его выработки была поставлена именно в эти годы.

Весной 1920 г., когда была завоевана мирная передышка, видный деятель партии С. И. Гусев, в то время член Реввоенсовета Кавказского фронта, в своей брошюре «Очередные вопросы хозяйственного строительства» сравнил экономику Советской республики с колоссальным полуразрушенным зданием. Стены его и фундамент расшатаны, стропила подгнили и крыша местами провалилась, потолки рушатся, провода порваны, водопроводные трубы лопнули. Всему строению грозит обвал. Как же приступить к ремонту такого здания?² Ленин, внимательно прочитавший эту брошюру, считал самым ценным предложение Гусева взять за исходное единый хозяйственный план восстановления промышленности и производства всей страны, подчинив ему все³. Г. М. Кржижановский при поддержке Ленина выступил в «Правде», а затем опубликовал брошюру о задачах электрификации России⁴.

Вопрос о разработке единого плана строительства народного хозяйства на новой технической основе, на базе электрификации и развития тяжелой промышленности рассмотрел IX съезд РКП (б) в марте — апреле 1920 г. Уделив много внимания вопросам улучшения управления производством, съезд предложил добиваться усиления единоначалия, повышения ответственности руководителей и в то же время шире привлекать рабочих к управлению производством. Ленин призвал партию со всей энергией восстанавливать хозяйство стра-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 220.

² См. С. И. Гусев. Очередные вопросы хозяйственного строительства (О тезисах ЦК РКП). Материалы к 9-му съезду РКП. Саратов, 1920, стр. 3—12.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 256—257.

⁴ См. Г. М. Кржижановский. Основные задачи электрификации России. М., 1920.

ны. «В этой работе,— говорил он,— на нас смотрят рабочие всех стран, ожидая наших новых побед!»¹ Созданная из специалистов Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО) под руководством Г. М. Кржижановского представила подробный доклад VIII съезду Советов в декабре 1920 г.² План ГОЭЛРО, названный Лениным «второй программой» партии, намечал конкретные первоочередные задачи по индустриализации страны и созданию материально-технической базы социализма, сооружение 30 крупных электростанций. Контраст между дотла разрушенной и разоренной страной и величественными перспективами ее электрификации был столь велик, что известный английский писатель-фантаст и друг Советской России Герберт Уэллс не поверил в их реальность, назвав Ленина «кремлевским мечтателем». «Можно ли представить себе,— писал он, вспоминая о беседе с Лениным в ноябре 1920 г.,— более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность?.. Осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии»³.

В результате революционно-преобразующей деятельности рабочего класса в первые годы Советской власти социально-экономическая структура страны изменилась коренным образом. Основные орудия и средства производства стали общенародной собственностью, вся обрабатываемая земля перешла в пользование крестьян. Буржуазия была разбита, помещики перестали существовать как класс. Часть эксплуататорских классов бежала за границу, оставшиеся приспособлялись к новым условиям, поступали на работу на предприятия и в учреждения. Кулачество (деревенская буржуазия), составлявшее к концу 1919 г. около 10% земледельческого населения Европейской части России, было ослаблено экономически и политически. Беднейшее крестьянство, получив землю, в значительной части поднялось до уровня середняков (60% земледельческого населения)⁴. Уменьшалась категория батраков — наиболее обездоленная, эксплуатируемая часть крестьян. Появился новый отряд рабочего класса — рабочие советских хозяйств — государственных, социалистических предприятий на селе. Он формировался в основном из бывших батраков и пришедших в деревню городских рабочих и, несмотря на малочисленность (было создано всего примерно 4 тыс. мелких

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 287.

² См. «План электрификации РСФСР. Доклад 8-му съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России». М., 1920.

³ Г. Уэллс. Россия во мгле. М., 1958, стр. 72—73.

⁴ См. Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968, стр. 385.

совхозов), оказывал влияние на окружающее крестьянское население.

Рабочий класс, став господствующим классом, был уже не только производителем материальных ценностей, но и хозяином, распорядителем общественных средств производства. В конце 1920 г. на предприятиях фабрично-заводской промышленности, превратившихся в государственную собственность, было занято 93,4% всех рабочих¹. В строительстве, коммунальном хозяйстве и т. д. преобладали мелкие предприятия, национализация охватила их в меньшей степени. В целом по Советской республике в частной промышленности трудилось немногим более 20% всех рабочих², а подавляющая часть работала в социалистическом секторе и была освобождена от капиталистической эксплуатации. Но и положение рабочих частных предприятий изменилось коренным образом. Права владельцев были существенно ограничены, их деятельность находилась под строгим контролем рабочего класса; на эти предприятия распространялись все советские законы о труде и правах рабочих.

В результате штурма устоев капитализма в 1917—1920 гг. рабочий класс при поддержке трудового крестьянства завоевал и грудью отстоял в ходе ожесточенной гражданской войны позиции, каких никогда в истории ни одной страны рабочие ранее не имели.

ПРАВЯЩИЙ КЛАСС

Став господствующим, руководящим классом, рабочий класс Советской России взял на себя труднейшую задачу быть творческим носителем социалистического преобразования в политической, экономической, культурной сферах жизни общества. Превращение класса, недавно еще угнетенного и обездоленного, в правящий класс было сложным, трудным процессом.

Внутренняя сила российского рабочего класса коренилась прежде всего в его политической сознательности и организованности, обретенных в ходе классовой борьбы, которая на протяжении жизни одного поколения была отмечена тремя крупнейшими революционными взлетами. Социал-демократия, русская и зарубежная, всегда недооценивала, говорил Ленин, такой исторический фактор, каким является «революционная решимость, твердость и непреклонность пролетариата». Рабочий класс России в полной мере проявил эти качества в ходе гражданской войны, на деле доказав умение отдать борьбе все силы и всю свою готовность к самопожертвованию: «Решимость рабочего класса, его непреклонность осуществить свой ло-

¹ «Труды ЦСУ», т. XXVII, вып. I, стр. 18—33.

² См. Э. Кейринг. Социальная структура промышленности СССР. — «Плановое хозяйство», 1928, № 3, стр. 16.

зунг — «мы скорее погибнем, чем сдадимся» — является не только историческим фактором, но и фактором решающим, побеждающим»¹.

Высокий уровень организованности российского рабочего класса позволил ему завоевать власть. В свою очередь завоевание власти создало небывалые возможности для развития его организаций. Сложившаяся в первые годы после Октября система управления обществом и государством прежде всего обеспечивала руководящую роль рабочего класса и его организаций.

Становым хребтом и мозгом пролетарской организации была Коммунистическая партия, объединявшая передовую, наиболее сознательную часть рабочего класса и постоянно пополнявшаяся за счет лучших его представителей. Несмотря на большие потери, которые она понесла в годы гражданской войны, общая численность коммунистов возросла более чем вдвое — с 350 тыс. в конце 1917 г. до 730 тыс. в 1920 г.² В партию шли преданные Советской власти трудящиеся, в первую очередь рабочие. Осенью 1919 г., в самые трудные для Советской республики дни, в ее ряды вступила четверть миллиона рабочих. Это была яркая демонстрация решимости рабочего класса спасти от гибели родную страну. К 1921 г. рабочих в партии было в 4 раза больше, чем в начале 1918 г. Они составляли ее основу, костяк — более 40% ее состава³, — но главное заключалось в том, что партия была подлинно пролетарской по идеологии, программе, политике.

Разработанная при решающем участии Ленина и принятая VIII съездом в марте 1919 г., Программа РКП(б) определила задачи партии рабочего класса и пролетарской диктатуры на весь период перехода от капитализма к социализму. Она противопоставила буржуазной демократии демократию пролетарскую, подчеркнув, что «руководящая во всей революции роль городского промышленного пролетариата, как наиболее сконцентрированной, объединенной, просвещенной и закаленной в борьбе части трудящихся масс, проявилась как в самом возникновении Советов, так и во всем ходе развития их в органы власти». Разъясняя временный характер некоторых предоставленных рабочим Советской конституцией преимуществ, Программа предлагала использовать их для того, чтобы «в противовес узкоцеховым и узкопрофессиональным интересам, которые выращивал капитализм среди рабочих, соединять теснее с передовыми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства»⁴.

В области экономической Программа ориентировала на доведение до конца превращения средств производства в общенародную соб-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 249.

² См. «История КПСС», т. 3, кн. 2, стр. 554.

³ См. «Всероссийская перепись членов РКП 1922 года», вып. 4. М., 1923, стр. 37.

⁴ «КПСС в резолюциях...», т. 2, стр. 44.

ственность; всемерное развитие производительных сил; планомерное, рациональное и экономное использование всех материальных ресурсов; вовлечение профсоюзов в непосредственную работу по ведению хозяйства; максимальное использование рабочей силы; создание новой, социалистической дисциплины; привлечение специалистов науки и техники; сближение разьединенных капитализмом работников физического и умственного труда; уничтожение противоположности между городом и деревней; развитие науки и сближение ее с производством; организацию крупного социалистического земледелия; подъем материального и культурного уровня трудящихся.

В то время как Коммунистическая партия объединяла авангард рабочего класса, широкие массы рабочих были охвачены профессиональными союзами, число членов которых уже в начале 1918 г. достигло 3 млн. С победой революции и национализацией промышленности прежняя главная функция профсоюзов — защита экономических интересов рабочих от капиталистической эксплуатации — в значительной мере исчерпала себя. У профсоюзов возникли новые функции: воспитания, мобилизации и организации рабочего класса для решения задач социалистического строительства.

Выражая интересы широких масс трудящихся, профсоюзы должны были принимать и действительно принимали активнейшее участие во всей деятельности Советского государства. Меншевики пытались оторвать профсоюзы от Коммунистической партии и Советского государства, исходя из старой теории «нейтральности» профсоюзов. Уже на Первом Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 г. эта точка зрения была отвергнута. «Нет и не может быть,— говорилось в резолюции,— нейтральности в великой исторической тяжбе между революционным социализмом и его противниками»¹.

В первые годы Советской власти деятельность профсоюзов подчинялась прежде всего задаче мобилизации военных и трудовых сил рабочего класса на разгром интервентов и российской контрреволюции. Профсоюзы участвовали в проведении мобилизаций и военного обучения, в налаживании производства оружия, в снабжении рабочих продовольствием. Не было такого участка государственной, хозяйственно-административной и экономической жизни Советской республики, где профсоюзы не вели бы активную работу. У них появилась также небывалая в прошлом возможность аккумулировать инициативу «низов», осуществлять меры по улучшению экономического положения, условий труда, быта и культуры рабочих.

Подчеркивая, что главное в деятельности профсоюзов после революции — воспитание строителей нового общества, Ленин вместе с тем указывал: профсоюзы «утратили такую основу, как *классовую* экономическую борьбу, но далеко не утратили и долгие годы еще,

¹ «Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7—14 января 1918 г. Полный стенографический отчет». М., 1918, стр. 364.

к сожалению, не смогут утратить такую основу, как *неклассовую* «экономическую борьбу» в смысле борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, в смысле охраны материальных и духовных интересов массы трудящихся путями и средствами, недоступными для этого аппарата»¹.

Одна из особенностей деятельности профсоюзов заключалась в том, что они выполняли некоторые государственные функции в области организации и управления промышленностью. Это обеспечивало неразрывную связь между пролетарским государством, народным хозяйством и массами трудящихся. Как говорилось в Программе РКП(б), «участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства»². Они занимались нормированием, вырабатывали тарифы, налаживали охрану труда, вели борьбу за укрепление трудовой дисциплины. Выполнение профсоюзами этих функций было необходимо потому, что новый хозяйственный аппарат еще только складывался. По этому вопросу Коммунистической партии пришлось вести борьбу не только с меньшевиками, но и с ошибочными взглядами в собственных рядах.

Некоторые партийные и профсоюзные работники считали, что в новых условиях профсоюзы уже не имеют каких-либо специфических задач и в их руки нужно передать все управление государственной промышленностью. Подобные взгляды были осуждены еще в начале 1919 г. Вторым Всероссийским съездом профсоюзов³. IX съезд РКП(б) подтвердил, что хозяйственно-организационные вопросы профсоюзы должны решать, принимая участие в хозяйственной деятельности органов государственной власти и под руководством Коммунистической партии⁴.

Другая группа работников во главе с Троцким требовала полного сращивания профсоюзов с хозяйственными органами, немедленного их «огосударствления». На деле это означало ликвидацию профсоюзов. Коммунистическая партия отвергла и это предложение. Оценивая роль и задачи профсоюзов в условиях нового общественного строя, Ленин говорил, что профессиональные союзы «не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обуче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 297.

² «КПСС в резолюциях...», т. 2, стр. 51.

³ См. «Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов. Резолюции, принятые на заседании съезда 16—25 января 1919 г.». М., 1919, стр. 9—10.

⁴ См. «Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 года. Протоколы». М., 1960, стр. 417.

ния, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма»¹.

Непосредственно правящей организацией в стране была система Советов во всех ее звеньях, снизу доверху. Ведущая роль в ней принадлежала рабочим, и не только в городах. Передовых революционных рабочих крупных промышленных центров можно было встретить тогда во всех уголках огромной страны. Направляемые партийными и профсоюзными организациями, они всюду выступали в качестве организаторов и руководителей органов Советской власти. В декабре 1919 г. председатель Президиума ВЦИК М. И. Калинин говорил: «Если вы объезжаете Российскую Советскую республику, то вы встречаете, товарищи, красных петроградцев всюду: в волостных Советах, в Советах сельских, вы встречаете их на всех фронтах, во всех исполкомах»².

Рабочие возглавляли многие исполкомы Советов. В начале 1919 г. председателем Вятского губисполкома был рабочий С. А. Новоселов, член РСДРП(б) с 1905 г. За участие в революционном движении он неоднократно подвергался преследованиям царских властей. Председателем исполкома Курского городского Совета был рабочий-металлист С. И. Пахомов, член партии с 1912 г.; Воронежский городской Совет возглавлял токарь М. Д. Степанов, член партии с 1912 г.; Ярославский губисполком — рабочий-коммунист П. И. Раевский, участник революционного движения с 1906 г.; Иваново-Вознесенский городской исполком — рабочий В. П. Кузнецов, член партии с 1902 г.³

Характерную для промышленных городов картину дает Кострома. Из 14 членов исполкома городского Совета, избранных в начале 1919 г., 12 были рабочими. Их биографии типичны для кадров советского аппарата той поры.

П. А. Бляхин — председатель исполкома Костромского Совета, 32 года, переплетчик, затем наборщик, учитель, чернорабочий на нефтяных промыслах; коммунист с 1903 г., участник Московского вооруженного восстания в 1905 г., неоднократно подвергался тюремному заключению; во время Октябрьской революции — один из организаторов Совета солдатских депутатов в Баку, затем вел профсоюзную и советскую работу в Костроме.

Д. Е. Березин — 27 лет, металлист, коммунист с 1911 г., в том же году привлекался к суду за участие в стачке в Ярославле, член правления Союза металлистов.

А. А. Симановский — 57 лет, токарь по металлу, коммунист с 1904 г., избирался в 1905 г. депутатом Костромского Совета и за революционную деятельность неоднократно привлекался к суду;

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 203.

² «7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов». Стенограф. отчет. М., 1920, стр. 5.

³ См. Е. Г. Гимпельсон. Указ. соч., стр. 60.

в декабре 1917 г. — член ревкома, член президиума Центрального совета профсоюзов и председатель Союза металлистов.

И. С. Зубов — 31 год, каменщик, член партии с 1917 г.; подвергался преследованиям царских властей за революционную пропаганду в 1905 и 1906 гг.

П. И. Смирнов — 29 лет, текстильщик, коммунист с января 1918 г., в революционном движении участвовал с 1905 г.; в 1914 г. приговорен к тюремному заключению и ссылке.

П. И. Рыжаков — 30 лет, слесарь, коммунист с августа 1917 г., до революции состоял в рабочих кружках.

Е. К. Громова — 28 лет, больничная сиделка, коммунистка с 1917 г., член правления Союза рабочих и служащих советских учреждений.

Н. В. Нефедов — 29 лет, металлист, коммунист с декабря 1917 г.; до революции участвовал в стачечном движении.

И. В. Федоров — 39 лет, рабочий (профессия не известна), коммунист с 1916 г.

А. Г. Карманова — 42 года, текстильщица, коммунистка с 1905 г., в том же году была членом Совета рабочих депутатов, за революционную деятельность подвергалась тюремному заключению; с 1917 г. была на советской, профсоюзной и партийной работе.

К. В. Волков — 43 года, текстильщик, коммунист с февраля 1919 г.

А. А. Золотов — 25 лет, шорник при заводе, коммунист с 1918 г., председатель совета профсоюзов¹.

Рабочие — члены исполкомов и руководители Советов были тесно связаны со своими избирателями, хорошо знали их нужды. Нарком здравоохранения Н. И. Семашко после поездки в Наро-Фоминск, где членами исполкома были в основном местные рабочие, рассказывал, что они живут «со всеми в рабочих казармах... Возникло какое-нибудь недоразумение — он здесь, за всякой нуждой к нему заходят; вся жизнь его на виду, нет сплетен и шептаний насчет пайков, сахара, керосина, наоборот, все соболезнают: «Столько работаешь, а живешь как мы». Полезно это и для самих членов исполкома. Он знает и понимает: сегодня он власть, завтра — рядовой член этой рабочей семьи»².

Условия работы членов исполкома в обстановке первых лет Советской республики описаны и в отчете Псковского губернского исполкома губернскому съезду Советов в октябре 1920 г.: «Мы привыкли работать, не раздеваясь в течение нескольких месяцев, готовые в любую минуту выступить на поле битвы. Не один раз губернский исполнительный комитет в полном составе лежал в окопах, не один

¹ См. «Деятельность Костромского городского Совета рабочих депутатов. 1918—1919 гг.». Кострома, 1919, стр. V—VII.

² «Правда», 9 сентября 1920 г.

из членов губисполкома потерял свою жизнь и здоровье, защищая каждую пядь родной земли. А островские, псковские, порховские и опочечкине работники, которым винтовка в руках так же привычна, как плуг и молот, как перо и ручка? Революция нам говорила: «Готовсь», и мы всегда отвечали: «Всегда готовы!»¹

В конце 1920 г. рабочие составляли почти 62% руководящих работников органов ВСНХ, губернских совнархозов, коллегий, главков и предприятий. *«Начало производственного воспитания у нас создано тем, — подчеркивал Ленин, — что около тысячи рабочих, членов и делегатов профсоюзов, участвуют в управлении и управляют предприятиями, главками и выше»*². В Московском Совете в 1920 г. рабочая прослойка достигала почти 75% всех депутатов, в Петроградском — 71,1%. На губернских съездах Советов рабочих было 32,8%, на уездных — 16,2%. В исполкомах губернских Советов рабочих было 36,5%, уездных — около 32%³.

Хотя советские законы предоставляли широким массам трудящихся все возможности прямого участия в управлении, эти возможности не удавалось реализовать сразу. На первых порах пришлось ограничиться тем, что рабочий класс выделил из своей среды небольшую творческую, активную часть, которая направлялась на руководящую работу в партийных, советских и хозяйственных органах. Массы трудящихся не могли непосредственно участвовать в управлении, ибо, как говорил Ленин на VIII съезде РКП(б), «кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь». Именно этот низкий культурный уровень и обусловил то, что «Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата»⁴.

Буржуазные фальсификаторы, вырывая эти слова из контекста, нередко толкуют их как «признание» того, что в социалистическом государстве, дескать, вообще управляют не сами трудящиеся, а лишь их представители, некая особая «управленческая элита». Но суть мысли Ленина заключалась совсем в ином. Сожалея об узости круга управляющих в первые годы Советской власти, он призывал всемерно содействовать его расширению по мере роста грамотности, образованности и культуры трудящихся, и прежде всего рабочего класса: «Мы должны получить подмогу. По всем признакам такой резерв внутри страны растет. Громадная жажда знаний и громаднейший успех образования... трудящихся масс не подлежит ни ма-

¹ См. Е. Г. Гимпельсон. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968, стр. 119.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 285.

³ См. М. Ф. Владимировский. Советы, исполкомы и съезды Советов. Вып. II. М., 1921, стр. 26, 36, 37; «Красная Москва». М., 1920, стр. 47; Е. Г. Гимпельсон. Указ. соч., стр. 497, 499.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 170.

лейшему сомнению... Все признаки говорят за то, что в близком будущем мы получим громадный резерв, который займет места слишком надорвавшихся на работе представителей тонкого слоя пролетариата»¹. Таким образом, задача заключалась в том, чтобы в результате расширения образования и просвещения приобщить к управлению новые и новые миллионы людей труда.

«Пролетариат, — говорил Ленин делегатам VIII съезда РКП(б), — вы превосходно это знаете, — не лишен недостатков и слабостей капиталистического общества. Он борется за социализм, и вместе с тем борется против своих собственных недостатков». А главным из унаследованных недостатков был низкий уровень грамотности, образованности и культуры. Это лишь отчасти компенсировалось тем, что, как заметил Ленин, «лучшая передовая часть пролетариата, которая в городах десятилетиями вела отчаянную борьбу, могла перенимать в этой борьбе всю культуру городской и столичной жизни и в известной степени ее восприняла»².

В дореволюционной России грамотность рабочего класса превосходила, правда, уровень средней грамотности всего взрослого населения, но 36 % промышленных рабочих, по данным 1918 г., были неграмотными³. Поэтому с первых дней победы революции Советское государство, Коммунистическая партия, профсоюзы развернули в невиданных масштабах борьбу за ликвидацию неграмотности взрослого населения⁴. Обучение неграмотных велось за счет государства, их рабочий день сокращался в дни занятий на два часа с сохранением зарплаты. Только по РСФСР в 1920 г. насчитывалось почти 24 тыс. школ по ликвидации неграмотности⁵.

Рабочему классу необходимо было также улучшать свою общеобразовательную и профессионально-техническую подготовку. Культурная работа становилась поэтому важнейшей частью процесса формирования новой личности, свободной от мелкобуржуазных взглядов, частнособственнических привычек, сознательно и творчески участвующей в созидании социалистического общества.

В Советской республике была организована широкая сеть культурно-просветительных учреждений. Если в царской России насчитывалось в 1914 г. всего 13 876 массовых библиотек и 237 клубных учреждений, то в сражавшейся против интервентов и белогвардейцев Стране Советов в 1920 г. имелось около 25 тыс. массовых библиотек, более 4 тыс. народных домов, 3,5 тыс. клубов⁶. Библиотеки, клубы,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 170—171.

² Там же, стр. 197—198.

³ См. А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М., 1958, стр. 600

⁴ Подробнее см.: В. А. Куманев. Социализм и всенародная грамотность. М., 1967.

⁵ «Труды ЦСУ», т. XII, вып. 1. М., 1922, стр. 118—119.

⁶ См. «Культурное строительство в СССР. Статистический сборник». М., 1956, стр. 9; «Труды ЦСУ», т. VIII, вып. 1, гл. XVI.

народные дома открывались в национализированных домах царской знати, капиталистов и помещиков. В марте 1919 г., выступая на I съезде сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии, Ленин говорил: «Мне особенно отрадно видеть, что здесь, в Питере, где так много прекрасных зданий, дворцов, имевших совершенно неправильное назначение, товарищи поступили правильно, отобрав эти дворцы и превратив их в места собраний, съездов и совещаний как раз тех классов населения, которые на эти дворцы работали и в течение веков эти дворцы создавали и которых на версту к этим дворцам не подпускали!»¹

Советская власть сделала достоянием рабочего класса и других трудящихся все сокровища культуры: театры, музеи, картинные галереи, консерватории. Оказывая идейное воздействие на содержание работы учреждений культуры, Коммунистическая партия добивалась, чтобы они служили делу коммунистического воспитания, использовала все формы политической работы — митинги, беседы, собрания, различные съезды и конференции — для подъема классовой сознательности рабочих.

В политическом просвещении рабочего класса велика была роль периодической печати — партийной, советской, профсоюзной. Несмотря на нехватку бумаги и типографской техники, в Советской республике выходило много газет в центре («Правда», «Известия», «Экономическая жизнь», «Беднота» и др.) и на местах. По неполным данным, в 1920 г. издавалось 246 губернских и 334 уездные газеты. Около 60 газет выходило на языках народов РСФСР². Партийная и советская пресса публиковала статьи, целые странички, специально предназначенные для рабочих и работниц. Профсоюзная печать (в 1920 г. кроме центральных изданий ВЦСПС выходили 22 газеты ЦК производственных союзов, 122 губернских, 12 уездных профессиональных изданий)³ подробно освещала производственную деятельность рабочих, их участие в управлении государством и предприятиями, обобщала и пропагандировала лучший опыт.

Размах культурно-политической работы поддерживался творческим подъемом и энтузиазмом рабочих. «Трудящиеся, — говорил Ленин на Всероссийском съезде по просвещению, — тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования

М., 1921, стр. 155; «История гражданской войны в СССР», т. 5, стр. 267.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 24.

² См. «Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма и коммунизма», ч. I (1917—1941 гг.). М., 1961, стр. 13; «Жизнь национальностей», 7 ноября 1920 г.

³ См. «Отчет Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (март 1920 г. — апрель 1921 г.)». М., 1921, стр. 18; ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 4, д. 330, л. 34—37.

и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем»¹.

Ни с чем не сравнимая по сложности задача преобразования капиталистического общества в социалистическое могла быть решена только на основе использования высших достижений науки, техники и культуры. Здание нового, социалистического общества можно было возвести лишь на фундаменте знаний, накопленных на протяжении прошлого, которые следовало освоить наиболее полно, и притом критически. Далеко не все это понимали. Еще до Октября возникли пролетарские культурно-просветительные организации (Пролеткульт), развернувшие, особенно после победы революции, большую работу среди рабочей молодежи с целью приобщить ее к искусству. Однако руководители Пролеткульта (А. А. Богданов, В. Ф. Плетнев), ошибочно представляя себе пути создания новой, советской культуры, нигилистически относились к достижениям прошлого, отрицали преемственность развития культуры.

Ленин осудил как «теоретически неверные и практически вредные» попытки «левых» пролеткультовцев выдумать некую особую «пролетарскую культуру», стоящую в стороне от столбовой дороги общечеловеческого культурного прогресса². «Нужно, — писал и повторял он, — взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство»³. Исходной посылкой этой ленинской постановки вопроса была марксистская оценка добуржуазного и буржуазного культурного наследия, связанная с тезисом о преемственности в развитии общества.

Однако новый господствующий класс не располагал еще кадрами собственной интеллигенции, чтобы удовлетворить не только перспективные, но и текущие потребности в специалистах. Этот вопрос был одним из самых существенных и самых сложных на исходных рубежах переходного периода. Первый шаг к его решению Ленин видел в вовлечении в социалистическое строительство интеллигенции буржуазного и мелкобуржуазного происхождения.

Все богатства, составлявшие в совокупности культурное наследие, которое предстояло освоить рабочему классу, пояснял Ленин, сосредоточены «в головах и руках» старых специалистов. Даже в условиях гражданской войны и интервенции Советская власть отпускала крупные средства на развитие науки и культуры, настойчиво добивалась, чтобы все подлинные ценности стали достоянием народных масс. Это не могло не увлечь интеллигенцию. Открывались новые университеты, институты, лаборатории. Многие знаменитые ученые, несмотря на огромные материальные лишения, вели важные

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 77.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 337.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 55.

научные исследования: в Московском университете — К. А. Тимирязев, Н. Е. Жуковский, И. А. Каблуков, Д. Н. Анучин; в Петроградском — В. Л. Комаров, Д. С. Рождественский. Плодотворно трудились великий ученый-физиолог И. П. Павлов, известный геолог, президент Академии наук А. П. Карпинский, крупный физик А. Ф. Иоффе и др.

Деятельность ученых связывалась с народнохозяйственными задачами. В разработке плана ГОЭЛРО участвовали видные деятели науки и техники: Г. О. Графтио, Е. Я. Шульгин, А. А. Горев, И. Г. Александров, Л. К. Рамзин, К. А. Круг, М. А. Шателен. Рабочие и крестьяне высоко ценили передовых ученых. Так, рабочие курских железнодорожных мастерских избрали своим депутатом в Московский Совет К. А. Тимирязева.

Ленин считал, что сотрудничество интеллигентов с рабочими приведет к коренной, качественной социальной переориентации буржуазных специалистов, превратит их подавляющее большинство в один из отрядов новой, советской интеллигенции¹. Но приобщение к социалистическому строительству специалистов дореволюционной формации было лишь одним из звеньев ленинской программы. Другим, притом важнейшим, звеном стала подготовка рабочим классом собственной интеллигенции. Первым шагом на этом пути было так называемое выдвиженчество. Суть его состояла в привлечении на руководящие должности тысяч и тысяч трудящихся, прежде всего рабочих, чьи способности, склонности и таланты стали обнаруживаться и раскрываться в условиях развернувшейся социалистической революции. На практической работе, перенимая опыт специалистов, они приобретали известные навыки управления производством. Практика выдвижения быстро завоевала права гражданства и достигла крупных масштабов. В 1921 г. на командных должностях в промышленности трудилось более 3,5 тыс. рабочих². Это означало, что рабочий-выдвиженец находился во главе каждого третьего предприятия, причем в металлообрабатывающей и текстильной отраслях процент этот был еще выше, а в армии и военном флоте рабочие и крестьяне составляли $\frac{2}{3}$ командиров³.

С целью подготовки кадров новой, советской интеллигенции из рабочих, крестьян и их детей независимо от пола и национальной принадлежности Коммунистическая партия приступила к перестройке всей системы образования. Декрет Совнаркома от 2 августа 1918 г. отменил все ограничения для поступающих в высшие учебные заве-

¹ Подробнее см.: С. А. Федюкин. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972.

² См. А. Е. Бейлин. Кадры специалистов в СССР, их формирование и рост. М., 1935, стр. 9.

³ См. П. П. Амелин. Интеллигенция и социализм. Л., 1970, стр. 110.

ления и плату за обучение. Постановление СНК предусматривало преимущественный прием лиц из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, предоставление им стипендий¹. Большую роль в осуществлении программного требования партии — открыть широкий доступ в вузы рабочим — сыграли рабочие факультеты (рабфаки), которые были особой формой общеобразовательной подготовки. Образованные осенью 1919 г., они за короткие сроки вооружали слушателей суммой знаний, необходимых для успешного продолжения образования.

Большое внимание Советское государство уделяло социальным условиям жизни трудящихся. Была создана система учреждений по охране материнства и младенчества. Открывались детские консультации, молочные кухни, дома матери и ребенка, дошкольные учреждения — детские сады, дома ребенка и т. д. Если в 1917 г. их насчитывалось всего 34, то в 1921 г. — уже около 2,5 тыс.² Стало осуществляться бесплатное обучение детей школьного возраста, которые обеспечивались за счет государства завтраками и учебными пособиями. Большинство рабочих и крестьян впервые получило возможность дать своим детям образование.

Несмотря, однако, на все принимавшиеся Советской властью меры по улучшению материального и культурного положения рабочего класса, оно оставалось тяжелым. Но сознание того, что власть в его руках и что во имя будущего необходимо пойти на жертвы, поддерживало его силы и моральную стойкость. Рабочий класс отдавал себе отчет в том, что трудности и лишения носят временный характер, что главное — отстоять великие завоевания социалистической революции. Очевидец и участник революционных событий в России американский журналист А. Р. Вильямс свидетельствовал: «Способность рабочих осмысливать великие политические идеи поражает всех, кто посетил Россию и знает ее жизнь не только со стороны»³.

В августе 1920 г. Ленин получил приветственное письмо от черемховских рабочих. «Мы уверены в том, — писали они, — что под Вашим руководством и руководством Коммунистической партии через миллионы препятствий, через разруху, голод, болезни, в борьбе с обезумевшими от отчаяния предпринимателями, банкирами, помещиками и генералами пролетарии всего мира добьются своего полного и окончательного освобождения»⁴. Отвечая рабочим, Ленин отметил, что особенно высоко ценит чувства глубочайшей уверенности в полной и окончательной победе Советской власти над всяче-

¹ См. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 138, 141.

² См. «V лет власти Советов». М., 1922, стр. 525.

³ Альберт Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, стр. 62.

⁴ «Письма трудящихся к В. И. Ленину. 1917—1924 гг.». М., 1960, стр. 197.

скими эксплуататорами, непреклонную решимость преодолеть все препятствия и трудности. «Именно в этой твердости рабочей, трудящейся массы,— писал он,— я, как и всякий коммунист, черпаю уверенность в неизбежной мировой победе рабочих и рабочего дела»¹.

Разумеется, высокими политическими и моральными качествами обладали не все рабочие. Рабочий класс не мог быть и не был однородным, он состоял из различных слоев и групп. Наряду с передовыми отрядами рабочих, осознавшими свою классовую роль и свое новое положение в обществе, были слои политически отсталые, руководствовавшиеся мелкобуржуазными взглядами. Среди этой части рабочих частыми явлениями были низкая трудовая дисциплина, прогулы и опоздания на работу, хищения на производстве. Закрытие предприятий вследствие нехватки сырья и топлива, хозяйственное разорение страны, голод привели к снижению классового самосознания части рабочих, к деморализации отдельных групп даже кадровых рабочих. Стремясь улучшить материальное положение, они занимались ремеслом, кустарничали, спекулировали. «Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том,— писал Ленин,— чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже,— содрать с «него» денег побольше»².

Партийные и профсоюзные организации вели упорную борьбу за воспитание социалистической, сознательной трудовой дисциплины. Главным средством было убеждение, но по отношению к злым нарушителям применялись и меры принуждения. В 1918 г. творчество рабочих создало товарищеские суды, которые избирались самими рабочими и следили за соблюдением трудовой дисциплины, а за нарушение ее определяли меру наказания — от предупреждения до исключения из профсоюза и увольнения с предприятия.

Большое воспитательное значение имел пример передовых рабочих, которые воплощали в себе лучшие характерные черты своего класса. Пролетарскую сознательность и самоотверженность проявляли многие питерские и московские рабочие. Образец творческой инициативы и активности показали весной 1919 г. рабочие-коммунисты депо Москва-Сортировочная Казанской железной дороги, решившие до полной победы над врагом раз в неделю (по субботам) работать сверхурочно и бесплатно. Ленин назвал эти субботники «великим почином» коммунистического труда, увидев в них факт огромного исторического значения, свидетельство начала поворота в сознании

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 282.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 90.

масс, в их отношении к труду. Великий почин был подхвачен по всей стране. Если в первом субботнике участвовал 781 коммунист, то постепенно в них вовлекалось все больше беспартийных рабочих. В Москве в ноябре 1919 г. на субботники вышло около 10 тыс. коммунистов и более 6 тыс. беспартийных, а в феврале 1920 г. — 15 тыс. коммунистов и 26 тыс. беспартийных².

Во Всероссийском первомайском субботнике 1920 г. только в Москве участвовало 425 тыс., в Петрограде — 165 тыс., а по всей стране — не менее 15 млн. человек¹. Об этом субботнике в Москве «Правда» писала: «Нет и не было в мире власти, которая бы по одному кличу вывела на бесплатную работу в одном только городе 400 тыс. человек. Пусть хорошо это запомнят враги Советской власти»³. Субботник был свидетельством того, что в сознании авангарда трудящихся произошел существенный психологический сдвиг, что одержана важная победа над косностью и мелкобуржуазной ограниченностью. «Когда *эта* победа будет закреплена, — писал Ленин, — тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана»⁴.

С течением времени у рабочих укреплялось хозяйское отношение к своему заводу, фабрике. Так, когда на Чусовском заводе в начале 1920 г. из-за отсутствия электрических лампочек нельзя было перейти на трехменную работу, рабочие вывернули лампочки в своих квартирах и принесли на завод⁵. Во время восстановления Подольского паровозостроительного завода не хватало нужных станков. Рабочие разыскали и привезли 200 старых станков и сами их переделали; не было твердой стали для пил — применили прием быстрого вращения, который позволил резать металл мягкой сталью. Различные предложения рабочих в большой степени обеспечили успех работ⁶.

Объективно новое положение рабочего класса в обществе, осознание им своей роли и ответственности за судьбы Советской республики способствовали появлению и утверждению новых критериев в оценке человека, его достоинства, чести, долга. Самым уважаемым человеком становился рабочий, показавший пример в труде, добившийся увеличения его производительности. Уже в эти годы возникла традиция публичного чествования лучших производственников — их фамилии записывались на Красную доску почета и уважения, заносились в «золотые книги». Наиболее отличившимся рабочим кол-

¹ См. «У истоков коммунистического труда». М., 1959, стр. 118.

² См. «Известия ВЦИК», 5 мая 1920 г.; «История СССР», т. VII. М., 1967, стр. 566.

³ «Правда», 29 мая 1920 г.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 5—6.

⁵ См. А. Т. Тихун. В. И. Ленин — руководитель Совета труда и обороны в 1920 году. Киев, 1969, стр. 78.

⁶ См. «Правда», 7 декабря 1920 г.

лективы присваивали звание Героя Труда. Имена передовиков производства становились известными далеко за пределами предприятия.

Интернационализм — характерная черта рабочего класса. Он с небывалой силой проявился в Октябрьской социалистической революции и в годы гражданской войны. Углублению пролетарской солидарности способствовало то, что представители всех народов России и многих зарубежных стран плечом к плечу с русскими рабочими и крестьянами сражались против белогвардейцев и интервентов, сообщая отстаивали Советскую власть. Приветствуя зарубежных коммунистов, приехавших на II конгресс Коминтерна, М. И. Калинин заметил, что «русского рабочего и даже несознательного русского крестьянина лучше книг и речей развивает развертывающаяся борьба с русской буржуазией и международным капиталом». Они в то же время «с величайшим вниманием обращают свой взор к угнетенным классам Запада и к угнетенным массам Востока»¹.

Так постепенно начинал складываться новый социальный облик рабочего класса, формировались сознание и моральные принципы строителя социалистического общества. Переделывая производственные отношения, рабочий класс переделывался сам. Став правящим классом, он создал новое, небывалое прежде отношение народа к государству и правительству. Начался процесс превращения пролетариата в социалистический рабочий класс.

ДВИЖЕНИЕ «РУКИ ПРОЧЬ ОТ РОССИИ!»

Когда империалисты Германии и Австро-Венгрии, а затем Англии, Франции, США, Японии и других капиталистических государств обрушились на только что родившуюся в России Республику Советов, стремясь ее задушить, это вызвало волну возмущения во всем мире. Рабочий класс и другие трудящиеся, демократическая общественность гневно осуждали империалистическую агрессию, препятствовали развертыванию необъявленной войны, выражали сочувствие советскому народу.

Ярким проявлением международной солидарности трудящихся с Советской страной стало развернувшееся во многих странах движение под лозунгом: «Руки прочь от Советской России!» Главным его требованием, которое постоянно выдвигалось на рабочих митингах и собраниях, съездах и конференциях, демонстрациях трудящихся и в прогрессивной печати, было: немедленное прекращение военной поддержки российской контрреволюции, экономической блокады и вооруженной иностранной интервенции. Становясь на защиту первого в мире государства рабочих и крестьян от посягательств

¹ «Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г.». М., 1934, стр. 12.

империалистических держав, люди разных стран и убеждений выполняли свой интернациональный долг, сознавая, что помощь Советской республике является в то же время составной частью их борьбы за собственную свободу и независимость.

В то время как немецкие войска вторглись в феврале 1918 г. в Прибалтику, Белоруссию и на Украину, германская революционная группа «Спартак» писала в своей листовке: «Как разбойник на большой дороге, схватила Германия за горло безоружную республику рабочих и крестьян... Область, вдвое большая, чем Германия, грубой силой отнята у русской революции... Германия стала ныне жандармом капиталистической реакции во всей Европе, а немецкий пролетарий в солдатской шинели сделался палачом свободы и социализма!.. Надо стряхнуть с себя этот страшный позор!.. Надо в последний час спасти честь германского пролетариата!»¹ Прошло несколько месяцев, и в оккупационных войсках Германии и Австро-Венгрии развернулось революционное движение, в котором солидарность со Страной Советов переплеталась с антивоенными требованиями. После того как в Австро-Венгрии и Германии начались революции, удержать солдат на советской земле стало невозможно: нарушая дисциплину, они двинулись на родину, став носителями революционных идей. Покидая оккупированные территории, солдаты нередко передавали частям Красной Армии оружие и боеприпасы².

Правые лидеры германской социал-демократии, пришедшие к власти в результате народной революции, пытались сорвать ее дальнейшее развитие и сближение немецких рабочих с Советской Россией. Они поддерживали поэтому стремление генералитета задержать отвод войск с Украины и из Прибалтики, призывали к созданию контрреволюционных добровольческих формирований для «охраны границ» и «борьбы с большевизмом». Но рабочие Лейпцига, Галле, Брауншвейга и других городов стали задерживать транспорты с войсками, двигавшиеся на Восток; Советы Берлина и Брауншвейга приняли решения противодействовать вербовке добровольцев. На Учредительном съезде КПГ Р. Люксембург заклеила сговор германских правителей с империалистами Антанты и балтийскими баронами о продолжении оккупации Прибалтики как попытку закрепить «мировой союз капиталистов всех стран против борющегося пролетариата всего мира»³. К. Либкнехт заявил, что немецкий про-

¹ «Spartakus im Kriege». Berlin, 1927, S. 198—200.

² Подробнее см.: *І. М. Кулінич, М. М. Кошик. Революційна діяльність німецької комуністичної групи «Спартак» на Україні (1918—1919 рр.)*. Київ, 1959; «Ноябрьская революция в Германии. Сборник статей и материалов». М., 1960.

³ «Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (30. Dezember 1918 — 1. Januar 1919)». Berlin, 1972, S. 215—217, 222.

летариат в огромном долгу перед Советской Россией: он повинен в том, что «зверствовал в России в качестве подручного германского империализма», и может искупить свою вину только «энергичным революционным действием», срывая совместные акции империалистов Антанты и Германии. Он должен помнить, что из России идет «непрерывный поток воодушевления, который движет вперед социальную революцию в Германии»¹. В телеграмме Советской республике съезд КПГ написал: «Сознание, что у вас все сердца бьются в унисон с нашими, придает нам силу и мужество в нашей борьбе. Да здравствует социализм! Да здравствует мировая революция!»² Весной и летом 1919 г. рабочие не раз противодействовали германским авантюрам в Прибалтике.

Широкое движение в защиту Советской России развернулось во Франции, правительство которой в конце 1918 г. отправило на юг России экспедиционный корпус, насчитывавший более 40 тыс. солдат, и сконцентрировало в Черном море военный флот. Докеры и железнодорожники отказывались грузить и перевозить оружие для интервенционистских войск, солдаты и матросы требовали возвращения на родину и демобилизации. Депутат-социалист Марсель Кашен с трибуны Национального собрания и в печати разоблачал стремление французских империалистов играть роль европейского жандарма. Жак Садуль в своих письмах из Москвы сообщал множество фактов о преступных действиях Антанты против русского народа. «Союзники хотят сокрушить революцию и русское государство. Их намерения столь очевидны, что все русские их поняли и объединяются, чтобы противостоять опасности. Многие русские патриоты, которые не являются ни большевиками, ни вообще социалистами, вступают в Красную Армию, чтобы защищать Россию, которой угрожают иностранцы». Садуль призывал трудящихся Франции добиваться немедленного отзыва французских войск: «Удушение московского правительства рабочих и крестьян,— писал он,— рабочими и крестьянами Франции было бы колоссальной ошибкой и самым неизгладимым позором в истории европейского пролетариата»³.

Организации КП(б)У в Одессе и других городах развернули большую разъяснительную работу среди французских оккупантов — солдат и матросов. Общее руководство осуществляли представители Федерации иностранных групп РКП(б) — прежде всего Инесса Арманд, Жак Садуль, Жанна Лябурб. В январе 1919 г. бывшая учительница Ж. Лябурб и еще несколько иностранных коммунистов прибыли из Москвы в Одессу, где вошли в созданную подпольным обкомом «иностранную коллегия». Коллегия издавала газету «Коммюнист»,

¹ Цит. по: «Ежегодник германской истории. 1976». М., 1977, стр. 295—296.

² «Protokoll des Gründungsparteitages», S. 113—114.

³ J. Sadoul. Notes sur la révolution bolchevique. Paris, 1971, p. 442, 457.

выпускала листовки, распространявшиеся среди оккупационных войск, проводила пропагандистскую работу. Совместно с подпольными большевистскими организациями коллегия готовила восстание рабочих с участием французских солдат и матросов, поддерживавших революцию, которое должно было начаться при подходе Красной Армии к Одессе. Но в ночь на 2 марта 1919 г. 10 подпольщиков во главе с Жанной Лябурб были схвачены французской контрразведкой и после пыток расстреляны. Жестокая расправа вызвала новые волнения как во французских войсках, так и в самой Франции¹.

Еще в феврале отказались участвовать в наступательных действиях солдаты 58-го пехотного полка в районе Тирасполя; командование предпочло разоружить их и отправить на родину. 8 марта 1919 г. взбунтовался 176-й полк, высаженный в Крыму; солдаты братались с русскими рабочими и красноармейцами. Французская армия теряла боеспособность. В начале апреля французский командующий вынужден был вывести войска из Одессы.

Волнения охватили матросов французского флота на Черном море. Сигналом к восстанию на кораблях, стоявших на одесском рейде, должно было стать выступление команды миноносца «Проте». Но накануне его был арестован один из организаторов, Андре Марти. В поднятии красного флага на крейсере «Вальдек-Руссо» активно участвовал вьетнамец Тон Дык Тханг (впоследствии видный руководитель СРВ). В апреле 1919 г. команды линкоров «Франс» и «Жан Бар», броненосца «Жюстис» подняли восстание и провели совместно с рабочими Севастополя демонстрацию, требуя немедленного возвращения на родину. 29 апреля в Севастополь вступила Красная Армия.

Правительство Клемансо пыталось скрыть от народа выступления и требования французских матросов. Однако и в самой Франции, в портах Тулон, Шербур и Брест, служивших базой для снабжения интервентов, демонстрации рабочих, солдат и моряков переросли в июне 1919 г. в уличные бои. Волнения были подавлены, но французское командование вынуждено было эвакуировать экспедиционный корпус с юга России².

В Италии рабочие в знак поддержки Советской России прекращали производство оружия, а железнодорожники систематически препятствовали отправке составов, груженных снаряжением для контрреволюционных армий, сражавшихся в России. Моряки и докеры блокировали в портах корабли с военными грузами: «Федора» — в Генуе, «Джипсон» и «Ниппон» — в Неаполе, «Персей» — в Спе-

¹ См. Л. М. Зак. Они представляли народ Франции. К истории французских интернационалистов. 1918—1920 гг. М., 1977, стр. 18—32; А. Дунаевский. Жанна Лябурб — знакомая и незнакомая. М., 1976.

² См. Л. М. Зак. Указ. соч., стр. 184—192.

ции¹. Учитывая настроения широких народных масс, премьер-министр Ф. Нитти отменил готовившуюся военную экспедицию в Грузию².

Участие Англии в вооруженной интервенции вызывало все более массовые протесты моряков и солдат. В январе 1919 г. отказались выполнить приказ о походе в Балтийское море матросы линкора «Куин Элизабет». Бунтовали солдаты экспедиционного корпуса в Мурманске и на Мурманской железной дороге. В марте британское командование на севере России вынуждено было поставить перед правительством вопрос о скорейшей эвакуации войск. Летом проявили неповиновение экипажи трех английских военных кораблей в Балтийском море³.

Весной 1919 г. в активную борьбу против антисоветской интервенции включились крупные тред-юнионы Великобритании. Федерация горняков на конференции в марте единогласно потребовала от правительства немедленного вывода из Советской России всех английских войск. Вскоре аналогичные резолюции были приняты Национальным союзом текстильщиков, Союзом паровозных машинистов и кочегаров, Национальным союзом механиков. По их инициативе состоявшаяся 3 апреля 1919 г. конференция Британского конгресса тред-юнионов и лейбористской партии предложила правительству «немедленно вывести все британские войска из России и... побудить союзные правительства поступить таким же образом»⁴.

Особенную активность проявляли революционные организации Великобритании. В июне 1919 г. БСП внесла на конференции лейбористской партии резолюцию, которая обязывала Исполком использовать для прекращения антисоветской интервенции всю мощь — экономическую и политическую — организованного рабочего движения. Несмотря на возражения Исполкома, резолюция была принята 1 893 тыс. голосов против 935 тыс. Аналогичное решение принял в сентябре съезд БКТ⁵.

Энергично выступали против иностранного вмешательства в дела Советской России трудящиеся США. Должностные лица, члены конгресса и газеты получали много писем. Детройтские газеты в феврале 1919 г. печатали письма солдат из Архангельска. «Мы теперь, — говорилось в одном из них, — боремся с большевиками, но русские люди не оказывают нам никакой поддержки. Они все против нас,

¹ См. К. В. Кобылянский. Октябрь и революционное движение в Италии. М., 1965; П. Секкья. Влияние Октябрьской революции в Италии. М., 1958.

² См. У. Террачини. Итальянское рабочее движение и Великий Октябрь. — «Новая и новейшая история», 1957, № 5, стр. 20—21.

³ См. П. В. Гурович. Подъем рабочего движения в Англии в 1918—1921 гг. М., 1956, стр. 75.

⁴ «Report of the 19th Annual Conference of the Labour Party». London, 1919, p. 26.

⁵ Ibid., p. 161—162.

за исключением капиталистов, которые одни и молят союзников о помощи. Народ же считает всю эту проблему своим внутренним делом, а мы не имеем никакого права убивать кого-либо из этих русских»¹.

На конференции рабочих представителей в январе 1919 г. было выдвинуто единодушное требование о выводе американских войск из Страны Советов. Ничто не заставит нас отказаться от лозунга «Руки прочь от России», говорилось в решении, которое было поддержано на многочисленных митингах и собраниях трудящихся в разных городах страны. 25 мая многотысячный митинг в Нью-Йорке прошел под девизом «Справедливость к России». Рабочие и докеры отказывались грузить оружие. Лига друзей Советской России развернула широкую петиционную кампанию с призывом отозвать американские интервенционистские войска, прекратить экономическую блокаду Советской России и отказаться от поддержки белогвардейцев².

Летом 1919 г. социалистические партии Италии и Франции договорились о совместном выступлении в защиту Советской России и Советской Венгрии. На совещании в Милане с участием конфедераций профсоюзов обеих стран было решено провести 21 июля всеобщую международную забастовку с участием прежде всего французских, итальянских и английских рабочих. Французская ВКТ требовала наряду с демобилизацией, политической амнистией и восстановлением конституционных свобод также прекращения вооруженной интервенции в России и Венгрии, предоставления народам права на самоопределение³. Итальянская социалистическая партия, ВКТ и Союз железнодорожников в своем воззвании к рабочим писали: «Защищая социалистические республики на Востоке, мы тем самым отстаиваем возможность революции во всей Европе, прежде всего в Италии, развитие которой идет также в этом направлении»⁴. Коммунистическая рабочая партия Польши, сообщая, что пролетариат крупнейших стран Антанты решил организовать грандиозную международную революционную демонстрацию против военной интервенции в России, указывала: рабочий класс «запрещает не только посылать солдат на войну с русской революцией», но и «не позволит поддерживать эту войну путем доставки на восток оружия, боеприпасов и денег». Будет страшным позором, если пролетариат Польши не присоединится к этому массовому революционному протесту⁵.

¹ «Congressional Record», v. 57, p. 4735.

² См. И. М. Краснов. Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции (1920—1922 гг.). М., 1961, стр. 209; «Прогрессивная Америка в борьбе 1917—1973. Документы и материалы». М., 1974, стр. 61—63, 66—69, 73—75.

³ См. «L'Humanité», 5, 6, 15.VII. 1919.

⁴ «Avanti!» (Milano), 7.VII.1919.

⁵ «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)». М., 1958, стр. 122—123.

Однако руководство французской ВКТ в последний момент отменило свое решение. Оно ссылалось и на обещания правительства, и на «пассивность» трудящихся, хотя именно в это время массовое движение в стране достигло высокого уровня. Срыв стачки был тем более пагубным, что именно Франция была главным организатором военного похода против Советской Венгрии. Исполком лейбористской партии Великобритании тоже уклонился от проведения стачки, сославшись на то, что тред-юнионы не смогли осуществить голосование. Лишь в Италии, хотя Союз железнодорожников отстранился от участия, стачка прошла с большим успехом, охватив крупнейшие центры — Турин, Геную, Триест, Ливорно¹. Забастовка проходила под руководством итальянской ВКТ и имела прямой задачей сорвать отправку в Россию солдат и военных материалов. Бастовали также портовики Нидерландов, рабочие Австрии, Польши, Норвегии, Румынии, Югославии и ряда других стран. Характеризуя международную стачку как «эксперимент, небывалый в истории», Ленин считал неудачу ее неудивительной, отметив: «Зато мы знаем, что трудящиеся массы самых передовых и цивилизованных стран, несмотря на бешенство европейской буржуазии против нас, — эти трудящиеся массы с нами, они наше дело понимают»².

Активизировалась демократическая общественность. За солидарность с Советской Россией высказалась «Республиканская ассоциация бывших фронтовиков», созданная молодыми литераторами Франции. В сентябре 1919 г. группа прогрессивных писателей «Кларте» в воззвании, подписанном Анатолем Франсом, Анри Барбюсом, Полем Вайяном-Кутюрье и др., призвала трудящихся всего мира: «Поднимитесь же все и заклейте жестокую и лицемерную коалицию реакционеров и крупных международных финансистов, направленную против Российской Республики Советов... Ваше безразличие превращает вас в соучастников контрреволюции. Не навлекайте на себя позор убийства великой свободы, которая является всеобщим достоянием»³. Вскоре было опубликовано еще одно воззвание 66 крупнейших деятелей науки, искусства и литературы, получившее высокую оценку Ленина. Одновременно известный буржуазный историк Альфонс Олар в открытом письме протестовал против клеветы на Советскую Россию и ее блокады. Свой голос в защиту русской революции поднял Ромен Роллан⁴. Социалистическая партия поставила Жака Садуля во главе списка своих кандидатов на парламентских выборах в одном из округов Парижа. Но его избрание было

¹ Подробнее см.: К. В. Кобылянский. Забастовка солидарности с Советской Россией 20—21 июля 1919 года. — «Россия и Италия». М., 1968.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 138.

³ «L'Humanité», 9.IX.1919.

⁴ «L'Humanité», 26.X.1919; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 399, 404.

сорвано тем, что военный суд заочно приговорил его к смертной казни за «дезертирство» и «сношения с врагом»¹.

Скандинавский рабочий конгресс, состоявшийся в декабре 1919 г. в Стокгольме, потребовал от правительств Швеции, Норвегии и Дании восстановления торговых отношений с Советской Россией, отправки туда продуктов питания и медикаментов, недопущения отправки войск.

В Испании организованный рабочий класс оказал сопротивление правительству, которое пыталось принять участие в блокаде Советской России. Конгрессы Испанской социалистической рабочей партии и анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда приняли в декабре 1919 г. резолюции, гневно осуждавшие решение правительства². Выступление рабочего класса было поддержано всей демократической Испанией.

Поддержка и защита Советского государства многими миллионами трудящихся в различных частях земного шара имели большое значение. «Эта победа, которую мы одержали, вынудив убрать английские и французские войска,— писал Ленин,— была самой главной победой, которую мы одержали над Антантой. Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств»³. В январе 1920 г. Англия, Франция и Италия приняли решение прекратить блокаду Советской России.

Новая волна солидарности рабочего класса европейских и других стран поднялась весной 1920 г., когда Антанта использовала для похода против Страны Советов буржуазно-помещичью Польшу и барона Врангеля, которых Ленин характеризовал, как «две руки французских империалистов», пытающихся задушить Советскую страну⁴. На первомайских демонстрациях в Англии, США, Франции, Италии, Германии, Бельгии, Швеции, Норвегии, Испании, Чехословакии и других странах колонны прохожих мимо зданий польских миссий и представительств с лозунгами: «Да здравствует Советская республика! Долой Польшу! Долой капитализм!» Нередко демонстрации сопровождалась забастовками. Под лозунгами борьбы с войной, солидарности с Советской Россией и Советской Украиной вышли на улицу рабочие Варшавы и других польских городов⁵.

В Англии еще 7 ноября 1919 г. был создан Национальный комитет «Руки прочь от России!», в работе которого активно участвовали

¹ См. *J. Sadoul*. Op. cit., p. 2. Обвинения были сняты только в 1925 г.

² См. *M. Tuñón de Lara*. España del siglo XX. Paris, 1973, p. 92—94.

³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 391.

⁴ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 330.

⁵ См. «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир», стр. 150—158.

многие видные деятели британского рабочего движения — А. Парсель (член Парламентского комитета БКТ), У. Коутс, Т. Манн, У. Галлахер и др. Выдвинутая Комитетом программа превосходила требования лейбористской партии и БКТ. Кроме вывода британских войск из Советской России она призывала трудящихся бороться за прекращение любой помощи белогвардейским генералам, за снятие экономической блокады, нормализацию дипломатических и торговых отношений с Советской республикой¹. Когда стало известно о вторжении польских войск в Советскую Россию, лондонские докеры отказались 10 мая грузить оружие на корабль «Джолли Джордж», направлявшийся в Польшу, и выбросили уголь из бункеров. Через несколько дней конференция Союза докеров призвала весь рабочий класс противиться помощи Польше. Докеры поддерживали железнодорожники. 1 июня на станции Кингкросс был задержан состав с военным снаряжением для войск Пилсудского². Национальный комитет «Руки прочь от России!» настаивал на проведении 24-часовой всеобщей стачки. Делегация БСП внесла на конференции лейбористской партии резолюцию с призывом ко всеобщей забастовке. Но под давлением правых конференция отклонила «прямые действия», ограничившись посылкой делегации к премьер-министру³.

3 августа британское правительство потребовало от Советской республики прекращения наступления на Варшаву, угрожая в противном случае оказать Польше прямую военную помощь. Ультиматум Керзона вызвал новый взрыв возмущения. 8 августа по призыву только что созданной Коммунистической партии, которая опубликовала в газете «Дейли геральд» развернутую программу действий, Национального комитета «Руки прочь от России!» и Исполкома лейбористской партии по всей стране прошли сотни митингов и демонстраций. Их участники заявляли правительству, что, развязав войну против Советской России, «оно вызовет другую войну — войну рабочих против капитала, и эта война закончит первую». Орган НРП писал, что «все рабочее движение едино в своей оппозиции правительству»⁴.

9 августа на совместном заседании Парламентского комитета БКТ, Исполкома и парламентской фракции лейбористской партии были приняты резолюции, предупреждавшие правительство, что «организованное рабочее движение использует всю свою мощь» в целях предотвратить войну между Советской Россией и союзными державами. Координация борьбы была возложена на Национальный совет

¹ «National «Hands off Russia» Committee. Peace with Russia. Organised Labour Demands». Manchester, 1920, p. 1—2.

² См. П. В. Гурович. Указ. соч., стр. 120.

³ См. «Report of the 20th Annual Conference of the Labour Party». London, 1920, p. 138, 144.

⁴ «Labour Leader», 9.VIII. 1920; см. И. Н. Ундасьянов. Коммунисты и лейбористская партия. 1919—1923. М., 1979, стр. 125—126.

действия, в который вошли представители всех трех организаций. После того как Ллойд Джордж отклонил требования рабочего движения, Совет созвал национальную конференцию исполкомов профсоюзов и социалистических организаций, входивших в лейбористскую партию. Она решила «оказать сопротивление любой форме интервенции против Советского правительства России» и поставила перед Советом задачи добиться:

1) абсолютной гарантии, что вооруженные силы Великобритании не будут использованы для поддержки Польши, барона Врангеля и любых других военных и морских действий;

2) отозвания всех британских морских сил, прямо или косвенно участвующих в блокаде России;

3) признания русского Советского правительства и установления неограниченных торговых отношений между Россией и Великобританией.

Совету действия было поручено «предпринять любые шаги, которые окажутся необходимыми для выполнения решений настоящей конференции и проведения политики, одобренной профсоюзным и лейбористским движением»¹.

Угроза применения «прямого действия» сыграла немалую роль в решении правительства отказаться от непосредственного участия в интервенции. Рабочее движение одержало важную победу, показавшую, как много может быть достигнуто «объединенным рабочим классом, готовым бороться за свои требования боевыми средствами, включая применение стачки как в политических, так и в экономических боях»².

Подчеркивая теснейшую связь подъема рабочего движения на Западе с наступлением Красной Армии, Ленин говорил на конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г., что «последствием нашего пребывания под Варшавой было могущественное воздействие на революционное движение Европы, особенно Англии... Мы добрались до английского пролетариата и подняли его движение на небывалую высоту... Когда английское правительство предъявило нам ультиматум, то оказалось, что надо сперва спросить об этом английских рабочих»³.

Ширились выступления протеста в Германии. 8 мая 1920 г. ЦК КПГ обратился к пролетариату Берлина с призывом помешать контрреволюционным силам Германии принять участие в новом походе против Советской России. «Рабочие! Товарищи! — говорилось в обращении. — Долг революционного пролетариата всех стран

¹ «The Labour Party. Report of the Executive Committee to the 21st Annual Conference». London, 1921, p. 11—13.

² *J. Klugmann. The History of the Communist Party of Great Britain*, v. I. London, 1968, p. 87; *И. Н. Ундасынов. Указ. соч.*, стр. 127—128.

³ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 41, стр. 282—283.

подняться на защиту Советской России. Ей не надо ничего, кроме возможности мирно строить коммунистическое общество. Сохранение Советской России — это не только обеспечение самой сильной опоры и оплота грядущей пролетарской революции в Центральной и Западной Европе. Возможность мирного коммунистического строительства в Советской России открывает для ежедневно все более нищающих рабочих масс Центральной и Западной Европы перспективу их самостоятельного выхода из экономического упадка, оставленного мировой войной»¹.

2 июля впервые с трибуны германского рейхстага выступила избранная депутатом коммунистка Клара Цеткин. «Первое слово коммунистов здесь, — сказала она, — обращено за пределы этого здания, за пределы Германии. Это заверение в верности международной солидарности пролетариев всех стран... Это особенно выражение благодарности и братского восхищения Советской Россией, которая с огромным напряжением сил борется против целого мира и строит социализм». Она призвала всех немецких рабочих не допускать провоза в Польшу оружия и боеприпасов².

22 июля, когда в Данциг прибыл пароход с военным грузом для польской армии, немецкие докеры отказались его разгружать и выстояли, несмотря на угрозы властей и посулы дополнительного вознаграждения. Посланные на разгрузку польские рабочие не были допущены на причалы. Пароход ушел неразгруженным³. О своей решимости не пропустить ни одного состава с военными материалами для Польши заявили железнодорожники Берлина на митинге, состоявшемся 27 июля в одном из крупнейших залов города. Четыре дня спустя в Эрфурте произошло столкновение между рабочими-железнодорожниками, отказавшимися пропустить воинский эшелон, и французскими офицерами⁴. В Штутгарте рабочие военного завода «Даймлер» уничтожили три броневика, погруженные в вагоны для отправки в Польшу.

Настроение рабочих масс было столь решительным, что 7 августа 1920 г. все рабочие организации — Всеобщее объединение германских профсоюзов, Коммунистическая, Социал-демократическая и Независимая социал-демократическая партии — впервые после Ноябрьской революции выступили с совместным обращением к немецким рабочим всеми средствами помешать провозу через Германию военных материалов в Польшу для развязанной польским правительством войны с Советской Россией⁵.

¹ «Die Rote Fahne», 9.V.1920.

² C. Zetkin. Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. II. Berlin, 1960, S. 195.

³ «Die Rote Fahne», 24.VII.1920.

⁴ «Die Rote Fahne», 28.VII.1920; 2.VIII.1920.

⁵ «Die Rote Fahne», 8.VIII.1920.

20 августа 1920 г. на Штеттинском вокзале Берлина железнодорожники отказались отправить 23 вагона с оружием. На Кайзер-Вильгельм-канале были задержаны датский пароход «Иоланта» и греческий «Кавалла», которые направлялись в Данциг с военным снаряжением для Польши¹. Как писала газета «Роте фане», рабочие этого города, занимавшего особое географическое положение, шли в авангарде не только немецкого, но и всего западноевропейского пролетариата. На вокзале они вытащили из вагона и разбили самолет, предназначенный для Польши. В тот же день Всеобщее объединение профсоюзов Данцига постановило: «Собравшиеся обязуются не транспортировать из района вольного города никаких военных материалов, предназначенных для Польши»².

Волна антивоенных митингов и демонстраций прокатилась по Франции. Они состоялись в Париже, Бордо, Страсбурге, Меце и других городах страны. Повсюду рабочие требовали немедленно положить конец поддержке контрреволюционных сил, заявляли о солидарности с трудящимися Страны Советов. С призывом к французским рабочим добиваться мира с Советской Россией и ее признания выступила Социалистическая партия Франции: «В течение уже почти трех лет капиталистические правительства Антанты умножают злодейские попытки разрушить советский режим и восстановить в России политический и социальный строй, который бы их устроил... Русская революция служит пролетариату обоих полушарий... Сражайтесь за нее... Мир Советской России!»³

Ощутимый вклад в движение в защиту Советской республики внесли в это время трудящиеся Италии. В мае — июне 1920 г. итальянские железнодорожники задержали отправку нескольких транспортов с военными грузами для Польши. В грандиозную политическую демонстрацию солидарности с Республикой Советов вылилась забастовка, начатая железнодорожниками Кремоны, протестовавшими против отправки состава с военными материалами в Польшу. Мощные демонстрации с требованием мира с Советской Россией состоялись в Италии в конце августа 1920 г. Начавшись в городах, они распространились и на сельские районы.

Братскую поддержку рабочим и крестьянам Советской России оказывали трудящиеся Австрии и Чехословакии. Правительство последней, напуганное дружными выступлениями трудящихся, и особенно железнодорожников, заявило о своем нейтралитете в войне между Польшей и Советской Россией. В защиту Советской России поднялись рабочие Болгарии. Большую работу по консолидации патриотических сил проводила Болгарская компартия. По ее инициативе профсоюз транспортных рабочих страны обратился 1 сентября 1920 г. ко всем рабочим-транспортникам с призывом присоеди-

¹ «Die Rote Fahne», 11.IX.1920.

² «Die Rote Fahne», 15.VIII.1920.

³ «L'Humanité», 11.VIII.1920.

ниться к международному движению солидарности и отказаться от перевозок каких-либо военных грузов для Врангеля и Польши¹.

Свидетельством массового характера пролетарского движения в защиту Советской России было обращение Международной федерации профсоюзов (Амстердамского Интернационала) к трудящимся всего мира. «Учитывая, что Польша совершила нападение на русскую революцию,— говорилось в этом документе,— Международная федерация профсоюзов требует немедленного прекращения всех военных контрреволюционных действий против России, а также предоставления русскому народу гарантий против новой агрессии». Обращение призывало всех организованных в профсоюзы трудящихся не помогать империалистам. «Для спасения человечества сознательные действия трудящихся должны сорвать попытки воссоздать реакционный «священный союз». Не должен пройти ни один поезд с вооружением, ни одно судно с военными материалами, не должен быть перевезен ни один солдат. Довольно питать войну». Обращение рекомендовало также принять меры для прекращения во всех странах военного производства².

Активную борьбу против очередного наступления империалистических держав развернули рабочие организации США. Рабочие Чикаго и Сиэтла угрожали забастовкой, если правительство США не прекратит помощи Польше. Чикагская федерация труда призывала АФТ созвать общенациональную конференцию солидарности с русским пролетариатом, чтобы удержать правительство от прямого вмешательства и выразить возмущение попытками «мешать русскому народу самостоятельно решать стоящие перед ним проблемы». Газеты были полны сообщений о митингах, демонстрациях, резолюциях протеста против преступных действий империализма, выражений готовности активно противодействовать переброске солдат и военного снаряжения для армии Пилсудского³.

Решительно протестовали против военной интервенции империалистических держав в России японские социалисты-эмигранты во главе с Сэн Катаямой, находившиеся в США. «Мы должны,— писал он,— защищать эту революцию не только для России, но и ради дела пролетариата всех стран». Во многих городах Японии по инициативе профсоюзов, коммунистов и левых групп создавались комитеты против вмешательства в дела Советской России — «Тайро хикансё». В этом движении, подобном европейскому движению «Руки прочь от России!», участвовали различные социальные слои и организации — профсоюзы, политические, религиозные деятели, ученые, журналисты,

¹ См. «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир», стр. 226—229.

² «L'Humanité», 23.VIII.1920.

³ См. В. Л. Мальков. Великий Октябрь и рабочее движение США (1917—1922 гг.). — «Американский ежегодник. 1978». М., 1978, стр. 35—36.

социалисты, коммунисты, анархисты, молодежь. В первомайской демонстрации, впервые проведенной в Японии в 1920 г., наряду с требованиями о введении 8-часового рабочего дня, ликвидации безработицы, об установлении гарантированного минимума заработной платы, отмене закона об охране общественного спокойствия было выставлено требование о немедленном выводе японских войск с советского Дальнего Востока. Сато Митио, или Асадо-сан, как его называли на Дальнем Востоке, вступив в партизанский отряд, с риском для жизни распространял антивоенные листовки, литературу КПЯ среди солдат и внес этим немалый вклад в разложение армии. В июне 1922 г. по инициативе японских коммунистов и профсоюзов комитеты против вмешательства в дела России были объединены в общенациональную организацию — Лигу за невмешательство в дела России (Тайро хикансё домэй), положившую начало более организованному, широкому движению за вывод японских войск из России, за признание Советского правительства¹.

Развернувшееся во многих странах мощное движение трудящихся в поддержку Советской России, слившееся воедино с героической борьбой ее рабочих и крестьян против внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции, опрокинуло агрессивные замыслы империалистических кругов в отношении первого в мире социалистического государства. Движение «Руки прочь от России!» в огромной мере способствовало тому, что, одержав убедительные победы на фронтах гражданской войны, разгромив войска интервентов под Архангельском, Мурманском, в Сибири и на Юге, нанеся сокрушительные удары Польше и Врангелю, Советская Россия получила наконец возможность приступить к мирному строительству и восстановлению разрушенного народного хозяйства.

Объясняя, как могло случиться, что «разоренная, слабая, отсталая Советская Россия» сумела победить союз буржуазных государств, гораздо более могущественный, Ленин указывал, что у правителей этих государств не оказалось «внутренней силы, потому что рабочие и трудящиеся против них»². Еще раньше Ленин говорил: «Во-первых, мы отвоевали у Англии, Франции и Америки их рабочих и крестьян. Эти войска не смогли против нас бороться. Во-вторых, мы отвоевали у них... малые страны», которые перешли на позицию дружественного нейтралитета. В-третьих, была отвоевана буржуазная интеллигенция, которая решительно выступила за прекращение интервенции. «Мы одержали три громадные победы над Антантой, и они далеко не были победами только военными». Эти победы, заключил Ленин, «дадут нам возможность и дальше мирным путем за-

¹ См. Д. И. Гольдберг. Борьба японских интернационалистов в защиту Советской России. — «Народы Азии и Африки», 1974, № 2, стр. 57—67.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 356.

воевывать сочувствие к себе в неизменно большем размере, чем до сих пор»¹.

Уроки гражданской войны в России имели и имеют большое международное значение². Прежде всего они говорят о том, что никакая внутренняя контрреволюция не способна сломить народную власть, если она является подлинной властью трудящихся, руководимых рабочим классом, если эта власть доверяет массам, опирается на массы, безусловно защищает их интересы, если она готова сделать все необходимое во имя высшей цели — защиты революции.

Эти уроки показали безусловную ограниченность возможностей империализма и его интервенционистской политики. Конечно, экспорт контрреволюции, использование иностранных вооруженных сил для подавления народа, борющегося за свободу, — грозное, опасное оружие империализма. Однако, если народ преисполнен решимости добиться победы, если партия, возглавляющая его борьбу, ведет правильную линию, вооружена подлинно революционной стратегией и тактикой, если, наконец, на стороне этого народа интернационалистская солидарность трудящихся всех стран, — в этом случае империализм оказывается бессильным.

Гражданская война и интервенция в России убедительно продемонстрировали неразрывное взаимодействие классовой борьбы во всех странах, а особенно теснейшую связь победившей пролетарской революции с борьбой пролетариата в странах капитала. Размах движения солидарности с Советской Россией во многом тем и объясняется, что массы на Западе поняли: то, что происходит в России, помогает им самим в их борьбе с собственной буржуазией; Советская власть сражается и за их классовые интересы.

Огромную роль сыграло то обстоятельство, что гражданская война в России, несмотря на исключительную трудность положения, сопровождалась небывалым ростом активности самых широких масс, их самоотверженным участием в военной, политической, хозяйственной и культурной деятельности, в строительстве нового общества. Это было важнейшим источником внутренней силы Советской власти и одновременно ее растущего международного влияния.

«Никогда не победят того народа, — писал Ленин, — в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 397, 403—404.

² См. «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1979, стр. 293—294.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНГАРД И НАРОДНЫЕ МАССЫ

ИЗМЕНЕНИЕ РАССТАНОВКИ СИЛ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

В острых классовых битвах 1918—1919 гг. буржуазии удалось нанести поражение рабочему классу, разгромить его передовые отряды. Однако воля пролетариата, поднявшегося на борьбу за свои жизненные права, не была сломлена. В ряде стран и в 1920 г. продолжало нарастать революционное движение, ширилась стачечная борьба; в других рабочий класс более или менее успешно отражал попытки реакционных сил лишить его добытых завоеваний. Повсюду в рабочем движении, хотя и очень различными путями и темпами, продолжался процесс размежевания между революционерами и реформистами.

В *Германии* коммунисты, несмотря на гибель лучших вождей и суровые преследования, продолжали упорную борьбу. Партия, загнанная в подполье, не без труда преодолевала «левые» ошибки Учредительного съезда в вопросах участия в парламентских выборах и работы в реформистских профсоюзах. Последнее было тем более необходимо, что к лету 1919 г. число членов союзов, объединенных реформистской Генеральной комиссией профсоюзов, почти удвоилось по сравнению с предвоенным годом и достигло 4 860 тыс. Съезд профсоюзов в Нюрнберге создал централизованную организацию — Всеобщее объединение германских профсоюзов во главе с К. Легином. Учитывая возросшую активность масс и приспосабливаясь к ней, съезд выдвинул требование «производственной демократии», которая должна была осуществляться производственными Советами (фабзавками) совместно с предпринимателями и служить важной «предпосылкой социализации»¹.

II съезд КППГ, нелегально собравшийся в октябре 1919 г., принял «Тезисы о коммунистических принципах и тактике», заостренные против «левых» и исходившие из мысли, что «социальная революция не может быть завершена стремительным штурмом». В них говорилось, что «революция является не единовременным ударом, а длительной, упорной борьбой класса, который тысячелетиями подвергался угнетению и потому не обладает с самого начала полным пониманием своей задачи и своей силы; она подвержена взлетам и снижениям, приливам и отливам. Она меняет свои средства в зависимости от положения; она атакует капитализм иногда с политической сторо-

¹ См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik», Bd. II. Berlin, 1966, S. 70—71.

ны, иногда с экономической, иногда с обеих сторон. КПП отвергает мнение, будто экономическая революция сменяет политическую»¹.

Съезд утвердил также тезисы, в которых говорилось о необходимости работать в парламентах и в реформистских профсоюзах. Голосовавшие против 18 делегатов (из 49) были отстранены от участия в дальнейшей работе съезда. Исключение «левых» оппозиционеров без достаточного идеологического разъяснения ошибочности их позиции привело к выходу из партии ряда крупнейших пролетарских окружных организаций, в том числе берлинской, дрезденской, северной, северо-западной. Предложенное Лениным посредничество Исполкома Коминтерна для преодоления раскола не было принято². III съезд КПП в феврале 1920 г. подтвердил исключение, и в результате партия потеряла более трети своих членов. Гамбургские «левые» во главе с Г. Лауфенбергом и Ф. Вольфгеймом, скатившиеся на анархо-синдикалистские позиции, создали вскоре ультралевую Коммунистическую рабочую партию Германии (КРПГ)³.

Серьезная внутренняя борьба разгорелась в Независимой социал-демократической партии Германии. Каутский, Бернштейн, Гаазе и др., активно участвуя в возрождении II Интернационала, пытались увлечь партию за собой. Но революционные рабочие и значительная часть руководителей, высвобождаясь из-под влияния оппортунистических вождей, все решительнее требовали изменения программы и тактики, присоединения партии к Коммунистическому Интернационалу. Чрезвычайный съезд НСДПГ в Лейпциге в конце 1919 г. в единодушно одобренной программе действий высказался за диктатуру пролетариата и систему Советов. Принятая большинством резолюция требовала разрыва партии со II Интернационалом и выражала согласие с принципами Коминтерна. Центристским лидерам удалось, однако, отложить решение о присоединении к Коминтерну до консультаций с французскими социалистами⁴.

В это время немецкие рабочие вновь усилили борьбу за признание прав их представителей на предприятиях. Производственные Советы упорно отстаивали свое существование. Многие из них прямо противопоставляли себя предпринимателям, оспаривали их единовластие, требовали установления рабочего контроля над производством. Они были антиподом профсоюзной бюрократии, заключившей с монополистами соглашение о «деловом содружестве», стремились

¹ «Bericht über den 2. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund) vom 20. bis 24. Oktober 1919», s.a.s.l., S. 61; «Kommunistische Räte-Korrespondenz», 1920, Nr. 1, S. 3.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 253—256.

³ См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3. Berlin, 1966, S. 259—264.

⁴ См. «USPD. Protokoll über die Verhandlungen des außerordentlichen Parteitages in Leipzig vom 30. November bis 6. Dezember 1919». Berlin, 1920.

разрушить цеховой принцип профессиональной организации, объединить в рамках предприятия всех рабочих, служащих и технический персонал. Они претендовали на решающую роль в реорганизации производства и распределения, в том числе и за рамками отдельных предприятий, считали себя органами прямой производственной демократии и нередко выступали за самочинное осуществление «социализации».

Правительство внесло в Национальное собрание законопроект о производственных Советах, но предприниматели сочли опасным допустить даже весьма ограниченное влияние Советов на вопросы найма и увольнения, организации производства, охраны труда и т. п. По их настоянию законопроект был урезан еще больше и свел сферу деятельности производственных Советов к заботе об «экономичности» производства и о предупреждении «потрясений», т. е. забастовок и других акций протеста.

Центральный совет производственных Советов совместно с руководством КПП и НСДПП призвал протестовать против превращения революционных органов, возникших в ходе Ноябрьской революции, в «погонщиков на службе предпринимателей», потребовал предоставить рабочим полное право контроля и соучастия в управлении предприятиями. 13 января 1920 г. перед зданием рейхстага состоялась многотысячная демонстрация. Войска открыли огонь по безоружным рабочим, убив 42 и ранив 105 человек. В Берлине и ряде районов страны было введено чрезвычайное положение, газеты КПП и НСДПП закрыты¹.

В марте 1920 г. политическая обстановка в Германии резко обострилась. Реакционно-монархические круги, опираясь на белогвардейские вооруженные формирования, предприняли попытку захватить власть в стране, организовав военный путч, во главе которого встали крупный прусский помещик В. Капп и генерал В. Лютвиц. Социал-демократические лидеры — президент республики Ф. Эберт и члены правительства Г. Бауэра — были на грани капитуляции, но рабочие массы, поняв, что победа путчистов лишит их всего, что им удалось завоевать и отстоять за полтора года упорных революционных боев, дружно поднялись на защиту республиканского строя и демократических прав. Всеобщая забастовка, объявленная профсоюзами, охватила всю страну и стала самой массовой за всю историю Германии: в ней участвовало 12 млн. человек².

ЦК КПП после некоторых колебаний признал, что в создавшихся условиях, когда в стране отсутствуют предпосылки для непосредственного установления пролетарской диктатуры, задача состоит

¹ См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3, S. 262—263.

² Подробнее см.: «Arbeiterklasse siegt über Kapp und Lüttwitz». Berlin, 1971; E. Könnemann, II. J. Kursch. Aktionseinheit contra Kapp-Putsch. Berlin, 1972.

в объединении всех демократических сил для сокрушения реакции. Он заверил, что, если будет создано правительство из представителей рабочих организаций, которое на деле станет защищать интересы трудящихся, коммунисты готовы будут проводить по отношению к нему политику «лояльной оппозиции»¹. Такой подход был одобрен Лениным, который назвал капповский путч «немецкой корниловщиной»².

В результате небывалого подъема активности пролетарских масс и сложившегося единства действий всех отрядов рабочего класса, поддержанных массовыми демократическими организациями, видными представителями общественности, мятежники вынуждены были отступить. Путч на третий день провалился. Но правые лидеры социал-демократии и профсоюзов, оправившись от испуга, приняли участие в акциях реакционных буржуазных кругов и рейхсвера по изоляции и разгрому революционного авангарда. Созданная рабочими под руководством коммунистов и левых независимцев Красная армия Рура, насчитывавшая около 100 тыс. бойцов, вооруженных пулеметами и артиллерией, и очистившая от контрреволюционеров весь промышленный район, вынуждена была в начале апреля сдать оружие. Образовать в Германии подлинно рабочую власть не удалось. Тем не менее, единодушный отпор реакции, стихийно сложившееся единство действий всех трудящихся и демократических сил оставили глубокий след в истории.

В рабочем движении *Франции* продолжался процесс собирания революционных сил, стремившихся встать на позиции коммунизма. Правда, попытка левых групп анархо-синдикалистского толка создать коммунистическую партию вне организаций социалистов и профсоюзов не нашла отклика. Зато в СФИО влияние сторонников III Интернационала заметно усиливалось. Значительное впечатление произвело намерение Независимой социал-демократической партии Германии выйти из II Интернационала. Принять решение о политике СФИО должен был очередной XVII съезд партии в Страсбурге в феврале 1920 г.

Как предупреждал Ленин французских сторонников Коминтерна, им предстояла нелегкая борьба с «оппортунизмом, особенно утонченным в духе Лонге»³. И действительно, на съезде центристские сторонники «реконструкции» II Интернационала, учитывая предшествовавшие голосования в федерациях, высказались за выход партии из этого Интернационала. За их резолюцию было подано 4330 голосов, против — 337. В ней говорилось, что «тезис диктатуры

¹ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3, S. 266—285; «Германская история», т. 2. М., 1970, стр. 68—89.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 94—97; «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 5. М., 1979, стр. 292—293.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 251.

пролетариата, предназначенной обеспечить переход от капиталистического общества к социалистическому режиму, лежит в основе всякой революционной концепции», а «основание рабочих Советов является, очевидно, одним из наиболее эффективных средств для осуществления рабочей власти». Однако, несмотря на такие словесные признания, центристы помешали (3031 голосами против 1621) немедленному присоединению партии к Коминтерну. Руководству было поручено предварительно вступить в переговоры с другими социалистическими партиями и с Москвой¹.

Тем временем во Франции поднималась новая волна стачек. Хотя число их в 1920 г. было меньшим, чем в предыдущем году, количество участников возросло до 1 317 тыс., а забастовочных человеко-дней было в полтора раза больше и превысило 23 млн.² Борьба носила боевой, наступательный характер, стала более организованной. В начале года и в марте — апреле, отмечая все попытки буржуазии и реформистов установить «гражданский мир», бастовали металлурги, горняки, строители, текстильщики. На первый план вскоре выдвинулась борьба железнодорожников. В феврале началась стачка на линии Париж — Лион — Марсель. Из солидарности прекратилась работа и на других дорогах, так что вскоре бастовали более 300 тыс. человек, свыше $\frac{2}{3}$ железнодорожных рабочих и служащих. Левые социалисты и революционные синдикалисты пытались побудить СФИО поддержать это мощное выступление, в ходе которого было выдвинуто требование национализации железных дорог. Но Жуо и секретарь Национальной федерации железнодорожников Бидегаре уступили давлению предпринимателей и согласились в начале марта прекратить стачку без уступок со стороны предпринимателей. Эти действия вызвали общее возмущение железнодорожников. Состоявшийся 21—24 апреля 1920 г. съезд Национальной федерации отверг отчет реформистского руководства, избрал новый федеральный совет во главе с революционными синдикалистами Г. Монмуссо и Л. Мидолем, принял решение начать 1 мая всеобщую забастовку³.

Первомайские выступления приобрели характер протеста против политики правительства, натравливавшего Польшу на Советскую Россию, против роста дороговизны. Выдвигались требования сокращения армии, освобождения политзаключенных. Демонстрация в Париже, где бастовало $\frac{3}{4}$ рабочих, привела к кровавым столкнове-

¹ См. Л. П. Кожевникова. Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917—1920 гг. М., 1959, стр. 184, 192—198; З. В. Чернуха. Становление Французской коммунистической партии. М., 1976, стр. 34, 40—41.

² «Annuaire statistique. Cinquante-huitième volume 1951». Paris, 1952, p. 102.

³ Подробнее см.: Г. Ф. Баскаков. Всеобщая забастовка французских железнодорожников в мае 1920 года. — «Новая и новейшая история», 1957, № 5, стр. 24—41; J. Bruhat, M. Piolot. Esquisse d'une histoire de la C.G.T. Paris, 1966, p. 89—91, 95.

ниям. Весь транспорт страны был парализован. Правительство прибегло к репрессиям. Рабочие государственных железных дорог были объявлены мобилизованными, революционных руководителей арестовали, обвинив в заговоре против внутренней и внешней безопасности. Вынужденные считаться с боевыми настроениями трудящихся, лидеры ВКТ согласились поддержать забастовку железнодорожников, стачками солидарности горняков и моряков, докеров и металлистов, строителей и электриков, газовщиков и мебельщиков. Но рекомендованная ВКТ «тактика волн» — следовавших друг за другом коротких выступлений — оказалась неэффективной, а с 22 мая руководство ВКТ вообще оставило железнодорожников без поддержки. Борьба прекратилась только 29 мая, отдельные отряды держались до 2 июля.

Майская забастовка, в которой участвовали до 1,5 млн. рабочих Франции, потерпела поражение. Свыше 22 тыс. человек были уволены, многие семьи выброшены из квартир. Предприниматели перешли в общее контрнаступление, перестав соблюдать законы о 8-часовом рабочем дне, о коллективных договорах и правах профсоюзов. Число членов ВКТ и профсоюза железнодорожников резко сократилось. Поражение стачки означало крах теоретической доктрины анархо-синдикализма об универсально-решающей роли всеобщей стачки, показав рабочим, что только с ее помощью они не в состоянии победить буржуазию, располагающую всеми средствами власти. Стала очевидной необходимость поиска новых форм профессиональной и политической организации французского пролетариата. Будучи кульминацией послевоенного стачечного движения во Франции, майская забастовка оказала большое влияние на перегруппировку сил в СФИО и ВКТ, ускорив процесс размежевания революционных и реформистских элементов.

В Италии весной 1920 г. центром революционной борьбы рабочего класса снова стал промышленный Турин. Здесь на большинстве крупных предприятий активно действовали фабрично-заводские комиссии или Советы, в которых группа левых социалистов «Ордине нуово» видела зародыши революционной власти. Когда промышленники попытались ликвидировать эти организации, рабочие заводов ФИАТ-Чентро ответили 13 апреля 1920 г. «итальянской» забастовкой: придя на свои рабочие места, они отказались приступить к работе. Объединение предпринимателей металлообрабатывающих заводов объявило локаут. Власти стянули в город и окрестности 50 тыс. солдат. Но стачка охватила весь Турин и, распространившись на Пьемонт, вовлекла в свою орбиту до полумиллиона рабочих разных отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Это было самое мощное за первые послевоенные годы выступление итальянского пролетариата, которое могло стать отправным пунктом для распространения и развития фабрично-заводских Советов как опорных позиций в борьбе пролетариата за власть. Однако руководство ИСП не содействовало превращению этой забастовки в обще-

национальную. Более того, оно объявило туринское массовое движение за фабрично-заводские Советы «анархо-синдикалистским», а группу Грамши за проявленную инициативу упрекало в «недисциплинированности». Реформистский лидер ВКТ Д'Арагона цинично призывал «похоронить мертворожденного ребенка»¹. Всеобщая забастовка в Турине продолжалась 10 дней, металлисты бастовали месяц. Стачка не привела к единству действий рабочего класса в масштабе страны и закончилась тем, что предприниматели признали лишь ограниченные права фабрично-заводских Советов. Однако стачка получила общенациональный резонанс и привела к созданию таких Советов и в других городах Италии.

Грамши еще в первые дни забастовки металлистов написал доклад туринской секции и направил сессии Национального совета социалистической партии в Милане. В докладе «За обновление социалистической партии» предлагалось образовать на всех предприятиях, в профсоюзах, кооперативах, воинских частях коммунистические группы, которые будут «организовывать фабрично-заводские Советы для осуществления контроля над промышленным и сельскохозяйственным производством», завоевывать доверие масс, чтобы «именно коммунисты стали теми, кому масса доверит быть ее представителями при формировании политических Советов и осуществлении диктатуры пролетариата»².

Грамши высказал при этом важную мысль, что наличие «сплоченной и связанной твердой дисциплиной коммунистической партии, которая через посредство своих ячеек на предприятиях, в профсоюзах, в кооперативах координирует и сосредоточивает в своем Центральном исполнительном комитете всю революционную деятельность пролетариата, есть коренное и необходимое условие любой попытки создания политических Советов; при отсутствии этого условия всякое предложение подобного рода должно быть отклонено как абсурдное и выгодное лишь тем, кто стремится опорочить идею Советов»³. Партия должна «воплощать в себе недремлющее революционное сознание всего угнетенного класса». Однако ни руководство партии, ни газета «Аванти!» даже не начали полемику с реформистами и оппортунистами; партия стоит в стороне от международного пролетарского движения. Ей необходимы обновление и организационная перестройка⁴.

Однако большинство руководителей ИСП, число членов которой за год утроилось и превысило 216 тыс.⁵, не было способно в то время

¹ P. Spriano. Storia del Partito comunista italiano, v. I. Torino, 1967, p. 52; Д. Канделоро. Профсоюзное движение в Италии. М., 1953, стр. 83; Луиджи Лонго — Карло Салинари. Между реакцией и революцией. М., 1974, стр. 71—72.

² А. Грамши. Избранные произведения. М., 1980, стр. 91—92.

³ Там же, стр. 92.

⁴ Там же, стр. 88—91.

⁵ См. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 54.

воспринять ни критику, ни практические предложения Грамши. Даже члены группы «Ордине нуово» А. Таска и У. Террачини сняли внесенный ими проект резолюции, требовавший усиления борьбы за Советы и принципы III Интернационала. Проект поддержал в Милане только Ф. Мизиано¹.

Между тем в докладе Грамши содержалось важное предостережение, справедливость которого была оценена лишь позднее. «За настоящим этапом классовой борьбы в Италии,— писал он,— следует либо завоевание революционным пролетариатом политической власти для перехода к новому способу производства и распределения, позволяющему вновь сделать труд производительным, либо бешеный разгул реакции имущих классов и правящей касты. Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия, чтобы подчинить промышленный и сельскохозяйственный пролетариат режиму рабского труда; будет сделано все, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическая партия) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства»².

В Великобритании стачечная борьба носила в 1920 г., как и в предшествующие годы, ярко выраженный наступательный характер. Рабочие продолжали добиваться повышения заработной платы, сокращения рабочего времени, улучшения условий труда. В авангарде движения по-прежнему шли горняки, требовавшие также национализации угольных шахт. В течение года в 1607 забастовках участвовало 1 932 тыс. рабочих, а число потерянных человеко-дней превысило 26 млн.³ Как и в 1919 г., большинство стачек закончилось полной или частичной победой рабочих. В результате 7,9 млн. трудящихся добились повышения зарплаты, а 570 тыс.— сокращения рабочего дня⁴.

Весной 1920 г. в Советскую Россию приехала первая английская рабочая делегация. 26 мая 1920 г. она была принята Лениным, который передал с ней письмо к английским рабочим. Он высказал в нем откровенное мнение, что присоединение к Коминтерну некоторых влиятельных реформистских лидеров лишь повредило бы революционной борьбе пролетариата⁵. По возвращении делегация с восторгом рассказывала о своих впечатлениях, хотя Страна Советов переживала в ту пору исключительные трудности, усугубленные военным нападением Польши. Среди держав, помогавших Польше, не последнее место занимала Великобритания. «Героизм России,— писал английский ученый и философ Бертран Рассел, встречавшийся тогда же с Лениным,— зажег надеждой людские сердца, а это очень

¹ «Avanti!», 22.IV. 1920.

² А. Грамши. Указ. соч., стр. 88.

³ «18th Abstract of Labour Statistics». London, 1927, p. 144—145.

⁴ Ibid., p. 121, 129.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 124—128.

важно для осуществления коммунизма в будущем... Больше-визм заслуживает благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества»¹.

В то же самое время, когда в Великобритании развернулось мощное движение под лозунгом «Руки прочь от России!», отдельные отряды английского рабочего движения выступили в защиту национальных требований Ирландии. В июле 1920 г. к требованию «Мир с Ирландией! Руки прочь от Ирландии!» присоединился конгресс БКТ. Однако, используя глубоко укоренившуюся, веками создававшуюся британской буржуазией шовинистическую традицию и недостаточное развитие пролетарского интернационализма, лейбористские лидеры сумели удержать широкие массы организованных рабочих от оказания эффективной помощи борющемуся ирландскому народу.

В США рабочие продолжали упорную борьбу за улучшение условий труда и жизни. В 1920 г. забастовочная волна, хотя и не была столь высокой, как в предыдущем году, оставалась значительной: в 3411 конфликтах участвовало 1 460 тыс. рабочих².

Подъем классовой борьбы американского пролетариата разрушил надежды буржуазии на то, что ей удастся добиться длительного «классового мира». Вместе с тем в это время ясно проявились и слабости американского рабочего движения. Хотя число членов профсоюзов продолжало расти и увеличилось с 3,5 млн. в 1918 г. до 5 млн. в 1920 г. (из них 4 млн. входило в АФТ), консервативные профсоюзные руководители тормозили прямую борьбу за экономические интересы трудящихся, предпочитая заключать закулисные сделки с предпринимателями, энергично противодействовали внесению в рабочие массы социалистических идей, участию пролетариата в политических акциях, созданию в стране массовой политической рабочей партии. Это затрудняло борьбу американских рабочих за их жизненные интересы и мешало их солидарным действиям с пролетариями Европы³.

Коммунисты, продолжавшие действовать в подполье, опираясь на политическую помощь ИККИ, продвигались к установлению организационного единства, развернули широкое обсуждение вопросов партийной политики. В мае 1920 г. КРПА и часть КПА на съезде в Бриджмене образовали Объединенную коммунистическую партию, но окончательно преодолеть раскол удалось лишь год спустя.

Анализируя в начале 1920 г. состояние рабочего движения в ряде стран Европы и в США, Ленин с удовлетворением отметил успехи

¹ B. Russell. The Practice and Theory of Bolshevism. London, 1920, p. 6.

² «Historical Statistics of the United States. 1789—1945». Washington, 1949, p. 73.

³ См. «История рабочего движения в США в новейшее время», т. I. М., 1970, стр. 45—46.

революционных сил. Молодые компартии Германии и Австрии в труднейших условиях решали задачу идейного завоевания на свою сторону передовых слоев пролетариата. О росте влияния идей коммунизма в массах неоспоримо свидетельствовал процесс сближения с Коминтерном ряда крупных социалистических партий Европы, в том числе НСДПГ, социалистических партий Франции и Италии. Однако Ленин яснее других увидел и немалую опасность, которую таило в себе такое сближение.

Искусно приспособляясь к повороту в настроениях рабочих масс, целый ряд реформистских, прежде всего центристских, лидеров стал широко пользоваться революционной фразеологией. Некоторые ради сохранения своего авторитета и влияния выражали даже готовность на тех или иных условиях примкнуть к Коминтерну. Ленин считал поэтому опасным для рабочего движения на Западе то, что некоторые видные оппортунистические лидеры находили выход в чисто «словесном» признании диктатуры пролетариата и Советской власти». Ни в коем случае нельзя допустить превращения диктатуры пролетариата в своего рода икону: «на икону надо помолиться, перед иконой можно перекреститься, иконе надо поклониться, но икона нисколько не меняет практической жизни, практической политики». Признать диктатуру пролетариата, конечно, вовсе не значит «во что бы то ни стало в *любой* момент идти на штурм, на восстание. Это вздор. Для успешного восстания нужна длительная, умелая, упорная, великих жертв стоющая подготовка». Но это значит — решительно и сознательно размежеваться с деятелями вроде Каутского и Гильфердинга в Германии, Бауэра и Ф. Адлера в Австрии, Лонге во Франции, Турати в Италии, Макдональда в Англии и т. д.¹

Некоторые центристские группы и их руководители, потянувшиеся к Коминтерну, рассчитывали войти в него в надежде, что им удастся, не порывая с реформистской идеологией и политикой, добиться, чтобы политика Коминтерна и компартий определялась некоей «средней линией». Проникновение подобных оппортунистических взглядов в формирующееся коммунистическое движение грозило разрушить его идейно-теоретическую базу, подорвать его революционный дух. Эту опасность необходимо было предотвратить, привлекая в то же время на сторону коммунизма все действительно революционные элементы, имевшиеся в центристских партиях.

В ряде стран размежевание с социал-реформизмом только еще ставилось в повестку дня, и пролетарские революционеры рассчитывали в этой борьбе на поддержку Коминтерна и ранее сложившихся компартий. Иными словами, задача идейно-политического преодоления оппортунизма оставалась для всего коммунистического движения предпосылкой формирования революционного авангарда.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 131—133, 135.

Поскольку революционерам не удалось *одновременно* и отмежеваться от оппортунистов, и повести массы на победоносный штурм капитализма, оказались неизбежными две стадии, две ступени, которые коммунистическому движению предстояло пройти последовательно, одну за другой. Сначала — *завоевание авангарда*, идейное и организационное размежевание его с соглашателями. Там, где ядро коммунистических организаций уже сложилось или складывалось, там задачи первой стадии решались успешно. «Это главное, — считал Ленин. — Без этого нельзя сделать и первого шага к победе». Но, добавлял он, «от этого еще довольно далеко до победы»¹.

Вторая стадия — *завоевание масс*. Эта задача ни в одной европейской стране (не говоря уже о других) не только не была еще решена, но и не была вполне осознана самим авангардом. Поэтому Ленин с особой силой подчеркивал, что «с одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой... было бы не только глупостью, но и преступлением»².

Если для решения задач первой стадии, для размежевания, главным была идейная и практически-политическая конфронтация двух платформ: диктатуры пролетариата и буржуазной демократии, власти Советов и буржуазного парламентаризма, то для решения задачи второй стадии, для завоевания масс, необходима была не только пропаганда, но и серьезная, подчас длительная революционная практика. Притом эти две стадии не были строго разграничены во времени, так что в ряде стран завершение формирования компартий совпадало с развертыванием борьбы коммунистов за массы.

Характеризуя содержание второй стадии, Ленин разъяснял: для того, чтобы «действительно весь класс», «действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом» перешли на позиции «либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника», для этого «нужен собственный политический опыт этих масс». Компартии должны поэтому овладеть умением «*подвести* широкие (теперь еще в большинстве случаев спящие, апатичные, рутинные, косные, не пробужденные) массы» к позиции революционного авангарда, должны научиться «руководить не только своей партией, но и этими массами»³.

Это была задача огромной сложности. В то время как коммунистические партии капиталистических стран Европы и США насчитывали весной 1920 г. в своих рядах немногим более 400 тыс. человек, социал-демократические и социалистические партии имели свыше 8,5 млн. членов. Важнее, однако, была динамика соотношения сил, свидетельствовавшая о возможности решения поставленной задачи. В некоторых крупных социалистических партиях, общее число членов которых

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 330; т. 41, стр. 77.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77—78.

³ Там же, стр. 78.

превышало 1 700 тыс., шли бурные дискуссии, и партии постепенно продвигались справа налево, от II к III Интернационалу.

Таблица 2

Рабочие партии летом 1920 г.

(число членов в тыс.)

Страны	Компартии	Колеблющиеся партии	Соц.-дем. и соц. партии
Великобритания	5	НРП 35	4 257
Германия	79	НСДПГ 894	1 180
Франция		СФИО 200	
Италия		ИСП 200	
Бельгия			600
Австрия	10 *		490
Нидерланды	4		
Испания	8	ИСРП 42	
Швеция	ЛСДПШ 23 *		143
Норвегия	НРП 110		
Финляндия	40 **		67
Швейцария		СДПШ 54 **	
Чехословакия		ЧСДРП 360 **	
Болгария	38		18 **
Югославия	СРПЮ/к/65		
США	КРПА, КПА 14		27

* Данные 1919 г.

** Данные 1921/22 г.

Источники: «Ежегодник Коминтерна». Пг.—М., 1923, стр. 54—55; «Jahrbuch für Wirtschaft, Politik und Arbeiterbewegung 1923/1924». Hamburg, 1924, S. 51; «Второй конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом идейных, тактических и организационных основ коммунистических партий». М., 1972, стр. 45, 50, 90—92.

Проблема масс не исчерпывалась позицией рабочих партий. Наиболее массовыми рабочими организациями оставались повсюду *профессиональные союзы*. В первые послевоенные годы они во всех странах бурно росли. Рабочие, в том числе неквалифицированные, ощутили острую потребность в организациях, которые защищали бы непосредственно их интересы в сфере труда, а профсоюзы доказали свою способность бороться за улучшение условий труда и повышение зарплаты. Некоторые пошли и дальше, требуя реформ, поднимая массы на борьбу с дороговизной, ростом цен, за введение рабочего контроля и даже установление «нового социального строя».

Большая часть профсоюзов — почти $\frac{2}{3}$ — находилась в 1920 г. под влиянием социал-демократии, если условно отнести к этой группе американскую АФТ. Во Франции в таких профсоюзах состояло почти 90% организованных рабочих, в США — 84, в Великобрита-

Таблица 3

Число членов профсоюзов
(цифры округленные в тыс.)

Страны	1913 г.	1919 г.	1920 г.	Всего рабочих и служащих (1922 г.)
Германия	4 500	8 600	9 400	26 000
Великобритания	3 900	8 000	8 500	15 000
Италия	1 000	1 800	3 600	7 000
Франция	600	2 500	2 000	8 000
Бельгия	230	700	900	1 600
Испания	130	900	1 000	2 000
Австрия	400	800	900	2 500
Чехословакия	—	1 300	1 600	4 000
Польша	—	1 000	1 000	—
США	2 600	5 600	5 200	27 000

Источники: «Ежегодник Коминтерна», стр. 71—72; «Jahrbuch 1923/1924», S. 66—67; «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik» Bd. II, S. 79, 103.

нии — около 80, в Германии — почти 75, в Италии — 70% и т. д. Остальные организованные рабочие входили: а) в «нейтральные» профсоюзы, которые насчитывали: в Великобритании — 1 850 тыс., в Германии — 1 350 тыс., в США — 815 тыс., в Италии — 250 тыс. членов; б) в христианские профсоюзы (в Германии — 1 000 — 1 700 тыс., в Италии — 1 000 — 1 200 тыс., в Венгрии — более 300 тыс., в Бельгии — 200 — 225 тыс., в Голландии — 190 — 200 тыс., в Испании — 160 тыс., во Франции — 125—140 тыс. членов); в) в буржуазно-либеральные профсоюзы (в Германии — 660 тыс., в Польше — 640 тыс., в Чехословакии — 350 тыс. членов)¹. Однако даже в Европе и в США, где было сосредоточено не менее 95% профессионально организованных рабочих капиталистического мира, вне профсоюзов оставалось более половины лиц наемного труда.

Поскольку социально наиболее активные пролетарские массы пребывали под руководством или влиянием социал-демократических партийных и профсоюзных лидеров, поставленная коммунистами задача завоевания масс для революции означала на практике прежде всего *отвоевание* их у реформистских вождей. Но последние не сидели сложа руки.

После Бернской конференции социалисты прилагали значительные усилия для организационного оформления восстановленного

¹ Подсчеты сделаны на основе данных, приведенных в «Ежегоднике Коминтерна», стр. 82—83 и «Jahrbuch 1923/1924», S. 66—67.

II Интернационала. В его Исполнительную комиссию, состоявшую ранее из трех человек — Я. Брантинга, А. Гендерсона, К. Гюисманса, — вошли вскоре также Р. Макдональд, П. Ренодель, В. Баннинг. С 1 по 9 августа 1919 г. в *Люцерне* работала вторая международная конференция социалистических партий. Число стран, приславших делегации, уменьшилось по сравнению с конференцией в Берне: 40 делегатов представляли 18 стран. Споры об отношении к недавно подписанным мирным договорам с Германией и ее союзниками завершились компромиссом. Уступая настроениям масс, конференция осудила интервенцию против Советской России. Ее участники одобрили проект устава II Интернационала, но для окончательного его принятия и обсуждения программных вопросов было решено созвать в 1920 г. международный социалистический конгресс в Женеве¹.

Быстрее продвигалось решенное в Берне воссоздание международной организации профсоюзов. С 28 июля по 2 августа 1919 г. в Амстердаме проходил международный конгресс, на котором 91 делегат представлял профсоюзные объединения 14 стран: Всеобщее объединение германских профсоюзов, Конгресс британских тред-юнионов, Американскую федерацию труда, Всеобщую конфедерацию труда Франции, профсоюзные организации Австрии, Бельгии, Дании, Швеции, Чехословакии, Нидерландов, Швейцарии, Испании, Норвегии, Люксембурга. Прислали делегатов также синдикалистские организации Германии и Нидерландов. Общее число членов, участвовавших в конгрессе профсоюзов, приближалось к 18 млн.²

Заседания конгресса были бурными³. Споры касались прежде всего Международной конвенции о труде, включенной в Версальский (гл. XIII) и другие мирные договоры. Несмотря на возражения Гомперса (председателя комиссии по труду на Парижской мирной конференции), конгресс признал, что эта конвенция «почти ни в чем не соответствует требованиям, выдвинутым профсоюзами главных европейских стран в Берне в феврале 1919 г.»: общие принципы изложены в ней слишком неопределенно, положения о детском труде нечетки, ничего не сказано о ночном труде женщин, о системе социального обеспечения и т. д., а Международное бюро труда (впоследствии — МОТ) и ежегодные конференции труда наделены лишь ограниченными функциями. Тем не менее конгресс решил принять участие в первой Международной конференции труда, которую намечалось провести в Вашингтоне (потребовав лишь приглашения на нее гер-

¹ См. *J. Braunthal. Geschichte der Internationale*, Bd. 2. Hannover, 1963, S. 174—176.

² «Report of Proceedings of the International Trade Union Congress. Held in Concertgebouw Amsterdam. July 28th—August 2nd 1919». Amsterdam, 1921, p. 21—22.

³ На предварительной конференции 25—26 и 29 июля 1919 г. было достигнуто компромиссное соглашение по вопросу об ответственности Германии за войну (*ibid.*, p. 5—18).

манских и австрийских профсоюзов), и сотрудничать в административном совете МОТ¹.

Резолюция о Лиге наций констатировала, что эта организация вовсе не союз народов, а союз правительств (да и то не всех). Рабочий класс должен поэтому посредством создания «действенного контрольного органа» помешать ее превращению в «центр реакции и угнетения». Резолюция о «социализации» констатировала, что капитализм бессилён так реорганизовать экономику, чтобы она обеспечивала благосостояние масс, и требовала превращения профсоюзных организаций в «базу осуществления социализации средств производства». Конгресс осудил продолжавшуюся блокаду Советской России и Советской Венгрии². Однако все эти решения носили декларативный характер и никого ни к чему не обязывали.

Главным результатом конгресса было создание Международной федерации профсоюзов (МФП) — *Амстердамского Интернационала профсоюзов*. По сравнению с довоенным Международным секретариатом Бюро новой профсоюзной федерации имело более широкие полномочия. Его председателем был избран англичанин У. Эпплтон. Когда немец К. Легин отказался принять пост второго вице-председателя, вице-председателями стали француз Л. Жуо и бельгиец К. Мертенс; секретарями — голландцы Я. Удегест и Э. Фиммен. Руководители Амстердамского и Бернского Интернационалов обменялись приветственными телеграммами и заверениями в стремлении к «единству в борьбе за справедливый мир, благосостояние, солидарность и братство»³. Позиции Амстердамского Интернационала были вскоре усилены возобновлением деятельности находившихся под его влиянием международных производственных секретариатов (горняков, металлистов, транспортников и др.). Он считал своей заслугой также то, что Вашингтонская конференция труда, состоявшаяся в октябре 1919 г., рекомендовала повсеместно ввести 8-часовой рабочий день⁴.

В сложившихся условиях развертывавшаяся в отдельных странах и на международной арене борьба между революционерами и реформистами — коммунистами и социал-демократией — за влияние на широкие пролетарские массы неизбежно должна была охватить как сферу действия рабочих партий, так и поле деятельности профсоюзных организаций.

¹ «Report of Proceedings...», p. 47—52.

² Ibid., p. 53—54.

³ Ibid., p. 39—42.

⁴ См. L. Lorwin. Labor and Internationalism. New York, 1929, p. 204—205.

ЛЕНИН О ЗАВОЕВАНИИ БОЛЬШИНСТВА И О ДЕТСКОЙ БОЛЕЗНИ «ЛЕВИЗНЫ» В КОММУНИЗМЕ

Выдвигая перед международным коммунистическим движением задачу завершения размежевания с оппортунистами и новую задачу — завоевания масс на сторону революции и коммунизма, — Ленин в своих статьях, выступлениях, письмах наметил конкретные пути их решения.

Для того чтобы довести до конца размежевание с оппортунистами, указывал Ленин, в ряды Коминтерна и компартий нельзя допускать тех, кто лишь на словах признает принципы коммунизма, а на деле выступает за соглашение с оппортунизмом; социалистические партии, желающие вступить в состав Коминтерна, должны прежде провести глубокую идейно-организационную перестройку в своих рядах и очиститься от оппортунизма.

5 февраля 1920 г. ИККИ направил письмо «Ко всем рабочим Германии, Центральному Комитету Германской Коммунистической партии и Центральному Комитету Независимой социал-демократической партии»¹. Оно касалось решения Лейпцигского съезда НСДПГ о вступлении в переговоры относительно условий вхождения в Коммунистический Интернационал и было написано на основе тезисов Ленина². В нем разъяснялось, что политика лидеров германских независимых и французских центристов идет вразрез с желаниями рядовых членов этих партий и чаяниями широких масс трудящихся. Поэтому Ленин и Коминтерн считали, что спешить с объединением не следует, а надо *«выждать»*, пока революционные массы французских и немецких рабочих *исправят* слабость, ошибки, предрассудки, непоследовательность» этих партий³.

Предвидя сравнительно долгую борьбу с социал-реформистами и центристами, Ленин вскоре написал: «Лонгетисты остались на деле прежними реформистами, прикрывающими свой реформизм революционной фразой и только в качестве революционной фразы употребляющими новое словечко «диктатура пролетариата». Таких вождей, как и вождей Независимой социал-демократической партии Германии, как и вождей Независимой рабочей партии Англии, пролетариату не надо. С такими вождями пролетариат осуществить своей диктатуры не может»⁴.

Помощь Ленина и Исполкома Коминтерна пролетарским революционерам в их борьбе за создание действительно боевых коммунистических партий не ограничивалась общими советами, а касалась и

¹ См. «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М., 1970, стр. 152—161.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 54—61.

³ Там же, стр. 61.

⁴ Там же, стр. 135.

многих конкретных политических проблем той или иной страны. Беседы Ленина с представителями коммунистического и рабочего движения Германии, Англии, Франции, Италии, Болгарии, Австрии, Чехословакии и других стран, переписка с ними Ленина и ИККИ были проникнуты мыслью о том, что идейно-политическое и организационное размежевание с оппортунизмом должно быть обязательно доведено до конца, иначе скверна правого оппортунизма поразит компартии.

Для решения задачи отвоевания широких масс трудящихся, оставшихся под влиянием реформистов, Ленин считал необходимым, чтобы европейские революционеры глубоко поняли опыт взятия и удержания власти, накопленный большевиками в России во время и после Октябрьской революции. Он не упрощал при этом сложности усвоения чужого опыта и не помышлял о возможности механического его перенесения из одной страны в другую.

В статье, обращенной к итальянским, французским и немецким коммунистам, Ленин подверг критике оппортунистов, которые утверждают, будто «пролетариат сначала должен завоевать большинство при голосованиях, производимых *под гнетом буржуазии*, под *гнетом наемного рабства*, а потом должен завоевывать власть». Это попытка замены «классовой борьбы и революции голосованиями при старом строе, при старой власти». С другой стороны, совершенно очевидно, что пролетариату «для успеха его революции... *безусловно необходимо* сочувствие большинства трудящихся (а следовательно, и большинства населения)». Сочувствие это не дается само собой, однако оно не создается и голосованиями. Оно *завоевается* длинной, трудной, тяжелой классовой борьбой» с применением всех ее методов и средств. Притом борьба эта «не оканчивается завоеванием политической власти пролетариатом». После взятия власти пролетариатом «эта борьба *продолжается* только в *иных формах*»¹.

Что может дать в этом плане опыт большевиков, Ленин разъяснял зарубежным коммунистам в статье об итогах выборов во Всероссийское учредительное собрание, написанной им в декабре 1919 г. специально для журнала «Коммунистический Интернационал». Он прямо поставил здесь вопрос: «Как же могло произойти такое чудо, как победа большевиков (в Октябрьской революции. — *Авт.*), имевших $\frac{1}{4}$ голосов, над мелкобуржуазными демократами, шедшими в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими (в Учредительном собрании. — *Авт.*) $\frac{3}{4}$ голосов?» Опираясь на тщательно проанализированные итоги выборов, Ленин отвечал, что в России имелись «три условия победы большевизма:

- 1) подавляющее большинство среди пролетариата;
- 2) почти половина в армии;

3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армии, близких к центру».

Но все эти тактические условия принесли бы лишь кратковременную и непрочную победу, если бы большевики, взяв власть, не сумели создать самое *главное условие*: «Привлечь на свою сторону большинство *непролетарских* трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий»¹.

Ленин считал, что русский опыт 1917—1919 гг. позволял сделать некоторые выводы, относившиеся к «буржуазному парламентаризму и пролетарской революции всякой капиталистической страны» того времени². Прежде всего решение коренных задач в обстановке революции достигается не голосованием, а *всеми формами* классовой борьбы, в определенных условиях вплоть до гражданской войны. Под таким углом зрения следует рассматривать и вопрос об участии рабочей партии в парламенте: оно важно, но никак не может считаться высшей, единственной формой их действий. В условиях неизбежного при капитализме обмана и самообмана масс откладывать во время революции взятие власти пролетариатом до формального выражения большинством населения своей воли посредством выборов — значит отречься от революции.

Правомерность такого *неформального подхода* к понятию большинства Ленин мотивировал прежде всего тем, что «сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения», ибо «пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма». Еще важнее то, что пролетариат, «экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся». Поэтому даже в тех странах, где пролетариат составляет меньшинство населения, он может при благоприятных условиях низвергнуть буржуазию. Но вслед за этим он должен немедленно осуществить, опираясь на взятую государственную власть, такие мероприятия, которые привлекут на его сторону союзников. Вместе с несознательно-пролетарскими, полупролетарскими, мелкобуржуазными слоями трудящихся он в любой стране составит преобладающее большинство населения³.

Если для того, чтобы одержать победу, пролетариат должен правильно выбрать момент решающего выступления (используя разделение буржуазии с ее мелкобуржуазными союзниками и т. д.), то после победы он должен суметь, чтобы удержаться у власти, нейтрализовать неизбежные колебания мелкой буржуазии⁴.

Яркие иллюстрации к этим мыслям содержат сохранившиеся заметки и планы брошюры о диктатуре пролетариата, которую Ленин

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 4, 10.

² См. там же, стр. 20.

³ См. там же, стр. 21—23.

⁴ См. там же, стр. 23—24.

собирался написать как раз в это время. Марксизм дал общий ответ на вопрос, «как выйти» из классового общества к бесклассовому, указав путь социалистической революции. Россия, Венгрия, Финляндия, Германия подтвердили, что «диктатура пролетариата есть *продолжение* классовой борьбы пролетариата, в *новых* формах». Именно «в этом гвоздь, этого не понимают» оппортунисты. Они пытаются смазать, стереть тот факт, что при переходе от буржуазной демократии к демократии пролетарской неизбежен «исторический перелом», ибо на деле вопрос может стоять только так: «Перерастание», «вползание» или ломка первой, рождение второй». Это равнозначно вопросу: «Революция или без революции? Завоевание политической власти новым классом, свержение буржуазии или сделка, соглашение классов?»¹

К. Каутский, О. Бауэр, Ф. Адлер и другие утверждают, будто путь к социализму открывает вовсе «*не* классовая борьба, а большинство». Для них «большинство пролетариата в населении» — это «условие, т. е. диктатура пролетариата допустима *лишь когда* пролетариат составил большинство населения». Они за «решение *голосованием*» — в этом вся суть «мирной или чистой демократии». Они утверждают, что «решение большинством и *сила* большинства» — это одно и то же. На самом деле это вовсе не так².

Сравнивая далее ситуации в Европе и в России, Ленин привел простейшие, чисто иллюстративные, расчеты относительно возможных составов большинства:

В Европе: 51% пролетариата (примерно)
+10% бедноты из 40% средних слоев (мелкой буржуазии)

61%

В России: 20% пролетариата (примерно)
+30% бедных
+15% = половина средних } из 75% мелкой буржуазии

65%

Поэтому, заключал Ленин, может оказаться, что 51% пролетариата на практике означает *меньшую силу*, чем 20% пролетариата, *если* в первом случае «больше империалистского заражения и сопротивления мелкой буржуазии», а во втором пролетариат умеет «*увлечь и направлять*» трудящихся. Нельзя, неверно брать пролетариат «вообще», *in abstracto*. Нужно рассматривать, каков он реально — в XX веке, после империалистической войны, в империалистической стране. Тут приходится ставить и такой, к примеру, вопрос: а каков в этой стране «% империалистов среди пролетариата?»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 261, 266, 453.

² Там же, стр. 266, 453, 456.

³ Там же, стр. 454, 457—458.

В сложившихся теперь условиях неизбежен «раскол с верхушками», поскольку установление диктатуры пролетариата невозможно без свержения его оппортунистических верхушек, перехода от «аристократии рабочего класса к массе». Изменились и методы воспитания масс: «Была пора (etwa 1871—1914), когда надо было развивать остальных всеобщим голосованием, без революции (+ стачки etc.).— Пришла пора революций (1917—), когда развивает ход революции *пролетариата*»¹.

Из этих занесенных на бумагу размышлений видно диаметрально-различие между резонерской фразой реформистских теоретиков о «завоевании власти» голосованием, что в то время было нереальным, и научным подходом революционного вождя, который, опираясь на реальный опыт победившей революции, вместе с тем призывал коммунистов *каждой страны* конкретно анализировать местные условия, а также социальную структуру трудящихся масс. Только на такой основе, считал Ленин, можно строить серьезные заключения о возможности взять власть и удержать ее.

Главная трудность, вставшая в ту пору перед коммунистами, заключалась, однако, в том, что часть из них не понимала важности задачи завоевания масс, а некоторые встали даже на позицию ее принципиального отрицания. Они отказывались видеть различие между оппортунистическими вождями, с которыми вели ожесточенную борьбу, и рядовыми членами социалистических партий и реформистских профсоюзов, которые шли за этими вождями. Уповая на стихийный революционный порыв масс, некоторые коммунисты усматривали проявление ненавистного оппортунизма в самой рекомендации вести систематическую работу в массах. Такие настроения проявлялись и раньше, но серьезной помехой они стали именно тогда, когда коммунистическое движение вплотную подошло к самой разнообразной работе по завоеванию масс.

Сигналом опасности прозвучало для Ленина полученное им в конце августа 1919 г. письмо от Сильвии Панкхерст, лидера крайне левой организации Великобритании — Рабочей социалистической федерации (состоявшей главным образом из женщин), редактора газеты «Уоркерс дреднот». Характеризуя состояние рабочего движения, Панкхерст высказала мнение, что в Англии нет возможности вызвать революционное настроение в массах, «всецело занятых мыслью об избирательных победах». Поэтому революционно настроенные рабочие, утверждала она, «относятся с презрением к парламентской работе и ни за что не согласятся примкнуть к партии, которая гонится за мандатами на парламентских и муниципальных выборах... Парламентаризм у нас сейчас тормозит все движение». Обращаясь к Ленину с просьбой высказаться о парламентской работе, Панкхерст

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 457—458.

предполагала, что он скажет: «посвятите все свои силы непосредственному революционному выступлению и бросьте всю эту возню около политической машины»¹.

Однако она ошиблась. В своем ответе Ленин согласился лишь с тем, что «многие рабочие, принадлежащие к лучшим, честнейшим, искренне-революционным представителям пролетариата, являются врагами парламентаризма и всякого участия в парламенте. Чем старше капиталистическая культура и буржуазная демократия в данной стране, тем более понятно это». Но, продолжал Ленин, «я лично убежден, что отказ от участия в парламентских выборах является ошибкой со стороны революционных рабочих Англии». Мотивируя свое убеждение, он указал, что необходимо различать два подхода: с одной стороны, «принципиальное отрицание буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии» правомерно постольку, поскольку революция (как показывает опыт России, Венгрии, Германии и других стран) хочет заменить исторически изживший себя буржуазный парламент более совершенной формой — Советской властью. С другой стороны, отказ от всякого участия в выборах и в парламентской деятельности неправилен, ибо такое участие, в том числе и во время революции, имеет большое значение для установления революционерами неразрывной связи с массой рабочих. Ради этого можно и должно использовать как выборы в парламент, так и действия изнутри его².

Ленин отдавал себе отчет в том, сколь непросто достигнуть умения вести *революционную* парламентскую пропаганду в стране, где буржуазия издавна ловко владеет этим изощренным орудием своей власти. Но, считал он, «если рабочая партия действительно *революционна*, если она действительно *рабочая* (т. е. связана с массой, с большинством трудящихся, с *низами* пролетариата, а не с верхушечным только его слоем), если она действительно *партия*, т. е. крепко, серьезно сплоченная *организация революционного авангарда*, умеющая всеми возможными способами вести революционную работу в массах, то тогда такая партия, наверное, сумеет держать в руках *своих* парла-

¹ Письмо С. Панкхерст от 16 июля 1919 г. было передано Лениным в журнал «Коммунистический Интернационал» и в сентябре опубликовано вместе с его ответом (см. «Коммунистический Интернационал», 1919, № 5, стр. 681—684).

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 160—165. Еще 5 августа 1919 г. Бюро ИККИ с участием Ленина приняло решение выработать тезисы о парламентаризме, указав на необходимость «использования парламентской борьбы». Соответствующее циркулярное письмо было разослано всем компартиям и опубликовано в том же номере журнала «Коммунистический Интернационал», где и ответ Ленина С. Панкхерст (см. Ф. И. Фирсов. Коминтерн и строительство партии нового типа 1919—1920 гг. — «Второй конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом идейных, тактических и организационных основ коммунистических партий», стр. 70—71).

ментариев, делать из них настоящих революционных пропагандистов. таких, как Карл Либкнехт»¹.

Между тем в то время, когда писались эти строки, главная трудность состояла как раз в том, что *такой партии* не существовало не только в Англии, где вели между собой ожесточенные споры несколько малочисленных групп и неоформленных широких организаций. вроде шоп-стюардов, но и в Германии, да и вообще нигде в Европе. А чтобы создать такую партию, надо было прежде всего найти *правильный подход к массам*. Где же был выход из этого заколдованного круга?

Вопрос об участии (или неучастии) в парламенте являлся тогда лишь частью комплекса вопросов о путях расширения влияния коммунистов в массах для подготовки к решающим боям пролетарской революции. «Левые» взгляды и по другим вопросам распространялись и пропагандировались не только в Англии, но и в Германии, Австрии, Голландии, Италии и других странах.

Так, в Германии усилились те настроения «прямолинейного радикализма», на которые указывала еще Р. Люксембург. Они проявились не только в антипарламентаризме, но и в лозунге «Вон из профсоюзов!», который в условиях быстрого роста влияния профсоюзов практически означал отказ коммунистов от возможности воздействовать в революционном духе на массы рабочих. Гамбургские «левые» свое нежелание работать в профсоюзах довели до ликвидаторских идей и в отношении самой партии: «всеобщий рабочий союз», который они собирались создать, призван был объединить «всех революционных пролетариев» или даже вообще «всех пролетариев»².

Считая подобные взгляды ошибочными, Ленин советовал с ними «бороться открыто, стараясь не преувеличить разногласий», ибо на базе признания пролетарской революции и диктатуры пролетариата они выражают не старческую дряхлость, а «болезнь роста» и будут изжиты в ходе практической борьбы³.

«Левые» настроения проникли также в Амстердамское бюро ИККИ, где их стали активно пропагандировать голландцы Герман Гортер, Антонни Паннекук, Себальд Рутгерс⁴. Эти взгляды оказывали влияние и на выходивший в Вене журнал для стран Юго-Восточной Европы «Коммунизм», в котором сотрудничали Бела Кун и Дьёрдь Лукач. Однако наиболее активно выступали в этом духе лидеры КРПГ и сторонники Бордиги в Италии.

В обоснование «левых» взглядов выдвигались разнообразные мотивы — от соображений «принципиальной чистоты доктрины» и «бескомпромиссной прямолинейности» до откровенно анархистского

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 164.

² См. «Доклады Второму конгрессу Коммунистического Интернационала». Пг., 1921, стр. 24—29.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 216—218.

⁴ Подробнее см.: Ф. И. Фирсов. Указ. соч., стр. 76—78.

отрицания роли дисциплины, вождей и самой коммунистической партии. Многие отвергали как якобы тормозящие революционное движение участие в парламентах, работу в профсоюзах, любые компромиссы и соглашения с возможными союзниками, не говоря уже о противнике. Другие упрощенно и примитивно толковали противопоставление капитализма и социализма, буржуазной демократии и диктатуры пролетариата. Не все осознавали при этом, что сами обрекают себя на отрыв от масс.

Увидев грозящую коммунистическому движению опасность, Ленин задумал написать брошюру с популярным изложением основ марксистской стратегии и тактики. Фактически же работа «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», издание которой Ленин приурочил к открытию Второго конгресса Коминтерна, вышла далеко за пределы этого первоначального замысла. В ней было раскрыто богатство опыта большевиков, выявлены корни и проанализированы проявления «левизны» в ряде европейских коммунистических партий, показана ее опасность. Книга перешагнула рамки своего времени и стала подлинной энциклопедией творческого и реалистического руководства классовой борьбой в эпоху перехода от капитализма к социализму.

Ленин считал «левизну» прежде всего своеобразной реакцией на реформизм и политический оппортунизм социал-демократических вождей, своего рода «болезнью роста» коммунистического движения.

Источником «левизны» были также политическая неопытность коммунистов, их стремление возможно быстрее и радикальнее, одним ударом решить все вопросы классовой борьбы, неумение учесть реальный уровень сознания рабочего класса, нежелание вести кропотливую работу в массах. Сама мысль о близости победы революции порождала у части коммунистов левацкие настроения. В таких условиях ненависть революционных рабочих к оппортунистической политике нередко выливалась в огульное отрицание форм борьбы, выработанных в предшествующие периоды.

Глубинной социальной причиной «левизны» являлось, как указывал Ленин, воздействие на рабочее и коммунистическое движение мелкобуржуазной революционности, вносимой массами мелких буржуа. Разорившийся мелкий собственник, испытывший резкое и быстрое ухудшение жизни, потерявший материальную основу своего существования, деклассированный, взбесившийся от ужасов капитализма, легко переходит к крайней революционности. Он требует немедленного переворота, вносит в рабочее движение дух бунтарства и анархизма. Такая революционность по самой своей природе не способна к длительной, выдержанной, организованной борьбе и может даже стать орудием в руках реакции.

Основные ошибки «левых коммунистов» выражались в тот период в отрицании: (1) роли партии и партийной дисциплины; (2) работы в реформистских профсоюзах; (3) участия в буржуазных пар-

ламентах; (4) допустимости каких-либо компромиссов. Подвергая критике авантюризм «левых» и их пренебрежение к работе в массах, Ленин показал, что суть бесперспективного сектантства, грозящего коммунистам самоизоляцией, кроется в недоверии к массам, в неумении подойти к ним. В острой и вместе с тем неизменно дружеской полемике с «левыми» Ленин сформулировал исходные моменты ставшего необходимым *нового подхода*.

Компартиям надо учиться быстро ориентироваться в меняющемся политическом положении, использовать многообразные формы общественной борьбы, в том числе и традиционные, наполняя их новым содержанием; быстро менять эти формы при изменении обстановки; сочетать легальную работу с нелегальной; переходить с одних тактических рельсов на другие, от одних методов к другим, которые сегодня наиболее действенны и в известной мере неожиданны для противника, овладеть всем арсеналом средств и приемов борьбы.

Мнимореволюционные фразы об отказе работать в реформистских профсоюзах Ленин называл непростительной глупостью, услугой буржуазии, ибо коммунисты в таком случае отдали бы эти профсоюзы под полный контроль правосоциалистических лидеров и буржуазии. Поскольку многие трудящиеся еще верят в буржуазный парламент, компартии обязаны использовать также и парламентскую трибуну для разоблачения буржуазной политики и воспитания масс. Коммунистам надо учиться создавать в противовес буржуазному свой революционный парламентаризм, служащий интересам рабочего класса и связанный с массовой борьбой вне парламента.

Главная идея ленинской книги — завоевание масс на сторону марксистской революционной идеологии и политики — есть решающая предпосылка успешной борьбы пролетариата. Поэтому коммунисты обязаны быть всегда в гуще этих масс, вести их за собой, показывая, когда нужен штурм, а когда обходный маневр, должны находить связи между повседневной борьбой рабочего класса и борьбой за конечную цель.

Задачи завоевания масс на свою сторону, подчеркивал Ленин, подведения масс на новую позицию, «способную обеспечить победу авангарда в революции, этой очередной задачи нельзя выполнить без ликвидации левого доктринерства, без полного преодоления его ошибок, без избавления от них»¹.

Опираясь на глубокий анализ опыта как российского, так и европейского революционного рабочего движения, Ленин писал, что коммунистам необходимо учитывать влияние на массы буржуазно-демократических, мелкобуржуазных представлений. Для «политического изживания» реформистской традиции нужно работать везде, где есть массы, неспособные сразу понять необходимость революционного метода действий. «Уметь найти, нащупать, верно опреде-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 78—79.

лить конкретный путь или особый поворот событий, *подводящий* массы к настоящей, решительной, последней, великой революционной борьбе»¹, — в этом Ленин видел важнейшую задачу коммунистов. Поскольку массы учатся прежде всего на собственном политическом опыте, компартии призваны выдвигать такие лозунги, которые учитывают уровень сознания масс, общественную психологию различных слоев, политические традиции, специфику рабочего и демократического движения данной страны, воспитывают участников борьбы в ходе их действий.

Революционный авангард — коммунистические партии должны далее иметь в виду, что «чистый» пролетариат окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию, мелкому и среднему крестьянству и т. д., а сам пролетариат крайне неоднороден по уровню развития, национальной, профессиональной, религиозной и т. п. принадлежности. Потому надо научиться говорить с разными категориями людей наиболее доступно, ясно и живо, усвоить, что объединение всех сил под знаменем революции невозможно без *политики соглашений*. Нужно смело идти на *блоки* «с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков», делать определенные уступки колеблющимся элементам мелкобуржуазной демократии, когда и поскольку они поворачивают к пролетариату. Важно лишь, чтобы такие компромиссы и соглашения способствовали повышению уровня рабочего и демократического движения, достижению революционной цели, а коммунисты при этом сохраняли полную свободу агитации и критики своих союзников².

Необходимо также понять, что для руководства широкими массами недостаточно одной пропаганды коммунистических принципов, одного повторения общих истин «чистого» коммунизма. Шаблонизирование, механическое выравнивание тактических правил борьбы недопустимо. «Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить, — писал Ленин, — национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи... — вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только передовыми) странами исторического момента»³. Интернационализм коммунистической политики означает не игнорирование национально-государственных различий, а, наоборот, правильное видоизменение основных принципов применительно к ним.

Не ограничиваясь общими советами, Ленин рекомендовал английским коммунистам поскорее объединить свои разрозненные группы, использовать для агитации парламентские выборы, все пережитки ирландской, колониальной, международной политики британского правительства, а также прочие области и сферы общественной

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 40, 42, 43—44, 82.

² См. там же, стр. 58—59.

³ Там же, стр. 76—77.

жизни. Итальянским «левым» он внушал, что нужно действовать на всех поприщах, преодолеть ребяческий «абстениционизм» и серьезно вести борьбу против буржуазного влияния, понимая, что это потребует длительного времени¹. Немецкие коммунисты, считал Ленин, обязаны «искать и найти» подходящую форму компромисса, соглашения с пролетарским крылом НСДПГ, которое облегчило бы полное слияние с ним и вместе с тем не стесняло бы коммунистов в их идейно-политической борьбе против правого крыла этой партии².

Уделяя большое внимание вопросам *тактики* коммунистического движения, Ленин, однако, ни на минуту не упускал из виду главной *стратегической* задачи, которой тактика была подчинена и на решение которой была нацелена. Этой задачей была всесторонняя *подготовка*, прежде всего *подготовка масс* к будущей новой волне революций. Поэтому Ленин считал исключительно важным показать коммунистам Западной Европы, чему они могут научиться на опыте русских большевиков, возглавивших победоносную Октябрьскую революцию. Октябрь доказал необходимость установления в ходе революции политической власти пролетариата, обеспечения руководящей роли коммунистической партии, прочного союза рабочего класса с трудящимся крестьянством и другими полупролетарскими слоями населения. Эти основные черты российской революции должны неизбежно повториться в будущих социалистических революциях, ибо эти черты имеют «не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение»³.

Рассказывая об опыте русских большевиков, Ленин обращал внимание зарубежных коммунистов прежде всего на факты многолетней упорной борьбы партии за установление и развитие связей с массами, за подведение масс к революции, за высвобождение их из-под влияния оппортунистических, реформистских, мелкобуржуазных вождей, а также левацких авантюристов, за поддержание в партии железной дисциплины. В этом Ленин видел «то, что есть общеприемимого, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма»⁴. В то же время Ленин не уставал повторять, что необходимо *творческое* усвоение русского опыта, поскольку о «приравнивании условий России к условиям Западной Европы не может быть и речи», поскольку, «проделывая везде однородную, по сути дела, подготовительную школу к победе над буржуазией, рабочее движение каждой страны совершает это развитие *по-своему*»⁵.

Большое значение Ленин придавал научному обоснованию коммунистической стратегии и тактики, указывая, что долгий, тяжелый, кровавый опыт России научил большевиков вырабатывать свою по-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 74, 83, 99—103.

² См. там же, стр. 58, 93—97.

³ Там же, стр. 3.

⁴ Там же, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 43, 76.

литическую линию на основе глубокого всестороннего анализа обстановки, расстановки сил, оценки реальных возможностей, перспектив. Субъективизм в подходе к политическим задачам опасен, а основывать политическое действие на одном только революционном настроении ни в коем случае нельзя. «Тактика должна быть построена, — предупреждал Ленин, — на трезвом, строго объективном учете *всех* классовых сил данного государства (и окружающих его государств, и всех государств, в мировом масштабе), а также на учете опыта революционных движений»¹. Наука революционной борьбы требует как усвоения опыта других стран, так и изучения возможностей всех групп, партий и классов данной страны, «отнюдь не определения политики на основании только желаний и взглядов, степени сознательности и готовности к борьбе одной только группы или партии»².

В то же время Ленин напоминал, что «политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не дается, и что пролетариат, если он хочет победить буржуазию, должен выработать себе *своих*, пролетарских, «классовых политиков»... таких, чтобы они были не хуже политиков буржуазных»³.

Глубоко понимая роль *народных масс* в историческом, и особенно революционном, творчестве, Ленин подчеркивал, что «самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»⁴. Ленин и прежде не раз растолковывал мысль Маркса, что революция — это «движение самих масс». Теперь он вывел из нее, опираясь на опыт не только отдаленного прошлого, но и XX века — на опыт трех русских революций и революций в Европе, — *основной закон революции*.

Этот закон раскрывал взаимосвязь объективного и субъективного факторов. Исходным Ленин считал положение о «размещении — если позволительно так выразиться — миллионных армий, о расстановке *в с е х* классовых сил данного общества для *последнего и решительного боя*». Революцию совершают массы, а для того, чтобы поднять большинство рабочего класса к осознанию необходимости переворота, «чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков — основной закон всех великих революций, подтвержденный теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией»⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 47.

² Там же, стр. 65.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 80—81.

⁵ Там же, стр. 78—79.

Ранее Ленин пользовался для ответа на вопрос об условии революции обычно понятием «объективная революционная ситуация». Расширяя и углубляя его, он говорит теперь о *революционном (общенациональном) кризисе*, который означает следующую ступень, включает в себя, наряду с наличием объективных условий, также и субъективную готовность общественной силы начать революционные действия, знаменует соединение, взаимопроникновение стихийных и сознательных элементов¹. «Основной закон революции,— писал Ленин,— подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения: для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «*низы*» не *хотят* старого и когда «*верхи*» не *могут по-старому*, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»².

Для того чтобы считать зрелой первую сторону кризиса, надо добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было бороться за него. Стихийный протест трудящихся против эксплуатации и социальной несправедливости весьма важен, но еще недостаточен для победы, необходимо воспитание у трудящихся готовности к упорной и длительной борьбе. В другом месте Ленин говорил о могучем подъеме в пролетариате *массового настроения* «в пользу поддержки самых решительных, беззаветно смелых, революционных действий»³.

Вторая сторона революционного кризиса предполагает, что правящие классы переживают такой «правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы... обессиливают правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его». Или иначе: все враждебные классовые силы «достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам»⁴.

Но Ленин не ограничился анализом действий двух главных противоборствующих сил — «низов» и «верхов». Опыт революций XX в. показал особую важность учета поведения также и промежуточных социальных сил — отсюда вытекала необходимость всесторонней разработки вопроса о возможных союзниках пролетариата. Подчеркивая роль непролетарских трудящихся, мелких товаропроизводи-

¹ Подробнее см.: Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность. М., 1967, стр. 223—234.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 69—70.

³ Там же, стр. 79.

⁴ Там же, стр. 70, 79.

телей, крестьян, Ленин писал: их *нельзя прогнать*, их нельзя подавить, с ними *надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой»¹. Для успеха революции поэтому необходимо выбрать момент, когда «все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством»². Для того чтобы победить более сильного противника, нужно научиться находить между врагами малейшие трещины, стремиться к тому, чтобы заполучить себе массового союзника, «пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме *вообще*»³.

Ленин, написавший «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме» в течение месяца, внимательно следил за ее скорейшим изданием и переводом. Книга вышла из печати на русском языке в июне 1920 г., а на французском и английском языках — в июле и сразу была вручена всем делегатам, прибывшим в Москву на Второй конгресс Коминтерна. Для этого конгресса Ленин подготовил, кроме того, проекты тезисов по национальному и колониальному вопросам, по аграрному вопросу, об основных задачах конгресса, проект условий приема в Коммунистический Интернационал, план своего доклада. В этих документах Ленин продолжил начатую им в книге разработку вопросов, особенно важных для коммунистического движения на новой стадии его развития.

ОСНОВЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ

Второй конгресс Коммунистического Интернационала торжественно открылся 19 июля 1920 г. в колыбели Октябрьской революции — Петрограде. В тот же день на многотысячном митинге на площади Урицкого был заложен памятник Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Дальнейшая работа конгресса с 23 июля по 7 августа проходила в Москве. В нем участвовало 217 делегатов с решающим и совещательным голосом, представлявших 67 организаций из 37 стран. Совещательный голос имели также делегации двух крупных центристских партий — Независимой социал-демократической партии Германии и Французской социалистической партии. Это был несравненно более представительный форум международного коммунистического движения, чем Учредительный конгресс, состоявшийся годом ранее.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 27.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 55.

В докладе о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала, с которым Ленин выступил в первый день работы конгресса, он охарактеризовал общую ситуацию как благоприятную для революционного движения, отметив, в частности, что в борьбу втягиваются также угнетенные народы колониальных стран. Нельзя, однако, думать, что само по себе нарастание революционного кризиса поставит буржуазию в положение абсолютно безвыходное. Важно, что уже сложилась *пролетарская армия*, «хотя иногда и плохо организованная, требующая переорганизации». Теперь только *практические действия* революционных партий могут показать, способны ли они «использовать этот кризис для успешной. для победоносной революции»¹.

Оценивая *революционную перспективу*, Ленин еще в «Тезисах об основных задачах II конгресса Коммунистического Интернационала», написанных за две недели до конгресса и розданных его участникам², поставил вопрос: в чем же должна состоять немедленная и повсеместная подготовка к революции? В соответствии с ранее высказанной мыслью о двух стадиях этой подготовки Ленин писал, что она «в громадном большинстве капиталистических стран не закончена — очень часто даже еще систематически не начата». Однако это не значит, что пролетарская революция невозможна в самом близком будущем. Напротив, «она вполне возможна, ибо вся экономическая и политическая обстановка необыкновенно богата горючими материалами и поводами для их неожиданного воспламенения; другое условие для революции, кроме подготовленности пролетариата, — именно: общее состояние кризиса во всех командующих и во всех буржуазных партиях — тоже есть налицо». Из сказанного следует, что «задача момента для коммунистических партий состоит теперь не в том, чтобы ускорять революцию, а в том, чтобы усиливать подготовку пролетариата»³.

Работа конгресса происходила в обстановке всеобщего энтузиазма, вызванного тем, что Красная Армия, отразив нападение польских милитаристов, перешла в стремительное контрнаступление и продвигалась к Варшаве. На большой карте в зале заседаний ежедневно отмечались продвижения советских войск, и все участники конгресса, а не только склонные к авантюризму «леваки» находились под впечатлением, что в ходе международной пролетарской револю-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 228, 231—232, 235.

² Тезисы были напечатаны в журнале «Коммунистический Интернационал», 1920, № 12, а также в сборнике: «Leitsätze zum II. Kongress der Kommunistischen Internationale». Petrograd, 1920, S. 87—111.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 188 (курсив наш. — Авт.). В составленном накануне конгресса плане своего доклада Ленин тоже записал: «ΣΣ= Не ускорение революции, а ускорение подготовки к революции» (там же, стр. 455).

ции наступает серьезный перелом. Ленин говорил в эти дни о том, что Версальская система поколеблена, «вся Германия закипела», а английские рабочие, заявив, что не допустят участия своей страны в антисоветской войне, создали самочинный Комитет действия¹.

Эти боевые, наступательные настроения делегатов проявились при обсуждении на пленарном заседании конгресса резолюции о роли коммунистической партии. В новом введении к ней было записано: «Мировой пролетариат стоит накануне решительных битв. Мы переживаем эпоху непосредственных гражданских войн. Близок решительный час. Во всех почти странах, где имеется значительное рабочее движение, рабочему классу предстоит в ближайшем будущем ряд ожесточенных схваток с оружием в руках»². Именно поэтому в комиссии конгресса, работавшей над проектом решения об основных задачах Коминтерна, была при участии Ленина изменена формулировка его тезиса о задаче момента. В единодушно принятом 6 августа решении конгресс записал, что она «состоит теперь в том, чтобы *ускорять революцию*, однако не вызывая ее искусственно, без достаточной подготовки; подготовка пролетариата к революции должна быть *усилена действием*»³. Поправка свидетельствовала о том, как чутко руководство Коминтерна реагировало на изменение международной ситуации. Новое определение, будучи направлено против оппортунистической пассивности, вместе с тем гарантировало от опасности авантюризма. Самым же важным было то, что быстрая смена тактической установки не отменила принципиальной *стратегической линии*, определенной Лениным как *систематическая и всесторонняя подготовка пролетариата* к грядущим революционным битвам. Хотя надежды на революционный подъем в Европе в это время не подтвердились, а военная обстановка вскоре круто изменилась, эта линия Коминтерна осталась принципиальной основой коммунистической политики на многие годы.

В тезисах об основных задачах Ленин почти дословно воспроизвел свои слова о гегемонии пролетариата, сказанные около девяти лет назад применительно к России⁴: «Пролетариат становится революционным лишь постольку, поскольку он не замыкается в узко-кодовые рамки, поскольку он выступает во всех проявлениях и на всех поприщах общественной жизни, как вождь всей трудящейся и эксплуатируемой массы». Указывая, что все коммунистические партии должны «во что бы то ни стало провести в жизнь лозунг: «глубже в массы», «теснее связь с массами»», Ленин разъяснял, что массы —

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 282, 325—326.

² «Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г.». М., 1934 (далее — «II конгресс...»), стр. 81, 481.

³ Там же, стр. 471 (курсив наш. — Авт.). См. также «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 49—50, 53, 242; «Второй конгресс Коминтерна», стр. 35—36.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 308.

это вся «совокупность трудящихся и эксплуатируемых капиталом — а прежде всего те из них, кто наиболее угнетен и трудно поддается организации. К ним коммунистам следует подходить «особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п.»¹.

Непременным — и притом важнейшим — условием осуществления пролетариатом своей гегемонии Ленин всегда считал его собственную организацию, высшей формой которой является *политическая партия*. Руководящую роль коммунистической партии в революционном процессе отрицали в то время представители немарксистских революционных течений в рабочем движении: испанские, французские, германские анархо-синдикалисты, английские шоп-стюарды, американские «Индустриальные рабочие мира». Видя перед собой печальный опыт реформистских политических организаций своих стран, они объявляли всякую политическую партию наследием буржуазной системы. Опыту России и Советской Венгрии они противопоставляли «особенности западных стран», железной дисциплинированной организации — стихийный порыв масс.

Одновременно серьезные атаки на коммунистические принципы построения революционной партии предприняли и представители центристских партий, присутствовавшие на конгрессе. Одни говорили, что нужно-де широко «распахнуть двери Коммунистического Интернационала» для различных социалистических течений². Другие хотели, чтобы компартии признавали «широкую идеологическую платформу» и вырабатывали политическую линию путем соглашения различных течений в партии. На деле это означало бы примирение с оппортунизмом и превращение компартий в конгломерат разных направлений, что лишило бы их способности руководить революционной борьбой.

Ленинское учение о революционной рабочей партии нового типа, о ее идейно-политических принципах, организационной структуре и месте в системе массовых организаций было изложено в резолюции о роли коммунистической партии в пролетарской революции и в выработанных II конгрессом Условиях приема в Коммунистический Интернационал.

Отсутствие у рабочего класса революционной партии Ленин считал равносильным «полному разоружению пролетариата *в пользу буржуазии*»³. Пролетариат не сможет совершить революцию, завоевать власть, подчеркивалось в решениях конгресса, не имея своей самостоятельной политической партии, ибо «политическая власть не может быть взята в руки, организована и направлена иначе, как той или другой политической партией»⁴. В резолюции о роли ком-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 192—194.

² См. «II конгресс...», стр. 241.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 26.

⁴ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 193

мунистической партии проводилась мысль о том, что партия защищает интересы *всего* рабочего класса, обзорекает *весь* его исторический путь в целом. Только партия способна объединить все разнообразные организации пролетариата — профессиональные союзы, кооперативы, фабрично-заводские комитеты, культурно-просветительные общества и т. д. — и направить их деятельность к общей цели. Никакие «всеобщие рабочие союзы», предлагаемые синдикалистами, не могут заменить революционной политической партии, вносящей в рабочее движение социалистическое сознание и являющейся высшей формой организации пролетариата.

Защищая коренные интересы рабочего класса, руководя всеми его движениями, объединяя их, коммунистическая партия выступает как «тот организационно-политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляет по правильному пути всю массу пролетариата и полупролетариата». Она необходима рабочему классу не только для завоевания власти. Как показал уже тогда опыт Советской России, ее роль после победы революции «не только не уменьшилась, а, напротив, чрезвычайно возросла»¹.

Развивая учение о партии нового типа как передовом, сознательном и организованном революционном авангарде рабочего класса, Ленин и Коминтерн считали неперенным условием существования такой партии ясность идейно-теоретических позиций, основанных на революционном, не искаженном оппортунистами марксизме. Подчеркивалась необходимость постоянной защиты чистоты этих основ, непримиримой борьбы против оппортунистических шатаний. При этом на первом плане стоял окончательный разрыв с идеологией, тактикой и организацией правого оппортунизма. «Нам надо уйти с конгресса, — говорил Ленин, — с твердым решением, чтобы во всех партиях эту борьбу довести до конца. Это главная задача»².

Исходя из этого, Условия приема в Коммунистический Интернационал требовали от партий ясного признания коммунистической платформы, пропаганды «полного и абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой «центра»... осуществления этого разрыва в кратчайший срок»³. Некоторые аспекты этих условий, связанные с конкретной ситуацией резкого размежевания и острейшей борьбы в рабочем движении, имели значение лишь для своего времени. В целом же «21 условие» отсекало от Коминтерна и компартий не революционных рабочих, а оппортунистические и соглашательские группы и течения, вхождение которых в коммунистическое движение привело бы к его ослаблению.

По отношению к революционерам (в том числе и к синдикали-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 192, 195.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 232.

³ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 251.

стам), которые не понимали роли партии из-за политической неопытности, предлагалось проводить политику «сближения с ними и с сочувствующей им массой, дружественного разъяснения им, с точки зрения опыта всех революций и трех русских революций в XX веке особенно, ошибочности... их взглядов, и не отказываться от повторных попыток слияния с этими организациями в единую коммунистическую партию»¹. Эта позиция Коминтерна способствовала процессу дифференциации в рядах анархистов и синдикалистов: многие из них — в Испании, Аргентине, Бразилии, Чили и других странах — стали постепенно приближаться к пониманию задач коммунистического движения и вливаться в его ряды.

В основу организационного строения коммунистических партий были положены проверенные опытом большевиков принципы демократического централизма. Они обеспечивали выборность и отчетность партийных органов, прямое участие коммунистов в принятии решений и контроле за их исполнением, то есть самый широкий демократизм. Вместе с тем они придавали организации целеустремленность, единство воли и действий, внутреннюю дисциплину. Подчинение партийному центру ее групп в парламентах, муниципалитетах, профсоюзах и других организациях, обязательность партийных решений для всех членов партии, включая руководителей, позволяли компартиям сохранять организационную, политическую и идейную самостоятельность в условиях враждебной буржуазной среды.

Одним из важнейших документов был принятый конгрессом Устав Коммунистического Интернационала, который положил принципы демократического централизма в основание его структуры и организации. В Уставе было сказано, что поскольку Коминтерн ставит своей задачей освобождение трудящихся всего мира, в его рядах братски объединяются люди белой, желтой, черной кожи, труженики всей земли. В нем подчеркивалось: «По существу дела Коммунистический Интернационал должен действительно и фактически представлять собой единую, всемирную коммунистическую партию, отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране»².

Такая организационная структура была обусловлена конкретными историческими условиями того времени и задачами революционных битв. «Коммунистический Интернационал, — говорилось в «21 условии», — действующий в обстановке обостренной гражданской войны, должен быть построен гораздо более централизованно, чем это было во II Интернационале. При этом Коммунистический Интернационал и его Исполнительный Комитет во всей своей работе, разумеется, обязаны считаться со всем многообразием условий, при

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 200—201.

² «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 228.

которых приходится бороться и действовать различным партиям, и выносить общеобязательные решения лишь по таким вопросам, по которым такие решения возможны»¹.

Централизация была в первые годы существования Коминтерна настоятельно необходимой. Она являлась источником силы и уравновешивала определенные слабости молодых компартий. Однако определяющим был не сам по себе этот организационный принцип, не структура, которая позже видоизменялась, а сознательная готовность каждой компартии учитывать в своей деятельности интересы международного рабочего класса, связывать с ними свою борьбу. Как подчеркнул Ленин в письме к австрийским коммунистам, написанном после конгресса, коммунисты гордятся тем, что вопросы классовой борьбы решают, «подчиняясь международной дисциплине революционного пролетариата, учитывая опыт рабочих разных стран, считаясь с их знаниями, с их волей, осуществляя таким способом на деле (а не на словах, как Реннеры, Фрицы Адлеры и Отто Бауэры) единство классовой борьбы рабочих за коммунизм во всем мире»².

Положение компартий как секций единой международной организации налагало на них, разумеется, определенные обязательства. Вместе с тем Устав Коминтерна фиксировал и их права, в том числе право самостоятельно решать, в рамках общих принципиальных установок, вопросы практической политики. В условиях того времени вопрос об автономии компартий поднимали лишь те, кто пытался сохранить в их рядах оппортунистов и центристов. ИККИ писал НСДПГ 28 сентября 1920 г., что «всякий раз, когда оппортунистам не хотелось подчиняться большинству рабочих, они начинали кричать об «автономии»»³. Об этом же напоминал Ленин, говоря о положении в Итальянской социалистической партии. Интернационалистские позиции Коминтерна и компартий не шли вразрез с интересами развертывания конкретной борьбы в той или другой стране. Встречавшаяся в некоторых документах того времени определенная недооценка конкретно-исторической специфики не была проявлением сознательно взятого курса, а объяснялась недостаточной зрелостью коммунистического движения.

На конгрессе с большой остротой ставился вопрос о связи коммунистической партии с массами. Ленин, придававший большое значение правильному пониманию соотношения «вожди — партия — класс — масса», еще ранее подчеркивал, что противоположение «*в о о б щ е* диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость»⁴. Он объяснял на конгрессе Джеку Таннеру

¹ В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, стр. 253.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 272—273.

³ «Коммунистический Интернационал», 1920, № 13, стр. 2918—2919.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 24—26.

и другим шоп-стюардам, что без руководства со стороны организованного и сознательного меньшинства никак не обойтись. Естественно, что партия может объединить лишь меньшинство класса, так же как действительно сознательные рабочие составляют всегда лишь меньшинство всех рабочих. «Поэтому мы вынуждены признать,— говорил он в речи о роли коммунистической партии,— что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собой»¹.

Разрушая предубеждение против политических партий «вообще», Ленин обращал внимание на то, что «нам нужны новые партии, партии иные», чем партии II Интернационала, «нам нужны такие партии, которые находились бы постоянно в действительной связи с массами и которые умели бы этими массами руководить»². Ленин ставил вопрос очень резко: не терпеть в партии оппортунистов, ибо это приведет к сотрудничеству с буржуазией; постоянно осуществлять связь авангарда рабочего класса с остальными рабочими, руководить движением масс. «Если меньшинство не умеет руководить массами,— говорил он,— тесно связаться с ними, то оно не является партией и вообще ничего не стоит»³.

В «21 условии» проводилась ленинская мысль, что компартия «обязана вести систематически и настойчиво коммунистическую работу внутри профессиональных союзов, в Советах рабочих депутатов, в фабрично-заводских комитетах, кооперативах и других массовых организациях»⁴, а также в армии (там, где она запрещается, вести ее нелегально) и в деревне⁵. В то же время теснейшая связь с массами не должна вести к уступкам со стороны партии отсталым настроениям. II конгресс записал поэтому: «При определенных исторических данных в рабочем классе возможны весьма многочисленные реакционные прослойки. Задача коммунизма не в том, чтобы приспособляться к этим отсталым частям рабочего класса, а в том, чтобы поднимать весь рабочий класс до уровня его коммунистического авангарда»⁶.

Продолжая считать социал-реформизм главной опасностью в рабочем движении, Ленин вместе с тем в полемике с «левыми» высказался за более гибкий подход к центристским партиям и их членам. Так, он не согласился с утверждениями В. Мюнценберга и Д. Вайнкопа, что вообще не нужно разговаривать с центристами, настаивал на необходимости проводить различие между правыми вождями и теми представителями революционных рабочих, с которыми нужно вести переговоры с целью завоевания масс на свою

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 236.

² Там же, стр. 237.

³ Там же, стр. 239.

⁴ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 252.

⁵ См. там же, стр. 251.

⁶ Там же, стр. 192.

сторону ¹. В этом же плане Ленин старался убедить Галлахера и Панкхерст в целесообразности для английских коммунистов войти в лейбористскую партию при условии, если они сохраняют возможность критиковать ее лидеров и проводить революционный курс ².

Галлахер вспоминал позднее об одной беседе, в ходе которой Ленин сказал ему: «Я хочу задать Вам один вопрос. Вы утверждаете, что буржуазии удастся подкупать всех людей, попадающих в парламент. Если бы английские рабочие послали Вас в парламент представлять их интересы, разложились ли бы Вы?» Я с удивлением посмотрел на него и пробормотал: «Станный вопрос». «Товарищ Галлахер,— продолжал Ленин,— это очень важный вопрос. Позволили бы Вы буржуазии подкупить Вас?» «Нет,— ответил я.— Не могу допустить, чтобы кто-либо или что-либо разложило меня».

Наклонившись вперед, Ленин смотрел на меня. Услышав мой ответ, он выпрямился и, широко улыбаясь, сказал: «Товарищ Галлахер, Вы должны добиться того, чтобы рабочие послали Вас в парламент. Тогда Вы покажете им, как ведет себя там неподкупный революционер. Покажете, как надо по-революционному использовать парламент».

В ходе беседы мне пришлось согласиться, что мы совершили очень серьезную ошибку, оставив рабочий класс Англии на милость оппортунистов типа Макдональда, Гендерсона и К^о ³.

Еще накануне конгресса на совещании в Москве представители ВЦСПС, профсоюзов Италии, Испании, Франции, Болгарии и Югославии договорились о создании Международного совета профессиональных и производственных союзов (Межсовпроф). При этом революционерам рекомендовалось не уходить из существующих профсоюзов, а распространять внутри их коммунистические идеи, стараться изгнать оппортунистических руководителей и таким путем создать международную боевую организацию пролетариата, действующую под идейным руководством Коминтерна. Это был ответ на образование реформистского Амстердамского Интернационала профсоюзов.

Единодушно и без дискуссии конгресс принял решение «Когда и при каких условиях можно создавать Советы рабочих депутатов». Оно подытожило накопленный международный опыт и недвусмысленно показало, что сама идея Советов может быть скомпрометирована либо созданием их там и тогда, где и когда обстановка для этого не созрела, либо конструированием надуманных, доктринерских, бумажных проектов «советской системы» (особенно много таких проектов было сочинено в Германии и Австрии). Поэтому в

¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 253.

² Там же, стр. 260—267.

³ *У. Галлахер*. Революционный социализм в Шотландии и Октябрьская революция.— «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 38—39.

решении четко указывалось: предпосылкой создания рабочих Советов является наличие условий, соответствующих понятию *революционного кризиса* в данной стране. При их отсутствии коммунистам следует настойчиво пропагандировать идею Советов, популяризировать ее в массах, но не приступать к их непосредственной организации, ибо «Советы без пролетарской революции неизбежно превращаются в пародию на советы»¹.

Организационное укрепление компартий и Коминтерна, развертывание их деятельности в Советах, профсоюзах и других организациях с целью привлечения на свою сторону рабочих масс было первым условием реализации идеи гегемонии пролетариата в предстоявших революционных боях. Вторым была всесторонняя разработка проблемы *союзников рабочего класса*. Прежде всего речь шла о *трудовом крестьянстве*, союз с которым в Октябрьской революции обеспечил российскому пролетариату приход к власти и удержание ее. Проблема эта была тем более важна, что социал-демократия Запада либо пренебрегала ею, либо рассматривала аграрный и крестьянский вопросы в отрыве от политических задач революции. В свою очередь и многие европейские революционеры, даже самые опытные, не придавали вопросу о союзе рабочего класса с крестьянством должного значения, что уже пагубно сказалось на ходе революций в Финляндии, Германии, Венгрии, революционных движений в Болгарии и Польше. При этом русский опыт не только не учитывался, но подчас прямо отвергался.

Предварительную разработку аграрного вопроса для конгресса осуществил представитель Польши в ИККИ Юлиан Мархлевский в статье «Аграрный вопрос и мировая революция»². Он подчеркивал, что этот вопрос приобрел величайшее значение, когда на повестку дня встало революционное действие. Русский опыт весьма поучителен, но в Западной Европе и Америке проблема «требует иных методов для своего разрешения». Автор подошел к ней, разделив Европу по формам землевладения и землепользования на два региона: страны с преобладанием крупного сельского хозяйства (Прибалтика, Польша, Украина, Румыния, Венгрия, Богемия, Восточная Германия, часть Австрии) и страны с мелкокрестьянским землевладением и хозяйством (Западная Германия, часть Австрии, Франция, Швейцария, Голландия, Италия, Испания, Португалия, Скандинавские страны).

В первой группе стран трудовое крестьянство «в известной мере представляет собою революционный элемент, а именно — постольку, поскольку существенным фактором в политической и социальной жизни этих стран является противоположность между

¹ «II конгресс...», стр. 531—534.

² См. «Коммунистический Интернационал», 1920, № 12, стр. 2019—2028.

крестьянами и крупными землевладельцами («баронами» в Латвии, «шляхтичами» в Польше, Литве и на Украине, «магнатами» в Венгрии, «юнкерами» в Германии)). Пролетариат, вначале нейтрализуя это крестьянство, может затем привлечь его на свою сторону, осуществив без вознаграждения экспроприацию крупной собственности, отменив крестьянские долги, объявив неприкосновенным землевладение и землепользование трудящихся крестьян и обеспечив самоуправление на основе Советской системы.

Во второй группе стран, считал Мархлевский, положение не только отлично от положения в первой группе, но и в ряде отношений весьма разнообразно. В Италии (отчасти в Испании и Португалии) революционный пролетариат имеет в лице трудового крестьянства «надежного союзника»; менее благоприятны условия в Западной Германии, Франции и т. д., где «мелкобуржуазная собственность очень упрочилась и где крестьянство во всех отношениях в высшей степени консервативно, а часто и прямо реакционно. Надежды привлечь широкие массы этого крестьянства на сторону активных революционных выступлений являются в достаточной мере беспочвенными». Но и этих крестьян можно нейтрализовать при помощи компромисса: отмены долгов и частичного раздела крупных имений. Естественным союзником промышленных рабочих во всех случаях будет сельский пролетариат, противником — крупное крестьянство, особенно сильное в Баварии, Вюртемберге, Скандинавии. В идейно-политическом плане главный противник — имеющее большое влияние в деревне духовенство, особенно католическое.

Ленин высоко оценил разработку Мархлевского, который превосходно объяснил, почему II Интернационал не смог даже как следует поставить вопрос о тактике пролетариата в деревне. Мархлевский дал, по выражению Ленина, «теоретические основы коммунистической аграрной программы», на которых могло быть построено решение конгресса. Но от внимания Ленина не ускользнуло и то, что Мархлевский занимал не совсем верную позицию по отношению к разделу помещичьих земель между крестьянами. Ленину был известен также доклад, который туринская группа «Ордине нуово» направила Национальному совету ИСП. Ее предложения, считал Ленин, «вполне соответствуют всем основным принципам III Интернационала»¹, — похвала отнюдь не частая в его устах. В этом документе, в частности, говорилось, что партия, опираясь на промышленных и сельскохозяйственных рабочих, должна рассматривать «другие слои трудящихся как союзников этого чисто пролетарского класса». Ей следует разработать и пропагандировать программу,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 166, 199, 254. По предложению Ленина документ, написанный А. Грамши, был опубликован в том же номере журнала «Коммунистический Интернационал», где и статья Ю. Мархлевского (1920, № 12, стр. 2109—2114).

в которой будет указано, каким образом «пролетариат намерен, когда он станет господствующим классом, разрешить все важнейшие проблемы (экономические, политические, религиозные, проблемы образования и т. д.), волнующие различные слои трудящихся Италии»¹. Согласованность действий рабочих и крестьян действительно необходима: «Задача партии состоит в том, чтобы приковать к себе внимание всей массы, добиться, чтобы ее директивы стали директивами всей массы, прочно завоевать доверие всей массы и таким образом стать ее вожаком, ее мыслящей головой»².

Ленин сам написал «первоначальный набросок» тезисов по аграрному вопросу. Он сосредоточил внимание прежде всего на взаимосвязи интересов тружеников города и деревни. «Трудящимся массам деревни нет спасения иначе, как в союзе с коммунистическим пролетариатом, в беззаветной поддержке его революционной борьбы за свержение ига помещиков (крупных землевладельцев) и буржуазии». Но и «промышленные рабочие не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн, если эти рабочие будут замыкаться в узкоцеховые, узкопрофессиональные интересы и самодовольно ограничиваться хлопотами об улучшении своего иногда сносно-мещанского положения». Роль гегемона, вождя рабочий класс не сможет выполнить «без внесения классовой борьбы в деревню, без объединения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии городского пролетариата, без воспитания первых последним»³.

Подходя к вопросу о том, как это можно осуществить в отличных от России условиях Западной Европы и Америки, Ленин делал упор на *дифференцированную группировку* сельского населения развитых стран. Начиная рассмотрение «снизу», он отметил, что *большинство* этого населения составляют три группы: сельскохозяйственный пролетариат, полупролетарии или парцельные крестьяне, мелкие крестьяне. Всех их пролетариат должен повести на борьбу или во всяком случае привлечь на свою сторону, добиваясь

¹ А. Грамши. Указ. соч., стр. 92.

² Там же, стр. 88. См. также статью А. Грамши «Рабочие и крестьяне» (там же, стр. 69—73) и др. Впоследствии он указывал, что «туринские коммунисты конкретно поставили вопрос о гегемонии пролетариата», т. е. о социальной базе пролетарской диктатуры и рабочего государства». Они считали необходимым создать «систему классовых союзов», прежде всего с крестьянством, учитывая, что в Италии крестьянский вопрос в силу определенной исторической традиции «принял две типичные и своеобразные формы выражения, выступая как южный вопрос и как ватиканский вопрос» (см. там же, стр. 240—241). В Югославии к правильной постановке вопроса подходили Д. Дмитриевич, Ф. Филипович (см. К. К. Шириня. Вопросы союза рабочего класса с крестьянством. — «Второй конгресс Коминтерна», стр. 120 и др.).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 169—170.

самостоятельной, отдельной организации сельских пролетариев. Не только первая, но и вторая группа будет при правильной постановке работы сторонницей коммунистов. Мелкое крестьянство поддержит пролетарский переворот в том случае, если будет сразу избавлено от арендной платы, ипотечных долгов, разных форм гнета и зависимости от крупных землевладельцев, получит немедленную помощь в ведении хозяйства. Колебания этого слоя неизбежны. Все эти группы, будучи заинтересованы в победе социализма, решительно поддержат пролетариат, однако *«лишь после»* завоевания им политической власти, *лишь после* решительной расправы его с крупными землевладельцами и капиталистами, *лишь после того*, как эти задавленные люди увидят *на практике*, что у них есть организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания верного пути»¹.

В отношении *среднего крестьянства* Ленин считал возможной его нейтрализацию, чтобы затем «с громадной осторожностью и постепенностью, силой примера, без всякого насилия» подводить его к коллективному земледелию. С *крупным крестьянством* неизбежна борьба; если окажет сопротивление, оно должно быть сломлено. Но его экспроприация не является непосредственной задачей².

Мысли Ленина о путях завоевания коммунистами на свою сторону большинства трудящихся и эксплуатируемых были положительно восприняты делегатами конгресса. Антонио Грациани (Италия) заметил, что Ленин в данном вопросе «весьма оригинален» и старается избежать двух противоположных ошибок, которые делали социалисты: они либо объявляли мелкое крестьянство обреченным и тем отдавали его в руки противников, либо считали, что его нужно сначала организовать и только после этого совершать революцию. Французский делегат Раймон Лефевр подтвердил, что во Франции нечего и думать о революции, если против пролетариата будет вся масса мелких собственников³. Зато Артур Криспин (НДСПГ) усмотрел в идее Ленина «рецидив давно изжитого мелкобуржуазного мышления», даже «отклонение от нашего марксистского воззрения»⁴. Джачинто Серрати (ИСП) выразил опасение, что уступки, сделанные «мелкой сельской буржуазии» *до революции*, нанесут ущерб интересам пролетариата. Все эти заявления были отклонены конгрессом как необоснованные⁵.

Вопрос о судьбе крупных сельскохозяйственных предприятий *после революции* стал главным предметом споров в комиссии. Хотя Мархлевский отсутствовал⁶, его настороженное отношение к раз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 173.

² Там же, стр. 174—175.

³ «II конгресс...», стр. 377—386.

⁴ См. там же, стр. 225.

⁵ См. там же, стр. 383, 387—388.

⁶ Ю. Мархлевский уехал на польско-советский фронт. Докладчиком стал германский делегат Эрнст Мейер.

делу помещичьей земли там, где давно сложилась частная собственность крестьян на землю, поддерживали многие делегаты. Они считали, что раздел крупных имений увеличит число мелких хозяйств. экономически менее рентабельных, и прослойку мелких собственников, способных стать тормозом социалистического преобразования деревни. Ленин в ответ выдвинул на первый план политическую необходимость прочного союза рабочего класса с крестьянством. на основе которого только и станут возможными, считал он, наиболее эффективные конкретные экономические решения. В итоге обсуждений все согласилось с ленинским тезисом: «Для передовых капиталистических стран Коммунистический Интернационал признает правильным преимущественное сохранение крупных сельскохозяйственных предприятий и ведение их по типу советских хозяйств в России»¹. В окончательном тексте решения это положение было дополнено развернутым обоснованием, а положение о возможности частичного раздела земли между мелкими крестьянами отнесено к странам экономически менее развитым, с пережитками средневековья и незначительной ролью крупного производства.

При этом были усилены принципиальные мысли Ленина: во-первых, «раздел земли крупных землевладельцев есть вернейшее средство привлечь крестьянство на сторону революции»; во-вторых. «обеспеченность пролетарской победы и ее устойчивость — вот первая и основная задача пролетариата при каких бы то ни было условиях. Ради успеха революции пролетариат не вправе останавливаться даже перед временным понижением производства»². Отвечая Криспину, который заявил, что передать землю мелким крестьянам — значит «пожертвовать интересами пролетариата»³, Ленин сослался на книгу бывшего наркома Венгерской Советской республики Е. Варги, в которой тот признал: в Венгрии отрицательно сказалось то, что аграрные преобразования ничего не дали сельской бедноте⁴. Даже в высокоразвитых странах, в том числе и в Германии, говорил Ленин, вполне можно «сохранить крупное производство и притом все же дать мелким крестьянам нечто, весьма для них существенное... Если пролетарская государственная власть не будет проводить этой политики, она не сможет удержаться»⁵.

Рассмотрение аграрного вопроса на II конгрессе Коминтерна явилось крупным шагом в разработке коммунистической стратегии и тактики. Дискуссия на пленуме и в аграрной комиссии была серьезной школой для ее участников, а принятые тезисы стали про-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 224.

² Там же, стр. 225.

³ «II конгресс...», стр. 225.

⁴ См. *E. Varga. Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktatur*. Wien, 1920. Заметки Ленина на полях этой работы см.: Ленинский сборник VII. М., 1928, стр. 340—376.

⁵ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 251—252.

граммным документом, содержащим установки на целый исторический период. Компартиям была дана рекомендация разработать на этой основе аграрные программы, соответствующие конкретным социально-экономическим условиям своих стран ¹.

Столь же важное стратегическое значение имел вопрос о взаимоотношении борьбы за социалистическую революцию и борьбы за национальное освобождение ². Принятые конгрессом на основе ленинских тезисов решения по *национально-колониальному* вопросу раскрывали тесную взаимосвязь борьбы рабочего класса развитых капиталистических стран с национально-освободительной борьбой угнетенных народов колоний и полуколоний. Конгресс призвал активно содействовать развитию национально-революционной тенденции в освободительной борьбе.

Поддерживая национальные требования, выдвигаемые массами в многонациональных капиталистических странах, конгресс напомнил, что буржуазия Чехословакии, Венгрии, Югославии, Польши использовала создание независимых государств для распространения иллюзий о якобы открывшихся возможностях постепенно, общенациональными усилиями, без классовой борьбы решить также все социальные проблемы. Разоблачая буржуазный национализм, коммунистам следует теснее связывать задачи национального освобождения с социальными.

В новую эпоху борьбу против империализма вели три главные революционные силы: Советская Россия, рабочее движение капиталистических стран, национально-освободительное движение угнетенных народов колоний и полуколоний. Стратегия революционного рабочего класса требовала ясного понимания необходимости их тесного взаимодействия.

На первом после конгресса заседании ИККИ 7 августа 1920 г. был утвержден его состав, делегированный партиями. В соответствии с принятым Уставом Коминтерна РКП (б) как партия страны, где работал Исполком, направила в него пять представителей, 13 других партий и два региона (Дальний Восток и Ближний Восток) — по одному. В Малое бюро ИККИ были избраны: Г. Е. Зиновьев (председатель), Н. И. Бухарин, М. В. Кобецкий, Э. Мейер (его сменил затем Ф. Геккерт), А. Руднянский; позднее в него вошли также Б. Кун и А. Росмер ³.

Решения II конгресса, взятые в целом, как бы составляли программу Коминтерна. Коммунистическое движение коллективно выработало и отразило в принятых документах основополагающие

¹ См. *К. К. Ширина*. Вопросы союза рабочего класса с крестьянством. — «Второй конгресс Коминтерна», стр. 138—143.

² О национально-освободительном движении и отношении к нему революционного пролетариата см. главу восьмую данного тома.

³ См. «II конгресс...», стр. 457.

стратегические, тактические и организационные установки, которыми могли руководствоваться молодые коммунистические партии.

Отмечая, что в процессе борьбы «миллионы и десятки миллионов, жившие вне политической жизни, превращаются в революционную массу», принятый конгрессом Манифест указывал: «Коммунистический Интернационал есть международная партия пролетарского восстания и пролетарской диктатуры. У него нет других целей и задач, кроме целей и задач самого рабочего класса... Он не создает универсальных рецептов и заклинаний, он опирается на мировой опыт рабочего класса в прошлом и настоящем, очищает этот опыт от его ошибок и уклонений, обобщает его завоевания, признает и усыновляет только те революционные формулы, которые являются формулами массового действия»¹.

Подводя итог, Ленин с удовлетворением отметил: на первом конгрессе было «только водружено знамя коммунизма», теперь же вокруг него собирается «всемирная армия революционного пролетариата». Закрыв доступ оппортунизму, конгресс исправил также и ошибки тех коммунистов, которые желали идти непременно «влево». Организация, ясная программа действий, сплоченность и дисциплина всех коммунистических партий — вот что позволит, считал Ленин. «авангарду рабочей революции пойти вперед к своей великой цели»².

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКТИВНОСТЬ РЕФОРМИСТОВ

Разительным контрастом конгрессу Коминтерна был происходивший одновременно в Женеве конгресс *Рабочего и Социалистического Интернационала*. Его не удалось собрать в начале года, и он заседал с 31 июля по 6 августа. Чтобы подчеркнуть преемственность со II Интернационалом, его именовали «X конгрессом», как будто краха 1914 г. и не было.

На Женевском конгрессе были представлены 17 социалистических и социал-демократических партий: Германии, Франции, Италии, Великобритании, Бельгии, Дании, Швеции, Швейцарии, Австралии, Новой Зеландии, Румынии, Венгрии, Польши, а также мусаватисты Азербайджана, меньшевики Грузии, Литвы и России. на 10 стран меньше, чем во время Бернской конференции полтора года назад. Притом представители пяти партий заявили, что присутствуют лишь для информации. Десять делегаций представляли только одну из фракций рабочего движения своей страны (поскольку другие порвали со II Интернационалом). Так, из Германии прибыли лишь лидеры СДПГ, из Франции — группа Обрио — Розье, из Италии — «Народный социалистический союз», из Швейцарии —

¹ См. «II конгресс...», стр. 563—564.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 274—275.

грютлианцы и т. д. Только делегации Великобритании, Бельгии, Дании, Нидерландов, Швеции (отчасти Германии) могли претендовать на то, что за ними стоит большинство организованных рабочих их стран. Сообщение о конгрессе, опубликованное Международным бюро труда, подтвердило, что «среди членов национальных делегаций произошел в 1919/20 гг. большой отсев. Непримиримые инакомыслящие уже ушли, так что на конгрессе разногласия касались скорее частных вопросов, а не принципов»¹.

Приняв формальное решение о восстановлении Интернационала, конгресс выразил надежду, что рано или поздно «заблудшие овцы» возвратятся в его лоно. Поэтому Исполкому², который должен был находиться в Лондоне и опираться на самую сильную из оставшихся партий — лейбористскую, вменялось в обязанность поддерживать контакты также с не представленными на конгрессе социалистическими и рабочими организациями, добиваясь их присоединения к Интернационалу. Конгресс одобрил предложенный еще год назад на Люцернской конференции устав. В отличие от конгресса Коминтерна, где были выработаны четкие условия приема, подчеркивалась необходимость строгой дисциплины и единодушия при осуществлении принятых решений, Женевскому конгрессу следовало, по мнению ораторов, проявлять «дух примирения» и терпимости, широко распахнуть двери для всех желающих, в том числе искать «сближения с враждебными и далекими группами»³. Разумеется, этот «поиск» касался лишь реформистов разного толка и не распространялся на революционеров.

При рассмотрении общей политики II Интернационала конгресс вынужден был констатировать, что Версальская система создала в мире еще более беспокойное состояние, чем то, которое существовало перед войной, привела к росту милитаризма, а Лига наций не стала орудием мира. Хотя Международное бюро труда (как и Лига наций) не находилось в сфере влияния рабочего класса, конгресс (в резолюции по докладу вице-президента Амстердамского Интернационала профсоюзов К. Мертенса и Т. Шоу) восторженно приветствовал его деятельность. Заявив протест против продолжения интервенции в России, участники конгресса не преминули заметить, что сохранение военного положения объясняется «страхом перед русской революцией»⁴.

¹ «The Congress of the Labour and Socialist International (Geneva, Juli 31st—August 6th, 1920)». Geneva, 1920, p. 3—5.

² Его возглавил А. Гендерсон. В Исполком входили: Р. Макдональд, Т. Стаунинг, А. Тома, О. Вельс, Я. Брантинг, П. Трульстра, Э. Вандервельде и Л. де Бруккер.

³ A. Braun. Der Internationale Kongress zu Genf. Berlin, 1920, S. 27—29, 35.

⁴ Ibid., S. 14, 18—21, 137; «The Congress of the Labour and Socialist International», p. 6—9, 23—24.

Центральными вопросами на Женевском конгрессе были программные. «Московский Интернационал, — отметили комментаторы из Международного бюро труда, — сформулировал свою социальную и политическую программу и даже осуществил ее почти полностью. Нельзя было обойтись без того, чтобы Второй Интернационал тоже не сосредоточил свое внимание на принципах, составляющих основу его действий, и не противопоставил бы структуре большевизма структуру демократического социализма»¹. Самым острым желанием организаторов Женевского конгресса было найти противовес Москве, III Интернационалу.

Социал-демократические лидеры разных стран научились маскировать свое отношение к революции при помощи искусственного расчленения проблемы перехода к социализму на два будто бы независимых вопроса: о «социализации» и о политической власти пролетариата. Участники Люцернской конференции уже использовали опыт Германии и Австрии, где с помощью такой уловки социал-демократические лидеры, выступавшие за «социализацию», в то же время пытались снять с себя ответственность не только за отказ от поддержки революционных действий, но даже за противодействие им. Конференция создала для подготовки программных документов две отдельные комиссии. В комиссию по «социализации» вошли: Сидней Вебб, Филипп Сноуден, Альбер Тома, Отто Гуэ; соответствующие комиссии были образованы и в ряде стран. В основу обсуждения были положены брошюра О. Бауэра «Путь к социализму» и труд голландской комиссии во главе с Ф. Вибаутом «Вопросы социализации». Став докладчиком на конгрессе, последний разъяснял, что «социализация» означает не что иное, как «систематическое объединение производства. Это не то же самое, что социализм. Это лишь путь, который ведет к социализму. Социализация — это та часть принципов социализма, которая может быть осуществлена в настоящий момент»².

В решении Женевского конгресса «социализация» трактовалась как «переход всей промышленности и предприятий обслуживания, важных для удовлетворения потребностей народа, из частной собственности и управления капиталистов в общественную собственность и управление», как «замена неэкономного производства и распределения, единственной целью которых является частная прибыль, эффективным производством и экономным распределением с целью достижения максимальной общей пользы», как «переход от экономического рабства, в котором ныне находится при частной собственности большая масса подлинных производителей, к общему участию рабочих в управлении предприятиями». Необходимость

¹ «The Congress of the Labour and Socialist International», p. 10.

² Ibid., p. 12.

такого перехода мотивировалась, с одной стороны, постоянным и быстрым ростом контроля со стороны капиталистических монополий над производством, что ведет к произвольному манипулированию ценами в ущерб потребителю, а с другой — усилением противодействия организованных рабочих дальнейшему существованию такой «системы производства, которая их поработает, не давая даже возможности заметно повысить уровень жизни». Вытекающая из этого «невыносимость капитализма» делает с каждым днем все более необходимым преобразование экономики на основе принципов социализма.

Из этой, в общем верной (хотя нечеткой и недостаточной), констатации не делался, однако, давно обоснованный марксистами и записанный в программах ряда социал-демократических партий вывод, что рабочий класс должен, овладев политической властью и сломив сопротивление буржуазии, осуществить «экспроприацию экспроприаторов» и организовать общественное, социалистическое производство. Напротив, в решении конгресса вопрос о власти просто не упоминался, а в ходе дискуссии ораторы прямо отвергали как теорию, так и практику, говорившую, что необходимая предпосылка всякой подлинной социализации — установление власти пролетариата. В выступлениях весьма категорично звучало утверждение, что «социализацию» следует осуществлять постепенно, шаг за шагом, отрасль за отраслью, без непосредственного участия масс, чтобы избежать даже малейшего ущерба производству. В комментарии к решению специально подчеркивалось, что этот тезис противоположен большевистской практике будто бы «поспешного и насильственного», «единовременного и революционного захвата» всего национального производства, осуществляемого в интересах лишь «одного из общественных классов» — пролетариата.

Решение Женевского конгресса о «социализации» проявляло максимум заботы о капиталистах. Отчуждение частной собственности без компенсации, путем конфискации вообще исключалось. Средства для возмещения рекомендовалось добывать посредством налогов, ограничения права наследования и т. п. «Социализация» не должна была также сводиться к национализации: наряду с ней предусматривались муниципализация и кооперация. Вместо рабочего контроля, который мог бы создать условия для подлинно демократического управления производством, решение предусматривало полное отделение контроля от управления. Контрольные органы должны были лишь на одну треть состоять из рабочих, вторую составляли предприниматели (включая инженерно-технический персонал), третью — «потребители». Поскольку даже такое «упорядоченное и мирное», совсем не революционное и не разрушительное осуществление «социализации» все же не обойдется без конфликтов, решение конгресса говорило, что рабочие имеют право на забастовку, оптимистично добавляя, что с исчезновением «корыстолю-

бия капиталистов» стачку заменит «влияние общественного мнения»¹.

Вторая комиссия, которой было поручено подготовить решение о «политической системе социализма», была еще более представительной. В нее входили: супруги Вебб, Бауэр, Каутский, Макдональд, Вандервельде, Трульстра, Ренодель. Незадолго до конгресса Веббы опубликовали в Англии обширный труд «Конституция для социалистической Великобритании»². С. Вебб стал докладчиком в Женеве и автором резолюции, которая должна была показать, что вопрос уже созрел для перехода из сферы теории в область практики. Вандервельде и Шейдеман называли эту резолюцию «самой важной» из принятых конгрессом³.

Основанная на прямом противопоставлении идей «демократического социализма» идеям социалистической революции, резолюция Женевского конгресса исходила из того, что «прогрессирующее разложение капиталистической системы, усилившееся в годы войны и еще более в послевоенные годы, делает все более неотложным взятие рабочими власти в обществе». При этом в состав рабочего класса авторы произвольно включили всех вообще работников физического и умственного труда (в том числе крестьян и ремесленников), а предварительным условием взятия власти объявили «единство рабочих рядов и умение воспользоваться властью».

Признавая, что поставленная цель не может быть достигнута «без использования рабочими своей экономической и политической силы», что в решающих конфликтах нельзя полностью исключить и «прямое действие», резолюция затем сама свела это признание на нет. Она не только отвергла вообще «методы насилия», но сурово осудила любое стремление «превратить экономическую стачку в политическую революцию и даже систематически использовать стачку в качестве политического средства борьбы». Для революции места вовсе не оставалось: «Социализм не будет основывать свою политическую организацию на диктатуре. Он не может стремиться подавить демократию: его историческая миссия, напротив, заключается в том, чтобы довести демократию до совершенства». Неизбежность сопротивления господствующих классов даже мирному установлению политической власти рабочих, доказанная недавним опытом ряда стран, просто игнорировалась.

Точно так же не принималась в расчет и возможность иных форм демократии, кроме буржуазно-парламентской. О рабочих Со-

¹ «The Congress of the Labour and Socialist International», p. 13—18, 24—26; *A. Braun*. Op. cit., S. 32—34.

² *S. and B. Webb*. A Constitution for the Socialist Commonwealth of Great Britain. London, 1920.

³ «The Congress of the Labour and Socialist International», p. 10—11, 19; *J. Braunthal*. Op. cit., Bd. 2, S. 178. Примечательно, что А. Браун об этом вопросе не упоминает.

ветах в резолюции не упоминалось. Известной уступкой «левым» настроениям, представителем которых на конгрессе выступал Трульстра, явилось лишь признание, что наряду с парламентом (который, учитывая сложность политических условий и рост требований рабочих масс, не в состоянии, как говорилось, справиться со всеми задачами) могут создаваться профсоюзные или иные профессиональные представительства. Впоследствии они могли бы стать основанием некоего Национального экономического совета, который имел бы право «свободно обсуждать и критиковать, изучать и советовать», однако никак не решать экономические вопросы.

Даже авторы составленного Международным бюро труда отчета о Женевском конгрессе, которые всячески приукрашивали его достижения, не смогли умолчать о том, что он не достиг никакого успеха в отыскании «новой формулы, способной восстановить разрушенное единство» международного рабочего движения. Напротив, конгресс не только похоронил все надежды на соглашение между рабочими партиями, но и выработал такую экономическую и политическую программу II Интернационала, которая по всем статьям противостояла программе III Интернационала: «Лондон и Москва стали с этого времени двумя антагонистическими силами, борющимися за верховенство над трудящимися массами, двумя полюсами, вокруг которых будут кристаллизоваться социалистические силы»¹.

Таким образом, Лондонский Интернационал, как признавали и его сторонники, сделав ставку на углубление раскола международного рабочего движения, поставил перед собой задачу всеми средствами противодействовать «насильственному характеру всемирного переворота, который грозил смести их самих». Но сам он был не более чем «тенью», «призраком» или «обрубком» прежнего II Интернационала².

Не удивительно, что Женевский конгресс не мог вызвать никакого энтузиазма не только в массах, но даже у его участников. Один из них писал: «Второй Интернационал... собрал своих представителей в Женеве в скромном зале при полном равнодушии приверженных большевизму женевских рабочих. Никакой праздник не прерывал работы... Все делегаты чувствовали себя подавленными тем, что хотя международный конгресс в Женеве сплотил верных и надеющихся, в то же время другой международный конгресс под коммунистическим флагом в Москве удерживает многих... В Москве шумные празднества!»³

В обстановке, когда в социалистических партиях Европы шел процесс внутреннего размежевания, а многие центристские лидеры

¹ «The Congress of the Labour and Socialist International», p. 21—22.

² См. *L. Lorwin*. Op. cit., p. 210; *J. Braunthal*. Op. cit., Bd. 2, S. 249.

³ *A. Braun*. Op. cit., S. 3.

ради сохранения своего влияния пытались лавировать между II и III Интернационалами, руководители Амстердамского Интернационала профсоюзов решили взять инициативу в свои руки. Убедившись, что Лондонский Интернационал не способен выдвинуть программу, которая могла бы привлечь охваченные революционным брожением пролетарские массы, «амстердамцы» провели 22—27 ноября 1920 г. в Лондоне Чрезвычайный международный конгресс профсоюзов. На нем 85 делегатов представляли профсоюзные объединения 16 стран Европы и Канады. Отсутствовала Американская федерация труда, поскольку Гомперс, питавший ненависть ко всем «социалистам» и «радикалам», отнес к их числу и руководителей амстердамцев, хотя они как раз и были более всего озабочены тем, чтобы совлечь профсоюзное движение с революционного пути¹. Но и без АФТ профсоюзы, входившие в Международную федерацию профсоюзов, насчитывали в то время 24,6 млн. человек².

Считая невозможным игнорировать недовольство пролетарских масс тем, что буржуазия осуществляет послевоенное урегулирование за их счет, переходит в контрнаступление на их завоевания, руководители МФП выступили с развернутой программой. В докладе Э. Фиммена о международном положении и позиции МФП, в принятой конгрессом резолюции выражался протест против интервенции в Советской России, против белого террора в Венгрии, подчеркивалась необходимость борьбы за мир и противодействия всем попыткам сорвать выполнение Вашингтонской конвенции о 8-часовом рабочем дне. Профсоюзное движение, говорилось в решении, должно наряду с обычной борьбой за улучшение условий труда вести также в национальном и международном масштабе борьбу против «капитализма и империализма», причем самым действенным оружием являются массовая стачка и международный бойкот³.

В докладе по финансовым вопросам, подготовленном комиссией под руководством Жюо, и в соответствующей резолюции говорилось, что конгресс рекомендует провести всеобщее аннулирование военных долгов и упразднение ненужных расходов, особенно на военные нужды, выпуск Лигой наций международного займа восстановления, сокращение эмиссии бумажных денег, согласованное решение валютных вопросов и т. п. По вопросу о «социализации» предложенная Я. Удгестом резолюция выдвигала в общей форме требование «социализации» земли, недр и транспорта, участия рабочих в контроле и даже в управлении экономикой, объявляя все это достижимым на почве капиталистического строя. Конгресс по

¹ См. *L. Lorwin. Op. cit.*, p. 263—265.

² «Report of the Special International Trades Union Congress held in London, November 22nd to 27th, 1920». London, 1921, p. 10, 14, 61.

³ *Ibid.*, p. 12—18, 32.

докладу Мертенса решил также передать Международному бюро труда разработанный план международного распределения сырья¹.

Эти широковещательные заявления сопровождались принятием специального решения (его предложил Ж. Дюмулен), направленного против недавно созданного в Москве Международного совета профсоюзов. Утверждая, что МФП обеспечивает всем примыкающим к ней организациям «полную автономию и свободу действий», решение обязывало профсоюзы «не слушаться никаких призывов посторонних организаций о поддержке их раскольнических стремлений»². За этой достаточно туманной формулой скрывалось указание, которое стало с этих пор широко применяться во многих странах, об исключении революционной оппозиции из профсоюзов Амстердамского Интернационала. Особенно энергично действовала в этом направлении французская ВКТ.

В то же время итальянская ВКТ, которая в июле 1920 г. вошла в Межсовпроф, участвовала и в Лондонском конгрессе амстердамцев. На съезде ВКТ в Ливорно в феврале 1921 г. было, правда, принято решение о разрыве с Амстердамом, но рост коммунистического влияния в профсоюзах толкнул правых лидеров Конфедерации на дальнейшие контакты с амстердамцами и усиление борьбы против коммунистов в своих рядах³.

Активизация профсоюзов на международной арене сказалась также в появлении нового профсоюзного центра: в июне 1920 г. на конгрессе в Гааге 98 делегатов из 10 стран образовали *Международную конфедерацию христианских профсоюзов* (МКХП). Она объединяла 15 производственных секретариатов. Генеральным секретарем стал голландец Р. Серрарекс. Принятая на втором конгрессе (в Инсбруке в 1922 г.) экономическая программа основывалась на социальном учении католической церкви, призывала к установлению «с помощью христианских принципов мирового социального и экономического порядка». Новая организация враждебно относилась к социалистическому движению, отвергала классовую, а тем более революционную борьбу. В рядах МКХП насчитывалось свыше 3 млн. членов, в том числе в Германии — 1,1 млн., в Италии — 1 млн. Организации МКХП имелись также в Голландии, Бельгии, Венгрии, Испании, Австрии, Швейцарии, Чехословакии, Югославии⁴.

Борьба, развернувшаяся между реформистами и революционными синдикалистами в профсоюзном движении, была важной частью общей борьбы за влияние на массы между II и III Интернацио-

¹ «Report of the Special International Trade Union Congress», р. 38—41, 46—50, 55—59.

² Ibid., р. 59, 61.

³ См. Д. Канделоро. Профсоюзное движение в Италии. М., 1953, стр. 89—90.

⁴ См. L. Lorwin. Op. cit., р. 578—579, 600; М. Я. Домнич. Очерки истории христианского синдикализма. М., 1976, стр. 82—90.

налами. В профсоюзах, указывал ИККИ, объединены десятки миллионов пролетариев, и потому «получить на свою сторону профсоюзы — значит завоевать на свою сторону пролетариат»¹.

Однако попытки реформистских профсоюзных деятелей захватить в свои руки лидерство в международном рабочем движении встретили сопротивление со стороны руководителей центристских социалистических партий. Каутский рекомендовал всем «восстановителям» и «реконструкторам» для того, чтобы избежать «печального раздробления» движения или перехода инициативы к профсоюзам, не покидать II Интернационал или поскорее вернуться в него². Но у других центристских лидеров уже складывался более «хитрый» план спасения позиций социал-реформизма. Суть его состояла в выработке такой общей программы, которая, не выходя принципиально за рамки реформ, вобрала бы в себя самые распространенные требования революционных рабочих.

Еще весной — летом 1920 г. центристские руководители СФИО и НСДПГ, которые оказались в особенно трудном положении, поскольку значительные массы рабочих склонялись на сторону Коминтерна, обсуждали такой план с швейцарскими социал-демократами, а затем также с англичанами и австрийцами. В конце октября 1920 г. английская Независимая рабочая партия, Независимая социал-демократическая партия Германии, к которым присоединилась Социал-демократическая партия Швейцарии, выступили с предложениями о созыве конференции тех партий, которые оказались вне II и III Интернационалов.

Английские независимые считали, что на этой конференции нужно обсудить вопрос о создании такого «всемирного Интернационала, который предоставит рабочему движению каждой страны свободу развития в зависимости от ее особых экономических и исторических условий». Германские независимцы указывали на важность совместного обсуждения международной ситуации и «вопроса об Интернационале в связи с положением, создавшимся после Второго конгресса Коммунистического Интернационала». Швейцарские социал-демократы прямо сформулировали наступательную задачу: партии, которые не согласны с «21 условием», но тем не менее хотят примкнуть к Коминтерну, должны сообща добиться такого пересмотра этих условий, «которое обеспечило бы возможность международного объединения революционных рабочих партий». Партийный съезд австрийской социал-демократии 7 ноября 1920 г. тоже высказался за созыв конференции для обсуждения путей и средств создания «мировой организации рабочего класса, объединяющей широкие массы классово сознательных пролетариев всех стран»³.

¹ «Коммунистический Интернационал», 1921, № 17.

² K. Kautsky. *Vergangenheit und Zukunft der Internationale*. Wien, 1920, S. 74—75, 86—88.

³ «Ежегодник Коминтерна». Пг.— М., 1923, стр. 33.

На основе этих предложений 5—7 декабря 1920 г. в Берне собралась предварительная конференция, в которой кроме названных инициаторов участвовали также СФИО, немецкие социал-демократы Чехословакии, русские меньшевики. Принятое воззвание щедро воспроизводило политические требования широких пролетарских масс. Оно содержало еще более радикальные фразы, чем документы амстердамцев. Так, в нем говорилось о необходимости собирания всех сил мирового пролетариата для борьбы за «социалистические конечные цели», предлагалось противопоставить господству капитала «собственную мировую политику». Задачами борьбы объявлялись: решительная защита Советской России от нападений империалистических держав Запада, содействие революционным движениям в странах Восточной и Центральной Европы, поддержка освободительной борьбы колониальных народов, сплочение всех революционных сил мира в борьбе против империализма.

Участники предварительной конференции решительно отмежевывались от всех существовавших международных организаций. Второй Интернационал, говорилось в воззвании, погиб, а Лондонский «так называемый Второй Интернационал» не способен объединить живые силы классово сознательного пролетариата. Он является лишь «фактором разрушения единства пролетарской классовой борьбы». В адрес же Коминтерна был выдвинут ряд ложных обвинений: ему приписывали стремление навязать рабочим партиям всех стран в качестве шаблона «большевистские методы», расколоть профсоюзное движение, лишив его всякой самостоятельности, и т. п. Таким образом, предлагалась вроде бы некая «промежуточная» позиция: ни социал-демократизм, ни коммунизм.

Разумеется, себя авторы воззвания объявляли самыми лучшими революционерами, защитниками национального и местного своеобразия, поборниками тщательного взвешивания «зрелости революционной ситуации» в каждой отдельной стране. Они высказывались даже за установление (иногда) пролетарской диктатуры в различных формах — в виде рабочих, солдатских и крестьянских Советов, профсоюзов и фабзавкомов, местных самоуправлений и т. п.¹

Характеризуя это воззвание, ИККИ заметил, что оно означает попытку построить «новый» Интернационал, притом «не второй и не третий, а — двухсполовинный». Об организованном принятии тех партий, которые стоят за этим воззванием, в III Интернационал не может быть и речи, ибо, как бы они ни прикрывались революционной фразой, они были и остаются врагами пролетарской революции и Советской России². Эту характеристику вскоре полностью подтвердил весь ход работы учредительной конференции *Международ-*

¹ «Protokoll der Internationalen Sozialistischen Konferenz in Wien vom 22. bis 27. Februar 1921». Wien, 1921, S. 5—7.

² См. «Коммунистический Интернационал», 1921, № 16.

ного рабочего объединения социалистических партий, которая состоялась в Вене 22—27 февраля 1921 г.

К семи партиям, подписавшим бернское воззвание, присоединились теперь еще русские левые эсеры, социал-демократы Югославии, Латвии, Литвы, Румынии, Венгрии, «Поалей-Цион». Открывая конференцию, Ф. Адлер говорил о намерении организаторов отмежеваться как от «наивного нетерпения» Москвы, так и от «скептического неверия» в социальную революцию со стороны Лондона. Ж. Лонге соответственно осуждал и «казарменную атмосферу» и «бездушный декаданс» (!?). Однако вскоре выяснилось, что отравленные стрелы направляются только в одну сторону: против Коминтерна.

В центральном докладе Ф. Адлера «Методы и организация классовой борьбы» не было критики душителей революции, именовавших себя «социалистами», разве что он назвал их «тупыми реформистами» и «фаталистическими демократами» (?), с которыми «мы никогда не согласимся». Зато коммунистам был предъявлен длинный каталог обвинений. Главное — якобы неправильное понимание ими исторической перспективы: коммунисты-де усмотрели «рычаг революции» в первой мировой войне, а опыт будто бы показал, что «при пынешней силе рабочего класса непосредственная победа пролетариата никак не возможна». Победу революции в России Адлер при этом просто сбрасывал со счетов, объявив, что «социальная революция сможет победить только тогда, когда она прежде всего возьмет верх в странах-победительницах, осуществится в странах не индустриально отсталых, а в самых развитых». К неприкрытому злорадству по поводу того, что темп мировой революции оказался медленнее, чем тот, который был «предсказан Москвой», Адлер добавил и прямую клевету, будто Коминтерн — «инструмент внешней политики Советской республики». Признавая, что поражение Советской России «означало бы победу мировой реакции», Адлер сделал, однако, ударение прежде всего на расхождении с Коминтерном относительно перспектив революции¹.

Фетишизируя тезис о сложности и разнообразии условий классовой борьбы в тех или иных странах, Адлер пытался сконструировать нечто среднее между «наивной верой в демократию» как в некую панацею и «слепой верой в диктатуру как в единственную возможность». Уже сама эта постановка вопроса возвращала по сути дела к позиции II Интернационала, противопоставлявшего «демократию вообще» диктатуре как таковой.

Более обстоятельно Адлер разъяснил свою точку зрения на примере Австрии. Мы имели здесь, говорил он, в течение целых двух лет возможность установить господство пролетариата, и притом в

¹ «Protokoll der Internationalen Sozialistischen Konferenz», S. 25—27.

любой форме, какую мы сочли бы желательной; «буржуазия была разоружена, а пролетариат стал фактически сильнейшим фактором». Так что же помешало установить власть рабочего класса? Можно ли вообще оправдать отказ от использования столь редкой возможности? По Адлеру выходило, что и можно и нужно: «Но хотя соблазн взятия власти пролетариатом был силен, особенно в тот момент, когда в соседних странах он установил диктатуру, наш пролетариат остался стойким...» Приписывая рабочим столь странную «стойкость», Адлер нашел, как ему казалось, не только объяснение, но и оправдание позиции социал-демократических лидеров, объективно равнозначной предательству не только соседней Советской Венгрии, но и возможностей революции в самой Австрии и других странах Европы. Причина заключалась, по его словам, в «инстинктивном, а позднее в совершенно сознательном понимании того, что вопрос о власти в стране зависит не только от соотношения сил в одной стране, но обусловлен также соотношением сил между пролетариатом и буржуазией в соседних странах, даже во всем мире». Адлер явно видел в международных условиях одну только негативную для революции сторону, игнорировал коренные изменения, происшедшие в мире в результате Октябрьской революции и укрепления позиций Советской России, переоценивал возможности империалистов Антанты и прочность буржуазного строя.

Адлер похвалялся также тем, что австрийская социал-демократия ловко сумела избежать внутреннего раскола (происшедшего в партиях Германии, Франции, Италии), что ей удалось даже рабочие Советы превратить из грозных органов революции в подобие дискуссионных клубов, которые могут «лишь в скромных пределах принимать общие решения». Он предложил и новый Интернационал создать не в виде международной партии, а наподобие такого «рабочего Совета»¹.

В ходе развернувшейся дискуссии один из лидеров НСДПГ, А. Криспин, еще больше заострил нападки на Коминтерн, а также внес свой вклад в выхолащивание идеи Советов, рассказав о германском опыте противопоставления «экономической» и «политической системы Советов». Он тоже оправдывал отказ пролетариата от борьбы за власть ссылкой на неблагоприятные международные условия. П. Фор, напомнив, что французские социалисты лишь после долгих колебаний покинули II Интернационал, выдвинул тезис, что вообще в социальной борьбе последних лет «нет ничего нового». Это прозвучало настолько ретроградно, что вызвало возражения. Лейборист Э. Шинуэлл отрицал значение рабочих Советов если не для Германии и Франции, то уж безусловно для Англии, требовал предоставить всем партиям в новом Интернационале полную автономию.

¹ «Protokoll der Internationalen Sozialistischen Konferenz», S. 27—31.

Ж. Кунфи оперировал трагическим опытом Венгрии для обеления правых лидеров социал-демократии. Виновными в гибели Советской республики были якобы вовсе не они, а объективные условия, «перенесение коммунистами методов русской революции» и даже... пассивность рабочих масс¹. Враждебность выступавших по отношению к революции, Советской России была столь явной, что, как заметил Р. Гримм (Швейцария), дебаты свелись к «отражению нападков Москвы» (?), тогда как в первую очередь следовало все же вести борьбу против буржуазии².

В ходе дискуссии об империализме и социальной революции (докладчик Р. К. Уолхед) и о международной борьбе против контрреволюции (докладчик Г. Ледебур) было произнесено немало громких слов. Р. Гильфердинг возмущался притеснением Германии Версальским миром; Ж. Кунфи выражал протест против хортистского террора; О. Бауэр описывал бедственное положение Австрии, зависящей от милости Антанты, и отрицал предательство венгерской революции его партией. Впрочем, это нисколько не помешало ему поучать французских социалистов, что долг интернационалистов прежде всего критиковать собственную буржуазию, собственный империализм, вести против них самую решительную борьбу³.

В принятых резолюциях Венская конференция утверждала, будто Международное рабочее объединение социалистических партий имеет целью подготовить создание такого Интернационала, который объединял бы *весь* революционный пролетариат. Центристская позиция формулировалась в виде максимы, что Интернационал не должен ни ограничивать борьбу пролетариата «применением демократических методов, как это делает ныне так называемый Второй Интернационал» (столь «деликатно» изображались враждебные революции действия его партий), ни предписывать пролетариату «шаблонное подражание методам русской крестьянско-рабочей революции, как того хочет Коммунистический Интернационал» (так извращенно рисовались решения последнего). Хотя Ледебур, закрывая конференцию, отрицал «восточную или западную ориентацию» Венского Интернационала, а решения содержали призывы к «созданию революционного пролетарского единого фронта против капитализма и

¹ Венгерские социал-демократы адресовали конференции подробный меморандум, подписанный бывшими народными комиссарами В. Бёмом, Ш. Гарбан, Ж. Кунфи и З. Ронаи. Они отрицали в нем свою вину, умалчивая о закулисных переговорах, которые сами вели с Антантой. Союз с коммунистами они изображали как вынужденный: они, мол, хотя и сознавали неизбежность гибели пролетарской диктатуры, будто бы не хотели стать на путь «контрреволюционной политики à la Носке» («Protokoll der Internationalen Sozialistischen Konferenz», S. 121—131).

² Ibid., S. 34—35.

³ Ibid., S. 95—193.

империализма» в национальном и международном масштабе ¹, основной тон Венской конференции не оставлял сомнений: ее участники твердо решили идти в фарватере социал-реформизма.

«Господа из II½ Интернационала, желая называться революционерами,— писал полгода спустя Ленин,— на деле оказываются при всяком серьезном положении контрреволюционными, ибо они... не верят в силы рабочего класса» ². Развитие пролетарской борьбы на Западе и победа молодой Советской республики в гражданской войне убедительно показали, что деятельность оппортунизма в любом его виде, пусть даже на словах выступающего за революцию и социализм (освобожденные и от реформизма и от коммунистических «шаблонов!»), способствует замедлению темпов революционной борьбы.

Хотя на Западе возникло в 1920 г. несколько центров рабочего движения (II и II½ Интернационалы, различные международные профобъединения), фактически все более очевидно складывались два главных потока: революционный, к которому относились те части рабочего класса и те его организации, которые спланивались под лозунгами коммунистов, и социал-реформистский, в котором на деле соединялись различные его отряды, занявшие позицию отказа от революции и борьбы за рабочую власть. Этот раскол, порожденный политикой правых лидеров бывшего II Интернационала и поддержанный их воспреемниками, ослаблял наступательную силу международного рабочего движения. Он облегчал буржуазии переход в контрнаступление, которое не заставило себя долго ждать.

¹ «Protokoll der Internationalen Sozialistischen Konferenz», S. 112—113, 115.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 105—106.

РАБОЧИЙ КЛАСС И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

КОМИНТЕРН И НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Победа Октября, а затем успехи Советской власти в борьбе с внутренней контрреволюцией и иностранной интервенцией в корне изменили обстановку, в которой развивалась национально-освободительная борьба народов колониальных и зависимых стран. Советская Средняя Азия, Казахстан, Закавказье стали первыми в мире территориями, где колониализм был уничтожен революционным путем. Тем самым было установлено практическое взаимодействие между рабочим и национально-освободительным движением, между борцами за социальное освобождение и борцами за национальную свободу.

Еще в начале XX в. В. И. Ленин, анализируя противоречия империализма, не только указал на «пробуждение Азии», но и все-сторонне обосновал вывод о том, что национально-освободительные революции станут важной составной частью процесса его крушения. По мере усиления революционно-освободительного движения в колониальных и зависимых странах дальнейшая конкретизация этого вывода становилась все более необходимой. В принятой VIII съездом РКП(б) (март 1919 г.) Программе говорилось, что развитие борьбы между пролетариатом и буржуазией в международном масштабе «с неизбежностью приводит к сочетанию гражданской войны внутри отдельных государств с революционными войнами как обороняющихся пролетарских стран, так и угнетаемых народов против ига империалистских держав»¹. Осенью 1919 г. Ленин снова вернулся к идее о необходимости соединения революционных потоков, рассматривая освободительные движения как один из этапов революций на Востоке: «Восстание *пролетариата* против буржуазии своей страны + восстание *народов* в колониях и зависимых странах... «Единый» угнетатель. Концентрация борьбы. Разнообразие этапов»².

Развивая эти мысли в своем докладе на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока (ноябрь 1919 г.), Ленин так сформулировал задачи, стоявшие перед революционерами колониальных и зависимых стран: «Если русским большевикам удалось пробить брешь в старом империализме, взять на себя не-

¹ «Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы». М., 1959, стр. 393.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 267.

обычайно трудную, но и необычайно благородную задачу создания новых путей революции, то вам, представителям трудящихся масс Востока, предстоит еще более великая и еще более новая задача». Теперь еще очевиднее, чем раньше, что социалистическая революция «никоим образом не будет состоять только в победе пролетариата в каждой стране над своей буржуазией», а будет также и «борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма»¹.

Период пробуждения сменяется теперь периодом «участия всех народов Востока в решении судеб всего мира», массы поднимаются как творцы новой жизни. «Вот почему я думаю,— продолжал Ленин,— что вам предстоит в истории развития мировой революции, которая будет, судя по началу, продолжаться много лет и потребует много трудов... слиться в этой борьбе с нашей борьбой против международного империализма». Ленин не скрывал от революционеров Востока ожидавших их трудностей. Прежде всего предстояло решить совершенно новую задачу, которая ранее не выдвигалась: «опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков». Опыт такого рода уже имелся в России, его надо было расширить и умело распространить, в том числе на более отсталые страны². «Русская революция показала,— говорил Ленин,— как победившие капитализм пролетарии, сплотившись с многомиллионной распыленной крестьянской массой трудящихся, победоносно восстали против средневекового гнета. Теперь нашей Советской республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма»³. Союз социалистической державы, рабочего класса капиталистических стран и национально-освободительного движения Ленин считал объективно необходимым для успеха всемирной революционной борьбы против объединенных сил империализма. Народы Востока должны сыграть в этом союзе выдающуюся роль⁴.

Ленин обратил также внимание революционеров Востока на слабость и малочисленность промышленного пролетариата в этих странах, на то, что большинство населения здесь представлено «не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета». Другая

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 326—327.

² Там же, стр. 328—329.

³ Там же, стр. 329.

⁴ См. там же, стр. 330—331.

характерная черта состоит в том, что национальная буржуазия только еще складывается и революционерам придется «базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов, и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание»¹. Поэтому следовало уделять особое внимание вовлечению в борьбу широких масс трудящихся, установлению взаимопонимания с революционными буржуазными националистами и демократами. Так, Ленин не только показал своеобразие расстановки движущих сил в национально-освободительном движении, но и наметил направление дальнейшего анализа.

Коммунистический Интернационал занялся этой чрезвычайно важной и сложной проблемой с момента своего основания. Уже Первый конгресс Коминтерна прошел при непосредственном участии (несмотря на трудные условия того времени, препятствовавшие приезду многих делегатов) представителей колониальных и зависимых стран². Осудив отказ Бернского Интернационала от социал-демократического лозунга «Вон из колоний!», Коминтерн в своей платформе записал, что будет «поддерживать эксплуатируемые народы колоний в их борьбе с империализмом, чтобы способствовать окончательному краху системы мирового империализма»³.

В Манифесте Коминтерна подчеркивалось, что в годы мировой войны угнетение народов колоний неизмеримо возросло, борьба против колониального рабства в наиболее развитых странах Востока приобретает ярко выраженный социальный характер. Освобождение колоний прямо связывалось с победой рабочего класса метрополий: «Колониальные рабы Африки и Азии! — говорилось в Манифесте. — Час пролетарской диктатуры в Европе пробьет для вас как час вашего освобождения»⁴.

Дальнейшая разработка проблем, о которых, как говорил Ленин, в то время ничего нельзя было прочесть «ни в одной коммунистической книжке», была связана с коллективным их обсуждением на Втором конгрессе Коминтерна. В нем участвовали, наряду с коммунистами западных стран, представители марксистских партий и групп Индии, Индонезии, Ирана, Китая, Кореи, Турции. Ленин сам взял на себя подготовку первоначального наброска тезисов по национальному и колониальному вопросам, обратившись

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 329—330.

² На Учредительном конгрессе Коминтерна трудящихся Турции и Персии представляло Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока. Присутствовали также делегаты от Китайской социалистической рабочей партии, Корейского рабочего союза (см. «Первый конгресс Коммунистического Интернационала. Март 1919 г.». М., 1933, стр. 251).

³ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М., 1970, стр. 134.

⁴ Там же, стр. 143—144.

ко всем товарищам с просьбой сделать исправления и дополнения, нужные для более полного уяснения «этих сложнейших вопросов»¹.

В своих тезисах Ленин прежде всего четко сформулировал исходные положения, принципиально отличавшие коммунистический подход к решению национального и колониального вопросов от буржуазно-демократического, реформистского и сектантского. Он указал, что обязательно необходимы: «во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных». Ленин считал, что «во главу угла всей политики Коминтерна... должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии»².

В этой общей борьбе первейший интернациональный долг рабочих и коммунистов передовых стран (особенно тех, от которых отсталые нации зависят в колониальном и финансовом отношениях) оказывать прямую, самую активную помощь «революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (например, в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях». В отношении наций наиболее отсталых, «с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений», речь должна идти о помощи, считал Ленин, «буржуазно-демократическому освободительному движению»³.

Ленин призывал внимательно и всесторонне учитывать исторические, национальные и социальные особенности освободительных движений, активно поддерживать их революционную направленность, разоблачать оппортунистические оценки и одновременно вести решительную борьбу с «перекрашиванием буржуазно-демократических освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма». Коммунистам нужно создать собственные организации, «идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме»⁴.

¹ См. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 41, стр. 161. Получив замечания от ряда советских партийных деятелей, а также представителей Болгарии, Германии, стран Востока, Ленин частично использовал их в своих выступлениях (см. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2).

² *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 41, стр. 162—163.

³ Там же, стр. 165—166.

⁴ Там же, стр. 167.

Для того чтобы воздействовать на массы, втягивающиеся в национально-освободительное движение, коммунистам и тем, кто намерен создать коммунистические партии, следует немедленно развернуть пропаганду идеи крестьянских Советов, Советов эксплуатируемых, Советов трудящегося народа. Ленин советовал при этом учесть опыт работы российских коммунистов в бывших колониях, например в Туркестане и других областях, где господствовали докапиталистические отношения, почти не было промышленного пролетариата и потому не могло быть и речи о чисто пролетарском движении. Русскому рабочему пришлось там самому взять на себя роль руководителя преобразований. И ему удалось «пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности». Практика при этом показала, что крестьяне, находившиеся в полуфеодальной зависимости, «отлично могут усвоить идею советской организации», ибо она проста и вполне применима «не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»¹.

Такой новый подход был обусловлен ситуацией, сложившейся в мире в результате победы Великого Октября, когда основным противоречием эпохи стало противоречие между империализмом и социализмом. Теперь, подчеркивал Ленин, «все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом»².

Принципиальная постановка Лениным национально-колониального вопроса встретила всеобщее одобрение. Но оказалось совсем нелегко согласовать различные точки зрения по трем существенным вопросам: о месте революции на Востоке в мировом революционном процессе, о ее характере и особенно об отношении к буржуазной демократии³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244—245.

² Там же, стр. 163.

³ Подробнее см.: «Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении» (далее — «Коминтерн и Восток»). М., 1969, стр. 89—90, 107, 118—125, 282—284; «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока». М., 1970, стр. 68—71; Н. Е. Королев. Разработка Лениным политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросам. — «Второй конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом идейных, тактических и организационных основ коммунистических партий». М., 1972, стр. 171—190; «Коминтерн и Восток. Критика критики. Против фальсификации ленинской стратегии и тактики в национально-

Среди западных партий наиболее отчетливо отрицательное отношение к поддержке буржуазно-демократического движения в колониях выразили члены итальянской делегации¹. А. Грациади попытался заменить тезис об активной помощи и поддержке этого движения заявлением о «действенном интересе» к нему. Серрати еще откровеннее заявил, что считает вообще всякую национально-освободительную деятельность буржуазно-демократических фракций не революционной, а служащей интересам империализма. «Истинная революция угнетенных народов может быть достигнута только при помощи пролетарской революции и советской власти, — говорил он, — а не при помощи поддержки (хотя бы косвенной, в форме временных союзов) коммунистами буржуазных партий, называемых революционно-националистическими. Подобного рода союзы могут привести только к затемнению сознания пролетариата, особенно в странах, еще мало закаленных в борьбе с капитализмом»².

Логика этой позиции была сугубо формальной и поверхностной. Она игнорировала то, что ввиду незрелости объективных условий — даже пролетарский авангард там еще не сложился — непосредственно пролетарская революция была в отсталых странах невозможна. В то же время национально-освободительное движение, руководимое национальной буржуазией, обладало большими революционными, прежде всего антиимпериалистическими, потенциями. В этих условиях отказ от поддержки этого движения был вовсе не «чистой» пролетарской классовой линией, как полагал Серрати, а сектантским отстранением от революционного действия. При квалификации позиции Серрати и Грациади на конгрессе не обошлось без резкостей³.

Значительно сложнее обстояло дело с позицией многих коммунистов стран Востока, грепивших «левизной». Они верили, что настало время ускорить революционные события, быть может, вооруженной рукой установить «пролетарскую власть» в Индии, Иране и ряде других стран. Некоторые вынашивали даже авантюристические планы военного похода в Индию из Средней Азии. При этом «левые» были искренне убеждены, что Коминтерн обязан под-

освободительном движении». М., 1973, стр. 72—82; А. Б. Резников. Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. Проблемы теории и истории. М., 1978, стр. 71—106; П. М. Шаститко. Ленинская теория национально-колониального вопроса (история формирования). М., 1979, стр. 190—207.

¹ Зная позицию итальянских товарищей, Ленин в записке Серрати выразил недоумение, почему ни один из них не пришел защищать ее в колониальной комиссии (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 244).

² «Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г.» (далее — «II конгресс...»). М., 1934, стр. 121—122, 155.

³ См. там же, стр. 155—161.

держивать только их, объявивших себя коммунистами, а не национально-освободительные движения, в которых участвуют широкие массы, в том числе и национальная буржуазия.

Столкнувшись с такими взглядами, Ленин предложил индийскому коммунисту М. Н. Рою предварительно согласовать, а затем представить в комиссию конгресса его собственные тезисы в качестве дополнительных. Ленин внес в них ряд поправок, принятых Роем. Как тот вспоминал впоследствии, во время беседы разногласия вызвал, кроме прочего, вопрос о роли Мохандаса Карамчанда Ганди. Рой видел в нем реакционера в социальном плане, хотя Ганди и выглядел революционером в политике; Ленин же считал, что Ганди как вдохновитель и вождь массового движения — революционер¹.

На заседании комиссии по национально-колониальному вопросу, состоявшемся под председательством Ленина 25 июля, дискуссия (в ней участвовали представители Кореи, Китая, Индии, Персии, Англии и других стран) шла прежде всего по вопросу о поддержке коммунистами революционного движения в колониях и полуколониях, во главе которого стоят буржуазные элементы. В краткой протокольной записи сказано: «Т. Рой приходит к заключению о необходимости исключения из пункта 11 тезисов по национальному вопросу того абзаца, где говорится о необходимости помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в восточных странах. Коммунистический Интернационал должен помогать исключительно созданию и развитию коммунистического движения в Индии, а Коммунистическая партия Индии должна заботиться исключительно об организации широких народных масс для борьбы за классовые интересы последних»².

На заседании комиссии Рой, явно преувеличивая роль стран Востока, в том числе Индии, в мировом революционном процессе, утверждал также, что «судьба революционного движения в Европе всецело зависит от хода революции на Востоке. Без торжества революции в восточных странах коммунистическое движение на Западе может быть сведено на нет. Мировой капитализм черпает свои главные ресурсы и свои доходы в колониях, главным образом в Азии... Ввиду этого необходимо перенести энергию на развитие и поднятие революционного движения на Востоке и принять за основной тезис, что судьба мирового коммунизма зависит от торжества коммунизма на Востоке»³.

¹ «M. N. Roy's Memoirs». Bombay, 1964, p. 379.

² «Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала», 1920, № 1, стр. 1—2.

³ Там же. Подобные взгляды высказывали в то время и другие деятели. Так, известный востоковед М. П. Павлович писал, что «отделение колоний от метрополии нанесет смертельный удар капитализму, перешибет позвоночник последнего» (М. Павло-

Возражая против этой точки зрения, Ленин говорил: «Индусские коммунисты обязаны поддерживать буржуазно-демократическое движение, не сливаясь с ним. Тов. Рой идет слишком далеко, утверждая, будто судьба Запада зависит исключительно от степени развития и силы революционного движения в восточных странах. Несмотря на то, что в Индии имеется пять миллионов пролетариев и 37 миллионов безземельных крестьян, индусским коммунистам не удалось до сих пор создать коммунистической партии в стране, и уже по этому одному взгляды т. Роя в значительной мере не обоснованы»¹. В этом вопросе Рою возражал и персидский делегат А. Султан-Заде, хотя и он принадлежал к «левым»².

Ленин терпеливо разъяснял коммунистам Востока суть марксистских положений по национально-колониальному вопросу. Так, поправки, внесенные им в тезисы Роя, сняли содержавшуюся в них мысль о пересмотре сложившихся представлений относительно возможного пути мировой революции, об «азиатском маршруте» ее развития. В соответствии с установкой Ленина акцент был сделан на совместных, объединенных действиях обоих революционных потоков.

Участники обсуждения единодушно решили заменить в тезисах слова «буржуазно-демократическое» понятием «национально-революционное» движение. Разъясняя смысл этой замены, Ленин указал, что, вне сомнения, «всякое национальное движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в остальных странах состоит из крестьянства», но коммунисты должны поддерживать не все такие движения, а только действительно революционные³.

Докладывая на пленарном заседании конгресса об итогах работы комиссии, Ленин указал, что были единогласно приняты (с изменениями) как его первоначальные тезисы, так и дополнительные тезисы Роя, так что «нам удалось прийти к полному единодушию по всем важнейшим вопросам». Серьезное значение тезисов Роя Ленин видел в том, что они написаны «главным образом с точки зрения положения Индии и других крупных азиатских народностей, угнетаемых Англией»⁴. В них теперь прямо говорилось о сотрудничестве коммунистов с буржуазными национально-революционными элементами⁵, а в ленинских тезисах — о необходимости «вступать во временные отношения, даже в союзы с буржуазной демократией

вич — М. Волонтер (Мих. Вельтман). Вопросы колониальной и национальной политики и III Интернационал. М., 1920, стр. 58).

¹ «Вестник 2-го конгресса», 1920, № 1, стр. 2.

² См. «II конгресс...», стр. 119.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 243.

⁴ Там же, стр. 241—242.

⁵ См. «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 204.

колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней»¹. Так, в итоге усилий Ленина выкристаллизовалась мысль, которую можно считать первоначальной формулировкой идеи единого антиимпериалистического фронта.

В ходе обсуждения национального и колониального вопроса на конгрессе были выработаны и другие важнейшие теоретические положения и практические рекомендации.

Серьезные дебаты на конгрессе развернулись по вопросу о перспективах развития бывших колоний. «Постановка вопроса, — рассказывал Ленин, — была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей». Коммунистический Интернационал, заключил Ленин, «должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»².

Этот вывод, явившийся творческим развитием идей Маркса и Энгельса, применительно к новым историческим условиям, открывал перед многими народами реальные перспективы создания социалистического строя без прохождения ими «полного цикла» капиталистического развития, ориентировал отсталые страны на союз с международным пролетариатом, и прежде всего со страной победившего социализма.

Большое внимание конгресс уделил проблемам пролетарского интернационализма и его конкретного преломления в колониях и полуколониях империализма. Ленин требовал от коммунистов безусловного признания права на самоопределение и одновременно призывал вести бескомпромиссную борьбу как с отказом некоторой части рабочих метрополий помогать поработленным народам в их восстаниях против империализма, так и с «наиболее закоренелыми мелкобуржуазными национальными предрассудками» (расовая ненависть, национальная травля, антисемитизм), с национальным эгоизмом, паназиатизмом, панисламизмом, сионизмом и т. п. Ленин призывал коммунистов относиться «с особенной осторожностью и с особенным вниманием» к национальным чувствам, идти на извест-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 201.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 245—246.

ные уступки. «Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено»¹.

В целом II конгресс Коминтерна внес крупный вклад в разработку важнейших проблем рабочего и освободительного движения в колониях и полуколониях империализма. Вместе с решениями по аграрно-крестьянскому вопросу принятые документы были важным вкладом в разработку международным коммунистическим движением стратегии и тактики, проблем гегемонии пролетариата и роли его союзников в мировом революционном процессе.

Знаменательным шагом на пути к конкретному соединению международного рабочего движения с национально-освободительной борьбой народов колоний и полуколоний стал созванный ИККИ 1—8 сентября 1920 г. в Баку Первый съезд народов Востока. Это был представительный форум, в работе которого участвовало около 2050 делегатов, присутствовали коммунисты Европы, Америки и Азии, представители национальных движений, мелкобуржуазных партий 45 национальностей. В повестке дня съезда стояли вопросы: международное положение и задачи трудящихся масс Востока; национально-колониальный вопрос; аграрный вопрос; о советском строительстве на Востоке и др.² Среди его организаторов были Г. Е. Зиновьев, Г. К. Орджоникидзе, Е. Д. Стасова, Н. Н. Нариманов, А. И. Микоян, Х. Г. Султан-Галиев.

Прошедший в обстановке большого энтузиазма, съезд продемонстрировал поддержку делегатами решений Коминтерна, стремление народов колоний и зависимых стран осуществлять их на практике. Именно здесь впервые прозвучал лозунг «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!». Когда Ленина позднее спросили об этом, он ответил: «Конечно, с точки зрения «Коммунистического Манифеста» это неверно, но «Коммунистический Манифест» писался при совершенно других условиях, но с точки зрения теперешней политики это верно»³.

Съезд принял Манифест к народам Востока, послания к рабочим Европы, Америки и Японии, содержавшие призыв решительно бороться с колониализмом и расизмом. Центральную мысль всех выступлений и документов болгарский участник съезда Н. Шаблин выразил в словах: «Против единого фронта угнетателей-империалистов мы выставим единый фронт угнетенных и поработченных народов всего мира». В избранный на съезде Совет пропаганды и действия,

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 200, 202.

² Подробнее см.: Г. З. Соркин. Первый съезд народов Востока. М., 1961; П. М. Шаститко. Коминтерн и I съезд народов Востока.— «Народы Азии и Африки», 1979, № 2.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 71—72.

призванный поддерживать и объединять освободительные движения. вошли многие выдающиеся представители революционного движения стран Востока ¹.

Оценивая значение объединения трудящихся Запада и Востока. Ленин говорил: «Что сделали съезд коммунистов в Москве и съезд коммунистических представителей народов Востока в Баку,— этого нельзя сразу измерить, это не поддается прямому учету, но это есть такое завоевание, которое значит больше, чем другие военные победы, потому что оно показывает нам, что опыт большевиков. их деятельность, их программа, их призыв к революционной борьбе против капиталистов и империалистов завоевали себе во всем мире признание» ².

Вместе с тем на съезде народов Востока некоторые делегаты высказывали явно левацкие взгляды. Так, они считали возможным «подтолкнуть» революцию на Востоке «извне», преувеличивали размах и глубину революционного движения, усматривали в Азии центр, где решается судьба мировой революции. О живучести левацких настроений и взглядов среди части коммунистов стран Востока свидетельствовал также доклад о положении в Индии, представленный ИККИ М. Н. Роем в начале 1921 г. По мнению автора, движение в Индии имело лишь национальную окраску, а фактически носило пролетарски-революционный характер. Эта явная переоценка глубины революционного движения не нашла поддержки в ИККИ, который отверг предложенную концепцию ³. Позже Рой и Султан-Заде разработали и представили Третьему конгрессу Коминтерна свои проекты тезисов, в которых вновь преувеличивались силы и возможности национально-освободительного движения на Востоке. Но созданная конгрессом комиссия по Восточному вопросу постановила «сохранить принципы, выработанные в прошлом году» и не принимать специальной резолюции ⁴.

По инициативе Коминтерна в январе — феврале 1922 г. в Москве состоялся I съезд народов Дальнего Востока, на котором присутствовали представители революционных организаций и групп Японии,

¹ «1-й съезд народов Востока. Баку, 1—8 сентября 1920 г. Стенографические отчеты». Пг., 1920, стр. 107. В Совет было избрано 48 представителей 21 национальности. Он издавал журнал «Народы Востока» на русском, турецком, персидском и арабском языках. При содействии Совета в 1921 г. в Москве был создан Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (см. П. М. Шаститко. Коминтерн и I съезд народов Востока, стр. 48).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 357.

³ См. «Третий конгресс Коминтерна. Развитие конгрессом политической линии коммунистического движения. Коммунисты и массы». М., 1975, стр. 34—36.

⁴ См. «Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». Пг., 1922, стр. 479.

Китая, Кореи, Индонезии, Индии, Монголии, народов Сибири. Съезд выразил солидарность с решениями конгрессов Коминтерна по национальному и колониальному вопросам, принял ряд постановлений, в которых намечались конкретные меры по установлению единства действий трудящихся в борьбе против империализма и колониального угнетения. В этой борьбе важное место должны были занять выступления трудящихся Японии. Съезд заявил, что «только в союзе с международным пролетариатом поработенные империализмом трудящиеся массы Дальнего Востока смогут добиться своего национального и социального освобождения»¹. Съезд был важным практическим шагом в конкретизации и реализации решений Второго конгресса Коминтерна.

Большое значение для развития рабочего движения в зависимых и колониальных странах имел Четвертый конгресс Коммунистического Интернационала, обстоятельно проанализировавший состояние национально-освободительной борьбы, которая продолжала разрастаться. Оценивая сложившуюся обстановку, конгресс указал, что «перед коммунистическими и рабочими партиями колоний и полуколониальных стран стоит двуединая задача: с одной стороны, они борются за наиболее радикальное решение задач буржуазно-демократической революции, направленной на завоевание государственно-политической независимости; с другой стороны, они организуют рабочие и крестьянские массы для борьбы за их специально классовые интересы, используя при этом все противоречия в националистическом буржуазно-демократическом лагере»².

Первостепенной задачей рабочего класса на Востоке конгресс считал создание в колониях и полуколониях ядра коммунистических партий, которые должны всемерно поддерживать национально-освободительные восстания и бороться за гегемонию пролетариата, пробуждать социалистическое сознание в среде рабочих и усиливать их движение за свои права. Конгресс подчеркнул необходимость выдвижения лозунгов, которые способствовали бы смычке крестьянских и полупролетарских масс с рабочим классом, а также упрочению союза с международным пролетариатом и советскими республиками. В тезисах по Восточному вопросу говорилось, что пролетариат колониальных стран может подготовиться к роли политического вождя, только проделав длительную работу «над самим собой и смежными с ним общественными слоями». Тезисы предупреждали, что «отказ коммунистов колоний от участия в борьбе с империалистическим насилием, под предлогом якобы «защиты» самостоятельных классовых интересов, является оппортунизмом худшего вида, могущим лишь дискредитировать пролетарскую революцию на Во-

¹ «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, стр. 181.

² «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 476.

стоке. Не менее вредной должна быть признана и попытка устраниться от борьбы за насущные и повседневные интересы рабочего класса во имя «национального единения» или «гражданского мира» с буржуазными демократами»¹.

Конгресс выдвинул в качестве центрального лозунга освободительной борьбы на колониальном Востоке лозунг *единого антиимпериалистического фронта*. По мнению международного форума коммунистов, программа такого фронта должна содержать требования завоевания национальной независимости, провозглашения республики, уничтожения всех и всяческих феодальных прав и привилегий, проведения аграрной реформы, принятия прогрессивного рабочего законодательства, демократизации общественной жизни и т. д. Эти требования в совокупности составляли содержание антиимпериалистической и антифеодальной революции. Главным условием успеха осуществления такой программы являлось установление прочного союза антиимпериалистических революций на Востоке с советскими республиками и международным рабочим движением.

Характеризуя разнообразие социально-экономических и политических условий в колониальных и зависимых странах, конгресс определял антиимпериалистические потенции различных слоев и групп населения: пролетариата, пока малочисленного и слабо организованного, широких масс крестьянства и городской бедноты национальной буржуазии. Отметив непоследовательность позиции национальной буржуазии в демократической революции и ее своекорыстные цели, конгресс вместе с тем указал на ее заинтересованность в осуществлении основных задач революции.

Развивая ленинские положения о национально-освободительных революциях, конгресс пришел к важному выводу: «Рабочее движение колониальных и полуколониальных стран прежде всего должно завоевать положение самостоятельного революционного фактора в общем антиимпериалистическом фронте. Лишь на основе признания за ним этого самостоятельного значения и при сохранении им полной политической независимости допустимы и необходимы временные соглашения с буржуазной демократией»².

Конгресс обратил внимание коммунистов на аграрно-крестьянский вопрос на Востоке. Крестьянство является естественным союзником пролетариата, а его роль в колониях и полуколониях особенно велика. Без прочного союза рабочего класса с крестьянством не могут быть успешными национально-освободительные и революционные движения. Для установления такого союза необходима четкая, ясная, доходящая до широких масс трудящихся по-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 475—476.

² Там же, стр. 476.

становка проблемы уничтожения феодализма и его остатков в экономике. Конгресс обязал коммунистов Востока расширять и укреплять их связи с массами и участвовать во всяком движении, открывающем им доступ к массам. Разработка Четвертым конгрессом Коминтерна тактики единого антиимпериалистического фронта существенно обогатила теорию мирового революционного процесса.

Конгресс принял специальную резолюцию по негритянскому вопросу, в которой указывалось, что враг негритянской расы и враг белых рабочих один и тот же — капитализм и империализм. Коминтерн, считая себя не только революционным представителем белых рабочих и крестьян Европы и Америки, но «в равной мере и организацией угнетенных цветных народов всего мира», призвал к созданию международного освободительного движения «в Америке, как центре негритянской культуры и негритянского протеста; в Африке, где находится запас неиспользованного человеческого труда для будущего развития капитализма; в Центральной Америке (Коста-Рика, Гватемала, Колумбия, Никарагуа и другие «независимые республики»), где господствует американский империализм; в Пуэрто-Рико, Гаити, Сан-Доминго и на других островах, омываемых водами Карибского моря, где жестокое обращение с нашими черными братьями со стороны американских оккупантов вызывает повсеместный протест сознательных негров и революционных белых рабочих»¹.

Наряду с коллективной разработкой основных теоретических проблем Коминтерн систематически оказывал большую практическую помощь рабочему движению разных стран Азии, Африки, Латинской Америки. Прежде всего он содействовал организации авангарда рабочего класса — формированию самостоятельных коммунистических и рабочих партий, становление которых знаменовало рождение современного коммунистического движения. Процесс этот в слаборазвитых странах протекал более сложно и противоречиво, чем в странах Запада.

В беседе с делегацией Монгольской Народной Республики, посетившей Ленина в конце 1921 г., он приветствовал создание Народно-революционной партии, партии монгольских аратов, а на вопрос, не следует ли ей «превратиться в коммунистическую», ответил: «Я этого не рекомендую, так как «превратиться» одной партии в другую нельзя... Много еще надо будет поработать революционерам над своим государственным, хозяйственным и культурным строительством, пока из пастушеских элементов создастся пролетарская масса, которая впоследствии поможет «превращению» народно-революционной партии в коммунистическую. Простая перемена вывески вредна и опасна»².

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 454.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 233.

Ко времени Второго конгресса Коминтерна уже существовали партии в Аргентине, Мексике, Иране, Турции, Индонезии, Египте, алжирская и тунисская секции Коммунистической партии Франции. В последующие годы сложились партии в Австралии, Уругвае, Китае, Южно-Африканском Союзе, Бразилии, Чили, Индии и на Кубе.

Вступая в Коммунистический Интернационал, партии брали на себя добровольное обязательство работать в этой организации коммунистов мира, а Коминтерн со своей стороны рассматривал партии как братские и равноправные. Каждая партия, участвовавшая в работе Коминтерна, вносила посильный вклад в решение проблем мирового революционного движения и получала бескорыстную помощь от других партий, учитывая их опыт, оказывая содействие их борьбе.

Образование коммунистических партий и объединение их в Коминтерне способствовали активизации сил национального освобождения, росту политической сознательности трудящихся. Многие компартии уже в начале 20-х гг. своей самоотверженной борьбой против империализма и колониализма, за национальную независимость вносили в массовое движение организованность и целеустремленность. Это создавало необходимые предпосылки будущего освобождения угнетенных народов.

Вместе с тем Коммунистический Интернационал ориентировал все партии на глубокое изучение и всесторонний учет достигнутого на том или ином континенте, в каждом регионе и в отдельной стране уровня социального и национального развития. Ленин и Коминтерн многократно предупреждали коммунистов, что механическое заимствование форм и методов борьбы более развитых стран может привести к неудачам в странах с отсталыми общественными отношениями, способно даже дискредитировать саму идею социализма.

КЛАССОВЫЕ БИТВЫ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Большинство стран Латинской Америки по характеру социально-экономических отношений и уровню политического развития занимали промежуточное место между капиталистическими странами и полуколониями, к которым Ленин относил в Азии Персию, Китай, Турцию¹. К началу XX в. страны Латинской Америки превратились в аграрно-сырьевой придаток империалистических держав. Хотя капитализм и стал определяющим фактором их социально-экономического развития, они по-прежнему несли бремя пережитков докапиталистических отношений. При этом уже на рубеже XIX и XX вв. четко обозначились различия в уровне и темпах развития отдельных

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 377.

стран. Одни завершали процесс классовообразования, характерный для буржуазного общества (Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили, Уругвай), в других капитализм все еще пробивал себе дорогу сквозь толщу феодальных и полуфеодальных порядков (Боливия, Парагвай, центральноамериканские республики). В соответствии с этим и зрелость классовых противоречий, и формы борьбы трудящихся масс в различных районах Латинской Америки были неодинаковы.

В годы первой мировой войны в крупнейших странах континента в основном завершилось формирование пролетариата как класса. В Аргентине число промышленных рабочих превысило 400 тыс., в Бразилии — 300 тыс., в Мексике в промышленности и на транспорте было занято до 500 тыс. Быстро росла численность наемных рабочих и в других странах. Менялся состав пролетариата: сокращение европейской иммиграции привело к увеличению доли местных элементов. Складывался костяк фабрично-заводского пролетариата из потомственных рабочих, родившихся на американской земле, стирались межнациональные перегородки. Крепло профсоюзное движение в Мексике, Аргентине, Уругвае, Бразилии, на Кубе, усиливались политические организации социалистического направления. Некоторые из них, например Социалистическая рабочая партия Чили, развились преимущественно на марксистской основе. Но рабочее движение в целом оставалось под сильным влиянием анархистских, синдикалистских и реформистских течений.

Правда об Октябрьской революции пробивалась в Латинскую Америку через полицейские кордоны и извращения буржуазной печати. Она будила энтузиазм трудящихся, толкая их на усиление революционной борьбы, побуждала латиноамериканских революционеров по-новому взглянуть на собственный опыт классовых боев. Уже в 1917—1918 гг. революционный подъем, распространившийся из России, захватил Аргентину, Бразилию, Уругвай, Чили, Мексику, Кубу и другие страны.

Наибольшей глубины и размаха достигла в эти годы борьба рабочих *Аргентины*. К началу века она шагнула дальше других стран континента по пути капиталистического развития. Однако господствующие позиции занимал не национальный, а иностранный капитал. К концу первой мировой войны компании США владели 58,5% всей мясохладобойной промышленности — важнейшей отрасли аргентинской экономики, 29% принадлежали английскому капиталу и только 12% — местной буржуазии¹. Поэтому борьба пролетариата объективно с самого начала имела антиимпериалистическую направленность.

К январю 1919 г. стачечная волна поднялась особенно высоко. В Буэнос-Айресе в ответ на нападение полицейских провокаторов

¹ См. «Очерки истории Аргентины». М., 1961, стр. 276.

на участников рабочего митинга началась всеобщая забастовка. Похороны жертв этого нападения превратились в 200-тысячную демонстрацию, против которой было вновь применено оружие. Рабочие овладели арсеналом и повели баррикадные бои с полицией и войсками. Только с помощью артиллерии удалось одолеть составших, потерявших на баррикадах более 5 тыс. человек убитыми и ранеными. Поражение рабочих Буэнос-Айреса объяснялось в значительной степени нерешительным поведением анархистских руководителей, которые втайне от рабочих начали переговоры с правительством. В 1921 г. власти вновь применили оружие — на этот раз против сельскохозяйственных рабочих Патагонии. Чем острее становилась стачечная борьба, тем заметнее руководители политических и профессиональных организаций пролетариата обнаруживали неспособность возглавить движение и повести его по революционному пути. Кризис в руководстве обострился в связи с расхождениями в оценке Октябрьской революции.

Восторженно встретили Октябрь левые в Социалистической партии Аргентины, выступившие за развертывание в стране движения солидарности с Советской Россией. Ускорился процесс их размежевания с правым крылом, которое росло за счет притока в партию мелкобуржуазных элементов¹. В то время как лидеры оппортунистического течения (Ди Томасо, Хуан Б. Хусто и др.) не останавливались перед прямой клеветой на большевиков, левые все более осознавали необходимость создания подлинно революционной партии рабочего класса. В январе 1918 г. они основали Интернационально-социалистическую партию, которая в апреле 1919 г. заявила о присоединении к Коминтерну, а с декабря 1920 г. стала называться Коммунистической партией Аргентины. Во главе ее стояли такие выдающиеся революционеры, как Р. Гиольди, В. Кодовилья, А. Кун. Э. Мюллер, Л. Э. Рекабаррен. Аргентинские коммунисты, твердо придерживаясь линии, выработанной Коминтерном, вели решительную борьбу с реформистскими и синдикалистскими настроениями в своих рядах². Коммунистическая газета «*Ла Интернасьональ*», развернув кампанию за ежемесячное отчисление рабочими в ее фонд полудневной зарплаты, обеспечила свое преобразование в ежедневную. Это позволило компартии Аргентины наладить обмен опытом с коммунистами других стран Латинской Америки.

В марте 1922 г. был создан Союз профсоюзов Аргентины (УСА), в который вошло большинство профсоюзных организаций. прежде всего те, где ведущие позиции занимали коммунисты. Но руководство УСА не освободилось от синдикалистских взглядов. поддерживало противников единого фронта и утверждало свою «не-

¹ См. *F. Muñoz Diez. A cincuenta años del «frentismo»*. — «*Nueva era*» (Buenos Aires), 1972, N 9, p. 252—256.

² См. *Р. Гиольди. Избранные статьи и речи*. М., 1974, стр. 36.

зависимость» от политических партий и международных центров¹. Такая позиция УСА отрицательно сказывалась на борьбе рабочих.

Нарастание классовой борьбы происходило и в *Уругвае*. В мае 1917 г. вспыхнули забастовки на мясохладобойнях района Серро. Поскольку удар пришелся по важнейшей отрасли хозяйства, власти сразу же приняли жесткие меры, не дожидаясь, пока забастовочная борьба охватит всю страну. Против демонстрантов были двинуты войска, начались аресты рабочих активистов, закрывались помещения рабочих организаций. В ответ на действия властей основное профсоюзное объединение — Региональная федерация рабочих Уругвая (ФОРУ) — объявило 27 мая 48-часовую забастовку. Но слабая подготовка, расчет руководства на стихийные действия рабочего класса не позволили установить единство трудящихся. ФОРУ не имела связи с непролетарскими слоями трудящихся, с движением крестьян, произошли лишь разрозненные выступления отдельных отрядов пролетариата. Власти смогли справиться с забастовками на бойнях и сбить стачечную волну.

После победы Октября в рабочем классе Уругвая стали расти чувства горячей симпатии к российскому пролетариату. Полиция силой разгоняла митинги солидарности с революционной Россией. В 1918—1919 гг. по стране вновь прокатилась волна стачек, охвативших рабочих мясохладобоев, портов, текстильных фабрик. Обозначился явный разрыв между боевым настроением масс и оппортунистической линией руководителей рабочих организаций — правых социалистов, синдикалистов и анархистов. Отрицательно сказывалось также воздействие буржуазно-националистической идеологии — «батльизма» (по имени президента Х. Батлье-и-Ордоньеса), в основе которой лежала проповедь классового мира². Это заставило уругвайских социалистов серьезным образом пересмотреть свои идейно-политические позиции. На «левых» произвела большое впечатление победа пролетариата в России. Перед их глазами стоял также пример левых аргентинских социалистов, порвавших с оппортунистами и присоединившихся к Коммунистическому Интернационалу. Дискуссия, предшествовавшая VIII съезду Социалистической партии Уругвая (сентябрь 1920 г.), показала, что большинство рядовых членов стоит за переход партии на коммунистические позиции. Правые социалисты во главе с Э. Фругони вынуждены были отступить. В апреле 1921 г. Чрезвычайный съезд партии подавляющим большинством голосов высказался за переименование партии в Коммунистическую партию Уругвая и одобрил Условия приема в Коминтерн³. Столь убедительная победа левых социалистов объяс-

¹ См. *Р. Искарро*. Рабочее и профсоюзное движение Аргентины: история и развитие. М., 1978, стр. 175.

² См. *Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шульговский*. Революционные процессы в Латинской Америке. М., 1974, стр. 163.

³ Датой основания партии считается 21 сентября 1920 г.

нялась и тем, что (в отличие от Аргентины) социалистическая партия была слабо связана со II Интернационалом, в ней не было авторитетных лидеров-реформистов¹. На IV конгрессе Коминтерна компартию Уругвая представлял делегат с решающим голосом.

В Чили ведущую роль в революционной борьбе играли рабочие добывающей промышленности. Выступления горняков, тяжко страдавших в голодный 1918 год, переросли в ряде мест в кровопролитные сражения. В январе 1919 г. восставшие рабочие Пуэрто-Наталес несколько дней с оружием в руках удерживали власть в городе. Огромное впечатление на всю страну произвела 100-тысячная демонстрация в Сантьяго против голода и нищеты в августе 1919 г. Стачки и демонстрации продолжались и в последующие годы; среди них особое значение имели стачки селитрянников против закрытия рудников в Сан-Григорио в 1921 г., потопленные в крови.

Укреплялись позиции левого крыла Социалистической рабочей партии Чили, которое возглавил видный деятель рабочего движения всей Латинской Америки Л. Э. Рекабаррен. Оно повело за собой основной профцентр страны — Рабочую федерацию Чили (ФОЧ), которая в 1921 г. вступила в Профинтерн. В январе 1922 г. Социалистическая рабочая партия на IV съезде в Ранкагуа была преобразована в Коммунистическую партию Чили и вошла в Коммунистический Интернационал. Для становления КПЧ как партии нового типа с самого начала большое значение имели ее теснейшие связи с рабочим движением; она была по составу самой пролетарской партией в Латинской Америке.

В Бразилии в июне 1917 г. начались забастовки в важнейшем промышленном районе страны — штате Сан-Паулу, охватившие до 80 тыс. рабочих. Стачечники, доведенные до отчаяния голодом и притеснениями хозяев, готовы были на самые решительные действия. Понимая, что власти могут бросить против них армию, организаторы стачки обратились с воззванием к солдатам, в котором гневно обвинили крупнейших предпринимателей в жестокой эксплуатации рабочих. Новая вспышка забастовочного движения охватила Бразилию в конце 1918 г., когда в Рио-де-Жанейро и ряде других городов строили баррикады. На пролетарской окраине столицы была провозглашена Рабочая республика. В ответ правительство ввело осадное положение. Активные выступления трудящихся продолжались и в последующие годы. Большого накала стачечная борьба достигла в октябре 1919 г., когда совместно выступили рабочие Сан-Паулу, Сантоса, Кампинуса и Сорокабо. На забастовщиков обрушились жестокие репрессии, более 100 рабочих активистов были высланы из страны².

¹ См. *Р. Пинтос*. Профсоюзное движение в Уругвае. М., 1964, стр. 150.

² См. *Е. Диас*. História das lutas sociais no Brasil. São Paulo. 1962.

Если в Аргентине, Уругвае и Чили подъем рабочего движения под влиянием революционных событий привел к переходу на позиции Коммунистического Интернационала значительной части социалистов, уже знакомых с теорией марксизма, то в Бразилии коммунистические группы складывались преимущественно из революционных синдикалистов, горячо откликнувшихся на пролетарскую революцию в России. Наибольшую активность проявили они в штате Риу Грандиду-Сул, где действовали Коммунистическая лига освобождения и Рабочий союз, руководители которых были знакомы с марксизмом¹. Сначала эти и подобные им организации в других районах страны занимались преимущественно пропагандистской деятельностью в локальном масштабе, но, окрепнув, стали обнаруживать тенденцию к объединению. Этот процесс собирания революционеров-марксистов в партию завершился в марте 1922 г. Большую роль в создании Коммунистической партии Бразилии сыграли А. Перейра, О. Брандао и другие интернационалисты.

Сразу же после образования компартия вынуждена была уйти в подполье, ибо, подавив антиправительственное выступление военных в Рио-де-Жанейро в 1922 г., власти вскоре перешли к репрессиям против прогрессивных организаций. В этих условиях партии пришлось вести нелегкую борьбу против анархистских и синдикалистских настроений в своих рядах. «Революционные рабочие профсоюзы, — писал А. Перейра, — в среде которых зародилась партия, представляли собой организации анархистского направления, ультралиберальные по структуре, исключавшей какую-либо форму единого централизованного руководства»². Поэтому, хотя принципы демократического централизма и вошли в устав партии, они не сразу стали ее организационной основой.

После окончания *Мексиканской* революции 1910—1917 гг. рабочий класс продолжал борьбу за свои права, требуя неукоснительного выполнения положений конституции 1917 г. и улучшения материального положения. Всеобщие стачки провели ткачи и нефтяники. Власти обрушили на рабочие организации суровые репрессии: был запрещен «Дом рабочих мира» — наиболее авторитетная организация рабочего класса, а его руководители брошены в тюрьмы или убиты³. Большой вред рабочему движению нанесло реформистское руководство Мексиканской региональной рабочей конфедерации (КРОМ), тесно связанное с Американской федерацией труда. КРОМ стремилась парализовать революционную инициативу трудящихся масс, фактически подчиняя свою деятельность интересам буржуазии.

¹ См. Б. И. Коваль. История бразильского пролетариата (1857—1967). М., 1968, стр. 127.

² А. Pereira. Formação do PCB. 1922/1928. Notas e Documentos. Rio de Janeiro, 1962, p. 33.

³ См. «Очерки истории Мексики». М., 1960, стр. 312.

Острая борьба между революционным и реформистским направлениями в рабочем движении развернулась на I Национальном социалистическом конгрессе, проходившем в Мехико с 25 августа по 4 сентября 1919 г. На конгрессе, где были представлены профсоюзы и партии различной политической окраски, революционные силы дали решительный бой оппортунистам. Вопреки сопротивлению лидеров КРОМ конгресс принял боевую Декларацию принципов революционного социализма, в которой говорилось, что социалистическое движение в Мексике будет бороться за полное уничтожение капиталистического строя посредством осуществления социальной революции¹. Эта победа над реформистами способствовала консолидации революционного настроения активистов рабочего движения. В сентябре 1919 г. отдельные марксистские группы объединились в Коммунистическую партию Мексики. Партия активно участвовала в создании в 1921 г. Всеобщей конфедерации трудящихся, призванной ограничить влияние КРОМ на рабочий класс. Коммунисты включились и в общедемократическое движение за проведение в жизнь положений конституции 1917 г., поддерживали правительство генерала Обрегона, когда против него в 1923 г. подняли мятеж клерикально-феодальные силы.

Движение масс на Кубе носило отчетливо выраженный антиимпериалистический характер — трудящиеся требовали удаления вооруженных сил США, проведения независимой внешней политики, мер по ограничению деятельности американских монополий, хозяйничавших в экономике. Особенно боевой была всеобщая забастовка в марте 1919 г. в Гаване. В начале 20-х гг. профсоюзы на Национальном рабочем конгрессе выступили за участие в деятельности Латиноамериканского бюро III Интернационала².

Левые социалисты Кубы, основной организацией которых было Социалистическое объединение Гаваны, на конференции в июне 1922 г. порвали со II Интернационалом³. Руководитель объединения К. Балиньо высказался за вступление в Коммунистический Интернационал и предложил Декларацию принципов, в которой подчеркивалась «необходимость создания единого фронта кубинского пролетариата и неустанной борьбы с имевшей широкое распространение теорией и практикой классового сотрудничества»⁴. Декларацию поддержала значительная часть социалистов. Наиболее видные революционные анархисты и анархо-синдикалисты — А. Лопес, А. Пеничет в своих статьях в рабочих газетах «Виа либре», «Нуэва Аурора», «Меморандум типографико» писали, что Октябрьская революция в России

¹ См. А. А. Соколов. Рабочее движение в Мексике. М., 1978, стр. 45—46.

² См. «Очерки истории Кубы». М., 1978, стр. 183.

³ «El movimiento obrero cubano. Documentos y artículos». t. 1. La Habana, 1975, p. 367—368.

⁴ «Очерки истории Кубы», стр. 188.

является началом мировой пролетарской революции, несущей освобождение всем трудящимся земли ¹.

Подъем рабочего движения охватил в эти годы и другие страны Латинской Америки. В мае 1919 г. в *Перу* впервые в истории страны вспыхнула всеобщая забастовка. Размах стачечного движения напугал власти. По свидетельству современников, «президент Пардо превратил свой дворец в крепость», и стачка была жестоко подавлена ². Тем не менее под натиском рабочего и демократического движения правящие круги пошли на некоторые уступки, зафиксированные в конституции 1920 г. Выступления перуанского пролетариата способствовали радикализации настроений прогрессивной молодежи, увлекавшейся социалистическими идеями. В 1919 г. молодой марксист Х. К. Мариатеги, открыто заявивший о своих симпатиях к революции в России, начал издавать газету «Расон», которая стала рупором рабочего и социалистического движения в Перу ³.

Важной вехой в развитии рабочего движения в *Эквадоре* явилась организация в 1922 г. Конфедерации рабочих синдикатов, придерживавшейся социалистической ориентации. Наибольшего размаха борьба пролетариата достигла в 1922—1923 гг., когда она вылилась во всеобщую стачку в Гуаякиле. В начале 20-х годов стачечное движение охватило и *Колумбию*, где активно проявили себя докеры Картахены, матросы, нефтяники, рабочие табачных плантаций. Здесь к концу 1922 г., «вдохновленные крепнущей мощью Советской социалистической революции и закаленные в новых социальных битвах народа, начали реорганизовываться революционные ячейки» ⁴. В 1920 г. первая массовая забастовка рабочих и ремесленников произошла в *Коста-Рике*. Появились коммунистические кружки в *Гватемале*. Окрепло рабочее движение и в других странах Центральной Америки.

Рост боевого духа и организованности рабочего движения во всем мире и в странах Латинской Америки отразился и на процессе формирования классовых организаций пролетариата в колониях европейских государств на Американском континенте. В 1922 г. в *Британской Гвиане*, раньше чем во многих других английских колониях, был создан первый профессиональный союз трудящихся — Рабочий союз Британской Гвианы. Возникли группы марксистов на *Мартинике*.

¹ А. García, P. Mironchuk. La Revolución de Octubre y su influencia en Cuba. La Habana, 1977, p. 139.

² R. Martínez de la Torre. El movimiento obrero en 1919. Lima, 1928, p. 30.

³ См. Ю. П. Гавриков. Хосе Карлос Мариатеги — борец за идеи марксизма-ленинизма в Латинской Америке (1894—1930 гг.). — «Новая и новейшая история», 1978, № 4, стр. 80.

⁴ «Treinta años de lucha del Partido comunista de Colombia». Bogotá, 1960, p. 12; J. Arizala. Octubre y América Latina. — «Documentos políticos». Bogotá, 1977, p. 89—91.

Период, непосредственно последовавший за победой Октября, стал важным рубежом в развитии рабочего класса и освободительного движения в Латинской Америке. Произошел качественный скачок в уровне профессиональной и политической организованности пролетариата, его социальной активности. Потерпели крах старые социал-реформистские рабочие партии. В Аргентине, Чили, Уругвае, Мексике, Бразилии возникли коммунистические партии. В ходе острых и напряженных боев рабочий класс Латинской Америки впервые вышел на арену политической борьбы как самостоятельная сила, способная соединить защиту своих классовых интересов с борьбой за общенациональные исторические цели. Хотя коммунистам далеко не сразу удалось найти верную стратегию и тактику борьбы за социализм, занять ведущие позиции в антиимпериалистическом движении, в Латинской Америке открылся активный фронт борьбы против империализма.

Подъем массового рабочего и демократического движения оказал сильное влияние на внутривнутриполитическое развитие латиноамериканских стран. В этот период происходила консолидация господствующих классов вокруг буржуазно-помещичьих правительств, пытавшихся любой ценой остановить волну революционных выступлений. Даже в Мексике, где у власти находились представители национальной буржуазии, обязанные своим возвышением буржуазно-демократической революции, правительство не останавливалось перед посылкой войск на подавление выступлений рабочих и крестьян; реакция совершила злодейское убийство крестьянских вождей Э. Сапаты и Ф. Вильи. Режим жестокого террора установил в Венесуэле диктатор Гомес.

В то же время рабочее и демократическое движение заставило правящие классы ряда стран пересмотреть весь арсенал средств и методов решения социальных проблем. В Аргентине правительство Иригойена попыталось наряду с прямым подавлением народных масс прибегнуть к реформам. Реформистскую программу проводил в жизнь и президент Чили Алессандри. Началась разработка трудового законодательства в Бразилии. Мексиканская буржуазия не могла лишить рабочий класс тех завоеваний, которых он добился за годы революции, и президент Обрегон, защищавший интересы буржуазии, в ряде случаев уступал давлению рабочих, чтобы, как он выразился, «не создавать проблем для правительства»¹. В октябре 1922 г. впервые в истории рабочего движения Уругвая один из отрядов трудящихся — работники телефонной компании Монтевидео добились от правительства декрета об установлении минимума зарплаты². Даже в странах

¹ R. E. Ruiz. Labor and the Ambivalent Revolutionaries. Mexico, 1911—1923. Baltimore & London, 1976, p. 77.

² N. Martínez López. Las organizaciones de los trabajadores y el conflicto industrial. Montevideo, 1966, p. 36.

с диктаторскими режимами приходилось считаться с требованиями возмущенного пролетариата и идти на некоторые уступки. Так, в Перу в 1921 г. был принят закон о регламентации труда женщин и детей, а в Боливии — закон о пособиях при несчастных случаях на производстве¹.

Рабочий класс Латинской Америки ценой героических усилий и больших жертв постепенно превращался в ведущую силу революционной борьбы за демократию, независимость и социализм.

РАБОЧИЕ АЗИИ И БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Пути формирования рабочего класса стран Азии, его состав и структура были обусловлены особенностями развития здесь капитализма. «Гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом»², — писал Ленин. Социально-экономическая отсталость угнетенных империализмом колоний и полукolonий, сохранение в них феодальных, а кое-где и родо-племенных отношений, почти сплошная неграмотность, полное бесправие народов были прямым результатом колониального режима. Капитализм, хотя и с трудом, но пробивавший себе дорогу в этих странах, был опутан многими патриархально-феодальными пережитками, что уродовало его «нормальное» развитие, придавало ему особенно жестокий характер. В годы первой мировой войны, когда колонии оказались отрезанными от метрополий, условия для развития национального капитализма на Востоке временно улучшились. «Целый ряд стран, — отметил Ленин, — Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу»³.

Однако даже в относительно благоприятных условиях рост национальной промышленности в городах, известная активизация предпринимательской деятельности местных капиталистов сопровождалась массовым обнищанием и разорением сельского населения, накоплением больших денежных средств в руках торгово-ростовщического слоя, усилением эксплуатации крестьянства. Национальный капитализм, находившийся в сильнейшей зависимости от империализма метрополий, развивался крайне неравномерно. Различными были типы и формы его в городе и в деревне; значительная специфика отличала один регион от другого. Притом становление капитализма

¹ S. V. Fajardo. *Sindicalismo libre en el Perú*. Lima, 1965, p. 78, 97; «Пролетариат Латинской Америки». М., 1968, стр. 164.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 404.

³ Там же, стр. 402.

происходило как «сверху» — под влиянием империализма, так и «снизу» — в результате естественного развития малопроизводительных укладов, абсолютно преобладавших в экономике. Формированию в странах Азии национального пролетариата был присущ ряд общих черт:

- относительная малочисленность рабочего класса в общей массе населения, обусловленная слабым развитием капитализма и наличием сильных пережитков полуфеодальных и феодальных форм хозяйства;

- сравнительно небольшой удельный вес фабрично-заводского пролетариата в общей его численности как результат невысокой степени индустриализации, почти повсеместное преобладание отрядов рабочего класса, связанных с мелкотоварным, ремесленным и мануфактурным производством;

- преобладание неквалифицированной и малоквалифицированной рабочей силы и невысокий процент кадровых рабочих; тесная связь пролетариата с землей и с собственным хозяйством; большая текучесть рабочей силы;

- высокий процент в составе рабочего класса женщин и детей, что делало положение основных отрядов рабочего класса еще менее устойчивым;

- разрыв в оплате труда отдельных прослоек рабочих при общем чрезвычайно низком уровне заработной платы и тяжелых условиях жизни и быта трудящихся;

- применение наряду с новейшими капиталистическими методами полуфеодальных форм эксплуатации;

- наличие существенных национальных, религиозных, племенных различий, затруднявших рост организованности и классового самосознания пролетариата;

- существование огромной массы полупролетарских («предпролетарских») мелкобуржуазных слоев населения, окружавших рабочий класс и влиявших на его положение и мировоззрение.

Специфические черты становления рабочего класса стран Азии определяли как масштабы и формы самого рабочего движения, так и его взаимоотношения с местной буржуазией и ее отдельными прослойками, его роль в национально-освободительной борьбе. Уже на первых порах эта роль была значительной, но пролетариат не мог встать во главе антиимпериалистического движения из-за трудности выделения в нем промышленного ядра, слабой организованности и сильного воздействия мелкобуржуазной стихии. Серьезным препятствием были также постоянные преследования лучших представителей рабочего класса не только со стороны колониальных властей, но и национальных буржуазных правительств, испытывавших страх перед растущим движением рабочего класса и питавших ненависть к его руководителям.

После Великой Октябрьской революции формирование классово-

го самосознания азиатского пролетариата заметно ускорилось в результате воздействия не только внутренних, но и внешних факторов — примера первых шагов Российского рабоче-крестьянского государства и усиления рабочего движения в метрополиях капитала. Рабочее движение стран Востока не только училось у рабочих партий и профсоюзов более развитых стран, но также и получало от них помощь и поддержку. Степень влияния рабочего класса Азии на национально-освободительную борьбу усиливалась по мере роста зрелости самого пролетариата, превращения его из «класса в себе» в «класс для себя».

Победа Октября реально поставила вопрос о необходимости соединения марксизма-ленинизма с национально-освободительным движением. Все новые отряды этого движения стали обращаться к марксизму в поисках объяснения перспективы социального развития колониальных и зависимых стран, к коммунистам как самым энергичным борцам за национальное и социальное освобождение и убежденным интернационалистам. О своем пути Хо Ши Мин рассказал так: «Сначала именно мой патриотизм, а отнюдь еще не коммунизм, привел меня к Ленину и к Коммунистическому Интернационалу. Лишь постепенно, в ходе борьбы, изучая марксистско-ленинскую теорию и участвуя в практической работе, я пришел к пониманию того, что только социализм, только коммунизм может освободить от рабства и угнетения народы и трудящихся всего мира. Я понял, как неразрывно связаны между собой подлинный патриотизм и пролетарский интернационализм»¹. Хотя распространение и усвоение марксизма-ленинизма наталкивались на большие препятствия, а выработка правильного соотношения между общими закономерностями и специфическими особенностями революционного процесса в отдельных странах была делом особенно сложным, идеи и опыт Октября оказывали всевозрастающее воздействие на национально-освободительное движение в Азии.

В Индии за период с конца XIX в. по 1919 г. количество фабричных предприятий увеличилось в 5,5 раза, а число занятых на них рабочих — в 3,5 раза. По данным официальной переписи 1921 г., в стране с населением 320 млн. человек (самостоятельного населения — 146,4 млн.) в обрабатывающей промышленности было занято 15,7 млн. (около 1,5 млн. на предприятиях фабрично-заводского типа), в горнодобывающей — 347 тыс., на транспорте — 1,9 млн. В сельском хозяйстве трудилось около 30 млн. лиц наемного труда, из них лишь около 1 млн. — рабочих в плантационных хозяйствах. В промышленности (в том числе мелкой) было занято 10,7% населения². Сельско-

¹ Хо Ши Мин. Мой путь к ленинизму. — «Проблемы востоковедения», 1960, № 2, стр. 20.

² См. А. И. Левковский. Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г. М., 1956, стр. 103—105.

хозяйственные рабочие составляли 26,2% сельского населения¹. Центром формирования индийского промышленного пролетариата оставался Бомбей, где было сосредоточено 400—450 тыс. рабочих: половина из них трудилась на фабриках и заводах.

Положение индийского рабочего было крайне тяжелым: рабочий день длился 10—12 часов, заработная плата не достигала и половины официального очень скудного прожиточного минимума. Рабочие и их семьи страдали от недоедания, болезней, отсутствия медицинской помощи и охраны труда. Средняя продолжительность жизни составляла, по официальным данным, 28 лет. Армия безработных (особенно неквалифицированных рабочих — недавних выходцев из деревни) намного превышала число занятых.

После Великой Октябрьской революции, развитие которой оказывало возрастающее влияние на настроения прогрессивной общественности Индии², в стране начался бурный подъем национально-освободительного и рабочего движения. Уже первые вести о революции в России побудили лидеров партии Индийский национальный конгресс на очередной сессии в декабре 1917 г. в Калькутте выдвинуть более радикальные, чем прежде, требования³. Рабочий класс заявил о себе мощными стачками. В результате забастовки в декабре 1918 — январе 1919 г. добились повышения заработной платы 125 тыс. бомбейских текстильщиков. В 1918 г. бастовали рабочие в Ахмадабаде, где стачкой непосредственно руководил М. Ганди, а также в Канпуре, Калькутте и Мадрасе⁴. Расстрел английскими колониальными войсками в апреле 1919 г. безоружных жителей Амритсара (было убито около тысячи человек и вдвое больше ранено) обострил антиимпериалистическую борьбу.

Хотя непосредственной причиной большинства выступлений рабочих было невыносимо тяжелое экономическое положение, забастовки сопровождалась политическими требованиями. Проводились стачки солидарности, протеста против политического бесправия и произвола колонизаторов, полицейских насилий и преследований. «Рабочие осознали свою силу и продемонстрировали это перед всеми»⁵, — писала индийская пресса. Небывалый размах выступлений рабочего класса привел выдающегося деятеля освободительной борьбы индийского народа Б. Г. Тилака к выводу, что «авторитет рабочих организаций будет все более возрастать и именно рабочие будут теми, кто станет управлять обществом»⁶.

¹ См. *С. Дж. Пател*. Сельскохозяйственные рабочие в Индии и Пакистане. М., 1955, стр. 32.

² См. *S. G. Sardesai*. India and the Russian Revolution. New Delhi, 1967, p. 18—19.

³ См. «Lenin in Contemporary Indian Press». New Delhi, 1970, p. 13.

⁴ См. «Проблемы коммунистического движения в Индии». М., 1971, стр. 18.

⁵ См. *S. G. Sardesai*. Op. cit., p. 25.

⁶ Ibid., p. 24.

Национально-освободительное движение, в которое включились широкие массы трудящихся города и деревни, стало принимать организованный и более целенаправленный характер. Активизировалась также деятельность подпольных и полуполигальных организаций, связанных с революционной индийской эмиграцией, возникшей еще в довоенное время. Главные центры этой эмиграции находились во Франции, Германии, Афганистане, Швеции, США. После Октябрьской революции быстро стала расти индийская эмиграция в Средней Азии, преимущественно в Ташкенте. Созданная здесь в конце 1920 г. Индийская коммунистическая партия вскоре, однако, распалась¹.

В самой Индии национальные революционеры стали выходить из подполья и устанавливать связи с массами. В марте 1919 г. лидер национально-освободительного движения М. Ганди выступил с призывом провести кампанию неповиновения (хартал) в знак протеста против закона о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий. По всей стране начались забастовки рабочих, мощные антианглийские демонстрации, а в некоторых районах поднялись восстания. Съезд партии Индийский национальный конгресс в Амритсаре с энтузиазмом поддержал программу ненасильственной борьбы, предложенную Ганди, а в сентябре 1920 г. чрезвычайный съезд партии в Калькутте официально принял разработанную программу сатьяграхи — ненасильственного несотрудничества (прекращение торговли, деятельности учебных и других учреждений, проведение митингов и демонстраций и пр.), которая на десятилетия стала одним из главных направлений национально-освободительного движения индийского народа².

Многие выдающиеся общественные деятели, писатели, мыслители Индии (Бал Гангадхара Тилак, Рабиндранат Тагор, Мохандас Карамчанд Ганди, Читта Ранджан Дас, Субраман Бхарати, Бипин Чандра Пал, Лала Ладжпат Рай и др.) стали открыто говорить о необходимости опираться в освободительной борьбе на рабочий класс и учиться у молодой Советской России. «Новый ветер, который дул из России, был тепло воспринят... передовыми лидерами Индии»³.

Прогрессивная печать излагала идеи Ленина о руководящей роли рабочего класса в освободительной борьбе и международной солидарности пролетариата. Основные положения его статей и выступлений, особенно обращенных к народам Востока, обстоятельно обсуждались, а попыткам исказить политику молодого Советского государства давался отпор. Свою первую статью о В. И. Ленине как выдающемся вожде трудящихся мира Тилак напечатал уже через

¹ См. Т. Ф. Десяткина, М. Н. Егорова, А. М. Мельников. *Зарождение коммунистического движения в Индии* (очерк истории). М., 1978, стр. 72—80.

² См. М. Ганди. *Моя жизнь*. М., 1969, стр. 394, 403, 426—427.

³ «Lenin in Contemporary Indian Press», p. 6.

три месяца после Октября. На многих языках был опубликован биографический очерк о Ленине ¹.

Показателем отношения индийского народа к Советской России явилось послание индийских революционеров-эмигрантов В. И. Ленину из Кабула в феврале 1920 г., в котором они выразили глубокую благодарность и восхищение «великой борьбой, которую ведет Советская Россия за освобождение всех угнетенных классов и народов» ². В ответ Ленин писал: «Рад слышать, что провозглашенные рабоче-крестьянской республикой принципы самоопределения и освобождения угнетенных народов от эксплуатации иностранных и собственных капиталистов нашли такой живой отклик среди сознательных индийцев, героически борющихся за свою свободу. Русские трудящиеся массы с неослабным вниманием следят за пробуждением индийского рабочего и крестьянина. Залогом окончательного успеха являются организованность и дисциплина трудящихся, их выдержка и солидарность с трудящимися всего мира. Приветствуем тесный союз мусульманских и немусульманских элементов. Искренне желаем распространения этого союза на всех трудящихся Востока. Только тогда, когда индийский, китайский, корейский, японский, персидский, турецкий рабочий и крестьянин протянут друг другу руки и пойдут вместе на общее дело освобождения, только тогда обеспечена решительная победа над эксплуататорами. Да здравствует свободная Азия!» ³

В декабре 1920 г. Национальный конгресс призвал народ Индии к активной борьбе против колонизаторов, прибегнув к мере гражданского неповиновения — неуплате налогов. Он выразил сочувствие борьбе рабочих под руководством профсоюзов, которые в октябре 1920 г. провели свой первый национальный съезд. 800 делегатов, представлявших 60 организаций, основали Всеиндийский конгресс профсоюзов. Его возглавил Ладжпат Рай, который заявил: «Империализм и милитаризм... неразрывно связаны друг с другом. Только недавно было найдено противоядие против них, и это — организованный труд. Рабочие Европы и Америки установили, что дело рабочих едино во всем мире и что для них не может быть спасения до тех пор, пока рабочий класс Азии не организуется и не объединится в интернациональном масштабе. Движение, которое мы торжественно основываем сейчас, выходит далеко за национальные рамки... Рабочие Индии объединяются не только для защиты интересов индийских трудящихся, но и во имя международной солидарности трудящихся» ⁴.

В 1921 г. стачечное движение достигло наибольшего размаха: в 369 забастовках участвовало более 600 тыс. рабочих. В ноябре 1921 г. состоялась первая общенациональная политическая стачка, участни-

¹ «Lenin in Contemporary Indian Press», p. 5, 6, 20—41.

² «Правда», 20 мая 1920 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 122.

⁴ S. G. Sardesai. Op. cit., p. 38.

ки которой протестовали против приезда в Индию принца Уэльского и требовали предоставления независимости. Массовые выступления рабочих проходили под лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой империализм!», «Да здравствует власть рабочих!», «Да здравствует русская революция!», «Да здравствует Советская власть!»¹ Центром забастовочного движения оставался Бомбей, где в 1921 г. в 103 забастовках участвовало 132 тыс. рабочих и служащих, а в 1922 г. в 143 стачках — 173,4 тыс. рабочих. Собранный в конце 1921 г. второй съезд Всеиндийского конгресса профсоюзов принял ряд решений, способствовавших мобилизации рабочих на борьбу с колонизаторами. Он выразил глубокую солидарность с трудящимися Советской России и призвал рабочих мира помочь им преодолеть голод².

Власти обрушили на участников освободительного движения и забастовочной борьбы репрессии, тысячи рабочих были арестованы, десятки убиты и ранены. Однако террор колонизаторов не сломил решимости индийского народа продолжать борьбу за независимость.

Подъем рабочего движения ускорил оформление коммунистических групп, возникших в Бомбее, Калькутте, Мадрасе, Лахоре, Канпуре, Бенаресе, а также в кругах революционеров-эмигрантов. Представители этих групп активно участвовали в работе III конгресса Коминтерна. Однако их объединению в единую организацию и созданию Коммунистической партии Индии препятствовали жесточайшие преследования колониальных властей; оно состоялось лишь в 1925 г.³

В *Kumae* до первой мировой войны насчитывалось 692 относительно крупных предприятия фабрично-заводской промышленности; к 1920 г. их число возросло до 1759. В ведущей отрасли — текстильной — до войны было 9 хлопчатобумажных фабрик (в том числе восемь иностранных), а в 1922 г. уже 106 (в том числе 37 иностранных). Иностранная и национальная промышленность была сосредоточена в нескольких приморских городах (Шанхае, Тяньцзине, Циндао, Гуанчжоу), а также в Маньчжурии, где хозяйничал японский капитал. Главным промышленным, торговым и финансовым центром страны был Шанхай, сконцентрировавший более половины всех промышленных рабочих.

Устойчиво-многоукладный характер китайской экономики обусловил разнородность состава рабочего класса. Подавляющая его масса была связана с простейшими формами капиталистического производства. В городах насчитывалось от 8 до 10 млн. кустарей, около 2 млн. мануфактурных рабочих; численность рабочих фабрич-

¹ S. G. Sardesai. Op. cit. p. 37.

² См. Т. Ф. Девяткина, М. Н. Егорова, А. М. Мельников. Указ. соч., стр. 36—38.

³ См. «Проблемы коммунистического движения в Индии», стр. 25, 34—36.

но-заводских предприятий в начале 20-х гг. не превышала 600 тыс. человек. Рабочая сила на иностранных и национальных предприятиях эксплуатировалась на износ, быстро и постоянно обновляясь. Поэтому среди промышленного пролетариата преобладали временные, сезонные и законтрактованные рабочие, главным образом женщины (50%) и дети (10%)¹. Кадровых рабочих насчитывалось всего несколько десятков тысяч, притом рабочих в первом поколении.

Характерной чертой развития экономики Китая было засилье феодально-патриархальных отношений. Законтрактованные и временные рабочие находились в кабале у старшин, жили в казармах под надзором надсмотрщиков, жестко контролировавших условия найма и увольнения, распределения заработной платы, быта и досуга рабочих. Получение работы зависело от разного рода традиционных цехов и гильдий, земляческих и клановых связей, легальных и тайных обществ (в Шанхае — «красное» и «синее» братства), между которыми шла постоянная борьба за рабочие места, часто доходившая до кровавых драк.

В городах концентрировалась также многомиллионная полупролетарская и люмпен-пролетарская масса — кули, рикши, чернорабочие, поденщики, случайные рабочие, полубезработные и безработные; ее общая численность составляла более 30 млн. человек. Удельный вес всех категорий рабочих в общем населении страны в 20-х годах не превышал 2,5%, в том числе фабрично-заводских рабочих — 0,1—0,2%. Сельскохозяйственный пролетариат в Китае практически отсутствовал².

Рост численности фабрично-заводского и мануфактурного пролетариата в годы первой мировой войны и после нее не сопровождался существенными сдвигами в его организации. Самостоятельных пролетарских организаций практически не было. В Гуандуне и Гонконге влиянием среди некоторой части рабочих пользовалась созданная в 1912 г. национально-революционная партия Сунь Ятсена — Гоминьдан, отрицавшая классовую борьбу. Более заметной была деятельность анархистов. Опыт экономической и политической борьбы китайских рабочих был невелик. Забастовки отличались стихийностью и разрозненностью. На иностранных предприятиях происходили выступления луддитского типа, имевшие антиимпериалистическую окраску. Они нередко организовывались и финансировались китайской буржуазией с помощью студенчества.

¹ См. «Рабочий класс Китая (1949—1974 гг.)». М., 1978, стр. 7—9.

² См. там же, стр. 12; А. В. Меликсетов. Некоторые особенности формирования рабочего класса Китая к началу новейшего времени. — «Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. III. М., 1978, стр. 7.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала многостороннее влияние на зарождавшееся в Китае рабочее движение. К середине 20-х гг. оно впервые становится массовым, приобретает общенациональное политическое значение, заимствует современные формы организации. Основная масса рабочих втягивалась в революционную борьбу через национально-освободительное движение. Результатом было пробуждение политического (национального, а затем и классового) сознания рабочих, консолидация их в качестве новой социальной силы, претендующей на равноправное положение в обществе. Наиболее передовая, хотя и малочисленная часть пролетариата начинала осознанно воспринимать опыт борьбы рабочих Советской России, создавать коммунистические группы, профсоюзы, распространять (подчас в примитивной форме) идеи марксизма-ленинизма в рабочей среде.

Начало подъема послевоенного национально-освободительного антиимпериалистического движения связано в Китае с «движением 4 мая». Это массовое выступление в 1919 г. против колонизаторов и правительства было начато студентами и интеллигенцией в знак протеста против отклонения требований китайских представителей на Парижской мирной конференции (ликвидация всех особых прав и привилегий империалистических держав в Китае, возвращение Китаю Шаньдуна, захваченного японцами, и др.). В мае — июне по стране прокатилась волна антиимпериалистических и антиправительственных выступлений, митингов, демонстраций, стачек, кампаний бойкота японских товаров, петиционных кампаний. Движение охватило почти все крупные города и все слои городского населения от буржуазии до рабочего класса. 5 июня шанхайская буржуазия объявила всеобщую стачку торговцев и вызвала забастовки рабочих на иностранных предприятиях — японских текстильных фабриках, в англо-американской и французской трамвайной компаниях, англо-американской табачной компании, в которых участвовало 60—70 тыс. рабочих. Стачечники не выдвигали собственных требований, ограничиваясь поддержкой общих патриотических лозунгов.

За этим последовали забастовки торговцев Нанкина, Тяньцзиня, Сямыня, Нинбо, Уси и других городов, рикш и грузчиков в Нанкине, портовых рабочих в Цзюцзяне, горняков в Таншане, железнодорожников в Чансиньдяне.

Патриотическое «движение 4 мая» стало важным рубежом освободительной борьбы, ознаменовавшим выход на политическую арену двух новых сил — студенчества и рабочих, начало непосредственных действий народа в форме политических демонстраций и стачек. Из рядов этого движения вышли пропагандисты марксизма и организаторы Коммунистической партии Китая (Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Дэн Чжунся, Чжан Тайлэй, Пэн Бай, Юнь Дайин и др.). Профессор Ли Дачжао был первым китайским революционером,

который решительно повернул на путь марксизма и призвал китайский народ «последовать примеру русских»¹.

В 1920 г. с помощью представителей Коминтерна среди студенчества и преподавателей в Шанхае, Пекине, Гуанчжоу, Ухани, Чанша, Цзинане, а также в Токио возникли коммунистические кружки и союзы социалистической молодежи, аналогичные по составу и идейно-политической ориентации. Коммунистические кружки группировались вокруг журнала «Синь Циннянь» («Новая молодежь»), редактором которой был профессор Чэнь Дусю. Выходил также подпольный журнал «Гунчаньдан» («Коммунист»). В начале 1921 г. среди китайских студентов, обучавшихся во Франции, тоже возник Союз социалистической молодежи, из которого вышли многие будущие руководители КПК (Чжоу Энляй, Цай Хэсэнь, Ли Лисань, Чэнь И. Ли Фучунь, Не Жунчжэнь, Дэн Сяопин и др.). Члены коммунистических кружков начали вести работу среди промышленного пролетариата. Вместе с анархистами они выпустили для рабочих Шанхая, Пекина и Гуанчжоу несколько номеров еженедельных газет, брошюр и листовок, требовавших повышения зарплаты и сокращения рабочего дня. В Чансиньдяне Дэн Чжунся организовал рабочий клуб (профсоюз) железнодорожников, а на станции Сяошаду — рабочую школу, которой руководил Ли Цихань².

В июле—августе 1921 г. в Шанхае состоялся Учредительный съезд Коммунистической партии Китая, которая насчитывала тогда около 60 членов. Главной ближайшей задачей партии съезд провозгласил «организацию индустриальных союзов» рабочих и придание им «духа классовой борьбы», а также участие в демократических движениях против милитаризма и бюрократии, за свободу слова, печати и собраний. Но по ряду вопросов съезд занял сектантскую позицию в духе «чисто пролетарского» движения, отвергнув возможность сотрудничества с другими партиями. Эти тенденции сохранялись и в последующие годы.

В 20-х гг. КПК последовательно ориентировалась на рабочий класс как на новую социальную силу, с которой связано историческое будущее страны. В июле 1921 г. партия создала в Шанхае Всекитайский рабочий секретариат в качестве легального органа руководства рабочим движением (его возглавили Чжан Готао и Ли Цихань). Во время первой послевоенной забастовочной волны, прокатившейся по стране в 1922 г., секретариат организовал профсоюзы на некоторых промышленных предприятиях Хунани, Хубэя, Шан-

¹ Подробнее см.: «Движение 4 мая 1919 года в Китае. Документы и материалы». М., 1969; «Движение «4 мая» 1919 года в Китае. Сборник статей». М., 1974; В. П. Илюшечкин. Антиимпериалистическое движение «4 мая» 1919 г. в Китае.— «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 2, стр. 147—157.

² См. Дэн Чжунся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952, стр. 25—28.

хая и на железных дорогах Севера (чаще всего в форме рабочих клубов), провел ряд забастовок, развернул кампанию за трудовое законодательство ¹.

Первая крупная забастовка рабочих, переросшая во всеобщую, произошла в конце 1921 — начале 1922 г. Ее провели моряки и грузчики Гонконга, руководимые федерацией китайских моряков, призывавшей к Гоминьдану. Забастовщики потребовали увеличения заработной платы и признания прав профсоюзов. Стачку поддерживали гонконгские корпорации кули и носильщиков, а затем все китайские рабочие этой британской колонии. К началу марта число участников достигло 120 тыс. Власти тщетно пытались подавить забастовку. Стаечный комитет и тысячи забастовщиков перебрались в Гуанчжоу, где получили помощь от южнокитайского правительства, возглавлявшегося в то время Сунь Ятсеном, а также от гуанчжоуских союзов механиков, железнодорожников, ремесленников. Забастовка приобрела явную антиимпериалистическую окраску. Кампания солидарности развернулась на железных дорогах Центрального и Северного Китая, в Шанхае, а также в Сингапуре и других иностранных портах. Забастовали моряки Шаньтоу. Жизнь Гонконга оказалась полностью дезорганизованной, предприниматели несли огромные убытки. Колониальным властям пришлось пойти на уступки, и 5 марта они согласились удовлетворить основные требования забастовщиков. Успех стачки поднял авторитет профсоюзов в глазах рабочих, содействовал объединению рабочего движения.

В мае 1922 г. состоялся I Всекитайский съезд профсоюзов, созданный по инициативе Всекитайского рабочего секретариата. Он происходил в Гуанчжоу, где правительство Сунь Ятсена отменило действовавшие в других районах страны антирабочие законы и полицейские предписания. На съезде присутствовали делегаты из 12 городов, представлявшие более 100 союзов (свыше 200 тыс. организованных рабочих) различной политической ориентации — от гоминьдановцев, коммунистов и анархистов до торговых посредников и представителей торгово-промышленных объединений. Решения съезда наметили направление дальнейшего развития рабочего движения: борьба за 8-часовой рабочий день, помощь бастующим, производственный принцип организации профсоюзов. На Всекитайский рабочий секретариат были возложены функции центрального информационного органа, что было первым шагом к созданию общенациональной организации профсоюзов ².

¹ Программа трудового законодательства включала требования права трудящихся на собрания и организации, забастовки и заключение коллективных договоров, 8-часовой рабочий день, еженедельный день отдыха и оплачиваемый отпуск, фабричную инспекцию и т. д. (см. *Дэн Чжунся*. Указ. соч., стр. 96—98).

² См. «Документы Всекитайских съездов профсоюзов» (на кит. яз.). Пекин, 1957, стр. 5—7; *Дэн Чжунся*. Указ. соч., стр. 88—95.

В июле 1922 г. состоялся II съезд КПК, принявший развернутую программу экономической и политической борьбы рабочего класса и выдвинувший лозунг национального демократического фронта в антиимпериалистической и антифеодальной революции¹. Для решений съезда, как и последующих установок партии, было характерно сочетание признания слабостей китайского рабочего движения с переоценкой его реальных возможностей, завышением его требований.

С лета 1922 г. милитаристские клики под давлением империалистических держав перешли к насильственным методам подавления рабочего движения. В июне в Шанхае был брошен в тюрьму Ли Цихань, Всекитайский рабочий секретариат запрещен, созданные им профсоюзы разогнаны. В октябре британская морская пехота и войска местных милитаристов расстреляли демонстрацию шахтеров Кайлуаньских угольных копей. Особенно жестокая расправа была учинена в феврале 1923 г. главарем чжилийской милитаристской клики У Пэйфу, до того заигрывавшим с рабочими, над участниками организованной коммунистами политической забастовки на Пекин-Ханькоуской железной дороге, которые требовали отмены запрета на проведение съезда профсоюза железнодорожников и освобождения арестованных активистов. В ходе столкновений с войсками десятки рабочих были убиты, многие ранены. После разгрома забастовки в рабочем движении наступил временный спад².

Забастовочная волна 1922 г. (в 100 стачках участвовало около 300 тыс. рабочих)³ отчетливо выявила две характерные черты рабочего движения — его зависимость от общего хода национально-освободительной борьбы и внутреннюю слабость его профессиональных организаций, локальную, организационную и политическую разрозненность пролетариата. Профсоюзы, возглавлявшиеся коммунистами, добивались успехов во время забастовок, но после их окончания, как правило, теряли завоеванные позиции. Фактически они выполняли роль стачкомов, а не постоянно действовавших рабочих организаций.

Уроки забастовочной борьбы со всей остротой поставили вопрос о поисках новых путей развития рабочего движения, о его месте в общенациональной борьбе против империализма, милитаризма и внутренней реакции. В 1923 г. национально-революционная партия Сунь Ятсена — Гоминьдан и Коммунистическая партия Китая приняли рекомендацию Коминтерна об объединении усилий в назревавшей национальной революции при сохранении политической и организационной самостоятельности обеих партий. Гоминьдан являлся в то время един-

¹ См. В. И. Глушин. К 50-летию второго съезда Коммунистической партии Китая. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3, стр. 118—128.

² См. «Новейшая история Китая. 1917—1970 гг.». М., 1972, стр. 70.

³ См. Дэн Чжунся. Указ. соч., стр. 33.

ственной влиятельной национально-революционной партией, имевшей разветвленные связи с различными социальными слоями, включая рабочих, компартия же не имела массовой базы и насчитывала всего 230 членов¹. Политический блок национальных революционеров с коммунистами был оформлен в виде компромиссного решения об индивидуальном приеме членов КПК и Социалистического союза молодежи в Гоминьдан с одновременной реорганизацией последнего. Обновление Гоминьдана было официально закреплено в решениях его I съезда, состоявшегося в январе 1924 г. в Гуанчжоу с участием коммунистов. «Три народных принципа» Сунь Ятсена — национализм, народовластие и народное благоденствие — получили в решении, выработанном при участии коммунистов, более четкую антиимпериалистическую и общедемократическую направленность. Выразив намерение «опираться на крестьян и рабочих страны», съезд заявил о готовности сотрудничать на этой основе со всеми другими участниками «антиимпериалистической и антимилитаристской революции»².

Выдающийся представитель революционной демократии Сунь Ятсен, снова в 1923 г. возглавивший в Гуанчжоу правительство Южного Китая, высоко ценил значение союза революционного освободительного движения Китая со страной Великого Октября. Он пригласил группу советских военных специалистов, сделал большевика М. М. Бородина своим политическим советником. Сунь Ятсен мечтал о том времени, когда окончательно освобожденный Китай станет надежным другом и союзником страны Советов, родины бессмертного Ленина, пойдет рука об руку с Советским Союзом в великой битве за освобождение угнетенных народов мира.

В *Индонезии*, где население насчитывало около 50 млн. человек, примерно 1,5 млн. составляли постоянные и более 3 млн. сезонные рабочие. На 200 сахарных заводах работало около 150 тыс., на плантациях сахарного тростника — свыше 300 тыс. человек. В обрабатывающей промышленности в 1916 г. на 2511 предприятиях было занято около 126 тыс. рабочих, а в 1920 г. количество промышленных рабочих возросло до 340 тыс. Положение рабочих, особенно сезонных и неквалифицированных, было крайне тяжелым. Рабочий день законом не ограничивался, заработная плата поддерживала лишь нищенское, полуголодное существование, повсюду царил произвол хозяев и надсмотрщиков. В годы первой мировой войны положение рабочих резко ухудшилось³.

Послеоктябрьский подъем рабочего движения был неразрывно связан с национально-освободительной борьбой народа против гол-

¹ См. «Коминтерн и Восток», стр. 258—259.

² *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. М., 1964, стр. 399—412.

³ См. *Е. П. Заказникова*. Рабочий класс и национально-освободительное движение в Индонезии. М., 1971, стр. 11.

ландских колонизаторов. Важную роль в нем сыграли первая в Юго-Восточной Азии марксистская организация — Индийский социал-демократический союз, существовавший с 1914 г., и общенациональная массовая организация «Сарекат ислам» («Союз ислама», основан в 1912 г.), представлявшая собой по существу складывавшийся единый национальный фронт прогрессивных сил, выступавших против империализма, колониального угнетения и расовой дискриминации. Члены левого крыла Индийского социал-демократического союза успешно действовали в рабочих организациях, закладывая основы их самостоятельности. Их активная работа в секциях «Сарекат ислама», в которых преобладали пролетарии, способствовала сдвигу всего союза влево. В середине 1916 г. «Сарекат ислам» насчитывал в своих рядах 360 тыс. членов¹. Через некоторое время его численность выросла до 800 тыс.²

В стране имелось значительное число профсоюзов (железнодорожников и трамвайных служащих, учителей, телеграфистов и т. д.), в которых состояло 24,3 тыс. человек. Профсоюзное движение развивалось под руководством «Сарекат ислама» и испытывало большие трудности: организации были обособлены и малочисленны; среди членов профсоюзов абсолютно преобладали служащие; часто профсоюзы создавались работниками одной национальности (китайцами, голландцами) и т. д.

Весть об Октябрьской революции была встречена в Индонезии с большим энтузиазмом и послужила толчком к событиям, уже назревшим в индонезийском обществе. В конце 1917 — начале 1918 г. на Яве начались многотысячные митинги и демонстрации, участники которых требовали от властей эффективной борьбы с дороговизной, увеличения заработной платы, удовлетворения насущных экономических и политических требований. Состоялись также митинги рабочих в поддержку крестьян, выступавших против феодальной эксплуатации. В 1918 г. в стране развернулось небывало широкое забастовочное движение, в котором приняли участие железнодорожники, полиграфисты, деревообделочники и другие категории рабочих. Выступления рабочих практически охватили всю страну, будучи особенно массовыми и упорными в Семаранге, Маланге, Батавии, Сурабае, Бандунге. Ряд стачек, в которых в 1918 г. участвовало около 7 тыс. человек, закончился победой рабочих. Произошли выступления в армии и на флоте в Сурабае и Семаранге, где возникли Советы и Красная гвардия, в которую вступило около 3 тыс. человек. Однако эти попытки создания Советов вскоре были подавлены властями³.

В условиях подъема рабочего движения в мае 1918 г. состоялся пятый съезд Индийского социал-демократического союза, на котором

¹ См. «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока». М., 1970, стр. 427.

² См. Е. П. Заказникова. Указ. соч., стр. 39.

³ Там же, стр. 51—57, 72.

присутствовали не только делегаты (от 740 членов союза), но также и представители целого ряда секций «Сарекат ислама» и профсоюзов. Съезд принял устав и программу, открывавшие путь к созданию массовой рабоче-крестьянской партии ¹.

В 1919 и 1920 гг. подъем рабочего движения продолжался. В стране бастовало соответственно 66 тыс. и 83 тыс. человек. В 1919 г. к бастовавшим рабочим примкнули крестьяне Центральной Явы и Сулавеси, выступившие на борьбу не только против колонизаторов, но и местных феодалов. Стачками руководил профсоюз рабочих и служащих сахарной промышленности. Бастовали также нефтяники, печатники, докеры и др. В конце 1919 г. по инициативе Индийского социал-демократического союза в тесном сотрудничестве с «Сарекат исламом» был создан единый национальный профсоюзный центр — Объединение рабочего класса, в который вошли 22 организации, насчитывавшие 72 тыс. членов ². В принятом уставе говорилось о необходимости уничтожения капиталистического общества, национализации или социализации промышленных предприятий, банков, транспорта, введения трудового законодательства, подготовки рабочего класса к выполнению его исторической миссии ³.

Подъем рабочего движения способствовал созреванию классового сознания пролетариата, укреплению его позиций в антиимпериалистической борьбе. В мае 1920 г. Индийский социал-демократический союз, проявивший большую активность и сплоченность, был преобразован в Коммунистическую партию Индонезии. Ее представители участвовали в работе II конгресса Коминтерна и 1-го съезда народов Востока. Создание КПИ имело важное значение для дальнейшей активизации рабочего и национально-освободительного движения в стране. Используя легальные возможности, партия сумела завоевать большое влияние в массах, главным образом среди пролетариата. Однако это напугало правонационалистических деятелей «Сарекат ислама», которым удалось в 1921 г. расколоть Объединение рабочего класса и развернуть наступление против коммунистов. В 1921—1922 гг. коммунисты, продолжая бороться за единство национального антиимпериалистического и рабочего движения, добились роста своих рядов (до 1,3 тыс. в 1922 г.). Но усиление влияния КПИ, с одной стороны, уступки колонизаторов национальной буржуазии — с другой, побудили правых лидеров «Сарекат ислама» исключить в начале 1923 г. коммунистов из союза. В результате раскола большинство его секций пошло, однако, за коммунистами, основавшими «Красный сарекат ислам». В марте 1923 г. он был при участии КПИ, многих

¹ См. «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока», стр. 433—434.

² См. «1-й съезд революционных организаций Дальнего Востока». Пг., 1922, стр. 283—285.

³ См. «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока», стр. 435—436.

профсоюзов и общественных организаций переименован в «Сарекат райят» («Народный союз»), который стал массовой базой и опорой КПИ¹.

В мае 1923 г. в Индонезии состоялась крупная забастовка железнодорожников, которой руководили коммунисты. В ней участвовало подавляющее большинство рабочих железных дорог (13 из 20 тыс.). Забастовщиков поддерживали рабочие многих отраслей промышленности, транспорта и связи. Особенно крупными и упорными были выступления на Восточной Яве, в Сурабае, Семаранге. Стачки были подавлены силой, и власти перешли в наступление против демократических организаций. Забастовки были запрещены, введены жесткие ограничения собраний, митингов, демонстраций. Коммунисты и активисты профсоюзного движения подверглись суровым репрессиям².

Среди стран Ближнего Востока наиболее развитой была *Турция*, в которой в начале 20-х гг. число лиц наемного труда достигло 400—450 тыс. Из них 150—200 тыс. были заняты в сельском хозяйстве. 120—140 тыс. — в ремесленно-мануфактурном и 50—70 тыс. — в фабрично-заводском производстве. В наиболее крупном торгово-промышленном центре Турции — Стамбуле трудилось около 100 тыс. рабочих, из которых 10 тыс. были квалифицированными. В Анатолии насчитывалось 40 тыс. промышленных рабочих³.

В 1920—1923 гг. в стране действовало несколько профсоюзных объединений — Союз рабочих Турции, Интернациональный рабочий союз, Союз железнодорожников Анатолии, Интернациональный союз моряков, союзы горняков, строителей, деревообделочников⁴. По инициативе Союза рабочих Турции в июле 1922 г. в Стамбуле собралась конференция разных организаций, но достигнуть объединения не удалось, и было решено продолжать подготовительную работу⁵.

Молодой и немногочисленный рабочий класс принял непосредственное участие в национально-освободительном буржуазно-демократическом движении, которое охватило Турцию после поражения в первой мировой войне и оккупации войсками держав Антанты многих районов страны. Национально-освободительная борьба турецкого народа началась и развивалась под мощным воздействием Советской России, успешно отразившей натиск белогвардейцев и иностранных

¹ См. А. А. Губер. Индонезия. Социально-экономические очерки. М., 1933, стр. 314.

² См. А. А. Губер. Избранные труды. М., 1976, стр. 79—81.

³ Подробнее см.: Ю. Н. Розалиев. Очерки промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны. М., 1956, стр. 13—14; Р. П. Корниенко. Рабочее движение в Турции. 1918—1963 гг. М., 1965, стр. 9.

⁴ См. «Мировое профессиональное движение. Справочник Профинтерна» т. 3. М.—Л., 1926, стр. 341.

⁵ См. М. Тунчай. Türkiye'de sol akımlar (1908—1925). Ankara, 1978, s. 313.

интервентов. Попытки султанского правительства, находившегося в оккупированном Антантой Стамбуле, осуществить требования империалистов привели лишь к тому, что движение, как писал посетивший Турцию в конце 1921 — начале 1922 г. М. В. Фрунзе, «стало развиваться помимо него и против него, приобретая тем самым определенно революционный характер»¹. Вследствие малочисленности и плохой организованности рабочего класса революцию возглавили национальная буржуазия и помещики, сгруппировавшиеся вокруг национально-патриотически настроенных офицеров и представителей интеллигенции, лидером которых стал Мустафа Кемаль-паша (впоследствии ему была присвоена фамилия Ататюрк — «отец турок», а все движение стало называться «кемалистская революция»).

В апреле 1920 г. в Анкаре было создано Великое национальное собрание Турции, создавшее правительство во главе с М. Кемалем. Оно обратилось к В. И. Ленину с просьбой установить дипломатические отношения и поддержать турецкий народ в его борьбе за независимость. Советское правительство оказало Турции всестороннюю бескорыстную помощь. В 1921 г. между странами был подписан договор о дружбе и братстве, дополненный затем в 1921—1922 гг. соглашениями о дружбе с Закавказскими советскими республиками и Советской Украиной².

Мощный подъем антиимпериалистического освободительного движения, помощь народов Советской России, поддержка со стороны мусульманских народов Востока укрепили положение республиканского правительства, войска которого нанесли ряд крупных поражений интервентам и изгнали их с территории страны. 29 октября 1923 г. Турция была провозглашена республикой. Страна превратилась из феодально-теократической монархии в буржуазную республику; султанат и халифат были ликвидированы.

Рабочий класс в сложных условиях оккупации вел мужественную борьбу за свободу родины. Особенно активно действовали рабочие Стамбула: они проводили забастовки и оказывали помощь анатолийской освободительной армии. Осенью 1918 г. возникли первые коммунистические группы. Подпольные коммунистические кружки Стамбула³ пропагандировали марксизм, несли правду об Октябрьской революции и Советской стране, разъясняли роль рабочего класса. Борясь против классовых врагов и оккупантов, соглашателей и желтых легальных организаций, коммунисты создавали ячейки на предприятиях, выпускали листовки и брошюры⁴. В 1920 г. коммуни-

¹ М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I. М.—Л., 1929, стр. 257.

² Подробнее см.: А. М. Шамсутдинов. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918—1923 гг. М., 1966.

³ «TKP doğuşu, kuruluşu, gelişme yolları Türkiye komunist partisi tarihinden sayfalar», (s. I., s. a.), s. 3.

⁴ См. «Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала», 1922, № 17, стр. 28.

стические группы действовали также в Анкаре, Золгулдаке, Ризе, Самсуне, Сивасе, Трабзоне, Эскишехире, Эрзуруме и других городах Анатолии. Наиболее деятельными их участниками были рабочие военных заводов, горняки, моряки, железнодорожники, текстильщики. Коммунисты издавали газеты «Ени дюнъя» («Новый мир»), «Эмек» («Труд»). Стремясь обеспечить поддержку рабочих освободительному движению, кемалистское правительство в сентябре 1921 г. ввело закон «О правах горнорабочих угольного района Эрегли», который впервые устанавливал 8-часовой рабочий день для шахтеров, признавал профсоюз, декларировал некоторые права рабочих.

Главным достижением рабочего движения периода национально-освободительной революции было образование Коммунистической партии Турции. Ее основной костяк создали коммунистические группы Стамбула и Анатолии, а также коммунисты — бывшие военнопленные, находившиеся на территории Советской России, которых объединяло Центральное бюро турецких коммунистических организаций под председательством Мустафы Субхи. Ввиду невозможности легально собраться в Турции, Учредительный съезд КПТ состоялся в сентябре 1920 г. в Баку. Он обсудил важнейшие вопросы антиимпериалистического национально-революционного движения, объявил о создании партии, принял ее программу, наметил конкретные меры по укреплению рабочего движения в Турции. Однако в январе 1921 г. руководители КПТ во главе с М. Субхи, возвращавшиеся на родину, были арестованы в Трабзоне. Их вывезли в море и убили. Вскоре деятельность партии была строжайше запрещена. Во время массового террора буржуазного правительства против коммунистов погибли сотни лучших представителей рабочего класса ¹.

Своеобразно развивался процесс формирования рабочего класса Ирана, страны отсталой, аграрной, полукOLONиальной и полупфеодальной. До 300 тыс. отходников ежегодно отправлялись из северных районов на заработки в Россию, где они работали не только на промышленных предприятиях Закавказья и Средней Азии, но также Нижнего и Среднего Поволжья. Сам же иранский пролетариат оставался малочисленной прослойкой, насчитывавшей едва ли более 100 тыс. человек. Большинство его было занято в ремесленно-мануфактурном производстве и сельском хозяйстве; на английских нефтяных промыслах на юге страны трудилось около 20 тыс. человек.

Национально-освободительное и рабочее движение в Иране развивалось не только под непосредственным влиянием революционных событий в России, но и в тесной связи с ними. Уже после Февральской революции возникшие в русских войсках, находившихся в Иране, Советы солдатских депутатов имели в своем составе представителей иранских трудящихся, которые вместе с солдатами прово-

¹ См. А. М. Шамсутдинов. Указ. соч., стр. 150—171; «Жизнь, отданная борьбе». М., 1966, стр. 491—509.

дили митинги и демонстрации. Велась и пропагандистская работа среди местного населения; в Тегеране состоялись забастовки рабочих типографий, ремесленников, торговцев ¹. В мае 1917 г. иранские рабочие и представители интеллигенции создали первую партию трудящихся — «Адалят» («Справедливость»), которая получила большую помощь от большевиков Закавказья, в частности от М. Азизбекова и Н. Нариманова. К концу 1919 г. «Адалят» имела подпольные организации в Тегеране, Тебризе, Реште, Мешхеде, Зенджане, Казвине, Халхале, Маранде, Ардебиле ².

Одновременно стали возникать профсоюзы. В 1918 г. в Тегеране был образован Союз типографских рабочих, насчитывавший 2 тыс. членов. Печатникам удалось провести успешную забастовку, которая способствовала росту профсоюзного движения в стране. Летом вспыхнула забастовка рабочих Англо-Иранской нефтяной компании, которая была жестоко подавлена. В декабре 1920 г. произошла трехдневная забастовка нефтяников Абадана. В ноябре 1921 г. был создан Центральный совет профсоюзов Ирана, объединивший разрозненные организации и насчитывавший в следующем году 20 тыс. членов ³.

Коммунистическая партия Ирана была образована на первом съезде партии «Адалят», состоявшемся в Энзели 22—24 июня 1920 г., и имела от 8 до 10 тыс. членов. Это была первая коммунистическая партия из возникших в странах Востока. Она вошла в Коминтерн, а ее руководитель Хайдар-хан Аму-оглы сыграл видную роль в революционном движении. Принятая на съезде программа партии ориентировала трудящихся на борьбу за освобождение от империалистического гнета, аннулирование англо-иранского соглашения 1919 г., свержение шахского режима, ликвидацию крупного феодального землевладения, создание единого общенационального фронта ⁴.

Коммунистическая партия приняла самое активное участие в развернувшемся широком национально-освободительном и революционном движении, центрами которого стали Иранский Азербайджан, Гилянская провинция и Хорасан. Восстание в Иранском Азербайджане во главе с шейхом Мохаммедом Хиабани привело к созданию в июне 1920 г. Азадистана (страны свободы) — демократической республики, которую, однако, в сентябре шахские войска при помощи англичан ликвидировали ⁵.

¹ См. А. Башкиров. Рабочее и профсоюзное движение в Иране. М., 1948, стр. 18—19; З. З. Абдуллаев. Формирование рабочего класса Ирана. Баку, 1968, стр. 20—21; И. А. Шамиде. Рабочее и профсоюзное движение в Иране в 1906—1953 гг. Баку, 1967.

² См. Т. А. Ибрагимов (Шатин). Образование Коммунистической партии Ирана (на азербайд. яз.). Баку, 1963, стр. 196.

³ См. Ш. М. Бади. Рабочий класс Ирана. М., 1965, стр. 91.

⁴ См. «Коммунистический Интернационал», 1920, № 14, стр. 2889—2891; «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока», стр. 342—343.

⁵ См. М. Н. Иванова. Национально-освободительное движение в Иране в 1918—1922 гг. М., 1961, стр. 75—83.

В 1920 г. в Гиляне после ухода английских интервентов из Закавказья восставший народ провозгласил Гилянскую республику, во главе которой оказался мелкобуржуазный революционер Кучек-хан. В единый национальный фронт входили и коммунисты. Однако блок представителей различных слоев и классов оказался непрочным. Несмотря на это, в августе 1921 г. в Гиляне была провозглашена Советская республика. Опасаясь растущего влияния коммунистов среди рабочих и ремесленников, Кучек-хан, установивший связь с центральным правительством и английскими агентами, в сентябре 1921 г. организовал в Реште и Энзели убийство коммунистов, в том числе их руководителя Хайдар-хана Аму-оглы. Расправы над коммунистами чрезвычайно ослабили революцию. В ходе подавления ослабленного революционного движения шахскими войсками был убит и сам Кучек-хан ¹.

Развернувшееся в 1921 г. в Хорасане демократическое движение под руководством Таги-хана, требовавшее изгнания из Ирана англичан, установления независимости страны, созыва меджлиса, предоставления населению свободы слова, собраний, печати и т. д., не смогло достигнуть единства своих рядов и было подавлено шахскими войсками ². Разногласия в демократическом движении Ирана позволили реакции при активной поддержке английского империализма задушить выступления, восстановить власть правительства, а затем совершить контрреволюционный переворот под руководством английского агента Сеид Зия ад-дина и Реза-хана. В конце 1925 г. Реза-хан был провозглашен шахом Ирана под именем Реза-шах Пехлеви.

Несмотря на поражение демократического движения, борьба иранского народа дала свои плоды. Даже новая проанглийская династия не смогла восстановить господство англичан в стране. Иран освободился от английской оккупации, аннулировал кабальное англо-иранское соглашение, а народ приобрел новый опыт борьбы с империализмом.

Послеоктябрьский подъем освободительного и рабочего движения в странах Азии ускорил формирование пролетариата, превращение его в революционную силу. Важную роль в этом сыграли достижения странами Востока определенного уровня развития капитализма и великие исторические преобразования, начатые Октябрьской революцией. Но, несмотря на то что рабочий класс стран Азии активно участвовал в развернувшемся в эти годы национально-освободительном буржуазно-демократическом движении, внося в него свою революционность, он нигде не смог возглавить борьбу масс за национальное и тем более социальное освобождение. Сказывались общая социально-экономическая отсталость стран Востока, обусловленная длительным господством колонизаторов, пестрота классовой струк-

¹ М. Н. Иванова. Указ. соч., стр. 85—86, 121—127.

² Там же, стр. 128.

туры, малочисленность и слабая организованность пролетариата, постоянные преследования прогрессивных организаций колониальными властями и реакционными правительствами.

Тем не менее в это время были заложены основы соединения борьбы трудящихся Советской России, рабочих развитых капиталистических стран и национально-освободительных движений народов Востока, в странах Азии образованы коммунистические и рабочие партии, профсоюзные объединения, накоплен опыт легальной и нелегальной работы, начали складываться партийные кадры, впоследствии вставшие во главе коммунистического движения.

ТРУДЯЩИЕСЯ АФРИКИ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА

Африканский континент явился первым в истории объектом колониальной экспансии капиталистических держав, и он же оказался последним районом, где колонизаторы «осваивали» территории, ранее не занятые или переделенные в итоге первой мировой войны. Колонизаторская деятельность каждой из империалистических держав накладывала свой отпечаток на общественную и политическую жизнь произвольно нарезанных владений. Многообразие родо-племенных и феодальных отношений, неравномерность втягивания в мировое капиталистическое хозяйство, различие форм и методов эксплуатации обусловили чрезвычайную пестроту социально-экономического и политического развития огромного континента. На севере Африки — в Египте и странах Магриба — капитализм к началу века уже заявил о себе вполне отчетливо; в Южной Африке, «пересаженный» в готовом виде из развитых стран, он становился ведущим укладом, а Тропическая Африка оставалась еще во власти патриархальных, родо-племенных, феодальных отношений, причем западные ее районы были развиты больше, чем центральные и восточные.

Эти перепады в уровне развития различных регионов Африки сказывались и на социальной структуре населения, влияли на темпы и способы формирования рабочего класса. Первая мировая война ускорила развитие товарно-денежных отношений и распад докапиталистических укладов даже в глубинных районах континента, куда империалистические монополии стали проникать в поисках полезных ископаемых, людских и продовольственных ресурсов, нужных для ведения войны. Насильственное вовлечение значительной части мужского населения в армии воюющих государств, а также в производство важнейших видов сырья для военной промышленности, товаров для армии и населения расширило сферу воздействия капитализма. Происходившие сдвиги создавали предпосылки для подъема освободительного движения, в котором роль рабочих стала проявляться более отчетливо, чем прежде. И в Африке сложились условия, способствовавшие восприятию освободительных идей Великой Октябрьской

социалистической революции. Особенно заметно их влияние проявилось в Южно-Африканском Союзе (ЮАС), Египте и Алжире, где к тому времени уже появился и развернул борьбу за свои права молодой пролетариат.

Основная масса преимущественно неквалифицированных рабочих была занята в сельском хозяйстве и на добыче полезных ископаемых, на транспорте, в ремесленно-мануфактурном производстве. В Египте и Алжире формирование национального пролетариата происходило подобно тому, как совершался этот процесс в странах Азии, особенно на Ближнем Востоке. В ЮАС и в колониях Тропической Африки пролетариат складывался иначе. Здесь была широко распространена система принудительного труда и контрактации временных рабочих. Колонизаторы применяли разнообразные методы принудительного набора рабочей силы: экспроприацию обширных земель, принадлежавших местным племенам и народам, непосильные налоги, трудовую повинность, использовали армию, полицию, власть племенных вождей. Широко практиковалась и система посредничества специальных агентов по найму, которые подкупом, хитростью и обманом «вербовали» рабочую силу у местной племенной верхушки, передавая ее затем колонизаторам¹. Положение таких рабочих практически мало чем отличалось от положения рабов. Законтрактованный работник, а также мигрант-отходник, сохранявший тесные связи с деревней, где продолжали господствовать родо-племенные отношения и общинное землепользование, были типичными представителями африканского пролетариата ЮАС, Кении, Северной и Южной Родезии, Танганьики, Бельгийского Конго². Без какого-либо предварительного обучения такие рабочие оказывались втянутыми в капиталистическую систему, навязанную колонизаторами, и подвергались самой беспощадной эксплуатации.

Происходившие в такой уродливой форме социально-экономические сдвиги тем не менее способствовали пробуждению у рабочих национального самосознания. Идеи негритянского движения протеста, возглавлявшегося Букером Вашингтоном, Маркусом Гарви. Уильямом Дюбуа, находили все более широкий отклик. Появились национальные политические организации, а в марте 1920 г. в Аккре собралась конференция представителей организаций британских колоний Западной Африки (Золотого Берега, Нигерии, Сьерра-Леоне и Гамбии), на которой был основан Национальный конгресс Западной Африки во главе с Кейсли Хейфордом. «Конференция, — говорилось в принятой резолюции, — осуждает существующее положение, когда чернокожий человек, каким бы образованным и способным он

¹ См. М. И. Брагинский. Формирование африканского пролетариата. М., 1974, стр. 50—53.

² См. E. Sik. Histoire de l'Afrique noire, t. II. Budapest, 1964, p. 119—120.

ни был, поставлен в отношении должностей, заработной платы и вознаграждения в низшее положение по сравнению с европейцем»¹.

Объединения, подобные этому, возникли во многих странах Тропической Африки. В Уганде в 1919 г. представители местной интеллигенции создали ассоциацию «Молодая Буганда», которая требовала демократизации местных органов власти. В Кении в 1921 г. возникла Восточноафриканская ассоциация, добивавшаяся предоставления политических прав коренному населению, сокращения налогов, отмены системы принудительного труда, повышения заработной платы рабочим-африканцам². В Ньясаленде появились «туземные ассоциации», которые вели культурно-просветительную работу, требовали предоставления африканцам политических прав, равноправия африканцев и европейцев, расширения представительства местного населения в органах власти. В Сенегале, Дагомее, Бельгийском Конго и других колониях не только создавались национальные патриотические организации, но и состоялись первые забастовки железнодорожников, конторских служащих, рабочих различных предприятий. Многие участники первой мировой войны из Французской Западной Африки активно сотрудничали с Коммунистической партией Франции, при помощи которой в 1921 г. в Париже был основан Межколониальный союз, издававший собственную газету «Пария»³.

Африканцы участвовали и в panaфриканском (точнее, паннегритянском) движении, ведущую роль в котором играли негры Америки и Вест-Индии. Общественные организации ряда стран Африки были представлены на panaфриканских конгрессах 1919—1923 гг., решения которых содержали требования предоставления элементарных прав населению и проведения реформ управления колониями. Деятельность национальных и международных организаций, протестовавших против колониального и национального угнетения, участие в забастовках способствовали росту самосознания зарождавшегося пролетариата.

В целом, однако, возникновение и развитие африканского рабочего движения, организация профсоюзов происходили в начале 20-х гг. в рамках национально-освободительной борьбы, в которую включались представители практически всех классов и слоев населения. Наиболее активными ее участниками были национально-буржуазные элементы, а движущей силой — городские средние слои, но первое пробуждение национального и политического самосознания заметно ускорялось с включением в освободительную борьбу пролетариата. Вместе с тем на развитие рабочего движения, на созревание классового пролетарского мировоззрения сдерживающее и деформирующее влияние оказывали идеи племенного сепаратизма (трайбализма),

¹ Цит. по: «История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время». М., 1978, стр. 210—211.

² См. там же, стр. 350, 355.

³ См. там же, стр. 252.

зарождавшегося буржуазного национализма. В ряде стран колонизаторы насаждали идеологию тред-юнионизма, вовлекавшую рабочее движение в русло буржуазного реформизма.

В Южно-Африканском Союзе кроме добывающих отраслей промышленности (алмазы, золото, уголь, медь, олово, платина, серебро, свинец) имелось в 1922—1923 гг. 7 тыс. фабрик и заводов, в том числе 868 металлообрабатывающих и машиностроительных, 1877 пищевых, 729 текстильных¹, принадлежавших главным образом иностранному монополистическому капиталу.

В этом английском доминионе (где из 6,9 млн. населения 1,5 млн. составляли выходцы из Европы и 150 тыс. из Индии) общая численность промышленного пролетариата и рабочих добывающей промышленности составляла в 1923 г. примерно 500 тыс. человек. По некоторым данным, не менее четверти сельского населения (около 800 тыс. человек) трудилось в качестве наемных (или законтрактованных) рабочих на фермах, принадлежавших белым. В добывающей промышленности из почти 300 тыс. рабочих менее 1/3 были белыми. Но в машиностроении, металлообработке, судостроении, ювелирном, типографском деле они составляли большинство. Среди квалифицированных рабочих-европейцев преобладали англичане.

В стране строго соблюдался режим апартхеида — политики угнетения негритянского большинства населения в интересах привилегированного белого меньшинства. Его социально-экономической основой была чудовищная дискриминация рабочих-африканцев и «цветных» — метисов, выходцев из Азии. Хотя число небелых рабочих росло, африканцы оставались наиболее эксплуатируемой и бесправной частью рабочего класса: им платили в 5—6 раз меньше, чем белым. Рабочее законодательство, скопированное с английского, распространялось только на белых: труд рабочих-африканцев и «цветных» не регулировался законом, они содержались в специальных компаундах, выход откуда был им запрещен; в случае отказа от непосильной работы они считались уголовно наказуемыми «бунтарями». Расовая политика угнетения и эксплуатации создавала особые трудности для развития рабочего движения и выдвигала на первое место в классовой борьбе пролетариата проблему интернационального сотрудничества.

В 1917 г. в рабочем движении ЮАС действовали две партии: лейбористская и Интернациональная лига южно-африканской рабочей партии (Интернациональная социалистическая лига Южной Африки — ИСЛ), занимавшая боевую революционную позицию и развернувшая большую организаторскую и пропагандистскую деятельность. По ее инициативе в августе 1917 г. была создана первая организация рабочих-африканцев «Индустриальные рабочие Африки», которая начала борьбу за уничтожение дискриминации черного

¹ См. «Мировое профессиональное движение. Справочник Профинтерна», т. 7. М.—Л., 1927, стр. 251—254.

населения. Лига издавала еженедельную газету «Интернейшнл», ставшую центром пропаганды принципов интернациональной солидарности трудящихся, антимилитаризма и сплочения всех антиимпериалистических сил, редактором которой в 1917—1920 гг. был Дэвид Айвон Джонс ¹. Газета с большим энтузиазмом писала о Великой Октябрьской революции, призывала «подражать русским рабочим», «воссоздать Интернационал рабочего класса», активно бороться с эксплуатацией и политическим бесправием. В ряде городов возникли социалистические организации, деятельность которых расширила влияние интернационалистов среди белого и небелого населения ².

Четвертый съезд Интернациональной социалистической лиги в январе 1919 г. в Йоганнесбурге принял Декларацию принципов ИСЛ, устав, обращение к социалистическим партиям мира, а также резолюцию, в которой партия горячо приветствовала и высоко оценивала деятельность большевистского правительства в России и «Союза Спартак» в Германии. В Декларации говорилось, что все рабочие должны стремиться к общей цели, а «рабочий класс в Южной Африке не может добиться освобождения, пока он не преодолеет в своей среде расовых предрассудков и враждебного отношения к людям другого цвета кожи». Путь к революции в ЮАС «уже расчищен славной социалистической революцией в России». Первоочередной задачей ИСЛ считала работу по просвещению, агитации и организации белых и черных рабочих ³.

В марте 1919 г. в Йоганнесбурге забастовавшие трамвайщики создали рабочий Совет, который взял в свои руки управление транспортом, подачу электроэнергии и водоснабжение города. Состоялось многотысячное собрание с лекцией о Советской России и пением «Интернационала». Только после вмешательства правительства и удовлетворения требований стачечников Совет вернул власть муниципалитету ⁴. В Витватерсранде произошла забастовка 70 тыс. африканских шахтеров, которую поддержала ИСЛ, призывая белых рабочих «не быть штрейкбрехерами». Среди черных рабочих распространялись листовки на языках зулу, суто и др.

В съезде ИСЛ в январе 1920 г. единогласно принял решение о присоединении лиги к Коммунистическому Интернационалу. На III конгрессе Коминтерна и на I конгрессе Профинтерна представителем

¹ См. «Коммунистический Интернационал», 1921, № 16, стр. 357.

² См. *Лебади*. Великий Октябрь и освободительное движение в Южной Африке. М., 1967; «Рабочий класс Африки». М., 1966, стр. 139; *А. Лерумо*. 50 лет борьбы. История Южно-африканской коммунистической партии. 1921—1971. М., 1973, стр. 71—74; *А. Б. Давидсон*. Южная Африка — становление сил протеста (1870—1924). М., 1972.

³ См. *А. Б. Давидсон*. Коминтерн и рождение первой компартии в Африке. — «Коминтерн и Восток», стр. 482—483.

⁴ См. там же, стр. 484—487.

ИСЛ был Айвон Джонс, участвовавший с правом совещательного голоса; позже он стал представителем Южной Африки в ИККИ ¹.

В июле — августе 1921 г. в Кейптауне состоялся Учредительный съезд Коммунистической партии Южно-Африканского Союза, оформивший объединение ряда пролетарских организаций ЮАС. В нее входило около 500 членов. КП ЮАС развернула борьбу против расового барьера между рабочими, за сплочение пролетариата на классовой основе и подготовку его к революционной деятельности. Партия требовала создания демократической республики, предоставления всем жителям, в том числе и черному населению, политических прав, отмены антидемократических и расистских законов. Она выдвинула и конкретные требования: сокращение рабочего дня, установление минимума заработной платы, предоставление всем рабочим вне зависимости от расы и цвета кожи равного права на забастовки и социальное обеспечение ².

ИСЛ, а затем КП ЮАС уделяли большое внимание организации профсоюзов. Число их членов увеличилось с 77,8 тыс. в 1918 г. до 135 тыс. в 1920 г. Абсолютное большинство их составляли белые; охват рабочих-негров не превышал 5%, да и то лишь в Капской провинции и Кимберли. Вместе с ростом организованности рабочего класса усиливалось забастовочное движение, о чем свидетельствуют неполные официальные данные, говорящие лишь о забастовках (и локаутах) белых рабочих: в 1918 г. было 23 забастовки с числом участников 2,6 тыс., в 1919 г. — соответственно 45 и 23,3 тыс., в 1920 г. — 60 и 105,6 тыс. В 1921 г. число забастовок хотя и сократилось до 25, но они стали более массовыми ³. Так, в одной из стачек африканцев-горняков участвовало до 100 тыс. рабочих.

Особой остротой отличалось забастовочное движение в 1922 г. В марте в Трансваале рабочие 40 золотых приисков, углекопы, железнодорожники, машиностроители начали всеобщую стачку, переросшую затем в восстание. Главной причиной забастовки была политика снижения жизненного уровня рабочих, проводившаяся методами, типичными для империалистов и буржуазии ЮАС: предприниматели стали заменять высокооплачиваемых белых рабочих низкооплачиваемыми черными. Это обострило расовые разногласия, «белые» профсоюзы потребовали прекращения увольнений и замены рабочих. Усилия коммунистов объединить белых и черных рабочих (в конфликт были вовлечены почти 200 тыс. рабочих-африканцев) для совместной борьбы против их общих эксплуататоров — империалистов и местной буржуазии не увенчались успехом. Раздельные выступления ослабили силы восставших. Для подавления забастовки, переросшей в во-

¹ См. А. Лерумо. Указ. соч., стр. 74.

² См. там же, стр. 184—188; «Рабочий класс Африки», стр. 139—140.

³ См. А. Б. Давидсон. Коминтерн и рождение первой компартии в Африке, стр. 472—474.

оруженный конфликт, официально именовавшийся «красный мятеж в Трансваале», власти мобилизовали более 20 тыс. солдат. Во время столкновений забастовщиков с войсками, применявшими броневики и самолеты, было убито 153 и ранено 687 человек (войска и полиция потеряли 72 человека убитыми и 291 ранеными). После подавления восстания было казнено четверо рабочих, значительное число репрессировано ¹.

В 1923 г. общее число участников забастовок упало до 24 тыс. Но именно с этого времени стачки все чаще начинают принимать политический характер: рабочие требовали политических прав, выступали в защиту репрессированных товарищей, объявляли забастовки солидарности. Правительство приступило к разработке специального законодательства о забастовках на основе антидемократической системы принудительного разрешения «трудовых конфликтов» через многоступенчатый арбитраж.

Рабочее движение в *Египте* развивалось в тесной связи с национально-освободительным движением, развернувшимся под руководством буржуазно-националистической организации «Вафд мысри».

В это время Египет был отсталой, аграрной страной с однобоко развитой экономикой, ориентированной на производство хлопка. Хлопок выращивался преимущественно в парцеллярных хозяйствах, доля которых в пахотной площади составляла 28,9%, тогда как в руках крупных землевладельцев находилось 40% земли. Десятки тысяч крестьян, лишенных земли и средств к существованию, постоянно трудились в качестве сельскохозяйственных рабочих ².

Промышленность была развита слабо, преобладало ремесленно-мануфактурное производство. По приблизительным данным, при населении (в 1924 г.) 13,9 млн. человек насчитывалось около 550 тыс. рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, на транспорте, строительстве и сосредоточенных в Каире, Александрии, Порт-Саиде, Суэце. Среди рабочих было много женщин и детей, особенно в ручном текстильном производстве, ковроткачестве, швейном деле. Трудовое законодательство, охрана труда, страхование отсутствовали. Рабочий день зависел от произвола работодателя.

Несмотря на тяжелейшие условия труда и жизни, рабочий класс поднимался на антиимпериалистическую борьбу, участвовал в антианглийских забастовках, демонстрациях и вооруженных столкновениях с колонизаторами. Большое влияние на послевоенный подъем рабочего движения оказала начавшаяся 9 марта 1919 г. антиколониальная буржуазно-демократическая революция — первая такая революция в арабском мире. Рабочие Каира приняли в ней самое активное участие, проведя ряд крупных забастовок и демонстраций. Стихийно возникавшие митинги сопровождались нападениями на

¹ См. *А. Лерумо*. Указ. соч., стр. 87—88; «Рабочий класс Африки», стр. 140.

² См. «Мировое профессиональное движение», т. 7, стр. 217.

английские войска. Вслед за столицей революционные выступления произошли в Александрии, Порт-Саиде, Асьюте, Думьате. С этих пор стачки практически не прекращались. Только с августа 1919 по декабрь 1921 г. в Египте в 81 забастовке участвовало 30 тыс. рабочих: трамвайщиков, рабочих Суэцкого канала, каирского газового завода, табачников, текстильщиков. Возникло 95 местных профсоюзных организаций¹. Наряду с экономическими выдвигались требования ликвидации английского колониализма, признания прав профсоюзов и национальных политических организаций.

Попытка Англии в конце 1921 г. навязать Египту кабальный договор, преследования лидеров «Вафда» вызвали новую волну демонстраций протеста, столкновения с войсками. В Каире началась всеобщая забастовка. Хотя колонизаторским войскам при помощи танков и самолетов удалось подавить главные очаги движения, Англия в феврале 1922 г. была вынуждена отменить протекторат и признать независимость Египта. Султан Фуад I был провозглашен королем. Правительство обещало провести демократические реформы².

В 1921 г. социалистические организации Каира, Александрии и Порт-Саида, возникшие еще в 1918 г. под влиянием Октябрьской революции, объединились в Социалистическую партию Египта, которая в 1922 г. насчитывала около 1500 членов. Несмотря на идейные разногласия, партия развернула большую работу в профсоюзах. В марте 1921 г. на конференции представителей 20 профсоюзов, объединявших 50 тыс. организованных рабочих, была создана Всеобщая конфедерация труда, которую возглавил Антуан Марон.

В январе 1923 г. на втором съезде социалистической партии делегаты приняли решение о преобразовании ее в Коммунистическую партию Египта и о присоединении к Коминтерну. Программа КПЕ ориентировала трудящихся на борьбу за независимость страны, прекращение вмешательства империалистов, национализацию Суэцкого канала, признание профсоюзов и политических прав рабочих, улучшение экономического положения пролетариата и крестьянства³.

Напуганное ростом рабочего движения и влияния КПЕ, правительство короля Фуада в марте 1923 г. после забастовки деревообделочников, подавленной с помощью регулярных войск, начало гонения на коммунистов. В уголовный кодекс были внесены положения, запрещающие забастовки многих категорий рабочих и служащих. КПЕ была вынуждена перейти на нелегальное положение. руководи-

¹ См. «История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время», стр. 114—121.

² См. «Новейшая история арабских стран (1917—1966)». М., 1968, стр. 364—365.

³ См. «История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время», стр. 122; Л. А. Фридман. Капиталистическое развитие Египта (1882—1939). М., 1963, стр. 352—353.

тель революционного профсоюзного движения Египта Антуан Марон позднее погиб в тюрьме.

В годы первой мировой войны заметно ускорилось формирование рабочего класса *Алжира*. В 20-х гг. здесь насчитывалось около 25 тыс. горняков, 25 тыс. транспортных рабочих, 10 тыс. металлистов, 10 тыс. докеров, 15 тыс. деревообделочников, 11,6 тыс. полиграфистов, 5 тыс. табачников и т. д. Значительное число лиц наемного труда было занято в текстильной, обувной, ковровой и других отраслях промышленности, где преобладало ремесленно-мануфактурное производство, а также в сельском хозяйстве. С окончанием войны возросла эмиграция. Все большее число рабочих отправлялось на заработки во Францию. Если в 1919 г. из страны выехало 5,6 тыс. человек, то в 1924 г. — уже 69,5 тыс.¹

Организованное рабочее движение в Алжире в дооктябрьский период охватывало исключительно рабочих европейского происхождения и почти не имело в своих рядах арабо-берберских рабочих². Его развитию активно содействовали социалисты, а затем коммунисты Франции. Алжирская федерация КПФ насчитывала в 1925 г. 1500 членов³. Коммунисты были организаторами профсоюзов, выступали за равенство всех трудящихся, вели борьбу против национальной ограниченности и реформизма, за единство национальных и демократических сил⁴.

В 1919 г. в 53 забастовках участвовало 7,8 тыс. рабочих, в 1920 г. в 20 забастовках — 6,3 тыс. Во время трехмесячной стачки железнодорожников в 1920 г. колониальные власти применили массовые репрессии против активистов и рядовых членов профсоюзов. В 1923 г. произошли два крупных выступления — горняков и докеров. Забастовщики требовали 8-часового рабочего дня и увеличения заработной платы. Во время этих стачек арабо-берберские и европейские рабочие впервые действовали совместно, выдвинув также политические требования.

В *Тунисе* послевоенный подъем национально-освободительного и рабочего движения принес первые успехи в 1919 г., когда власти вынуждены были распространить на рабочих-европейцев некоторые положения трудового законодательства метрополии. В 1920 г. возникло тунисское департаментское объединение профсоюзов, входивших во Всеобщую конфедерацию труда Франции. Однако, руководимое рабочими-европейцами, оно было слабо связано с арабскими рабочими. В 1924 г. революционно настроенные рабочие вышли из ВКТ

¹ См. «Мировое профессиональное движение», т. 7, стр. 138.

² См. *Ларби Бухали*. Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире. М., 1957, стр. 16.

³ *Р. Г. Ланда*. Подъем антиколониального движения в Алжире в 1918—1931 гг. М., 1977, стр. 63, 72.

⁴ См. «Le Parti Communiste Algérien à 25 ans». Alger, 1961, p. 2; «Алжирская коммунистическая партия в войне за национальную независимость». М., 1961, стр. 19—21.

и создали тунисскую Всеобщую конфедерацию труда во главе с Мухаммедом Али, в которую вошли и пролетарии-арабы¹.

Главным результатом социально-экономических и политических сдвигов в странах *Тропической Африки*, наметившихся в годы первой мировой войны и после ее окончания, было пробуждение политического и национального самосознания населения колоний, ускорение формирования местного пролетариата. Так, в Катанге (Бельгийское Конго) в 1924 г. на добыче алмазов, угля, нефти, в строительстве и т. д. было занято около 40 тыс. черных рабочих². Значительные группы рабочих (в большинстве насильно привлеченных к труду и законтрактованных) появились в Родезии, Анголе, Сенегале, Кении, Дагомее и других колониях. В некоторых местах вспыхивали забастовки, которые власти подавляли с помощью войск. Хотя профсоюзное движение лишь зарождалось, а политических рабочих партий не было вовсе, рабочие уже начали принимать участие в национально-освободительном движении и активно выступать в защиту своих прав и требований.

* * *

В послеоктябрьский период трудящиеся Африки оставались еще в значительной мере потенциальной революционной силой, накапливавшей внутреннюю энергию и вызревавшей для последующих освободительных сражений, в которых рабочий класс играл все более заметную роль.

¹ См. *Н. А. Иванов*. Кризис французского протектората в Тунисе. М., 1971, стр. 75—79.

² См. «Рабочий класс Африки», стр. 42.

Часть III

РАБОЧИЙ
КЛАСС
В НОВЫХ
УСЛОВИЯХ

ПЕРЕХОД ОТ ШТУРМА К ОСАДЕ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

В ноябре 1920 г. Советская Россия отметила трехлетие своего существования. Впервые она праздновала годовщину Великого Октября в условиях мира. Он был результатом взаимодействия героических усилий советского народа и борьбы международного рабочего класса. Хотя пролетариату удалось утвердить свою власть лишь в одной стране, расчет на международную революцию, говорил Ленин, оказался безусловно верным. Коммунисты России вовсе не обещали силами одной страны «переделать мир»; они всегда подчеркивали, что «наша революция победит, когда ее поддержат рабочие всех стран. Вышло так, что они поддержали наполовину, ибо ослабили руку, поднявшуюся против нас, но все же и этим они оказали нам помощь» ¹.

К концу 1920 г. Советская Россия завоевала не просто очередную кратковременную передышку в войне против белогвардейцев и иностранных интервентов, а нечто гораздо большее. «Мы имеем, — считал Ленин, — новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоено». Для Советской страны сложились новые условия, когда она могла жить «рядом с капиталистическими державами» как самостоятельное государство ².

С окончанием гражданской войны во весь рост встал вопрос: что же дальше? Попытки перехода к социалистическому строительству, напоминал Ленин, делались уже весной 1918 и весной 1920 г. Тогда, однако, мирные передышки оказывались недолговременными. «Теперь мы должны этот переход еще раз поставить во главу угла и направить все силы, чтобы его осуществить». Начало реализации созидательной задачи — построения новых, социалистических экономических отношений — переход во внутреннем плане «чрезвычайно резкий и трудный, требующий иных приемов, иного распределения и использования сил, иного устремления внимания, психологии и т. д.». В плане международном Советская страна должна проявить себя перед всем миром «не только, как сила, способная сопротивляться военному удушению, а как сила, способная показать пример» ³.

Прежде всего требовалось решить принципиальный вопрос о взаимоотношениях между Советской республикой и капиталистиче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 2, 21, 24—25.

² Там же, стр. 22.

³ Там же, стр. 27—28.

ским миром. «Люди живут в государстве, — говорил Ленин, — а каждое государство живет в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия»¹. Но возможно ли такое равновесие между странами с различным социальным и политическим строем? В то время ответ на этот вопрос не был для всех само собой разумеющимся. Правда, уже в Декрете о мире, а затем в период споров о Брестском договоре Ленин дал на него положительный ответ. Однако заключение мира, поддержание мирных отношений — дело всегда двустороннее. Поскольку в первые три года существования Советской России империалисты вели вооруженную борьбу против Советской власти, у многих стало складываться впечатление, что капитализм и социализм вообще мирно жить не могут, что непрестанная военная борьба между ними неизбежна. Тем более что многочисленные предложения РСФСР о прекращении иностранной интервенции, снятии блокады, установлении торговых связей под теми или иными предлогами всякий раз отвергались капиталистическими державами, все попытки нормализовать политические и экономические отношения терпели неудачу. Не имели успеха ни предложение норвежского путешественника Фритьофа Нансена направить в Россию продовольствие и медикаменты, ни переговоры об обмене военнопленными, а также о возвращении из Франции на родину русских солдат. Срывались и все попытки наладить полностью парализованную внешнюю торговлю.

Выступая на заседании ВЦИК в июне 1920 г., в разгар польского наступления, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин подчеркнул, что политика Советской страны «есть по-прежнему политика мира, и это знают все. Мы хотим одного. Мы хотим, чтобы нам не мешали развиваться так, как мы желаем, строить в мире наше новое, социалистическое общество. Мы не несем ни своего строя, ни своей власти на штыках, и это знают все и тем не менее на нас направляют все новых и новых врагов». Неуклонно проводя политику мира, соглашаясь на территориальные и иные уступки соседям, Советская республика вместе с тем решительно отклоняла всякую капитуляцию перед многочисленными противниками. «Мы отвергаем, — говорил Чичерин, — коварные улыбки, скрывающие кинжал, спрятанный за спиной. Мы отвергаем отравленный кубок лживых заверений, скрывающий за дружелюбной видимостью в действительности новое нападение. Наша первая обязанность есть бдительность и твердость»².

Раскрывая классовый характер дипломатии нового, пролетарского государства, Чичерин отметил, что против него ополчились «самые утонченные представители государственного искусства, накопившегося в течение многих поколений», что «благородные лорды» думают «нас обмануть как простачков». Но коммунистическая дипло-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 59.

² «Документы внешней политики СССР», т. II. М., 1958, стр. 638.

матия вооружена против этого марксистским учением, которое впервые позволяет осуществлять глубокий анализ общественных отношений, вооружена «той боевой силой, которую дает ей представляемый ею пролетариат, одушевленный классовой ненавистью к своим врагам» и вместе с тем присущим ему «реализмом, не поддающимся ни на какие уловки».

Советская дипломатия отвечает на удар ударом, на махинации — их разоблачением, на коварство — апелляцией к рабочему классу и широким массам других стран. «Наш лозунг был и остается один и тот же: *мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были*. Сама действительность привела нас и другие государства к необходимости создания длительных отношений между рабоче-крестьянским правительством и капиталистическими правительствами. Эти длительные отношения нам повелительно навязываются экономической действительностью»¹.

Хотя экономические реальности требовали обмена товарами и всесторонние урегулированные отношений между странами, капиталистические державы пытались вновь и вновь отвлечь Советскую республику от мирного строительства, углубить разруху и тем довести страну до полного краха. Однако эта политика была обречена. Прежде всего соседи Советской России, издавна связанные с ней экономически, стали постепенно приходить к пониманию необходимости нормализации взаимовыгодных отношений. Еще в течение 1920 г. были заключены мирный договор и торговое соглашение с Эстонией, мир с Литвой, Латвией, а затем и с Финляндией. Начали завязываться торговые переговоры с Англией, Францией, Швецией, Норвегией, Швейцарией, Голландией. В марте 1921 г. после долгих переговоров Советская Россия подписала мирный договор с Польшей.

Важное значение имело заключение договоров с восточными соседями: в феврале 1921 г. — с Персией (Ираном) и Афганистаном, в марте — с Турцией. В них подчеркивалось признание права народов Востока на свободу, независимость и избрание формы правления, соответствующей их желаниям, а также стремление Советской России установить с этими странами дружественные отношения.

Так, Советское правительство торжественно заявило о бесповоротном отказе от «насильнической в отношении Персии политики империалистических правительств России», объявило «отмененными и потерявшими всяческую силу» все трактаты, договоры, конвенции и соглашения царского правительства с Персией, приводившие к умалению прав персидского народа. Объявлялись также недействительными «все конвенции и соглашения, заключенные бывшим правительством России с третьими державами во вред Персии и относительно ее»; народу безвозмездно передавались бывшие собственностью

¹ «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 639 (курсив наш. — Авт.).

России железнодорожные, шоссейные, телеграфные линии, пристани, пароходы и т. п.¹ Афганистану возвращались принадлежавшие ему в прошлом столетии земли пограничного района «с соблюдением принципа справедливости и свободного волеизъявления народов, их населяющих»². В инструкции, данной советским дипломатам, подчеркивалась необходимость политики мира и дружбы, предполагающей взаимное содействие. «Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой; у нас одни идеалы, у вас другие; нас, однако, связывают общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самостоятельности наших народов. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в самостоятельность вашего народа; мы оказываем содействие всякому явлению, которое играет прогрессивную роль в развитии вашего народа. Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такой программы, которая ему чужда»³. Эти принципы стали постоянными для советской дипломатии, притом не только в отношениях со странами Востока.

В преамбуле договора с Турцией отмечались принципы братства наций, солидарность в борьбе против империализма, желание установить между обоими народами «постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу»⁴. Все старые договоры ликвидировались, долги Турции аннулировались. Советское правительство отказывалось от режима капитуляций. За Турцией оставались города Карс, Ардаган и Артвин. Глава турецкого государства Мустафа Кемаль писал В. И. Ленину: «Дружба с Россией является постоянно... основой политики правительства Великого Национального Собрания Турции»⁵.

Летом 1921 г. советские и монгольские войска совместно разгромили белогвардейские банды барона Унгерна и 6 июля заняли столицу Монголии Ургу (ныне Улан-Батор), где было образовано монгольское народно-революционное правительство. Оно обратилось к Советской России с просьбой не выводить части войск, при помощи которых вскоре была освобождена вся страна. В Москву прибыла чрезвычайная миссия во главе с вождем монгольских трудящихся Сухэ-Батором. В ходе беседы Ленин сказал: «И впредь мы, Россия и Монголия, должны действовать... как старшие и младшие братья»⁶. 5 ноября 1921 г. между обеими странами было заключено Соглашение о мире и дружбе⁷.

¹ См. «Документы внешней политики СССР», т. III. М., 1959, стр. 536—537, 539—540.

² Там же, стр. 552.

³ Цит. по: «Ленин и Восток». М., 1960, стр. 247.

⁴ См. «Документы внешней политики СССР», т. III, стр. 597.

⁵ Цит. по: «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 115.

⁶ Цит. по: А. Н. Хейфец. Ленин — великий друг народов Востока. М., 1960, стр. 143.

⁷ См. «Документы внешней политики СССР», т. IV. М., 1960, стр. 476—480.

Начали налаживаться отношения Советской России со странами Запада. В марте 1921 г. советский представитель Л. Б. Красин подписал торговое соглашение с Англией, и премьер-министр Ллойд Джордж заявил в палате общин, что это означает признание Советского правительства де-факто. С Германией были заключены соглашения о военнопленных и возобновлении торговых отношений. Из Балканских стран первой установила торговые связи с Советской Россией Болгария; торговый договор подписала Норвегия. Однако Франция, США, Италия, Япония, Румыния продолжали занимать по отношению к пролетарскому государству враждебные позиции.

Летом и в конце 1921 г. Ленин охарактеризовал сложившуюся международную ситуацию как полосу *относительного, неустойчивого равновесия*. Его главные элементы Ленин видел в следующем: во-первых, Советская Россия сумела устоять против всех врагов, доказав внутреннюю силу нового общественного строя; во-вторых, «сила нашего сплочения с рабочими и *т р у д я щ и м и с я* всех стран оказалась больше, крепче, могучее, чем сплочение, *сцепка* капиталистических стран между собой»: оппозиция против войны с Советской Россией охватила не только революционный пролетариат, но и широкие массы мелкобуржуазной демократии, а противоречия между капиталистическими державами продолжали обостряться; в-третьих, углублялись внутренние противоречия капитализма (экономический кризис, финансовые трудности), росло «внешнее» давление на него со стороны миллиарда с четвертью угнетенных империализмом народов.

Все это, вместе взятое, считал Ленин, сделало возможным то, что «невероятное стало фактом: социалистическая республика в капиталистическом окружении». Хотя путь международной революции оказался «длиннее, зигзагообразнее», чем полагали, но это «*путь верный*, иначе бы не было того, что есть (социалистическая республика в капиталистическом окружении)». Всю парадоксальность сложившегося положения Ленин суммировал так: «Мы всех слабее (материально; военно; сейчас) и *мы всех сильнее*. Как? Почему? Потому что всемирное экономическое и политическое развитие вследствие войны и после войны идет, *как мы предвидели*»¹. В результате «международный империализм оказался не в состоянии задушить Советскую Россию», он вынужден «на время признать или полупризнать ее», заключать с ней торговые и иные соглашения. Так сложилось, «хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие, что социалистическая республика может существовать — конечно, недолгое время — в капиталистическом окружении»².

«Но мыслима ли, однако, такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении?»³ —

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 484—485.

² Там же, стр. 3—4.

³ Там же, стр. 301.

прямо поставил вопрос Ленин на IX Всероссийском съезде Советов. В 1921 г. этот вопрос имел совсем иное значение, чем теоретический прогноз, высказанный в 1915—1916 гг., чем положение Декрета о мире, чем утверждение в период Бреста. Теперь и в политическом и в военном отношениях возможность самостоятельного существования Республики Советов была непреложно доказана. Теперь требовалось лишь определить, возможна ли устойчивая нормализация экономических отношений. Пойдут ли на это капиталисты или они окружают Советскую страну кольцом экономической блокады? Ответ Ленина был основан на трезвом учете объективных экономических закономерностей, установленных марксизмом: «Есть сила бóльшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»¹.

Чтобы эта сила могла проявиться в полной мере, нужно было, однако, время. А пока достигнутое равновесие оставалось ограниченным, неустойчивым, непрочным. В любой момент оно могло быть нарушено международной буржуазией, которая, не имея «возможности вести открытую войну против Советской России, выжидает, подкарауливая момент, когда обстоятельства позволят ей возобновить эту войну»². Этой опасности Ленину противопоставил советскую политику *лабиринтов*.

Со времени Бреста, напоминал он, политическим правилом, не только теоретически усвоенным, но и практически примененным, «которое для нас надолго, до окончательной победы социализма во всем мире, явится правилом основным», остается настоятельная необходимость «использовать противоположности и противоречия между двумя империализмами, между двумя группами капиталистических государств... Если бы мы этого правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах»³.

Ленин при этом вполне отдавал себе отчет в сложности и щекотливости («межеумочности», как он говорил)⁴ положения Советской страны в капиталистическом окружении. Ее внешняя политика должна была исходить из неизбежного противостояния двух различных общественных систем, но одновременно учитывать взаимосвязь политики пролетарского государства с революционной борьбой рабочего класса и растущей антиимпериалистической борьбой угнетенных народов. Применение принципов пролетарского интернационализма в реальных условиях налаживания мирного сосуществования с капиталистическим миром порождало новые, иногда непростые проблемы.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 304—305.

² Там же, стр. 4.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 56.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 29.

На одну из них Ленин указал сразу же. Путь договоров, соглашений с капиталистическими странами, предоставления концессий иностранному капиталу требовал компромиссов, уступок. Где грань, где мера допустимого? Еще Брест показал, вспоминал Ленин, что «оппортунизм состоит в том, чтобы жертвовать коренными интересами, выгадывая временные частичные выгоды. Вот в чем гвоздь, если брать теоретическое определение оппортунизма. Тут многие сбивались»¹. Уйму сомнений и опасений, отчасти наивных, отчасти серьезных, вызвал практический вопрос о концессиях, широко обсуждавшийся с осени 1920 г. Несколько раз Ленин цитировал в этой связи заявление беспартийного крестьянина на Арзамасском уездном съезде Нижегородской губернии: «Товарищи! Мы вас посылаем на Всероссийский съезд (VIII съезд Советов. — *Авт.*) и заявляем, что мы, крестьяне, готовы еще три года голодать, холодать, нести повинности, только Россию-матушку на концессии не продавайте». Радуюсь таким патриотическим настроениям масс и отмечая, что в этом проявляется «лучший революционный патриотизм», без которого «мы три года не продержались бы», Ленин подчеркивал важность как разъяснительной работы относительно сути концессий, так одновременно и всестороннего обдумывания системы гарантий².

Концессии, подчеркивал Ленин, оперируя привычными для того времени военными категориями, — это тоже война, «военное состязание двух способов, двух формаций, двух хозяйств — коммунистического и капиталистического». Но это — новая форма войны, без оружия и насилия, путем влияния и примера, когда «война оружием и танками заменяется войной экономической». Недавний опыт побуждал его при этом не раз напоминать как о принципиальной противоположности двух систем, так и о вероятности новых военных акций со стороны империалистических держав. Когда, объяснял он, «Советская власть догонит и обгонит капиталистов» в экономическом соревновании, вот тогда «выигрыш окажется у нас»³.

Проблема использования разногласий между противниками тоже таила в себе немало сложностей. Если пытаться использовать разногласия незначительные, случайные, говорил Ленин, «мы попадем в положение мелкого политика и дешевенького дипломата. Но на этом ничего серьезного сыграть нельзя. Дипломатов, играющих на этом, громадное количество, они играют несколько месяцев, делают себе карьеру, а потом летят». Нужно использовать *коренные* противоположности в капиталистическом мире, «только глубокие разногласия, объясняемые глубочайшими экономическими причинами». К числу таких Ленин относил противоречия между Японией и Америкой, между Америкой и остальным капиталистическим миром, между

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 58.

² См. там же, стр. 118—119, 135—136, 140, 148.

³ См. там же, стр. 74—78.

Антантой и Германией. Указывая на конкуренцию США и Японии на Дальнем Востоке, помешавшую Японии захватить Сибирь, Ленин заметил: «Еще больше нас спасло бы то обстоятельство, если бы империалистические державы оказались в войне... Когда два вора дерутся, честные люди выигрывают»¹.

Однако такой подход был чреват немалой опасностью. На это обратил внимание автор поданной Ленину после его доклада записки. «Выходит, — говорилось в ней, — что мы втрапливаем в войну Японию и Америку, но воевать будут рабочие и крестьяне. И хотя это империалистические державы, по нам, социалистам, разве пристало втрапливать в войну две державы и приводить к пролитию крови рабочих?» Ленин придал этому вопросу большое значение и не только ответил автору на собрании московского актива, но и подробно рассказал об этом также на фракции РКП(б) VIII съезда Советов: «Если бы мы действительно втрапливали в войну рабочих и крестьян, это было бы преступлением». Но речь идет совсем об ином. Противоречия и столкновения между империалистами неизбежны и без Страны Советов. Цель же политики Советского государства — покончить с войной, а это сможет в полной мере обеспечить именно и только мировая социалистическая революция, которой трудящиеся Советской России обязаны содействовать².

Естественно, что в обстановке неустойчивого равновесия сам подход к проблемам международной революции не мог оставаться статичным. Он настоятельно требовал смелого поиска новых решений, энергичного осуществления резких и крутых поворотов как во внутренней политике Советской России, так и в политическом курсе Коммунистического Интернационала. При всем их различии оба поворота, проведенные весной — летом 1921 г., неразрывно связаны с именем Владимира Ильича Ленина.

ПОИСК НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Годы гражданской войны и иностранной интервенции выявили необыкновенную силу и жизнестойкость нового строя, рожденного Октябрьской революцией. Но они не дали ему возможности сделать сразу такой шаг вперед, который позволил бы развить производительные силы, наглядно показать, какие гигантские возможности заключает в себе социализм.

Переход к мирному социалистическому строительству был не просто осложнен чудовищной разрухой хозяйства, масштаб которой выяснился только с окончанием военных действий и демобилизацией. Страна оказалась отброшенной на десятилетия назад: промышленное производство в конце 1920 г. было в 7 раз ниже довоенного, выплавка

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 60, 66.

² Там же, стр. 61, 99.

стали — в 21 раз, транспорт парализован ¹. В первые месяцы 1921 г. выяснилось, что иссякли также запасы хлеба, хотя по продразверстке, несмотря на неурожай и бескормицу, его было собрано больше, чем в предыдущий год. На незначительное увеличение голодного продовольственного пайка ушли все ресурсы. Топлива до весны не хватало. Останавливались пущенные заводы и фабрики. Но даже не это было самым главным. Опаснее всего было то, что Ленин называл «переутомлением и изнеможением масс». «Семь лет войны, — говорил он, — как они должны были сказаться у нас, если четыре года войны в передовых странах до сих пор дают себя чувствовать там?!» ² Отношения, которые были единственно возможными в обстановке войны, оказывались неприемлемыми при переходе к миру.

Это понимали не все даже в коммунистической партии. Когда Троцкий навязал дискуссию о профсоюзах и выяснилось разнообразие платформ и мнений по ряду, казалось бы, частных вопросов, Ленин увидел скрытую за этим суть серьезных расхождений: по-новому встал вопрос о «методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой» ³. Та проблема соотношения «партия — классы — массы», которую Ленин год назад столь наглядно и убедительно разъяснял зарубежным коммунистам, неожиданно встала во весь рост перед партией, казалось давно ее разрешившей, и потребовала принятия чрезвычайных, срочных, экстраординарных мер.

В ходе партийной дискуссии были подняты вопросы не только о формах и методах управления социалистической экономикой. В конечном счете речь шла о взаимоотношениях между партией, государством и трудящимися массами, о роли рабочего класса в системе пролетарского государства. Троцкий и его сторонники развивали планы милитаризации всего народного хозяйства. Военно-коммунистические методы хозяйствования, сложившиеся в годы гражданской войны и вынужденные чрезвычайными обстоятельствами, они представляли оптимальными и на весь период строительства социализма. Профсоюзам, которые, по выражению Троцкого, следовало «перетряхнуть», отводилась роль придатка государственной власти, действующего по отношению к массам средствами принуждения. Принятие такой линии могло только углубить внутренний кризис, уже вызванный несоответствием между методами «военного коммунизма» и изменившейся обстановкой.

В это же время лидеры «рабочей оппозиции» (А. Г. Шляпников, А. М. Коллонтай, С. П. Медведев и др.) выдвинули другую платформу. Они предложили создать выборный орган управления экономикой, так называемый «съезд производителей», а управление отдель-

¹ См. «История социалистической экономики СССР», т. II. Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР. 1921—1925 гг. М., 1976, стр. 10.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 68.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 206.

ными отраслями промышленности и предприятиями передать в руки соответствующих профсоюзов и рабочих коллективов. Они требовали упразднить Высший Совет Народного Хозяйства, сохранить за государством чисто административную функцию, а за партией — агитационно-пропагандистскую.

Хотя позиции троцкистов и сторонников «рабочей оппозиции» выглядели полярно противоположными, их объединяло неверие в способность партии и Советской власти управлять процессами социально-экономического переустройства общества. Социальным источником появления подобных взглядов (а также предложений, выраженных в других платформах — «буферной» Бухарина, «демократических централистов» и т. п.) было воздействие мелкобуржуазной среды на неустойчивую часть членов партии, подавленных трудностями неизведанного пути. Оппозиционеры проявили непонимание своеобразия законов развития социалистической революции, недооценку социаль- ных задач пролетарского государства.

В обстановке огромных трудностей перехода к мирной хозяйственной деятельности, разгула мелкобуржуазной стихии, воинственных действий капиталистического окружения публичная теоретическая дискуссия в правящей партии была, по выражению Ленина, роскошью удивительной, непомерной и непозволительной¹. Она не только отвлекала партию от решения насущных серьезнейших задач, но и дала возможность враждебным силам, усмотревшим в разногласиях и спорах ослабление коммунистов, усилить нападки на Советскую власть.

Тем не менее дискуссия состоялась. ЦК противопоставил взглядам оппозиционеров свою платформу, выработанную на основе тезисов Я. Э. Рудзутака (в то время члена Президиума и генерального секретаря ВЦСПС) и подписанную большинством членов ЦК во главе с Лениным. В ней проводились ленинские мысли, что профсоюзы — самая массовая организация рабочего класса — есть «организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма»² и главный метод их работы — убеждение, а не принуждение. Профсоюзы призваны всемерно разворачивать рабочую демократию и поднимать творческую активность масс. В итоге споров ленинская точка зрения одержала полную победу. Подверглись принципиальной критике ошибочные утверждения Троцкого, Бухарина и др. Была отмечена опасность анархо-синдикалистского уклона, носителями которого выступили лидеры «рабочей оппозиции».

Вместе с тем Ленин поддержал критику бюрократизма, призвал участников дискуссии к деловой работе и развитию внутрипартийной демократии³. Чтобы впредь уберечь партию от опасности раскола

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 4—5, 15.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 203.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 43, 46—47, 52—56, 104—106, 111.

и дать ей возможность руководить миллионными массами в социалистическом строительстве, управлять страной, в основном мелкобуржуазной, необходимо было обеспечить внутреннее единство партии, идейную выдержанность, железную дисциплину, нетерпимость к оппортунистическим шатаниям и фракционной борьбе. Эти важнейшие условия создал X съезд партии ¹.

К весне 1921 г. стало ясно: не оправдалась надежда на то, что удастся сразу взяться за решение самой главной задачи социалистического строительства — восстановление и быстрое развитие крупной промышленности (на это ориентировали IX съезд РКП(б) и план ГОЭЛРО). На первый план выдвинулась задача еще более неотложная — необходимость отыскания особых переходных мер, обеспечивающих установление правильных экономических отношений между двумя основными классами советского общества — рабочими и крестьянами.

Положение рабочего класса было наиболее трудным. Взяв на себя руководство страной и приняв на свои плечи главную тяжесть гражданской войны, он к концу ее оказался ослабленным. «Неслыханные кризисы, закрытие фабрик, — говорил Ленин, — привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне» или занимались изготовлением на больших заводах зажигалок для обмена на хлеб ². Рабочий класс, писал Ленин немного позднее, «выбит из своей классовой колеи. Стоят фабрики и заводы — ослаблен, распылен, обессилен пролетариат» ³. Слишком долго продолжается «состояние крайнего голода, нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже полное обессиливание пролетариата, невозможность для него противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний и отчаяния» ⁴. Весной 1921 г. меньшевикам и эсерам удалось в некоторых городах, в том числе в Петрограде и Москве, используя недовольство рабочих, подтолкнуть их на забастовки. Для улучшения положения рабочих Советское правительство решило отложить намеченное приобретение за границей машин и промышленного оборудования, ассигновав 10 млн. руб. золотом на немедленную покупку продовольствия и угля.

Крестьянство тоже страдало от разрухи, недоедания, отсутствия промышленных товаров. Росло его недовольство политикой «военного коммунизма», особенно продразверсткой. Демобилизация вернула в города и села тысячи людей, в течение долгих лет оторванных от мирного труда. Поскольку многие не находили места в производстве, создавалась почва для роста бандитизма. С осени 1920 г. стали ши-

¹ См. «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1979, стр. 301—302.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 42.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 103.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 84. См. также стр. 132—133.

риться кулацкие мятежи в ряде районов Украины, Северного Кавказа, Поволжья, центральных губерний, Сибири. Самым крупным из них был мятеж, поднятый эсером Антоновым в Тамбовской губернии и охвативший пять уездов. Серьезнее всего было то, что в движение начали вовлекаться середняки, а иногда и беднота. В начале марта 1921 г. разразился Кронштадтский мятеж. Участвовавшие в нем матросы были в большинстве выходцами из крестьян. Мятеж возглавили меньшевики и эсеры, а белогвардейцы подкинули восставшим лозунг: «Советы без коммунистов». Эта мелкобуржуазная, анархическая контрреволюция, считал Ленин, «несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство»¹. Сущность мятежа Ленин выразил словами: «Экономика весны 1921 превратилась в политику: «Кронштадт»»². Мятеж был быстро подавлен, но опасность новых выступлений оставалась.

Анализируя ситуацию с разных сторон, Ленин в плане доклада на X съезде записал: речь идет о *«крестьянской (мелкобуржуазной) контрреволюции»*. **Такая контрреволюция стоит уже против нас**³. Серьезность положения Ленин видел в том, что «мелкобуржуазно-анархическую стихию мы не победили и от победы над нею сейчас зависит ближайшая судьба революции. Если мы ее не победим, мы скатимся назад, как французская революция. Это неизбежно, и надо смотреть на это, глаз себе не засоряя и фразами не отговариваясь». Сравнение русского 1921 г. с французским 1794 г. волновало Ленина в ту пору всерьез. В плане доклада на X Всероссийской конференции РКП(б) он записал: ««Термидор»? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим. Не хвались, едучи на рать»⁴.

И все же не политическая угроза, нависшая над Советской властью, была первопричиной постановки Лениным вопроса о необходимости изменения подхода к экономике. Еще до того, как политическое положение достигло критической остроты, Ленин уже пришел к мысли, что в экономических взаимоотношениях пролетариата и крестьянства должен быть совершен поворот. В конце 1920 г. он заметил, что страна вступает в «переходный период в переходном периоде»: конец войны, демобилизация, переход к мирному труду приводят к тому, что отношение класса пролетариата к классу крестьянства начинает меняться. «Как изменяется? К этому надо внимательно присмотреться... Пока мы не присмотрелись, до тех пор надо уметь выжидать»⁵. Но ожидание никак не означало пассивности. Наоборот, началась полоса самого интенсивного поиска *новой*

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 24.

² Там же, стр. 387.

³ Там же, стр. 371.

⁴ Там же, стр. 141, 403; см. также стр. 385, 386, 387.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 216.

экономической политики, соответствующей изменившимся условиям¹.

В то время как некоторые работники видели выход в усилении государственного регулирования сельского хозяйства, Ленин на основе бесед со многими крестьянами, знакомства с письмами с мест, встреч с ходоками и крестьянскими делегатами VIII Всероссийского съезда Советов, обсуждений с товарищами из Наркомпрода, Наркомзема и т. д. все более склонялся к необходимости учесть пожелание крестьян о замене продразверстки продовольственным налогом. Он исходил из того, что сосуществование с мелким крестьянским производителем — процесс длительный (а мелких и мельчайших хозяйств в стране было около 22 миллионов), что нельзя пренебрегать материальными стимулами для поднятия производства. Позднее Ленин говорил зарубежным коммунистам, что радикальное решение «было придумано не сразу. В большевистской печати вы можете найти, на протяжении месяцев, ряд предложений, но проект, действительно обещавший успех, не был придуман»².

8 февраля 1921 г. на заседании Политбюро, обсуждавшем вопрос о весенней посевной кампании и положении крестьянства, Ленин написал «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», который был положен в основу последующих решений. Пункт первый гласил: «Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом». Далее предлагалось уменьшить его размер сравнительно с разверсткой, сообразовать его со «старательностью земледельца», а при условии быстрого и полного внесения налога расширить свободу использования излишков «в местном хозяйственном обороте»³. Это и был найденный новый подход к решению вопроса об экономических взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства.

Месяц спустя на X съезде РКП(б) и в последующих работах Ленин дал развернутую характеристику крутому повороту в экономической политике, указав, что он должен обеспечить органическую взаимную связь индустриализации, электрификации страны с социалистическим преобразованием деревни. Притом начать продвижение по пути строительства социализма можно и должно с оживления сельского хозяйства и мелкой промышленности, ибо это создаст необходимые предпосылки общего экономического и социального подъема.

¹ Подробнее см.: Ю. А. Поляков. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Э. Б. Генкина. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923. М., 1969; Ю. А. Поляков, В. П. Дмитренко. Переход к новой экономической политике. М., 1972.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 45.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 333.

Говоря о необходимости пересмотра отношений рабочего класса к крестьянству, Ленин считал очень важным открыто заявить: «Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах»¹. А немного позднее он раскрыл суть нэпа в словах: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора.

Aut — aut. Tertium non datur»².

Ленин подчеркивал, что, считаясь с волей громадных масс трудящегося населения, надо прежде всего экономически удовлетворить среднее крестьянство. А тут нет иного способа, как сделать шаг к свободе торговли. «Спрашивается,— говорил Ленин,— как же так, может ли коммунистическая партия признать свободу торговли, к ней перейти? Нет ли тут непримиримых противоречий?.. Можно ли... до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корней политической власти пролетариата?» Указывая на трудность практического решения этой задачи, Ленин отвечал: «Можно, ибо вопрос — в мере»³.

Ленин разъяснял, что в условиях гражданской войны и политики «военного коммунизма» партия зашла слишком далеко по пути национализации торговли и промышленности. Это было оправданно в условиях войны, теперь же выяснилось, что необходим целый ряд переходных ступеней, особых переходных мер. Замена продразверстки налогом лишь первая из них. «Не надо закрывать глаза на то, что... кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор... Но не запретительными мерами нужно с этим бороться, а государственным объединением и государственными мерами сверху». Местный хозяйственный оборот — это «стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу в его хозяйствовании. Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем»⁴.

В единодушно принятом съездом решении о замене разверстки натуральным налогом эта мера была мотивирована необходимостью «обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами», а также «укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности... точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств». Указывая,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 59.

² Там же, стр. 383.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 63, 69, 71.

что налог должен быть меньше разверстки и иметь прогрессивный характер, решение предлагало установить его размер до начала весенних полевых работ. Предусматривались льготы для старательных хозяев-крестьян, увеличивающих посевные площади и производительность хозяйства ¹. В других решениях съезда говорилось о пересмотре финансовой политики, об экстренных мерах по улучшению положения рабочих и нуждающихся крестьян, о привлечении для поднятия производительных сил республики и для «улучшения положения главной производительной силы — рабочего класса» иностранного капитала в форме концессий, прежде всего в тех отраслях, которые Советская республика не может в ближайшее время обслужить собственными силами: лесное, горное и нефтяное дело, электрификация ².

Эти решения повлекли за собой принятие законодательных мер. Был установлен размер налога на хлеб, картофель, мясо, масло и другие продукты земледелия и животноводства, который по РСФСР был ниже продразверстки почти в 2 раза и более. Значительная часть беднейшего крестьянства была полностью освобождена от налога. В связи с обрушившимся на страну стихийным бедствием — засухой и голодом, которые охватили летом 1921 г. Поволжье и многие другие области, от налога были освобождены все голодающие губернии. В губерниях, закончивших разверстку, разрешалась свободная покупка и продажа продовольствия, были сняты заградительные посты. Декрет о потребительской кооперации восстановил ее право вести заготовки сельскохозяйственных продуктов, торговать сельскохозяйственными и кустарно-ремесленными изделиями. Были открыты возможности для проявления частной инициативы в производстве товаров широкого потребления, разрешено создавать мелкие и кустарные промышленные предприятия, вести частную торговлю ³.

Крестьяне сразу почувствовали облегчение. Изменение их настроений создало благоприятные условия для ликвидации «антоновщины» в Тамбовской губернии и других мятежей. Вскоре крупнейший из «атаманов» на Украине — Махно бежал в Румынию.

В вопросах торговли пришлось, однако, пойти дальше, чем первоначально предполагалось. Попытка ограничиться местным хозяйственным оборотом, противопоставить частной торговле государственный товарообмен оказалась неудачной: натуральный обмен не удовлетворял крестьянина, он предпочитал свободные рыночные отношения, денежную куплю-продажу, торговлю. Когда выяснилось, что без развития свободной торговли не обойтись, Ленин в октябре записал: «Жизнь *сорвала* товарообмен и поставила на его место *куплю-продажу*». Это значило, что в борьбе за социализм надо сделать «еще

¹ См. «Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет». М., 1963, стр. 608—609.

² См. там же, стр. 609—611.

³ См. Ю. А. Поляков, В. П. Дмитренко. Указ. соч., стр. 24—25.

шаг назад, еще отступление». Ленин настоял на том, чтобы пойти и на это во имя «смычки, связи, экономического союза пролетарского государства с мелкокрестьянской массой через торговлю»¹.

В сложившейся ситуации стало действительно необходимым развертывание государственной (прежде всего оптовой) и кооперативной торговли. Оздоровление всей финансовой системы потребовало сокращения эмиссии (за годы гражданской войны масса денежных знаков увеличилась чуть ли не в 20 раз; их ценность упала), открытия Государственного банка, затем кооперативного и др., создания советской кредитной системы. Расширение и укрепление товарно-денежных отношений повлекло за собой коренные изменения всей системы управления экономикой. Одним из первых шагов в области использования стоимостных рычагов управления было введение в государственном секторе промышленности хозяйственного расчета. Тресты на хозяйственном расчете, писал Ленин, созданы нами «именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий»². Усилилось плановое руководство хозяйством. На базе Комиссии ГОЭЛРО в феврале 1921 г. была образована Государственная общеплановая комиссия (Госплан) во главе с «поэтом энергетики» Г. М. Кржижановским. В ее задачу входила разработка единого государственного хозяйственного плана и общего контроля за его осуществлением. В этом плане, по мысли Ленина, следовало правильно определить экономические пропорции, межотраслевые и межрайонные связи, обеспечить увязку работы смежных отраслей общественного производства, добывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и индустрии, транспорта и народного хозяйства, роста производства и потребления и т. д. Правительство обязало Госплан обеспечить сочетание перспективного и текущего хозяйственного планирования: текущие планы должны были строиться на основе перспективного плана ГОЭЛРО. В состав Госплана были введены крупнейшие специалисты по важнейшим отраслям хозяйства, деятели науки и техники И. Г. Александров, В. Р. Вильямс, И. М. Губкин, Д. Н. Прянишников, С. Г. Струмилин и др.

Новая экономическая политика предполагала отмену оплаты труда натурой и переход от уравнительности к сдельной системе. Возросла роль материальных стимулов в повышении производительности труда и укреплении трудовой дисциплины, усилилась производственная активность рабочего класса. Разработанный под руководством Ленина «Наказ СНК» от 9 августа 1921 г. «О проведении в жизнь начал новой экономической политики» предусматривал более широкое привлечение в государственной промышленности «профсоюзов, а через них самих рабочих к разрешению вопросов организации управления производством, организации труда»³. Проявляя хозяй-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 471, 487.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 150.

³ «Известия ВЦИК», 11 августа 1921 г.

скую заботу о восстановлении и развитии экономики, профсоюзы участвовали в налаживании работы фабрик и заводов. «В переживаемый момент экономических перестроений и направления всех сил страны на хозяйственное строительство, — говорилось, например, в резолюции Тульского губернского совета профсоюзов, — профсоюзы должны явиться той героической опорой, которой предстоит восстановить крупную социалистическую промышленность. Признавая значение профсоюзов как «школы коммунизма», необходимо добиться, чтобы эта школа была построена на твердой производственной базе»¹.

В условиях нэпа, считал Ленин, одной из главных задач профсоюзов снова становилась защита непосредственных интересов пролетариата на капиталистических и государственных предприятиях. Хотя классовая борьба в этих условиях существенно отличалась от борьбы при капитализме, она продолжала существовать. Нельзя было поэтому вообще запретить стачки, хотя нормальный способ решения конфликтов состоял в непосредственном обращении рабочих к государственным органам. Поскольку обязательное членство в профсоюзах не соответствовало «ни достигнутой фактически ступени социализации промышленности, ни уровню развития масс», была восстановлена его добровольность. Основой успешной работы профсоюзов могла служить только их тесная, повседневная связь с массами. Ответственные работники, писал Ленин, «должны жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины, уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд»².

В свое время, весной 1918 г., когда возникла необходимость перейти от «митингового демократизма» к организованной дисциплине труда, Ленин говорил о двух категориях демократических функций в переходный период. Теперь он столь же прямо и открыто выявил двойственное положение профсоюзов: главный метод их действий — убеждение, воспитание, вместе с тем они не могут отказаться и от участия в государственном принуждении; хотя им менее всего свойственны специфически военные методы, они должны работать по-военному четко; им нужно уметь приспособиться к массе, к ее данному уровню, но никоим образом не потакать «предрассудкам и отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень более и более высокий». Наиболее рельефно эта мысль была выражена в формуле: «Не лстить массе, не отрываться от массы»³. Такие противоречия,

¹ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 5, д. 475, л. 104.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 342—348.

³ Там же, стр. 349, 498.

считал Ленин, «не случайны и неустранимы в течение ряда десятилетий», ибо они свойственны всякой школе, а профсоюзы — это «школа коммунизма». Поэтому работникам профсоюзов необходим «особый такт, умение подойти к массе особым образом», а неизбежные конфликты, несогласованность, трения надо разрешать немедленно на самом высоком уровне.

Ленина беспокоило также отношение рабочих к добросовестно работающим специалистам. Развивая свои прежние мысли, он подчеркивал, что нужно обязательно добиться (хотя это удастся и не скоро), чтобы специалистам «жилося при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы». Ленин резко осудил в этой связи имевшие место случаи травли и даже убийства рабочими инженеров (на Урале, в Донбассе). Он потребовал крайних мер наказания виновных и обеспечения широкой гласности: «...надо бить в большие колокола»¹.

Важным инструментом осуществления профессиональными союзами своей организационно-хозяйственной функции стали производственные совещания. На них рассматривались существенные вопросы работы отдельных предприятий — производственная дисциплина, производительность труда, использование оборудования, перспективные планы развития и т. д.

Как и в годы гражданской войны, трудовой энтузиазм рабочего класса находил выражение во время многочисленных субботников и воскресников по заготовке топлива и сырья, ремонту оборудования, помощи деревне. Новые условия вызвали появление и других форм творческой активности. Так, на шахтах Донбасса, на заводах Урала, Петрограда, Москвы, Тулы и других промышленных центров в ходе развития социалистического соревнования возникли первые ударные бригады, которые благодаря самоотверженному труду добивались более высокой производительности. Центральный комитет профсоюза металлистов принял специальное положение о правах и обязанностях членов ударных групп. «Каждый член группы, — говорилось в нем, — обязан давать наибольший практический предел в возложенной на него работе. Ударник служит образцом строгого безоговорочного выполнения всех правил трудовой дисциплины, установленных союзом»².

Коммунистическая партия постоянно поддерживала и развивала творческую инициативу передовых рабочих. Каждое крупное достижение в труде отмечалось в печати и становилось известным широким народным массам. Большое распространение получило чествование передовиков производства. Лучшие коллективы и рабочие награжда-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 349—351, 497.

² «Бюллетень ЦК ВСРМ», 1921, № 10, стр. 3.

лись орденом Трудового Красного Знамени, который был учрежден в декабре 1920 г. Этот высший знак трудового отличия получили тульские оружейный и патронный заводы. Среди первых кавалеров ордена были машинист паровоза Самаро-Златоустовской железной дороги Т. М. Чариков, рабочий ростовского завода «Жесть» А. К. Пичугин и др.

На фабриках и заводах устанавливались доски Почета. Так, на Сормовском машиностроительном заводе на доску Почета зимой 1921 г. было занесено 529 лучших производственников. Слесарь С. Чеснов был удостоен этого за аккуратное отношение к делу и сверхурочную работу; токарь И. Пудов — за выполнение заданий сверх нормы, точную обработку самых ответственных деталей; мастер М. Чумаков и слесарь П. Ляпин — за высокую производительность труда ¹.

Пролетариям, труд которых признавался подвигом, коллективы присваивали высокое звание Героев Труда. Это были, как правило, самые квалифицированные кадровые рабочие. Так, в 1921 г. рабочие московского завода АМО чествовали как Героя Труда столяра, члена партии И. И. Егорова. Он начал трудовой путь в 13 лет, в 1905 г. состоял членом боевой дружины и был ранен в боях на Пресне. Несмотря на инвалидность, он честно выполнял свои обязанности, показывал пример героизма в труде. В 1921 г. звание Героя Труда было присвоено нескольким рабочим Ижевского оружейного завода, которые проработали на заводе более 50 лет ².

Выработанные Российской коммунистической партией по инициативе и при самом непосредственном участии Ленина новые хозяйственные взаимоотношения между социалистической промышленностью и мелкотоварным сельским хозяйством стали основой для постепенного восстановления производительных сил в сельском хозяйстве, для подъема промышленности и транспорта. Трудности этого процесса усугубило обрушившееся на Советскую республику огромное стихийное бедствие — сильнейшая засуха и неурожай, которые поразили летом 1921 г. хлебородные районы Поволжья, Северного Кавказа и юга Украины. Страшный голод охватил более 30 губерний с населением свыше 30 млн. человек. Партия выдвинула лозунг «Все на борьбу с голодом!». Были созданы специальные органы, которые возглавила Всероссийская комиссия помощи голодающим во главе с М. И. Калининым. На местах налаживались общественные работы, проводились Всероссийская неделя помощи голодающим, Всероссийский субботник, сборы продовольствия и семян, отчисления от зарплаты, создавались детские дома для пострадавших детей. Дружеская помощь пришла и из-за рубежа — от рабочих и прогрессивных демократических организаций ³. В таких исключительно

¹ См. А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). М., 1962, стр. 283.

² См. там же, стр. 284—285.

³ Подробнее см. в главе одиннадцатой.

тяжелых условиях героические усилия рабочих и крестьян обеспечили первые успехи новой экономической политики.

Эта политика сразу же вышла далеко за рамки только экономических отношений, распространившись также на сферы отношений социальных, политических, культурных, психологических. Разъясняя на съезде работников комитетов политического просвещения сущность «резкого поворота» Советской власти, Ленин указывал, что экономический и политический кризис поставил революцию перед «пропастью, на которую все прежние революции натыкались и падали назад». Иного пути, кроме временного отступления, нет и быть не может. Вопрос встал так: *«Кто победит — капиталисты или Советская власть?»*, «кто кого? чья возьмет?» Сумеют ли капиталисты раньше сорганизоваться, или «пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежающей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству», чтобы тем самым открыть путь к социализму? ¹

Военную задачу разгрома белогвардейцев и интервентов можно было решить натиском, налетом, энтузиазмом рабочих и крестьян. Теперь же борьба, предупреждал Ленин, предстоит еще более упорная и трудная, ибо в экономике противника не видно, борьба с ним требует непривычных приемов. Такой войны пролетарской государственной власти против буржуазии своей страны и объединенной буржуазии всех стран в истории никогда еще не бывало. Решить столь огромную задачу лобовой атакой не удалось, и придется идти в обход, «действовать осадой и сапой» ². Необходимо внедрить принцип личной заинтересованности и ответственности, строгую дисциплину, научиться торговать. В этом комплексе задача громадного повышения культуры — одна из первоочередных, и притом самых сложных. Враг и здесь — коммунистическое чванство, безграмотность и взятка; Ленин сформулировал «четыре заповеди» борьбы с ними: «(1) Не мудрствуй лукаво, не важничай коммунизмом, не прикрывай великими словами халатности, безделья, обломовщины, отсталости; (2) ликвидируй безграмотность; (3) борись с взяткой; (4) проверяй всю свою работу, дабы слова не остались словами, *п р а к т и ч е с к и м и* успехами хозяйственного строительства» ³.

Как же укладывался нэп в общую, международную перспективу социалистической революции и социалистического строительства? Проблема требовала серьезного теоретического осмысления, повой «сверки» практики с теорией. Ленин выполнил эту задачу в брошюре «О продовольственном налоге», в тезисах и докладе о тактике РКП на III конгрессе Коминтерна, в ряде последующих выступлений.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 155, 158, 160—163.

² См. там же, стр. 165.

³ Там же, стр. 169, 173—175, 465.

В основе прежних представлений и расчетов о строительстве социалистического общества в результате международной революции, подчеркивал Ленин, всегда лежала мысль о том, что *в мировом масштабе* имеется «такая цветущая крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами» и «постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму»¹. Мелкие производители, крестьяне, получая промышленные изделия, увидят на практике преимущества крупного хозяйства, и их переход к общественному, коллективному труду произойдет поэтому довольно быстро. «Так,— напоминал Ленин,— теоретически ставили всегда вопрос марксисты и все социалисты, размышлявшие о социальной революции и ее задачах»².

В России ко времени Октября такой развитой и цветущей промышленности не было, а из-за задержки революции на Западе не приходилось рассчитывать и на промышленную помощь Европы. Поэтому в конце 1917 г. у русских большевиков сложилось представление о двух возможных путях развития революции: «сравнительно кратком» или «очень долгом и тяжелом»³. Но потом при оценке перспектив, вспоминал Ленин, «мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых,— из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству». Весной 1918 г. мыслилось осуществление такого перехода «без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической»³. Позднее, в условиях гражданской войны, вынужденная политика «военного коммунизма» ускорила шаги в направлении социализма: «чем труднее становилась борьба, тем меньше оставалось места для осторожного перехода»⁴. Эта политика обеспечила главное — победу над врагом, но она не была нормальным путем социалистического строительства. В условиях мира она оказалась совсем непригодной.

Обобщая опыт России и рассматривая его в свете общих закономерностей международного масштаба, Ленин подчеркивал: «Нет никакого сомнения, что переход от капитализма к социализму мыслим в различных формах, в зависимости от того, имеем ли мы в стране уже преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство». Прямой переход экономически возможен только в том случае, если крупное производство сильно развито в промышленности и в сельском хозяйстве, т. е. только в развитых капиталистических странах⁵. В большинстве стран, где значительную часть населения составляют мелкие произ-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 306—307, 310.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 26.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 44, стр. 197, 199.

⁴ Там же, стр. 204.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 78—79.

водители, прежде всего крестьяне, переход возможен «лишь путем целого ряда особых переходных мер» общегосударственного характера¹.

Дело, однако, не исчерпывалось отысканием наиболее подходящих экономических форм перехода. Важнейшей, а вместе с тем и труднейшей задачей социалистического строительства во всех капиталистических странах становилась задача социально-политическая: обеспечение прочного союза пролетариата с крестьянством или — шире — с массой мелкой буржуазии (в том числе городской), которая только под руководством рабочего класса может быть вовлечена в процесс социалистического преобразования. Ленин полагал возможным сделать исключение для одной лишь Англии (где малочислен класс мелких земледельцев-арендаторов). Он заметил, однако, что зато исключительно высок процент «живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих вследствие фактического рабства сотен миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии»². «Освободиться» от классов мелких производителей и мелких земледельцев, продолжал он развивать эту мысль, нельзя такими же методами, как от крупных землевладельцев и капиталистов, — их невозможно ни экспроприировать, ни прогнать. Они составляют повсюду очень сильное меньшинство — 30—45 % населения, а если прибавить к ним «мелкобуржуазный элемент рабочего класса», то и более 50 %³.

Значительный удельный вес промежуточных, или «средних», слоев в развитых капиталистических странах ставил перед революционерами важную, дотоле совсем не разрабатывавшуюся проблему. Говоря о ее решении, Ленин прямо указал на опыт русского нэпа, на его пользу «для грядущих пролетарских революций»: «Значение периода, который начинается сейчас в России, с международной точки зрения, — говорил он, — если рассматривать международную революцию как единый процесс, — состоит по существу в том, что мы практически должны разрешить вопрос об отношениях пролетариата к последнему капиталистическому классу в России». И далее: «Теоретически все марксисты хорошо и легко разрешали этот вопрос; но теория и практика — две вещи разные, и разрешать этот вопрос практически или теоретически совсем не одно и то же. Мы определенно знаем, что делали большие ошибки. С международной точки зрения представляет громадный прогресс, что мы стремимся определить отношение держащего в своих руках государственную власть пролетариата к последнему капиталистическому классу, к глубочайшей основе капитализма, к мелкой собственности, к мелкому производителю»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 57—58.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 6.

³ См. там же, стр. 41.

⁴ Там же, стр. 41—42.

Рассматривая конкретнее вопрос об отношениях пролетариата к крестьянству, Ленин подчеркнул трудность, но вместе с тем экономическую и политическую возможность установления тесного союза между ними. Большевики и меньшевики придают разный объективный смысл этому союзу. Большевики стремятся повести крестьян за собой для совместной борьбы против эксплуататоров и победы над ними, имея в виду усиление позиций пролетариата, укрепление его власти. Меньшевики же, как «чистые демократы», хотят дать крестьянам, мелкой буржуазии возможность принимать решения «по большинству», т. е. заведомо решать против пролетариата, в пользу капитализма. Достигнутый большевиками союз был вначале военным союзом, экономической основой которого было: «крестьянин получал от рабочего государства всю землю и защиту от помещика, от кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие в ссуду до восстановления крупной промышленности». Это была вынужденно необходимая, хотя и примитивная форма союза, над которой Каутский и Бауэр издеваются зря¹.

По окончании гражданской войны встала иная задача: установить прочный, «правильный» экономический союз. Теоретически был возможен легкий вариант, если бы крупная промышленность и транспорт могли дать крестьянину все необходимое. Но поскольку он оказался практически неосуществимым, пришлось избрать второй, трудный вариант: немедленно показать широким массам крестьянства *готовность* Советской власти облегчить его нужду, заменив разверстку налогом. Это означало свободу торговли, известную свободу капитализма, воссоздание государственного капитализма (в том числе в форме концессий, смешанных предприятий и т. п.), который, однако, находясь под контролем пролетарского государства, не опасен. Проценты концессионерам являются «данью рабочего государства мировой буржуазии», платой за отсталость, за слабость, за ученье. Мы не скрываем этого, говорил Ленин, «но мы выигрываем время, а выиграть время — значит выиграть все, особенно в эпоху равновесия»².

Объясняя необходимость нэпа, Ленин напоминал, что «революция требует жертв», без которых никак не обойтись. А поскольку революция «отличается от обыкновенной борьбы тем, что в движении принимают участие в десять, в сто раз больше людей», чем обычно, то она означает «жертвы не только для отдельных лиц, но и для целого класса». От этого не уйти, скрывать это коммунистам не следует³.

Вопрос в другом: «*как мы распределим эти лишения?*» — «по принципу справедливости или большинства?» Нет, отвечал Ленин: «Мы должны действовать практично. Мы должны произвести рас-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 7, 42, 44.

² Там же, стр. 8, 48—50.

³ См. там же, стр. 45—46.

пределение таким образом, чтобы сохранить власть пролетариата. Это является нашим единственным принципом». Поэтому, несмотря на то что на долю пролетариата в ходе революции выпали наибольшие страдания и лишения, а крестьянство оказалось в выигрыше, ситуация сложилась так, что в интересах пролетарского государства следовало в первую очередь и любой ценой помочь крестьянству. «Авангард рабочего класса понял это, но есть еще в нем, в этом авангарде, люди, которые не могут это уразуметь, которые слишком утомлены, чтобы понять это. Они увидели в этом ошибку, стали употреблять слово оппортунизм... Но разве это оппортунизм? Мы помогаем крестьянам по той причине, что без союза с ними невозможно политическая власть пролетариата, немыслимо сохранение ее»¹.

Возвращаясь к исходному положению о том, что единственно возможной материальной, экономической основой социализма может быть только крупная машинная индустрия, соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать также земледелие, Ленин подчеркнул, что в России восстановление разрушенной промышленности на старой основе затянулось бы на десятилетия. Поэтому и был избран путь создания новой научно-технической основы, путь *электрификации*. Только она способна обеспечить сравнительно быстрый переход «от патриархальщины к социализму». Однако то, что легко осуществить в Швеции, Германии, Америке, потребует в России десятка лет для работ первой очереди. Сокращение этого срока возможно лишь «в случае победы пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка»².

«Резкий поворот Советской власти и РКП», как охарактеризовал Ленин переход к нэпу³, затрагивал не только все сферы экономических, социальных, политических, культурных отношений в советском обществе, но также его связи с окружающим миром. Неудивительно, что этот поворот нашел огромный резонанс как внутри страны, так и на международной арене. Враги революции сразу же с радостью расценили его как «признание большевиками своего крушения» и как «начало возврата» России к капитализму. Мартов говорил, например, об «экономическом термидоре», который обязательно приведет «к 18 брюмера». В таком же духе высказывались и другие меньшевики, и, конечно, Каутский и Бауэр.

Каутский написал летом 1921 г. целую книгу (которую Бауэр поспешил назвать «прекрасной»), чтобы «вывести» из русского опыта оправдание отказа от социалистической революции вообще. Если бы большевики, утверждал он, обладали замечательным качеством меньшевиков «самоограничиваться возможным», то не потребова-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 46—47.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 228—229.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 155.

лось бы четырех лет, чтобы убедиться, что русская революция могла быть только буржуазной. Он снова предрекал либо «новое издание 9 термидора» (или даже «успешное восстание декабристов»), либо добровольную капитуляцию большевиков посредством «политических концессий», отказа коммунистов от их мнимого «самодержавия», восстановления в России «демократии». На десятках страниц Каутский злорадствовал по поводу вынужденного отступления к государственному капитализму. Преодоление капитализма, снова заявлял он, возможно не в условиях его кризиса, а лишь в периоды его процветания, когда-де пролетариат становится «более решительным и боеспособным». От понятия диктатуры пролетариата Каутский призывал вовсе отказаться ¹.

Вскоре и Бауэр откликнулся на нэп брошюрой о «новом курсе» в Советской России. Он утверждал, будто нэп «подтвердил» его представления об экономическом развитии — в России невозможно ничего, кроме капитализма. Поэтому он советовал большевикам не больше и не меньше, как добровольно капитулировать: «мирно ликвидировать» диктатуру пролетариата и встать на стезю буржуазной демократии. Он зловеще предостерегал, что в новых условиях «солидарность» требует от европейской социал-демократии, чтобы она (правда, только «идейным оружием») перешла к поддержке тех сил в России, которые выступают за «мирную ликвидацию» Советской власти ². Ленин имел все основания назвать эту брошюру, в которой проповедовалось полное отступление перед капитализмом, «сугубо вредной»: «Мы не можем третировать такую проповедь иначе, чем мы третировали проповедь панического бегства на фронте во время войны» ³.

Мнение, что Советская власть будет эволюционировать в сторону буржуазной государственности, выражали и кадетские авторы изданного в Праге сборника «Смена вех», и выходившего в Париже одноименного журнала. Как утверждал бывший кадет Н. Устрялов, переход от «прямого действия» к «обходному пути» наглядно свидетельствовал о том, что «большевизм уже не тот» ⁴. Действительно опасными Ленин считал, однако, не эти слова и новые угрозы эмигрантов, а то, что идеология «сменовеховцев» выражала настроение внутри Советской России «тысяч и десятков тысяч всяких буржуев

¹ K. Kautsky. Von der Demokratie zur Staatssklaverei. Eine Auseinandersetzung mit Trotzky. Berlin, 1921, S. 5—6, 72, 78—79, 83—84, 102—103, 122—124, 128.

² O. Bauer. Der «neue Kurs» in Sowjetrußland. Wien, 1921, S. 5, 15, 20, 22, 27, 31, 33—36.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 149.

⁴ См. М. Н. Покровский. Кающаяся интеллигенция. — «Коммунистический Интернационал», 1922, № 20, стр. 5279—5292; Е. Н. Городецкий. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970, стр. 352—353, 364—368.

или советских служащих, участников нашей новой экономической политики»¹.

Но дело не сводилось только к злорадству или к выпадам открытых или скрытых врагов. Переход Советской России к нэпу, связанный с допущением элементов капитализма, и к мирному экономическому сосуществованию с капиталистическим миром вызвал как внутри страны, так и в международном рабочем движении взволнованный вопрос: *а не задержит ли такая политика развитие мировой революции?* Этот вопрос требовал серьезного, аргументированного ответа с учетом глубокой взаимосвязи и взаимообусловленности национальных и интернациональных задач коммунистического движения.

Разъясняя новую ситуацию, Ленин выделил три определяющих принципа.

Во-первых, самый факт существования Советской республики, упрочивающей свое экономическое положение, «есть гигантская сила и фактор революции». Теперь «международное положение в смысле революционном вращается около борьбы Советской России с остальными, капиталистическими странами. Укрепить Советскую Россию и сделать ее непобедимой — это главное», ибо это поможет дальнейшему разворачиванию революционной борьбы как рабочих передовых стран, так и угнетенных народов колоний². Непонимание или игнорирование того, что и при общности цели возникают различия в политике революционной партии, которая только еще борется за власть, и такой же партии, которая стоит во главе социалистической страны, чревато ошибками.

Г. В. Чичерин еще в октябре 1919 г. разъяснял на страницах журнала «Коммунистический Интернационал» эту разницу, указывая, в частности, что появление рабоче-крестьянских Советских правительств впервые поставило перед ними *положительные задачи* в области государственной внешней политики, а перед революционными партиями и группами всех стран — задачу «борьбы за обеспечение и упрочение международного положения революционных советских правительств». Поэтому позитивная программа Коминтерна в сфере межгосударственных отношений вытекает из его основной революционной программы и ориентирует прежде всего на поддержку советских республик революционными силами³.

Во-вторых, Ленин опроверг опасения, будто концессии и торговые соглашения Советской России с капиталистическими странами позволят последним укрепить свое экономическое положение, изжить кризисы и безработицу и тем самым отдалить революцию.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 94.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 120, 124.

³ См. Г. В. Чичерин. Международная политика двух Интернационалов. — «Коммунистический Интернационал», 1919, № 6, стр. 825—828.

Если бы капиталисты действительно умели предотвращать кризисы и безработицу, то «капитализм был бы вечным». Однако мировая война и послевоенное развитие доказывают, что капиталисты не более чем «слепые пешки в общем механизме», а кризис капитализма усиливается во всем мире¹.

В-третьих, подчеркивал Ленин, Советская страна считала и считает своим неперменным долгом оказывать всемерную помощь и поддержку развитию международной революции прежде всего своей миролюбивой политикой, а в случае нужды — и крайними средствами, не исключая даже в определенных условиях и военные. Когда меньшевик Ф. Дан обвинил Ленина, будто он «выдвинул новую теорию о предстоящей новой полосе войн», Ленин отвечал: нельзя забывать, что «над нами до сих пор занесен нож», что ни одна из крупнейших держав с Советской страной мира не заключила. «Если бы мы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами должны были дать зарок, как нам это предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками»².

В октябре 1921 г., когда уже был накоплен некоторый опыт хозяйствования в условиях нэпа, когда выяснилось, что нужны еще новые обходные пути — приходится, например, учиться торговать (чему, как сказал один оппонент, «революционеров в тюрьмах не учили»), — Ленин так охарактеризовал сложившееся положение и отношение к нему: «К весне 1921 года выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т. е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 года показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от «штурма» к «осаде».

Если такой переход вызывает кое у кого жалобы, плач, уныние, негодование, то надо сказать: не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы... И поэтому надо говорить напрямик. Это интересно и важно не только с точки зрения теоретической правды, но и с практической стороны. Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов»³.

Сколь ни обширен был круг задач, которые объединялись понятием «нэп», центральной и главной оставалась задача обеспечения прочного союза рабочих и крестьян. В плане доклада на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. Ленин выразил ее так:

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 121, 123.

² Там же, стр. 173.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 204, 205.

«Мы шли недостаточно поддержанные крестьянством *экономически*; прочности военного и политического союза рабочих с крестьянами *не соответствовала* недостаточная прочность их экономического союза».

Мы теперь совершаем **стратегическое отступление**, которое даст нам более широкий фронт наступления в ближайшем будущем, даст экономическую, прочнейшую *смычку* с миллионами мелких крестьян, с массой крестьянства, сделает *наш союз, союз рабочих и крестьян, основу всей нашей советской революции*, всей нашей советской республики, *непобедимым* ¹.

Проводившаяся в своеобразных условиях Советской России новая экономическая политика имела ряд неповторимых особенностей. К ним относится прежде всего введение нэпа после «военного коммунизма». Именно это и придало нэпу характер серьезного отступления. Новая экономическая политика проводилась, далее, в стране с огромным преобладанием крестьянского населения, с чрезвычайным разнообразием условий в разных регионах, с наличием во многих районах феодальных и полуфеодальных отношений, требовавших особого подхода. Социалистическое строительство пришлось вести в стране, оказавшейся во враждебном капиталистическом окружении, в условиях постоянной угрозы со стороны международного империализма.

Вместе с тем в нэпе проявились и общие закономерности переходного периода от капитализма к социализму. «Та задача, — говорил Ленин, — которую мы решаем сейчас, пока — временно — в одиночку, кажется задачей чисто русской, но на деле это — задача, которая будет стоять перед всеми социалистами... Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо. Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы вырабатывать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики» ². И действительно, общезначимым в нэпе оказалось: временное допущение капиталистических элементов в экономике при условии их ограничения и регулирования пролетарским государством, руководимым революционной рабочей партией, при наличии и удержании в руках этого государства командных высот в экономике и опоре на прочный союз рабочего класса со всеми трудовыми слоями народа ³.

Опыт новой экономической политики имеет большое значение не только для развитых стран, но в не меньшей степени и для стран отсталых, с многоукладной экономикой, с преобладанием мелкото-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 487.

² Там же, стр. 329.

³ Подробнее см.: Ю. А. Поляков. Нэп — путь к социализму. — «Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории». М., 1974, стр. 14—17.

варного производства и значительными элементами докапиталистических отношений. Предусматриваемая нэпом система переходных мер позволяет постепенно и систематически подготавливать движение этих народов к социализму с учетом особенностей их быта и уровня сознательности, с гибким выбором форм и методов социалистического строительства.

Новая экономическая политика, найденная и обоснованная Лениным, была одним из величайших открытий в области экономической теории перехода от капитализма к социализму. «Теория и практика нэпа, — отметил Б. Н. Пономарев, — сыграли огромную роль в подготовке условий к развернутому наступлению социализма по всему фронту»¹.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И БОРЬБА В СТРАНАХ КАПИТАЛА

В обстановке «неустойчивого равновесия» между двумя системами в капиталистическом мире действовали противоречивые тенденции: одни свидетельствовали об углублении социально-экономического кризиса и возможности такого обострения классовых противоречий, который побудит рабочих подняться на новый революционный штурм; другие, напротив, говорили о том, что буржуазии удастся не только удержать свои позиции, но и начать контрнаступление.

Переход от войны к миру в 1919—1920 гг. происходил в капиталистических странах в условиях известного экономического подъема. Безработица, связанная с демобилизацией миллионных армий, почти рассосалась, и «резервная армия труда» была сведена в общем и целом к довоенному уровню. Заработная плата, хотя и не поспевала за ростом цен на предметы потребления, все же поднималась, порождая иллюзии о наступлении такого периода капиталистического развития, который ведет к уменьшению нужды трудящихся и смягчению классовых конфликтов.

Однако уже в 1920 г. стали множиться признаки того, что экономический подъем — не более, чем временное явление. Как раз в тех странах, где хозяйство в годы войны достигло наибольшего развития и где не было разрушений — в США и Японии, начался экономический кризис, который постепенно втянул в свою орбиту и Европу. Уровень производительности труда был здесь много ниже довоенного, прежде всего из-за изношенности производственного оборудования, а также переутомления и плохого питания трудящихся. Разорение европейских стран в результате войны усиливало их потребность во ввозе продовольствия, сырья и промышленных изделий. Но поскольку рост импорта не компенсировался уве-

¹ «Великий Октябрь и современный мир». Прага, 1977, стр. 15.

личением экспорта, возросли пассивность торгового баланса и кредитная задолженность¹. «Богатейшие страны,— писал Ленин,— задыхаются, не имея возможности продавать продукты своей промышленности, так как деньги обесценены»².

Первой в Европе ощутила дыхание кризиса Англия, затем нейтральные страны, позднее Франция и Италия. В странах, потерпевших поражение, уровень производства был низким, и заметного снижения его не произошло. Зато здесь резко усилилась инфляция.

Таблица 4

Выплавка чугуна и стали (в млн. т)

Страна	1913 г.		1920 г.		1921 г.		1922 г.		1923 г.	
	Чугун	Сталь	Чугун	Сталь	Чугун	Сталь	Чугун	Сталь	Чугун	Сталь
США . . .	30,6	31,3	36,4	42,1	16,5	19,7	26,8	35,6	40,0	44,9
Англия . .	10,3	7,7	8,0	9,0	2,6	3,7	4,9	5,9	7,4	8,5
Франция .	5,1	4,6	3,4	3,0	3,3	3,0	5,1	4,5	5,3	5,0
Германия .	19,0	18,6	5,6	6,6	6,1	8,7	8,0	9,0	4,4	5,9
Мировое производст- во	77,2	75,0	58,9	67,1	34,7	42,5	51,9	63,1	66,5	75,1

Источник: «Statistical Abstract of the United States». Washington, 1925, p. 690, 702.

В обстановке начавшегося кризиса буржуазия, уже преодолевшая период известной растерянности, стала разворачивать общее контрнаступление на рабочий класс. Она стремилась прежде всего урезать или ликвидировать вовсе те завоевания, которые пролетариат добыл в упорной революционной борьбе первых послевоенных лет. Под предлогом необходимости «рационализации производства» она начала поход против профсоюзов, старалась отменить ограничения рабочего дня, снизить заработную плату, усилить эксплуатацию. Росло упорство предпринимателей во время трудовых конфликтов. Для нажима на работающих использовалась все более реальная угроза безработицы.

¹ См. *Е. Варга*. Мировое хозяйство после войны.— «Ежегодник Коминтерна». Пг.— М., 1923, стр. 121—123; «Мировые экономические кризисы 1848—1935», т. I. М., 1937, стр. 347—349, 368—369 и др.

² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 315.

Таблица 5

Забастовочное движение в 1919—1923 гг.

Страны	1919 г.				1920 г.				1921 г.				1922 г.				1923 г.			
	Число ста- чен	Участники (тыс.)	Человеко- дни (тыс.)	Число ста- чен	Участники (тыс.)	Человеко- дни (тыс.)	Число ста- чен	Участники (тыс.)	Человеко- дни (тыс.)	Число ста- чен	Участники (тыс.)	Человеко- дни (тыс.)	Число ста- чен	Участники (тыс.)	Человеко- дни (тыс.)	Число ста- чен	Участники (тыс.)	Человеко- дни (тыс.)		
Германия	4 932	4 915	47 447	8 682	8 419	52 837	4 871	1 994	26 790	4 924	2 271	24 889	2 035	2 069	14 288	—	—	—		
Франция	2 026	1 151	15 478	1 832	1 317	23 112	475	402	7 027	665	290	3 935	1 068	331	4 172	—	—	—		
Италия	1 871	1 555	22 325	2 070	2 314	30 479	1 134	724	8 180	575	448	6 917	201	66	296	—	—	—		
Великобритания	1 352	2 591	34 969	1 607	1 932	26 568	763	1 801	85 872	576	552	19 850	628	405	10 672	—	—	—		
Бельгия	366	179	—	506	329	—	252	149	—	169	110	—	164	111	—	—	—	—		
Австрия	451	64	221	329	179	927	435	208	1 763	381	211	1 635	268	117	1 074	—	—	—		
Испания	895	178	4 001	1 060	245	7 262	373	84	2 802	487	119	2 673	465	121	3 027	—	—	—		
Нидерланды	649	61	1 051	481	66	2 288	299	47	1 370	325	44	1 057	289	56	3 945	—	—	—		
Швеция	440	81	2 296	486	139	8 943	347	49	2 663	392	75	2 175	206	103	6 907	—	—	—		
Чехословакия	252	—	—	614	—	—	454	223	250	288	331	3 975	248	209	4 714	—	—	—		
Болгария	135	76	—	68	8	—	68	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
США	3 630	4 160	—	3 411	1 460	—	2 385	1 100	—	1 112	1 610	—	1 553	757	—	—	—	—		
Канада	336	149	3 401	322	60	800	168	28	1 049	104	44	1 529	86	34	672	—	—	—		
Япония	2 388	335	—	1 069	127	—	896	171	—	854	86	—	647	69	—	—	—	—		

Источники: «Statistisches Handbuch für die Republik Österreich». Wien, 1921, S. 112—113; 1928, S. 153; «Annuaire statistique de la Belgique et du Congo Belge», t. LI, Bruxelles, 1928, p. 180; t. LIV, Bruxelles, 1932, p. 169; «British Labour Statistics. Historical Abstract. 1886—1968». London, 1971, p. 396; «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1918—1926». Berlin, 1919—1927; «Annuario statistico del lavoro». Roma, 1949, p. 384; «Jaarcijfers voor Nederland, 1921—1924». S'Gravenhage, 1923—1925; «Historical Statistics of the United States. 1789—1945». Washington, 1949, p. 73; «Annuaire statistique. Cinquante-huitième volume. 1951». Paris, 1952, p. 102; «Statistisk Årsbok för Sverige». Stockholm, 1929, s. 227; «Year Book of Labour Statistics. Japan». Tokyo, 1959, p. 394; «Estadística de las huelgas». Madrid, 1929, p. X—XI; J. Хаджилитков и др. Станите борби на работническата класа в България. София, 1960, с. 197, 266, 273.

Чтобы противодействовать наступлению капиталистов, рабочие применяли в первую очередь испытанные средства борьбы — экономические и политические забастовки. В 1920 г. в большинстве развитых капиталистических стран продолжался рост числа стачек и их участников, во многих из них именно в этом году был достигнут максимум забастовочной активности рабочих и служащих. Но уже во втором полугодии в США, Японии, Канаде, затем во Франции, Нидерландах наметился спад стачечного движения, продолжавшийся и в последующие годы. К концу 1921 г. мировой экономический кризис стал переходить в депрессию, однако буржуазия вовсе не собиралась ослабить нажим на рабочий класс. Напротив, она прилагала все новые усилия для подрыва его организованности и усиления эксплуатации. Значительно уменьшился процент успешных стачек. Даже самые массовые и упорные бои заканчивались, как правило, поражением рабочих. В условиях общего отлива революционной борьбы оружие забастовки оказывалось менее эффективным, чем в предшествовавшие годы.

Развитие экономического кризиса, связанное с ним наступление буржуазии на позиции рабочего класса и ответные акции пролетариев происходили в разных странах капитала весьма неравномерно.

В *Германии* тяготы кризиса многократно усугублялись последствиями мировой войны и тяжелыми условиями Версальского мира. Сокращение территории, утрата внешних капиталовложений и рынков, крупные репарационные поставки и платежи давили на экономику страны. А магнаты капитала при помощи правительства перекладывали главное бремя на трудящихся. В конце 1920 г. реальная зарплата составляла не более $\frac{1}{3}$ довоенной. Уровень потребления был ниже довоенного: хлеба и крупы — на 44%, мяса — на 63, жиров — на 49, сахара — на 26%. Более половины детей страдали от недоедания. Промышленное производство едва превышало половину предвоенного. В начале 1921 г. в стране насчитывалось 400 тыс. безработных, вынужденных существовать на мизерное пособие, а число занятых неполную рабочую неделю перешагнуло за 700 тыс.

Самым тяжелым бичом была инфляция. Курс марки в 1914 г. составлял 4,2 за доллар, а в середине 1921 г. — 76,6 за доллар. Инфляция сознательно форсировалась монополистами и использовалась ими прежде всего с целью разорения мелких предприятий, усиления концентрации и централизации капитала. Гуго Стиннес вместе с Карлом Сименсом создал самое крупное в истории Германии монополистическое объединение, в которое вошли 1340 заводов, шахт, электростанций, транспортных предприятий, банков. В этой «империи Стиннеса» трудились 600 тыс. рабочих, так что с полным основанием говорили о «стиннесизации» Германии. Преуспевали также концерны Тиссена, Круппа, Вольфа и др. Свою растущую мощь монополисты использовали для того, чтобы лишить рабочий

класс его социальных завоеваний, увеличить эксплуатацию, обострить шовинистические настроения, дискредитировать тех «либералов», которые пытались проводить «политику выполнения» обязательств мирного договора. Заметно укрепились позиции реакционных националистических, милитаристских и реваншистских организаций — «Стального шлема», «Оргеш» и т. п.¹

Как показал успешный опыт борьбы рабочего класса против путчистов Каппа, наступление капитала можно было остановить только сплоченными усилиями всех пролетариев. Однако их ряды были расколоты, споры обострились и единых действий не получалось. Крупные стачечные бои осенью 1920 г. в Вюртемберге, в Рейнской области, в Нижней Силезии и других промышленных центрах были кратковременными и кончались обычно компромиссом. Впервые против забастовщиков — рабочих берлинских электростанций и газовых заводов — был применен «диктаторский параграф» Веймарской конституции. В феврале 1921 г. назрел серьезный трудовой конфликт в промышленном районе Средней Германии.

В Италии сокращение промышленного производства и рост безработицы сопровождалось усилением стачечной борьбы. Число стачек в 1920 г. было большим, чем в предыдущем году. Наиболее упорную борьбу вели транспортники, за ними шли металлисты и машиностроители, потом химики и текстильщики. Однако процент успешных забастовок, приведших к принятию требований рабочих, снизился с 64 до 54². Предприниматели занимали все более жесткую позицию. В середине августа владельцы предприятий металлургической и машиностроительной промышленности прервали переговоры с Федерацией металлистов (ФИОМ). В ответ рабочие металлургической, машиностроительной и судостроительной промышленности начали кампанию обструкции, замедлив темпы работы и требуя точного соблюдения условий охраны труда. Не допуская актов саботажа, рабочие в случае локаутов должны были занимать предприятия. Эта новая форма борьбы была незадолго до этого испытана на отдельных предприятиях Пьемонта и Неаполя³.

Промышленники пошли на фронтальное столкновение. 30 августа 2 тыс. рабочих завода «Альфа-Ромео» в Милане оказались перед закрытыми воротами: завод был оцеплен войсками. Миланская секция ФИОМ призвала занять все предприятия (около 300), что и было немедленно сделано. В ответ на решение национальной Федерации промышленников объявить общий локаут в Турине, Генуе, Специи рабочие стали повсюду занимать фабрики и заводы.

¹ См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3. Berlin, 1966, S. 314—316, 360; W. Ruge. Deutschland von 1917 bis 1933. Berlin, 1974, S. 163, 193.

² «Annuario Statistico del lavoro». Roma, 1949, p. 384.

³ P. Spriano. L'occupazione delle fabbriche. Settembre 1920. Torino, 1964, p. 41—43.

К 4 сентября этим движением были охвачены города «промышленного треугольника», а также Рим, Неаполь, Флоренция, Палермо и другие центры Италии. Число его участников достигло 400 тыс. металлистов, а вместе с предприятиями других отраслей составило около полумиллиона человек¹.

Рабочие действовали с большим энтузиазмом. Под руководством внутренних комиссий, преобразованных во многих местах в фабрично-заводские Советы, они организованно возобновили работу, строго поддерживая дисциплину и порядок. На заводах ФИАТ в Турине продолжался выпуск автомобилей и другой продукции. Во главе фабрично-заводского Совета стоял Дж. Пароди, близкий к группе «Ордине нуово». Поскольку часть инженеров и техников не вышла на работу, Совет заменил их добровольцами извне и выдвиженцами из среды самих рабочих.

Рабочие надеялись, что занятие предприятий станет первым шагом к уничтожению власти капиталистов. Председатель фабрично-заводского Совета (его называли Soviet) заводов ФИАТ, выступая перед рабочими, заявил: «Мы не должны ограничиваться возгласами «Да здравствует Россия!»; необходимо последовать примеру русских рабочих и крестьян. Надо сделать так, как они нас учат, — взять власть в свои руки и удержать ее, жертвуя собой, как они жертвуют собою»². Рабочие собирали оружие и создавали вооруженные дружины («красную гвардию») для обороны предприятий, если власти рискнут применить силу. Однако большинство, как писал впоследствии один из участников событий, все же «не имело ясного представления о том, каким именно образом должно было практически осуществиться свержение правительства и завоевание власти рабочим классом»³.

Руководство социалистической партии проявило растерянность и нерешительность. Сторонники Бордиги продолжали в самой общей форме писать о захвате власти и установлении диктатуры пролетариата, но их газета «Совет» не публиковала материалов о занятии предприятий, не выдвигала конкретной программы действий. Секретарь ИСП Дженнари, выступая 10 сентября на заседании Национального совета ВКТ, призывал распространить движение на всю страну и превратить его в революцию. Но и он не имел представления о том, как это можно осуществить⁴.

Правительство Джолитти заняло позицию «невмешательства». Премьер-министр лично предупредил промышленников, что им не

¹ P. Spriano. Op. cit., p. 51—60.

² Цит. по: Л. Секкья. Влияние Октябрьской революции в Италии. М., 1958, стр. 71.

³ М. Монтаньяна. Воспоминания туринского рабочего. М., 1951, стр. 117—118.

⁴ См. М. и М. Феррара. Беседа с Тольятти. М., 1954, стр. 63 — 64.

следует рассчитывать на вмешательство военных сил, ибо оно вызвало бы только перенесение борьбы рабочих с предприятий на улицы. Он возлагал больше надежд на соглашательских лидеров ВКТ. И не ошибся. 10 сентября Д'Арагона пригрозил: если партия намерена сама руководить движением и придать ему политический, революционный характер, то он и другие профлидеры уйдут в отставку. Целью борьбы должно быть лишь признание предпринимателями контроля профсоюзов на предприятиях, что может в дальнейшем привести к «коллективному управлению и социализации». Д'Арагоне удалось склонить на свою сторону руководителей ФИОМ и заставить капитулировать руководство ИСП. Даже Дженнари и Террачини согласились с тем, что без Д'Арагоны не обойтись ¹.

В результате переговоров с промышленниками и правительством ВКТ и ФИОМ добились некоторого повышения зарплаты металлистам. Промышленники согласились не прибегать к репрессиям против забастовщиков. Правительство обещало внести в парламент законопроект «о рабочем контроле над производством». На референдуме $\frac{2}{3}$ металлистов согласились на этих условиях прекратить борьбу. В конце сентября они освободили запятые предприятия и вернулись на работу. Правительство свои обещания не выполнило ².

Движение за захват фабрик и заводов, не будучи связано с перспективой завоевания пролетариатом политической власти, оказалось, по выражению Л. Лонго, «лишь одной из форм пассивного сопротивления». Оно не создало действительного поворота в борьбе итальянского рабочего класса. В то время как ИСП «располагала лишь зажигательными лозунгами», правые профсоюзные лидеры своими действиями разрушали рабочие организации. «Таким образом, — резюмировал Лонго, — мощный боевой потенциал движения за занятие предприятий, а также печальный конец этого движения еще раз и со всей настоятельностью показали неотложную необходимость создания новой революционной организации пролетариата, то есть новой партии» ³.

Во Франции кризис, хотя и несколько ослабленный работами по восстановлению военных разрушений, задержкой демобилизации и реконверсией военной промышленности, вызвал заметный спад экономической активности. Общий индекс производства, составлявший в 1920 г. 62% довоенного, упал в 1921 г. до 55%. Особенно острыми были топливный голод и недостаток сырья. Большие трудности испытывали отрасли, работавшие на экспорт, а также морской транспорт. Безработица охватила мебельщиков, обувщиков и швейников.

¹ P. Spriano. Op. cit., p. 100—102; Д. Канделоро. Профсоюзное движение в Италии. М., 1953, стр. 86.

² P. Spriano. Op. cit., p. 54; Д. Канделоро. Указ. соч., стр. 86—87.

³ Луиджи Лонго — Карло Салинари. Между реакцией и революцией. М., 1974, стр. 81.

Инфляция тяжело сказывалась на положении трудящихся и мелкой буржуазии ¹.

Рабочие продолжали экономическую борьбу, но условия ее становились все более трудными. В конце 1920 г. забастовали 5,5 тыс. рабочих фарфоровых фабрик в Лиможе. Стачка продолжалась восемь недель, но закончилась лишь мизерной надбавкой для много-семейных. Бастовали химики Марселя, металлисты Буко, бумажники Сен-Жирона. В 1921 г. число стачек сократилось, они все реже приводили к победе рабочих. Даже упорная трехмесячная забастовка 100 тыс. текстильщиков департамента Нор весной 1921 г., протестовавших против упразднения надбавки на дороговизну, не увенчалась успехом. В сентябре снова бастовали текстильщики, в октябре — строители Парижа. Многие рабочие, разочарованные неудачами, стали покидать профсоюзы. За 1921 г. ВКТ потеряла 62% своего состава. Во всех объединениях осталось не более 1,5 млн. членов. 85% наемных рабочих находились вне организаций ².

В Англии экономический кризис особенно сильно поразил угольную, судостроительную, металлургическую и текстильную промышленность. Значительно сократился объем внешней торговли. К лету 1921 г. в стране насчитывалось более 2 млн. безработных; еще 1 млн. работали неполную неделю ³. Предприниматели провели всеобщее сокращение заработной платы: в 1921 г. она была понижена у 7,2 млн., а в 1922 г. еще у 7,6 млн. трудящихся. За два года реальная зарплата рабочих и служащих уменьшилась на 16% ⁴.

По вине лидеров профсоюзов и лейбористской партии рабочий класс оказался неподготовленным к отражению развернутого наступления буржуазии. Горняки были единственным крупным отрядом рабочих, оказавших упорное сопротивление посягательствам капитала на их жизненный уровень. 31 марта 1921 г. истек срок временного соглашения о зарплате, заключенного Федерацией горняков с шахтовладельцами. Последние были намерены использовать это для резкого сокращения зарплаты шахтеров. Правительство со своей стороны решило отменить с того же дня установленный в годы войны государственный контроль над угольной промышленностью. Ободренные поддержкой правительства, шахтовладельцы объявили 1 апреля всеобщий локаут, лишив работы свыше 1 млн. горняков. Власти немедленно ввели в стране чрезвычайное положение; полиция и армия были приведены в состояние боевой

¹ *M. Collinet. L'ouvrier français. Essai sur la condition ouvrière (1900—1950). Paris, 1951, p. 27.*

² *J. Bruhat, M. Piolot. Esquisse d'une histoire de la CGT (1895—1965). Paris, 1966, p. 91, 105—106; «Histoire du Parti communiste français (manuel)». Paris, 1964, p. 117—118.*

³ См. *П. В. Гурович. Подъем рабочего движения в Англии в 1918—1921 гг. М., 1956, стр. 167—169, 171.*

⁴ «Eighteenth Abstract of Labour Statistics». London, 1927, p. 50, 121.

готовности, призваны резервисты, создан добровольческий «корпус обороны», в угольные районы вступили воинские части.

В ответ на эти меры правительства и шахтовладельцев Федерация горняков обратилась к другим членам Тройственного союза — профсоюзам транспортников и железнодорожников — с предложением о проведении совместной забастовки. Их лидеры обещали начать стачку солидарности с горняками 15 апреля 1921 г., однако отказались от своего слова. Рабочие назвали этот день «черной пятницей». Борьбу горняков поддержала только Коммунистическая партия Великобритании, действовавшая под лозунгом «Солидарность с шахтерами». Своей активностью она завоевала известное влияние в профсоюзе горняков, Южно-Уэльская федерация которого решила вступить в Профинтерн¹. Хотя горняки еще два месяца продолжали борьбу, им пришлось уступить и принять тяжелые условия, навязанные шахтовладельцами². Поражение самого крупного и боевого отряда рабочего класса расчистило путь для продолжения наступления буржуазии на заработную плату и условия труда других трудящихся. Деморализованные оппортунистической политикой своих лидеров, рабочие были не в состоянии оказывать действенный отпор.

В США кризис начался в 1920 г. со свертывания производства и сокращения объема внешней торговли. Рост безработицы был связан также с демобилизацией из армии 2 млн. солдат. В 1921 г. число безработных достигло беспрецедентно высокого уровня — 11,7% от общей численности наемной рабочей силы. Многие предприятия обанкротились. Промышленное производство сократилось. Реальная заработная плата значительно понизилась. Кризис ударил и по сельскому хозяйству, разорив многих фермеров и усилив приток населения в города³.

В этих условиях монополии развернули наступление на рабочий класс; предприниматели в ряде случаев сократили заработную плату на 30—45% по сравнению с 1920 г.⁴ Крупнейшие отряды рабочего класса, прежде всего углекопы и железнодорожники, отвечали организованными выступлениями. Стачки носили в основном оборонительный характер, во многих случаях проводились вопреки правительственным запретам и решениям профлидеров. Так, в сен-

¹ См. *L. J. MacFarlane. The British Communist Party. Its Origin and Development until 1929.* London, 1966, p. 130.

² См. *A. Hutt. The Post-war History of the British Working Class.* London. 1937, p. 58—61.

³ См. *У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки.* М., 1955, стр. 502; «History of the Labor in the United States, 1896—1932», vol. 3—4. New York, 1953, p. 67; «Historical Statistics of the United States, from the Colonial Times to 1970», t. 1. Washington, 1975, p. 135.

⁴ См. «История рабочего движения в США в новейшее время», т. I. М., 1970, стр. 75.

тябре 1920 г. забастовали 140 тыс. горняков антрацитовых копей, недовольных решением третейского суда относительно зарплаты. Но после трех недель им пришлось отступить. В Алабаме в забастовку шахтеров бурогоугольных копей, выступивших против принципа «открытого цеха»¹, было вовлечено 20 тыс. человек. Она продолжалась полгода и закончилась решением третейского суда в пользу предпринимателей².

Тяжело отразился экономический кризис на *Скандинавских странах*. В Швеции сократился экспорт древесины и железной руды. Из 134 домен действовало лишь 20. В 1921 г. стоимость шведского экспорта упала на $\frac{2}{3}$, импорта — на $\frac{1}{3}$. Предприниматели стали отказываться от коллективных договоров и требовали снижения заработной платы на 20—30%. Резко возросла безработица. Если в сентябре 1920 г. не имели работы 2% членов профсоюзов, то в начале 1922 г. ее лишились почти 40%³. Особенно тяжелым было положение тех, кто был занят на общественных работах. В Дании безработица только среди членов страховых касс увеличилась с 6 до 19%⁴.

В Норвегии, где произошло наибольшее количество банковских крахов, предприниматели решили весной 1921 г. дать рабочим бой, хотя большинство коллективных договоров истекало лишь в следующем году. Судовладельцы потребовали немедленного снижения зарплаты моряков на 33%. После безрезультатных переговоров моряки 8 мая 1921 г. объявили забастовку. Норвежское объединение профсоюзов призвало портовиков к забастовке солидарности с 15 мая, а с 26 мая объявило всеобщую стачку, охватившую 120 тыс. — почти весь пролетариат. Правительство провело военную мобилизацию, бросив против рабочих войска и полицию. Произошли вооруженные столкновения с рабочими. Стачка продолжалась до 6 июня, моряки и транспортники бастовали до 30 июня. Борьба закончилась компромиссом: зарплата была снижена на 17%⁵. К весне 1922 г. заработная плата рабочих и служащих в целом по стране снизилась на 25—30%⁶.

Буржуазия *Югославии*, заметив в начале 1920 г. симптом застоя и ослабления в рабочем движении, перешла в наступление и нанесла рабочим чувствительные удары. Ряд забастовок кончился неудачей, предприниматели применяли локауты, отказывались от тарифных

¹ Используемая предпринимателями система «открытого цеха» исключала какое-либо вмешательство профсоюза в трудовые отношения и предусматривала отказ от признания профсоюзов и заключения коллективных договоров.

² См. «Ежегодник Коминтерна», стр. 88.

³ См. *Я. Сегалл*. Рабочее движение в Скандинавских странах. Швеция, Дания, Норвегия. М., 1927, стр. 60—62.

⁴ *А. С. Кан*. История Скандинавских стран. М., 1980, стр. 178.

⁵ См. *Я. Сегалл*. Указ. соч., стр. 240.

⁶ «Norges kommunistiske partis historie», В. I. Oslo, 1963, s. 124.

договоров. Во второй половине апреля 1920 г. властям удалось подавить вспыхнувшую 16 апреля всеобщую забастовку железнодорожников, что означало серьезное поражение рабочего класса.

В Румынии в 1920 г. волнения охватили все отрасли экономики: бастовали шахтеры долины Жиу, железнодорожники и портовые рабочие, металлурги, почтовые служащие и рабочие типографий Бухареста. В октябре 1920 г. страну потрясла всеобщая политическая забастовка. Руководители Социалистической партии Румынии (СПР) и Всеобщей конфедерации труда, вынужденные считаться с настроениями масс, предъявили правительству требования о соблюдении демократических свобод, признании рабочих организаций, выводе войск с предприятий, отмене осадного положения и закона о регламентации трудовых конфликтов, прекращении террора против трудящихся, восстановлении на работе уволенных. Когда требования были отклонены, железнодорожники начали забастовку. 20 октября она стала всеобщей: в ней участвовал почти весь рабочий класс — около 400 тыс. человек. Стачка парализовала промышленность, транспорт, связь. Однако правые лидеры пошли на прямой сговор с властями и 28 октября объявили о прекращении борьбы. Многие левые руководители СПР и профсоюзов были арестованы. После срыва забастовки репрессии усилились. Вскоре предприниматели перешли в наступление: увеличили продолжительность рабочего дня, провели массовые увольнения, аннулировали коллективные договоры. Рабочий класс вынужден был отступить¹.

КОНСОЛИДАЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В условиях экономического кризиса и наступления буржуазии в ряде крупных социалистических партий, во главе которых стояли центристские лидеры, — прежде всего в Германии, Франции, Италии, Чехословакии, Швейцарии — вступил в решающую стадию процесс внутреннего размежевания. В других завершалось формирование коммунистических партий. Оба эти явления создавали, как указал Второй конгресс Коминтерна, необходимые предпосылки для консолидации коммунистического движения и в национальном, и в интернациональном масштабе.

В Германии левое крыло Независимой социал-демократической партии развернуло интенсивную агитацию за слияние с КПП и вступление в Коминтерн. Коммунисты активно им в этом помогали. Клара Цеткин опубликовала в газете «Роте фане» серию статей под названием «Путь в Москву». На Чрезвычайный съезд НСДПГ, состоявшийся 12—17 октября 1920 г. в Галле, прибыла делегация ИККИ. Одновременно Германию впервые после революции посетила

¹ Т. Georgescu. De la greva generală la crearea PCR. București, 1962, p. 16—17.

делегация советских профсоюзов. После острой дискуссии, развернувшейся на съезде, за вступление в Коминтерн было подано 237 голосов, против — 156, воздержались — 2. В то время как левые пели «Интернационал», правые, по призыву А. Криспина, покинули съезд. Созвав сепаратное заседание, они раскололи партию¹.

Вскоре представители КПГ и НСДПГ (левой) создали временное общее руководство; началось объединение местных групп. Объединялись с КПГ главным образом низовые организации НСДПГ, состоявшие из рабочих. Гамбургская организация НСДПГ, где много лет одним из руководителей был Эрнст Тельман, перешла в КПГ почти в полном составе вместе с газетой «Гамбургер фолкс-цайтунг»². Партийные чиновники, большинство депутатов рейхстага (67 из 84) остались в НСДПГ. Этой партии достались также почти все газеты и типографии, партийная касса. Несмотря на это, партия недолго оставалась самостоятельной: она теряла сторонников, а ее лидеры тянулись в лоно «старой» социал-демократии.

Консолидацию левых сил завершил 4—7 декабря 1920 г. Объединительный съезд в Берлине. На нем 349 делегатов НСДПГ (левой) и 136 делегатов КПГ единогласно приняли решение о создании Объединенной Коммунистической партии Германии (ОКПГ), одобрили Манифест, резолюции о работе в профсоюзах и среди молодежи. В аграрной программе впервые предусматривался частичный раздел помещичьих земель, что открывало перспективу для установления союза рабочего класса с трудящимся крестьянством.

Создание ОКПГ было важным шагом на пути превращения партии в массовую: она насчитывала теперь 300 тыс. членов, из них 200 тыс. пришли из НСДПГ. Председателями партии были избраны Э. Деймиг и П. Леви. В нее пришли опытные рабочие руководители — Э. Тельман, В. Штёккер, В. Флорин, В. Кёнен, Ф. Далем, Э. Эйхгорн и другие³. Были, однако, и такие, которые не преодолели тяготения к социал-демократизму; оставались сильными и левацкие настроения. Несмотря на все старания, не удалось привлечь в ряды объединенной партии «левую» Коммунистическую рабочую партию. Она вскоре исключила из своих рядов наиболее откровенных противников большевизма — Г. Лауфенберга, Ф. Вольфгейма, но оставалась на прежних позициях, растрачивала силы во внутренней борьбе и все более теряла влияние.

Во *Франции* дискуссии в социалистической партии резко обострились после возвращения делегатов II конгресса Коминтерна. Их выступления на массовых митингах в Париже и других городах

¹ См. «USPD. Protokoll über die Verhandlungen des außerordentlichen Parteitages in Halle vom 12. bis 17. Oktober 1920». Berlin, 1920.

² См. «Ernst Thälmann. Eine Biographie». Berlin, 1979, S. 105.

³ См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3, S. 306—311.

вызвали у сторонников присоединения к Коминтерну большой энтузиазм¹.

Комитет III Интернационала во главе с М. Кашеном, П. Вайяном-Кутюрье, объединивший левое крыло СФИО, развернул агитационную кампанию, в том числе в журналах «Бюллетен коммунист» и «Ревю коммунист». Большую работу вели АРАК и группа А. Барбюса «Клярте», а также группировавшиеся вокруг газеты «Ля ви увриер» революционные синдикалисты во главе с Г. Монмуссо и П. Семаром. Союз социалистической молодежи на своем съезде 30 октября 1920 г. высказался за вступление в Коминтерн и назвал себя Союзом коммунистической молодежи. В ноябре левые силы одержали внушительные победы на съездах большинства федераций партии².

Тем временем правые лидеры СФИО А. Тома, М. Самба, создав вместе с правыми «реконструкторами» во главе с Л. Блюмом Комитет социалистического сопротивления, резко усилили нападки на Коминтерн. Л. Блюм утверждал, что «новые идеи» Москвы противостоят «традиционному социализму». Центристы Ж. Лонге и П. Фор лишь из опасения лишиться поддержки социалистических рабочих высказывались за присоединение к Коминтерну; постоянное маневрирование вело их все дальше вправо.

Решающая борьба развернулась на 18-м съезде СФИО в Туре 25—30 декабря 1920 г.³ Правые и центристы старались по крайней мере отсрочить вступление партии в Коминтерн. Блюм нападал на политику и идеологию Коминтерна, отвергал ленинскую концепцию революции и диктатуры пролетариата, принципы отношений пролетарской партии с профсоюзами, формы партийной организации, вообще всю теоретическую и «эмоциональную сторону коммунистического учения». Лонге претендовал на роль «арбитра», но в своем выступлении допустил прямую клевету на Коминтерн⁴. Некоторые ораторы, желавшие вступления в Коминтерн, одновременно высказывались против разрыва с центристами.

Большое впечатление на делегатов произвело выступление представителя Коммунистического Интернационала К. Цеткин, которая нелегально приехала во Францию. Она выразила чувство стыда, что рабочие Германии, Франции, Англии до сих пор не выполнили своего революционного долга в отношении российского пролетариата. «Единство партий», о котором здесь много говорят, заявила она, «вовсе не крепость, а разрушающееся здание, в котором

¹ См. Ж. Фревилль. Рождение Французской коммунистической партии. М., 1951, стр. 91—93.

² См. там же, стр. 95—98.

³ Подробнее см.: З. В. Чернуха. Становление Французской коммунистической партии. М., 1976, стр. 86—102.

⁴ Подробнее см.: С. С. Салычев. Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921—1940 гг. М., 1973, стр. 21—27.

правые хотят задушить левых, а левые надеются держать правых на цепи»¹. За вступление в III Интернационал высказался и делегат Индокитая Нгуен Ай Куок — впоследствии организатор компартии Индокитая и президент ДРВ Хо Ши Мин. Он призывал французских социалистов принять действенные меры для защиты угнетенного населения колоний². На съезде сторонники III Интернационала одержали внушительную победу. Их резолюция собрала 3208 голосов, лонгетисты получили 1022 голоса. Воздержались, отсутствовали и голосовали за другие резолюции — 533. За решение о вступлении в Коминтерн высказались, таким образом, делегаты, имевшие почти 70% мандатов³. Тогда центристы и правые, раскалывая партию, покинули съезд. «Съезд в Туре,—говорилось в принятом съездом манифесте,—станет знаменательной вехой в долгой и славной истории социализма во Франции». Борьба продолжается, еще более широкая и жаркая, чем раньше. На очереди не авантюристические вспышки, а серьезная подготовка к решающим битвам с врагом⁴, подчеркивалось в документе.

То, что партия революционного пролетариата во Франции (вскоре она стала именоваться Коммунистической) была создана большинством прежней, социалистической партии, давало ей немалые преимущества. Она с самого рождения стала массовой партией, имевшей более 130 тыс. членов (тогда как за лидерами социалистов пошло около 30 тыс.), и с полным основанием могла считаться наследницей революционно-социалистических традиций. Проведя «демаркационную линию между реформизмом и коммунизмом», партия, однако, далеко не сразу сумела освободиться от унаследованных пороков, осуществить полное обновление своей политики, методов и организации⁵. В ее рядах действовали правые и анархосиндикалистские группы, ослаблявшие ее единство.

В *Итальянской социалистической партии* внутренняя борьба обострилась в связи с обсуждением итогов движения за захват предприятий. В партии действовали три обособившиеся группировки. Реформисты провели в октябре 1920 г. сепаратную конференцию в Реджо-Эмилии, называли себя «фракцией социалистической концентрации» и заняли враждебную Коминтерну позицию. Представители левых течений — группы Бордиги, «Ордине нуово» и левых максималистов, Федерации социалистической молодежи — называли себя коммунистической фракцией и на своей конференции в Имоле

¹ «SFIO. 18e Congrès national, tenu à Tours, les 25—30 décembre 1920. Compte-rendu stenographique». Paris, 1921, p. 371—376.

² См. *Хо Ши Мин. Сочинения* (1920—1969). Ханой, 1971, стр. 12.

³ «18e Congrès national», p. 563—601.

⁴ Ibid., p. 559—561.

⁵ См. «Histoire du Parti communiste français», p. 97—103; «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М., 1933, стр. 276—278; «В борьбе за интересы трудящихся Франции. 50 лет Французской коммунистической партии». М., 1971, стр. 17.

28—29 ноября 1920 г. выдвинули требования об исключении реформистов и изменении названия партии. Центристы-максималисты во главе с Серрати на конференции во Флоренции назвали себя «фракцией унитарных социалистов-коммунистов», по-прежнему отказываясь размежеваться с реформистами¹. Большинство партии, как показали предсъездовские обсуждения, поддерживало примиренческую линию Серрати.

На XVII съезде Итальянской социалистической партии, который открылся в Ливорно 15 января 1921 г., по главному вопросу «Линия партии и отношения с Интернационалом» каждая фракция внесла свой проект резолюции. В ходе острых дискуссий сторонники всех фракций заверяли, что преданы Коминтерну. Но стало ясно, что раскол неизбежен. Бордига и Террачини подчеркивали необходимость отделения коммунистов от реформистов. Группа Дженнари слилась с коммунистами, группа Ладзари — с «унитаристами». Надежды на то, что Серрати предпочтет союз с коммунистами соглашению с реформистами и итальянский съезд пройдет подобно съездам в Галле и в Туре, не оправдались. 21 января стали известны результаты голосования мандатами: за резолюцию центристов было подано 98 тыс., за резолюцию коммунистов — 58 тыс., за реформистскую — 14 тыс. голосов. Тогда члены коммунистической фракции, покинув театр Гольдони, где проходил съезд, с пением «Интернационала» перешли в театр Сан-Марко. Здесь 21 января 1921 г. было провозглашено создание Коммунистической партии Италии, принят ее устав. В Центральный Комитет вошли А. Бордига, Э. Дженнари, А. Грамши, У. Террачини и др.²

Создание Итальянской коммунистической партии, ориентировавшей рабочий класс на энергичные революционные действия, верной принципам пролетарского интернационализма, было закономерным результатом всего предшествующего развития. В компартию вошло более трети членов старой социалистической партии, притом наиболее активная, пролетарская ее часть. Заявила о поддержке партии 40-тысячная Федерация социалистической молодежи, которая неделю спустя на съезде во Фьезоле была преобразована в Федерацию коммунистической молодежи³. Что касается ИСП, то после ухода коммунистов съезд подтвердил присоединение и этой партии к Коминтерну. Но, как выяснилось вскоре, это была лишь декларация, призванная успокоить тех максималистов, которые считали необходимым продолжать революционную борьбу.

¹ См. «40 лет Итальянской коммунистической партии». М., 1961, стр. 64—66; Д. Э. Кунина. Третий конгресс Коминтерна и Коммунистическая партия Италии. — «Третий конгресс Коминтерна...», стр. 402—407.

² См. P. Spriano. Op. cit., p. 84—85, 110, 115—117.

³ См. «Боевой авангард трудящихся Италии. 50 лет Итальянской коммунистической партии». М., 1971, стр. 42, 55, 100—101; Луиджи Лонго — Карло Салинари. Указ. соч., стр. 99—103.

В *Великобритании* образование коммунистической партии требовало преодоления разногласий между левосоциалистическими организациями. В этом большую роль сыграли советы и рекомендации Ленина. «Я вполне сочувствую... — писал он британским революционерам, — плану немедленного образования единой Коммунистической партии Англии... я лично стою за участие в парламенте и за присоединение к «Рабочей партии» (Labour Party), при условии полной свободы и самостоятельности коммунистической работы»¹.

Это письмо было прочитано 31 июля 1920 г. делегатам открывшегося в тот день Учредительного съезда Коммунистической партии Великобритании. В его работе, продолжавшейся два дня, приняли участие 152 делегата, располагавшие 241 мандатами. Они представляли 56 организаций Британской социалистической партии, 22 организации Группы коммунистического единства (ее образовали члены Социалистической рабочей партии, не согласные с руководством, которое отказалось от участия в создании КПВ) и более 20 других небольших организаций и групп. Съезд единогласно принял решение о конституировании Коммунистической партии Великобритании и присоединении ее к Коминтерну. По докладу Т. Белла после острых прений 186 голосами против 19 была принята резолюция, которая, «отвергая реформистскую точку зрения, что социальная революция может быть осуществлена ординарными методами парламентской демократии», в то же время считала участие компартии в выборах «полезным средством революционной пропаганды и агитации». Иное соотношение сил сложилось при обсуждении вопроса о вхождении в лейбористскую партию. «За» было подано 100 голосов, против — 85². Ленинские советы, писал впоследствии председатель КПВ А. Макманус, «были для нашего первого конгресса последним толчком в пользу вступления в Рабочую партию»³.

Процесс объединения революционных организаций Англии завершился в первой половине 1921 г. На состоявшемся 29—30 января 1921 г. в Лидсе Объединительном (II) съезде к компартии присоединились: Рабочая социалистическая федерация, Коммунистическая рабочая партия, созданная в Шотландии осенью 1920 г., ряд небольших независимых коммунистических групп. В апреле 1921 г., после того как Независимая рабочая партия отказалась от вступления в Коммунистический Интернационал, в КПВ влилось несколько сот революционно настроенных членов этой организации⁴.

Образование Коммунистической партии Великобритании стало важной вехой в развитии английского рабочего движения. Но она

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 157.

² «Communist Unity Convention. Official Report». London, 1920, p. 9, 57, 72.

³ «Известия ВЦИК», 30 августа 1923 г.

⁴ J. Klugmann. History of the Communist Party of Great Britain, vol. 1. London, 1968, p. 67—69.

была малочисленной — в начале 20-х гг. в ней состояло не более 2,5 тыс. членов, действовавших отдельно от организованного рабочего движения. Перед партией стояла трудная задача укрепления своих связей с массами трудящихся¹.

В Швейцарии длительная борьба левого крыла социал-демократической партии за присоединение к Коминтерну окончилась неудачей. На Чрезвычайном съезде СДПШ в Берне 10—12 декабря 1920 г., когда правые и центристы (350 голосами против 213) отклонили предложение о вступлении в Коммунистический Интернационал, левые демонстративно покинули съезд. 5—6 марта 1921 г. в Цюрихе состоялся Учредительный съезд Коммунистической партии Швейцарии. В его работе вместе с 145 делегатами, представлявшими 5483 бывших членов СДПШ, участвовали также 28 представителей от 873 членов коммунистических групп («старых коммунистов»). Несмотря на сохранившиеся разногласия по вопросам тактики, съезд единодушно решил создать КПШ и вступить в Коминтерн. Председателем ЦК был избран Франц Вельти, секретарем — Фриц Платтен².

В Испании ядром коммунистической партии стала не социалистическая партия, а Федерация социалистической молодежи. Убедившись, что Исполком Социалистической рабочей партии (ИСРП) колеблется между II и III Интернационалами, Федерация в декабре 1919 г. решила присоединиться к Коминтерну. 15 апреля 1920 г. на съезде в Мадриде она провозгласила себя Испанской коммунистической партией. В манифесте к пролетариату страны говорилось, что Коммунистический Интернационал — единственный центр международного объединения, что нужно вести агитацию за социальную революцию, а не за частичные реформы. Диктатура пролетариата была признана единственным средством перехода к коммунизму, а Советское правительство России — образцом такой власти³.

В ИСРП развернулась внутренняя борьба, и в июне 1920 г. партия заявила об условном присоединении к Коминтерну. В апреле 1921 г. на III Чрезвычайном съезде ИСРП за вступление в III Интернационал было подано 6025 голосов против 8808⁴. Ушедшие со съезда левые социалисты, в том числе один из основателей партии и профсоюзного объединения, Антонио Гарсиа Кехидо, Д. Ангиано и Нуньес де Арена основали 13 апреля 1921 г. Испанскую коммунистическую рабочую партию. В ноябре 1921 г. на конференции в Мадриде произошло объединение обеих партий, однако оно не сразу привело к их органическому слиянию: между «молодыми» из ИКП и так на-

¹ См. И. Н. Ундасынов. Коммунисты и лейбористская партия. 1919—1923. М., 1979, стр. 76—91.

² См. H. Egger. Die Entstehung der Kommunistischen Partei und des Kommunistischen Jugendverbandes der Schweiz. Zürich, 1952, S. 215—222; M. Bodenmann. Zum 40. Jahrestag der Gründung der Kommunistischen Partei der Schweiz. Zürich, 1961, S. 24—25.

³ См. «Коммунистический Интернационал», 1920, № 10.

⁴ M. Tuñón de Lara. España del siglo XX. Paris, 1973, p.95.

зываемыми «взрослыми» из ИСРП продолжительное время существовала известная отчужденность; «молодые» обвиняли «взрослых» в оппортунизме и центризме, а те осуждали «молодых» за сектантство и левачество. Это затрудняло развертывание работы партии в массах¹.

В Бельгии возникшие в 1919—1920 гг. фламандская и валлонская коммунистические группы создали в конце 1920 г. Бельгийскую коммунистическую партию, которая издавала газету «Уврие коммунист» и вела пропагандистскую работу. Внутри реформистской Бельгийской рабочей партии (БРП) с 1919 г. действовала организация «Друзья эксплуатируемого» во главе с видным социалистом-интернационалистом Жозефом Жакмоттом, сплотившаяся вокруг левого еженедельника «Эксплуате». За энергичное противодействие оппортунистическому курсу руководства и за выступления в поддержку III Интернационала организация была исключена из БРП и в мае 1921 г. приняла решение о создании компартии. На съезде в Брюсселе 3—4 сентября 1921 г. обе коммунистические партии объединились в Коммунистическую партию Бельгии, которая сразу вошла в Коминтерн².

В Греции возникшая в 1918 г. Социалистическая рабочая партия (СРПГ) в следующем году решила выйти из II Интернационала и подготовиться к вступлению в III Интернационал. Для установления связей в Москву был направлен Д. Лигдопулос. На II съезде партии в Афинах в апреле 1920 г. между левыми и правоцентристами развернулись горячие споры. Левые взяли верх, и было принято решение о вступлении партии в Коминтерн. Партия стала называться СРПГ (коммунистическая). В принятых документах она подчеркивала принцип интернационализма и активно участвовала в антивоенной кампании в связи с греко-турецкой войной³.

В Чехословакии Марксистская левая во главе с Богумиром Шмералем старалась сплотить все революционные элементы. 21 сентября 1920 г. вышел первый номер газеты «Руде право». На XIII съезде ЧСДРП в Праге 25 сентября 1920 г., который правое крыло партии бойкотировало, было решено оформиться в самостоятельную партию — ЧСДРП (левая). В нее вошло большинство социал-демократических организаций, воспринявших революционную ориентацию. Вскоре левые завоевали союзы чешской, словацкой, немецкой и венгерской социалистической молодежи, которые стали готовиться

¹ См. С. Пожарская. Коммунистическая партия Испании на переломе. — «Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании». М., 1960, стр. 115.

² См. J. Jacquemotte. Articles et interpellations parlementaires 1912—1936. Bruxelles, 1961; Ю. Н. Панков. Современная Бельгия. М., 1963.

³ См. Г. Д. Жирьякидис. Из истории образования Коммунистической партии Греции. — В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973, стр. 447—454.

к созданию единого Союза коммунистической молодежи Чехословакии.

В условиях, когда коалиционное правительство социал-демократа Тусара было сменено «чиновничьим» правительством Черны, буржуазия развернула открытое наступление на рабочий класс, правые лидеры социал-демократии завершили раскол партии. В конце ноября 1920 г. они провели свой особый XIII съезд ЧСДРП, а в декабре решили с помощью полиции отобрать у левых Народный дом в Праге. На призыв левых к всеобщей забастовке протеста откликнулось около миллиона чешских, словацких, немецких, венгерских, украинских рабочих¹. Бастующие требовали не только возвращения Народного дома, но и отставки буржуазного правительства, установления рабочего контроля на предприятиях и в помещичьих имениях. В ряде районов страны (Кладно, Ославаны, Годонин, Врутки) забастовка стала перерастать в вооруженную борьбу за власть. Правительство подавило движение с помощью военной силы².

Декабрьской стачкой закончился революционный подъем в Чехословакии. Поражение рабочего класса свидетельствовало об укреплении политического господства буржуазии при поддержке правой социал-демократии. Массы получили тяжелый урок, а революционный авангард сделал вывод о необходимости идейного и организационного сплочения левого крыла. Создание коммунистической партии стало главной и непосредственной задачей. 15 мая 1921 г. на XIV съезде ЧСДРП (левой), который стал Учредительным съездом КПЧ, партия была преобразована в коммунистическую и приняла решение о вступлении в Коммунистический Интернационал.

Формирование партии завершилось на объединительном съезде в Смихове 30 октября — 4 ноября 1921 г.: КПЧ слилась с возникшей в марте 1921 г. из левого крыла немецкой социал-демократии немецкой секцией КПЧ (во главе с Карелом Крейбихом) и рядом других коммунистических групп. В стране сложилась единая партия всех национальных коммунистических организаций республики. Возникла массовая партия, унаследовавшая лучшие боевые традиции рабочего движения, способная возглавить борьбу рабочего класса и объединить вокруг него всех трудящихся³.

В *Румынии* основным уроком, который вынес рабочий класс из опыта всеобщей забастовки 1920 г., была необходимость создания своей революционной партии. Большое значение в определении ее

¹ «Přehled dějin KSČ». Praha, 1976, s. 99.

² См. А. Х. Клеванский. В. И. Ленин и борьба за создание Коммунистической партии Чехословакии. — «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», стр. 162—163.

³ См. Ф. И. Фирсов. В. И. Ленин, Коминтерн и образование Коммунистической партии Чехословакии. — «Третий конгресс Коминтерна...», стр. 393—396.

задач имело посещение румынскими социалистами Советской России в ноябре 1920 г. Группа делегатов была принята В. И. Лениным.

8—12 мая 1921 г. в Бухаресте состоялся Учредительный съезд Коммунистической партии Румынии (I съезд КПр), который подавляющим большинством голосов высказался за безоговорочное присоединение к III Интернационалу. Съезд не смог, однако, закончить свою работу: полиция окружила здание и его делегаты были арестованы¹. Издание газеты «Социализм» удалось восстановить только в конце года. Позднее Программа КПр отметила создание партии на основе марксистско-ленинской идеологии, что «ознаменовало новый, высший этап — как в идейно-политическом, так и организационном плане — в революционном движении Румынии, в росте передового отряда рабочего класса, дало новый и мощный толчок политическим и социальным боям широких народных масс нашей страны»².

В Югославии на II съезде СРПЮ(к) в Вуковаре в июне 1920 г. партия была переименована в Коммунистическую партию Югославии. Новая программа свидетельствовала о разрыве партии с социал-демократической идеологией и была победой революционного направления. Летом 1920 г. партия добилась успеха на местных выборах в Сербии и Македонии, а в ноябре того же года на выборах в Учредительное собрание получила 59 мандатов (из 419) и вышла на третье место. Встревоженное правительство решило разгромить партию. 30 декабря, обвинив КПрЮ в подготовке государственного переворота и заявляя, что она руководствуется «русским большевистским примером», правительство запретило пропагандистскую деятельность партии, революционных профсоюзов и коммунистической молодежи, а также стачки и демонстрации. Начались массовые аресты и преследования, в стране был установлен режим террора и полицейского произвола. В тюрьмы было брошено более 10 тыс. человек³.

Формирование коммунистических партий, неразрывно связанное с идейным и организационным размежеванием пролетарских революционеров с реформистами правого и центристского толка, было обусловлено объективной потребностью рабочего движения. Коммунистические партии вовсе не создавались по «указке Москвы», как до сих пор твердят клеветники, не были «чужеродным телом» в своих странах, а органически вырастали на национальной почве в течение более или менее длительного периода. Наряду с общими закономерностями на ход этого сложного процесса накладывало отпечаток также своеобразное переплетение конкретных исторических условий, су-

¹ Т. Georgescu. De la greva generală la crearea PCR, p. 157.

² «Программа Румынской коммунистической партии по построению всесторонне развитого социалистического общества и движению Румынии к коммунизму». Бухарест, 1975, стр. 37—38.

³ См. Г. М. Славин, М. М. Сумарокова. В. И. Ленин и рабочее движение в Югославии (1904—1924 гг.). — В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, стр. 423—424.

ществовавших в каждой из стран. Представляется возможным выделить несколько основных типов образования и консолидации компартий, в которых наиболее рельефно проявились те или иные характерные общие черты этого процесса.

1. В тех странах, где произошли революции (Германия, Венгрия, Финляндия), сама обстановка ускорила рождение коммунистических партий. Они создавались на основе отделения от социал-демократических партий их левого крыла, объединения его с левыми радикальными группами, стоявшими вне реформистских организаций. К ним присоединялись обычно и группы интернационалистов, вернувшихся из Советской России, где они участвовали в революционной борьбе. Такие компартии сразу включали в себя часть передовых рабочих и пользовались влиянием в массах. Но значительные круги революционных рабочих оставались, например, в Германии, в центристской Независимой социал-демократической партии, и потому одной из важнейших задач коммунистов было объединение с ними в рамках единой коммунистической партии. Однако слишком поспешное слияние только что возникшей компартии с социал-демократической партией, как это было в Венгрии, служило предостережением от опасности растворения коммунистов в старой реформистской организации. В Австрии, где компартия была создана без подготовки массовой базы, политическая маневренность австромарксистов помешала выделению в социал-демократии левых элементов.

2. В другой группе стран позиции левых социал-демократических партий все более приближались к коммунистическим, левые пользовались растущим влиянием в рабочем классе. Так, в Болгарии, в известной мере в Югославии и Аргентине революционные социал-демократические партии, консолидируясь на основах провозглашенных Коминтерном, постепенно превращались в коммунистические партии. Этот путь, сопровождавшийся не расколом прежней организации, а лишь очищением ее от элементов, не желавших принять коммунистическую платформу, позволял компартиям сразу же стать влиятельной силой, опирающейся на лучшие традиции и сложившиеся организации. Коминтерн помогал таким партиям освободиться от пережитков центризма и полностью усвоить коммунистические принципы.

3. Во Франции, Италии, Чехословакии и некоторых других странах формирование компартий происходило путем глубокого внутреннего преобразования прежде довольно сильных социалистических и социал-демократических партий в коммунистические на основе разрыва с оппортунистическим крылом. Ленин указывал на громадные трудности этого процесса, сопряженные с необходимостью преодоления социал-демократических и центристских традиций как в идейно-политической области, так и в организационных вопросах, в методах деятельности и борьбы за массы. Ленин и Коминтерн внимательно следили за этим процессом, постоянно содействовали ему.

В отдельных странах (в Чехословакии, Норвегии) левым социалистам удалось перевести на коммунистические рельсы почти всю партию со сравнительно небольшими потерями. Понятно, что компартии наследовали здесь и элементы, не порвавшие с социал-демократизмом. В подобных случаях оказывался впоследствии неизбежным выход из компартий целых групп реформистских и центристских элементов.

4. В ряде стран — Испании, Бразилии и др. — ядром новой партии становились коммунистические группы вместе с революционными синдикалистами, так что компартии во многом опирались на традиции последних, тогда как левые элементы старой социал-демократии играли лишь небольшую роль.

5. Наконец, в группе стран, где массовые реформистские партии сумели сохранить влиятельные позиции, компартии складывались в результате объединения нескольких революционных групп или мелких левых партий. В таких случаях им (например, в Англии), как правило, не удавалось сколько-нибудь серьезно подорвать влияние старой реформистской или центристской партии, содействовать внутреннему размежеванию в ее организациях. Компартиям подобных стран было особенно важно и вместе с тем чрезвычайно трудно преодолеть изоляцию, найти пути и средства установления прочных связей с организованными рабочими массами.

Какими бы путями ни складывались коммунистические партии, с какими бы трудностями им ни приходилось сталкиваться, сам факт их образования и укрепления был важнейшим поворотным моментом в развитии международного рабочего движения. На поле классовых битв выходили партии, стоящие на платформе научного коммунизма, смело взявшие на себя функцию организатора и руководителя революционной борьбы пролетариата и всех трудящихся. Им предстояло еще совершенствовать свою стратегию, теорию и организацию, чтобы стать подлинными партиями нового, ленинского типа. Но уже их формирование изменило общий облик рабочего движения, подорвало позиции социал-реформизма и других оппортунистических течений, навсегда устранило монопольное положение социал-демократии как в сфере идейно-политической, так и организационной. Между различными направлениями в рабочем движении складывалось качественно новое соотношение сил.

БОРЬБА ПРОТИВ «ЛЕВОЙ» ОПАСНОСТИ

Главной идейной задачей коммунистов в развертывавшемся соревновании за влияние на массы рабочего класса оставалась борьба против социал-реформизма. Однако, чем дальше, тем более явно становилось и то, что коммунистические партии не смогут найти соответствующие политической обстановке формы и методы революционных действий, если не преодолеют «левачества» в теории и тактике. Питательной

почвой для «левых» настроений была неустойчивость международной ситуации и неопределенность перспектив революционного движения.

Работа Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», другие его статьи, дискуссии и решения Второго конгресса Коминтерна способствовали развенчанию «левой романтики», убедили многих увлекавшихся и нетерпеливых. Но они не смогли переубедить тех, для кого «левизна» была синонимом революционности и кто продолжал упорствовать в своих заблуждениях. Еще менее они могли исправить тех, для кого «левые» декларации служили лишь прикрытием для отхода от революционных позиций.

В числе последних оказались некоторые голландские и германские «левые», выступившие с нападками на политику Коминтерна и Советского правительства. Осенью 1920 г. в Вене вышла брошюра голландца А. Паннекука «Мировая революция и коммунистическая тактика». Ее автор задался целью обосновать взгляды, «свободные от оппортунизма», в который якобы впал Коминтерн в условиях замедления революционного развития в Западной Европе. Себя он причислил к такому радикальному направлению, которое «хочет словом и делом революционизировать головы», «возможно острее противопоставить новые принципы старым традиционным взглядам»¹.

Задачу руководства действиями широких масс, которую ставили перед собой коммунисты, Паннекук объявил «ненужной» и «невозможной». Коль скоро революция — дело народных масс, считал он, их могут увлечь только «самые радикальные идеи». Его не смущало, что проявления революционного авантюризма в Германии и Австрии принесли только вред. Задачу партии Паннекук видел не в организации масс, а исключительно в их «воспламенении», в «разрушении традиционных организационных форм» (прежде всего парламентов и профсоюзов), в изгнании всех «старых вождей». Проявляя чисто анархистское неприятие всякой организации, автор противопоставлял разрушительную стадию революции созидательной, утверждая, что в Западной Европе обе стадии будут продолжительнее и труднее, чем в России: «период общественного и политического хаоса как переходного времени неизбежен»; «разрушение промышленности Колчаком и Деникиным дает... лишь слабое представление» о том, что будет в Европе; предстоящие здесь «трудности новой организации полностью разрушенного общества столь велики... что абсолютно невозможно заранее составить программу реконструкции».

Понимая, впрочем, что столь «радужная» перспектива вряд ли способна кого-либо увлечь и «воспламенить», Паннекук объявил завоевание широких масс на сторону революции вообще невозможным. В отличие от России, рассуждал он, на Западе старый буржуазный строй и высокоразвитая многовековая буржуазная куль-

¹ А. Pannekoek. Weltrevolution und kommunistische Taktik. Wien, 1920, S. 8.

тура «полностью наложили свою печать на мысли и чувства народных масс»¹.

Конечно, массы на Западе существенно отличались от масс в России. Верно и то, что существовавший десятилетиями буржуазный строй наложил на сознание народов развитых капиталистических стран свой отпечаток. Но во-первых, влияние этого фактора отнюдь не было однозначным: внушив массам иллюзии о всесии буржуазной демократии, капитализм вместе с тем невольно воспитывал их в духе классовой борьбы, готовил к организованному выступлению против своего господства. Во-вторых, именно в условиях высокоорганизованного и маневроспособного буржуазного общества особенно необходимы сплочение и организация масс, их проникновение духом социализма. Однако как раз эти важнейшие обстоятельства Паннекук попытался затушевать, прибегая к поверхностным параллелям и противопоставлениям.

Подобную же неблагоприятную задачу взял на себя и Г. Гортер. В опубликованном в Берлине «Открытом письме товарищу Ленину» он утверждал, что пролетариат на Западе стоит совершенно одиноко, отделен резкой гранью от всех остальных классов. Ему предстоит совершить революцию одному, без союзников, против всех. Отрицая значение пролетарской партии, настаивая на отказе от работы в существующих профсоюзах и от всякого участия в парламенте, Гортер взял на себя роль глашатая «ультрарадикальных» взглядов. Открыто противопоставив себя Ленину, он утверждал, будто «для изменения рабских, реформистских, социал-патриотических масс нужен только пример», что задача партии — дать лишь «толчок» массам, а кто не пойдет за ней, те вообще «потеряны и могут катиться к черту». Гортер заодно объявил «оппортунистической» и мирную политику Советского государства².

А. Паннекук в послесловии к своей брошюре (написанном после II конгресса Коминтерна) тоже утверждал, что критика Лениным европейских «левых» основана якобы на «отождествлении западноевропейских условий, партий, организаций, парламентской практики и т. п. с одноименными русскими условиями». Он голословно заявлял, будто руководители РКП(б) и Советского правительства стремятся подчинить международное коммунистическое движение интересам государственной политики России, отказываются «от прямого содействия революции в других странах», хотят «брататься с западноевропейской рабочей бюрократией» и т. п. Паннекук не остановился даже перед тем, чтобы клеветнически объявить Коммунистический Интернационал «инструментом» Советской республики³.

¹ А. Pannekoek. Op. cit., S. 9—12, 15—16, 25.

² G. Gorter. Offener Brief an den Genossen Lenin. Eine Antwort auf Lenins Broschüre: «Der Radikalismus, eine Kinderkrankheit des Kommunismus». Berlin, 1920, S. 28, 62, 64, 87.

³ А. Pannekoek. Op. cit., S. 47—49.

О том, куда вели нападки Паннекука и Гортера, ярко показал пример гамбургских «левых» Г. Лауфенберга и Ф. Вольфгейма. В брошюре «Москва и германская революция» они перешли от высокомерных обвинений, будто отсталая Россия стремится руководить передовым рабочим движением Европы, к проповеди «единения» коммунистов... с самыми реакционными германскими националистами в некоем «национал-большевизме»¹.

Очевидная несовместимость подобной «левизны» с идеями и практикой революционной борьбы ставила ее авторов вне рядов коммунистического движения.

Иной характер носили «левые» взгляды по вопросам революционной тактики коммунистических партий. Едва ли не во всех партиях развернулись острые дискуссии относительно того, оценивать ли общую ситуацию в рабочем движении как временную заминку или как серьезное ослабление революционного натиска; каковы должны быть действия в этих условиях боевого авангарда. Особенно резкие споры развернулись в Объединенной коммунистической партии Германии.

ОКПГ первой из коммунистических партий капиталистических стран вступила на путь практической реализации решений II конгресса Коминтерна, призывавших идти «глубже в массы» и устанавливать с ними более тесные связи. Подхватив инициативу штутгартских металлистов, ЦК ОКПГ 7 января 1921 г. направил «Открытое письмо» всем рабочим организациям — СДПГ, НСДПГ, КРПГ, Объединению немецких профсоюзов, профсоюзам служащих, синдикалистам. В этом документе содержался призыв к совместным действиям против капиталистических предпринимателей и буржуазного государства.

В отличие от прежних заявлений коммунистов «Открытое письмо» не выдвигало признание диктатуры пролетариата в качестве предварительного условия для единых действий. Оно предлагало всем рабочим партиям и организациям сосредоточить свое внимание на немедленных решительных шагах во имя осуществления ближайших конкретных требований рабочего класса: повышения заработной платы, пенсий и пособий по безработице, обеспечения продовольствием, разоружения буржуазных союзов и создания пролетарской самообороны, амнистии политзаключенным, установления торговых и дипломатических отношений с Советской Россией. Это был, как говорилось в письме, «минимум того, что должен иметь сейчас пролетариат, чтобы не умереть с голоду»².

¹ *H. Laufenberg, F. Wolffheim. Moskau und die deutsche Revolution. Eine kritische Erledigung der bolschewistischen Methoden. Hamburg, 1920.*

² См. *A. Reisberg. Lenin und die Aktionseinheit in Deutschland. Berlin, 1964, S. 76—81.*

Опубликование «Открытого письма» вызвало оживленные дискуссии. Руководство социал-демократической партии с ходу отвергло предложение, назвав его «тактической уловкой коммунистов». Лидеры НСДПГ заявили, что новая тактика — свидетельство банкротства старой, а КРПГ назвала ее «оппортунистической, демагогической и иллюзорной»¹.

В том, что после ряда лет ожесточенной борьбы между коммунистами и социал-демократами путь к единству действий оказывался трудным, не было ничего удивительного. Однако и сама ОКПГ не была внутренне готова к столь серьезному повороту. В партии сохранялась питательная среда для неизжитого сектантства. Этим пользовались «ультралевые» — Рут Фишер, А. Маслов, Э. Фрисланд (Рейтер), которые начали кампанию против ЦК, объявив тактику единых действий «оппортунизмом». В руководстве ОКПГ тогда действительно имелись люди, склонные к пассивности и к примиренчеству по отношению к центристам, в их числе и председатель партии П. Леви. Когда из-за возникших разногласий он и еще четыре человека (среди них К. Цеткин) вышли из ЦК КПГ, это заметно усилило влияние «ультралевых»².

Новое руководство ОКПГ во главе с Г. Брандлером рассматривало «Открытое письмо» в лучшем случае как пропагандистский маневр. Оно придерживалось мнения, высказанного в Манифесте объединительного съезда, что партия может «начать активные выступления, опираясь на свои собственные силы, действуя на свой страх и риск»³.

Что это значит на деле, выяснилось, когда в марте 1921 г. развернулись серьезные бои в Средней Германии. 19 марта на предприятия промышленного района Галле—Мерзебург под предлогом борьбы против «хищений на производстве» были введены вооруженные отряды прусской полиции. На эту провокацию, рассчитанную на то, чтобы вызвать рабочих на преждевременное выступление, пролетарии ответили дружной забастовкой. В районе Мансфельда тысячи горняков взялись за оружие и под руководством Макса Гельца сражались против полиции. Не считаясь с оборонительным характером боев, ЦК ОКПГ принял рискованное решение о «переходе от пассивности к активности». Хотя прямой директивы о вооруженном восстании не было дано, газета коммунистов «Роте фане» призывала

¹ См. А. *Reisberg*. An den Quellen der Einheitsfrontpolitik, Bd. I. Berlin, 1971, S. 57—60.

² См. «Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт пролетариата 1920—1923 гг.». М., 1977, стр. 35—36. Спор в ЦК возник по вопросу об отношении к Сепратти и образованию компартии Италии.

³ «Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. VII/1. Berlin, 1966, S. 368.

рабочих к наступлению, выдвинула лозунги: «Оружие в руки рабочих!», «Кто не с нами, тот против нас!»¹.

Несмотря, однако, на героизм пролетарского авангарда Средней Германии, где влияние коммунистов было особенно сильным, его выступление не имело реальных шансов на успех. В масштабе всей страны рабочий класс был в то время способен вести лишь оборонительные бои и не готов непосредственно развернуть борьбу за власть. Призыв коммунистов к генеральной забастовке, не говоря уже о лозунге свержения правительства, не получил широкого отклика, хотя в отдельных стачках солидарности участвовали десятки тысяч рабочих, а еще большее их число выражало сочувствие на митингах и собраниях. В результате мартовских боев правительству удалось нанести пролетариям Средней Германии тяжелое поражение. На них обрушились жестокие репрессии: почти 4 тыс. участников борьбы были осуждены на многие годы тюрьмы и каторги².

Неудача мартовского выступления лишь усилила стремление части руководителей ОКПГ оправдать свои действия. В «Тезисах о мартовской акции», принятых на расширенном заседании ЦК 7—8 апреля 26 голосами против 14, в газете «Роте фане», в выпущенном вскоре специальном сборнике статей³ мартовские действия характеризовались как «прорыв фронта пассивности и классового мира», как начало решительной борьбы за власть, была выдвинута *«теория наступления»*⁴. Противоположную точку зрения высказал вышедший из ЦК П. Леви. Он опубликовал брошюру «Наш путь. Против путчизма». Хотя в его критике «тактики наступления» было немало верного, объявление мартовских боев, в которых участвовали тысячи рабочих, «бакунистским путчем» было злостной клеветой, немедленно подхваченной всеми антикоммунистами. Леви был исключен из партии «за грубый обман доверия и большой ущерб, причиненный партии»⁵.

«Теория наступления», которая фактически разрушала едва родившуюся тактику «Открытого письма», получила широкий отклик за пределами Германии, нашла сторонников среди «лево» настроенных коммунистов Италии, Австрии, Венгрии, Польши, Чехословакии, их представителей в КИМе и в ИККИ. Она, как заметила К. Цет-

¹ См. И. Шнейдер. Борьба Мансфельда. М.—Л., 1931; «Die März-kämpfe 1921». Berlin, 1956; A. Reisberg. Op. cit., Bd. 1, S. 107, 120.

² Ibid., S. 114—117.

³ «Taktik und Organisation der revolutionären Offensive. Lehren der Märzaktion». Leipzig — Berlin, 1921.

⁴ A. Reisberg. Op. cit., Bd. 1, S. 121—126.

⁵ Г. Хорчански, С. Вебер. Значение III конгресса Коммунистического Интернационала для укрепления ОКПГ.— «Третий конгресс Коминтерна...», стр. 293—294, 296.

кин, сразу же «была объявлена чем-то вроде нового евангелия революции»¹.

В руководстве Исполкома Коминтерна тоже не все поняли суть и значение «Открытого письма». С «левых» позиций на него обрушился Бухарин, утверждавший, что «не революционно» умалчивать о диктатуре пролетариата, что ОКПГ будто бы «отказывается от настоящей борьбы и фантазирует об искусственных путях, делая уступки другим партиям». Такое противопоставление конечной цели методам и средствам, способным подвести массы к пониманию коммунистических лозунгов, означало отступление от политики, намеченной Лениным и решениями II конгресса Коминтерна. Но Бухарина поддержал председатель ИККИ Зиновьев, и вопрос был объявлен дискуссионным².

Когда Ленину представилась возможность вникнуть в германские дела, он сразу написал немецким товарищам: «Я видел только Открытое письмо и считаю его совершенно правильной тактикой (я осудил противоположное мнение наших «левых», которые были против этого письма)»³. Вскоре он внимательно изучил всю литературу о мартовских боях и «теории наступления»⁴. Он получил также письмо от Клары Цеткин, в котором та подчеркивала наличие в стране реальных шансов на успех тактики «Открытого письма». Она указывала, что выступление германской партии «с лозунгом ниспровержения правительства являлось заведомо холостым выстрелом» и не нашло отклика в массах. Посылая свой контрпроект резолюции, отвергнутый ЦК, К. Цеткин заметила, что он покажет несостоятельность утверждения, будто «я на старости лет ушла к «оппортунистам»»⁵.

Приехавший из Германии Ф. Геккерт надеялся, что Ленин поддержит «теорию наступления». Однако, встретившись с Лениным, Геккерт услышал, что партия попала на провокацию, а без завоевания масс она победить не сможет. «Совершенно уничтоженным, — вспоминал он, — я покинул кабинет Ленина. Теперь я уже знал: наша немецкая делегация со своей «теорией наступления» если и произведет какое-нибудь впечатление, то плохое...»⁶ Вскоре Ленин

¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 5. М., 1979, стр. 21.

² См. А. Reisberg. An den Quellen der Einheitsfrontpolitik, Bd. 1, S. 81—85; «Ленин в борьбе за революционный Интернационал». М., 1970, стр. 511.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 149.

⁴ См. «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». М., 1961, стр. 645, 675; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 268—269.

⁵ Цит. по: «Ленинизм и мировое революционное рабочее движение». М., 1969, стр. 178; «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 517.

⁶ «Незабываемый Ленин. Сборник воспоминаний». М., 1958, стр. 95.

получил письма от Белы Куна, который был представителем ИККИ в Германии, и члена ЦК ОКПГ П. Фрëлиха. Из них следовало, что безнадежным оппортунистом является всякий, кто не согласен с тезисом «левых» — нужно возможно скорее вступить в бой с империализмом, чтобы «помочь русским». Это уже смахивало на авантюризм¹.

В связи с развернувшейся подготовкой к III конгрессу Коминтерна Ленин в начале июня 1921 г. ознакомился с двумя проектами «тезисов о тактике». Один был написан А. Тальгеймером и Б. Куном и представлял собой смягченный вариант проекта, привезенного германской делегацией. Второй был составлен по поручению РКП(б) К. Радеком и исправлен им с учетом некоторых предложений Тальгеймера — Куна. На конверте Ленин отметил основные пункты возражений «левым»: «Завоевание большинства рабочих», «прямо за «*Offener Brief*», «сугубо выдвигать завоевание большинства в профсоюз (против левых)»². Разбирая проекты, он прежде всего заметил, что тезисы Тальгеймера и Куна «в корне политически неверны. Фраза и игра в левизну». Радек же, проявив «торопливую податливость», испортил первоначальный проект «рядом уступок глупчеству «левых»». Недопустима замена положения о необходимости завоевать для принципов коммунизма *б о л ь ш и н с т в о* рабочего класса словами: «завоевание *социально решающих частей* рабочего класса». Нельзя путать принцип и тактику: только на основе уже завоеванного большинства «для принципов коммунизма» возможен «при известных условиях» «удар в решающем месте большинства социально решающих частей рабочего класса»³.

Во главу угла тезисов Коминтерна Ленин считал необходимым поставить «ясно, точно, недвусмысленно, как центральные идеи», прежде всего исходную констатацию: «Большинства нигде (рабочего класса) коммунистические партии еще не завоевали: не только для организационного руководства, но и для принципов коммунизма. Это основа всего. «Ослаблять» этот фундамент единственно разумной тактики — *п р е с т у п н о е л е г к о м ы с л и е*». Нельзя построить всю тактику Коминтерна в расчете на одну-единственную возможность: скорый революционный взрыв в Европе. Тактика должна исходить из главной задачи коммунистов: «Неуклонно и систематически завоевывай *большинство рабочего класса*, в первую голову *в н у т р и старых профсоюзов*. Тогда победим наверняка при всяком повороте событий. А «победить» на короткий срок при исключительно счастливом повороте событий сумеет и дурак.

¹ См. Н. Г. Северюгина. Из истории борьбы В. И. Ленина против догматизма и сектантства в международном коммунистическом движении (1919—1922 гг.). — «Новая и новейшая история», 1964, № 2.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 435.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 265.

Отсюда: тактика «открытого письма» обязательна повсюду. Это надо сказать прямо, точно, ясно, ибо колебания насчет «открытого письма» архивредны и архипозорны и **архираспространены**. Нечего греха таить»¹.

Считая «игру в левизну» особенно опасной и зная, что ряд видных членов ИККИ не вполне разделяют его убеждения, Ленин предельно заострил спорный вопрос: «Всех, кто не понял этой обязательности тактики «открытого письма», не позже как через месяц после III конгресса Коммунистического Интернационала *исключить* из Коммунистического Интернационала. Я вижу ясно свою ошибку, что голосовал за допущение КАРД, надо ее скорее и полнее исправить»². Высказав ряд конкретных соображений и предложений относительно содержания и формы тезисов, Ленин предложил учесть их, «если не хотите открытого боя на конгрессе», и заключил: «Если нет у нас согласия в этом, предлагаю созвать Политбюро»³. В его решении, принятом 16 июня 1921 г., было конкретно указано, как следует исправить проект тезисов. Но Радек продолжал утверждать в ИККИ, что главная опасность — правая, а тезис о завоевании большинства ведет к оппортунизму⁴.

Ленин прочитал также статью О. Куусинена и его проект тезисов об организационном строительстве компартий. Одобрительно отозвавшись о них, Ленин предложил усилить мысль о необходимости для компартий работать *«среди массы неорганизованного и организованного... пролетариата и непролетарских слоев трудящихся»*. Это тем более важно, что в большинстве партий Запада как раз «нет повседневной работы (революционной работы) *к а ж д о г о* члена партии»⁵.

Несколько дней спустя Ленин встретился с приехавшей на конгресс Кларой Цеткин. Естественно, что в беседе был прежде всего затронут вопрос о «теории наступления». Атмосфера среди партий Коминтерна, особенно в компартии Германии, была, по мнению Цеткин, насыщена электричеством: «бури, гром и молния были повседневным явлением». Об оценке Лениным событий и «теории наступления» она знала до встречи «только по слухам и догадкам». Готовясь к жарким боям на конгрессе, она не скрала своей тревоги по поводу

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 266—267.

² Ленин в свое время предлагал допустить КРПГ в Коминтерн на правах аффилированной партии. Когда выявилась ее роль как подрывной силы, она в конце 1921 г. была исключена из Коминтерна.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 265—269. См. также Ф. И. Фирсов. III конгресс Коминтерна о борьбе за массы как важнейшей политической задаче компартий. — «Третий конгресс Коминтерна...», стр. 135—136.

⁴ См. К. Шириня. Ленинские идеи единого рабочего фронта. — «Из истории Коминтерна». М., 1970, стр. 89.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 13—15.

опасностей, угрожавших немецкой партии и Коминтерну, если сторонники этой теории возьмут верх.

Ленин в ответ, как рассказывает К. Цеткин, «рассмеялся своим добрым уверенным смехом».

С каких пор записались вы в число зловещих пророков? — спросил он. — Будьте спокойны, на конгрессе «теоретикам наступления» не придется особенно ликовать. Мы еще здесь. Думаете ли вы, что, свершив революцию, мы ничему не научились? Мы хотим, чтобы и вы из нее извлекли урок. Вообще можно ли это назвать теорией? Это — иллюзия, романтика, не что иное, как романтика. Поэтому-то она и была изобретена в стране «мыслителей и поэтов», при содействии моего милого Бела [Куна], который тоже принадлежит к нации поэтически одаренной и чувствует себя обязанным быть всегда левее левого... Как я уже сказал, мне позиция конгресса не внушает никакой тревоги¹.

Хотя Ленин и был уверен в конечном исходе, он тем не менее со всей энергией включился в споры, разгоравшиеся по мере прибытия делегатов разных стран. Приехавшему из Болгарии Василу Коларову вскоре стало ясно, что не только среди зарубежных коммунистов, но и среди русских руководителей идет внутренняя борьба. Радек обрабатывал делегатов в духе «теории наступления». «Сильнейшие партии, — говорил он, — и прежде всего германская, поддерживают позицию «левых». Точка зрения Троцкого на 75 % оппортунистическая, Ленин держится посередине. Но, конечно, для «левых» самый опасный противник — Ленин. Однако он слишком занят правительственными делами, у него не хватает времени для того, чтобы заниматься вопросами Коминтерна, и поэтому «левые» свою точку зрения проведут»².

Хотя Ленин действительно был очень занят (прежде всего проблемами напа), он неоднократно встречался в эти дни с немецкими и другими делегатами, знакомился с проектами решений. Особенно горячие споры возникли во время встречи германской делегации с членами Политбюро ЦК РКП(б) 15 июня 1921 г. Как вспоминал Ф. Геккерт, «Ленин намылил нам голову не только за события в Средней Германии, а вообще за неповоротливость, негибкость, догматическую прямолинейность, которую мы проявляли в нашей политике... Он клеймил нашу пассивность, отказ от работы внутри реформистских профсоюзов»³. По поводу выступления Бела Куна Ленин заметил: глубоко ошибочно думать, что быть коммунистом — значит всегда защищать «левых» в революционном движении. Отвечая делегату от французской молодежи, который предложил выдвигать лозунг забастовки призывников, Ленин (возможно, вспомнив

¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 5, стр. 21—22.

² «Ленин и международное рабочее движение. Воспоминания». М., 1934, стр. 91.

³ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». т. 5, стр. 350.

печальной памяти эрвеизм) сказал, что подобные выступления гибельны¹.

Эти споры показывали, сколь назрела необходимость трезвого и всестороннего анализа новой ситуации, выявления ее характерных черт, заложенных в ней возможностей. Нужно было наметить такой политический курс, который полностью соответствовал бы новым условиям. Эта задача была выполнена очередным конгрессом Коммунистического Интернационала при решающем участии Ленина.

ЛОЗУНГ КОММУНИСТОВ: «В МАССЫ!»

Третий конгресс Коммунистического Интернационала, работавший в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г., с полным основанием именовался в документах всемирным. На нем присутствовали 605 делегатов (291 с решающим голосом), которые представляли 103 организации из 52 стран, в том числе 48 компартий, 8 социалистических партий, 28 союзов молодежи. К этому времени в рядах коммунистических партий насчитывалось, по данным, поступившим в ИККИ, свыше 2,2 млн. членов, в том числе 1,5 млн. в капиталистических странах.

В основу определения новых задач Коммунистического Интернационала был положен глубокий анализ мировой экономики и политики. В беседе с К. Цеткин Ленин заметил, что «решение конгресса по вопросу о тактике Коминтерна и все связанные с этим спорные вопросы должны находиться в связи и рассматриваться вместе с нашими тезисами о положении мирового хозяйства. Все это должно образовать одно целое»². Именно под этим углом зрения проходило обсуждение тезисов и доклада «О мировом положении и задачах Коммунистического Интернационала», вопросов тактики и др. В ходе конгресса докладчики и ораторы не раз возвращались к оценке новой международной обстановки и вытекавших из нее изменений в политическом курсе Коминтерна, все больше приближаясь к пониманию положений, выдвинутых Лениным.

Как отметил конгресс в «Тезисах о мировом положении», период, последовавший за окончанием войны, характеризовался прежде всего стихийностью массового порыва и неясностью господствовавших представлений относительно способов достижения социализма. Подтверждались ранее сделанные Лениным наблюдения о сложном и зигзагообразном развитии послевоенного революционного кризиса. Революционное движение достигло особенного размаха и наибольшей остроты в странах, участвовавших в войне, а среди них — в странах побежденных. Хотя «пролетариатом разных стран было проявлено столько энергии, готовности к борьбе, самопожертвования,

¹ См. «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М., 1970, стр. 73—74; С. А. Лозовский. Из воспоминаний о В. И. Ленине. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 7, стр. 109—110.

² «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 5, стр. 22.

что их с избытком хватило бы на победоносную революцию», она в Европе не произошла. Главная причина неудачи в том, что у рабочего класса не оказалось сильной, централизованной и готовой к действию коммунистической партии, что «во главе пролетариата во время войны и сейчас же после нее оказалась организация II Интернационала», которая противодействовала революционной борьбе масс¹.

В комиссии и на пленарных заседаниях конгресса вызвали споры прежде всего два вопроса: какой период в развитии мировой экономики более благоприятен для политического наступления пролетариата — кризис или процветание? в каком смысле можно говорить о наступлении пролетариата против капитализма? Немецкие и венгерские «левые» в своих речах ставили революцию в прямую зависимость от экономического кризиса (ссылаясь, без достаточных оснований, на Маркса и Энгельса). Они настаивали на том, что и оборонительную борьбу следует вести «в наступательном духе». Утверждая, будто гражданская война неотвратима, они старались внести в тезисы возможно «более решительные» выражения. Так, Тальгеймер оспаривал мысль, что капитализм может в недалеком будущем обрести известную стабильность. Геккерт говорил о безостановочном распаде капитализма, который потерпит катастрофу «даже без правильной атаки рабочих батальонов»².

Упрощенный взгляд, будто кризис всегда является «отцом революции», не встретил поддержки на конгрессе. Ораторы указывали, в частности, на то, что буржуазия сумела и в условиях кризиса 1921 г. развернуть наступление на рабочий класс, хотя в отдельных звеньях капиталистической системы может, конечно, возникнуть такое обострение классовых конфликтов, которое приведет к новым крупным боям.

Вопрос о возможности общего наступления рабочего класса против капитала, вызвавший споры в комиссии по подготовке окончательной редакции тезисов, конгресс решил следующим образом: «Речь может идти об общем наступлении рабочего класса против капитализма в историческом масштабе»³. Тем самым было отвергнуто смешение некоторыми «левыми» конкретно-исторической ситуации с общей логикой развития событий в новую эпоху. Ленин не раз предостерегал от прямого приложения всемирно-исторического масштаба к многоплановой и противоречивой политической практике, которая характеризуется резкой сменой условий классовой борьбы, при-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 299, 311.

² «Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет» (далее — «III Всемирный конгресс...»). Пг., 1922, стр. 56, 328, 337.

³ Там же, стр. 336.

ливами и отливами революционного движения, изменениями в общественной психологии и политических настроениях масс.

Такой подход позволил конгрессу дать в общем взвешенную, хотя и не свободную от некоторых противоречий оценку мировой ситуации. Решающее значение имела констатация, что «первый период революционного движения после войны, характеризующийся стихийностью напора, неоформленностью методов и целей и чрезвычайной паникой, охватившей правящие классы,— представляется в основном завершенным. Классовая самоуверенность буржуазии и внешняя устойчивость ее государственных органов несомненно укрепились»¹. В противовес внесенной в резолюцию (под давлением «левых») фразе, из которой можно было заключить, что замедление темпа революции является лишь одной из возможностей, тезисы указывали: «Совершенно бесспорно, что в настоящее время открытая революционная борьба пролетариата за власть переживает в мировом масштабе заминку, замедление темпа. Но и по самому существу дела нельзя было ждать, чтобы революционное наступление после войны, поскольку оно не привело сразу к победе, развивалось по непрерывно восходящей линии. Политическое движение тоже имеет свои циклы, свои подъемы и спады»².

Указав, что в сложившейся обстановке революционные возможности значительно уменьшились, конгресс вместе с тем отметил ряд фактов, говоривших, что они еще не исчерпаны. Углубление экономического кризиса, валютный хаос, нарушение мировых экономических связей, рост безработицы, снижение жизненного уровня трудящихся могли вызвать «непосредственное обострение социальных противоречий и социальной борьбы»³. Революционный пролетариат Германии, например, несмотря на поражение в ходе мартовских боев, сохранял боевую энергию. Вместе с тем ухудшение положения трудящихся средних слоев, остававшихся в большой мере опорой буржуазии, делало, по выражению Ленина, «все более шаткою указанную опору»⁴.

О возможностях усиления основных противоречий капитализма свидетельствовала и неустойчивость международных отношений в капиталистическом мире. Версальский договор не устранил глубоких разногласий между странами побежденными и странами-победительницами. Занятие весной 1921 г. англо-французскими войсками демилитаризованной Рейнской зоны и угроза оккупации Рура, как мера давления в споре о репарациях, резко обостряли политическую ситуацию в Европе. Конгресс указал и на другое международное противоречие, связанное с тем, что «капиталистическая Европа утратила

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 299.

² Там же, стр. 312.

³ Там же, стр. 335.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 4.

окончательно свое господствующее экономическое положение в мире»¹, и оно перешло к США. Анализируя рост угрозы новой мировой войны, конгресс сформулировал положение о том, что борьба пролетариата способна стать важным фактором, противодействующим развязыванию империалистических войн: «Чем медленнее развивается революционное движение мирового пролетариата, тем неизбежнее международные экономические и политические противоречия приведут буржуазию к попытке новой кровавой развязки в мировом масштабе»².

Хотя в тезисы вошли некоторые формулировки, отражавшие представления «левых», конгресс выработал в целом такую оценку обстановки, которая создавала научную основу для реалистического политического курса³. Главная задача коммунистических партий капиталистического мира была определена в следующих словах: «Руководить нынешними оборонительными боями пролетариата, расширять, углублять и объединять их и — в соответствии с ходом развития — *поднимать их до решающих политических боев*». Пойдет ли революционное движение в ближайший период более быстрым или замедленным темпом, в обоих случаях коммунистическая партия «должна остаться *партией действия*», стоять во главе борющихся масс, приучать массы к активному маневрированию, вооружать их новыми методами борьбы⁴.

В докладе о тактике Коминтерна К. Радек в основном придерживался линии, намеченной Лениным, хотя старался приуменьшить значение ошибок германских «левых» и своих собственных. Общий курс международного коммунистического движения должен исходить из факта: мировая революция продолжает развиваться, а потому необходимо объединение революционных сил для новых боев. Рассматривая опыт массовой борьбы в ряде стран, докладчик подверг критике пассивную позицию коммунистических руководителей Италии и Чехословакии. Мартовское выступление в Германии продемонстрировало ошибки противоположного характера. Коренной просчет немецких «левых» заключался в том, что они внезапно перешли от агитации за единство действий к неподготовленному натиску, а вместо признания своих ошибок и неудач создали «теорию наступления». Теория эта не соответствует действительности, представляет собой игру военными понятиями, игнорируя ту истину, что нельзя вести наступление без масс, а расстояние между авангардом и массами не должно позволить противнику бить их по частям⁵.

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 306.

² Там же, стр. 308.

³ См. К. К. *Ширина*. Разработка В. И. Лениным и Коминтерном курса международного коммунистического движения в новых условиях. — «Третий конгресс Коминтерна...», стр. 59—61.

⁴ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 312—313.

⁵ См. «III Всемирный конгресс...», стр. 204—228.

Поскольку из-за разногласий согласовать единый проект «Тезисов о тактике» на предварительных совещаниях не удалось, он был внесен на конгресс от имени делегации РКП(б) с приглашением поддержать его. 1 июля, в тот день, когда на пленарном заседании началась дискуссия о тактике, в газете «Москва» (органе III конгресса, выходившем на немецком, французском и английском языках) были опубликованы поправки «левых». Они предлагались от имени немецкой, австрийской и итальянской делегаций, к которым затем присоединились: немецкая секция КПЧ, большинство венгерской делегации, Коммунистический Интернационал Молодежи, делегация Польши. Смысл 27 поправок, занявших в газете целую полосу, заключался в перенесении акцента с задачи завоевания большинства рабочего класса на борьбу против правых и центристов, в защите «теории наступления». Обосновать поправки к тезисам делегации поручили У. Террачини.

В тезисах, говорил Террачини, имеются «слишком сильные выражения против левых течений», тогда как нужно только еще начать решительную борьбу против правых, центристов и полуцентристов (он ссылаясь при этом на заявления Зиновьева и Радека на конгрессе и в Исполкоме). Защищая «теорию наступления», Террачини говорил, что нужно не отбрасывать ее, а постараться понять. Она подразумевает: «тенденцию к большей активности», «переход от периода пассивного к периоду активному». При этом Террачини высказал мысль, что не следует «откладывать революционное выступление до того момента, пока большинство пролетариата будет организовано согласно принципам коммунизма», да и вообще не обязательно «вовлекать в революционную борьбу большинство пролетариата». Рассуждения о большинстве годятся для реформистов, но такой принцип «не может быть помещен в тезисах, представляемых Коммунистическому Интернационалу»¹.

Сразу после Террачини слово взял Ленин. Его первые слова, что он, к сожалению, «должен ограничиться самообороной», вызвали смех. Но ему, продолжал Ленин, «очень хотелось бы перейти в наступление», ибо против взглядов, которые защищал здесь Террачини, необходимы именно наступательные действия. Проект тезисов, внесенный РКП(б), уже является компромиссом, результатом долгих размышлений и совещаний с различными делегациями. Для Коминтерна крайне опасны призывы отказаться от завоевания большинства, от тактики «Открытого письма», которое является «образцовым, как первый акт практического метода привлечения большинства рабочего класса». Особенно в Европе, подчеркивал Ленин, где почти все пролетарии организованы, невозможно победить, не завоевав этого большинства².

¹ «III Всемирный конгресс...», стр. 235—239.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 23—26.

Ленин придавал важное значение разъяснению того, что понятие «массы» не абсолютно, а меняется в зависимости от характера и уровня борьбы. Если в начале ее достаточно нескольких тысяч настоящих революционных рабочих, чтобы можно было говорить о массе, то иначе обстоит дело, когда революция началась: «Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним разумеют большинство, и притом не простое лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплуатируемых; другого рода понимание недопустимо для революционера, всякий другой смысл этого слова становится непонятным». Поскольку Террачини ссылаясь на то, что в России революция победила, хотя партия была небольшой, Ленин снова напомнил о том, как большевики и до и после взятия власти упорно овладевали руководством, завоевывали на свою сторону большинство рабочих, солдат, крестьян. «Я не отвергаю безусловно того, — говорил Ленин, — что революция может быть начата и весьма малой партией и доведена до победного конца. Но надо знать, какими методами привлекать на свою сторону массы. Для этого необходима основательная подготовка революции»¹.

Что касается «теории наступления», продолжал Ленин, то о том, допустимо ли вообще революционное наступление, не может быть спора между революционерами. Спор идет о целесообразности наступления в конкретной стране и в определенный период: неподготовленное наступление в Германии в марте 1921 г. было ошибкой, на которой надо учиться. «Мы не должны скрывать наши ошибки перед врагом. Кто этого боится, тот не революционер»². Под тем же углом зрения необходимости концентрации всех усилий на *подготовке* революции Ленин рассматривал и отношение к центристам. Борьба с правыми и центристами была главной задачей на *первом этапе*, когда складывались компартии и Коминтерн. Оппортунистов не только осудили, но и изгнали из Коминтерна; надо и впредь так поступать с теми, кто будет вести себя, как П. Леви. Нельзя, однако, из этой борьбы устраивать спорт. «Теперь мы должны обратиться против другой стороны, которую тоже считаем опасной... пред нами стоят сейчас иные, более важные, чем травля центристов, вопросы»³. Напомнив (вторично в выступлении по итальянскому вопросу) свою постановку вопроса о неизбежности двух этапов подготовки к революции, Ленин энергично подчеркнул, что задача *второго этапа* как раз и состоит в том, чтобы научиться вести настоящую революционную борьбу, не повторять общих революционных лозунгов, а принимать такие «умные и искусные» решения, в которых «основные революционные принципы должны быть приспособлены к особенностям разных стран»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 31—32.

² Там же, стр. 28, 33.

³ Там же, стр. 27—30, 33.

⁴ Там же, стр. 19, 33.

Речь Ленина произвела на делегатов большое впечатление. Выступавший следующим поляк Варский говорил совсем не в духе поправок трех делегаций, которые вышел защищать. Но «левые» не спешили признать свое поражение. Геккерт резко, но неубедительно попытался отвести критику Ленина на том основании, будто поправки вовсе не направлены против «Открытого письма» и завоевания большинства. Ляуэр (Польша) утверждал, что «страх перед авантюризмом» чрезмерен и «левая» опасность преувеличена. Тельман оправдывал «левые настроения» «революционным нетерпением масс». Мюнценберг, Тальгеймер, проявляя непонимание реально изменившихся условий и назревшего поворота в политике, настаивали на «более равномерной» критике и правых и «левых». Поддержали Ленина К. Цеткин, Р. Майнор (Баллистер), П. Вайян-Кутюрье, Т. Белл и др. Зиновьев, отвечая на критику, признал, что «левая тенденция» стала бы опасной для движения, если бы возобладали. Радек в заключительном слове тоже подчеркивал, что задача коммунистов не только доказать свое мужество, но и разбить врага. В комиссии удалось добиться единогласного одобрения тезисов, утвержденных затем конгрессом¹.

Террачини впоследствии вспоминал, что речь Ленина «все перевернула вверх дном, разнесла в пух и прах наши недолговечные построения из формул и концепций». При этом Ленин старался «спасти меня, спасти всех нас от ошибки, которая могла бы оказаться непоправимой и губительной не только для нас, но и для самого великого и светлого дела социального освобождения»².

В принятых после острых дискуссий «Тезисах о тактике» была выражена ленинская мысль о том, что «*мировая революция*, т. е. разложение капитализма, накопление революционной энергии пролетариата, организация его в боевую, победоносную силу, потребует *длительного периода* революционной борьбы». Напоминая о различной степени обострения противоречий в отдельных странах и разнице в их общественной структуре, о высокой степени организованности буржуазии в наиболее развитых странах капитала, тезисы указывали на правильность ленинского предвидения, высказанного еще в годы войны: «*период империализма* перейдет в эпоху *социальной революции*... Мировая революция не есть развивающийся по прямой линии процесс: периоды хронического разложения капитализма и повседневной революционной разрушительной работы временами обостряются и превращаются в острые кризисы»³.

Этот вывод был заострен против социал-реформистов, утверждавших, что период революций надолго закончился и пролетариат смо-

¹ См. «III Всемирный конгресс...», стр. 249—250, 274, 278, 282—283, 284, 287, 288, 289, 295, 300—301, 312, 315, 439.

² «Правда», 12 февраля 1960 г.

³ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 333.

жет добиться политических и экономических успехов только на пути медленных, постепенных реформ. В действительности же углубление экономического кризиса в капиталистическом мире, его социально-экономические последствия, обострение внешнеполитических отношений, новое наступление буржуазии на жизненный уровень трудящихся и их политические права делали возможным и даже вероятным *«непосредственное обострение социальных противоречий и социальной борьбы»*¹.

В то же время тезисы исправляли упрощенные представления, имевшие хождение в коммунистическом движении, будто мировая революция должна немедленно, подобно гигантскому пожару, переброситься на другие страны и охватить весь капиталистический мир. В них было уточнено, что партия обязана непосредственно повести рабочие массы в наступление только тогда и там, когда и где имеются условия, заключающиеся, во-первых, в *«обострении борьбы в лагере самой буржуазии в национальном и международном масштабе»*. Нужно далее *«наличие сильного брожения среди важнейших слоев рабочего класса, которое позволяло бы надеяться, что рабочий класс будет готов единым фронтом выступить на борьбу против капиталистического правительства»*. При этом от конкретных обстоятельств будет зависеть, вести ли коммунистической партии оборонительную или наступательную борьбу².

Важнейшей задачей международного коммунистического движения тезисы считали завоевание коммунистами преобладающего влияния на большинство рабочего класса, их непосредственное участие в борьбе рабочих масс, руководство этой борьбой и *«создание закаленных в борьбе, крупных революционных массовых коммунистических партий»*³. Обобщая опыт борьбы разных стран, тезисы существенно продвинулись вперед в разработке принципиально новой тактической ориентации. При этом определение путей *подхода* к революции, *подведения масс* к ней было связано в один узел с проблемами борьбы за частичные и переходные требования.

Конгресс не выдвинул программы-минимум, но впервые прямо поставил вопрос о значении борьбы за *частичные требования*, за удовлетворение насущных нужд пролетариата, о необходимости *«каждое требование масс брать за исходный пункт революционных боев, которые, лишь слившись, образуют могучий поток социальной революции»*. Именно широкий размах борьбы за ближайшие требования должен позволить компартиям *«усиливать свои лозунги и обобщать их вплоть до лозунга прямого низвержения противника»*⁴. Коммунистам следует поддерживать *частичные бои* отдельных слоев или

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 335.

² Там же, стр. 346.

³ Там же, стр. 335.

⁴ Там же, стр. 342—343.

отрядов рабочего класса, а также всего рабочего класса с ограниченной целью, например против войны, против организаций штрейкбрехеров и убийц, в том числе против фашистов. Всякое «возражение против выставления таких частичных требований, каждое обвинение в реформизме по поводу этих частичных боев является следствием той же неспособности понять необходимые условия революционного действия», как и отрицание участия в профсоюзах или использования парламентаризма. «Дело не в том, чтобы призывать пролетариат лишь к достижению конечных целей, а в том, чтобы усилить практическую борьбу пролетариата, которая одна только в состоянии привести пролетариат к борьбе за конечные цели»¹.

Рекомендация Ленина разъяснить в тезисах значение «Открытого письма» была выполнена лишь отчасти. «Открытое письмо» называлось «образцом в качестве исходного пункта для выступлений», говорилось о необходимости «повести пролетариат единым фронтом на борьбу», при этом предусматривалось, что в совместную борьбу «будут втянуты некоммунистические партии». В тезисах выражалось и понимание того, что «чем больше массы пролетариата вовлечены в борьбу, чем шире поле битвы, тем больше приходится врагу делить и дробить свои силы»².

Таким образом, в тезисах были изложены некоторые из важнейших исходных положений политики единого рабочего фронта. Однако инерция противопоставления коммунистами своей партии всем другим рабочим организациям преодолевалась с большим трудом. Поскольку возможности совместных действий с реформистскими партиями не были уяснены, представлялось, что они явятся результатом утверждения коммунистами своего влияния в профсоюзах и усиления давления «на другие партии, опирающиеся на рабочие массы»³.

Существенный шаг вперед был сделан в постановке вопроса об отношении коммунистов к трудящимся *средним слоям*. Отмечая, что в Западной Европе в отличие от России крестьянство не является наряду с пролетариатом решающим фактором революционной борьбы, тезисы подчеркивали, что «часть крестьянства, значительная часть городской мелкой буржуазии, равно как широкие слои так называемого нового среднего сословия, служащие и т. д. охвачены брожением, которое выводит их из политической пассивности и втягивает в борьбу между революцией и контрреволюцией». Коммунисты должны не только непрерывно обращать внимание на эти колеблющиеся слои, но и использовать их брожение «даже тогда, когда эти слои не свободны от мелкобуржуазных иллюзий», привлекать к пролетар-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 343—344.

² Там же, стр. 346, 348.

³ Там же, стр. 345.

скому фронту освободившуюся от этих иллюзий часть интеллигенции и служащих¹.

В тезисах об организационном строительстве коммунистических партий (принятых по проекту О. Куусинена и докладу В. Кёнена) в соответствии с ленинской рекомендацией проводилась мысль, что партия, чтобы стать вождем пролетарского движения, должна участвовать во всех стихийных выступлениях и столкновениях рабочего класса, вести повседневную работу в массах. Чтобы завоевать симпатии *полупролетарских слоев* трудящихся, коммунистам следует использовать их противоречия с помещиками, капиталистами и государством, а также все события, в которых обнаруживается конфликт между практикой государственной бюрократии и идеализированным представлением мелкобуржуазной демократии о «правовом государстве». В построении и деятельности компартий рекомендовалось органически сочетать принципы централизма и пролетарской демократии, обеспечить внутреннее единство и соблюдение всеми коммунистами партийной дисциплины. Недостатком резолюции, позднее отмеченным Лениным, было то, что она была «слишком русская», т. е. недостаточно учитывала своеобразие условий и задач борьбы отдельных партий, национально-специфические различия².

Важное место заняли на конгрессе вопросы о положении в Советской республике. Рассчитывать на то, что нэп будет сразу правильно понят и оценен всеми представителями международного пролетарского движения, было нельзя. Для разъяснения новой политики РКП(б) делегатам III конгресса Коминтерна была роздана переведенная на несколько языков брошюра Ленина «О продовольственном налоге». В специальном докладе на конгрессе о тактике РКП(б) Ленин обстоятельно разъяснял экономические задачи Советской России, рассматривая их в непосредственной связи с международным положением и с задачами революционного пролетариата³.

Доклад Ленина подвергся критике со стороны зарубежных «ультралевых». Представители КРПГ Закс и Гемпель, идя по пути, на который уже ранее встали некоторые голландские и немецкие «левые» литераторы, стали утверждать, будто русским коммунистам грозит опасность под влиянием экономических факторов «переродиться», что экономические связи, которые Советская Россия намерена установить с капиталистическими странами, могут усилить капитализм в Западной Европе. Усматривая в этом «противоречие между интересами революционных рабочих западных стран и интересами Советской власти», они предлагали компартиям этих стран и Коминтерну создать некий «противовес» влиянию «русской государствен-

¹ См. «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 349—350.

² См. там же, стр. 361—362, 367; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 292—293.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 37.

ной политики». Эта дезорганизаторская попытка прикрывалась «левыми» фразами. Так, Закс твердил, что западные оппортунисты будут говорить рабочим: не бастуйте, ибо вы вредите Советской России. Гемпель вызвал общий смех своим заявлением: надо заботиться, чтобы Россия «поддерживалась пролетариатом чисто революционными средствами, но не капиталистическими»!¹

Собираясь ответить на выступление представителя КРПГ, Ленин в своих заметках сформулировал контрвопросы: «Что вы предлагаете? никаких концессий? никакой торговли? не настаивать на более осторожной подготовке?» В следующей далее краткой ленинской записи изложен примерно следующий наглядный расчет: по плану ГОЭЛРО намечено израсходовать за 10 лет 17 млрд. руб. золотом. Допустим, удастся на 6 млрд. руб. сдать 10 предприятий иностранным концессионерам. Это значит, что в среднем на каждую концессию придется по 600 млн. руб. «Усилить капитализм» в Западной Европе это, разумеется, никак не сможет. А на полях он резюмировал: «Торговать и революцию делать»².

Нападки «ультралевых» не нашли поддержки даже у многих «левых» коммунистов. Так, Г. Роланд-Гольст решительно отвергла всякие разговоры об оппортунизме русских коммунистов: «Русские, — говорила она, — не повернули направо»; их призывы к осторожности и тщательной подготовке европейской революции исходят из веры в нее, а Россия остается «самым прочным стержнем мировой революции»³. Конгресс единогласно одобрил тактику РКП(б) и в принятой резолюции призвал пролетариат всех стран «единодушно стать на сторону русских рабочих и крестьян»⁴.

Чтобы окончательно рассеять сомнения зарубежных коммунистов относительно положения и перспектив Советской России, Ленин, рекомендуя им тщательно готовить европейскую революцию, сказал: «И если вы спрашиваете, сможет ли Россия так долго выдерживать, мы отвечаем, что мы ведем теперь войну с мелкой буржуазией, с крестьянством, войну экономическую, которая для нас гораздо опаснее, чем прошлая война». Что касается опасности, то, как писал Клаузевиц, «стихия войны есть опасность». Действуя осторожнее, мы победим и в этой войне. А на прямой вопрос, сможет ли Россия продержаться, если европейская революция не наступит скоро, Ленин отвечал: «Европа беременна революцией, но составить заранее календарь революции невозможно. Мы в России выдержим не

¹ «III Всемирный конгресс...», стр. 363—364, 375—378.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 439—441.

³ «III Всемирный конгресс...», стр. 378—379.

⁴ В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, стр. 313, 314. С критикой напа с «левых» позиций апеллировали к конгрессу также представители «рабочей оппозиции» в РКП(б). Несколько месяцев спустя они развили свою критику в «Заявлении 22-х». Созданная ИККИ специальная комиссия (К. Цеткин, М. Кашен, У. Террачини и др.) сочла заявление необоснованным.

только пять лет, но и больше. Единственно правильной стратегией является та, которую мы приняли¹.

Конгресс уделил много внимания вопросам работы коммунистов в профсоюзах, кооперативах, женских и молодежных организациях. К этому времени был уже накоплен значительный опыт, требовавший обобщения, а ряд проблем нуждался в дальнейшем обсуждении. Еще накануне конгресса ИККИ указывал, что назрела потребность определить отношения Коминтерна и Межсовпрофа: будут ли это две параллельные организации, или Межсовпроф станет секцией Коминтерна. Считая, что от решения этой проблемы будет зависеть многое в строительстве международного рабочего движения, ИККИ предложил всем организациям тщательно обдумать ее с разных сторон².

Во время работы III конгресса Коминтерна 3 июля 1921 г. в Москве открылся Международный конгресс революционных профессиональных и производственных союзов, учредивший Красный Интернационал профсоюзов (Профинтерн). В работе конгресса участвовали 380 делегатов из 41 страны Европы, Азии, Америки, Африки и Австралии, представлявших 17 млн. рабочих³. В своем приветствии Ленин писал: «Трудно найти слова, чтобы выразить всю важность Международного съезда профсоюзов. Завоевание членов профсоюзов идеями коммунизма идет всюду неудержимо вперед, во всех странах, во всем мире. Идет неправильно, нерегулярно, неравномерно, преодолевая тысячи препятствий, но неудержимо идет вперед»⁴. Конгресс готовился под лозунгом «Москва или Амстердам?», но в резолюции, принятой после острой дискуссии с «разрушителями» старых профсоюзов (немецкими сипдикалистами, американскими «Индустриальными рабочими мира», чехословацкими «ультралевыми»), было записано: *«не разрушение, а завоевание союзов, т.е. многомиллионной массы находящейся в старых союзах, — вот вокруг чего должна идти революционная борьба. Лозунг «вон из союзов» мешает завоевать массы и тем самым отдаляет нас от социальной революции»*⁵.

Серьезный спор возник с анархо-синдикалистами и по вопросу о политической деятельности профсоюзов. Особенно упорно отстаивали «нейтрализм» французские революционные синдикалисты. Переноса свой опыт борьбы против зависимости профсоюзов от реформистских политиков на совсем иные условия, они делали вывод о необходимости обеспечить «независимость» Профинтерна от Коминтерна. Достигнутое на конгрессе соглашение о «взаимном представительстве» этих организаций оказалось недолговечным. Главным же

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 60, 456.

² См. «Коммунистический Интернационал», 1921, № 17.

³ См. Г. М. Адикеев. Красный Интернационал профсоюзов (Очерки истории Профинтерна). М., 1971, стр. 14.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 72.

⁵ «1-й Международный конгресс революционных профессиональных и производственных союзов. Стенографический отчет». М., 1921, стр. 15—16. Приложение.

было создание международной революционной организации профсоюзов, ориентировавшей своих членов на активную борьбу за производственные союзы, фабзавкомы, рабочий контроль и улучшение условий труда¹. Конгресс Коминтерна в специальных тезисах обещал Красному Интернационалу профсоюзов «всю свою поддержку»².

Конгресс Коминтерна принял также тезисы о работе коммунистов в кооперации. Он напомнил всем организациям, что они должны усилить пропаганду идей революционной кооперации, содействовать превращению кооперативов в органы классовой борьбы, стараться создать единый фронт кооперации с революционными профсоюзами. Конгресс поручил ИККИ создать кооперативную секцию, возложив на нее задачу руководить проведением «в международном масштабе революционных задач кооперации»³. Организация советских потребительских кооперативов — Центросоюз — вступила в Международный кооперативный альянс (МКА).

Почти одновременно, 9—23 июля, в Москве работал II конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи. Это международное объединение было создано еще в ноябре 1919 г. на нелегальном конгрессе революционных юношеских организаций в Берлине (из-за падения Советской Венгрии созвать конференцию в Будапеште не удалось)⁴. КИМ был воспреемником лучших революционных традиций Социалистического Интернационала Молодежи, созданного при руководящем участии К. Либкнехта. Ко времени своего II конгресса КИМ насчитывал в 48 союзах около 600 тыс. членов⁵. Исполком Коминтерна включил представителя КИМа в свой состав с правом совещательного голоса, а II конгресс Коминтерна признал КИМ секцией Коминтерна.

В национальных союзах молодежи и в Исполкоме КИМа были сильны «левые» настроения. Эти позиции секретарь ИК КИМа В. Мюнценберг отстаивал и на III конгрессе Коминтерна. После острых дискуссий конгресс КИМа отказался от прежних «авангардистских» позиций в теории и практике, приняв тезис Коминтерна, что «роль авангарда в смысле самостоятельных политических выступлений и политического руководства переходит к коммунистическим

¹ См. «Профинтерн в резолюциях». М., 1928, стр. 21—25, 28—29, 32—34; А. Лозовский. Анархо-синдикализм и коммунизм. М. 1924, стр. 9—22.

² См. «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 386.

³ См. там же, стр. 329.

⁴ См. «Коминтерн, КИМ и молодежное движение (1919—1943). Сборник документов», т. I. М., 1977, стр. 46—60.

⁵ См. «Основные этапы международного молодежного движения (80-е годы XIX в. — 70-е годы XX в.)». М., 1976, стр. 24; В. Мюнценберг и Р. Шиллер. История юношеского движения на Западе. М. 1972, стр. 237.

партиям»¹. Конгресс конкретизировал участие молодежи в общереволюционном фронте, формы взаимоотношений между союзами молодежи и партийными организациями, постановил провести организационную перестройку национальных союзов в целях сближения их с рабочей молодежью².

II Международная конференция женщин-коммунисток состоялась в Москве в июне 1921 г., незадолго до конгресса Коминтерна. В ней участвовали 82 делегатки из 28 стран. Международный женский секретариат (МЖС) был создан вскоре после первой конференции коммунисток, проходившей одновременно со II конгрессом Коминтерна. Генеральным секретарем МЖС стала старейшая руководительница международного объединения социалисток К. Цеткин. Конференция обсудила работу МЖС среди женщин-работниц и рекомендовала вести ее с большим учетом условий их жизни и труда. На конференции К. Цеткин, А. Коллонтай и др. пришлось отражать «левые» атаки со стороны антипарламентаристок — англичанки Н. Смайлс, голландки Г. Роланд-Гольст³.

Конгресс Коминтерна, выслушав доклад К. Цеткин об итогах конференции, подчеркнул необходимость применения специальных методов работы среди трудящихся женщин, домохозяек, дифференциации выдвигаемых требований, создания женотделов во всех компартиях⁴.

На следующий день после закрытия III конгресса, 13 июля 1921 г., Исполком Коммунистического Интернационала провел учредительное заседание. В соответствии с Уставом российская делегация состояла из пяти человек, по два делегата послали германская, чехословацкая партии и Исполком КИМа, 19 партий — по одному. В Малое бюро ИККИ (14 сентября 1921 г. переименованное в Президиум ИККИ) были избраны: Г. Е. Зиновьев (председатель), К. Б. Радек, Э. Дженнари, Н. И. Бухарин, Б. Кун, Ф. Геккерт, Б. Суварин; в Секретариат ИККИ — О. Куусинен, М. Ракоши, Ж. Эмбер-Дро⁵.

17 июля 1921 г. ИККИ принял воззвание (подписанное также Исполкомом КИМа) «К новой работе, к новым боям!». Указывая, что конгресс был великим смотром всемирной армии пролетариата, воз-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 330.

² См. М. М. Мугамеджанов. III конгресс Коминтерна и вопросы молодежного движения. — «Третий конгресс Коминтерна...», стр. 256.

³ См. Г. Е. Павлова, Е. А. Севрюгина. Коммунистический Интернационал о работе коммунистических партий среди женщин (1919—1921 гг.). — «Третий конгресс Коминтерна...», стр. 267—270.

⁴ См. «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 314—326.

⁵ См. «Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума И. К. Коммунистического Интернационала от 13-го июля 1921 г. до 1-го февраля 1922 г. Пг., 1922, стр. 5—7.

звание подчеркивало, что первый боевой клич, брошенный коммунистами всех стран, гласит: *«В массы!»*, второй лозунг — *«Мы идем на встречу новым, великим боям! Вооружайтесь для новых битв!»*, третий — *«Создавайте всеобщий боевой фронт пролетариата!»*

Коминтерн открыто указывал на опасность, что развитой стратегии мировой буржуазии, пригодной как для вооруженного подавления пролетариата, так и для провоцирования его на преждевременные восстания, противостоит пока еще недостаточная, лишь развивающаяся стратегия борющегося за власть рабочего класса. Ее основой должно поэтому стать умелое применение самого верного ориентира: *«пролетарские массы, единый сплоченный пролетарский фронт»*.

Коммунистический Интернационал, говорилось далее, считает своим долгом ясно и откровенно сказать рабочим всех стран, что пока их авангард одинок и изолирован, он не должен давать себя провоцировать, втягивать в какие-либо решающие бои, напротив, обязан стремиться избегать вооруженных столкновений с врагом, помнить, что *«источником победы пролетариата над вооруженными белогвардейцами является его масса»*. Выдвигая поэтому на первый план задачу *«вырвать широчайшие рабочие массы из-под влияния социал-демократических партий и предательской бюрократии профсоюзов»*, воззвание указывало, что коммунисты могут решить ее лишь в том случае, если *«покажут себя передовыми борцами рабочего класса во всех его повседневных нуждах»*, если будут действовать не голыми декларациями, *«не на почве теоретических споров о демократии и диктатуре, но на почве вопроса о хлебе, о заработной плате, об одежде и о жилищах для рабочих»*.

Придавая решающее значение практической работе коммунистов по завоеванию масс, воззвание подчеркивало: *«Только в борьбе за самые элементарные жизненные требования рабочих масс мы можем создать единый фронт пролетариата против буржуазии, сможем положить конец расколу пролетариата, являющемуся основой дальнейшего существования буржуазии... «Будьте авангардом вступающих в движение рабочих масс, будьте их сердцем и мозгом!»* — таков лозунг, с которым III Всемирный конгресс Коминтерна обращается к коммунистическим партиям. А быть авангардом значит: *идти во главе масс как их наиболее храбрая, наиболее проникательная и предусмотрительная часть*. Лишь став таким авангардом, коммунистические партии смогут не только создать единый пролетарский фронт, но и, возглавляя его, победить врага»¹. Это воззвание не только уточнило некоторые формулировки тактических решений III конгресса, но и придало им значительно большую целенаправленность, делало их практически более действенными.

¹ В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, стр. 390—395.

Политический курс, выработанный III конгрессом, подтвердил революционную линию, основанную на марксистском научном прогнозе и пронизанную непоколебимой уверенностью в конечном торжестве дела мировой пролетарской революции. Конгресс отверг социал-демократические расчеты на постепенную трансформацию капитализма. В то же время он показал, что революция в капиталистических странах развивается сложнее, чем многие думали раньше, что подготовительный этап к ней займет больше времени и потребует огромных усилий. Отразив попытки «левых» сектантов толкнуть мировое коммунистическое движение на путь «революционных» авантур, конгресс развил и конкретизировал представления о путях развертывания пролетарской революции и мобилизации масс в ходе ее подготовки.

В политической линии, принятой III конгрессом Коминтерна, Ленин с самого начала видел нечто существенно большее, нежели простое улучшение тактических приемов борьбы. Встречаясь с делегатами разных стран, он вел полемику с большой остротой, что объяснялось убежденностью многих коммунистов, будто «левизна» есть синоним боевой революционности¹. После конгресса Ленин сказал делегатам тех стран, где «левые» настроения были особенно сильными: «Теперь вы все вернетесь домой и скажете рабочим, что мы стали благоразумнее, чем были перед III конгрессом. Вы не должны смущаться, вы скажете, что мы допустили ошибки и хотим теперь действовать осторожнее; тем самым мы привлечем на свою сторону массы от социал-демократической и независимой социал-демократической партий, массы, которые объективно всем ходом вещей подталкиваются к нам, но которые боятся нас». Показав на примере апреля 1917 г., что и большевикам приходилось бороться против «левых» настроений, Ленин заключил: «Наша единственная стратегия теперь — это стать сильнее, а потому умнее, благоразумнее, «опportunистичнее», и это мы должны сказать массам»².

Ленин не случайно говорил на этом совещании не просто о тактике, а о «новой тактике», смысл которой в том, что «не нужно нервничать, мы не можем опоздать, а, скорее, можем начать слишком рано». Более того, он говорил о *стратегии*, принятой конгрессом, употребив в этой связи французскую поговорку *il faut reculer, pour mi-*

¹ Узнав об обиде немецких товарищей, которым его выражения показались невежливыми, он дважды принес извинения, а также письменно выразил сожаление, что вызвал недовольство венгерских коммунистов (см. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 52, стр. 276; т. 53, стр. 14).

² *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 44, стр. 57—59. В планах можно прочесть: «Чем «опportunистичнее», тем скорее соберете опять (тепер. еще больше) вокруг себя массы». «Единодушно все. Как бы сначала подойти к рабочим. Осторожнее. Тем сильнее будет натиск. Координировать. Сильнее подготовка — вернее победа» (там же, стр. 457).

eux sauter («нужно отступить, чтобы лучше прыгнуть»). В заметках во время совещания Ленин записал: *«стратегическое отступление — теперь (в международном масштабе)»*¹.

Еще яснее Ленин охарактеризовал переломное значение переживаемого периода в развитии мировой революции в беседе с Кларой Цеткин перед ее отъездом на родину. Принятые резолюции, говорил он, «являются действительно *«поворотным пунктом»* в развитии Коминтерна. Ими заканчивается первый период в его развитии на пути к революционной массовой партии. В силу этого конгресс должен был основательно покончить с левыми иллюзиями, будто мировая революция беспрерывно идет вперед в своем бурном первоначальном темпе, что мы находимся на гребне второй революционной волны и что исключительно от воли партии и ее активности зависит возможность обеспечить победу нашему знамени». Это в конечном счете «даже не революционный, а какой-то просто-напросто мелкобуржуазный взгляд». И в заключение: «Нужно, Клара, всегда думать о массах, и тогда вы совершите революцию, как мы ее совершили: с массами и через массы»².

В своих письмах, посланных после конгресса братским партиям, Ленин призывал их осмыслить и во всеуслышание признать изменение подхода к массам. Объясняя немецким коммунистам, почему на III конгрессе ему *«надо было стоять на правом крыле»*, Ленин писал, что «левые», в частности германские, *«чутьочку преувеличив»* опасность центризма, стали превращать революционный марксизм в карикатуру, а борьбу с «центризмом» — в смешной спорт. Это грозило скомпрометировать самих революционных марксистов и спасти центризм. Поэтому «гвоздь» конгресса Ленин видел в том, чтобы исправить это преувеличение, которое совершали «лучшие, преданнейшие элементы». Это было, по его выражению, *«выпрямлением линии Коммунистического Интернационала»*³.

Позднее, высказывая убеждение, что его позиция — встать в этот момент на крайнем правом фланге — была единственно правильной, Ленин указал и на другую причину своего поведения: на необходимость противодействовать тому, что «весьма многочисленная (и «влиятельная») группа делегатов, со многими немецкими, венгерскими и итальянскими товарищами во главе, занимала неумеренно «левую» и неправильно левую позицию, слишком часто заменяя трезвый учет не очень благоприятной для немедленного и непосредственного революционного действия обстановки усиленным маханьем красными флажками»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 59—60, 61, 458 (курсив наш. — Авт.).

² «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 5, стр. 32, 34 (курсив наш. — Авт.).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 93, 96—97.

⁴ Там же, стр. 419.

На основе решений III конгресса Коминтерна и опыта компартий по практическому претворению в жизнь курса «В массы!» смогла начаться активная разработка политики единого рабочего фронта. В процессе поиска конкретных лозунгов, связывающих повседневную борьбу против наступления капитала с движением к конечной цели, эта идея все яснее обретала облик общего действия рабочих, принадлежащих к различным политическим течениям, против капитализма и реакции¹.

В марте 1922 г., выступая на XI съезде РКП(б), Ленин рассказывал, что некоторые из зарубежных коммунистов на недавнем пленуме ИККИ «непозволительным образом и по-детски расплакались» оттого, что «хорошие русские коммунисты, представьте себе, отступают». Отступление — штука трудная, заметил Ленин, особенно после победоносного наступления, но как раз то, что «мы с налету, на гребне энтузиазма рабочих и крестьян, захватили необъятно много», создало реальную возможность отступить, нисколько «не теряя главного и основного». Самое опасное — паника, которая может сорвать дисциплину, поэтому в такой момент «необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины». Теперь, подчеркнул Ленин, «отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил. Вот директива, которую съезд должен вынести, которая сутолоке, суматохе должна положить конец»².

Еще ранее, в октябре 1921 г., Ленин в одной из своих речей вспомнил об осаде Порт-Артура, с помощью которой японцы в 1904 г. овладели крепостью после ряда неудачных штурмовых атак. Понятие *перехода от штурма* (или штурмовой, лобовой атаки) к *осаде* Ленин применил теперь к обоим поворотам, которые пришлось осуществить весной — летом: к переходу к новой экономической политике в Советской России и к новой стратегии и тактике международного коммунистического движения. Эти повороты были вызваны разными причинами, различный характер носили и связанные с поворотами временные отступления. Но понятие «от штурма к осаде» было не только ярким, запоминающимся образом, оно было содержательным и емким. Им снималась упрощавшая дело антиномия: «наступление — отступление» («оффензива» — «дефензива»). Речь не шла также о простом переходе от наступления к обороне. В политическом, как и в военном, смысле осада отличается от штурма прежде всего темпом. Но сколько бы длительной она ни была, она остается *активным действием*, не имеющим ничего общего с пассивным ожиданием в обороне. Она ведет к той же цели, что и штурм, но пользуется иными приемами, средствами, методами, предполагает целую систему подготовительных, промежуточных мероприятий, перегруппировки сил, подтягивания

¹ См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, стр. 144.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 87—88, 92.

резервов, различных маневров, включающих и оборону и временные отступления.

«Порт-Артур международного капитализма», говорил Ленин, «осажден не только нашей армией. Внутри каждой капиталистической страны все больше и больше растет армия», которая участвует в осаде. Задавать вопрос относительно сроков падения этой крепости бесполезно, ибо знать можно «только одно, что, в конце концов, крепость международного Порт-Артура неминуемо будет взята»¹. Эти слова выражали не просто надежду или пожелание, а уверенность вождя революции, основанную на трезвом понимании, что во всем мире растут силы рабочего класса и его союзников, совершенствуется их умение владеть всеми средствами и формами борьбы.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 195—197, 204, 219, 470, 472, 476.

ПРОБЛЕМЫ ЕДИНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОЛЕТАРИАТА

НАСТУПЛЕНИЕ КАПИТАЛА И УГРОЗА ФАШИЗМА

К концу 1921 г. мировой экономический кризис стал переходить в депрессию. Но буржуазия отнюдь не собиралась ослаблять нажим на рабочий класс ни в сфере экономической и социальной, ни в сфере политической. Она продолжала урезывать или ликвидировать завоевания, добытые рабочими в упорной борьбе в годы революционного подъема, стремилась подорвать его возросшую организованность, усилить эксплуатацию. Под предлогом необходимости рационализировать производство буржуазия развернула поход против профсоюзов, ставших значительной силой, пыталась сорвать ограничение рабочего дня, снизить заработную плату. Наряду с традиционными она изыскивала и новые средства для дезорганизации рабочего движения, ослабления его ударной силы, разрушения его боевого духа. В некоторых странах, где революционная борьба достигла наивысшего накала, буржуазия обратилась к поддержке нового движения, глубоко враждебного пролетарскому, — фашизма.

Первой страной, где революционный рабочий класс столкнулся с фашизмом лицом к лицу, была *Италия*. Экономический кризис вызвал здесь особенно резкое сокращение промышленного производства. Число безработных достигло летом 1921 г. почти 400 тыс., увеличившись за год более чем в 4 раза, а в январе 1921г. превысило 600 тыс.¹ Буржуазия была не прочь переложить все тяготы кризиса на рабочий класс. Однако активность пролетариата, особенно ярко проявившаяся в движении за захват фабрик и заводов, а также в успехе социалистической партии на местных выборах в ноябре 1920 г. (когда она завоевала более $\frac{1}{4}$ муниципалитетов и свыше $\frac{1}{3}$ провинциальных управлений), показала, что обычными методами сломить сопротивление рабочих нелегко. Вызывало тревогу у буржуазии также растущее движение крестьян и батраков.

В этих условиях предприниматели, аграрии и правящие круги стали все больше склоняться к использованию фашистских организаций. Возникновение в Италии фашистских союзов («фаши ди комбаттименто») было связано с мировой войной и ее последствиями. Значительные слои населения, прежде всего многие бывшие фронтовики, испытали крушение надежд и были горько разочарованы «це-

¹ «Annuario statistico italiano», Serie II, v. IX, Anni 1922—1925. Roma, 1926, p. 292.

справедливыми», по их мнению, для Италии условиями мира. В фашистские союзы вступали прежде всего те, кто враждебно относился к революционной борьбе пролетариата, считал итальянское буржуазно-демократическое государство слишком слабым и неспособным удовлетворить их интересы. Шовинистические и националистические настроения сплетались у них с острой жаждой социальных перемен. Возглавил фашистское движение ренегат социализма Бенито Муссолини. На первых порах он поддерживал шумную кампанию за присоединение Фиуме, вылившуюся осенью 1919 г. в насильственный захват города отрядом легионеров, созданным писателем Г. Д'Аннунцио.

С осени 1920 г. фашистские вооруженные отряды («сквадре»), воспользовавшись поражением рабочего класса, от разрозненных террористических выступлений перешли к систематическим нападениям на рабочие организации. Они стали громить помещения левых газет и местных организаций рабочих партий, народные дома, палаты и биржи труда. Действия погромщиков вызвали одобрение со стороны многих промышленников, аграриев и части государственного аппарата. В правительстве Джолитти, органах юстиции и внутренних дел, в генеральном штабе имелись влиятельные сторонники использования фашистов в качестве орудия подавления революционного движения. Солидарность с фашистами буржуазных политических партий проявилась еще в ноябре 1920 г., когда на выборах в местные органы власти нередко выдвигались единые, «национальные» списки, в которые включались фашистские руководители.

Утвердившись в лестной роли носителей «национальной идеи» и застрельщиков антисоциалистической борьбы, фашисты совершили 21 ноября 1920 г. крупную провокацию против нового муниципального совета Болоньи, в котором социалисты составляли большинство. Вооруженные фашисты открыли стрельбу в зале совета и на площади, где собрались тысячи людей; 16 человек было убито, 58 ранено¹. Эти кровавые события стали сигналом для погромов и «карательных экспедиций» против батраков в Эмилии и Тоскане. В 1921 г. фашисты развернули настоящую гражданскую войну против рабочих и демократических организаций. В первом полугодии сквадристы разгромили и подожгли 119 палат труда, 59 народных домов, 107 помещений кооперативов, 83 здания крестьянских лиг, 141 помещение секций и кружков рабочих партий, 28 комитетов профсоюзов, редакции многих рабочих газет².

Сопротивление нападениям фашистов было спонтанным, разобщенным. Рабочие организации ни материально, ни политически не

¹ См. «40 лет Итальянской коммунистической партии». М., 1961, стр. 20—21.

² P. Spriano. Storia del Partito comunista italiano, t. I. Torino, 1967, p. 131.

были подготовлены к отпору, их борьба с самого начала носила оборонительный характер. Парламентские выборы в мае 1921 г. показали, что влияние рабочих партий упало по сравнению как с выборами 1919 г., так и с местными выборами 1920 г. Вместо 156 мандатов обе партии, выступавшие раздельно, получили 138, причем на долю ИСП пришлось 123, на долю КПИ — 15 мандатов. Партии правительственного большинства, а также фашисты, хотя они яростно нападали на правительство Джолитти, выступали единым списком «национального блока». Фашисты, получив благодаря этому 35 мандатов, усилили свою парламентскую и внепарламентскую активность.

Рост фашистской опасности вызвал стихийное стремление итальянских трудящихся к отпору. В ряде городов возникли комитеты пролетарской защиты, в которых объединялись коммунисты, социалисты, активисты реформистских профсоюзов, анархисты, католики, беспартийные. По инициативе пролетарских лиг инвалидов и ветеранов войны возникло антифашистское движение, участники которого именовали себя «народными смельчаками» («ардити дель popolo»)¹. Их батальон взял на себя в июле 1921 г. охрану массового митинга в Риме, участники которого требовали усилиями всех рабочих положить конец фашистским бесчинствам. По улицам и площадям столицы прошло шествие 3 тыс. «народных смельчаков». Отряды, состоявшие прежде всего из рабочих, стали формироваться во многих городах страны — Турине, Генуе, Неаполе. В Генуе большую работу по организации «народных смельчаков» вели местные коммунисты, один из созданных отрядов назвал себя именем Ленина. Движение имело глубоко народный характер, объединяло не только фронтовиков, но и рабочих — коммунистов, социалистов, анархистов, республиканцев, католических «пополяри»². Оно могло стать зародышем возникшего по инициативе снизу антифашистского фронта. Однако руководители движения отказались от связи с партиями рабочего класса, а коммунисты и социалисты (хотя и по разным мотивам) не поддерживали движение, которое постепенно угасло³.

Руководство ИСП вообще отвергало вооруженное противодействие фашизму и рекомендовало лишь «пассивное сопротивление», уповая на то, что удастся побудить парламент и правительство принять меры для прекращения фашистских погромов. Оно вместе с лидерами ВКТ подписало 3 августа 1921 г. Пакт умиротворения с фашистами. Соглашение о взаимном отказе от активных действий парализовало

¹ Ардитами называли в годы войны бойцов штурмовых подразделений. Многие из них влились потом в фашистские сквадре или легион Д'Аллуинцио.

² См. Б. Р. Лопугов. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919—1929 гг. М., 1968, стр. 129—134, 136—138.

³ См. «Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт пролетариата. 1920—1923 гг.». М., 1977, стр. 206.

сопротивление трудящихся, но дало возможность фашистским отрядам перегруппировать свои силы и перейти в наступление¹.

В отличие от руководителей ИСП коммунисты считали необходимым давать решительный отпор фашистам. Однако позицию партии серьезно ослабляла сектантская, «лево»экстремистская политика стоявшей во главе ее группы Бордиги. Она отклоняла всякое сотрудничество с другими партиями и организациями, запретила коммунистам участвовать в движении «народных смельчаков» под предлогом, что оно не было чисто пролетарским, и дала установку создавать для борьбы с фашистами отдельные коммунистические вооруженные отряды².

В ноябре 1921 г. на съезде фашистских союзов Италии, которые насчитывали свыше 300 тыс. человек, была основана Национальная фашистская партия. Ее программа, противопоставив борьбе классов и социализму идею единой нации как господствующую форму социальной организации, требовала установления сильной политической власти, преобразования либерального государства в «корпоративное»; фашизм был объявлен «политическим, военным и экономическим организмом», способным создать «Великую Италию». Проявляя тактическую ловкость, фашисты использовали противоречия между своими буржуазными конкурентами, стали сближаться с Ватиканом. Вскоре многочисленные сквадре были преобразованы в централизованную милицию. Стремясь охватить влиянием широкие массы трудящихся, фашисты проникли в профсоюзное движение. В 1921 г. на съезде фашистских профсоюзов была создана Национальная конфедерация профсоюзных корпораций: промышленного труда, сельскохозяйственного труда, торговли, средних классов и интеллигенции, работников моря. Вскоре в конфедерацию, провозгласившую принцип сотрудничества классов, были вовлечены и анархо-синдикалистские объединения. За год она выросла в 4 раза и к концу 1922 г. насчитывала 1 млн. членов. Расширилось влияние фашистов на молодежь, особенно учащуюся³.

Недооценка фашистской опасности и недостаточно глубокое понимание истинной природы фашизма были свойственны в то время рабочему движению не только Италии. Многим казалось тогда, что фашизм — обычное оружие контрреволюции, что он вскоре изживет себя, а буржуазия вернется к обычной парламентской практике правления, опираясь на социал-демократию, которая остается поэтому главным препятствием на пути революции. Это подтверждал, казалось, и опыт других стран.

¹ См. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 135, 150—151.

² См. *P. Spriano*. *Op. cit.*, p. 146.

³ Подробнее см.: *П. Аламри*. Происхождение фашизма. М., 1961; «История фашизма в Западной Европе». М., 1978, стр. 56—63.

В Германии фашистские союзы появились почти в то же время, что и в Италии. Их возникновение было и здесь в значительной мере следствием войны, обманутых надежд, ущемленных национальных чувств. Фашистские организации привлекли в свои ряды прежде всего бывших фронтовиков, не нашедших себе места в жизни, разорившихся мелких собственников, люмпен-пролетарские элементы. В идеологическом плане они являлись прямыми наследниками реакционных, шовинистических, антисемитских организаций, каких и прежде было немало, особенно в Берлине и Мюнхене. Вместе с тем германские фашисты абсорбировали кое-какие элементы реакционно-милитаристского «прусского социализма» и антикапиталистической демагогии так называемых «фёлькише». Проявляя с самого начала резкую враждебность к марксизму, фашисты прилагали усилия, чтобы привлечь в свои организации и рабочих, разочарованных неудачами революционной борьбы¹.

Предшественница фашистской партии Немецкая рабочая партия была создана в Мюнхене в январе 1919 г. В марте 1920 г. она была переименована в Германскую национал-социалистскую рабочую партию, заимствовав это название у австрийских фашистов. С приходом к руководству А. Гитлера партия развернула в Баварии активную пропагандистскую деятельность в духе воинствующего национализма, антикоммунизма, расизма и реваншизма. Составленная Дрекслером, Федером и Гитлером программа из 25 пунктов требовала образования «Великой Германии», отмены Версальского диктата, создания сильной власти, выдвигала демагогические лозунги: «Общее благо выше личного», «Уничтожение процентного рабства» и т. п.²

Погромно-террористический характер фашистского движения проявился в полном объеме не сразу. Правда, в Австрии военно-фашистские отряды «хеймвера», добывавшие оружие из государственных arsenалов, стали создаваться уже в конце 1918 г. Вскоре между австрийскими и баварскими военизированными организациями («Орка», «Оргеш») установились самые тесные связи. В Германии главную роль в подавлении революции сыграли «добровольческие корпуса» под командованием самых реакционных офицеров и генералов. Ввиду ограниченной Версальским миром численности рейхсвер смог лишь частично принять их в свои ряды. В 1921 г. нацисты стали создавать особую военную организацию — «штурмовые отряды» (СА), — в которую охотно привлекали оставшихся не у дел головорезов. Террористические банды, нападавшие на рабочие собрания, громившие

¹ См. К. Гейден. История германского фашизма. М.—Л., 1935, стр. 8—20.

² Подробнее см.: А. А. Галкин. Германский фашизм. М., 1967; Л. И. Гинцбург. Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма (1919—1933 гг.). М., 1978; «История фашизма в Западной Европе»; F. L. Carsten. Revolution in Mitteleuropa. 1918—1919. Köln, 1973.

клубы и профсоюзы, вскоре получили кроме резиновых дубинок и пистолетов также бомбы и гранаты. Но в начале 20-х гг. гитлеровские штурмовики и австрийские «хеймверовцы», будучи группами оголтелых погромщиков, не играли никакой роли в большой правительственной политике. Буржуазия, опираясь на поддержку правых лидеров социал-демократии, еще вполне полагалась на традиционные государственные средства удержания в узде революционных рабочих. Только отдельные магнаты капитала начинали финансировать гитлеровскую партию и другие подобные организации, рассчитывая использовать их в будущем.

Условия пролетарской борьбы в Германии оставались сложными. В ОКПГ продолжалась борьба с «ультралевыми». Ленин в письме к немецким коммунистам от 14 августа 1921 г. рекомендовал им не терять хладнокровия и выдержки, систематически исправлять ошибки прошлого, неуклонно завоевывать большинство рабочих масс, «вырабатывать себе стратегию, стоящую на уровне наилучшей международной стратегии самой «просвещенной» (вековым опытом вообще, «русским опытом» в особенности) передовой буржуазии». Ибо величайший вред делу революции может нанести забвение той истины (или боязнь признать ее), что имеющаяся армия коммунистов «еще плохо обучена, плохо организована», что ее нужно еще как следует «испытать на всяческих маневрах, на разнообразных сражениях, на операциях наступления и отступления»¹.

Решения открывшегося 22 августа 1921 г. Йенского (VII) съезда КПГ² (партия насчитывала 180 тыс. членов, плативших взносы) знаменовали благоприятный перелом, прежде всего возвращение к тактике «Открытого письма». Была сформулирована программа ближайших требований. Вскоре партия, стремясь к объединению сил рабочего класса, согласилась вместо нее поддержать «Десять требований о налоговой и экономической политике», которые 15 ноября выдвинуло Объединение немецких профсоюзов. Они предусматривали повышение зарплат и пособий, улучшение положения безработных, контроль над монополиями, социализацию угольной промышленности и т. п.

Социал-демократическая партия, число членов которой превысило 1 200 тыс., на своем съезде в Гёрлице в сентябре 1921 г. приняла новую партийную программу. Она закрепила идейную победу реформистской концепции «демократического социализма» как некоего «третьего пути» между капитализмом и коммунизмом. Программа продолжала говорить о социализации земли, недр и источников энергии, государственном контроле над собственностью на средства производства, расширении социальной политики, демократизации судопроизводства, отделении церкви от государства. Однако все сводилось

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 89—90, 96.

² Решением съезда слово «Объединенная» в названии партии было снято.

на нет утверждением, что осуществления этих требований можно добиться исключительно путем реформы конституции на почве Веймарской республики. Тем более что съезд большинством голосов отверг предложение о восстановлении единства пролетариата, а вместо того провозгласил основой политики СДПГ ее коалицию со всеми буржуазными партиями, в том числе правыми¹. Даже по мнению Каутского, Гёрлицкая программа СДПГ была шагом назад по сравнению с Эрфуртской². Сам он к этому времени завершил ревизионистское «обогащение» марксизма, подменив Марксову характеристику переходного периода от капитализма к социализму, требующую диктатуры пролетариата, собственной характеристикой, обосновывавшей... правительственную коалицию социал-демократии с буржуазными партиями³.

Независимая социал-демократическая партия на съезде в Лейпциге в январе 1922 г. (число ее членов снова превысило 300 тыс.) тоже обсуждала программные и политические требования. Партия на словах продолжала признавать диктатуру пролетариата, выражать солидарность с Советской Россией, отклонять коалиционную политику СДПГ. Принятый съездом манифест формулировал экономические и социально-политические задачи, включая требование «социализации ключевых отраслей промышленности». В то же время НСДПГ (как и СДПГ) отвергла единый фронт с КППГ, заявив, что единство пролетариата можно восстановить только на центристской платформе.

Однако тяга рабочего класса к единым действиям оказывалась нередко сильнее партийных решений и прорывалась стихийно. Так, протест против террористических актов крайних националистов, од-

¹ «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten in Görlitz vom 18 bis 24. September 1921». Berlin, 1921, S. III—VI.

² K. Kautsky. Die proletarische Revolution und ihr Programm. Berlin—Stuttgart, 1922, S. 2—3.

³ Чтобы увидеть, как «делается» такая подмена, достаточно сопоставить формулировки Маркса и Каутского:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 27).

«Между временем чисто буржуазно и чисто пролетарски управляемого демократического государства лежит период превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, правительство которого, как правило, будет иметь форму коалиционного правительства» (K. Kautsky. Op. cit., S. 106).

Казалось бы простая перемена слов. На деле же полный отказ от революционной пролетарской политики и замена ее реформистским соглашательством с буржуазией.

ной из жертв которых стал в августе 1921 г. видный буржуазно-республиканский деятель М. Эрцбергер, вылился в совместные массовые манифестации всех рабочих партий и организаций, дружно требовавших защиты республики от атак реакции¹. Организационное единство удавалось время от времени осуществлять в производственных Советах (фабзавкоммах), где коммунисты сумели завоевать сильные позиции. В Берлине фабзавкомы даже создали из представителей трех партий «комиссию шести», игравшую роль органа единого фронта революционных рабочих².

С конца 1921 г. усилилась стачечная борьба. Выдвигались прежде всего требования повышения зарплаты и защиты 8-часового рабочего дня. Зарплата не поспевала за ростом цен на важнейшие продукты питания, которые были в январе 1922 г. в 28 раз выше довоенных, в феврале — в 34 раза, в марте — в 36 раз, а в апреле — в 42 раза. В начале февраля 1922 г. в забастовке железнодорожников участвовало почти 800 тыс. рабочих и служащих. Это было крупнейшее выступление государственных служащих, охватившее всю страну. Президент Эберт запретил стачку, лидеры профсоюзов выступили за ее прекращение. Против забастовщиков были брошены рейхсвер и полиция, руководители арестованы. Только КПГ поддержала бастующих. В апреле бастовали металлисты Южной Германии. Стачка охватила 160 тыс. рабочих, продолжалась три месяца и закончилась компромиссом. Бастовали также сельскохозяйственные рабочие в Тюрингии, Шлезвиг-Гольштейне, Мекленбурге, Померании³. Но отсутствие единства действий разных отрядов рабочего движения заметно тормозило размах борьбы.

Рабочий класс *Франции* продолжал оборонительную борьбу, но все чаще терпел неудачи. Начиная с 1921 г. жизненный уровень трудящихся стал падать. Буржуазия перешла в широкое наступление на рабочий класс, а правительство Мильерана прибегало к обыскам, арестам и полицейским преследованиям (особенно коммунистов и революционных синдикалистов). Положение усугублялось тем, что реформистское руководство Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) во главе с Л. Жуо активно включилось в эти гонения. Они приняли массовый характер после съезда ВКТ в Лилле в июле 1921 г., на котором революционная оппозиция во главе с П. Семаром и Г. Монмуссо получила почти половину голосов (1348 против 1556). В федерациях и департаментах, где реформисты сохраняли большинство, они просто исключали деятелей оппозиции и целые профсоюзы; там же, где они оказались в меньшинстве, сами выходили из организаций и создавали новые.

¹ W. Ruge. Matthias Erzberger. Berlin, 1976.

² См. «Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт», стр. 115—117, 129—130.

³ См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik», Bd. II. Berlin, 1966, S. 122—126.

Несмотря на эту репрессивную практику, революционные синдикалисты продолжали добиваться сохранения единства ВКТ. Но ее руководство, отклонив все их предложения, заявило о вступлении ВКТ в Амстердамский Интернационал и запретило своим членам присоединяться к Профинтерну. К концу 1921 г. раскол французских профсоюзов стал фактом, а в июне 1922 г. на съезде в Сент-Этьене была создана Унитарная всеобщая конфедерация труда (УВКТ), объединившая 360 тыс. членов революционных профсоюзов (в ВКТ осталось 373 тыс.). Возглавившие УВКТ анархо-синдикалисты сопротивлялись, однако, присоединению организаций к Профинтерну. Оно произошло лишь после того, как при поддержке Ленина Семар и Монмуссо достигли соглашения с руководством Профинтерна об удалении из Устава Профинтерна параграфа о его тесной организационной связи с Коминтерном¹.

Коммунистическая партия была по своему составу весьма неоднородной. Она включала и старых опытных социалистов, и молодежь, прошедшую фронтовую школу. У одних не хватало политического опыта, над другими довели неизжитые реформистские или анархо-синдикалистские представления. Кроме пролетарского ядра в партии были случайные мелкобуржуазные элементы, вовлеченные в ее ряды в годы революционного подъема. Это порождало разногласия и фракционную борьбу, которую обостряло то, что у руководства партии находилась группа во главе с центристом Фроссаром. Так, Федерация коммунистической молодежи провозгласила свою «независимость», выдвинув авантюристические лозунги «революционного восстания» и неподчинения военной мобилизации. Правые, группировавшиеся вокруг газет «Ваг» и «Журналь дю пепль» (А. Фабр, В. Мерик), требовали сотрудничества с буржуазными партиями. Искусно маневрируя, группа Фроссара по существу саботировала политическую линию Коминтерна. Внутренняя напряженность ослабляла партию и мешала ей развернуть работу в массах².

Съезд КПФ в Марселе 25—30 декабря 1921 г., отразив атаки правых, принял решение об установлении связей между партией и профсоюзами. Как отметил ИККИ в своем приветствии, это был хотя и важный, но лишь первый шаг. Партии следовало искать путей объединения с революционными синдикалистами, ведя с ними дружеские дискуссии, но не поощряя «предрассудков синдикализма относительно партии и политического выступления»³. Съезд принял подготов-

¹ См. А. Лозовский. Анархо-синдикализм и коммунизм. М., 1924, стр. 48—174, 254—255; «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 5. М., 1979, стр. 476—477.

² См. З. В. Чернуха. Становление Французской коммунистической партии. М., 1976, стр. 107—110, 133.

³ «Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума И. К. Коммунистического Интернационала от 13-го июля 1921 г. до 1-го февраля 1922 г.» (далее — «Деятельность ИККИ»). Пг., 1922, стр. 362—363.

ленные ЦК КПФ тезисы по аграрному вопросу. Они получили принципиальное одобрение Ленина, который поддержал мысль, что нужно иметь «программу переходных мер», способных обеспечить добровольный переход крестьян к обобществлению сельского хозяйства и вместе с тем немедленно улучшить положение большинства наемных рабочих и мелких крестьян. Непосредственное применение *«целостного коммунизма к условиям мелкого крестьянского хозяйства»* (и не только во Франции, а везде, где есть мелкое крестьянское хозяйство) *«было бы глубоко ошибочно»*¹. Высказанные Лениным замечания содержали существенные уточнения и новые положения и были учтены французскими коммунистами.

Поддержка со стороны Ленина была тем более важна, что и среди делегатов съезда имелись сторонники экспроприации мелких собственников, игнорировавшие значение союза рабочих и крестьян. Принятый съездом лозунг «Земля тем, кто ее обрабатывает!» отвечал марксистским принципам и тактике, учитывал традиционную для Франции роль мелкой земельной собственности.

Среди вопросов, обсуждавшихся на съезде, был вопрос об империалистической политике буржуазии, развязавшей мировую войну. В принятых тезисах подчеркивались заслуги большевиков, раскрывших империалистический характер войны, разоблачалась авантюристическая, агрессивная внешняя политика французской буржуазии, ее грабительская колониальная деятельность. В целом решения Марсельского съезда способствовали усвоению партией принципов пролетарского интернационализма. Они означали важный шаг в трудном процессе преобразования партии в подлинно коммунистическую, способную руководить революционной борьбой рабочего класса и его союзников.

Социалисты после ухода с Турского съезда воссоздали СФИО под девизом верности «старому дому». В рядах партии осталось около 30 тыс. членов, большинство депутатов палаты (55 из 68), значительная часть генеральных и муниципальных советников, мэров. На съезде в Париже в октябре — ноябре 1921 г. (XIX съезд СФИО) выявились два течения: правое во главе с П. Реноделем и центристское во главе с П. Фором, Ж. Лонге, Л. Блюмом. Партия ориентировалась главным образом на парламентскую деятельность, обсуждала возможность «левого блока» с буржуазными партиями и поддерживала тесный контакт с реформистским руководством ВКТ².

В Великобритании буржуазии с помощью правительства удалось сломить организованное сопротивление рабочего класса традицион-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 274, 278. Эти замечания были опубликованы за подписью «Русский коммунист» в журнале «Коммунистический Интернационал», 1922, № 20, стр. 5231—5236.

² См. С. Н. Гурвич. Рабочее движение и левый блок во Франции. М., 1966, стр. 30—31.

ными методами. Деморализованные поражением горняков и действиями своих оппортунистических лидеров, рабочие хотя и продолжали экономическую борьбу, но добивались лишь ограниченных успехов. Если в 1920 г. в пользу рабочих оканчивалось 24,3% стачек, а в пользу предпринимателей — 31,5%, то в 1921 г. соотношение стало иным — 19,9 и 41,3%, а в 1922 г. — 19,3 и 38,5%¹. Крупная забастовка машиностроителей весной 1922 г. и стачка лондонских dockers летом 1923 г. не изменили общей картины застоя пролетарской борьбы. Боевые настроения уступили место растерянности, пассивности и неверию в собственные силы. Резко, с 8,3 млн. в 1920 г. до 5,4 млн. в 1923 г., сократилось число членов профсоюзов². Создание осенью 1922 г. Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов (вместо Парламентского комитета) было шагом на пути к образованию координирующего центра. Но из-за сопротивления лидеров крупных профсоюзов Генеральный совет не получил достаточных прав, чтобы руководить всем профсоюзным движением.

В этих неблагоприятных для рабочего класса условиях инициативу борьбы за разрешение назревших проблем профсоюзного движения, за объединение всех трудящихся взяли на себя КПВ и руководимое коммунистами Британское бюро Профинтерна. Они выдвинули лозунг «Назад в профсоюзы», требовали 6-часового рабочего дня для шахтеров, установления национального минимума зарплаты, работы или полного обеспечения для безработных за счет предпринимателей и государства, вступления БКТ в Красный Интернационал профсоюзов. В состоявшихся в 1922 г. под эгидой Британского бюро Профинтерна конференциях участвовало 905 делегатов, представлявших более миллиона организованных рабочих. Упорная работа КПВ в профсоюзах привела к созданию осенью 1923 г. Национального движения меньшинства, которое стало проводником левой, боевой политики внутри реформистских тред-юнионов и охватило почти 20% их членов³.

Значительным достижением КПВ было также создание организации безработных. Еще зимой 1920/21 г. в ряде городов возникли различные объединения безработных, занимавшиеся главным образом сбором средств для поддержания своих членов. В апреле 1921 г. сложилось единое Национальное движение комитетов безработных, имевшее к ноябрю 1921 г. 140 местных отделений и насчитывавшее около 200 тыс. членов. Оно проводило митинги и демонстрации, направляло делегации в общественные и государственные учреждения, организовывало пикетирование бастовавших предприятий, борьбу против штрейкбрехеров. Самой крупной акцией был «голодный поход» безработных в Лондон в октябре 1922 — феврале 1923 г. В нем участ-

¹ «Eighteenth Abstract of Labour Statistics», p. 148.

² Ibid., p. 173.

³ См. *J. Klugmann. History of the Communist Party of Great Britain*, vol. I. London, 1968, p. 112—113, 115.

вовало около 2 тыс. человек, которые прошли в общей сложности почти 480 миль. В Лондоне их встретила 70-тысячная демонстрация трудящихся¹. «Голодный поход» не заставил правительство оказать помощь сотням тысяч безработных, но привлек к их нуждам внимание организованного рабочего движения. В сентябре 1923 г. БКТ официально признал Национальное движение безработных².

Коммунистическая партия Великобритании продолжала добиваться приема в лейбористскую партию на правах коллективного члена, видя в этом путь к массам. Хотя три ежегодные конференции лейбористов в 1921, 1922 и 1923 гг. отклонили эти просьбы, коммунисты, критикуя реформистскую идеологию и политику лейбористской партии, помогали в то же время лейбористам в их борьбе против буржуазных партий, пытаясь содействовать превращению лейбористской партии в действенное орудие социального прогресса³.

В США монополии вели наступление на рабочий класс, используя для усиления эксплуатации прежде всего экономические рычаги: интенсификацию труда, снижение зарплаты, удлинение рабочего дня. Под лозунгом «открытого цеха» был развернут поход против профсоюзов. У Фостер, вступивший в 1921 г. в компартию, писал, что класс капиталистов стал особенно агрессивным и «преисполнен решимости стереть с лица земли организованный труд. Начав поход за введение «открытого цеха», капиталисты подорвали профсоюзы почти во всех отраслях промышленности»⁴. Широкий масштаб и постоянный характер приобрела кампания судебных преследований, запрещавших или ограничивавших те или иные формы профсоюзной деятельности («инджанкшенз»). Политические репрессии, направленные против рабочих, прогрессивной интеллигенции, иммигрантов и черных американцев, прикрывались пропагандой «американизма».

Воля рабочего класса к сопротивлению не была, однако, сломлена. Крупнейшие его отряды — шахтеры и железнодорожники — продолжали организованную борьбу. 1 апреля 1922 г. прекратили работу 600 тыс. горняков. Они протестовали против снижения зарплаты, требовали введения 6-часового рабочего дня и пятидневной рабочей недели. Компании и правительство использовали тысячи штрейкбрехеров, ввели в ряде мест военное положение, провоцировали вооруженные столкновения. В конечном счете шахтовладельцам пришлось подписать с профсоюзом компромиссное соглашение. Дружно начавшаяся летом забастовка 400 тыс. железнодорожников

¹ См. *J. Klugmann. History of the Communist Party of Great Britain, vol. I, p. 125—126.*

² См. *L. J. MacFarlane. The British Communist Party. London, 1966, p. 127.*

³ См. *И. Н. Ундасынов. Коммунисты и лейбористская партия. 1919—1923. М., 1979, стр. 170—191.*

⁴ *W. Foster. The Bankruptcy of the American Labour Movement. Chicago, 1922, p. 62.*

вызвала большой резонанс в стране, хотя и была ослаблена противоречиями между цеховыми профсоюзами. Когда прекратилась стачка горняков, нажим на железнодорожников усилился. Министр юстиции обвинил их в ведении «гражданской войны». Борьба кончилась для рабочих неудачей¹.

Американским рабочим приходилось вести борьбу в сложных условиях. Лидеры АФТ открыто саботировали важнейшие забастовки, срывали выступления солидарности, отвергали все предложения о слиянии профсоюзов. Это была, по выражению У. Фостера, политика отступления под девизом: «Каждый за себя, и к черту остальных». Полная капитуляция реакционных профлидеров была закреплена принятием печально знаменитого плана «Балтимор — Огайо», предусматривавшего, в частности, «очищение» профсоюзов железнодорожников от рабочих, не желавших сотрудничать с компаниями². Повсюду стали быстро расти так называемые «компанейские союзы». Число их членов достигло к концу 1922 г. полумиллиона. С помощью пропаганды идей участия в управлении и прибылях предприятий путем приобретения мелких акций и т. п. рабочих старались склонить к участию в рационализации производства, в борьбе за повышение производительности труда. Капитулянтская позиция профлидеров перед лицом наступления капитала дорого обошлась профсоюзному движению. Железнодорожные братства и АФТ теряли своих членов. Так, численность АФТ упала с 4 млн. в 1920 г. до менее чем 3 млн. в 1923 г.; в ее рядах осталось менее 15 % промышленных рабочих³.

Отрицательно сказывались политическая неорганизованность и идеологическая слабость американского рабочего класса. В условиях непрекращавшихся полицейских рейдов против «красных», расовых конфликтов и линчевания негров, антирабочей и антисоциалистической истерии, судебного произвола и жестокого обращения с узниками капитала — Ю. Дебсом, Т. Муни, У. Биллингсом, У. Хейвудом и многими другими — было исключительно трудно создать революционную пролетарскую партию, связанную с массами. Во время одного из рейдов в штате Мичиган были брошены в тюрьму У. Фостер и 19 рабочих. Совет защиты рабочих, обращаясь к друзьям профсоюзов и ко всем либералам, писал: «Этот последний рейд представляет собой неотъемлемую составную часть всеамериканского заговора, имеющего целью сокрушить профсоюзы, заговора, который подвел Тома Муни к подножию виселицы и который держит в настоящий момент Сакко и Ванцетти под угрозой электрического стула, не говоря

¹ См. А. Бимба. История американского рабочего класса. М., 1930, стр. 232—239; «История рабочего движения в США в новейшее время», т. I. М., 1970, стр. 81—83.

² См. У. З. Фостер. Очерки мирового профсоюзного движения. М., 1956, стр. 315, 345.

³ См. «История рабочего движения в США в новейшее время», т. I, стр. 77—78.

уже о сотнях других, которых он держит в грязных тюрьмах многих штатов... Свободы всего народа в серьезной опасности»¹.

Демократические круги американской общественности неоднократно предпринимали попытки создания собственных политических организаций, выражавших их интересы, о которых две главные буржуазные партии вспоминали лишь в предвыборных программах. Еще во время войны возникла Национальная беспартийная лига, опиравшаяся на фермерство и установившая связи с братствами железнодорожников. Из Национальной рабочей партии в 1920 г. выросла Фермерско-рабочая партия. Она добилась некоторых успехов в избирательной кампании, но вскоре пришла в упадок.

Под влиянием растущего недовольства народа политикой буржуазных партий расширялась база прогрессивного антимонополистического движения. В начале 1922 г. была сделана попытка общенационального объединения всех демократических сил: по инициативе профсоюзов железнодорожных рабочих была создана Корпорация прогрессивного политического действия (КППД) — общеамериканская федерация профсоюзных, фермерских и других массовых организаций, насчитывавших около 3 млн. членов. На съездах КППД в феврале и декабре 1922 г. была разработана программа реформ, направленных на ограничение власти монополий и демократизацию политического строя страны. Однако достигнутое единство оказалось непрочным и уже в следующем году фактически распалось².

Искала путей к массам трудящихся и Коммунистическая партия Америки, загнанная в подполье. В 1921 г. был разработан план создания параллельной легальной партии. Его одобрил Ленин, с которым на III конгрессе Коминтерна встречалась американская делегация. Преодолевая сопротивление сектантского меньшинства, ЦИК КПА добился объединения легальной организации Американский рабочий союз с Рабочим советом, вышедшим из социалистической партии. В конце 1921 г. на съезде в Нью-Йорке была образована Рабочая партия Америки. Ее органом стала газета «Уоркер», а секретарем был избран находившийся в тюрьме Ч. Рутенберг. Программа партии говорила о необходимости руководить борьбой рабочих за их повседневные нужды, защищала рабочие союзы, право забастовок и пикетирования, права негров, призывала профсоюзы к вступлению в Профинтерн, осуждала «двойной юнионизм» (создание параллельных профсоюзов в одной отрасли), выступала за единство действий промышленных рабочих с трудовым фермерством и сельскохозяйственными рабочими³.

¹ «Прогрессивная Америка в борьбе. 1917—1973. Документы и материалы». М., 1974, стр. 141—142.

² См. «История рабочего движения в США в новейшее время», т. 1, стр. 99—114.

³ См. О. И. Курочкина. III конгресс Коминтерна и становление коммунистического движения в США. — «Третий конгресс Коминтерна...». М., 1975, стр. 490—495.

В расширении практических связей Рабочей партии с массовым рабочим движением важную роль играло ее сотрудничество с Лигой профсоюзной пропаганды (ЛПП), основанной У. Фостером в 1920 г. Агитационно-пропагандистская деятельность Лиги — организационно сформированного блока левопрогрессивных сил внутри традиционных профсоюзов — развивалась по линии объединения неорганизованных рабочих и их вовлечения в профсоюзы (входящие в АФТ и независимые), консолидации профсоюзного движения на базе создания союзов индустриального типа путем укрупнения существующих профсоюзных организаций и ликвидации цеховых перегородок между ними, создания независимой массовой фермерско-рабочей партии, борьбы за признание Соединенными Штатами Советской России. Показателем возросшего влияния ЛПП было признание принципа укрупнения профсоюзов 16 межнациональными и национальными профсоюзами, 17 штатными федерациями, многими местными отделениями профсоюзов, представлявшими свыше 2 млн. организованных рабочих, т. е. около половины всех членов профсоюзов¹. Впервые в США сложилась организованная оппозиция рядовых рабочих против засилья реакционной профбюрократии.

ТАКТИКА ЕДИНОГО РАБОЧЕГО ФРОНТА

Коммунистический Интернационал после III конгресса старался не упустить ни одной возможности интернационального сплочения пролетариата и всех трудящихся. Когда Советскую Россию постигло громадное стихийное бедствие — засуха и голод, ИККИ, Исполбюро Профинтерна, ИК КИМа призвали рабочих всех стран и все международные организации оказать срочную помощь голодающим². Осенью 1921 г. ИККИ и Исполбюро Профинтерна обратились к Исполкому Амстердамского Интернационала профсоюзов с призывом совместно выступить против белого террора в Югославии и в Испании. В письме было высказано убеждение, что «в борьбе против убийц испанского и югославского пролетариата у нас не может быть разных точек зрения». Однако предложение созвать «специальное совещание для обсуждения форм, методов и средств борьбы против правительств обеих вышеуказанных стран»³ осталось без ответа.

Впрочем, курс ИККИ на единый фронт в то время еще только формировался. Сомнения и колебания относительно содержания и форм этой тактики возникали как в отдельных партиях, так и у ряда руководителей Коминтерна. Это не удивительно, ибо еще свежи были в памяти действия тех правых лидеров социал-демократии, которые в Германии и Венгрии прямо, в других странах — косвенно брали

¹ W. Z. Foster. American Trade Unionism. Principles and Organization, Strategy and Tactics. New York, 1947, p. 82.

² Подробнее см. главу одиннадцатую.

³ «Деятельность ИККИ», стр. 282.

на себя роль душителей революционных рабочих. Поскольку коммунистические партии рождались, как правило, в острейшей борьбе, многие коммунисты считали своими противниками не только лидеров, но и рядовых членов социалистических партий и профсоюзов.

И все же главный очаг оппозиции единому фронту был не в низах партий. Напротив, в широких массах рабочего класса стихийная тяга к единству заметно усиливалась. Противодействовали новому курсу прежде всего правые реформистские лидеры социал-демократии и примыкавших к ней профсоюзов. Внутри же коммунистического движения против единых действий с реформистами выступали те круги «лево»настроенных руководителей, которые не умели понять, что условия изменились, что борьба за завоевание масс необходима и требует новых методов.

Некоторые коммунистические руководители усматривали в лозунге единых действий не более чем пропагандистский «маневр» с целью разоблачения социал-демократических и профсоюзных лидеров. И в отдельных документах ИККИ того времени наряду с призывами к «единению мирового пролетариата» лидеры международных реформистских организаций то и дело именовались «социал-предателями», а разногласия между II и Венским Интернационалами — комедией или характеризовались как «видимость борьбы между сиамскими близнецами». Так, разоблачая югославских центристов, одно из воззваний утверждало, что Венский Интернационал играет «роль полицейского агента»¹. Без преодоления подобных преувеличений нельзя было и думать о достижении единства действий.

Ленин понимал, что завоевание масс, большинства пролетариата на сторону коммунизма — процесс длительный и сложный. Он видел в нем не предпосылку или условие создания единого фронта, а скорее его более или менее отдаленный результат. Поэтому он призывал «солиднее и тщательнее подготавливать» его, не упуская ни единого серьезного случая, когда «буржуазия заставляет пролетариат подниматься на борьбу». Особенно важно, писал он, научиться правильно определять моменты, когда *«массы пролетариата не могут не подняться вместе с нами»*². При этом завоевание большинства Ленин понимал не формально, называя примером частичного, мимолетного, локального, но все же завоевания масс стихийную демонстрацию пролетариев Рима против фашистов в июле 1921 г.

1 декабря 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело инициативу российской делегации в ИККИ, предложившей коммунистическим партиям обратиться к «рабочим II Интернационала» с призывом к совместным действиям. В написанном Лениным постановлении эта инициатива была одобрена. Делегации поручалось подготовить проект тезисов, а Бухарину, кроме того, опубликовать статью об итогах

¹ См. «Деятельность ИККИ», стр. 69, 71, 186, 190 и др.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр., соч., т. 44, стр. 99.

опыта борьбы большевиков с меньшевиками и блоков между ними (для чего Ленин послал ему собственные заметки)¹. Специальная комиссия ИККИ (Варга, Куусинен и др.) подготовила реферат о налоговом бремени в капиталистических странах и стремлении рабочих к единству. В нем рекомендовалось не смущаться двойственным или даже реформистским характером отдельных конкретных требований, если только они способны объединить широкие массы². Секретариат ИККИ разослал всем компартиям просьбу собрать конкретные материалы, относящиеся к переходным требованиям³.

Проект тезисов, подготовленный российской делегацией, обсуждался на заседании Исполкома 4 декабря 1921 г. Докладчик (Г. Е. Зиновьев) отметил стихийное стремление рабочего класса к борьбе единым фронтом и появление во II и II ¹/₂ Интернационалах левых настроений. Обосновывая тактику единого фронта, он сослался на мнение Ленина, что такая тактика поможет некоторым слоям рабочего класса, которые впервые втягиваются в политику, изжить свои реформистские иллюзии на собственном опыте. Докладчик поддержал тактику КППГ, направленную на достижение единства действий, отметил, что итальянская компартия, хотя и страдает доктринерством, полусознательно, инстинктивно стала выдвигать в борьбе с фашистами лозунг единого фронта, тогда как во Франции и Чехословакии, где за коммунистами идет большинство организованных рабочих, отрицательное отношение к нему не преодолено⁴.

В ходе дискуссии выяснилось, что критики «слева» не сложили оружия. Так, Бухарин утверждал, что новый этап не следует считать длительным, а частичные требования — программой этого этапа. Они всего лишь временная тактическая платформа, ибо «через сутки» может наступить другой этап и тактика изменится радикально. Что же случится, если на предложение о совместной борьбе будет получен положительный ответ? В этом случае, считал он, коммунисты должны стараться «захватить в свои руки руководство и самые важные стратегические позиции». Ободренные таким подходом представители «левых» из Франции, Италии, Чехословакии, Швейцарии стали высказываться против единого фронта в своих странах, так что Бухарину пришлось оправдываться: он-де не вообще противник нового курса, а лишь предостерегает против толкования его как «продолжительной программы». Там, где фашисты расстреливают рабочих, где вся земля горит, — там достаточно самих этих фактов, чтобы сказать всем рабочим: «давайте вместе бить этот сброд»⁵.

¹ См. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 44, стр. 262.

² См. *Ю. Л. Молчанов. Коминтерн: у истоков политики единого пролетарского фронта.* М., 1969, стр. 116.

³ См. «Деятельность ИККИ», стр. 324.

⁴ См. там же, стр. 333—343.

⁵ См. там же, стр. 346—347.

В поддержку тезисов высказались С. А. Лозовский, М. Ракоши, Ф. Стрем и др. Однако утверждение Бухарина, что главная линия тактики — «клеяние и нападение» на социал-реформистские партии, нашло отзвук и в заключительном слове Зиновьева, который полагал, что тон полемики еще «недостаточно резок» и должен быть заострен¹.

Ленин ознакомился с проектом тезисов 6 декабря. Основные положения не вызвали у него возражений; он предложил лишь дополнить и частично видоизменить абзац, излагавший опыт большевизма². 18 декабря Исполком после коротких прений единогласно одобрил тезисы «О едином рабочем фронте и об отношении к рабочим, входящим во II-й, II ¹/₂ и Амстердамский Интернационалы, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации». В конце декабря XI Всероссийская конференция РКП(б) одобрила эти тезисы, способствовав тем утверждению новой тактики в Коминтерне³. Тезисы вместе с разъясняющим их воззванием ИККИ и Исполбюро Профинтерна были опубликованы в начале 1922 г.⁴

В этих документах была конкретно разработана главная мысль Ленина о необходимости для коммунистов завоевать поддержку самых широких масс рабочего класса и других трудящихся, непрерывно развивать и укреплять эту связь, особенно на исторических переломах. В них были определены основные принципы политики единого фронта.

Коммунисты во всех случаях стремятся «достигнуть возможно более широкого и полного единства *практического действия*» рабочих масс и с этой целью вступают в конкретные соглашения с другими организациями рабочего класса, в том числе реформистскими и анархо-синдикалистскими, как в местном и национальном, так и в интернациональном масштабе.

Коммунистические партии, вступая в соглашения с реформистскими организациями, хранят верность принципам революционного марксизма, остаются независимыми идейно, ни в коем случае не отказываются от полного изложения своих взглядов и критики противников коммунизма. Они остаются организационно самостоятельными, ведут решительную борьбу с тенденциями растворения «коммунистических партий и групп в бесформенном едином блоке», отвергают условия, которые ставили бы компартии в неравное положение с другими организациями, вступающими в единый фронт.

Компартии идут на единый фронт, отвечая стремлениям рабочих к единству действий и с целью усиления сопротивления рабочих

¹ См. «Деятельность ИККИ», стр. 348—349, 352, 354.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 273.

³ См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2, стр. 291. Подробнее см.: В. В. Александров. Ленин и Коминтерн. Из истории разработки теории и тактики международного коммунистического движения. М., 1972, стр. 423—425.

⁴ См. «Деятельность ИККИ», стр. 375—377.

масс капитализму, повышения уровня их сознательности в ходе классовой борьбы, преодоления иллюзий реформизма и соглашательства с буржуазией, для мобилизации масс в конечном счете на борьбу за уничтожение реакции и капитализма. Главное внимание в едином фронте компартии обращают на единство самих масс в практической борьбе, так как «лишь единство масс является настоящим единым фронтом»; в случае отказа реформистских лидеров от единого фронта компартии разоблачают этих лидеров, разъясняют массам, кто действительно нарушитель единства рабочих.

Для достижения соглашений о единстве действий коммунисты выдвигают на первый план ближайшие непосредственные требования, общие для рабочих всех политических направлений и способные действительно объединить борьбу рабочих; по мере развития единого фронта коммунисты стремятся «постепенно углублять борьбу и поднимать ее на высшую ступень»¹.

В тезисах подчеркивалось, что коммунисты должны не только оказать *«поддержку лозунгу единого рабочего фронта»*, но и взять в свои руки инициативу его создания, что тактика компартий обязательно должна быть конкретизирована в зависимости от условий каждой страны.

Рассмотрев возможности единого фронта в разных странах, авторы тезисов специально напоминали всем братским партиям о русском опыте. По совету Ленина было отмечено, что большевики, неустанно ведя борьбу против меньшевиков, не раз заключали и соглашения с ними. Именно в процессе этой борьбы рабочие проверяли действия вождей, и потому «громадная часть лучших рабочих-меньшевиков постепенно была завоевана на сторону коммунизма»². Коминтерну, говорилось в тезисах, следует идти на соглашения и в международном масштабе. При этом «отказ вождей II, II ¹/₂ и Амстердамского Интернационалов от того ли иного практического предложения Коммунистического Интернационала не заставит нас отказаться от намеченной тактики, которая имеет глубокие корни в массах и которую мы должны развивать систематически и неуклонно»³.

В воззвании ИККИ и Исполбюро Профинтерна от 1 января 1922 г., озаглавленном «Единый рабочий фронт», речь шла о необходимости установления «единого фронта для всех партий, опирающихся на пролетариат, независимо от существующих между ними разногласий, поскольку они хотят совместно бороться за ближайшие неотложные нужды пролетариата»⁴. Обращаясь к рабочим и работницам, примыкавшим к реформистским и анархо-синдикалистским организациям, воззвание говорило: «Ну что же, вы не решаетесь еще на борьбу по

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 406—413.

² Там же, стр. 408—412.

³ Там же, стр. 412.

⁴ Там же, стр. 414.

всему фронту, не решаетесь еще на борьбу за власть, за диктатуру с оружием в руках, не решаетесь еще на решительное наступление против цитадели мировой реакции. Так объединяйтесь же, по крайней мере, в борьбе за обычное существование, в борьбе за кусок хлеба, в борьбе за мир. Станьте единой армией ради этой борьбы... Сломите преграды, которые воздвигнуты между вами, станьте в единые ряды независимо от того, коммунисты ли вы, социал-демократы, или анархисты, или синдикалисты, чтобы бороться против тяжелой нищеты сегодняшнего дня»¹.

В письме, адресованном ЦК КПП, ИККИ 10 января 1922 г. дал развернутое истолкование ряда важных сторон политики единого рабочего фронта. Нужно стараться, говорилось в нем, объединить все готовые к борьбе слои рабочего класса, т. е. не только коммунистов и социал-демократов, но и миллионы беспартийных и христианских рабочих. Споры о том, должен ли общий фронт образоваться *сверху*, путем соглашения партий, или *снизу*, путем усиления борьбы рабочих масс, — «сущее доктринерство». Без второго невозможно первое, но первое облегчит второе. «Чем яснее, чем решительнее мы покажем массам, что мы, несмотря на все преступления гг. Носке, готовы сесть за один стол с социал-демократами, тем легче будет устранить все препятствия, которые они готовятся чинить единому пролетарскому фронту».

В письме прямо отмечалось, что «в наших собственных рядах была неуверенность, не является ли лозунг единого фронта отклонением с нашего прямого пути к борьбе за диктатуру». Ответ на этот вопрос давался в духе ленинского подхода: «Борьба за диктатуру немыслима, пока широкие массы пролетариата, его подавляющее большинство не сплотятся, исполненные железной решимостью, для общей борьбы с буржуазией. Такая решимость может образоваться только в том случае, если рабочие испробуют все демократические пути, пройдут через все виды частичной борьбы, чтобы в конце концов убедиться, что нет иного пути, кроме коммунизма. Для того, чтобы настал этот момент, чтобы Коммунистическая партия стала вождем пролетариата, она должна, борясь вместе с ним, пройти все промежуточные стадии и быть ему неизменно верной, не забывая собственного знамени. Партия должна иметь мужество взять на себя ответственность за все, что необходимо рабочему классу, будь это и временные потребности, как рабочее правительство»².

КОНФЕРЕНЦИЯ ТРЕХ ИНТЕРНАЦИОНАЛОВ

Интерес к солидарным действиям пролетариата в национальном и международном масштабе стали проявлять не только коммунисты, но в той или иной степени также социал-демократы и деятели рефор-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 417.

² «Деятельность ИККИ», стр. 432—434.

мистских профсоюзов. К этому их подталкивали как инициатива коммунистических организаций, так и в еще большей мере усиление наступления буржуазии на условия жизни и политические права трудящихся, активизация фашистских движений, обострение межимпериалистических противоречий в Европе, связанное с ростом вооружений и чреватое опасностью новой войны.

Еще летом 1921 г. английские лейбористы — главная опора II Интернационала — обратились к партиям этого и Венского Интернационалов с предложением созвать международную конференцию для рассмотрения возможности объединения. Центристские лидеры Венского Интернационала согласились начать переговоры, но им казалась слишком прямолинейной мысль о проведении такой конференции под эгидой II Интернационала, который скомпрометировал себя в глазах многих рабочих. Эти лидеры дорожили с трудом поддерживаемым ореолом «революционности» и были убеждены в том, что лишь они одни способны, выступая в роли «посредников» между II и III Интернационалами, объединить широкие пролетарские массы и даже отвоевать их у коммунистов. Поэтому Исполком Венского Интернационала, отклонив в октябре 1921 г. предложение о созыве объединительной конференции, предложил организовать сначала совместные международные выступления¹.

Вопрос о единых действиях рабочего класса возник также на съезде СФИО в Париже. Присутствовавший в качестве гостя лидер НСДПГ Г. Ледебур говорил о возможности общих выступлений трех Интернационалов. Хотя и с оговорками, его поддержала центристская группа СФИО. За международное обсуждение актуальных вопросов экономики и политики высказалась вскоре Итальянская социалистическая партия, не входившая ни в один из Интернационалов. Идею поддерживали австрийские социалисты, а затем и лидеры НСДПГ. В ноябре 1921 г. собравшаяся в Амстердаме международная конференция влиятельных профсоюзов транспортников, горняков и металлистов, выражая тревогу рабочих масс по поводу угрозы новой войны, предложила для борьбы против милитаризма создать единую организацию под руководством Амстердамского Интернационала профсоюзов². Лидеры этого Интернационала выдвинули план международного обсуждения проблемы репараций, предусматривавший решение всех споров посредством арбитража с участием Лиги наций. Бюро Венского Интернационала согласилось созвать для этой цели европейскую конференцию рабочих партий³.

¹ См. Ю. Л. Молчанов. Указ. соч., стр. 129—132.

² См. «Коммунистический Интернационал», 1921, № 19, стр. 4785—4786.

³ Конференция эта состоялась в январе — феврале 1922 г. и в основном приняла предложения амстердамцев (см. L. Lorwin. Labor and Internationalism. New York, 1929, p. 236).

Опубликование Коминтерном и Профинтерном развернутых программных заявлений о едином фронте показало руководителям Венского Интернационала, что инициатива ускользает из их рук. Едва только стало известно, что премьер-министры Антанты решили провести в Генуе международную экономическую конференцию с участием Советской России, как Бюро Венского Интернационала на заседании в Берлине 14—15 января 1922 г. приняло воззвание. Признав в нем, что «стремление к объединению международных действий рабочего класса за последние недели росло сверх всяких ожиданий быстро и энергично», а потому «установление единого пролетарского фронта является требованием дня», Бюро предложило начать переговоры в Москве и Лондоне о созыве весной 1922 г. общей конференции всех рабочих партий¹. 19 января Ф. Адлер информировал об этом предложении Исполкомы II и III Интернационалов. Через два дня Президиум ИККИ ответил, что «считает принятие приглашения по существу необходимым и включает это предложение в порядок дня расширенного Исполкома»².

Ленин уделял много внимания подготовке конференции трех Интернационалов. Предвидя, что даже предварительное совещание с социал-демократическими лидерами, ловкими и опытными тактиками, будет делом сложным, он рекомендовал руководителям ИККИ «заранее обдумать, кто именно из наиболее зубастых людей будет представлять Коминтерн на конференции со II и II ¹/₂ Интернационалами. Также заранее надо обдумать основные вопросы тактики и стратегии на этом совещании»³. В его выступлениях были конкретизированы и развиты некоторые положения политики единого фронта. Так, возражая некоторым коммунистам, сводившим предложения о единстве действий лишь к тактике, призванной разоблачить реформистских лидеров, Ленин высказал мысль о том, какими методами можно добиться реального соглашения: призывая массы к практическим действиям, следует проявлять гибкость в переговорах с реформистскими «верхами», начинать с малого. В письме от 1 февраля 1922 г. Ленин советовал делегации ИККИ выдвинуть на обсуждение только вопросы, «касающиеся непосредственно практического совместного действия рабочих масс в области того, что признается бесспорным в официальных заявлениях прессы каждой из трех действующих сторон»⁴. При выдвигании противной стороной спорных вопросов, например о меньшевиках и о Грузии⁵, надо ставить в ответ

¹ См. Ю. Л. Молчанов. Указ. соч., стр. 177; A. Reisberg. An den Quellen der Einheitsfrontpolitik, Bd. 1. Berlin, 1971, S. 353; Bd. 2, S. 750.

² «Деятельность ИККИ», стр. 437.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 377.

⁴ Там же.

⁵ Социал-демократические лидеры требовали мнимого «самоопределения» Грузии, т. е. расторжения союзного договора между

подготовленные контрвопросы: о ренегатском отношении социал-демократов к Базельскому манифесту, об ответственности социал-демократических лидеров за убийство К. Либкнехта, Р. Люксембург и других коммунистов, об отношении к убийствам революционеров в колониях и т. п.¹

Предположение Ленина оказалось верным. Действительно, на сепаратных совещаниях лидеров II и II^{1/2} Интернационалов в Париже и Франкфурте-на-Майне представители первого выдвинули предварительные условия своего участия в конференции: отказ Советской России от наказания меньшевиков и эсеров², обсуждение вопроса о Грузии, ликвидация коммунистических фракций в профсоюзах. В конечном счете они согласились только на предварительное совещание представителей трех Исполкомов, на котором собирались поставить эти вопросы. Руководители Венского Интернационала уступили. ИККИ было послано приглашение к 26 февраля направить в Берлин 10 своих представителей³.

Тем временем с 21 февраля по 4 марта 1922 г. в Москве работал *Первый расширенный пленум ИККИ*, на который прибыли делегации компартий 36 стран, а также представители Профинтерна, КИМа и других организаций. Пленум обсудил положение во многих партиях, но в центре внимания стояла тактика единого фронта. Дискуссия продолжалась три дня; Ленин не смог выступить с докладом из-за болезни. Ознакомившись с проектом резолюции об участии в конференции трех Интернационалов, он 23 февраля рекомендовал сильнее подчеркнуть, что единство действий рабочих масс по неотложным практическим вопросам может быть достигнуто, *несмотря* на коренные политические разногласия. В проект резолюции пленума он предложил внести ряд исправлений, чтобы не поставить под угрозу саму возможность соглашения. «Самое главное предлагаемое мною изменение состоит в том, — писал он, — чтобы вычеркнуть абзац, называющий вождей II и II^{1/2} Интернационалов пособниками всемирной буржуазии». Совершенно неразумно из-за этого рисковать «срывом громадной важности практического дела»⁴.

Ленин предвидел, что на пленуме вопросы тактики единого фронта вызовут разногласия. И действительно, в Коммунистической пар-

Грузинской ССР и РСФСР, заключенного после свержения меньшевистского правительства и установления в Грузии Советской власти.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 377—378.

² В связи с опубликованным 28 февраля 1922 г. постановлением ГПУ о предании суду Верховного революционного трибунала группы видных эсеров за террористическую борьбу против Советской власти ряд лидеров II и Венского Интернационалов, в том числе Вандервельде, прислали телеграммы протеста против будто бы предпрешенных смертных приговоров.

³ А. Reisberg. Op. cit., Bd. 1, S. 363.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 404—405.

тии Франции прочно укоренилось мнение, что к единому фронту следует относиться более чем осторожно, поскольку-де социалистическая партия, совершенно лишенная поддержки масс, может именно благодаря единому фронту снова «приблизиться к массам»¹. В повестку дня Марсельского съезда партии вопрос о едином фронте вообще не был включен. А в общеполитической резолюции съезда говорилось, что «для коммунистов этой страны не существует никакой возможности сближения с вождями-раскольниками, связанными с буржуазией и правительством, или с руководителями профсоюзов, которые отказались от классовой борьбы»². Воспоминания об ожесточенной борьбе с оппортунистами, еще не завершенной, мешали партии свыкнуться с необходимостью найти пути к совместным действиям. В январе 1922 г. расширенный пленум ЦК КПФ снова отклонил тактику единого фронта всеми голосами против одного, заявив: «Мы никогда не будем шагать вместе с предателями»³.

В Италии усиление фашистской угрозы могло стать мощным стимулом для создания единого пролетарского фронта, рекомендованного Коминтерном. Однако этого не произошло. На необходимость политического блока между революционным и реформистским течениями Ленин указывал еще до образования компартии. Накануне съезда в Ливорно он советовал итальянским товарищам «отделиться от Турати, а затем заключить с ним союз»⁴. В этой лаконичной форме была выражена идея единого рабочего фронта. Но руководящая группа Бордиги соглашалась лишь на установление единого фронта между различными профсоюзами для ведения экономической борьбы, отвергая всякое сотрудничество рабочих партий⁵. Член руководства КПИ Ф. Мизияно, рассказав на заседании ИККИ 24 января 1922 г. о росте фашистского терроризма, пытался оправдать «осторожность» коммунистов в отношении единого фронта тем, что «они желали бы избежать всего, что способно помочь социалистам заглушать в глазах рабочих масс разницу между ними и коммунистами». Их смешение в условиях, когда влияние социалистической партии, как он считал, быстро падало, а коммунистической постоянно усиливалось, «было бы крайне опасно». Ошибку компартии в отношении движения «народных смельчаков» Мизияно признал. ИККИ рекомендовал итальянским коммунистам отказаться от сектантского желания «во что бы то ни стало идти под своим собственным флагом», а постараться «образовать в момент массового движения единый фронт»⁶. Ссылаясь на опыт использования большевиками даже «зубатовщины»,

¹ См. «Деятельность ИККИ», стр. 357.

² «L' Humanité», 31. XII. 1921.

³ См. «Internationale Pressekorrespondenz» («Inprekorr»), 1922, N 13, S. 103.

⁴ См. «Rinascita», 1956, N 16, p. 157.

⁵ См. «Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт пролетариата», стр. 210.

⁶ «Деятельность ИККИ», стр. 442—444.

ИККИ советовал компартии Италии использовать любую возможность для того, чтобы вступить в непосредственный контакт с рабочими массами, сблизиться с ними¹.

Компартия Чехословакии связывала борьбу за частичные и переходные требования с задачей образования единого пролетарского фронта. Но последний она понимала (как и коммунисты некоторых других стран) в форме объединения рабочих масс вокруг коммунистической партии, вопрос же о совместных действиях разных пролетарских организаций вообще ею не ставился².

Учитывая, что непонимание некоторыми коммунистами новой политики единого фронта неизбежно проявится на пленуме ИККИ, Ленин предлагал русским товарищам обстоятельно и популярно разъяснить (в частности, французам, если они «не усвоили себе еще марксистской тактики»), что только так коммунисты смогут преодолеть влияние на рабочих вождей II и II 1/2 Интернационалов. Он советовал лучше принять резолюцию не единогласно, «чем riskовать порчей важного практического дела ради нескольких политических ребят, которые завтра излечатся от своей детской болезни»³. Советы Ленина были учтены.

В докладе о едином фронте (Г. Е. Зиновьев) проводилась мысль, что эта тактика не означает смягчения антагонизма между революционерами и реформистами, что за единство самих рабочих масс придется вести борьбу длительную и упорную. Содокладчик от КПФ (Д. Рену) защищал точку зрения своего ЦК, оспаривая, что решения III конгресса Коминтерна предвосхитили политику единого фронта. Он выступал за «революционную бескомпромиссность», возражал против конференции трех Интернационалов и всякой мысли о сотрудничестве с социалистами. В содокладе, представленном делегацией от компартии Италии (Р. Роберто и У. Террачини), тактика единого фронта поддерживалась, но говорилось, что ее надо проводить «без связи с вождями, которых обвиняли в предательстве и с которыми ежедневно вели борьбу». В суждениях некоторых «левых» сквозила даже ошибочная мысль (широко использовавшаяся как «ультралевыми», так и империалистами), что соглашение с реформистами продиктовано будто бы экономическими и политическими трудностями, которые переживает Советская Россия.

Большинство участников пленума — среди них В. Коларов, А. Макманус, А. Тальгеймер и другие — разобрали и отклонили все аргументы противников единого фронта. А. В. Луначарский, в частности, говорил, что новая тактическая ориентация не «изобретена» в Москве, а вытекает из общего международного положения.

¹ См. «Боевой авангард трудящихся Италии». М., 1971, стр. 47.

² См. *Ф. И. Фурсов*. В. И. Ленин, Коминтерн и образование Коммунистической партии Чехословакии. — «Третий конгресс Коминтерна...», стр. 393—396.

³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 405.

Ее цель — вовсе не соглашательство с реформистскими вождями, а создание такого революционного движения, цели и лозунги которого будут понятны и «последней старой работнице текстильной фабрики». Только Троцкий высказал опасное суждение, что политику единого фронта не следует применять в странах, где компартии очень слабы (Англия, Бельгия) или полностью господствуют в рабочем классе (Болгария). Представители Англии и Болгарии его не поддержали¹.

В итоге общих дискуссий и частных совещаний выяснилось, что противников единого фронта переубедить не удалось. 4 марта решение пленума было принято 46 голосами 19 делегаций против 10 голосов делегаций Франции, Италии и Испании². Подтверждая декабрьские тезисы, резолюция рекомендовала осуществлять тактику единого фронта, разумеется, с учетом условий отдельных стран. Было решено, что Коминтерн примет участие в предполагаемой конференции всех рабочих организаций мира, которая должна поставить перед собой «одну-единственную большую задачу: организовать оборонительную борьбу рабочего класса против международного капитала». Подчеркивалось, что те, кто в условиях наступления капитала и растущей угрозы империалистической войны отклоняют единый фронт всех трудящихся, выступают в действительности «за единый фронт с буржуазией, против рабочих»³. Пленум принял по докладу К. Цеткин также резолюцию о борьбе против войны и военной опасности.

Широкое обсуждение на пленуме проблематики единого фронта способствовало преодолению в компартиях некоторых ошибочных толкований. Курс III конгресса был не только подтвержден, но и конкретизирован. Выступая вскоре на XI съезде РКП(б), Ленин заметил, что рабочим не решать задачи «без того, чтобы соединить умение беззаветно бороться и наступать с умением отступать в революционном порядке»⁴. В резолюции по отчету делегации РКП(б) в Коминтерне съезд поддержал тактику единого фронта. В дополнении, внесенном Лениным, были четко сформулированы «цель и смысл тактики единого фронта». Они состоят в том, чтобы «втянуть в борьбу против капитала более и более широкую массу рабочих, не останавливаясь перед повторными обращениями с предложением вести совместно такую борьбу даже к вождям II и II^{1/2} Интернационалов»⁵.

¹ См. «Die Taktik der Kommunistischen Internationale gegen die Offensive des Kapitals. Bericht über die Konferenz der Erweiterten Exekutive der Kommunistischen Internationale. Moskau vom 24. Februar bis 4. März 1922». Hamburg, 1922, S. 48, 56—60, 64—65, 70, 75, 78, 80, 90—91.

² После голосования представители этих трех партий заявили, что подчиняются решению абсолютного большинства.

³ «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М., 1933, стр. 260, 268—269.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 137.

⁵ Там же, стр. 131.

Съезд выразил надежду, что вождям этих Интернационалов не удастся «сорвать дело образования единого фронта рабочих тех стран, где продолжающееся еще господство буржуазии толкает всех рабочих к объединению против капитала»¹.

Согласившись участвовать в конференции представителей Исполкомов трех Интернационалов в Берлине, ИККИ разработал для своей делегации обстоятельные директивы². Ей поручалось взять в свои руки инициативу созыва Всемирного рабочего конгресса (или конференции) с самым широким участием не только трех Интернационалов, но также амстердамцев, Профинтерна, анархо-синдикалистов, Американской федерации труда и др. По мысли Ленина, на составе не следовало, впрочем, настаивать ультимативно. Он повторил также свою рекомендацию стараться, чтобы в повестку дня конференции были включены только наименее спорные вопросы, «считая целью попытку частичных, но совместных действий рабочих масс»³. Специальная директива Политбюро потребовала от делегатов «самой большой сдержанности в заявлениях и разговорах о меньшевиках и эсерах», а одновременно «максимального недоверия к ним»⁴.

Делегация должна была предложить провести всемирный конгресс в Генуе или другом месте, желательно еще в апреле, чтобы противопоставить Генуэзской экономической конференции единый фронт международного пролетариата. В качестве первого акта совместных действий следовало рекомендовать однодневную международную забастовку для выражения позиции рабочего класса. По совету Ленина делегатам следовало «быть архисдержанными», пока не потеряна надежда созвать всеобщий конгресс, и не рвать переговоров, не запросив Москвы, «если не будет **сверхподлости, а б с о л ю т н о** нетерпимой»⁵.

После ряда оттяжек конференция открылась в Берлине 2 апреля 1922 г. Как и предполагалось, на ней развернулась острая борьба. Р. Макдональд, представлявший II Интернационал, еще накануне заявил, что сотрудничество с коммунистами не имеет шансов на успех. Руководство Амстердамского Интернационала снова категорически отклонило предложение сесть за один стол с руководителя-

¹ «Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 года. Стенографический отчет». М., 1961, стр. 528.

² См. «Bericht über die Tätigkeit des Präsidiums und der Exekutive der Kommunistischen Internationale für die Zeit vom 3. März bis 11. Juni 1922» (далее — «Die Tätigkeit...»). Hamburg, 1922, S. 3—5. В состав делегации вошли: К. Цеткин, К. Б. Радек, Н. И. Бухарин, Л. Фроссар, А. Росмер, А. Бордига, Б. Шмераль, А. Варский, К. Новакович, Сэн Катаяма.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 41.

⁴ Там же, стр. 50. Ленин имел в виду, в частности, К. Радека, к сильным сторонам которого «не относится способность к дипломатии».

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 41—42.

ми Профинтерна. Представители Венского Интернационала взяли на себя роль «честного маклера».

Президиум конференции образовали Ф. Адлер, К. Цеткин и Т. Шоу. Адлер во вступительной речи говорил о попытке достичь не единства организаций, а совместных действий, в частности противопоставить «Интернационалу капиталистического империализма» в Генуе «скромное сотрудничество пролетарских партий разных направлений». К. Цеткин прочитала заявление Коммунистического Интернационала. Оно было выдержано в деловом тоне и предлагало, невзирая на различие взглядов относительно путей и средств достижения конечной цели, провести в духе единства действий Всемирный рабочий конгресс. Он мог бы обсудить вопросы: отражение наступления буржуазии, борьба против реакции, подготовка борьбы против новых империалистических войн, помощь в экономическом восстановлении Советской России, Версальский мир¹.

Речь Вандервельде была агрессивной. Согласившись с созывом конгресса «в принципе», он подчеркнул, что относится к нему «с недоверием и опаской». Он отверг обсуждение вопроса о Версале, обвинил Коминтерн в оскорблении лидеров II Интернационала, потребовал предварительного принятия трех условий: «гарантий против попыток образования (коммунистических.— *Авт.*) ячеек в профсоюзах»; «гарантий свободного представительства» на конгрессе грузинских меньшевиков и эсеров, армянских дашнаков, украинских националистов; «гарантий прав арестованных» в Москве эсеровских террористов и допуска на их судебный процесс представителей II и II ¹/₂ Интернационалов в качестве адвокатов. Он требовал также создания «атмосферы доверия» по отношению к лидерам социал-демократии. Прочитанная П. Фором декларация Венского Интернационала тоже связывала созыв рабочего конгресса с выполнением этих условий.

В ответной речи представителя ИККИ Радека был дан отпор требованиям II и Венского Интернационалов. Не считаясь, однако, с советом Ленина быть «архисдержанным» и мнением большинства членов делегации, оратор допустил резкие выражения в адрес социал-реформистских лидеров. Это позволило им немедленно разыграть «возмущение». Вандервельде потребовал прервать дальнейшую работу до решения вопроса о целесообразности ее продолжения².

3 апреля конференция не заседала, но в кулуарах продолжались острые дебаты. Делегация ИККИ в письме к президиуму предложила поставить перед всеми делегациями прямой вопрос: готовы ли они участвовать во Всемирном конгрессе? В письме к делегации Вен-

¹ См. «Международная социалистическая конференция (Объединенное заседание Исполкомов трех Интернационалов). Стенографический отчет». М., 1922, стр. 7, 10, 13—15.

² См. там же, стр. 16—20, 22—27.

ского Интернационала содержался вопрос: сохраняет ли она свою прежнюю позицию и намерена ли предотвратить срыв совещания лидерами II Интернационала? Венцы добились возобновления работы.

На заседании 4 апреля Макдональд повторил условия Вандервельде в несколько ослабленном виде. Ссылаясь даже на речи Ленина, он выражал надежду, что «можно найти общий базис и создать единый фронт», но не считал возможным созвать конгресс немедленно. Против выдвижения предварительных условий резко возражал Серрати¹, подчеркнувший, что они призваны лишь ослабить Советскую Россию перед лицом общего врага. О. Бауэр, объявив требования II Интернационала справедливыми, считал вместе с тем, что созыв международного конгресса важнее всех сомнений и условий, а участники совещания не в праве разойтись, не договорившись, ибо доставили бы этим «пролетариату всех стран, без различия партий, ужаснейшее разочарование и ободрили бы, с другой стороны, собирающиеся в Генуе капиталистические правительства». Предлагая созвать конгресс поскорее, Бауэр поддержал мысль о немедленном проведении совместных демонстраций против политики империалистов в связи с предстоявшей конференцией в Генуе².

В ходе дальнейших дебатов делегация ИККИ отвергла требования, предъявленные Коминтерну и Советской власти, согласилась на создание комиссии трех Исполкомов для изучения вопроса как о Грузии, так и об отношении Англии к революциям (в Египте, Ирландии, Индии). Это не выходило за рамки директив ИККИ. Но кроме того, делегация дала согласие ходатайствовать о допуске Вандервельде и других адвокатов на процесс эсеровских террористов. Под угрозой срыва переговоров она сделала также заверение, что им не будут вынесены смертные приговоры³.

5 апреля после сложных споров и переговоров была принята декларация Берлинской конференции. В ней говорилось, что вопрос о созыве Всемирного рабочего конгресса (без участия профсоюзов) согласован «в принципе». Срок не был установлен, но из представителей трех Исполкомов создан организационный комитет — Комиссия 9-ти. Во время Генуэзской конференции (20 апреля или 1 мая) должны были состояться объединенные массовые демонстрации под лозунгами: за 8-часовой рабочий день; против безработицы; за единые действия пролетариата против наступления капитала; за восстановление политических и экономических отношений всех государств с Советской Россией и помощь голодающим; за создание единого пролетарского фронта в каждой стране и в интернациональном мас-

¹ Делегация ИСП присутствовала как не входящая ни в один Интернационал.

² См. «Международная социалистическая конференция», стр. 29—34, 36, 40—45.

³ См. там же, стр. 16—20, 22—27.

штабе ¹. При всей ограниченности достигнутого была заложена основа для дальнейших совместных действий различных отрядов рабочего класса по злободневным практическим вопросам. Все зависело теперь от желания участников конференции трех Интернационалов претворить решения в жизнь.

В своем отчете Исполкому делегация Коминтерна отметила, что все положительное, чего удалось добиться, было связано с образованием «спонтанного блока» с делегацией Венского Интернационала. Это сорвало попытку представителей II Интернационала изолировать делегатов Коминтерна ². Ленин дал глубокий анализ итогов Берлинской конференции в одобренной Политбюро ЦК РКП(б) статье «Мы заплатили слишком дорого» ³. Он отметил, что «буржуазия оказалась в лице своих дипломатов еще раз искуснее, чем представители Коммунистического Интернационала», а мы сделали две политические уступки буржуазии, не получив ничего взамен. Это важный урок на будущее. Однако подписанное соглашение следует соблюдать. «Несравненно большей ошибкой был бы отказ от всяких условий и от всякой платы для того, чтобы проникнуть в это, довольно крепко охраняемое, запертое помещение», в котором «уполномоченные» буржуазии ведут свою пропаганду перед довольно многочисленным собранием рабочих ⁴.

Специально обращаясь к итальянским и французским коммунистам, Ленин предостерегал их от неправильного вывода, будто «тактика единого фронта ошибочна». Истинное лицо социал-демократических лидеров видят пока меньшинство рабочих в Италии, Англии, Америке, Франции. Поэтому «коммунисты должны не вариться в собственном соку, а научиться действовать так, чтобы, не останавливаясь перед известными жертвами, не боясь неизбежных в начале всякого нового и трудного дела ошибок, проникать в запертое помещение... Коммунисты, которые не захотят понять этого и не захотят научиться этому, не могут надеяться приобрести большинство среди рабочих... А это уже для коммунистов и для всех действительных сторонников рабочей революции вещь совершенно непростительная». Единый фронт, снова подчеркивал Ленин, настоятельно необходим, чтобы убедить рабочих в правильности революционной тактики, чтобы помочь массам понять «хитрую механику» двух разных подходов в международной экономике и политике. «Ради этого мы тактику единого фронта приняли, — заключил он, — и проведем ее до конца» ⁵.

¹ «Международная социалистическая конференция», стр. 60; см. также Ю. Л. Молчанов. Указ. соч., стр. 228—232; A. Reisberg. Op. cit., Bd. I, S. 411—418.

² A. Reisberg. Op. cit., Bd. I, S. 417—418.

³ «Правда», 11 апреля 1922 г.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 140—144.

⁵ Там же, стр. 143—144.

Принципиальное значение имели мысли Ленина о методах работы компартий среди реформистски настроенных масс в условиях, когда соглашение о едином фронте достигнуто. В этом случае критика компартий в адрес реформистских организаций должна быть видоизменена; ей должен быть придан «характер более разъяснительный», чтобы не отпугивать резкими словами рабочих — членов социал-демократических партий, а терпеливо показывать им противоречия между требованиями пролетариата и реформистской политикой¹.

Президиум ИККИ, ЦК РКП(б), а 20 апреля и пленум ИККИ ратифицировали Берлинское соглашение. В воззвании «К классово сознательным рабочим всего мира!» ИККИ призывал не допустить саботажа единого пролетарского фронта лидерами II Интернационала, которые хотят задуть его в зародыше. Единый фронт создается не методом простого братания вождей, он означает «объединение всех рабочих: коммунистов, анархистов, социал-демократов, независимых, беспартийных и даже рабочих-католиков против буржуазии, *вместе* с вождями, если они этого хотят, *без* вождей, если они относятся к этому безразлично, *против* вождей, если они саботируют единый рабочий фронт». Однако обращенное ко всем органам реформистских Интернационалов предложение напечатать это воззвание на основе взаимности осталось без ответа².

Идее Всемирного рабочего конгресса был нанесен удар Амстердамским Интернационалом профсоюзов, лидеры которого еще раньше отказались в нем участвовать. Он созвал свой очередной (второй) конгресс в Риме. В его работе, проходившей 20—26 апреля 1922 г., участвовали 105 делегатов и около сотни гостей из 20 стран, которые представляли 24 млн. трудящихся. По докладу Л. Жуо «Восстановление Европы» была принята развернутая резолюция, призывавшая власть имущих аннулировать военные долги, миролюбиво разрешить репарационный вопрос, сократить армии, численность которых в Европе достигла 4,7 млн. (против 3,7 млн. накануне мировой войны).

Резолюция «О реакции» по докладу К. Мертенса выражала протест против военно-диктаторских режимов, фашизма, преследований рабочих, говорила о необходимости борьбы против наступления буржуазии, «защиты 8-часового рабочего дня, нынешнего уровня заработной платы, завоеванных прав и свобод». Призыв к созданию «единой организации мирового пролетариата» имел на самом деле в виду роспуск Профинтерна и вступление профсоюзов Советской страны и США в МФТ. Резолюция «О войне и милитаризме» (докладчик Э. Фиммен) предусматривала создание профсоюзного комитета для пропаганды ограничения производства оружия и военных материалов, а также подготовки генеральной забастовки на случай, если нач-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 149—150.

² «Die Tätigkeit...», S. 26—28; «Die Rote Fahne», 28.IV.1922.

нется война¹. Этими декларативными заявлениями роль конгресса была исчерпана. Но социал-демократическая печать, выпячивая его «представительность» и «решительность» заявлений, стала утверждать, что после него Всемирный рабочий конгресс более не нужен.

Между тем рабочие массы в капиталистических странах горячо откликнулись на принятые в Берлине решения о совместных выступлениях. В ряде городов Германии, несмотря на противодействие лидеров СДПГ, прошли многолюдные митинги и демонстрации, в том числе с участием иностранных коммунистов — М. Кашена, Б. Шмерала, Сэн Катаямы. В Австрии Венский рабочий Совет создал после доклада Ф. Адлера оргкомитет, в который вошли представители профсоюзов, социал-демократов и коммунистов. Несмотря на возращения коммунистов, были проведены лишь молчаливые шествия, без выступлений ораторов. 1 мая состоялись демонстрации в Италии, в которых участвовали коммунисты и социалисты. В Польше в нескольких промышленных центрах КРПП провела демонстрации вместе с ППС. Во Франции «левые» коммунисты снова выступили против Берлинской конференции, а руководство КПФ отклонило предложенные социалистами совместные первомайские мероприятия. И в Норвегии коммунисты не ответили на предложение социал-демократов об общей демонстрации, а провели ее сами. В Дании, наоборот, игнорировали обращение коммунистов социал-демократы. В Чехословакии социал-демократы, объявившие коммунистов «раскольниками», не участвовали в митингах.

Руководство II Интернационала откровенно саботировало созыв Комиссии 9-ти. Многократные протесты Коминтерна и призывы, обращенные к представителям Венского Интернационала, не достигли цели. Правосоциалистическая печать объявила тактику единого фронта «коварным маккиавелистским замыслом», а Коминтерн — «инструментом внешней политики Советского правительства». Ф. Адлер тоже участвовал в подобных нападках². Чтобы выбить у противников единства этот аргумент, Пленум ЦК РКП(б) поручил своему представителю в «Девятке» заявить о готовности вычеркнуть из принятой общей платформы призыв защищать Советскую Россию. Президиум ИККИ дал вместе с тем делегации директиву: поставить перед представителями II Интернационала в ультимативной форме вопрос, намерены ли они провести конгресс в ближайшем будущем³.

Но Макдональд, де Бруккер и Блюм уже сговаривались за

¹ См. «Bericht über den Internationalen Gewerkschaftskongress, abgehalten in Rom vom 20. bis 26. April 1922 in Teatro Argentina». Amsterdam, 1923.

² См. Ю. Л. Молчанов. Указ. соч., стр. 252; А. Reisberg. Op. cit., Bd. I, S. 436—438.

³ «Die Tätigkeit...», S. 50. Советское правительство согласилось также допустить на процесс эсеров адвокатов из-за границы.

кулисами о проведении во время предстоявшей экономической конференции в Гааге совещания без участия коммунистов. Этот сговор был подтвержден официально Исполкомом II Интернационала как раз накануне созыва Комиссии 9-ти. Первое ее заседание в Берлине 23 мая 1922 г. (через полтора месяца после создания) стало и последним. Оно открылось заявлением II Интернационала, прочитанным Макдональдом, в котором отвергались не только Всемирный рабочий конгресс, но и всякие единые действия с коммунистами. Представители II Интернационала потребовали от Коминтерна, чтобы он изменил свой «образ действий», то есть свою политику. В ответной речи Радек заклеил саботаж единства. Представители Венского Интернационала на этот раз открыто поддерживали II Интернационал. Ф. Адлер заявил, что установить срок созыва конгресса «вне человеческих возможностей». Поскольку стало ясно, что конгресс сорван, делегация ИККИ объявила о выходе из Комиссии 9-ти, существование которой утратило смысл. Правосоциалистические лидеры не скрывали своего удовлетворения тем, что сотрудничество с Коминтерном «прекращается»; конференция II Интернационала в Лондоне, состоявшаяся 18—19 июня 1922 г., выразила это в своем решении¹.

Подводя итог первой попытке совместных действий трех Интернационалов по созыву Всемирного рабочего конгресса, *Второй расширенный пленум ИККИ* в июне 1922 г. одобрил деятельность своей делегации в Берлине и подтвердил необходимость продолжения и усиления политики единого фронта. Оппозиция компартий Франции, Италии и некоторых других стран, затруднявшая практическое осуществление этой тактики, была подвергнута критике, в том числе имевшие место в КПФ попытки усматривать «возрождение реформизма там, где речь идет об углублении методов борьбы против реформизма»².

Ленин в это время именно на примере Франции показал психологическую трудность совершаемого коммунистическим движением поворота. «В повседневной жизни, — писал он, — переделать *тип* партийной работы, преобразовать обыденщину, добиться того, чтобы партия стала авангардом революционного пролетариата, не отходя от масс, а все более и более сближаясь с ними, поднимая их к революционному сознанию и революционной борьбе, это — самое трудное, но и самое важное дело». Без «коренного, внутреннего, глубокого переделывания всей постройки и всей работы» коммунистам не обойтись³.

¹ См. Ю. Л. Молчанов. Указ. соч., стр. 256—258; И. М. Кривогуз. Рабочий Социалистический Интернационал (1923—1940). М., 1979, стр. 21.

² «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 281, 286; «Die Tätigkeit...», S. 118.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 420—421.

ИДЕЯ РАБОЧЕГО И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА

Коммунистическое движение и после неудачи Берлинской конференции трех Интернационалов продолжало активные выступления за единый рабочий фронт. Логика единых действий на базе частичных требований давно уже подводила коммунистов некоторых стран, в частности Германии, к проблеме политических союзов, в том числе к вопросу о возможности создания «рабочего правительства». В Саксонии, Тюрингии и Брауншвейге в 1921 г. действовали земельные правительства СДПГ — НСДПГ, которые могли существовать только при поддержке депутатов КППГ. В ноябре ЦК КППГ подготовил тезисы, в которых выразилось двойственное отношение компартии к этим правительствам: с одной стороны, признавалась положительная роль так называемых «социалистических правительств» в условиях, когда рабочий класс еще не ведет прямой борьбы за политическую власть, с другой — решительно отвергалось участие коммунистов в таких правительствах (и в Германии и в отдельных землях). На пленуме ЦК КППГ 16—17 ноября 1921 г. мнения разошлись. «Ультралевые» Урбанс и Фишер энергично отвергли всякую поддержку «рабочего правительства», ссылаясь, что возможна либо буржуазная, либо пролетарская диктатура. Лозунг рабочего правительства, говорили они, пригоден исключительно в качестве маскировки коммунистических требований Советской республики, диктатуры пролетариата¹. Однако уже в декабре 1921 г., а еще более определенно — в январе 1922 г. руководство КППГ после острых споров пришло к выводу о принципиальной допустимости вступления коммунистов в рабочее правительство при условии, если имеется воля рабочих масс к борьбе и реальная возможность расширения рабочей власти². Такой вывод соответствовал как сложившимся в Германии объективным условиям, так и уровню сознательности широких масс рабочего класса, которые не были еще готовы к прямой борьбе за действительно пролетарскую власть. Лозунг рабочего правительства открывал новые возможности, намечал новые важные подходы к практическому осуществлению политики единого фронта.

Вопрос о поддержке коммунистами социал-демократических правительств, существовавших в Саксонии, Тюрингии и Брауншвейге, которые могли бы образовать «красный блок» против реакционной политики общегерманского и баварского правительств, оказался практически сложным. Коммунисты проявили в ходе длительных переговоров представителей трех партий в Саксонии поддержку и готовность к соглашению, но достигнуть его не удалось³.

¹ См. А. *Reisberg*. Op. cit., Bd. I, S. 259—274, 296—297.

² См. «Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. VII/2. Berlin, 1966, S. 15.

³ См. А. *Reisberg*. Op. cit., Bd. 2, S. 461, 468, 476.

Между тем политическая ситуация в Германии обострялась. Франко-германские противоречия по вопросу о репарационных платежах перерастали в политический конфликт. Крупнейший представитель реакционных групп германских монополистов Гуго Стиннес требовал прекращения уплаты репараций, даже если это приведет к оккупации Францией Рурской области. Вместе с ростом антифранцузских шовинистических настроений заметно активизировались реакционные организации. Тайные союзы монархистов и националистов перешли к террористическим акциям против коммунистов, социал-демократов и республиканцев. Были совершены покушения на Э. Тельмана, Ф. Шейдемана. 24 июня 1922 г. террорист из организации «Консул», которая в предыдущем году расправилась с М. Эрцбергером, убил видного промышленника и буржуазного политика, министра иностранных дел В. Ратенау, за два месяца до этого подписавшего договор с Советской Россией.

Это политическое убийство всколыхнуло рабочий класс, дав новый толчок единым действиям разных его организаций. В прокатившейся по всей стране мощной волне митингов протеста, демонстраций и забастовок приняли участие миллионы рабочих и служащих, видные представители демократических кругов буржуазии и интеллигенции. ЦК КПП предложил руководителям СДПГ, НСДПГ и Объединения немецких профсоюзов совместные действия против реакции. 27 июня была проведена полудневная всеобщая забастовка протеста. КПП вместе с СДПГ, НСДПГ и Объединениями профсоюзов рабочих и служащих подписала Берлинское соглашение, требовавшее от правительства издания закона о защите республики. Он предусматривал запрещение реакционных организаций и союзов, очищение государственного аппарата и армии от врагов республики.

Хотя социал-демократические лидеры снова сорвали единые действия, а принятый закон был сформулирован так, что мог быть использован и против революционеров, кампания борьбы за него стала второй после отражения Капповского путча крупной акцией единого рабочего фронта в Германии. В проекте новой партийной программы КПП сформулировала положение, что партия «обязана с крайней энергией выступать против любой попытки устранения буржуазной демократии в пользу абсолютистского господства»¹.

Тем не менее руководители СДПГ, НСДПГ и Объединения профсоюзов, опасаясь, что развитие движения за пролетарское единство приведет к дальнейшему росту влияния коммунистов, уже 8 июля прервали всякие переговоры с КПП и стали форсировать воссоединение реформистских организаций. В сентябре 1922 г. на съезде в Нюрнберге произошло объединение СДПГ и НСДПГ на основе Гёрлицкой программы СДПГ. Подготовка новой программы была по-

¹ «Dokumente und Materialien», Bd. VII/2, S. 177.

ручена комиссии во главе с Каутским. На такую идейную капитуляцию не согласилась лишь небольшая группа во главе с Г. Ледебуром.

Во *Франции* состоявшиеся летом 1922 г. кантональные выборы опровергли тезис противников единого фронта, что социалисты не пользуются никаким влиянием: они получили 276 тыс. голосов, а коммунисты — 214 тыс. Стачные бои также показывали, что успеха удавалось достичь только там, где разные организации выступали совместно; УВКТ настойчиво добивалась восстановления профсоюзного единства¹. Тем не менее руководство компартии проявляло упорное нежелание выполнять решения Коминтерна, и Второй расширенный пленум ИККИ в июне 1922 г. отметил, что печать и руководящие органы КПФ неправильно информировали партию о смысле и значении тактики единого фронта. Пленум напомнил, что «наиболее славная страница в истории французского пролетариата, Парижская коммуна, была не чем иным, как блоком всех организаций и направлений рабочего класса против буржуазии... В своем качестве рабочего правительства Франции Коммуна представляла этап на пути к господству социализма. Достаточно было бы классово сознательному пролетариату вполне освоиться с примером Коммуны, чтобы найти в своем героическом прошлом все необходимые аргументы для истинно революционной тактики единого фронта, с вытекающим отсюда требованием рабочего правительства». Только эта тактика при последовательном ее применении в экономике и политике способна «распространить влияние партии на тысячи рабочих, до которых раньше это влияние еще не могло добраться»².

Наибольшего накала достигли события в *Италии*. Экономический кризис резко обострился; потерпели крах даже некоторые крупные монополии и банки. В этой обстановке фашисты, укрепив свою организацию, перешли под флагом защиты «общих интересов нации» в наступление на демократические учреждения. В феврале 1922 г. они открыто выдвинули лозунг: «Долой парламент! Да здравствует диктатура!» Становился очевидным политический просчет тех либералов и демократов, которые надеялись «приручить» фашистов уступками и терпимостью³. Фашисты, отбросив маску показного «радикализма», все откровеннее обнаруживали свои реакционные, националистические установки. От атеистических деклараций они переходили к сотрудничеству с клерикалами, от республиканизма — к монархизму, от «социальных мотивов» — к «вождизму», теориям «избранного меньшинства». Все нормы права и морали, демократии и свободы личности ими открыто отвергались. Усилив свои позиции

¹ См. «Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт пролетариата», стр. 182, 189.

² «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 286—287.

³ См. «История фашизма в Западной Европе», стр. 63—64.

в Модене, Болонье и Римини, они готовились к нападению на центры индустриального треугольника.

Рабочие продолжали оказывать фашистам сопротивление, кое-где вооруженное. В конце июля созданный по инициативе Союза железнодорожников Союз труда объявил всеобщую забастовку «в защиту политических и профсоюзных свобод». В Милане, Ливорно, Бари и особенно в Парме рабочие героически сражались против хорошо вооруженных фашистских боевых отрядов, поддержанных регулярными войсками¹. В некоторых городах появились баррикады. КПИ приветствовала забастовку как «конкретную форму единого пролетарского фронта»². Но забастовка не была достаточно организованной, и борьба быстро пошла на убыль.

Вопреки очевидным фактам бордигианское руководство КПИ продолжало считать, что в Италии «победа фашистской или военной диктатуры невозможна», что «все более широкое и полное наступление буржуазии завершится социал-демократическим исходом», а фашистское насилие — просто-напросто «неизбежное последствие развития буржуазного режима». На II съезде партии в Риме в марте 1922 г. представителю ИККИ В. Коларову не удалось убедить Бордигу в том, что политическую борьбу против фашизма «можно с успехом проводить только под руководством трудящихся масс, сплоченных узами единого фронта»³. Сектантские позиции руководства КПИ, выраженные в Римских тезисах, мешали установлению сотрудничества антифашистов.

В рядах Итальянской социалистической партии заметно обострилась внутренняя борьба. На очередном съезде партии в Риме в начале октября 1922 г. максималисты (и особенно группа «третьеинтернационалистов») сделали, наконец, то, на что они не решились в Ливорно: исключили из партии реформистов (те вскоре образовали Унитарную социалистическую партию). Дальнейшее сближение максималистов с коммунистами было, однако, прервано резким обострением политической ситуации⁴.

В конце октября 1922 г. фашисты сочли момент назревшим для захвата власти. Муссолини, продолжая торг с деятелями буржуазно-либеральных партий о своем участии в правительстве, провел мобилизацию чернорубашечников. На слете фашистов в Неаполе он дал сигнал к «походу на Рим». 28 октября начался символический поход фашистских колонн. Спустя два дня Муссолини и король Виктор-Эммануил с балкона палаццо Венеция в Риме вместе приветствовали

¹ См. К. Равера. Воспоминания. М., 1976, стр. 87—90; Д. Канделоро. Профсоюзное движение в Италии. М., 1953, стр. 94—96.

² Р. Spriano. Op. cit., p. 213.

³ Луиджи Лонго — Карло Саллиари. Между реакцией и революцией. М., 1974, стр. 143—144.

⁴ Сторонники Серрати вошли в коммунистическую партию только в 1924 г.

парад фашистских сквадристов. 31 октября Муссолини стал главой правительства. В ноябре 1922 г. итальянский парламент (в котором партия Муссолини имела едва 7 % мест) выразил доверие фашистскому правительству $\frac{3}{4}$ голосов, сам подписав себе смертный приговор¹.

Захватив власть, фашисты приступили к разгрому рабочих газет и организаций. В декабре в Турине были зверски убиты десятки коммунистов, социалистов и анархистов. В начале 1923 г. фашистское правительство начало широкое преследование коммунистов по всей стране.

Установление фашистской диктатуры в Италии, превратившее фашистскую угрозу в реальность, поставило международное рабочее движение перед новыми проблемами. Как раз в те дни, когда Муссолини пришел к власти, группа итальянских делегатов на IV конгресс Коминтерна, прибывшая в Москву, встретила с Лениным. На его вопрос о последних событиях в Италии один из делегатов утверждал, что успех фашистов не является фактом чрезвычайного значения. Узнав, что итальянские рабочие сражаются против фашизма, Ленин, по свидетельству Камиллы Равера, заметил: «Рабочий класс всегда борется за то, чтобы завоевать и отстоять демократические права, даже если они ограничены буржуазной властью. А когда он теряет их, он борется за то, чтобы вернуть их, и вместе с этим ищет себе союзников»².

Превозмогая болезнь, Ленин активно участвовал в подготовке к IV конгрессу Коминтерна. В беседе с Кларой Цеткин он подчеркнул, что изменения в мировом положении нисколько не умаляют значения исключительной задачи — завоевания масс. Сравнив «левых», мечтавших повернуть назад от тактики III конгресса, с Бурбонами, которые ничему не научились и ничего не забыли, Ленин сказал: «Насколько я осведомлен, за «левой» критикой, кроме критики ошибок, допущенных при проведении тактики единого фронта, скрывается желание послать к черту самую тактику единого фронта». Предстоящий конгресс должен, наоборот, «подтвердить, подчеркнуть и сильно подчеркнуть решения III конгресса как основу деятельности Коминтерна». Если мы стремимся к революции и завоеванию власти, то должны стать партией масс. А к этому сегодня, «как и вчера, нет другого пути, кроме того, который намечен III конгрессом»³.

Эта же мысль была выражена в приветствии Ленина IV конгрессу Коминтерна, который открылся в Петрограде 5 ноября 1922 г., в канун пятой годовщины Великого Октября: «Несмотря на гигантские трудности, стоящие на пути коммунистических партий, Коминтерн растет и крепнет. Главная задача по-прежнему состоит в завое-

¹ См. *Луиджи Лонго — Карло Салинари*. Указ. соч., стр. 64—65.

² «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 5. М., 1979, стр. 457—458.

³ Там же, стр. 36.

вании большинства рабочих. И эту задачу мы, несмотря ни на что, выполним»¹.

В работе конгресса, проходившего в Москве с 9 ноября по 5 декабря, участвовали 408 делегатов (343 — с решающим голосом) от 66 компартий и организаций из 58 стран. Были представлены также: Итальянская социалистическая, Исландская рабочая и Монгольская народно-революционная партии, Профинтерн, КИМ, Международный женский секретариат, организация негров США. Компартии насчитывали в это время 1 253 тыс. членов, в том числе в капиталистических странах — 825 тыс. Это было значительно меньше, чем полтора года назад. Сказывались отлив революционной волны и отход неустойчивых элементов².

Международная обстановка и положение в рабочем движении стали в конце 1922 г. еще более сложными и противоречивыми, чем полтора года назад, во время III конгресса Коминтерна. Межимпериалистические противоречия обострились, между Францией и Германией назревал вооруженный конфликт, грозивший новой войной. В то же время Советская Россия прорвала экономическую блокаду, наметились некоторые возможности деловых контактов, впрочем, ограниченных и неустойчивых.

Принципиальное значение для рассмотрения конгрессом всех вопросов, связанных с оценкой обстановки и выработкой политического курса, имело выступление Ленина. Поскольку он не совсем оправился после долгой и тяжелой болезни, врачи разрешили ему сделать лишь короткий доклад. Делегаты и гости конгресса встретили его появление на заседании 13 ноября 1922 г. бурными овациями. Свой доклад «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» Ленин сделал на немецком языке. Он был посвящен прежде всего результатам и значению новой экономической политики, строительству социализма в Советской России. Рассказав о трудностях и успехах в восстановлении народного хозяйства и концентрации усилий на подъеме тяжелой индустрии, Ленин указал, что первоочередная задача РКП(б) заключается в том, чтобы учиться управлять экономикой, продвигаясь вперед постепенно, не слишком торопливо, укреплять Страну Советов как главный оплот революционной борьбы во всем мире.

Доклад содержал ряд важнейших соображений о задачах пролетарской классовой борьбы. Исходя из общей тенденции того времени — необходимости вести оборонительные бои, — Ленин говорил, что коммунистическому движению в целом надо усвоить мысль, важную с теоретической точки зрения и для практики: «Все партии, которые в ближайшем будущем готовятся перейти в прямое наступление против капитализма, должны сейчас подумать также и о том, как обеспе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 277.

² См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, стр. 169.

чить себе отступление». Когда имеешь дело с серьезным противником, который может проявить выдержку, заранее собрать силы, спровоцировать революционеров на неподготовленное нападение и затем отбросить их на многие годы назад, не обойтись без всесторонне продуманного плана, предусматривающего как наступление, так и обеспечение организованного отступления. Этот урок вытекает из опыта российской и международной революции¹.

Ленин считал, что коммунистическим партиям важно использовать международный революционный опыт, и прежде всего опыт большевиков: «Я убежден в том, что мы должны в этом отношении сказать не только русским, но и иностранным товарищам, что важнейшее в наступающий теперь период, это — учеба»². В этой связи он специально подчеркнул недопустимость механического перенесения советского опыта в другие страны, вспомнив резолюцию III конгресса Коминтерна об организационном строительстве коммунистических партий, методах и содержании их работы. «Резолюция прекрасна, — сказал он, — но она почти насквозь русская, то есть все взято из русских условий. В этом ее хорошая сторона, но также и плохая». Большевикам надо научиться более умело разъяснять зарубежным товарищам существо русского опыта, иностранцам не следует превращать его в икону, а нужно воспринимать его с учетом конкретных условий места и времени, чтобы «действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы»³.

Ленинский доклад всем своим содержанием и тоном был великолепным образцом соединения конкретного анализа условий и задач социалистического строительства в Советской России с широким пониманием международной революционной перспективы, соединения революционного оптимизма с реалистической оценкой трудностей, стоящих перед коммунистами разных стран. Ориентируя всех на учебу, Ленин сам показал пример творческого преломления исторического опыта с целью решения новых задач, выдвигаемых жизнью.

Ленинскому пониманию роли Советской России в мировом революционном процессе, которое было горячо поддержано в речи К. Цеткин, в выступлениях Б. Куна и некоторых других делегатов, попытался противопоставить свою позицию Л. Д. Троцкий. Он связывал все надежды на победу социализма в России с ликвидацией капиталистического строя в странах Западной Европы и материально-технической помощью западноевропейского пролетариата. Если это не произойдет в течение нескольких десятилетий, то «будет подписан смертный приговор социалистической России»⁴. Конгресс единодушно

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 281—282.

² Там же, стр. 294.

³ Там же, стр. 292—294.

⁴ «Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала», 1922, № 10, стр. 13. Подробнее см.: В. В. Александров. Указ. соч., стр. 458.

одобрил ленинские выводы и в резолюции «О русской революции» подчеркнул, что «всякое усиление Советской России означает ослабление мировой буржуазии»¹.

В отчетном докладе ИККИ, с которым выступил его председатель Г. Е. Зиновьев, в докладе К. Радека о наступлении капитала были отмечены две тенденции в международном положении и борьбе рабочего класса: с одной стороны, повсеместно продолжалось наступление буржуазии на рабочий класс, в том числе методами фашистского террора; с другой стороны, революционные возможности пролетариата не были исчерпаны, и представлялась реальная возможность обострения классовых битв. Было трудно дать однозначный ответ, предстоит ли фаза затяжной оборонительной борьбы, или вскоре откроется перспектива нового периода революционных бурь. В докладах подчеркивались задачи обороны, обосновывалась необходимость дальнейшего применения тактики единого фронта. Однако Зиновьев сделал упор на ожидании нарастания новых боев; наступление сил реакции, в том числе и приход фашистов к власти в Италии, он толковал как «созревание пролетарской революции»².

Конгресс, несмотря на активность «левых», не согласился с таким подходом. Первоначальный проект «Тезисов о тактике Коммунистического Интернационала», явно грешивший левизной, подвергся существенной переработке, в него были внесены новые разделы. В принятом конгрессом документе говорилось, что влияние Российской Советской республики как важнейшего фактора мировой революции будет возрастать по мере ее экономического возрождения и укрепления. Поскольку пролетариат других стран не сумел использовать «вызванной войной слабости капитализма для нанесения ему решительного удара», буржуазия смогла разбить революционных рабочих, вновь укрепить свое политическое и экономическое господство, а затем развернуть наступление, принявшее грандиозные размеры, что «заставляет рабочий класс во всех странах переходить к обороне»³.

Вместе с тем решения не были свободны от противоречий. Так, в преувеличенных выражениях говорилось о прогрессирующем развале капиталистического хозяйства, гибели капитализма, невозможности восстановления Европы, хаосе распадающейся капиталистической системы государств. Из расширения оборонительной борьбы делался вывод, что «неизбежно систематическое обострение противоречий между пролетариатом и буржуазией. Положение остается объективно революционным, и даже малейший повод может стать сейчас исходным пунктом великих революционных боев». Одновре-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 471.

² «Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала», 1922, № 3, стр. 2.

³ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 461—462.

менно говорилось и о возможности того, что открытая буржуазная реакция сменится в ряде стран «демократически-пацифистской эрой» господства буржуазии¹.

Ленин оказался совершенно прав, когда предвидел, что «левые» намерены от критики единого фронта снова перейти к практическому отказу от этой политики. Серьезная опасность заключалась, однако, в том, что на эти позиции стали постепенно сползать (или возвращаться) некоторые влиятельные руководители Коминтерна. Вопрос о политике единого фронта стоял на конгрессе в центре внимания. О ее осуществлении говорил едва ли не каждый пункт повестки дня. В отчетном докладе ИККИ проводилась верная мысль, что эта тактика «не есть лишь эпизод в нашей борьбе, но целый период, быть может даже целая эпоха». Вместе с тем Зиновьев объявил самой важной задачей коммунистов победить социал-демократию — «главного врага, главную опору буржуазии» в международном масштабе². Подобный подход существенно сужал реальные возможности политики единого рабочего фронта, сводя ее к разоблачению социал-демократических лидеров.

«Левые» и «ультралевые», не решаясь принципиально отвергнуть тактику единого фронта, нападали на нее под предлогом ее неэффективности. Об опасности ее перерождения в «коммунистический ревизионизм» говорили Урбанс, Бордига, Штейн-Каменский. Итальянские делегаты отвергали вообще переходные требования и переходный период. Рут Фишер обвиняла Исполком в недооценке революционной зрелости масс, в том, что он занимается будто бы лишь «переговорами с верхушками», стремится «ревизовать революцию», причесть ее на «западный лад» и т. п. Чехословацкие «ультралевые» приписывали Шмералу намерение создать фронт вплоть до клерикалов, Масарика и правительства. Французские «левые» считали, что единый фронт породит «избирательный кретинизм»³.

Активность нападков тех «левых», которые не имели за плечами многолетнего опыта революционной борьбы, в значительной мере объяснялась психологической трудностью перестройки, упрощенной прямолинейностью усвоенных ими революционных установок. Поскольку во время размежевания с реформистами отношение к курсу на социалистическую революцию и диктатуру пролетариата было действительно пробным камнем подлинной революционности, они никак не могли усвоить необходимости в изменившихся условиях перенести центр тяжести на подготовительный этап, не выдвигая задачи непосредственной борьбы за политическую власть и социалистические требования. Но были среди «левых» и неисправимые авантюристы.

¹ См. «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 459—463.

² «Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала», 1922, № 3, стр. 5.

³ Там же, стр. 10—11, 16—17; № 4, стр. 12, 14—16.

«Левым» настроениям и выпадам был дан на конгрессе отпор многими делегатами, в том числе представителями КПГ, КПЧ и РКП(б). Они подчеркивали необходимость оборонительной борьбы рабочих, единого фронта и выдвижения на первый план повседневных требований как важного средства собирания всех сил рабочего класса. Германская и болгарская делегация возражали в этой связи против предложения Бухарина (в докладе по программному вопросу) не включать в проект программы Коминтерна переходных требований, а потому и положений о тактике единого фронта. Тех, кто предлагал это сделать, Бухарин обвинил в «трусости мысли» и «оппортунистических наклонностях», в желании «программно утвердить состояние обороны и сделать невозможным наступление»¹.

Делегация РКП(б), поскольку доклад Бухарина был поставлен на обсуждение не от ее имени, попросила президиум конгресса дать ей возможность предварительно обсудить вопрос, вызвавший споры. На заседании бюро делегации, состоявшемся под председательством Ленина в его кабинете 20 ноября, было согласовано, что в национальных программах компартий необходимость борьбы за переходные требования (при надлежащих оговорках о зависимости их от конкретных условий места и времени) следует выразить точно и категорично. В общей программе Коминтерна должны быть определенно указаны как «теоретическая база для всех подобного рода переходных или частичных требований», так и «основные исторические типы переходных требований национальных партий в зависимости от коренной разницы экономических структур». Конгрессу рекомендовалось заявить (точнее, напомнить соответствующую резолюцию III конгресса), что «Коминтерн одинаково решительно осуждает как попытки представить оппортунизмом включение частичных требований в программу, так и какие-нибудь попытки затушевать и подменить частичными требованиями основную революционную задачу»². Эти предложения были приняты конгрессом и включены в его документы³.

В соответствии с общим курсом, намеченным Лениным, IV конгресс Коминтерна специально подтвердил решения III конгресса и развил дальше актуальные вопросы завоевания большинства рабочего класса. В «Тезисах о тактике» подчеркивалось, что только единый рабочий фронт «сможет указать коммунистам верный путь к завоеванию большинства трудящихся», и проводилась принципиальная ленинская мысль, что «тактика единого фронта *будет иметь решаю-*

¹ «IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Избранные доклады, речи и резолюции». М.—Л., 1923, стр. 196—199, 210—211, 216—217, 223.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 347—348.

³ См. «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 447—448. Конгресс поручил ИККИ продолжить работу над программой.

щее значение для новой эпохи»¹. Конгресс, однако, этим не ограничился. В качестве необходимого вывода из всей тактики единого фронта он выдвинул лозунг *рабочего правительства*.

Выдвижение этого лозунга было итогом длительного обсуждения и острых споров, в том числе и на конгрессе. Зиновьев еще раньше пытался толковать его лишь как «псевдоним диктатуры пролетариата», а в докладе утверждал, что его действие как переходного лозунга будет лишь «мелким эпизодом»². Конгресс отверг такое узкое понимание, считая создание подлинного рабочего правительства важным противовесом тем мнимым «рабочим правительствам», в которых реформисты открыто или скрыто вступали в коалицию с буржуазией³. В решении прямо подчеркивалось, что не может быть и речи о поддержке коммунистами «либерального» правительства (как в Австралии и, возможно, в Англии) или социал-демократического (как в Германии).

Важное значение придавалось дифференцированному подходу к идее рабочего правительства. Отмечалось, что как «общий агитационный лозунг» его можно применять почти повсюду; как *актуальный политический лозунг дня* — в тех странах, где положение буржуазного общества непрочное: «Открытой или замаскированной буржуазно-социал-демократической коалиции коммунисты противопоставляют единый фронт всех рабочих и коалицию всех рабочих партий в экономической и политической области для борьбы с буржуазной властью и для ее окончательного свержения».

Наряду с правительством пролетарской диктатуры, которое может родиться лишь из борьбы масс в условиях революционной ситуации, говорилось в тезисах, также и «рабочее правительство, вышедшее из парламентской группировки сил, т. е. правительство чисто парламентского происхождения, *может* повести к оживлению революционного рабочего движения». Поэтому в известных случаях коммунисты должны быть готовы поддерживать такое правительство или даже «образовать рабочее правительство совместно с некоммунистическими рабочими партиями и рабочими организациями»⁴. Этот новый вывод существенно раздвигал границы возможного сотрудни-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 465—466 (курсив наш. — *Авт.*).

² См. «Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала», № 3, стр. 7. В заключительном слове Зиновьев отказался от словечка «псевдоним» (там же, № 32, стр. 35—36).

³ В Швеции в начале 1920 г. было сформировано первое в Скандинавии социал-демократическое правительство во главе с Я. Брантингом. В разгар экономического кризиса осенью 1921 г. было создано второе правительство Брантинга, которому буржуазия доверила поиски выхода из экономических трудностей.

⁴ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 466—467.

чества с социалистическими партиями, впервые включая в него соглашения на правительственном уровне.

Мероприятия такого рабочего правительства (или правительства рабочих и беднейших крестьян на Балканах, в Чехословакии, Польше и т. д.) должны прежде всего состоять в том, чтобы «вооружить пролетариат и разоружить буржуазные контрреволюционные организации, ввести контроль над производством, взвалить главное бремя налогов на имущие классы и сломить сопротивление контрреволюционной буржуазии»¹. Это были такие революционно-демократические задачи, осуществление которых подводило пролетариат к борьбе за политическую власть. Правительство такого типа не было диктатурой пролетариата, не было и исторически обязательной переходной формой к ней. Но оно, как говорилось в тезисах, могло «стать исходной точкой» для завоевания власти пролетариатом².

Входя в такое правительство, коммунисты обязательно должны находиться под строжайшим контролем своей партии, поддерживать самые тесные связи с массовыми революционными организациями, стараясь всемерно активизировать их деятельность. Компартии должны сохранить при этом полную самостоятельность в агитации и свободу критики своих партнеров.

IV конгресс принял «Набросок аграрной программы действия». В этом документе в развитие решений II конгресса были сформулированы требования, призванные помочь коммунистическим партиям завоевать на сторону рабочего класса трудящиеся массы деревни. Речь шла о наделении малоземельных крестьян землей, скотом, инвентарем, снижении арендной платы, улучшении положения испольщиков, освобождении от налогов минимального дохода малоземельных крестьян, о протесте против эксплуатации трудового крестьянства монополиями, ростовщическим капиталом и т. п.³ Эта платформа мобилизации крестьян на совместную с рабочим классом борьбу должна была содействовать укреплению союза рабочих и крестьян.

Вскоре Коминтерн сделал еще шаг вперед в этом вопросе, выработав формулу *рабоче-крестьянского правительства* и вынеся ее на обсуждение *Третьего расширенного пленума ИККИ*, который работал в Москве 12—23 июня 1923 г. Лозунг рабоче-крестьянского правительства означал дальнейшее развитие решения IV конгресса о рабочем правительстве. Лозунг сразу же поддерживали не только представители стран с преобладанием крестьянства (Болгария), но также делегаты Германии, Франции, Италии, Англии, США. В принятом пленумом решении подчеркивалась мысль, что найденная концентрированная политическая формула позволит с наибольшим успехом воплотить в жизнь решения II и IV конгрессов. Отме-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 466.

² Там же, стр. 468.

³ См. там же, стр. 448—452.

тив рост крестьянского движения во многих странах, активность ряда крестьянских партий, резолюция указала, что «в общем и целом попытки крестьянства проводить свою самостоятельную политику середины между буржуазией и пролетариатом неизбежно остаются безуспешными»¹. Успех может принести только прочный союз рабочих и крестьян под руководством рабочего класса. Поэтому лозунг «Рабоче-крестьянское правительство» должен стать генеральным лозунгом коммунистических партий, чтобы этот союз, не ограничиваясь лишь сферой экономической борьбы, охватил также борьбу политическую, включая вопросы формирования правительства. Этот лозунг, «расширяя базу единственно правильной в условиях настоящей эпохи тактики единого фронта, есть *путь к диктатуре пролетариата*»². В борьбу за создание такого переходного правительства могут быть вовлечены гораздо более широкие массы трудящихся, чем за непосредственное осуществление социалистической революции.

Поскольку во многих капиталистических странах, в том числе и развитых, еще не были осуществлены такие общедемократические задачи, как полное устранение пережитков феодализма, радикальная аграрная реформа, не говоря уже об обеспечении на деле реализации провозглашенных буржуазной демократией свобод или об ограничении всевластия крупного капитала, компартиям следовало выдвигать на первый план всенародные общедемократические задачи. Исходным пунктом агитации за рабоче-крестьянское правительство должна стать защита элементарных экономических интересов рабочего класса и трудящегося крестьянства. Лозунг рабоче-крестьянского правительства пригодится компартиям и после завоевания власти пролетариатом, напоминая им о необходимости «соразмерять свое поступательное движение с настроением крестьянства данной страны, устанавливать правильные отношения между победоносным пролетариатом и крестьянством и соблюдать мудрую постепенность в проведении хозяйственных мероприятий»³.

Формула рабоче-крестьянского правительства была творческим развитием ленинской идеи о путях подведения широких масс к революции, о воспитании их в процессе борьбы на основе собственного политического опыта. Пленум специально подчеркнул, что агитация под этим лозунгом должна обязательно конкретизироваться применительно к обстановке каждой отдельной страны. Например, в США речь может идти о правительстве рабочих и трудящихся фермеров. Всем партиям рекомендовалось разработать на новой основе программы действий, соответствующие национальным условиям.

Важное место в работе III пленума ИККИ занял также вопрос о *фашизме*. Уже IV конгресс охарактеризовал международный фа-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 493.

² Там же, стр. 494.

³ Там же.

шизм как орудие крупной буржуазии для насильственного подавления революционных устремлений пролетариата и всех его попыток улучшить свое положение. Конгресс сделал вывод большой важности, подчеркнув, что фашизм обращается одновременно и «против основ буржуазной демократии вообще». Тем самым была намечена возможность привлечения к единому антифашистскому фронту также и непролетарских слоев. Конгресс обязывал компартии идти «во главе рабочего класса в борьбе против фашистских банд, энергично применяя и здесь тактику единого фронта и *обязательно* прибегая к нелегальным методам организации»¹.

В докладе «Борьба против фашизма», с которым на пленуме выступила К. Цеткин, говорилось о фашизме как опасном и серьезном враге. Она определяла его как «самое сильное, сконцентрированное, классическое выражение наступления, которое ведет по всей линии мировая буржуазия». Не сводя фашизм к террору, К. Цеткин опровергла лживое утверждение, будто он является ответом на «большевистский террор». Для успешной борьбы с фашизмом «надо вникнуть в причины притягательного действия, оказываемого им на широкие социальные массы». Одна из них заключается в глубоком разочаровании в капитализме не только пролетариата, но и широких масс мелкой и средней буржуазии, интеллигенции. Другой корень — в заминке, затяжном ходе мировой революции, в разочаровании реформистским социализмом и рекомендованным им «демократическим» путем. К. Цеткин возлагала долю вины и на компартии, которые не сумели установить достаточно тесные связи с широкими массами.

Буржуазия рассматривает фашистов как своих союзников, питает их и поддерживает. «В зависимости от конкретных условий той или другой страны фашизм носит различные черты. Но две из них присущи ему всюду: это, во-первых, мнимо революционная программа, чрезвычайно искусно приспособляемая к настроениям, интересам и требованиям широчайших общественных масс, и, во-вторых, применение самого грубого жестокого террора»². Эти черты и корни фашизма К. Цеткин показала прежде всего на «классическом» примере Италии.

Хотя в докладе был преувеличен идеологический и политический кризис фашистского движения, докладчик подчеркивал, что опасно возлагать надежды на его близкое крушение. Выжидательная, пассивная позиция по отношению к фашизму была бы роковой ошибкой, и Цеткин призывала к самой энергичной борьбе против него во всех странах, в том числе в Германии. Это требует усиления идеологической и политической борьбы за массы. Нужно завоевать или по крайней мере нейтрализовать «не только пошедших на удочку фа-

¹ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 463.

² «Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 года). Отчет». М., 1923, стр. 207—213.

пизма пролетариев, но и мелкое и среднее мещанство, мелкое крестьянство, интеллигенцию, — коротко говоря, все те слои, экономическое и социальное положение которых ставит их во враждебные отношения к крупному капиталу». Вместе с тем нельзя ни на миг пренебрегать вооруженной самозащитой пролетариата против фашистского террора. Поскольку «фашизм не спрашивает, какова окраска и тон пролетарской души», борьба и самооборона рабочих против фашизма «предполагают единый пролетарский фронт». Лозунг рабоче-крестьянского правительства — необходимое и важное звено в борьбе против фашизма¹.

Воззвание, принятое пленумом ИККИ, предостерегало, что рабочему классу всего мира «грозит участь его итальянских братьев». Оно рекомендовало поэтому рабочим партиям и организациям всех направлений во всех странах создавать объединенные органы для руководства антифашистской борьбой. Не ограничиваясь агитацией и пропагандой, следовало формировать вооруженные сотни, создавать контрольные комитеты, подавлять все попытки терроризировать рабочих и одновременно усиливать разоблачение фашизма в профсоюзах, парламентах и т. п. «Наилучшим способом борьбы с фашизмом в Италии и во всем мире является энергичнейшая борьба против него в собственной стране»².

Установки Коминтерна, определявшие переходные политические цели, создавали необходимую идейно-политическую базу для сплочения антифашистов. Правда, в ряде стран, где фашизм не стал серьезной опасностью, борьба с ним рассматривалась коммунистами лишь как один из элементов продвижения к рабоче-крестьянскому правительству, а иногда и как составная часть борьбы за пролетарскую власть. Многие коммунисты полагали тогда, что коль скоро фашизм — орудие крупного капитала, то и борьбу с фашизмом можно вести только путем социалистической революции. Возможность широкого антифашистского движения тогда не была своевременно понята. Эти слабости коммунистам предстояло еще преодолеть. Но главным было то, что IV конгресс и III пленум ИККИ выработали ясную установку: и в борьбе против фашизма необходим единый фронт всех трудящихся.

Некоторые стороны политики единого фронта представляли в то время особую трудность. К ним относился вопрос о сочетании борьбы за единство действий «снизу» и «сверху». По сравнению с предыдущими решениями IV конгресс сделал больший упор на действия «снизу». Объяснялось это рядом причин: во-первых, разочарованием, вызванным откровенно антикоммунистической политикой лидеров не только II, но и II ¹/₂ Интернационалов, сорвавших переговоры о совмест-

¹ См. «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 225—230.

² «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 379—383.

ных международных действиях; во-вторых, воздействием «левых», в том числе в ИККИ; в-третьих, недостаточной четкостью общей оценки состояния и перспектив развития мирового революционного процесса.

Политике единого фронта, задачам его практического осуществления были в той или иной степени посвящены также многие конкретные решения IV конгресса Коминтерна и III расширенного пленума ИККИ. Так, по докладам Э. Гёрнле и Н. К. Крупской IV конгресс рекомендовал расширить деятельность компартий в области воспитания, образования и агитации. Под тем же углом зрения была рассмотрена и работа коммунистов в профсоюзных, кооперативных, женских и молодежных организациях.

В тезисах IV конгресса о задачах коммунистов в профессиональном движении, принятых по докладу С. А. Лозовского, подчеркивалась необходимость противодействовать расколу в профсоюзном движении, который осуществляли реформистские лидеры, вести борьбу за восстановление единства там, где оно уже нарушено. Эти установки были положены в основу решений II конгресса Красного Интернационала профсоюзов, который работал в Москве с 19 ноября по 2 декабря 1922 г. Конгресс конкретизировал действия, способные объединить рабочих в их борьбе за свои интересы. Предложение делегатов Франции и Чехословакии о создании параллельных революционных профсоюзов было отклонено. Вместе с тем удаление из Устава пункта о взаимном представительстве в исполнительных органах Профинтерна и Коминтерна открыло путь для соглашения с синдикалистами ряда стран¹.

Однако наиболее упорные анархо-синдикалисты, которые еще летом 1922 г. создали Международное бюро, созвали 25 декабря в Берлине свой конгресс. В нем участвовали представители синдикалистских организаций 13 стран: Германии, Франции, США, Италии, Испании, Португалии, Нидерландов, Швеции, Норвегии, Дании, Аргентины, Мексики и Чили. На конгрессе выяснилось, что революционные синдикалисты Франции уже вступили в Профинтерн, большинство нидерландских синдикалистов тяготеют к Москве, а «Индустриальные рабочие мира» отказываются присоединиться к какому-либо из Интернационалов. Тем не менее была основана *Международная ассоциация трудящихся* (Берлинский Интернационал профсоюзов), которая объявила себя наследником I Интернационала, противником реформизма и капитализма, сторонником строя «самоуправляющихся производителей». Однако Берлинский Интернационал анархо-синдикалистов сразу же повел себя враждебно по отношению к Профинтерну и коммунистическим партиям; он систематически срывал единые действия рабочего класса². Не удивительно, что число его

¹ См. «Профинтерн в резолюциях». М., 1928, стр. 30—36.

² См. А. Лозовский. Указ. соч., стр. 201—205; У. З. Фостер. Очерки мирового профсоюзного движения, стр. 340—342.

сторонников неуклонно падало: из 1 250 тыс. (1921 г.) к концу 1924 г. осталось не более 470 тыс.¹

Продолжало сокращаться число членов и в организациях Амстердамского Интернационала: из 22,4 млн. (1921 г.) в конце 1923 г. осталось 15,3 млн.² Но МФП по-прежнему проявляла значительную политическую активность. 10—15 декабря 1922 г. во время экономической конференции в Гааге амстердамцы вместе со II и II $\frac{1}{2}$ Интернационалами провели в этом городе Международный конгресс мира. На него съехалось 700 делегатов, представлявших профсоюзы, кооперативы, социалистические партии и различные пацифистские общества. Конгресс мог бы сыграть важную роль, если бы организаторы проявили желание сделать его исходным пунктом широкого массового движения с целью отразить наступление капитала «сомкнутым единым фронтом». Именно так в открытом письме ко всем рабочим и пролетарским организациям мира сформулировал задачу IV конгресс Коминтерна. «Неужели вы хотите,— говорилось в письме,— оставаться в бездействии и быть свидетелями того, как отменяется восьмичасовой рабочий день... как жизненный уровень рабочих старейших промышленных стран понижается... как уничтожаются элементарнейшие свободы рабочего класса... как победоносный капитал, освобожденный от всяких пут, диктаторски развязывает новую войну?»³

Коминтерн и Профинтерн не были приглашены на Гаагский конгресс, но делегация ВЦСПС (С. А. Лозовский, Г. Н. Мельничанский, К. Б. Радек, Ф. А. Ротштейн, А. М. Коллонтай и др.) приняла в нем активное участие. Доклады Л. Жюо, Э. Фиммена, А. Гендерсона были посвящены задачам рабочего движения в борьбе против войны и милитаризма. В противовес рассуждениям реформистов делегаты ВЦСПС выдвинули конкретную программу действий единого рабочего фронта из 14 пунктов. Она предусматривала, в частности, создание международного комитета борьбы против военной опасности, проведение недели антимилитаристской пропаганды, которую следовало завершить демонстративной 24-часовой всеобщей стачкой. Отклонив эти предложения, конгресс тем не менее конкретизировал задачи антивоенной борьбы, которые были за полгода до этого намечены Римским конгрессом МФП. В принятых резолюциях говорилось не только о контроле над производством и транспортом оружия, но и о возможности применения экономического бойкота и генеральной забастовки. Специальная резолюция предостерегала против оккупа-

¹ L. Lorwin. Op. cit., p. 394.

² Ibid., p. 394, 409. По этим же данным, членский состав МКХП тоже упал с 3,76 млн. в конце 1921 г. до 2,4 млн. в конце 1924 г., и только Профинтерн обнаружил тенденцию к росту: соответственно 7 и 7,33 млн.

³ «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 490.

ции Рура и аннексии германских территорий, а также рекомендовала реорганизовать Лигу наций¹.

На IV конгрессе Коминтерна и состоявшемся почти одновременно в Москве III конгрессе КИМа обсуждались задачи революционной молодежи в осуществлении политики единого фронта. Обращение КИМа к руководству социал-демократического Интернационала рабочей молодежи (он был создан на конференции в Амстердаме в мае 1921 г., его секретарем избран Э. Олленхауэр) и к Международному содружеству социалистических молодежных организаций (связанному с Венским Интернационалом) о проведении всемирного съезда молодежи было отклонено. Конгресс КИМа призвал свои организации продолжать борьбу за установление единства действий и за укрепление низовых молодежных организаций, в частности производственных ячеек². В приветствии делегатам конгресса Ленин выразил надежду, что, «несмотря на высокое звание, вы не забудете самого главного — необходимости деловым образом двинуть вперед подготовку молодежи и ученье»³.

После IV конгресса ИККИ 6 декабря 1922 г. избрал свой Президиум, в который вошли: Г. Е. Зиновьев (председатель), К. Цеткин, Н. И. Бухарин, К. Б. Радек, В. Коларов, Сэн Катаяма, Э. Дженнари, О. Куусинен, А. Нейрат, Л.-О. Фроссар, А. Макманус, Л. А. Шацкий. В Секретариат ИККИ были избраны: В. Коларов (генеральный секретарь), В. Штёккер, И. А. Пятницкий; кандидаты: О. Куусинен, М. Ракоши. III расширенный пленум ИККИ 23 июня 1923 г. заменил в Президиуме Э. Дженнари А. Бордигой, Л. О. Фроссара — Б. Суваримом; в Секретариате А. Нейрат сменил В. Штёккера.

Решения IV конгресса Коминтерна и III расширенного пленума ИККИ отвечали жгучим потребностям борьбы рабочего класса против наступления капитала и фашизма. Обоснование тактики единого рабочего фронта и лозунга рабоче-крестьянского правительства, политики единства в антифашистской борьбе составили важный этап в развитии стратегии и тактики революционного рабочего движения. Они несли на себе печать ленинского гения и были вместе с тем результатом коллективной творческой мысли Коммунистического Интернационала.

¹ См. «Bericht über den Internationalen Friedenskongress. Abgehalten in Haag (Holland) vom 10.—15. Dezember 1922 unter den Auspizien des Internationalen Gewerkschaftsbundes». Amsterdam, [1923]; Б. А. Карпачев. Красный Интернационал профсоюзов в борьбе за осуществление ленинской тактики единого фронта (1921—1923). Саратов, 1976, стр. 26—29.

² См. R. Chitarow. Der Kampf um die Massen. Vom 2.—5. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale. Berlin, 1930, S. 29—38.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 317.

ОБРАЗОВАНИЕ СССР. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОИ В ЕВРОПЕ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЕ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

XI съезд РКП(б), состоявшийся в марте — апреле 1922 г., подвел итоги первого года новой экономической политики. Указав, что отступление окончено и начинается перегруппировка сил, Ленин подчеркнул, что соревнование и состязание с капитализмом — дело серьезное, и коммунистам надо учиться налаживать хозяйство, организовать производство, торговать культурно. А в связи с этой задачей «гвоздь положения, — сказал он, — в людях, в подборе людей», а также в проверке исполнения принятых решений¹.

Закрывая съезд, Ленин отметил, что партия, которая умела наступать на врага «с беззаветной смелостью, быстротой, решительностью», отступала, когда это понадобилось, в общем и целом в революционном порядке. Теперь задача в том, чтобы двигаться «вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед. Такую задачу при данном международном положении, при данном состоянии производительных сил России можно решить, лишь решая ее очень медленно, осторожно, деловито, тысячу раз проверяя практически каждый свой шаг»².

Новая экономическая политика благотворно сказывалась на хозяйстве Советской страны. Крестьяне стали постепенно увеличивать посевы. Хороший урожай 1922 г. позволил в известной степени преодолеть последствия недородов предыдущих лет. К весне 1924 г. посевные площади зерновых достигли 80% довоенных. К этому времени валовая продукция крупной промышленности по сравнению с 1921 г. увеличилась почти вдвое. Объем производства ценовой промышленности превысил 40% довоенного уровня; добыча угля составила 44%, нефти — 57%. Были пущены первые электростанции по плану ГОЭЛРО: Каширская, «Красный Октябрь» (под Петроградом), Кизеловская, строилось еще несколько станций. Общая мощность действующих станций достигала 1,23 млн. кВт, превосходя показатель царской России. Однако восстановление металлургии происходило медленно: в 1923 г. производилось менее 20% довоенного количества чугуна, стали, проката. В связи с этим тормозилось развитие машиностроения. Налаживалось производство простейших сельско-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 110, 116.

² Там же, стр. 136—137.

хозяйственных орудий и товаров широкого потребления. На транспорте погрузка вагонов приближалась к 40 % уровня 1913 г.¹

Вместе с возрождением народного хозяйства шло восстановление рядов рабочего класса. Правда, вначале в связи с концентрацией производства и переходом на хозяйственный расчет, а также из-за тяжелых последствий гражданской войны и голода число фабрично-заводских рабочих несколько сократилось. Если принять их численность в 1920 г. за 100 %, то в 1921 г. она составила 96,9 %, в 1922 г. — 92,5 и только в 1922—1923 гг. достигла 117,3 %². В первые годы на заводы возвращались в основном квалифицированные рабочие, которые покинули предприятия в годы войны, в 1922 г. стали приходить рабочие, выехавшие ранее в деревню. Вернулось также почти полмиллиона рабочих, демобилизованных из Красной Армии³. Одновременно сокращалось число временных рабочих, пришедших на предприятия по трудовым мобилизациям. Это способствовало улучшению качественного состава рабочего класса. Так, на трех крупных машиностроительных заводах Украины — Харьковском, Луганском и Торецком — к 1 октября 1923 г. удельный вес квалифицированных рабочих возрос до 56,5 %. Аналогичным было положение и на заводах южного машиностроительного треста Украины⁴.

Экономические успехи явились в значительной мере результатом роста политической и трудовой активности рабочего класса. Уже в самом начале восстановительного периода по инициативе самих рабочих стали создаваться различные производственные ячейки — кружки, производственные конференции и другие организации, через которые передовые рабочие принимали участие в управлении производством. Но на первых порах они охватывали лишь узкий слой рабочих и не были еще действительно массовой формой. Постепенно складывалась система производственных совещаний, среди участников которых преобладали опытные, кадровые пролетарии. Они активно обсуждали отчеты и доклады заводоуправлений, вносили свои предложения, направленные на улучшение работы фабрик и заводов, отыскивали новые возможности рационализировать производство, повысить производительность труда, уменьшить прогулы, снизить себестоимость изделий, экономить сырье и топливо и т. д.

¹ См. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг. ЦСУ СССР». М., 1927, стр. 232; «Промышленность СССР. Статистический сборник». М., 1964, стр. 231.

² См. «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». М., 1961, стр. 9, 13.

³ См. А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). М., 1962, стр. 212, 214—216.

⁴ См. Г. Д. Диденко. Рабочий класс Украины в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). Киев, 1962, стр. 172—173.

Восстановление народного хозяйства наталкивалось на немалые трудности. Промышленность не могла удовлетворить растущие потребности деревни в товарах. Цены на них стали расти, в то время как цены на сельскохозяйственные продукты, масса которых увеличилась, падали. Это расхождение цен — так называемые «ножницы» — достигло особенно больших размеров к осени 1923 г. Оно было усилено ошибочным стремлением некоторых руководителей добиться безубыточности промышленных предприятий посредством повышения отпускных цен, а также тем, что нэпманская буржуазия, имевшая сильные позиции в торговле (на долю частного капитала в розничном товарообороте приходилось в 1922—1923 гг. свыше 75 %), устанавливала спекулятивные цены на дефицитные товары. Крестьяне оказались не в состоянии приобретать нужные им промышленные изделия, а промышленность стала испытывать трудности сбыта. Это вызвало обострение проблемы оборотных средств, сокращение производства, задержки в выплате рабочим заработной платы. На отдельных предприятиях возникли трудовые конфликты, которые из-за активности враждебных элементов стали перерастать в забастовки¹.

Выявившиеся диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства мешали налаживанию хозяйственной смычки между городом и деревней. Требовались немедленные меры для их устранения. XII съезд партии в апреле 1923 г., — первый съезд, работавший без Ленина, но по его указаниям, — решал все вопросы с точки зрения упрочения союза рабочего класса с крестьянством. «Первые признаки начинающегося хозяйственного возрождения страны, — отметил съезд, — налицо. Начинается период уточнения и конкретизации методов хозяйствования при нэпе». Сельское хозяйство еще долго останется основой экономики, но рабочий класс вместе с тем «направит самые энергичные усилия на поднятие государственной промышленности в городах, прежде всего в тяжелой индустрии, которая одна только может явиться прочным фундаментом действительно социалистического строительства»². Съезд наметил меры по упорядочению налогового обложения крестьянского хозяйства в направлении перехода к единому сельскохозяйственному налогу с частичной заменой натурального обложения денежным. Рекомендуя усилить плановое начало в принадлежащих государству главных средствах производства — в промышленности и на транспорте, съезд отметил, что экономические методы руководства не должны подменяться администрированием, рекомендовал трестам «избегать удушающей централизации, угашения инициативы и механических вторжений» в работу предприятий³.

¹ См. «История КПСС», т. 4, кн. I. М., 1970, стр. 266—267, 293—294.

² «Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года. Стенографический отчет». М., 1968, стр. 671.

³ См. там же, стр. 680—682, 688—689.

Состоявшийся в сентябре 1923 г. пленум ЦК создал по докладу Ф. Э. Дзержинского (вскоре ставшего председателем ВСНХ) комиссию для выработки и срочного проведения мероприятий по преодолению катастрофического расхождения цен и нормализации выплаты заработной платы. Были приняты меры по расширению прав и функций Госплана, налаживанию советской торговли, укреплению кооперации, в том числе восстановлению добровольности членства. Началось проведение денежной реформы, призванной стабилизировать валюту. Усилились государственный контроль над рыночной стихией, борьба со спекуляцией, преодолевались трудности сбыта. Вскоре промышленность и сельское хозяйство стали снова расширять производство¹.

Положение в партии осложнялось тем, что в условиях экономических трудностей и болезни Ленина снова активизировались разбитые ранее оппозиционные группировки, объединившиеся вокруг Троцкого и «платформы 46-ти». Они выступили с обвинениями против ЦК, заявляли о бюрократизации партийного аппарата, а новую экономическую политику рассматривали как сплошное отступление и скатывание на рельсы капитализма. Источник средств для проведения политики индустриализации оппозиция видела в эксплуатации крестьянства. Такая установка неизбежно вела к подрыву союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, самих основ Советской власти. Навязанная партии дискуссия кончилась полным поражением оппозиции. XIII партийная конференция в январе 1924 г. констатировала, что троцкистская оппозиция представляла собой «не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный *мелкобуржуазный уклон*»². XIII съезд партии подтвердил это решение.

Неотъемлемой частью работы партии, направленной на восстановление и подъем экономики, продолжала оставаться упорная повседневная борьба за нормализацию политических и экономических отношений с капиталистическими странами. «Не мы изобрели колючую проволоку экономической блокады», — говорил в июле 1921 г. Г. В. Чичерин корреспонденту газеты «Юманите». В то время как Англия ищет путей урегулирования отношений с РСФСР, Франция таких шагов не делает. «Наш путь сошелся с путем Ллойда Джорджа, — с иронией заметил Чичерин. — И он, и мы хотим, как говорят англичане, мира и торговли. И лишь перспективы будущего у нас разные. Мы ждем распада капиталистической системы. Ллойд Джордж ждет нашего приручения». Пока Франция остается цитаделью системы блокады, «французским коммерсантам или промышленникам нечего от нас ожидать. Мы не хотим облегчать французским капиталистам

¹ См. «История КПСС», т. 4, кн. I, стр. 294—296.

² «КПСС в резолюциях...». М., 1953, т. I, стр. 782.

бремя ошибок их правительства... Пусть Франция последует примеру Англии, и она получит все возможные выгоды»¹.

Однако буржуазные правители стремились использовать экономические трудности Советской России, и особенно голод 1921 г., для новых попыток вмешательства в ее внутренние дела и свержения Советской власти. Прежде всего правительства Франции и США требовали признания царских долгов. Желая завязать переговоры, Советское правительство согласилось пойти на некоторые уступки.

В ноте правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США от 28 октября 1921 г., утвержденной Политбюро ЦК РКП(б) с поправками Ленина², говорилось: «Советское правительство заявляет, что, по его твердому убеждению никакой народ не обязан оплачивать стоимость тех цепей, которые он сам носил в продолжении веков. Но в своем непоколебимом решении прийти к полному соглашению с другими державами, Российское правительство готово сделать ряд существенных и значительных уступок». Речь шла о возможности признать довоенные займы царского правительства при условии учета контрпретензий, прекращения враждебных действий и полного признания Советской республики, для чего предлагалось созвать международную конференцию. В ноте было также сказано, что Советское правительство «восстановило частную торговлю, частную собственность на мелкие предприятия, право концессий и аренды на крупные... предоставляет иностранному капиталу правовые гарантии и достаточную часть прибыли... стремится к экономическим соглашениям со всеми державами»³.

Только в январе 1922 г. представители стран Антанты, собравшись в Канне, приняли решение созвать в Генуе экономическую и финансовую конференцию глав правительств с приглашением на нее Советской России, а также Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии. Пункт первый условий созыва этой конференции гласил: ни одно государство не может диктовать другому систему собственности, внутренней экономической жизни и управления. Ленин увидел в этом заявлении фактическое признание Западом возможности сосуществования капиталистической и коммунистической систем собственности. Он призывал пропагандистски использовать это положение против других условий (гарантий иностранной собственности и компенсаций за убытки, признания всех государственных долгов и обязательств), с помощью которых капиталистические державы пытались навязать Республике Советов свою волю⁴.

¹ «Документы внешней политики СССР», т. IV. М., 1960, стр. 235—236, 240—241.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 185—188.

³ «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 446—447.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 371, 394, 406—408.

Приветствуя созыв Генуэзской конференции, ВЦИК назначил делегацию во главе с Лениным, который передал затем свои полномочия народному комиссару иностранных дел Чичерину. Представители других советских республик поручили РСФСР представлять их интересы. Ленин, несмотря на болезнь, не только руководил всей деятельностью советской делегации в период подготовки и проведения конференции, но и в ряде записок и выступлений высказал множество принципиальных соображений о международной ситуации, мирном сосуществовании, а также о задачах и методах советской дипломатии.

Мы в Геную идем, говорил Ленин, «как купцы», ибо нам необходима торговля с капиталистическими государствами, как, впрочем, и им с нами, *«мы идем к купцам и будем идти на сделки, продолжая свою политику уступок, но границы их уже определены»*¹. Большое значение Ленин придавал расколу фронта капиталистов, выделив среди них три группы: пытающихся навязать Советской России кабальные условия, заинтересованных в соглашении и пацифистов. Он горячо поддержал предложенную Чичериным программу, предусматривавшую созыв Всемирного конгресса всех народов, в том числе колониальных, с участием рабочих организаций. На нем следовало провозгласить принципы невмешательства во внутренние дела народов, их суверенитета, полного равноправия и добровольного сотрудничества, всеобщего разоружения, запрещения ряда видов оружия, оказания помощи слаборазвитым странам и т. п.²

На первом пленарном заседании Генуэзской конференции 10 апреля 1922 г. Чичерин в заявлении (сделанном им по-французски и по-английски) указал: «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, Российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления». Проблема эта столь неизмерима и обширна, что может быть разрешена только при готовности всех стран в ней участвовать. Важной частью и условием всеобщего послевоенного восстановления является экономическое восстановление России, обладающей неисчислимыми природными богатствами.

«Идя навстречу потребностям мирового хозяйства и развития его производительных сил,— говорилось далее в заявлении,— Российское правительство сознательно и добровольно готово открыть свои границы для международных транзитных путей, предоставить под обработку миллионы десятин плодороднейшей земли, богатейшие

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 2, 16.

² См. там же, стр. 34—40.

лесные, каменноугольные и рудные концессии». Российская делегация, кроме того, намерена, продолжал Чичерин, чтобы способствовать упрочению мира, «предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать все предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной войны и других, в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения»¹.

Речь Чичерина была выслушана с самым большим вниманием и интересом и нашла широкий отклик в прессе. Но предложения о разоружении были сразу же отвергнуты представителем Франции Барту — резко, Ллойд Джорджем — иронически. В ходе дальнейших дебатов в комиссиях советская делегация ответила на требования западных держав об уплате Советской Россией долгов царского и Временного правительств, процентов на них, возмещения иностранным предпринимателям убытков за национализированные предприятия и т. п. (выраженные в общей сумме 18 млрд. руб. золотом) предъявлением контрпретензий. В документально обоснованном исследовании ущерб, причиненный Советской стране в результате иностранной военной интервенции и блокады, был исчислен в сумме 39 млрд. руб. золотом².

Когда выяснилось, что Англия и Франция не стремятся к достижению реального соглашения, делегация РСФСР после коротких переговоров подписала 16 апреля в Рапалло договор с Германией. Оба государства взаимно отказывались от возмещения военных расходов и убытков, от всяких претензий, устанавливали дипломатические и торговые отношения. Договор, который Ленин рекомендовал объявить «единственным образцом» приемлемых соглашений с капиталистическими странами³, означал для Советской России прорыв экономической и политической блокады, а для Германии был первым после окончания войны равноправным договором. Подписание Рапальского договора произвело на конференции впечатление разорвавшейся бомбы.

Хотя других соглашений на Генуэзской конференции достигнуто не было, она показала, что советская дипломатия на первом публичном международном поединке сумела постоять за интересы Страны Советов.

Продолжением Генуэзской конференции явилась конференция экономических экспертов в Гааге в июне—июле 1922 г. Сюда съехалось кроме дипломатов также множество бывших владельцев национализированных предприятий. Хотя советская делегация вы-

¹ «Документы внешней политики СССР», т. V. М., 1961, стр. 191—193.

² См. там же, стр. 293—359.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 185.

ражала готовность заключить конкретные соглашения, нефтяные концерны, убедившись, что добиться капитуляции Советской республики не удастся, сорвали работу конференции.

В 1923 г. снова усилились стремления реакционных кругов обострить ситуацию. Англия сумела устранить Советскую Россию от полноправного участия в Лозаннской конференции по ближневосточным вопросам и навязать Турции конвенцию о проливах, открывавшую их для военных судов нечерноморских стран. В обстановке роста межимпериалистических противоречий, приведших к Рурскому конфликту и угрозе новой европейской войны, делались попытки оказать новый нажим на Советскую республику. Так, 8 мая английский министр иностранных дел лорд Керзон в ультимативной форме потребовал компенсации за расстрел английского шпиона и арест других, отозвания из Афганистана и Ирана советских послов, будто бы занимавшихся «антибританской пропагандой». Этот «ультиматум Керзона» вызвал в капиталистическом мире антисоветский ажиотаж. Его жертвой стал видный советский дипломат, представитель на конференции в Лозанне В. В. Воровский, застреленный белогвардейцем. В Белое море была послана британская канонерка.

Опасность новой антисоветской интервенции вызвала беспокойство: Франция не поддержала демарш английского империализма, а рабочие Англии заявили правительству протест, угрожая всеобщей стачкой. Правительство РСФСР решительно отвергло клеветнические утверждения, метод «ультиматумов и угроз». В отчете за 1923 г. Чичерин писал, что «майский ультиматум Керзона был крупнейшей попыткой наших противников... расшатать наше международное положение, но он, наоборот, показал уже достигнутую нами прочность положения»¹.

Советское правительство по-прежнему прилагало большие усилия для развития внешнеторговых отношений. В 1922 г. РСФСР торговала с 18 странами, в 1923 г. — с 23. Наибольший товарооборот был достигнут с Великобританией, Германией, Прибалтийскими странами, Нидерландами, Турцией. Все торговые связи велись на основе положения о монополии внешней торговли, установленной в апреле 1918 г. Эта мера надежно обеспечивала независимость Страны Советов от иностранного капитала и экономической экспансии империализма, позволяла вести внешнюю торговлю планоно, централизованно, руководствуясь интересами развития народного хозяйства страны, ограждала внутренний рынок от стихийных колебаний мировой капиталистической экономики.

Однако не все руководящие работники это понимали. 6 октября 1922 г. Пленум ЦК в отсутствие Ленина принял решение, допускавшее «временное разрешение» свободного ввоза и вывоза отдельных товаров, открытия ряда портов и границ. Ленин решительно осудил

¹ «Документы внешней политики СССР», т. VI. М., 1962, стр. 592.

этот «срыв монополии внешней торговли» и указал, что монополия вскоре даст государству крупную прибыль золотом, а открытие портов не только усилит контрабанду, но и поссорит Советскую власть с крестьянством¹. Никакая таможенная политика, подчеркнул он, не способна заменить монополии². Точку зрения Ленина целиком разделяли нарком внешней торговли Л. Б. Красин, председатель Центросоюза Л. М. Хинчук и другие хозяйственные работники. Пленум ЦК 18 декабря 1922 г. единогласно отменил предыдущее решение, подчеркнув безусловную «необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли»³. По настоянию Ленина вопрос был рассмотрен также на XII съезде РКП(б), который категорически подтвердил «незыблемость монополии внешней торговли и недопустимость какого-либо ее обхода или колебаний при ее проведении»⁴. Это имело важнейшее значение для сохранения независимости Страны Советов, которая находилась во враждебном капиталистическом окружении.

Занимаясь вопросами внешней торговли, Советское правительство уделяло большое внимание привлечению иностранного капитала в форме концессий и смешанных обществ. В декрете СНК от 23 ноября 1920 г. говорилось, что процесс восстановления производительных сил России и всего мирового хозяйства может быть существенно ускорен путем привлечения иностранных учреждений, предприятий, акционерных обществ, кооперативов и рабочих организаций к делу добычи и переработки природных богатств России. Декрет обеспечивал концессионерам вознаграждение долей продукта с правом вывоза за границу, давал гарантию, что их имущество не будет подвергаться национализации, конфискации и реквизиции, а в случае применения особых технических усовершенствований обещал предоставление торговых преимуществ⁵. Декрет был вскоре издан на ряде языков с приложением списка предлагаемых объектов и карты. Речь шла о лесных концессиях на севере Европейской России, о пахотных землях в Западной Сибири, по Уралу и на Дону, о горных предприятиях в Сибири. Позднее к ним были добавлены нефтяные концессии в Грозном и Баку. Разъясняя необходимость таких мер, Ленин подчеркивал, что в течение длительного времени разработка этих богатств собственными силами и средствами невозможна, а концессии позволят «подтянуть свою технику до современного уровня». Хотя они обойдутся недешево, но зато обеспечат быстрый прогресс, помогут обучить советских руководителей умению вести производство и торговлю. Уже сами переговоры о концессиях выгодны в поли-

¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 220—223.

² См. там же, стр. 333—337.

³ Там же, стр. 588—589.

⁴ «КПСС в резолюциях...», т. II. М., 1970, стр. 404.

⁵ См. «Документы внешней политики СССР», т. III. М., 1959, стр. 338—339.

тическом плане, так как обостряют конкуренцию между империалистическими группами и странами¹.

Вскоре начались длительные переговоры о концессии на эксплуатацию рыбных промыслов, на разведку и добычу нефти и угля на Камчатке и в Восточной Сибири с американским синдикатом Вандерлипа. Однако предусмотренное условие — признание Советского правительства де-факто — правительством США не было выполнено, и договор не вступил в силу². Переговоры с бывшим владельцем горных предприятий на Урале и в Сибири Л. Уркартом, одним из активных вдохновителей иностранной интервенции и главой Ассоциации британских кредиторов России, привели к подписанию предварительного договора. Поскольку, однако, объем и значение концессии требовали урегулирования отношений с Англией, а отношения с ней обострились, договор не был утвержден СНК³. Отклонение его, как разъяснял Ленин, не означало отказа ни вообще от политики концессий, ни от заключения в дальнейшем соглашения с Уркартом⁴. В 1921—1922 гг. Советским правительством было подписано 15 концессионных договоров⁵, в том числе с германскими компаниями Круппа и консорциумом Вольфа, с американскими «Интернейшнл Барнсдолл корпорейшн» и «Синклер», соглашения о создании смешанных русско-германских обществ «Дерутра», «Деруметалл», «Дерулюфт» и др. Весной 1923 г. главный концессионный комитет имел 460 предложений из Германии, Англии, США, Франции, Скандинавских стран и т. д.⁶ «Наша концессионная политика кажется мне очень хорошей, — говорил Ленин в ноябре 1922 г. — Но, несмотря на это, прибыльной концессии мы еще не имеем»⁷.

¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 108—115; т. 43, стр. 21—23.

² См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 64—66; т. 43, стр. 67, 188.

³ См. «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 608—609.

⁴ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 208, 242—243, 264, 305—307.

⁵ Одними из первых были заключенные в октябре—ноябре 1921 г. договоры с американским промышленником Армандом Хаммером, сыном и компаньоном американского миллионера, родившегося в России. Первый касался посылки из США в Россию на льготных условиях 1 млн. пудов хлеба (в обмен на уральские драгоценности, пушнину, кожу и другие товары). Ленин считал, что он «имеет значение исключительное». Второй — предоставил компании «Элайд драг энд кемикл корпорейшн» концессию на разработку асбестовых месторождений на Урале. Ленин встречался с А. Хаммером и писал ему: «Это начинание крайне важно. Я надеюсь, что оно будет иметь огромное значение» (см. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 267, 310, 316, 324; т. 54, стр. 252—254, 272; «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 442—444, 465—471).

⁶ См. «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 724.

⁷ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 287.

Вся совокупность многообразных экономических и политических задач, вставших перед Советской властью, — восстановления производительных сил, укрепления обороноспособности, защиты суверенитета, расширения внешнеполитических и торговых связей с капиталистическим миром, улучшения условий жизни трудящихся — диктовала необходимость дальнейшего углубления сотрудничества всех народов России, братских советских республик. Стало насущной потребностью объединение экономических, политических и военных ресурсов, усилий всех трудящихся для достижения общей цели. Советская власть уже создала надежные формы национально-государственного строительства, но следовало их усовершенствовать.

Еще в годы гражданской войны, после разгрома Деникина, Ленин разъяснял рабочим и крестьянам Украины: «Мы хотим *добровольного* союза наций, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов»¹.

Подчеркивая сложность преодоления последствий национального неравенства, былой розни, национальной обособленности и предрассудков, Ленин указывал, что Советская власть прежде всего дала *«всем нерусским национальностям их собственные республики или автономные области»*². РСФСР, будучи многонациональной федерацией, накопила большой опыт национально-государственного, экономического и культурного строительства, строго руководствуясь принципами интернационализма, равноправия больших и малых народов, терпеливой помощи отстающим народностям. В 1919—1922 гг. в составе РСФСР продолжали создаваться все новые автономные республики (Башкирская, Татарская, Карельская, Киргизская, Горская, Дагестанская, Крымская) и автономные области (Чувашская, Вотская, Марийская, Калмыцкая, Коми, Бурят-Монгольская, Кабардино-Балкарская, Якутская, Ойротская, Чеченская, Карачаево-Черкесская).

С самостоятельными советскими республиками — Украинской и Белорусской — РСФСР установила тесные военно-политические отношения. В результате антифеодальной народно-демократической революции при поддержке Красной Армии в феврале 1920 г. на территории Хивинского ханства была создана Хорезмская народная республика. В октябре образовалась Бухарская народная совет-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 43.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 146.

ская республика — тоже переходная стадия к социалистической республике. Они заключили с РСФСР союзные договоры, военно-политические и экономические соглашения, предусматривавшие оказание помощи этим наиболее отсталым районам.

В 1920 г. началось освобождение Закавказья. В апреле в результате вооруженного восстания, организованного коммунистами, было свергнуто мусаватистское правительство в Азербайджане и он был провозглашен независимой Советской социалистической республикой. В Армении в ноябре 1920 г. победило восстание против правительства дашнаков и власть перешла к Советам. Меншевицское правительство Грузии продержалось дольше, но в феврале 1921 г. и оно пало под ударами восставшего народа, поддержанного другими советскими республиками. Все закавказские республики подписали с РСФСР договоры о сотрудничестве. В основе их лежали ленинские принципы суверенности и равноправия народов, а добровольно принятые обязательства служили общим целям борьбы за социализм.

Наибольшая ответственность за успех объединительного движения, за строительство социализма ложилась на плечи русского народа, русского рабочего класса. Рабочие Центральной России были самым многочисленным и организованным, наиболее сознательным и передовым отрядом общероссийского пролетариата. Поэтому одна из самых важных исторических задач этого отряда заключалась в том, чтобы помочь трудящимся тех республик и областей, которые отставали в экономическом, социальном и культурном развитии. При организации этой помощи партия исходила из возможности для отсталых стран, не достигших капиталистической стадии, перейти к советскому строю и через определенные ступени — к социализму, опираясь на всестороннюю поддержку победившего пролетариата¹. Такой путь впервые в истории испытывался на практике.

Вопросы национально-государственного строительства обсуждались на X съезде РКП(б). Политика царизма, помещиков и буржуазии по отношению к нерусским народам, говорилось в его решениях, состояла в том, чтобы «убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве, и, наконец, по возможности русифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов». Преодоление фактического национального неравенства, основанного на исторически сложившемся экономическом неравенстве, потребует «упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства». Задачу эту можно решить прежде всего путем планомерного насаждения промышленности на окраинах посредством переноса фабрик к источникам сырья и подготовки национальных кадров рабочего класса. Съезд предложил привлекать в ряды партии и к советской работе «сравнительно не-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

многочисленные туземные пролетарские элементы, работающие на разных промыслах, в копиях, на железных дорогах, солеварнях, кулацких хозяйствах». Туземным трудящимся надо помочь перейти от кочевого образа жизни к земледелию, от кустарного ремесла к фабрично-заводскому производству, притом всячески избегая слепого подражания образцам центральной России с более высокой степенью хозяйственного развития¹.

Намеченный съездом курс на дальнейшее сближение народов, населяющих Советскую Россию, мог быть успешно осуществлен лишь при условии особой бдительности по отношению к любым проявлениям великорусского шовинизма или уклона к нему. «Для всей нашей *Weltpolitik* *, — писал Ленин, рассматривая национальные противоречия, возникшие в Туркестане, — дьявольски важно **завоевать** доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; *д о к а з а т ь*, что мы *у к л о н а* в эту сторону *н е* потерпим.

Это мировой вопрос, без преувеличения мировой.

Тут надо быть архистрогим.

Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным»².

В письме коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики Ленин выражал надежду, что их тесный союз «создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного при буржуазном строе». Это было особенно важно, поскольку республики Закавказья, еще недавно (находясь под властью меньшевиков, мусаватистов, дашнаков) были втянуты в кровопролитные междоусобные войны. Ленин обращал при этом внимание на необходимость учета своеобразия положения республик Закавказья по сравнению с РСФСР. Нужно, писал он, «не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий». Здесь возможен и нужен «более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму»; следует проявлять «больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству»; важно широко, твердо, умело и осмотрительно развернуть политику концессий и товарообмена с заграницей, чтобы развить производительные силы этих республик — горные богатства, белый уголь, орошение. Все это «пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»³.

Договорные отношения между советскими республиками предусматривали деятельность объединенных наркоматов по военным

¹ См. «Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет». М., 1963, стр. 603, 604—605.

*) — мировой политики. — *Ред.*

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 190.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 198—200.

делам, внешней торговле, финансам, труду. Общие для всех республик функции выполняли ВСНХ и другие хозяйственные органы. Но опыт выявил и слабые стороны договорных связей, их недостаточность. Не были точно регламентированы взаимоотношения верховных органов власти республик. Сложными и запутанными оказались отношения объединенных наркоматов. Имелась неопределенность в финансовых взаимоотношениях республик, не были решены вопросы планирования. Все очевиднее становилась необходимость найти новые формы более тесного политического и экономического сотрудничества независимых республик.

Важным этапом на пути к новым формам союза явилось создание Закавказской федерации. Именно потому, что здесь национальный вопрос стоял особенно остро, для преодоления последствий великодержавной политики царизма и действий буржуазных националистических правительств, для приступа к социалистическому строительству было целесообразно объединение Азербайджана, Армении и Грузии в федеративное государство. В хозяйственном отношении Закавказье было единым целым, и разрыв связей националистическими правительствами нанес большой ущерб экономике. Интересы восстановления хозяйства продиктовали решение Центральных Комитетов компартий, принятое в апреле 1921 г., об объединении всех железных дорог¹. Два месяца спустя было подписано соглашение о создании общего Наркомата внешней торговли. Кавказское бюро ЦК РКП(б) приняло вскоре постановление о создании Кавказского экономического бюро, а 2 ноября пришло к выводу о целесообразности федеративного союза.

29 ноября 1921 г. этот вопрос был вынесен на обсуждение Политбюро РКП(б). Получив накануне записку Сталина, Ленин признал федерацию абсолютно правильной и безусловно нужной. Вместе с тем Ленин указал, что федерация является «в смысле немедленного практического осуществления преждевременной», предложил поэтому не спешить, а рекомендовать ЦК компартий «поставить вопрос о федерации пошире на обсуждение партии и *рабочих и крестьянских масс*, энергично вести пропаганду за федерацию и *провести* ее через съезды Советов каждой республики; в случае большой оппозиции точно и своевременно донести Политбюро ЦК РКП»². Эти указания, принятые Политбюро, были тем более важны, что в Азербайджане, а особенно в Грузии было немало противников создания федерации, в том числе и среди членов ЦК КП Грузии (группа во главе с Б. Г. Мдивани).

После подготовительной работы собравшийся в феврале 1922 г. I съезд коммунистических организаций Азербайджана, Армении и Грузии единодушно одобрил предложение о создании федерации и

¹ См. С. В. Харпандарян. Ленин и становление Закавказской федерации. 1921—1923. Ереван, 1969, стр. 126—133.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 255, 566.

осудил националистические уклоны. 12 марта на полномочной конференции Центральных исполкомов трех республик был подписан договор о их федеративном союзе. Позднее этот союз был преобразован в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР). Так впервые в практике советского государственного строительства была осуществлена идея Советской федерации, объединявшей независимые республики. Этот опыт пригодился при решении вопроса о путях объединения всех советских республик¹.

Весной 1922 г. Центральный Комитет компартии Украины обратился в ЦК РКП(б) с предложением уточнить характер договорных отношений между РСФСР и Украиной. Созданная под руководством М. В. Фрунзе комиссия пришла к выводу, что решать эту проблему нужно комплексно. Пленум Закавказского крайкома РКП(б) и Центральное бюро КП Белоруссии тоже самостоятельно поставили вопрос о конкретизации федеративных взаимоотношений с РСФСР. В августе 1922 г. ЦК РКП(б) создал специальную комиссию для подготовки вопроса о взаимоотношениях РСФСР и независимых национальных советских республик, в которую вошли представители всех республик.

К этому времени стало ясно, что назрела потребность объединения всех советских республик в союзное государство. Это вызывалось прежде всего задачами развития социалистической экономики, общего планового хозяйства, контуры которого были намечены уже планом ГОЭЛРО. В рамках единого государства легче было решить вопросы оздоровления финансовой системы, выравнивания уровней развития экономики и подъема культуры советских наций и народностей. Не менее важным было единство советских республик перед лицом международного империализма, продолжавшего попытки как военными, так и экономико-политическими средствами подорвать социалистический строй и разрушить целостность новой социальной системы, чтобы реставрировать капиталистические порядки.

Принятый комиссией 24 сентября проект И. В. Сталина, известный как «план автономизации», предусматривал: «Признать целесообразным заключение договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДРВ открытым». Однако не все были согласны с этой формулировкой. Так, еще до принятия этого проекта ЦК КП Грузии высказался против него, ЦК КП Белоруссии — за сохранение договорных отношений, ЦК КП Украины не вынес определенного решения².

Ленин, находившийся в Горках и впервые ознакомившийся с материалами комиссии 26 сентября, сразу написал членам Полит-

¹ См. *С. В. Харпандарян*. Указ. соч., стр. 233—240.

² См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 556—558; «История КПСС», т. 4, кн. 1, стр. 198—200.

бюро: «По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться... Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо «вступления» в РСФСР — «Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии».

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию»¹.

Ленин предложил также вместо механического подчинения органов власти республик высшим органам власти РСФСР создать наряду с ВЦИКом РСФСР общесоюзный ВЦИК Союза Советских Республик. «Важно, — подчеркнул он, — чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их *независимости*, а создавали еще *новый этаж*, федерацию *равноправных* республик»². Ленин внес и ряд других поправок. Найденное Лениным новое решение вопроса о Союзе Советских Республик было результатом творческого развития им марксистской теории в области национально-государственного строительства с учетом практического опыта. Он очень сожалел, что из-за болезни не смог раньше принять участие в обсуждении этих вопросов. «Я, кажется, — продиктовал он позднее в письме съезду, — сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко... Видимо, вся эта затея «автоматизации» в корне была неверна и несвоевременна». Ленин увидел в ней опасность поощрения «великоросса-шовиниста» и бюрократа, не желающего в полной мере учесть чисто национальные интересы малых народов. «Я думаю, — заключил Ленин эту мысль, — что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль»³.

Пленум ЦК РКП(б) 6 октября 1922 г. на основе рекомендаций Ленина принял решение: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в «Союз Социалистических Советских республик» с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава «Союза»⁴. Не имея возможности участвовать в работе Пленума, Ленин прислал Л. Б. Каменеву записку: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть». Он

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 211—212.

² Там же, стр. 212.

³ Там же, стр. 356—357.

Сталин поначалу неправильно отнесся к критике, даже расценил позицию Ленина как «национальный либерализм» и отстаивал превращение ВЦИК РСФСР в федеральный ЦИК. Но, понимая, что ЦК поддержит Ленина, он вскоре переработал проект комиссии в соответствии со всеми предложениями Ленина (см. там же, стр. 558—559).

⁴ «КПСС в резолюциях...», т. II, стр. 401.

настаивал, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский, украинец, грузин и т. д.¹ Пленум полностью поддержал позицию Ленина и поручил новой комиссии выработать проект закона об образовании СССР. В нем были учтены все советы Ленина, а также предложение М. И. Калинина сделать высшим органом Союза Все-союзный съезд Советов, который избирает федеративный ЦИК. Решения Пленума были одобрены центральными комитетами республиканских компартий.

Идея образования СССР была встречена трудящимися советских республик с огромным воодушевлением. В специальном заявлении VII Харьковского губернского съезда Советов на имя VII Всеукраинского съезда Советов говорилось: «На Украине нет ни одного села, ни одного предприятия, где бы с большой радостью не было встречено это предложение. Но еще с большей радостью будет встречено постановление съезда Советов о создании Союза Советских Республик»².

В Белорусской ССР эта идея тоже получила единодушную поддержку. Подводя итоги обсуждения вопроса, газета «Звезда» писала: «Если судить по тем решениям, которые вынесены на уездных съездах, если принять во внимание многочисленные резолюции рабочих и крестьянских собраний, то вряд ли приходится сомневаться, что съезд единодушно одобрит план более тесного объединения республик»³.

Активное массовое движение в поддержку создания Советского Союза развернулось в Закавказских республиках. На имя II конференции коммунистических организаций Закавказья пришло письмо: «Коммунисты-металлисты считают, что совместная работа компартий Азербайджана, Грузии и Армении укрепит нашу коммунистическую работу в Закавказье, теснее сплотит рабочих всех трех республик в одну товарищескую семью и ускорит объединение Закавказской федерации с другими советскими странами в один мощный Союз Советских Республик»⁴. Газета «Бакинский рабочий» отметила, что «теснейшее объединение советских республик встало в порядок дня как важнейшая неотложная задача рабоче-крестьянских масс: бакинский пролетариат один из первых во всей федерации поставил перед собой эту задачу»⁵.

В декабре 1922 г. съезды Советов РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской федерации, а затем I Всесоюзный съезд Советов вынесли решения об образовании СССР. Съезд принял Декларацию и Союзный договор, избрал верховный законодательный орган — ЦИК СССР. Создание многонационального Советского Союза яви-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 214.

² «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)». М., 1955, стр. 253.

³ «Звезда», 14 декабря 1922 г.

⁴ «Заря Востока», 18 ноября 1922 г.

⁵ «Бакинский рабочий», 2 октября 1922 г.

лось прямым продолжением дела Великого Октября, практическим претворением в жизнь ленинской идеи о добровольном союзе свободных наций, триумфом ленинской национальной политики. В речи при закрытии съезда М. И. Калинин дал глубокую оценку значения принятых решений. «Во-первых, — говорил он, — этот объединительный съезд дает нам возможность усилить наши материальные ресурсы в противовес враждебному нам буржуазному миру. Во-вторых, объединение советских республик и в политическом отношении в огромной степени усиливает реальное значение советских республик перед всем буржуазным миром. И, наконец, в-третьих, мы здесь закладываем первый камень действительного братского общежития. Целые тысячелетия прошли с тех пор, как лучшие умы человечества бьются над теоретической проблемой в поисках форм, которые дали бы народам возможность без величайших мук, без взаимной борьбы жить в дружбе и братстве. Только сейчас, в сегодняшний день практически закладывается первый камень в этом направлении»¹.

Успешное решение национального вопроса в Советской стране приобрело огромное международное значение. Советский опыт стал маяком для угнетенных народов мира, борющихся за национальную независимость, продемонстрировал великие преимущества социализма перед капитализмом и в этой области.

Образование СССР явилось достойным итогом первых пяти лет существования Советской власти. Несмотря на все бури, невзгоды и опасности, власть, рожденная революцией, не только выстояла, но и сплотила трудящихся многонациональной России в единый могучий Советский Союз. Когда исполнилось полвека его существования, Л. И. Брежнев сказал: «Создание Советского Союза, образование и вступление в него в дальнейшем ряда новых союзных республик приумножили силы и возможности народов нашей страны в строительстве социализма. Великая социалистическая держава — Союз Советских Социалистических Республик — заняла подобающее ей место на мировой арене к огромной пользе для дела мира, свободы и независимости всех народов земли»².

ЛЕНИН О МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПОСТРОЕНИИ СОЦИАЛИЗМА В СССР

В середине декабря 1922 г. новый приступ тяжелой болезни надолго приковал Ленина к постели. Опасаясь за его жизнь, врачи запретили ему всякую работу, чтение газет, свидания с друзьями. Но едва только болезнь немного отступила, как Ленин снова вернулся к работе. В конце декабря и в январе, а затем в марте 1923 г. он продиктовал

¹ «1-й съезд Советов СССР. Стенографический отчет». М., 1922, стр. 24.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, стр. 48.

свои последние статьи и письма, ставшие политическим завещанием вождя. Напрягая все силы, он спешил поделиться с товарищами по партии теми мыслями и соображениями, которые считал самыми важными для будущего. И среди них главными, образующими основной фон всех рассуждений и советов, были раздумья о дальнейшем ходе мирового революционного процесса и о месте в нем российской революции, ее детища — Советской республики.

У Ленина и в предчувствии кончины не возникло никаких сомнений в том, что путь был избран правильный, единственно возможный, хотя он был во многом непредвиденным, крайне сложным, исключительно трудным. Ни тени сожалений или колебаний относительно того, нужно ли было «браться за оружие», идти на риск, взваливать на себя гигантский груз ответственности за судьбы человечества. Непреклонная убежденность в верности Марковского предвидения о всемирной социалистической революции как общей закономерности развития, как двери, ведущей к новому обществу, к строю социальной справедливости — социализму и коммунизму. И вместе с тем столь же неколебимая уверенность в том, что решающим, непреходящим в марксизме является его революционная диалектика, чуждая всякого схематизма, предусматривающая неизбежность различных форм и путей движения мировой истории, включая возможности видоизменения «обычного» исторического порядка.

Будучи, как и Маркс, всегда и во всем прежде всего *революционером*, Ленин, просматривая в конце декабря недавно вышедшие «Записки о революции» Н. Суханова, который рабски следовал по пятам Каутского, вспомнил слова Наполеона: *on s'engage et puis... on voit* — и продолжал: «В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу». А меньшевикам вроде Суханова, заключил Ленин широким обобщением, «и не снится, что *иначе вообще не могут делаться революции*»¹.

Возвращаясь к давней своей мысли, что без смелости, творчества и фантазии никакая революция невозможна, Ленин обратил внимание на то, что «действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было»². Эта революционная увлеченность, устремленность в будущее, этот энтузиазм отрицания старого и созидания нового — могучий стимул

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 381 (курсив нап. — Авт.).

² Там же, стр. 401.

движения вперед. Но эти черты должны быть обязательно соединены с трезвым расчетом и реальным учетом обстановки, с пониманием невозможности просто перепрыгнуть через нерешенные задачи, через незрелые условия в области экономики, цивилизованности и культуры. В этих вопросах «торопливость и размахистость вреднее всего», диктовал Ленин, здесь «надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д.»¹.

Сквозь призму этого диалектически противоречивого единства противоположностей Ленин рассматривал и сам реальный процесс движения мировой революции, и ограниченность, односторонность реформистского подхода к революции. Каутский, Суханов и другие мелкобуржуазные демократы, именующие себя марксистами, «принимают марксизм до невозможной степени педантски». Они обходят даже прямые указания Маркса о необходимости в ходе революции проявлять максимальную гибкость, о возможности соединить, например, крестьянскую войну с рабочей революцией. Они не могут даже представить, что западноевропейский путь развития капитализма и буржуазной демократии можно считать мировым, всеобщим образцом лишь *mutatis mutandis*. Они не способны понять, что революция, которая выросла из мировой империалистической войны, неизбежно должна была иметь новые или видоизмененные этой войной черты. Им чужда мысль о том, что «при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, *предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития*»². Поэтому они не поняли и не могли понять, что российская революция — первый акт революции мировой.

Напоминая о жесткой и суровой объективной альтернативе, перед которой история поставила Россию в 1917 г., — гибель как самостоятельного государства или отчаянно смелый прорыв к социализму, — Ленин показал реальную возможность иного варианта пути, в корне отличного от того, который рисовали западноевропейские социал-демократические догматики. Ленин не отбросил при этом с порога главный аргумент, решающий козырь противников признания правомерности социалистической революции в России. Да, бесспорно, «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», да, «мы не доросли до социализма», да, у нас не было в момент революции всех «объективных экономических предпосылок для социализма», не было достаточного уровня культуры, цивилизованности, а для создания социализма они необходимы. Но следует ли из этого, что революция была ошибкой?

Ленин уже раньше не раз прямо ставил этот вопрос и всегда

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 389—390.

² Там же, стр. 378—379 (курсив наш. — Авт.).

отвечал на него отрицательно. Теперь он начал не, как обычно, с выяснения соотношения международных и внутренних условий победы социализма, не с рассмотрения системы переходных мер, делающих эту победу возможной даже в одной, отдельной, среднеразвитой стране, находящейся в капиталистическом окружении, не с анализа «уровня культуры». Он подошел совсем с другой стороны, сосредоточив главное внимание на выяснении принципиальной возможности *«иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах»*, иного, не предусмотренного теорией в прошлом, *порядка развития революции*¹.

Возможность эту Ленин сформулировал так: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы». Он тут же уточнил, что главная предпосылка цивилизации была создана изгнанием российских помещиков и капиталистов, установлением пролетарской власти². То обстоятельство, что «мы начали не с того конца» и у нас вопреки «теории» всяких педантов «политический и социальный переворот оказался предшественником... культурной революции», создало, разумеется, огромные, невероятные трудности. Но они вполне преодолимы³.

Возможности иного «порядка развития» Ленин не ограничивал Россией. Смотри в будущее, он старался разглядеть дальнейшее движение *всемирной* социалистической революции. Он еще раз напомнил то, о чем неоднократно говорил раньше: Россия находится на границе стран цивилизованных и стран, впервые «окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских», стоящих накануне начинающихся или уже начавшихся революций. «Нашим европейским мещанам, — заметил он, — и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»⁴.

Обращаясь к перспективам развития мировой революции, Ленин подчеркивал, что неизбежность всеобщей победы социализма будет обеспечена в конечном счете тем, что гигантское большинство на-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 380 (курсив нап. — Авт.).

² См. там же, стр. 381.

³ См. там же, стр. 377.

⁴ Там же, стр. 379, 381.

селения земли — Россия, Индия, Китай и т. п. — с необычайной быстротой втягивается в революционную борьбу за свое освобождение. Развитие стран Востока в общем и целом направилось по «общеευропейскому капиталистическому масштабу». Но для того, чтобы их борьба стала социалистической, эти государства, гораздо более отсталые, нежели Россия, по-восточному отсталые, где не сложился еще промышленный пролетариат, должны цивилизоваться¹.

Отмечая, что вовлечение в международную революцию новых сотен и сотен миллионов людей создает условия для громадного ускорения мирового развития, Ленин в то же время высмеял утверждения тех «вумных» социал-демократов, которые умозаклучили, будто этим расчетом «исключается из революционных сил пролетариат Европы и Америки»². Ни о каком умалении роли борьбы развитого пролетариата Запада не могло быть и речи. Дело было в другом: «европоцентризму» Каутского и других реформистских лидеров, впрочем уже подорванному победой русской революции, Ленин считал необходимым противопоставить четкую перспективу подлинно всемирной, глобальной революции.

Ленин при этом нисколько не преувеличивал степени зрелости революционного движения, коммунистических или близких к ним групп и организаций, которые в странах Востока еще только складывались. Его совет делегации Монгольской Народной Республики не спешить с «превращением» народно-революционной партии в коммунистическую³ имел значение не только для этой страны. IV конгресс Коминтерна записал, что коммунистические партии Востока, «находящиеся еще более или менее в зародышевом состоянии, должны участвовать во всяком движении, открывающем им доступ к массам», что пролетариату этих стран, чтобы подготовиться к роли политического вождя, предстоит долгая предварительная работа «над самим собой и смежными с ним общественными слоями», прежде всего крестьянством. Лозунг единого антиимпериалистического фронта и был призван способствовать развитию революционной воли и проявлению классового самосознания трудящихся масс в борьбе против империализма и отсталости⁴.

Предвидя, что сотням миллионов народов Азии «предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами», что в широкой перспективе «завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение», Ленин

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 402—404.

² Там же, стр. 174—176.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 233.

⁴ См. «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М., 1970, стр. 475—476.

снова подчеркивал особое значение в этой связи принципиального вопроса: «как понимать интернационализм?»¹

Для правильного подхода необходимо, считал он, различать «национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой». Со стороны первых интернационализм не должен ограничиваться соблюдением только формального равенства наций — это лишь первый шаг. Обязательно нужно идти дальше, создавая такое *неравенство*, «которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически». Нужно, продолжал Ленин, «возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации». Ленин был убежден, что «ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями». Он снова повторял, что невнимание, формальное отношение к национальному вопросу, малейшая грубость и несправедливость по отношению к нашим собственным малым народам способны нанести огромный вред не только СССР, но и международному освободительному движению, могут подорвать ту «принципиальную искренность», которая столь необходима для общей борьбы с империализмом².

В продиктованных статьях — «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» — Ленин развил *план построения социалистического общества в СССР*. Красной нитью через все эти работы проходила мысль о том, что Советский Союз имеет все необходимое для построения полного социалистического общества. Этот вывод вытекал из глубокого анализа соотношения классовых сил внутри страны и на международной арене. Ленин верил, что Советская страна сумеет собственными силами преодолеть технико-экономическую и культурную отсталость, догнать развитые капиталистические страны.

Центральная идея ленинского плана заключалась в следующем: необходимо создать крупную машинную индустрию как материальную базу нового общества, наладить экономическое сотрудничество рабочих и крестьян, перевести деревню на рельсы коллективного производства, по-новому организовать производство и распределение

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 358, 362.

² См. там же, стр. 358—362.

материальных благ, осуществить культурную революцию, всемерно развивать творческую инициативу масс.

Задачей социалистической индустриализации Ленин считал такое развитие крупной промышленности, и в первую очередь тяжелой индустрии, которое обеспечит перестройку всего народного хозяйства на основе передовой машинной техники, победу социалистических форм хозяйства, завоевание технико-экономической независимости страны. В отличие от капиталистической социалистическая индустриализация — такой социальный процесс, в ходе которого «не только численно растет рабочий класс, но и формируется его новое отношение к труду, новая психология хозяина производства, вырабатываются новые формы функционирования и развития производства — без капиталистов, без эксплуатации, по общенациональному плану, исключающему кризисы перепроизводства и анархию экономических взаимосвязей. А этого нигде в готовом виде от капитализма новый строй получить не может»¹.

Еще в конце 1920 г. Ленин в «Заметках об электрификации» сформулировал тезис: «Коммунизм = Советская власть + электрификация». Речь шла о развитии производительных сил на базе самой современной техники, централизации управления экономикой на основе общегосударственного плана, концентрации всех сил народа на решении задач индустриального развития, общем подъеме культуры трудящихся масс². «Только тогда, — говорил Ленин, — когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно»³. И крестьянство удастся лишь тогда перевести на социалистические рельсы, «когда имеешь сильнейшую крупную промышленность, способную дать мелкому производителю такие блага, что он увидит на практике преимущество этого крупного хозяйства»⁴. Индустриализация должна помочь преодолеть экономическую отсталость национальных районов страны, что является важнейшим условием достижения фактического равенства народов, создать прочную основу для укрепления обороноспособности страны.

Одна из особенностей социалистической индустриализации в СССР состояла в том, что советскому народу приходилось осуществлять ее в обстановке враждебного капиталистического окружения, опираясь исключительно на ресурсы своей собственной страны. Это создавало особые трудности в вопросе о накоплении средств. «Тяжелая индустрия, — подчеркивал Ленин на IV конгрессе Комин-

¹ Б. Н. Пономарев. Некоторые вопросы теоретической работы КПСС за 60 лет после Октябрьской революции. — «Проблемы мира и социализма», 1977, № 9, стр. 6.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 227.

³ Там же, стр. 159.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 26.

терна, — нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство, — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли»¹. Главным источником должны были стать внутрипромышленные накопления и отчасти внешняя торговля. Необходимо было оздоровить финансовую систему, стабилизировать рубль, организовать централизованное распределение ограниченных средств, направляя их на первоочередные объекты.

Новый общественный строй не мог базироваться на двух различных основах — крупном машинном производстве в городе и отсталом, малопроизводительном индивидуальном хозяйстве в деревне. Трудящиеся крестьяне тоже были заинтересованы в повышении производительности труда, в том, чтобы полученная в ходе революционных преобразований земля обеспечила им высокий жизненный уровень. Ленин всесторонне разработал вопрос о соотношении объективного и субъективного факторов в ходе социалистического преобразования крестьянского производства. Коллективный труд, считал он, сможет эффективно заменить труд мелких землевладельцев только тогда, когда возникнет экономическая потребность в таком превращении и появятся материальные условия для его осуществления. К числу важнейших экономических предпосылок относятся механизация сельского хозяйства, укрепление экономической смычки города и деревни. Вместе с тем Ленин неоднократно подчеркивал, что стихийно мелкий товаропроизводитель не встанет на социалистический путь развития и для решения этой задачи необходим ряд переходных ступеней. Социализм нужно строить «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете»².

Путь к преобразованию деревни Ленин видел в развитии кооперации, потребительской и производственной. «Положение кооперативов, — писал он еще весной 1918 г., — в корне принципиально меняется со времени завоевания государственной власти пролетариатом, с момента приступа пролетарской государственной власти к систематическому созданию социалистических порядков. Тут количество переходит в качество. Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм»³.

Возвращаясь к этой мысли, высказанной почти пять лет назад, Ленин, диктуя статью «О кооперации», заметил, что тем не менее на кооперацию обращалось недостаточно внимания, а многие практические работники до сих пор относятся к ней пренебрежительно. Между тем она имеет исключительное значение и с принципиальной сторо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 288.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 151.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 161.

ны, как одна из форм общественной собственности, и «со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*». Поэтому кооперацию нужно поддерживать всеми политическими и финансовыми средствами¹. Ленинский план кооперирования сельского хозяйства предусматривал добровольность, постепенность, использование примера и убеждения.

Вопрос о кооперации Ленин ставил не только применительно к сельскому хозяйству, но и имея в виду общую задачу подъема культуры. Обращаясь к давним «мечтаниям старых кооператоров», начиная с Роберта Оуэна, Ленин напомнил, что в их планах «мирного преобразования социализмом» современного им капиталистического общества без классовой борьбы, без свержения господства эксплуататоров и завоевания политической власти рабочим классом было много фантастического и романтического. Но совсем иначе выглядят эти идеи в условиях, когда государственная власть уже находится в руках рабочего класса и ей принадлежат все средства производства. В этом случае «строй цивилизованных кооператоров» — «это есть строй социализма». Такой подход, считал Ленин, означает «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм», поскольку центр тяжести переносится внутри страны (если отвлечься от задач борьбы с международным империализмом) на мирную организационно-культурную работу. Но задача эта — труднейшая и для ее решения потребуются «целая полоса культурного развития всей народной массы», даже «целая историческая эпоха», которую можно пройти в лучшем случае в одно-два десятилетия. Ибо «полное кооперирование невозможно без целой культурной революции»².

Ленин понимал культурную революцию не только как систему просветительских мер, обеспечивающих всеобщую грамотность, хотя это само по себе имело тогда величайшее значение. В этой связи он подчеркивал, что народный учитель должен быть «поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе»³. Необходимыми условиями проведения культурной революции он считал государственную власть пролетариата во главе с марксистско-ленинской партией, освобождение культуры от идеологии эксплуататорских классов, преемственную связь с культурой прошлого, формирование новой, социалистической, народной интеллигенции, преодоление культурной противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, единство социалистического содержания и национальной формы культуры, интернационализм и народность социалистической культуры. Острая идеологическая борьба при проведении культурной револю-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 370.

² Там же, стр. 372, 373, 376.

³ Там же, стр. 365.

ции неизбежна, ибо в процессе ее происходит формирование нового человека, его социалистического облика, гуманистических нравственных форм и широких общественных интересов¹.

Ленин призывал партию осуществлять руководство культурной революцией на основе глубокого проникновения в законы развития культуры, бережного сохранения тех завоеваний человеческой мысли, которые достались пролетариату в наследство от предшествующих эпох. Головокружительная быстрота, характерная для революционного перехода от царизма к советскому строю, неприменима в сфере культуры. Главной задачей Ленин объявил: «во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой... действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»².

Удастся ли, однако, Советскому Союзу «продержаться» до той поры, пока передовые капиталистические страны «завершат свое развитие к социализму»? — прямо поставил Ленин мучивший его самый острый вопрос. «Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны?» Международный революционный процесс явно не происходит путем равномерного «вызревания» социализма в развитых странах. Вместе с тем усиливается эксплуатация одних государств другими, обостряются все противоречия и конфликты. В этих условиях «мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства». Необходим режим величайшей экономии, нужно изгнать из всех общественных отношений, в том числе из государственного аппарата, следы каких-либо излишеств.

Но «не будет ли это царством крестьянской ограниченности?» Нет, отвечал Ленин. «Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее». А это даст возможность «переселить, выражаясь фигурально... с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь... крупной машинной индустрии, электрификации»³.

Ту глубокую убежденность, что «из России неповской будет Россия социалистическая»⁴, которую Ленин выразил в своем последнем публичном выступлении, он снова высказал и в последних

¹ См. «Великий Октябрь и современный мир». Прага, 1977, стр. 18—19.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 389—391.

³ Там же, стр. 402—405.

⁴ Там же, стр. 309.

строках продиктованных им статей. В России есть, говорил он, все необходимое для построения полного социалистического общества — диктатура пролетариата, союз рабочего класса и крестьянства, руководящая роль рабочего класса в этом союзе, общественная собственность на основные средства производства. Это, добавил он, «еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»¹.

Все последние выступления, письма и статьи Ленина проникнуты заботой о совершенствовании советского государственного аппарата, об улучшении партийного руководства обществом и государством. Он был убежден, что коммунистическая партия способна успешно решить самые сложные задачи: «Наша партия, маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны, за это взялась. Это зернышко поставило себе задачей переделать все, и оно переделает. Что это не утопия, а что это дело, которым живут люди, мы это доказали»². Для того чтобы еще больше повысить авторитет центральных органов РКП(б) как коллективных руководителей партии и страны, Ленин настоятельно рекомендовал существенно расширить состав ЦК и ЦКК, привлечь в них новые силы, прежде всего из числа рабочих-коммунистов, реорганизовать Рабоче-Крестьянскую инспекцию (Рабкрин) путем «своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским»³. Самым важным при этом Ленин считал, чтобы «лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, — не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы»⁴.

К вопросу о предотвращении возможного раскола Центрального Комитета Ленин подошел и с точки зрения личных качеств его видных членов. В «Письме к съезду» он выразил по сути дела политическое недоверие Троцкому, предупредил об идейной неустойчивости Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова. Он отметил, что «Сталин слишком груб, и этот недостаток... становится нетерпимым в должности генсека». Высказав опасение, что Сталин, сосредоточив в своих руках большую власть, не сумеет правильно пользоваться ею, Ленин советовал заменить его на этом посту человеком, «который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.»⁵ Будущее показало, сколь прозорливо предвидел Ленин грозившие опасности.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 370.

² Там же, стр. 308.

³ Там же, стр. 399.

⁴ Там же, стр. 391.

⁵ Там же, стр. 344—346.

Последние выступления, статьи и письма Ленина по богатству содержащихся в них мыслей, по важности выдвинутых и развитых в них теоретических положений, по практической значимости советов и рекомендаций занимают выдающееся место в ленинском идейном наследии. Данное в них обоснование генеральной линии Коммунистической партии, рассчитанной на победу социализма, определило путь СССР на десятилетия вперед. История подтвердила и ленинские прогнозы развития мирового революционного движения.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС 1923 г. В ГЕРМАНИИ

Империалистические противоречия между странами-победительницами и странами, побежденными в первой мировой войне, не устраненные Версальской системой, заметно обострились к концу 1922 г. На почве неурегулированных споров о репарациях стал назревать открытый конфликт между Германией и Францией. Правительство Пуанкаре, стремясь упрочить гегемонию Франции в Европе, все резче выражало недовольство затяжкой репарационных платежей, требовало от Германии предоставления «продуктивных залогов», угрожало применением санкций. В то же время между монополистами Франции и Германии — представителями «Комите де форж» Шнейдером и де Ванделем, с одной стороны, и магнатами германской тяжелой промышленности во главе с Гуго Стиннесом — с другой, продолжался торг относительно создания угольно-металлургического концерна, который соединил бы лотарингскую руду с рурским углем. Но Стиннес требовал прекращения оккупации Рейнской области, отмены военных ограничений Версальского мира, ревизии репараций, а французы хотели получить 60% акций концерна, тогда как немцы в лучшем случае соглашались на паритет. Срыв переговоров французская буржуазия и военщина расценили как сигнал к действиям.

Германское правительство, во главе которого с ноября 1922 г. стоял генеральный директор Гамбургской пароходной компании, доверенное лицо банкиров В. Куно, в свою очередь усилило националистическую пропаганду. Это было самое реакционное правительство со времени Ноябрьской революции, действовавшее и во внешней и во внутренней политике по указке монополий. Оно встало на путь демонстративной задержки репарационных поставок, в результате чего годовые обязательства Германии было невыполнены на 12—16%. Бросив вызов Франции, кабинет Куно предпринимал шаги для привлечения американцев в качестве международных арбитров.

Великобритания, выступавшая за сокращение германских репарационных обязательств и предоставление Германии длительного моратория, вместе с тем исподволь подталкивала Францию на одностороннее применение санкций, рассчитывая, что такие действия

кончатся неудачей и ослабят французского конкурента. Правительство и монополии США, радуя за «восстановление экономики Германии», заявляли себя сторонниками международного урегулирования.

По обе стороны Рейна реакционные круги нагнетали военно-популистический психоз. С несущественными оговорками эту кампанию поддерживали немецкие и французские правые социалисты. Активно противодействовали опасности нового военного конфликта лишь коммунисты обеих стран, разоблачавшие происки империалистов. 6—7 января 1923 г. в центре Рура — Эссене состоялась совместная конференция КПГ и КПФ с участием коммунистов Бельгии, Великобритании, Италии, Нидерландов, Чехословакии. На ней выступали К. Цеткин, В. Штёккер, М. Кашен, Г. Монмуссо и др. Приняв общую программу действий, братские партии выразили решимость развернуть самую энергичную борьбу против угрозы оккупации Рура. В обращениях к немецким и французским пролетариям коммунисты разъясняли, что буржуазия обеих стран ведет спор из-за раздела добычи, но каждая намерена еще сильнее душить собственных рабочих ¹. И в Германии, и во Франции активизировались реакционно-националистические и фашистские организации.

11 января 1923 г. французские и бельгийские войска вступили в Рурский бассейн, оккупировали Эссен, Гельзенкирхен, Буэр, затем Бохум и Дортмунд. Они заняли территорию с почти 3 млн. жителей. Здесь добывалось 72% угля, производилось более 50% чугуна и стали, было сконцентрировано около $\frac{1}{4}$ промышленных рабочих Германии. Так империалисты Франции и Бельгии осуществили давно задуманный ими план овладения крупнейшим промышленным центром Европы. Возник самый острый со времени окончания мировой войны кризис в отношениях между ведущими европейскими державами.

В то время как правящие круги Англии и США не спешили с урегулированием опасного конфликта, рассчитывая извлечь из него выгоду, Советский Союз уже 13 января 1923 г. осудил агрессию Франции и Бельгии. Обращение ВЦИК к народам мира напоминало, что рабоче-крестьянская Россия всегда протестовала против «жесточкого безумия Версальского мира». В момент, когда «мир снова ввержен в состояние предвоенной лихорадки» и «искры сыплются в пороховой погреб», Советская Россия поднимает «голос негодующего протеста против безумной политики империалистической Франции и ее союзниц. Снова и с особой энергией она протестует против подавления

¹ Подробнее см.: *Е. Л. Рабкин. Братское единство Французской и Германской компартий в борьбе против милитаризма, фашизма и войны.* М., 1962; *H. Köller. Kampfbündnis an der Seine, Ruhr und Spree. Der gemeinsame Kampf der KPF und KPD gegen die Ruhrbesetzung 1923.* Berlin, 1963, S. 61—68.

права германского народа на самоопределение... предостерегает... народы мира от нависшей над Европой угрозы кровопролитий»¹.

Тем временем как национальная, так и социальная конфронтация обострялись. Правительство Куно объявило 13 января о прекращении репарационных поставок и обязало всех немцев оказывать оккупантам «пассивное сопротивление». Добыча угля сократилась, транспорт был парализован. Франция ответила усилением репрессий и вскоре отгородила Рурскую область таможенной границей.

Для рабочего класса обеих стран конфликт был серьезным испытанием их революционно-политической зрелости и верности принципам интернационализма. Германские коммунисты, выступая за единые действия, опирались прежде всего на революционные производственные Советы (фабзавкомы). Еще в ноябре 1922 г. общегерманский съезд фабзавкомов, в работе которого участвовали также представители СДПГ, НСДПГ и беспартийные, противопоставил реакционной политике правительства конкретную боевую программу, требовавшую обуздания инфляции и обнищания, возложения тягот Версаля на имущие слои населения, ограничения действий контрреволюционных сил. Когда началась оккупация Рура, КПГ выдвинула лозунг: «Бейте Пуанкаре на Руре и Куно на Шпрее!» Она выступала за создание рабочего правительства, вооружение рабочих и разоружение реакционных организаций, контроль фабзавкомов над производством.

Лидеры социал-демократии, срывая единство действий, снова выступили в роли проповедников «классового мира» и «национального единения». Но «фронт национального единства», к созданию которого призывало правительство Куно, был с самого начала непрочным. Классовые противоречия проявлялись не только на Руре, но и в Силезии, где прекратили работу 40 тыс. горняков, в Саарской области, где бастовали 70 тыс. шахтеров. Стали создаваться пролетарские сотни самообороны. Рабочие контрольные комиссии фабзавкомов, которых насчитывалось около 800, вскрывали происки реакционеров и следили за обеспечением рабочих продовольствием; активизировались комитеты безработных². Когда 31 марта на заводе Круппа в Эссене оккупационные войска расстреляли рабочего шестивое (было убито 13, ранено более 30 рабочих), бурные демонстрации протеста прокатились по всей Германии.

В Париже и других городах Франции рабочие тоже демонстрировали под лозунгами: «Долой оккупацию Рура!», «Да здравствует мир с германскими трудящимися!» Усилились репрессии: в тюрьмы были брошены Г. Монмуссо, П. Сема, Г. Пери, подвергался гонениям М. Кашен, лишенный депутатской неприкосновенности. Коммунисты создавали вместе с УВКТ местные комитеты действия, которые объе-

¹ «Документы внешней политики СССР», т. VI. М., 1962, стр. 150—152.

² См. «Jahrbuch für Wirtschaft, Politik und Arbeiterbewegung 1923/24». Berlin, 1924, S. 589.

диняли антивоенные выступления с борьбой за повседневные нужды рабочих, развернули работу в армии, поощряя братание французских солдат с немецкими трудящимися. Первомайские демонстрации в Париже привели к столкновению с полицией. Руководство СФИО осудило оккупацию Рура, но, отвергая массовую борьбу совместно с коммунистами, оно вместо разоблачения империалистического характера политики Пуанкаре ограничилось критикой ее с позиций буржуазного пацифизма.

Исполком Коминтерна и Исполбюро Профинтерна в открытом письме ко Второму, Венскому и Амстердамскому Интернационалам призывали организовать совместные международные выступления рабочих против военной опасности, вызванной оккупацией Рура. Предлагалось провести в Берлине совещание представителей всех Интернационалов, чтобы обсудить одновременно также меры борьбы с фашизмом и поддержку итальянского пролетариата, а 31 января 1923 г. начать массовую забастовку против фашизма и войны¹.

Однако созданный социал-демократами на конференции в Гааге Комитет борьбы против войны и милитаризма пришел к выводу, что провести «действенные акции рабочих против оккупации Рура» чрезвычайно трудно из-за «имеющихся разногласий» и националистической пропаганды. Идея генеральной забастовки была похоронена, а вместо нее рекомендовано в сотрудничестве с Лондонским и Венским Интернационалами «воздействовать на правительства», чтобы решение конфликта было передано Лиге наций. Секретарь МФП Э. Фиммен известил Коминтерн и Профинтерн, что совместные действия невозможны из-за «отсутствия взаимного доверия». Вместе с тем в самом руководстве Амстердамского Интернационала возникли разногласия. В то время как Я. Удегест заявил, что генеральная забастовка не состоится также и потому, что «общественное мнение» считает Германию виновной, Фиммен в статье «Черный январь» с сожалением признал, что из-за национальных разногласий упущена возможность противодействовать империализму и милитаризму².

1 марта французские и немецкие коммунисты выпустили воззвание к трудящимся всех стран. «Снова весь рабочий класс Европы стоит перед опасностью войны», — говорилось в нем. «Фашистские банды организуют гражданскую войну против рабочего класса... мы обращаемся с призывом к рабочим в городе и деревне создать интернациональный классовый фронт пролетариата... Долой грабительскую империалистическую политику! Да здравствует международная солидарность эксплуатируемых!»³

¹ «Internationale Presse-Korrespondenz» («Inprekorr»), 1923, Nr. 11, 17.

² Этим выступлением Э. Фиммен навлек на себя недовольство руководства и вскоре ушел из МФП (см. *L. Lorwin. Labor and Internationalism. New York, 1929, p. 244, 246—247*).

³ «Die Rote Fahne», 1.III.1923.

17—20 марта 1923 г. во Франкфурте-на-Майне по инициативе рейнско-вестфальских фабзавкомов была проведена международная конференция компартий, революционных профсоюзов, фабзавкомов Германии, Франции, Болгарии, Англии, Индии, Италии, Нидерландов, Австрии, Польши, Швейцарии, Чехословакии, СССР и других стран. Хотя реформистские Интернационалы и партии отказались в ней участвовать, ряд местных организаций СДПГ и НСДПГ прислал делегатов. Коминтерн был представлен В. Коларовым, Профинтерн — С. А. Лозовским. Конференция призвала массы к борьбе единым фронтом против превращения экономической войны на Руре в новую империалистическую войну. «Опасность войны, — говорилось в принятом конференцией Манифесте, — увеличивается благодаря выступлениям воинствующего фашизма. Фашизм ставит себе целью разгром рабочих организаций и превращение рабочих в подневольных рабов капитала»¹. Участники конференции высоко оценили солидарность, проявленную компартиями Германии и Франции. Созданный Международный комитет действия против опасности войны и фашизма возглавили Клара Цеткин, Фриц Геккерт, Анри Барбюс. Профсоюзы транспортников, горняков, металлистов образовали свои международные комитеты.

Мероприятия Комитета действия находили отклик у рабочих Германии и других стран. С 15 апреля по 1 мая был проведен всемирный двухнедельник пропаганды против опасности войны и фашизма. В Германии, Франции, Англии, Чехословакии прошли митинги, участники которых призывали к сплочению всех трудящихся.

Май принес дальнейшее обострение ситуации в Германии. В ряде городов состоялись голодные и антивоенные марши. Снова поднялась стачечная волна. Особенно значительной была руководимая коммунистами и синдикалистами забастовка 380 тыс. горняков, металлургов и металлистов Рура. Экономическая борьба переросла в политическую. В ряде городов дело дошло до уличных боев. В то время как милитаристские и фашистские группы усиливали террор, прусский министр внутренних дел социал-демократ К. Зеверинг запретил сотни пролетарской самообороны. Местные власти неоднократно обращались к французским оккупационным властям за помощью, подтверждая тем самым, что классовая солидарность капитала выше национального соперничества².

Летом инфляция достигла неслыханных масштабов и продолжала расти. Чудовищный рост цен, дезорганизация торговли и производства, спекуляция, безработица доводили рабочих, служащих, городские средние слои до полного отчаяния. Возмущение политикой

¹ «Международное рабочее движение», 1923, № 9, стр. 1—2.

² См. G. Hortschansky. Der nationale Verrat der deutschen Monopolherren während des Ruhrkampfes 1923. Berlin, 1961, S. 190, 199—206.

правительства Куно охватило самые широкие слои народа. Этими настроениями попытались воспользоваться реакционно-националистические, милитаристские и террористические организации, среди которых стала выдвигаться на первый план нацистская партия Гитлера.

В конце января 1923 г. в Мюнхене состоялся первый общегерманский съезд Германской национал-социалистской рабочей партии. В параде штурмовиков, шествовавших с оркестрами и штандартами, участвовало около 5 тыс. человек. Адольф Гитлер истерически призывал к борьбе с «предателями Германии», имея в виду не только «марксистов» (как он называл социал-демократов и коммунистов), но и республиканское правительство. В канун Первой фашисты наметили вооруженное нападение на рабочую демонстрацию в Мюнхене. Однако дружное шествие рабочих и опасения военных, что массовый расстрел рабочих вызовет взрыв негодования, привели к провалу фашистской авантюры. Тем не менее нацисты подобные действия продолжали. Летом при посредстве бывшего летчика Германа Геринга, ставшего командующим штурмовыми отрядами, еще более упрочились контакты фашистов с рейхсвером и с влиятельными военно-националистическими союзами. Именно в это время нацистскую партию начал финансировать крупнейший промышленный магнат Ф. Тиссен. В условиях французской оккупации и дальнейшего ухудшения экономического положения шовинистическая пропаганда и социальная демагогия фашистов стали находить больший отклик, прежде всего в кругах бывших фронтовиков, мелкой буржуазии. Нападая на рабочих, они провоцировали кровавые столкновения¹.

В ответ на активизацию сил реакции 29 июля по инициативе коммунистов в Германии был проведен антифашистский день. Несмотря на запрещение демонстраций в Пруссии и других землях, сопротивление лидеров социал-демократии и профсоюзов, в шествиях и митингах участвовали сотни тысяч трудящихся, в том числе беспартийные и социал-демократические рабочие. Еще накануне ЦК КПП обратился со специальным воззванием «К трудящимся средним слоям, служащим и крестьянам Германии», призывая их к совместным действиям с рабочими против магнатов Угольного синдиката и Стального треста, против юнкеров и фашистов. Особенно мощные демонстрации состоялись в Средней Германии, прежде всего в Саксонии и Тюрингии. «Разбить свастику — следовательно, долой Куно... — таков был клич масс во время антифашистских демонстраций», — писала одна из рабочих газет². Волна забастовок охватила

¹ Подробнее см.: Л. И. Гинцберг. Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма (1919—1923 гг.). М., 1978, стр. 78—98; «История фашизма в Западной Европе». М. 1978, стр. 153—161.

² Цит. по: Л. И. Гинцберг. Указ. соч., стр. 114.

Рур, Рейнскую область, Гамбург, Любек, Среднюю Германию, Берлин, Силезию ¹.

10 августа 1923 г. фракция КПП в рейхстаге внесла вотум недоверия кабинету Куно. На следующий день Берлинский комитет революционных фабзавкомов на многотысячном собрании объявил трехдневную забастовку, в которой приняли участие почти все предприятия столицы. 12 августа ЦК КПП и Всегерманский комитет революционных фабзавкомов призвали всю страну присоединиться к всеобщей забастовке. Призыв нашел широкий отклик. В течение дня прекратили работу более 3 млн. рабочих. Обстановка походила на ту, какая сложилась три года назад, в дни отражения Капповского путча.

Правительство Куно вынуждено было уйти в отставку. Однако влиятельные круги буржуазии, действуя вместе с правыми лидерами социал-демократии, сумели помешать образованию рабочего или рабоче-крестьянского правительства. Было сформировано правительство «большой коалиции», которое возглавил искусный буржуазный политик Г. Штресеман ². Отклонив советы крайне правых провозгласить открытую военную диктатуру, Штресеман, близкий к Стиннесу, решил осуществить «сильную власть» конституционными средствами, используя помощь вошедших в его кабинет правых социал-демократов. Встав на путь капитуляции перед французским империализмом и заявив о прекращении «пассивного сопротивления», Штресеман сосредоточил все силы на подавлении массового движения германских рабочих. Был объявлен распущенным Всегерманский комитет фабзавкомов, а затем Зеверинг запретил и Берлинский комитет.

В середине сентября стачечная борьба снова усилилась. В Берлине и других городах голодные демонстрации привели к стычкам с полицией. В то время как в Дрездене и Лейпциге маршировали рабочие сотни самообороны, в Нюрнберге устроили 75-тысячное вооруженное шествие фашистские и другие реакционно-националистические организации. Активизировались буржуазно-сепаратистские круги в Рейнской области и Баварии, но рабочие разогнали их сборища; в Кюстрине произошел путч нелегального, «черного» рейхсвера. 26 сентября президент Эберт ввел во всей стране чрезвычайное положение. Действие демократических свобод и гарантий было приостановлено, исполнительная власть перешла в руки командующего рейхсвером генерала фон Секта. Правительство готовилось не столько к вооруженному подавлению выступлений правых путчистов, сколько к разгрому революционных рабочих.

КПП видела, что возмущение трудящихся политикой правящих кругов нарастает, в стране развивается революционный кризис,

¹ Подробнее см.: М. И. Орлова. Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика Коммунистической партии. М., 1973.

² См. W. Ruge. Stresemann. Ein Lebensbild. Berlin 1965.

надвигаются серьезные бои ¹. Участие широких рабочих масс в генеральной забастовке, опрокинувшей правительство Куно, компартия считала доказательством их готовности подняться по ее призыву на борьбу за власть. ЦК создал Военный совет, на который было возложено руководство формированием пролетарских сотен, их вооружение, составление планов вооруженного восстания.

На совещании представителей компартий Германии, Франции, Чехословакии и РКП(б) в Москве в конце сентября, созванном ИККИ для обсуждения положения в Германии, Брандлер нарисовал весьма радужную картину готовности КПП к вооруженным действиям, утверждая, что захват власти германским пролетариатом не встретит серьезного сопротивления. Правда, Эберлейн предостерегал от преувеличений, а Тельман считал данную Брандлером оценку обстановки нереалистичной, не учитывающей положение во всей стране, где пролетарские сотни не готовы к вооруженным действиям, не всегда имеют оружие. Но Зиновьев больше прислушивался к мнению «ультралевых», которые, не довольствуясь лозунгом рабоче-крестьянского правительства и фактически отвергая тактику единого фронта, требовали выдвижения задачи прямой борьбы за диктатуру пролетариата и Советскую власть. В результате революционная зрелость ситуации была преувеличена, а силы противника недооценены. Не был в полной мере учтен тот факт, что большинство рабочего класса оставалось под влиянием лидеров социал-демократии и реформистских профсоюзов. Вывод совещания, что в Германии в ближайшее время начнется решающая борьба за пролетарскую власть, нашел отражение и в тезисах «Грядущая германская революция и задачи РКП», написанных в основном Зиновьевым и принятых 23 сентября Пленумом ЦК РКП(б) ².

Между тем путь к завоеванию коммунистами руководящей роли в борьбе рабочего класса вел в то время только через развитие тактики единого пролетарского фронта, агитацию за создание рабочего правительства. 1 октября 1923 г. ИККИ вместе с представителями КПП принял решение о целесообразности вступления коммунистов в рабочие правительства Саксонии и Тюрингии ³. Возглавлявшие их левые социал-демократы уже несколько раз начинали об этом перегово-

¹ См. «Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Abriß». Berlin, 1978, S. 47.

² См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, стр. 207—210.

³ В мотивировке участия тоже содержалась преувеличенная оценка возможностей: «Так как, согласно нашему суждению о положении, решительный момент наступит не позже чем через 4—5—6 недель, мы считаем необходимым немедленно занять все позиции, овладение которыми может оказаться полезным». — «Inprekorr», 1924, Nr. 22, Sondernummer, S. 246.

10 октября 1923 г. в Саксонии было образовано рабочее правительство во главе с Э. Цайгнером из пяти левых социал-демократов и двух коммунистов (Ф. Геккерт и П. Бётхер). Через шесть дней было создано аналогичное правительство в Тюрингии¹. Однако эти правительства не справились со стоявшими перед ними задачами. В то время как социал-демократические министры уклонялись от проведения решительных мероприятий, коммунисты не сумели настоять на осуществлении хотя бы самых главных шагов — вооружения рабочих, чистки государственного аппарата, облегчения бедственного положения трудящихся. Это не позволило мобилизовать на энергичные действия рабочих, безработных, крестьян, представителей городских средних слоев.

К концу октября 1923 г. социально-политическая обстановка в стране стала еще более напряженной. В то время как правительство Штреземана готовило военный разгром рабочих Саксонии и Тюрингии, а КПП вела усиленную подготовку к общегерманскому вооруженному восстанию, на заседании ЦК КПП в Дрездене 20 октября было принято решение о проведении общегерманской генеральной забастовки, которая должна была перерасти в вооруженное восстание с целью свержения правительства Штреземана и создания рабоче-крестьянского правительства. Военный план предусматривал, что восстание начнут в ночь на 23 октября рабочие Гамбурга и это дезориентирует рейхсвер, нацеленный на Саксонию и Тюрингию, где было сосредоточено более $\frac{1}{2}$ пролетарских сотен и где предполагалось развернуть основную борьбу. Этот район вооруженного восстания образует революционное средостение между фашизмом на юге (в Баварии) и контрреволюцией на севере (в Пруссии). Призыв к генеральной забастовке должен был исходить от конференции революционных фабзавкомов, контрольных комиссий и других пролетарских организаций Саксонии в Хемнице, на которую были приглашены также представители Баварии, Брауншвейга и других земель².

В день открытия конференции, 21 октября, стало известно, что части рейхсвера уже двигаются в Саксонию. Пролетарские сотни Хемница и других центров были подняты по тревоге. На совещании фракции КПП Хемницкой конференции было сообщено о принятом накануне решении ЦК начать вооруженное восстание; курьеры разъехались на места. Когда же в конце дня Брандлер от имени КПП предложил конференции немедленно объявить генеральную забастовку, это явилось неожиданностью для социал-демократов и беспартийных делегатов. Поскольку вопрос не был заранее согласован даже с ле-

¹ См. М. И. Орлова. Указ. соч., стр. 332—333.

² Подробнее см.: Д. С. Давидович. Революционный кризис 1923 г. в Германии и Гамбургское восстание. М., 1963, стр. 134—136, 156; Н. Habedank. Zur Geschichte des Hamburger Aufstandes 1923. Berlin, 1958; «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3, S. 408—437.

выми социал-демократами, его передали в комиссию. Тогда Брандлер и Тальгеймер сами приняли решение: отложить и стачку, и вооруженное восстание. В Гамбург был направлен второй курьер, но он прибыл уже тогда, когда восстание там началось.

Гамбургские коммунисты под руководством Э. Тельмана основательно готовились к предстоящим боям. 21 октября конференция судостроительных рабочих, на которой были представлены все пролетарские организации и партии, постановила начать всеобщую стачку на всем северогерманском побережье. Вечером гамбургская организация КПГ одобрила план вооруженного восстания, который предусматривал внезапные нападения рабочих групп на полицейские участки, разоружение полиции, концентрический поход отрядов к центру города для овладения главными стратегическими объектами¹.

Начавшееся на рассвете 23 октября восстание привело в первые же часы к занятию 17 из 50 полицейских участков, захвату 170 винтовок и боеприпасов. Но успешные действия отдельных групп не выросли в общее планомерное наступление. Штурм полицейской казармы в Вапдсбеке и продвижение к центру не состоялись. В пролетарских предместьях северной части Гамбурга рабочие интенсивно возводили баррикады, но многотысячные массы пролетариев, солидарные с повстанцами и вышедшие на улицы, почти не были привлечены к захвату оружия и активным действиям, в которых участвовало лишь 300 смелых вооруженных бойцов. Сказались организационная слабость коммунистов, отсутствие сколько-нибудь прочного единого фронта. Силы повстанцев были сконцентрированы в рабочем районе Бармбек, где находился штаб Тельмана. В ожесточенных схватках с наступавшей полицией здесь применялась гибкая маневренная тактика партизанской борьбы. Все время ощущалась острая нехватка оружия, тогда как полиция не только имела численное превосходство, но и располагала пулеметами, бронемашинами, грузовиками, самолетом-разведчиком.

Запоздалое указание из Хемница отложить выступление дезориентировало как уже боровшихся рабочих, так и тех, кто готовился вступить в борьбу. В результате на второй день восстания бои происходили лишь в трех районах города. Однако полиции, насчитывавшей 5 тыс. человек и получившей подкрепление с военных кораблей, не удалось сломить сопротивление повстанческих групп. Лишь к вечеру 25 октября, когда стало ясно, что выступление Гамбурга осталось изолированным, руководители восстания дали распоряжение организованно прекратить борьбу².

¹ См. «Очерки по истории вооруженных восстаний», т. 2, вып. I. М.—Л., 1931, стр. 78—80.

² См. там же, т. 2, вып. I, стр. 89—97; Д. С. Давидович. Указ. соч., стр. 220—265; W. Ruge. Deutschland 1917—1933. Berlin, 1974, S. 233—234; «Ernst Thälmann. Eine Biographie». Berlin, 1979, S. 172—186.

Героическое Гамбургское восстание не сумело развернуться в массовую борьбу пролетариата за власть и окончилось неудачей. Тем не менее, как писал позднее Э. Тельман, оно было «более плодотворно и ценно для будущих классовых боев, нежели отступление без единого удара меча». Жертвы были принесены «не только во имя создания большевистской партии в Германии, но и во имя будущего всего рабочего класса»¹.

После подавления выступления гамбургского пролетариата правительство Штресемана потребовало отставки правительства Цайгнера в Саксонии, где части рейхсвера уже чинили суд и расправу. Когда оно отказалось уйти в отставку, его сместили силой. Пало и рабочее правительство в Тюрингии. Реакционные силы подняли голову. В Мюнхене баварский диктатор Г. Кар хотел превратить Баварию в оплот реакции даже ценой отрыва ее от остальной Германии. Гитлер, мечтавший о роли немецкого Муссолини, 8 ноября провозгласил в пивной «Бюргерброй» (где собралась баварская элита и куда ворвались вооруженные штурмовики) начало «национальной революции» и «марша на Берлин» для свержения республиканского правительства. Однако Кар и генералитет, сначала поддерживавшие путч, осознав его бесперспективность, отвернулись от нацистов. Их вооруженная демонстрация 9 ноября, приведшая к кровавым столкновениям, была разогнана полицией. Гитлер и генерал Людендорф были арестованы, нацистская партия запрещена. Одновременно была запрещена и деятельность компартии.

Провал «пивного путча» свидетельствовал о том, что фашистское движение еще не стало внушительной силой, а антикапиталистическая демагогия нацистов пугала многих буржуа. Власть имущие в Германии пока вполне полагались на традиционные средства борьбы с революционным движением — на рейхсвер и на сотрудничество с правыми лидерами социал-демократии (хотя те и ушли из правительства). Впрочем, Гитлера недолго держали в крепости, а отдельные магнаты капитала вслед за Тиссенем уже начали финансировать его партию, видя в ней важный резерв, который мог пригодиться в будущем².

Неудача революционных боев осени 1923 г. серьезно и надолго обострила отношения между коммунистами и социал-демократами. Если до этих боев довольно влиятельные центристские и левые круги под давлением пролетарских масс шли время от времени на совместные акции с коммунистами, то теперь в социал-демократии полностью взяли верх антикоммунистические настроения. В КППГ, которая перешла на нелегальное положение, у руководства встали «ультра-левые», отвергавшие любые соглашения с социал-демократами и по-

¹ Э. Тельман. Избранные статьи и речи, т. I. М., 1957, стр. 183, 185.

² См. Л. И. Гинцбург. Указ. соч., стр. 148—166; «История фашизма в Западной Европе», стр. 158—161.

литику единого фронта. Более того, они объявили социал-демократическую партию «фракцией фашизма» и выдвинули задачу ее политического уничтожения. Компартия не достигла еще идейно-политической зрелости, ей только предстояло усвоить опыт ленинизма, чтобы стать настоящей партией нового типа ¹.

АНТИФАШИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ В БОЛГАРИИ

В Болгарии с мая 1920 г. правительство возглавлял лидер Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) Александр Стамболийский, выдвинувший сословную теорию и пытавшийся осуществить идею самостоятельной крестьянской власти. Поскольку крестьянское сословие, считал он, составляет 80% населения, оно само должно управлять государством, а улучшить бедственное положение крестьян можно путем развития кооперации. Правительство провело ряд демократических реформ, которые, хотя и не затрагивали основ капиталистической системы, существенно задевали интересы крупной финансовой и торгово-промышленной буржуазии. Такими были принятые летом 1920 г. законы о трудовой повинности и особенно о прогрессивно-подходящем налоге, а также закон 1921 г. о трудовой земельной собственности, установивший земельный максимум в 30 га. Вместе с тем сословная идеология БЗНС, противостоявшая теории классовой борьбы, была враждебна революционной борьбе рабочих, а правые круги БЗНС толкали его к сотрудничеству с буржуазными партиями.

Тем временем в стране происходили важные социально-экономические сдвиги. Пролетариат превращался в значительную общественную силу. Возрастание абсолютной и относительной численности и концентрации промышленных рабочих (в первую очередь табачников, шахтеров), которых в 1920 г. было в 2,5 раза больше, чем в 1910 г., вместе с повышением их грамотности и культуры создавало благоприятные объективные условия для дальнейшего развития революционного движения пролетариата ².

Профессиональная организованность рабочих повысилась почти исключительно за счет революционных профсоюзов. Центристское течение в профсоюзном движении почти полностью исчезло: его сторонники вместе с левыми из социал-демократической партии и примыкавших к ней профсоюзов перешли в конце 1920 г. в ряды БКП (т. с.) и в революционное профобъединение (ОРСС) ³. Лишь сре-

¹ См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3, S. 436—437.

² См. М. А. Бирман. Формирование и развитие болгарского пролетариата. М., 1980, стр. 258—260.

³ И. Йотов. Центризъмът в българското социалистическо движение. София, 1969, с. 372—418; «История на профсъюзното движение в България». София, 1973, с. 266—269.

ди железнодорожников, ремесленных рабочих и мелких служащих сохранилось влияние реформистских профсоюзов. БКП и ОРСС создали многочисленные партийные и профсоюзные школы, в которых передовые рабочие изучали марксистскую теорию и практический опыт классовой борьбы, накопленный в послевоенные годы. Оживилась стачечная борьба рабочих, которые отстаивали 8-часовой рабочий день, протестовали против локаутов и снижения зарплат.

Охвативший Болгарию в 1921 г. экономический кризис усилил классовые противоречия. Перешедшая в наступление против рабочих буржуазия в ряде случаев получала поддержку со стороны правительства БЗНС. Но в 1922 г., когда реакция, пытаясь использовать в своих интересах также остатки находившихся в стране русских врангелевцев, стала угрожать правительству Стамболийского, между БЗНС и БКП установилось фактическое сотрудничество.

В эти годы БКП постепенно преодолевала традиционное для партии игнорирование крестьянства как возможного союзника пролетариата в борьбе с реакционной буржуазией. Еще с 1920 г. партия стала издавать специально для крестьян и сельскохозяйственных рабочих газету «Селски вестник». В феврале 1921 г. Ленин дал посетившему его Г. Димитрову совет: «Остерегайтесь увлечений, действуйте трезво, неутомимо готовьтесь для обеспечения победы революции и в вашей стране». Он рекомендовал серьезно заняться организацией самого рабочего класса, создать союз рабочих и крестьян, вести работу среди солдат¹. Руководствуясь решениями II конгресса Коминтерна, III съезд БКП, состоявшийся в мае 1921 г., принял по докладу Д. Благоева специальную резолюцию по аграрно-крестьянскому вопросу. Обосновывая политику вовлечения трудового крестьянства в революционное движение, она знаменовала шаг вперед в идейном развитии партии². Насчитывавшая более 37 тыс. членов БКП создала партийные организации и группы в большинстве городов и в значительном количестве деревень. В ходе местных выборов партия неоднократно добивалась успеха не только в муниципальных органах промышленных центров, но и во многих селах.

Летом 1922 г. IV съезд БКП, исходя из решений III конгресса Коминтерна и пленума ИККИ, принял тактику единого фронта, хотя партия считала допустимыми лишь технические, частные, а не политические соглашения с БЗНС³. Самым крупным успехом совместных действий обеих партий был народный референдум в ноябре 1922 г. Более 3/4 избирателей поддержали предложение о суде над

¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 5. М., 1979, стр. 316.

² См. «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1973, стр. 350.

³ См. «Ленин и исторические судьбы болгарского народа». София—Москва, 1970, стр. 123—125.

виновниками военных катастроф 1913 и 1918 гг.¹ Но сотрудничество партий было недолгим: правительство БЗНС под давлением правых усилило нападки на коммунистов. Во время парламентских выборов в апреле 1923 г. между партиями развернулась ожесточенная борьба. В результате проведенных Стамболийским изменений избирательного закона компартия, хотя она и собрала свыше 203 тыс. голосов (против 120 тыс. в 1919 г.), получила лишь 16 депутатских мест вместо прежних 47. Правые элементы в БЗНС стали все чаще выступать в антикоммунистическом духе, а в рядах БКП усилились сектантско-догматические настроения. Распространилось мнение, будто борьба между буржуазными партиями и организациями, с одной стороны, и БЗНС — с другой, не более чем междоусобная борьба между городской и сельской буржуазией, в которую рабочим не следует вмешиваться. Такие настроения сыграли пагубную роль во время драматических событий, вскоре разыгравшихся в стране.

В ночь на 9 июня 1923 г. военно-фашистские круги, которые еще в 1921 г. создали тайную фашистскую организацию «Народный сговор», связанную с офицерской Военной лигой, совершили в Софии, в отсутствие Стамболийского, государственный переворот. Опираясь на воинские подразделения, которыми командовали офицеры из Военной лиги, заговорщики овладели правительственными учреждениями и арестовали большинство министров. Главой нового правительства царь назначил А. Цанкова, одного из руководителей «Народного сговора».

Но во многих районах страны фашистские заговорщики натолкнулись на серьезное противодействие, в первую очередь в Пазарджикском (где в то время находился Стамболийский), Шуменском, Орханийском и др., где деятели БЗНС, нередко выступавшие совместно с коммунистами, подняли крестьян на борьбу. В некоторых районах (Карловском, Оряховском) и городах (Плевен, Габрово, Каяли) выступлениями рабочих и крестьян руководили местные организации БКП, сотрудничавшие с «дружбами» БЗНС. В развернувшейся с 9 по 14 июня вооруженной борьбе с регулярными частями, которыми командовали фашистские офицеры, приняли участие десятки тысяч слабо вооруженных крестьян и рабочих во главе с членами БЗНС и БКП. Часть восставших выступала под лозунгом установления рабоче-крестьянской власти. Но выступление было плохо организовано, а руководство БКП призвало рабочих и коммунистов к нейтралитету. Восставшие были разгромлены. Стамболийский, который в критический момент попытался восстановить сотрудничество с пазарджикскими коммунистами, был убит². Антинародная дик-

¹ См. *Д. Тишев*. Единодействие между комунисти и земеделци в борбата против фашизма. София, 1967, с. 74—80.

² См. *И. Митев*. Фашисткия преврат на девети юни 1923 г. и Юнско-то антифашистко въстание. София, 1973, с. 214—352; *Г. А. Чер-*

татура Цанкова уничтожила многолетние завоевания трудящихся, отменила демократические реформы, развернула жестокие преследования демократов и коммунистов.

Нейтральная позиция ЦК БКП вызвала недоумение во многих местных организациях партии. Значительное число коммунистов софийской, пазарджикской, плевенской и иных организаций, Видинский окружком БКП, часть Бургасского и др. осудили эту позицию ¹. Руководство БКП подверглось критике и со стороны Исполкома Коминтерна. На его пленуме в июне 1923 г. события в Болгарии были оценены как крупнейшее поражение коммунистической партии. Оно было тем более серьезным, что речь шла о массовой партии с давними революционными традициями, о партии, за которой шло большинство рабочего класса, за которую на выборах голосовало около $\frac{1}{5}$ избирателей. Такая партия не должна была уклоняться от сражения с фашизмом. В письме ИККИ говорилось, что «в международном масштабе теория нейтралитета может причинить неслыханные бедствия всем партиям Коминтерна». БКП рекомендовалось открыто признать свою ошибку, готовиться к переходу в подполье и к союзу с уцелевшими руководителями БЗНС для подготовки контрнаступления ².

Вскоре в Болгарию вернулся представитель БКП в ИККИ Васил Коларов. Ему не без труда удалось преодолеть сопротивление части партийного руководства. Только после длительных и откровенных обсуждений и всестороннего анализа обстановки был достигнут перелом. В начале августа коммунистическая партия приняла решение о подготовке и проведении вооруженного антифашистского восстания. ЦК БКП обратился к БЗНС, социал-демократам и некоторым другим организациям и группировкам с предложением создать единый фронт борьбы против наступления капитала и фашизма, в защиту жизненных интересов трудящихся, за рабоче-крестьянское правительство.

Платформа единых действий ориентировала не на немедленное уничтожение капитализма, а на свержение захватившей власть самой реакционной фракции буржуазии. Она предусматривала облегчение налогового бремени, наделение земель безземельных и мало-земельных крестьян, восстановление и расширение политических

нейко. БЗНС — верный помощник болгарских коммунистов. К 80-летию Болгарского земледельческого народного союза. М., 1979.

¹ См. «Българска комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК», т. II. София, 1951, с. 349; *Д. Косев.* Септемврийското въстание 1923 г. София, 1973, с. 136—141.

² См. «Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 года). Отчет». М., 1923 (далее — «Расширенный пленум ИККИ»), стр. 254—262, 300—303.

прав и свобод, роспуск фашистских организаций¹. Коммунисты стремились вовлечь в борьбу реформистские профсоюзы, Союз ремесленников, а также кооператоров, анархо-коммунистов. Глашатаем идей единого фронта всех трудящихся в борьбе с фашизмом выступил член ЦК БКП и руководитель ОРСС Георгий Димитров. В августе и начале сентября 1923 г. он опубликовал серию статей, в которых настоятельно проводилась мысль, что «фашизм вовсе не только антикоммунистичен, он в то же время и антинароден»².

Однако руководители социал-демократии и большинства других организаций отвергли предложение о совместных действиях. Благоприятный отклик идея единого фронта получила только у левого крыла БЗНС, но и в Земледельческом союзе имелись силы, противодействие которых нужно было преодолеть. Все же под влиянием трагических уроков событий 9 июня 1923 г. в рядах БЗНС возникла группа сторонников единого фронта, совместной с БКП и рабочим классом борьбы против фашизма. Эта группа «единофронтовцев» старалась преодолеть заблуждения, связанные с идеями сословной теории и самостоятельной крестьянской власти. Большую помощь этому течению в БЗНС оказала БКП³. Коммунисты при участии «единофронтовцев» развернули военно-техническую подготовку восстания.

Между тем правительство Цанкова, получив сведения о готовящемся восстании, решило его предотвратить. 12 сентября оно провело по всей стране аресты коммунистов. Хотя партии удалось вывести из-под удара часть руководящих сил, тем не менее арест 2500 активных работников, разгром клубов и типографий сразу лишили БКП всех легальных возможностей. В ряде мест действиям властей было оказано сопротивление, но попытки партийных и профсоюзных комитетов организовать 14 сентября всеобщую стачку протеста успеха не имели. В Софии была проведена лишь частичная забастовка, во время которой произошла кровавая стычка с полицией.

17 и 20 сентября ЦК БКП, исходя из наличия в стране революционной ситуации, большинством голосов высказался за вооруженное восстание, которое должно было начаться в ночь на 23 сентября 1923 г. Цель восстания, говорилось в решении, — свержение фашистского правительства и «образование рабоче-крестьянского правительства. Коммунистическая партия действует совместно с Земледельческим союзом». В Главный военно-революционный коми-

¹ См. С. Петров. Септемврийското въстание 1923 година и болшевизацията на БКП. София, 1966, с. 97—101.

² Г. Димитров. Избранные статьи и речи. М., 1972, стр. 33—48. В этих статьях по существу были заложены зерна идей широкого антифашистского фронта всех демократических сил, более глубоко сформулированных и аргументированных Г. Димитровым позднее.

³ См. «Септемврийското антифашистско въстание 1923. Документи и материали», т. I. София, 1973, с. 31—36, 47—50, 117—118.

тет вошли В. Коларов, Г. Димитров и Г. Генев; им было поручено привлечь в него представителя БЗНС¹.

В эти дни в отдельных пунктах страны революционные комитеты, созданные для подготовки восстания, опасаясь его срыва или оттяжки и не сумев сдержать преждевременных выступлений, подняли свои организации на борьбу. Так, в некоторых районах Южной Болгарии восстание началось уже 19 сентября. В ряде районов Старозагорского округа малоимущие крестьяне и немногочисленный, но боевой пролетариат создали единый фронт коммунистов и земледельцев, начали наступательные действия. 20 сентября г. Нова-Загора был занят повстанцами, но трудящиеся других городов, где были сильные гарнизоны, не выступили, что позволило властям маневрировать войсками. К 23 сентября правительству удалось разгромить в ожесточенных сражениях главные силы повстанцев округа.

В Пловдиве, крупном рабочем центре с сильной партийной организацией, власти, мобилизовав все воинские части и собрав резервы, провели 21 сентября массовые аресты и сорвали готовившееся выступление. В Панагюрском, Пазарджикском и Пештерском районах повстанцы сумели захватить г. Брацигово и несколько десятков сел, провели ряд героических сражений. Однако, поскольку Пловдив не восстал, им вскоре пришлось рассеяться и уйти в горы. В Пиринском крае, на юго-западе страны, повстанцы вместе с революционными солдатами захватили г. Разлог, но удержать его не смогли.

План восстания в Софии был тщательно разработан. Предусматривалось его взаимодействие с выступлением во Врачанском округе. Тем не менее правительство и здесь упредило события. 21 сентября была проведена «чистка» в войсках, разгромлен военно-революционный комитет. Избежавшие ареста руководители дали указание отложить выступление, чем внесли дезорганизацию в действия повстанцев соседних районов.

В ряде других окружных центров вследствие превентивных арестов и растерянности оставшихся на свободе руководителей организовать выступления не удалось. Однако почти во всех округах возникли значительные очаги, а кое-где целые районы восстания. Многочисленные отряды слабо вооруженных рабочих и крестьян — коммунистов, комсомольцев, членов БЗНС («единофронтовцев» и им сочувствующих) — героически сражались с превосходящими силами регулярных воинских подразделений. Но восставшие были плохо связаны друг с другом. Фашистское командование, перебрасывая подкрепления по железной дороге, используя численное и военнотехническое превосходство, наносило поражения самоотверженно сражавшимся повстанцам. Их героизм не мог восполнить недостатки в вооружении, руководстве и организации, а также отсутствие опыта вооруженной борьбы.

¹ См. Д. Косев, Указ. соч., с. 162—163.

Самым крупным по размаху было восстание в Северо-Западной Болгарии (во Врачанском округе), которым непосредственно руководил Главный военно-революционный комитет. Революционная власть в сотрудничестве с БЗНС была установлена в восьми городах и 400 селах. Повстанцы провели несколько успешных сражений. Но к этому времени борьба в остальных округах уже шла на убыль. Сосредоточив против восставших главные силы, правительство разбило их, заставило отступить и рассеяться. Значительное их число эмигрировало в Югославию. К концу сентября борьба повсюду прекратилась.

Началась жестокая расправа. *«5 тысяч коммунистов, земледельцев и других доблестных сынов народа зверски убиты... — писал Г. Димитров. — 15 тысяч рабочих и крестьян, учителей, священников и других служителей народа из интеллигенции арестованы и подвергнуты бесчеловечным истязаниям... Неописуемые жестокости и бесчинства, каких болгарский народ не переживал в таких масштабах даже в период пятивекового турецкого рабства, — вот краткий, но ужасный и позорный итог варварской мести озверевшей банкирско-спекулянтской и военно-монархистской правящей клики в Болгарии!»*¹

Несмотря на поражение, Сентябрьское народное антифашистское восстание осталось не только в истории Болгарии, но и всего международного рабочего движения памятным примером мужественной борьбы против фашизма. Указывая на недостатки и просчеты, связанные с тем, что коммунисты не преодолели ошибочной тактики 9 июня, не сумели создать прочного союза рабочих и трудящихся крестьян, завоевать солдат, что организация восстания была не на высоте и были допущены ошибки военного характера, Г. Димитров 10 лет спустя после событий 1923 г. подчеркивал, что великий опыт Сентябрьского восстания — важное звено освободительной борьбы болгарских рабочих и крестьян². Впервые была сделана попытка на практике осуществить лозунг рабоче-крестьянского правительства. Восстание ознаменовало глубокий перелом в развитии БКП, оставило след во всей общественной, политической и культурной жизни Болгарии³.

ЗАБАСТОВОЧНАЯ БОРЬБА В ПОЛЬШЕ

Возвращение Польши к мирной жизни проходило в обстановке еще больших экономических трудностей, чем в момент воссоздания польского государства в 1918 г. Польско-советская война 1920 г. помешала

¹ Г. Димитров. Избранные произведения, т. I. София, 1967, стр. 252—253.

² См. «Георги Димитров — пред фашистским съд. Писма и документи». София, 1945, стр. 67—68.

³ См. «История Болгарской Коммунистической партии». М., 1971, стр. 283—288.

формированию разделенных ранее границами и связанных с разными рынками польских земель в единый хозяйственный организм, усугубила разруху. Значительная часть предприятий остановилась или работала с неполной нагрузкой. В промышленности и угледобыче, по переписи 1921 г., было занято всего 23% довоенного числа рабочих, в сельском хозяйстве — 49%¹. Безработица рассасывалась медленно. Тяжелым было положение не только безработных, но и работавших: реальная заработная плата существенно снизилась. Инфляция особенно усилилась в 1923 г.: курс польской марки упал в сентябре по сравнению с июнем в 3 раза, в ноябре — в 36 раз, а в декабре снова снизился почти вдвое².

Вырванные рабочими в предшествующие годы социальные завоевания и принятая в марте 1921 г. буржуазно-демократическая конституция, хотя и были прогрессивными, не решили многих острых проблем. Более того, правящие круги взяли курс на ликвидацию демократических свобод и урезывание социальных прав. Стремясь осуществить стабилизацию экономики за счет трудящихся, они пытались оградить себя от противодействия прямым террором. Сейм даже занялся подготовкой закона о смертной казни. Ограничивалась свобода стачек, подвергались репрессиям профсоюзы и другие рабочие организации, не говоря уже о коммунистах — КРПП и по конституции 1921 г. оставалась вне закона.

С начала 1921 г. начался быстрый рост рабочего движения. В 1921 г., по официальным данным, число участников стачек составляло 473 тыс., в 1922 г. — 607 тыс.³ Но эти данные не отражают качественного сдвига — преобладания массовых (всеобщих местных, отраслевых и общепольских) стачек. Вначале они были преимущественно оборонительными, стихийными, но рабочие не только выдвигали экономические требования, а и упорно отстаивали свое право на забастовку. В феврале 1921 г. началась всеобщая стачка железнодорожников. Когда правительство ответило на нее введением военного положения, Центральная комиссия профсоюзов объявила всепольскую стачку солидарности. Стачка железнодорожников закончилась в марте. Военное положение было отменено, но экономические требования забастовщиков не были удовлетворены, многие из них уволены.

В октябре 1921 г. коммунисты и социалисты организовали стачку сельскохозяйственных рабочих. Против ее участников тоже были применены репрессии, в том числе массовые аресты. Тем не менее рабочим удалось добиться повышения оплаты труда и признания своего

¹ «100 lat polskiego ruchu robotniczego. Kronika Wydarzeń». Warszawa, 1978, s. 101.

² Ibid., s. 107.

³ J. Kowalski. Zarys historii polskiego ruchu robotniczego. 1918—1939, cz. I. Lata 1918—1928. Warszawa, 1962, s. 187, 225.

профсоюза¹. В течение года полиция вмешивалась в ход 66 стачек². Коммунисты, как правило, действовали нелегально. Лишь во время таких мощных выступлений, как стачка лодзинских текстильщиков в июле 1921 г., сопровождавшаяся бурными демонстрациями, они открыто входили в стачечный комитет. Осенью КРПП развернула борьбу против попыток правящих кругов ввести закон о чрезвычайном положении. Митинги и демонстрации протеста сыграли важную роль, но намеченная на 2 декабря всеобщая забастовка не получила большого размаха.

Среди стачек 1922 г. выделяется массовая забастовка сельскохозяйственных рабочих Познаньщины в августе, в которой приняли участие 103 тыс. (87%) пролетариев, требовавших повышения зарплаты в связи с нараставшей инфляцией. Против них были двинуты войска и полиция. Во время «усмирения» бастующих погибло более десяти человек, многие были ранены. Тем не менее упорство рабочих принесло им частичный успех³. Вместе с тем усиление массовой борьбы побудило сейм принять закон о всеобщем страховании рабочих по болезни, медицинской помощи их семьям. Почти все коллективные договоры стали предусматривать оплачиваемые отпуска.

КРПП с большим трудом удалось к этому времени восстановить свои организации, ликвидированные в результате массовых репрессий лета — осени 1920 г. (тогда в тюрьмы и лагеря интернированных было брошено около 5 тыс. коммунистов). В феврале 1921 г. II конференция КРПП, взяв курс на руководство широкими массами, решила перейти к использованию легальных форм работы и принять участие в парламентских выборах. По-прежнему ожидая «нарастания революционного конфликта», КРПП стремилась к тому, чтобы «стать выразительницей интересов не только фабричных рабочих, но и самых широких масс населения, которые капиталистическое хозяйство сбрасывает на дно нищеты»⁴.

В мае 1921 г. III партийный совет КРПП разработал принципы работы коммунистов в профсоюзах. Выдвинув на первый план борьбу за частичные требования, партия стремилась сохранить единство классовых профсоюзов — основного легального плацдарма рабочего движения. Однако руководство ППС строго запретило членам и организациям партии сотрудничать с коммунистами. Находившаяся под контролем ППС Центральная комиссия профсоюзов стала исключать левые организации, целые отделения профсоюзов, рядовых членов — коммунистов. Это подрывало сплоченность рабочих, результативность их выступлений. В 1921 г. число членов профсоюзов,

¹ J. Kowalski. Op. cit., s. 101.

² A. Tymieniecka. Walki klasowe w dwudziestoleciu międzywojennym. — «Nie wykorzystane szanse II Rzeczypospolitej». Warszawa, 1978, s. 166.

³ «100 lat polskiego ruchu robotniczego», s. 104.

⁴ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. 1. Warszawa, 1953, s. 122—123.

руководимых реформистами, достигло максимума — 501 тыс., превысив в 2 раза их численность в 1919 г. Но с осени 1921 г. начался отлив, и число их членов снизилось к 1923 г. до 387 тыс.¹ Коммунистам пришлось изменить тактику и перейти к созданию в профсоюзах «красных фракций», которые объединяли рабочих, сочувствовавших КРПП, но не связанных с ней организационно. Рост влияния коммунистов проявился в ходе выборов органов самоуправления больничных касс. В Варшаве представители КРПП получили большинство, а в Домбровском бассейне — 60%². На выборах в городской Совет Познани за кандидатов коммунистов было подано голосов больше, чем за кандидатов ППС.

Успешная работа в массах и применение гибкой тактики усилили авторитет КРПП среди левых деятелей рабочих партий. В 1921 г. в нее вступили оппозиционные группы ППС, объединившиеся вокруг Е. Сохацкого, Ч. Поранкевича, С. Ланьцуцкого. Последний выступил в сейме как первый депутат-коммунист. В июле он вместе с Т. Домбалем, депутатом от крестьянской партии ПСЛ-левицы, перешедшим в КРПП, создал в сейме коммунистическую фракцию. Коммунисты стали выпускать для сельского населения журнал «Скиба». Он популярно разъяснял крестьянам их право на ту землю, на которой они работают, поддерживал борьбу малоземельных и безземельных за землю без выкупа. Стал выходить общественно-культурный журнал «Культура роботнича». В марте 1922 г. на съезде в Варшаве был создан Союз коммунистической молодежи, признавший политическое руководство КРПП.

У актива КРПП крепло убеждение, что в стране нарастает новый революционный подъем. Ленин в письме польским коммунистам в октябре 1921 г., предостерегая некоторых руководителей от преувеличения успехов, специально обращал внимание на то, что нельзя позволить «правительству и буржуазии задуть революцию кровавым подавлением *преждевременного* восстания». Напоминая о важности завоевания партийей масс, а также позиций в сейме, который должна захватить «волна рабочей революции и крестьянского недовольства», он советовал «дождаться нарастания полной волны... Во что бы то ни стало *вырастить* революцию до *полного* созревания плода»³. Это письмо помогло КРПП уточнить свою стратегию и тактику.

Во время избирательной кампании в сейм в 1922 г. КРПП создала легальную организацию — Союз пролетариата города и деревни. Несмотря на преследования, аресты и аннулирование списков, Союз собрал 122 тыс. голосов (главным образом в Варшаве и Домбровском бассейне) и провел в сейм двух депутатов. Продолжая оставаться на

¹ «100 lat polskiego ruchu robotniczego», s. 102. Всего в 1921 г. в профсоюзах состояло 1 081 тыс. рабочих, в 1923 г. — 1 194 тыс.

² Ibid., s. 100, 101.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 180—181.

нелегальном положении, КРПП упорно осваивала тактику единого фронта, обсуждала лозунг рабоче-крестьянского правительства ¹.

В 1923 г. революционный подъем достиг кульминации. В этом году в 1265 стачках на 7451 предприятии участвовало 849 тыс. рабочих ². В начале января правительство ввело в стране чрезвычайное положение. Полиция усилила преследования коммунистов и их сторонников. В Варшаве, Лодзи и Белостоке были закрыты помещения профсоюзов, находившихся под влиянием коммунистов, ЦК Союза пролетариата города и деревни, запрещены левые издания. В течение года за коммунистическую деятельность было арестовано 15 639 человек ³. Полиция применила силу при подавлении 77 стачек ⁴.

Правящие круги пытались в это время упорядочить экономику, стабилизировать валюту, разрядить политическое напряжение. Но принятые ими меры не смогли ослабить стачечную борьбу рабочих, недовольство крестьян, национально-освободительное движение, поднимавшееся в западноукраинских и западнобелорусских землях. В январе начали экономическую забастовку, продолжавшуюся почти месяц, текстильщики лодзинского, белостокского и бельского промышленных округов. Добившись повышения зарплаты, они через полгода повторили всеобщую стачку и, несмотря на столкновения с полицией, в ходе которых были убитые и раненые, достигли успеха. В июле более двух недель бастовали металлисты Келецкого воеводства, Домбровского бассейна, Варшавы, Люблина, Ченстохова и Белостока. Все стачки закончились победой рабочих.

КРПП старалась связать эту борьбу рабочего класса за повседневные требования с борьбой за более глубокие преобразования. В июле коммунисты внесли в сейм законопроект о передаче крестьянам конфискованной помещичьей земли. В августе партия обратилась к трудовому народу Польши, к ППС и крестьянской партии ПСЛ-«Вызволене» с призывом создать единый фронт для образования рабоче-крестьянского правительства, но не получила ответа.

В сентябре — октябре 1923 г. II съезд КРПП рассмотрел узловые вопросы стратегии и тактики партии, уточнил ее программу. Тщательнее, чем когда-либо, проанализировав положение в деревне и требования крестьянства, которое партия стала рассматривать как союзника рабочего класса, съезд в «Аграрных тезисах» выдвинул требование конфискации помещичьих земель и наделения ими крестьян. Впервые глубоко и всесторонне трактовался национальный вопрос. Признав право наций на самоопределение вплоть до отделения, пар-

¹ Подробнее см.: *И. С. Яжборовская*. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. М., 1967, стр. 231—248.

² «100 lat polskiego ruchu robotniczego», s. 111.

³ *J. Borkowski*. Nie wykorzystane szanse II Rzeczypospolitej.— «Nie wykorzystane szanse II Rzeczypospolitej», s. 98.

⁴ *A. Tymieniecka*. Op. cit., s. 166.

тия открыла путь к соединению освободительной борьбы украинцев и белорусов с революционным движением польских рабочих и крестьян. Съезд подчеркнул, что «революционный пролетариат Польши должен выступить на арене исторических событий не только как представитель интересов своего класса, но и как руководитель и защитник интересов всей нации»¹. Принятые съездом решения показали, что партия окончательно перешла по всем главным вопросам на ленинские позиции². Были детально разработаны тактические принципы и лозунги, рассчитанные на систематическую легальную и нелегальную работу по завоеванию масс. Однако практическое осуществление этих решений затруднялось репрессиями правящих классов, враждебным отношением руководителей ППС и крестьянских партий, отвергавших единый фронт с КРПП.

В октябре — ноябре 1923 г. борьба рабочих достигла наибольшего напряжения. В Верхней Силезии еще в мае конференция фабзавкомов выбрала Центральный комитет действия («Комитет 21») во главе с коммунистом Ю. Вечореком. Комитет был органом профсоюзов, призванным руководить массовыми кампаниями, а фактически являлся органом единого фронта. По его призыву 9—17 октября в Верхней Силезии была проведена всеобщая стачка горняков, металлистов и железнодорожников. Несмотря на арест большинства членов комитета и репрессии против забастовщиков, она закончилась победой, как и развернувшаяся следом стачка горняков Домбровского и Краковского бассейнов.

Правительство ответило на обострение революционной обстановки усилением репрессий. Воспользовавшись взрывом порохового склада в Варшавской цитадели 14 октября, оно обвинило компартию в анархизме и терроризме, арестовало 2 тыс. коммунистов и других левых деятелей, запретило левую печать, закрыло ряд профсоюзов. Но репрессии не остановили стачечной борьбы. 22 октября начали всеобщую забастовку железнодорожники. К ним вскоре присоединились почтовики, текстильщики Лодзи, работники коммунального хозяйства Варшавы. Повсюду происходили демонстрации. 1 ноября правительство объявило о милитаризации железных дорог и создании военно-полевых судов.

Компартия призвала рабочий класс объединить свои силы. В воззвании от 30 октября 1923 г. говорилось, что всеобщая забастовка протеста, назначенная на 5 ноября, должна стать не простой демонстрацией, а продолжаться вплоть до свержения правительства поме-

¹ «II zjazd Komunistycznej Partii Robotniczej Polski (19.IX—2.X.1923). Protokoły obrad i uchwały». Warszawa, 1968; «KPP. Uchwały i rezolucje, t. II. Warszawa, 1955, s. 198.

² См. А. Я. Манусевич. В. И. Ленин и идейно-политическое развитие КРПП.— «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», стр. 98.

щиков и капиталистов. Считаясь с боевым настроением масс, руководители ППС и реформистских профсоюзов вынуждены были присоединиться к призыву КРПП. Но они перенесли начало стачки горняков и текстильщиков на 7 ноября и начали тайные переговоры с правительством.

Всеобщая забастовка охватила многие районы страны, а власти решили нанести сильнейший удар по рабочим в Кракове¹. К городу были стянуты подразделения полиции из близлежащих городов, 16-й пехотный полк и некоторые другие воинские части. Близ замка Вавель были установлены пулеметы.

Утром 6 ноября, когда бастующие рабочие стали собираться на митинг у Рабочего дома (Дома профсоюзов), они натолкнулись на полицейские кордоны. Вскоре на помощь полиции прибыли две роты солдат 16-го полка. После того как выстрелами полицейских были убиты два демонстранта, рабочие разоружили полицию; солдаты, среди которых было много крестьян из Западной Украины и Западной Белоруссии, стали брататься с рабочими. Захватив оружие, повстанцы прогнали полицейских с ближайших улиц. Попытки властей направить против бастующих эскадроны улан, которые начали наступление при поддержке пулеметов и броневиков, потерпели поражение. Повстанцы, избегая фронтального сражения, обстреливали войска с крыш и из окон. Расстроив ряды солдат, они захватили броневик, винтовки и пулеметы, овладели центром города и стали создавать боевые дружины. Во время боев было убито 18 рабочих, несколько сот ранено.

Однако стихийно вспыхнувшее восстание не имело руководящего центра. Большая часть краковских коммунистов сидела в тюрьмах, а находившиеся в городе лидеры ППС, в том числе депутаты сейма, немедленно вступили в переговоры с властями Кракова и с правительством в Варшаве. Уже днем 6 ноября агитаторы ППС, разъезжая по улицам и возвещая о победе рабочих, в то же время призывали их сдать в Рабочий дом все захваченное оружие. Спешно созданная «служба порядка» организовала его изъятие. Когда на следующее утро рабочие, собравшись у Рабочего дома, стали требовать оружие, его там уже не оказалось, оно было ночью тайно вывезено из города. Правые руководители ППС и профсоюзов, которым правительство охотно доверило «умиротворение толпы», объявили о прекращении всеобщей стачки. 9 ноября закончили борьбу и железнодорожники, которым власти обещали рассмотреть их экономические требования.

Когда в стране стало известно о событиях в Кракове, на помощь повстанцам двинулись рабочие близлежащих районов, в том числе из Домбровского бассейна. Но им не удалось пройти через выставленные заслоны. Вооруженные столкновения произошли в эти дни

¹ Подробнее см.: *Ф. Калицкая. Краковское восстание 1923 г. Исторический очерк. М., 1954; «Очерки по истории вооруженных восстаний», стр. 117—123.*

также в городе нефтяников Бориславе, где полицией и солдатами были убиты трое рабочих, и в Тарнове, где при столкновении погибло пять рабочих¹. Всеобщая стачка и вооруженные бои в Кракове оставили след в польском рабочем движении, хотя с этого времени в стране начался отлив революционной волны.

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИРЛАНДИИ

После провозглашения независимости и создания Ирландской республики в стране развернулась «война по-ирландски» — действия небольших партизанских отрядов и групп в городах и сельских местностях против многократно превосходящего противника — английских войск и полиции. Уже к лету 1920 г. эта война охватила значительную часть «Зеленого острова»². Важную роль в ней играли организованные ирландские рабочие, борьба которых была самой эффективной частью антиколониального сопротивления. Протестуя против попыток британских властей превратить их в своих пособников по борьбе с ИРА, бастовали шоферы, железнодорожники, докеры. В городе и графстве Лимерик в ходе политической забастовки возникли рабочие Советы, осуществлявшие в течение нескольких дней функции власти.

В апреле 1920 г. по призыву Исполкома Ирландского конгресса тред-юнионов — Ирландской лейбористской партии (ИКТЮ — ИЛП) состоялась общенациональная политическая забастовка, вынудившая колониальные власти освободить из тюрем многих республиканцев. С мая по ноябрь бастовали транспортники, которые шли в авангарде стачечного движения. Они протестовали против ввоза британского оружия, перевозки военных грузов и войск. Их борьба наносила тяжелые удары по наиболее уязвимым частям британского аппарата власти в Ирландии, лишая английские войска и полицию свободы передвижения и ограничивая их боезапасы. Это была существенная помощь борющейся ИРА. «Шин-фейн без рабочего класса лишь обломал бы свои крылья о тюремные решетки», — писала об итогах стачки лондонская «Дейли ньюс».

Одновременно в Ирландии развернулось широкое социальное движение. Рабочие вели стачечную борьбу за экономические требования. На западе и юго-западе страны шла «аграрная война» мелких фермеров и батраков, которые захватывали землю у английских ленд-лордов и крупных ирландских фермеров-скотоводов.

Однако лидеры Шин-фейна, используя поддержку масс в борьбе за национальную независимость, в то же время поддерживали усилия

¹ «100 lat polskiego ruchu robotniczego», s. 111.

² См. C. D. Greaves. Liam Mellows and the Irish Revolution. London, 1971; «The Irish Struggle (1916—1926)». London, 1966, p. 55—67.

колониальных властей по пресечению социальных выступлений трудящихся. Созданное ирландским дойлом подпольное правительство встало на защиту «священного принципа» частной собственности, противодействовало экономической борьбе рабочих¹. Буржуазия прикрывала эти антисоциальные действия демагогическим лозунгом: «Трудящиеся должны ждать» до обретения страной национальной независимости. В подавлении аграрных волнений участвовали не только английские войска, но и подразделения ИРА.

Маневрам буржуазии способствовал курс анархо-синдикалистских и оппортунистических рабочих лидеров, направленный на лишение рабочего движения самостоятельной политической роли. Руководство ИКТЮ — ИЛП пыталось создать анархо-синдикалистский «Один большой союз», способный якобы подготовить и осуществить кульминацию «прямого действия» — общенациональную экономическую стачку, которая ликвидирует капитализм. В условиях нарастающей национально-освободительной борьбы это привело к тому, что значительная часть организованных в профсоюзы ирландских рабочих перешла в Шин-фейн, не получив, однако, представительства в дойле. Поскольку руководство ИКТЮ — ИЛП не поддерживало возникавшие в городах Советы, они возникали стихийно, как стачечные комитеты, а по окончании забастовки сразу самораспускались.

Не добившись военного подавления освободительного движения, правительство Великобритании было вынуждено пойти на переговоры с представителями борющейся Ирландии. В декабре 1921 г. был заключен англо-ирландский договор. Основная часть Ирландии (кроме шести графств Северо-Востока) получала статус британского доминиона. Сохранились верховенство английской короны, британские военно-морские базы, выплата английскому правительству выкупных земельных платежей. Страна была расколота: промышленный Северо-Восток — Ольстер с его преимущественно протестантским населением стал автономной частью Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Под прямой властью колонизаторов в качестве «внутренней колонии» осталось полмиллиона ирландцев-католиков.

Незавершенность антиимпериалистической революции, связанная с своекорыстием ирландской буржуазии и политической незрелостью рабочих лидеров, вызвала поляризацию сил в ирландском национально-освободительном движении. Под знаменем республиканцев, выступивших против договора, сплотилась значительная часть мелкой и средней буржуазии городов, часть рабочих и батраков, значительное большинство (75—80 %) солдат и офицеров ИРА. Напротив, подписавшие договор представители умеренных кругов национальной буржуазии были склонны к компромиссу с империализмом, опа-

¹ См. «Dáil Éireann. Minutes of Proceedings of the First Parliament of the Republic of Ireland. 1919—1921. Official Record». Dublin [s. a.].

саясь, что дальнейшее углубление политической конфронтации вызовет новый подъем социальной борьбы масс, с которым они не смогут справиться. Против республиканцев ополчилась вся крупнособственническая Ирландия, опиравшаяся на поддержку Великобритании, местной католической иерархии, использовавшая настроения усталости и известного разочарования широких слоев трудящегося населения в республиканских лозунгах, лишенных социального содержания¹. На руку реакции играла и псевдоклассовая позиция «нейтралитета» перед лицом «схватки двух буржуазных группировок», занятая официальным руководством ирландского рабочего движения.

Летом 1922 г. в Ирландии начался новый этап национально-освободительной революции — развернулась гражданская война. Вначале «иррегулярные» (т. е. части ИРА), опираясь на укрепленные районы и крупные города юга страны, пытались противостоять созданной и экипированной с помощью Англии многотысячной армии доминиона. Но, не сумев удержать занятую территорию, ИРА вынуждена была отступить в горы. С конца 1922 г. она вела войну попартизански. Сопротивление длилось до апреля 1923 г., когда премьер подпольного республиканского правительства Имон Де Валера приказал прекратить военные действия, не сложив, но спрятав оружие до лучших времен².

Главной причиной поражения республиканского лагеря было резко отрицательное отношение его руководства к классовой борьбе, к демократическим преобразованиям в социально-экономической сфере. В ходе гражданской войны по меньшей мере дважды — в середине лета и осенью 1922 г. — классовая борьба достигала большого накала в городах (массовые захваты предприятий, возрождение широкого «Советского движения») и в деревне (нападения на усадьбы сохранившихся лендлордов и ранчеров-скотоводов, захвативших значительные районы страны, самочинный «черный передел» принадлежавших им земель). Объединив политические лозунги с социальными, республиканцы могли бы существенно расширить свою массовую базу и добиться перелома в ходе военных действий. К этому призывали их наиболее дальновидные и передовые деятели, прежде всего выдающийся борец против империализма республиканский генерал Л. Меллоуз, позже расстрелянный карателями. Большой вклад в разработку такой программы внесла малочисленная, но самоотверженно боровшаяся Коммунистическая партия Ирландии. Однако эти предложения не нашли поддержки³.

В ходе Ирландской революции были заложены основы для создания в дальнейшем политически независимой буржуазно-демократической республики. У власти встал новый класс — ирландская нацио-

¹ См. *R. Taylor. Michael Collins. London, 1958; ejusdem. Assassination. London, 1961.*

² См. *E. Neeson. The Civil War in Ireland. 1921—1923. Cork, 1965.*

³ См. «История Ирландии». М., 1980.

нальная буржуазия Весной 1923 г. под давлением мощного аграрного движения власти доминиона были вынуждены провести новую широкую аграрную реформу, в основном покончившую с лендлордизмом (с сохранением, однако, земельных выплат Англии и скотоводческих ранчо). Рабочий класс получил более благоприятные возможности развивать свою организацию, сплачивать свои ряды. Но вместе с тем Ирландская революция осталась незавершенной, что наложило отпечаток на последующее развитие страны. Не произошло глубокой социально-экономической перестройки общества. Ключевые позиции в экономике удержал в своих руках британский капитал, сохранился раскол страны. В известной мере это было связано с неблагоприятной для Ирландской революции международной обстановкой — спадом революционного рабочего движения в Европе и Америке.

Советская Россия в 1920 г. предложила борющейся Ирландии заключить договор о сотрудничестве и дружбе, однако шин-фейнеровское руководство не решилось принять протянутую руку: сказалась его классовая узорость. Называя события ирландской войны за независимость революцией, Ленин видел в ее итогах успех национально-освободительных сил. Считая желательным, чтобы и другие угнетенные страны добились в своих отношениях с метрополиями подобных сдвигов, он вместе с тем отчетливо видел ограниченный характер Ирландской революции, называл ее «усеченной», а «ирландское решение» — проведенным «по ллойд-джорджевскому методу»¹.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СПАДА

Поражениями рабочего класса Германии, Болгарии и Польши в революционных боях осенью 1923 г. закончилась полоса перехода рабочего класса Европы от попыток прямого штурма капиталистического строя к его осаде. Эта полоса началась еще летом 1921 г., когда выяснилась несвоевременность «теории наступления» и коммунистическое движение взяло курс на предварительное завоевание поддержки со стороны широких масс пролетариата и его союзников, на установление единого рабочего и антиимпериалистического фронта. В 1923 г. рабочий класс большинства стран вел лишь ограниченную борьбу, отбиваясь от продолжавшегося наступления предпринимателей, фашистов и реакционных правителей.

Для трудящихся *Италии* 1923 год был черным годом. Фашистский террор, направленный не только против коммунистов, но и против социалистов, демократов, либералов и католиков, приобрел теперь государственный характер: наряду с фашистскими молодчиками в нем участвовала и полиция. Забастовки практически прекратились, уровень зарплаты упал ниже довоенного. Завоевания, добытые в 1919—

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 376.

1920 гг., в ходе упорной борьбы, были утрачены. Профсоюзы, в том числе ВКТ, потеряли влияние, число их членов резко упало.

Муссолини в первое время сохранял многие формы прежней государственной структуры. Он не распустил парламент, но заменил пропорциональную систему мажоритарной, что в сочетании с усилением репрессивной деятельности обеспечило Национальному блоку на выборах 1924 г. большинство в $\frac{2}{3}$ мест¹. Возникшее внутри фашистских профсоюзов оппозиционное движение было быстро подавлено².

В условиях фашизма перед рабочими организациями Италии с большой остротой встала задача сохранения своих рядов и выработки новой тактики борьбы. Знаменательным событием, подчеркивающим стремление революционных сил рабочего класса к единству, было появление 12 февраля 1924 г. первого номера газеты «Унита» («Единство»), совместно выпускаемой коммунистами и «третьеинтернационалистами».

Во Франции коммунистическая партия к концу 1922 г. сумела преодолеть колебания по вопросу о политике единого рабочего фронта. На Парижском съезде КПФ в октябре резолюция сторонников единого фронта получила подавляющее большинство голосов. От дискуссий партия перешла к осуществлению политики единых действий на практике. В ноябре Политбюро КПФ предложило всем рабочим организациям — УВКТ, ВКТ, анархистскому Союзу синдикатов, СФИО, АРАК — совместную борьбу за амнистию политических заключенных. ВКТ и СФИО ответили отказом, причем СФИО мотивировала его (на съезде в Лилле в феврале 1923 г. в резолюции, внесенной Лонге и названной «Единый фронт и коммунисты») намерением коммунистов использовать эту тактику как временный маневр, имеющий целью разрушить социалистическую партию³. Когда в декабре возникла опасность оккупации Францией Рура, ЦК КПФ создал Комитет действия, в который вошли также представители УВКТ, АРАК, Федерации коммунистической молодежи, Союза синдикатов.

В период Рурского конфликта КПФ продемонстрировала возросшую политическую зрелость и свою преданность принципам пролетарского интернационализма. Невзирая на репрессии властей, компартия и УВКТ провели грандиозные манифестации и митинги протеста против агрессивной политики правительства, «неделю пропаганды» против оккупации Рура, самоотверженно работали в армии, участвовали в совместных акциях солидарности с немецкими трудящимися. Число стачек и их участников было в 1923 г. несколько

¹ См. Б. Р. Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968.

² См. «Боевой авангард трудящихся Италии». М., 1971, стр. 67—68.

³ См. З. В. Чернуха. Становление Французской коммунистической партии. М., 1976, стр. 277—291.

выше, чем в предыдущем году, но далеко отставало от уровня 1920 г. В УВКТ после длительной упорной борьбы с анархо-синдикалистами на чрезвычайном съезде в Бурже в ноябре 1923 г. синдикалисты-коммунисты во главе с Г. Монмуссо одержали внушительную победу. Были приняты решения, одобрявшие вступление УВКТ в Профинтерн и поддержку революционной борьбы немецких рабочих¹. Укрепив свой авторитет в рабочем классе, КПФ завоевала симпатии и в кругах прогрессивной интеллигенции, видный представитель которой Анри Барбюс вступил в ее ряды.

Осенью 1923 г. предстояли очередные выборы в Национальное собрание. СФИО все серьезнее обсуждала вопрос о создании «левого блока» с партией радикалов и радикал-социалистов. КПФ выдвинула в противовес лозунг «рабоче-крестьянского блока», который определяла как не только избирательный «союз трудящихся городов и деревень — рабочих, крестьян, служащих, мелких чиновников — всех, кто страдает от диктатуры денежных тузов и стремится к лучшему социальному строю». 17 декабря 1923 г. КПФ обратилась к СФИО с предложением сделать выбор: «или идти вместе с коммунистической партией на битву рабочего класса против всех буржуа, как правых, так и левых, или с партией радикалов против коммунистической партии, решительно отказывающейся осуществлять классовое сотрудничество»². СФИО оставила это предложение без ответа, а в начале 1924 г. заключила «левый блок» с радикалами³.

Неудачи почти всех крупных выступлений рабочего класса *Великобритании* в начале 20-х гг. вызвали определенный сдвиг в его сознании. Разочаровавшись в тактике «прямых действий», он стал возлагать надежды на приход к власти лейбористской партии. Это привело к быстрому росту ее влияния в массах. Так, на выборах в палату общин в ноябре 1922 г. лейбористская партия получила 4,2 млн. голосов и 142 депутатских мандата, впервые обогнав либеральную партию. А в декабре 1923 г. лейбористы, за которых проголосовало 4,4 млн. избирателей, завоевали уже 191 место и вскоре сформировали первое «рабочее правительство» во главе с Р. Макдональдом⁴.

В избирательный успех лейбористской партии внесла свою лепту и КПВ. Не выдвигая своих кандидатов в округах, где баллотировались лейбористы, она призывала рабочих голосовать за них. Последовательная борьба коммунистов за единство рабочего движения, их усилия по мобилизации масс для отпора наступлению капитала, участие в классовых битвах, в том числе в движении безработных и

¹ См. *С. Н. Гурвич*. Рабочее движение и левый блок во Франции (1921—1926). М., 1966, стр. 42—43.

² Там же, стр. 55—56.

³ См. *С. С. Салычев*. Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921—1940 гг. М., 1973, стр. 59.

⁴ См. *Р. Милибенд*. Парламентский социализм. Исследование политики лейбористской партии. М., 1964, стр. 134—135, 141.

стачке лондонских докеров в июле 1923 г., позволили КПВ в известной мере преодолеть отчуждение от других отрядов организованных трудящихся. Она стала превращаться в значительный фактор британского рабочего движения¹.

В хортистской Венгрии любое выступление против властей подавлялось с беспощадной жестокостью. При этом власти сопровождали террор социальной демагогией и заигрыванием с массами. Испытывая постоянный страх перед возможностью новых революционных выступлений трудящихся, хортисты сохранили некоторые учреждения буржуазного парламентаризма, терпели буржуазные и мелкобуржуазные партии, а в декабре 1921 г. заключили тайное соглашение с лидером социал-демократии К. Пейером. За легализацию партии он капитулировал по всему фронту, обязавшись проводить лояльную по отношению к властям политику, отказаться от политической агитации в массах, не вести организационной работы среди служащих государственных учреждений, железнодорожников и сельскохозяйственных рабочих, предотвращать забастовки, поддерживать внешнеполитические акции правительства². Коммунистическая партия Венгрии оставалась в глубоком подполье.

Правящие круги Чехословакии, стремясь ограничить деятельность профсоюзов и ослабить влияние коммунистов, провели в 1923 г. закон «Об охране республики», который давал властям большие возможности для преследования революционных рабочих организаций, запрещения их печати. КПЧ, преодолев колебания, выдвинула в сентябре 1922 г. лозунг рабочего правительства, сопроводив его, однако, таким комментарием: «Необходимость рабочего правительства,— говорилось в решении конференции,— вытекает из обстановки, когда рабочий класс еще слишком слаб, чтобы послать к черту буржуазный парламент, но имеет свои собственные классовые органы и силен настолько, чтобы не терпеть прикрытое буржуазным парламентом самодержавие, классовую диктатуру буржуазии»³.

Компартия Югославии сделала в 1923 г. попытку использовать некоторые еще сохранившиеся возможности открытой политической деятельности и образовала Независимую рабочую партию Югославии, которая должна была служить легальным прикрытием КПЮ. На выборах в народную скупщину она собрала более 24 тыс. голосов. Но весной 1924 г. эта организация была разгромлена властями. В компартии шли длительные дискуссии по национальному вопросу, в ходе которых постепенно преодолевалось ложное представление о на-

¹ См. И. Н. Ундасынов. Коммунисты и лейбористская партия. 1919—1923. М., 1979, стр. 226; «Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт. 1920—1923». М., 1977, стр. 273—278.

² «Dokumentumok a magyar forradalmi munkásmozgalom történetétől 1919—1929». Budapest, 1964, 150—152. old.

³ «Studijní materialy k dějinám Komunistické strany Československa v letech 1921—1924». Praha, 1959, s. 265.

личии единого «трехименного сербо-хорвато-словенского народа». С помощью ИККИ коммунисты восстановили в своей программе «полное право самоопределения народов» и указали, что партия будет бороться за создание «добровольного федеративного (союзного) государственного объединения народов Югославии — наиболее удобной формы хозяйственного и культурного развития как страны в целом, так и отдельных ее частей». Условием успешной борьбы за интересы широких масс трудового народа против национального угнетения было признано «создание единого мощного рабоче-крестьянского блока»¹.

В США борьба рабочего класса в 1923 г. заметно шла на убыль, падало влияние АФТ, сокращалось число организованных в профсоюзы рабочих. В этих условиях профсоюзная бюрократия развернула интенсивную кампанию «классового сотрудничества», одновременно проводя массовое изгнание из союзов прогрессивных деятелей и организаций. Стоявшая на левом фланге Лига профсоюзной пропаганды ослабила свои позиции, разорвав в июле 1923 г. единый фронт с прогрессистами из-за разногласий относительно создания фермерско-рабочей партии².

Некоторое смягчение политической реакции позволило Компартии США в апреле 1923 г. на специальном съезде принять решение о прекращении подпольного периода, поскольку легальная Рабочая партия стала фактически, если не по названию, коммунистической³. В конце года съезд партии постановил именовать ее Рабочей (коммунистической) партией Америки.

В Японии после «рисовых бунтов» борьба рабочих стала постепенно принимать менее бунтарский, более организованный характер. Число стачек в 1917—1922 г. по сравнению с предшествующим шестилетием увеличилось почти в 5 раз, число их участников почти в 8 раз. Стали выдвигаться требования 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, признания профсоюзов и коллективных договоров. Стремительно росли профсоюзы. В процессе борьбы передовые рабочие добились превращения соглашательского профсоюзного объединения «Юайкай» в классовую национальную организацию — Японскую федерацию труда (Содомэй). Профсоюзы стали играть более значительную роль в политической жизни, установив связь сначала с социалистическим, а затем и с коммунистическим движением.

В стране нарастала также волна арендных конфликтов в деревне:

¹ «Историјски архив КПЈ», т. II. Београд, 1949, с. 65—75.

² См. Н. В. Курков. АФТ в годы «процветания»: идеология, политика, тактика. — «Американский ежегодник. 1973». М., 1973, стр. 120—121.

³ W. Z. Foster. History of the Communist Party of the United States. New York, 1952, p. 192.

с 85 в 1918 г. их число увеличилось до 1680 в 1921 г.¹ Безземельные и малоземельные крестьяне требовали проведения земельной реформы, снижения арендной платы. Инициаторами выступлений нередко становились бывшие участники японской интервенции в Советской России, которые по возвращении на родину включались в освободительное движение. В апреле 1922 г. по инициативе Японской федерации труда был образован Японский крестьянский союз, который вскоре превратился в массовую организацию, насчитывавшую 675 местных отделений и свыше 50 тыс. членов². В борьбу втягивались также интеллигенция, студенчество, женщины, японские парии.

Влияние анархо-синдикализма, имевшего глубокие корни в рабочем движении страны и оказывавшего сильное влияние во время подъема 1918—1920 гг., не могло быть преодолено с позиций социал-демократизма. Только когда в Японии стала издаваться марксистская литература, труды Ленина, активисты профсоюзов, переселенные рабочие начали примыкать к социалистическим и коммунистическим группам³. Все очевиднее становилась необходимость создания партии рабочего класса, способной возглавить освободительную борьбу трудящихся. 15 июля 1922 г. на основе объединения различных рабочих и студенческих социалистических групп левой ориентации была создана Коммунистическая партия Японии. Важную роль в этом сыграли Сэн Катаяма, Кюити Токуда и другие революционные деятели, участвовавшие в январе — феврале 1922 г. в работе съезда трудящихся Дальнего Востока.

В марте 1923 г. на Чрезвычайном съезде КПЯ в Токио обсуждался проект программы партии. Хотя он не был окончательно принят из-за ареста лидеров КПЯ и в нем содержались еще незрелые положения, он важен как первая попытка применить марксистско-ленинское учение к конкретным условиям Японии. В нем давалась в основном правильная характеристика предстоящей революции как буржуазно-демократической с перспективой перерастания ее в социалистическую. Программа требовала упразднения императорской власти, тайного совета и палаты пэров, роспуска вооруженных сил, жандармерии и полиции, введения всеобщего избирательного права и демократических свобод, установления 8-часового рабочего дня и права на забастовку, признания профсоюзов и введения социального страхования, конфискации земли крупных помещиков и передачи ее крестьянам-арендаторам, демократизации налоговой системы. Выдвигались также требования прекращения всякой интервенции в

¹ См. *Инумару Гиити*. Революционная Россия и Япония. Токио, 1975, стр. 14 (на япон. яз.).

² См. *И. И. Коваленко*. Очерки истории коммунистического движения в Японии. М., 1979, стр. 63.

³ См. *П. П. Топека*. Из истории распространения ленинских идей в Японии. — «Вопросы истории КПСС», 1970, № 9, стр. 50—60.

иностранные государства, полного вывода японских войск из Кореи, Тайваня и Северного Сахалина. Это показывало, что КПЯ с самого своего основания стояла на позициях пролетарского интернационализма¹.

Хотя компартия в момент своего основания была еще слабой в теоретическом, политическом и организационном отношении, не имела прочных связей с массами и в ней сохранялось влияние анархо-синдикалистских и реформистских представлений, она сразу же развернула активную деятельность². Но работать ей пришлось в исключительно трудных условиях преследования со стороны властей. Во время опустошительного землетрясения в районе Токио — Иокогама в сентябре 1923 г. против коммунистов, социалистов и анархистов была направлена волна погромов, арестов, убийств. Рабочему движению был нанесен тяжелый удар, оно было лишено боевого руководства. Ослаблением коммунистической партии воспользовались правые лидеры социал-демократии, которым удалось вернуть утраченные позиции. Под их влиянием руководители Японской федерации труда взяли курс на полное отмежевание от коммунистического движения, стремясь направить деятельность профсоюзов в русло тред-юнионизма и соглашательства. Это привело к расколу и длительному упадку рабочего движения в стране³.

* * *

Для организации противодействия развернувшемуся в 1923 г. наступлению реакции и фашизма на революционные завоевания рабочего класса международное рабочее движение более всего нуждалось в объединении своих сил. Однако политика единого рабочего фронта, способная обеспечить совместные действия разных отрядов и организаций пролетариата, находилась еще в стадии становления. В то время как коммунистические партии, с трудом преодолевая недоверие к социал-демократическим лидерам и сектантские настроения, искали конкретные формы подхода к единому фронту, эти лидеры после сорванной ими конференции трех Интернационалов были заняты консолидацией организаций, стоящих на общей платформе реформизма. В сентябре 1922 г. вернулась в лоно старой социал-демократии центристская Независимая социал-демократическая партия Германии. Усиливались правые тенденции в СФИО. В том же направлении эволюционировала и социал-демократия Австрии, хотя и пыталась сохранить при этом свойственную австромарксизму революционную

¹ См. Хаттори Сисо. Очерки по рабочему движению в Японии. М., 1975, стр. 88; «50 лет КПЯ». Токио, 1973, стр. 19—22 (на япон. яз.).

² См. Хаттори Сисо. Указ. соч., стр. 27; «50 лет КПЯ», стр. 19—22.

³ Подробнее см.: И. И. Коваленко. Указ. соч., стр. 83—84.

фразеологию. Аналогичный процесс происходил и в других социал-демократических и социалистических партиях.

После ряда предварительных совещаний 21—25 мая 1923 г. в Гамбурге состоялся *Международный рабочий социалистический конгресс*. В нем приняли участие партии, входившие во II и II½ Интернационалы. 426 делегатов и 194 гостя представляли 43 партии из 30 стран. Антикоммунистическая тональность конгресса была задана уже в приветственной речи председателя Объединенной социал-демократической партии Германии О. Вельса. Он объявил «демагогией» все предложения о едином фронте и утверждал, что «нельзя быть сильным против реакции, будучи слабым по отношению к коммунизму»¹.

Докладчик по вопросу о борьбе с международной реакцией О. Бауэр проявил больше гибкости. Он говорил о необходимости прежде всего помешать планам империалистов возобновить антисоветскую интервенцию. Ведь даже Гендерсон счел нужным отмежеваться от «ультиматума Керзона» и угроз войной, заметив, что Англии, которая и не подумала прервать дипломатические отношения с Италией Муссолини или с Венгрией Хорти, давно пора восстановить дипломатические и торговые отношения с Советским Союзом².

Указывая на создающийся в Германии опасный центр буржуазной, монархической и националистической реакции, Бауэр подчеркнул, что французский империализм своим вторжением в Рур способствует усилению этой угрозы. В связи с этим на конгрессе развернулась «национальная» полемика. Английский делегат С. Вебб ратовал за «экономическое восстановление» Германии. Француз Л. Блюм дипломатично критиковал Версальский мир, объявив его, впрочем, актом не регресса, а «недостаточного прогресса». Оккупацию Рура он считал лишь негодным способом решения проблемы репараций и призывал сочувственно отнестись к экономическим трудностям самой Франции. Еще откровеннее национализм проявился в выступлении бельгийца Э. Вандервельде. Конгресс в принятой резолюции осудил оккупацию Рура, но вместо энергичного противодействия ей рекомендовал оказывать «давление на правительства Антанты», а также на «класс немецких капиталистов и германское правительство», «просвещать общественное мнение всего мира» и т. п.³

Бауэр осудил, далее, «контрреволюционный итальянский фашизм», который разрушил все элементы демократии в Италии и жестоко разгромил пролетариат. Тем не менее ни Бауэр, ни участники дискуссии не сумели дать сколько-нибудь глубокой социально-политической характеристики фашизма как нового явления международ-

¹ «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in Hamburg vom 21. bis 25. Mai 1923». Berlin, 1923, S. 4—5.

² Ibid., S. 15—16, 19—24.

³ Ibid., S. 25—29.

ного плана. В их представлении он исчерпывался терроризмом. Лишь постольку, поскольку итальянский фашизм содействует возрождению реакционных сил во всех других странах, «борьба против фашизма, против его корня, его исходного пункта и его центра является также интернациональным долгом». Однако, по мнению Бауэра, борьба против итальянского фашизма, режима Хорти, господства румынских бояр и т. п. не должна выходить за рамки «мобилизации моральных сил». Речь идет, настойчиво подчеркивал он, «не о восстаниях, даже не о генеральной забастовке. Я думаю прежде всего о взаимной информации, о сломе стены молчания, окружающей поверженные страны».

Дж. Модильяни, сталкивавшийся с итальянскими фашистами лицом к лицу, указал на явную недостаточность таких апелляций к «моральному чувству». Но, призывая к борьбе «за завоевание политической власти», он, как выяснилось вскоре, имел в виду всего-навсего рекомендацию социалистам участвовать в коалиционных правительствах с левобуржуазными партиями. Под стать этим были и другие выступления. Венгр Ж. Кунфи причислил к причинам торжества реакции также и «пример русского коммунизма». О. Вельс, заверяя, будто Веймарская республика являет собой образец демократии, утверждал, что у ее противников есть два помощника: «московский коммунизм и марксистский милитаризм». Принятая конгрессом резолюция о борьбе против международной реакции была составлена из общих фраз и утверждала, что «восстановление демократии во всем мире» создаст достаточные условия, «гарантирующие победу социализма»¹.

Центристы Венского Интернационала по всей линии капитулировали перед правыми лидерами Лондонского Интернационала. Документы конгресса не содержали никаких, даже чисто словесных, признаний необходимости пролетарской революции. Ее место заняла политика коалиции социал-демократии с буржуазными партиями. К. Каутский еще год назад призвал преодолеть психологический барьер против коалиционной политики, открывающей-де хотя и медленный, зато верный путь к пролетарской власти. Теперь его формула стала знаменем всех реформистов, а конгресс встретил его появление в зале бурной овацией.

Гамбургский конгресс объявил о создании *Рабочего Социалистического Интернационала* (РСИ) как воспреемника традиций довоенного Второго Интернационала. Председателем был избран А. Гендерсон, секретарями — Ф. Адлер и Т. Шоу. В Бюро Исполкома вошли также Бауэр, Брак, Брантинг, Вандервельде, Вельс, Модильяни, Трульстра и др. Местопребыванием Исполкома стал Лондон. Присутствовавший на конгрессе в качестве представителя Амстердамского

¹ «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in Hamburg vom 21. bis 25. Mai 1923», S. 38—40, 73, 76, 106.

Интернационала профсоюзов Удегест призвал к сотрудничеству обеих организаций при сохранении МФП своей независимости. Партии, вошедшие в РСИ, представляли в это время значительную силу. Число их членов в главных цитаделях капитализма превышало 6 700 тыс. (из них половину составляли члены лейбористской партии Великобритании).

В преамбулу принятого устава была включена формулировка: «В Рабочем Социалистическом Интернационале объединяются социалистические и рабочие партии, которые ставят целью замену капиталистического способа производства социалистическим способом производства, а в классовой борьбе, находящей свое выражение в политическом и экономическом действии, видят средство освобождения рабочего класса». Докладчик Ф. Адлер считал эту формулу не только удачной, но столь «ясной, что она может быть принята всем пролетариатом с чистой совестью». Чтобы избавить Исполком от «проблемы министерализма», в устав была включена специальная оговорка, что «с вступлением члена Исполкома в правительство автоматически прекращается его членство в Исполкоме. После выхода из правительства сразу же возможно новое избрание в Исполком»¹.

В решениях конгресса содержалось весьма своевременное предупреждение относительно поворота буржуазии к реакции: «Классы, которые почувствовали угрозу со стороны растущей силы рабочего класса, отказываются от демократической формы правления и прибегают к насилию для того, чтобы изменить соотношение сил между классами в свою пользу. Рабочий класс должен защищать демократию от этих методов насилия, применяемых буржуазией»². В общей форме конгресс высказался и за объединение рабочих в борьбе против капитализма³.

Практические действия в этом духе могли бы создать благоприятные условия для сотрудничества РСИ с коммунистическим движением. Но эти декларации были лишь фразой, данью настроениям масс. А неблагоприятную задачу отвергнуть единый фронт пролетариата в борьбе против реакции, фашизма и войны взял на себя Ф. Адлер. Он отклонил предложение делегации Международного комитета действия против опасности войны и фашизма (созданного за два месяца до конгресса на конференции во Франкфурте-на-Майне) совместно обсудить общие мероприятия, заявив, что конгресс «занят серьезными и трудными задачами» и не хочет вести «бесплодных переговоров». Этот отказ реализовать волю масс к единству действий сопровождался тривиальной клеветой, будто коммунисты отрицают «самоопределение пролетариата» и хотят, чтобы «диктатура маленькой

¹ «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in Hamburg vom. 21. bis 25. Mai 1923», S. 48, 50, 97—98.

² Ibid., S. 104—105.

³ Ibid., S. 100.

клики господствовала над большой массой»¹. Выработанная Гамбургским конгрессом социал-реформистская платформа сочеталась с антикоммунизмом и прямым антисоветизмом².

То, что новый Интернационал с самого начала отверг политику единого пролетарского фронта, не было случайным. Исполком Коминтерна, всесторонне рассмотрев эту политику на своем III расширенном пленуме в июне 1923 г., оценил стремление лидеров РСИ уклониться от единых действий как свидетельство того, что они «боятся всякой действительной борьбы за интересы пролетариата», а вместо этого по-прежнему «стремятся приковать рабочих к буржуазии демократическими и социалистическими фразами так, как они и сами к ней прикованы». Пленум снова подчеркнул, что в соревновании с реформизмом революционеры могут добиться успеха «лишь на платформе борьбы за единый фронт пролетариата в национальном и интернациональном масштабе»³.

Широкое обсуждение на пленуме ИККИ проблем единого фронта способствовало уяснению коммунистами его задач. В принятом решении подчеркивалась необходимость, чтобы борьба велась «все более и более планомерно и решительно, конкретнейшим и популярнейшим образом», чтобы «единому фронту» социал-демократов и буржуазии, их коалиционной политике была противопоставлена совместная борьба всех рабочих и их партий «за рабоче-крестьянское правительство и против капиталистов»⁴. Вместе с тем выяснилось, что некоторые руководящие деятели Коминтерна, в том числе Г. Е. Зиновьев, не избавились от представлений, будто тактика единого фронта — это всего лишь простой «тактический маневр» или «военная хитрость»⁵.

Пленум ИККИ проявил в общем и целом понимание сущности и характера фашизма. «Пестрая в социальном отношении, сбродная бесчинствующая толпа», эта «агрессивная сила», говорилось в воззвании, была взята буржуазией на службу и содержание с прямой задачей использования фашизма «в целях подавления и длительного порабощения пролетариата». При всех национальных различиях грубое террористическое насилие сочетается в фашизме с мнимореволюционной фразеологией, демагогической спекуляцией на запросах и настроениях широких масс трудящихся, разочарованных реформистами в социалистических партиях и профсоюзах, не нашедших применения своей активности. Предостерегая рабочий класс всего мира от фашистской опасности, ИККИ призывал рабочие партии и организации всех направлений объединиться в национальном и международ-

¹ «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in Hamburg vom 21. bis 25. Mai 1923», S. 50.

² См. И. М. Кривогуз. Рабочий Социалистический Интернационал (1923—1940). М., 1979, стр. 41—42.

³ «Расширенный пленум ИККИ», стр. 286.

⁴ Там же.

⁵ См. там же, стр. 11—16.

ном масштабе для развертывания совместной антифашистской борьбы¹.

Угроза со стороны фашизма всему рабочему движению, его демократическим и социальным завоеваниям делала еще более значимой мысль Ленина о том, что коммунистам для всесторонней подготовки к длительной осаде твердынь капитализма нужно не только запастись терпением в практической деятельности по завоеванию доверия масс, но и глубоко теоретически осмыслить новые подходы. Это относилось как к проникновению в диалектику взаимосвязи *национальных и интернациональных задач*, так и к пониманию изменчивости, подвижности соотношения *демократии и социализма*.

В первом случае речь шла прежде всего об умении правильно соотносить такие факторы, как строительство социализма в СССР и мировой революционный процесс, мирное сосуществование и борьба трудящихся капиталистических стран за социальное и национальное освобождение, борьба рабочих метрополий и освободительное движение колониальных и зависимых народов.

Во втором случае становилось необходимым под новым углом зрения посмотреть на отношение коммунистов к буржуазной демократии. Уже в XIX в. в процессе выделения социалистического рабочего движения из общедемократического возникали разнообразные ситуации — от объединения этих течений в общем потоке до противоположения и острой борьбы между ними. В послеоктябрьскую эпоху соотношение демократии и социализма стало еще более сложным. Так, в период непосредственного революционного штурма, размежевания революционеров с реформистами, формирования самостоятельных компартий и создания Коминтерна стали неизбежными жесткая *конфронтация*, прямое *противопоставление* буржуазной демократии — диктатуре пролетариата, парламентаризма — Советской власти. «Анти-Каутский» и доклад Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата на I конгрессе Коминтерна — ярчайшие документы этого периода.

Когда же в начале 20-х гг. развитие революционного процесса замедлилось и на первый план выдвинулась задача завоевания масс, завоевания большинства, то наметился поворот к новому *соединению* борьбы рабочего класса за демократию с его борьбой за социализм. Речь шла как о сочетании общедемократических и социалистических задач, так и об отыскании форм единых действий коммунистов с социал-демократами и — шире — с теми сторонниками мелкобуржуазной демократии, которые по разным причинам не были готовы к борьбе за социализм.

Такой новый подход, в основных чертах найденный и обоснованный Лениным в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» и в документах III конгресса Коминтерна, не означал, однако, простого

¹ См. «Расширенный пленум ИККИ», стр. 296—299.

возврата назад, к формуле 1916 г., гласившей, что «надо уметь с *о е д и н и т ь* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *п о д ч и н я я* первую второй»¹. Поскольку Октябрь открыл эпоху борьбы двух антагонистических систем — социализма и капитализма, а следовательно, и двух разных типов демократии — пролетарской и буржуазной, теперь уже нельзя было (ни теоретически, ни практически) отказаться от *противопоставления* этих типов. Можно и нужно было дополнить это противопоставление *соединением* борьбы рабочих капиталистических стран за демократию с их борьбой за социалистическую революцию. Этому служило выдвижение коммунистами переходных и частичных требований, тактики единого рабочего фронта, лозунга рабоче-крестьянского правительства. Задача борьбы за демократию не исчерпывалась теперь завершением чистки недочищенных капитализмом (и даже в самых передовых странах) «авгиевых конюшен» средневековой и завоеванием буржуазно-демократических свобод с целью освободить арену для дальнейшей борьбы за социализм. В возрастающей степени эта борьба диктовалась также потребностью *защиты демократии* (даже ограниченной, урезанной капитализмом) от растущих посягательств на нее со стороны империализма и реакции, от угрозы фашизма и новой войны.

В таком же направлении — расширения состава участников общедемократической борьбы — продвигалась и политика международного коммунистического движения в отношении национально-освободительных движений зависимых, полуколониальных и колониальных стран. Программа единого антиимпериалистического фронта открывала новые возможности для использования всех революционно-демократических потенций угнетенных народов, сближала их освободительную борьбу с социальной борьбой революционного пролетариата развитых стран.

В открытии этих новых перспектив великая заслуга принадлежит Ленину, который лучше других слышал биение пульса истории и умел быстро находить ответы на поставленные жизнью вопросы.

Итоги революционных боев 1923 г. Коминтерну и коммунистическим партиям впервые пришлось подводить без участия Ленина. Из опыта поражений рабочего класса Германии и Болгарии был извлечен важный урок: коммунистические партии, хотя они и научились проявлять революционную инициативу, энергию и боеспособность, еще не вполне овладели методами руководства широкими массами, умением соединять натиск с тактической гибкостью. Вместе с тем Коминтерн и коммунистические партии не сумели в полном объеме проанализировать причины неудач и сделать необходимые выводы.

Так, расширенный пленум ЦК КПГ в ноябре 1923 г. не оценил масштаба поражения коммунистов и серьезности допущенных ими ошибок. Более того, он утверждал в принятой резолюции, будто в

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 347.

Германии фашизм с помощью правых лидеров социал-демократии одержал победу над Веймарской республикой, но не победил рабочего класса. Отсюда следовал вывод, что коммунистам следует впредь отказаться от тактики единого фронта с социал-демократией и самим готовить вооруженное восстание для установления диктатуры пролетариата. В ходе развернувшихся в КПП широких дискуссий высказывалось мнение, что руководство партии упустило благоприятные революционные возможности, а его главная ошибка заключалась в отступлении без боя и оставлении Гамбурга на произвол судьбы. Подвергался критике и «саксонский эксперимент». Выявившиеся в партии три течения апеллировали к Президиуму ИККИ. После обстоятельного обсуждения Президиум вместе с представителями ЦК КПП принял 19 января 1924 г. развернутое решение «Уроки германских событий»¹.

В нем говорилось, что, когда в Германии возник революционный кризис, ЦК КПП, ориентируя рабочий класс на борьбу за власть, допустил ошибки в оценке уровня революционной готовности масс и расстановки классовых сил, тактические просчеты, не преодолел политико-организационной слабости партии. Ответственность за неудачи ложится на правооппортунистическое руководство Брандлера—Тальгеймера. В решении подчеркивалось, что неверное проведение тактики единого рабочего фронта вовсе не означает ошибочности самой тактики².

Вместе с тем при конкретизации общих положений сам Президиум ИККИ занял по ряду принципиальных вопросов ошибочную, левосектантскую позицию³. Так, Зиновьев упрекал немецких коммунистов не за неумение осуществить политику единого фронта, а за то, что они не проявили решительности в «оживлении» лозунга Советской власти и не порвали открыто с левыми социал-демократами. В согласии с теми, кто преувеличивал роль фашистов, он утверждал, что отношение к германской социал-демократии следует полностью пересмотреть, ибо она не что иное, как «фракция германского фашизма с социалистической фразеологией», или «крыло фашизма». «Самым опасным врагом» (даже более опасным, чем Шейдеман и Эберт) объявлялась левая социал-демократия. Зиновьев рекомендовал КПП объявить во всеуслышание, что она отныне отвергает всякого рода соглашения как с руководством германской социал-демократии, так и с группой левых; лозунг рабоче-крестьянского правительства, а по сути вся тактика единого фронта сводилась им к разоблачению со-

¹ См. «Бюллетень Коминтерна о положении в Германии», 1923, № 10, стр. 3—9; *М. И. Орлова*. Уроки немецкого Октября. М., 1965, стр. 9—59.

² См. «Уроки германских событий. Германский вопрос в Президиуме Исполкома Коминтерна (январь 1924 г.)». М., 1924, стр. 89—92.

³ См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 214.

циал-демократии, которая в недалеком будущем то ли с грохотом развалится, то ли лопнет как мыльный пузырь¹.

В чуть более сглаженной форме эти положения были выражены и в решении Президиума ИККИ. «Руководящие слои германской социал-демократии, — говорилось в нем, — в настоящий момент представляют собой не что иное, как прикрытую социалистической маской фракцию германского фашизма». Более того, было сказано, что «вся международная социал-демократия постепенно вырастает в официального оруженосца капиталистической диктатуры», а левые лидеры СДПГ, которые «еще опаснее правых», именовались «фиговыми листками грязной контрреволюционной политики». Всекие переговоры с социал-демократическими руководителями отвергались.

Несомненно, такие резко негативные оценки социал-демократии были в значительной мере реакцией коммунистов и революционных рабочих на поведение социал-демократических лидеров во время боев осенью 1923 г., когда те выступили в роли прямых защитников буржуазного строя. Вызванное этим оживление в Коминтерне и компартиях сектантских тенденций отразилось, однако, и на политике единого рабочего фронта. Хотя в решении ИККИ говорилось о «единстве снизу» и о продолжении тактики единого фронта, фактически с этого времени началось ее свертывание. Вот как определялись, например, ближайшие задачи КПП: «Агитация партии должна довести до сознания широчайших масс, что *только диктатура пролетариата* может принести спасение широким массам. Эта задача должна быть связана с целью политического *уничтожения социал-демократической партии*». Хотя вслед за этим шли слова о создании «органов единого фронта», ни о каком реальном единстве действий рабочих на такой основе нельзя было и думать, тем более что выдвигалась также весьма рискованная, неприкрыто сектантская задача убедить каждого коммуниста в том, что его партия «достаточно сильна, чтобы подготовить и завоевать победу пролетарских масс *против всех других партий*»².

На заседании Президиума, где вырабатывались эти решения, звучали и иные голоса. Так, В. Пик внес специальное дополнение к резолюции, в котором содержалась критика «левых», отрицавших переходные формы власти и единый фронт. К. Цеткин говорила, что «левая оппозиция» в КПП допустила «крупные ошибки и имеет серьезные недостатки», которые должны быть осуждены. Она усматривала в формулировке тезисов, что социал-демократия — фракция фашизма, «известную узость и косность, из-за которой мы рискуем оказаться неприспособленными к тем или иным реальным условиям»³. Однако эти серьезные соображения не были приняты во внимание. Не произвели впечатления и предостережения, высказанные в пись-

¹ См. «Inprekorr», 1924, N 22, S. 239—243.

² «Уроки германских событий», стр. 98—101 (курсив наш. — Авт.).

³ Там же, стр. 78—79.

ме руководства компартии Польши, что ошибочны любые формулировки, которые можно было бы истолковать как осуждение тактики единого фронта¹.

Продолжение обсуждения «немецкого вопроса» на V конгрессе Коминтерна летом 1924 г. не исправило положения, а, напротив, усугубило его. В принятых документах, которые стали директивами для всего коммунистического движения, говорилось о превращении социал-демократов в «крыло фашизма», о том, что фашизм и социал-демократия — это «правая и левая рука современного капитализма» или «два острия одного и того же оружия диктатуры крупного капитала». Тактика единого фронта толковалась крайне узко, как «только метод агитации и революционной мобилизации масс», как «стратегический маневр»². Хотя К. Цеткин снова возражала против утверждения, что рабоче-крестьянское правительство «лишь псевдоним, синоним или еще какой-то другой «ним»»³, оно именовалось в резолюции конгресса «переводом на язык революции, на язык народных масс лозунга «диктатура пролетариата»»⁴.

Дело усугублялось тем, что не только Зиновьев, но и Сталин выступил с крайне резкими оценками социал-демократии. «Социал-демократия,— писал он,— есть объективно умеренное крыло фашизма», фашизм и социал-демократия — «не антиподы, а близнецы»⁵. Эти установки нанесли серьезнейший ущерб международному коммунистическому движению, его борьбе за единство рабочего класса. Для их преодоления потребовалось много времени и большие усилия. Понадобился новый исторический опыт, накопленный в последующие годы, чтобы прийти к выводу о возможности и необходимости совместных действий в борьбе против фашизма и войны⁶.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Советская Российская республика уже в момент рождения начертала на своем знамени принцип интернационализма и братского сотрудничества с трудящимися и эксплуатируемыми всего мира. Пролетарский интернационализм был поднят ею на уровень классовой и государственной политики, став важнейшей составной ча-

¹ См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 214.

² «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 393, 401, 407, 448.

³ «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня—8 июля 1924 г. Стенографический отчет», ч. I. М.—Л., 1925, стр. 323.

⁴ «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 409.

⁵ *И. В. Сталин*. К международному положению. Соч., т. 6. М., 1954, стр. 282.

⁶ См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 214.

стью ее взаимоотношений с международным революционным движением, с борьбой трудящихся разных стран за свое социальное и национальное освобождение. Страна Советов видела свой первейший долг в оказании всемерной поддержки всем революционерам, поднимавшимся на бой против империалистов и эксплуататоров. Не на словах, а на деле она была готова разделить с ними последний кусок хлеба, последний «черный сухарь». Она шла на большие жертвы ради установления дружеских, равноправных отношений с другими странами, особенно с теми, которые подвергались угнетению, всегда поднимала голос в защиту освободительных движений, а при малейшей возможности оказывала им не только моральную, но и материальную помощь.

Однако в первые годы своего существования молодая Советская республика сама крайне нуждалась в братской поддержке со стороны пролетариев других стран. Иностранная военная интервенция, экономическая блокада, отказ империалистов признать Советскую республику нанесли ей неисчислимый ущерб. А как раз в тот момент, когда Страна Советов обрела наконец возможность приступить к мирному восстановлению разрушенного хозяйства, на нее обрушился страшный голод.

30 июля 1921 г. ИККИ и Исполком КИМа обратились с воззванием к рабочим и работницам всех стран. «Советская Россия боролась и страдала за весь международный пролетариат,— говорилось в нем.— Раны, от которых она ныне истекает кровью, нанесены ей в борьбе с мировым капиталом, в борьбе не только за русский революционный пролетариат, но и за мировой пролетариат... Мы знаем, что вы сами бедны и не имеете излишков хлеба. Но мы знаем также, что, когда несчастье постигает рабочую семью, самый бедный рабочий помогает больше, нежели богачи... Теперь мы увидим, где интернациональная солидарность пролетариата существует лишь на словах и где она проявляется на деле... Каждый вагон хлебных злаков, доставленный рабочими организациями в голодные области, укрепит мужество русских рабочих в их борьбе против голода, он на деле докажет тяжело страдающим русским массам, что они не одиноки, не стоят одни лицом к лицу со всем капиталистическим миром»¹. 2 августа Ленин в обращении к международному пролетариату писал, что «те, кто испытывал на себе всю жизнь гнет капитала, поймут... или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике, которой пришлось первой взять на себя благодарную, но тяжелую задачу свержения капитализма»².

¹ «Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума И. К. Коммунистического Интернационала от 13-го июня 1921 г. до 1-го февраля 1922 г.» (далее — «Деятельность ИККИ»). Пг., 1922, стр. 63—65.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 75.

Вскоре в Берлине был создан Заграничный комитет пролетарской помощи, который возглавили Клара Цеткин и Вилли Мюнценберг. В его состав вошли видные деятели культуры — Анри Барбюс, Анатоль Франс, Бернард Шоу, Альберт Эйнштейн. А. Франс пожертвовал в фонд помощи полученную им Нобелевскую премию. В сентябре 1921 г. комитет был преобразован в организацию Международная рабочая помощь (Межрабпом). Национальные комитеты помощи возникли более чем в 30 странах, но только во Франции, Италии и Чехословакии они в течение короткого времени объединяли различные пролетарские организации.

В США по инициативе коммунистов было основано Общество друзей Советской России, которое в 1921 г. собрало 250 тыс. долларов и значительное количество продовольствия. В целом рабочие организации к 1923 г. послали в Советскую Россию товаров и денег на сумму свыше 5 млн. долл.¹ Около 100 пароходов и железнодорожных составов из США, Франции, Германии, Швеции, Норвегии, Голландии, Ирландии, Чехословакии, Болгарии доставили пшеницу, сахар, рыбу, медикаменты, одежду, обувь, сельскохозяйственные машины, 2,5 млн. пудов семян. Осенью 1921 г. Межрабпом устроил в Берлине выставку картин и плакатов, в Швейцарии продавались специальные марки и открытки, в Англии, Голландии, Франции и Скандинавских странах проводились дни цветов. Собранные средства поступали в фонд помощи голодающим.

Не смог остаться в стороне от широкого движения международной солидарности и Амстердамский Интернационал профсоюзов, самостоятельно собравший средства и отправивший в Россию несколько пароходов с продовольствием и другими товарами первой необходимости².

Оценивая роль солидарности трудящихся всего мира с Республикой Советов, Ленин писал в конце 1922 г.: «Помощь голодающим со стороны международного рабочего класса в значительной мере помогла Советской России пережить тяжелые дни прошлого года голода и побороть его»³.

¹ Подробнее см.: «Деятельность ИККИ», стр. 61—66, 80—84, 173, 182—186; Д. Мичев. Межрабпом—организация пролетарской солидарности. 1921—1935. М., 1971, стр. 46—47. См. также: «Под знаменем международной пролетарской солидарности. К 50-летию организации «Международная рабочая помощь». Киев, 1971; W. Münzenberg. Solidarität. Zehn Jahre Internationale Arbeiterhilfe. 1921—1931. Berlin, 1931.

² По данным самой МФП, сумма сборов к концу 1923 г. составила 2 млн. гульденов (180 тыс. ф. ст.) («Tätigkeitsbericht des Internationalen Gewerkschaftsbundes über die Jahre 1922 und 1923». Amsterdam, 1924, S. 78).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 315.

По данным, сообщенным на IV конгрессе Коминтерна, Советское правительство предоставило голодающим 165 млн. пудов зерна,

Межрабпом содействовал также восстановлению экономики Советской России. В 1922 г. в Берлине была создана техническая организация, позднее названная «Ауфбау», а для оказания финансовой помощи выпущен и размещен международный пролетарский заем. Межрабпом организовал сбор средств для приобретения и доставки в Советскую республику промышленного оборудования, инструментов и сельскохозяйственных машин. По договоренности с Советским правительством Межрабпом взял в аренду ряд сельскохозяйственных и промышленных объектов, на которых осенью 1922 г. работало 25—30 тыс. в основном советских рабочих¹. В декабре 1922 г. Ленин писал В. Мюнденбергу: «Столь счастливо начатое дело экономической помощи Межрабпомом Советской России должно быть всемерно поддержано рабочими и трудящимися всего мира... Широкая экономическая помощь мирового пролетариата является в данный момент лучшей и наиболее практической поддержкой Советской России в ее тяжелой экономической войне против империалистических концернов и лучшей поддержкой в деле строительства социалистического хозяйства»².

Межрабпом развернул большую деятельность также в области культуры. Была создана киностудия «Межрабпом-Русь» (впоследствии «Межрабпом-фильм»), которая выпустила десятки документальных и художественных фильмов об Октябрьской революции, гражданской войне и жизни советского народа. Во многих странах возникли комитеты культурных и научно-технических связей с Советской Россией, выросшие в Германии, Голландии, США, Франции в общества друзей Советской России.

Помощь Советской России в деле восстановления промышленности и сельского хозяйства оказывали также различные национальные пролетарские организации. В США и Канаде еще в 1919 г. прежде всего выходцы из России основали Общество технической помощи Советской России. В июле 1921 г. в Нью-Йорке съезд местных организаций общества решил создать «могучую трудовую техническую организацию» людей, готовых отправиться работать в Россию³.

В ноябре 1920 г. представители профсоюзов Нью-Йорка учредили Американский рабочий альянс содействия торговле с Россией, представлявший 800 тыс. организованных рабочих. Обратившись

Межрабпом и другие организации — 33 млн. пудов. — «Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала», 1922, № 18.

¹ «Правда», 1 ноября 1922 г. См. также: *Н. Ф. Шитов*. В. И. Ленин и пролетарский интернационализм (1917—1924 гг.). М., 1974, стр. 303—310.

² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 315—316.

³ Подробнее см.: *Г. Я. Тарле*. Друзья Страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920—1925 гг. М., 1968.

к госдепартаменту с требованием установить торговые отношения с Советской Россией, он указывал, что их нормализация будет способствовать уменьшению безработицы в США. Альянс получил поддержку 12 межнациональных и национальных союзов АФТ, многих штатных федераций профсоюзов, центральных рабочих советов 72 городов, представлявших свыше 2 млн. рабочих¹.

Советское правительство с большим вниманием относилось к организации иностранной иммиграции. Еще весной и летом 1920 г. в радиопередачах из Москвы говорилось о необходимости предварительной присылки специальных делегаций, которые на месте ознакомились бы с условиями жизни, обеспечения продовольствием и жильем, причем Ленин особо подчеркивал: «Заграничные рабочие должны знать правду, что они идут на лишения, переселяясь к нам»². Каждый иммигрант должен был подписать обязательство «работать с максимальным напряжением и с наибольшей производительностью труда и дисциплиной, превышающими капиталистическую норму, ибо иначе опередить капитализм и даже догнать его Россия не в состоянии»³. 22 июня 1921 г. было принято специальное постановление СТО «Об американской промышленной эмиграции»⁴.

В феврале 1921 г. был заключен первый договор о передаче группе американских реэмигрантов-коммунистов московского автомобильного завода АМО. Затем рабочим-швейникам было разрешено организовать в Москве швейную фабрику, используя привезенное оборудование. Наиболее крупным было соглашение о сдаче в аренду части Кузнецкого бассейна в районе Кемерово — так называемой Автономной индустриальной колонии Кузбасс (АИК-Кузбасс). Ее возглавляли голландский коммунист инженер С. Ю. Рутгерс и руководитель «Индустриальных рабочих мира» Уильям Хейвуд. В апреле 1923 г. в Кемерово на шахтах и коксохимическом заводе в двухтысячном коллективе рабочих и служащих колонии работало 230 иммигрантов, представителей более 20 национальностей⁵.

Американское Общество технической помощи организовало коллективный отъезд в Россию электротехников, взявшихся помогать в деле электрификации. С конца 1921 по октябрь 1922 г. общество направило в Советскую Россию семь сельскохозяйственных, две строительные, одну шахтерскую коммуну и ряд групп. Они привезли в Россию машины, семена, продовольствие и оборудование на сумму около полумиллиона долларов. Сельскохозяйственные коммуны, созданные обществом, успешно работали в Тамбовской и Одесской

¹ См. В. Л. Мальков. Великий Октябрь и рабочее движение в США (1917—1922 гг.). — «Американский ежегодник. 1978», стр. 38—39.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 193, 425.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 125—126.

⁴ См. Ленинский сборник XX. М., 1932, стр. 202.

⁵ См. Г. Я. Тарле. Указ. соч., стр. 117—118, 287, 320.

губерниях, группа американских шахтеров трудилась в Донбассе. Летом 1922 г. в Россию прибыл тракторный отряд во главе с коммунистом агрономом Гарольдом Вэром, посланный Обществом друзей Советской России. Отряд привез 21 трактор и работал в совхозе «Тойкино» Пермской губернии, успешно демонстрируя крестьянам преимущества механизированной обработки земли¹.

Работа в Советской стране стала вместе с тем хорошей школой трудового и политического воспитания для представителей рабочего класса капиталистических стран, раскрывавшей преимущества новых, социалистических отношений. Как отметил Г. Вэр, работа в Стране Советов «обогатила их знанием уроков революции и коммунистической организации»². В октябре 1922 г. по предложению Ленина совхоз «Тойкино» и коммуны в Тамбовской и Одесской губерниях были признаны ВЦИК образцовыми хозяйствами. Поблагодарив оба общества, Ленин заметил, что «ни один вид помощи не является для нас столь своевременным и столь важным»³.

Когда в 1923 г. обострились нападки империалистов на Советский Союз, рабочие многих стран усилили выступления с требованиями его признания и прекращения провокаций. Созданный в США «Рабочий союз пропаганды за признание России» провел 19 марта в Нью-Йорке 6-тысячный митинг, на котором сенатор Бора заявил, что «Советское правительство отвечает всем требованиям... и является единственным правительством в Европе, которое в настоящее время может вести совершенно самостоятельную политику»⁴.

Рабочие Англии и Шотландии протестовали против угрозы разрыва англо-советского торгового соглашения⁵. В ответ на «ультиматум Керзона» они провели массовые демонстрации. У. Галлахер заявил на одном из митингов, что причина керзонских угроз заключается в том, что Россия «хотя и медленно, но твердой рукой кладет крепкий и прочный фундамент для восстановления своего народного хозяйства». Английский рабочий класс «не позволит азартным игрокам из рядов империализма пустить им пыль в глаза»⁶. С осуждением внешней политики английских правящих кругов выступили рабочие Швеции, Германии, Индии. Межрабпом опубликовал воззвание «Руки прочь от Советской России!», подписанное К. Цеткин, М. Андерсеном-Нексе, А. Барбюсом, М. Горьким, В. Мюнценбергом⁷.

Советский народ даже в те трудные годы, когда он сам испытывал тяжелую нужду, неизменно откликался на все события в мире, где требовалась не только морально-политическая, но и материальная

¹ См. Г. Я. Тарле. Указ. соч., стр. 264—281.

² Там же, стр. 350.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 229.

⁴ «Правда», 21 марта 1923 г.

⁵ «Daily Herald», 7, 8. II. 1923.

⁶ «Рабочая Москва», 15 мая 1923 г.

⁷ См. Д. Мичев. Указ. соч., стр. 95.

помощь. Так, когда в апреле 1921 г. английские горняки начали забастовку, IV Всероссийский съезд профсоюзов принял решение направить бастующим шахтерам 200 тыс. руб. золотом¹. В течение нескольких месяцев кампания помощи проходила во многих районах страны. Осенью 1921 г. советский рабочий класс выразил братскую солидарность с забастовавшими рабочими Франции. «Русский пролетариат с глубоким вниманием следит за вашей борьбой», — писал Президиум ВЦСПС, и шлет бастующим рабочим «в знак братской солидарности 10 тысяч франков, выражая сожаление, что он не может в условиях, в которых находится сейчас голодная Россия, послать больше своим борющимся братьям»². В 1922 г. советские рабочие оказали материальную помощь бастовавшим деревообделочникам Италии, табачникам и кожевникам Болгарии.

Едва началась оккупация Рура, как по всей Советской стране прокатилась волна митингов и собраний протеста, развернулся сбор пожертвований. 29 января 1923 г. президиум ВЦСПС, выражая настроения трудящихся СССР, решил направить борющимся рурским рабочим 100 тыс. руб. золотом³. Особенно активно кампания проходила среди советских горняков. В начале февраля 1923 г. III пленум ЦК Всероссийского союза горнорабочих постановил ассигновать 100 тыс. руб. бастующим шахтерам Рура, издал сборник «Рур наш» тиражом в 300 тыс. экз., а средства от его реализации направил в фонд помощи. Значительные средства были собраны шахтерами Донецкого бассейна и Кузбасса⁴. Советские профсоюзы собрали и отправили пролетариату Рурской области также 500 тыс. пудов хлеба⁵. Первая его партия была доставлена в Германию 29 марта 1923 г. на пароходе «Русь». В связи с этим в Гамбурге 5 апреля состоялся массовый митинг. Выступая на нем, Э. Тельман от имени компартии и пролетариата Германии выразил сердечную благодарность трудящимся СССР за братскую солидарность. Один из членов делегации советских профсоюзов, приехавшей для передачи хлеба, писал, что советская рожь оказалась такой «живой пропагандой, которая не может сравниться с тысячами революционных воззваний и резолюций»⁶.

Германский пролетариат высоко оценил помощь рабочего класса СССР. Центральный Совет германских фабзавкомов писал: «Мы приносим вам нашу горячую благодарность от имени революцион-

¹ См. «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)». М., 1958, стр. 282.

² «Труд», 2 октября 1921 г.

³ См. «Красный Интернационал профсоюзов», 1923, № 1, стр. 154.

⁴ См. там же; «Труд» — детям Рура», 25 марта 1923 г., специальный выпуск.

⁵ См. «Труд», 4 марта 1923 г.

⁶ Б. Г. Козелев. Оккупация Рура и российские профессиональные союзы. М., 1923, стр. 4.

ного пролетариата Германии... Вы, сами страдая от голода и лишений вследствие экономической блокады мирового капитала, находясь под угрозой палачей империализма, уделяете голодающим массам Германии из того немногого, что вы сами имеете. Мировая история не знает еще подобного примера, достойного удивления, братской помощи... Это придает нам новые силы и новую твердость»¹.

Особенно действенную поддержку советский рабочий класс оказал пролетариату Германии тогда, когда его положение в результате дезорганизации экономики и жестокой инфляции стало осенью 1923 г. крайне тяжелым и в стране разразился голод. Исполбюро Профинтерна и ИККИ призвали все революционные профсоюзы и партии помочь германским рабочим, а Межрабпом создал интернациональный комитет помощи. В Берлине была проведена специальная международная конференция². В Советской стране сбор проводился под лозунгом «Хлеба немецким рабочим!». Московский Совет призвал всех трудящихся России «взяться за сбор пожертвования»³. На Украине действовала Всеукраинская комиссия по организации помощи германским рабочим⁴. Всего было собрано 13 тыс. т хлеба и другого продовольствия, передано в фонд помощи рабочему классу Германии 542,5 тыс. золотых марок. То была четвертая часть средств, присланных из-за рубежа⁵.

Осенью 1923 г. рабочий класс СССР участвовал также в акциях солидарности с трудящимися Японии, пострадавшими от разрушительного землетрясения, которое лишило крова и средств к существованию более 2 млн. рабочих и крестьян. «Мы никогда не считали японский народ врагом, даже тогда, когда русская и японская армии, брошенные друг на друга кликами русских и японских милитаристов, дрались в 1904—1905 гг. на полях Маньчжурии... — писала в те дни «Правда». — Мы всегда умели отделять нечистое и жестокое дело классовых хищников от народа. И японский народ... мы всегда считали другом и братом трудящихся и России и СССР»⁶. В Японию была направлена большая партия лесоматериалов. Свыше 125 тыс. руб. было передано пострадавшим через советского представителя в Японии, а 115 тыс. руб. — через Межрабпом, который в те дни проводил международную кампанию солидарности с трудящимися Японии⁷. «Японцы, с которыми мы тогда встречались, — вспоминал

¹ «Правда», 14 марта 1923 г.

² W. Münzenberg. Op. cit., S. 167—168.

³ «Рабочая Москва», 29 августа 1923 г.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 7, д. 64, л. 13.

⁵ «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1964, Nr 5, S. 929; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, л. 218; «Вопросы истории», 1966, № 7, стр. 52.

⁶ «Правда», 5 сентября 1923 г.; W. Münzenberg. Op. cit., S. 243—244.

⁷ «Исторический архив», 1960, № 5, стр. 233.

ветеран флота Е. Д. Бессмертный, прибывший в те дни в Японию с грузом леса, — были глубоко взволнованы: страна, только что сама перенесшая жестокую войну, протянула им руку помощи¹.

Вскоре трудящиеся Советской страны на многочисленных митингах и собраниях заявили свой гневный протест против жестокой расправы над участниками Сентябрьского восстания в Болгарии. Собрания Сормовской организации РКП(б) и партийной ячейки фабрики «Красные ткачи» в Ярославской губернии постановили отчислить часть заработка в пользу семей болгарских рабочих и коммунистов. В знак солидарности с болгарскими революционерами рабочие Москвы и Петрограда в октябре — поябре 1923 г. избрали почетными депутатами своих городских Советов Г. Димитрова, Д. Благоева, В. Коларова². За три месяца трудящиеся СССР собрали в фонд помощи болгарскому революционному движению около 30 тыс. долл. Кроме того, 5 тыс. долл. было послано в виде единовременного пособия³.

Общество старых большевиков, от имени которого выступил Феликс Кон, внесло на IV конгрессе Коминтерна предложение о создании Международной организации помощи борцам революции (МОПР). Организация, основанная в 1922 г., взяла на себя оказание материальной и юридической поддержки жертвам белого террора, борцам против фашизма и войны, а также их семьям. Деятельность МОПР, развернувшаяся в последующие годы, немало способствовала укреплению интернациональной солидарности трудящихся⁴. Только с марта 1923 до января 1924 г. ЦК МОПР направил политзаключенным материальную помощь в размере почти 96 тыс. долл. и 3 тыс. фр., причем почти $\frac{2}{3}$ ее пришлось на долю Германии и Болгарии⁵. В 1923 г. политическое убежище в СССР нашли свыше 3700 политических эмигрантов⁶, которые обеспечивались жильем, работой и лечением. Одна из главных функций МОПР заключалась в шефстве над политзаключенными в странах капитала. К концу 1923 г. 82 мопровские организации СССР шефствовали над политзаключенными более чем 30 тюрем капиталистических стран, вели переписку с узниками, посылали им подарки, поддерживали их морально⁷.

¹ «Правда», 13 ноября 1973 г.

² «Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы», т. I (ноябрь 1917 — сентябрь 1944). М., 1976, стр. 196—199.

³ См. «Славяне», 1958, № 9, стр. 20.

⁴ См. Ф. Кон. Как был основан МОПР. М., 1932; «Под знаменем международной пролетарской солидарности», стр. 95—103.

⁵ См. «Известия», 2 февраля 1924 г.

⁶ См. А. И. Аврус. МОПР в борьбе против террора и фашизма. 1922—1939. Саратов, 1976, стр. 121.

⁷ См. «МОПР», 1924, № 1, стр. 30.

* * *

Становление и развитие международной пролетарской солидарности имели своим естественным центром первое в мире государство рабочих и крестьян, ставшее аванпостом всемирной социалистической революции. «Все события мировой политики,— писал Ленин,— сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики». Республика Советов столь же естественно группирует вокруг себя, с одной стороны, все движения передовых рабочих капиталистических стран, а с другой — все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей. «Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено»¹.

Подводя итог пятилетнего существования Советской России, IV конгресс Коминтерна отметил, что пролетарское государство, невзирая на исключительные трудности и опасности, «блестяще доказало свою жизнеспособность». Конгресс напомнил трудящимся всех стран, что само существование и вся деятельность Советской страны нанесли самый сокрушительный и непоправимый удар мировому капитализму. Это явилось неоценимой помощью угнетенным и эксплуатируемым всего мира в их борьбе за освобождение от цепей рабства. «Пролетарии России полностью выполнили свой долг революционных передовых бойцов мирового пролетариата. Мировой пролетариат должен, наконец, в свою очередь, выполнить свой долг»². Незыблемой основой международной пролетарской солидарности является общность главной цели. «Интернациональная солидарность,— говорил в связи с 60-летием Коминтерна Б. Н. Пономарев,— это достояние всего коммунистического движения, каждая партия пользовалась им в прошлом, пользуется сейчас и может воспользоваться в будущем. Что касается КПСС, то мы никогда не понимали ее односторонне, как нечто полезное только нашей партии. Интернациональная солидарность нужна всегда, всем коммунистам. Ее испытанная сила состоит в том, что она сплачивает коммунистов для решительной и своевременной поддержки тех, кто в ней в данный момент особенно нуждается»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 163, 168.

² «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 469—470.

³ Б. Н. Пономарев. О 60-й годовщине образования Коммунистического Интернационала. — «Революционное наследие Коммунистического Интернационала. Научная конференция, посвященная 60-летию основания Коммунистического Интернационала. Москва, 16 марта 1979 г.». М., 1980, стр. 18—19.

МЕЖДУНАРОДНАЯ РОЛЬ ЛЕНИНИЗМА

Незадолго до начала первой мировой войны В. И. Ленин писал в одной из своих статей о трех периодах в истории международной социал-демократии. Первый из них — период зарождения социалистических идей и классовой борьбы пролетариата. Второй — период образования, роста и возмужания массовых социалистических партий классового, пролетарского состава, распространения социализма вширь. Однако, продолжал Ленин, «на смену стучится уже в последние годы третий период, когда подготовленные силы в ряде кризисов осуществят свои цели»¹. Этот период действительно вскоре наступил. И ему суждено было стать началом эпохи коренного преобразования человеческого общества.

ЛЕНИН И МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Конец XIX — начало XX в. были ознаменованы не только переходом от капитализма домонополистического к империализму, но и началом эпохи революционных бурь и социальных потрясений, в которых решающая роль принадлежала пролетариату. Это было также время становления ленинизма, вызванного к жизни всем ходом российского и международного рабочего движения. В условиях усиливавшихся атак ревизионизма и реформизма на революционное учение Маркса и Энгельса первой задачей была защита его основ.

Ленинизм с самого его зарождения характеризовало то, что он не ограничивал отпор идейному противнику опровержением неверных и вредных взглядов, а неизменно связывал это с анализом новых явлений и процессов, с дальнейшим развитием теории, включая, если необходимо, также смелые новые идеологические, практически-политические, организационные выводы. В своей теоретической деятельности Ленин широко охватил все составные части марксизма — философию, политическую экономию, научный коммунизм, внося в каждую из них значительный вклад.

«Бесценным идейно-теоретическим и методологическим оружием революционеров всех стран стало ленинское учение об империализме, о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о партии, о классовых союзниках пролетариата в борьбе за демократию и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 364.

социализм, о неразрывной связи социального и национального освобождения, а также о принципах мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Важное значение имеют ленинские идеи о защите социалистического Отечества. Венцом теоретического творчества Ленина явилась созданная им наука о путях строительства социализма и коммунизма»¹.

Ленин показал, что империализм — это последняя стадия капитализма, паразитического и загнивающего, а потому реакционного и агрессивного, ввергнувшего народы в пучину мировой войны. Ленинские характеристики возникновения государственно-монополистического капитализма остаются и в наши дни методологической основой научного подхода к исследованию его последующего развития.

Ленин ясно поставил проблему неизбежности дальнейшей интернационализации средств производства и обмена, а на этой основе разрастания международных связей и переплетений капитала, как частного, так и государственно-монополистического. С этим объективным процессом Ленин связывал также усиление международного характера всех процессов классовой борьбы. На первый план, указывал он, выдвигается «антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением»².

На основе анализа империализма Ленин заключил, что превращение капитализма периода свободной конкуренции в капитализм монополистический означает гигантское ускорение созревания предпосылок социализма. Это, однако, не только не может служить основанием для отказа от классовой борьбы или ее ослабления, а, напротив, свидетельствует об иллюзорности надежд на то, что империализм способен в результате каких-либо реформ или частичных усовершенствований изменить свою социальную природу. Сам собой он никогда не перерастет в социализм, и потому рабочему классу придется революционным путем, в трудной борьбе преодолевать, ломать господство капитала.

Решающее значение Ленин придавал ключевой проблеме — путям и формам борьбы рабочего класса в условиях империализма, осуществлению им социалистической революции. Он подверг при этом глубокому анализу все важнейшие аспекты проблемы:

— соотношение между развитием капитализма на стадии империализма, ростом численности рабочего класса и его влияния, между уровнем жизни рабочего класса (в широком понимании этого слова) и эволюцией его классового, политического сознания;

¹ «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Постановление ЦК КПСС от 13 декабря 1979 г.». М., 1980, стр. 3.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 264.

— новое содержание трех основных форм борьбы рабочего движения (экономической, политической и теоретической), в частности возрастающее значение политико-идеологической борьбы, которая по сути своей является борьбой за массы;

— усиление в эпоху перехода человечества от капитализма к социализму роли партии нового типа, способной осуществить такое соединение марксизма с рабочим движением, чтобы оно смогло систематически вырабатывать в себе готовность, волю и умение практически бороться за устранение власти капитала, за социализм;

— теорию и практику подготовки и проведения социалистической революции (включая вопросы о союзах и союзниках пролетариата, о соотношении различных методов его борьбы, об этапах развития революции, рассматриваемой как социальный процесс).

Делом жизни Ленина было прежде всего создание и укрепление большевистской партии. Речь шла о партии, «способной возглавить массы и повести их на бой с царизмом, партии, готовой не только отвоевать Россию у помещиков и буржуазии, но и управлять Россией, обеспечить торжество диктатуры пролетариата. За такую партию Ленин непримиримо боролся с меньшевиками, с троцкистами, с различного рода оппортунистами. Партия нового типа — это... высшее воплощение неразрывного единства революционной теории и революционной практики. Это величайшее наследие, оставленное Лениным всемирному революционному движению, строителям социализма и коммунизма»¹.

Ленинская партия создала такой плодотворный сплав революционной мысли и действия, который позволил пролетариату России в октябре 1917 г. осуществить свою историческую миссию и совершить победоносную социалистическую революцию. Ее вдохновителем, вождем и организатором был Ленин. Знаменем революции, ее платформой и программой был ленинизм. Можно потому с полным основанием сказать, что *ленинизм — это марксизм XX в., той исторической эпохи, когда рабочий класс стал способен осуществить свою всемирно-историческую миссию, когда он приступил к социалистической перестройке жизни человечества.*

После Октября начался новый период деятельности Ленина, совершенно исключительный по своей напряженности и плодотворности. Трудно даже представить, каких усилий ума и воли потребовали свершения первых послеоктябрьских лет:

— по территории громадной страны (одна шестая часть мира!) с разнообразнейшими условиями прошла победным, триумфальным маршем социалистическая революция;

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М. 1970, стр. 554—555.

— в кратчайший срок была создана небывалая рабоче-крестьянская власть, власть Советов, основанная на активности многомиллионных масс;

— страна, чудовищно разрушенная войной, смогла мобилизовать присущие новому строю могучие внутренние силы; рабочие и крестьяне сумели отстоять завоевания Октября от внутренних врагов, успешно отразить нашествие объединенных сил империалистов;

— были найдены практические пути, средства и методы осуществления (притом в сложнейших внутренних и международных условиях) постепенного перехода от капитализма к социализму, заложены основы социалистического созидания во всех сферах жизни (плановое ведение хозяйства, социалистическая индустриализация, начало перевода деревни на социалистическую кооперативную основу, социалистическая культурная революция);

— началось практическое осуществление политики, направленной не только на национальное освобождение, но и на ликвидацию фактического неравенства угнетавшихся царизмом национальных окраин России, на подъем их экономики и культуры, создание могучего социалистического многонационального государства;

— развернулась последовательная борьба Страны Советов за мир, которая уже в первые годы полностью доказала историческую обоснованность ленинской установки на длительное мирное сосуществование государств с различным общественным строем.

И в каждое из этих свершений Ленин внес свой вклад, вложил всю силу своего ума, своего сердца, своей души.

Как писал в разгар событий один из соратников Ленина и активных участников великой стройки, В. В. Воровский, «грозные эпохи исторических переломов рождают людей, которые как бы воплощают в себе душу переживаемого момента. Эти люди являются средоточием и носителями того нового, грядущего, высшего, которое борьбой пробивает себе дорогу и завоевывает право на существование. Таким человеком в нашу эпоху перелома от капитализма к социализму является Владимир Ильич Ульянов-Ленин»¹.

Раскрывая глубинный источник того громадного авторитета, которым пользовался Ленин как организатор и вдохновитель огромных побед, Воровский указал на то, с каким вниманием Ленин относился к коллективному опыту окружавших его людей: «Умение собирать в себе, как в фокусе вогнутого зеркала, опыт и знания многих и многих и претворять их в своей богатой умственной лаборатории в общие идеи и общие лозунги и составляет его редкую способность»².

Ленин не только учил массы, но и всегда сам учился у них. Как никто другой, он умел связывать теоретическую мысль с практиче-

¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 3. М., 1979, стр. 5.

² Там же, стр. 7.

скими задачами революционного класса, поддерживать и развивать духовную связь с массами. Он не боялся открыто признать, что строительство социалистического общества и государства требует таких новых знаний, каких не было ни у кого, что необходим непрерывный поиск новых путей и решений.

«Все, что мы знали,— говорил Ленин в мае 1918 г.,— что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы... Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли»¹. Поскольку приходится идти неизведанным путем, нужно по крупницам пакапливать опыт, каждый шаг выработывать самим, на ходу исправляя те или иные ошибки. Помочь делу способна лишь самая широкая инициатива масс трудящихся. «Только коллективный опыт, только опыт миллионов,— продолжал Ленин,— может дать в этом отношении решающие указания именно потому, что для нашего дела, для дела строительства социализма недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, которые делали историю до сих пор и в обществе помещичьем и в обществе капиталистическом»².

На Коммунистическую партию, профсоюзы и другие организации трудящихся Ленин возлагал поэтому задачу воспитания масс, прежде всего рабочего класса, их обучения делу непосредственного участия в управлении государством, руководстве хозяйством, строительстве нового, социалистического производства и распределения. Самой высокой и важной, самой необъятной и трудной он считал задачу «научить массу управлению, не книжному, не лекциями, не митингами, научить опытом, сделать так, чтобы на место того передового слоя, который пролетариат дал из своей среды, который он поставил командовать, организовывать, входило все больше и больше в эти ведомства, все новые и новые слои рабочих, чтобы на место этого нового слоя пришло десять таких же»³.

В этом и состояло прежде всего высшее проявление того подлинного демократизма, который связан с социализмом и является его неперенной предпосылкой. Всемирное развитие инициативы трудящихся неотрывно от ленинской идеи о демократическом централизме как основе деятельности социалистической системы планового государственного и экономического управления, требу-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 379—380.

² Там же, стр. 380.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 451.

ющих неукоснительного соблюдения норм социалистической законности и правопорядка.

Теоретическая проницательность и обобщение реального опыта позволили Ленину всесторонне продумать проблемы переходного периода от капитализма к социализму, периода, когда происходит революционное преобразование всей структуры общества. Частная капиталистическая собственность на основные средства производства заменяется общественной, ликвидируются эксплуататорские классы в городе и деревне и порождаемые их господством антагонизмы. Ленину принадлежит разработка теории и политики перехода от капитализма к социализму, и в том числе идея нэпа, политики, рассчитанной на создание фундамента социалистической экономики при временном допущении элементов капитализма и их постепенном вытеснении, идея плана ГОЭЛРО и (впервые в мировой практике!) долгосрочного планирования народного хозяйства в масштабах целой страны, программа культурной революции в ее подлинном, гуманном смысле слова. Эти и другие мысли Ленина были новым словом марксизма.

Развивая учение Маркса и Энгельса, он раскрыл *закономерности революционного перехода от капитализма к социализму*, пути и методы строительства социализма, исследовал механизм их действия и тем самым указал рабочему классу реальный путь к решению его всемирно-исторической задачи. Все эти открытия в целом и составляют ныне непоколебимую основу марксизма-ленинизма, ибо «нет и не может быть марксизма без того нового, что внес в его развитие Ленин»¹.

Сегодняшние условия — и на Западе, и на Востоке — во многом несхожи с особенностями обстановки в России в начале 20-х гг., когда впервые формировался курс строительства нового общества. Вместе с тем разработки Ленина содержат общезначимые, фундаментальные принципы социалистической политики в различных сферах жизни. В них заключено такое богатство идей относительно форм и методов борьбы за социализм, что они дают путеводную нить для любых условий, для любой страны. Разумеется, все остальное — конкретные приемы и детали великой работы по переходу к социализму — должна разрабатывать самостоятельно революционная партия каждой страны.

В наши дни огромный интерес вызывают соображения Ленина о том, что социализм, как первая фаза коммунистической формации, проходит через качественно различные этапы (построение социализма в основном, развитое социалистическое общество). Огромное теоретическое (а теперь во все большей степени и непосредственно

¹ «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», стр. 4.

практическое) значение имеет развитие Лениным мыслей Маркса и Энгельса о путях перехода от первой фазы коммунистической формации ко второй.

Оценивая проведенную Лениным гигантскую работу по изучению закономерностей развития социализма, необходимо всегда помнить, подчеркивал Л. И. Брежнев, какие «нужны были всепроникающая глубина ума, широта кругозора и смелость мысли, чтобы в развороченной, перепаханной войной и революцией России, в сложнейшем переплетении социально-экономических тенденций, политических сил, противоречивых взглядов и настроений сохранить ясность ориентировки, найти и представить в теоретически безупречной форме главные, основные направления движения к социализму»¹.

Как известно, о роли личности и вклада Ленина в историю многократно высказывались и те, кто не был сторонником марксизма, в том числе такие известные писатели и прогрессивные деятели, как Ромен Роллан, Анатоль Франс, Томас Манн, Герберт Уэллс.

Бернард Шоу писал в 1931 г.: «Мы должны думать о будущем, о значении Ленина для будущего, а значение его для будущего таково, что если опыт, который Ленин предпринял, — опыт социализма — не удастся, то современная цивилизация погибнет, как уже много цивилизаций погибло в прошлом. Мы знаем теперь из истории, что существовало очень много цивилизаций и что они, достигнув той точки развития, до которой дошел теперь западный капитализм, гибли и вырождались. Неоднократно представители человеческой расы пытались обойти этот камень преткновения, но терпели неудачу. Ленин создал новый метод и обошел этот камень преткновения. Если другие последуют методам Ленина, то перед нами откроется новая эра, нам не будут грозить крушение и гибель, для нас начнется новая история, история, о которой мы теперь не можем даже составить себе какого-либо представления»².

Ныне, когда человечество отметило 60-летие Октября и 110-летие со дня рождения В. И. Ленина, оно имеет уже ясное, четкое представление об этой новой полосе истории, открытой Октябрем. И не случайно, все более и более значительные массы людей труда стремятся вступить на путь, указанный Лениным, на путь социализма. Дело в том, что *«ход истории, глубочайшие преобразования, в корне изменившие облик современного мира, приносят все новые доказательства правоты и несокрушимой силы ленинских идей»*³.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2, стр. 565.

² «Мир о стране Октября». М., 1967, стр. 257.

³ «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», стр. 5.

История XX в. развивается по Ленину — таков вывод, который делают подлинные революционеры, рассматривая реальный ход событий за истекшие восемь десятилетий. Разумеется, буржуазные противники коммунизма стремятся перетолковать этот вывод так, будто в нем проявляется приверженность марксистов-ленинцев идее неограниченного детерминизма — фатальной неизбежности, механической предопределенности всего хода событий. Ставя вопрос таким образом, говорят они, марксизм-ленинизм отказывается от собственного диалектического подхода к общественным процессам. Во многом разделяя эти построения буржуазных идеологов, оппортунисты охотно обвиняют ленинцев в догматизме, в попытках втиснуть все события в прокрустово ложе заранее разработанной схемы.

Все это, однако, ни в какой мере не отвечает реальной действительности. Ленинизм никогда не был и не станет сборником рецептов и рецептов, годных на все случаи жизни. Марксизм-ленинизм — учение живое, развивающееся. Его достоинство состоит в том, что оно учит всесторонне, творчески анализировать конкретную действительность, вырабатывать гибкую политику, учитывающую все возникающие новые факты и явления, сохраняя при этом незыблемость классовых революционных принципов. На основе глубоких научных разработок Маркс, Ленин и их последователи сумели дать не только анализ современной им действительности, но и прогнозы будущего развития. За прошедшие годы и то и другое проверено жизнью, подтверждено историческим опытом.

Когда мы говорим, что история ныне развивается по Ленину, это не голословное утверждение. Напомним главные факты:

— Ленин сделал вывод о том, что *империализм — это высшая и последняя стадия капитализма, когда вся его система в целом созрела для революции и социализма*, а вовсе не некий «организованный капитализм», который сам превратится в свою противоположность, как утверждали реформисты. Истекшие десятилетия убедительно показали, что империализм нигде не превратился в социализм, наоборот, остается его злейшим врагом. Зато на значительной части планеты действительно победили революции социалистические или национально-демократические, развивающиеся в направлении к социализму.

— Ленин сформулировал тезис о том, что *в эпоху империализма возможно осуществить победоносную социалистическую революцию сначала в одной, отдельно взятой, стране* (вопреки утверждениям оппортунистов, пытавшихся, ссылаясь на выводы Маркса и Энгельса, относившиеся к другой исторической эпохе, утверждать, будто революция может победить только одновременно в главных капиталистических странах). Первая социалистическая революция действительно победила первоначально в одной стране. Затем в ней был построен социализм, а теперь успешно строится коммунизм.

— Ленин пришел к выводу о том, что развитие пойдет далее по пути последовательного отпадения от капиталистической системы все новых стран и их сплочения вместе с первой страной социализма в единую социалистическую систему, способную оказывать решающее влияние на мировую политику. Он обосновал при этом положение о многообразии путей подхода к социалистической революции и ее осуществления в зависимости от конкретно-исторических условий. Народно-демократические революции в странах Европы и Азии, революция на Кубе показали, насколько богатыми и оригинальными могут быть формы и методы социалистического строительства. Подтвердился и прогноз о формировании мирового социалистического содружества. В наши дни страны, три десятилетия назад образовавшие СЭВ, представляют собой самый динамичный в мире хозяйственный комплекс. На базе своих экономических и научно-технических успехов страны Варшавского Договора (четвертьвековой юбилей которого был отмечен в мае 1980 г.) добились паритета с империализмом в военном отношении. На международной арене социалистическое содружество прочно держит в своих руках инициативу в постановке важнейших проблем, волнующих народы.

— Вывод Ленина о *необходимости и возможности мирного сосуществования государств, принадлежащих к двум противоположным социальным системам*, империалисты долго отказывались признать. Некоторые из них и в наши дни пытаются оспорить стабильность мирного сосуществования с социализмом. Однако Заключительный акт Совещания в Хельсинки, двусторонние документы, подписанные СССР с многими капиталистическими странами, означают не только фактическое, но и формальное признание правильности этого положения значительной частью буржуазных правящих кругов.

— Развивая выводы Маркса и Энгельса о путях развития колониальных стран, Ленин пришел к заключению о том, что *революционный потенциал народов колониальных и зависимых стран быстро возрастает*, что эти страны смогут сыграть гораздо большую роль в развитии человечества по пути к социализму, чем можно было думать ранее, что, в частности, *для ряда колониальных народов реально возможен некапиталистический путь развития*. Теперь все это убедительно доказано возникновением ряда стран, избравших революционно-демократический путь социалистической ориентации. Путь этот нелегок, да он и не мог быть простым. Но ленинское открытие позволило десяткам миллионов людей ускорить свое продвижение вперед, нащупать новый исторический маршрут социального прогресса.

Поскольку *важнейшие научные прогнозы, разработанные основоположниками марксизма-ленинизма, подтверждены ходом истории*, постольку научная истинность марксизма-ленинизма доказана самым убедительным образом. Это учение является не утопией, умозрительной конструкцией или благим пожеланием, а, как говорили

сами основоположники, «общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения»¹.

Человечество знает теперь уже не одну, а многие победоносные социалистические революции в ряде стран. Оно видело и революции, которые могли привести к победе рабочего класса, но по тем или иным — объективным и субъективным — причинам окончились неудачей. Известны революции, которые начинались как национально-освободительные, демократические, а затем перерастали в социалистические. Мировой революционный процесс, как и предвидел Ленин, развивается сложно, непрямолинейно. Буржуазия, писал он в 1922 г., «в состоянии еще осудить на муки и на смерть миллионы и десятки миллионов людей посредством белогвардейских и империалистских войн... Мучить, истязать, убивать буржуазия пока может свободно. Но остановить неминуемую и — с всемирно-исторической точки зрения — совсем недалекую полную победу революционного пролетариата она не может»².

Коммунисты — партия исторического оптимизма. И оптимизм их — революционный, основанный не на вере и надежде, а на научном проникновении в законы социального прогресса. Законы эти были открыты и развиты основоположниками марксизма-ленинизма. Дальнейшая разработка этих законов в новых условиях — долг их учеников и продолжателей.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКУЮ ЭПОХУ

Если окинуть взглядом путь, пройденный человечеством, нетрудно увидеть поворотные пункты перехода общества в новое качественное состояние. Одним из таких рубежей, притом глубочайшим в истории, был социальный переворот, осуществленный Великим Октябрем. Сущность его обстоятельно рассмотрена в данном томе. «Уничтожение капитализма и его следов, — говорил об этом Ленин, — введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории»³.

Поворот в истории, начатый Октябрем, во-первых, дал возможность решить такие проблемы общественного развития, как обеспечение социального и национального равноправия людей, ликвидация голода, нищеты, безграмотности и т. д., которые уже давно были поставлены на повестку дня самой жизнью, но решить которые мешал капитализм, эксплуататорский строй.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 438.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 176—177.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 425.

Во-вторых, этот поворот позволил приступить к успешному решению совершенно новых проблем, которые возникли в результате ликвидации эксплуататорского строя и создания нового, социалистического общества, т. е. таких проблем, которые никто, нигде и никогда до того не решал. Ленин образно охарактеризовал новизну этих задач, сказав, что, когда народ России начинал революцию, у него не было ни коляски, ни дороги, по которой ему надлежало ехать. Но дорога была открыта, пробита, построена, и могучий локомотив социализма уже более шести десятилетий уверенно движется по ней вперед.

В-третьих, поворот в истории дал толчок к осмыслению таких новых проблем, которые порождаются всемирным развитием, — проблем поистине глобальных, общечеловеческих, от решения которых зависят судьбы всей цивилизации. Характерно, что не капитализм с его многовековым опытом, а именно молодой социализм с его революционным дерзанием первый на деле, реально стал решать задачи всестороннего подъема ранее отсталых народов до уровня передовых, выступил инициатором борьбы за искоренение агрессивных войн и всеобщий мир, за планомерное и хозяйское использование природных богатств и ресурсов, чтобы избежать их хищнического истребления¹.

Тот непреложный факт, что Октябрь открыл *новый этап развития международного рабочего движения*, сказался прежде всего в появлении на арене мировой истории рабочего класса нового типа — рабочего класса социалистического общества. В 1917—1923 гг. он только еще начинал свой исторический путь и многие его черты как социалистического класса лишь складывались. Однако его глубокое качественное отличие от пролетариата капиталистического общества уже определилось: он вместе с другими трудящимися стал владельцем средств производства, начал получать свою долю национального дохода на основе принципа «от каждого по способностям, каждому — по труду», превратился в полноправного распорядителя предприятия, отрасли, экономики и политики всей страны. Он при этом не только сохранил все творческие, созидательные черты, присущие интернациональному пролетариату, но и существенно приумножил их. Будучи все больше связан с самым передовым производством, оставаясь принципиальным противником всякой эксплуатации, он стал влиятельным посетителем идей освобождения человечества, свободы, демократии и социализма.

В свое время Ленин говорил о необходимости создать такие условия, чтобы «привычки, навыки, убеждения, которые рабочий класс вырабатывал себе в продолжение многих десятилетий в борьбе за политическую свободу, чтобы вся сумма этих привычек, навыков

¹ Подробнее см.: В. Загладин, И. Фролов. Глобальные проблемы и будущее человечества. — «Коммунист», 1979, № 7, стр. 92—105.

и идей послужила орудием воспитания всех трудящихся»¹. Эта идея была претворена в жизнь в Советской стране. Уже в первые трудные годы, как показано в томе, авангард советского рабочего класса проявил небывалый массовый героизм, революционную самоотверженность в бою и в труде.

В остальном мире в годы послеоктябрьского революционного подъема произошли существенные изменения как в положении рабочего класса, так и в содержании его освободительной борьбы. Пролетарский авангард, несмотря на проявленный героизм, потерпел ряд поражений и испытал немало горьких разочарований: нигде, кроме Советской России, ему не удалось сломить господство буржуазии. Однако всевластие империалистов пришел конец; вся капиталистическая система была потрясена и вступила в полосу затяжного и неизлечимого *общего кризиса*.

В ходе революционных сражений рабочим развитых капиталистических стран удалось добиться известных — больших или меньших — завоеваний. Свержение в центре Европы реакционных монархий Гогенцоллернов и Габсбургов, возникновение республик в Германии, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Польше, ряда самостоятельных государств было значительным прогрессом. Почти во всех европейских странах было введено (или расширено) всеобщее избирательное право, провозглашены демократические права и свободы. Это, разумеется, не означало, что правящие буржуазные круги и стоявшие за их спиной военно-реакционные организации в Германии или Венгрии, Болгарии, Италии или Польше отказались от пролития крови рабочих и террористического подавления их выступлений. Достигнутая мера политической свободы зависела как от силы и степени организованности пролетариата, так и от остроты классовой конфронтации в той или иной стране.

Под давлением революционной борьбы пролетариата буржуазия ради сохранения своего господства была вынуждена признать право рабочих, организованных в профсоюзы, которые стали значительной силой, на известный минимум социальных условий жизни и труда. В ряде стран Европы был законодательно установлен 8-часовой рабочий день (рекомендованный в 1919 г. Международной конференцией труда). В упорной стачечной борьбе рабочим удалось добиться признания права профсоюзов заключать коллективные договоры об уровне заработной платы и условиях труда. В некоторых странах была введена система социального страхования, включавшая выдачу пособий по безработице, выплату пенсий и возмещений.

Согласившись под нажимом на те или иные уступки, предприниматели при первой возможности, особенно в условиях экономического кризиса, пытались снова их отобрать. Завоевания рабочих были поэтому непрочными и не только не ослабляли накал классовых

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 401.

боев, но то и дело вызывали их новое обострение. Революционный авангард старался закрепить достигнутое и продвинуть борьбу дальше этих частичных и временных успехов. Выдвигались требования национализации крупных предприятий, шахт, целых отраслей промышленности и транспорта, установления рабочего контроля над производством, изменения налоговой политики, решения жилищной проблемы. Все чаще рабочие требовали прекращения ограничений политических свобод, обуздания и разоружения реакционных и фашистских формирований, выступали в поддержку аграрных требований крестьян и т. п.

Рабочий класс с возрастающей энергией откликался на политические события как в собственной стране, так и на международной арене. В томе обстоятельно рассмотрены массовые проявления интернациональной солидарности пролетариата. Они нашли выражение прежде всего в мощном движении, охватившем весь мир, «Руки прочь от России!», а также в организованной помощи голодающим Поволжья, в поддержке немецких трудящихся в связи с оккупацией Рура, в выступлениях в защиту жертв репрессий в Венгрии, Болгарии, Германии, в помощи пострадавшим от землетрясения в Японии и т. д. Никогда прежде международная активность пролетариата не достигала таких масштабов.

Существенные изменения произошли в послеоктябрьские годы в политической организации рабочего класса. В большинстве стран в результате острого размежевания революционеров и реформистов возникли самостоятельные коммунистические партии. В какой-то мере повторилось то, что раньше произошло в России: революционный марксизм, теперь обогащенный ленинизмом, соединился на новом этапе с рабочим движением и стали складываться партии нового типа. Это было проявлением внутренних потребностей рабочего движения, и ни в одной из стран Запада или Востока коммунистические партии не были «насаждены из Москвы». Но столь же естественно, что революционный авангард стремился изучить опыт партии, уже добившейся исторической победы, и перенять то, что можно было применить в условиях той или иной страны¹.

Объединение молодых компартий в Коммунистический Интернационал было продиктовано очевидной необходимостью «аккумулировать опыт международного рабочего движения на новой стадии его развития, опыт, качественно обогащенный Октябрьской революцией в России и революционным подъемом в других странах. Речь шла о том, чтобы защитить интересы трудящихся, спасти дело социализма, спасти интернационализм от шовинизма и социал-шовинизма, возродить в новых условиях лучшие традиции международных пролетар-

¹ Подробнее см.: В. Загладин. Великий Октябрь и возникновение коммунистических партий. — «Коммунисты и общественный прогресс». М., 1978, стр. 59—103.

ских организаций, связанные с именами основателей научного коммунизма — Маркса и Энгельса»¹.

Рождение современного коммунистического движения навсегда покончило с почти безраздельным господством социал-демократии в рабочем движении. Реформизму и соглашательству, способному — в самом лучшем случае — добиваться частичных и временных успехов, была противопоставлена революционная стратегия и тактика, нацеленная на коренное преобразование общества и государства, на продвижение человечества к социализму и коммунизму.

В первые годы — и это было обусловлено как объективной ситуацией, так и субъективными обстоятельствами — коммунистическое движение ориентировалось на прямой штурм твердынь капитализма. Социалистическая революция считалась непосредственной задачей дня. В противовес буржуазной демократии и парламентаризму выдвигалось требование диктатуры пролетариата и Советской власти. Однако в 1920, а особенно в 1921 г. стало ясно, что обстановка в мире изменилась и необходима новая политическая ориентировка.

Под руководством Ленина коммунистическое движение наметило переход от штурма к более или менее длительной осаде. В сложившихся условиях коммунистам следовало, считал Ленин, прежде всего решить трудную задачу завоевания на свою сторону большинства рабочего класса, трудящихся масс. Важной предпосылкой успеха было преодоление революционерами широко распространившейся «детской болезни «левизны»», которая грозила им самоизоляцией и сектантством. Ленин настойчиво учил коммунистов, что стратегия и тактика революционной партии в классовой борьбе требуют соединения строгой научности анализа ситуации и высокого искусства политического руководства. Он советовал им упорно работать во всех массовых организациях, пользоваться всеми формами и средствами борьбы, применять гибкую тактику, не бояться компромиссов, смело идти на политические союзы.

На основе обобщения коллективного опыта Ленин и Коминтерн разработали в это время основы коммунистической стратегии, тактики и организации. Стратегическая линия, рассчитанная на систематическую и всестороннюю подготовку к грядущим революционным боям, предусматривала укрепление боевой партии рабочего класса, как передового, сознательного авангарда, вождя масс. В развитие ленинской идеи гегемонии пролетариата уделялось много внимания проблеме союзников, прежде всего путям и методам вовлечения в борьбу широких слоев трудового крестьянства, а также городских средних слоев, интеллигенции.

¹ Б. Н. Пономарев. О 60-й годовщине образования Коммунистического Интернационала. — «Революционное наследие Коммунистического Интернационала. Научная конференция, посвященная 60-летию основания Коммунистического Интернационала. Москва, 16 марта 1979 г.», М., 1980, стр. 4—5.

В общем революционном подъеме послеоктябрьского периода принимали участие, хотя и в разной степени, рабочие и другие трудящиеся стран Латинской Америки, Азии, Африки. Ленин и Коминтерн определили место национально-освободительных движений угнетенных народов колониальных и зависимых стран в развертывавшейся антиимпериалистической борьбе. Они рекомендовали только еще складывавшимся коммунистическим организациям активно участвовать в национально-революционной борьбе, учитывая своеобразие социально-экономических и политических условий своих регионов и стран.

В обстановке, созданной наступлением капитала и угрозой фашизма, коммунисты европейских стран, преодолевая сомнения в собственных рядах, выдвинули на первый план *тактику единого рабочего фронта*, а затем также идею рабочего и рабоче-крестьянского правительства. Компартии и Коминтерн разработали программы единых действий разных отрядов, течений и организаций рабочего класса, вели переговоры на национальном и международном уровнях с социал-демократическими деятелями о совместной борьбе за частичные требования трудящихся, против реакции и фашизма. Идея антиимпериалистического фронта в колониальных и зависимых странах тоже способствовала объединению прогрессивных элементов, соединению в общей борьбе всех трех главных сил революционного движения — Советской России, пролетариев капиталистических стран, угнетенных народов колоний и полукolonий.

Эти принципиально новые для того времени политические идеи взаимодействия коммунистического и социал-демократического течений в рабочем движении, сплочения в антиимпериалистической борьбе сил различного социального и политического уровня были плодом коллективного творчества коммунистов под руководством и при непосредственном участии Ленина. Хотя при его жизни было положено лишь начало их реализации и единство удалось осуществить только в небольшой степени, эти идеи и накопленный опыт пригодились в дальнейшем. Они и ныне лежат в основе «современной стратегии коммунистического движения, направленной на развитие диалога и сотрудничества различных течений рабочего, демократического движения, на формирование антимонополистических, антивоенных, антиимпериалистических союзов»¹.

В эпоху, открытую Октябрем, и чем дальше, тем явственнее, стала сказываться издавна известная марксистам, но скрытая от широких масс усилиями социал-реформистов имманентная связь социальных противоречий с развитием революционного процесса.

¹ Б. Н. Пономарев. О 60-й годовщине образования Коммунистического Интернационала, стр. 8.

Механизм воздействия основных противоречий на размах и глубину движений народных масс, прежде всего на классовую борьбу пролетариата, а также на все развитие общественной системы лишь в недавнее время стал объектом внимания марксистских авторов. Объясняется это тем, что данная проблема «созрела» и приобрела особое значение именно в последние годы. Она несомненно заслуживает дальнейшей разработки, ибо помогает осмыслить глубинные причины неизбежного дальнейшего роста революционных тенденций.

До Октября ведущую роль в революционном процессе играло социальное противоречие *«труд — капитал»*. Оно было (а в капиталистическом мире остается и теперь) основным возбудителем классовой борьбы пролетариата. В послеоктябрьском мире система социальных противоречий, определяющих развитие общества, претерпела коренные изменения. Первое и главное заключалось в том, что в результате раскола мира на две противостоящие друг другу социальные системы возникло новое противоречие общественного развития, которое Ленин характеризовал как состязание «двух способов, двух формаций, двух хозяйств — коммунистического и капиталистического»¹. Появление противоречия *«социализм — капитализм»* — результат развития противоречия между трудом и капиталом, как бы высшее его выражение в мировом масштабе. Но, продолжая по своему существу линию старого противоречия *«труд — капитал»*, новое противоречие приобрело вместе с тем свои особые качественные характеристики.

Это противоречие разворачивается, во-первых, между освободившимся трудом — свободным рабочим классом стран социализма, сбросившим иго капитала, и буржуазией всех стран, выступающей как его злейший, непримиримый враг; во-вторых, в основном вне капиталистического мира (хотя борьба социалистической и буржуазной идеологий идет в различных формах и в самих капиталистических странах); в-третьих, противоречие *«социализм — капитализм»* активно взаимодействует с главным внутренним социальным противоречием буржуазного мира *«труд — капитал»*.

Отсюда ясно, что противоречия *«социализм — капитализм»* и *«труд — капитал»* — это различные противоречия; их отождествление, иногда допускаемое в буржуазной литературе, теоретически несостоятельно, а политически вредно, ибо ведет к преуменьшению собственного значения борьбы рабочего класса стран капитала. Вместе с тем не менее ошибочно и вредно также отрицание взаимосвязи и преемственности между этими двумя противоречиями, нередко проповедуемое ныне теоретиками как «левого», так и правого толка. Такое отрицание может вести к противопоставлению двух важнейших потоков революционного процесса, к оправданию по-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 75.

литики, направленной на разобщение рабочего и коммунистического движения.

Итак, противоречие между двумя системами — это уже не внутреннее противоречие капиталистического способа производства. Будучи внешним и для капитализма и для социализма, оно сразу же после Октября стало *главным* противоречием мирового развития, определяющим в конечном счете весь его ход. Уже в то время (как было показано в данном томе на многочисленных фактах, касающихся разных регионов) это противоречие приобрело решающее значение с точки зрения перспектив развития человечества. Но реальное воздействие социализма на ход международных событий было тогда еще ограниченным.

Превращение социализма в мировую систему, ее рост и укрепление, развитие национально-освободительных революций и рабочего движения создали новую обстановку. Степень воздействия противоречия «социализм — капитализм» на события неизмеримо возросла. В наши дни оно стало ведущим и определяющим не только по своей тенденции, но и фактически, ибо оно опирается на новое соотношение сил на мировой арене. Еще в 1960 г. участники международного Совещания коммунистических и рабочих партий отметили, что *«мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества»*¹. Совещание 1969 г. указало в своем Документе: «События последнего десятилетия подтвердили правильность марксистско-ленинской оценки характера современной эпохи, ее содержания и основных тенденций»; действительно, *«мировая система социализма является решающей силой в антиимпериалистической борьбе»*².

Ныне противоборство социализма и капитализма в области экономики, политики, идеологии — ведущий фронт, на котором решаются проблемы, касающиеся судеб всего человечества. Все другие социальные противоречия, лежащие в основе революционного процесса, развиваются под его непосредственным влиянием. Это относится в первую очередь к противоречию «труд — капитал». В функционировании обеих его сторон — как «капитала», так и «труда» — произошли существенные изменения, которые привели к дальнейшему росту его взрывной силы.

Обратимся сперва к регрессивной стороне данного противоречия — к «капиталу». Еще Маркс отмечал, что законы развития капитализма могут модифицироваться различными обстоятельствами, например классовая борьба пролетариата влияет на действие

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1964, стр. 39.

² «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969». Прага, 1969, стр. 9, 21.

закона капиталистического накопления¹. Великий Октябрь, а затем формирование мировой системы социализма породили еще больше обстоятельств, с огромной, возрастающей силой влияющих на капитализм, ускоряющих и углубляющих действие тех внутренних законов его развития, которые подрывают его устои.

На первых этапах сосуществования и борьбы двух систем влияние социализма на «капитал» проявилось главным образом в сфере политической. Буржуазия, писал в ту пору Ленин, «запугана «большевизмом», озлоблена на него почти до умопомрачения», она «мечется, злобствует... пересаливает, делает глупости»². С другой стороны, она вынуждена чем дальше, тем больше считаться с реально существующим социализмом: она не может не видеть, что социальные достижения Советской России усиливают натиск рабочего класса капиталистических стран и делают необходимыми такие уступки ему, как 8-часовой рабочий день и социальные законодательства, на что буржуазия ранее не соглашалась.

С ростом могущества социализма, по мере изменения в его пользу соотношения сил в мире масштабы и глубина его влияния на «капитал» возрастали, и в наше время оно приобрело всесторонний характер. Направление модификации этого воздействия было раскрыто на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г. Анализ был продолжен и углублен XXIV и XXV съездами КПСС, съездами других компартий.

Суммируя изменения, происшедшие с «капиталом» после Октября, можно констатировать, что они сводятся к *дальнейшему углублению его внутренних антагонизмов и созреванию объективных, материальных предпосылок социалистической революции, к прогрессирующему ослаблению позиций «капитала» в его борьбе против «труда»*.

Еще большее воздействие Октябрьская революция и последующее развитие мирового социализма оказали на вторую, революционную сторону противоречия — на «труд». Развитие рабочего класса и рабочего движения определяется объективными закономерностями тройкого рода: во-первых, развитием капитализма как системы, частью которой является рабочий класс, во-вторых, движением самого рабочего класса как антагониста капиталу и его господству, в-третьих, влиянием социализма и революционного процесса в целом на положение и борьбу пролетариев стран капитала. Впрочем, вычленить эти закономерности можно лишь в процессе исследования, а в жизни они диалектически взаимодействуют, переплетаются, сливаются.

Подъем российского рабочего класса на новую ступень развития, начало превращения его в новый, социалистический класс

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 659.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 85, 87.

не могли не сказываться на положении всего международного пролетариата. Сегодня отчетливо видно, что расширение и укрепление социалистической системы вместе с успехами рабочего и национально-освободительного движения все более раздвигает рамки возможностей рабочего класса стран капитала в его наступлении на позиции империализма. Так, мощь социализма увеличивает вероятность осуществления социалистических революций в мирной форме, без гражданской войны, позволяет ускорить переход от капитализма к социализму.

В период империализма происходит заметное расширение социальной базы революционного процесса: в странах капитала в борьбу вовлекаются непролетарские трудящиеся слои, в том числе крестьяне, на периферии — еще более широкие массы угнетенных народов. Анализируя развитие системы противоречий империалистического общества, Ленин пришел к важнейшему выводу о том, что на этой стадии зрелости капитализма наряду с основным социальным противоречием «труд — капитал» возникает новое, более широкое социальное противоречие между монополиями, финансовой олигархией, с одной стороны, и большинством нации (включая сюда и рабочий класс, крестьянство, мелкую буржуазию города, служащих, интеллигенцию и даже часть средней, немонополистической буржуазии) — с другой.

Будучи противоречиями одного и того же плана, они тем не менее существенно отличаются друг от друга. Противоречие «труд — капитал» вытекает из самой сути капиталистической частной собственности, капиталистического способа производства; его разрешение предполагает ликвидацию капиталистического строя, как такового. Противоречие же «монополии — народ» возникает лишь на империалистической стадии развития капитализма. Оно отражает дальнейшее углубление антагонизма между пролетариатом и буржуазией на той его ступени, которая характеризуется невиданным ростом эксплуатации труда империалистической олигархией, захватившей в свои руки решающую часть средств производства. Оно вырастает из существа монополистической собственности, противопоставляющей себя как сконцентрированная сила всем остальным формам частной собственности и грозящей поглотить их. В период империализма, подчеркивал Ленин, «старая борьба мелкого и крупного капитала возобновляется на новой, неизмеримо более высокой ступени развития»¹.

В сфере политической противоречие «монополии — народ» находит свое воплощение в антагонизме между массами, стремящимися к демократии (даже буржуазно ограниченной), и правящими кругами капиталистических стран, формирующимися из прямых или косвенных ставленников монополистического капитала, которые пытаются

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 341.

урезать демократические завоевания трудящихся и даже вовсе ликвидировать демократию.

Разрешение противоречия «монополии — народ» предполагает как минимум устранение всевластия финансовой олигархии, за-силья кучки трестов — миллионеров и миллиардеров в экономике и политике тех или иных стран, обуздание мультинациональных монополий. Такой сдвиг, не уничтожая капитализм, способен в той или иной мере ограничить агрессивность наиболее реакционных и воинственных кругов в области внутренней и внешней политики.

Появление и развитие наряду с противоречием между трудом и капиталом противоречия между монополиями и всем народом обусловили серьезное изменение соотношения социальных сил в капиталистических странах, возросшую роль классовых союзов. Октябрь наглядно показал это: союз рабочего класса с крестьянством смел ненавистный народу царский режим, а союз рабочих и бедней-ших крестьян обеспечил победу социалистической революции. Около трех десятилетий спустя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы непролетарские слои трудящихся активно участвовали вместе с пролетариатом в происшедших там революциях. В последние годы противоречия между монополиями и всем народом продолжали углубляться, оставаясь одной из основ развития революционного процесса.

После Октября и под его влиянием значительно активизировалась также борьба колониальных и зависимых народов за свое национальное освобождение, она становилась все более радикальной и целеустремленной. Противоречие между метрополиями и колониями и, как выражение его, национально-освободительные движения народов, угнетенных чужеземным капиталом, развивались уже и на предыдущих этапах революционного процесса. Еще Маркс и Энгельс показали, что национальный гнет и классовое угнетение в рамках капиталистической формации имеют общую основу — господство капитала, а потому национально-освободительная борьба угнетенных наций и революционная борьба пролетариата объединены общим интересом, интересом ликвидации этого господства. Задача пролетарских революционеров — обеспечить связь и сотрудничество этих разных по характеру движений, что откроет перед обоими новые перспективы.

На рубеже XIX и XX вв. «капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли»¹. Это означало, что противоречие «*метрополии — колонии*» приобрело новые масштабы и новую глубину, что возникли объективные условия для сближения рабочего и национально-освободительного

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 305.

движений, соединения их сил в общей борьбе против империалистического гнета. «У европейского сознательного рабочего, — писал Ленин, — уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»¹. Подытоживая новые явления в революционном процессе, Ленин сформулировал важнейший вывод: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»².

Исследуя изменение условий развертывания противоречия «метрополии — колонии» в послеоктябрьский период, Ленин отметил, что первая мировая война способствовала втягиванию колониальных народов в активную политическую жизнь и обострила их противоречия с метрополиями. Еще большее значение имела Октябрьская революция: борьба российского пролетариата слилась с подъемом национально-освободительной борьбы угнетенных царизмом народов; победа Октября обусловила победу этих народов. «Империалистская война 1914—1918 годов и Советская власть в России, — резюмировал Ленин, — окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма»³. Революционные события в Китае, Индии, Турции и других странах Востока в первые послеоктябрьские годы подтвердили этот вывод.

В развитии противоречия «метрополии — колонии» произошел перелом. Если прежде борьба шла в основном между национальной буржуазией некоторых колониальных и зависимых стран и монополистическим капиталом метрополий, то теперь рамки ее расширились за счет вовлечения в нее широчайших народных масс, в том числе зарождавшегося пролетариата. Борьба углублялась по мере того, как трудящиеся стали выдвигать также свои собственные требования, идущие по линии не только национального, но и социального освобождения. Становилось реальным взаимодействие национально-освободительных движений с борьбой Советской России и с революционным пролетарским движением в капиталистических странах. Поскольку империалистическое угнетение оставалось «одним из источников искусственной задержки падения капитализма»⁴, борьба против колониализма превращалась в составную часть единого революционного процесса, открывала перспективы вовлечения освобождающихся стран в «общий круговорот всемирного революционного движения»⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 179.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 112.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 5.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 40.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 403.

Взаимосвязь основных социальных противоречий, определяющих прогрессивное развитие человечества («труд — капитал», «социализм — капитализм», «монополии — народ», «метрополии — колонии»), перестала быть только теоретической, умозрительной. Она составляет реальный фундамент дальнейшей объединенной борьбы всех сторонников мира, демократии и социализма, сотрудничество которых является важнейшей чертой ленинской революционной эпохи.

В ЦЕНТРЕ ИДЕЙНЫХ БИТВ

Не существует ни одной проблемы новейшей истории, которая привлекала бы к себе столь большое внимание во всем мире, как Великая Октябрьская социалистическая революция. И безусловно нет в мире другого политического, государственного деятеля, который приковывал бы к себе такой общественный интерес, как Владимир Ильич Ленин.

Со времени, когда практически начался переход человечества от капитализма к социализму, к общественному строю, при котором, говоря словами Энгельса, люди начинают «вполне сознательно сами творить свою историю», а «приводимые ими в движение общественные причины» имеют «в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают»¹, колоссально возросла роль субъективного фактора социального прогресса. Соответственно выросла и роль идейной борьбы между силами старого мира и силами будущего, силами коммунизма. Эти идеологические сражения вовлекли в свою орбиту весь мир. А эпицентром их были и остаются Октябрь и Ленин, Ленин и Октябрь.

Естественно, что Октябрю и Ленину посвящено огромное количество партийных документов, научных и публицистических трудов, созданных в Советском Союзе, в других странах социализма, написанных марксистами-ленинцами несоциалистического мира. Все сторонники социализма черпают вдохновение в идеях Ленина и опыте Великого Октября.

Если ограничиться только документами и трудами последних лет, то надо прежде всего назвать постановления Центрального Комитета КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» и «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», доклады Л. И. Брежнева «О 50-летию образования СССР», «Великий Октябрь и прогресс человечества»². В них содержатся глубокие научные обобщения исторического опыта нашей партии, сформулированы новые идеи, являющиеся достойным развитием и обогащением ленинского теоретического

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 295.

² См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 2; т. 6. М., 1978.

наследия. Крупные принципиальные проблемы поставлены в работах М. А. Суслова¹, Б. Н. Пономарева².

Продолжалась публикация биографической хроники В. И. Ленина³, вышли новые издания воспоминаний о Ленине⁴, «Истории Коммунистической партии Советского Союза»⁵. Появилось второе издание фундаментального труда об Октябре И. И. Минца⁶. Выпущены три тома серии «Идеи Октября и мировое развитие»⁷, материалы международной научно-теоретической конференции «Великий Октябрь и современная эпоха. Торжество ленинских идей»⁸. Обобщающие характеристики многочисленных исследовательских работ советских историков, посвященных деятельности В. И. Ленина, проблемам истории Октября, в том числе роли рабочего класса России, даны в историографических обзорах⁹; издан источниковедческий сборник¹⁰.

Творческая деятельность марксистско-ленинских партий, направленная на дальнейшее развитие научной теории революцион-

¹ См. М. Суслов. Историческая правота идей и дела Ленина.— «Коммунист», 1980, № 4, стр. 11—29.

² См. Б. Н. Пономарев. Живое и действенное учение марксизма-ленинизма (Ответ критикам). М., 1978; его же. О 60-й годовщине образования Коммунистического Интернационала; его же. Великая жизненная сила ленинизма. М., 1980.

³ См. «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 4—10. М., 1973—1980.

⁴ См. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1—5. М., 1979.

⁵ См. «История Коммунистической партии Советского Союза». Руков. авт. колл. Б. Н. Пономарев. М., 1979.

⁶ См. И. И. Минц. История Великого Октября, т. 1—3. М. 1979.

⁷ Редакционная коллегия серии: В. Загладин, Н. Кузьмин, И. Минц, Т. Тимофеев, П. Федосеев. «Коммунисты и общественный прогресс». М., 1978; Т. Т. Тимофеев. Рабочий класс в центре идейно-теоретического противоборства. М., 1979; «Рабочий класс и общественный прогресс». М., 1980.

⁸ Под общей редакцией П. Н. Федосеева, А. Г. Егорова, М. Т. Иовчука, Е. М. Чехарина.

⁹ См., например, И. И. Минц. Великий Октябрь — поворотный пункт в истории человечества (некоторые итоги и задачи изучения проблемы).— «История СССР», 1975, № 6; «Партия и Великий Октябрь. Историографический очерк». М., 1976; Е. Н. Городецкий. Современная советская литература о Великом Октябре.— «История СССР», 1977, № 6; его же. Новейшая советская историография Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.— «Вопросы истории КПСС», 1977, № 9; его же. Новые страницы Великого Октября. М., 1978; П. И. Мини, В. П. Наумов. Изучение истории Октября и гражданской войны.— «Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Советский период». М., 1978.

¹⁰ «Источниковедение истории Великого Октября. Сборник статей». М., 1977.

ного рабочего движения, достигла в последние годы большого размаха. Заметный вклад в нее вносят коммунисты социалистических стран, где накоплен большой научный потенциал, а также компартии капиталистических и развивающихся стран. Труды руководителей братских партий, документы их съездов, пленумов ЦК, содержащиеся в них выводы — общее достояние коммунистического движения, обогащающее современный марксизм-ленинизм.

В разных странах вышло значительное число работ зарубежных марксистов, посвященных Ленину и Октябрю. Некоторые из них изданы также в СССР отдельными книгами¹, в сборниках, в виде серии брошюр: «Великая сила идей Октября» (М., 1967), «Великая сила ленинских идей» (М., 1970). В последние годы много внимания уделяется проблемам общих закономерностей социалистической революции и социалистического строительства. «Недостаточно просто признавать величие Октября 1917 года, — заметил У. Каштан. — Надо руководствоваться его идеями, уметь претворять их в нынешних условиях, заботиться, чтобы эти идеи оказывали все большее воздействие на современную общественно-политическую жизнь»².

В центре интереса марксистской исторической мысли остается борьба большевиков во главе с Лениным за победу социалистической революции. Октябрьская революция, подчеркнул Ле Зуан, «преподала всем революционерам во всех странах мира замечательный пример стратегии и тактики», в том числе форм борьбы за власть³. Конкретный опыт КПСС изучается, как правило, в тесной связи с политической практикой рабочего класса соответствующих стран. Венгерский марксист Д. Немеш показывает, например, что в его стране «образование Коммунистической партии было выражением того чрезвычайно глубокого влияния, которое оказала в Венгрии Великая Октябрьская социалистическая революция»⁴. «Ни одна эпоха в истории человечества, как бы ни были велики ее деятели, ее идеалы и достижения, не может сравниться с эпохой, начало которой положила победа первой в мире социалистической революции»⁵, — отметил руководитель аргентинских коммунистов В. Кодовилья.

Все шире разворачивается и коллективная теоретическая работа коммунистов. В 70-е гг. состоялось более ста международных тео-

¹ См., например, Р. Арисменди. Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1975.

² У. Каштан. Великий Октябрь и современный мир. — «Проблемы мира и социализма», 1971, № 11, стр. 5.

³ Le Duan. Forward under the Glorious Banner of the October Revolution. Hanoi, 1967, p. 7.

⁴ См. «Великая Октябрьская социалистическая революция и Венгрия». Будапешт, 1969, стр. 114—115.

⁵ V. Codovilla. Repercusion de la Revolución socialista de Octubre en la Argentina y demás países de América Latina. Buenos Aires, 1968, p. 91.

ретических конференций марксистских партий. Многие из них, например Софийская конференция о роли социализма в мировом развитии (1978 г.), внесли заметный вклад в общее дело коммунистов. Много интересных материалов публикует международный теоретический и информационный журнал «Проблемы мира и социализма».

Все это естественно, поскольку ленинизм по самой своей сущности есть постоянное творчество, постоянное новаторство. Ленин, как говорилось выше, никогда не останавливался перед тем, чтобы пойти вперед, создать новые идейно-теоретические обоснования тех или иных политических выводов. Некоторые, ссылаясь на это, называют его «тоже ревизионистом». Но они забывают при этом фундаментальную истину: развивая марксизм, Ленин никогда не покидал его почвы. Он пересматривал взгляды и конкретные выводы, которые не соответствовали новой действительности. Но не для того, чтобы уйти от революционного существа самого учения, как поступают всегда ревизионисты, а для того, чтобы сделать это революционное учение адекватным изменившимся условиям.

«Преемственность в марксистско-ленинской теории и политике, — пишет Б. Н. Пономарев, — отражает объективное интернациональное единство мирового исторического процесса и глубокую взаимосвязь его различных этапов. В неразрывном единстве двух принципиальных моментов — верности основополагающим принципам научного революционного мировоззрения и осознанной потребности в его творческом развитии в соответствии с изменениями реальной действительности — суть теоретических позиций марксистов-ленинцев, решающее условие их успехов в борьбе за дело рабочего класса»¹.

Развиваясь, марксизм-ленинизм учитывает и усваивает все достижения общественной науки и общественной практики, опирается на изучение и обобщение всех процессов развития природы и общества. Этим он выгодно отличается от всех других учений и течений, ограничивающихся охватом только одной или нескольких сторон жизни современного человечества.

Само собой разумеется, что дальнейшее развитие марксизма-ленинизма осуществляется всеми силами, стоящими на позициях этого великого учения, всеми братскими партиями, выступающими под его знаменем. Вместе с тем вряд ли можно согласиться с утверждениями, что вклад в марксизм-ленинизм вносят вообще все, даже антимарксистские исследователи, которые пользуются терминологией, принятой марксизмом, или принимают некоторые из его положений. Крайне сомнителен и вывод, будто путь дальнейшего обогащения ленинизма идет через «расширение» его рамок, включение в него самых различных взглядов и положений, которые разделяются теми или иными отрядами рабочего движения.

¹ Б. Н. Пономарев. Живое и действенное учение марксизма-ленинизма, стр. 10—11.

Труды советских и зарубежных марксистов создали широкую картину начального периода становления нового строя в СССР и подъема освободительных движений во всех концах планеты под влиянием первой победоносной социалистической революции. Общий вывод, который подтверждается всеми исследователями, — необратимость исторического процесса, неодолимость социального преобразования мира, обреченность всех попыток империализма и реакции поставить преграды на его пути.

Буржуазный мир, естественно, встретил Октябрь и Ленина (он «заметил» его лишь тогда, когда Ленин встал во главе Советского правительства) со всей враждебностью и ненавистью, на какую был способен. Давно уже прошли те времена, когда буржуазия сама была революционной; революционность же пролетариата всегда вызывала у нее гнев и ярость. В буржуазной идеологии прочно укоренилось мнение, что социальная революция пролетариата — явление негативное, неправомерное, нарушающее «органическое» развитие, в лучшем случае — результат внешних воздействий или ошибок и просчетов власть имущих. События XX в. заставляли, однако, адептов капитализма все чаще обращаться к проблематике революции, поскольку игнорировать ее стало невозможно. Вынужденность этого обращения Ленин отметил еще в дни первой русской революции. Буржуазные идеологи, писал он, «делают это не потому, что они революционеры, а несмотря на то, что они не революционеры». Они делают это «по нужде и против воли», а потому «признание революции буржуазией не может быть искренним, независимо от личной добросовестности того или иного идеолога буржуазии»¹.

Неприятие революции буржуазной наукой с особой силой проявилось в первые послеоктябрьские десятилетия. Основным тоном литературы о Ленине и Октябре был откровенный, лютый антисоветизм. Октябрь изображался как «историческая случайность», как «зигзаг истории», который должен быть преодолен. По сути дела то была идейная основа для интервенции, блокады и любых действий, направленных на удушение этой «незаконнорожденной» власти.

Под влиянием победы СССР в Великой Отечественной войне и торжества социалистических революций в ряде стран тон несколько изменился. Постепенно у части буржуазных исследователей стали появляться элементы нового подхода, изменились оценки Октября и социалистических революций в других странах. Октябрь стали пытаться объяснять как революцию, порожденную потребностью «модернизации» России, как этап на пути преодоления ее отсталости, превращения в «индустриальное» общество. Во второй половине 60-х и в 70-х гг. интерес к Ленину и Октябрьской революции резко возрос. Количество публикаций на эти темы взрывообразно увеличилось. Наряду с традиционно антисоветскими изданиями

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 116—117.

стали выходить также труды более объективного, или, точнее, объективистского, характера ¹.

Советские историки проделали значительную работу по разоблачению разного рода искажений истории революционного движения России ²; имеются исследования, посвященные критике буржуазной историографии Октября зарубежными учеными-марксистами ³. Дана также убедительная критика фальсификаций творчества и роли Ленина, деятельности зарубежных компартий и Коммунистического Интернационала ⁴.

Идейная борьба вокруг Ленина и Октября не прекращается ни на день, охватывает самый широкий круг вопросов теории и практики ленинизма. При всем «плюрализме» взглядов, подходов и оценок, свойственном буржуазной и социал-реформистской историографии, в ней по-прежнему преобладают традиционный антисоветизм и антикоммунизм, хотя они и выступают подчас в более прикрытой и более уточненной, чем прежде, форме, выглядят «научнообразнее». В последнее время активизировалась и небуржуазная, но антисоветская по сути своей литература о Ленине и Октябре. Речь

¹ Еще в начале 50-х гг. видный английский буржуазный историк Э. Х. Карр опубликовал три тома своего исследования о русской революции (*E. H. Carr. The Bolshevik Revolution (1917—1923), vol. 1—3. London, 1950—1953*) и ряд других работ по истории СССР и по философии истории (*E. H. Carr. The Interregnum. London, 1956; idem. What is History. London, 1952*). Они получили широкую известность на Западе. Э. Хобсбом в журнале английских коммунистов назвал автора «одним из способнейших и образованнейших историков» (*«Marxism Today»*, 1962, N 2, p. 47). На трудах Карра лежит печать противоречий, связанных с его концепцией о «сдвигах и преемственности» в историческом процессе. Он не свободен от преувеличения роли буржуазной демократии, хотя и признает, что в конкретных условиях России для нее не было места. Подробнее см.: *Ю. И. Иврицкий. Мифы буржуазной историографии и реальности истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974, стр. 72—73.*

² См., например, *Ю. А. Красин. Революцией устрешенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975; Б. И. Марушкин. Советология: расчеты и просчеты. М., 1976; «Исторический опыт Великого Октября и критика буржуазной историографии». М., 1977; Б. И. Марушкин. Г. З. Иоффе, Н. В. Романовский. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; К. И. Зародов. Экономика и политика в революции. Некоторые современные проблемы в свете исторической практики. М., 1980.*

³ См., например, *Н. В. Романовский. Зарубежные историки-марксисты в борьбе с буржуазными фальсификаторами истории Великого Октября. М., 1977.*

⁴ См., например, *Г. З. Соркин. Действительность против вымыслов. Критика буржуазной и реформистской историографии Коммунистического Интернационала. М., 1974.*

идет о достаточно широком спектре авторов: от троцкистов (как в их «классическом», так и «модернизированном» виде) до правых ревизионистов (типа Ж. Элленштейна, Ф. Клаудина или Р. Гароди); от анархистов до последователей «леволиберальной» тенденции, берущей начало где-то в кругах старой русской эмиграции. Пользуясь возросшим спросом на рынке, эти течения «советологии» стремятся создать нечто вроде общего политического фронта антикоммунизма и реформизма в борьбе против СССР, социалистического содружества, политики мира и дружбы между народами ¹.

Главными объектами нападков и атак остаются: во-первых, всемирно-историческое значение Октябрьской революции; во-вторых, закономерность возникновения современного коммунистического движения; в-третьих, единство учения Маркса — Ленина.

Прежнее отрицание международного характера российской революции в последние годы все чаще корректируется признанием того или иного ее влияния. В общей форме стало модным говорить о ее большой роли, вплоть до признания ее «наиболее важным событием века», как писал, к примеру, гарвардский профессор Р. Уолфф ². «Если для мыслителя XIX в. главной задачей было определить свое отношение к Французской революции, — считает профессор Принстонского университета Дж. Биллингтон, — то для современного человека центральная задача состоит в оценке русской революции. Силы, вызванные к жизни переворотом 1917 г., дают о себе знать еще энергичнее и еще ошутимее, чем силы, порожденные Французской революцией 1789 г. и веком демократической революции» ³.

Не следует обольщаться подобными «комплиментами». Они чаще всего лишь прикрывают принципиально отрицательное отношение к Октябрю. Само обращение к этой проблематике нередко вызывается стремлением отыскать наиболее действенное противоядие его влиянию. Но все же эти признания или полупризнания, растущий интерес к тем или иным аспектам Октября отражают победное шествие его идей в современном мире.

«После взятия власти Советами в 1917 г., — пишут французские историки М. Ферро и Р. Жиро, — история Советского Союза непосредственно затрагивает нас, и ничто из истории старой России для нас уже не безразлично. Октябрьская революция, коммунистический режим, рождение нового общества настолько приковывают к себе внимание, что вплоть до сегодняшнего дня их противники и их приверженцы исследуют их истоки, их трансформации, их успехи и

¹ Подробнее см.: Т. Т. Тимофеев. Рабочий класс в центре идейно-теоретического противоборства, стр. 125—149, 261—284.

² «The Russian Revolution». Englewood Cliffs, 1972, p. V.

³ J. Billington. Six Views of the Russian Revolution. — «World Politics», 1966, April, p. 264.

неудачи»¹. Еще более показательно мнение западноберлинского историка Г. В. Кроа: «Почти за 60 лет после ленинского революционного переворота в России коммунизм развился в великое мировое движение»². Октябрьская революция — «величайшая из современных революций»³, — признает американец С. Коэн.

Меняется, расширяется и тематика западных буржуазных публикаций. В ряде случаев объектом исследования становятся темы, ранее не привлекавшие к себе внимания на Западе: социальные процессы и массовые движения; настроения крестьян и их изменения; ход революции на местах; роль армии в годы революции и гражданской войны; разрешение Октябрем национального вопроса и т. п. Так, обстоятельная книга англоканадского историка Дж. Кипа «Русская революция» имеет характерный подзаголовок «Исследование массовой мобилизации»⁴. Англичанин Р. Петибридж хочет выявить «социальные предпосылки сталинизма»⁵, а второй том работы французского историка М. Ферро «Революция 1917» называется «Октябрь. Рождение нового общества»⁶.

Исходный пункт новых историографических конструкций, однако, достаточно традиционен: из отсталости предоктябрьского русского общества выводится отрицание пролетарского характера революции. Дж. Кип относит и само понятие «пролетарская революция» к «области революционной мифологии»⁷. Основную роль в революции, по этой версии, сыграло отсталое русское крестьянство, с которым рабочий класс был будто бы тесно связан общностью не только образа жизни, но и мировоззрения. Эта отсталость была настолько глубока, что она фатально предопределила историческое развитие страны. В стремлении всемерно преувеличить культурную отсталость русских народных масс даже по сравнению с их тяжелым экономическим положением ветеран «советологии» Р. Пайпс⁸ смыкается с Ж. Эллиштейном⁹.

В духе утверждений о неподготовленности России к социалистической революции в различных вариантах проводится идея о «незрелости» и «отсталости» российского рабочего класса, выпячи-

¹ *M. Ferro, R. Girault. De la Russie à l'URSS. L'Histoire de la Russie de 1850 à nos jours. Paris, 1974, p. 3.*

² *W. Leonhard. Was ist Kommunismus. Wandlungen einer Ideologie. München, 1976, S. 7. Einleitung.*

³ «*Soviet Studies*», 1977, N 1, p. 137.

⁴ *J. H. Keep. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilisation. London, 1976.*

⁵ *R. Pethybridge. The Social Prelude to Stalinism. London, 1974.*

⁶ *M. Ferro. La révolution de 1917, t. II. Octobre. Naissance d'une société. Paris, 1971.*

⁷ *J. H. Keep. Op. cit., p. XV.*

⁸ *R. Pipes. Russia under the Old Regime. London, 1974.*

⁹ *J. Ellenstein. Histoire de l'URSS, t. I. Paris, 1979.*

ваются элементы стихийности, «хаоса и анархии» в его борьбе, затушевывается рост его политической сознательности, ставятся под сомнение революционные традиции, выкованные под руководством большевиков. Некоторые авторы силятся вопреки фактам доказать, будто российский пролетариат был «политически индифферентным» или даже «враждебно относился» к социализму¹.

Общей методологической посылкой современной «советологии» и ныне остается стремление представить революцию в России специфическим, локальным, чисто русским явлением. В этом плане революционная борьба российского пролетариата, народных масс России рассматривается нередко как стихийный бунт в «чисто русской традиции». Проводится даже аналогия между поведением масс в 1917—1918 гг. и во время крестьянских восстаний XVII—XVIII вв. Как выразился английский историк П. Дьюкс, во время Октябрьской революции «темный народ ясно растолковывал свои намерения с помощью топоров и серпов»².

По словам М. Ферро, основным мотивом, которым руководствовались миллионы участвовавших в революции крестьян, солдат и рабочих, было стремление к равенству, и потому-де в революционной России не смогла привиться классическая модель представительной демократии. Отбрасывая традиционный тезис о «пассивности» масс, автор находит определенную последовательность в их «постоянном движении», в активности массовых организаций и местных групп (не только Советов), создавших «государство без правительства», которое противостояло Временному «правительству без государства»³. Обобщая, Ферро пишет: «Чаще всего революцию изображают как конфликт между политическими партиями, но не в меньшей степени она представляла собой борьбу между неполитическими организациями, борьбу профсоюзов против заводских комитетов, квартальных комитетов против Советов депутатов» и т.п.⁴ Вместе с тем он не может отрицать, что Ленин опирался на волю широких масс, которые вовсе не были инертными: именно их активность позволила большевикам взять в свои руки власть и удержать ее⁵.

Дж. Кип тоже утверждает, что уже весной 1917 г. массовые организации представляли собой «контрвласть в зародыше». На этом основании он пытается преуменьшить роль Октябрьской революции, которая будто бы только ускорила тот процесс, который начался до нее. Он заключает даже, что «Октябрьское восстание... не является тем водоразделом, которым его обычно считают». Успех большеви-

¹ Подробнее см.: Б. И. Марушкин, Г. З. Иоффе, Н. В. Романовский. Указ. соч., стр. 185—192.

² P. Dukes. A History of Russia. London, 1974, p. 176.

³ M. Ferro. Op. cit., p. 433—436.

⁴ Ibid., p. 15.

⁵ Ibid., p. 433—436.

ков он объясняет тем, что они смогли завладеть массовыми организациями, поставить себе на службу этот «рудиментарный государственный аппарат»¹. Но после того как новый режим укрепился у власти, большевики сумели будто бы «обезвредить» массовые организации, «укротить» стихийные массовые движения. Такой поворот позволяет авторам обходным путем вернуться на проторенную стезю традиционных антикоммунистов. «Отныне, — резюмирует Ферро, — кончается история рабочего класса и начинается история тех, кто, пользуясь его доверием, говорил и действовал от его имени»². А Кип сожалеет, что в советском обществе возобладали «партийный элемент»³.

Сокрушаясь по поводу «недостаточного демократизма» советского строя, Ферро и Петибридж пытаются показать, что в годы революции и гражданской войны «новые идеи» в социальной и культурной областях систематически саботировались неграмотными и полуграмотными массами. Для Петибриджа разрыв партии большевиков с «интеллигентским» идейным багажом во многом обусловлен атмосферой «милитаризма» и «примитивизма», которая была создана гражданской войной⁴. Принцип «подчиняться, а не рассуждать», считает он, быстро нашел дорогу к сердцам русских масс, несмотря на проявленный ими революционный динамизм. Ферро говорит о «постоянном подрыве социалистических и либертарных идей традиционным складом ума» русского крестьянства. По его словам, представители «русской деревни», начавшие играть видную политическую роль, «внесли в политические и общественные отношения дух насилия, который до тех пор существовал только в деревне»⁵.

Таким образом, хотя новейшая — «социальная» — советология пересмотрела некоторые традиционные исходные позиции буржуазной историографии Октября, она сохранила тезис о неспособности трудящихся масс России осуществить принципы свободы и демократии, игнорируя классовый смысл этих понятий. Важно, однако, то, что тезис о большевиках как «кучке узурпаторов», теперь отброшен буржуазными советологами, а опора партии большевиков на широкие народные массы подтверждена.

В приведенных рассуждениях об отсталости России, незрелости масс явственно слышны отголоски обвинений, выдвинутых в свое время Каутским и Бауэром против большевиков, будто они пытаются навязать Западу свои «русские методы», которые там принципиально неприменимы. В новейших работах нетрудно обнаружить и влияние измышлений советологов периода «холодной войны» о так называемой доктрине отсталости, которую американец А. Г. Мей-

¹ J. H. Keep. Op. cit., p. XII—XIII.

² M. Ferro. Op. cit., p. 290.

³ J. H. Keep. Op. cit., p. VII.

⁴ R. Pethybridge. Op. cit., p. 73—75, 118—121, 179—180.

⁵ M. Ferro. Op. cit., p. 438, 440.

ер приписал... Ленину. По утверждению Мейера, Ленин считал отсталость царской России источником революционности российского пролетариата и крестьянства и именно на этом основании отводил России центральное место в историческом прогрессе человечества ¹. В таком же духе характеризовал ленинизм Дж. Сэбайн — как «адаптацию марксизма к неиндустриализированной экономике и к обществам с преимущественно крестьянским населением», объясняя его всемирно-историческую значимость тем, что «мир полон таких обществ» ². А американский профессор немецкого происхождения Т. фон Лауэ объявил Октябрьскую революцию «восстанием против отсталости» или первой «революцией развивающихся стран» (*Entwicklungsrevolution*). Поскольку-де главной задачей ее была «модернизация», она стала прототипом революций в слаборазвитых странах ³.

Своеобразное продолжение идеи о том, будто Октябрьская революция была революцией «немарксистской» и «пеевропейской», нашли в книге А. Беннигсена и С. Уимбуша «Мусульманский национальный коммунизм в Советском Союзе. Революционная стратегия для колониального мира» ⁴. Если в большинстве работ роль главного двигателя революции приписывается крестьянским массам (прежде всего русским), то эти авторы на передний план выдвигают «элиту» угнетенных народов и национальностей Российской империи. По их мнению, переход значительной ее части (главным образом националистической интеллигенции) на сторону большевиков во многом предопределил победу Октябрьской революции и гражданской войны ⁵. Переход местной «элиты» на позиции сначала «национального социализма», а затем «национального коммунизма» был «браком по расчету». В противоположность известной формуле, политическая программа «туземной элиты» была-де «социалистической по форме, а национальной по содержанию» ⁶. Переход «туземных» масс на сторону большевиков объяснялся прежде всего шовинизмом белогвардейских правительств, проницательностью большевиков, а также искренним убеждением националистической интеллигенции, что победа большевиков нанесет тяжелый удар не только русскому империализму, но и всей империалистической и колониалистской западной цивилизации ⁷. Мысль, что Октябрьская революция и социалистическое стро-

¹ A. G. Meyer. *Leninism*. Cambridge (Mass.), 1957, p. 257—273.

² G. H. Sabine. *A History of Political Theory*. London, 1963, p. 806.

³ T. von Laue. *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution 1900—1930*. Philadelphia—New York, 1964, p. 16.

⁴ A. A. Bennigsen, S. E. Wimbush. *Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World*. London — Chicago, 1979.

⁵ Ibid., p. 28—29.

⁶ Ibid., p. 15.

⁷ Ibid., p. 30, 44, 26—29.

ительство в СССР стали в известном смысле образцом для отсталых в социально-экономическом и политическом отношениях стран Востока, «третьего мира», — это признание не без корысти: платой является опять-таки полное отрицание значения ленинизма и советского опыта для «цивилизованного Запада».

Все эти построения опровергаются, однако, элементарно простым и общеизвестным фактом: предложенные Лениным теоретические и политические решения успешно осуществлены в странах теперь уже нескольких континентов, что и привело там к социалистическому преобразованию жизни. Правота основных выводов Ленина, открытых им основных закономерностей социалистической революции и строительства социализма подтверждена теперь уже на опыте самых непохожих друг на друга стран, находившихся к моменту ликвидации старого строя на разных ступенях социально-экономического развития. Правда, социалистическое преобразование не вовлекло пока в свою орбиту наиболее развитые страны Западной Европы, США, Японии. Это факт. Однако даже те, кто выступает против ленинских идей, сами все более часто и все более ясно признают: нынешнее западное общество не может сохраниться в прежнем виде; оно должно претерпеть изменения. Какие? Те, кто говорит об этом, сами нередко призывают к своего рода «синтезу» двух социальных систем — социализма и капитализма. Но при всей утопичности (и реакционности) этих и подобных им проектов в них все же содержится признание того, что определенная доля воззрений сторонников научного социализма — даже по мнению его противников — вполне разумна и должна быть принята во внимание. Признание достаточно симптоматичное!

Непредвзятый подход к истории коммунистического движения остается в немарксистской литературе явлением крайне редким. Но все же ход истории, неопровержимые факты и очевидные тенденции время от времени побуждают тех или иных авторов отвергать или опровергать наиболее грубые фальсификации, «признавать», хотя бы и с оговорками, непродуктивность антикоммунизма и даже более или менее позитивную роль коммунистического движения. В числе таких работ можно назвать последнюю книгу видного лидера международной социал-демократии, теоретика австромарксизма Отто Бауэра ¹, отчасти многотомный труд английского историка и социолога Дж. Коула ².

Излюбленный тезис всех противников коммунизма заключается в том, что Коминтерн был создан искусственно, а его существование исторически не оправдано, ибо оно лишь углубило раскол рабочего

¹ См. *O. Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus.* Bratislava, 1936.

² *G. D. H. Cole. A History of Socialist Thought, v. IV, V.* London, 1958—1960.

движения и ослабило его ¹. Именуя мировую революцию «утопией» и «мифом» ², они пытаются защитить позиции социал-реформизма, который в период послеоктябрьского революционного подъема по меньшей мере помогал капитализму тем, что удерживал рабочие массы от активных антикапиталистических действий.

Следуя по пути, проложенному Каутским, историк А. Розенберг до второй мировой войны, а после нее О. Флехтгейм защищали тезис, будто Коминтерн был создан с одной-единственной целью: стать органом немедленного осуществления пролетарской революции в Западной Европе, инструментом мировой революции ³. В то время как Каутский и его последователи прямо выступали против социалистической революции и диктатуры пролетариата под лозунгом «чистой демократии», историограф трех Интернационалов Ю. Браунталь несколько более осторожен. Но и он утверждает, что «мировая революция была единственной целью, смыслом существования» Коммунистического Интернационала, а «ленинская концепция мировой революции развязала в рядах рабочего класса губительную войну из-за призрака окостеневшей теории диктатуры пролетариата, теории, превращенной в догму». Признавая, что Ленин применил ее в России в своеобразных условиях революционной ситуации, Браунталь заявляет, что она «не соответствовала ни реальному соотношению сил, ни традициям рабочего движения других стран, где не было условий для коммунистической революции» ⁴.

Отождествляя неудачу первой волны европейской революции с поражением мировой революции вообще, игнорируя ответственность правых социал-демократических лидеров за эту неудачу ⁵, Браунталь в то же время приписывал Ленину будто бы неверную оценку реального соотношения сил в Европе и Америке, непонимание психологии европейских и американских рабочих.

Между тем в 1936 г., когда над Европой и миром нависла опасность второй мировой войны, а ее откровенные носители — германские фашисты открыто заявили себя врагами всякой демократии, когда Советский Союз не только устоял в капиталистическом окруже-

¹ Подробнее см.: Г. Э. Соркин. Указ. соч., гл. 1—3.

² Так, изданный западногерманским историком Т. Пиркером сборник материалов называется: «Utopie und Mythos der Weltrevolution. Zur Geschichte der Komintern 1920—1940». München, 1964.

³ A. Rosenberg. Geschichte des Bolschewismus. Frankfurt a.M., 1966, S. 208; O. K. Flechtheim. Weltkommunismus im Wandel. Köln, 1965, S. 182.

⁴ J. Braunthal. Die Geschichte der Internationale, Bd. 2. Hannover, 1963, S. 8.

⁵ Между тем Дж. Коул признал, что германские социал-демократические лидеры «боялись краха существующего буржуазного общества больше, чем верили в новое, и в результате этой боязни предали революцию» (G. D. H. Cole. Op. cit., v. IV, p. 894).

нии, но и существенно продвинулся к социализму, стал могущественным оплотом мира, не кто иной, как О. Бауэр, вернулся к проблемам послевоенного революционного периода. Он поставил весьма важные вопросы: кто же оказался прав в жестком споре о диктатуре пролетариата и буржуазной демократии? какая власть доказала большую жизнеспособность и силу? имел ли опыт Октября значение для Европы? выдержал ли испытание временем, проверку жизнью выдвинутый тогда социал-демократами в противовес революции тезис о «демократической альтернативе»?

В предисловии к книге «Между двумя мировыми войнами? Кризис мировой экономики, демократии и социализма» Бауэр признал, что «история вынесла свой приговор». Указав на успехи социализма в СССР и на то, что в Центральной Европе «демократия повержена фашизмом», он заключил: «Мы были бы слепцами перед лицом фактов мировой истории, если бы оба эти крупных события не оказали влияния на наши представления о пути к социализму»¹.

Бауэр разглядел теперь, что в Германии и Австрии, где пролетариат в 1918 г. завоевал только буржуазную демократию, «классовая борьба взорвала ее; здесь господствует фашизм». А в России, где «пролетариат несколькими месяцами раньше установил свою диктатуру, классовая борьба уничтожила классы; здесь происходит становление социализма»². Вспоминая о различиях в ходе революций в Центральной Европе и в России, Бауэр попытался оправдать свою тогдашнюю позицию такой ссылкой: в то время «все думали, что попытка большевиков потерпит крах». Но он сам признал далее, что это утверждение «опровергнуто теперь самой историей» и нельзя больше держаться за ложные взгляды. Международная социал-демократия, писал Бауэр, «не верила в необходимость революционной диктатуры пролетариата» в развитых странах. «И эта ошибка ныне опровергнута историей»³.

Бауэр дал развернутую критику того реформистского социализма, который утверждал, что рабочий класс может без революции и напряженной борьбы постепенно, шаг за шагом, «непрерывно усиливать свою власть внутри буржуазной демократии... отвоевывать у буржуазной демократии все новые уступки... наполнять формы демократии социал-демократическим содержанием... превращать капиталистическую общественную организацию в социалистическую посредством прогрессирующей реформистской работы... развивать буржуазную демократию в социалистическую». История, признал теперь Бауэр, опровергает эту иллюзию: «Там, где рабочие правительства в демократических странах пришли к власти, они, правда, смогли добиться от капитализма некоторых уступок, которые подня-

¹ O. Bauer. Op. cit., S. 8.

² Ibid., S. 162—163.

³ Ibid., S. 286—287.

ли капиталистический способ производства на более высокий технический, социальный и культурный уровень, но они нигде не смогли затронуть отношения капиталистической собственности, основы капиталистического способа производства. Там, где буржуазия усматривает угрозу самим капиталистическим отношениям собственности, там она отказывается от демократии и ищет спасения в фашистской диктатуре»¹.

В 60-е гг. политика европейской социал-демократии периода послеоктябрьского революционного подъема подверглась критике в основном «слева». Это было в той или иной мере связано как с усилением борьбы рабочего класса, так и с взлетом студенческого движения во Франции, ФРГ и Италии, направленных прежде всего против бюрократически-манипуляторской деятельности буржуазного государства и монополий. Так, известный публицист Себастиан Хаффнер в документальных очерках писал о «великом предательстве» Эберта и его команды, совершивших «детоубийство», когда они задушили германскую революцию в союзе с теми же реакционерами и милитаристами, которые 14 лет спустя привели к власти Гитлера².

В попытках найти альтернативу этой пагубной социал-демократической политике ряд авторов обратился к проблемам деятельности германских рабочих Советов. В документированных исследованиях говорится, что если бы Носке не разгромил Советы, они могли бы стать то ли «интеграционными органами новой демократически-республиканской государственной формы», то ли опорой «социальной демократии», а это помогло бы Веймарской республике успешнее противостоять натиску фашистов³. Хотя эти историки не продвинулись дальше каутскианской идеи «третьего пути», их работы содействовали крушению устойчивой легенды о социал-демократии как гаранте демократического развития.

Несколько более критические, чем прежде, оценки социал-демократической политики стали появляться и в историографии других стран. Так, финские социал-демократические историки теперь признают, что стратегия их партии после «победы» в гражданской войне 1918 г. основывалась на преувеличенной оценке либерализма и демократизма финской буржуазии. Поэтому в связи с кризисом буржуазной демократии «потерпел крах и социал-демократический реформизм»⁴. Говоря о политике британских лейбористов, американ-

¹ O. Bauer. Op. cit., S. 193.

² S. Haffner. Die verratene Revolution. Deutschland 1918/19. Bern — München — Wien, 1969, S. 214.

³ См. E. Kolb. Die Arbeiterräte in der deutschen Innenpolitik 1918/19. Düsseldorf, 1962, S. 11; P. von Oertzen. Betriebsräte in der Novemberrevolution. Düsseldorf, 1963, S. 67; R. Rürup. Probleme der Revolution in Deutschland 1918/19. Wiesbaden, 1968, S. 50.

⁴ «Suomen työväenliikkeen historia». Helsinki — Joensuu, 1976, s. 175.

ский историк К. Ф. Брэнд отмечает, что возникшие в 1920 г. Советы действия были эффективным средством достижения политических целей и «красноречивым свидетельством желания левых сил Великобритании спасти революционную Россию», которая стала для рабочих «символом будущего», хотя лишь немногим лидерам «нравились большевики и их методы»¹.

Вместе с тем попытки дискредитировать коммунистическое движение и Коминтерн не прекращаются. Стараясь доказать, что существование его и компартий лишилось всякого оправдания в условиях, когда начался отлив революционной волны, Ю. Браунталь заявил, что настала пора реформизма: поскольку-де в едином рабочем фронте задачи коммунистов и социал-демократов «одинаковы», то и раскол между ними был совсем не нужен. Стремясь придать этому утверждению больше убедительности, Браунталь изобразил решения III конгресса Коминтерна так, будто они предписывали компартиям избегать вообще впредь революционных действий и ограничиваться «мирной повседневной борьбой за непосредственные интересы рабочих»². Подобным же образом перетолковывали смысл новой тактики коммунистов также Г. Ноллау и Ф. Боркенау³.

Ф. Клаудин охотно рассуждает о «перманентном кризисе» Коммунистического Интернационала и вообще научного коммунизма. Он пишет о «большевистской версии марксизма», объявляет Октябрьскую революцию «только русской» и, восхваляя каутскианство, утверждает, что европейское рабочее движение будто бы правомерно вернулось на его позиции⁴.

В современной буржуазной литературе особенно подробно и охотно развивается и несколько иная идея, источником которой были рассмотренные в этом томе измышления «левых» — А. Паннекука, Г. Гортера, деятелей КРПГ. Они объявили Коммунистический Интернационал простым «орудием политики Советской России» и соответственно все причины изменения его тактики обнаружили в потребностях внутренней и внешней политики Москвы. Так, Боркенау давно уже писал, что окончание гражданской войны побудило рус-

¹ C. F. Brand. The British Labour Party: A Short History. Stanford, 1974, p. 69—72.

² J. Braunthal. Op. cit., Bd. 2, S. 258, 355—356.

³ G. Nollau. Die Komintern vom Internationalismus zur Diktatur Stalins.— «Aus Politik und Zeitgeschichte», 1964, S. 12; F. Borckenu. Der europäische Kommunismus. Seine Geschichte von 1917 bis zur Gegenwart. Bern, 1952, S. 42. В том, что Коминтерн предостерегал против опасности сползания коммунистов на позиции реформизма, Ф. Боркенау усматривал «противоречивость» его решений.

⁴ См. F. Claudin. The Communist Movement: from Comintern to Cominform. London, 1975; ejusdem. Democracy and Dictatorship in Lenin and Kautsky.— «New Left Review», 1977, N 106.

ских действовать менее решительно, чем прежде: «Россия устала. Она не хотела больше тяжелой борьбы, и настроения, преобладающие в Москве, оказывали непосредственное воздействие на Коминтерн, руководители которого были в большинстве своем русскими или смотрели на мир глазами русских»¹. Г. Ноллау, указывая на разразившийся в России «внутренний кризис», усматривал в нем, а не в отливе революционной волны на Западе причину того, что компартии европейских стран вынуждены были переключиться с борьбы за революционные цели на поддержку повседневных требований рабочих и одновременно усилить выступления в защиту Советской России. По его утверждению, эти решения Коминтерна толкали компартии на путь реформизма и оппортунизма². Известный антикоммунист Л. ШAPIPO, преувеличивая интерес России к установлению торговых связей с капиталистическими странами и получению концессий, считал, что «разжигание революции могло стать препятствием к этой цели» и будто бы поэтому большевики добивались на III конгрессе Коминтерна «примата русских интересов»³. Развивая эти мысли, О. Флехтгейм дошел до утверждения, которое сделал своим главным выводом: коммунистическое движение перешло от «интернационализма мировой революции» к «коммунистическому национализму» и к «советскому империализму»⁴.

Все эти соображения сводятся, таким образом, в конечном счете к одному: к попытке доказать шестидесятилетней давности тезис о том, что коммунистическое движение есть не что иное, как «рука Москвы», что Коминтерн — искусственное создание русских большевиков, поставленное ими на службу делу «экспорта революции».

В свете многолетнего опыта очевидно: все эти утверждения опровергнуты самой жизнью. Никто и никогда не доказал, что партия Ленина навязывала другим свое мнение, добивалась корыстных целей. Ее единственная задача состояла в том, чтобы помочь братским партиям самим встать на ноги, научиться наилучшим образом решать собственные задачи, вместе бороться против общего врага. В этом суть подлинно революционной, интернационалистической линии. Нет спору, что становление и развитие коммунистических партий, как партий подлинно марксистско-ленинских, подлинно революционных,

¹ F. Borkenau. *World Communism. A History of the Communist International*. New York, 1939, p. 222, 232.

² G. Nollau. *Die Internationale. Wurzeln und Erscheinungsformen des proletarischen Internationalismus*. Köln, 1959, S. 89—90.

³ L. Schapiro. *The Communist Party of the Soviet Union*. New York, 1960, p. 218.

⁴ O. K. Flechtheim. *Bolschewismus 1917—1967. Von der Weltrevolution zum Sowjetimperium*. Wien—Frankfurt a. M.—Zürich, 1967, S. 29.

действительно осуществлялось под знаменем идей ленинизма, идей, нашедших свое реальное воплощение в завоеваниях Великого Октября. Но могло ли быть иначе?

«Трудно даже представить себе,— говорил Б. Н. Пономарев,— как сложились бы судьбы революционного рабочего движения, если бы не создание Коминтерна. Смог бы революционный авангард пролетариата сохранить и утвердить свои позиции в качестве политических партий? ...Несомненно, без Коминтерна революционное рабочее движение было бы обречено на долгие и трудные поиски правильного, надежного пути... Коминтерн помог здоровым силам в международном рабочем движении, его революционному крылу воздвигнуть преграду на пути соглашательства с буржуазией, преодолеть реформизм, обеспечить им идейную и организационную самостоятельность»¹. Коминтерн сумел не только объединить в своих рядах все лучшие, интернационалистские силы международного рабочего движения, все его национальные отряды. В его рядах сформировались и прошли боевую закалку кадры испытанных руководителей ленинского типа. Солидарность братских коммунистических партий с Советским Союзом и его миролюбивой политикой отвечала и отвечает жизненным интересам всех народов.

В своих непрекращающихся попытках ослабить международное влияние ленинизма буржуазные и социал-реформистские идеологи в последние годы особенно интенсивно пытаются разорвать органическую связь его с марксизмом, противопоставить их друг другу. Цель этой идеологической диверсии проста, даже примитивна: подняв на щит Маркса, принизить Ленина. Некоторые авторы готовы ныне не только признать критику Марксом и Энгельсом домонополистического капитализма, но даже кое-какие их идеи относительно социализма и коммунизма, носившие неизбежно общий характер, ибо основоположники марксизма не терпели беспочвенных фантазий. Зато ленинское учение об империализме, социалистической революции и строительстве социализма, учение, реально претворяемое в жизнь, предается анафеме, ибо оно опасно для современного империализма².

Дело иногда доходит до курьезов. Во Франции вот уже в течение нескольких лет марксизм стал официальным предметом преподавания в некоторых высших учебных заведениях. Этот «университетский марксизм», лишенный своего революционного содержания и смахивающий на столетней давности «катедер-социализм», отличается от него, однако, тем, что специально призван доказать отсутствие преемственной связи между взглядами Маркса и учением Ленина. Французский политолог и философ Ж.-П. Гарнье заметил в своей

¹ Б. Н. Пономарев. О 60-й годовщине образования Коммунистического Интернационала, стр. 5—6.

² См., например, F. Claudin. Eurocommunism and Socialism. London, 1978.

книге «Облегченный марксизм», что он используется правящим классом Франции в целях «обновления формы его гегемонии»¹.

В Дюссельдорфе летом 1978 г. состоялся всемирный философский конгресс. Открывая его, тогдашний президент ФРГ, лидер Свободной демократической партии, партии либеральной буржуазии, В. Шеель сказал: «Мысли Маркса определяют жизнь миллионов людей», без них «нельзя было бы понять действительного положения дел, например, в сфере экономики, общественной жизни, науки ФРГ». И Шеель призвал Запад «не уступать марксистам такого умного немца»...

Один из наиболее распространенных «научообразных» приемов доказательства различия взглядов Маркса и Ленина — утверждение, вслед за Каутским, будто Маркс занимался *теоретической* стороной проблем общественного развития, а Ленин был прежде всего *практиком*. В соответствии с этим Маркс-де придавал решающее значение *объективным* предпосылкам и факторам борьбы за социализм, тогда как Ленин якобы отдавал предпочтение *субъективному* фактору — роли классов, партий, в первую голову революционной партии пролетариата.

Было бы наивно отрицать, что между творчеством Маркса и Ленина имеются немалые различия, связанные прежде всего с тем, что два великих революционера жили и трудились в разные исторические эпохи.

Карл Маркс действительно уделял главное внимание теоретическому обоснованию революционной борьбы за социализм, анализу ее объективных предпосылок и факторов. Объясняется это не только личными качествами и склонностями Маркса, но и прежде всего особенностями периода, в который он действовал. Объективные условия социализма тогда далеко еще не созрели (о чем не раз писали сами Маркс и Энгельс). Но нужно было готовить рабочий класс к социалистической революции и важнейшей частью этой подготовки являлось теоретическое обоснование необходимости социализма, доказательство исторической неизбежности возвышения общества на эту ступень, выяснение общих условий осуществления этого процесса. Речь шла о величайших научных открытиях Маркса и Энгельса, о подлинном перевороте, совершенном ими в развитии общественных наук.

Можно ли, однако, утверждать, что Маркс был только кабинетным ученым, своего рода «чистым теоретиком»? Нет, практическая революционная деятельность занимала в его жизни весьма заметное место. Ведь именно он вместе с Энгельсом был основателем и руководителем двух первых революционных организаций международного пролетариата, его первых политических партий — Союза коммуни-

¹ J.-P. Garnier. Le marxisme lénifiant ou la politique bourgeoise au poste de commande. Paris, 1979, p. 77.

стов и Международного товарищества рабочих. Основоположники марксизма принимали прямое участие и в революциях 1848—1849 гг., и в организации поддержки Парижской коммуны. Итак, органическое единство научно-теоретической и революционно-практической работы, изучения объективных предпосылок борьбы за социализм и пристальнейшего внимания к субъективному фактору этой борьбы — рабочему классу, его политической партии — вот подлинное содержание жизни и деятельности Маркса.

Ленин жил в иную эпоху, когда социализм из теоретической проблемы стал превращаться в проблему политическую, злободневно-практическую, а социалистическая революция назрела. Именно потому, что Ленин был марксистом, исходил из материалистической диалектики и исторического материализма, во всем его творчестве нашли полное и глубокое отражение новизна новой эпохи, специфика выдвинутых ею задач. Все открытия Ленина как в области революционной науки, так и в области революционной практики, все содержание ленинизма в целом проникнуты духом социалистической революции. То, что он сделал как революционер-практик колоссально. Но ни один практический шаг, ни одно революционное действие не удалось бы, если бы они не были осмыслены и обоснованы им теоретически. Именно поэтому «нет и не может быть марксизма без того нового, что внес в его развитие Ленин. *Ленинизм — это марксизм современной эпохи, единое, целостное, непрерывно развивающееся учение международного рабочего класса*»¹.

Единство марксизма и ленинизма неизменно подчеркивали и подчеркивают все видные деятели коммунистического движения. Антонио Грамши, например, писал: «Маркс — творец *Weltanschauung*; а какова в данном случае роль Ильича? Является ли она чисто зависимой и подчиненной? Объяснение заключается в самом марксизме — науке и действии... Проводить параллель между Марксом и Ильичем с целью расставить их по ступенькам какой-то иерархической лестницы — это нелепость и пустая трата времени: они выражают две фазы: наука и действие, которые являются однородными и разнородными в одно и то же время»².

Буржуазные и реформистские идеологи, пытаясь тем не менее противопоставить Ленина Марксу, вынуждены препарировать взгляды обоих. Односторонне интерпретируя (вслед за Бернштейном) экономическое учение Маркса в духе вульгарного материализма, они приписывают ему безграничную веру в «органическое развитие общества», изображая его законченным «детерминистом» или фаталистом. Соответственно обработав высказывания Ленина, они превращают его в «чистого волюнтариста». Только таким способом им удается

¹ «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», стр. 4.

² А. Грамши. Избранные произведения, т. 3. М., 1959, стр. 74.

получить в конечном счете «обоснование» насквозь лживого тезиса, будто в ленинизме «детерминизм уступает место волюнтаризму»¹.

Первое, что делают фальсификаторы, — абсолютизация ленинских мыслей о возрастающей роли *субъективного фактора* в революционном процессе при одновременном умалении или игнорировании всего, что говорил Ленин об *объективной основе* перехода от капитализма к социализму. Однако Ленин во всех своих суждениях неизменно опирался на прочно установленный марксистами (в том числе Каутским, Гильфердингом) вывод о том, что в развитых странах к началу первой мировой войны созрели объективные условия для социалистической революции. Ленинские работы об империализме изобличили отход Каутского и других социал-демократических теоретиков от ими же ранее сделанных выводов. Ленин показал также, что их попытки доказать «незрелость» русских условий (что казалось более легким ввиду очевидной их отсталости по сравнению с западноевропейскими) были для них лишь поводом, чтобы окольным путем обосновать «незрелость» условий также и на Западе, а тем самым оправдать свой отказ от революции вообще. Сам же Ленин, неизменно подчеркивая *объективную* возможность и необходимость международной социалистической революции, естественно, уделял первоочередное внимание роли *субъективного фактора*: вопросам собирания и организации общественных сил, способных и желающих осуществить революционный штурм капиталистического общества. При этом в основе всех представлений Ленина о субъективных условиях революции лежат последовательный марксистский детерминизм, ибо в конечном счете все политические, идеологические, психологические факторы, влияющие на действия классов, базируются на реальных экономических основаниях. При определяющей роли последних взаимодействие различных факторов, однако, отнюдь не механическое².

Второй шаг буржуазных истолкователей ленинизма — максимальное сужение понятия субъективного фактора, субъективных условий революции. В то время как для Ленина это понятие охватывает «сознание, волю, страсть, фантазию» не одиночек или небольших групп, даже не десятков тысяч, а «десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»³, в писаниях буржуазных авторов все сводится к роли партии, «элиты», вождей. Измышленная и приписанная Ленину «теория авангардизма» интерпретирует ленинское учение о революционной марксистской партии и ее руководящей роли как стремление создать «кадровую партию», в которой некий замкнутый командующий центр из «профессиональных революцио-

¹ Подробнее см.: Ю. А. Красин. Революцией уstraшенные, стр. 89—103.

² Подробнее см.: Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность. М., 1967, стр. 143, 146; К. И. Зародов. Указ. соч., стр. 22—32.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81.

неров» диктует свою волю партии, а через нее массам. Для этого без всяких оснований экстраполируется и «тотализируется» ленинский план создания нелегальной партии в условиях самодержавной России начала XX в., извращенно толкуется история борьбы большевиков и меньшевиков, искажается суть принципа демократического централизма, партийной дисциплины и т. п. Совершив подобные манипуляции, уже нетрудно приписать Ленину желание создать партию как орудие «делания революции» (*revolution-making*), как «машину, эффективно используемую в момент, который генералы революции сочтут удобным». Внимание Ленина к вопросам революционной организации объясняют исключительно стремлением превратить рабочее движение в «оружие классово сознательной элиты», желанием препоручить партии решение той задачи, которую «Маркс считал задачей рабочего класса»¹. Г. Маркузе утверждал в этом плане, что происходит «трансформация пролетариата из субъекта в объект революционного процесса», поскольку «субъективный фактор революционной стратегии», дескать, «монополизируется партией, принимающей характер организации, профессионально направляющей действия пролетариата»².

Третий шаг на пути «волюнтаризации» ленинских взглядов снова возвращает фальсификаторов к исходным утверждениям Каутского, Бауэра и других, будто Ленин целиком воспринял методы домарксовых революционеров и повинен в якобинизме, «бланкизме», «бакунизме» и т. п. Впрочем, если вспомнить, что Каутский сравнивал Ленина со Степаном Разиным, звучит не так уж страшно, когда Г. Вебер называет в числе «предшественников» большевиков... Нечаева³.

Однако прямое отождествление большевизма с терроризмом встречается ныне возражения даже среди антикоммунистов. Так, А. Г. Мейер вынужден признать, что в первые месяцы Советской власти «никаких проявлений террора и насилия не наблюдалось», что «террор ЧК» начался только после покушения на Ленина и «представлял собой разительный контраст снисходительному отношению к белогвардейским генералам», проявленному Советской властью непосредственно после революции. Поэтому Мейер пришел к заключению, что «гражданская война и террор» не были для Ленина и большевиков «самodelью». Но он тут же объявил их следствием... ошибочного расчета на возможность построения в России социализма⁴.

Так, если не прямо, то косвенно Ленин все равно оказывается повинным в том, что «стремился утвердить свою власть», пользуясь будто бы «безжалостными методами», и был якобы убежден, что «цель

¹ A. G. Meyer. Op. cit., p. 51, 291.

² H. Marcuse. Soviet Marxism. A Critical Analysis. New York, 1958, p. 30, 31, 40.

³ H. Weber. Demokratischer Kommunismus? Hannover, 1969, S. 24.

⁴ A. G. Meyer. Op. cit., p. 192—194.

оправдывает любые средства». Примерно в таком же плане рассуждает о ленинизме, как «руководстве к действию», и западногерманский профессор В. Гроттиан, который на основании сходных искажений и домыслов обвиняет Ленина в «отрицании моральных ценностей»¹. Недалеко ушел от профессиональных антикоммунистов и Ю. Браун-таль, который приписывает Ленину «веру в чудодейственную силу насилия» и безоговорочную готовность «ставить на карту человеческие жизни»². Так эти «критики» переходят от внешне наукообразной полемики к ординарной клевете.

Надо заметить, что этот злобный миф о Ленине-«волюнтаристе», основанный на извращении самой сущности пролетарской революции, встречал резкие возражения уже в самый разгар событий. Антонио Грамши писал в 1919 г. в статье «Дань истории», что пролетарская революция «требует, чтобы все люди были сопричастны сознательной духовной и исторической деятельности». Именно поэтому ей приходится преодолевать неслыханные трудности и преграды, а «для ее успеха история требует чудовищной дани, подобной той, которую вынужден платить русский народ». Русские коммунисты «составляют слой первоклассных руководящих кадров», ибо они обрели «четкое сознание лежащей на них ответственности — холодное и острое, разящее, как мечи покорителей империй». Что касается Ленина, то он «показал себя — и это засвидетельствовано всеми, кто наблюдал его вблизи, — величайшим государственным деятелем современной Европы; это человек, способный охватить своим широким умом все существующие в мире социальные силы, которые могут быть использованы на благо революции»³.

Еще один упрек, предъявляемый Ленину и пускаемый в оборот регулярно, состоит в том, что ленинизм, быть может, и ценное учение, но только для России или, в лучшем случае, для слаборазвитых стран. Он лишен всеобщего интернационального звучания и, безусловно, «не относится» к развитым странам капитализма, не предвещает им неизбежной победы революции.

Однако и это утверждение не имеет ничего общего с истиной. Любой мало-мальски объективный человек не может не признать, что Ленин в своей работе опирался отнюдь не только на источники, касающиеся России или слаборазвитых стран, он изучил и обобщил материалы, относящиеся ко всем странам и районам мира, ко всему мировому развитию в целом. Можно сказать, что после Маркса и Энгельса среди марксистов, кроме Ленина, не было человека, который сумел бы освоить, переварить, превратить в единый сплав такую

¹ W. Grottian. *Lenins Anleitung zum Handeln. Theorie und Praxis sowjetischer Außenpolitik*. Köln—Opladen, 1962, S. 41—45, 65—67.

² J. Braunthal. Otto Bauer. Eine Auswahl aus seinem Lebenswerk. Wien, 1961, S. 83.

³ А. Грамши. Избранные произведения. М., 1980, стр. 55.

массу данных, охватывающих самые различные области знаний и самые различные регионы.

В связи с этим нельзя не заметить, что критики ленинизма, делая подчас весьма далеко идущие выводы, сами опираются отнюдь не на глубокое изучение разнообразных фактов, не на серьезные исследования объективных и субъективных данных, а на абстрактные умозаключения, продиктованные, как правило, чисто прагматическими заботами. Материал для подобного рода спекуляций нередко заимствуется из случайных источников (прежде всего враждебных ленинизму) или же попросту берется с потолка. Факты подбираются для подтверждения уже готовой концепции, без заботы о всестороннем охвате предмета, об изучении его во всех связях и опосредованиях.

Ничего подобного нельзя сказать о Ленине. Его выводы всегда основаны на глубочайшем изучении как объективных данных, так и субъективных взглядов тех или иных авторов. Убедительным свидетельством этого являются подготовительные материалы Ленина, собранные в «Философских тетрадах», в «Тетрадах по империализму», в тетрадах «Марксизм о государстве», в многочисленных набросках и планах. Любого читателя не может не поражать колоссальный объем фактов и соображений, которые Ленин использовал для обоснования того или иного вывода. Он сопоставлял различные источники, проверял и перепроверял свои заключения, прежде чем предать их гласности. При этом Ленин считал своим долгом рассматривать и принимать во внимание работы как авторов, близких ему по духу, так и своих противников. Он признавал, что в работах серьезных буржуазных ученых могут быть интересные факты, наблюдения и выводы, которые, если очистить их от идеалистической шелухи и субъективизма, должны быть использованы марксистской наукой.

Содержание ленинских работ отнюдь не ограничено Россией. В трудах об империализме и многих других Ленин предстает как прямой продолжатель Маркса в изучении законов развития капиталистической формации, как таковой. Он выступает как глубочайший аналитик процессов всемирного капитализма, и прежде всего его наиболее развитой в экономическом отношении части. И это естественно, ибо раскрыть закономерности и тенденции развития какого-либо организма можно только, изучая не его низшие, а его высшие типы. И не случайно, что Ленин высказал глубочайшие суждения об особенностях борьбы за социализм в высокоразвитых капиталистических странах.

Известно, что у марксизма всегда было много противников. Немало было и попыток его «подправить» и «дополнить» или создать новое учение, которое заняло бы его место и указало человечеству «единственно верный путь». По подсчетам газеты «Нью-Йорк таймс», только после 1917 г. в несоциалистическом мире возникло и умерло свыше трех тысяч различных теорий общественного развития! Никто

и вспомнить сейчас не может, что это были за теории, как они назывались, кто их «родители»... А марксизм-ленинизм с честью прошел все испытания и остается знаменем революционной борьбы международного пролетариата.

Борьба между сторонниками марксизма-ленинизма и его противниками продолжается. Она разворачивается при заведомом превосходстве идей великого революционного учения рабочего класса. Однако борьба эта отнюдь не легка и не проста. Ибо если марксизм-ленинизм, его сторонники опираются на факты живой жизни, апеллируют к разуму людей, то его противники, антимарксисты и антикоммунисты, эксплуатируют предрассудки, порожденные в сознании людей многовековым господством частной собственности и многократно усиленные в наши дни в результате гибкого курса монополий и деятельности чудовищной машины средств массовой информации. Предрассудки такого рода весьма устойчивы, цепки, они составляют важную опору социально-политического и идейного консерватизма, даже реакции.

Попытки любыми способами дискредитировать ленинизм, подорвать его влияние — важнейшая часть современной идеологической деятельности буржуазии. Она стремится прежде всего «ленинизировать» рабочее движение. Как справедливо заметил Э. Папаиоанну, «буржуазия и ее наемные теоретики всячески стремятся доказать, будто идеи Ленина преодолены, устарели. Однако очевидно: никто не воюет против того, что уже преодолено и отмерло»¹.

Авангард рабочего движения по-прежнему хранит верность своему великому учению — марксизму-ленинизму. По данным ЮНЕСКО, вот уже много лет труды Ленина прочно занимают первое место в мире по числу переводов на иностранные языки. Это не удивительно, ибо имя Ленина, его труды, его учение, развиваемое и обогащаемое его наследниками и продолжателями во всех концах планеты, — это идейное знамя нашего века, всей нашей эпохи.

Мысли и действия Ленина были не просто новаторскими, это гениальные открытия принципиально новых направлений социального прогресса. Они не просто выражали потребности эпохи, но и способствовали самому их формированию. «Ленинизм *вчера*, — говорил Б. Н. Пономарев в докладе, посвященном 110-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, — это победа Октября и построение первого социалистического общества, мощный призыв к свободе и социальной справедливости, поднявший на борьбу сотни миллионов людей.

Ленинизм *сегодня* — это реальный социализм, олицетворяемый содружеством социалистических государств, это мощное коммунистическое и освободительное движение, это ликвидация колониального господства и создание новых самостоятельных, независимых госу-

¹ «Проблемы мира и социализма», 1980, № 3, стр. 19.

дарств, это коренное изменение соотношения сил в пользу социализма и мира и возможность исключения войны из жизни человечества.

Ленинизм *завтра* — это коммунистическое общество в нашей стране, торжество социализма во многих других странах, новые победы сил социального и национального освобождения, это важные успехи в борьбе за прочный и справедливый мир и дружбу всех народов»¹.

Марксизм-ленинизм не имеет аналога в истории ни по масштабу охваченных проблем, ни по степени практической реализации сделанных выводов, ни по устойчивости своего воздействия на мировой революционный процесс. Это подлинная вершина духовного развития современного человечества, символ социального обновления мира.

¹ Б. Н. Пономарев. Великая жизненная сила ленинизма, стр. 5.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдуллаев З. З. 445
Авксентьев Н. Д. 38
Аврус А. И. 665
Адибеков Г. М. 528
Адлер В. 147, 164
Адлер М. 276—278
Адлер Ф. 147, 202, 204, 205, 251,
254, 256, 257, 356, 365, 381, 400,
401, 557, 563, 567, 568, 650, 651
Азизбеков М. 445
Алатри П. 539
Александров В. В. 258, 553, 575
Александров И. Г. 328, 473
Алексеев М. В. 73
Алессандри А. 426
Альтфатер В. М. 125
Амелин П. П. 112, 328
Анвельт Я. Я. 72, 297
Ангиано Д. 502
Андерсен-Нексе М. 248, 662
Андерсон П. Х. 135
Андерсон Э. 248
Андраши Д. 180
Андреев А. М. 39
Андрэ К. Г. 162
Антипов Н. К. 95
Антонов А. А. 38
Антонов А. С. 469
Антонов-Овсеенко В. А. 64, 66, 79,
306
Анучин Д. Н. 328
Арисала Х. 425
Арисменди Р. 690
Арманд И. 153, 334
Артем (Сергеев) Ф. А. 57, 73, 295
Аустерлиц Ф. 204, 251
Бадаев А. Е. 117
Бади Ш. М. 445
Баева Л. К. 96, 97
Байкова А. Н. 237
Балабанова А. 272
Балиньо К. 424
Бальфур А. Дж. 119
Баннинг В. 254, 360
Бантке С. 154
Барбюс А. 134, 338, 498, 619, 644,
659, 662
Барт Э. 185
Бартель В. 150, 151
Барту Л. 593
Баскаков Г. Ф. 234, 351
Батлье-и-Ордоньес Х. 421
Бауман Г. Г. 243
Бауэр Г. 179, 197, 349
Бауэр О. 133, 146, 147, 167, 168,
202—207, 250—252, 262, 278—280,
284—287, 356, 365, 381, 392, 394,
402, 480—482, 564, 649, 650, 697,
699, 701, 702, 709, 710
Бах А. Н. 111
Башкиров А. 445
Бейер Г. 199
Бейлин А. Е. 328
Белл Т. 157, 236, 501, 523
Бенеш Ф. 77
Беннигсен А. 698
Березин Д. Е. 322
Берзин Я. А. 174, 272
Беринкеи Д. 210
Бернс Д. 256
Бернштейн Э. 150, 166, 169, 254,
257, 348, 707
Бессмертный Е. Д. 664
Бестейро Х. 254
Бехтерев В. И. 111

- Бём В. 214, 216, 402
Бёттхер П. 623
Бидегаре 351
Биллингс У. 158, 548
Биллингтон Дж. 694
Бимба А. 158, 239, 548
Бирман М. А. 178, 227, 626
Благоев Д. 626, 665
Блок А. А. 111
Блюм Л. 168, 498, 545, 567, 649
Блюхер В. К. 125, 306
Бляхин П. А. 322
Бобиньский С. 127
Богданов А. А. 327
Боденман М. 502
Бонч-Бруевич В. Д. 105
Бонч-Бруевич М. Д. 125
Бора У. 662
Бордига А. 155, 231, 368, 491, 499,
500, 539, 559, 562, 572, 577, 586
Борзиг Э. 186
Борце III 178
Борисов Н. Б. 117
Боркенау Ф. 703, 704
Борковский И. 636
Бородин М. М. 164, 439
Брагинский М. И. 448
Брайант Л. 76
Брак А.-М. Д. 650
Браммер К. 150
Брандао О. 423
Брандлер Г. 511, 622—624, 655
Брантинг Я. 162, 254—256, 360,
391, 579, 650
Браун А. 391, 394, 395
Браунталь Ю. 202, 205, 280, 285,
360, 394, 395, 700, 703, 710
Бредли Ф. 299
Брежнев Л. И. 11, 12, 17, 18, 19,
56, 604, 669, 673, 688
Брешко-Брешковская Е. К. 120
Бригс 304
Броз Тито И. 76
Броньский М. 77
Брукер Л. де 391, 567
Брусиллов А. А. 125
Брэнд К. Ф. 703
Брюа Ж. 233, 351, 493
Брюнин В. Г. 131
Брюсов В. Я. 111
Бубнов А. С. 64
Буденный С. М. 125
Булл Е. 162
Бунин И. А. 111
Бурбоны 573
Бухали Л. 455
Бухарин Н. И. 103, 107, 109, 110,
261, 267, 272, 389, 467, 513, 530,
551—553, 562, 578, 586, 614
Бхарати С. 431
Быков В. 159
Вагенкнехт А. 241
Ваго Б. 208
Вайнкоп Д. 243, 382
Вайян-Кутюрье П. 134, 338, 498,
523
Вандель Г. Ф. де 615
Вандервельде Э. 168, 253, 254, 391,
394, 558, 563, 564, 649, 650
Вандерлип В. Б. 596
Вантуш К. 208
Ванцетти Б. 548
Варга Е. 212, 388, 487, 552
Варский А. 172, 523, 562
Вахтангов Е. Б. 111
Вацетис И. И. 125
Вашингтон Б. 448
Вебб Б. 394
Вебб С. 168, 176, 392, 394, 649
Вебер Г. 709
Вебер С. 512
Велтнер Я. 216
Вельс О. 188, 254, 256, 391, 649,
650
Вельти Ф. 502
Венедиктов А. В. 110
Вертгейм И. 148
Вечорек Ю. 637
Вибаут Ф. М. 392
Викс 210
Виктор-Эммануил 572

- Вильсон В. 120, 146, 179, 241, 255
Вилья Ф. 426
Вильямс А. Р. 76, 126, 329
Вильямс В. Р. 473
Винерман Л. 127, 307
Визйра А. 247
Владимирский М. Ф. 68, 324
Волков К. В. 323
Володарский В. 123
Вольф О. 489, 596
Вольфгейм Ф. 348, 497, 510
Воровский В. В. 272, 594, 670
Ворошилов К. Е. 72, 295, 306
Врангель П. Н. 304, 341, 344, 345
Вэр Г. 662
- Гаазе Г. 150, 185, 189, 195, 254, 348
Габсбурги 177, 180, 181, 203, 208, 222, 225, 294, 678
Гавриков Ю. П. 425
Галлахер У. 156, 235, 236, 340, 383, 662
Галкин А. А. 540
Гамарник Я. Б. 125
Ганди М. К. 138, 410, 430, 431
Гапоненко Л. С. 20, 21, 59
Гарами Э. 148, 208
Гарбаи Ш. 211, 402
Гарви М. 448
Гарнье Ж.-П. 705, 706
Гароди Р. 694
Гарсиа А. 425
Гарсиа Кехидо А. 502
Гарсиа Х. 246
Гашек Я. 127
Ге А. Ю. 110
Гейден К. 540
Геккерт Ф. 389, 513, 516, 518, 523, 530, 619, 623
Гемпель 526, 527
Гендерсон А. 168, 176, 253—255, 257, 360, 383, 391, 585, 649, 650
Генкина Э. Б. 470, 473
Генов Г. 631
Георгиев Ю. В. 160
Геринг Г. 620
- Герхардсен Э. 136
Герцог Я. 245
Гечени Л. 208
Гёльц М. 511
Гёрнле Э. 584
Гильфердинг Р. 189, 194, 195, 356, 402, 708
Гимпельсон Е. Г. 305, 306, 309, 322, 324
Гинденбург П. 179, 186
Гинев В. Н. 28
Гинцберг Л. И. 540, 620, 625
Гиольди Р. 420
Гитлер А. 540, 620, 625, 702
Глунин В. И. 438
Гогенцоллерны 179, 186, 287, 294, 678
Головачев Ф. Ф. 150
Голуб П. 82
Гольдберг Д. И. 345
Гольц Р. фон дер 144, 297
Гомес Х. В. 426
Гомперс С. 158, 169, 240, 254, 256
Гончаренко Н. 41
Горев А. А. 328
Городецкий Е. Н. 80, 81, 83, 482, 689
Гортер Г. 368, 509, 510, 703
Горький А. М. 112, 662
Гофман И. 198, 199
Грамши А. 155, 231—233, 353, 354, 385—387, 500, 705, 707, 710
Графтио Г. О. 328
Грациаден А. 387, 409
Грёнер В. 186
Гривс К. Д. 639
Григорьева И. В. 233
Гримм Р. 245, 402
Громова Е. К. 323
Гроттиан В. 710
Грулович Н. 223
Грунт А. Я. 22, 39, 57, 62, 69
Губер А. А. 442
Губкин И. М. 473
Гундоров А. С. 38
Гурвич С. Н. 545, 644
Гурович П. В. 134, 236, 336, 340, 493

- Гусев К. В. 84, 121, 122
Гусев С. И. 316
Гуссарек М. 180
Гучков А. И. 26, 36
Гуэ О. 392
Гюисманс К. 253, 257, 360
- Давид Э. 150
Давидович Д. С. 623, 624
Давидсон А. Б. 451, 452
Далем Ф. 497
Дан Ф. И. 28, 46, 484
Д'Аннунцио Г. 537, 538
Д'Арагона Л. 156, 353, 492
Дас Ч. Р. 431
Даскалов Р. 178
Дашиньский И. 218
Дебс Ю. 135, 159, 548
Де Валера И. 238, 641
Девяткина Т. Ф. 431, 433
Деймиг Э. 195, 497
Дейч Ю. 202, 204, 205
Дейчер И. 27
Деникин А. И. 72, 73, 216, 283, 298, 303, 304, 469, 508, 597
Джапаридзе П. А. 123
Дженнари Э. 155, 156, 234, 491, 492, 530, 586
Джерманетто Д. 155
Джолитти Дж. 491, 537, 538
Джонс А. 139, 451, 452
Джорджеску Титу 496, 505
Дзержинский Ф. Э. 64, 68, 76, 81, 106, 121, 590
Диамандеску Т. 307
Диас Ф. 422
Диденко Г. Д. 588
Димитров Г. 226, 627, 630—632, 665
Дитман В. 185
Ди Томасо А. 420
Дмитренко В. П. 470, 472
Дмитриевич Д. 386
Домбаль Т. 635
Домнич М. Я. 244, 245, 397
Драбкин Я. С. 175, 186, 194, 197, 251
Драгунов Г. П. 245
Дрекслер А. 540
Дробижев В. З. 21, 94, 96
Дунаевский А. М. 335
Дундич О. 308
Дункер Г. 185
Дутов А. И. 71, 82
Духонин Н. Н. 71, 72, 100
Дучке Р. 48
Дьюкс П. 696
Дыбенко П. Е. 42, 79
Дэн Сяопин 436
Дэн Чжунся 435—438
Дюбуа У 448
Дюмулен Ж. 397
- Евзеров Р. Я. 173
Егоров А. Г. 689
Егоров А. И. 125
Егоров И. Г. 57
Егоров И. И. 476
Егорова А. Г. 40
Егорова М. Н. 431, 433
Блазар Д. 178
Елизаров М. Т. 79
Еремеев А. Д. 99
Еремеев И. 38
Ерицян Х. А. 84
Ермолова М. Н. 111
Ерыкалов Е. Ф. 21, 22, 66
- Жакмott Ж. 503
Жанен М. 303
Жбиковский С. 127
Железняков А. Г. 85
Животов М. Н. 95
Жиро Р. 694, 695
Жорес Ж. 233, 255
Жуковский Н. Е. 111, 328
Жулье Ф. 216
Жуо Л. 153, 234, 254—257, 351, 361, 396, 543, 566, 585
Жэн Фучен 307
- Загладин В. В. 677, 679, 689
Зак Л. М. 335

- Заказникова Е. П. 439, 440
Закс Г. Д. 101, 122, 526, 527
Залка М. 307
Запотоцкий А. 222
Зародов К. И. 693, 708
Затонский В. П. 73
Зеверинг К. 619, 621
Зевин Я. Д. 123
Зейц К. 147, 148, 204, 254
Зиновьев Г. Е. 62—64, 104, 272, 389, 413, 524, 523, 530, 552, 553, 560, 576, 577, 579, 586, 614, 622, 652, 655, 657
Зихерл Б. 149
Знаменский О. Н. 83, 85
Золотов А. А. 323
Зорин С. С. 57
Зорина А. М. 137
Зубов И. С. 323

Ибрагимов (Шахин) Т. А. 445
Иванов Н. А. 456
Иванова М. Н. 445, 446
Игнатъев Г. С. 69
Игрицкий Ю. И. 693
Илюшечкин В. П. 436
Инкпин А. 236
Иовчук М. Т. 689
Иогихес Л. 185, 197
Иоффе А. Ф. 328
Иоффе Г. З. 300, 693, 696
Иригойен И. 426
Ирошников М. П. 113
Искаро Р. 424

Йотов Й. 626

Каблуков И. А. 328
Каландарашвили Н. А. 307
Каледин А. М. 73, 80, 82
Калинин М. И. 322, 332, 476, 603, 604
Калицкая Ф. 638
Каменев Л. Б. 32, 62—64, 602
Каменев С. С. 125, 614
Камешков Б. Н. 66
Канделоро Д. 156, 230, 353, 397, 492, 572
Каннинггэм Т. 205, 216
Капп В. 349, 490, 570, 621
Кар Г. 625
Карахан Л. М. 272
Карбышев Д. М. 125
Карлинер М. М. 156, 168
Карманова А. Г. 323
Каройи М. 180, 208, 210
Карпачев Б. А. 586
Карпинский А. П. 111, 328
Карр Э. Х. 693
Карстен Ф. Л. 203, 206, 540
Катайма Сэн 161, 344, 562, 567, 586, 647
Каутский К. 47, 150, 166, 167, 169—171, 173, 176, 189, 195, 197, 250—252, 254, 255, 257, 264, 275, 277, 280—282, 284—287, 348, 356, 365, 394, 398, 480—482, 542, 571, 605, 606, 650, 653, 697, 700, 706, 708, 709
Каутская Л. 166
Кацлерович Т. 132
Кашен М. 154, 254, 334, 498, 527, 567, 616, 617
Каштан У. 690
Квиринг Э. 318
Кемаль (Ататюрк) М. 138, 443, 461
Кенде Я. 208, 212
Керенский А. Ф. 26, 28, 45, 46, 56, 60, 64, 68, 71, 81, 120, 137, 140, 196, 287
Керзон Дж. Н. 340, 594, 649, 662
Кёллер Г. 616
Кёнен В. 497, 526
Кённеман Э. 349
Килль Ж. 245, 246
Кингисепп В. Э. 72, 297
Кип Дж. 695—697
Кирова К. Э. 134, 155
Кириякидис Г. Д. 503
Кириянов Ю. И. 23
Киш Э. Э. 148, 204
Классон Р. Э. 111

- Клаудин Ф. 694, 703, 705
Клаузевиц К. 527
Клеванский А. Х. 222, 504
Клемансо Ж. 152, 253, 335
Клинггер Г. 272
Клокаре С. 162
Клугман Дж. Г. 236, 341, 501, 546
Кляцкин С. М. 125
Книф И. 131
Кобецкий М. В. 389
Кобозев П. А. 91
Кобылянский К. В. 232, 336, 338
Коваленко Д. А. 110
Коваленко И. И. 647, 648
Коваль Б. И. 421, 423
Ковальский И. 633
Ковачевич Н. 223
Кодовилья В. 420, 690
Кожевникова Л. П. 153, 154, 233, 351
Козелев Б. Г. 663
Коларов В. 516, 560, 572, 586, 619, 629, 631, 665
Коллегаев А. Л. 80, 122
Колесов Ф. И. 74
Коллине М. 493
Коллонтай А. М. 79, 466, 530, 585
Колпаков А. Д. 237, 238
Колчак А. В. 111, 298, 303, 307, 469, 508
Кольб Э. 702
Комаров В. Л. 328
Комин В. В. 29
Комолова Н. П. 134, 229
Кон Ф. 665
Кораблев Ю. И. 125, 305
Корвин О. 148, 209, 217
Коричонер Ф. 148
Корниенко Р. П. 442
Корнилов Л. Г. 56, 57, 72, 73, 111
Королев Н. Е. 408
Косев Д. 629, 631
Котовский Г. И. 125
Коул Дж. Д. Х. 699, 700
Коутс У. 340
Кошик М. М. 333
Коэн С. 695
Кравченко А. Д. 307
Крамарж К. 221
Красин Л. Б. 126, 462, 595
Красин Ю. А. 374, 693, 708
Краснов И. М. 337
Краснов П. Н. 68, 298
Крейбих К. 504
Кржижановский Г. М. 316, 317, 473
Кривогуз И. М. 568, 652
Криспин А. 387, 388, 401, 497
Крон Г. В. 695
Круг К. А. 328
Крупн Г. 489, 596
Крупская Н. К. 105, 106, 180, 294, 312, 584
Крыленко Н. В. 42, 72, 79, 100, 126
Крылов А. Н. 111
Кужело Э. Ф. 307
Кузнецов В. П. 322
Кузьмин Н. Ф. 689
Куйбышев В. В. 106, 125
Кулинич И. М. 333
Куманев В. А. 325
Кун А. 420
Кун Б. 77, 127, 206, 208—211, 213—216, 307, 368, 389, 514, 516, 530, 575
Кунина Д. Э. 231, 500
Куно В. 615, 617, 620—622
Кунфи Ж. 148, 208, 254, 402, 650
Курков Н. В. 240, 646
Курочкина О. И. 549
Курш Г. 349
Куусинен О. 142, 145, 515, 526, 530, 586
Кучек-хан М. 446
Ладзари К. 155, 500
Лангфельдт К. 163
Ланда Р. Г. 455
Ландауэр Г. 198
Ландсберг О. 185
Ланжевен Л. 134
Ланьцуцкий С. 635
Лапицкий М. И. 159

- Ласло Е. 217
Лауфенберг Г. 348, 497, 510
Лауэ Т. фон 698
Лацис М. Я. 121
Лашица А. 173
Лебади 451
Лебов М. Ф. 209
Леви П. 497, 511, 512, 522
Левине Е. 198, 200
Левине Р. 198
Левковский А. И. 429
Легин К. 150, 347, 361
Ледебур Г. 193, 402, 556, 571
Ле Зуан 690
Ленин В. И. 7, 9—13, 17, 18, 20, 21, 24, 25, 29—40, 42—56, 58—68, 70, 75—82, 84—96, 98, 99, 101—119, 122—129, 131, 136—139, 141, 143—145, 151, 155, 163—165, 169, 170, 172—174, 176, 178—184, 194, 196, 199, 209, 211—216, 220, 222, 229, 231, 243, 249—253, 258—275, 277—284, 286—289, 291, 294, 295, 298—302, 305, 306, 308, 310—314, 316—322, 324—331, 338, 339, 341, 345, 346, 348, 350, 354—357, 362—383, 385—388, 390, 403—418, 427, 429—432, 439—441, 443, 445, 458, 459, 461—486, 501, 503—506, 508—510, 513—535, 538, 541, 544, 545, 551—555, 557—566, 568, 573—583, 585—587, 589—615, 627, 635, 637, 642, 647, 653, 654, 658—662, 666—678, 680—694, 696, 698—700, 704—712
Ленц И. 257
Ленцман Я. Д. 296
Леонард В. 694
Лерумо А. 451—453
Лефевр Р. 134, 387
Лещиньский Ю. 76
Либкнехт К. 131, 150, 171, 172, 174, 177, 179, 185, 187, 188, 190, 192—194, 198, 200, 252, 253, 257, 262, 307, 333, 368, 375, 558
Лигдопулос Д. 503
Лигети К. 76, 127
Ли Дачжао 138, 435
Ли Лисань 436
Лима Баррето А. Э. 137
Липтаи Э. 211
Литвинов М. М. 157, 272
Ли Фучунь 436
Ли Цихань 436, 438
Ллойд Джордж Д. 168, 183, 213, 235, 256, 341, 462, 590, 593
Лозовский С. А. 517, 529, 544, 553, 584, 585, 619,
Локкарт Р. 124
Лонге Ж. 154, 254, 256, 257, 350, 356, 400, 498, 545, 643
Лонго Л. 353, 492, 500, 572, 573
Лопес А. 424
Лопухов Б. Р. 538, 643
Лорвин Л. 255, 361, 395—397, 556, 585, 618
Лорно Ф. 254, 257
Лукач Д. 368
Луначарский А. В. 79, 111, 112, 315, 560
Львов Г. Е. 26
Людендорф Э. 179, 625
Люксембург Р. 131, 150, 166, 171—174, 185, 187, 189—194, 198, 200, 252, 257, 260, 262, 333, 368, 375, 558
Лютвиц В. 349
Лябурб Ж. 334, 335
Ляпин П. 476
Ляуэр 523
Масевский И. В. 23
Майнор (Баллистер) Р. 523
Макдональд Дж. Р. 168, 254, 256, 280, 283, 284, 287, 356, 360, 383, 391, 394, 564, 567, 568, 644
Мак-Келхи 304
Маклин Д. 156, 236
Макманус А. 156, 236, 501, 560, 586
Макс Баденский 179, 185
Макфарлейн Л. Дж. 494, 547

- Малиновский Х. 218
Мальков В. Л. 135, 158, 240, 344, 661
Маммах К. 131
Манжен 304
Манн Т. 340, 673
Маннер К. 142
Маннергейм К. 141, 142
Манусевич А. Я. 220, 637
Марабини А. 231
Марат Ж. П. 131
Маргари О. 254
Мариатеги Х. К. 425
Мария-Адельгейд 245, 246
Маркин Н. Г. 125
Маркс К. 8, 20, 33, 47, 51, 53, 77, 171, 222, 271, 282, 373, 412, 518, 542, 605, 606, 667, 672—676, 680, 683, 684, 688, 694, 705—707, 709—711
Маркузе Г. 709
Марон А. 454, 455
Марти А. 335
Мартинес де ля Торре Р. 425
Мартинес Лопес Н. 426
Мартов Ю. О. 38, 107, 481
Марушкин Б. И. 693, 696
Мархлевский Ю. Ю. 272, 384, 385, 387
Масарик Т. Г. 221, 577
Маслов А. 511
Маслов С. Л. 59
Матюгин А. А. 476, 588
Махно Н. И. 472
Маяковский В. В. 111
Мдивани Б. Г. 600
Медведев С. П. 466
Мейер А. Г. 697, 698, 709
Мейер Э. 387, 389
Мейерхольд В. Э. 111
Меликсетов А. В. 434
Меллоуз Л. 641
Мельников А. М. 431, 433
Мельничанский Г. Н. 585
Меньшой А. 272
Мерик В. 544
Меринг Ф. 150, 171, 175
Мертенс К. 361, 391, 397, 566
Мерфи Д. 236
Мехоношин К. А. 66
Мидоль Л. 351
Миззиано К. Ф. 232
Миззиано Ф. 231, 354, 559
Минкоян А. И. 413
Микулик И. 209
Милибенд Р. 235, 644
Милкич И. 272
Миллер Е. К. 298, 303
Милюков П. Н. 26, 36, 44, 55, 73, 82
Минц И. И. 20, 40, 41, 58, 70, 688, 689
Мирбах В. 121
Мирончук П. 425
Митев Й. 628
Мицкявичюс-Капсукас В. С. 68, 295, 296
Мичев Д. 659, 662
Модильяни Дж. 650
Мокану К. 225
Молчанов Ю. Л. 552, 556, 557, 565, 567, 568
Монмуссо Г. 234, 351, 498, 543, 616, 617, 644
Монтаньяна М. 491
Морачевский Е. 218
Морозов П. Н. 312
Муни Т. 158, 548
Муньос Дьес Ф. 420
Муньос Х. П. 137
Муравьев М. А. 122
Муссолини Б. 155, 537, 572, 573, 625, 643, 649
Мухамеджанов М. М. 530
Мухаммед Али 454
Мюллер Г. 254
Мюллер Р. 104
Мюллер Э. 420
Мюнних Ф. 127, 307
Мюнценберг В. 382, 523, 529, 530, 659, 660, 662, 664
Мясников А. Ф. 295

- Нансен Ф. 459
 Наполеон 605
 Нариманов Н. Н. 137, 413, 445
 Наумов В. П. 689
 Нгуен Ай Куок 499
 Невский В. И. 64
 Нежинский Л. Н. 211, 214
 Не Жунчжэнь 436
 Нейрат А. 586
 Немец А. 221
 Немеш Д. 690
 Неру Д. 138
 Нефедов Н. В. 323
 Нечаев С. Г. 709
 Нёрлунд И. 161
 Нильсен М. 248
 Нисон Э. 641
 Нигти Ф. 336
 Новакович К. 562
 Ногин В. П. 57
 Нокс А. 303
 Нолау Г. 703, 704
 Носке Г. 193, 194, 196, 197, 199, 250, 277, 280, 281, 291, 402, 702
 Нуланс Ж. 124
 Ньювенгейс Д. 243
 Нуньес де Арена 502

 Оболенский В. В. (Осинский Н.) 107, 109
 Обрегон А. 424, 426
 Обрио 390
 Ованесьян С. А. 239
 Огура 160
 О'Коннор Х. 239
 Олар А. 338
 Олленхауэр Э. 586
 Онуфриев Е. П. 38
 Оппоков Г. И. (Ломов А.) 103, 107
 Орджоникидзе Г. К. 413
 Орлова М. И. 621, 623, 655
 Осипова Т. В. 60
 Оуэн Р. 612

 Пабст В. 194
 Павлов Д. А. 64
 Павлов И. П. 328
 Павлова Г. Е. 530
 Павлович (Вельтман, Волонтер) М. П. 410, 411
 Паиш С. 246, 247
 Пайпс Р. 695
 Пал Б. Ч. 431
 Панков Ю. Н. 503
 Панкратова А. М. 40
 Панкхерст С. 236, 366, 367, 383
 Паннекук А. 368, 508—510, 703
 Папаиоанну Э. 712
 Пардо Х. 425
 Пароди Дж. 491
 Парсель А. 340
 Пархоменко А. Я. 306
 Патель С. Дж. 430
 Пахомов С. И. 322
 Пейдль Д. 217
 Пэйер К. 216, 645
 Пелагич В. 223
 Пеничет А. 424
 Перейра А. 423
 Пери Г. 617
 Перфильев 94
 Пестковский С. С. 76
 Петерсон К. А. 296
 Петибридж Р. 695, 697
 Петров П. С. 241
 Петров С. 630
 Петровский Г. И. 79
 Пик В. 185, 193, 656
 Пилсудский Ю. 218, 296, 304, 340, 344
 Пинтос Р. 422
 Пиоло М. 233, 351, 493
 Писарев Ю. А. 223
 Пичугин А. К. 476
 Платтен Ф. 245, 254, 260, 502
 Плетнев В. Ф. 327
 Плеханов Г. В. 28
 Подбельский В. Н. 68
 Подвойский Н. И. 42, 64, 66, 121
 Пожарская С. П. 503
 Покровский М. Н. 106, 315, 482
 Поликарпов В. Д. 68, 72, 73

- Поллит Г. 236
Полтавский М. А. 146
Поляков Ю. А. 470, 472, 485
Пономарев Б. Н. 16, 27, 486, 610, 666, 680, 681, 689, 691, 705, 713
Попов Б. С. 225
Попов Д. И. 121
Пор Э. 208
Поранкевич Ч. 635
Постышев П. П. 306
Пристер Е. 149
Прощьян П. П. 80, 121
Прянишников Д. Н. 473
Пуанкаре Р. 615, 617, 618
Пудов И. 476
Пушкаш А. И. 209
Пын Мин 138
Пэн Бай 435
Пятаков Г. Л. 614
Пятницкий И. А. 68, 586
Пятс К. 297
- Рабкин Е. Л. 616
Рабчинский И. В. 72
Равера К. 572, 573
Радек К. Б. 272, 514, 515, 520, 521, 523, 530, 562, 563, 568, 576, 585, 586
Радчун Г. 173
Раевский П. И. 322
Разин С. 709
Разгон А. И. 78, 80
Рай Л. Л. 431, 432
Райсберг А. 147, 206, 207, 510—513, 557, 558, 565, 567, 569
Раков И. Ф. 113
Раковский Х. 214
Ракоши М. 530, 553, 586
Рамзин Л. К. 328
Раскольников Ф. Ф. 125
Рассел Б. 354, 355
Ратенау В. 570
Рахья И. 76
Рахья Э. 76
Раш Ф. 149
Рашин А. Г. 23, 325
- Реза-шах Пехлеви 446
Резников А. Б. 409
Рекабаррен Л. Э. 420, 422
Реннер К. 147, 167, 201, 203—205, 251, 381
Ренодель П. 153, 168, 176, 254, 256, 257, 360, 394, 545
Рену Д. 560
Рети Л. 215
Рид Дж. 67, 68, 76, 129, 159, 241
Роберто Р. 560
Родзянко М. В. 73
Рождественский Д. С. 328
Розалиев Ю. Н. 442
Розенберг А. 700
Розинь (Азис) Ф. А. 72
Розье 390
Ронг Э. 137
Рой М. Н. 410, 411, 414
Роланд-Гольст Г. 243, 527, 530
Роллан Р. 134, 154, 338, 673
Романовский Н. В. 693, 696
Романовы 183
Ронаи З. 402
Росмер А. 234, 389, 562
Ротцигель Л. 148, 205
Ротштейн Ф. А. 236, 262, 585
Рубинштейн Е. И. 149
Руге В. 490, 543, 621, 624
Рудаш Л. 208
Рудзутак Я. Э. 467
Руднев В. В. 69
Руднянский А. 272, 389
Руис Р. Э. 426
Рутгерс С. Ю. 368, 661
Рутенберг Ч. 241, 549
Рыжаков П. И. 323
Рыков А. И. 32
Рюруп Р. 702
Рябушинский П. П. 50
Рязанов Д. Б. 107
- Савинков Б. В. 73, 123
Савицкий Н. О. 117
Савокин А. М. 58
Садуль Ж. 154, 334, 338, 339

- Сакко Н. 548
Салинари К. 353, 492, 500, 572, 573
Салычев С. С. 168, 498, 644
Самба М. 168, 498
Самойлов Ф. Н. 70
Самуэли Т. 127, 209, 213—217
Санто Б. 208
Сапата Э. 426
Сардесаи Ш. Г. 138, 430, 432
Сато Митио (Асадо) 345
Сафронов В. П. 43
Свердлов Я. М. 64, 76, 78, 85, 123, 145, 194, 294, 295
Свинхувуд П. Э. 90, 141, 144
Севрюгина Е. А. 530
Севрюгина Н. Г. 514
Сегалл Я. 161, 495
Сеид Зия ад-дин 446
Секкья П. 336, 491
Сект Г. фон 621
Селунская В. М. 117
Семар П. 234, 498, 543, 544, 617
Семашко Н. И. 323
Семенов С. И. 421
Сердич Д. 127, 308
Серрарекс Р. 397
Серрати Д. М. 134, 155, 231, 387, 409, 500
Сидоров А. Л. 20, 21
Симановский А. А. 322
Сименс К. 489
Сиполс В. Я. 297
Сирола Ю. 142
Скобелев М. И. 28
Скоропадский П. П. 120
Скрыпник Н. А. 40, 73
Славен П. А. 127
Славин Г. М. 505
Смайлс Н. 530
Смидович П. Г. 121
Смирнов В. М. 144
Смирнов П. И. 323
Смэтс Я. Х. 214
Сноуден Ф. 168, 254, 392
Собинов Л. В. 111
Соколов А. А. 424
Соколов А. К. 21
Соркин Г. З. 413, 693, 700
Сорокин П. А. 300
Сохацкий Е. 635
Спиридонова М. А. 121
Спирин Л. М. 26, 28, 120, 121, 317
Сприано П. 155, 231, 353, 490, 492, 500, 537, 539, 572
Сталин И. В. 64, 79, 103, 268, 600—602, 614, 657
Стамболийский А. 178, 626, 627
Станиславский К. С. 111
Старцев В. И. 65
Стасова Е. Д. 413
Стаунинг Т. 247, 391
Степанов М. Д. 322
Стецкевич С. М. 219
Стиннес Г. 186, 489, 570, 615, 621
Столярова Р. 259
Стрем Ф. 553
Струве П. Б. 73
Струмилин С. Г. 309, 473
Стучка П. И. 68, 79, 272, 296
Суварин Б. 530, 586
Султан-Галиев Х. Г. 413
Султан-Заде А. 411, 414
Сумарокова М. М. 505
Сунь Ятсен 138, 434, 437—439
Сурков Е. Н. 117
Суслов М. А. 689
Суханов Н. Н. 605, 606
Субхи М. 444
Сухэ-Батор 461
Сэбайн Дж. Х. 698
Сэнки 235
Сюкияйнен И. И. 140

Таги-хан М. 446
Тагор Р. 431
Тайми А. 142
Тальгеймер А. 514, 518, 523, 560, 624, 655
Таннер В. 144, 145
Таннер Дж. 382
Тарле Г. Я. 660—662
Таска А. 231, 354

- Таубе фон 111
Тейлор Р. 641
Тейлор Ф. У. 110
Тельман Э. 200, 201, 497, 523, 570, 622, 624, 625, 663
Темкин Я. Г. 258
Терещенко М. И. 26
Террачини У. 231, 336, 354, 492, 500, 521—523, 527, 560
Тилак Б. Г. 430, 431
Тимирязев К. А. 111, 327, 328
Тимофеев Т. Т. 689, 694
Тиссен Ф. 489, 620, 625
Тихун А. Т. 331
Тишев Д. 628
Тойблер А. 281
Токой О. 140
Токуда Кюити 647
Толлер Э. 198
Тольятти П. 231, 233, 491
Тома А. 153, 168, 254, 391, 392, 498
Тон Дык Тханг 335
Топеха П. П. 160, 647
Торнийainen Э. 142
Травин (Слетов) П. И. 164
Транмель М. 247
Тревес К. 155
Трир Г. 248
Троцкий Л. Д. 32, 64, 79, 101, 104, 107, 321, 466, 467, 516, 561, 575, 590
Трукан Г. А. 87
Трульстра П. 242, 243, 254, 391, 394, 395, 650
Тунчай М. 442
Туньон де Лара М. 339, 502
Туполев Б. М. 258
Турати Ф. 155, 356
Турок В. М. 148, 204
Тусар В. 221, 504
Тухачевский М. Н. 125, 127
Тыменецкая А. 634, 636
Тэраути М. 161
Уимбуш С. Э. 698
Ульман Р. 299
Ульманис К. 296
Унгерн Р. Ф. 461
Ундасынов И. Н. 236, 340, 341, 502, 645
Унк Г. 225
Уншлихт И. С. 76
Уолфф Р. 694
Уолхед Р. К. 402
У Пэйфу 438
Урбанс Г. 569, 577
Урицкий М. С. 64, 103, 107, 123, 375
Уркарт Л. 596
Устинов В. А. 21
Устрялов Н. В. 482
Уэллс Г. 317, 673
Фабр А. 544
Файнсод М. 27
Фахардо С. В. 427
Федер Г. 540
Федоров И. В. 323
Федосеев П. Н. 689
Федюкин С. А. 111, 112, 328
Фекете Р. 307
Фердинанд I Кобургский 178
Феррара М. 491
Ферро М. 694—697
Филипович Ф. 386
Фиммен Э. 361, 396, 566, 585, 618
Фирсов Ф. И. 367, 368, 504, 515, 560
Фишер А. 188
Фишер Р. 511, 569, 577
Флехтгейм О. 700, 704
Флорин В. 497
Фор П. 401, 498, 545, 563
Фостер У. З. 158, 239, 242, 494, 547, 548, 550, 584, 646
Фош Ф. 196
Франс А. 338, 659, 673
Фревилль Ж. 498
Фрей Б. 149
Фрейдлин Б. М. 22
Френсис Д. 124
Фрёлих П. 514

- Фридман Л. А. 454
 Фридхейм Р. Л. 239
 Фрисланд Э. (Рейтер) 511
 Фролов И. Т. 677
 Фроссар Л.- О. 154, 254, 544, 562, 586
 Фругони Э. 421
 Фрунзе М. В. 41, 71, 306, 443, 601
 Фрэ Ш. 244
 Фуад I 454
 Фурманов Д. А. 70, 125
 Фучен Ж. 307

 Хаапалайнен Э. 140
 Хабеданк Г. 197, 623
 Хаджиниколов В. 488
 Хайдар-хан Аму-оглы 445, 446
 Хайду Т. 148
 Хаммер А. 596
 Харпандарян С. В. 600, 601
 Хасанагич Е. 224
 Хатт А. 494
 Хаттори Сисо 648
 Хаутман Х. 148, 202, 204
 Хаффнер С. 702
 Хевеши Д. 148
 Хейвуд У 158, 159, 548, 661
 Хейфиц А. Н. 461
 Хейфорд К. 448
 Хесин С. С. 42
 Хёглунд Ц. 136
 Хиабани М. 445
 Хилл Д. 158
 Хинчук Л. М. 595
 Хитаров Р. 586
 Хобсбом Э. 693
 Холодковский В. М. 140, 141, 143
 Хольман 304
 Хорти М. 149, 217, 649, 650
 Хорчански Г. 512, 619
 Хо Ши Мин 429, 499
 Хусто Х. Б. 420

 Цайгнер Э. 623, 625
 Цай Хэсэнь 436
 Цанков А. 628—630

 Церетели И. Г. 28, 39, 82
 Цеткин К. 150, 170—172, 190, 197, 200, 342, 496, 498, 511—513, 515—517, 523, 527, 530, 533, 561—563, 573, 575, 582, 586, 616, 619, 656, 657, 659, 662
 Циолковский К. Э. 111
 Цыпкин Г. А. 69
 Цыпкина Р. Г. 69
 Цюй Цюбо 435

 Чапасев В. И. 125
 Чариков Т. М. 476
 Частек С. 127, 308
 Чеверев А. М. 306
 Чернейко Г. А. 628
 Чернов В. М. 37, 82, 85
 Черномаз И. Ш. 59
 Чернуха З. В. 351, 498, 544, 643
 Черны Я. 504
 Черчилль У 289, 303
 Чеснов С. 476
 Чехарин Е. М. 689
 Чжан Готао 436
 Чжан Тайлэй 435
 Чжоу Эньлай 436
 Чичерин Г. В. 79, 259, 459, 483, 590, 592
 Чопич В. 223
 Чопп Э. 127
 Чубарь В. Я. 95
 Чудновский Г. И. 66
 Чулинович Ф. 149
 Чумаков М. 476
 Чхеидзе Н. С. 28
 Чэнь Дусю 435, 436
 Чэнь И 436

 Шаблин Н. 413
 Шаллаи И. 148
 Шамиде И. А. 445
 Шамсуддинов А. М. 443, 444
 Шапиро Л. 704
 Шапошников Б. М. 125
 Шаститко П. М. 409, 413, 414
 Шателен М. А. 328

- Шаумян С. Г. 57, 58, 74, 123
Шацкин Л. А. 586
Шеель В. 706
Шейдеман Ф. 150, 170, 176, 179,
184, 185, 193, 196, 251, 277, 394,
570, 655
Шейнин В. И. 103
Шеффер Х. И. 242, 243
Шик Э. 448
Шиллер Р. 529
Шинуэлл Э. 401
Шириня К. К. 386, 389, 515, 520
Шитов Н. Ф. 660
Шкаратап О. И. 23, 309
Шлихтер А. Г. 79
Шляпников А. Г. 79, 466
Шмераль Б. 503, 562, 567, 577
Шмераль Я. Б. 221
Шнейдер И. 512, 615
Шоу Б. 659, 673
Шоу Т. 391, 563, 650
Шрейнер А. 131
Штейн А. 166
Штейн-Каменский 577
Штейнбах А. 208
Штейнберг И. З. 80
Штёккер В. 497, 586, 616
Штрандман О. 298
Штреземан Г. 621, 623, 625
Штромфельд А. 216
Штурм де Штрем Т. 219
Шульгин Е. Я. 328
Шульговский А. Ф. 421
Шушник К. 207
Шюллер Р. 148
Щорс Н. А. 125
Эберлейн Г. (Альберт) 260, 261, 269,
622
Эберт Ф. 150, 179, 185, 186, 193,
196, 277, 349, 543, 621, 655, 702
Эггер Х. 136, 244, 245, 254, 502
Эггерт З. К. 131
Эйзенбергер И. 281
Эйнштейн А. 659
Эйснер К. 198, 254, 255
Эйхгорн Э. 193, 497
Элленбоген В. 254
Элленштейн Ж. 694, 695
Эльдерш 206
Эмбер-Дро Ж. 530
Энгельс Ф. 8, 20, 47, 51, 77, 97, 412,
518, 542, 667, 672—676, 680, 684,
688, 705, 706, 710
Эпплтон У. 361
Эртцен П. фон 702
Эрцбергер М. 543, 570
Юденич Н. Н. 145, 298, 303, 304,
469
Юнь Даийн 435
Яжборовская И. С. 173, 183, 219,
220, 636
Язьков Е. Ф. 241
Якир И. Э. 125
Яноушек А. 215
Янчик Ф. 208
Ярославский Е. М. 68, 106
Ярош Б. 307

Книга подготовлена к изданию
группой научных сотрудников
Института всеобщей истории АН СССР

В редакционно-технической
и вспомогательной работе участвовали:

Р. М. КАПЛАНОВ
М. Б. КОРЧАГИНА
Т. Л. ЛАБУТИНА
В. Н. МОСЕЧКИНА
А. Б. ЧЕРНОВ

Бригадир тома

А. П. МОСКАЛЕНКО

Составитель именного указателя

Л. В. ТАРЛЕЦКАЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
------------------------------	---

Часть первая

КОРЕННОЙ ПОВОРОТ В СУДЬБАХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	19
--	----

Глава первая

РАБОЧИЙ КЛАСС ИДЕТ К ВЛАСТИ	20
РОССИЙСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ	—
ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН ПЕРЕРАСТАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ	25
МИРНЫЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ	36
ПРОБЛЕМЫ ПОДХОДА И ПЕРЕХОДА К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	46
КУРС НА ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ	55

Глава вторая

ПОБЕДА ОКТЯБРЯ	66
ПРОЛЕТАРИАТ БЕРЕТ В РУКИ ВЛАСТЬ	—
ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	69
СТРОИТЕЛЬСТВО РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА	77
ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ	93
БОРЬБА СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЗА МИР	99
ПЛАН СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА	108
ОБОСТРЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	115

Глава третья

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ	129
МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЗОНАНС ОКТЯБРЯ	—
РАБОЧАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ФИНЛЯНДИИ	139
НОВАЯ СТУПЕНЬ АНТИВОЕННОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ В СТРАНАХ КАПИТАЛА	145

РУССКИЙ ОПЫТ И ЗАРУБЕЖНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ	164
НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ . .	176

Глава четвертая

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ	184
НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ	—
АВСТРИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	201
ВЕНГЕРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА	207
БОРЬБА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	217
СОЦИАЛЬНЫЕ БИТВЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И США	228

Глава пятая

ДВА КУРСА В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИ- ЖЕНИИ	249
РАЗМЕЖЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ С РЕФОРМИСТАМИ	—
ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА	258
КОНФРОНТАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ И РЕФОРМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИЙ	273
УРОКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА	288

Часть вторая

РАСШИРЕНИЕ ФРОНТА БОРЬБЫ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА	293
---	-----

Глава шестая

ЗАЩИТА РЕСПУБЛИКИ СОВЕТОВ	294
ПРОТИВ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ	—
«ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ»	308
ПРАВЯЩИЙ КЛАСС	318
ДВИЖЕНИЕ «РУКИ ПРОЧЬ ОТ РОССИИ!»	332

Глава седьмая

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНГАРД И НАРОДНЫЕ МАССЫ	347
ИЗМЕНЕНИЕ РАССТАНОВКИ СИЛ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ	—
ЛЕНИН О ЗАВОЕВАНИИ БОЛЬШИНСТВА И О ДЕТСКОЙ БО- ЛЕЗНИ «ЛЕВИЗНЫ» В КОММУНИЗМЕ	362

ОСНОВЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ	375
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКТИВНОСТЬ РЕФОРМИСТОВ	390

Глава восьмая

РАБОЧИЙ КЛАСС И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИ- ТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ	404
КОМИНТЕРН И НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС	—
КЛАССОВЫЕ БИТВЫ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ПРОЛЕТА- РИАТА	418
РАБОЧИЕ АЗИИ И БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ОСВОБОЖ- ДЕНИЕ	427
ТРУДЯЩИЕСЯ АФРИКИ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА	447

Часть третья

РАБОЧИЙ КЛАСС В НОВЫХ УСЛОВИЯХ	457
--------------------------------	-----

Глава девятая

ПЕРЕХОД ОТ ШТУРМА К ОСАДЕ	458
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ . . .	—
ПОИСК НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	465
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И БОРЬБА В СТРАНАХ КАПИ- ТАЛА	486
КОНСОЛИДАЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ	496
БОРЬБА ПРОТИВ «ЛЕВОЙ» ОПАСНОСТИ	507
ЛОЗУНГ КОММУНИСТОВ: «В МАССЫ!»	517

Глава десятая

ПРОБЛЕМЫ ЕДИНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОЛЕТАРИАТА	536
НАСТУПЛЕНИЕ КАПИТАЛА И УГРОЗА ФАШИЗМА	—
ТАКТИКА ЕДИНОГО РАБОЧЕГО ФРОНТА	550
КОНФЕРЕНЦИЯ ТРЕХ ИНТЕРНАЦИОНАЛОВ	555
ИДЕЯ РАБОЧЕГО И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИ- ТЕЛЬСТВА	569

Глава одиннадцатая

ОБРАЗОВАНИЕ СССР. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОИ В ЕВРОПЕ	587
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЕ СОВЕТ- СКИХ РЕСПУБЛИК	—

ЛЕНИН О МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПОСТРОЕНИИ СОЦИАЛИЗМА В СССР	604
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС 1923 г. В ГЕРМАНИИ	615
АНТИФАШИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ В БОЛГАРИИ	626
ЗАБАСТОВОЧНАЯ БОРЬБА В ПОЛЬШЕ	632
АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИРЛАНДИИ	639
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СПАДА	642
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ	657

Глава двенадцатая (заключительная)

МЕЖДУНАРОДНАЯ РОЛЬ ЛЕНИНИЗМА	667
ЛЕНИН И МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС	—
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКУЮ ЭПОХУ	676
В ЦЕНТРЕ ИДЕЙНЫХ БИТВ	688
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	714

Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 4. Великий Октябрь и международный рабочий класс/Редкол.: В. В. Загладин (отв. ред.) и др.; Введ. Б. Н. Пономарева. — М.: Мысль, 1980.—732 с. — В надзаг.: АН СССР. Ин-т всеобщ. истории.
В пер.: 3 р. 90 к.

В томе исследуется коренной поворот в судьбах человечества, начало новой эпохи всемирной истории, открытой Великим Октябрем. Всесторонне анализируются революционный подъем 1917—1923 гг., новый этап международного рабочего движения и строительство первого социалистического государства, революции в центре Европы, противоборство революционной и социал-реформистской тенденций, разработка стратегии, тактики и организации коммунистического движения, в том числе проблем единого рабочего фронта, национально-освободительной борьбы. В центре внимания роль В. И. Ленина как величайшего теоретика и вождя мирового пролетариата, а также международная роль ленинизма.

М 10300-205
004(01)-80 подписное

ББК 63.3 (0) 61
9 (М) 71

ИБ № 598

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Том четвертый

**ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ
И МЕЖДУНАРОДНЫЙ
РАБОЧИЙ КЛАСС**

Заведующий редакцией А. Л. ЛАРИОНОВ

Редактор Г. П. НОВИКОВА

Младший редактор А. П. ОВСЕПЯН

Оформление художника В. М. ДОБЕРА

Художественный редактор И. А. ДУТОВ

Технический редактор Л. П. ГРИШИНА

Корректоры Н. С. ПРИСТАВКО и З. В. ОДИНА

Сдано в набор 30.06.80. Подписано в печать 24.09.80. А02447. Формат 60×90/16.
Бумага типогр. № 1. Гарнитура обычнов. нов. Высокая печать. Усл. печатных листов 46.
Учетно-издательских листов 51,58. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1842. Цена 3 р. 90 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

НОВЫЕ КНИГИ

В 1981 г. издательство «Мысль» выпускает в свет:

Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Глав. ред. комиссия: Б. Н. Пономарев (пред.) и др.

Т. 5. Во главе строительства социализма и мирового общественного прогресса.

В томе исследуются проблемы международного рабочего движения в период от начала строительства социализма в СССР и до победы над фашизмом во время второй мировой войны. Основное внимание уделяется рассмотрению созидательной деятельности советского рабочего класса, революционной борьбе и национально-освободительному движению, а также роли международного пролетариата как руководителя всех сил демократии и общественного прогресса в национально-освободительной борьбе против стран фашистской оси.

Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Глав. ред. комиссия: Б. Н. Пономарев (пред.) и др.

Т. 6. Рабочее движение в развитых капиталистических странах после второй мировой войны (1945—1979).

В томе исследуются проблемы развития рабочего и демократического движения в развитых капиталистических странах, прослеживаются процессы распространения влияния марксизма, усиления роли рабочего класса, укрепления коммунистических партий и профсоюзных организаций, изменения их стратегических и тактических установок. Особое внимание уделяется воздействию мировой социалистической системы, ее политики мирного сосуществования на развитие революционного и демократического движений в развитых капиталистических странах.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Предварительные заказы на большинство книг издательства «Мысль» принимают магазины, распространяющие общественно-политическую литературу.

Если вышедшей книги в местном книжном магазине не оказалось, посылайте заказы в отделы «Книга — почтой» местного книготорга.